

**Уральский государственный университет имени А. М. Горького
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия**

Е. Г. НЕКЛЮДОВ

**УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЧИКИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
ВЛАДЕЛЬЦЫ И ВЛАДЕНИЯ**

**Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н. А. Миненко**

**Нижний Тагил
2004**

УДК 94(470.4/.5)"18"
ББК 63.3(235.55)47-2
Н476

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 04-01-83111а/У

Рецензенты:

доктор исторических наук Т. К. Гуськова,
доктор исторических наук А. С. Черкасова,
ответственный секретарь Международного Демидовского фонда Н. Г. Демидова

Н476   **Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения.** – Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004. – 597 с.; 24 с. ил.
ISBN 5-8299-0030-0

В монографии воссоздается исторический образ и определяется роль уральских заводчиков в развитии крупнейшего металлургического региона России в первой половине XIX в. Автор рассматриваются правовые условия функционирования уральской промышленности в изучаемый период и вытекающие отсюда права и обязанности заводчиков и политика государства. Преимущественно на основе новых исторических источников реконструируются практики владения всех родов заводчиков и определяется персональный состав владельцев. В аналитической части работы применяются различные варианты социальной стратификации заводчиков и определяются особенности и результаты выполнения ими своих базовых функций владения и управления. Осуществляется также опыт многомерной типизации горнозаводских округов и их владельцев, который и становится отправной точкой оценки исторической роли заводчиков.

Издание адресовано историкам и студентам высших учебных заведений, а также всем, кто интересуется историей Урала и России.

ISBN 5-8299-0030-0

© Неклюдов Е. Г., 2004
© Нижнетагильска государственная
социально-педагогическая академия, 2004

Введение

Рубеж тысячелетий ознаменован утверждением новой парадигмы гуманитарного знания, выдвинувшей на первый план значение антропоцентричного подхода в исторической науке¹. Его приложение к изучению главного объекта уральской историографии – горнозаводской промышленности региона – обращает историков в первую очередь к исследованию наиболее значимых и отчетливо персонифицируемых “действующих лиц” истории этой промышленности – заводовладельцев. Не приходится сомневаться, что от “экономического поведения” владельцев во многом зависели характер, динамика и итоги развития принадлежавших им промышленных хозяйств. Несомненно и то, что историческая эпоха и создаваемые ею экономические условия и культурные ориентиры во многом определяли исторический образ заводчиков и не могли не влиять на специфику выполнения ими своих базовых функций. В длительной и сложной эволюции уральской горнозаводской промышленности, включавшей периоды подъема, расцвета и упадка, этот образ не мог не меняться. Соответственно, менялась и роль заводовладельцев в истории крупнейшего промышленного региона России.

Наше исследование посвящено заводчикам первой половины XIX в., периода далеко неоднозначного и сравнительно слабо изученного в контексте истории российской и уральской экономики. С одной стороны, оно связано с давней традицией изучения горнозаводской промышленности Урала и в этом ракурсе входит в ряд многочисленных исследований, берущих начало еще со времен становления самой промышленности и актуализированных ее недавним 300-летним юбилеем. С другой стороны, наша работа ориентирована на изучение особого, “личностного”, аспекта развития горнозаводской промышленности, определившегося в качестве самостоятельного предмета исторического исследования лишь в последние годы. В этом ключе она отражает новейшие тенденции в развитии отечественной историографии и входит в круг пока немногочисленных работ, связанных со становлением исторической антропологии².

Сопряженность “традиционного” и “модернистского” ракурсов в исследовании уральских заводчиков первой половины XIX в. реализуется в таком понятии, как частное предпринимательство, трактуемом большинством историков и экономистов как особый вид индивидуальной или коллективной экономической деятельности, направленный на извлечение прибыли³. В этой связи определяется актуальность темы не только с методологической и историографической точек зрения, но и в виду переживаемого Россией исторического этапа, когда частное предпринимательство вновь становится существенной доминантой общественного развития и именно с ним ассоциируются у многих надежды на скорое возрождение страны⁴.

На новейшем этапе развития отечественной историографии научный интерес к истории российского предпринимательства реализовался в изданиях сборников статей, научно-популярных очерков и даже обобщающих трудов. В них рассматриваются различные эпохи развития российского предпринимательства⁵, исследуются региональные аспекты или разнообразные сюжеты этой богатейшей истории (в частности, менталитет и культура, благотворительность и меценатство предпринимателей)⁶, воссоздаются биографии людей или родов российского бизнес-слоя⁷. Характерной особенностью этих работ является в целом верное представление о том, что основным предпринимательским слоем

русского общества являлось купечество, в то время как дворянство “оказалось наименее восприимчивым к предпринимательству и обратилось к нему лишь в условиях упадка феодально-крепостнических отношений”⁸.

Позитивным следствием этого стало первоочередное внимание к истории купечества, что позволило значительно продвинуть вперед изучение этого действительно значимого слоя русского общества. Негативным следствием оказалась малоизученность темы дворянского предпринимательства в целом и деятельности уральских заводчиков (которые уже к концу XVIII в. в основном принадлежали к дворянству), в частности. В результате из научного внимания фактически полностью ускользает история крупного промышленного предпринимательства крупнейшего металлургического региона России.

Не будет преувеличением сказать, что история Урала во многих своих аспектах представляет не узко-региональную, а общенациональную ценность. Практика освоения огромных пространств и богатейших природных ресурсов региона интересовала и интересует специалистов различных отраслей знания от археологии и истории до новейшей экономики, геополитики и культурологии. Большой интерес в качестве объекта исследования историков разных периодов отечественной историографии вовсе не случайно вызывает уральская горнозаводская промышленность. И не только потому, что она на протяжении трех веков играла ведущую роль в экономике региона и влияла на все стороны его жизни, но и потому, что являлась своего рода “зеркалом” тех процессов, которые проходили в стране и мире на этапе становления и развития индустриального общества и характерного для него предпринимательского слоя⁹.

В длительной истории изучения уральской горнозаводской промышленности выявляются, на наш взгляд, два основных подхода, которые условно можно назвать “структурным” и “системным”, каждый из которых применялся исследователями в определенных (широких или узких) хронологических и географических рамках.

Первый подход характеризует это сложноорганизованное производство по какому-то одному или нескольким факторам развития – технико-технологическому¹⁰, организационно-географическому¹¹, организационно-управленческому¹² или экономическому¹³. Широким диапазоном тем – от истории рабочих и служащих и их борьбы¹⁴ до этнографических, демографических и генеалогических исследований населения горнозаводских центров¹⁵ – представлен социальный аспект изучения уральской промышленности. В основном в рамках “структурного” подхода написаны также работы, посвященные отдельным отраслям промышленности¹⁶, регионам Урала¹⁷ или группам заводов¹⁸.

Приоритет “структурных” исследований горнозаводской промышленности закономерно вытекает из сложности и длительности существования самого объекта изучения. Обобщение огромного потенциала многочисленных исследований такого рода позволило историкам создать общие картины развития горнозаводской промышленности Урала в коллективных трудах начала 1960-х, рубежа 1980–1990-х и начала 2000-х гг.¹⁹ Но, сложенные из отдельных фрагментов, эти “образы” промышленности отличаются известной мозаичностью и не дают убедительного представления об эволюции промышленности, ее стадиях, особенностях и закономерностях развития. Понимание этого предопределило интерес историков к поиску такого – “системного” – подхода к изучению горнозаводской промышленности, который бы позволил за множественностью разнообразных фактов увидеть суть происходивших в тот или иной период процессов.

Поиск системообразующего явления, в котором бы отразилось сочетание и взаимодействие разнообразных факторов развития промышленности, начался еще во второй половине XIX в. и был связан с попытками понять причину наступившего тогда кризиса. В работах В. Д. Белова впервые прозвучал термин “заводско-окружной” или “оригинальный” строй уральской промышленности, откуда он был заимствован В. И. Лениным в известном труде “Развитие капитализма в России” и превращен в наполненное глубоким смыслом понятие, ставшее объектом пристального внимания советских историков²⁰. Из всех трактовок этого понятия наиболее продуктивным и перспективным нам представляется та, которая легла в основу концепции окружной организации горнозаводской промышленности, теоретически обоснованной в работах В. В. Адамова и Т. К. Гуськовой²¹.

В соответствии с ней, вся горнозаводская промышленность уральского региона рассматривается как система горнозаводских округов, а каждый округ как особая многоотраслевая, многоформная и многоукладная производственная и социальная структура, обладающая системообразующими свойствами – самообеспеченностью и самодостаточностью. Представляя окружную организацию как особую форму существования крупного мануфактурного производства в специфических природных, экономических и демографических условиях Урала, этот подход дает возможность для системного анализа различных сторон развития горнозаводской промышленности в их взаимосвязи. Он также позволяет увидеть диалектику этого развития, связанную с противоречивым влиянием окружной организации на эволюцию самой металлургической мануфактуры. Как считает Т. К. Гуськова, окружная система способствовала раскрытию широких возможностей этой мануфактуры, но в то же время ограничивала ее развитие тесными рамками мануфактурных производственных связей и “крепостной” организации труда. В результате после вполне закономерного подъема промышленности столь же закономерным стал ее упадок при особо сложном и длительном переходе от мануфактурной к индустриальной стадии развития.

В этом контексте историю горнозаводской промышленности Урала можно разделить на три периода, соответствующих основным этапам развития ее окружной организации: становление в XVIII в., наивысший расцвет в конце XVIII – первой половине XIX в. и кризис во второй половине XIX – начале XX в. Во второй период в полной мере раскрылись все достоинства сложившейся окружной системы в результате достижения относительного равновесия всех ее “параметров” (технических, экономических, социальных), но в то же время начали выявляться и ее внутренние противоречия, ставшие причиной нарушения равновесия и последующего кризиса. В этой связи первая половина XIX в. может рассматриваться и как переходный период в развитии горнозаводской промышленности Урала.

Такой “системный” подход нашел практическое применение в исследованиях Б. Б. Кафенгауза, М. П. Вяткина, С. И. Сметанина, Ю. А. Буранова, Т. К. Гуськовой, Л. В. Сапоговской и, судя по новейшим обобщающим работам, становится все более признанным в ураловедении (хотя трактовка понятия “окружной системы” у отдельных авторов различается)²². Как наиболее перспективный и многое объясняющий, он положен и в основу нашего исследования владельцев уральских горнозаводских округов. В контексте концепции окружной системы заводчику находится вполне определенное функциональное место и он может быть подвергнут научному анализу как один из важнейших элементов этой системы, вместе с ней развивающийся и изменяющийся. Можно сказать, что наша

работа находится на стыке “структурного” и “системного” подходов, поскольку связана с изучением социального (и, в частности, личностного) аспекта развития горнозаводской промышленности, анализируемого в рамках концепции окружной организации (как разновидности системного подхода).

Наше исследование направлено на воссоздание исторического образа и определение роли заводчиков в развитии горнозаводской промышленности Урала в первой половине XIX в. Для достижения цели последовательно реализуются следующие задачи: изучаются представления об уральских заводчиках и их исторической роли, сложившиеся на различных этапах развития историографии темы; анализируются правовые условия функционирования частной горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. и вытекающие отсюда права и обязанности заводчиков и политика государства; реконструируются практики владения всех родов уральских заводчиков и определяется персональный состав владельцев; применяются различные варианты социальной стратификации заводчиков и определяются особенности и результаты выполнения ими базовых функций владения и управления; осуществляется опыт типизации горнозаводских округов и их владельцев, который и становится отправной точкой оценки исторической роли заводчиков первой половины XIX в.

Объектом исследования являются владельцы всех уральских горнозаводских округов, определяемые синонимичными понятиями “заводчик” или “заводовладелец”. Сложность объекта заставляет нас рассматривать его в нескольких ракурсах в зависимости от решения конкретных задач исследования. Во-первых, отталкиваясь от распространенного представления о том, что в России была ярко выраженной фрагментация общества²³, мы рассматриваем заводчиков в виде особой социо-правовой группы, организующим признаком которой являлось наличие у ее членов металлургических заводов в собственности*. Этот фундаментальный признак придавал заводчикам и особый правовой статус, вытекавший из специфики их социальной роли и искусственно фиксируемый государством в горнозаводском законодательстве. Во-вторых, при реконструкции практик владения заводчики рассматриваются нами персонально, но не обособленно, а в меняющемся составе естественно сложившихся к началу XIX в. или в течение первой его половины родов**, члены которых были связаны между собой семейными узами (за исключением нескольких лиц, представленных в составе заводчиков в единственном лице). Такой взгляд представляется вполне целесообразным постольку, поскольку исследованию подвергается институт наследственной собственности, сложившийся не в изучаемый, а в предшествующий исторический период и развивающийся в первой половине XIX в. В этом ракурсе роды заводчиков предстают в виде, так сказать, совокупных “действующих лиц” истории. В-третьих, при генерализации полученной информации в аналитической части работы мы рассматриваем заводчиков в виде операционной совокупности всех выявленных в ходе исследования родов и лиц, исчисленной как за весь изучаемый период, так и за рубежные годы.

---

* Для нашего исследования наиболее приемлемой является трактовка собственности как юридической категории (Собственность в России. Средневековье и раннее новое время. М., 2001; Сычев Н. В. Многоукладная экономика: Политико-экономическое исследование. М., 1999).

** Родом мы считаем группу заводчиков, объединенных родством по прямой или боковой линиям и представленных в истории владения заводами хотя бы двумя поколениями (Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читаемые в Московском археологическом институте. Репринтное издание. М., 1994).

Предметом исследования является практика владения заводчиками горнозаводскими округами Урала в первой половине XIX в. Термином “практика владения” мы определяем особый род деятельности заводчиков, связанный с реализацией ими своих владельческих прав. Изучение объекта в контексте практик владения представляется нам способом, наиболее приемлемым для достижения цели и задач исследования, поскольку заводчики интересуют нас не во всех своих индивидуальных жизненных “проявлениях” (имеющаяся информация об этом, конечно, не игнорируется, но рассматривается как дополнительная), а в специфической роли владельцев уральских заводов. В этом ракурсе их история (или история их родов) преломляется через анализ именно той стороны деятельности, которая напрямую была связана с осуществлением этой роли, то есть через практики владения. Реконструкция всей множественности “родовых” и “персональных” практик владения позволяет не только четко обозначить объект (то есть выявить всю совокупность заводчиков), но и накопить обширную и разноплановую информацию о движении заводской собственности (обстоятельствах перехода по наследству, разделах, продажах), финансовом состоянии заводов и его ресурсной базе (прибыли, казенные или частные кредиты), формах “хозяйственного” (самими владельцами) и “нехозяйственного” (с участием казны или общественных институтов) управления, а также об отношениях с горнозаводским населением. Эти характеристики позволяют, на наш взгляд, объективно судить об эффективности конкретных практик владения и персональной роли заводчиков.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину XIX в., трактуемую, исходя из концепции окружной организации заводского хозяйства, как особый переходный период развития уральской горнозаводской промышленности. Но, поскольку начало или окончание владения того или иного заводчика далеко не всегда совпадали с начальной (1800 г.) или конечной (которой традиционно и вполне обоснованно считается в историографии рубежный для России и Урала 1861 год) хронологическими рамками исследования, нам приходилось обращаться к несколько более раннему или более позднему времени в случае, если это было необходимо для решения поставленных задач.

Территориальные рамки работы определяются признаком подчиненности всех 50 частных горнозаводских хозяйств, существовавших в первой половине XIX в., Пермскому (1807–1831 гг.) и Уральскому (с 1832 г.) Горным правлениям. Находясь в юрисдикции этих региональных органов горной власти, горнозаводские округа представляли во всей своей совокупности не только некое административно-хозяйственное, но и историческое единство, которое можно назвать Горнозаводским Уралом, а владельцев этих округов – уральскими заводчиками или заводовладельцами. Большее число этих хозяйств (47) располагалось на территории трех “уральских” губерний – Пермской (22), Оренбургской (19) и Вятской (6); три округа находились на границе уральских и сопряженных с ними Вологодской и Казанской губерний.

Сложность изучаемого объекта и поставленных задач предопределили использование комплекса подходов и методов исследования²⁴. Как уже упоминалось, основным для нас является системный подход и метод. Для анализа объекта исследования и объяснения происходивших с ним изменений он реализуется посредством использования концепции окружной организации горнозаводской промышленности, которая позволяет, во-первых, четко определить базовые функции заводчика и понять специфику их выполнения в условиях Урала и, во-вторых, объяснить эволюцию исторического образа заводчиков и их

роли, во многом зависящей от уровня развития самой формы организации горнозаводской промышленности. Как система взаимосвязанных и взаимообусловленных прав и обязанностей рассматривается и “юридическая сторона” частного владения горнозаводскими округами в первой половине XIX в.

Использование системного подхода определило также логику исследования, в котором сложный объект последовательно подвергается структурному и функциональному анализу. На первом уровне генерализации полученной информации осуществляется разноплановая стратификация заводчиков и выделение и систематизация наиболее значимых для всех заводовладельцев “болевых точек” практик владения, выявленных при реконструкции этих практик и связанных с выполнением ими своих базовых функций. Обобщенные данные дают возможность на втором уровне генерализации осуществить многомерную типизацию горнозаводских округов и их владельцев, которая и позволяет воссоздать “идеальный” и “реальный” образ и определить историческую роль заводчиков.

В этом случае применяются историко-сравнительный и историко-типологический методы. Для процедуры компаратива нами конструируется абстрактно-логический тип “идеального” заводчика*. Его свойства отвечают сложившемуся на основе обобщения всех практик владения представлению о таком заводчике, деятельность которого (или “экономическое поведение”)** при реализации своих владельческих функций была адекватна характеру переживаемой эпохи и способствовала успешному развитию хозяйства. Опыт типизации заключается в соотношении с этим “идеальным” типом всех владельцев уральских горнозаводских округов первой половины XIX в., исходной базой для чего служат выявленные характеристики конкретных практик владения, обобщенные в таблицах. Историко-сравнительный метод используется также при выяснении исторических условий функционирования горнозаводских округов и деятельности их владельцев в первой половине XIX в. и, в частности, при определении различий двух форм заводской собственности, прав и обязанностей посессионеров и вотчинников.

“Родовой” принцип закономерно придал той части работы, в которой реконструируются практики владения, характер микроисторического исследования. Применение в данном случае микроподхода определяется, во-первых, тем, что обращение к истории рода заводчиков (или к отдельной личности) позволяет изучить практику владения заводами “предельно интенсивно, со всеми возможными подробностями, во всех... возможных связях и взаимодействиях”²⁵. Только так можно выявить всю совокупность заводовладельцев первой половины XIX в., определить основные характеристики практик владения, а также мотивы поступков, связанных с реализацией владельцами своих функций. Во-вторых, использование микроподхода представляется нам возможным, поскольку каждая из этих практик являлась отражением особенного и общего в деятельности заводовладельцев и была в той же степени уникальна, сколь и типична. Каждая из них

---

* Понятие “идеальный тип” было введено М. Вебером для обозначения абстрактной конструкции, создаваемой в целях исследования типических свойств изучаемых объектов (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 307 и др.).

** Теоретические проблемы бихевиористических типологий разрабатывались М. Вебером (Избранные произведения. М., 1990), В. Зомбартом (Буржуа. М., 1994), П. Я. Гальпериным (Введение в психологию. М., 1976).

дополняет общую картину и (при использовании системного макроподхода) дает основание для воссоздания как обобщенного образа заводчика, так и всей множественности типов заводовладельцев первой половины XIX в.

Существенно расширяет возможности нашего исследования использование достижений смежных наук. Так, при изучении правовых норм, регулировавших деятельность заводов и заводчиков, применялись методы историко-правовых исследований²⁶, а при определении объектов исследования – методы генеалогии (в частности, реконструкция родов заводчиков с помощью генеалогических схем)²⁷. Для оценки типа “хозяйственного” управления заводами мы основывались на теории менеджмента, разработанной американским экономистом А. Чендлером. Он выделял два основных типа управления предприятием: “предпринимательский”, характерный для компанейского или семейного бизнеса, когда на нижнем и среднем этапах управленческой иерархии работали наемные служащие, а собственники оставались высшими администраторами, и “менеджерский”, когда собственники полностью передавали свои управленческие функции наемным специалистам²⁸.

Поставленные задачи и выбранные способы их достижения определили структуру исследования, в котором первая глава посвящена анализу историографии темы и характеристике использованных источников. Вторая глава отводится для выяснения правовых аспектов владения частными горнозаводскими округами Урала в первой половине XIX в. и динамики их статусных групп (посессионные, владельческие заводы). В третьей и четвертой главах определяется персональный состав и реконструируются практики владения всех родов уральских заводчиков на протяжении изучаемого периода. Обширная информация этой части исследования является своего рода “базой данных” для пятой главы, в которой проводится стратификация заводчиков по нескольким критериям и рассматриваются особенности и итоги выполнения ими своих базовых функций владения и управления. В заключении осуществляется типизация горнозаводских округов и заводчиков Урала, необходимая для достижения основной цели исследования – создания исторического образа и определения роли заводчиков в развитии крупнейшего промышленного региона страны в первой половине XIX в.

***

Автор благодарит за постоянную помощь и поддержку своих многоуважаемых учителей, друзей и коллег из Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук, Уральского государственного университета имени А. М. Горького, Демидовского института, Международного Демидовского фонда, Русского генеалогического общества, Уральского историко-родословного общества, Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В. Г. Белинского, Государственного архива Свердловской области и Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. Особая благодарность руководству НТГСПА за предоставленную возможность выхода в свет этой книги.

Глава I. Историография и источники

I.1. Уральские заводчики в трудах исследователей

Первые исторические работы, посвященные уральским заводчикам, относятся к 1830–1840-м гг. Их появление вовсе не случайно: многое отстало от изучения самой горнозаводской промышленности Урала. В известных трудах главных командиров уральских заводов В. де Геннина и А. С. Ярцова, горных начальников И. Ф. Германа и А. Ф. Дерябина, обер-секретарей Сената И. К. Кирилова и В. И. Крамаренкова, а также других исследователей XVIII – начала XIX в. встречаются упоминания о заводчиках, как правило, в связи с основанием или передачей им из казны заводов.

Как уже подмечали исследователи, это было следствием распространенного в то время представления о ведущей роли государства и его административной деятельности в российской истории. При таком подходе подъем и падение промышленности авторы объясняли не чем иным, как устройством горной администрации¹. Не могло не повлиять на такой взгляд и то, что авторами первых трудов по истории горнозаводской промышленности выступали крупные казенные чиновники, а их основными источниками являлись законодательные акты, ведомственное делопроизводство и государственная статистика.

Тем не менее исследователи не могли не замечать все возрастающей роли частных предпринимателей в развитии уральской промышленности. С одной стороны, они рассматривали ее как позитивный (при Петре I и Екатерине II) или негативный (при Анне Иоанновне) результат государственной политики, с другой – подмечали, что с течением времени заводчики оказывались все более самостоятельными и равноправными участниками этого процесса. В руках энергичных, заботливых и “достойных похвалы” владельцев заводы динамично развивались (П. И. Рычков, И. И. Лепехин, П. С. Паллас, А. С. Ярцов), но иногда “излишним наложением... работ... в противность законных учреждений” они обостряли социальные отношения на заводах и доводили население до волнений (В. И. Крамаренков). Отдельные авторы обращали внимание на формы частного управления заводами (А. Ф. Дерябин), другие указывали на негативные последствия разделов заводов при переходе их по наследству (А. С. Ярцов).

В такой неоднозначной ситуации инициаторами специальных работ о заводчиках могли выступить только они сами. Отчасти это было следствием интереса к истокам своего рода, отчасти – способом напомнить властям и обществу о его значении в истории страны, что отразило выросшее к тому времени самосознание заводовладельцев.

Первыми о своей выдающейся роли в истории промышленного освоения России и Урала заявили крупнейшие горнозаводчики Демидовы. В 1833 г. при поддержке П. Н. Демидова была опубликована небольшая работа историка Сибири Г. И. Спасского, посвященная деятельности старшего сына основателя рода Ак. Н. Демидова, от которого произошла наиболее известная в то время ветвь владельцев Нижнетагильских, Ревдинских и Суксунских заводов². Используя доступные источники (от фольклорных до законодательства и актовых материалов), главное внимание автор уделил обстоятельствам появления Демидовых на Урале и Алтае и их “попечению об устройстве и распространении” там железных и медных заводов. Историк не мог не упомянуть и о “достойных уважения” наследниках Акинфия Никитича (особенно по линии его младшего сына Никиты, владельцев Нижнетагильских заводов), ограничившись, правда, перечислением

известных ему “подвигов благотворительности”. Особую ценность представляют приложения к “Жизнеописанию”, включающие несколько документов (в том числе завещание Ак. Н. Демидова и “раздел” его имущества между наследниками). Значение этой работы выходит за рамки ее вполне объяснимых недостатков, поскольку автор впервые обратился к характеристике личности и деятельности конкретного заводчика и тем способствовал более глубокому представлению о периоде становления уральской промышленности, ведущими действующими лицами которого являлись не только государство, но и крупные частные предприниматели.

Вслед за Демидовыми обратились к изучению своей истории “пермские владельцы”³. В 1842 г. по заказу графини С. В. Строгановой была издана книга “Именитые люди Строгановы”⁴. Ее автором стал известный историк академик Н. Г. Устрялов, получивший доступ к архивам этого старейшего предпринимательского рода России, известного еще с XVI в. Исследование в основном и посвящено основателям рода и его истории до начала XVIII в. и подключения Строгановых к заводскому делу. В 1855 и 1856 гг. выходят работы А. Зиновьева и М. Мсереянца об Институте восточных языков, основанном заводчиками Лазаревыми. Помимо информации о деятельности института, в них содержались краткие биографические сведения об учредителях. Эти исторические работы открыли серию публикаций, посвященных подобным крупным актам меценатства и благотворительности, осуществленных или поддержанных уральскими заводчиками (Строгановскому училищу рисования, Демидовскому Дому трудолюбия, Демидовскому лицей, Голицынской больнице)⁵.

Другим “вектором” изучения темы заводчиков стали краеведческие сочинения, получившие довольно широкое распространение в крупных горнозаводских центрах Урала, превратившихся в первой половине XIX в. и в крупные культурные центры. Авторами не специальных, но довольно информативных исторических работ, основанных на документах заводских архивов, стали местные краеведы, выходцы из среды образованных крепостных служащих. Происхождение этих работ было связано с патерналистским курсом, проводившимся крупными заводчиками в своих уральских имениях. Они органично вписывались в ряд мероприятий подобного рода (установка памятников, учреждение “фамильных” праздников, наименование объектов промышленного и гражданского назначения в честь заводчиков) и отражали формировавшийся тогда на некоторых заводах “культ” владельцев. Понятно, что в таком контексте оценки авторов своих хозяев и их предков не могли не быть апологетичными. Тем не менее, в отличие от историков промышленности, авторы этих сочинений акцентировали внимание на первостепенной роли в основании и развитии заводов владельцев и их “многотрудной и общепользней” деятельности. Одними из первых они обратили внимание на “цивилизаторскую миссию” заводчиков, подтвердив ее “множеством примеров отеческих попечений”. В отличие от заказных трудов, касавшихся, как правило, родоначальников, в краеведческих работах рассматривалась деятельность нескольких поколений владельцев.

В этом ключе, в частности, было составлено к приезду цесаревича Александра Николаевича в 1837 г. и опубликовано с помощью В. А. Жуковского в “Ученых записках” Казанского университета в 1848 г. сочинение преподавателя Выйского училища И. М. Рябова и его двоюродного брата заводского служащего Д. П. Шорина “Былина и временность Нижнетагильских заводов”⁶. Используя опубликованные источники и документы заводского архива, а также работу Г. И. Спасского, демидовские служащие уточнили биографии

первых владельцев Невьянского и Нижнетагильского заводов и оценили их как крупных организаторов производства. Дальнейшая судьба Нижнетагильских заводов, по мнению авторов, также оказалась “под рукою добрых хозяев” и благодаря им “достигла высшей степени благосостояния против других заводов”. Подобное сочинение о Лысьвенском заводе, опубликованное в тех же “Ученых записках” в 1858 г., принадлежало учителю Шалаеву⁷. На его страницах автор неоднократно упоминал об основателях завода Строгановых и попечительстве последующих владелиц В. А. Шаховской и В. П. Бутеро-Родали.

Более основательно, с привлечением многих источников, доказывалось благотворное влияние владельцев строгановского майората на социально-экономическое и культурное развитие Пермского края в нескольких сочинениях и публикациях документов управляющего этим крупнейшим на Урале имением Ф. А. Волегова. Они были напечатаны в “Торном журнале” (1855 г.), а после смерти автора – в нескольких продолжающихся изданиях и на конкретных фактах впервые обратили внимание широкого круга читателей на патерналистскую политику Строгановых (особенно графини Софьи Владимировны) в крепостной период, рациональную организацию управления и особенности финансирования обширного и сложного хозяйства⁸.

Таким образом, в первой половине XIX в. тема уральских заводчиков выделилась в самостоятельное направление историографии благодаря немногочисленным работам профессиональных историков и краеведов. Тогда она отразила потребности своего времени и еще недостаточно высокий уровень развития исторической науки (выразившийся в узкой источниковой базе, описательности и односторонности оценок), но открыла новое направление в изучении истории Урала и уральской промышленности через признававшуюся не только значимой, но и исключительно благотворной деятельность заводовладельцев.

Во второй половине XIX – начале XX в. не только продолжилось изучение определенной темы, но и было привнесено много нового в плане сюжетов, подходов и оценок. Наиболее заметным явлением стало утверждение наметившегося ранее представления о существенной (и даже ведущей) роли заводчиков в развитии уральской промышленности. Основанием для этого стало не только очевидное господство частного сектора уральской промышленности, но и трудности кануна 1861 г. и особенно последующего периода, переживаемые казенными и частными заводами и оценивавшиеся специалистами как симптомы промышленного кризиса. Они и вызвали очередной всплеск интереса к проблемам Урала. Среди причин кризиса экономисты и правоведы называли сохранение посессионного права, привилегий заводчиков, земельных латифундий; горные инженеры обращали внимание на устаревшую организацию производства, техническую отсталость и отдаленность Урала. В числе этих причин постепенно определилась и негативная, по мнению ряда специалистов, роль заводчиков в развитии принадлежавших им горнозаводских хозяйств.

На персональную ответственность заводчиков за состояние заводов еще в середине 1860-х гг. обратил внимание крупный экономист В. П. Безобразов. Объехав казенные и частные уральские заводы, он заметил, что одни из них процветают, в то время как другие представляют “самое крайнее выражение недугов”. Наблюдение и сопоставление привело исследователя к выводу о том, что помимо “естественных условий” это зависело от “коммерческих рук и денежного состояния заводоладельцев”. На примере нескольких крупных округов В. П. Безобразов сумел убедиться, по его словам, “какими

блистательными результатами сопровождаются энергические и добросовестные усилия в горнозаводском деле, когда оно производится хозяйственными руками и под глазом самого владельца”. Следствием этого стала его рекомендация продажи казенных заводов в надежные руки “хозяйственных” заводчиков, освобожденных от “недугов крепостничества и казенной опеки”⁹.

Одним из первых о необходимости не только “дифференцированного”, но и “эволюционного” отношения к заводчикам заявил Д. Н. Мамин-Сибиряк. В 1870–1880-е гг. он опубликовал ряд статей и очерков (“От Урала до Москвы”, “Платина”, “Один из анекдотических людей”), касавшихся хорошо ему известных “тагильских” Демидовых¹⁰. Главная мысль писателя заключалась в том, что не следует, как это чаще всего было прежде, равнозначно оценивать всех Демидовых, начиная с Никиты Демидовича и Акинфия Никитича и заканчивая современником автора Павлом Павловичем. Если основатели рода представляли собой созидательную, хотя и сочетавшуюся с беспощадной жестокостью силу, направленную на развитие Урала и России, то их потомки, по мнению писателя, уже не занимались заводским делом, были людьми “бесхарактерными и бессильными”.

Вместе с тем из “выродившихся потомков” писатель особо выделял представителя четвертого поколения Николая Никитича как “человека, сумевшего стать головой выше своего времени, тяготевшего к Европе и старавшегося провести в жизнь лучшие ее стороны”, а также его невестку А. К. Демидову за ее добродушие и попечение о заводском населении. Пожалуй, первым среди исследователей прошлого Дмитрий Наркисович еще в конце 1870-х гг. задумал написать трилогию (!), в которой, по его собственному признанию, “предполагал в исторической последовательности очертить преемственное развитие типов уральских заводчиков”. Писатель не сумел полностью осуществить этот замысел, но высказанная им мысль о трех исторических типах заводчиков, на наш взгляд, отразила наиболее глубокое представление об эволюции уральских заводчиков.

На рубеже XIX–XX вв., когда финансовая несостоятельность большинства горнозаводских округов и их владельцев стала совершенно очевидной, представление о том, что заводчики уже не отвечают потребностям времени, получило довольно устойчивое распространение. Горный инженер А. Н. Митинский утверждал, что “на смену энергичных владельцев заводчиков, создававших заводы, пришли поколения заводчиков только по имени и доходам”. Они считали излишним не только посещать заводы, но и “входить в заводские дела”, образовывать запасные капиталы, проводить широкое исследование заводских дач. Ему вторил экономист И. Х. Озеров. Анализируя причины кризиса уральской промышленности, он обращал внимание на то, что заводчики долгое время были монополистами на рынке и извлекали из этого огромные прибыли. Действуя по инерции и в новых условиях и не видя себе конкуренции, они “брали только барыши и проживали их за границей или в России... и ничего не сделали для промышленности”. Только отдельные владельцы (например, С. Е. Львов и П. П. Шувалов) “сами работали или заставляли работать других под своим постоянным надзором” и отвечали образу владельцев “новой формации”. Другой экономист, Е. И. Рагозин, отмечал инертность заводчиков в создании синдикатских объединений и называл их “скрытыми рантьеерами, слишком далекими современным приемам коммерческой деятельности”¹¹.

Наряду с критиками находились и защитники заводчиков, которые подчеркивали трудности перехода старого промышленного региона к новым условиям капиталистического развития и естественно вытекавших отсюда длительности и особой его слож-

ности. В этих условиях не только “избалованные” потомки старинных родов заводчиков, но и новые владельцы (как персоналии, так и акционерные общества) не всегда успешно справлялись с объективными проблемами стадийного развития.

Подобной исторически аргументированной позиции придерживался экономист, правовед и историк, прежде служивший юрисконсультom и уполномоченным Нижнетагильских и Лысьвенских заводов В. Д. Белов. Он брал под защиту заводчиков первой половины XIX в. (в частности, Н. Н. Демидова, которого считал “гуманным и заботливым” владельцем Нижнетагильских заводов), которые благодаря созданной ими системе “доведенной до крайности” опеки над крепостным рабочим населением, во многом содействовали тому, что то время стало “периодом спокойной работы как частных, так и казенных заводов”. Однако, считал автор, “отуманенные громадными барышами”, они “забыли всякую меру в своих личных расходах и в счастливое для себя время не сумели создать на черный день запасов”. Характеризуя заводчиков второй половины XIX – начала XX в., он резко писал, что они “не смотрят вперед” и “по своему скудоумию” безучастно относятся к заводам.

Но главную причину кризиса В. Д. Белов видел “не только в мотовстве владельцев латифундий”, а прежде всего в сохранении “заводско-окружного строя” Урала. Этим термином потомок крепостных демидовских служащих, хорошо представлявший организацию “уральского заводского дела”, определял “натуральный характер” округов, который, по его мнению, прежде способствовал успехам промышленного развития, а теперь стал его главным тормозом. Ни правительство, ни сами владельцы обширных заводских округов, считал автор, “не поняли надвигающегося переворота, продолжали жить прежней жизнью натурального хозяйства... и именно за этот недосмотр расплачивались тяжелым кризисом”. Поэтому, резюмировал свои наблюдения автор, надо начинать не с замены заводчиков другими предпринимателями, “которые поведут дело успешнее”, а с полной отмены “заводско-окружной системы”. Так, открыто порицая заводчиков и государство, В. Д. Белов переводил общественную критику от них на организацию самой промышленности, вероятно, хорошо понимая, что заводчики являлись таким же органичным элементом “заводско-окружной системы”, как и отмеченная им “натуральность”¹².

Против “повального” обвинения заводчиков “в косности” открыто возражал представитель, как выразился сам автор, “бухгалтерского лагеря”, Л. Е. Воеводин. Он доказывал, что “беда” не в том, что “люди по непостижимым для нас причинам не любят и потому не знают того дела, которым занимались их отцы и которое они тем не менее наследовали”, а в том, что они “окружать-то себя строго деловыми людьми не умеют”. В этом, по мнению автора, и заключался “трагизм положения... и одна из причин упадка некоторых горнозаводских округов”. Выход он видел в единоличном управлении делами хозяина, как “лица, прямо заинтересованного в успехе своего предприятия”. В этой связи Л. Е. Воеводин выступал против “акционерного начала”, неизбежно ведущего, по его мнению, к “провалу всего дела”. Выходом из сложившейся ситуации он считал более ответственное, “нравственное... и вполне сравнимое с подвигом”, отношение к “большому заводскому делу” всех его “участников” – заводовладельцев, рабочих и служащих. Тем самым автор делал акцент на необходимости гармонизации общественных отношений в горнозаводской промышленности¹³.

Некоторые авторы поднимали важные проблемы в контексте конкретных интересов заводовладельцев. Так, на страницах “Горного журнала” и “Русской старины” публикуются очерки В. К. Коровина и Н. М. Колмакова, воссоздающие краткую историю владения Строгановыми уральскими землями и заводами. Опираясь на законодательство и актовые материалы, авторы описывали осуществленные в XVIII – первой половине XIX в. разделы и продажи, переходы владений по наследству, давали краткую характеристику владельцам. Большое внимание уделено в этих работах вопросам формирования и распада огромных строгановских вотчин на Урале, полученных, как подчеркивают авторы, за “исторические заслуги рода”. Это позволяет судить об основном назначении данных публикаций, связанных с решением проблем землевладения, которые приобрели особую остроту для заводчиков после крестьянской реформы¹⁴. Биографические сведения о владельцах и их исключительно “благотворной” роли в развитии заводов содержались в некрологах, а краткие истории владения некоторыми крупными горнозаводскими округами прослеживались в их рекламных изданиях, как правило, приуроченных к открытию европейских или российских промышленных выставок¹⁵.

Исторические труды, созданные во второй половине XIX – начале XX в., отразили существовавшие в общественном мнении оценки уральских заводчиков, подкрепляя их примерами из далекого и близкого прошлого. Одним из лучших в историографии XIX в. стало сочинение о Демидовых, принадлежащее крупному ярославскому краеведу К. Д. Головщикову. Обобщение известных материалов и привлечение новых источников позволило автору воссоздать коллективную биографию рода в девяти его поколениях (хотя и со значительными изъянами). Как и предшественников, автора больше привлекали сюжеты, относящиеся к основателям рода и их кипучей промышленной деятельности. Последующие поколения Демидовых, по его мнению, уже не столько приумножали богатство рода, сколько пользовались им, а порой и расточали полученное наследство. Тем не менее он высоко оценивал их благотворительную деятельность, особенно направленную на развитие российского просвещения. Отдельное исследование К. Д. Головщиков посвятил П. Г. Демидову – основателю училища “высших наук” в Ярославле, где в качестве секретаря служил сам автор¹⁶.

Еще один заметный труд, посвященный Демидовым, вышел в серии “Жизнь замечательных людей” библиотеки Ф. Павленкова в 1891 г. Это компилятивное сочинение В. В. Огаркова, вобравшее известные опубликованные сведения о различных представителях рода, отразило общие достоинства и недостатки начального этапа становления историографии темы, где историческая правда легко уживалась с легендами, а научный анализ, как правило, подменялся описательностью и первостепенным вниманием к “занимательным” сюжетам из истории рода. Но главное, в этой работе особенно резко проявилось различие “Демидовых-родоначальников” (к которым автор относил Никиту Демидовича и Акинфия Никитича) и “Демидовых-потомков” (начиная с Никиты Акинфиевича и заканчивая Павлом Павловичем), бывшее следствием, с одной стороны, действительных и вполне очевидных отличий между заводчиками разных поколений, а с другой стороны, поверхностной оценки “потомков”, проистекающей из незнания о их деятельности как заводчиков. В результате если первые оценивались Огарковым как личности цельные, наделенные “стихийной мощью и неодолимой энергией” созидания,

то вторые представлялись людьми противоречивыми, у которых стремление к просвещению и благотворительности сочеталось со “всевозможными странными явлениями, до юродства включительно”¹⁷.

“Пермским владельцам” посвятил несколько своих трудов известный уральский историк А. А. Дмитриев. Цель его исследований заключалась во всестороннем изучении истории края, в которой заводовладельцы играли немаловажную роль. Поэтому историк не только доказывал эту роль на основе новых материалов, обнаруженных созданной им Пермской ученой архивной комиссией, но и в контексте “новых веяний” обращал внимание на утрату этой роли потомками “фундаторов” первых заводов¹⁸. Чермозскому заводу Строгановых и Лазаревых были посвящены две работы Н. Н. Новокрещенных, в которых помимо довольно подробной информации о его основании и населении автор представил и образы заводовладельцев. Но если И. Л. Лазарева автор наделял всеми возможными добродетелями, то его брата и наследника Е. Л. Лазарева ценил больше как филантропа, чем администратора, все затеи которого “являлись какими-то мертворожденными”¹⁹.

Краеведческий “вектор” историографии проявился также в появлении сочинений по истории таких заводов и заводчиков, которые еще не становились объектами исторического изучения. Статьи в газетах и журналах, отдельные издания затрагивали некоторые сюжеты из истории владения Сысертских, Кыштымских, Шайтанских заводов. Так, в 1892 г. в сборнике “Пермский край” была опубликована статья священника А. О. Топоркова о Васильевско-Шайтанском заводе. Отдавая дань основателям завода Демидовым, автор проследил дальнейшую историю Шайтанского округа в руках Ширяевых и Ярцовых. Тем самым был сделан шаг к расширению круга заводовладельцев, изучаемых в контексте истории принадлежавших им заводов²⁰.

На страницах выходивших в 1890-е гг. сборников “Пермский край” и “Пермская старина” их редакторы А. А. Дмитриев и Д. Д. Смышляев публиковали не только сочинения, но и источники по истории родов и заводов крупнейших вотчинников Прикамья (в частности, собранных еще Ф. А. Волеговым). В нескольких выпусках “Русского архива” (1873, 1878 гг.) были напечатаны письма П. А. Демидова к детям, предписания заводоуправлению, материалы делопроизводства Невьянского завода²¹. “Пермская летопись” В. Шишонко, крупнейшее собрание исторических источников по истории Урала, включила несколько извлеченных из вотчинных и заводских архивов документов, касавшихся разделов строгановских вотчин²².

Некоторые роды уральских заводчиков удостоились внимания крупнейших генеалогов конца XIX – начала XX в. (А. Б. Лобанова-Ростовского, А. А. Бобринского, В. В. Румеля и В. В. Голубцова, И. Н. Ельчанинова, П. Н. Петрова)²³. В их число в первую очередь вошли древние дворянские роды Голицыных, Шаховских, Всеволожских, Пашковых, Белосельских-Белозерских, а также представители “новой” знати – Строгановы, Демидовы, Яковлевы, Турчаниновы и некоторые другие. Отдельные родословия были составлены о Демидовых, Строгановых, Голицыных, Всеволожских, Белозерских²⁴.

Своего рода итогом дореволюционной историографии уральских заводчиков явилось включение информации о них в справочные и энциклопедические труды. Правда, большинство из них оказались среди выдающихся деятелей российской истории вовсе не в качестве владельцев уральских заводов, что свидетельствовало об еще недостаточной изученности этой их роли. Так, государственная, культурно-историческая и благотворительная деятельность нескольких представителей родов Строгановых, Голицыных,

Демидовых, Балашевых, Пашковых, Дашковых, Боборыкиных позволила включить статьи о них в Русский биографический словарь, энциклопедические словари Брокгауза и Ефрона, Плюшара, “Гранат”²⁵. Самым крупным и основательным исследованием такого плана стало трехтомное сочинение великого князя Николая Михайловича о государственной деятельности графа П. А. Строганова. В нем была представлена не только политическая биография этого крупнейшего деятеля “дней Александровых прекрасного начала”, но и приводились сведения о семье и владениях Строганова²⁶.

Подводя итог 80-летнему досоветскому периоду историографии темы уральских заводчиков, отметим, что он не только “открыл” заводчиков в качестве объекта исторического исследования, но и заложил основы нескольких подходов к их изучению. Наиболее плодотворным оказался тот, который рассматривал заводчиков в контексте истории принадлежавших им заводов. В исследованиях такого рода сначала господствовала апология владельцев, сменившаяся позже более глубоким, “дифференцированным” и “эволюционным”, взглядом на них. Всеми исследователями безоговорочно признавалось первостепенное значение основателей заводов в период становления уральской промышленности в XVIII в. Заводчики первой половины XIX в. в большей степени рассматривались как благотворители или государственные деятели и в значительно меньшей степени как заводчики, что было вызвано не только реалиями того времени, но и слабой изученностью темы. Большой интерес, но не столько историков, сколько публицистов и экономистов, вызывали заводчики второй половины XIX – начала XX в., роль которых оценивалась как значительная, но далеко не всегда позитивная. Другой, “биографический”, подход представлял заводчиков через биографии конкретных лиц или целых родов, оставивших наиболее заметный след в истории не только промышленности, но и политической и культурной жизни России и Европы.

В досоветский период появились также первые публикации источников, прямо или косвенно характеризующих деятельность заводчиков, а также определились два “вектора” изучения – краеведческий и научный. Первый порой оперировал большим числом фактов, извлеченных из заводских архивов, но ограничивался, как правило, лишь их перечислением. Второй, наоборот, был способен генерировать новые идеи, хотя не накопил еще достаточного фактического материала для глубокого анализа образа и роли заводчиков. К недостаткам, характерным для досоветского периода историографии темы, можно отнести неравномерность изучения заводчиков как в плане различных периодов истории уральской промышленности, так и в отношении их родов и персоналий, большая часть которых еще не попала в поле зрения историков.

Дальнейшее развитие историографии темы было прервано революционными событиями в стране и последовавшей за ними национализацией уральской промышленности. В результате заводчики полностью исчезли из экономической и общественной жизни советской России вместе со всеми “эксплуататорскими” классами, что привело к утрате прежнего общественного и научного интереса к ним. Не могло не повлиять на это и утверждение в советской историографии марксистского подхода к истории, который менял акценты в изучении уральской металлургии. Теперь главным объектом внимания историков закономерно оказались трудящиеся, а обращение к заводчикам как основному объекту исследования потеряло свою актуальность. Однако невозможно было пол-

ностью игнорировать их как заметных действующих лиц истории Урала XVIII – начала XX в. В результате заводчики все-таки обрели свое “место” в исследованиях по социально-экономической истории в качестве так сказать “героев второго плана”.

Их имена звучали в развернувшихся научных дискуссиях 1930–1950-х гг. о природе русской мануфактуры, формировании пролетариата, первоначальном накоплении, в капитальных работах по истории уральской и российской металлургии²⁷. В результате, по оценке Б. Б. Кафенгауза, в советской исторической литературе были “выявлены крупные достижения русской металлопромышленности... ее организационные особенности как мануфактуры, поставлен вопрос об отношении ее к господствующему феодально-крепостническому строю и зарождавшимся капиталистическим отношениям”²⁸.

Однако глубокое исследование социально-экономической истории не могло не привести серьезных исследователей к изучению конкретных хозяйств, а вместе с ними и деятельности наиболее значительных предпринимательских фамилий. Первыми вышедшими за рамки господствующего подхода исследованиями явились фундаментальные монографии крупнейших советских историков Б. Б. Кафенгауза, Н. В. Устюгова и А. А. Введенского, опубликованные в послевоенные годы. На примерах детального анализа предпринимательской деятельности Демидовых и Строгановых они обратили внимание исследователей на огромный научный потенциал таких конкретно-исторических исследований. Правда, работы о Строгановых ограничивались изучением начального этапа их предпринимательской деятельности в XVI–XVII вв. и характеризовали этих “многомочных купцов” и “именитых людей” в первую очередь как крупных солепромышленников²⁹. Работу Б. Б. Кафенгауза о хозяйстве Демидовых в XVIII в. с полным правом можно отнести к историографии темы уральских заводчиков периода становления уральской промышленности³⁰.

Хотя автор посвящал свой труд истории русской металлургии и заводских крестьян, она оказалась и до сих пор остается самым глубоким исследованием Демидовых, а на их примере – уральских заводчиков XVIII в. Опираясь не только на труды предшественников, но и на огромный фактический материал из демидовских фондов центральных и местных архивов, историк дал исчерпывающую характеристику формирования, развития и функционирования хозяйства крупнейших уральских заводчиков на протяжении целого столетия и показал менявшуюся вместе с самой промышленностью роль заводчиков, принадлежавших к трем поколениям рода.

Углубленный анализ позволил автору, во-первых, создать всесторонний образ уральского заводчика, особенностью которого было “совмещение в одном лице землевладельца, душевладельца и заводовладельца”, что было неизбежным следствием осуществления предпринимательской деятельности в особых социально-экономических и природных условиях Урала; во-вторых, проследить изменение в характере выполнения этих функций, а также в статусе заводчика, образе жизни и формах управления на протяжении всего XVIII в. Сравнивая представителей разных поколений Демидовых, Б. Б. Кафенгауз приходит к выводу о том, что по мере усложнения заводского хозяйства, “обрастания” его вотчинами и обзаведения караванами и лавками по сбыту железа происходит неизбежный отход заводчика от “непосредственного и повседневного руководства”. Если управление Никиты Демидовича и Акинфия Никитича автор определял как “вотчинное”, то Никиты Акинфиевича, уже не жившего на Урале, – как строившееся по образцу казенных учреждений (с рационально организованным и разветвленным бюрократическим

аппаратом) и приспособленное к мануфактурной организации производства. Такое управление, по мысли историка, могло уже действовать самостоятельно и “не нуждалось в непосредственном вмешательстве во все детали со стороны владельца”.

Наметившиеся к концу XVIII в. сдвиги в организации управления позволили автору заключить, что “оставалось сделать лишь шаг, чтобы отделить собственнические функции от непосредственного управления предприятием”. Основываясь только на данных о начальном этапе владения представителем четвертого поколения Демидовых малолетним Николаем Никитичем (когда тот находился под опекой и попечительством и не вступил еще в полные права владения и управления Нижнетагильскими заводами), Б. Б. Каффенгауз сделал вывод о том, что этот шаг был уже совершен к началу XIX в., когда в хозяйстве появились и замеченные им “характерные для дворянства расточительность и задолженность”. В последующих подготовительных ко второму незавершенному тому статьях, посвященных демидовскому хозяйству начала XIX в., историк, к сожалению, не уделил столь же пристального внимания наследникам Н. Ак. Демидова³¹.

Определившиеся направления советской историографии темы – изучение отдельных горнозаводских хозяйств и связанных с ними родов заводчиков и исследование отдельных аспектов деятельности заводчиков в контексте конкретных социально-экономических процессов – в 1950–1980-е гг. вылились в появлении научных трудов, ее развивающих и углубляющих. Первое направление было представлено рядом диссертационных работ, посвященных конкретным горнозаводским хозяйствам XVIII–XIX вв. В Москве, Ленинграде и Ереване были защищены работы И. С. Курицына, С. М. Байковой, С. П. Григоровой-Захаровой, И. Ф. Ушакова и В. А. Дилояна о хозяйствах Голицыных, Лазаревых и Пашковых в XVIII – первой половине XIX в. В 1960-е гг. серия диссертаций В. В. Мухина и Т. А. Чернявской о хозяйствах Всеволожских и Лазаревых в первой половине XIX в., Т. К. Гуськовой и Ю. А. Буранова об округах Демидовых и Половцовых во второй половине XIX – начале XX в. была создана на Урале³². Эти исследования (хотя и в разной степени) углубляли представление о деятельности заводчиков различных периодов развития уральской промышленности.

Обобщив информацию о вотчинных хозяйствах всех “пермских владельцев” в первой половине XIX в., в 1978 г. В. В. Мухин составил учебное пособие, в котором уделил внимание развитию заводского производства, управлению, доходам и долгам Строгановых, Голицыных, Лазаревых, Всеволожских, Бутеро, а также положению и волнениям крепостных. Несмотря на отмеченные автором особенности в развитии вотчинных округов, В. В. Мухин рассматривал их как части особого “строгановского региона” с изначально присущими им общими чертами и тенденциями развития, приведшими, по мнению автора, к кризисному состоянию этих хозяйств уже в предреформенный период³³.

История российской и, в частности, уральской металлургии в 1960-е гг. оказалась в центре внимания многих ведущих историков и экономистов страны. Среди крупных исследований этой темы, где отчетливо показана роль заводовладельцев, выделяются труды Н. И. Павленко и М. П. Вяткина.

Монография Н. И. Павленко, опубликованная в 1962 г., стала первой из задуманной автором трилогии книг, посвященных российской металлургии XVIII в.³⁴ В осуществленном труде историк задается целью помимо вопросов строительства заводов “присмотреться и к тому... какова была социальная физиономия владельцев мануфактур”. Автор рассматривал владельцев заводов в контексте процесса формирования буржуазии

“под воздействием господствовавших в стране феодально-крепостнических отношений”. Для этого автором изучались происхождение самих заводчиков и вложенных ими в производство капиталов, а также “некоторые вопросы идеологии буржуазии” с общим намерением понять, когда началось разложение феодально-крепостнической системы и сформировалась пассивная и покорная русская буржуазия, “свято хранившая верноподданническую присягу самодержавию”.

Н. И. Павленко создал первый в историографии труд, в котором представил сведения обо всех горнозаводчиках России XVIII в., в числе которых закономерно преобладали заводчики Урала. Источниковая база исследования включала преимущественно новые архивные материалы из обширного фонда Берг-коллегии и отчасти Уральского горного правления. Наряду с фамилиями крупнейших уральских заводчиков автору удалось “воскресить” имена многих прежде малоизвестных или вовсе неизвестных владельцев и восстановить историю их включения в заводское предпринимательство. В результате свою “физиономию” обрела не столько буржуазия, сколько сама уральская промышленность XVIII в. в совокупности почти двухсот заводовладельцев, в результате чего ее история стала намного образнее и богаче.

“Среди промышленников-металлургов XVIII в., – замечает автор, – встречается немало любопытных фигур, алчных и хищных, ловких и незадачливых, талантливых организаторов и авантюристов, жестоких стяжателей и безвольных расточителей”. Одни из них оказали заметное влияние на металлургию, другие бесследно исчезли, но независимо от этого в их судьбах отразились общие закономерности исторического процесса. С позиций формационного подхода под этими закономерностями автор понимал условия переходного периода от феодализма к капитализму. В широком и большей частью неудачном, по мнению автора, подключении дворян к промышленному предпринимательству он увидел свидетельство начавшегося во второй половине XVIII в. разложения феодально-крепостнической системы, а в более успешном купеческом предпринимательстве признаки обнаружившегося тогда же генезиса капитализма. Совмещение этих двух процессов выразилось в “подкармливании” заводчиков абсолютизмом и “проникновении” их верхушки в ряды дворянства, что, по мнению автора, не могло не сказаться на идеологических и политических позициях нарождавшейся российской буржуазии.

Капитальный труд Н. И. Павленко дает полноценное представление о закономерностях начального этапа становления промышленности, в сложных условиях которого протекал процесс формирования предпринимательского слоя из различных категорий населения России и разными путями. Не могли не повлиять на это и существовавшие в стране общественные отношения, под которые подстраивалась социальная организация крупной промышленности, и государственная политика, которая при всех колебаниях курса являлась в то время одним из ведущих факторов динамичного развития Урала. Непреходящая ценность исследования Н. И. Павленко заключается, на наш взгляд, в том, что в отличие от труда Б. Б. Кафенгауза, представившего образ одного рода заводчиков в развитии, оно дает этот образ во всем своем внутреннем многообразии посредством восстановления исторических судеб всех заводчиков XVIII в. Наряду с конкретными исследованиями отдельных родов и горнозаводских хозяйств это позволяет увидеть общие и специфичные черты развития уральской промышленности и связанного с ней предпри-

нимательского слоя. Труд Н. И. Павленко открыл новое направление в историографии темы уральских заводчиков, главной особенностью которого становилась обобщенная их характеристика в контексте развития горнозаводской промышленности.

Труд М. П. Вяткина, вышедший через три года, стал одним из первых капитальных исследований, посвященных уральской металлургии завершающего этапа истории частной промышленности в начале XX в.³⁵ Новый период потребовал и иного подхода к изложению темы, отталкивающегося не от происхождения заводчиков (как у Н. И. Павленко), а статуса горнозаводских округов. Тем не менее в рамках поставленной цели – “проследить, как в годы империализма изменялась общественная структура промышленности Урала”, – нашлось место заводовладельцам и их деятельности по преодолению обострившегося тогда кризиса. На основе широкого фактического материала автор проследил ход процесса акционирования и синдицирования почти всех посессионных и владельческих округов и пришел ко вполне обоснованному заключению о том, что к 1917 г. их владельцы передали свои полномочия немногим крупным коммерческим банкам, либо полностью, либо частично утратив свою роль в акционерном капитале, а, значит, и в истории уральской горнозаводской промышленности. Таким путем, по мнению автора, произошло “отмирание элементов военно-феодалного империализма”, тесно связанного с “полуфеодалными” правами уральских магнатов и политикой поддерживавшего их государства, и вытеснение их “империализмом капиталистическим”, в основе которого лежало господство финансового капитала.

Изучению отдельных аспектов развития частных заводов Урала в XVIII – начале XX в. в контексте проблем эволюции феодализма и генезиса капитализма в России, плодотворно разрабатываемых в 1960–1980-е гг., были посвящены многочисленные работы столичных и уральских историков. Почти каждая из них попутно затрагивала и тему заводчиков отдельных периодов развития уральской промышленности.

Организаторская деятельность государства и первых заводчиков, проблемы их взаимопонимания, порой выливающиеся в острые конфликты на начальном этапе становления уральской промышленности, получили отклик в капитальных монографиях А. А. Преображенского и А. И. Юхта³⁶. С. И. Сметанин в своей диссертации и нескольких опубликованных статьях исследовал формы преодоления уральскими заводчиками трудностей со сбытом металла и проблем с рабочими кадрами в первой половине XIX в., придя к заключению, что как вотчинники, так и посессионеры использовали для этого разнообразные резервы окружной организации заводского хозяйства, которые автор делил на “феодалные” и “капиталистические”³⁷.

В. К. Яцунский в статье 1963 г. первым подверг экономическому анализу структуру и величину капиталов и доходов крупнейших заводовладельцев, используя для этого материалы обследования правительственной комиссией частных округов в 1851 г. “С цифрами в руках” историк прояснил особенности “в оснащении капиталами” сложноорганизованных горнозаводских хозяйств Урала. В отличие от предприятий обрабатывающей промышленности и заводчиков Западной Европы в структуре их капитала оказался непомерно большим удельный вес основного капитала, вложенного в дорогостоящее заводское и вспомогательное оборудование, а также в здания общественного назначения, включая госпитали, школы, приюты и церкви. В отличие от тех же предприятий и особенно оброчных поместий заводские округа требовали вложения и значительного оборотного капитала, необходимого на оплату рабочей силы, заготовку сырья, а также

разнообразных припасов, в том числе провианта для многотысячного крепостного населения. Оборотный капитал значительно увеличивала необходимость доставки металла на отдаленные от Урала ярмарки, а стабильное поступление денег на заводы затруднялось особенностями сбыта, происходившего всего раз в году, как правило, в конце лета – начале осени. Все это существенно осложняло финансовую организацию и положение горнозаводских хозяйств.

Ученый не только констатировал, но и доказал, что доходы заводчиков, включавшие прибыль на капитал, горную, лесную и феодальную ренту были “чрезвычайно большими”. Это дало ему основание поставить “горнозаводских магнатов” в один ряд с богатейшими людьми России того времени. Но, судя по расходным статьям бюджета, доходы тратились не столько на производственные нужды, сколько на потребительские цели, что дало автору основание характеризовать заводчиков как “расточительных феодалов”. Ценным приложением к исследованию В. К. Яцунского стали “записка” Уральского Горного правления о состоянии частных заводов Урала, в которой они делились на три разряда “по благосостоянию” населения, производительности, обеспеченности природными ресурсами и темпам технического прогресса, а также сводная ведомость о заложенных заводах за 1848 г.³⁸

В монографии Ф. С. Горового “Падение крепостного права на горных заводах Урала” была освещена деятельность комитетов горнозаводчиков по составлению проектов реформы 1861 г. Автор констатировал, что эти проекты, создаваемые самими заводчиками в своих интересах, закрепили на будущее время их привилегии и тем самым сохранили “полуфеодальные отношения” в уральской промышленности в пореформенный период³⁹. В работах И. Ф. Гиндина затрагивались проблемы проникновения банковского капитала в частную горнозаводскую промышленность Урала во второй половине XIX – начале XX в. Анализ процесса позволил автору сделать вывод о том, что он шел достаточно интенсивно и вел к переменам в составе горнозаводчиков за счет вытеснения “старых полуфеодальных владельцев”, несмотря на их тесную связь с консервативными правительственными кругами⁴⁰.

Тема акционирования уральских заводов получила развитие в вышедшей в 1982 г. монографии Ю. А. Буранова⁴¹. Она внесла серьезный вклад в понимание всей сложности “капиталистической перестройки” уральской промышленности в 1861–1917 гг. и неизбежных в этих условиях перемен в составе уральских заводчиков. Изучив ход акционирования, автор выяснил, что за это время произошло “практически полное обновление состава владельцев”, в результате которого роды заводчиков, ведущих происхождение с XVIII в., утратили до 80 % своей прежней собственности. В новых условиях капиталистической России “старые” владельцы оказались неспособными удержать в руках не только управление, но и владение своими заводами и вынуждены были расставаться с ними. Но и “новые” владельцы, замечает автор, в лице крупных коммерческих банков и иностранных фирм далеко не всегда успешно справлялись со своими функциями. Получив в наследство, как правило, обремененные финансовыми и организационно-техническими проблемами окружные хозяйства, они далеко не всегда могли вывести их из кризиса при сохранении окружной организации производства. Анализируя трудности “капиталистической перестройки промышленности”, автор затрагивает важную проблему горнозаводской собственности, видя ее специфику в сочетании трех элементов – земли, заводов и рабочей силы. Ценными являются также замечания автора об особенностях

первых уральских акционерных компаний, возникших еще в дореформенный период. В монографии Ю. А. Буранова убедительно показано, какой оказалась судьба уральских заводчиков на заключительном этапе их исторической эволюции во второй половине XIX – начале XX в.

Роль заводчиков в контексте социального развития горнозаводского Урала рассматривалась в вышедших в 1985 г. трудах А. С. Черкасовой и Д. В. Гаврилова. Проведя всестороннее и глубокое исследование мастеровых и работных людей XVIII в., А. С. Черкасова представила один из важнейших аспектов деятельности уральских заводчиков, связанный с решением острой проблемы формирования рабочих кадров. На материалах многих частных округов автор убедительно показала осуществленный тогда совместными усилиями государства и заводчиков переход к использованию “внеэкономических методов эксплуатации” в горнозаводской промышленности. Этот процесс А. С. Черкасова справедливо оценила как “естественный и исторически закономерный”, в ходе которого уральские заводчики превратились в “заводчиков-крепостников”, ставших объектами усиливавшегося социального недовольства горнозаводского населения⁴². Какие последствия имело это превращение в условиях пореформенного Урала (в “период домонополистического капитализма”), как нелегко заводчики освобождались тогда от роли крепостников и каковы были результаты этого, можно представить из монографии Д. В. Гаврилова⁴³. В 1960–1980-е гг. несколько крупных исследований было посвящено истории социальной борьбы на заводах Урала, где роль заводчиков оценивалась жестко негативно в соответствии с господствующей в историографии антитезой “эксплуататоры – эксплуатируемые”⁴⁴.

Итоги развития уральской историографии за советский период были подведены на рубеже 1980–1990-х гг. в коллективном двухтомном труде по истории дореволюционного Урала. Это классическое издание косвенно отразило и уровень постановки и разработки темы уральских заводчиков. Структура монографии, в которой не нашлось особого места для заводовладельцев, показывает, что эта тема не оценивалась как самостоятельная и не выделялась в отдельное направление исследования. В первом томе, посвященном дореформенной истории Урала, заводчики упоминаются в главах о развитии горнозаводской промышленности, а также разделах о землевладении, формах поселений, о рабочих кадрах уральских заводов и классовой борьбе; во втором томе заводчикам нашлось место в разделе о формировании уральской буржуазии в пореформенный период. Из встречающихся фамилий заводчиков XVIII в. преобладают Демидовы, И. Б. Твердышев и И. С. Мясников, упоминаются Строгановы, Осокины, М. М. Походяшин, А. Ф. Турчанинов, С. Я. Яковлев, а также заводчики-сановники, получившие в 1750-е гг. казенные заводы (Воронцовы, И. Г. Чернышев, С. П. Ягужинский, А. Г. Гурьев, П. И. Шувалов). Они рассматриваются в связи со строительством заводов в разных географических зонах Урала, а также при анализе способов мобилизации труда и “антифеодальной” борьбы мастеровых и работных людей. Сведения по первой половине XIX в. ограничиваются перечислением уже не лиц, а родов Голицыных, Строгановых, Демидовых, Лазаревых, Яковлевых и Губиных в контексте исследования процессов “разложения и кризиса феодально-крепостнической системы”. Авторы рассматривали их деятельность по привлечению “феодальных и капиталистических резервов” окружной организации, обращали внимание на особенности уральских заводчиков того времени, которые в отличие от “обычного капиталиста-промышленника” являлись “заводчиками-помещиками” (что от-

ражалось на высоких прибылях и огромных накладных расходах). Имена конкретных заводчиков вновь возвращаются на страницы разделов о 1860–1900-х гг. Авторы констатировали, что тогда “под воздействием капиталистического процесса перестройки горнозаводской промышленности произошла значительная эволюция как социальной сущности владельцев уральских предприятий, так и их численности и состава”, в котором помимо “представителей коренных фамилий горнозаводчиков” появились “новые собственники”, представлявшие придворную бюрократию, банки и иностранный капитал. Авторы отметили также стремление не только “новых”, но и “старых” заводчиков больше уделять внимания непосредственному руководству своими предприятиями, но указали, что во многих случаях это не шло на пользу заводам. Очевидно, что эти оценки отражали уровень изученности темы, поскольку авторы “Истории Урала” опирались в своих обобщениях на достижения советской историографии, где сами выступали в роли наиболее значительных исследователей (авторами соответствующих разделов книг являлись А. С. Черкасова и А. В. Черноухов, В. В. Мухин и С. И. Сметанин, Ю. А. Буранов, А. В. Дмитриев и Д. В. Гаврилов)⁴⁵.

Постсоветское время стало поворотным периодом в изучении темы уральских заводчиков, основательно подготовленным всей предшествующей историографией. Целе-направленный интерес к ней определился, на наш взгляд, двумя важнейшими направлениями развития отечественной исторической науки в 1990–2000-х гг., одно из которых сориентировало ученых на изучение истории российского предпринимательства, а другое – на углубленное изучение роли “личностного фактора” в истории.

Наиболее распространенными в это время оказались исследования, посвященные отдельным родам заводчиков. Вовсе не случайно и по праву первое место среди них заняли Демидовы. Во многом способствует этому объединение исследователей в рамках организованного Международным Демидовским фондом (В. С. Мелентьев, Н. Г. Демидова) и Демидовским институтом (А. С. Черкасова, Н. Г. Павловский) движения, охватившего широкий круг историков, искусствоведов, генеалогов, музейных работников, а также потомков Демидовых в России и за рубежом. С 1992 г. фондом в разных городах, связанных с демидовским родом (Туле, Нижнем Тагиле, Москве, Петербурге), проведено семь международных Демидовских ассамблей и издано три сборника научных статей. Научная деятельность Демидовского института реализовалась в издании “Демидовского временника”, сборника статей по истории предпринимательства и нескольких монографических исследований, большая часть которых связана с темой уральских заводчиков.

Значительным достижением новейшей историографии темы явился труд Т. К. Гуськовой о заводском хозяйстве Демидовых в первой половине XIX в., ставший результатом многолетнего научного поиска ученицы и преемницы Б. Б. Кафенгауза⁴⁶. Он ценен не только анализом обширного конкретно-исторического материала, но и сделанными на его основе обобщениями о содержании и эволюции окружной организации уральской промышленности. Однако самим Демидовым первой половины XIX в. автором дается лишь краткая характеристика в контексте продолжавшегося процесса их “одворянивания” (переезд за границу, родство с российской и европейской знатью), который вместе с совершенствованием административного аппарата приводил к все большему уходу владельцев от непосредственного и личного управления округом, завершившегося, по мнению автора, при П. Н. и А. Н. Демидовых.

Последующие статьи Т. К. Гуськовой подкрепили эти выводы специальным исследованием роли Демидовых в истории российской промышленности. Демидовы “первых поколений”, справедливо полагает автор, были не просто основателями заводов, но и создателями окружающей системы заводского хозяйства, идеально приспособленной к специфическим условиям Урала. Опыт Демидовых широко использовали государство и другие заводчики, благодаря чему Урал превратился в основной металлургический центр страны. Предпринятые заводчиками переселения крепостных существенно изменили демографическую ситуацию на Урале, способствовали его хозяйственному освоению. Заслуга “среднего поколения” Демидовых, по мнению Т. К. Гуськовой, заключается в осуществлении достаточно гибкой и эффективной технической и социальной политики. Продолжая традиции своих предков, заводчики первой половины XIX в. немало сделали для хозяйственного освоения Урала, повышения уровня культуры и образования местного населения, а также снискали заслуженную славу щедрых меценатов как в России, так и в Европе. Однако “последние поколения” рода утратили сначала распорядительные, а затем и контролирующие функции, что стало одной из причин наступившего во второй половине XIX – начале XX в. промышленного кризиса. Превращение Демидовых “из энергичных и полновластных хозяев в простых получателей доходов” – таков, считает автор, эпилог двухвековой истории самой знаменитой в истории русского предпринимательства династии Демидовых⁴⁷.

Наиболее заметным явлением в “демидовской” историографии стали капитальные исследования И. Н. Юркина. Они касались в первую очередь становления “промышленной династии” и на обширном историческом материале осветили малоизвестный “тульский” период деятельности Демидовых⁴⁸. Значительный интерес представляет монография 2001 г., в которой автор применил метод научной просопографии для анализа не столько предпринимательской, сколько научной и научно-организационной деятельности четырех поколений Демидовых XVIII–XIX вв.⁴⁹ Привлечение самого широкого круга литературы и источников позволило автору значительно углубить представления о нескольких представителях демидовского рода в ракурсе их индивидуальной научной деятельности или масштабной финансово-организационной поддержки отдельных учреждений и проектов. Особенно выделяется очерк об А. Н. Демидове и организованной им научной экспедиции на юг России, который во многом изменил представление об этом владельце Нижнетагильских заводов.

В итоге И. Н. Юркин приходит к аргументированному выводу о наследственных способностях Демидовых, “делавших потенциально возможной творческую реализацию в естественных и технических науках”. Однако связанный с этим обычный для истории предпринимательских династий отход заводовладельцев от непосредственного управления автор не находит возможным соотнести “с определенным этапом развития промышленной династии и связанного с ней конкретного хозяйственного комплекса”, а считает, что он варьировался в зависимости от индивидуальных склонностей и интересов промышленников и внешних обстоятельств. Этот вывод, на наш взгляд, несколько недооценивает влияние совершенствующейся формы организации “хозяйственного комплекса” и, в частности, формы управления им, что создавало благоприятные условия для отхода от непосредственного и прямого участия владельцев в управлении и все большего переключения их на другие, в том числе и научные занятия.

Как показало еще одно новейшее монографическое исследование о Демидовых, их родовым увлечением являлись также книжные собрания. Поиски в России, на Украине и в Италии позволили автору монографии Е. П. Пироговой восстановить судьбы библиотек четырех поколений рода от невянского собрания Ак. Н. Демидова до “Bibliothèque de San-Donato” А. Н. Демидова. Изучение состава библиотек по описям или экслибрисам на сохранившихся экземплярах, а также записей и пометок, оставленных на страницах книг, позволили автору восстановить круг чтения и интересов владельцев библиотек и тем самым создать представление об уральских заводчиках как просвещенных людях⁵⁰.

Просветительская, благотворительная и меценатская деятельность Демидовых оказалась главной темой вышеупомянутых и других сборников научных статей. Это направление “демидовской” историографии продолжило традицию, заложенную еще в XIX в. и в известной степени возрожденную в конце 1980-х гг. с выходом книги Н. А. Мезенина о лауреатах Демидовской премии⁵¹. Но продолжило на более высоком научном уровне, поскольку к работе подключились профессиональные историки и искусствоведы. Наиболее ценными, на наш взгляд, стали публикация А. С. Черкасовой и А. Г. Мосиным “Перечня пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям”, составленного, как полагают авторы, по указанию А. Н. Демидова в 1841 г., работы Л. А. Дашкевич о попечении о детях, С. А. Клат и Ю. Э. Соркина о медицинском обслуживании в демидовских владениях, а также статьи Е. В. Карповой, Л. Ю. Рудневой, Т. М. Трошиной, Л. А. Маркиной, О. Н. Адамишиной, О. Я. Неверова о художественных коллекциях, А. Б. Костериной-Азарян о театральных увлечениях Демидовых и С. А. Клат о демидовском храме-усыпальнице в Нижнем Тагиле⁵².

Другим направлением исследования рода стало изучение биографий и родословия Демидовых. Наиболее плодотворно этим занимается известный петербургский генеалог Е. И. Краснова, автор самой полной родословной росписи и многочисленных статей об отдельных представителях рода. Из ее работ предстают “такие разные Демидовы” – не только заводчики, но и композиторы, поэты, “образцовые” помещики, путешественники⁵³. Активно участвуют в исследовании этой темы здравствующие потомки заводчиков – Н. Г. Демидова, которой принадлежит самая полная статья о “прошлом и настоящем” рода, и А. Тиссо, посвятившего свое исследование связям Демидовых с семейством Бонапартов, дополненное статьями журналиста-международника Н. П. Прожогина⁵⁴.

Тема Демидовых-заводчиков, возможно из-за сложности ее изучения, пока не столь активно разрабатывается историками, хотя на этом пути в последнее время сделаны некоторые важные шаги. Главным образом на основе такого уникального источника, как деловая переписка владельцев, в статьях А. С. Черкасовой об Ак. Н. Демидове, А. Г. Мосина о П. Н. Демидове, Н. Г. Павловского и Н. Г. Суровцевой о сбыте железа при Н. Н. и А. Н. Демидовых, О. А. Мельчаковой об организации управления при Н. А. и Н. Н. Демидовых, публикации С. С. Смирнова об управлении Н. Н. Демидова Кыштымскими заводами во многом по-новому раскрыты образы не только основателей рода, но и тех их потомков, которые прежде невысоко ценились исследователями в качестве участников хозяйственной деятельности⁵⁵. В первую очередь это относится к П. Н. и А. Н. Демидовым, как выяснили исследователи, не только активно преобразовывавшим управление заводами, но и принимавшим принципиальные решения, влиявшие не только на судьбу хозяйства, но и общий ход развития отрасли (в частности, добычи платины)⁵⁶. Участию

Н. Н. Демидова в управлении Нижнетагильскими заводами, истории владения “тагильских” и “суксунских” Демидовых в первой половине XIX в. посвящены и наши исследования⁵⁷.

Не обойдена деятельность Демидовых и зарубежной историографией. Проблеме взаимоотношений частного предпринимательства и государства в XVIII в. на примере фамилии Демидовых посвящены работы американского историка Хадсона (Hudson Jr. Н.)⁵⁸. Статьи американского исследователя К. Мондея (Monday С.) о работе французского социолога Ф. Лепле на демидовских заводах подтверждают высказанное мнение об отличавшем А. Н. Демидова научном подходе к решению хозяйственных и социальных проблем⁵⁹. Книга финской исследовательницы Aapeli Saaricalo рассказывает о жизни и благотворительности А. К. Шернваль-Демидовой-Карамзиной, совладелицы Нижнетагильских заводов⁶⁰.

В 1990-е гг. возродился интерес краеведов к владельцам уральских заводов, прежде переключившийся с этой тематики на историю самих заводов. В частности, по “демидовской” теме было издано несколько краеведческих книг, продолжающих описательную компилятивную традицию авторов XIX в. и по большому счету отличающихся от своих апологетичных предшественников лишь знаком минуса в оценке Демидовых (особенно XIX в.)⁶¹. Среди них выделяется работа И. М. Шакинко, ценная не только стремлением к новой трактовке образа отдельных Демидовых, но и попыткой использования для их характеристики “нетрадиционных” (в частности, изобразительных) источников.

После Демидовых по интенсивности изучения можно поставить “пермских владельцев” (Строгановых, Голицыных, Шаховских, Лазаревых, Всеволожских). Но исследование этих крупнейших дворянско-предпринимательских родов, заслуживающих ничуть не меньшего, чем Демидовы, внимания, осуществляется в основном на научно-популярном и краеведческом уровнях в традициях историографии XIX в., развивающих в основном “биографическое” направление исследования. Примером такого подхода можно считать книгу А. Р. Андреева и брошюру В. В. Шилова, вобравшие известные еще с XIX в. биографические сведения и источники о Строгановых⁶². На этом фоне выделяются обобщающие работы А. П. Базиянца, А. Т. Амирханяна, Г. В. Гассельблата и Е. Г. Поповой о Лазаревых, пермских краеведов М. Н. и В. И. Чупраковых о владельцах Чермозских заводов Строгановых, Лазаревых и Абамелек-Лазаревых, а также потомка владельцев Пожевских заводов Л. Б. Всеволожской⁶³. Строгановым – меценатам, коллекционерам и библиофилам посвящены основательные статьи в нескольких московских, екатеринбургских и пермских научных сборниках. Государственная деятельность П. А. Строганова и Г. А. Строганова нашла отражение в статьях и монографиях по истории российской дипломатии⁶⁴.

Со страниц этих и других изданий “пермские владельцы” чаще предстают в образе крупных государственных и общественных деятелей, чем уральских заводчиков. С этой стороны некоторых представителей родов Шаховских, Шуваловых, Всеволожских и Голицыных показывает в своих научных и научно-популярных трудах В. А. Шкерин, а также участники научно-практических и краеведческих конференций “Строгановы и Пермский край”, “Пермское Прикамье в истории Урала и России”, “Тагильский край в панораме веков”, “Река Чусовая”⁶⁵. “Пермским владельцам” – представителям крупней-

ших родов российского дворянства – повезло и с “генеалогической историей”, продолженной авторами подробных родословных росписей И. В. Купцовым, А. Н. Нарбутом и А. Н. Онучиным⁶⁶.

Южноуральским заводчикам XVIII в. отвел достойное место в своей монографии о промышленности Башкортостана Н. М. Кулбахтин. Он установил родственные связи Осокиных, Красильниковых и некоторых других родов заводчиков, дополнив тем самым сведения из книги Н. И. Павленко⁶⁷. Этим же заводчикам и их потомкам, а также принадлежавшим им заводам посвящены нескольких краеведческих изданий, среди которых особо выделяются исследования Г. Ф. и З. И. Гудковых и А. Ф. Мукомолова, отчасти основанные на новых архивных источниках (в том числе ранее неиспользовавшихся актовых материалах)⁶⁸. В отдельных научно-популярных, краеведческих и периодических изданиях встречаются статьи о происхождении владельцев Сысертских заводов А. Ф. Турчанинове и его потомках, об основателе Богословского завода М. М. Походяшине и его родственниках “временных” владельцах Ревдинских заводов Зеленцовых, материалы о владельцах Бемышевского завода Лебедевых⁶⁹. Особого внимания удостоились владельцы Кыштымского округа Н. Н. Демидов, Л. И. Расторгуев и его наследники в монографиях В. М. Свистунова и О. В. Линник, в которых не только прослежена история владения, но и рассматривается деятельность владельцев в контексте социально-экономического развития заводов⁷⁰. Исследованием заводских хозяйств Яковлевых во второй половине XVIII – начале XIX в. плодотворно занимается А. Н. Торопов, обнаруживший несколько ценных для нас источников о сложном процессе перехода «железной империи» С. Я. Яковлева многочисленным наследникам во втором и третьем поколениях⁷¹. Эти ценные исследования продолжают в настоящее время актуальное направление изучения отдельных горнозаводских хозяйств. Биографические сведения и предпринимательская деятельность за пределами Урала родов Губиных и Гусятниковых в XVIII в. упоминаются в исследованиях А. И. Аксенова по генеалогии московского купечества⁷².

Среди новейших трудов по истории Урала отметим монографическое исследование Л. В. Сапоговской уральской промышленности на рубеже XIX–XX вв., характеризующее активность владельцев “горнозаводских фирм” в российских и региональных монополистических объединениях⁷³. В коллективном труде С. В. Голиковой, Н. А. Миненко и И. В. Побережникова о связях горнозаводских центров и аграрной периферии в XVIII – первой половине XIX в. акцентируется внимание на вовлечение заводчиками и государством уральской деревни в сферу горнозаводского производства и вытекающие отсюда позитивные и негативные (в частности, названная авторами непрекращавшейся “война” между деревней и заводовладельцами) последствия как для самих заводов, так и деревни⁷⁴. Роль заводчиков в развитии заводских поселений, превращении их не только в крупные административные и промышленно-торговые, но и культурные центры, прослежена в работах, посвященных уральскому урбогенезу. В то же время, авторы подчеркивают противоречивость позиции заводчиков, которые, не желая потерять контроль над населением, препятствовали получению заводскими поселками юридического статуса города⁷⁵.

Как помещики уральские заводчики предстают в ставших довольно популярными в последние годы работах о их взаимоотношениях с крепостным горнозаводским населением. Во многом эта тема определяется возрожденным интересом к явлению патернализма, который в новейшей историографии рассматривается как “архетипический

элемент” российской культуры⁷⁶. На репрезентативном уральском материале этой темой (в теоретическом и практическом аспектах) занимаются В. Г. Железкин, С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич⁷⁷. Мы также посвятили ей несколько небольших статей, доказывая, что патернализм заводчиков был связан с определенной стадией развития окружной организации заводского хозяйства, когда был завершен процесс формирования постоянных рабочих кадров и появилась необходимость в особой социальной политике, стимулирующей производительность крепостного труда⁷⁸.

Ценные диссертационные исследования, связанные с темой уральских заводчиков, в 1990-е гг. были осуществлены Д. А. Рединым, В. А. Маниным и В. В. Тороп. Изучением “комплекса взаимоотношений между основными общественными силами, обеспечивавшими развитие металлургической промышленности”, – властью, заводоладельцами и рабочими – занимается Д. А. Редин⁷⁹. Автор доказывает, что уже во второй половине XVIII в. взаимоотношения между этими “общественными силами” достигли “определенной сбалансированности” благодаря общему “стремлению к устойчивому функционированию производства”, а к концу периода даже произошло “нарушение системной целостности частной уральской мануфактуры”. На наш взгляд, в своей характеристике динамики социальных отношений в уральской промышленности автор верно уловил направление движения, но несколько поторопился с оценкой происходивших перемен, ускорив наступление стадии “относительного социального мира”, который, во-первых, никогда не был всеобщим и, во-вторых, во многих округах достиг своего “расцвета” лишь в первой половине XIX в.

Исследование В. А. Манина посвящено важной теме горнозаводского землевладения на Урале и его правовым основам⁸⁰. Ценным является обстоятельный обзор историографии темы, а также изучение автором налоговой земельной политики на протяжении всего XVIII в. Автор дает более детальную и точную картину отношений собственности в горнозаводской промышленности России того времени в сравнении с опубликованным позже исследованием этой темы американского историка К. Хеллера⁸¹. Стоит только уточнить, что так долго не решавшуюся проблему дополнительного налогообложения заводчиков за пользование казенными ресурсами неправомерно сводить только к земельному вопросу. Оно касалось пользования и другими “вещественными пособиями”, такими, как руды, леса и рабочая сила. Диссертация В. В. Тороп посвящена изучению системы управления частными округами в первой половине XIX в. На примерах нескольких горнозаводских хозяйств в ней рассмотрены структура и организация управления, а также роль в нем заводчиков. Автор констатирует, что созданный заводчиками аппарат управления, позволявший им руководить заводами “издалека”, в первой половине XIX в. был доведен до совершенства и без существенных изменений функционировал “в условиях кризиса и разложения феодальной системы”⁸².

Новыми по подходу к теме уральских заводчиков стали близкие по смыслу статьи Л. В. Сапоговской и В. А. Шкерина. Используя накопленный потенциал информации о “хозяйствовании” представителей “старых” родов заводчиков второй половины XIX – начала XX в., авторы провели сравнение и типологию их “экономического поведения” в условиях “постфеодального рынка”. В поле зрения В. А. Шкерина оказались два заводчика-аристократа С. М. Голицын и П. П. Шувалов-младший, “модели поведения” которых автор обозначил как “пассивную” (сдача Голицыным Нытвенского округа в аренду) и “активную” (самостоятельное руководство Шуваловым Лысьвенским округом). Тем не

менее, и та, и другая роль, по предположению автора, оказалась бесперспективной для обоих владельцев в плане дальнейшего сохранения родовых имений в первую очередь из-за обострившейся финансовой проблемы⁸³.

Более содержательным по охвату подвергаемых сравнению заводчиков (представителей родов Демидовых, Всеволожских, Абамелек-Лазаревых, Строгановых, Голицыных, Шуваловых, Яковлевых, Балашевых) и методологически выверенным нам представляется исследование Л. В. Сапоговской о типах хозяйствования заводчиков. Выделив два условных полярных типа владельцев – “негативный” и “позитивный”, по-разному осознающих и реагирующих на “вызовы времени”, автор приходит к выводу о том, что подавляющая их часть (исключение делается для С. С. Абамелек-Лазарева и П. П. Шувалова) “по своей наследственной рентоориентированности, апеллированию к помощи государства, непониманию особенностей проблем горнозаводской экономики” была более близка к “негативному” типу. Закономерным результатом этого оказалась “выбраковка” неэффективных моделей хозяйствования, происходившая вместе с выходом из состава владельцев уральских горнозаводских округов многих заводчиков “старой генерации”⁸⁴.

Все вышеназванные исследования создают весомую основу для активизации исторических исследований по персональной, “родовой”, групповой и “сюжетной” истории уральских горнозаводчиков, признанных новейшей отечественной историографией весьма значимыми субъектами уральской (и не только уральской) истории. Но, как видно из обзора, ученые ограничиваются пока изучением в основном их культурно-исторического наследия и только приступают к всестороннему осмыслению роли заводчиков в истории уральской промышленности. Наиболее ценными и перспективными на современном этапе развития историографии темы являются, на наш взгляд, конкретно-исторические исследования отдельных горнозаводских владений и родов владельцев и компаративные исследования заводчиков, сопровождающиеся попытками их типологического анализа.

Подводя итог общей истории изучения темы уральских заводчиков, обратим внимание, во-первых, на вполне очевидную неравномерность ее развития, в целом характерную для отечественной историографии, но особенно отчетливо проявившуюся в данном случае. Результатом такого “прерывистого” развития явилось заметное отставание исследования темы заводчиков от изучения других аспектов истории горнозаводской промышленности Урала. Это отразилось на уровне “разработки” темы по таким основным “параметрам”, как менявшийся на протяжении двух веков состав родов и персоналий заводчиков, эволюция их прав на “заводскую собственность”, конкретные практики владения, “модели” индивидуального и корпоративного поведения, исторические типы владельцев различных исторических периодов и в целом обусловило снижение значения “субъективного” или “личностного” фактора развития уральской горнозаводской промышленности.

Можно констатировать, что к настоящему времени у историков имеется полноценное представление об основателях и владельцах уральских заводов XVIII в. Со страниц посвященных им исследований заводчики периода становления уральской промышленности предстают во всем многообразии их персональных и “родовых” судеб, очень разными по происхождению, по способностям и мотивациям предпринимательской деятельности. Тем не менее, за этой множественностью отчетливо вырисовывается преобладающий “позитивный” тип заводчика, отвечавшего потребностям времени и органично вписанного в окружную систему как важнейший ее организующий элемент. Этот тип наиболее

полно реализовался в лице Акинфия Никитича Демидова, Саввы Яковлевича Яковлева, Ивана Борисовича Твердышева, Алексея Федоровича Турчанинова, Максима Михайловича Походяшина и многих других “фундаторов” уральских заводов XVIII в.

Следующими по степени изученности можно поставить заводчиков (не только персоналии, но и выступавшие в этой роли банки и компании) второй половины XIX – начала XX в. Через воссозданные образы Павла Павловича Демидова, Сергея Александровича Строганова, Семена Семеновича Абамелек-Лазарева, Петра Павловича Шувалова, Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского, Александра Александровича Половцова свидетельствуют, что при всей “эклектичности” состава заводовладельцев периода кризиса уральской промышленности наиболее распространенным оказался тогда уже не отвечающий “вызовам” времени “негативный” тип владельца. Связанные “генетическими” узами с уже устаревшей и тормозившей динамичное развитие промышленности окружной организацией заводского хозяйства, заводчики “старой генерации” (и некоторые “новые”) сами стали тормозом на пути модернизации промышленности. В довольно мучительном, но вполне закономерном процессе смены собственников этот тип владельцев в большинстве случаев “сходил с дистанции”, заменяясь предпринимателями нового типа, в первую очередь представителями отечественных и иностранных финансово-промышленных групп.

Такой оказалась “нисходящая” эволюция уральских заводчиков, определяющаяся по их “типичному” образу в начальный и конечный периоды истории частной горнозаводской промышленности Урала. Очевидно, что этот процесс не был случайным; он адекватно отразил эволюцию самой промышленности и ее формообразующей окружной организации. Однако в этой исторической динамике остается не до конца ясным образ и роль заводчиков первой половины XIX в. – периода, значительно слабее изученного в сравнении с предыдущим и последующим этапами истории уральской горнозаводской промышленности.

При современном уровне изученности темы уральских заводчиков первой половины XIX в., когда представление о них складывается по образу лишь нескольких лиц и родов заводовладельцев и отдельных сторонах их деятельности (в первую очередь меценатстве и благотворительности), невозможно ни создать полноценный обобщенный образ их как заводчиков, ни дать достаточно аргументированную оценку роли в истории уральской горнозаводской промышленности и места в структуре российского предпринимательского слоя. Усугубляет это положение отсутствие современных исследований государственной политики по отношению к горнозаводской промышленности (за исключением таможенной и отчасти кредитной)⁸⁵ и проблем заводской собственности (в частности, посессионного и владельческого права)⁸⁶, которые бы давали представление об экономических и правовых условиях деятельности уральских заводов и заводчиков в рассматриваемый период.

Эта оценка во многом отражает общее состояние изученности темы горнозаводского предпринимательства и горнозаводчиков первой половины XIX в. в масштабе всей России. Известны единичные работы К. К. Демиховского, Н. М. Арсентьева, М. Гавлина и Г. Н. Ульянова о владельцах заводов Замосковского края⁸⁷. Они свидетельствуют о крахе хозяйств и разорении многочисленных “одворянившихся” потомков тульских оружейников Баташевых и Демидовых в первой половине XIX в. и формировании на базе со-

зданных ими хозяйств новых владений и предпринимательских фамилий (в частности, Мальцовых), успешно действовавших в дореформенный период, но переживших крах во второй половине XIX в.

Закономерным следствием сложившейся историографической ситуации, с одной стороны, является почти полное отсутствие информации об уральских заводчиках первой половины XIX в. в обобщающих работах, посвященных истории российского предпринимательства, что, на наш взгляд, значительно обедняет новейшие фундаментальные исследования⁸⁸. С другой стороны, это положение предопределяет появление неточностей или умолчаний в тех случаях, когда информация о владельцах уральских заводов все-таки включается в справочные (в том числе энциклопедические) издания⁸⁹.

I.2. Источники

В перечне материалов по истории владений и владельцев уральских заводов первой половины XIX в. выделяются следующие виды и типы источников: законодательство, частноправовые акты, делопроизводственная документация, промышленная статистика, публицистика, периодика, источники личного происхождения и художественная литература, а также изобразительные и картографические источники. Значимость этих комплексов определяется потенциалом содержащейся в них информации по основным направлениям нашего исследования.

Первостепенное значение в работе приобрело законодательство. При его изучении мы в основном опирались на публикации законодательных актов в “Полном собрании законов Российской империи” (ПСЗ–I и ПСЗ–II) и “Своде законов Российской империи” (СЗ 1832, 1842 и 1857 гг. издания)⁹⁰. Среди различных отраслей законодательства нас в первую очередь интересовало промышленное и в частности горнозаводское законодательство, еще слабо изученное в источниковедческом аспекте⁹¹. Особенности организации российской горнозаводской промышленности (в форме многоотраслевых хозяйственных комплексов) предопределили главную особенность регулирующего ее законодательства – нерасчлененность горного и заводского права. Эта специфика резко отличала российское законодательство от западноевропейского (в частности, Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии), где горное право было отделено от заводского (являвшегося частью промышленного законодательства)⁹². Другой особенностью горнозаводского законодательства первой половины XIX в. является осуществленная тогда его кодификация. Это выгодно отличало российское право от западноевропейского, где системы горного законодательства либо вовсе не было (как в Англии), либо она появилась много позже (в Австрии в 1854 г., в Пруссии – в 1865 г.). Российское горнозаводское законодательство первоначально было систематизировано в Проекте Горного положения 13 июля 1806 г. (рассматривавшегося как “временный устав”, но сохранившего свою силу до начала 1830-х гг.), а позже – в Горном уставе трех редакций (1832, 1842 и 1857 гг.)⁹³.

Появление Проекта Горного положения и Горного устава было связано с проводившимися тогда в стране реформами управления горнозаводской промышленностью, а потому эти своды существенно отличались друг от друга по своей структуре и, отчасти, содержанию. Вторая и третья редакции устава структурно повторяли первую (1832 г.), отличаясь от нее лишь законоположениями, принятыми между изданиями. Главной ис-

точниковой ценностью этих сводов является то, что они вобрали в себя предшествующее действующее законодательство (Проект – всего XVIII в., устав – как XVIII, так и первой половины XIX в.) и таким образом зафиксировали “правовой облик” промышленности на момент своего появления. Сравнение содержания Проекта 1806 г., которым открывался новый век развития промышленности, и Горного устава (в первую очередь итогового для первой половины XIX в. издания 1857 г.) дает возможность провести сравнительный анализ правовых норм и определить направление и характер эволюции “правового поля”, на котором действовали уральские заводы и заводчики в изучаемый период. Особенно ценен в источниковедческом аспекте Горный устав, который в своей структуре более четко проводит различия между казенными и частными заводами, а в отношении последних – между владельческим и посессионным статусом. Кроме того, все статьи устава сопровождаются ссылками на конкретные законодательные акты с указанием их датировки и нумерации по ПСЗ, что значительно облегчает работу по уточнению содержания горных законов и определению источников права.

Для выполнения этой задачи мы обращались к конкретным законодательным актам из ПСЗ, на которые ссылался Горный устав или субъекты права в своем делопроизводстве. Принимая те или иные решения по насущным вопросам заводской жизни, горные и гражданские власти или заводовладельцы и их администрации должны были обязательно заручиться санкцией действующего законодательства. Поэтому в формуляр некоторых видов делопроизводства включались выписки из законов, касавшихся поднятых проблем. Это помогает оценить значение различных именных или сенатских указов, мнений Государственного Совета и других видов законодательных актов. Частота их упоминания свидетельствует об актуальности содержащихся в них законоположений и помогает определить наиболее значимые правовые нормы. Это же свойство делопроизводства помогло выявить множество актов, затерявшихся в бескрайнем море российского законодательства первых шести десятилетий XIX в., важных для раскрытия нашей темы, но не вошедших в своды и ПСЗ. Большинство из них относятся к группе сепаратного (узко объективизированного) законодательства. Эти указы (именные, сенатские, из Берг-коллегии, Горного департамента, Пермского и Уральского Горных правлений) касались конкретных вопросов жизнедеятельности отдельных горнозаводских округов и их владельцев (в частности “разрешительные” указы о продаже, аренде, открытии или ликвидации заводов, о “введении в наследство” и прочие). Они являются свидетельствами активной роли государства не только на макро-, но и на микроэкономическом уровне. Законодательными актами считались в дореформенный период и организационные документы двух уральских акционерных компаний – Товарищества Суксунских заводов и Компании Кнауфских заводов, уставы которых были включены в ПСЗ. Это было связано с введенной в 1836 г. концессионной формой учреждения акционерных обществ в России, согласно которой компания могла возникнуть лишь в случае законодательного утверждения ее устава⁹⁴.

В своды горнозаводского законодательства не входили также общие нормы, регулировавшие сложные имущественные отношения в российском государстве. Поэтому для понимания механизмов наследования, продажи, залога, установления форм казенного или общественного контроля над частновладельческими имениями (к которым относились и заводы) нам приходилось обращаться к изучению общегражданского или налого-

вого законодательства (в частности, к Законам о состояниях, Законом гражданским, Уставам о повинностях, Уставам о податях и пошлинах, Уставам кредитных установлений, Банкротскому уставу и др.)⁹⁵.

Большую и чрезвычайно важную группу источников представляют частноправовые акты, регулировавшие имущественные отношения между российскими подданными. Она включает завещания, дарственные, брачные контракты, различные раздельные акты, майоратные акты, закладные, договоры купли – продажи или аренды заводов. Круг этих материалов до настоящего времени мало интересовал историков, занимавшихся изучением горнозаводской промышленности Урала XIX в. Лишь некоторые из них использовались в основном в краеведческих изданиях, посвященных отдельным лицам или родам заводовладельцев⁹⁶. Вместе с тем широкое применение подобных источников при изучении истории заводов и заводовладельцев XVIII в. (в первую очередь в монографии Н. И. Павленко) подтолкнуло нас обратить на них особое внимание. Оказалось, что в личных, заводских и ведомственных фондах ГАСО, РГАДА и РГИА содержится большое число еще не введенных в научный оборот частноправовых актов, связанных с историей фактически всех родов уральских заводчиков (выявлено около 100 подобных документов). В большинстве случаев информация именно этих источников позволила нам восстановить состав семей заводчиков, уточнить структуру принадлежавшего им имущества, хронологию движения заводской собственности при переходах по наследству или продажам.

Предназначение этих юридических источников заставляло авторов фиксировать в них правдивую информацию, а принятый в то время формуляр обязывал в начальном протоколе упомянуть о происхождении имущества (когда, от кого и как досталось в собственность) и обозначить его нынешнее состояние (состоит в залоге, под запрещением или свободно от каких-либо “взысканий”), то есть предоставить сведения по предшествующей истории владения и отчасти о настоящем положении заводов. В то же время характер некоторых актов (особенно завещаний, дарственных и раздельных) позволял авторам зафиксировать в них не только деловую информацию, но и передать свое отношение к заводам, например, через “пожелания” наследникам (“владеть не ссорясь”, “не деля”, “составив общее управление”, “сохранить за родом”), а зачастую даже оставить прямые или косвенные свидетельства состояния внутрисемейных отношений (пример “фальшивого” завещания Ф. С. Турчаниновой 1821 г., завещаний И. Л. Лазарева 1800 г. и И. Е. Лазарева 1857 г., Д. Д. Пономарева 1844 г., И. М. Ярцова 1846 г., П. Г. Демидова 1857 г., дарственной М. И. Мосоловой 1823 г. и др.). Особенно ценны в этом аспекте “предварительные” раздельные акты – завещания, которые составлялись предусмотрительными владельцами на склоне лет или во время тяжелой болезни в случае, когда имущество переходило не одному, а нескольким наследникам (раздельные акты, составленные Д. И. и А. И. Пашковыми в 1803 и 1809 гг., Е. Л. Лазаревым в 1821 и 1822 гг. или Г. И. Осокиным в 1847 г.). Как утверждалось в преамбуле такого документа, его смыслом было предотвратить “вражду и тяжбы” между наследниками, что в известной степени уже косвенно свидетельствовало о непростых отношениях между ними. Ценные сведения содержит также конечный протокол актов, где, как правило, упоминается место жительства заводчика, а имена свидетелей дают представление о его ближайшем окружении.

В особую подгруппу частноправовых актов входят доверенности, которые составлялись владельцами для совладельцев, родственников или других лиц на право управления заводами. Их наличие являлось обязательным условием законности участия доверенного лица в управлении. Доверенности позволяют судить о характере участия заводчика в управлении, его занятиях и местонахождении (которые не позволяли лично распоряжаться своей собственностью), а порой и о его представлении о принципах управления заводами. Хотя, как правило, доверители ограничивались набором трафаретных установок, свойственных формуляру этой разновидности актов.

Большое значение в исследовании вполне закономерно приобрела разнообразная делопроизводственная документация⁹⁷. Привлеченный нами комплекс таких материалов можно разделить на ведомственное и частное делопроизводство. Первое представлено преимущественно документами Министерства финансов и его Горного департамента⁹⁸ (РГИА. Ф. 37), а также регионального горного начальства в лице главного начальника уральских заводов (с 1826 г.) (ГАСО. Ф. 47), Пермского (1807–1831 гг.) и Уральского (с 1832 г.) Горных правлений (ГАСО. Ф. 24). Документация рубежа XVIII–XIX вв. представлена делопроизводством Горных экспедиций при Пермской, Вятской и Уфимской казенных палатах (1781–1797 гг.), реанимированных в 1797–1802 гг. Берг-коллегии и Канцелярии Главного заводов правления, а также Екатеринбургского Горного начальства (1802–1807 гг.)⁹⁹.

В частности, мы использовали сконцентрированную в Горном департаменте налоговую документацию, предоставляющую информацию о производительности уральских заводов (а также заводов центральных губерний России) и доходах казны от “горного промысла” (сводные податные ведомости за рубежные 1797–1801 и 1860–1861 гг.). Правда, при анализе заключенных в этих ведомостях статистических данных мы столкнулись с проблемой их сопоставимости с материалами, опубликованными в исторических и справочных изданиях¹⁰⁰. Не имея технической возможности провести экспертизу их достоверности по разрозненной и далеко не полной заводской документации, при выявлении значительных расхождений (особенно по данным о производстве чугуна в начале XIX в.) мы отдавали предпочтение уже введенным в научный оборот сведениям, достоверность которых не подвергалась сомнению со стороны специалистов.

К учетной документации региональных Горных правлений принадлежат также использованные нами ведомости о землевладении и списки заводов, находившихся под их ведомством в разные годы. Из последних особую ценность имеют “сведения о частных заводах” за 1858–1859 гг., вероятно, собранные в связи с подготовкой крестьянской реформы и созданием комитетов заводоладельцев (ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208). По предписанию Горного правления все заводууправления прислали тогда данные о своих владельцах с указанием принадлежавших им заводов и краткой историей владения (хотя “за давностью лет” сведения об отдельных владениях оказались не всегда достоверными или подробными). Ежегодно собираемые в Горном правлении ведомости, составленные по форме 1847 г. и содержащие необходимые нам сведения о производительности и населении заводов по 8, 9 и 10-й ревизиям, относятся уже к ведомственной статистике, иногда публиковавшейся в изданиях Горного департамента.

Значительную группу ведомственного делопроизводства составляет деловая переписка региональной горной администрации с вышестоящими органами горной (Горный департамент Министерства финансов) и гражданской власти (Сенат, Комитет министров,

Министерство внутренних дел, Министерство государственных имуществ), а также с кредитными учреждениями (Государственным Заемным банком, Государственным Коммерческим банком, Санкт-Петербургской и Московской сохранными казнами), губернскими и уездными опеками и судами. Интересующая нас переписка в основном касалась учреждения тех или иных форм казенного или гражданского контроля над частными заводами, включая аналитические записки об их общем и финансовом состоянии. Специфика ведения деловой переписки (в частности, сохранность преимущественно черновых материалов при нередком отсутствии окончательно подготовленных и отосланных документов), с одной стороны, усложняет работу с этим трудоемким видом источников, но, с другой, может порой помочь понять суть происходящего по зачастую разрозненным комплексам делопроизводства (поскольку обычно в состав итогового документа почти дословно включались все предшествующие материалы).

Не меньшую ценность представляет внутреннее (и во многом пересекающееся) делопроизводство Горного департамента и Горных правлений, предоставляющее значительный объем хозяйственной информации в “Журналах заседаний”, ежегодных рапортах заводских исправников и “обзорах” берг-инспектора, разнообразных “записках” или “описаниях” о положении частных заводов, периодически составлявшихся для главного начальника или министра финансов (среди них можно упомянуть любопытную записку Калашникова 1803 г. “О неравных пособиях, предоставленных от казны металлическим заводам, и краткими предложениями по сему предмету” или записку 1847 г. “О распространении новых штатов казенных заводов на казенных людей в частных заводах”). Оценить результативность вмешательства горных властей в жизнь многих горнозаводских округов помогают также комплексы репрезентативных материалов по казенным примотрам и управлениям, составляющие увесистые тома архивных дел.

Большое значение для понимания позиций государства и заводчиков по отношению к владельческому и посессионному праву имеют материалы многолетней кампании, проводившейся региональными и центральными горными властями “по разбору прав заводчиков” в 1830–1859 гг. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236, 7238). Видимо, из-за плохой сохранности и обширности они прежде не привлекали внимание историков, хотя содержат богатейший актовый материал (правда, большей частью относящийся к XVIII в.) почти по всем владельческим округам Урала. В сложных вопросах собственности на заводы и заводское население, в отношении заводчиков к реформе 1861 г. помогает разобраться информативная переписка главного начальника с Министерством и заводчиками по поводу организации комитетов по составлению проектов крестьянской реформы 1858–1861 гг. и о выкупе уральских посессионных заводов 1878–1881 гг. (ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246; Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228).

Многочисленные просительные документы, направлявшиеся владельцами или их поверенными в правительственные инстанции разного уровня свидетельствуют не только о состоянии заводов, но и о роли заводчиков, их поведении и взглядах. Особенно многочисленными и информативными они оказывались в критической или конфликтной ситуации. Так, буквально забросали власти своими жалобами Н. А. Колтовская, А. И. Карцева, А. И. Пашков, Иноземцевы, Зеленцовы, Губины и другие заводчики, у которых складывались непростые отношения с совладельцами, арендаторами или казенными чи-

новниками. Правда, бросающийся в глаза субъективизм авторов делает такие документы источником адекватной информации не столько о положении заводов, сколько о личности самого просителя, что отнюдь не снижает ценности этого вида делопроизводства.

Особую подгруппу составляют обнаруженные в архивах судебно-следственные материалы, касающиеся заводских и частных дел владельцев (например, дело об “ухищрительной” покупке Шильвинского завода А. М. Подъячевым в 1797 г., о фиктивной аренде Коринского завода в 1813–1828 гг., о “заемных письмах” казанского землемера князя Багратиона 1812–1813 гг., о “побитии” исправника Богословского завода П. И. Аристова 1850 г. или “о злоупотреблениях по залогам металлов” Сергинско-Уфалейских заводов 1863–1864 гг. и др.). Они позволяют дать оценку поступкам и поведению владельцев в неординарной ситуации, а свидетельские показания порой доносят до нас реальные “голоса прошлого”. О “социальной политике” заводчиков и характере взаимоотношений с горнозаводским населением прямо или косвенно свидетельствуют материалы следствий по жалобам и волнениям, опубликованные в сборнике “Рабочее движение в России в XIX в.” и некоторых других изданиях¹⁰¹.

Второй тип делопроизводства – частное (заводское или вотчинное) – ценен тем, что дает большие возможности для анализа степени и характера участия владельцев в управлении, а порой и об их общественных взглядах. К сожалению, полноценные комплексы таких материалов крайне редки. Из отложившихся в ГАСО нескольких заводских фондов в интересующем нас аспекте привлекательны крупнейший фонд Нижнетагильских и Луньевских заводов Демидовых (Ф. 643), Верх-Исетских заводов Яковлевых (Ф. 72) и отчасти Невьянского округа Яковлевых (Ф. 78). В отличие от остальных фондов здесь сохранились переписка владельцев с заводоуправлением и другие материалы, связанные с практикой владения (в частности, описания имущества, счета, прошения, записки). Появление деловой переписки владельцев среди заводской документации явилось благоприятным для историков следствием их в целом неблагоприятного для заводов отъезда с Урала. Особую ценность представляют довольно полно сохранившиеся “повеления” Н. Н. Демидова, А. И. Яковлева и отчасти П. Н. и А. Н. Демидовых. Фактически “сплошной” анализ переписки Н. Н. Демидова (начиная со вступления во владение крупнейшим Нижнетагильским округом в 1791 г. и до кончины во Флоренции в 1828 г.) позволил нам не только представить образ заводчика в развитии, но и в деталях восстановить картину создания и укрепления системы дистантного управления заводами, практиковавшегося большинством уральских заводоладельцев первой половины XIX в.

Дополнительным (а нередко и основным) источником подобной информации являются также материалы личных фондов некоторых родов заводоладельцев в центральных архивах (РГАДА. Ф. 1480 Белосельских-Белозерских; Ф. 1252 Лазаревых; Ф. 1263 Голицыных; Ф. 1267 Демидовых; Ф. 1278 Строгановых; Ф. 1288 Шуваловых; РГИА. Ф. 652 Всеволожских; Ф. 655 Дашковых; Ф. 880 Лазаревых; Ф. 1092 Шуваловых), где реже, но все же встречается деловая переписка заводчиков (в первую очередь с их центральными правлениями, но иногда и заводами) и другая документация, касающаяся уральских вотчин. Обращение к материалам этих личных архивов позволило нам представить в роли заводчиков “пермских владельцев” Строгановых, Лазаревых, Голицыных, В. А. Шаховскую и В. П. Шувалову–Полье–Бутеро–Родали.

Определенную, но не очень значительную роль сыграли в нашей работе источники личного происхождения¹⁰². К сожалению, преобладающее большинство заводчиков не оставило дневниковых записей или мемуаров. Известны только их научные, публицистические и литературные произведения, например сочинения А. Н. Демидова по следам его путешествий в Южную Россию и Испанию, рукописи-конспекты молодой С. В. Строгановой, политические записки П. А. Строганова, работы С. Г. Строганова по археологии, архитектуре, иконописи, несколько французских публикаций сочинений М. А. Голицына, а также записки и письма, посвященные войне 1812 г. (например А. Д. Балашева и А. П. Никитина), характеризующие авторов как многогранных личностей, но не как заводчиков¹⁰³. Редким исключением являются беллетризированные воспоминания, написанные в 1858 г. по просьбе С. Т. Аксакова его сестрой Н. Т. Карташевской, в которых она описала свое недолгое первое замужество с рано умершим совладельцем Шурминско-Залазнинских заводов Н. И. Мосоловым и последующую борьбу его родственников за наследство. Но этот ценный источник еще ждет своей публикации¹⁰⁴. Незначителен также и ресурс частной переписки владельцев, касавшейся заводских дел. Хорошо сохранившаяся переписка П. Д. и Е. А. Соломирских с А. Я. Булгаковым (отцом Е. А. Соломирской), относящаяся к периоду попечительства над Сысертским округом, восстанавливает картину жизни отстраненного от управления заводовладельца на Урале, но мало связана с делами заводов. К тому же она полностью не переведена (с французского) и не опубликована¹⁰⁵.

В такой ситуации нам удалось воспользоваться лишь небольшим числом эпистолярных источников (принадлежащих в основном представителям аристократических родов) по вопросам заводской жизни или в связи с проблемами владения. Адресатами таких писем могли быть родственники (например, переписка Х. Е. Лазарева с братом Лазарем и его женой Антуанеттой Бирон), знакомые или поверенные (дружеская переписка Х. Е. Лазарева с С. Г. Строгановым об оценке Пермского имения или С. М. Голицына с Л. И. Штиглицем о переводе денег своим племянникам-совладельцам за границу), государственные чиновники (находящаяся на грани делопроизводства переписка А. Г. Лаваль с Е. Ф. Канкриным, Н. В. Всеволожского с Ф. П. Вронченко или жены А. Н. Демидова Матильды де Монфор с М. Х. Рейтерном) и даже царствующие особы (например, переписка Николая I и В. П. Шуваловой). Определенные трудности возникали при прочтении многих из этих источников, написанных на принятом в аристократических кругах французском языке. Для формирования общего представления об отдельных заводовладельцах мы использовали также немногочисленную опубликованную переписку (в частности, А. Н. Демидова с К. П. Брюлловым и Г. П. Волконским)¹⁰⁶.

Некоторый успех был достигнут также при обращении к эпистолярным источникам, мемуарам или дневникам людей, в ближний или дальний круг знакомств которых входили владельцы уральских заводов. Это, в частности, переписка А. С. Пушкина (в которой встречаются упоминания о Н. В. Всеволожском, В. П. Поле), Н. В. Гоголя (о А. Н., А. К. и П. П. Демидовых), Ж. Ромма (о П. А. и Г. А. Строгановых), А. И. Тургенева (о П. Д. и В. Д. Соломирских), дневник и письма А. И. Герцена (о А. Г. и С. Г. Строгановых), воспоминания Б. Н. Чичерина “Москва сороковых годов” (о С. Г. Строганове, С. М. Голицыне, Д. Е. Бенардаки), записки С. Г. Волконского (о встречах в Париже с Н. Н. Демидовым и А. Г. Лаваль), А. В. Поджио (о Д. Е. Бенардаки), воспоминания М. Ф. Каменской и письма С. П. Трубецкого (где упоминается В. П. Бутеро), записки

М. Д. Бутурлина, Д. Н. Свербеева, И. А. Арсеньева и воспоминания В. Н. Головиной, А. О. Смирновой-Россет (о С. М. Голицыне), Е. П. Яньковой (где описаны семейные связи Пашковых, Козицких, Бекетовых, Дурасовых), дневник В. А. Муханова и письма Карамзиных (о М. А. Голицыне и А. К. Демидовой), воспоминания Н. И. Греча (о С. В. Строгановой), П. П. Свинына (о Н. Н. Демидове), В. А. Соллогуба, В. М. Строева, Л. В. Дубельта, Ф. Ф. Вигеля, С. М. Соловьева (о С. Г. и А. С. Строгановых), С. П. Жихарева (о Е. И. Яковлевой), А. П. Керн (о А. П. Полторацкой), Н. Н. Муравьева-Карского (о Е. С. Мордвиновой), В. И. Немировича-Данченко (о А. В. и Н. В. Всеволожских), П. В. Долгорукова (о Пашковых, А. П. Никитине), дневник протоиерея Ф. Л. Карпинского (о А. С. Ширяеве, А. И. Яковлеве)¹⁰⁷. Эти опубликованные источники помогают уточнить генеалогические связи заводовладельцев, получить представление о некоторых чертах характера, взглядах, общественной и государственной деятельности, их поведении и образе жизни, знакомствах и круге общения. Но за исключением отдельных высказываний о заводовладельцах как о людях богатых (а порой и расточительных) и создавших свое богатство за счет уральских имений, сколько-нибудь подробной информации о них как заводчиках в воспоминаниях, как правило, не встречается. Эта сторона деятельности заводовладельцев отражалась на другом уровне их общения, для которого воспоминания и другие виды источников личного происхождения в то время не были характерным видом коммуникации.

Последнюю группу письменных источников составляют периодика, публицистика и художественная литература¹⁰⁸. В специализированном “Горном журнале” (выходил в Петербурге с 1825 г.) публиковались статистические обзоры по уральским заводам, аналитические записки экспертов о техническом состоянии отдельных горнозаводских округов, некоторые правительственные документы и даже статьи, написанные заводчиками (в частности, А. А. Кнауфа) или людьми из близкого их окружения (например, хорошо знакомого А. Н. Демидову французского социолога Ф. Лепле)¹⁰⁹. На страницы столичных и губернских (в частности, Оренбургских, позже – Пермских) “Ведомостей” попадала информация о вступлении наследников во владение заводами (как это требовалось по закону), о продаже заводов с публичных торгов, а также печатались правительственные распоряжения (например, об открытии Компании Кнауфских заводов). Когда на рубеже 1850–1860-х гг. стал выходить “Журнал для акционеров”, там были опубликованы материалы о деятельности тогда еще немногочисленных акционерных компаний, в частности отчеты Товарищества Суксунских заводов. Несколько материалов следствий, касавшихся управления М. В. Пашкова, И. О. Сухозанета, А. П. Загрязского и Н. Н. Подъячева, оказались опубликованными в приложении “Под суд!” к известному изданию газеты А. И. Герцена и Н. П. Огарева “Колокол” за 1859 г. Они были переданы в Лондон И. С. Аксаковым, которому достались от активного участника следствий оренбургского губернатора Е. И. Барановского¹¹⁰.

К публицистическим произведениям можно отнести многочисленные работы начала 1860-х гг. по поводу разгоревшейся тогда дискуссии о посессионном праве и предложении выкупа уральских посессионных заводов. Дискуссия, в которой принимали участие юристы и горные деятели, хорошо знакомые с заводской практикой, прошла по страницам “Горного журнала” (статьи Н. Михайлова, И. Полетики, автора, подписывавшегося инициалами И. Ч.), газет “Санкт-Петербургские ведомости” и “Московские ведомости”

(Д. А. Огородзинский, Д. Дашков), “Северная пчела” и “Современное слово”, вылилась в отдельные издания (брошюра С. М. Добровольского) и вошла в “Труды” Комиссий по пересмотру Горного устава и системы податей и сборов¹¹¹.

Из художественной и художественно-публицистической литературы в первую очередь следует упомянуть творчество знаменитого уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, во многих произведениях которого выведены яркие художественные образы заводчиков XVIII и XIX вв. Современники и исследователи его творчества не раз обращали внимание на типичность его литературных героев и указывали конкретные прототипы почти каждого из них¹¹². Так, за героем “Горного гнезда” Е. К. Лаптевым узнается П. П. Демидов, а исторической канвой этого произведения стал его приезд на Нижнетагильские заводы в 1862 г. Сюжет “Приваловских миллионов” имел основой трагическую историю разорения владельцев Сергинско-Уфалейских заводов наследников К. М. Губина (о чем упоминал сам писатель). За героями других произведений встают образы А. Ф. Турчанинова и его наследников (“Охонины брови”, “Из уральской старины”) и владельца Ревдинско-Рождественских заводов П. А. Демидова (выведенного в образе В. П. Додонова в повести “Доброе старое время”). Произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка позволяют глубже почувствовать ту эпоху, представить конкретных людей, а также организацию управления заводами (в частности, значение приездов владельцев), действие опеки и конкурсов, чего зачастую не могут дать другие виды исторических источников.

Зримые образы заводовладельцев (или жен, дочерей заводчиков) – просвещенных представительниц салонного столичного общества первой половины XIX в. – представлены в отечественной поэзии. Графиня Н. В. Строганова (жена владельца Кыновских заводов А. Г. Строганова) была возлюбленной А. С. Пушкина, описавшего ее в образе великосветской Татьяны в заключительной главе “Евгения Онегина”. Известно о влюбленности поэта и в княгиню Е. И. Голицыну (жену владельца Нытвенских заводов С. М. Голицына), знаменитую “*Princesse Nocturne*”, которой он посвятил стихотворный экспромт “Краев чужих неопытный любитель” и оду “Вольность”. Дружеские отношения связывали А. С. Пушкина с графиней Е. М. Ивелич (дочерью совладелицы Сысертских заводов Н. А. Ивелич), ставшей прототипом Дельфиры в “Руслане и Людмиле”. “Соименнице зари” А. К. Шернваль-Демидовой-Карамзиной (совладелице Нижнетагильских заводов) посвящены стихи Е. А. Баратынского (“Девушке, имя которой было Аврора” и “Запрос Муханову”), П. А. Вяземского (“Нам сияет Аврора”) и поэма “Аврора” рано умершего поэта “серебряного века” Г. В. Маслова¹¹³. Совладелица Шурминско-Залазнинских заводов Н. Т. Карташевская описана в сочинениях-воспоминаниях своего брата С. Т. Аксакова. Она же явилась прообразом неоконченной повести писателя “Наташа”, в которой выведены и породнившиеся с Аксаковыми заводчики Мосоловы. Среди персонажей автора “Семейной хроники”, “Детских годов Багрова-внука” и “Воспоминаний” упоминаются также члены родов уральских заводчиков Дурасовых, Тевкелевых, Тимашевых, Глазовых. Некоторые представители “тагильской” ветви рода Демидовых, известные своей благотворительностью и родственными связями с европейской аристократией, запечатлены в произведениях западноевропейских писателей. Так, о Н. Н. Демидове как благотворителе и меценате вспоминал Ф. Стендаль в “Прогулках по Риму”. В знаменитой эпопее М. Пруста “В поисках утраченного времени” не раз упоминается об общественной деятельности в Париже жены А. Н. Демидова принцессы Матильды, ставшей одной из самых высокопоставленных особ Второй империи¹¹⁴.

Кроме документов и нарративов при подготовке нашего исследования были использованы изобразительные источники. В первую очередь это живописные и скульптурные портреты заводовладельцев и заводовладелец, созданные российскими и европейскими мастерами от К. П. Брюллова и П. Ф. Соколова до Дж. Доу и К. Морелли, Ж.-П. Дантана и Б. Торвальдсена¹¹⁵. Эстетические и психологические впечатления от них дают представление о внешнем облике и “внутреннем мире” наших героев. В последние десятилетия исследователи все больше обращаются к этим произведениям изобразительного искусства, осуществляя как многотрудную источниковедческую критику (под патронажем Международного Демидовского фонда и Демидовского института запущен, например, проект “Художественные коллекции Демидовых в музеях России”), так и не менее сложную их интерпретацию, требующую особого инструментария¹¹⁶.

Значительный потенциал информации содержат картографические источники, позволяющие наглядно представить географическое положение и масштабы горнозаводских округов, увидеть организацию производственных связей заводов, характер которых не мог не влиять на эффективность хозяйств. Для наших целей мы использовали, в частности, обнаруженную в РГАДА информативную “Карту Пермской, Вятской, Оренбургской, частию Вологодской и Казанской губерний с показанием казенных и частных горных заводов с их округами и земель пограничных линий Оренбургской и Уральской с казачьими и войсковыми оных землями” за 1847 г. (отчасти представленную на вкладке)¹¹⁷

Как видно, малоизученность темы владений и владельцев уральских заводов первой половины XIX в. предопределила приоритет архивных материалов нашего исследования в сравнении с использованными публикациями. Большинство из них впервые вводится в научный оборот. Критика источников проводилась нами в соответствии с общепринятыми в современном источниковедении общими и специальными методиками гуманитарного характера. Разрабатываемый круг источников и примененные методы синтеза и анализа содержащейся в них информации позволяют, на наш взгляд, достаточно полно воссоздать практики владения всеми родами заводчиков всеми частными горнозаводскими округами Урала первой половины XIX в.

Глава II. Владения: состав и статус

II.1. Статус владений и эволюция прав заводчиков

Горнозаводская промышленность изначально рассматривалась российской властью как особая, стратегически важная отрасль экономики, для развития которой законодательно создавались и особые правовые условия. Особый статус постепенно приобрели и формировавшиеся из разных категорий населения России владельцы металлургических заводов. Политика всеословности в подходе правительства к развитию частного предпринимательства в горном деле в XVIII в. привела к появлению в составе уральских заводчиков наряду с баронами Строгановыми и князьями Голицыными, симбирских купцов И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, тульских оружейников Демидовых и Мосоловых, верхотурского посадского человека М. М. Походяшина, государственного крестьянина С. Я. Яковлева и монастырских крестьян Осокиных.

Хотя многие из “старинных” заводовладельцев еще в XVIII в. приобрели дворянские дипломы, в первой половине XIX в. среди уральских заводчиков наряду с дворянами значились купцы, именитые и почетные (с 1832 г.) граждане и мещане. Однако купцы 3-й гильдии и мещане по сенатскому указу от 27 июня 1823 г. (на основании Городового положения 1785 г. “право иметь и содержать фабрики и заводы” давалось только купцам 1-й и 2-й гильдий) были выведены из состава заводчиков. Их обязали либо немедленно вступить “узаконенным порядком” в 1-ю или 2-ю купеческие гильдии, либо “в полугодный срок” продать свои заводы “имеющим право владеть оными”¹.

И все же в горнозаводском законодательстве первой половины XIX в. сословные различия владельцев постепенно заменялись общими для всех них правовыми нормами, систематизированными в Проекте Горного положения 1806 г. и наследовавших ему Горных уставах трех редакций (1832, 1842 и 1857 гг.)². Перед ними отступали не только права податных сословий, но и мало чем ограниченные права дворян. Как утверждалось в положении Комитета министров от 23 января 1814 г., “права дворянства до толе должны простираться, доколе они не касаются прав заводчика, которые особенно определены законом, и все действия к заводам относящиеся должны быть располагаемы по правилам, для заводчиков уже предписанным”³. Власть, таким образом, как бы выделяла горнозаводчиков в особую внесословную группу, наделенную особыми, только ее касавшимися правами и обязанностями. Эти законодательные нормы не отменяли прежних сословных прав владельцев, но дополняли их новыми по отношению к заводам и государству.

С большой долей уверенности можно говорить о формировании особого юридического статуса горнозаводчиков, естественно вытекавшего из специфики их социальной роли и искусственно фиксируемого государством в законах. Но этот статус не являлся одинаковым для всех владельцев. Еще в конце XVIII в. в их составе были выделены две группы, различавшиеся кругом своих прав и обязанностей. Эти отличия лишь отчасти обуславливались сословными правами владельцев (точнее, они учитывали сословие первых владельцев – основателей заводов). Они определялись не положением владельца, а введенным в 1794 г. статусом горнозаводских владений, который зависел от отношений

владельца с казной. Эти отношения определялись тем, пользовался ли заводчик государственной помощью в виде различных “натуральных” или “правовых” пособий или вел свое “дело”, опираясь лишь на собственные средства и возможности.

Предоставление казенных пособий являлось частью государственной политики “горной свободы”, провозглашенной петровской Берг-привилегией в 1719 г. с целью ускорить развитие металлургической промышленности в еще слабо освоенном, но перспективном регионе, каким был тогда Урал. Эта политика привела к появлению в составе уральских заводчиков представителей таких социальных слоев, которые по существующим тогда законам не обладали правом собственности на землю и людей, и в силу этого без помощи государства не сумели бы успешно организовать свое “дело”.

В то же время закономерным юридическим следствием привилегии 1719 г. “все, и каждому... какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы” явилось утверждение в России принципа “коронной” собственности на недра земли, прежде “не установленной законом положительным” (позже была признана собственность казны и на леса)⁴. Этот продуманный шаг царя, вводивший существенные ограничения прав частной земельной собственности (хотя у землевладельцев сохранялось предпочтительное право “к устройению заводов”), с одной стороны, создал правовые основания для введения налога на “горный промысел”, с другой, расширил возможности для устройства заводов на Урале предпринимателям недворянского происхождения (на которых, в первую очередь, и рассчитывал монарх), позволяя им основывать заводы на частных землях с условием уплаты собственнику $\frac{1}{32}$ части прибыли. В результате в отношении недр (а, значит, и содержащихся там руд) и лесов, которые признавались собственностью государства, Строгановы и другие заводчики из дворян оказались в равном положении с заводчиками, основавшими свои предприятия на землях казны.

Государство оказало помощь заводчикам и в отношении другого, не менее важного для устройства заводов “социального” ресурса. Они получили в свое распоряжение приписных государственных крестьян, казенных мастеровых и вечноотданных. Разрешенная в 1721 г. покупка крепостных к заводам касалась не только заводчиков недворянского происхождения, но и дворян, которые желали строить заводы на Урале, но не имели здесь собственных населенных имений⁵. Царский указ наложил равные обязанности на тех и других в отношении крепостных заводских людей, тем самым сблизив их по условиям владения и этим казенным пособием.

В результате принятых в петровское время законов все заводчики оказались в равном положении, в первую очередь, по отношению к природным ресурсам и должны были платить государству равную по величине горную подать. “Токмо нам одним, яко монарху, принадлежащие рудокопные заводы и оных употребления каждому и вообще всем, кто к тому охоту имеет, милостиво соизволяем, – собственноручно записал Петр I в Берг-привилегии, – только требуем не больше, яко ж во иных государствах обыкновенно есть, десятую долю от прибытка к заплате Берг-коллегии его служителям и на иные потребные к тому расходы”⁶.

То, что государство не требовало от заводчиков, основавших заводы на казенных землях, платить повышенную подать, дало специалистам середины XIX в. основание утверждать, что “вспомоществуя всемерно частной горной промышленности, правительство не смотрело на возведенные партикулярными людьми горные заводы как на источник

для умножения доходов казны. Взгляд его на дела государственные был более возвышенный, более широкий; оно видело в горных заводах верное средство обогащения и просвещения страны”⁷. Однако уже в “Напяматовании” В. Н. Татищева, поданном Петру I в 1724 г., главный командир предлагал ввести дифференцированный налог с заводчиков, построивших заводы на казенных землях. Не добившись тогда успеха, Василий Никитич вторично попытался ввести налог на эти земли в проекте своего “Заводского устава”. На этот раз в своем намерении он опирался на инструкцию, данную ему Берг-коллегией 23 марта 1734 г., где было впервые высказано намерение брать с заводчиков, основавших свое “дело” на землях казны, ту же $\frac{1}{32}$ часть прибыли в пользу государства. Но протесты заводчиков, приглашенных на обсуждение, вновь не позволили изменить принципы Берг-привилегии. Вышедший в 1739 г. Берг-регламент сохранил плату за землю только частным землевладельцам, в имениях которых “посторонними людьми” основывались металлургические заводы, да и та была снижена до 2 % прибыли. После нескольких несостоятельных попыток ввести налог на казенные земли в 1740–1750-е гг., Сенат указом от 10 мая 1767 г. вновь решил этот вопрос “на точной силе Берг-привилегии”. “Главная Короне польза”, как посчитали сенаторы, заключалась в том, что “через распространение рудоплавильных заводов земля богатеет и процветать может; пустые же и бесплодные места многолюдством населены будут”⁸.

В целом можно согласиться с тем, что в период становления уральской горнозаводской промышленности казенные пособия действительно способствовали развитию частного предпринимательства, в первую очередь, недворянского, создавая для него фактически равные условия с заводским “делом” дворян. Когда же во второй половине XVIII в. дворянству были возвращены отнятые Петром I права и привилегии, неизбежным стало и изменение отношения власти к вопросу о правах заводчиков.

В современной научной литературе распространено мнение о том, что разделение заводов на посессионные и владельческие произошло по манифесту 28 июня 1782 г.⁹ Впервые оно было изложено в историческом обзоре Комиссии по пересмотру Горного устава 1863 г. Однако уже тогда многие специалисты посчитали его ошибочным или по крайней мере неточным. Так, редактор “Горного журнала” И. Полетика утверждал, что “в этом указе никаких подразделений между заводовладельцами не сделано и до самого конца царствования Екатерины никакой разницы в правах владения заводами не существовало”¹⁰. Капитан Н. Михайлов, один из авторов общего доклада о частной горной промышленности, подготовленного в 1862 г. для Комиссии по пересмотру Горного устава, справедливо уточнял, что манифест 1782 г., уничтожив “коронный принцип Берг-привилегии на недра земли, положил юридическое основание частным горным заводам на полном владельческом праве”. Но заводы эти, считал он, “в отношении государственных повинностей” не были отличены от заводов, учрежденных на землях казны, и, как те, так и другие были уравнены в платеже податей¹¹.

Действительно, передав по манифесту 28 июня 1782 г. землевладельцам право собственности на недра (а указом от 22 сентября того же года и на леса) и запретив “иначе основывать заводы, как или на своей собственной земле, или же по добровольному условию с другим на принадлежащей сему последнему”¹², государство сделало лишь первый шаг, создав юридический повод для пересмотра прежней “петровской” политики. В сложившейся ситуации предоставленные ранее землевладельцам руды и леса для действия их заводов уже не могли рассматриваться в качестве пособий от казны.

Вопрос был поднят правительством через год после издания манифеста. В запросе генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому от 3 мая 1783 г. верховная власть спрашивала мнения, “не следует ли и не будет ли отяготительно, чтобы и те, кои по данным прежде дозволениям имеют заводы в землях казенных, и к ним приписанные леса, особливо же и причисленных казенного ведомства крестьян, платили некоторый сносный для них оброк за земли и леса, ими на пользу свою употребленные, по мере прибытка ими получаемого?” Тогда это предложение осталось без последствий, вероятно, как пишет Н. Михайлов, “за неполучением от казенных палат необходимых сведений для приведения его в исполнение” (для составления этих сведений потребовалось более 10 лет)¹³.

Вторым и решающим шагом к статусному разделению заводов стал именной указ от 23 июня 1794 г. В связи с тем, что цены на металл возросли, правительство решило тогда поднять горную подать с частных заводов “для пособия государственным надобностям”. Но надбавка оказалась вдвое выше для тех заводов, которые были “заведены частными людьми с пособием от казны, получив для этого земли и леса или же приписных из ведомства казенного крестьян”¹⁴. Таким образом, свое давнее намерение собирать дополнительную подать с заводчиков за пользование казенными пособиями государство реализовало не в виде особого “оброка”, а в форме повышенной горной подати. В результате установилась полуторная разница в величине этой подати между заводами, пользовавшимися пособием от казны и без такового.

Новый принцип налогообложения, таким образом, окончательно выделил из состава заводчиков (до 1782 г. находившихся в равном положении в распоряжении принадлежавшими казне лесами и рудами) тех, которые завели свои заводы в собственных имениях или на купленных или кортомленных ясачных землях и пользовались трудом своих крепостных. Они оказались в новой роли полноправных собственников заводских имений и стали платить, как тогда выражались, “одинакую” горную подать. Заводчики, которые основали свои заводы на казенных землях, сохранили прежний статус “пользователей казенных пособий”, но стали платить за это повышенную “полуторную” подать. К этой же группе были отнесены владельцы переданных им казенных заводов, юридический статус которых прежде не был четко определен.

При разделении заводов и заводчиков на две группы государство вынуждено было вновь отказаться от сословного принципа, поскольку казенными пособиями в то время уже пользовались и одворянившиеся потомки “фундаторов” из податных сословий. Даже переход заводской собственности в руки дворян (по наследству или путем покупки) не менял статуса владения. Именной указ от 16 марта 1798 г. предписал дворянам, “купившим заводы от недворян, содержать заводы на тех же самых обязательствах, на которых они до покупки состояли”¹⁵.

В дальнейшем законодательство попыталось преодолеть сохранявшуюся “уравнительность” в платежах повышенной подати для всех заводов “с пособием от казны”, независимо от величины и характера этого пособия. Еще в конце XVIII в. при составлении списков заводов чиновники столкнулись с этой проблемой, решить которую помог тогда сенатский указ от 30 января 1800 г., предписавший “всех тех заводчиков почитать имеющими от казны пособие, какое б оное ни было”¹⁶. Однако, вскоре властям пришлось вернуться к этому вопросу в связи с жалобами заводчиков и поданной в 1802 г. Александру I и министру финансов графу А. И. Васильеву “запиской” коллежского секретаря Калашникова.

Проехав по уральским заводам как “постороннее лицо”, он решил, что несколько заводов (Варзино-Алексеевский – Тевкелевых, Пыжманский – Кобелевых, Берсудский – Маленковых, Шурминский – И. А. Мосолова, Коринский – Красильниковых и Таишевский – Иноземцевых) бездействовали или находились на грани остановки “единственно от единообразной подати”. Особо убедительным, видимо, показалось сравнение Верх-Исетского завода Яковлевых с Шурминским заводом И. А. Мосолова. На первом, писал Калашников, руды содержат от 56 до 60 % чугуна и поставляются с расстояния от 3 до 40 верст по 3 коп. с пуда. На втором содержание руд было в пределах 25–35 %, а рудники находились в 25 и до 100 верст от завода, так что доставка руд обходилась вдвое дороже. “Если заводы не будут уравнены в пособиях от казны, – считал он, – ...то едва дымящиеся заводы к упованию только на всемилостивейшее обеспечение их, остановятся”. В этой связи Калашников предлагал разделить руды по качеству на “классы” и “прибавить подати на чугун на средний и высший классы, а нижний оставить на прежнем положении или даже сложить”. Кроме того, он считал целесообразным отводить леса всем заводам, “сообразуясь с годовой пропорцией или заводской производительностью” и сократить число приписных крестьян, оставив “только число непременных и нужных людей”, поселенных на заводах¹⁷.

По “Высочайшему” повелению и сенатскому указу от 23 января 1803 г. Экспедиция для решения старых дел и счетов при Берг-коллегии предприняла “разбор дела”, но столкнулась с массой технических трудностей по сбору данных от заводов и казенных палат и их сопоставлением. В 1805 г. чиновники доносили, что “по обширности сего предмета не успели еще собрать нужные сведения”. Ситуация не изменилась и через три года. В итоге дело “об уравнивании податей” так и не было завершено. В 1807 г. Пермское Горное правление нашло выход, по-видимому, устроивший запутавшиеся в этом деле высшие горные инстанции. Тогда было предложено считать пособием от казны не только людей, землю, леса и руды (то есть “вещественные пособия”), но и само право пользоваться ими, предоставленное заводчикам – недворянам. “Столь ясное о пособии казны заводчикам положение, – считали чиновники, – не исключит по сим статьям никого от прибавочной подати”¹⁸. Таким образом, единственным прямым следствием “разбора” стало появление в перечне казенных пособий еще одного “правового” пособия.

Дополнительный вид пособия был узаконен при проведении второй министерской реформы. В “Учреждении Министерства финансов” от 25 июня 1811 г. казенные пособия частным заводчикам были разделены на пять видов: 1) в людях; 2) в землях; 3) в лесах; 4) в рудниках. К пятому были отнесены те заводчики, “кои получили позволение владеть заводом и при оном крепостными людьми, не имея права дворянства”. Но от Департамента горных и соляных дел этого Министерства (к которому перешли функции упраздненной Берг-коллегии) вновь потребовали, “чтобы подати были уравнены по числу и количеству данных заводчикам пособий”¹⁹. Там был составлен проект новых правил уплаты горных податей, “сообразно полученных заводчиками пособий в людях, лесах и рудниках”. Но при рассмотрении в Министерстве финансов в 1813 г. его нашли “по местным обстоятельствам совершенно неудобоисполнительным”. Приняв во внимание то, что “со стороны заводчиков не было заявлено жалоб на тягость податей”, было решено “оставить пособия в прежнем виде”²⁰. Это привело к тому, что завод считался посессионным в случае, если пользовался любым из установленных видов пособий, а их “оптовая система”, как называли ее специалисты, действовала в течение всей крепостной эпохи.

Параллельно с решением вопроса о величине горной подати и составе казенных пособий утверждались и нормы нового вида права, которые являлись своего рода условиями предоставления и пользования заводчиками различных казенных пособий. Сам термин “посессия”, как определенное пособие частному предпринимателю от казны, в российском законодательстве впервые встречается в указе от 18 октября 1797 г. “О свидетельствовании казенных земель и прочих посессий к частным фабрикам и заводам приписанных”²¹. Указ от 13 октября 1825 г. перенес акцент в трактовке посессии с самого пособия на предприятие, которое им пользовалось. “Все те заводы или фабрики, к коим отведены были от казны земли или строения, или приписаны мастеровые люди, или дано позволение на покупку к оным крестьян, составляют имущества, называемые посессиями”, – говорилось в этом указе²². Таким образом, пользование посессиями приобрело форму особого права на заводское имущество. Однако в российском гражданском законодательстве первой половины XIX в. не было четкого определения сущности посессионного права, что и вызвало неоднозначность его трактовок в обществе.

Наиболее остро эти разногласия проявились в ходе подготовки либеральных реформ 1860-х гг., одной из которых должна была стать реформа горного управления. Деятельность созданных в 1862 г. при Министерстве финансов Комиссий по пересмотру Горного устава и системы податей и сборов вызвала широкий резонанс в обществе. На страницах периодической печати и научных изданий, “Трудов” двух правительственных Комиссий развернулась дискуссия о сущности и перспективах посессионного права.

Участники дискуссии, от исхода которой во многом зависела дальнейшая судьба горнозаводской промышленности, основывали свои выводы на действующем гражданском законодательстве. Оно предусматривало три “рода” частной собственности: полную, неполную, или ограниченную, и общую. Полное право собственности включало всю номенклатуру прав (“когда владение, пользование и распоряжение соединяются с укреплением имущества в одном лице”), а неполное исключало из нее какие-либо из перечисленных разновидностей (“когда ограничивается в пользовании, владении или распоряжении также неполными на то же самое имущество правами”). В частности, закон устанавливал возможность отделения от права собственности права владения и пользования. Право собственности, принадлежащее нескольким лицам на одно и то же имущество (“которое есть либо неделимое, либо подлежащее разделу”), называлось общим, или правом общего владения²³.

Государственные Комиссии безоговорочно признавали посессионные земли и леса казенными, “не ограниченными никаким посторонним участием”. Именно из такого представления вытекало предложение о возможности выкупа заводчиками этих “казенных пособий” в собственность. Близкой позиции придерживался Н. Михайлов, считавший, что “посессионное право, рассматриваемое с точки зрения исторической и теоретической, не есть право владения, но лишь право пользования, ограниченное известными пределами и подчиненное во всех главнейших моментах своего проявления непосредственному контролю государства, как собственника отведенных в пособие заводам земель, лесов и рудников”²⁴.

И. Полетика и уполномоченный Верх-Исетских заводов Д. А. Огородзинский находили основания толковать “горнозаводскую посессию” как право частной собственности, но не полное, а ограниченное. Наиболее “радикальную” позицию отстаивал профессор права С. М. Добровольский, главноуполномоченный Нижнетагильских заводов, считав-

ший, что посессионное право “составляет действительное право собственности, обусловленное или ограниченное только известным образом”. Анонимный участник дискуссии И. Ч. приходил к выводу, что “казне на посессии принадлежит ограниченная, неполная собственность, а заводчикам владение, составляющее само по себе отдельное право, определенное актами, которыми оно установлено”. Такого же мнения придерживался А. Петров, утверждавший, что “право владения посессионных заводчиков не может быть отнесено ни к полной, ни к неполной собственности, а должно быть причислено к отдельному владению”²⁵.

В итоге специалисты так и не пришли к общему заключению, убедившись, что “посессия составляет право темное, запутанное и неопределенное” (что привело к неутверждению нового Горного устава). Между тем, они признавали, что “всякому владельцу, желающему действовать сознательно и рационально, необходимо знать прежде всего права свои и быть уверенным в их ненарушимости”²⁶. Чтобы разобраться в этих правах, обратимся к анализу горнозаводского законодательства.

Проект Горного положения, введенный в действие как “временный устав” 13 июля 1806 г., вобрал в себя все важнейшие узаконения по горной части, действовавшие на то время. Он также включал новые нормы, вытекавшие из различий в формах собственности на частные заводы. Именно на него в первую очередь опирались на практике горные власти и сами заводчики. “Объявить... господину Бекетову, – отписало Горное правление в 1826 г. только вступившему в свои права заводчику, – что обязанности заводсодержателя... подробно изображены в Проекте Горного положения и других изданных на сей случай узаконениях, которыми он и может руководствоваться”²⁷. Поскольку Проект вышел вскоре после фактического провозглашения различий в формах собственности на частные заводы, его положения можно условно считать правообразующими, то есть такими, которые фиксировали первоначальные нормы разделившихся посессионного и владельческого права.

В соответствии с Проектом, казенные пособия заводчику считались своего рода “участием” государства в предпринимательстве частного лица, участием условным и бессрочным. Получение их было обусловлено “непременным производством горного промысла”, с прекращением которого прекращалась и возможность их использования. Заводчик-посессионер выступал в качестве главного действующего лица совместного с казной “предприятия”, участвуя в нем своими капиталами и усилиями по организации производства. Результатами такого участия являлись, во-первых, сами заводы (заводские строения и оборудование), то есть недвижимое имущество и, во-вторых, “все капиталы заводские, как в деньгах, так и в припасах, рудах и обработанных произведениях состоящие”, то есть движимое имущество заводов. Эти имущества по закону принадлежали исключительно “хозяйственному распоряжению” заводчика и могли им “употребляться по своему произволению”²⁸. С прекращением заводского действия “вещественные пособия” должны были возвращаться казне. Однако сами заводы и движимое имущество оставались в распоряжении владельца. Посессионер, в отличие от “полного” владельца, не платил поземельные налоги за “отводные дачи”, а только за те земли, которые покупал “по праву собственности”²⁹. Владение посессионными округами несколько напоминало поместную систему как разновидность условного землевладения за “государеву службу”.

Различие заключалось в том, что в условиях Урала эта “служба” выражалась в ведении заводчиком “горного промысла”. Можно сказать, что здесь сохранилось ушедшее в прошлое еще в начале XVIII в. деление земельной собственности на вотчины и поместья³⁰.

Поскольку изъять свое “участие” из посессии государство не могло, пока действовали заводы, то вполне естественным становился переход заводов после смерти владельца его наследникам*. Поскольку пособия предоставлялись заводам, а не лицам, то у посессионера, как и у вотчинника, появлялась возможность “переукрепить” (продать**), отдавать в залог или аренду) заводы, но только с разрешения Департамента горных и соляных дел (указ от 30 сентября 1802 г.) и не иначе, как без раздробления (указ от 20 апреля 1762 г.)³¹. Поскольку все виды недвижимого имущества посессионных заводов оказывалось в сложных юридических отношениях друг к другу, посессия приобретала характер

* Это могло произойти либо по завещанию, либо по закону. Однако в первом случае владелец имел право по собственному усмотрению распорядиться только “благоприобретенным” недвижимым имуществом. “Родовое” имение (то есть перешедшее ему в свое время от предков) могло быть передано наследникам в соответствии с установленными законом правилами. Эти же правила применялись по отношению ко всему наследуемому имуществу при отсутствии завещания. Что касается порядка наследования, то “ближайшее” право после отца и матери принадлежало законным сыновьям, а в случае их смерти – внукам. Первые делили наследство между собой поровну, вторые – также поровну в унаследованной ими “сыновней части”. Но прежде из наследства исключались так называемые “указные части”. К ним относились “вдовья часть”, составляющая $\frac{1}{7}$ недвижимого и $\frac{1}{4}$ движимого имущества, а также “дочерняя” (касавшаяся незамужних и не получивших приданого дочерей), равнявшаяся соответственно $\frac{1}{14}$ и $\frac{1}{8}$ частям наследства. В случае, если у умершего не было сыновей, в их права вступали дочери, а если не было и их, то ближайшие “по первородству” родственники (братья, сестры и их потомки).

При отсутствии завещания имущество сначала описывалось, а в “публичных Ведомостях” давались “объявления” для вызова наследников и подачи возможных “долговых претензий” в течение полугода. Наследники обязаны были предоставить “в присутственное место”, где было открыто дело, доказательство своего родства и, если таковое признавалось действительным, после истечения установленного срока “вступали во владение”, подписывая так называемые “отказные книги”. Пока наследники не были утверждены в правах или еще “не объявлялись”, имущество отдавалось в ведение дворянской опеки или сиротского суда (для недворян). Вступив во владение, наследники (если их было несколько) могли провести “полюбовный раздел” наследства (“натуральный”, когда каждый наследник получал часть имущества, или “долевой”, когда имение оставалось в общем владении, но каждый владелец считался собственником унаследованной части) в двухгодичный срок со дня подачи хотя бы одним из них прошения. В противном случае раздел осуществлялся по закону “в судебном порядке”.

При наличии завещания процедура “ввода в наследство” значительно упрощалась. Требовалось только “объявить” его “в присутственных местах” в 3-месячный срок, и наследники могли “вступить во владение”. Но в тот же срок они имели право “объявить спор” на завещание, если были не согласны с его условиями. В таком случае в суде “открывалось дело”, которое могло затянуться на неопределенное время (срок давности равнялся 10 годам). Тогда для управления имением учреждалась опека. Она же автоматически устанавливалась в случае, если кто-либо из наследников не достиг совершеннолетия. Часть наследства, доставшаяся малолетнему, попадала тогда же “под запрещение совершать какие-либо крепости и акты”. По достижению 14-летнего возраста “малолетний” владелец получал право “испросить себе попечителя для совета и защищения во всех делах” с правами, равными назначенным опекунам. В 17 лет он “вступал в управление своим имением”, но не мог еще самостоятельно осуществлять любые сделки и распоряжаться капиталами. Только в 21 год наступала полная правоспособность. Тогда же прекращались опека и попечительство. Все эти правила устанавливались “гражданскими законами” и, поэтому, в равной степени относились как к посессионерам, так и вотчинникам (ПСЗ-I. Т. 20. № 14392. Ст. 212, 213; СЗ 1857 г. Т. 10. Законы гражданские. Ст. 213–225, 1104, 1127–1148, 1222–1225, 1240–1241, 1318).

** Обращает на себя внимание то, что при продаже цена посессионных горнозаводских округов была ниже цены владельческих. Это объясняется тем, что в цену первых не входила земля, отведенная от казны, хотя она, как неотделимое имущество, передавалась покупателю вместе с заводами. При частной продаже цена устанавливалась по “добровольному соглашению” с покупателем. Если заводы находились в залоге, то залоговые обязательства либо переводились на покупателя и в этом случае вычитались из цены, либо выплачивались при совершении сделки. При продаже “с публичных торгов” цену заводу устанавливало Горное правление “из расчета 10-летней сложности”, когда цена равнялась сумме заводского дохода за 10 предыдущих лет (ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 127; Оп. 32. Д. 4082. Л. 484–494; Д. 4481. Л. 1).

“нераздельного владения”, служившего своего рода гарантией прав обоих “участников” (государства и частного лица). “Недвижимое имущество частных горных промыслов и заводов, имеющих от казны пособие, – говорилось в указе от 13 декабря 1820 г., – есть неотделяемая принадлежность оных... Никакая из сего имущества часть не может быть переукреплена [то есть отделена] иначе, как вместе со всем заводом, к которому она принадлежит”³². Этот “коренной” принцип посессионного права с юридической точки зрения обеспечивал казне получение дохода, а заводчику предоставлял возможность бесспорно пользоваться пособиями от казны, хотя и накладывал на него определенные ограничения, которые отсутствовали у владельцев заводов на полном праве собственности.

Так, заводчики-вотчинники имели “полную свободу располагать своей собственностью и делать на своих землях заведения, какие для себя они сочтут полезными”. Поэтому в их обязанности входило “доносить только за известие” в Горное правление о своем намерении строить новый завод, увеличивать или уменьшать производительность старого или менять его профиль. Заводчик должен был лишь за месяц до пуска завода заявить об этом Горному правлению, “дабы оно знало, с которого времени считать льготные годы” (10-летний период, когда не взималась горная подать с вновь основанного завода)³³.

В отличие от заводчиков-вотчинников, посессионеры должны были “просить позволения” у горного начальства на возведение нового завода “в отводе, сделанном уже к прежде выстроенному его собственному заводу”. Такое же ограничение устанавливалось, если заводчик намеревался “увеличить действие завода умножением печей, горнов и машин” или “уменьшить действие завода в одном роде, с тем, чтобы увеличить оное или ввести совсем новое в другом роде заводских произведений”. Разрешение давалось в том случае, если Горное правление убеждалось, “не потерпит ли казна через таковую перемену уменьшения в своих доходах” и “достаточно ли будет на полное и непрерывное действие руд и на вечные времена лесов”. На усмотрение заводчика или заводской конторы отдавалось лишь само “строение фабрик и всех заводских принадлежностей”, которые ими могли располагаться “таким образом и в тех местах, как и где обстоятельства времени будут требовать и обстоятельства места позволять”³⁴.

После издания манифеста 1782 г. частной собственностью стали считаться и все рудные месторождения, обнаруженные в вотчинных имениях. Поэтому только от владельца зависело, разрабатывать их или оставить “в туне”. Единственное, что требовалось от заводчиков-вотчинников, так это подать сведения об открытии нового рудника в Горное правление “для того только, чтобы знать, где какие металлы имеются в недрах земных по губерниям”. Правда, государство оставляло за собой право наблюдать, “чтобы не только добыча руд и вообще разработка рудника производима была правильно, но и количество добываемых руд было в такой соразмерности, чтобы вдруг не могло обессилить рудника и завод привести в упадок или в совершенную остановку”, что было чревато сокращением доходов казны³⁵. Своего статуса вотчинник не лишался и в случае, если ему отводился рудник на казенных землях. Он только должен был платить государству особый налог по 1 коп. с каждого пуда добытой руды³⁶.

В посессионных владениях государство не только сохраняло контроль за разработкой рудников, но и оставляло за собой возможность распоряжаться минеральными ресурсами отводных земель. Руды “профильных” металлов, обнаруженные в посессионных владениях, “составляли принадлежность заводов, к коим земля, где они лежат, отведена”. Поэтому искать их можно было так же, как и во владельческих округах, с разрешения заводчика или

заводской конторы, но право разработки предоставлялось только владельцу завода. Руды “другого металла, кроме того, который выплавляется или выделяется на заводе”, здесь считались собственностью казны. Владельцы не имели на них права, а потому искать и разрабатывать руды можно было каждому “с ведома горного начальства”³⁷.

Серьезные ограничения на владельцев посессионных заводов накладывались казной и в пользовании отводными лесами. В отличие от лесов, принадлежавших заводчикам “по праву дворянства” и с 1782 г. отданных им в полную собственность, отводные леса находились под “главным управлением и заведыванием” Горного правления с участием чиновников Лесного департамента Министерства государственных имуществ. Это “заведывание” выражалось в “строгом наблюдении” горных властей за тем, “чтобы всякий завод не более годового количества дров вырубал и чтобы рубка оных производима была на установленном порядке, по заводским правилам и учреждениям”³⁸.

По этим правилам полагалось отводные леса разделить на лесосеки, полный оборот которых давал бы возможность “векового действия” завода. “Внутреннее хозяйство, распоряжение, порядок в ежегодном назначении вырубки лесосек, отвод для продовольствия частных людей, соблюдение правил лесоводства и всех заводских учреждений по сему предмету, равным образом сохранение лесов вообще” считались обязанностью заводских контор, находившихся под казенным наблюдением. Посессионные заводы не должны были рубить леса и заготавливать угля больше годовой нормы после того, как сделали двухгодовой запас этих материалов. В случае недостатка лесов Горное правление могло отвести новый участок “из пустопорожних казенных лесов, ежели таковые имеются поблизости завода”, для чего периодически проводились межевания³⁹. Но, пока этого не произошло, лес “на заводское действие” отпускался из казенных дач за так называемые “попенные деньги” (около 1,75 коп. за куб. саж.) или даже бесплатно по особому разрешению Сената⁴⁰.

Наконец, заводчики-вотчинники и заводчики-посессионеры различались в правах на рабочую силу. Первые распоряжались своими крепостными рабочими, как говорилось в манифесте 1782 г., “во всем пространстве прав полной собственности”. Единственным ограничением, распространявшимся на них так же, как и на посессионеров, являлось введенное манифестом 5 апреля 1797 г. и указом от 16 марта 1798 г. обязательство “распределять работы крепостных на заводах таким образом, чтобы при отправлении оных находилась всегда одна только половина годных к работе, а прочие оставались при сельских своих занятиях”⁴¹. Проект Горного положения предписал им, наравне с посессионерами, иметь госпиталь при каждом заводе “на том основании, как таковые учреждаются при заводах казенных”⁴². Крепостные владельческих заводов обязаны были нести все повинности, как того требовали общегражданские законы, и не освобождались от исправления их “натурою” (то есть людьми или работой)⁴³.

В отношении разнородной рабочей силы посессионных заводов закон был более категоричен. В соответствии с докладом Комитета министров от 30 июня 1803 “при заводах и фабриках” могли состоять мастеровые трех “родов”: 1) “мастеровые и рабочие люди казенные, вечно отданные с заводами без всякого платежа”; 2) “казенные, за коими по указу 1736 г. от заводчиков куда следует заплачены деньги” (так называемые “вечноотданные”, происходившие “от пришедших на заводы из разных ведомств или же незаконорожденных и не помнящих родства”) и 3) “покупные заводчиками по данным им привилегиям” (так называемые “заводские крепостные”)⁴⁴. Проект Горного положения обязал заводчиков

содержать казенных мастеровых и рабочих людей “на том же положении, на каком они находятся по казенным заводам, не отягощать их излишне работами и употреблять только в те работы, мастерства и должности, для которых они от правительства при отдаче заводов назначены, и давать им неукоснительно все положенное”⁴⁵. Вечноотданные не имели четкого статуса: заводчики считали их крепостными, казна – государственными. В результате положение их и отношение к владельцам оказалось “неопределяемым”.

Значительные ограничения вводились и в отношении заводских крепостных. Еще по петровскому указу 1721 г., подтвержденному указом Екатерины II от 16 марта 1798 г., купленные к заводам деревни запрещалось продавать отдельно от заводов. Сенатский указ от 9 ноября 1800 г. подтвердил, что “люди, леса и земли, принадлежащие горным заводам, особо от них ни проданы, ни заложены и никаким другим способом укреплены быть не могут”. Перевод людей с завода на завод по указам от 16 марта 1798 г. и 30 сентября 1802 г. мог производиться только “по предварительному донесению Горному правлению”. Если же заводское действие уменьшалось или вовсе прекращалось “от истощения руд”, то людей вместе с отводными землями следовало “отбирать в казну по надлежащей за душу цене”⁴⁶. Отпуск крепостных на волю разрешался только “с заменой такового же числа людей заводам из помещичьих крестьян”. В докладе министра внутренних дел от 30 июля 1803 г. подтверждался также запрет использовать “заводских людей к делам, не принадлежащим до самого завода”⁴⁷.

В отличие от вотчинников посессионеры обязаны были платить подушную подать и нести рекрутскую повинность за казенных и крепостных заводских людей “деньгами, не вычитая оных из их жалованья или задельной платы”. Посессионные заводы кроме того были освобождены от так называемых “земских” (постоя, подводной гоньбы, препровождения колодников, отчасти исправления дорог и мостов) и вообще “всех тех повинностей, которые могут отвлекать людей от работ”, и не исполняли их “ни деньгами, ни натурой”⁴⁸.

Помимо ограничений, касавшихся каждого казенного пособия в отдельности, существовали общие положения, вытекающие из принципа “неразделенности” посессионных владений. В частности, количественные параметры разных “родов” недвижимого имущества были теснейшим образом увязаны друг с другом. Так, от числа зарегистрированных “огнедействующих устройств” завода зависели нормативы выжига угля из отводных лесов и число так называемых “штатных” работников. По этим “препорциям” (установленным еще указами от 23 декабря 1734 г., 12 ноября 1735 г. и 17 марта 1752 г.) число “душ” не должно было превышать 400 на одну домну, 120 – на кричный молот и 200 – на медеплавильную печь⁴⁹. “По положенной только препорции без излишества” заводчикам разрешалось покупать к заводам крепостных. Нельзя было также ввести новые устройства, не сократив имеющиеся, “дабы сохранить препорцию в угле и людях”. Чтобы не допускалось превышение норм, закон предусматривал платеж за “сверхштатных” заводских крепостных земских податей и отправление рекрутской повинности “натурой”, а не деньгами⁵⁰.

Итак, с разделением заводов на две группы их владельцы оказались далеко не в равном положении. Мало того что посессионеры платили полуторную горную подать, они должны были поступиться и частью своих распорядительных функций. Централизованный государственный контроль за исполнением установленных законом правил в 1806 г. правительство предоставляло региональному Горному правлению (Пермскому, а с 1832 г. – Уральскому, в Екатеринбурге), которое, в свою очередь, назначало в “горнозаводские округа” особых чиновников – заводских исправников.

Поскольку главной обязанностью исправников считался “бездоимочный и неупустительный сбор положенных податей” и “заведование полицией”, их полномочия распространялись на все частные округа, независимо от статуса. Поэтому контроль Горного правления охватывал отчасти и владельческие заводы. Исправник “заседал в нижнем земском суде того уезда, в котором завод лежит”. Зачастую его обязанности распространялись на несколько близлежащих округов; могло случиться и так (например, в отдаленных или небольших заводах), что вместо заводского его обязанности исполнял земский исправник. Если же заводчик хотел, чтобы исправник находился непосредственно на его заводах, то должен был просить об этом у горного начальства и платить исправнику жалование за свой счет (в таком случае заводский исправник назывался “своекоштным” и, конечно, полностью зависел от заводчика).

Исправник осуществлял “присмотр, чтобы заводское действие не упало ни в количестве, ни в качестве, дабы казна получала всегда надлежащее количество дохода” и наблюдал, “чтобы записка выплавляемого металла была произведена верно без всякого упущения в данных шнуровых книгах”. В посессионных округах исправник кроме того “присматривал” за использованием казенных лесов и “за содержанием и употреблением” заводских людей, чтобы они “выполняли свою обязанность надлежащим образом, чтобы были послушны заводской конторе и управляющему заводов, а с другой стороны, чтобы не были угнетены излишним требованием от них работ, и чтобы получали все законом положенное и по справедливости им следующее”. Он руководил полицией “во всем ее пространстве по селениям, принадлежащим к заводам частных людей” и осуществлял следствия, “относящиеся до разбирательства и суда по делам имеющим какое-либо отношение к горному и заводскому производству и к людям горным и заводским”. Обладая такими широкими “наблюдательными” полномочиями, исправник в то же время не имел права “входить ни под каким видом в хозяйственное распоряжение, ниже предписывать к исполнению свои мнения, разве особенно о том будет его письменно просить сам заводчик”, а мог только “давать по искусственной части советы и наставления”⁵¹.

Рассмотрев основные нормы посессионного права, попытаемся определить его сущность. В систему прав, составляющих право собственности, право владения и право пользования, современная юриспруденция включает: 1) право сохранять предмет как потребительную стоимость; 2) право не сохранять предмет, дать ему разрушаться как потребительной стоимости; 3) право разрушить, уничтожить предмет; 4) право потреблять предмет производственно; 5) право потреблять предмет непроизводственно; 6) право применять к предмету личный труд; 7) право вкладывать в предмет другие потребительные стоимости; 8) право не применять к предмету личный труд; 9) право не вкладывать в предмет другие потребительные стоимости; 10) право не отчуждать предмет; 11) право отчуждать предмет. Право собственности образуется из основных прав № 1–2, 4–5, 8–9, право владения – из прав № 1, 4, 6–7, право пользования – из прав № 4–9. К праву собственности может присоединяться также право № 3. Права № 2, 3 могут входить и в право владения, когда оно не ограничено правом собственности, принадлежащим субъекту, отличному от субъекта владения. Права № 10–11 нередко сочетаются с правами владения и собственности. Право собственности как наиболее полное право распоряжения допускает вообще сосуществование в нем всех вышеуказанных прав, хотя они и не реализуются одновременно. Когда речь идет об условной, ограниченной и тому подоб-

ных видах собственности, фактически имеется в виду отсутствие одного или нескольких дополнительных прав собственности (например, № 3, 11) при наличии основных, то есть тех, без которых нет самого права собственности⁵².

Применив эти научные представления к рассмотренной совокупности прав и обязанностей посессионеров и вотчинников, согласимся с мнением той части участников дискуссии начала 1860-х гг. (и других специалистов)⁵³, которые утверждали, что государство сохраняло свои “коренные” права собственника на предоставленные заводчикам-посессионерам природные ресурсы и казенных мастеровых и рабочих людей. Вместе с тем в условиях посессии оно добровольно передавало эти права заводчику, за исключением прав № 2, 3, 5 и 9, наделяя его, таким образом, правом владения и частичным правом пользования, выступая в качестве номинального собственника. Капитализация этой роли осуществлялась путем получения установленной самим же государством “доли участия” в виде повышенной горной подати. Для регулярного получения “надлежащего количества дохода” власти разного уровня (заводский исправник – Горное правление – Департамент горных и соляных дел Министерства финансов – Правительствующий Сенат) сохраняли за собой возможность контроля и применения различных санкций.

Заводчик, будучи владельцем казенных пособий, в то же время обладал всем набором прав на сами заводы и движимое имущество. По отношению к ним он выступал в роли собственника, получая возможность присваивать прибыль. Но условное владение природными ресурсами и отчасти рабочей силой сводило на нет обладание им правами № 2, 3, 5 и 9 и ставило его в позицию ограниченного собственника. В целом же его права на горнозаводское хозяйство как совокупность предприятий и ресурсов не поддается однозначной трактовке и может быть охарактеризовано как сочетание в одном субъекте черт собственника, владельца и пользователя. Такое расщепление правомочий собственника и контроль со стороны государства должны были обеспечить “баланс интересов”, не позволяя ни заводчику, ни государству “узурпировать все полномочия по управлению собственностью и присвоению доходов от нее”⁵⁴. Тем не менее это ставило заводчика-посессионера в неравное положение по сравнению с заводчиком-вотчинником, обладавшим всем набором прав собственности, и отчасти ограничивало его хозяйственные возможности.

Хотя в истории известны примеры эффективного функционирования двух “идеальных” типов хозяйства⁵⁵ (например, английского экономического либерализма и немецкого патернализма в первой половине XIX в.), сосуществование их обоих в одной “национальной экономике” (как в России) не могло не оказаться явлением временным. С развитием товарно-денежных отношений должно было неизбежно усилиться стремление заводчиков-посессионеров освободиться от “казенной опеки” и сравняться в правах с заводчиками-вотчинниками. На практике это означало закономерное и постепенное отмирание посессионных ограничений, ведущее к ликвидации посессионного права.

Отношение самих заводчиков к этим ограничениям выразил, в частности, А. И. Пашков. Мнение его ценно тем, что, являясь совладельцем вотчинных Белорецких и посессионных Кагинских заводов, он имел возможность на практике сравнить их статус. “Мне кажется, – размышлял генерал, – что неоспоримо заводы делаются более самостоятельными... при собственной земле... Тогда развитие заводов может осуществиться и соответствовать будущим ожиданиям благосостояния железной промышленности – заводчик

не пожалеет употребления капиталов на улучшение оных; тогда как при предназначаемом теперь распоряжении он будет удерживаем страхом остановки действия заводов и потери капиталов, нужных употребить на улучшение”⁵⁶.

Рассмотрим, отвечало ли этим объективным потребностям и субъективным желаниям горнозаводское законодательство первой половины XIX в., вышедшее после издания Проекта Горного положения. Тем более, что, представляя Проект в 1806 г., министр финансов сознавался в “несовершенстве означенных постановлений”, которые предполагалось утвердить всего на 5 лет и “изменять и улучшать, сообразуясь с указаниями опыта и потребностями времени”. Но, как отмечали специалисты середины столетия, “эти временные постановления обратились в постоянный закон... и составляют и теперь сущность нашего Горного устава”⁵⁷. Согласимся, что последующее горнозаводское законодательство (вплоть до изданной в 1857 г. третьей редакции Горного устава, итогового для первой половины XIX в.) действительно опиралось на положения Проекта. Тем не менее оно в некоторых аспектах развивало его и отразило, таким образом, эволюцию прав заводчиков на протяжении изучаемого периода.

Что касается устройства заводов, то никаких существенных перемен в правах заводчиков за первую половину XIX в. не произошло. Как и прежде, техническое состояние заводов, “образ производства работ и хозяйственные распоряжения, к сему относящиеся”, зависели от заводчика и его конторы. Но все перемены на посессионных заводах по прежнему должны были согласовываться и утверждаться Горным правлением, а на владельческих — только согласовываться⁵⁸. Эти правила не являлись простой декларацией. Известны случаи отказов или длительных задержек разрешения “на устройство новых заведений” (например, на Залазнинских заводах в 1830 г., на Нижнетагильских заводах в 1849–1854 гг.), “штрафования” заводов за несанкционированную постройку печей (на Алапаевских заводах в 1858 г.) и даже отказы в строительстве новых заводов (Кульмский завод Н. И. Мосолова в 1841–1850 гг.)⁵⁹.

Действующим оставался и принцип ограничения посессионных заводов производством только того металла, для которого они были устроены. Но в этом аспекте некоторое расширение прав все-таки произошло, причем оно касалось как вотчинников, так и посессионеров. Указом от 28 мая 1812 г. была отменена коронная регалия на добычу драгоценных металлов⁶⁰. Всем заводчикам (по указам от 9 сентября 1824 г., 27 марта 1837 г. и 18 декабря 1840 г.) было предоставлено монопольное право на поиск и разработку золота в заводских дачах. Посторонние люди могли заниматься этим “не иначе, как по добровольным с ними условиям”⁶¹. Вначале государство сохранило за собой право требовать у заводчиков поставки всего золота и серебра в казну “с получением за каждый золотник чистого по пробам золота и серебра передельной цены золотую или серебряною монетою, за исключением передельных расходов”. Но по указу от 30 января 1824 г. оно разрешило свободную продажу этих металлов, ограничившись лишь правом безвозмездной десятинной подати⁶². После прекращения в 1845 г. чеканки монеты из платины, и этот металл после обязательной очистки на Петербургском монетном дворе поступал в полное распоряжение заводчика (указы от 13 апреля 1826 г., 22 июня 1845 г., 3 июля 1845 г. и 1 марта 1850 г.)⁶³.

Без серьезных изменений установки Проекта Горного положения о пользовании отводными лесами вошли в Горный и Лесной уставы, что означало сохранение их в течение всей первой половины XIX в. Перемены коснулись земельного налогообложения, при-

чем не в пользу посессионеров. По новому Уставу о земских повинностях 1851 г. земли “казенного ведомства”, принадлежавшие частным заводчикам, подлежали сбору подати наравне с помещичьей землей. С каждой десятины “удобной” земли брали по 1 коп. и по 0,5 коп. – с “неудобной”. Этот сбор шел “на губернские надобности”. Еще по четверти коп. с десятины стали собирать “на частные повинности дворянских имений”⁶⁴.

Некоторое “смягчение” посессионных норм в отношении земель и заводов произошло по указу от 11 ноября 1836 г., в соответствии с которым владельцам разрешалось “от одного своего завода перечислять к другому... отведенные от казны и окормленные земли, леса и действующие или запасные рудники”. Хотя таковое “перечисление” могло осуществиться не иначе, как “по предварительному и точному со стороны Горного правления удостоверению о возможности и удобстве, а также о действительной необходимости и пользе сего перечисления и с утверждения Сената”, оно несколько расширило права посессионеров, перенеся действие принципа “неразделенности” с уровня отдельного завода, на уровень горнозаводского округа. Это, на наш взгляд, явилось одним из знаков признания законодателем уже устоявшейся окружной организации заводского хозяйства, в которой система заводов верховенствовала над отдельным заводом. Дополнением к этому стало также разрешение (по тому же указу) при разделах всех частных округов “из общей оных массы выделять один и более заводов, но токмо таких, кои по засвидетельствованию Горного правления продолжать могут действие свое независимо от прочих, и без которых остальные из разделяемых заводов совершенно обойтись в состоянии”⁶⁵.

Узаконив возможность разделов округов, власть ввела некоторые дополнения в порядок их продажи, связанные с широким распространением так называемых “многовладельческих” хозяйств и случаями продажи участниками своих долей владения “на сторону”. Так, в 1830 г. несколько “кагинских” Демидовых продали свои части А. И. Пашкову, а в 1833 г. Н. А. Колтовская продала свою долю участия в Сысертских заводах П. Д. Соломировскому. В обоих случаях это вызвало недовольство совладельцев и сомнения горных властей⁶⁶. Хотя упомянутые продажи все-таки получили казенную санкцию, указом от 11 ноября 1836 г. преимущественное право покупки завода было предоставлено “соучастникам или сонаследникам” продавца. Только если в течение года никто из них на предлагаемые условия не соглашался, продающий мог уступить свою часть постороннему лицу, “с тем однако, чтобы сей последний принял на себя все обязанности по заводу, лежавшие на продавце, и управлял заводами вместе с прочими соучастниками лично или через своего поверенного”. Но прежде совершения акта продажи продавец обязан был известить своих соучастников об “окончательной цене” и, если они повторно отказывались или не давали никакого отзыва в продолжении 4-месячного срока, тогда уже он был властен приступить к совершению акта на продажу постороннему, “и после сего уже никакие дальнейшие со стороны соучастников домогательства не могли иметь места”. Эти правила относились ко всем заводам без исключения⁶⁷.

В отличие от оставшихся фактически в неизменном виде ограничений по организации заводского производства, лесо- и рудопользования, более существенные изменения произошли в отношении рабочей силы посессионных округов. Вначале были урегулированы вопросы, касающиеся состава “заводских людей”. По “Высочайше” утвержденному 23 февраля 1811 г. мнению Государственного Совета, вечноотданные были сравнены с “крепостными заводскими людьми”. Прежде, однако, владельцы должны были доказать их принадлежность заводам, опираясь на “сказки” 5-й (1795 г.) ревизии. В против-

ном случае вечноотданные признавались казенными мастеровыми⁶⁸. Порой на заводах разворачивалась настоящие “войны” за статус вечноотданных. Показательный случай произошел на Нижнетагильских заводах, когда Н. Н. Демидов сумел “освободиться” от бунтовавших против закрепощения вечноотданных только путем насильственного перевода их в 1819 г. на Златоустовские заводы⁶⁹.

После реформы приписной деревни 1807 г. некоторые заводовладельцы воспользовались предложением властей перевести приписных крестьян в непременные работники. В результате к группе посессионных округов, имевших в составе своего населения казенных мастеровых (сохранившихся в Верх-Исетском, Алапаевском и Сысертском округах еще с тех времен, когда эти заводы принадлежали казне) прибавились Сергинско-Уфалейские, Кагинские и Авзяно-Петровские заводы, где также, как и на первых трех округах, появились непременные работники. По 10-й ревизии (1857 г.) в Сысертском округе доля казенных работников достигла 99,5 %, в Алапаевском – 87, в Верх-Исетском – 46, в Кагинском – 21, в Сергинском – 7; в Авзяно-Петровском округе до 1853 г. их доля составляла 15 % всего населения⁷⁰. Владельцы этих заводов “по содержанию казенных людей” были обязаны считаться с порядками, установленными горными властями для казенных заводов и ориентироваться на штаты этих заводов, менявшиеся в 1827–1829 и 1847 гг.⁷¹ В случае каких-либо серьезных отступлений, повлекших жалобы работников, казенные штаты могли быть введены на этих заводах и в обязательном порядке.

Однако на практике зачастую выходило совсем по-иному. Так, по штатам 1847 г. рабочим казенных заводов “были дарованы правительством разные важные выгоды” (увеличена заработная плата и уменьшена продолжительность работ). Тогда возник вопрос об их распространении на казенных мастеровых и непременных работников посессионных округов. Главный начальник уральских заводов В. А. Глинка в соответствии с Горным уставом считал, что необходимо требовать от владельцев введения “соответствующих настоящему времени изменений”. В то же время он сообщал министру, что “подобные преобразования не совсем согласны с интересами владельцев и, следовательно... могут возбудить со стороны некоторых заводчиков неудовольствие и пререкания, хотя несправедливые, но не менее того обременительные и неприятные и от которых мне уже довелось испытать много неудовольствия”⁷².

Рассмотрев это вопрос, министр Ф. П. Вронченко принял решение в случае отсутствия жалоб со стороны заводских людей “стараться сохранить на заводах тех порядок в прежнем положении”, тем более, что казна в любом случае получала бы те же самые подати. Поэтому даже когда “установки” новых штатов вошли в Горный устав 1857 г., положение казенных рабочих на посессионных заводах не изменилось. Как докладывал новый главный начальник Ф. И. Фелькнер в 1860 г., они “до сих пор остаются на том же положении, на каком были до издания штатов 1847 г.”⁷³. Правда, в некоторых округах все-таки были введены казенные штаты, но не 1847, а 1827–1829 гг. Таким компромиссным решением горные власти вроде бы отреагировали на жалобы рабочих и в то же время не задели основательно интересы заводовладельцев. В 1853 г. одному из них, П. М. Губину, даже удалось перевести всех непременных работников со своих Авзяно-Петровских на Гороблагодатские казенные заводы⁷⁴.

По Горному уставу в состав рабочих посессионных и владельческих заводов были включены вольнонаемные люди. Для тех и других это было связано с общим расширением вольного найма на вспомогательных “подзаводских” работах (особенно широко

практиковавшегося в урожайные годы, когда дешевизна хлеба понижала расценки “повольных работ”). В некоторых посессионных округах из-за неполного “комплекта” крепостных наемный труд широко использовался даже на основных заводских операциях. К их числу относились Холуницкие, Залазнинские, Омутнинские, Кирсинско-Кажимские и Святочудовский заводы. В 1858–1861 гг. в составе рабочих кадров этих заводов крепостные составляли всего 22 %, а остальные комплектовались за счет проживавших в заводских поселках и окрестных деревнях “вольнонаселившихся с давних пор казенных крестьян и мещан”⁷⁵.

В соответствии с Горным уставом в отношении использования вольнонаемных рабочих всем заводчикам предоставлялась “совершенная свобода на общем законном основании”⁷⁶. Эти “основания” включали правила принимать вольнонаемных “для работ не иначе, как с узаконенными видами на прожитие”, а условия о найме заключать с ними лично “даже и в том случае, буде бы они принадлежали к крепостному званию”. Указом от 14 июля 1827 г. запрещалось только “держат в работах чужих крепостных людей и крестьян по условиям, собственно от лица их помещиков заключаемых”⁷⁷. Таким образом, общие для всех заводчиков правила в равной степени способствовали развитию вольного найма как на владельческих, так и на посессионных заводах.

Во второй трети XIX в. были приняты постановления, которые несколько изменили прежние стеснительные ограничения по отношению к заводским крепостным, составлявшим основную массу населения большинства посессионных округов. Они были вызваны вновь обострившейся кадровой проблемой. Правда, в отличие от прошлых лет, сейчас эта проблема заключалась не столько в недостатке рабочих рук, сколько в их обнаружившемся избытке на отдельных заводах или в округах. Если раньше переводы людей с завода на завод требовали разрешительного указа в каждом конкретном случае, то теперь правительство превратило эту возможность в законодательную норму, что несколько “раскрепостило” посессионеров. По указу от 11 ноября 1836 г. было разрешено (по удостоверению Горного правления и с утверждения Сената) “перечислять людей... от одного посессионного завода к другому, принадлежащему тому же владельцу”. Переводы же крепостных с вотчинных заводов на посессионные случались “с Высочайшего соизволения” и прежде. Так, в 1831 и 1832 гг. И. М. Ярцов перевел до 500 душ с купленного им Таишевского владельческого на свои Шайтанские посессионные заводы⁷⁸.

Последующие законы предоставили заводчикам способы избавиться от “сверхштатных” людей. Дело в том, что в течение всего дореформенного периода прежние нормы, устанавливавшие количество штатных работников для завода в зависимости от числа домен, кричных горнов и медеплавильных печей, не менялись и безнадежно устарели в связи с техническим прогрессом на заводах. В результате расчеты оказались крайне затруднительными “в особенности для таких производств, которые введены еще недавно, как то: контуазского, пудлингового, сварочного, газо-пудлингового и прочих”⁷⁹. “Сейчас, – сообщалось в документах Нижнетагильских заводов 1853 г., – эти расчеты не соответствуют действительности... и необходимы изменения, сообразуясь с новыми штатами казенных заводов 1847 г., в которых сделаны особые назначения числа людей по всем производствам”⁸⁰. Но, поскольку для посессионных заводов пересчеты так и не были сделаны, заводские конторы, вынужденные ориентироваться на устаревшие нормативы, затруднялись в составлении соответствующих реальному положению рабочих штатов.

Другим “бременем” для посессионеров оказались к началу 1840-х гг. действующие правила несения повинностей (в частности, рекрутской) за “сверхштатных” людей. “Вначале, когда число людей было ограничено и плата за рекрут была невысока, исполнение рекрутской повинности натурою было слишком обременительно для заводов, – говорилось в прошениях “алапаевских” Яковлевых, “суксунских” и “тагильских” Демидовых и акционеров Кнауфских заводов министру финансов П. Ф. Броку в 1854 г. – Но с течением времени, когда число людей на заводах значительно умножилось, когда с учреждением машинных устройств много рабочих рук сделалось праздными, а плата за рекрут между тем сильно увеличилась, обязанность вносить за рекрут деньги по числу всех рабочих людей составила для многих заводчиков невыносимую тяжесть”⁸¹.

Еще в 1836 г. Уральское Горное правление попыталось решить эту проблему по жалобам владельцев Сергинско-Уфалейских и Авзяно-Петровских заводов Губиных и Невьянских заводов наследников П. С. Яковлева на якобы “излишне показываемое при заводах их число штатных людей”. 19 марта того года было решено, “дабы предупредить всякие затруднения и жалобы со стороны заводоладельцев при отправлении за заводских их людей всех вообще повинностей, составить для определения по всем частным заводам истинного числа мастеровых новый штат”. Все заводские конторы получили предписание собрать сведения “сколько именно необходимо работников по всякому заводскому цеху”, а при Горном правлении был учрежден особый Комитет под председательством горного советника Давидовича-Нащинского.

Но деятельность Комитета натолкнулось на проволочки со стороны заводууправлений и открытое сопротивление заводоладельцев-вотчинников. Позицию последних наиболее полно отразил генерал-адъютант И. О. Сухозанет, управлявший Юрюзанскими заводами своей жены. “Усматривая из указа Горного правления, – писал он в Комитет, – что предположение о составлении новых заводских штатов для уравнивания рекрутской повинности или для каких бы то ни было других причин имело начало жалобу господ Губиных и наследников коллежского советника Яковлева, которые суть владельцы обязанные или посессионные, я думаю, что указ сей имеет прямою целью своею облегчить этих заводоладельцев и, следовательно, исполнение его относится собственно до заводов к сему разряду принадлежащих... Заводы собственно-крепостные, не обязанные и не посессионные... имеют полное, законное и неотъемлемое право отправлять рекрутскую повинность и удерживать или изменять свои заводские штаты по собственному усмотрению владельца”. Упомянув, что права “настоящих крепостных заводоладельцев... нередко смешиваются с заводчиками обязательными или посессионными”, осмотнительный генерал одновременно “отнесся” к министру финансов с просьбой “пояснить все возникшие недоразумения”.

Кроме новых жалоб владельцев в Горный департамент тогда поступило донесение Горного правления о “медленности в доставлении сведений по уклончивости заводууправлений”. В результате в январе 1837 г. было решено вместо новых штатов составить “табель о штатных и сверхштатных”. В связи со смертью председателя и фактическим развалом Комитета в июне 1838 г. он был вовсе закрыт, а составление “табели” поручено III отделению Горного правления. В октябре 1838 г. задание начальства было выполнено, но расчеты вновь проведены по тем же самым устаревшим нормам XVIII в. Единствен-

ным отклонением от прежних правил стало то, что по предписанию Горного департамента от 27 марта 1844 г. число “штатных людей” стало определяться “по общему штату всех заводов одного владельца, а не по каждому заводу отдельно”⁸².

Просьба же заводчиков о разрешении им “производить рекрутскую повинность по усмотрению заводууправлений либо людьми, либо деньгами” была услышана правительством только через три года. 3 октября 1841 г. за “сверхштатных” людей была разрешена поставка рекрут “не деньгами, а натурой”, а 28 января 1855 г. император позволил посессионерам “в виде временной меры”, обусловленной военным временем, “поставлять рекрут натурой за всех людей, при заводах находящихся, как сверхштатных, так и штатных с тем только, чтобы за казенных людей отдаваемы были рекруты не из казенных, а из крепостных заводских людей”⁸³.

По указу от 20 мая 1846 г. посессионерам дозволялось также “сверхштатных” заводских людей отпускать на волю “для поступления в свободное состояние без всякой замены их другими”, а с разрешения Министерства финансов – и из числа, “определенного штатным положением”. По указу от 23 апреля 1851 г. “в случае, когда при посессионном горном заводе окажутся, по каким-либо обстоятельствам, излишние или вовсе не нужные крепостные заводские люди”, у владельца появлялась возможность “переуступить” их другому посессионеру “по добровольному с ним условию с испрошением предварительно разрешения на то Горного правления” или “обратить” их на казенные заводы “с выдачею от казны 36 руб. сер. за каждую ревизскую душу и с отнесением издержек по переводу и водворению их на счет казны”⁸⁴. Известно, что по этим правилам в 1851 г. были переведены “излишние” крепостные с Бемышевского завода А. Е. Лебедева. Но когда же следующий год о том же попросили Горное правление владелицы закрытых Таишевских заводов Е. И. Николаева и О. И. Берг, им было отказано как потому, что эти заводы считались владельческими, так и в связи с тем, что “при казенных заводах не открыто еще положительного недостатка рабочей команды”⁸⁵.

Однако нормативное определение способов избавления от лишних рабочих в отдельных случаях рассматривалось заводчиками как новое ограничение их прав. Если прежде они сами решали эту проблему, то теперь обязаны были руководствоваться тем, что предлагало им правительство. Показателен в этом плане пример Невьянских заводов, которые “по недостатку лесов” в начале 1850-х гг. переживали нелегкие времена в связи с резким сокращением железоделательного производства и добычи золота. В таких условиях “по добровольному согласию с владельцами” значительная часть (до 10 %) заводского населения занялась разными промыслами и торговлей “для заводских потребностей”. Как сообщали сами владельцы в прошении, поданном министру финансов в 1851 г., “дозволено им было сперва нанимать за себя работников из вольных людей или исправлять заводские работы за добровольный денежный взнос в заводскую кассу”. Перевод на оброк оказался настолько выгоден, что “все перевозки железной руды, песка, флюсов и другие поставки исправлялись за наличные деньги, поступающие от оброков”. Кроме того, уволенные на оброк люди, “предвидя свои выгоды”, работали на промыслах старателями и “добывали золото по вольной с золотника плате”. Однако после издания указа 1851 г. Горное правление стало требовать “употреблять людей только на работы заводские”, что оказалось крайне стеснительно для прежде игнорировавших это правило заводладельцев. Тогда они и обратились с просьбой к министру. В ходе расследования выяснилось, что по установленным нормативам на Невьянских заводах существовал

“недостаток в людях на 491 душу”, а посему Горное правление заключило, что “Невьянское заводууправление не должно увольнять крепостных людей на другие работы, кроме заводских”. Владельцы решили не вступать в конфликт с горными властями и вынуждены были в ущерб себе “занять всех людей при заводах и промыслах”⁸⁶.

В конце 1810-х, начале 1830-х и середине 1840-х гг. горными властями были предприняты попытки ввести общие и ориентированные на казенные штаты “правила содержания рабочих” по всем частным заводам (в том числе и владельческим). В первом случае поводом послужила ситуация на Белорецких заводах И. А. Пашкова, где “притеснительное” управление вызвало целый ряд волнений мастеровых. Для этих заводов в 1817 г. такие “правила” были составлены и введены, но дальше этого горные власти пойти не решились. При сравнении собранных в Пермском Горном правлении сведений “открылось, что нет ни одного завода, который бы во всех своих заводских работах был бы равен, ибо хотя многие работы оказываются одинаковы... но количество работ, возложенных на людей и заработные платы, различны”. Поскольку “составить решительного положения не представилось никакой возможности”, Комитет министров 23 августа 1827 г. постановил “не издавать вдруг штатов для всех частных заводов, а держаться того правила, чтобы частные горнорабочие, по отношению к провианту и другим пособиям, получали не менее казенных, но в случае справедливых жалоб издавать [в каждом отдельном случае] для частных заводов особые штаты по тому же соображению”.

В 1830–1831 гг. подобные намерения вновь возникали у горного начальства в связи с волнениями крепостных на Кыштымских заводах наследниц Л. И. Расторгуева, где власти обнаружили серьезные злоупотребления частного управления по “содержанию” заводских людей. Попытка сравнения “рабочих штатов” этих заводов со штатами других частных и казенных заводов вновь натолкнулась на те же самые преграды. В итоге “положение” для Кыштымских заводов было составлено (позже подобные правила появились еще на нескольких округах), но распространять его на все частные заводы власти вновь не решились⁸⁷.

Инициатором следующей кампании стал главный начальник В. А. Глинка и оренбургский генерал-губернатор. На этот раз угрозе введения штатов казенного Златоустовского завода подверглись частные заводы Южного Урала. Во “Всеподданнейшем” отчете губернатора за 1844 г. эти заводы были разделены на два “разряда”. К первому отнесли Юрюзанские заводы Е. А. Сухозанет, Катавские – А. Г. Белосельской-Белозерской, Симские – Балашевых, Троицкие – Д. Е. Бенардаки и Благовещенский завод Е. В. Дашковой, где положение заводских людей оказалось “не стеснительным”. Во второй разряд были включены Белорецкие заводы Пашковых, Кагинские – Демидовых и А. И. Пашкова, Авзяно-Петровские – П. М. Губина, Таишевские – И. М. Ярцова, а также Архангельский завод А. Г. Лаваль, Каноникольский – Ф. И. Мосолова, Богословский – П. И. Шелашникова и Шильвинский – Н. Н. Подъячева. Там, по сведениям властей, “почти всегда бывал недостаток в деньгах”, из-за которого “рабочие приходят часто в затруднительное положение”. В этой группе заводов и предложено было административным порядком ввести казенные штаты.

Однако мнение регионального начальства вновь не было поддержано сверху. Министр М. Ф. Вронченко ответил, что введение казенных штатов при отсутствии жалоб со стороны населения “повлекло бы за собой некоторые недоразумения со стороны владельцев заводов, так и самих рабочих и послужило бы поводом к беспорядкам”⁸⁸.

Комитет министров согласился с мнением своего члена и тем самым поставил точку в неоднократных попытках местных горных властей таким путем решить проблемы “неблагонадежных” частных заводов и заводчиков.

Не могло не повлиять на позицию высших горных властей и отношение к предлагавшимся Горным правлением мерам самих заводовладельцев, в частности, вотчинников. Еще 7 января 1820 г. княгиня В. А. Шаховская, графиня С. В. Строганова, жена Г. А. Строганова баронесса А. С. Строганова, князь С. М. Голицын, В. А. Всеволожский и Е. Л. Лазарев подали совместное прошение министру финансов графу Д. А. Гурьеву. Пермское Горное правление, писали они, “учинило для всех без изъятия заводов общее и одинаковое постановление... и совершенно смешало и поставило в один разряд казенную и частную собственность, как будто та и другая ничем между собой не различаются и как будто оные суть одного и того же рода”. По мнению “пермских владельцев”, правление “во всех отношениях сравнило как сии владельческие заводы, так и находившихся в них из крепостных мастеровых людей с заводами и людьми казенными и с заводами, хотя и частными, но при пособии казны начало свое получившими и при ее влиянии действующими”. Ссылаясь на Жалованную грамоту 1785 г. и манифест 1782 г., они потребовали “защитить свои права и собственность” и оставить принадлежавшие им заводы “в первобытном и настоящем их положении и от всякого несовместного внутреннего распоряжения и вступительства в управление горного начальства освободить”⁸⁹.

В этом принципиальном вопросе заводчики-вотчинники сумели отстоять свои интересы, но некоторые нормативные акты относительно содержания крепостных все-таки были распространены и на их заводы. Волнения и жалобы рабочих привели к тому, что еще 23 августа 1827 г. появилось “Высочайше” утвержденное секретное положение Комитета министров, обязывавшее всех заводчиков “по долгу Христианскому входить в состояние горнорабочих, по совести назначать им достаточное содержание, удаляя всякие жестокости и притеснения под опасением взятия заводов их в казенный присмотр, и давать хлеб против казенных по весьма умеренной цене... или умножать заработную плату по мере возвышения цен на хлеб”⁹⁰. В 1845 г. это положение было дополнено рекомендацией “содержать рабочих на заводах владельческих не беднее, чем на казенных”⁹¹. На всех владельцев распространялось также правило обязательной заготовки и выдачи провианта “безденежно” или “по тем ценам, по каким он обойдется самим заводам”, установленное положением от 23 августа 1827 г. По указу от 26 ноября 1840 г. исключение в порядке выдачи провианта составили те заводы, где “по особенным местным обстоятельствам с самого почти основания оных производятся за работы одни денежные платы без всякой выдачи провианта, который заводские люди с большею удобностию покупают для себя на рынках в самих заводах или в ближайших селениях и городах”⁹². 29 ноября 1838 г. были ужесточены меры “по устройству в заводах врачебной части и общественного призрения”. Отныне в случае, если заводчики оставляли население “без медицинского пособия”, Горное правление само могло направлять туда врачей “с производством им того содержания, какое получают медики на ближайших частных же заводах”⁹³.

Итак, изучение эволюции горнозаводского законодательства в течение первой половины XIX в. приводит нас к выводу о том, что государство, идя на определенные уступки, все же не шло на полную ликвидацию посессионного права в горнозаводской промышленности, а значит и установление паритета прав двух статусных групп заводчиков. Судя по характеру некоторых “уступок” посессионерам (особенно в отношении рабочей

силы), они не добавили ничего принципиально нового в номенклатуру прав заводчиков. Эти права не вышли за рамки установленной в начале столетия совокупности прав распоряжения и не приблизили посессионеров к роли полных собственников горнозаводских округов. Происходившие изменения лишь расширяли некоторые уже имевшиеся права владения и пользования в окончательно установившихся к тому времени границах округов (права № 1, 4, 7–8, 11), но не затронули фундаментальных основ посессионного права и связанных с ним ограничений.

По мнению юристов середины XIX в., к наиболее обременительным ограничениям относились правила нераздельности заводского имущества и пользования только теми рудами, для обработки которых были основаны заводы, а также необходимость испрашивать разрешение горного начальства на увеличение и уменьшение заводского действия и на постройку нового завода. Владелец Нижнетагильских заводов А. Н. Демидов в 1858 г. усматривал “главнейшие различия между двумя родами частного владения” еще и “в отношении к отчуждению приписанных к заводам людей”, в платеже полуторной горной подати и в “надзоре и контроле горного начальства, установленного по предмету потребления лесов в заводах посессионных”⁹⁴. Но если в начале XIX в. законодательное “оформление” посессионного права не вызвало серьезного противодействия, поскольку большинство составлявших его ограничений не являлись чем-то принципиально новым, а вытекали из практики предшествующего этапа развития горнозаводской промышленности, то через полвека они уже воспринимались изменившимся общественным мнением, заводчиками и даже самим государством как барьеры на пути дальнейшего развития промышленности.

Позицию посессионеров обобщил в 1857 г. управляющий Нижнетагильских заводов П. Н. Шиленков. “Посессионное право, – писал он, – как известно, включает в себе некоторые ограничения заводчика, как в отношении к землям и лесам, так и в отношении к заводским их людям... Ограничения эти не были еще очень чувствительными прежде, когда они затемнялись общими понятиями о праве вотчинном, более известном, особенно в низших степенях правительственных мест, но время от времени начало выясняться и посессионное право, и всякое движение по этому предмету было уже поставлено почти на счет прав заводчика. Внешнее влияние начало являться во всех делах, относящихся до действия заводов и расширения их сил, во всем, что касалось земель и лесов заводских, в обеспечении заводских людей жизненными припасами и вообще в отношении людей к местному их начальству и самим владельцам. Находя всегда почти опору в законе, иногда хотя и не совсем справедливо, влияние это производило, однакож, более или менее важное стеснение в хозяйственных соображениях и расчетах заводчика”⁹⁵.

Неспокойно чувствовали себя в такой ситуации и вотчинники, которых посессионные ограничения вроде бы не касались. Но им приходилось проявлять особую осторожность при решении каких-либо важных хозяйственных проблем, опасаясь возможного перечисления своих заводов в группу посессионных (чему имелись прецеденты). Показательным в этом отношении может послужить письмо владельца Троицких заводов Д. Е. Бенардаки министру Е. Ф. Канкрину от 12 марта 1838 г. по поводу предполагаемой им покупки заводских крепостных ликвидированного Архангельского завода Красильниковых. Должно ли, спрашивал заводчик, “с покупкою их вообще все право посессионное перейти на покупателя... [когда] заводчики без Горного правления не могут распоряжаться крестьянами на полном праве собственности: отдавать в солдаты, ссылать за дурное поведение в Сибирь на поселение, не могут увеличивать и убавлять действие

завода, распоряжаться своими лесами и землями по произволу и платят в казну 15 % с выплавленного металла”⁹⁶. Лишиться подобных привилегий вотчинники вовсе не желали. Потому они активно выступали не напрямую против посессионных ограничений (существование которых выделяло их в привилегированную часть заводовладельцев), а против попыток властей хоть в малом сравнять их с посессионерами, и постоянно напоминали властям о своем особом положении. Так, в 1858 г. при обсуждении вопроса о создании комитетов заводовладельцев “для улучшения быта горнозаводских людей” князь С. М. Голицын, граф С. Г. Строганов и Х. Е. Лазарев предлагали проблемы посессионных заводов решать не в особом комитете для “пермских владельцев”, а, как писал Лазарев, “сколько по тождественности их соотношений, сколько и по зависимости в делах с казенными заводами... в комитете, учрежденном для казенных заводов”⁹⁷.

Общественное мнение не столь однозначно (как владельцы) относилось к посессионному праву, хотя также выражало сомнение в целесообразности и эффективности посессионных ограничений. В развернувшейся после отмены крепостного права полемике высказывалось, например, мнение о том, что введенные ограничения предупреждали “неправильное пользование казенными пособиями”, что контроль за использованием природных ресурсов (в первую очередь лесов и руд) мог иметь воспитательное значение и хотя бы отчасти сдерживал заводчиков от хищнической их эксплуатации в то время, когда отсутствовали еще правила рационального лесоводства и горной науки. Все более жесткие нормы на “горючие материалы” в известной степени стимулировали технический прогресс. “Правила содержания” рабочих также отчасти предупреждали злоупотребления владельцев и их заводских администраций⁹⁸. Добавим, что введение принципа нераздельности недвижимого имущества и правило наследования “без раздробления” ускоряли процесс формирования горнозаводских округов как единых территориально-хозяйственных комплексов, в то время идеально соответствовавших особым природным и социальноэкономическим условиям Урала.

Правда, как справедливо утверждал в 1866 г. уполномоченный Верх-Исетских заводов Д. А. Огородзинский, жесткая регламентация в пользовании казенными пособиями зачастую оказывалась неосуществимой на практике и потому бесполезной, а контроль не спасал ни леса, ни рудники, ни людей от хищнической или чрезмерной эксплуатации. Если появлялась острая необходимость, то богатые и могущественные заводчики находили способы уклониться от тех или иных запретов. Правовед замечал также, что в округах, где “владельцы сами не прилагали попечения”, посессионные ограничения не приносили пользы, а “подчинение частных заводов надзору и руководству горного начальства открывало местной администрации обширное поприще к стеснению столь необходимой для успехов всякого промысла свободы действий”. Именно в перемене “поощрительной” (как в XVIII в.) на “недоверчивую к частной деятельности регламентационную систему” государственного управления видел он причину упадка промышленности в первой половине XIX в. “Частная горная промышленность, ознаменовавшая себя в XVIII столетии громадными успехами, – писал Д. А. Огородзинский, – вдруг остановилась в своем развитии и с того времени, в продолжении 60 лет, не двигается уже вперед. Новых заводов построено в этот период очень мало; производительность заводская, несмотря на многочисленные технические усовершенствования, увеличилась весьма нечувствительно; доходы с заводских имений стали год от года уменьшаться; дела заводчиков расстроились, капиталы истощились и горный промысел сделался до того безвыгодным, что владельцы

заводов не только не получают никаких процентов от затраченных ими на устройство заводов огромных капиталов, но весьма редко получают какую-либо прибыль даже и от задолжаемых на заводское действие капиталов операционных, а, напротив, многие действуют в явный убыток, ко вреду промышленности и самому себе”⁹⁹.

Такая оценка итогов промышленного развития Урала в первой половине XIX в. являлась чересчур пессимистичной, но оценка посессионного права во многом совпадала с выводами, сделанными тогда же специалистами, участвовавшими в деятельности государственных Комиссий по пересмотру Горного устава и системы податей и сборов. Они признали, что “условия посессионного владения, ставящие заводчиков в значительную зависимость от правительства во всех действиях и распоряжениях данными им от казны средствами и подчиняющие их сложному правительственному контролю с целью побуждения и поддержания заводского производства именно в тех размерах и условиях, кои были заранее предначертаны, утратили ныне свое значение и не согласны с нынешними потребностями промышленности”. “Интерес собственника служит вернейшим обеспечением производительного употребления имения”, – таков был приговор времени посессионному праву в 1860-е гг. Правда, по мнению Ф. И. Фелькнера, казенный надзор за рудниками и лесами, “этими главными элементами горного производства”, все-таки следовало сохранить как “гарантию интересов государства, для которого так важна горная промышленность”, но необходимо было сделать его “нестеснительным” для владельцев¹⁰⁰.

Можно вполне согласиться с мнением компетентных горных деятелей и юристов о посессионном праве, ограничивавшем свободу частного предпринимательства. Однако “ретроспективный” взгляд на него приводит нас к выводу о том, что возникновение этого внутренне противоречивого историко-правового феномена являлось не столько результатом сиюминутного желания государства “нажиться” на динамично развивавшейся в XVIII в. частной горнозаводской промышленности, сколько вполне естественным следствием той особой (отличной от порядков западноевропейских стран)¹⁰¹ “системы пособий”, которая действовала в России XVIII в. сначала в условиях казенной регалии на недра земли и леса, а затем – отмены последней в конце столетия. Взимание повышенной горной подати за предоставленные во владение и пользование природные ресурсы в этом контексте нельзя не признать справедливым.

Однако не столько величина подати, сколько сопутствовавшие предоставлению пособий посессионные ограничения и “система административной опеки” вызывали самую серьезную критику. Но здесь, на наш взгляд, казна и владельцы оказались заложниками ситуации, поскольку эти ограничения закономерно вытекали из “двойственной природы” посессионного права и являлись своего рода гарантирующими условиями соблюдения прав обоих “участников” посессий. В результате Россия вошла в число таких западноевропейских стран, как Франция, Бельгия, Австрия и Пруссия, где государство так же активно (а в Австрии и Пруссии даже еще больше) влияло на развитие частного предпринимательства в горном деле¹⁰². Разрубить гордиев узел посессионного права и в целом всей “системы опеки” над частной горнозаводской промышленностью (так, как поступила власть в отношении фабрично-заводской промышленности, где посессионное право с 1840 по 1863 г. было постепенно ликвидировано)¹⁰³ казна не решилась, как не решилась под давлением заводчиков и на дальнейшее углубление норм посессионного права и распространение некоторых из них на владельческие заводы.

Вероятно, для этого были серьезные основания, вытекающие как из “материальных” интересов государства, так и из “экономического поведения” самих заводчиков. Ведь создание на рубеже XVIII–XIX вв. и сохранение в течение всей первой половины XIX в. различий в формах собственности на частные горные заводы создало беспрецедентную ситуацию, когда параллельно на одном “экономическом пространстве”, но в разных правовых условиях, действовали и развивались две конкурирующие “модели” промышленности (казенные заводы после указа от 22 сентября 1809 г., запретившего им “обращать в вольную продажу” выкованное железо, были фактически выведены с рынка и не соперничали с частной промышленностью)¹⁰⁴. Одна, представленная владельческими заводами, существовала в условиях свободного хозяйствования, другая, представленная посессионными заводами, – в ограниченных законами условиях “казенной опеки”. Действие этих “моделей” развития российской горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. становилось уникальным опытом, результаты которого и могли дать ответ на поставленный временем вопрос: уничтожить или сохранить посессионное право?

II.2. Состав владений. Горные подати и санкции

Как уже упоминалось, по именному указу от 23 июня 1794 г. все заводы были разделены на два “отделения”. В соответствии с законом, к первому отнесли чугуноплавильные и медеплавильные предприятия, которые “заведены частными людьми с пособием от казны, получив для этого земли и леса или же приписных из ведомства казенного крестьян”, ко второму – которые “заведены были частными людьми без всякого от казны пособия, не имеют ни лесов, ни земель, им отведенных, ниже приписных к заводам людей от казенного ведомства”. Пермская и Уфимская Горные экспедиции в 1795 г. предоставили “рописи” всех заводов по двум отделениям, в соответствии с которыми губернские казенные палаты с 1797 г. стали принимать подати¹⁰⁵.

По “податным” ведомостям 1797–1801 гг. (табл. 1) в первое отделение (посессионные) были включены Билимбаевский завод графа А. С. Строганова, Нижнетагильский, Выйский и Верхнесалдинский – Н. Н. Демидова, Ревдинский – П. Г. Демидова, Суксунский, Ашапский, Бымовский и Уткинский – А. Г. Демидова, Кыштымский и Каслинский – Н. Н. Демидова, Узянский – И. Е. Демидова, Верх-Исетский, Уткинский, Верх-Нейвинский, Режевский, Верхнетагильский и Климковский – И. С. Яковлева, Невьянский и Петрокаменский – П. С. Яковлева, Алапаевский, Ирбитский и Верхнесилянчихинский – С. С. Яковлева, Уфалейский, Нижнесергинский, Верхнесергинский и Авзяно-Петровский – М. П. Губина, Залазнинский – А. М. Мосолова, Шурманикольский – И. А. Мосолова, Юговский, Курашимский, Бизярский, Иргинский и Омутнинский – И. П. Осокина, Нижнешайтанский – С. А. Ширяева, Сысертский и Полевской – наследников А. Ф. Турчанинова, Песковский – И. Я. Курочкина, Шильвинский – А. М. Подъячева, Бемышевский – Е. А. Лебедева, Коринский – С. Т. Красильникова, Архангельский (Шаранский) – П. Г. Красильникова, Берсудский – И. А. и А. А. Маленковых, Пыжманский – И. И. и А. И. Кобелевых и Нювчимский – Г. М. и А. М. Грибановых. Всего 28 чугуноплавильных, 13 медеплавильных и 4 комбинированных завода 23 владений (25 окружных хозяйств).

Во второе отделение (владельческие) попали Архангело-Пашийский завод А. А. Голицыной, Лысьвенский – В. А. Шаховской, Кусье-Александровский – А. А. Голицыной и В. А. Шаховской, Кыновский и Екатерино-Сюзвенский – Г. А. Строганова, Чермозский и Кизеловский – И. Л. Лазарева, Пожевский – В. А. Всеволожского, Уинский и Шермяитский – С. С. Яковлева, Молебский – А. Г. Демидова, Катав-Ивановский и Архангельский – Е. И. Козицкой, Юрюзань-Ивановский и Верхоторский – А. И. Дурасовой, Симский и Богоявленский – И. И. Бекетовой, Белорецкий и Воскресенский – Д. И. Пашковой, Златоустовский, Саткинский и Кусинский – И. М. Лугина (в 1798 г. эти заводы стали казенными), Нязе-Петровский – И. Я. Хлебниковой, Благовещенский – Н. П. Хлебникова, Верхнетроицкий, Нижнетроицкий, Усень-Ивановский и Мешинский – И. П. Осокина, Преображенский – П. М. Гусятникова, Каноникольский – М. А. Мосоловой, Таишевский и Иштерьяковский – Иноземцевых, Богословский – А. Г. Глазова и Варзино-Алексеевский – Д. А. и П. О. Тевкелевых. Всего 17 чугуноплавильных и 17 медеплавильных заводов 20 владений (25 хозяйств)¹⁰⁶.

Большинство владельцев не выразили несогласия с решением горного начальства и в течение всей первой половины XIX в. их заводы сохранили первоначально установленный статус. Исключение составили несколько заводчиков, по разным мотивам лично добивавшихся перевода заводов в группу владельческих. Так, сразу после составления ведомостей оспорили принадлежность своих заводов к первому отделению А. С. Строганов и М. П. Губин. Первый – из чувства обиды, второй – справедливости.

Граф Строганов доказывал, что Билимбаевский завод был построен на пожалованных его предкам землях, которые включали все течение реки Чусовой “с устья и до вершины”, а потому и должен считаться владельческим. Чиновники Горной экспедиции опровергали это утверждение, ссылаясь на “мнение” Берг-коллегии от 1758 г., по которому строгановскими признавались лишь земли по реке Чусовой с устья до притока – реки Межевой Утки. Поскольку Билимбаевский завод располагался выше впадения Утки в Чусовую, то они настаивали на том, что леса и земли этого завода являлись казенными, а сам завод “имеющим пособие от казны”. Сенат, разбирая это затянувшееся дело, в 1816 г. предложил признать Билимбаевский завод владельческим, но решение было отложено до окончания разбора в Государственном Совете общего дела о землях Строгановых. В 1828 г. царь наконец утвердил границы строгановских владений по Чусовой, простиравшихся не на все ее течение, а только до реки Межевой Утки. В то же время он повелел министру финансов “во уважение к заслугам рода Строгановых” наделить их заводы, нуждавшиеся в лесах, “из казенных пустопорожних и казне не нужных земель”. В 1830 г., через 34 года после начала разбирательства, была решена и участь Билимбаевского завода: его все-таки признали владельческим и выключили из числа посессионных заводов. В 1832 г. генеральный землемер обмежевал заводскую дачу “в помещичье владение графини Строгановой”¹⁰⁷.

В 1798 г. подал прошение о переводе Уфалейского (позже – Нижнеуфалейского) завода в число владельческих московский именитый гражданин М. П. Губин. Причиной причисления его завода к первому отделению послужило не предоставление казенных земель и лесов (завод отводов не имел, а был основан на землях, купленных и кортомленных у башкир прежними владельцами Мосоловыми), а наличие на заводе

363 рев. д. вечноотданных. Ссылаясь на указы от 7 января и 12 ноября 1736 г. и 30 декабря 1755 г., губинское заводууправление настаивало на том, что эти люди были отданы к заводу “яко в вечное владение” и за них были “заплачены деньги”, а потому и следует считать их “наравне с крепостными и купленными своими людьми”. Чиновники Пермской горной экспедиции по-своему трактовали те же указы, считая, что в них “не сказано, чтоб таковых пришлых на заводы и фабрики, по платежу за них в казну денег, числить наравне с крепостными, а только, что для мастерств вечно отданными”, а потому и сочли их “в числе казенных мастеровых казенным пособием”.

В ходе начавшегося разбирательства выяснилось, что происхождение вечноотданных точно установить нельзя, поскольку все документы “были уничтожены Пугачевым”, а сами мастеровые “не помнили своего родства”. Кроме того, Губин обратил внимание на непоследовательность действий властей, указав, что Нязе-Петровский, Златоустовские и Каноникольский заводы были зачислены во второе отделение, хотя так же, как и Уфалейский завод, прежде принадлежали Мосоловым и имели “вечноотданных людей”. В итоге 20 января 1802 г. последовал указ Сената не платить Уфалейскому заводу полоторную подать “впредь до окончания разбирательства”, завершившегося много позже¹⁰⁸.

В 1824 г. возник прецедент по переводу владельческого завода в группу посессионных. Он касался Молебского завода, входившего в Суксунский округ Демидовых, остальные 7 заводов которого считались посессионными. В том году “по случаю истечения срока кортомления ясачных земель” он был присоединен к посессионным, но только, как считала заводская контора, “по землям, а не по людям, оставшимся по-прежнему на праве крепостном”. Горное правление, однако, “исчислило население крепостным заводским”. “При посессионных заводах не могут быть люди на крепостном владельческом праве”, – таково было мнение горных чиновников, основанное на указе от 30 января 1800 г. (предписавшего “всех тех заводчиков почитать имеющими от казны пособие, какое б оное ни было”)¹⁰⁹.

Следующий подобный случай произошел в 1830 г. с Белорецким заводом Пашковых. По “рописи” 1795 г. он вместе с другими заводами наследниц И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова был зачислен во второе отделение, где и оставался до этого времени, платя “одинакую” подать. При рассмотрении затянувшегося дела о разделе наследства И. А. Пашкова обнаружилось, что еще в XVIII в. рудники (в частности, гора Атача, или Магнитная) были отведены к Белорецкому заводу в казенных землях, а крепостных крестьян И. Б. Твердышев и И. С. Мясников покупали, не будучи дворянами. Допущенную более 30 лет назад ошибку в отношении этого завода “поспешили” исправить. Тогда же Пермскому и Московскому Горным правлениям было предписано “войти в рассмотрение всех частных заводов, которые считались не имеющими от казны пособий и со всею точностию определить, все ли они действительно не имеют пособий и сколь возможно поспешнее представить [сведения] в Горный департамент”. Тем самым было положено начало масштабной и длительной кампании “по разбору прав заводчиков”, развернувшейся в 1830–1850-е гг.

По справке Пермского Горного правления, владельческими в 1830 г. оказались 36 чугуноплавильных и медеплавильных заводов (Лысьвенский, Бисертский и Юго-Камский – В. П. Полье, Архангело-Пашийский – Голицыных, Кусье-Александровский – Полье и Голицыных, Кыновский – Г. А. Строганова, Билимбаевский и

Добрянский – С. В. Строгановой, Пожевский и Александровский – В. А. Всеволожского, Чермозский и Кизеловский – Лазаревых, Катав-Ивановский и Юрюзань-Ивановский – А. Г. Белосельской-Белозерской, Симский – И. П. Бекетова, Белорецкий – Пашковых, Уинский и Шермяитский – наследников С. С. Яковлева, Иштеряковский и Таишевский – И. М. Ярцова, Мешинский, Усень-Ивановский, Верхнетроицкий и Нижнетроицкий – Г. И. Осокина, Нязе-Петровский – М. Л. Харитоновой и Е. Л. Зотовой, Нижнеуфалейский – К. М. Губина, Благовещенский – А. П. Полторацкой, Каноникольский – Ф. И. Мосолова, Воскресенский и Верхоторский – В. А. Пашкова, Архангельский – А. Г. Лаваль, Богоявленский – П. П. Бекетова, Преображенский – Гусятниковых, Архангельский – Красильниковых, Богословский – П. А. Глазова и Покровский – наследников И. С. Мясникова)¹¹⁰.

День 15 октября 1830 г. стал, скорее всего, не самым приятным для владельцев этих предприятий. Горное правление потребовало тогда от заводских контор “поспешнее представить подлинные акты, по которым построены заводы, и объяснить, от кого переходили из рук в руки, какими пользуются лесами, рудниками и землями”. Как и следовало ожидать, “поспешнее” не получилось. Хотя кроме Пашкова, о заводе которого было принято “определяющее” решение, никто из владельцев открыто не выразил недовольства, некоторые из них почувствовали шаткость своего положения. Так, неожиданно оказались под сомнением права графа Г. А. Строганова на Кыновский завод. Еще в 1805 г. этому заводу, испытывавшему недостаток в лесах, изъятых в свое время в казну, было разрешено пользоваться лесами из дач соседнего казенного Серебрянского завода, о чем в 1818 г. был даже выдан “владельный указ”. Горное правление посчитало это достаточным основанием для перевода завода в группу “имеющих от казны пособие”. Но Сенат, рассматривавший дело, 13 января 1831 г. вынес решение “почитать” Кыновский завод владельческим на основании резолюции императора 1828 г. о праве владения Строгановыми землями по реке Чусовой. Кыновский завод располагался ниже реки Межевой Утки, как уже упоминалось, признанной тогда верхней границей строгановских владений¹¹¹.

Не очень уверенно (и не без оснований) почувствовала себя княгиня А. Г. Белосельская-Белозерская в правах на Катав-Ивановские и Юрюзань-Ивановские заводы, основанные ее предками – недворянами. Пытаясь отвести угрозу, но не найдя более серьезных аргументов, одна из богатейших уральских заводчиц жаловалась в Горный департамент, что подати, “вносимые с заводов... огромны и несоразмерны ни с какими повинностями”. Это, считала она, “дает право надеяться, что подать не будет Всемилостивейшим нашим Государем увеличена, ежели Департамент не упустит представить Его Императорскому Величеству в настоящем виде положение частных заводчиков при нынешней ежегодно упадающей коммерции”¹¹².

Сумел вроде бы отвести опасность от своих заводов и “виновник” всего дела А. И. Пашков, совладелец и управляющий Белорецкого округа. Получив тогда придворный чин егермейстера, он тут же обратился с жалобой к царю. 18 июня 1831 г. Сенат приостановил свое прежнее решение собирать полуторную подать с Белорецких заводов “впредь до нового рассмотрения”. Из-за разногласий между Сенатом, Министерством финансов и Государственным Советом оно состоялось только через три года, когда (указом от 16 апреля 1834 г.) эти заводы все-таки были признаны “не подлежащими платежу полуторной подати”. Аргументами для такого решения стали

“давность устройства заводов и постоянное действие их в продолжении более 80 лет собственными способами владельцев”, отдаленность рудников и их расположение “вне охранительной линии”, отчего добыча и перевозка руды были сопряжены со значительными издержками, и даже общая польза государству “от усиления горного промысла”. Решающим аргументом для оставления заводов Пашковых в составе владельческих явилось то обстоятельство, что отводные земли под рудники, как оказалось, располагались в “Киргизкайсацкой степи” и не принадлежали казне, что прежде признавалось главным мотивом перечисления. Возможно, сыграло свою роль в принятии важного для А. И. Пашкова решения и то, что представлял это дело в Сенате не кто иной, как министр юстиции Д. В. Дашков, муж его двоюродной сестры Е. В. Дашковой¹¹³.

Эти обстоятельства и многие другие причины надолго затянули окончание “разбора прав”. Только 28 августа 1835 г. берг-инспектор Меньшенин рапортовал, что в Горном правлении заканчивается составление докладной записки по этому делу. “Сначала акты требовались от заводских контор или от самих заводчиков, а из них многие требования сего не удовлетворили по случаю утраты актов, — объяснял он причины столь долгой задержки. — От этого произошла переписка с теми местами, от коих в прежнее время зависело построение заводов... Поелику большая часть заводов построены за 50 лет и раньше, а существующие в то время заведывавшие горной частью присутственные места уничтожены, дела же их хранятся в разных архивах, и потому об одном заводе документы отыскивались в трех разных местах, от этого справки делались и доставлялись сведения весьма медленно. Потом надлежало сии документы и сведения рассмотреть о каждом заводе порознь, дополнив их справками из дел Горного правления или вновь требовать пояснений от разных мест и лиц”¹¹⁴.

В результате проведенного в Уральском Горном правлении “следствия” претендентами на перевод в группу посессионных (по записке, составленной 14 июля 1836 г.) были признаны всего 5 из 35 чугуно- и медеплавильных владельческих заводов (из первоначального списка был исключен Покровский завод, который уже никто не помнил, когда был разорен — “то ли в замешательство башкирцев Оренбургского края, то ли во время нашествия Пугачева”). Ими оказались Нязе-Петровский завод наследниц Л. И. Расторгуева, Нижнеуфалейский — К. М. Губина, Преображенский — Гусятниковых и Уинский и Шермяитский заводы наследников С. С. Яковлева. Главным основанием такого заключения для первых трех заводов служил недворянский статус их основателей и нынешних владельцев (завод Гусятниковых — до 1816 г.). Последние два завода, как оказалось, были построены на кортомленных у татар землях, которые по указу от 17 июля 1807 г., подтвержденному 19 мая 1822 г., были признаны государственными¹¹⁵.

В сентябре 1836 г. записка была представлена в Министерство финансов, откуда направлена для экспертизы в Совет Корпуса горных инженеров. Высшее горное начальство не удовлетворилось результатами дела, решив, что Горное правление поторопилось с выводами и не учло некоторые важные законы. Целых восемь лет прошло, прежде чем Совет в 1844 г. вынес свое заключение, которое существенно отличалось от прежнего. В основу его были положены акты 16 марта 1798 г. (по которому переход заводов от недворян дворянам разрешался лишь с обязательством содержать

их “на том же основании”) и 25 июня 1811 г. (признавшем пособием от казны право недворянам владеть крепостными заводскими людьми). Кроме того советники усомнились в достоверности некоторых сведений, полученных прежде от заводчиков.

В результате только 12 заводов (Кусье-Александровский – В. П. Бутеро, С. М. и М. А. Голицыных, Лысьвенский, Бисертский и Юго-Камский – В. П. Бутеро, Кыновский – Г. А. Строганова, Билимбаевский и Добрянский – С. В. Строгановой, Пожевский и Александровский – А. В. и Н. В. Всеволожских, Чермозский и Кизеловский – И. Е. и Х. Е. Лазаревых и Усень-Ивановский – Д. Е. Бенардаки) были безоговорочно оставлены в группе владельческих. К пяти заводам, отнесенных Горным правлением к группе посессионных, был добавлен еще Мешинский завод Г. И. Осокина как пользующийся казенными землями и рудниками. Министр приказал полуторную горную подать взysкивать с них “во избежание затруднительных расчетов” с 1844 г. О 15 заводах посчитали необходимым собрать дополнительные сведения. В числе последних оказались девять заводов наследников И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова (Катав-Ивановский – А. Г. Белосельской, Юрюзань-Ивановский – Е. А. Сухозанет, Симский – П. А. и А. А. Балашевых, Белорецкий, Воскресенский, Верхотровский и Богоявленский – Пашковых, Архангельский – А. Г. Лаваль и Благовещенский – Е. В. Дашковой), а также Каноникольский завод Ф. И. Мосолова, Верхнетроицкий и Нижнетроицкий Д. Е. Бенардаки и Иштерьяковский и Таишевский И. М. Ярцова. В состав “неопределятельных” неожиданно попал и Архангело-Пашийский завод Голицыных. Архангельский (Шаранский) завод Красильниковых и Богословский П. А. Глазова к тому времени выбыли из числа медеплавильных предприятий и потому не были включены в записку Совета Корпуса горных инженеров¹¹⁶.

После этого постановления начался второй этап кампании “по разбору прав” заводчиков, продолжавшийся до 1852 г. Вновь очень неохотно и неторопливо отвечали они на очередной запрос Горного правления. 16 сентября 1846 г. главный начальник В. А. Глинка, курировавший дело, доносил, что хотя в течение трех лет собирались справки, но ни об одном из заводов не сделано до сих пор “полного, ясного и несомнительного дознания”. К сбору информации на этот раз были подключены заводские исправники, которые “многократно” обращались в заводские конторы с требованием о доставлении актов. Тем не менее, как сообщал тот же В. А. Глинка 3 марта 1847 г., “ни одним заводом не было представлено положительных документальных доказательств, а только поступили от некоторых владельцев или от контор их объяснительные отзывы, не подкрепленные достоверными актами”¹¹⁷. Большинство владельцев, видимо, решили как можно дольше затягивать дело.

Довольно оригинально поступили Голицыны, по-видимому, шокированные сомнениями по поводу статуса их Архангело-Пашийского завода, основанного Строгановыми на вотчинных землях. Они прислали в Горное правление ревизские сказки 1795 г. и книгу Н. Г. Устрялова “Именитые люди Строгановы”, считая, что это вполне может разъяснить нелепую ситуацию. Но там поступок Голицыных не был “правильно” понят. Горные чиновники отослали обратно “помянутые документы” и вновь потребовали “составить полные сведения” о крепостных людях. Тогда-то и выяснилось, что в недоразумении виновато Нытвенское заводоуправление Голицыных, которое в присланных ранее ведомостях разделило крепостных крестьян так, как было принято в вотчинной документации – на заводских (то есть тех, кто работал на заводах)

и вотчинных (то есть тех, кто был занят сельским хозяйством). Горное правление, обнаружив “заводских крепостных”, решило, что это люди, купленные на заводском праве, и усомнилось во владельческом статусе Архангело-Пашийского завода. Когда же наконец в 1847 г. были представлены жалованные грамоты Строгановым и другие документы, подтверждающие вотчинные права владельцев, все окончательно разъяснилось, и Голицыных оставили в покое¹¹⁸.

Разъяснилась ситуация и с Троицкими заводами Д. Е. Бенардаки. Оказалось, что в этом округе, кроме купленных еще прежними владельцами Осокиными, находились также отводные казенные земли, в 1820 г. признанные “заводской собственностью”. Возникшая тогда угроза перечисления заводов в группу посессионных была предотвращена решением 1830 г. отмежевать к ним только владельческие земли “в дворянскую собственность заводчика”. Но ко времени “разбора прав” была размежевана дача одного Усень-Ивановского завода, который и был безоговорочно признан владельческим. Два других Троицких завода подтвердили свой прежний статус уже во время проводившейся кампании, когда, видимо, было завершено межевание принадлежавших им земель, и инцидент был исчерпан¹¹⁹.

Неожиданный отзыв поступил от А. И. Пашкова, совладельца Белорецких заводов, который вновь должен был доказывать, что по праву считается “полным” их собственником. “Копии с отдельных актов я представить не могу, – сообщал он в сентябре 1844 г., – потому что за приобретенных людей из разных мест, малыми партиями и много по одному семейству купчих... такое множество, что для снятия с оных копий нужно несколько месяцев с огромным расходом на гербовую бумагу и на свидетельство оных, для какового расхода за неполучением никаких доходов с Белорецкого завода со времени взятия оного в опеку в виде секвестра [с 1840 г.], я не имею при себе нужного количества денег”. В июле 1848 г. по ходатайству В. А. Глинки министр финансов сжалился над незадачливым владельцем и разрешил ему представить нужные документы “на простой бумаге”. На это Пашков отозвался, что и писцов дополнительно он нанять не в состоянии. Когда же ему напомнили, что Сенат распорядился выдавать Пашковым по 6 тыс. руб. в год, он заявил, что “назначение это сделано на содержание моего семейства и меня, а отнюдь не для дел Белорецких заводов”¹²⁰.

Наиболее основательные протесты, с содержанием которых было отчасти согласнo и Горное правление, поступили от М. В. Пашкова, совладельца Воскресенского, Верхотурского и Богоявленского и владельца купленного в 1838 г. у Гусятниковых Преображенского заводов. Основываясь “на точном духе законодательства”, он утверждал, что не существовало правил, согласно которым следовало бы включать в группу посессионных заводы, купленные дворянами у недворян и не имевших “вещественных от казны пособий”. Совет Корпуса горных инженеров, по его мнению, слишком широко трактовал указ от 16 марта 1798 г., тогда как в нем говорилось только о том, что в таком случае на нового владельца из дворян налагались дополнительные ограничения в содержании завода (не имел право уменьшить или вовсе остановить действие завода или продавать отдельно от него крепостных заводских людей), но не в платеже горной подати. Пашков также полагал, что не следовало “ослаблять коренные преимущества дворян” тем, что приобретенные ими крепостные когда-то

“находились в руках лиц, не имеющих общего на них права”. “Покупка людей к заводам, – считал он, – не уничтожает их крепостного состояния и не сообщает им никаких новых льгот, когда они поступают во дворянское владение”¹²¹.

Таким образом, обоснованные и необоснованные аргументы владельцев грозили вновь затянуть дело. В Уральском Горном правлении было принято решение ускорить сбор сведений и установить крайний срок их подачи. 1 октября 1848 г. министр санкционировал предложение В. А. Глинка предоставить заводчикам для этого год. “Если не доставят документы, – угрожал главный начальник, – то заводы их будут обложены полуторной податью”. На некоторых заводчиков угроза подействовала, но в корне ситуацию не изменила. Мало того, А. Г. Лаваль, А. В. и И. В. Пашковы, поставленные в безвыходную ситуацию, поскольку требуемые от них акты на покупку крестьян были утрачены, подали жалобы в Сенат. “Предварение главного начальника, – писали Пашковы, – является средством понудить заводовладельцев произвольным, так как русские законы, охраняя свято права каждого, не устанавливают ни подобных мер понуждения, ни подобных мер взыскания”. К тому же, считали они, дело “о правах заводчиков” после решения о Белорецком заводе 1834 г. вообще утратило всякий смысл. “Горному правлению уже не следовало при собрании сведений о правах прочих заводчиков почитать в отношении сих последних пособием от казны то, что заводы эти имеют крестьян, купленных к ним основателями на праве заводчиков – недворян”, – утверждали Пашковы. Е. А. Сухозанет, защищавшая владельческий статус Юрюзанских заводов, к этим рассуждениям своих родственников добавила, что положение 1811 г., утвердившее “правовое” пособие, не являлось законом, но даже если бы и было таковым, то не имело обратной силы¹²².

Между тем, приближался назначенный для предоставления документов “последний” срок. Но когда 2 декабря 1849 г. В. А. Глинка предложил Горному правлению составить “подробные соображения, какую подать, полуторную или одинакую, должны платить все те 15 частных заводов, о которых в 1843 г. предписано было бывшим министром финансов собрать сведения”, то получил ответ, что “никто из заводчиков к 1 октября не доставил затребованных сведений”. Забыв о своих прежних угрозах и ограничившись имевшимися в распоряжении Горного правления материалами, главный начальник отослал министру финансов свои собственные “соображения”. От министра дело поступило в Государственный Совет, который 27 ноября 1850 г. передал его на рассмотрение Общего собрания Правительствующего Сената. Через полтора года, 7 августа 1852 г., Сенат признал, что “горные заводы, состоящие ныне во владении дворян, так и недворян, если они не получают от казны какого-либо существенного пособия и не платили досель полуторной подати, следует оставить в разряде владельческих”. Тогда же разрешение недворянам владеть крепостными заводскими людьми перестало считаться “вещественным от казны пособием”¹²³.

В соответствии с этими решениями в Уральском Горном правлении 22 сентября 1852 г. была составлена новая записка. Из 15 заводов, по которым проводился “разбор прав” с 1844 г., все были окончательно признаны “не имеющими пособий от казны”, за исключением Иштеряковского и Тайшевского заводов, незадолго до этого уничтоженных с разрешения Горного департамента. Попутно решил поднятый владельцами вопрос о статусе трех Рождественских заводов М. Д. Демидовой, двух Саранинских – Компании Кнауфских заводов и Камбарского и Шаквинского – Това-

рищества Суксунских заводов. Хотя с этих железоделательных заводов вовсе не брали податей, владельцы рассчитывали в случае изменения их статуса получить больше прав на крепостных, которыми они могли бы распоряжаться “во всем пространстве прав полной собственности”. Горные власти без особого сопротивления подтвердили неограниченные права владельцев на Рождественские и Саранинские заводы¹²⁴, вопрос же о двух заводах Суксунского округа оказался более сложным.

После перечисления в состав посессионных Молебского завода, в 1841 г. Петр и Павел Григорьевичи Демидовы через своего управляющего предприняли попытку “к отысканию владельческих прав” на Камбарский и Шаквинский заводы. Владельцы затеяли это дело для того, чтобы получить возможность избавиться от “большого излишка в людях”, который, по их уверению, сложился в Суксунском округе. Однако в Уральском Горном правлении посчитали, что предоставленные заводоуправлением договоры на покупку земель у татар не могут являться веским основанием для пересмотра вопроса о статусе заводов. Дело было направлено в суд, который в 1845 г. все-таки признал “помещичье право на купленные у татар Демидовым земли”. Тем не менее Горное правление согласилось определить владельческим только Камбарский завод, а рассмотрение прав Шаквинского завода, о людях которого были представлены не купчие крепости, а ревизские сказки, приостановило до решения Горного департамента и Сената. Это решение так и не было принято к 1861 г.¹²⁵

Вопрос о шести заводах, ранее признанных кандидатами на перечисление в группу посессионных, в 1852 г. был оставлен Уральским Горным правлением “на рассмотрение высшего начальства”. Большинство их владельцев, основываясь на новых узаконениях, предприняли шаги к недопущению этого перечисления. Отныне Горное правление занялось определением их судьбы, что составило содержание третьего этапа кампании “по разбору прав” заводчиков.

По аналогии с другими заводами наследников И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, пришлось сразу же признать владельческим Преображенский завод, возвращенный покупкой в дворянскую собственность потомками основателей. Посессионным оставили Мешинский завод Г. И. Осокина, который к тому же в 1848 г. после продажи купцу А. И. Коровину вышел из дворянского владения. Этот завод уже с 1839 г. платил полуторную подать, хотя Сенат до сих пор не утвердил принятого Горным правлением решения. Был вновь поднят вопрос о статусе временно восстановленного Богословского медеплавильного завода, купленного П. И. Шелашниковым в 1834 г. у П. А. Глазова. В 1852 г. Горный Совет признал его посессионным, несмотря на то, что как бывшие, так и нынешние его владельцы являлись дворянами. Но Шелашниковы не протестовали, поскольку сами не знали точно, на каком праве, заводском или владельческом, состояли купленные прежними владельцами крепостные. Из двух медных заводов наследников С. С. Яковлева, Уинского и Шермяитского, постановлением Горного правления от 28 января 1853 г. первый был признан посессионным “за уничтожением вотчинных прав продавателей [татар]”, а второй “присужден во владение помещичье”. 7 июня 1853 г. Нижнеуфалейский завод наследников К. М. Губина был окончательно признан “подлежащим платежу одинакой подати”. 5 августа того же года в группу владельческих были переведены Верхнеуфалейский и Суховязский заводы, входившие в один округ с Нижнеуфалейским. Наконец, 6 февраля 1857 г.

последний претендент на перевод в группу посессионных – Нязе-Петровский завод М. Л. Харитоновой и Е. Л. Зотовой, где так и “не открылось казенных людей”, был также признан владельческим¹²⁶.

Таким образом, итогом многолетних усилий горных властей “по разбору прав” заводчиков стало перечисление в группу посессионных всего трех небольших медеплавильных заводов – Мешинского А. И. Коровина, Уинского “алапаевских” Яковлевых и Богословского В. П. Шелашникова. Сохранение и утверждение владельческих прав на преобладающее большинство вызвавших в 1830 г. сомнение заводов было далеко не случайным. Ход кампании, его стадийность отразили эволюцию государственного подхода к посессионному праву от беспрекословного его признания в 1830 – начале 1840-х гг. до более “снисходительного” отношения в 1850-е. Значительную роль в такой динамике, как видно, сыграла и позиция заводовладельцев, настойчиво отстаивавших владельческий статус своих заводов.

Следующие перемены в статусном составе уральских заводов и заводчиков произошли вскоре после отмены крепостного права. Тогда потеряло смысл причисление к посессионным тех заводов, которые пользовались от казны только “пособием в людях”. Кроме того, предполагалось пересмотреть и правила пользования рудами. Горные власти решили, что это право в посессионных землях за полуторную подать целесообразнее заменить пошлиной по четверти копейки с пуда, какая взималась с вотчинников за разработку рудников на землях казны¹²⁷. В результате уже в списках 1862 г., составленных для Комиссии по пересмотру Горного устава, из состава посессионных округов были исключены Сергинские заводы наследников К. М. Губина, Кыштымские – М. Л. Харитоновой и Е. Л. Зотовой, Авзяно-Петровские – Д. Е. Бенардаки, Богословский – В. П. Шелашникова и Кагинские – Ф. П. Никифорова. Посессионными остались только те 17 округов, которые пользовались отведенными от казны землями и лесами. Это были Верх-Исетский округ Н. А. Стенбок-Фермор, Невьянский – наследников П. С. Яковлева, Алапаевский – наследников С. С. Яковлева, Нижнетагильский – П. П. Демидова, Ревдинский – П. А. Демидова, Шайтанский – М. И. Кузьминой и О. И. Берг, Суксунский – Товарищества Суксунских заводов (за исключением Камбарского и Шаквинского заводов), Сысертский – наследников А. Ф. Турчанинова, Юго-Кнауфский – Компании Кнауфских заводов (за исключением двух Саранинских заводов), Холуницкий – А. Д. Пономарева, Шурминско-Залазнинский – Мосоловых, Омутнинский – Пастуховых, Кирсинско-Кажимский – Д. Е. Бенардаки, а также Уинский завод О. Н. Рошефор, Бемышевский – А. Е. Лебедева, Шильвинский – Н. Н. Подъячева и новый Святочудовский – Хвоцинского и К^о¹²⁸.

На практике перечисление затянулось, поскольку Государственный Совет 3 декабря 1863 г. предписал осуществить его только в том случае, если владельцы безвозмездно предоставляли мастерам усадьбы, а покосы и дрова – “на первые три года в безвозмездное пользование, а на последующие три года за половину установленной платы”. В случае исполнения этих требований, как было записано в журнале Уральского Горного правления от 26 июня 1864 г., заводы “исключались из числа посессионных и перечислялись во владельческие, относительно как размера подати, так и всех прав на владение и распоряжение”¹²⁹.

Итак, по данным налоговой документации (табл. 1), в 1800 г. из 48 горнозаводских хозяйств 23 (48 %) считались владельческими, 23 (48 %) – посессионными и 2 (4 %) имели в своем составе заводы обоих статусов. Из 42 хозяйств накануне реформы 1861 г. 19 (45 %) числились владельческими, 17 (41 %) – посессионными и 6 (14 %) имели двойной статус. Но сокращение (на 7 %) доли посессионных округов не означало перехода некоторых из них в группу владельческих. Оно явилось результатом ликвидации четырех хозяйств (Архангельского-Шаранского, Берсудского, Пыжманского и Коринского заводов) и переходом четырех (Ревдинско-Рождественского, Кыштымского со слившимся с ним Нязе-Петровским, Юговского и Сергинско-Уфалейского округов) в группу с двойным статусом. В то же время к посессионным присоединилось одно новое хозяйство (Святочудовский завод) и два (Мешинский и Богословский заводы) были переведены из группы владельческих заводов.

Кроме этих двух заводов, из группы владельческих два хозяйства (Нязе-Петровский и Уинские заводы) перешли в группу со смешанным статусом и два (Варзино-Алексеевский и Таишевские заводы) были ликвидированы. В то же время владельческий статус вернул себе Билимбаевский завод и появился новый Никитинский округ, выделившийся из Пожевского. Более всех пополнилась группа хозяйств с двойным статусом, которая “приобрела” пять округов (к Суксунскому добавились Ревдинско-Рождественский, Кыштымский, Уинский, Юговский и Сергинско-Уфалейский) и “потеряла” один (Билимбаевский). Но три округа в этой группе (Суксунский, Ревдинско-Рождественский и Юговский) платили полуторную подать за весь выплавленный металл, поскольку статус владельческих имели там только переделные предприятия. Поэтому если их присоединить к группе посессионных хозяйств, то ее доля сразу возрастет до 48 % и превысит долю владельческих округов.

Таким образом, в статусном составе горнозаводских хозяйств Урала к 1861 г. серьезных перемен не произошло, как не произошло и существенных сдвигов в отношении государства к посессионному праву в горнозаводской промышленности. Первоочередными мотивами этого являлись, на наш взгляд, стремление сохранить повышенный размер горной подати с посессионных заводов, который составлял весомую часть дохода государства (специалист по истории российского промышленного законодательства Л. М. Нисселович называл горнозаводскую промышленность “доходной статьей государства” в отличие от фабрично-заводской, которая признавалась “исключительным достоянием народа”)¹³⁰, и контроль над большинством крупнейших частных округов с целью оградить фискальные интересы государства. Каковы же они были в первой половине XIX в.?

Российское горнозаводское законодательство еще в XVIII в. установило несколько видов общих горных податей, без серьезных изменений действовавших и в первой половине XIX в. Главной из них была так называемая “десятинная” подать, которая собиралась с 1719 г. “Только требуем не больше, – записано в Берг-привилегии, – яко ж во иных государствах обыкновенно есть, десятую долю от прибыли”¹³¹. Однако уже вскоре такой, принятый по западноевропейскому образцу вариант “десятинного сбора” был признан неудобным из-за сложностей установления прибылей заводчиков. В итоге Берг-коллегия (5 февраля 1823 г.) и Сенат (16 января 1724 г.) пересмотрели прежнее положение и заменили налог с прибыли взиманием 1 коп. с пуда чугуна (а не железа)¹³².

Берг-регламент 1739 г. подтвердил новый принцип уплаты попудной подати с чугуна “по тому основанию, почему платит дворянин Акинфий Демидов с одной домны” (3392 руб. с домны, выплававшей 100 тыс. пуд. чугуна в год), что увеличило подать до 3,4 коп. За выплавленную медь в виде горной подати по-прежнему бралась десятая часть “натурой”. Кроме того две трети из оставшейся меди заводчики должны были “отдавать в казну... по настоящей или ходячей цене” (медь необходима была казне для чеканки монеты)¹³³. С целью пополнения бюджета в 1762 г. правительство попыталось поднять горные подати путем обложения не только чугуна, но и железа и изделий из него. Это вызвало протесты заводчиков, выразившиеся в известных «Изъяснениях», поданных в специальную межведомственную комиссию в 1763 г. В результате по “Высочайшему” повелению от 15 апреля 1764 г. была сохранена прежняя десятина с меди и попудная подать с чугуна, но ее размер, вопреки мнению заводчиков, повышен до 4 коп.¹³⁴

Следующее изменение в размере подати произошло только через 30 лет по именному указу от 23 июня 1794 г. “Известно, – объяснялось в нем, – что подати государственные, на железные и медные заводы издавна положенные, пребывают и ныне в том же количестве, когда напротив того с возвышением всеобщих цен возросли оные несравненно на железо и медь в прибыток хозяевам заводов”. По этой причине “для пособия государственным потребностям” подать с чугуна была поднята до 8 коп. для посессионных заводов и до 6 коп. – для владельческих. Оставшаяся натуральной подать с меди увеличилась тогда с 10 до 15 % для владельческих и до 20 % – для посессионных заводов¹³⁵.

“Для ободрения хозяев и содержателей медеплавильных заводов к вящему прииску и разработке рудников и к умножению выплавки меди на пользу Государства и в собственное их обогащение” по манифесту 3 октября 1797 г. подать с меди была понижена на треть для обеих групп заводов. В результате владельческие заводы вновь платили “натурой” десятую часть выплавленной меди, а посессионные – 15-ю¹³⁶. Наконец, по “Высочайше” подтвержденному докладу директора Берг-коллегии М. Ф. Соймонова от 27 октября 1799 г., на содержание восстановленной тогда коллегии было предписано собирать “сверх установленной с заводчиков подати” дополнительно по 2 коп. с пуда чугуна на владельческих и по 4 коп. на посессионных заводах¹³⁷.

С этого времени в течение всей первой половины XIX в. владельческие заводы платили по 8 коп. с пуда чугуна и 10-ю часть выплавленной меди, а посессионные – 12 коп. и 15 % соответственно. Попудная подать была лишь пересчитана после денежной реформы 1839 г. на серебро. По указам от 9 ноября 1839 г. и 10 июня 1842 г. владельческие заводы стали платить по 2,5, а посессионные по 3,75 коп. сер.¹³⁸ Правда, по именному указу от 16 января 1807 г. “в вящее ободрение и распространение промышленности и торговли” было повелено “при отпуске железа за границу во всех портах и таможнях без изъятия возвращать заводчикам две трети той подати, которую они в казну с чугуна платят” и дозволялось “каждому заводчику выплачивать чугуна столько, сколько по собственным его расчетам найдет он для себя полезным, не полагая для того никакой определенной меры”¹³⁹. Таким путем власти пытались стимулировать упавший в начале века экспорт металла.

Временное повышение подати “с количества металла” произошло накануне Отечественной войны. По манифесту 11 февраля 1812 г. с 1 января того года она была удвоена. Но уже 29 декабря 1812 г. Сенат констатировал, что “от удвоения сей подати возвышение цен на металлы останавливает их распродажу, а потому уменьшить может и саму выработку”. Тогда император повелел с 1813 г. “сей двойной пошлины не взыскивать, освобождая от оной металлы, выплавленные в 1812 г., и впредь взимать с оных одни подати до того времени существовавшие”. Вместо этого “по примеру прочих владельцев недвижимых имений” заводчики обязаны были вносить так называемый “процентный сбор” с чистого дохода. Многие из них тогда стали жаловаться на невозможность “объявить” годовой доход в срок из-за постоянных задержек в продаже металлов, а те, кто “объявил”, указали такое мизерное количество дохода, что оказалось бессмысленным собирать с него подать. В итоге по манифесту 30 августа 1814 г. этот сбор был отменен, а накопившиеся недоимки и штрафы сложены и производимые дела “преданы забвению”¹⁴⁰.

К началу XIX в. помимо десятинной, с меди взималась еще и так называемая “половинная” подать, заменившая установленную Берг-регламентом “двух-третью” обязательную продажу меди в казну. В манифесте 28 июня 1786 г. об учреждении Государственного Заемного банка было объявлено, что “с выплавки при партикулярных заводах по взысканию в казну выставкою на монетные дворы на денежное дело половинной пропорции меди, ту пропорцию полагали против выплавки при заводах в 1785 г., за исключением десятинного платежа, а если выше того количества выплавлено будет, то сего излишнего числа половинной на денежный передел меди уже не требовать, а оставлять в пользу завододержателя”¹⁴¹. В отличие от десятинной подати, этот вид натурального налога не был безвозмездным изъятием продукции металлургических заводов. Он только обязывал половину из оставшейся после уплаты “десятины” выплавленной меди поставлять на монетные дворы по установленной цене, которая, правда, была ниже рыночной. До “ободрительного” указа от 3 октября 1797 г. она составляла 5,5 руб. за пуд, а с того времени была повышена до 7 руб. “с тем, чтобы рачительные хозяева и держатели заводов воспользовались сим к приведению оных в наилучшее устройство”. Если же заводчики “небрежением своим... приводили заводы в упадок” или не вовремя поставляли медь, то для них сохранялись прежние расценки¹⁴². Сбор половинной подати был отменен именным указом от 16 января 1807 г. “Взимание в казну сверх десятинной подати половинной меди по 7 руб. за пуд отменить и брать с заводчиков одну только по законам установленную десятинную подать”, – утверждалось там¹⁴³.

По аналогии с натуральной податью на медь “разрешительным” указом от 27 марта 1812 г., а позже указами от 30 января 1824 г. и 13 апреля 1826 г. была установлена натуральная подать на золото, платину и серебро. Не меняясь в течение всего последующего времени, платеж 10 и 15-процентной подати с горнозаводчиков оказался намного выше того, что платили золотопромышленники, добывавшие драгоценные металлы на казенных землях в Сибири и Оренбургском крае¹⁴⁴. Со “цветных камней” горная подать не собиралась, хотя в 1820 г. Горный департамент решил, что к этому обязывают установки Берг-привилегии. Поводом к обсуждению этого вопроса послужил запрос управления Сысертских заводов о добывавшемся в Гумешевском руднике малахите. В 1821 г. Государственный Совет решил, что “взимание подати

натурой с малахита и других цветных камней сопряжено со многими неудобствами как для правительства, так и для плательщика, потому что ценность взимаемого налогом вещества зависит не столько от количества, сколько от качества”. Тогда же было решено оставить все “на прежнем основании”. В результате в первую редакцию Горного устава 1832 г. вошло положение о том, что “со слюды, малахита и других цветных камней никакой пошлыны в казну не взимать”.

Между тем добыча малахита стала доходной отраслью не одного Сысертского округа. После открытия богатого Меднорудянского месторождения в Нижнем Тагиле значительные партии малахита стали поставлять на рынок Демидовы, превратившиеся фактически в монополистов по продаже этого ценного минерала. В виду того, что “добыча малахита становится значительной”, Уральское Горное правление в 1833 г. вновь потребовало у департамента “определяющего разрешения” на сбор десятинной подати с малахита “по количеству выплавленной из него меди”. Лишь в 1838 г. министр финансов “дал знать, что... не почитает себя в праве за силою столь положительных законов ни разрешить, ниже ходатайствовать о наложении на малахит какой-либо подати”¹⁴⁵. Решение, поставившее точку в этом вопросе, было принято 25 октября 1843 г. Тогда Сенат определил, что со слюды, малахита и других цветных камней не взимается в казну никакой подати¹⁴⁶. В 1845 г. такое же решение приняли и по алмазам до того времени, “пока добывание оных значительно усилится”¹⁴⁷.

Другой разновидностью налога с горных заводов являлась так называемая “оброчная” подать, собираемая не с числа “заводских произведений”, а с заводского оборудования. До указа от 23 июня 1794 г. она составляла 100 руб. с домны и 5 руб. с медеплавильной печи в год. С того времени подать поднялась в два раза, причем это повышение касалось всех заводов, независимо от их статуса¹⁴⁸. По указу от 9 ноября 1839 г. оброчная подать была пересчитана на серебро и округлена. С каждой домны заводчики стали платить по 60 руб., а с медеплавильной печи – по 3 руб. сер.¹⁴⁹ В отличие от десятинной подати, этот налог взимался даже когда завод бездействовал. Он отменялся только после официального указа о ликвидации завода и уничтожении его оборудования, а расходовался, видимо, на ведение казенного делопроизводства.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. были установлены сроки и созданы механизмы сбора горных податей. 15 апреля 1764 г. Сенат указал попудную подать с чугуна платить “по прошествии года в январе и феврале бездоимочно”. По указу от 19 мая 1813 г. было разрешено денежные подати вносить в два срока, а именно в январе–феврале и в сентябре–октябре наступившего года. Оброчную подать с домен и медеплавильных печей вносили в январе и феврале каждого года¹⁵⁰. Проект Горного положения установил, что “заводчик или заводская контора могут платить подати в Горное правление, в Главное казначейство или в казенную палату той губернии, в которой или завод состоит, или сам заводчик при должности в службе находится, или имеет свой дом”¹⁵¹. Натуральные подати по указу от 19 мая 1813 г. вносились за каждый прошедший год в январе, феврале и марте наступившего¹⁵². Медь доставлялась самими заводчиками на Екатеринбургский монетный двор или в Горное правление¹⁵³. Подать с золота и серебра сначала также доставляли в Екатеринбург, откуда металлы с “казенным караваном” отправлялись на Петербургский монетный двор. В Петербурге взималась и подать с платины, “но не иначе как в сыром виде, не исключая и самородков”¹⁵⁴.

Поскольку податные недоимки оказались серьезной проблемой уже в середине XVIII в., параллельно развитию налогового законодательства устанавливались и менялись санкции против должников. По указу от 5 марта 1772 г. “за невзнос в срок десятины” стали начислять по 6 % “из того расчета, что никто из заводчиков не захочет платить излишние проценты, следовательно и подать будут платить скорее”¹⁵⁵. Но должники, видимо, не торопились вносить подати, поскольку пеня взималась без различия “хоть за день просрочки, хоть за год”. Поэтому в соответствии с указом от 10 сентября 1784 г. взыскание штрафа стало осуществляться “с расчетом”: за первый год просрочки – по 6 %, а за последующее время еще по 6 % “на ту сумму, какая по день последнего платежа причитаться будет”¹⁵⁶.

Но большой пользы и это не принесло. В 1798 г. недоимка по меди, например, достигала трети общего объема подати. Из Канцелярии Главного заводов правления тогда отправились в 13 задолжавших хозяйств нарочные со строжайшим предписанием “о понуждении к скорейшей доставке недоимки”. Им было приказано оставаться там до тех пор, “покуда не будет вся та медь из завода отправлена”, и даже “остановить дело и продажу меди в посторонние партикулярные руки”¹⁵⁷. Вряд ли эта отчаянная мера начальства принесла пользу, поскольку роль курьеров выполняли солдаты “горной команды”, которых не особо опасались заводские конторы и заводчики. Более действенная мера была предусмотрена Проектом Горного положения. Но и введение постоянной должности заводского исправника, предусмотренное Проектом, не привело к серьезному улучшению сбора горных податей. В 1809 г. Пермское Горное правление сообщало, что недоимки состояли уже на 33 заводчиках¹⁵⁸.

По указу от 19 мая 1813 г. санкции против должников были существенно расширены: 6-процентная пеня сохранялась, но в тех случаях, “где мера сия окажется недействительною”, исправникам предписывалось “секвестровать из наличных или находящихся в разных местах металлов и изделий, неисправному заводу принадлежащих, такое количество, какое на выручку податей и пени достаточно быть может, предоставляя самому содержателю завода продажу оных за наличные деньги”. Если секвестрованных металлов не хватало на уплату недоимок, то закон предусматривал продажу заводов “с публичного торга без всякого отлагательства”. В этом случае недоимки взимались из вырученных от продажи денег¹⁵⁹.

Последняя мера вытекала из сенатского указа от 26 мая 1809 г., установившего санкции властей против заводовладельцев по более широкому кругу причин (казенные долги по ссудам и залогам, частные долги). Заводы, “на которых ненадлежаще поступается, отчего пришли они в упадок и недействие, а с тем купно и владельцы впали в долги казенные и партикулярные, не имея на заплату оных других имений”, по этому указу назначались “к публичной продаже... на удовлетворение кредиторов”. Но в случае, если завод находился “не в упадке, а в полном действии”, его нельзя было подвергать продаже за долги владельца, а надлежало брать в опеку и выплачивать долги “из доходов заводских”¹⁶⁰. Последнее средство до указа от 21 мая 1801 г. иногда использовалось властью в качестве “предупредительной меры” над “расточительными” владельцами из дворян и по их просьбе. Но с того времени подобные опеки и попечительства отменялись, сохраняясь только “над имуществом и личностью” малолетних или недееспособных дворян (для купцов, мещан и разночинцев действовали сиротские суды) или над имениями до признания законных наследников,

как то полагалось по общим гражданским законам¹⁶¹. Указ 1809 г. вновь допускал учреждение опеки над задолжавшими владельцами (если владельцев было несколько, то в опеку бралась только та часть, которая принадлежала должнику), причем независимо от их желания, сословной принадлежности и статуса заводов. В этом случае местные (уездные или губернские) дворянские опеки назначали, как правило, двух опекунов, которые брали на себя управление имением за фиксированную долю прибыли (5 %) и обязаны были сами изыскивать средства “на заводское действие”. Владелец устранялся “от собирания и пользования доходами”, которые поступали на уплату недоимок, и ему даже запрещался въезд в “просроченное имение”¹⁶². По указу от 11 ноября 1836 г. в тех случаях, когда на подвергшихся опеке заводах “состояли горные недоимки или какие-либо задолжения из сумм горного ведомства”, в состав опекунского управления по распоряжению горного начальства “отряжались” горные чиновники. Если же заводы состояли в залоге “банковых установлений”, то и от них назначался делегат или его обязанности возлагались на горных чиновников¹⁶³. По указам от 16 января 1836 г. и 26 ноября 1840 г. опека над владельческими заводами могла быть введена и “в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание”¹⁶⁴.

Разновидностью опекунского управления являлось также попечительство, устанавливавшееся в исключительных случаях по просьбе самого владельца и с разрешения императора. Так же, как и при опеке, владелец удалялся от управления, но назначение попечителей согласовывалось с ним. Ему же определялась фиксированная сумма “на проживание”. За частные долги заводы, как правило, попадали “под запрещение” (владелец не мог совершать продажи, залоги и прочие действия, связанные с правом владения), но могло быть учреждено и так называемое “конкурсное” или “кредиторское” управление, составлявшееся из кредиторов обанкротившегося владельца. По утвержденному 12 ноября 1830 г. “мнению” Государственного Совета, конкурсы получили право продавать заложенные в банке имущества должника¹⁶⁵.

Еще одной “обеспечительной мерой” являлся казенный присмотр над заводами, который (в соответствии с проектом инструкции 1858 г.) устанавливался в четырех случаях¹⁶⁶. Первый был связан с предоставлением заводам ссуд Горного правления. По указу от 19 мая 1813 г. заводчики могли получить оттуда денежное “вспоможение” (установленное в размере не более 25 тыс. руб. асс. или 7,5 тыс. руб. в пересчете на серебро) на срок до трех лет. По указу от 20 сентября 1825 г. им могли передаваться также суммы, остающиеся “за удовлетворением нужд непрременных работников”. “Для обеспечения таковой ссуды” следовало секвестровать “готововосделанные металлы”. Но если “по каким-либо обстоятельствам” просроченная ссуда не могла быть обеспечена металлами, то “для предупреждения неприятностей... и для соблюдения казенного дохода” учреждался казенный присмотр, как правило, в лице того же заводского исправника или назначенного горного чиновника. Присмотру поручалось “без стеснения управляющих в хозяйственных их распоряжениях наблюдать, чтобы полученные ими всевозможные суммы были бы ни на что другое употреблены как на горное и заводское производство и на заготовление нужных для того припасов и провианта и чтобы металлы при заводах сих, таковым способом получаемые, и изделия из них были выпущены в продажу не иначе как с ведома и позволения Горного прав-

ления, а вырученные за них под его же присмотром деньги обращались на продолжение действия заводов и уплату задолженной суммы от казны”. Казенный присмотр действовал, “доколе выданная на вспоможение сумма не будет уплачена”¹⁶⁷.

Два других случая предполагали задержку выплаты ипотечных или подтоварных ссуд из “кредитных установлений”. Долгосрочные ссуды (от 5 до 37 лет) под залог заводов и крепостных с 1787 по 1812 и с 1823 г. предоставляли Государственный Заемный банк и с 1772 г. – сохранные казны Московского и Петербургского воспитательных домов по решению их опекунских советов. Этими “кредитными установлениями” допускались перезалоги имений “по числу прибылых ревизских душ”. В 1798 г. ипотечные ссуды на 25 лет выдавал Дворянский Вспомогательный банк из расчета дохода с имения. Краткосрочные ссуды под залог металлов с 1817 г. предоставлял Государственный Коммерческий банк. Уральские заводчики стали активно пользоваться его помощью после открытия по предложению герцога М. Лейхтенбергского 31 января 1847 г. Екатеринбургской конторы банка¹⁶⁸. “Высочайшим” указом от 1 сентября 1859 г. производство ссуд из кредитных учреждений под залог недвижимого имущества было прекращено, а из Государственного казначейства ссуды производились “только в крайних случаях по уважению потерь от пожаров, наводнений и тому подобных бедствий”¹⁶⁹. На основании банковских правил по уведомлению о просрочке министр финансов отдавал распоряжение об установлении казенного присмотра со стороны Горного правления¹⁷⁰.

В соответствии с указом от 26 ноября 1840 г. казенный присмотр устанавливался на посессионных заводах и “в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание со стороны владельцев”¹⁷¹. По Уложению о наказаниях 1845 г. в первый раз можно было “ограничиться напominанием заводчикам об исполнении их обязанностей”, но, если жалобы повторялись, посессионные заводы брались в казенный присмотр, а владельческие поступали в опеку, “принимая предосторожности для предупреждения между заводским населением неправильных толков, могущих повести к самому волнению”. В этом случае обязанностью осуществлявшего контроль горного чиновника являлось составление и введение “особого штатного положения, сообразно местным условиям и применяясь к штатам казенных заводов”. Предполагалось, что это новое “положение” разрешит возникшие противоречия и будет действовать после возвращения заводов прежнему владельцу¹⁷².

Высшей формой контроля над частными заводами являлось в первой половине XIX в. казенное управление. Официально оно было введено в перечень “обеспечительных мер” указом от 11 ноября 1836 г., хотя на практике применялось и раньше. Казенное управление учреждалось “не иначе как по каким-либо особенным уважениям, когда на то будет предварительное согласие министра финансов и впоследствии Высочайшее разрешение” и не требовало согласия обанкротившегося владельца. Оно было сопряжено с его полным отстранением от управления (но не владения, как это зачастую трактуется в литературе) и получения доходов, назначением управляющего со стороны горных властей и предусматривало государственное финансирование предприятий. Главной задачей казенного управления было недопущение остановки заводов до их продажи “с публичных торгов”. Кроме того, Горное правление должно было отрядить на заводы своих чиновников, которые вместе с заводским исправником составляли опись всего заводского имущества¹⁷³.

К мерам воздействия на задолжавших заводчиков относилось также установленное по указу от 15 августа 1845 г. наказание в форме двойной подати “за намеренную утайку или подлог” количества выплавленных металлов, заносившееся в “данные от правительства шнуrowые книги для записи добываемых или выплавляемых металлов”¹⁷⁴. С того времени помимо этих книг Уральское Горное правление стало ежегодно требовать от заводских контор статистические сведения о производительности заводов с объяснением причин ее увеличения или уменьшения. Периодически составлялись также ведомости “о людях по частным заводам”, о количестве устройств и штатных работников. Согласно указу от 11 ноября 1836 г. все вышеназванные санкции против должников и “нерадивых” владельцев распространялись как на посессионные, так и владельческие заводы¹⁷⁵. Ко всем им относилось также февральское 1847 г. повеление “об изыскании средств к достижению хотя бы постепенной уплаты казенных недоимок рассрочкою оных и многими примерами рассрочек с Высочайшего утверждения”¹⁷⁶.

Защита фискальных интересов является естественной функцией государства, “священного заботой об источниках своих доходов”, а потому, считали правоведы XIX в., и “меры, принимаемые для обеспечения настоящего и будущего благосостояния государства, не могут быть порицаемы”. Важно только, полагали они, чтобы система податей не “обескровливала” промышленность и отвечала двум основным принципам: 1) чем ниже подати, тем лучше; 2) чем проще их исчисление, тем лучше¹⁷⁷.

Принятая в России система горных податей вполне отвечала второму условию, поскольку система взимания подати “с количества продуктов” признавалась более простой, чем система податей, взимаемых “с чистого дохода” или “валовой стоимости продукта” (попытки ввести налог с дохода в 1719 и 1812 гг. провалились именно из-за сложности его исчисления). В этом отношении российские горные власти находились в более выгодном положении по сравнению с администрацией Англии, Пруссии, Австрии и Франции. Но в отношении величины горной подати российские заводчики оказывались в более тяжелых условиях в сравнении с английскими (платившими от 0,5 до 1 % дохода), французскими (5 %), прусскими (2 %) и даже австрийскими (11 %) горнопромышленниками. Платеж 10 и тем более 15-процентной горной подати с меди и попудной подати с валового производства чугуна признавался специалистами середины XIX в. обременительным и “тягостно отзывающимся на развитии нашей промышленности”¹⁷⁸. Добавление к этому государственных (в первую очередь подушной подати и рекрутской повинности) и земских податей еще более усугубляло положение заводчиков.

Однако резкой критики со стороны самих заводчиков система податей в первой половине XIX в. не вызывала, хотя отдельные высказывания (в форме жалоб, а не требований или предложений; последние были выдвинуты только перед реформой 1861 г. в ходе работы комитетов заводчиков по подготовке проектов крестьянской реформы)¹⁷⁹ о значительности платежей встречаются в документах. По всей видимости, это было следствием комплекса причин: еще достаточно высокой нормой прибыли (при дешевом труде крепостных и льготном пользовании посессионерами природными ресурсами она могла достигать 100 и более %)¹⁸⁰; практиковавшимися властью прощениями или отсрочками недоимок (например, по манифестам 30 августа 1814 г., 22 августа 1826 г. и др.)¹⁸¹,

стабильностью податей в течение всего периода, а также распространенным среди заводчиков мнением о престижности их заводской деятельности, приносящей реальную пользу государству.

“Непреклонная” податная политика государства и усложненная система санкций становятся более понятными, если определить основное назначение горных податей. Несмотря на то, что российская казна имела собственные металлургические заводы, “прямой” доход она получала только от частной промышленности. Казенные заводы, как уже упоминалось, не продавали металлы (за исключением “остатков”), а действовали исключительно для удовлетворения потребностей армии и флота. Поэтому “капитальная” часть горных податей с частных заводов и шла в основном на финансирование казенной горнозаводской промышленности¹⁸². В условиях фактически перманентного военного состояния России в первой половине XIX в. поступление горных податей становилось, поэтому, вопросом национальной безопасности.

Промышленность уральского региона приносила подавляющую часть доходов горному ведомству. Так, если в 1818 г. заводы 10 “замосковных” губерний (Тульской, Орловской, Калужской, Вологодской, Пензенской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Ярославской и Волынской), подведомственных Московскому Горному правлению, внесли в казну 103 269 руб. асс., то заводы всего четырех “уральских” губерний (Пермской, Оренбургской, Вятской и отчасти Казанской), подведомственные Пермскому Горному правлению, – 1 402 675 руб., то есть почти в 14 раз больше¹⁸³. В общем объеме горных податей посессионные заводы Урала вносили (срезы на 1800 и 1861 гг.) 75–74 % подати с чугуна и 48–72 % – с меди (табл. 2). При росте производства чугуна (на 172 %) и особенно меди (на 392 %) и адекватном росте податей с этих металлов их сокращение до уровня владельческих заводов привело бы в 1861 г. к снижению государственного дохода на 328,5 тыс. руб. асс. и 8193 пуд. меди или четверти всего объема горной подати. Отказаться от такого источника бюджетных поступлений власти, конечно, не могли. Поэтому существенно не менялись и система податей, и статусный состав горнозаводских округов Урала в течение всей первой половины XIX в.

Только после крестьянской реформы доля посессионных заводов уменьшится сразу до 33 %, но произойдет это, как уже упоминалось, лишь за счет сокращения перечня казенных пособий, а не их ликвидации. Полуторная разница в величине горной подати между владельческими и посессионными округами по-прежнему останется одним из приоритетов промышленной политики и перевесит по своему значению меры по либерализации российской экономики. Правда, отмена “пособия в людях” и сохранение “пособия в землях и лесах” изменит смысл этой повышенной подати. Утратив “феодальный” оттенок, она останется исключительно природной рентой, взимаемой с предпринимателей за предоставленные им во владение и пользование государственные природные ресурсы.

Глава III. Практики владения: “старинные” роды заводчиков

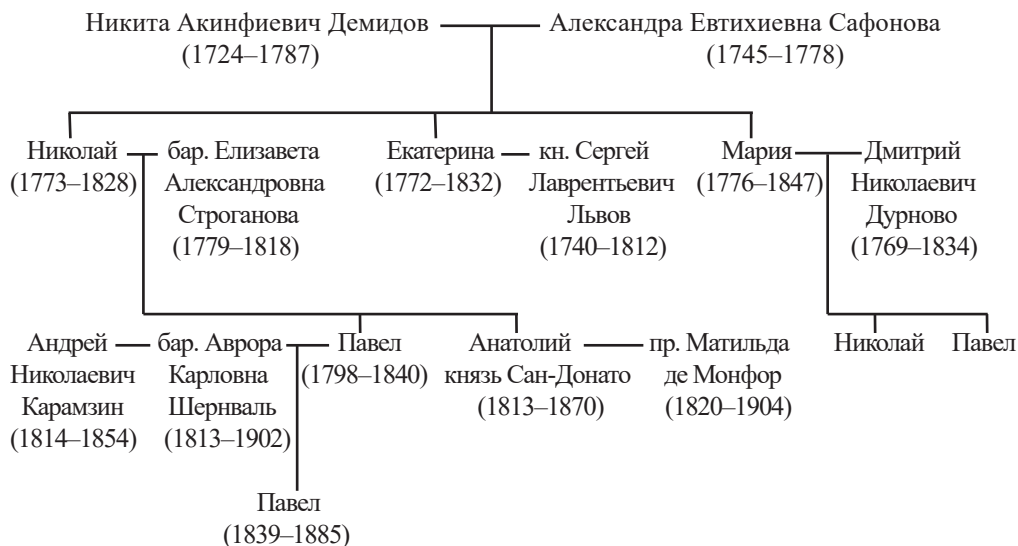
Как уже упоминалось, история уральских заводчиков первой половины XIX в., рассмотренная через призму практик владения, предполагает особый подход к ее презентации. Наследственный характер заводской собственности закономерно привел к формированию родов заводовладельцев, которые являлись как бы “совокупными действующими лицами” истории. Крупнейшие из них берут свое начало в XVIII в.

1. Демидовы

Первый по времени и значению род уральских заводчиков Демидовых (первый Невьянский завод был передан казной Н. Д. Антюфееву-Демидову в 1702 г.) в течение XVIII в. раздробился на несколько ветвей, раздельно владевших Невьянскими, Нижнетагильскими, Суксунскими, Ревдинско-Рождественскими (наследники Ак. Н. Демидова), Сергинскими, Авзяно-Петровскими, Кагинскими, Кыштымскими и Шайтанскими (наследники Н. Н. Демидова старшего) заводами. В результате продаж из владений рода в том же столетии вышли четыре хозяйства: Шайтанские заводы в 1767 г. были проданы Ширяевым, Невьянские в 1769 г. – С. Я. Яковлеву, Сергинские в 1783 г. и Авзяно-Петровские в 1796 г. – М. П. Губину¹. В результате к началу XIX в. Демидовы владели на Урале пятью уже сложившимися горнозаводскими округами. Старшая ветвь рода, идущая от Акинфия Никитича Демидова, была представлена наследниками его среднего сына Григория, владельцев Суксунских и Ревдинских заводов, и наследниками младшего сына Никиты, владельцев Нижнетагильских заводов. Из младшей ветви Никиты Никитича Демидова Кыштымскими заводами владел его сын Никита Никитич младшего, а Кагинскими – наследники другого сына Евдокима Никитича Демидова.

1.1. Демидовы (тагильские)

Крупнейшим и богатейшим из демидовских владений на Урале был Нижнетагильский горнозаводский округ, на рубеже столетий принадлежавший сыну Н. Ак. Демидова Николаю Никитичу. За два с половиной года до смерти, в ноябре 1784 г., “чувствуя оскудение сил и частые болезненные припадки”, Никита Акинфиевич написал завещание, которое тогда же было утверждено императрицей. Все свои собственные и покойной жены Александры Евтихиевны (урожденной Сафоновой) имения он поделил между сыном и двумя дочерьми. В раздел пошли только вотчины в европейских губерниях России с 8362 рев. д. крепостных крестьян, деньги и движимое имущество. Нижнетагильские заводы передавались в безраздельное владение единственному сыну Николаю. При девяти заводах с восемью деревнями и новой Усть-Уткинской пристанью по 4-й ревизии числилось 7657 рев. д. крепостных и 307 рев. д. вечноотданных, а также 1245 рев. д. приписных крестьян. На часть сына выделялись также 3 487 рев. д. вотчинных крестьян в Нижегородском и Тверском наместничествах и Московской губернии, “дворы” в Москве (в Немецкой слободе и на Мясницкой улице), Петербурге (на Васильевском острове), Приморская дача “по Петергофской дороге”, дома в городах Екатеринбурге, Перми, Казани, Лаишеве, Нижнем Новгороде, Ярославле и Твери “со всем каменным и деревянным на тех дворах строением, с дворовыми людьми, служителями и приказчиками и всем, что в оных движимого имения находится”. Всего основному наследнику выделялось 11 451 рев. д. крепостных и приписных крестьян в четырех российских провинциях, что составляло две трети наследства отца.

Оставшиеся вотчины в Нижегородском, Владимирском, Вятском и Костромском наместничествах с 4875 рев. д. сверх денег и драгоценностей “в равных частях” переходили дочерям Екатерине и Марии. Желая сохранить заводы в одних руках, Никита Акинфиевич распорядился в случае смерти сына отдать заводы “без раздробления” старшей

дочери Екатерине, а Марии – все не принадлежащие к заводам вотчины и “сверх того выплачивать из заводского дохода деньгами”. В том 1784 г. Николаю шел 11-й год, Екатерине исполнилось 12, а Марии – семь лет. По закону над малолетними наследниками полагалось учреждать опеку до их совершеннолетия. В завещании отец упомянул поэтому о дозволении ему “перед кончиною” назначить опекунов, которым вверял “все движимое и недвижимое имение для управления оным на пользу детей моих”².

7 мая 1787 г. Никита Акинфиевич скончался. По его еще прижизненному выбору опекунами над несовершеннолетними детьми были определены генерал-аншеф, сенатор Николай Дмитриевич Дурново и тайный советник и сенатор Александр Васильевич Храповицкий. Хозяйственными и финансовыми делами наследников во время опеки ведал в основном Дурново; Храповицкий, будучи статс-секретарем Екатерины II, содействовал военной и придворной карьере подопечного владельца Нижнетагильских заводов. Опекуны, скорее всего, устроили (не без вмешательства могущественных сил) и личную судьбу молодого Демидова и его сестер.

Екатерина Никитична по желанию светлейшего князя Г. А. Потемкина, флигель-адъютантом (с 16 октября 1789 г.) и генерал-аудитор-лейтенантом (с 29 июля 1791 г.) штаба которого состоял Николай Демидов, была выдана за знатного, но расточительного князя Сергея Лаврентьевича Львова, который был к тому же на 32 года старше невесты. “Желая доставить ему счастье в получении знатного имущества”, Потемкин, по словам самого Демидова, прислал к опекуну письмо, “чтобы выдать старшую сестру мою в замужество за оного Львова”. Когда Дурново отказал, “князь вторично обратился... и тут уже не было средства дальше противиться в рассуждении столь сильной его возможности, и сестру мою за Львова выдали”, – сокрушался любящий брат, “сожалелся о толико несчастной ее участи”³.

Вскоре, однако, Дурново “отыгрался” за свое поражение в борьбе с Потемкиным, женив своего сына камергера Дмитрия Николаевича на младшей подопечной Марии Никитичне. Устройство семейных дел потребовало немалых расходов. В приданое сестрам было выделено до 300 тыс. руб. “деньгами и вещами”, по завещанию отца им достались вотчины общей стоимостью 600 тыс. руб. Демидов заплатил также 164-тысячный долг зятя Львова и вынужден был в дальнейшем помогать семье сестры “по их дошедшей крайности” по 3,5 тыс. руб. в год.

В 1794 г. сам Николай Никитич женился на баронессе Елизавете Александровне Строгановой, младшей сестре владельца Кыновского округа барона Г. А. Строганова (ее именем был назван один из заводов этого округа – Елизавето-Нердвинский). Этот брак с представительницей знаменитого и влиятельного рода существенно повысил “рейтинг” Демидова в высшем обществе, но не принес существенных материальных выгод. За невестой в 1797 г. было дано “бриллиантов, жемчугов, серебра в разных вещах и разного платья, белья, уборов и кружев” на 38 270 руб. и каменный дом на Большой Морской улице (№ 23) в Петербурге стоимостью 94,5 тыс. руб.⁴ Свадьба и переезд в Петербург потребовали значительных расходов, в результате чего Демидов вынужден был отказаться от планов развития вотчин (в частности, нижегородской, где, как он писал управляющему, “никаковых заведений, колми паче построения винокуренного заводу, иметь не намерен”) и даже покуситься на заводскую кассу⁵.

По условиям опеки наследник Нижнетагильских заводов получал в год определенную сумму на проживание. Но огромные личные траты Демидова значительно превышали ее. “Кто в том виноват, – писал ему Н. Д. Дурново в 1797 г., – что вы в один год прожили вместо положенных вам ста двадцати тысяч рублей вчетверо больше”⁶. В результате многочисленных выплат и займов за Николаем Никитичем накопилось более 800 тыс. руб. частных долгов, а за его заводами – более 100 тыс. руб. казенных недоимок. “Последнею их причиною, – оправдывался почти обанкротившийся владелец, – были единственно несовершеннолетние мои лета”. Финансовая несостоятельность и не прекращавшаяся расточительность Демидова послужили причинами продления опеки после достижения им совершеннолетия. В феврале 1795 г. опекуны потребовали, по словам самого Демидова, “чтобы я упросил к общему с ними по делам моим содействию в попечители” графа Александра Николаевича Самойлова, который был не только высокопоставленным и влиятельным государственным чиновником (действительным тайным советником и генерал-прокурором Сената), но и племянником умершего светлейшего князя Потемкина, память о котором высоко чтит императрица. 22-летний заводовладелец давал обязательство “жить определенной мне от них [опекунов и попечителя] суммою, не делать ни малейших займов, не давать расписок, ни векселей, ни обязательств и не подписывать никаких счетов, контрактов, закладных, купчих и всякого рода крепостей без ведома и общего подписания попечителя и опекунов”⁷. Так опека над несовершеннолетним превратилась в опеку и попечительство над “расточительным” владельцем.

В поисках выхода из критической финансовой ситуации в 1795–1797 гг. были проданы часть наследственных имений в Нижегородской и Петербургской губерниях (с. Фокино – первую демидовскую вотчину, купленную еще Н. Д. Демидовым, и Юрьино продали сестре последнего фаворита императрицы П. А. Зубова О. А. Жеребцовой, с. Огневский Майдан – Д. А. Бахметеву, Приморскую дачу под Ораниенбаумом – датскому консулу А. И. Мезе)⁸. В 1797 г. был предложен план займа 400 тыс. руб. (в последующих вариантах плана сумма увеличилась до 600 тыс. и 1 млн руб.) в Голландии. План составлялся в большом секрете и даже имя “одного из самых богатых российских господ”, желавшего заложить свои “сибирские заводы”, не разглашалось. Но местные эксперты признали его “весьма опасным”, вспомнив о подобном же давнем “деле с Голландией” дяди владельца П. Ак. Демидова, который в результате “возросшего куртажа и комиссии утратил капитала своего до 500 тыс. руб.”. Целесообразнее, считали они, всем частным кредиторам предоставить в залог крепостных из вотчин, а заводы “оставить в свободе”. Для “умножения дохода” они предложили “завести в Сибири прибавочный завод, для которого... есть там в отведенных дистанциях... способное место, а руд и лесов наивесьма довольно”. Эксперты считали также необходимым “годовому содержанию владельца учинить штат, который бы в силе своей сохранен был на самом твердейшем правиле и которым отличную сумму из доходов назначить к платежу долгов с процентами”. “Сим образом, – уверяли они, – ...если не в два, а в три года точно весь долг выплачен быть может”⁹.

Расстроились и дела в Голландии. Демидовскому комиссионеру в Амстердаме было поручено прозондировать почву по поводу залога Нижнетагильских заводов. 18 июля 1797 г. он сообщал, что “нельзя теперь еще ничего сказать верного, а должно ожидать миру, который скоро восстановлен будет” (имелось в виду, видимо, близившееся окончание войн первой антифранцузской коалиции). Но уже через три дня комиссионер извещал Николая Никитича, что “имел случай быть в собрании знаменитых особ”. Предло-

женное им в залог имение вызвало там определенный интерес, но не столько для аренды или займа, сколько для покупки. Сам комиссионер также склонялся к тому, что “скорее можно отыскать охотников на покупку одного имения, нежели получить под залог его известную вам сумму”¹⁰.

Но на такой шаг Демидов не решился, хотя вскоре, 12 августа 1797 г. (сенатский указ издан 22 ноября), Павел I подписал указ о снятии опеки с Демидова, с того времени ставшего полновластным хозяином своих заводов и вотчин. По просьбе Николая Никитича опекуны “за преклонными летами и полным доверием” были освобождены от обязательных отчетов по своему 10-летнему управлению¹¹. Тогда же он обратился к императору с просьбой отпустить его в годичный отпуск “с целью обозрения своих заводов”, но тот отказал. Назначенный в январе 1797 г. “за оказанную его к службе нашей ревность и прилежность” камергером двора цесаревича Александра Павловича, Демидов, видимо, был полезен Павлу в этом качестве. Но в 1800 г. он перевел Николая Никитича “для познания дел” в Камер-коллегию, присвоив чин тайного советника, и в знак особого расположения назначил командором Мальтийского ордена.

Между делом решились и проблемы с долгами Демидова. В начале 1798 г. начались операции Дворянского Вспомогательного банка, одним из первых заемщиков которого оказался владелец Нижнетагильских заводов. К тому времени по двум “рописям” он был должен 37 частным кредиторам 502 тыс. руб., а также Берг-коллегии (42 279 руб.), Московскому (10 тыс. руб.) и Петербургскому (25 тыс. руб.) Опекунским советам и петербургскому ломбарду (25 тыс. руб.). Вспомогательный банк давал 25-летние займы по величине заводского дохода, умноженного в восемь раз. В результате под залог двух Салдинских заводов в мае 1798 г. Демидов получил 600 тыс. руб., из которых банком были выплачены горные подати, долги советам и 100 тыс. руб. Марии Никитичне Дурново. В июне под залог в 120 тыс. руб. ушел Висимо-Шайтанский, а в октябре – за 150 тыс. руб. Черноисточинский завод. В том же году по требованию банка Демидов застраховал эти предприятия в Лондоне. В 1798–1799 гг. он попытался заложить и остальные заводы Нижнетагильского округа и даже получил свидетельства от горного начальства, но “прим таковых имений в банке был отменен”¹².

Так начиналось самостоятельное владение и управление Николаем Никитичем Демидовым Нижнетагильским округом и другими наследственными имениями, за время которого он сумел не только расплатиться по долгам и займам, но и удвоить свое состояние. 30 лет (26 из которых Демидов прожил за границей) он не только оставался единоличным собственником заводов, но и успешно реализовал роль заботливого и бережливого хозяина¹³.

В первую очередь Николай Никитич довел до совершенства механизм дистантного управления заводами, формирование которого началось еще при жизни отца, перебравшегося с заводов на жительство в Москву. Еще накануне, в связи с переездом заводчика к месту службы в Петербург, туда переносится главное управление демидовскими владениями. “Как пребывание нас и самого хозяина Николая Никитича должно быть более здесь, – извещали 20 августа 1797 г. заводскую контору владелец и его опекуны, – почему для видимости о всех делах признали мы за удобность учредить Главную контору в Санкт-Петербурге, а Московскую домовую контору оставить с полною доверенностью

для займа денег и переписки векселей по части московских домов и тамошних продаж”. Отныне заводским приказчикам надлежало “о всех делах рапортовать в Санкт-Петербургскую контору, у которой, яко уже у Главной, и быть оной во всяком послушании”¹⁴.

В переписке заводчика проскальзывают упоминания о его персональном участии в работе главной Петербургской конторы. Несмотря на то, пишет 24-летний владелец, что “очень я делами довольно важными занят и всегда озабочен... бываю ныне в той конторе каждодневно, и видеть оные [рапорты с заводов] в ней могу, когда же и не бываю, то все оные в свое время доставляются ко мне”. Однажды, упрекая приказчиков, что они не сами запечатывают “куверты” с рапортами, он посоветовал им делать это “во уважение особы Господина своего, который сам распечатывает и все читает”¹⁵.

Эффективность дистантного управления во многом зависела от устойчивой связи между Петербургом и Тагилом. Для этого Николай Никитич потребовал от приказчиков, как и прежде, присылать в столицу двуседмичные финансовые ведомости и кроме того еженедельные рапорты о производительности заводов. Петербургская контора столь же оперативно должна была отсылать “по рапортам... скорые уведомления и резолюции”, просмотренные заводчиком. Кроме того он разрешил “относиться” лично к нему “об новых изобретениях по заводской части, ежели что будет приходить в упадок, также ежели кто из приказчиков или служителей должности ему вверенной не так выполняет”. Демидов просил при этом “нелепости и напраслины” не писать, “ибо от того только [происходит] излишнее употребление бумаги и платеж за пересылку денег, а они не стоят моей видимости”¹⁶.

Устойчивость механизма дистантного управления требовала такой же оперативности и со стороны владельца. Поэтому сам Николай Никитич строго придерживался правила посылать в Тагил “повеления” раз в две недели и столь же строго следил за своевременной почтой с заводов, часто попрекая приказчиков за просрочку. А однажды, возмущенный тем, что уже три недели не получал от них “ни одного бумажного лоскута”, предположил: “...уж если не перемерли все приказчики, так сошли они с ума и бродят как слепые курицы, о делах же от меня вверенных ни мало не помышляют”. Тогда Демидов решил дать им время “на поправление”, хотя считал, что “за таковые беспечности и надлежало их не только оштрафовать со строгостью, но и от должностей отрешить”¹⁷.

Главным объектом внимания заводчика закономерно становится географически далекое от него Нижнетагильское заводууправление, от эффективности которого зависело положение всего обширного хозяйства. Не имея возможности по делам службы лично приехать на заводы, он еще летом 1797 г. посылает в Тагил “для устройства заводов” управляющего Московской конторы отставного подпоручика Г. Е. Матвеева, отец которого служил заводским приказчиком еще при Н. Ак. Демидове. Нижнетагильской конторе предписывается замечания “комиссара” исполнять “со всякою точностью без малейшего упущения”.

Доходящие до него “отметки” Матвеева убеждают владельца, что “большая часть служителей к отправлению должностей своих ни способностей, ни радения не имеют, а другие поведения распутного и предались пьянству”. Чтобы более обстоятельно разобраться в сути вопроса, заводчик вызывает в Петербург нескольких доверенных служащих “для получения от них советов и объяснений к восстановлению лучшего порядка в заводах”¹⁸. Он советуется с близкими людьми, в частности показывает “заводский расход” своему дяде Никите Никитичу Демидову, владельцу Кыштымских заводов. Тот “весьма удивлялся, до какой чрезвычайности при заводах... накопилось на людях долгов”, и отнес

это к “совершенной слабости и понаровке правления заводского”. Для убедительности в предписании заводской конторе Николай Никитич даже процитировал слова дяди, произнесенные по этому поводу: “И как он говорит – [происходит это] от плутов и пьяниц приказчиков”¹⁹. Потому уже в первом своем предписании, отправленном после завершения опеки, он “рассудил за нужное преподать конторе на управление вверенных от меня ей дел нужные правила”.

В июне 1798 г. эти “правила” вошли в особую инструкцию заводским приказчикам, установившую новый порядок их деятельности. Между приказчиками вводится своего рода “разделение труда”. Все “дела заводские” делились на пять “частей”, за каждую из которых отвечал отдельный приказчик. “На отчет” первого определялось “все конторское письмоводство и дела до присутственных мест относящиеся”, второго – топливное хозяйство, третьего – рудная отрасль, четвертого – заводское производство и пятого – “неослабное наблюдение и строгое взыскание” за мастеровыми и работными людьми. Шестой приказчик назначался “для экстренных посылок и... обозрения частных заводов”, а также замены других приказчиков во время их болезни или отлучки. Введение принципа функциональности в организацию управления все усложнявшимся заводским хозяйством отвечало мануфактурной природе горнозаводской промышленности и вело к усилению мобильности и оперативности управления. Этот принцип надолго сохранится на Нижнетагильских заводах; в дальнейшем будет меняться лишь число приказчиков или управляющих.

По инструкции всем им предписывалось “дела производить в конторе, а не на домах, чего ради и собираться в контору по утрам... а равно сему и после половины дня всегда непременно в конторе присутствие иметь и... выполнять дела... со всевозможным прилежанием, не занимаясь бесплодным чтением книг до них не принадлежащих”. “Значущие упущения”, а также вопросы о назначении наказаний предполагалось рассматривать и принимать решения “со общего всей оной конторы согласия”²⁰. Вводя такой коллегиальный механизм работы заводских приказчиков, Демидов рассчитывал на своего рода “внутренний” контроль их друг за другом, как гарантию от индивидуальных злоупотреблений. Но этот принцип, который по мысли заводчика должен был придать устойчивость заводоуправлению, оказался небезупречным. Возникавшее соперничество между крепостными приказчиками приводило к непрекращающимся “раздорам и скрытым мщениям” между ними. И заводчику приходилось не только вновь и вновь “поучать” их, присылая в Тагил длинные наставления и прямые запрещения “чинить пустовздорные сплетения”²¹, но и предпринимать более действенные меры, опираясь на “институт комиссаров”.

Комиссар, как доверенное лицо владельца, не подвластное заводской администрации, мог стать своего рода “арбитром” в спорах между приказчиками и независимым информатором владельца по делам заводоуправления. Нужно было только сделать правильный выбор кандидатуры, что Демидову тогда удалось. В начале 1800 г. “для обозрения, в каком порядке находятся заводы” после проведенных “реформ”, он отправил в Тагил М. Д. Данилова – крепостного, ставшего благодаря своим незаурядным способностям доверенным лицом заводчика. “Донесения Данилова, – сообщал владелец, – нахожу я совершенно справедливыми и нимало не пристрастными, чем и остаюсь весьма им доволен; желаю, если бы и оная контора так была справедлива и дела производила с такой же основательностью, как и он, Данилов”²².

Подвергся корректировке и механизм комплектования служительских кадров. “Я положил себе за правило, – позже объяснял Демидов свою точку зрения, – чтобы при управлении моих дел, в каком бы то месте не было, никого из вольных не иметь, а употреблять из крепостных, поелику сии последние, видя себя не свободными, не осмелятся сделать неприличного поступка”²³. Но он решил опираться не просто на крепостных, а на особый слой крепостных управленцев – служащих, в то время спонтанно уже складывавшийся на заводах. Тем самым в организацию управления вводился принцип “сословности”, когда должности (особенно высшие) в административном аппарате занимали почти исключительно дети служащих.

Демидов берет под свой личный контроль все назначения на эти должности. По инструкции 1798 г. запрещалось делать какие-либо “перемещения служителей” без согласования с ним. “Бытие каждого при должности, – считал владелец, – должно зависеть единственно от собственной моей воли, а не по приказчиным расположениям”. Позже, поняв несостоятельность такого детального контроля и по просьбе управляющих, он согласился не вмешиваться “в распределение служителей, кроме... частных [то есть отдельных] заводов приказчиков”. При этом, однако, предупредил контору об ответственности за ее назначения. “Не на служителях буду взыскивать упущения, но непременно с приказчиков оной конторы”, – напомнил он им и потребовал только, чтобы при всяком перемещении его уведомляли²⁴.

Действенным средством удержания служителей от злоупотреблений стала постоянно висевшая над ними угроза увольнения с доходной должности, а то и исключение из престижного “комплекта служителей”. “Почитаю лучше оному [служителю] быть при исправлении какой-нибудь маловажной и неинтересной должности, нежели занимать ему такое место, какового он по сомнению своему не стоит”, – полагал заводчик. По его повелениям не поддававшиеся исправлению служащие переводились в “рабочий штат”. В то же время Демидов приказал конторе составить особую “ропись” всем тем заводским жителям, которые “в случае надобности заслуживали помещения в служительский комплект и имели к письмоводству способность”²⁵. Так происходили своего рода “чистки” служительского слоя, в результате которых из него отсеивались неугодные и привлекались способные.

С воспитательными целями заводчик не только наказывал служащих, но и предоставлял им существенные льготы и награды. “Почитаю я, – разяснял Демидов свои намерения конторе, – как беспечным и нерадивым о должностях своих... и ослушным воли моей, чинить сугубые проучья и наказания, так достойным и усердным слугам своим делать щедрые награждения”²⁶. Так, на заводах считалось очень почетным в праздники облачиться в нарядный наградной кафтан, сшитый из подаренного заводовладельцем сукна. В качестве наград нередко выдавались также ценные подарки и денежные премии.

Исключительно важной считал Демидов проблему профессиональной подготовки служительских кадров. В 1799 г. он обратил внимание на арифметическое училище, учрежденное в Тагиле “уже с издавних лет”, но находившееся не в лучшем состоянии. Заводчик отстранил от должности учителя Петра Шептаева, как “человека молодого, а потому и в обучении учеников по всем частям едва ли... успешного”, и приказал найти двух новых кандидатов, “способных и знающих сочинение планов, геометрию и прочее до сего принадлежащее... и совершенных лет”. Конторе было рекомендовано “иметь тщательное наблюдение, дабы ученики во все время бытности их в школе не проживали

напрасно без всякой пользы и при выпуске их из школы по одобрениям и аттестатам учителя, производить надлежащие свидетельства”. Ученики, “достаточно обучившиеся”, могли, по мнению заводчика, получить “определение в служительское звание к должностям с хорошим жалованием, а ленивые и к учению незначительные определены будут в работу”²⁷.

Начавшаяся вскоре в стране школьная реформа подтолкнула Демидова к созданию в своих владениях нового учебного заведения, дающего среднее образование. По воле заводчика оно, в отличие от прежнего училища, предназначалось исключительно для служительских детей. Тем самым потомственный слой служащих еще более обособлялся от основной массы заводского населения. “Повелением моим Михайле Данилову предоставлено скорейшее заведение сего училища, – писал довольный хозяин в контору в 1806 г. – По заботливому его усердию, а также и оной конторы, то училище... 1-го того июня при Выйском заводе открыто”²⁸.

“Для обучения разным познаниям, к заводам нужным”, Николай Никитич расширил уже имевшую место на заводах практику вызова способных детей в столицу. Первый раз он дает такое указание в июне 1798 г., когда в Москву отправили шестерых мальчиков. Позже заводчик еще неоднократно будет вызывать к себе “для изучения... как хорошему письмоводству, так и иностранным языкам... к тому способных и к наукам склонность имеющих из служительских детей или... из сирот... мальчиков от 10 до 12 лет”. Демидов потребует от заводской конторы при отборе кандидатов стараться, “чтобы оные мальчики были весьма востры, дабы оных понапрасну сюда не привезти”. “Дураков же я не люблю и здесь таковых довольно из подмосковных [вотчин] найти можно”, – собственноручно дополнит он запись секретаря²⁹.

В результате принятых заводчиком мер система дистантного управления укрепляется и становится более эффективной. Это дает ему возможность без серьезных опасений за судьбу своих заводов в первый раз надолго покинуть Россию и отправиться в заграничное путешествие. Оно в первую очередь потребовалось Елизавете Александровне, видимо, тяжело переживавшей смерть двух малолетних детей – годовалого Николеньки и трехгодовалой Александры. Оставив государственную службу, Николай Никитич вышел в отставку, к которой, возможно, подтолкнуло его и восшествие на престол Александра I.

Тем не менее “выключение” заводчика на длительный срок из системы центрального управления потребовало его “адекватной” замены. Главное управление над всеми своими имениями Демидов временно передал члену Непременного Совета (позже – министру юстиции, председателю Государственного Совета и Комитета министров) светлейшему князю Петру Васильевичу Лопухину, на дочери которого был женат его двоюродный племянник Г. А. Демидов. “По просьбе моей и благорасположению Вашей светлости ко мне, – записал Николай Никитич в “верющем письме” князю от 8 июня 1801 г., – соблаговолили в одолжение мне, по случаю моего отъезда в чужие края, до возвращения моего в Россию принять на себя попечение и распоряжение над всеми моими имениями... и, если случится надобность... то покорнейше прошу сделать мне одолжение и милость... на счет мой занимать... и поручительство на себя принимать”. В случае длительной отлучки Лопухина из Петербурга, владелец просил его поручить “попечение и распоряжение” над имением своему двоюродному брату и свату Лопухина А. Г. Демидову, владельцу Суксунских заводов. Но тот вскоре умер, поэтому, уезжая за границу в апреле 1803 г.,

Лопухин оставил управление членам Петербургской домовой конторы Н. Н. Демидова отставному капитану И. И. Шерлаимову, купцу А. Т. Маресеву и приказчику А. И. Любимову, которые и распоряжались всеми господскими имениями до приезда владельца³⁰.

После возвращения из-за границы в 1806 г. Демидов отправляется в давно им задуманное другое дальнейшее путешествие – на свои уральские заводы. Позже Николай Никитич вспоминал, что “сделал вояж столь отдаленный в мои заводы единственно для того, дабы видеть лично как оные, равно познакомиться с людьми тамошнего края”³¹. Два месяца его пребывания на заводах, судя по нескольким томам предписаний, были посвящены внимательному обозрению и изучению всего хозяйства. Он утвердил открытое накануне Выйское училище для детей служащих, учредил художественную школу, заводский архив, основал новые заводские деревни, распорядился о распространении картофеля и хлебопашества, о сооружении каменных домов, госпиталя, церквей, новой рыночной площади, речных каналов. Его действия по упорядочению системы заводского управления, внимание к внутренним резервам огромного хозяйства, меры по ускорению технического прогресса на заводах и формированию “патерналистского курса” в отношениях с крепостными надолго определили основные тенденции развития Нижнетагильского округа.

Тогда же Демидов предпринял последнее серьезное изменение в системе управления своими заводами. Он закрепил за М. Д. Даниловым звание “первоприсутствующего”, что означало по сути включение должности комиссара в аппарат заводского правления и объединение двух прежде самостоятельных частей административного механизма. Произошло это благодаря исключительному доверию, которым пользовался у заводчика бывший его крепостной (к этому времени он уже имел звание купца, а позже стал потомственным российским дворянином). В мае 1807 г. Данилов получил должность директора заводов³².

Учреждение этой новой должности, непосредственно представлявшей на заводах самого хозяина, оказалось не только эффективным, но и как нельзя более своевременным. Осенью 1807 г. Демидов выехал в Вену, а после заключения Тильзитского мира между Россией и Францией перебрался в Париж, где проживала его жена. На родину он вернется только в июне 1812 г. накануне вторжения армии Наполеона и примет участие в сражениях Отечественной войны, показав себя, по выражению командующего Московского ополчения графа Моркова, “самым деятельным и исправным начальником”³³. В 1815 г., “по чрезвычайно расстроенному здоровью”, Николай Никитич вновь покинет Россию и уже навсегда переселится в Западную Европу.

В это время закономерно ослабевают его личные связи с заводами. Нижнетагильская контора по-прежнему отправляла свои рапорты в Петербург, откуда Демидову посылались сокращенные “экстракты”. С заводами владелец предпочитал “общаться” преимущественно через М. Д. Данилова. Их переписка займет первостепенную роль в механизме участия заводчика в управлении и будет продолжаться до смерти директора в 1818 г. С этого времени владелец вновь вернется к прежней “модели” управления, хотя и с некоторыми дополнениями. Возобновляется прямая деловая переписка владельца с заводской конторой, для получения более широкого круга информации практикуется личная переписка с отдельными приказчиками (в частности, П. С. Макаровым, Е. А. Черепановым), восстанавливается институт “комиссаров”. В 1820 г. новым доверенным лицом

владельца становится его личный секретарь О. И. Жонес, периодически приезжавший на заводы. В 1824 г. в Тагил был послан член Петербургской конторы П. С. Соловьев, “дабы там находиться и меня уведомлять, ежели что он найдет не в порядке”³⁴.

Болезнь, обострившаяся как раз в это время, серьезно ограничивала физические возможности заводчика. В марте 1821 г. из Парижа Демидов сообщал: “Я и без того мучаюсь своею болезнью два года и сверх того пять месяцев лежу в постели”. Это вынудит его передать часть своих полномочий племяннику, которому он доверял и в переписке называл другом. “По моей болезни, – извещал Демидов контору 14 марта 1821 г., – сестра и зять, кои приезжали со мной повидаться [Мария Никитична и ее муж Дмитрий Николаевич Дурново], видели сколько я обременен не делом, а пустыми враками моих приказчиков, кои по давновременной моей отлучке думают, что они есть хозяева, а не слуги. Почему по просьбе их, а равно и моей, принял на себя племянник мой родной господин полковник флигель-адъютант Его Императорского Величества Николай Дмитриевич Дурново править моим именем, коему дана от меня власть сменять приказчиков и определять как ему заблагорассудится”³⁵. Это несколько облегчит заводчику “бремя власти” и позволит более основательно заняться поправлением своего здоровья. Осенью 1821 г. он покинул Париж и, посетив австрийские курорты, переселился в Италию, где проживал в Риме, Неаполе или Флоренции. С весны 1824 г. Демидов окончательно обосновался во Флоренции, где жил до своей смерти и откуда лишь иногда выезжал на лечение в Лукки.

Тем не менее и в последние годы жизни Николай Никитич не ослабил своего внимания к заводам. “Скажу поистине, – писал он в 1823 г., – хотя имею состояние более, нежели надобно, но привык всегда заниматься делами”, а однажды признался: “Люблю заниматься [тем], что касается до заводов”. Даже после назначения Н. Д. Дурново он не устранился от управления. “Я просил племянника, – уточнял владелец его роль приказчикам, – чтобы он взялся единственно за мои дела, чтобы через него непременно и скорее исполнялись мои приказания, ибо он по дружбе его ко мне ничего не будет делать без моего согласия и обо всем относиться ко мне”. Владелец не изменяет своему правилу заниматься делами, рассматривая “важные обстоятельства” от Петербургской и Нижнетагильской контор “хотя бы по часу в сутки”. Его раздражают только “нелепые представления” некоторых приказчиков, которые, по словам заводчика, отнимают у него покой и принуждают диктовать “в его болезненном положении от трех до четырех часов”. Летом 1824 г., принимая лечение, Демидов писал в Тагил из Лукки: “Как я пекусь всегда о моих делах, то быв здесь... имею более времени еще оными заниматься, нежели в большом городе”³⁶.

Его предписания заводской конторе становятся более обширными и содержательными. В составлении их, как и прежде, ему помогал секретарь, который сначала записывал замечания хозяина, а затем оформлял их в предписания – “повеления”, стараясь дословно передать его словами. “Мой Михайло Белов сочиняет бумаги очень хорошо”, – упомянул заводчик в 1824 г. Зачастую в предписаниях встречаются и собственноручные приписки или поправки Демидова, свидетельствующие о том, что он их внимательно прочитывал перед тем, как отправить адресату. Но иногда, если предмет того заслуживал, повеление полностью диктовал сам. “Как хозяину, пекущемуся о своей собственности, непременно нужно вникнуть во все подробности, – считал Демидов, – и для того дабы лучше изъяснить оные, я сам диктовал сие повеление от строки до строки”³⁷.

Такого же внимания к переписке он по-прежнему требует и от заводских приказчиков. “Стыдно, что контора так мало ко мне пишет, — распекал он их, — ибо в чужих краях последний комиссионер, который продает моего товару на 50 тыс. руб. в год, более ко мне пишет, нежели она контора всякий месяц пришлет тоненькую рапортничку”. Но в этом требовании заключалось уже не только желание владельца знать, “что в его имении делается, а не быть чуждым... насчет заводов”, но и убеждение, что переписка есть “душа всякого правления и вернейший способ проявить приказчикам инициативу и доказать верность хозяину”. “Надобно конторе как можно чаще списываться со мною, — объяснял он свою позицию в 1823 г., — ибо чем более разболкуется, тем более будут оказываться новые идеи и способы, чтоб дать лучший ход... новому открытию. Я же об оном конторе буду при всяком случае напоминать”³⁸.

В эти годы проявляется присущее ему понимание специфики и особой сложности организации такого обширного хозяйства, каким являлся Нижнетагильский горнозаводский округ. “Наше заводчиково положение не то, что прочих помещиков, — размышлял Демидов в 1824 г., — богат и беден все вместе, надо солнце, дождь, продажи и тому подобное, чтобы быть покойну; хороша медь, ибо по устроенной цене, как Творец учредил, деньги приходят тотчас, за золото просто сказать много или мало, их гребь лопатой, а за железо сиди у моря и жди погоды и то очень скучно, маленькая уступка или прибавка на выделку и перевоз значительный и прибыль редко когда удастся”³⁹.

Демидов стал более разумно оценивать свою собственную роль в системе управления заводами. “Это правда, — пишет он, — что заводская контора есть главный источник всех моих доходов... но не может она видеть вещь так ясно, как я сам; ибо я имею главный надзор над всем и веду переписку со всей Европой; мне известно, каким образом должно располагаться в выковках, чего именно, равно в переводах крестьян, делать оные или нет, да и в прочем, имевши приходы в своих руках, все по оному способнее дать какие нужные пожертвования в пользу заводов и в какое время могу оные делать”⁴⁰.

Исходя из этого, Николай Никитич определяет для заводууправления главные направления деятельности. “Вот в чем дело состоит, — давал он наставления приказчикам в 1823 г., — в отыскании золотых промыслов, изобретении новых машин, в соображении какие вещи могут быть полезны хозяину, в сокращении вещей бесполезных, в изобретении новых с пользою в перестройках, в соблюдении воды, покупке провианта, где и в каком месте удобность позволяет, в изыскании продажи моих металлов, покупки у других заводчиков за дешевую цену и в соображении по каким бы то частям ни было для прибыли хозяйской”⁴¹. По делам, “кои относятся до местного положения заводов”, Демидов предпочитает советоваться с приказчиками, справедливо полагая, что им на месте виднее. “Как суждения сии делаю я по одной теории, но в практике может быть сделать сего будет нельзя, — пояснял он, — то позволяю конторе сделать свое представление с объяснением подробно доводов. Если оные будут и против моего мнения, то я сердиться не буду, ибо по заочности нельзя так хорошо судить как на месте”. “Самолюбия во мне никакого нет, но не токмо с удовольствием приму благой совет приказчиков, но даже от последнего угленоса. Но вот что я не стерплю, не прошу и лишу моей доверенности и милости, когда что решительно приказываю...”, — наставлял он приказчиков⁴².

Гнев хозяина вызывали нерасторопность и неисполнительность приказчиков. “Сибиряки очень понятливы, когда хотят, — считал он, — но у них в нраве упрямство и непослушание до вящей степени вкоренилось”. Призывая приказчиков к порядку, он не

только, как прежде, грозил им страшными карами, но и для большей убедительности ссылался на собственный пример отношения к высшей власти. “Сам я за первое правило полагаю, – писал он в контору, – никогда от оных [законов] не отступать и оным во всем повиноваться, по чему с сего примера и приказчики должны повиноваться моей воле”. К тому же Демидов справедливо полагал, что “иногда одно приказание, вовремя данное, полезнее стопы бумаги, исписанной кругом”⁴³.

“Во всех вещах в свете всякое дело мастера боится, как говорит пословица, – любил повторять заводчик. – Я дошел опытами, что всякое усердие должно быть награждаемо, но практикой уже доказано, что в оном не ошибся”. С 1819 г. Демидов сделал постоянной выдачу денежных награждений заводским людям, выделяя для этого по 25 тыс. руб. ежегодно. В день его тезоименитства четвертая часть этой суммы распределялась хозяином между приказчиками главной и “частных” заводских контор, чиновниками и священнослужителями, а остальные деньги отдавались “на усмотрение конторы”. В тот день в церквях и молитвенных домах служили “благодарственные молебствия”, а служителям и мастеровым подавали “по стаканчику вина”⁴⁴. Этими действиями он способствовал формированию собственного “культа” на заводах.

Успешно справившись с задачей организации управления, способного достаточно оперативно и эффективно вершить сложные дела огромного промышленного хозяйства, Демидов сосредоточился на решении обострившейся как раз в это время проблемы сбыта железа на европейских рынках. Динамично менявшаяся там конъюнктура неоднократно ставила Тагильские заводы в тяжелейшее положение, из которого во многом благодаря личным усилиям заводчика все-таки находился выход. Так, в этих условиях становилась более энергичной внешнеэкономическая деятельность Демидова, расширяется география рынков, учреждаются новые “продажи”. “Поистине совался я во все места, где только есть надежда сбыть оный [металл] с рук, не только в Англию, а по Средиземному морю и даже в Америку, – писал он в Тагил в 1824 г., – но по ныне благоприятному мирному времени оное идет только на непременные надобности”⁴⁵. В то же время усиливается ориентация производства на потребности российского рынка, что было стратегически оправданно. Сам хозяин неоднократно напоминал заводским приказчикам о необходимости ускорить “делание сковород, лопат, кос, капканов, ковшей и тому подобного, чего везде требуют, а у нас в недостатке”⁴⁶.

Проживая в Европе, Демидов отчетливо представлял причины дешевизны английского металла, связанные с уже завершившейся в Англии индустриальной революцией, и пытался стимулировать технический прогресс на своих заводах. Он давал указания заводским приказчикам, “ежели где есть способ заменить руки своих трудников изобретением новой машины... то всегда сих случаев из виду не упускать”, и часто присылал в Тагил рекомендации и проекты образцов европейской техники⁴⁷. Сам мало разбираясь в технике, он начал широко и успешно практиковать выдвижение талантливых самоучек и обучение своих крепостных за границей. В этой связи достаточно вспомнить имена выдающихся механиков Е. А. и М. Е. Черепановых, построивших в 1834–1835 гг. два первых в России паровоза, Ф. А. Шептаева, П. С. Макарова, первого тагильского инженера Ф. И. Швецова и многих других. С их помощью были заложены основы индустриализации, а общий объем производства железа после спада 1780–1790-х гг. уже к началу XIX в. поднялся до докризисного уровня в 500 с лишним тыс. пуд. и продолжал оставаться таковым все время управления Николая Никитича⁴⁸.

Оперативно и тактически верно среагировал заводчик и на новые перспективы развития Нижнетагильского округа, когда на его территории были обнаружены богатейшие месторождения меди, малахита, золота и платины. Получив монопольные права на добычу этих минералов на территории округа, заводчик стимулировал развитие медной и золотоплатиновой отраслей, что в итоге принесло огромные прибыли, которые послужили материальной основой для начала индустриализации в главной, металлургической, отрасли.

Успешно решал Демидов и всегда сложную для Урала кадровую проблему, используя при этом свои возможности как заводчика-помещика. В частности при Николае Никитиче завершился процесс юридической унификации разнородного по составу горнозаводского населения, которое было включено в общий разряд “крепостных заводских людей”. Однородный состав населения облегчал управление, а дешевизна крепостного труда понижала себестоимость заводской продукции. Возникший в связи с развитием новых отраслей хозяйства и отменой приписки крестьян к заводам недостаток рабочей силы был преодолен Демидовым тем же “феодальным” путем покупок и переводов крепостных из вотчин в европейской части России. Получив от отца около 3,5 тыс. рев. душ вотчинных крепостных крестьян в трех регионах России, он оставил своим наследникам имения уже в девяти губерниях с более чем 13 тыс. душ (купленных у князя В. С. Трубецкого в Московской, Ф. П. Балк-Полева в Орловской, князя Н. П. Оболенского, княгини Е. П. Гагариной и графа К. В. Нессельроде в Рязанской, князя М. П. Голицына в Калужской, И. Н. Дурново в Тульской, М. П. Дурново и А. А. Демидова в Вятской, Н. Н. Сушкова в Новгородской, графа П. А. Разумовского в Черниговской, П. В. Лукашевича и графа А. П. Завадовского в Херсонской губерниях)⁴⁹, которые и являлись важнейшим источником пополнения кадров заводских рабочих.

Вместе с тем, в ходе своих “вояжей по железным и прочим фабрикам в Англии, Германии и Франции” Демидов не мог не заметить различий в организации труда на европейских и его уральских заводах. “Работники, – делился он своими впечатлениями из Парижа в 1820 г., – работают здесь поспешнейшим образом, ибо дело идет на деньгу. Люди гораздо слабее наших... телосложением и умом, но из-за денег начинают работать до света и нередко продолжают в ночное время со свечами”⁵⁰. По рекомендации хозяина на заводах стали вводить различные виды сдельных плат, а также чаще прибегать к вольному найму в тех отраслях хозяйства и видах работ, где это было возможно и выгодно.

Наконец, с той же целью Николай Никитич заложил основы нового отношения к крепостным работникам, утвердившегося на Нижнетагильских заводах в первой половине XIX в. Мотивацией его явилось вполне прагматичное представление владельца о том, что “притеснять трудников не надобно, а держаться совершенной справедливости, ибо угнетение их более может послужить во вред мне, нежели им, от чего я теряю более, нежели они”⁵¹. В результате одним из первых среди уральских заводчиков Демидов стал проводить патерналистский курс в своей социальной политике, который был ориентирован на удовлетворение материальных и культурных потребностей горнозаводского населения с целью увеличения производительности крепостного труда⁵². Хотя “попечительские” расходы серьезно обременяли заводский бюджет и повышали себестоимость заводской продукции, последствия его, по мнению Демидова, оказывались более весомыми. “С тех пор как я начал трудников награждать, – отмечал Николай Никитич в 1820 г., – выковка железа идет гораздо превосходнее”⁵³. Кроме того на заводах установилась относительная

“социальная гармония”, выразившаяся в отсутствии массового движения крепостных и формировании “культа” заводчика (активно поддерживавшегося самим Демидовым). Тагил в то время начал превращаться в один из крупнейших культурных центров Урала и провинциальной России.

“С того времени как я правлю своим именем, – оценивал заводчик успехи своей деятельности в конце жизни, – милостью Божией, дела идут так хорошо, что лучше требовать нельзя. Пусть контора сообразует свою наличность денег, хлеба и прочих припасов с другими заводчиками, то увидит, что мы в своем положении дел сравнения ни с кем не имеем”⁵⁴. Особенно льстили самолюбию Демидова отзывы знатных лиц, посещавших его заводы. Так, весной 1824 г. в Тагиле побывал племянник Николая Никитича граф С. Г. Строганов, который, по его словам, “весьма мне хвалил хорошее устройство, кое он там заметил”. “Судя по моему попечению, – не без сарказма заметил Демидов, – надеюсь, что он нашел некоторую разницу против заводов, принадлежащих его родителю [имелись в виду Кыновские заводы Г. А. Строганова]”⁵⁵. Престиж своих заводов, здоровое желание во всем превзойти других “братьев-заводчиков” являлись одним из жизненных стимулов этого человека, к концу жизни ставшего самым богатым представителем разветвленного демидовского рода и одним из богатейших людей России и Европы. Хорошо его знавший П. П. Свинын справедливо отмечал, что Н. Н. Демидов “обладал качествами государственного человека и в особенности хозяина, он был дальновиден и предприимчив, бережлив и щедр, пылок и хладнокровен, строг и снисходителен, наконец, он одарен был в высшей степени умом порядка, с помощью которого во Флоренции он так искусно управлял кормилом обширных дел своих и сношений в Сибири, Петербурге и Одессе с Америкой, Англией и Францией”⁵⁶.

Николай Никитич Демидов умер 22 апреля 1828 г. во Флоренции, но по собственному (и в контексте патерналистского курса вполне понятному) желанию был похоронен в своем уральском имении – на Нижнетагильском заводе. Наследниками остались два его сына: 30-летний Павел и 15-летний Анатолий (жена Елизавета Александровна умерла еще в 1818 г.). Прибывший во Флоренцию П. Н. Демидов не обнаружил “никакого завещательного акта”. Но в Петербурге, писал он дяде Д. Н. Дурново, “есть духовное завещание 1824 года, по которому родитель мой благословил мне обще с братом моим Анатолием все свое движимое и недвижимое благосостояние”. По тому же завещанию Н. Н. Демидов назначил старшего сына и шурина опекунами над младшим сыном “впредь до его совершеннолетия”. В письме от 5 июня 1828 г. Павел убеждал Дурново “не отказать выполнить желание покойного родителя моего, принять на себя звание опекуна”⁵⁷. Правда, возникла мысль вовсе обойтись без опеки, поскольку до 17-летия Анатолия оставалось всего два года. Однако, хотя по закону в этом возрасте наследник вступал во владение своим именем, он не получал еще полного права распоряжения, которое давалось по достижению 21 года. Поэтому опекунство было учреждено в лице старшего брата – действительного статского советника, егермейстера и камергера Павла Николаевича Демидова и дяди – обер-гофмейстера, предводителя Санкт-Петербургского дворянства Дмитрия Николаевича Дурново.

По реестру и описи имущества, составленных после кончины Николая Никитича, общее недвижимое имение, принадлежавшее ему в России, состояло из прежнего числа девяти заводов Нижнетагильского округа (10 681 рев. д. по 7-й ревизии) и 13 заводских деревень в Верхотурском уезде Пермской губернии, а также вотчин в Московской, Тверс-

кой, Рязанской, Калужской, Тульской, Новгородской, Вятской и Черниговской губерниях, “экономий” Демидовка и Заводовка около Одессы. Демидову также принадлежали три дома в Москве (в Пятницкой, Тверской и Басманной частях), два – в Петербурге (один на Васильевском острове и другой на Невском проспекте, купленный в 1825 г. у наследниц графа Головина; дом на Большой Морской, полученный в приданое за Е. А. Строгановой, был продан), два – в Казани и по одному – в Павловске, Риге, Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Перми и Лаишеве. Все число завещанных душ по сравнению с полученным Николаем Никитичем наследством возросло более чем в два раза и составляло 24 396, а с учетом “прибылых” после ревизии – 26 399 рев. д. в десяти губерниях России.

Все это имущество до совершеннолетия Анатолия составляло общее его с братом владение и находилось под опекой. На наследников были также переведены долги отцу (всего 907 506 руб. и 158 109 фр.) многих знатных и высокопоставленных особ (Д. П. Рунича, князей А. А. Шаховского, Д. В. Голицына, В. С. Трубецкого, А. Н. Волконского, Н. А. и В. В. Долгоруких, графов Ф. Потockого, С. П. Потемкина, Г. А. и А. Г. Строгановых и даже знаменитого архитектора О. Монферрана, задолжавшего 186 руб.), входивших в близкое окружение Н. Н. Демидова⁵⁸.

Когда Анатолию Николаевичу исполнился 21 год и опека была отменена, оба Демидова подали на имя императора прошение о разделе между ними “движимого и недвижимого имущества, в разных губерниях состоящего”. 11 октября 1834 г. раздельный акт был совершен. Главное достояние Демидовых – Нижнетагильские заводы – “по силе духовного завещания и государственных узаконений” по-прежнему осталось в нераздельном владении братьев, каждый из которых получил право на половину имения. Общее владение сохранялось также на дома в Нижнем Новгороде, Казани, Одессе, Лаишеве (“как необходимо нужные к занятию конторами для управления делами по заводам”), а также в Москве, Перми, Киеве и Павловске (“для извлечения доходов посредством отдачи в наем”). Из вотчин неразделенными остались только экономии Демидовка и Заводовка, а “равно на южном берегу Крыма неподалеку от города Симферополя небольшой участок земли, именуемый Кастропуло” (купленный Н. Н. Демидовым незадолго до кончины) и пять “мореходных судов” (“один двухмачтовый бриг, изготовленный в Ливорно, и четыре выстроенных при Таганрогском порту”).

Как и по завещанию Н. Ак. Демидова 1784 г., из недвижимости в раздел пошли лишь вотчины в Европейской России и петербургские дома. Анатолию Николаевичу, с 1831 г. жившему в Париже, переходило также “особо подаренное” отцом его заграничное имение – дача Сан-Донато близ Флоренции и 300 тыс. франков на ее оборудование. Ему же было отдано имение Лимони близ Ливорно и дом во Флоренции, доставшиеся по наследству от погибшего на дуэли в 1830 г. единокровного брата (внебрачного сына Н. Н. Демидова) отставного штаб-ротмистра Ивана Николаевича Романовича. Движимое имущество (“иконы, различные золотые, серебряные, бронзовые и малахитовые вещи, самородки, этрусские вазы, посуда, картины, мраморы”) было поделены поровну, за исключением семейной реликвии – “Святой иконы Спасителя в золотой ризе с алмазами”, которая еще по воле Н. Ак. Демидова переходила старшему в роду. Документ был подписан в Петербурге при свидетелях обер-гофмейстере Д. Н. Дурново, свитском генерал-майоре графе С. Г. Строганове (двоюродном брате Демидовых) и генерале от кавалерии и генерал-адъютанте графе А. Ф. Орлове⁵⁹.

Главную роль в опекуновском, а позже и в “хозяйственном” управлении Нижнетагильскими заводами в то время играл старший из владельцев – Павел Николаевич Демидов. Выйдя в 1826 г. в отставку с военной службы (которую он начал в 14 лет, когда, состоя юнкером при сформированном его отцом егерском полке, принял участие в Бородинском сражении), он еще при жизни отца привлекался им к ведению заводских дел. Опираясь на созданную Николаем Никитичем систему дистантного управления, сын был не просто в курсе всего происходящего на заводах. Даже находясь за границей или на государственной службе, он живо интересовался текущими делами и принимал посильное участие в управлении. От управляющего Петербургской конторы П. Д. Данилова Павел Николаевич требовал “по крайней мере один раз в неделю” писать к нему в Париж, утверждая, что ему “весьма интересно знать, каким образом текут дела наши повсеместно”⁶⁰. Летом 1829 г. владелец даже собирался посетить заводы, но по какой-то причине поездка тогда не состоялась. Позже служебные дела (в 1831–1834 гг. он был курским гражданским губернатором, затем руководил егермейстерской службой Императорского Двора) и обострившаяся болезнь (“ревматизм артикюлер”, как называл ее сам Павел Николаевич) не позволили ему предпринять путешествие на Урал. В 1836 г. в Гельсингфорсе Демидов женился на фрейлине Авроре Карловне Шернваль фон Валлен (шведке по происхождению, дочери Выборгского ландсгевдинга Шернваля и приемной дочери сенатора барона фон Валлена)⁶¹, славившейся в петербургском свете своим умом, добродетелями и красотой. Вскоре после свадьбы супруги отправились за границу, для чего Павел Николаевич получил отпуск со службы “для поправления здоровья”. 25 марта 1840 г. в Майнце он неожиданно скончался.

Павел Николаевич Демидов заслужил признательность и уважение своей широкой благотворительной и меценатской деятельностью в России и Европе. В 1830–1831 гг. он учредил знаменитую Демидовскую премию – самую престижную в то время награду в научном мире, много и щедро помогал различным благотворительным заведениям (общая сумма его “пожертвований” достигала 2,3 млн руб. асс. и являлась наиболее крупной среди всех Демидовых – его современников)⁶². Неоднократно Павел Николаевич был награждаем российскими и европейскими орденами, избирался почетным членом Императорской Академии наук, Российской Академии, Московского и Харьковского университетов и Вольного экономического общества.

Поскольку скоропостижно умерший владелец не оставил завещания, начался длительный процесс установления и ввода законных наследников во владение с соблюдением всех формальностей. 10 июня 1842 г., по истечению срока “на явку” наследников, Санкт-Петербургская палата гражданского суда утвердила таковыми вдову П. Н. Демидова Аврору Карловну и сына Павла, родившегося незадолго до смерти отца 9 октября 1839 г. Поскольку один из наследников был малолетним, над “лицом и имуществом” его устанавливалась опека. В 1840 г. обязанности опекунов исполняли мать и дядя, который уполномочил вместо себя графа А. Г. Строганова⁶³. 29 мая 1843 г. по предложению министра юстиции графа В. Н. Панина Санкт-Петербургская дворянская опека вместо А. Н. Демидова ввела в состав опеки тайного советника, члена Государственного совета и сенатора Дмитрия Петровича Бутурлина и статского советника и камергера князя Григория Петровича Волконского. Фамилия Бутурлиных еще с XVIII в. была тесно связана с Демидовыми. В 1757 г. генерал-фельдмаршал, сенатор граф А. Б. Бутурлин по повелению Елизаветы Петровны проводил раздел владений Ак. Н. Демидова между его сыновьями.

Сам Д. П. Бутурлин был не только крупным военным и государственным деятелем (по его имени, в частности, был назван печально известный цензурный комитет 1848 г.), но и военным историком официального направления. Г. П. Волконский, сын министра двора светлейшего князя П. М. Волконского, приходился дальним родственником Демидовым (его сестра была замужем за П. Д. Дурново, двоюродным братом Павла и Анатолия Демидовых) и близким другом Анатолия Николаевича⁶⁴.

Под наблюдением опекунов был проведен раздел наследства, состоящего из двух частей. В первую входили принадлежавшие лично Павлу Николаевичу два дома в Петербурге на Большой Морской (№ 43 и 45), приобретенные в 1830-е гг. и перестроенные О. Монферраном. Они перешли во владение вдовы и сына в “узаконенных” долях ($\frac{1}{7}$ и $\frac{6}{7}$ соответственно). Вотчины в Тульской, Калужской и Черниговской губерниях, доставшиеся старшему Демидову по разделу 1834 г., были уже распроданы, поскольку утратили свою прежнюю роль резервного источника рабочей силы для заводов⁶⁵. Вторую часть наследства представляли совместные с братом Анатолием имения, в которых Павел Николаевич числился владельцем половины. В 1842 г. в состав этой части входили Нижнетагильский горнозаводский округ, южные экономии Демидовка и Кастропуло, а также дом на Васильевском острове в Петербурге и дома в Нижнем Новгороде, Казани и Лаишеве. Условная половина всей этой недвижимости осталась, как и прежде, во владении Анатолия Николаевича, а вторая – подвергалась разделу и передавалась Авроре Карловне ($\frac{1}{7}$ “половинной” части или $\frac{1}{14}$ всего общего владения) и Павлу Павловичу ($\frac{6}{7}$ или $\frac{3}{7}$). Доля малолетнего Павла в совместном с матерью и дядей имуществе считалась состоящей в опеке. Кроме того, в соответствии с законом, Аврора Карловна получила четвертую часть из оставшегося после мужа “движимого имения” (включавшего акции, долги, металлы и прочее) на сумму 215 413 руб.⁶⁶

В новой ситуации главная роль закономерно перешла к основному владельцу Анатолию Николаевичу, к тому времени за свою щедрую благотворительность уже получившему от великого герцога Тосканского первый в роду Демидовых титул графа Сан-Донато (1836 г.) и различные почетные звания многих российских и европейских ученых сообществ. Воспитанный в Париже, он избрал для себя карьеру дипломата и почти безвыездно жил в европейских столицах, состоя при российских посольствах и ведя жизнь богатого денди. “По состоянию здоровья” в 1836 г. Анатолий Николаевич вышел в отставку, но остался за границей, лишь изредка навещая Россию по “важным надобностям”⁶⁷. Так, почти за год до смерти брата Анатолий Николаевич ненадолго приезжал в Петербург, по собственному его признанию, “для личного наблюдения за приведением в исполнение инструкций, составленных братом моим и мною”.

Еще в 1836 г. Павел Николаевич задумал провести важные перестановки в аппарате заводского управления. Тогда он собирался надолго покинуть Россию и хотел поставить во главе управления более ответственного человека, чем директор А. А. Любимов, которого упрекал “в нерадении к своим обязанностям”. 4 марта он писал П. Д. Данилову: “Вам из опыта известно, что от неусыпного обоюдного попечения, согласия и беспристрастия правящих заводами зависит собственное наше благосостояние и благоденствие нескольких тысяч народа. Известно вам также и то, что обстоятельства вынуждают нас озабочиваться об улучшении и вместе об усилении выковки железа, требуются весьма важные заводские поправки и перестройки, разыскание новых земных сокровищ и даже устройство нового завода! Но возможно ли ожидать успешного выполнения столь

важных предметов после представленных мне на вид примеров невнимательности нынешнего заводского правления к распоряжкам нашим?” Тогда Демидов просил Данилова “принять на себя труд и звание нашего заводского директора”, намереваясь в помощники ему назначить обученных за счет владельцев бывших демидовских крепостных юриста Д. В. Белова и инженера Ф. И. Швецова⁶⁸.

Ввиду болезни брата и по согласовании с ним осуществление административной реформы взял на себя Анатолий Николаевич, прибыв тогда из-за границы с намерением съездить на Урал. Но 19 июля 1839 г. он сообщал Петербургской конторе, что “встретил обстоятельства, кои мне не позволили ни отправиться в заводы, ни даже посетить некоторые из наших внутренних контор, как имел я в предположении”. В том же письме владелец изложил “в ясности и точности, каким образом согласились мы расположить различные степени власти по всему нашему имению”. “Начиная с сего времени, – уверенно заявлял он, – ...берем мы, брат мой и я, личное управление нашим имением и с Божьей помощью надеемся продолжать неослабно и выполнить с некоторым успехом принимаемую нами на себя теперь обязанность”.

За границей, где намеревались жить оба владельца, создавался Counsel prime (Высший совет), в состав которого помимо владельцев входил известный французский социолог и горный инженер Фредерик Лепле, принявший уже участие в организованной А. Н. Демидовым в 1837 г. научной экспедиции на юг России. “Руководствовать, а не управлять нашими делами” в России, владельцы назначили П. Д. Данилова, к которому Демидовы относились с полным доверием. Он один получал исключительную привилегию вести “партикулярную переписку” с владельцами. Ему отдавалось, по выражению Анатолия Николаевича, “первое место в замещении нас везде, где нас нет, и в исполнении как в Нижнем и Москве, так в Петербурге и в заводах высшей власти, какую имели бы мы сами”. Одновременно с должностью главноуполномоченного он назначался и директором Нижнетагильских заводов, оставшихся к тому времени фактически единственным доходным имением Демидовых. Под его “непосредственное начальство” были поставлены Д. В. Белов, как управляющий по административной, и Ф. И. Швецов – по технической “части”. Директор и оба управляющих составляли Совет, вершивший дела на заводах. Главная Петербургская контора переходила под управление Э. Я. Никерина и Ф. А. Вейера и “заведовала внутренними конторами”. “При означенном распределении... имели мы главной целью избежать всех споров в отношении прав и точки отправления прав и обязанностей, в кругу коих каждый должен находиться. Мы сами подадим к тому пример, не выходя никогда из границ прав, которые мы себе предоставили”, – обещал за себя и брата А. Н. Демидов⁶⁹.

Учреждение Высшего технического совета в Париже и введение должности главноуполномоченного, действующего от лица Демидовых, объективно отдаляло (а не приближало, вопреки уверениям) владельцев от владения. Они, конечно, по-прежнему получали рапорты из заводов и ежемесячно отправляли назад свои “предписания”, но заканчивались они обычно стандартной формой: “Вообще все предметы, о коих упоминается в рапорте, довольно удовлетворительны, почему и изъявляем наше удовольствие Управлению заводов”⁷⁰.

Характер административных реформ, проведенных Анатолием Николаевичем, становится вполне объяснимым в свете его ближайших намерений. Именно в это время во Флоренции он познакомился с принцессой Матильдой де Монфор, дочерью младшего

брата Наполеона I Жерома Бонапарта. Все его дальнейшие помыслы были сконцентрированы на получении руки этой женщины, роднившей его не только с французским Императорским Домом, но и с Домом Романовых (мать Матильды была в родстве с Николаем I). Преодолев всевозможные формальности и подписав брачный контракт со своим тестем, бывшим вестфальским королем, 3 ноября 1840 г. Демидов женился на принцессе, получив княжеский титул в качестве свадебного подарка от тосканского герцога. Поздравление прислал и двоюродный брат Матильды Луи-Наполеон (будущий император Наполеон III), за которого прежде прочили принцессу в жены.

В соответствии с этим контрактом, приданое Матильды составляло 290 тыс. фр. (включая ее личные украшения, одежду и музыкальные инструменты на 50 тыс. фр.), которые Анатолий мог получить “по первому требованию”. От отца и жениха Матильде перешли драгоценные украшения на общую сумму в 1 млн фр. (включая жемчужное ожерелье, подаренное ее матери Екатерине Вюртембергской Наполеоном, Мальтийский орден Н. Н. Демидова и драгоценности Е. А. Строгановой-Демидовой). Принц Жером выторговал у жениха ежегодную “пенсию” для себя и членов своей семьи на общую сумму 117 669 фр.⁷¹

Брак Анатолия Николаевича с Матильдой Иеронимовной (так принцессу называли в России) оказался недолговечным. Жена не смогла перенести продолжавшиеся после свадьбы любовные отношения мужа с графиней В. де Сен-Альдегон, придворной дамой короля Луи-Филиппа, и в сентябре 1846 г. покинула его. Она обратилась с просьбой защитить ее имущественные интересы к начальнику III Отделения императорской канцелярии графу А. Ф. Орлову и своему “кузену” Николаю I. Царь через министра юстиции 18 сентября приказал Демидову гарантировать формальным актом материальное обеспечение княгини Сан-Донато в установленном им же самим размере.

19 сентября 1846 г. в Петербурге при свидетельстве двоюродных братьев Демидова А. Г. Строганове и П. Д. Дурново была составлена “запись”, предоставлявшая Матильде на выбор два варианта решения имущественных дел. По первому условию Анатолий Николаевич давал жене взамен той части, которая после его смерти будет следовать ей по закону “из заводского и всего недвижимого родового имущества в России” 1250 тыс. руб. сер. Матильде также “возвращалось” приданое и предоставлялось все движимое и недвижимое имущество и капиталы в России и за границей, находившиеся в “единственном владении” мужа. Тогда у Демидова еще, видимо, сохранялась надежда на возвращение жены и даже на то, что у них будут дети. “Если же Бог благословит нас потомством”, писал он, то в этом случае после его смерти супруга могла рассчитывать на выдел “законной части” из общего имущества и пожизненное владение недвижимостью за границей и приобретенным имуществом в России. “При жизни же моей” Анатолий Николаевич гарантировал Матильде пользование всем его имуществом и получение, согласно брачному договору, 25 тыс. фр. ежегодно “на личные ее надобности”. По второму варианту жена могла получить “право отдельного пользования”. Муж предоставлял ей “во всегдашнюю собственность” выкупленные им у тестя за 520 тыс. фр. жемчуга и бирюзовое кольцо вюртембергских королей, отказывался от приданого и давал пожизненную ежегодную “пенсию” в 200 тыс. фр. или 50 тыс. руб. сер. (10 тыс. руб. или 40 тыс. фр. из этой суммы предназначались Жерому Бонапарту). Для обеспечения выдела на имение А. Н. Демидова налагалось запрещение, “соразмерное седьмой части в нынешнем его состоянии”⁷².

Через полгода М. И. Демидова, видимо, решившись на окончательный разрыв с мужем, сделала свой выбор. В марте 1847 г. в Париже она доверила графу А. Г. Строганову “отказаться в лице ее от тех выгод, какие предназначались для нее по первому условию... и принять в ее пользу назначения, постановленные во втором условии”. Принцесса возвращала Демидову полученные от него драгоценности за исключением “вюртембергских” (в 1848 г. эти драгоценности были заложены Матильдой в банке за 500 тыс. фр., которые помогли Луи-Наполеону выиграть на выборах президента Французской республики)⁷³, соглашалась на возврат своего так и не выплаченного приданого после смерти мужа “от его наследников” и, главное, на получение ежегодной ренты в 50 тыс. руб. сер., начиная с 19 сентября 1846 г. “Довольствуясь этими тремя назначениями”, Матильда обещала “не иметь никаких других притязаний” ни к самому А. Н. Демидову, ни к его наследникам, но после его смерти оставляла за собой право “или довольствоваться получением от наследников определенных на содержание 50 тыс. руб. сер., или же отказаться от сего содержания и взамен оного потребовать выдела указной вдовьей части”. Акт был подписан Строгановым в Петербурге 24 июля 1847 г.⁷⁴ Его правомерность была подтверждена особой запиской “О праве А. Н. Демидова обременять свое имение долгами”⁷⁵. С этим, видимо, согласились совладельцы и опекуны, хотя в 1840-е гг. с ними у Анатолия Николаевича возникли определенные трения.

Вскоре после кончины брата он выдвинул ряд инициатив по владению Нижнетагильскими заводами. Причиной тому явилось его недовольство опекунским управлением над малолетним племянником, которое не позволяло “главному владельцу” единолично вершить заводские дела. “Влияние опеки, – жаловался Анатолий Николаевич министру финансов графу Е. Ф. Канкрину, – по свойству заводского действия, простирается и на мою половину... что нахожу я для себя весьма стеснительным”. В 1842 г. он обратился с просьбой к министру о разделе общего с невесткой и племянником имения.

Вначале Демидов просил раздела “или натурою, буде сие возможно, или буде раздел таковой на деле окажется невозможен, то предоставить заводы, в целом их составе, одному из двух главных наследников, с удовлетворением другого деньгами по справедливой оценке”. По-видимому, в дело вмешался назначенный вместо него в состав опеки Д. П. Бутурлин, усмотревший в последнем предложении ущемление прав своего малолетнего подопечного. Уже в общем прошении к министру Демидов и Бутурлин заявляли, “что по участию во владении заводами малолетнего, раздел натурою казался бы удобнее к исполнению” и просили командировать на заводы от Горного правления “благонадежного чиновника для ближайшего на месте удостоверения о том, могут ли Нижнетагильские заводы быть разделены натурою на две равные или почти равные части, действующие отдельно и независимо одна от другой, или нет?.. Если же эти части будут не совершенно равного достоинства, то на какую сумму должно бы простираться право одной против другой, дабы при разделе можно было уравнивать меньшую половину придачею денежной суммы?”

Адресуя эту просьбу для изучения главному начальнику уральских заводов В. А. Глинке, Канкрин потребовал отнестись к делу с вниманием, поскольку полагал, что “от способа управления сими, важнейшими из частных на Урале заводами, зависит непосредственно возвышение или упадок значительного от них дохода в пользу Государственного казначейства”. Вскоре в Нижний Тагил прибыл помощник горного начальника Екатеринбургских казенных заводов инженер-майор А. И. Арсеньев. Он и решил участь демидовского округа. Вначале у Арсеньева возникло предположение о возможности

отделения от девяти Нижнетагильских заводов двух Салдинских, которые, имея законченный производственный цикл, на первый взгляд могли действовать самостоятельно. Но, вникнув в сложнейшие производственные связи всех заводов и рудников округа, он сделал вывод о невозможности и нецелесообразности раздела. “Итак, – писал он, – для благосостояния округа Нижнетагильских заводов, для пользы казны и для пользы самих владельцев, надобно желать, чтобы заводы остались навсегда в полном и нераздельном их составе”⁷⁶.

Отказавшись от идеи раздела, владельцы предприняли новую попытку административной реформы. Видимо, она оказалась следствием компромисса между Анатолием Николаевичем и опекунами, которым поступили доносы на созданное им в 1839 г. заводоуправление. Служитель Семен Сабуров (имя которого держалось в секрете) сообщал, что в отличие от прежнего управления, составленного из демидовских крепостных, нынешнее, “вольнонаемное”, управляет “без попечения и без выгод и под рукой его служители... пекутся единственно о своем приобретении”. Бутурлин и Волконский доверили расследовать донос брату владелицы камер-юнкеру Эмилию Карловичу Шернвалю. В сентябре 1843 г. он посетил Нижнетагильские заводы. В результате директор и управляющие получили упрек “в излишней роскоши”, с которой они, якобы, “содержат” Нижнетагильские заводы.

В большом послании Шернвалю Данилов, Белов и Швцов попытались “оправдаться”. “Вероятно, – писали они, – по прибытии вашем в Нижнетагильск, вы изволили изумиться обширностью, а может быть и обстройкою его”. Действительно, в Тагиле было чему удивиться: пять церквей, включая усыпальницу Демидовых – Никольский собор, строившийся с участием К. А. Тона⁷⁷, “довольно огромные господские постройки”, много каменных “обывательских домов”. Но все это, утверждали управляющие, основано по воле прежних владельцев и особенно Николая Никитича Демидова, который, по их мнению, “был истинно благотельным помещиком”. В отличие от него, посетившего свои заводы в 1806 г., наследники “в течение последних 40 лет... проживали и проживают большей частью вне своего отечества” и не бывали в имении. Тем не менее “заводы, благодаря Всевышнему, [находились] в довольно цветущем положении, по части горной, по части, можно сказать, фабричной или производительной, по просвещению, по обстройке, по благосостоянию жителей и тому подобное”. В последние 15 лет, подсчитали управляющие, заводы принесли “молодым своим владельцам” до 25 млн руб. асс. дохода, выплатили не менее 12 млн руб. казенных податей, “обстроились, обзавелись машинами”. Но на это, отмечали уязвленные обвинениями в свой адрес управляющие, “кажется никто не обращает внимания”. “Если бы не старинные основательные постановления, každогодно применяемые к обстоятельствам, то верно заводы не были бы в таком цветущем положении, как ныне, – полагали они. – Но для поддержания прежних постановлений, для приноравливания их к духу времени невозможно было обойтись без людей, и эти люди без сомнения были и должны быть: конечно, они могли быть и лучше и хуже, но благосостояние заводов не доказывает ли сколько-нибудь, что люди были не совсем дурные, иначе заводы не могли бы процветать и смело можно сказать равняться лучшим известным в Европе”.

“Кажется, без зазрения совести, можно сказать, – заявляли управляющие, – что если бы таковое имение, каково Нижнетагильские заводы, было в других руках, то есть в руках простых наемщиков, то едва ли ныне довелось бы считать доходы миллионами; но по

примеру других имений владельцы могли бы быть вынужденными приехать на место и управлять и распоряжаться сами”. В заключение “сего длинного нашего письма”, управляющие докладывали, что собственное их положение (которое тоже расценивалось как “весьма роскошное”), “если рассмотреть его поближе, совершенно незавидное, несмотря на весь блеск его”. “Имея под ведением своим до 40 тыс. жителей, из которых часть есть изуверов или раскольников, – большей частью заводских мастеровых людей, повсюду славящихся буйством нрава, не получая никаких почти распорядительных предписаний от господ Доверителей, не имея никакой поддержки пред начальственными лицами и почти никаких в Санкт-Петербурге, часто озабоченные недостатком денег для удовлетворения первейших потребностей жителей, опасаясь каждодневно подпасть под обвинения перед начальством или, просто сказать, отданными под суд, и в последние годы получая от господ Доверителей гораздо более упреков, нежели какого-либо поощрения, – заявляли управляющие, – каждый из нас во всякое время готов променять нынешнее свое блестящее положение на самое скромное, но только в другом месте”⁷⁸. Таково оказалось нелицеприятное мнение руководства округа об опекуном управлении и, косвенно, о самих “молодых владельцах”.

Возможно, оно и явилось одной из причин перемены и опекунов, и управляющих. В мае 1845 г., после отказа Бутурлина от своих обязанностей, по просьбе Авроры Карловны сам император назначил новых опекунов. Ими стали генерал от инфантерии, сенатор граф Арсений Андреевич Закревский (в прошлом – министр внутренних дел, в будущем – московский генерал-губернатор; в 1848 г. он был освобожден от обязанностей опекуна и назначен “безответственным попечителем”) и российский дипломат польского происхождения, действительный тайный советник князь Ксаверий Францевич Друцкой-Любецкий⁷⁹.

По их оценке, “в управлении отсутствовал общий центр соединения владельцев, откуда могло бы истекать распоряжения по общим делам, всегда единообразные, и где сосредоточились бы постоянный высший контроль всех действий подчиненных властей”. Видимо, по настоянию деятельного Закревского, в том же году было принято решение о возвращении в Петербург Верховного управления Нижнетагильских заводов и других имений общего владения, в которое постоянными членами вошли А. Н. Демидов, А. К. Демидова и оба вновь назначенных опекуна. Петербургская контора Демидовых объявлялась Канцелярией Верховного управления. Анатолию Николаевичу, “как главному владельцу”, было дано право “предложить проекты преобразований и всяких улучшений” и выбрать нового “доверенного уполномоченного”⁸⁰. Им стал поляк А. И. Кожуховский (бывший управляющий имениями литовских князей Радзивиллов), который уже в 1846 г. впервые приезжал на заводы. 1 мая 1848 г. с ним был заключен договор, по которому главноуполномоченный обязывался поднять годовой доход (упавший к тому времени из-за проблем с заграничным сбытом тагильского металла) до 400 тыс. руб. сер. Помимо высокого жалования Кожуховский мог получить 12 % от дохода в случае, если тот поднимался выше установленной величины⁸¹.

“Пан Антоний” сумел справиться с поставленной целью, заработав за 5 лет своей службы у Демидовых огромную сумму в 454 685 руб. При нем на заводах был сменен состав Главного Нижнетагильского управления, которое получило новую структуру. Разделение его на заводское, лесное, счетное, хозяйственное, канцелярское и полицейско-судебное отделения, действующие на основании новых инструкций, способствовало упорядочению административно-хозяйственной части. Была утверждена система “двойной

коммерческой или итальянской бухгалтерии” и новые, упрощенные формы отчетности. Кожуховскому удалось в основном решить и острую для Тагильских заводов проблему сбыта продукции путем введения новых форм экспортных операций и ускоренной переориентацией производства на потребности внутреннего рынка⁸². Приглашение иностранных специалистов способствовало техническому прогрессу на заводах, в результате чего они упрочили свои лидирующие позиции на Урале. К 1860 г. производительность Нижнетагильских заводов по всем отраслям оказалась самой высокой в регионе. Тогда здесь выплавлялось в год до 115 тыс. пуд. меди, 1660 тыс. пуд. чугуна, выделялось до 943 тыс. пуд. железа “в многообразных сортах лучшего качества” и добывалось около 20 пуд. золота и 75 пуд. платины. Общий доход колебался около миллиона руб. сер., а норма прибыли достигала 105 %⁸³.

Проживавший за границей Анатолий Николаевич в эти годы еще дальше отошел от административных дел, предоставив их ведение своему главноуполномоченному. В такой ситуации его и совладелицы Авроры Карловны роль ограничилась в основном решением социальных вопросов. Отныне проводимая ими в имении социальная политика базировалась на теоретических построениях патернализма (или “патроната”), сформулированных близким знакомым Демидова Ф. Лепле, дважды (в 1844 и 1853 гг.) приезжавшим на Нижнетагильские заводы для проведения своих социологических и технических исследований⁸⁴.

Осознание своей “отеческой” роли проявилось во многих предписаниях Анатолия Николаевича тех лет. Так, в ноябре 1848 г. из Брюсселя он благодарил “нижнетагильцев” за поздравление с именинами: “С приятнейшими сердечными ощущениями вспоминаю всегда о жителях, которых любил мой отец, которых люблю и я, как большую семью, правда, незнакомую мне, но с которою соединяют меня неразрывные наследственные и сердечные узы”. Тогда же он уведомил управляющего Д. В. Белова, “что желание и намерение мое побывать в Сибири, столько раз составленное и несостоявшееся по независящим от моей воли причинам, снова пробудилось во мне и исполнится, надеюсь, в скором времени, если Господу угодно будет”. “Я уверен, – добавлял он, – что это путешествие будет сопровождено всеми благодетельными улучшениями, которых дети вправе ожидать от отца, ибо скажите и повторите нижнетагильским жителям, что я был и остаюсь для них заботливым отцом”⁸⁵.

Как всегда, это желание Демидова должно было вылиться в грандиозное предприятие не только с познавательными, но и с серьезными научными и практическими целями. После организованных им в 1837 г. экспедиций на юг России и в 1847 г. вдоль испанского побережья Средиземного моря, он задумал новую экспедицию в Сибирь, рассчитывая провести ее в 1852–1853 гг. Маршрут должен был пройти через Петербург, Москву, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тобольск и Нижний Тагил. Демидов предполагал включить в состав экспедиции ученого Лепле, художника Раффе, главноуполномоченного Кожуховского, французских поверенных Октава и Анатолия Жонесов. Приглашение было отправлено даже самому Александру Гумбольдту в Берлин⁸⁶. Однако судьба распорядилась по-иному. В 1853 г. один Ф. Лепле отправился на Урал без своего покровителя.

Вместо него на Нижнетагильские заводы летом 1849 г. приезжали Аврора Карловна (после смерти мужа она большей частью жила на своей родине в Финляндии) с Андреем Николаевичем Карамзиным (сыном известного историка и литератора Н. М. Карамзина,

за которого в 1846 г. вдова вышла замуж) и девятилетним сыном Павлом Павловичем Демидовым. По этому поводу Белов замечал, что после 20 лет безрезультатного ожидания владельцев, они явились “как снег на голову”. Почти два месяца шли приготовления к приезду: был отремонтирован господский дом и “неисправные мосточки”, куплены “дрессированные” лошади, коляска, наняты кучера и форейторы, заказаны горшки “ветвистых и высоких” виноградных лоз, резеды, гелиотропов и камелий. К Петрову дню были приглашены “театральные музыканты” из Екатеринбурга. Управляющему поступило предложение от дрессировщика Р. Гуерра приехать в Тагил на три месяца “давать представления и разные другие удовольствия”. Приезд владельцев становился, таким образом, все более парадным и увеселительным мероприятием.

Гости прибыли в середине июня. Их встречали “хлебом-солью” в деревне Анатольской, расположенной на границе демидовских владений. Туда были отправлены священник, приказчики и рабочие, за отличия награжденные “почетными кафтанами”. В Тагиле Аврору Карловну “со свитой” встречали приказчики и духовенство у кафедрального собора. Вновь поднесли “хлеб-соль” и рапорт “о благосостоянии завода”. “Мужикам” было приказано стоять по сторонам дороги рядами, “не сходя с места на место и не собираясь толпами посреди улицы”. 3 июля была запланирована дальняя поездка на Усть-Уткинскую пристань на реке Чусовой. В тот день после обеда владельцы отправились в дорогу и вечером прибыли в Висимо-Уткинский завод, где им была приготовлена на ужин простокваша и чай. Переночевав, они прибыли на пристань, где для них подготовили особое “представление” – отправку каравана с металлами. На обратном пути в Тагил были осмотрены еще три завода. На одном из них – Черноисточинском – владельцы приняли участие в открытии канала, построенного крепостным гидротехником К. К. Ушковым, получившим тогда “вольную” из рук самой владелицы⁸⁷.

Аврора Карловна добросовестно и искренне исполняла роль “попечительной владелицы”. Она была “необыкновенно ласкова со всеми и входила во всевозможные мелочи заводского быта: крестила детей у рабочих, была посаженной матерью на свадьбах, дарила приданое бедным невестам и так далее”, – свидетельствовал Д. Н. Мамин-Сибиряк⁸⁸. 31 июля на Выйском заводе состоялось еще одно торжественное событие: владелица открыла там детский приют, названный в ее честь Авроринским. Первое в России подобное учреждение, сочетавшее в себе черты детского сада, интерната и начальной школы, было создано еще 12 лет назад А. Н. Демидовым при основанном им Петербургском Доме трудолюбия. В последующие годы в Нижнетагильском округе открылось еще три таких заведения, а в 1853 г. основан дом для призрения осиротевших и незаконно рожденных детей. По оценке специалиста, столь гуманной системы поддержки семьям малообеспеченных мастеровых не было ни в одном другом частном округе Урала⁸⁹.

Кроме оказания практической помощи, эти мероприятия были призваны поддерживать и укреплять “культ” владельцев среди заводского населения, являвшийся важнейшим атрибутом эффективной патерналистской политики. С той же целью 29 июня 1849 г. был устроен праздник в честь именин Павла Демидова. После него владелица предписала “в постоянной заботливости о благе нижнетагильских жителей, столь близких нашему сердцу... в память личной бытности сына моего Павла Павловича Демидова в Нижнем Тагиле, в день его ангела 29 июня, раздавать каждый год... на его частный счет отличней-

шим мастеровым Нижнетагильского и других заводов 1500 руб. сер., обращая из этой суммы треть на почетные награды и две трети на пособие обедневшим и нуждающимся”⁹⁰. Так укоренялась в сознании людей благодарность молодому владельцу.

Не прошла бесследно эта поездка на заводы и для Андрея Николаевича Карамзина. После смерти Кожуховского в апреле 1853 г. и недолгого пребывания в должности главноуполномоченного Е. Н. Поара⁹¹, он займет их место и осенью того же года вновь посетит Нижнетагильские заводы. Основными объектами его внимания вполне закономерно оказались тогда положение служащих и мастеровых и организация управления, во главе которого был поставлен П. Н. Шиленков (16 февраля 1858 г. его сменил известный горный инженер генерал-майор В. К. Рашет, позже ставший директором Горного департамента)⁹². “С самого приезда моего в нынешний раз сюда, – извещал Карамзин управляющего, – я при всяком случае, с особенным удовольствием видел в вас постоянное стремление к добросовестному управлению Нижнетагильскими заводами, неусыпное попечение о пользах господ Заводовладельцев и примерную заботливость об участии порученных заведыванию вашему людей”. Уполномоченный повысил оклады высшим служащим, распорядился выдавать рабочим заработную плату “поседмично” и без задержек, составил новое “Положение о квартирных и других пособиях”, назначил пенсии вдовам служащих⁹³. Для просвещения населения Карамзин подписал распоряжение об открытии при заводууправлении первой общедоступной библиотеки. В том же году основанное шесть лет назад одно из первых в России Вхо-Иерусалимское двухгодичное училище для девочек было преобразовано в трехклассное женское Павло-Анатолевское училище. Но Андрей Николаевич очень недолго оставался в роли главноуполномоченного. С началом Крымской войны, в 1854 г. он ушел добровольцем в действующую армию и вскоре погиб в бою с турками в Валахии.

Описанные события свидетельствуют о “перемещении” главной роли в управлении совместным имением от князя Сан-Донато к наследникам его брата. Это было связано с принятым Анатолием Николаевичем в те годы важным для себя и общего владения решением “реализовать свои недвижимые имения в России, обеспечить расчеты по семейным и общественным обязательствам и удалиться от дел”. Записка с символическим названием “Expatriation” (“Эмиграция”) недвусмысленно свидетельствовала о характере его намерений⁹⁴. Но для их осуществления необходимо было дождаться совершеннолетия племянника Павла Павловича, в 1856 г. поступившего на юридический факультет Московского университета.

В том году единственному наследнику исполнилось 17 лет. Опека была снята и вместо нее учреждено попечительство в лице состоявшего последние годы в должности опекуна тайного советника и сенатора Бориса Карловича Данзаса (брата секунданта А. С. Пушкина)⁹⁵. В письме от 17 октября 1856 г. Павел Демидов просил попечителя “до тех пор, пока я не окончу образования своего в Университете, продолжать заниматься делами по управлению моим достоянием”⁹⁶.

Тогда же был составлен отчет, из которого следовало, что за 16 с половиной лет опекунского управления общий доход трех владельцев составил 10 569 574 руб. сер. Из этой суммы было предусмотрительно отчислено 2 459 086 руб. на увеличение оборотного капитала, в итоге возросшего в два раза. Средний годовой доход владельцев составлял, таким образом, около 520 тыс. руб. На долю Павла Павловича всего

было отчислено 4 018 170 тыс. руб., включая доходы от принадлежавших ему вместе с матерью домов на Большой Морской в Петербурге (30 776 руб.) и дивиденды на акции (398 987 руб., в том числе Общества пароходства между Гавром и Петербургом). Расход составил 2 230 311 руб., включая 319 943 руб., истраченных “на содержание” самого Павла Павловича. Из “сбереженной суммы” (1 787 858 руб.) 349 766 руб. были положены под проценты в Коммерческий банк, а 1 438 092 руб. по акту от 8 октября 1856 г. отданы Анатолию Николаевичу “согласно предложения, сделанного ему опекунами”, видимо, в качестве своего рода компенсации за “отход от дел”. 25 июня 1858 г. Павел Демидов “с особым удовольствием” засвидетельствовал отчет и поблагодарил опекунов (в пользу которых было отчислено за годы опеки 239 300 руб.) за “достижение столь удовлетворительных результатов... и старание обеспечить сохранение моих интересов”⁹⁷.

Завершающим актом концентрации заводской собственности в руках Павла Павловича Демидова стали события 1861–1862 гг. К этому времени он достиг 21-летнего возраста и по закону получил право “на полное распоряжение имуществом” и освобождение от попечительства. В мае 1861 г. поверенные от владельцев, находившихся в это время за границей, подали министру финансов прошение о разделе имения. В нем указывалось, что главной причиной перемены во владении общим имением являлись так и не устраненные “неудобства совместного владения, происходящие главнейше от расстояния, разделявшего владельцев по местам их жительства”. Демидовы, говорилось в этом документе, “желали бы произвести полюбовный между собою раздел самих имений в натуре, но как он в отношении к... заводам неосуществим, то Аврора Карловна и Анатолий Николаевич, имея в виду, что Павел Павлович есть единственный их наследник, предположили уступить ему ныне же... все принадлежащие им части в Нижнетагильских заводах и других нераздельных недвижимых имениях со всем движимым и недвижимым имуществом без всякого изъятия”⁹⁸. В этой истории сыграла свою роль, по-видимому, и только что объявленная крестьянская реформа (в одном из писем говорилось о передаче П. П. Демидову “права составлять уставные грамоты”), вникать в сложные дела которой старшее поколение владельцев не захотело.

Горный департамент Министерства финансов и Уральское Горное правление не обнаружили препятствий для совершения раздела, и 6 февраля 1862 г. “раздельная и дарственная записи” были утверждены в Петербургской палате гражданского суда. С этого времени Павел Павлович Демидов становился “полным и исключительным владельцем принадлежащего всем троим до ныне частей нераздельного их достояния”. По составленному еще 22 мая 1861 г. “Акту о разделе” из общего владения П. П. Демидову переходили 12 заводов Нижнетагильского округа (включая основанные в 1850-е гг. так называемые “подливные” Авроринский, Павловский и Антоновский) с двумя селами и 16 деревнями (25 580 рев. д. по 10-й ревизии и 656 465 дес. земли), три “василеостровских” дома в Петербурге, дом в Казани, экономия Демидовка с деревней Анатольевской в Херсонской губернии (423 рев. д. и 5038 дес. земли), местечко Кастропуло (25 дес. земли) в Крыму и Павловский золотой прииск в Олекминском округе Якутской области, заявленный в 1853 г. и в 1855 г. отданный в аренду Ленскому золотопромышленному товариществу почетных граждан Баскина и Катышевцева. Кроме того Аврора Карловна передавала сыну лично ей принадлежавшую долю в

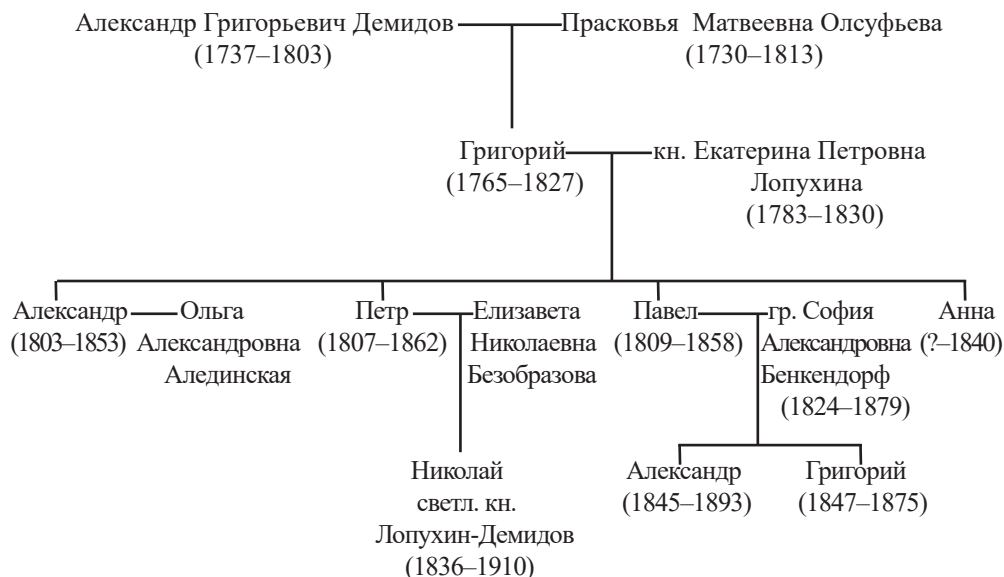
двух домах в Петербурге по Большой Морской, а Анатолий Николаевич предоставил племяннику два своих родовых имения: доходный дом в Петербурге на Невском проспекте и единственную оставшуюся у него после продаж 1836–1837 и 1842–1843 гг. Ерахтурскую вотчину в Касимовском уезде Рязанской губернии (2442 рев. д., 24 680 дес. земли)⁹⁹. Дядя оставил себе лишь заграничные имения. Сами владельцы оценили все переданное Павлу Павловичу имущество в 8346 тыс. руб. сер. (в том числе заводы – 8 млн).

За предоставленные ему права Павел Павлович обязывался уплатить матери “по мере ее требования” 100 тыс. руб. сер. и выдавать в виде дохода с имений ежегодно с 1 мая 1861 г. по день кончины по 60 тыс. руб. Ежегодный доход дяди определялся в 350 тыс. руб. Из этой суммы 200 тыс. франков или 50 тыс. руб. выплачивались жене Анатолия Николаевича Матильде Иеронимовне. Из той же суммы Павел должен был исполнять “попечительские обязанности” дяди в России на общую сумму 29 768 руб. в год. Помимо этого ежегодно около 98 тыс. руб. передавались на разные благотворительные, учебные и другие общественные учреждения в России и за границей, на пенсии различным лицам. Оставшаяся после всех этих выплат от 350 тыс. сумма в 166 тыс. руб. “помесячно” пересылалась А. Н. Демидову по месту его жительства. Дядя и племянник также договорились о прощении (“остается на нем до кончины его и при его жизни не требуется”) долга в 1,4 млн руб., предоставленного Анатолию Николаевичу в 1856 г.

Из-за отсутствия владельцев раздельный акт подписали обер-церемониймейстер, бывший директор Товарищества Суксунских заводов граф А. М. Борх (от лица А. Н. Демидова), камергер, тайный советник барон Э. К. Шернваль фон Валлен (от лица сестры А. К. Карамзиной) и камер-юнкер, коллежский советник граф П. С. Строганов (от лица троюродного брата П. П. Демидова)¹⁰⁰.

По всей видимости, с содержанием документа была ознакомлена и княгиня Сан-Донато, в те годы ставшая одной из самых высокопоставленных особ Второй империи. Поскольку раздельный акт включал условия ее договора с мужем 1847 г., она не выступила против него, согласившись по-прежнему получать установленную сумму на содержание. Но когда, только получив наследство, Павел Павлович задумал заложить заводы, то есть нарушить сохранявшееся запрещение, она обратилась к министру финансов с просьбой “не допустить снятия запрещения с имения, принадлежавшего мужу ее Анатолию Демидову и переданному ныне к племяннику его, так как запрещением этим обеспечивается право на получение доходов с означенного имения”. Рассмотрев прошение Матильды Иеронимовны и отзыв на него Павла Павловича, Комитет министров принял решение разрешить залог Нижнетагильских заводов “частным учреждениям и лицам” с условием, что “супруга дяди просителя принцесса Матильда во всяком случае сохранит права преимущественного перед всеми другими кредиторами удовлетворения”¹⁰¹. Этим постановлением, утвержденным императором 8 февраля 1863 г., инцидент был исчерпан. Павел Павлович получил в свое единоличное распоряжение Нижнетагильские заводы, по оценке В. П. Безобразова, представлявшие собой “самый видный центр всей частной горной промышленности на Урале”¹⁰². Он и его наследники владели заводами до 1917 г.

1.2. Демидовы (суксунские)

Суксунский горнозаводский округ в первой половине XIX в. находился во владении представителей ветви Григория Акинфиевича Демидова. Суксунский, Бымовский, Ашапский и Шаквинский медеплавильные заводы в Кунгурском уезде достались ему по разделу 1757 г. наследства отца в составе “ревдинской” части. После неожиданной смерти владельца в 1761 г. заводы перешли трем его сыновьям, совместно владевшими ими до 1 апреля 1765 г. Тогда Александр, Павел и Петр Григорьевичи “для лучшего в экономии наблюдения согласно и полюбовно” разделили между собой наследство на три части. Суксунские заводы достались старшему брату Александру, который в 1767 г. прикупил к ним Уткинский и строившийся Камбарский железные заводы (вместе с частью Высокогорского железного рудника) от пожелавшего расстаться со своими заводами среднего брата Павла. Появившийся таким образом в составе владений А. Г. Демидова наряду с медеплавильным железоделательный комплекс получил свое развитие и завершение благодаря достройке Камбарского, строительству Тисовского и Молебского и реконструкции остальных заводов Суксунского горнозаводского округа, территория которого в начале XIX в. простиралась на 400 тыс. дес. беспорной земли¹⁰³.

Действительный статский советник Александр Григорьевич Демидов владел округом 38 лет до своей кончины 8 февраля 1803 г. По наследству заводы переходили его сыну гофмаршалу и действительному камергеру Григорию Александровичу и в “указной” части вдове Прасковье Матвеевне (урожденной Олсуфьевой). 26 июня 1803 г. в Петербургской гражданской палате между матерью и сыном была заключена “запись”, по которой П. М. Демидова “по собственному своему желанию и по доброй воле” передала в полное управление и распоряжение сына свою часть имения. Взамен сын брал на

себя обязательство выдавать матери ежегодно “на ее надобности” столько денег, сколько причитаться будет на “вдовью” часть из доходов имения, что и продолжалось до смерти Прасковьи Матвеевны в 1813 г.¹⁰⁴

Во владении Г. А. Демидова начинается упадок и разорение Суксунских заводов: они лишаются оборотного капитала, производство железа сокращается почти вдвое (с 263 тыс. пуд. в 1807 г. до 120 тыс. пуд. в 1822 г.)¹⁰⁵. Испытывая затруднения в обеспечении заводов финансами, Демидов обращается к займам в кредитных учреждениях и у частных лиц. Уже в 1807 г. он заложил 3084 рев. д. мастеровых в Государственном Заемном банке на сумму 185 тыс. руб. на восемь лет. В 1813 г. долг этот был отсрочен еще на 12 лет, но оказалось, что и к новому сроку он не будет полностью выплачен¹⁰⁶. Уже в 1822 г. заводы не сумели выплатить вовремя горную, подушную и другие подати и, по свидетельству Пермского Горного правления, “затруднялись в содержании мастеровых и рабочих людей от недостатка провианта и денег”.

По объяснению самого владельца, произошло это от того, что металлы, отправленные в 1821 г. в Таганрог, Нижний Новгород и Москву, остались непроданными, а находящиеся в Петербурге были заложены в Государственном Коммерческом банке “на удовлетворение необходимостей”. “Знавши недостаток при заводах моих в деньгах и при том имея о соблюдении оных в должном порядке особенное попечение, — оправдывался владелец, — а средств, коими мог ныне вышедшую неприятность без пособия правительства отвортить, никаких не было”. Рассчитывая исключительно на помощь властей, Григорий Александрович обратился к министру Д. А. Гурьеву с просьбой выдать под залог металлов, имеющихся в Москве, 100 тыс. руб., но, по его словам, “Его Сиятельство неизвестно почему ни сей моей просьбы удовлетворить, ниже другое пособие учинить не благорассудило”. Именно министр, не прореагировавший на “справедливое и необходимое требование” Демидова, вкупе с “общим стеснением коммерции и дороговизной провианта”, и стал, по мнению заводчика, виновником “расстройства” его заводов. Обвинение Гурьева оказалось, правда, преждевременным: по его приказу Горный департамент выделил Суксунским заводам 25 тыс. руб. “из сумм, находившихся в его распоряжении”. Но этого было явно недостаточно, в чем мог лично убедиться пермский берг-инспектор, когда в апреле того года посетил заводы Демидова. “Означенных денег стать может на весьма короткое время, — свидетельствовал он, — и достаточных способов на поддержание полного действия заводов [со стороны владельца] не предвидится”¹⁰⁷.

Между тем весной 1823 г. состояние заводов настолько ухудшилось, что, по словам владельца, обнаружилось “в людях неповиновение”. Дело дошло до того, что приказчики и заводский исправник перестали выполнять предписания хозяина. В его глазах на этот раз именно они явились главными виновниками “беспорядков” на заводах. Вновь последовала жалоба министру, который обязал Горное правление следить, чтобы “требования Демидова без должного выполнения не оставались”. Но не будучи вполне уверен в их “удобоисполнимости”, Д. А. Гурьев потребовал от исправника “неукоснительно уведомлять” о таковых самого Демидова и доносить в Горное правление¹⁰⁸.

На следующий год Демидов вновь подал прошение о залоге еще 2,5 тыс. рев. д. “на правилах 12-летних займов с зачетом из сей ссуды долга его Заемному банку”. В мае 1824 г. царь санкционировал эту просьбу. Но, когда банк уже перечислил часть предоставленной ссуды в 375 тыс. руб., выяснилось, что кроме банковского на демидовских заводах “висели” и другие долги. Так, недоимка по казенным податям достигала

24,7 тыс. руб., долг по ссудам, выданным горными властями, – 39 тыс., и более 56 тыс. руб. заводы задолжали частным лицам. Поскольку и эти долги следовало удержать из ссуды, правление банка приостановило ее выдачу. Демидов настаивал, что только “ускорение предложенного им займа доставит ему ближайшее средство восстановить благоденствие на заводах”. Горный департамент, посчитав, что единственная причина их “расстроенного” положения заключается в недостатке оборотных капиталов, согласился с мнением заводовладельца. В результате ссуда была выдана полностью и даже без вычета долгов, обеспечение которых предоставлялось самим заводам в счет отправленных на ярмарку металлов¹⁰⁹.

Заключительным аккордом в действиях гофмейстера и действительного камергера Г. А. Демидова как владельца Суксунского округа стал перезалог заводов, осуществленный в мае 1826 г. Тогда из Засемного банка он получил 1 382 500 руб. на 24 года под залог семи заводов (за исключением Уткинского) и 5530 рев. д. при них. Согласно просьбе Демидова, из этой суммы был погашен прежний долг банку в 375 тыс. руб. с набегавшими процентами¹¹⁰.

19 января 1827 г. Григорий Александрович скончался. Его наследники – вдова Екатерина Петровна (урожденная княжна Лопухина), сыновья кавалергардского полка штаб-ротмистр Александр и корнеты Петр и Павел, а также незамужняя дочь Анна, фрейлина императрицы, 14 мая того же года заключили между собой “миролюбивую запись о неразделе недвижимого имения”. На то время это имение состояло из Суксунских заводов и деревни Поздняки в Пермской губернии (6988 рев. д.), мызы в Московском (при с. Петровском с деревнями; 235 рев. д.) и мызы Тайцкой в Царскосельском (при с. Александровском с деревнями; 511 рев. д.) уездах, а также двух домов в Петербурге (во 2-й Адмиралтейской и Васильевской частях) и по одному в Москве (в Мясницкой части), Перми и Екатеринбурге. В нераздельное имущество были включены также доставшееся Григорию Александровичу в 1822 г. (видимо, по наследству от умершего бездетного брата Петра) имение в Нижегородской губернии (с. Криуш и Покровский Майдан с деревнями; 1081 рев. д.) и купленное в 1821 г. имение в Тульской губернии (дер. Куруловка; 17 рев. д.). Ценность всей недвижимости владельцы определили “по совести” в 750 тыс. руб.

В соответствии с совершенной “записью”, имения передавались в совместную собственность трех сыновей с полной ответственностью их по долгам отца. Матери сыновья обязались выплатить 297 190 руб., “кои родитель наш должен по расчетам собственно родительнице нашей”, и пожизненно предоставлять из заводских доходов по 12 тыс. руб. в год. Екатерина Петровна могла проживать в петербургских или московском домах Демидовых с оплатой прислуги за свой счет. Сестра Анна получала от братьев по 3 тыс. руб. в год и возможность проживать в их домах до выхода замуж. В приданое ей назначались 200 тыс. руб. Поскольку при разделе собственности “раздробление заводам не делалось”, Горный департамент утвердил “нераздельный” акт 28 июля 1827 г.¹¹¹

Незадолго до этого, 6 мая, Петербургская дворянская опека назначила, по-видимому, тогда же вышедшего в отставку ротмистра Александра Григорьевича Демидова единственным попечителем над своими несовершеннолетними братьями, как они сами писали, “для совету и защиты в делах наших”. Следствием этого стало утверждение старшего брата в качестве “единственного распорядителя совместного имения”. 3 апреля 1828 г. в своем прошении в департамент он сообщал, что “по нахождению братьев моих кавалергардского полка корнетов Петра и Павла в службе, не имея времени заниматься уп-

равлением нераздельного между нами наследственного имения, рассудили мы за благо поручить управление одному мне, на что и уполномочили меня законной доверенностью”. “Мы вам, братцу и попечителю нашему, верим, – удостоверили Петр и Павел Григорьевичи, – равно и тем, кому вы доверите, верим же, и что сами и доверенные от вас учините, впредь спорить и прекословить не будем”¹¹².

Управление Александра Григорьевича Демидова Суксунскими заводами началось в условиях, когда, по донесению исправника, мастеровые “начинали уже ослушиваться и были близки к волнению”. Опасения исправника не были беспочвенными. 1 апреля к нему обратились заводские углепоставщики, жаловавшиеся на нанятого владельцами управляющего обер-бергмейстера Мейера, бывшего горного начальника Гороблагодатских заводов. По образцу правил о казенных непременных работниках он ввел новый распорядок углепоставки, но “без снабжения другими против тех работников выгодами, как-то лошадьми, упряжью и прочим”. По словам исправника, рабочие восприняли новые правила как “невыгодные и стеснительные... объявили неудовольствие и начинают делать волнение”. Серьезность положения потребовала даже приезда пермского бергинспектора, “дабы предупредить всякое неустройство по сим заводам от неудовольствия людей”. Горные власти обязали суксунское заводоуправление в точности руководствоваться правилами о непременных работниках “впредь до общего положения об улучшении состояния заводских людей”¹¹³.

Уступки рабочим потребовали, видимо, дополнительных средств. Выход был найден в получении очередной ссуды. В июле 1828 г. А. Г. Демидов просил выделить 437 700 руб. под заклад 1459 рев. д. Уткинского завода. 20 мая 1829 г. последний завод Суксунского горнозаводского округа, еще остававшийся свободным от залога, был взят в Заемный банк под ссуду в 364 700 руб.¹¹⁴ После смерти тетки графини Софьи Александровны Головкиной (урожденной Демидовой) в 1831 г. братьям достались также ее имения в Тульской и Новгородской губерниях¹¹⁵.

Полученные займы и новые доходы принесли реальную пользу заводам: в 1832 г. здесь было выплавлено до 8 тыс. пуд. меди, 389 тыс. пуд. чугуна, из которого выделано более 210 тыс. пуд. разноразного железа. Кроме того в заводских дачах были открыты золотые россыпи, а для более успешной торговли в Таганроге куплены два каменных магазина. Тем не менее огромные долги и ежегодные выплаты по ним так и не позволили составить оборотный капитал и поправить финансовое положение заводов. Александр Григорьевич (перешедший в гражданскую службу с чином коллежского асессора), по-прежнему управлял заводами, в то время как Петр еще служил, а Павел, выйдя в отставку, отправился “на неизвестное время” за границу. В такой ситуации владельцы решили совсем расстаться с заводами. Инициатором этого намерения скорее всего выступил Александр Григорьевич, особенно хорошо представлявший безнадежное финансовое состояние округа.

Именно он 13 декабря 1832 г. от лица всех владельцев подал прошение царю, в котором сообщал, что они “стесняются скорою и точною уплатою... весьма значительных долгов” и единственным способом расплатиться с ними считают продажу заводов. Однако, полагал он, “по огромности имения” вряд ли найдутся “частные покупатели”, а потому просил монаршего соизволения принять Суксунские заводы в казенное владение. По предложенным Демидовыми условиям за 6987 рев. д. заводских крестьян казна должна была заплатить (по 800 руб. за душу) 5 589 600 руб. Владельцев не смутило то,

что эта впечатляющая сумма в 7,5 раз превышала оценку всего демидовского имения, сделанную ими “по совести” всего пять лет назад. За вычетом 1 644 710 руб. долгов Заемному банку, на руки они предполагали сразу же получить 1 544 889 руб., а “достальные за сим 2,4 млн руб. в продолжении пяти лет с наложением на оные процентов, законом установленных”.

Рассмотрев прошение, граф Е. Ф. Канкрин нашел, “не касаясь высокой цены, требуемой просителями”, что “предлагаемые ими заводы вовсе для казны не нужны, так как она собственных заводов имеет достаточное количество для удовлетворения всех надобностей армии и флота”. В январе 1833 г. уже Комитет министров отказал Демидовым, высказавшись в их адрес еще более резко. “Признавая со своей стороны, – записано в его журнале, – что приобретение сих заводов, не упоминая уже о выпрашиваемой за них Демидовыми непомерной цене, во всяком случае может обратиться только к отягощению казны и ни в каких видах пользы не обещает, полагаем заключение министра финансов об отказе в просьбе, как совершенно основательное, утвердить”¹¹⁶.

Видимо, этот отзыв подтолкнул Александра Григорьевича в одностороннем порядке принять решение отказаться не только от управления, но и владения заводами. В 1833 г. состоялся раздел общего имения, по которому старший брат “по добровольному соглашению” передал свою долю участия в Суксунских заводах двум младшим братьям – флигель-адъютанту и штаб-ротмистру кавалергардского полка Петру и отставному поручику лейб-гвардии гусарского полка Павлу¹¹⁷, получив, по-видимому, вотчинные имения в центральных губерниях России (которые более не упоминаются во владении младших братьев) и денежную компенсацию (в дальнейшем скорее всего переведенную в акции Товарищества Суксунских заводов). Отказ А. Г. Демидова в пользу никогда не занимавшихся заводскими делами братьев не мог не усугубить положение заводов. В их владении Суксунский округ оказался на грани полного банкротства и пережил ряд преобразований не только в управлении, но и во владении.

В мае 1834 г. сюда был направлен горный чиновник, который нашел заводы “в самом затруднительном положении” и сделал заключение, что “они без особого пособия действовать не могут”. В июне была остановлена домна Молебского завода “за неимением железных руд”. Горное правление просило министра финансов “о понуждении владельцев к безостановочному поддержанию заводов для собственной их пользы”. Демидовы отозвались, что, имея “близкие сведения о заводах”, они “не признают их в столь крайнем положении, как Уральское Горное правление доносит”. Хотя молебская печь действительно остановлена, сообщали они, но действуют две уткинские и выплавляется медь на Ашапском и Бымовском заводах, материалы заготовлены почти на всю годовую потребность и поступили на заводское содержание 389 тыс. руб. “Все сие, конечно, не представляет еще достаточного снабжения заводов... – заключали владельцы, – но не менее того самые заводы в действии своем беспрерывны”¹¹⁸.

Объяснение это в Горном правлении сочли “не во всех частях справедливым”, сославшись на донесение заводууправления, что у него нет ни денег, ни провианта, а главное, надежды на присылку денег от Демидовых. Подтверждением тому явилась остановка в ноябре 1835 г. двух медеплавильных печей Бымовского завода. Резко возросли в это время и долги Суксунского округа. Если до Нижегородской ярмарки 1834 г. “частные

претензии” составляли несколько более 67 тыс., то после нее они увеличились вдвое. Сверх того не заплачена была подушная подать за прежние годы на сумму в 11 838 руб. и все заводы по-прежнему находились под залогом на огромную сумму¹¹⁹.

Осознание критической ситуации заставило владельцев изменить прежний оптимистический взгляд на свое управление и решиться на нелегкий шаг: подать прошение царю об установлении над ними попечительства. В февральском 1835 г. указе Сената с оттенком таинственности говорилось о том, что “в уважение объясненных ими причин, препятствующим им распоряжаться своим имением, состоящим главное из заводов, обремененных значительными казенными и частными долгами... дозволяется учредить для управления и распоряжения всеми имениями Петра и Павла Демидовых... Попечительство из лиц, ими избранных”. Таковыми стали генерал-адъютант князь Алексей Яковлевич Лобанов-Ростовский, действительный статский советник Егор Антонович Энгельгардт и директор Государственного Заемного банка статский советник Н. Попенполь. Попечительству предоставлялось право “вступать во все права Демидовых и управлять и распоряжаться всем без изъятия их имением непосредственно без их соучастия”. Оно прежде всего должно было “обратить внимание на устройство заводов, снабдить оные всеми необходимыми потребностями для безостановочного действия и вообще стараться об усилении доходов с имения”. Обязанностью Попечительства являлась также уплата всех долгов “из доходов имения, уделяя из них часть и на содержание Демидовых”. Участие последних предусматривалось только в случае продажи имения, если бы возникала такая необходимость для покрытия всех долгов. Завершался указ знаменательными словами о том, что “предметом всех сих распоряжений есть единственно домашнее попечение об устройстве имения Демидовых и скорейшей уплате их долгов”¹²⁰.

22 февраля 1835 г. Попечительство было открыто в Петербурге в доме, принадлежащем Демидовым в Васильевской части (4-й квартал № 19 и 68). В марте оно выделило 100 тыс. руб. на заготовку провианта и других заводских припасов и стало хлопотать об отсрочке на четыре года платежей Заемному банку на общую сумму 1 747 200 руб. асс. Царь разрешил допустить эту льготу “с тем, чтобы по прошествии первых трех лет приступить к описи заводов”. Это было своего рода предупреждением о возможной публичной продаже заводов в случае “неисправности в платеже банковского долга”. Когда наступил срок описи заводов, долг банку достиг с учетом набежавших процентов уже 2 391 100 руб. Для описи были составлены правила, утвержденные по этому случаю в 1838 г. “для частных имений, назначенных в продажу по неисправности платежей кредитных установлений”. Чиновник, составлявший опись, оценил Суксунские заводы в 3 550 161 руб. и посчитал, что они могут приносить чистого дохода до 267 тыс. и даже до 300 тыс. руб.¹²¹

Однако до продажи заводов дело не дошло. Вероятно, этому поспособствовали влиятельнейшие демидовские попечители, особенно после того, как в их состав вошли обер-гофмейстер, член Сената и Государственного Совета граф Павел Иванович Кутайсов (в марте 1836 г.) и всесильный начальник III Отделения генерал-адъютант граф Александр Христофорович Бенкендорф, дочь которого Софья стала женой Павла Григорьевича Демидова. Мало того, что прежние долги были рассрочены на 37 лет, в 1843 г. было получено “Высочайшее соизволение изыскать способы для доставления Суксунским заводам ссуды в 1,6 млн руб. сер.”. Хотя предоставление такой беспрецедентной по масштабу государственной помощи было крайне проблематично, под нее Уральское Горное правление ссудило заводы 150 тыс. руб. сер. на три года (рассроченных в 1844 г. еще на год)¹²².

Оправдываясь за этот шаг перед управляющим Министерством финансов, который нашел, что “вовсе не следовало выдавать столь огромную сумму заводам, обремененным большими долгами”, Горное правление отмечало, что Суксунские заводы “приходят в упадок единственно от недостатка оборотного капитала, необходимого не только для своевременной выплаты заработков рабочим, но и для заблаговременной закупки провианта и других заводских припасов”. Для удовлетворения этих “первейших заводских потребностей” приходилось продавать еще не выплавленные металлы под залог и по заниженным ценам. В результате заводы не получали той прибыли, на которую могли бы рассчитывать, имея они достаточный оборотный капитал. Получив ссуду, считали в Горном правлении, заводы приобретут оборотный капитал и тем самым “умножат выгоды казны и уплатят лежащие на них долги”. К тому же, по мнению чиновников, имелась в виду и выгода казны “получением за рассрочку больших процентов и что рассрочка сделана была по особой просьбе попечителя покойного графа Бенкендорфа”. Последний аргумент был, по-видимому, настолько убедительным, что в 1846 г. этот казенный долг был рассрочен еще на 10 лет и сверх того получено царское повеление выдать в ссуду Суксунским заводам из Горного правления до 50 тыс. руб. сер. В более же масштабной помощи, на которую тогда рассчитывали Демидовы и Попечительство, было отказано.

Однако выделяемых денег вновь не хватило на составление оборотного капитала, и положение с долгами заводов не поправилось. В 1847 г., по сообщению Горного правления, несмотря на все меры, Суксунские заводы не имели провианта для продовольствия людей, числом свыше 19 тыс. чел., а Попечительство “вместо принятия решительных мер всегда ограничивалось одними только обещаниями, а оттого в течение почти пяти лет заводы ни один раз не были обеспечены полным запасом хлеба, а люди нередко были удовлетворяемы вместо провианта деньгами, составляющим для мастеровых то неудобство, что они для покупки хлеба должны отлучаться в ближайшие торговые места всегда с потерей рабочего времени, а иногда может быть и с переплатой противу выданной им цены”. Попечительство оправдывалось тем, что затратило огромные средства “для перестройки старых ветхих фабрик, так и для возведения нового устройства водяных колес, мехов и прочих частей механизма”, в результате чего доходы заводов увеличились с 1834 г. в три раза и достигли в 1846 г. 700 тыс. руб. асс., несмотря на снижение цен на железо на 20 %¹²³.

Утратив прежнюю поддержку горного начальства, Попечительство предприняло ряд решительных мер. Вначале свои заводы посетил полковник Петр Григорьевич Демидов с целью “обозрения и распоряжения, как он найдет лучшим для снабжения их деньгами и провиантом”. В апреле 1847 г. Попечительство, состоявшее тогда из действительных статских советников Петра Андреевича Делинь и Дмитрия Николаевича Замятина (в то время члена Хозяйственного комитета при Сенате, в будущем министра юстиции и одного из авторов судебной реформы 1864 г.), подало прошение министру финансов о взятии Суксунских заводов “в полный казенный присмотр”. Оно просило рассрочить оставшийся банковский долг (563 200 руб. сер.) вновь на 37 лет, полагая, что “пересрочка сия и взятие заводов в казенный присмотр неминуемо восстановят благосостояние заводов”, или выдать обещанную еще четыре года назад ссуду в 1,6 млн руб. Со своей стороны Попечительство намеревалось “употребить всевозможные старания к продаже некоторых из заводов, один от другого совершенно отдельных и независящих” (предполагалось, что это могли быть медеплавильные Бымовский и Ашапский заводы) для покрытия частных долгов и “сохранения Демидовым остального их достояния”.

Правда, уже через полмесяца оно поспешило отказаться от последнего намерения, убедившись в невозможности привести его в исполнение по той причине, “что в России весьма мало таких капиталистов, которые могли бы одним лицом располагать достаточною суммою для покупки не только всех, но даже и части Суксунских заводов”. Когда было отказано в ссуде, Попечительство предложило два новых варианта решения проблемы: либо продать заводы казне, что было явно нереально, либо составить “компанию на акциях”, что представлялось вполне возможным. Поскольку “преобразование такого рода не было ясно определено в законах”, попечители предлагали составить особые, своего рода компромиссные правила для участников. По их мнению, право приобретать акции (а значит и стать совладельцами горных заводов) могли получить не только дворяне, почетные граждане и купцы 1-й и 2-й гильдий (как было установлено указом 1823 г.), но и “все вообще, как российские подданные, так и иностранцы, дабы привлечь большее число желающих участвовать в сем предприятии”. Только директора компании, представлявшие владельцев, избирались бы из лиц, “имеющих право по закону на владение посессионными заводами”¹²⁴.

В обсуждении первого в истории уральской промышленности реализованного проекта акционирования крупного округа принял активное участие главный начальник В. А. Глинка. Наблюдая крайнее положение Суксунских заводов, которые, по его мнению, должны были остановиться к концу года, он посчитал, что составление капитала посредством акционирования потребует длительного времени. “Это предприятие, – писал он министру, – совершенно новое в нашем Отечестве, встретит, конечно, много препятствий и недоразумений, тем более что владельцы не захотят продать имение за низкую цену, и потому... вряд ли это дело, весьма многостороннее, новое и не представляющее блестящих выгод, привлечет к себе акционеров”. Он предлагал вновь дать ссуду заводам в 300 тыс. руб. сер. для составления оборотного капитала с рассрочкой на 24 года и установить “для обеспечения этой ссуды” казенный присмотр. Он также посчитал необходимым ограничить личные расходы Демидовых 10 тыс. руб. в год, а на содержание Попечительства “вообще ничего не отпускать”¹²⁵.

В июле 1847 г. царь утвердил целый пакет “спасительных мер”, которые учитывали и мнение Глинки, и предложения Попечительства. Заводы были немедленно взяты в казенный присмотр с назначением особого горного чиновника, а главному начальнику разрешалось выделять “из свободных сумм только самое необходимое по ближайшему его соображению количество денег с обеспечением их металлами”. Горные власти обязывались строго наблюдать, чтобы все прибыли обращались на погашение долгов Демидовых, которым разрешалось выдавать на содержание всего 10 тыс. руб. сер. и то “только в таком случае, когда заводское действие будет обеспечено и ежегодные срочные платежи по долгам будут производиться вполне”. Попечительству был назначен годовой срок для продажи заводов “компании на акциях”. В случае просрочки их предполагалось пустить в публичную продажу “по правилам Заемного банка”¹²⁶.

Вслед за первым переводом долгожданных казенных денег, которые заводу управление уже отчаялось получить, В. А. Глинке пришло благодарственное письмо, свидетельствующее о степени накала ситуации на заводах. “Благоразумным начальническим Вашего Превосходительства покровительством и вниманием присылкою в Главную контору Сук-

сунских заводов денег, – писали приказчики, – обрадовали с благодарением Богу заводской народ, страждущий в известной Вашему Превосходительству нужде, и оживотворили к трудам для заводов полезным, Вашим Превосходительством ожидаемым”¹²⁷.

Управляющим от казны был назначен инженер-майор М. И. Фелькнер, обнаруживший по прибытию в заводской кассе наличными всего 8 182 руб. В то же время на попечителей поступили жалобы от иностранного негоцианта Скараманги и новгородского купца Кузнецова за невыполнение в срок договоров по поставке крупных партий закупленных ими металлов. Те оправдывались, что вместо ожидаемой выковки в 1846/47 заводском году 400 тыс. пуд. железа “по несвоевременной и недостаточной высылке в заводы сумм, потребных на их содержание”, было произведено только 258 тыс. пуд., которыми “были удовлетворены другие покупатели по обязательствам, заключенным ранее”. При этом попечители обвинили горное начальство в секвестре металлов за казенные недоимки¹²⁸. В результате Попечительству, по мнению чиновников Уральского Горного правления, доказавшему “совершенное свое бессилие”, было запрещено распоряжаться “заводскими произведениями, капиталами, запасами и продажами”. Уполномоченному от него разрешалось только “сообщать полезные для заводов предположения местному управлению, а от сего последнего будет зависеть, принимать их или нет”¹²⁹.

Тем не менее попечители не бездействовали. Уже в начале 1848 г. они вошли с предложением к министру финансов Ф. П. Вронченко о составлении Товарищества Суксунских горных заводов “с преимущественным участием в нем кредиторов Демидовых”. Дело было рассмотрено в Комитете министров и с его одобрения представлено царю, который 7 мая 1848 г. утвердил Устав Товарищества. В соответствии с ним целью компании провозглашалось “устройство” заводов, которые по количеству ревизских душ (9,4 тыс. по 250 руб.) были оценены в 2350 тыс. руб. сер. Уступив 50 тыс. руб., Петр и Павел Демидовы продавали все свои заводы компании. За вычетом долгов, предполагалось выпустить от 3,6 тыс. до 4 тыс. паев на сумму от 1,8 до 2 млн руб. по 500 руб. сер. каждый. Паи подразделялись на два вида: обыкновенные для кредиторов и с премией (в один дополнительный процент) для тех, кто вступал в Товарищество “с наличными деньгами для составления оборотного и запасного капитала”. Предложение Попечительства о расширении состава акционеров было принято только в отношении иностранцев. На российских подданных распространялись действующие правила 1823 г. По уставу прибыль шла в первую очередь на уплату казенных долгов, а остаток распределялся между акционерами. В одном из пунктов Устава по настоянию Демидовых было записано, что через 12 лет заводы должны быть возвращены им в собственность через покупку паев по нарицательной цене с прибавкой в 10 %, то есть по 550 руб. за пай. Из пайщиков составлялось Общее собрание, которое избирало ежегодно кооптируемых пяти директоров, в число которых могли входить участники, имеющие не менее 20 паев¹³⁰.

31 августа Товарищество заключило контракт с Демидовыми и Попечительством (которое прекращало свою деятельность) о поступлении Суксунских заводов в его управление сроком на 12 лет. В первый состав директоров были избраны действительный статский советник граф Александр Михайлович Борх, генерал-майор Иван Александрович Фуллон, действительный статский советник Густав Васильевич Лерхе, петербургский купец 1-й гильдии Антон Антонович Гитасов и Павел Григорьевич Демидов. Правление разместилось в Петербурге на Галерной улице в доме графа Борха.

Первым делом директора предприняли перезалог заводов на новый 37-летний срок, что “нашло сочувствие у императора”. К этому времени долг Суксунских заводов Заемному банку составлял 549 165, Государственному казначейству – 305 883 руб. и Горному правлению – 40 тыс. руб. сер. Уже в мае 1848 г. перезалог был разрешен на равную долгам сумму в 893 тыс. руб., выданную исключительно для их погашения. Тем не менее эта кредитная операция, не принесшая дополнительных капиталов, была полезна для Товарищества, поскольку давала основания для снятия с заводов казенного присмотра. “В настоящее время, – писали директора В. А. Глинке, – ни к возвращению долга из сумм, вырученных заводами за металлы, ни к обеспечению оного посредством секвестра металлов, нет уже основания”.

В сентябре казенный присмотр был снят, а в январе 1849 г. Товарищество “вошло в управление” заводами, попросив оставить в качестве управляющего майора М. И. Фелькнера, “как одного из лучших горных инженеров, доказавшего особенное его усердие... и в первый год управления сделавшего уже многие усовершенствования, обещающие Товариществу значительные выгоды”. Директора даже ходатайствовали перед главным начальником о награждении Фелькнера, который был произведен в подполковники почти одновременно с назначением самого Глинки генералом от артиллерии. Фелькнер был оставлен на Суксунских заводах “без обозначения на то срока”¹³¹.

Однако найм опытного управляющего вовсе не гарантировал стабильного финансирования заводов. По сведениям Ю. А. Буранова, именно его отсутствие вместе с крайней бесхозяйственностью, нерациональностью производственных связей и обстоятельствами общего характера послужили причинами убыточности компании. Желаящих приобрести акции фактически обанкротившихся заводов, по-видимому, много не нашлось, вследствие чего состав акционеров оказался довольно узким, ограниченным в основном бывшими кредиторами Демидовых. Поскольку, вступая в компанию, они не приносили с собой капиталов, банковский долг так и не был выплачен, не пополнился и оборотный капитал заводов, а 12-й год деятельности Товарищества (1859/60) принес 118 тыс. руб. убытка¹³². 1 сентября 1860 г. состоялось очень важное общее собрание акционеров, на котором директора (тогда ими были А. Борх, Л. Соколовский, Г. Лерхе, А. Гитасов и А. Перетц) предоставили отчет за 11 лет деятельности Товарищества. В соответствии с ним ежегодно на Суксунских заводах (располагавших к тому времени 439 тыс. дес. земли, включая 298 тыс. дес. леса, и 12 521 рев. д. крепостных) выплавлялось средним числом 11 636 пуд. меди и 309 453 пуд. железа, валовый доход от продажи которых составлял 455 919 руб. За исключением из него расходов на заводское действие (342 012 руб.) и по управлению (7115 руб.), ежегодная чистая прибыль компании простиралась до 106 791 руб., а средний дивиденд составлял 11 руб. 32 коп. или 2,5 % на обыкновенную акцию по ее нарицательной цене. Самый высокий дивиденд в 20 руб. был выплачен в 1857/58 г., но уже на следующий год он сократился всего до 6 руб. В результате цена акций при номинале в 500 руб. упала наполовину. Директора констатировали, что падение прибыли произошло тогда “от господствовавшей на Урале в течение трех последних лет непомерной дороговизны провианта, которая повлекла за собой возвышение цен на все другие необходимые заводам припасы, задельные платы, перевозки и прочее”¹³³.

Механизм финансирования заводов Товариществом и причины невысоких доходов попытался объяснить в личной записке, составленной в 1861 г. для министра финансов, граф А. М. Борх. Заводы, сообщал он, “были приняты в 1848 г. без оборотного капитала,

без достаточных запасов и с устройствами устаревшими, которые требовали улучшений, соответственных успехам горнозаводского дела. Без денежных средств исполнить сии улучшения, и в неизвестности, останутся или нет заводы во владении Товарищества, не было никакой возможности... Приготовленные металлы до продажи надобно было закладывать в Коммерческом банке, чтобы выручить деньги на продолжение заводского действия, а потом продать их, по крайней нужде, дешевле других заводчиков, чтобы расплатиться в срок с долгами. Подобное натянутое положение могло оставаться только до первого нового затруднения в денежных оборотах, которое ныне и последовало от непомерного увеличения цен хлеба". Кроме ежегодных займов денег под залог металлов, Товарищество выпросило у правительства в 1854 г. отсрочку платежа процентов по залoгу заводов на четыре года. В 1857 и 1858 гг. из Государственного казначейства по личной просьбе Петра Григорьевича Демидова было выделено заводам еще 55 тыс. руб. сер.¹³⁴

Вышеприведенные факты свидетельствуют, что первое на Урале акционерное общество по сути своей вовсе не являлось таковым. По замечанию А. М. Борха, оно было составлено "из демидовских кредиторов ["большей частью людей недостаточных"], самих заводчиков и лишь некоторых лиц, внесших за паи наличные деньги", а потому действовало не на средства пайщиков, а за счет залогов, казенных ссуд и льгот по платежам. Кроме того, неопределенность в вопросе о собственности на заводы, внесенная желанием Демидовых выкупить их у Товарищества через 12 лет, вовсе не стимулировала акционеров делать крупные инвестиции на развитие и совершенствование заводского производства.

Срок деятельности Товарищества Суксунских горных заводов, определенный Уставом, истекал 1 сентября 1860 г. Поэтому на проведенном тогда общем собрании необходимо было принять непростое, как для пайщиков, так и для Демидовых, решение о переходе Суксунских заводов в собственность компании, поскольку прежние владельцы "не воспользовались предоставленным им в § 3 Устава правом выкупа паев".

К тому времени действительный статский советник и камергер Павел Григорьевич Демидов уже скончался (30 июня 1858 г.). По духовному завещанию, составленному 22 июня 1857 г. во Флоренции, где последние годы проживал тяжело больной заводчик, он уступил все свое достояние, заключавшееся в 989 паях Товарищества Суксунских заводов, жене Софье Александровне (урожденной графине Бенкендорф) с правом распоряжения дивидендами. Когда цена акции достигнет хотя бы 300 руб., она должна была их продать и из вырученных средств уплатить долги мужа, а оставшиеся деньги "потратить на покупку имения на имя детей в Южной России или где найдет выгоднее". В благодарность жене за "нежное попечение во время тяжелой и продолжительной болезни" Павел Григорьевич предоставлял ей все свое движимое имущество ("в серебре, мебели, посуде и прочем") и просил "из галереи картин моих выбрать себе те, которые ей более нравятся", а оставшиеся продать. Половину вырученной суммы он распорядился "употребить на уплату долгов", а другую – на содержание Храма во имя Христа Спасителя в Бессарабском имении жены или, "если это по обстоятельствам будет невозможно, в имении, которое будет ею приобретено", где он просил захоронить и свои "бренные останки". "Благословляю ее и детей моих, – писал завещатель, – и умоляю сих последних [11-летнего Александра и 10-летнего Григория] во всем повиноваться матери, любить и почитать ее выше всего. Между собою жить всегда в дружбе, потому что лучше брата друга в свете не может быть". 29 января 1860 г. это завещание было исполнено, и Софья

Александровна, недавно вышедшая замуж за князя С. В. Кочубея, стала обладательницей крупного пакета акций умершего первого мужа¹³⁵. Но выкупать родовые демидовские заводы у Товарищества наследница, по-видимому, не собиралась, да и по завещанию не имела права.

В отличие от нее, страстно желал выкупа генерал-адъютант Петр Григорьевич Демидов, к тому времени владевший 330 паями. Лично ему принадлежали также Тайцкое имение под Петербургом (390 рев. д. и 2250 дес.) и Новопетровская лесная дача (2,5 тыс. дес. с двумя деревнями и 38 рев. д. крестьян). Вся эта недвижимая собственность оценивалась в 420 тыс. руб. и находилась в залоге по казенным и частным долгам, достигавшим примерно равной суммы в 410 тыс. руб. Будучи фактически полным банкротом, Петр Григорьевич, естественно, не мог осуществить выкуп. Еще весной-летом 1860 г. он вместе с сыном Николаем “прилагал самые деятельные усилия... приискать необходимый для выкупа заводов капитал”, но, видимо, не нашел сочувствия ни в Министерстве финансов, ни у частных лиц. Так, в мае предложение купить Суксунские заводы поступило в Петербургское правление родственников Демидовых, владельцев Нижнетагильского округа, но было расценено как афера и отклонено¹³⁶.

Тогда 26 августа 1860 г. корнет кавалергардского полка Н. П. Демидов обратился непосредственно к императору с просьбой помочь своему генерал-адъютанту, оказавшемуся “в крайне затруднительном положении... угрожающем совершенному разорению семейства нашего”. Сын просил ссудить из капиталов Комитета о раненых 1,4 млн руб. сер., необходимых для выкупа заводов, обещая выплачивать на них вместо положенных 4 по 5 % годовых. Александр II направил прошение Демидова в военное министерство, в ведении которого находился Комитет, для общего заключения. Министр Н. О. Сухозанет усомнился в возможности и выгоды сделки. Хотя Комитет о раненых являлся коммерческой организацией и мог выдавать ссуды, но не столь значительные и под надежное обеспечение, каковым Суксунские заводы не являлись. В случае их несостоятельности, посчитал министр, “необходимо будет учредить хозяйственное управление от Комитета, но подобная мера весьма затруднительна для него и вместе с тем едва ли будет иметь желанный успех”. К тому же единовременное изъятие столь значительных средств, по его мнению, понизит ценность фондов Комитета, которыми “обеспечивается существование раненых войной и семейств их”¹³⁷.

Пока окончательное решение о ссуде не было принято и оставалась надежда на милость императора, Николай Петрович по доверенности отца попросил у собравшихся 1 сентября 1860 г. акционеров отсрочку по выкупу. Хотя Демидовы предлагали купить акции не по номиналу, как предусматривалось в Уставе, а по рыночной цене (250 руб. за обычную и 300 руб. за акцию с премией), собрание пошло им навстречу и единогласно постановило “не взирая на истекший уже срок... составить проект выкупа... и последний срок для предварительного заключения условий и взноса денег назначить на 15 октября в полдень”. В дальнейшем этот “последний срок” был еще продлен до 1 января 1861 г., что свидетельствует о горячем желании пайщиков расстаться с акциями и вернуть наконец свои капиталы, так неосмотрительно вложенные в демидовские предприятия. Товарищество в это время оказалось вовсе не в состоянии поддерживать деятельность заводов. Еще в сентябре 1860 г. оно просило у правительства новой отсрочки платежа процентов по банковскому долгу, сложении или отсрочки платежей по предполагаемой купчей крепости на заводы и нового казенного займа в 300 тыс. руб.¹³⁸

Утратив все надежды на получение ссуды, а значит, и возвращение заводов, Демидовы тем временем предприняли последнюю попытку спасти хотя бы часть “родового” имения, оставшегося в их собственности. В декабре 1860 г. П. Г. Демидов просил у царя “Всемилоостивейшего” соизволения разыграть заводы в лотерею по примеру проведенных лотерей на имение графа Головина и польские имения Коньяров. “Одна лишь крайность моего положения, – писал отчаявшийся заводчик, – побуждает меня к столь тягостной, но совершенно необходимой мере, лишаящей меня родового имения, пожалованного Императором Петром Великим предку моему за пользу и услуги, оказанные им Отечеству”.

Идею эту поддержал (а возможно, и предложил) опытный в финансовых делах директор А. М. Борх, посчитавший, что “розыгрыш Суксунских заводов в лотерею представляет единственный путь к спасению для акционеров хотя части задолженного ими капитала”. “Восемь заводов, – писал он министру финансов, – по кругу действия их могут быть разделены по крайней мере на три независимые одни от другого в горнозаводском хозяйстве выигрыша, которые, быв освобождены от казенных долгов и имея оборотный капитал, принесут горным промыслом пользу государству и обеспечат благосостояние значительного населения, издавна уже привыкшего к горному труду”. Рассмотрев предложение, чиновники Горного департамента пришли к выводу, что проведение лотереи представляется и “единственным средством спасти заводы от окончательного упадка... ибо те лица, которым они по розыгрышу достанутся, получают их совершенно свободными от долгов и с оборотным капиталом, что даст новым владельцам средства значительно развить и усилить заводское действие”. Поступление же заводов в казенное управление, как альтернатива лотерее, по мнению министра финансов, ввело бы правительство “в большие денежные пожертвования”¹³⁹.

Все заинтересованные стороны, таким образом, увидели свою выгоду в предложенном способе выхода из кризисной ситуации. Однако в феврале 1861 г. Комитет министров отказал в проведении лотереи, ссылаясь на личное мнение императора, “что дозволение розыгрыша лотерей, по известному вреду от оных, должно быть делаемо сколь можно реже, и при том не иначе как с благотворительной целью”. Вместо этого 27 января 1861 г. Александр II санкционировал новую 4-летнюю отсрочку выплат процентов по долгам Суксунских заводов с 1860 г., а 27 мая – ссуду в 200 тыс. руб. сер. на 37 лет из Государственного казначейства. В 1862 г. дополнительно было выделено еще 100 тыс. руб.¹⁴⁰

Однако эти меры сами горные власти оценивали как “только мгновенное, не обеспечивающее заводов на будущее время пособие”. Так и вышло. К 1 июня 1862 г. долг Товарищества достиг 1 086 689 руб. и акционеры не имели средств на поддержание заводского действия. По их ходатайству 6 апреля 1862 г. министр разрешил закрыть “по невыгодности действия” Шаквинский завод. Несколько позже последовало новое прошение уже об учреждении казенного управления. В результате 31 мая 1863 г. по “Высочайшему” повелению Суксунские заводы, “как пришедшие в совершенный упадок”, были приняты во временное управление казны с назначением их в продажу с публичных торгов “на удовлетворение казенных и частных долгов”¹⁴¹. До этого события Петр Григорьевич Демидов не дожил. Он скончался в 1862 г., оставив свой пакет обесценившихся акций вдове Елизавете Николаевне (урожденной Безобразовой) и сыну поручику Николаю Петровичу (впоследствии генерал-майору и первому светлейшему князю Лопухину-Демидову).

С учреждением казенного управления деятельность Товарищества Суксунских горных заводов прекратилась. Не только Демидовы, но и многие из акционеров первой уральской компании оказались разоренными. В их число попал и директор граф А. М. Борх, принявший в том же году пост директора Императорских театров¹⁴². Но часть крупных акционеров, среди которых были вдова А. Г. Демидова Ольга Александровна (урожденная Алединская) и вдова П. Г. Демидова Елизавета Николаевна, а также графиня Елена Завадовская, Елена Захаржевская (дальняя родственница Демидовых), тайный советник Карл Менде и саксонский консул А. Гютшау, в 1865 г. предприняли последнюю попытку вернуть свои деньги. Они просили у царя принять заводы в казну “с выдачею взамен оных выкупных свидетельств” на 875 тыс. руб. сер., по их подсчетам, оставшихся от рыночной стоимости заводов (2,3 млн руб.) за вычетом всех казенных долгов (включая 260 тыс. руб., выделенных уже во время казенного управления). “Если принять в уважение, что с 1 мая 1857 по 1 мая 1858 г. на сих заводах выделано 14 447 пуд. меди и 387 860 пуд. железа и что есть надежда на проведение через Пермскую губернию железной дороги для удобства передвижения металлов и местных продуктов, — убеждали царя бывшие акционеры, — то для казны предвидится со временем огромный доход от означенных заводов”.

Однако, министр финансов М. Х. Рейтерн, как 32 года назад Е. Ф. Канкрин, не дал согласия на вовсе не такое уж привлекательное, на его взгляд, предложение просителей. “В виду огромного долга и нахождения в упадке... а также по нахождению в казенном управлении и назначении в продажу с публичных торгов, ваше ходатайство не может быть удовлетворено за совершенной ненадобностью заводов сих казне, имеющей и без того значительное число собственных горных заводов”, — таково было окончательное резюме власти по делу об обанкротившемся Товариществе Суксунских горных заводов. Да и сами пайщики, видимо, не особо рассчитывали на положительный ответ властей. Когда полиция попыталась уведомить их о принятом решении, то обнаружила в Петербурге только Завадовскую, Менде и Гютшау. Захаржевская к тому времени выехала в Ревель, а где находились обе Демидовы, было и вовсе неизвестно¹⁴³.

Несмотря на то что продажа Суксунских заводов была назначена на январь 1870 г., она не состоялась¹⁴⁴. Казенное управление продолжалось до 1886 г., когда заводы наконец были выкуплены Александром Павловичем Демидовым (сыном П. Г и С. А. Демидовых) за 1,5 млн руб. (из которых наличными были уплачены только 383 860 руб.). Но ему тоже не удалось удержать заводы за своим родом. В 1891 г. А. П. Демидов был объявлен несостоятельным должником, а округ, в котором в то время действовало уже только пять заводов, был распродан по частям, прекратив свое существование как единое целое¹⁴⁵.

1.3. Демидовы (кыштымские и ревдинские)

Тайный советник Петр Григорьевич Демидов, принадлежавший к той же ветви демидовского рода, что и владельцы Суксунского округа, вступил в новый век собственником Ревдинско-Рождественских заводов на Урале. Ревдинский и Бисертский заводы достались ему после смерти отца Григория Акинфиевича по разделу с братьями Александром и Павлом в 1765 г., а Рождественский – по купчей от брата Павла после раздела 1767 г. Верхний Рождественский завод в 1798 г. он построил сам. По 5-й ревизии во владениях Демидова числились 4056 рев. д., из числа которых 1586 рев. д. в 1798 г. были заложены на 25 лет во Вспомогательном банке за 63 тыс. руб. Сверх того к заводам были приписаны 2379 рев. д. государственных крестьян¹⁴⁶.

В начале XIX в. к его родовым владениям прибавилось еще одно имение, находившееся также в собственности демидовского рода, но другой его ветви, идущей от младшего брата Ак. Н. Демидова Никиты. Получение Кыштымских заводов не было для Петра Григорьевича неожиданностью. По утвержденному еще Екатериной II в 1786 г. духовному завещанию его бездетного двоюродного дяди Никиты Никитича Демидова младшего Верхний и Нижний Кыштымские и Каслинский заводы (доставшиеся тому после смерти отца и по разделу 1758 г. с братьями) переходили во владение племянника. Именно в нем, а не в своих ближайших родственниках (брате и родных племянниках), не выказывавших интереса к заводским делам, нашел Никита Никитич, как ему казалось, достойного наследника. Дядя умер 20 ноября 1804 г. и по сенатскому указу от 5 декабря этого года его заводы были закреплены за наследником в вечное и потомственное владение. 15 февраля 1805 г. П. Г. Демидов был введен во владение¹⁴⁷.

Таким образом, в начале XIX в. Петр Григорьевич владел двумя Ревдинскими, двумя Рождественскими и тремя Кыштымскими заводами, составлявшими два самостоятельных горнозаводских хозяйства. По какой-то причине (возможно, престарелый владелец не обнаружил в своих детях желания заниматься предпринимательством) он решил тогда расстаться со всеми своими заводами и выставил их на продажу. Ревдинские заводы вызвался приобрести верхотурский именитый гражданин коллежский асессор А. В. Зеленцов, а Кыштымские – вольский купец 1-й гильдии Л. И. Расторгуев. Хотя покупатели были людьми не бедными, по договоренности с владельцем, по-видимому, торопившимся поскорее сбыть с рук заводы, обе продажи были совершены необычным порядком.

По свидетельству сына П. Г. Демидова Алексея Петровича, сделка с Зеленцовым была заключена еще в 1806 г. По предварительной договоренности Демидов должен был получить за заводы 1480 тыс. руб. в рассрочку на 10 лет. Хотя Зеленцов уже тогда вступил в управление и по июль 1808 г. выплатил Демидову 200 тыс. руб., юридическое оформление сделки произошло лишь 25 июня/10 июля 1808 г. Возможно, эти два года потребовались Демидову для того, чтобы убедиться в платежеспособности Зеленцова. После этого он подписал купчую в Петербурге в присутствии многих свидетелей, включая министра юстиции князя П. В. Лопухина, дочь которого была замужем за племянником Демидова. Официально заводы переходили Зеленцову за 800 тыс. руб. Но “для обеспечения исправности платежа” одновременно с купчей была дана и закладная, по которой А. В. Зеленцов занимал у П. Г. Демидова 1280 тыс. руб. сроком на 6 лет и 7 месяцев (до января 1815 г.) с тем, чтобы ежегодно выплачивать тому по 160 тыс. руб. В качестве залога выступили только что приобретенные им четыре завода. “Если в срок деньги не заплачу, – обязывался Зеленцов, – то... волен он [Демидов] сию закладную где следует

явить и удовлетворение получить, как законы повелевают”. В 1808 г. Зеленцов передал Демидову первый взнос в 160 тыс. руб., который мог осилить, а остальную сумму предполагал выплачивать в течение обусловленного срока уже из заводских доходов¹⁴⁸.

Через год, но уже без особых затруднений, была совершена подобная же сделка с Л. И. Расторгуевым. По подписанной 2 сентября 1809 г. купчей крепости Кыштымские заводы с селами Рождественским и Воскресенским, населением 3608 рев. д. (по 5-й ревизии) и двумя дворами в Екатеринбурге и Лаишеве были проданы купцу за 700 тыс. руб. “За состоящие при заводах налицо всякие припасы и за всю прочую недвижимость, – записано в документе, – я, Демидов, от него, Расторгуева, удовлетворен особо наперед же сей купчей”. На другой день, 3 сентября, теми же лицами была подписана закладная, по которой Расторгуев занимал у Демидова 1 251 500 руб. на 7 лет 10 мес. и 22 дня под залог только что купленных им заводов. Новый владелец брал на себя обязательство расплатиться с Демидовым до 25 июля 1817 г. ежегодными взносами по 150 тыс. руб. Как и при сделке с Зеленцовым, в случае невыплаты денег в срок Демидов получал право “сию закладную где следует заявить и удовлетворение получить, как законы повелевают”¹⁴⁹.

В результате этих сделок тайный советник П. Г. Демидов расстался со всеми своими родовыми заводскими имениями. Но если с Кыштымскими заводами расстался навсегда, то с Ревдинско-Рождественскими, как оказалось, только на время. Расторгуев полностью расплатился с Демидовым и стал полновластным владельцем приобретенного в рассрочку горнозаводского округа. Зеленцов не сумел выполнить условия сделки (им было выплачено только 440 тыс. руб. в первые три года после покупки), в результате чего должен был вернуть заводы прежнему владельцу.

Не получая положенных выплат уже с 1811 г., Петр Григорьевич дожидался лишь окончания срока закладной, чтобы, по его словам, “по закону было поступлено, то есть с аукциона оные [заводы] продать”. Он вовсе не собирался вновь входить во владение и, не предполагая никаких затруднений, подыскивал нового покупателя. Так, в 1814 г. он предлагал купить Ревдинско-Рождественские заводы своему двоюродному брату Николаю Никитичу Демидову, владельцу Нижнетагильских заводов, обещая “по дружбе” и ему дать рассрочку. “Я нахожу для всех весьма выгодно оные Вам иметь, как неоднократно с Вами говорил... Жаль будет, ежели оные из рук своих упустите”, – убеждал он кузена¹⁵⁰. Однако по делу о закладной возникли серьезные осложнения, которые отсрочили передачу заводов до того времени, когда ни Петра Григорьевича, ни Николая Никитича уже не было на свете.

Во владении неопытного в заводских делах А. В. Зеленцова и его наследников Ревдинско-Рождественские заводы пережили целый ряд преобразований. Из-за финансовой несостоятельности владельца в 1813 г. заводы были взяты в казенный присмотр, через два года преобразованный в частичное, а после смерти Зеленцова в 1817 г. – полное казенное управление до публичной продажи. Таковая первый раз была назначена в 1819 г. Но очевидные успехи казенного управления послужили основанием для ее отсрочки до решения спорного дела между Демидовым и наследниками А. В. Зеленцова, еще в 1817 г. выдвинувшими встречный иск, обвинив Демидова в продаже вместе с заводами казенных и спорных земель, ему не принадлежавших. Зеленцовы вовсе не желали расставаться с заводами, но, вероятно, чувствовали зыбкость своей позиции. Они решили как можно дольше затягивать дело, что удавалось делать почти 15 лет.

Петр Григорьевич умер в 1826 г., так и не дождавшись возвращения заложенных заводов. Продолжить и завершить дело с Зеленцовыми выпало его наследнику отставному артиллерийскому полковнику Алексею Петровичу Демидову, которого отец еще 7 ноября 1825 г. уполномочил вместо себя вести это запутанное дело. Сначала Демидов попытался использовать в своих интересах как раз в это время разворачивавшееся на Ревдинских заводах волнение углежогов, направив семь “оригинальных писем” пермскому губернатору К. Я. Тюфяеву с обвинениями Зеленцовых в “незаботливости о благе заводских людей”. Но это не помогло, поскольку заводы находились тогда не в “хозяйственном”, а казенном управлении и обвинять отстраненных от власти владельцев было бессмысленно. Зеленцовы в свою очередь считали причиной бунта “козни Демидова”, который якобы через поверенного Криночкина распространял слухи о скором возвращении ему заводов и тем самым давал повод к неповиновению. Разбиравшийся в этом запутанном деле губернатор скорее склонялся на сторону последних, представив императору записку “о неблагонамеренных действиях” Демидова¹⁵¹.

Однако новое обращение в Сенат в 1829 г. с просьбой ускорить рассмотрение спора с Зеленцовыми, которые, по его словам, “затяли свой иск на отца для того единственно, чтобы уклониться от платежа должной ими суммы” (вместе с процентами достигшей к тому времени уже астрономической величины в 2 млн руб.), возымело успех. Демидов доказывал, что сам “покупщик” никогда жалобы на незаконность продажи ему заводов не подавал, что земли, на которые предъявили претензии его наследники, были отгорожены от заводов еще за семь лет до продажи и вместо них даны другие, что это обстоятельство было известно Зеленцову и, наконец, что Зеленцовы подали иск через 11 лет после вступления во владение и, следовательно, “пропустили 10-летнюю давность”.

Комитет министров, где разбиралась претензия Демидова, встал на его сторону. В решении, поданном в Сенат, сообщалось, что Зеленцовы “владеют спокойно заводами более 20 лет, пользовались всеми доходами с оных, а Демидов... не только не удовлетворен поныне остальной суммой, но вовлечен еще наследниками в процесс, затеянный ими без всякого основания для того единственно, дабы под сим предлогом уклоняться от платежа следующей Демидову суммы”. Император утвердил решение Комитета, по которому Ревдинско-Рождественские заводы вновь назначались к продаже “с тем, чтобы из вырученных сумм все то, что следует Демидову, уплатить без отлагательства, несмотря ни на какие противоречия со стороны Зеленцовых”. До продажи на основании Банкротского устава заводы отдавались во временное владение Демидова. По этому уставу просроченная закладная на недвижимость не обращалась в купчую, как это было прежде, а заложенное имущество отдавалось займодавцу, “чтоб до окончательного от того имения удовлетворения, пользовался вместо процентов... доходами с него, не обременяя сверх прежнего новыми от себя налогами и... не нарушая целостности имения”¹⁵².

В результате в августе 1829 г. А. П. Демидов вступил во временное владение Ревдинскими, а в декабре – Рождественскими заводами. Поскольку он никогда не занимался заводскими делами и, как сам писал, “в Перми никого не знал”, то пригласил на должность управляющих бывших приказчиков Нижнетагильских заводов Кирсанова и Любимова. Видимо, успешное управление дало Демидову повод переменить прежнее намерение расстаться с родовым имением и самому выступить в качестве покупателя заводов. Тем более что оплачивать всю сумму покупки ему не пришлось, поскольку именно из нее следовало по условиям торгового вычета причитавшийся ему двухмиллионный долг Зелен-

цовых. На основании “Высочайше” утвержденного 26 октября 1833 г. “мнения” Государственного Совета Ревдинско-Рождественские заводы перешли Алексею Петровичу, вернувшему таким образом утраченное было имение во владение демидовского рода¹⁵³.

Алексей Петрович недолго, всего около семи лет, занимался “родовым заводским делом”, которое довольно успешно развивалось. При нем было даже начато строительство третьего железоделательного Рождественского завода. Правда, за это время он успел заложить Ревдинские заводы в Заемном банке на сумму в 425 160 руб. сер. на 37 лет. Залог был совершен 13 сентября 1835 г. 3 июня того же года владелец составил завещание, которое после его смерти было засвидетельствовано в Петербургской палате гражданского суда 21 октября 1840 г. В соответствии с ним все благоприобретенное (то есть заводское) имение передавалось в “полное владение” жены Марии Денисовны (урожденной Мельниковой). В 1843–1844 гг. она была введена во владение Ревдинского, Бисертского, Верхне- и Среднерождественского заводов, а также выстроенного уже по ее распоряжению вспомогательного к Ревдинскому Мариинского и достраивавшегося Нижнерождественского заводов¹⁵⁴. При ее управлении завершилось формирование окружного хозяйства, включавшего шесть заводов, хотя и разделенных большими расстояниями, но действующих как единый производственный комплекс.

Во время перехода власти Ревдинские заводы сотрясло новое крупное волнение углежогов, спровоцированное распоряжениями горных властей. Оно было жестоко подавлено, но положение рабочих не осталось прежним. В марте 1843 г. “по угольной операции” владелицей было введено “особое правило”, утвержденное министром финансов¹⁵⁵. Взяв дело в свои руки, Мария Денисовна столкнулась и с общей для большинства уральских заводчиков проблемой нехватки оборотных средств, которые она восполняла неоднократно ссудами из Горного правления и Коммерческого банка под залог металлов. В заслугу ее управления можно поставить то, что в отличие от многих заводчиков, эти ссуды вовремя возвращались, как выплачивался и долг по банковскому залoгу. Ревдинско-Рождественские заводы относительно стабильно действовали, выделявая в год от 300 до 350 тыс. пуд. высококачественного железа, и считались в числе лучших на Урале, несмотря на то что испытывали острый недостаток в лесах. Особенно он ощущался у главного Ревдинского завода, обеспечивавшего чугуном пять железоделательных предприятий округа. Еще в 1801 г. было предписано приграничить к нему три казенные дачи, из которых была отведена только одна. Топливная проблема обострилась в 1850-е гг., когда завод оказался на грани остановки. По настояниям владелицы Горному правлению пришлось несколько урезать леса соседних Верх-Исетского и Сысертского округов в пользу Ревдинского завода¹⁵⁶.

В 1852 г., “будучи в старых годах”, Мария Денисовна подписала доверенность на управление заводами “или через конторы, или же через других лиц, от него уполномоченных”, младшему своему сыну подполковнику Петру Алексеевичу Демидову. В первый же год своего хозяйствования, 9 марта 1853 г., он заложил еще остававшиеся свободными Рождественские заводы в Санкт-Петербургской сохранный казне за 552 850 руб. на 37 лет, продолжая при этом брать ссуды и в Екатеринбургской конторе Коммерческого банка. Именно ему по духовному завещанию (заявленному Пермской гражданской палате 12 июля 1856 г.) от матери, скончавшейся в Ревде 14 сентября 1855 г., перешли Ревдинско-Рождественские заводы с 7201 рев. д. заводских крепостных¹⁵⁷.

В. П. Безобразов, побывавший на Ревдинских заводах в конце 1860-х гг., именно к этому времени относил расстройство их финансового положения, связанное с большими затратами на “разное строительство” (не только промышленное, но и на театр и оркестр, например)¹⁵⁸. Став полновластным владельцем, Петр Алексеевич первым делом упросил правление Коммерческого банка разрешить ему брать новые займы до выплаты прежних ссуд. В этой связи пришлось даже пойти на изменения в уставе Екатеринбургской банковской конторы. В декабре 1855 г. министр финансов П. Ф. Брок разрешил ей “производить ссуды под металлы и до уплаты денег по прежним займам, когда нет в виду особых препятствий”¹⁵⁹. Эта льгота позволила Демидову удержать заводы от банкротства в тяжелый для всех заводчиков период рубежа 1850–1860-х гг., резко увеличить производство чугуна и железа, начать выплавку меди, хотя и не улучшила их бедственного финансового положения, образно оценивавшегося В. П. Безобразовым как “самое крайнее выражение недугов”. Рождественские заводы были остановлены в мае 1864 г. “по случаю переговоров с рабочими насчет земельного пользования”. Действие их возобновилось после того, как приехавший владелец распорядился безвозмездно передать рабочим покосы, которыми они прежде пользовались “на одно лето”¹⁶⁰.

В 1873 г. на заводах лежали еще не выплаченный долг сохранный казне по займу 1853 г. с недоимкой в 163 385 руб., долги Государственному казначейству (по переводу из Екатеринбургской банковской конторы 137 589 руб. и по ссуде 100 тыс. руб.), на основании “Высочайшего” повеления от 11 июня 1865 г. рассроченные в общей сумме 242 900 руб. на 37 лет, и долги Уральскому горному правлению и Пермской казенной палате. Этот перечень только казенных долгов вполне объясняет принятое тогда полковником в отставке Петром Алексеевичем Демидовым решение расстаться со своими заводами. По составленной 12 декабря 1873 г. купчей крепости Ревдинско-Рождественские заводы были им проданы за 800 тыс. руб. сер. коллежскому асессору и красоярскому купцу 1-й гильдии Г. М. Пермикину¹⁶¹.

1.4. Демидовы (кагинские)

Небольшие Кагинский и Узьянский железные заводы, расположенные в Уфимском уезде Оренбургской губернии, на рубеже XVIII–XIX вв. принадлежали дворянину Ивану Евдокимовичу Демидову, представителю одной из ветвей демидовского рода, идущей от младшего сына Н. Д. Демидова Никиты Никитича. Он владел этими заводами с 1783–1784 гг., получив их по наследству от отца-основателя и по разделу с братьями. В начале столетия Кагинские заводы составляли самостоятельное горнозаводское хозяйство, где в двух доменных печах и девяти кричных горнах выплавлялось около 80 тыс. пуд. чугуна и 60 тыс. пуд. железа. Испытывая финансовые затруднения, недостаток рудников и вспомогательных работников, владелец фактически не занимался заводским производством, которое в 1800–1820-е гг. неуклонно снижалось. И без того сложное финансовое положение усугубил пожар Кагинского завода в 1821 г., на восстановление которого, как сообщал владелец, он “истощил” весь свой капитал. В 1823 г. Демидов просил разрешения на залог заводов в Московском Опекуном совете¹⁶².

Но 12 декабря 1823 г. Иван Евдокимович Демидов, проживавший в Уфе, “в пятом часу пополудни помер”, не оставив завещания. “Ни детей и ниже кого-либо других родственников, кроме одной жены Аграфены Семеновны, – сообщал заводский исправник, – при нем не оказалось, и есть ли где они, мне неизвестно”. Однако наследники не заставили себя ждать. Уже в начале 1824 г. свои права на заводы кроме вдовы заявили два родных брата Ивана генерал-майор Григорий и бригадир Аммос Евдокимовичи Демидовы, племянник (сын умершего Василия Евдокимовича) статский советник Никита Васильевич, двоюродная внучка Екатерина Михайловна Хомутова (единственная дочь умершего племянника Михаила Васильевича) и еще четыре племянника (сыновья тоже умершего Петра Евдокимовича Демидова) – коллежский советник Дмитрий, действительный статский советник Николай, корнет Владимир и поручик Петр Демидовы. “Находясь в разных местах”, они “вошли в переписку между собой об устройении управления и самого раздела сего имущества” и решили заводы продать, а вырученные за проданное железо деньги распределить “на удовлетворение всех заводских потребностей и уплату долгов”¹⁶³.

Но прежде, чем это могло произойти, необходимо было всем претендентам (за исключением вдовы, которая являлась единственной прямой наследницей) доказать свои наследственные права и войти во владение имением, добровольно или в судебном порядке разделив его между собой. До этого момента, чтобы не допустить остановки заводов, Пермское Горное правление постановило в соответствии с действующим законодательством учредить над заводами опеку. Наследники со своей стороны пытались не допустить этого, отговариваясь тем, что опека устанавливается над малолетними и вдовами, оставшимися без содержания, а они все “в зрелом возрасте и в полном уме”. Министр финансов Е. Ф. Канкрин, к которому наследники обратились с прошением, предписал опеку отменить.

Однако Пермское Горное правление и Оренбургская палата гражданского суда, вопреки мнению министра, настояли на сохранении опеки, считая, что она “учреждена сколько для обеспечения... продовольствия рабочих людей, по оказавшемуся в том недостатку, столько и потому, что без сей меры должны бы были оставаться заводы без присмотра и хозяйственного по производству их распоряжения, ибо в них никого из наследников не находилось, да и кто они такие... неизвестно”. В то время заводские дела действительно приняли серьезный оборот: в марте на Кагинском заводе была разграблена и со-

жжена главная контора, а “рабочие люди вышли из повиновения и отреклись от работ”. Кроме того, в Уфимский уездный суд поступили “от разных лиц долговые претензии” на 67,5 тыс. руб., в обеспечение которых следовало описать движимое имущество умершего владельца¹⁶⁴.

Тем временем учрежденная опека никак не могла вступить в управление заводами, поскольку четыре последовательно назначаемых опекуна отказывались от этой обременительной обязанности “за болезненными припадками”. В такой ситуации дела на заводах вершил исправник по указаниям Горного правления. Как сообщали наследники в январе 1825 г., это привело к “пагубнейшим последствиям”, в частности на Нижегородской ярмарке продажа железа Кагинских заводов “была стеснена полицейским надзором до такой степени, что оное продано меньше нежели за половинную цену”, от чего заводы понесли убытков на 100 тыс. руб. Кроме того, долги И. Е. Демидова стали вычитаться из заводских доходов, хотя по указу 1809 г. они должны были погашаться из оставшегося после его смерти движимого имущества, которого, по свидетельству наследников, было “более нежели достаточно удовлетворить оные”. “Когда бы мы сами управляли своим имением, железо на ярмарке не было бы продано дешево, – жаловались наследники, – и теперь имели бы мы на все заводские производства денег с избытком, а если бы нужно было для заводов и еще денежного подкрепления, то как хозяева, употребили бы на то из прочих наших собственности. А теперь, – сокрушались они, – кто решится на таковое пожертвование, когда видим, что... местные власти... вместо требуемого нами правосудия, стараются лишь отчуждать нас от нашего наследства и удерживать существование неправильной опеки”¹⁶⁵.

Наконец, получив подтверждение своих прав (пришлось доказывать, что еще два возможных наследника – бригадир Степан Евдокимович и кавалергард Сергей Васильевич Демидовы уже умерли холостыми и бездетными) и доверенности от четырех сонаследников (Григория, Аммоса, Владимира Демидовых и Екатерины Хомутовой), в мае 1825 г. в Уфу прибыл Никита Васильевич Демидов. Так и не состоявшаяся опека была снята. Дела на заводах стали поправляться. Владелец, по его словам, “улучшил состояние крепостных заводских людей прибавкою на платы за работы и отпуском безденежно хлеба на детей их... а по долгам более 60 тыс. руб., на заводах состоящих, остановил с них вычет так, что теперь ежемесячно получают они плату за свою работу сполна и наличными деньгами”. Найдя заводы “в совершенном запущении, без чугуна, без припасов, без угля и без руды”, Демидов заменил бывшее руководство и “к улучшению заводского действия” определил “устроить новые доменные горны по образцу имеющихся на Златоустовских заводах, переделать молотовые машины, нанять вольных людей для рубки дров и приискывать новые рудники”. “Не получив после смерти дворянина Ивана Демидова ни одной еще копейки дохода с его имения, – писал он о себе и остальных наследниках, – мы положили и сего года оным не пользоваться, а всю сумму денег, имеющую выручиться за железо, обратить единственно на пользу и улучшение заводов”¹⁶⁶.

Уфимская палата гражданского суда, признавая, что Никита Васильевич “при вступлении в управление показал довольно опытности и познаний в заводских упражнениях и сделал к пользе крестьян уже пожертвования”, в октябре 1825 г. решила тем не менее устранить его и немедленно восстановить опеку. Поводом для такого шага послужили жалобы вдовы Аграфены Семеновны на то, что она “лишена всякого содержания”, поскольку наследники до сих пор не сделали выдел положенной ей $\frac{1}{7}$ части наследства.

Действительно, прежде они, игнорируя “вдовью” часть, делили между собой все недвижимое имущество на четыре (по числу братьев И. Е. Демидова, имевших наследников), а не на семь частей, как полагалось по закону. Оказывается, они считали, что вдова уже обеспечена, поскольку вскоре после смерти мужа “взяла некоторые вещи при первоначальной описи движимого имущества покойного на более чем 100 тыс. руб.”. Вдова обвинила Никиту Васильевича в том, что он не делился доходами от заводов не только с ней, но и с другими наследниками. Видимо, она не знала о решении наследников (возможно, только части их, которую и представлял Н. В. Демидов) временно отказаться от получения доходов и направить их на развитие заводов или была не согласна с ним¹⁶⁷.

Сенат в январе 1827 г. подтвердил решение суда и распорядился восстановить опеку “пока не последует окончательного между наследниками раздела”. На этот раз опекуном нашелся: им стал местный помещик подполковник Тимашев. Никите Васильевичу было приказано “произвести расчет с участниками в наследстве в полученных им в течение управления его доходах, расходах и уплате долга... и особенно удовлетворить вдову”. До этого времени на его часть было наложено “запрещение”. Разочарованный, Демидов уехал в Москву, где имел собственный дом, и вскоре (22 августа) там умер. За счет его вдовы Марьи Петровны (урожденной Кленке) и пятерых детей: совершеннолетних девиц Татьяны и Клавдии и малолетних Никиты (Николая?), Прасковьи и Виктора – число совладельцев Кагинских заводов возросло с восьми до четырнадцати. Причем над детьми Никиты Васильевича были установлены попечительство и опека в составе матери, дяди А. Е. Демидова, а также камергера П. А. Ржевского и коллежского советника С. П. Никифорова¹⁶⁸.

В том же году “вступили в наследство” после умершего год назад генерал-майора Григория Евдокимовича Демидова его бывшая жена Амалия Христиновна (урожденная Берг) и дети Петр и Анна¹⁶⁹. Число “участников” достигло 17-ти, что еще более усложнило предполагаемый раздел имущества, который по причине “неразрешенности долговых обязательств между наследниками” был отложен до 1830 г. Одна Аграфена Семеновна добилась своего и получила причитающуюся ей часть движимого имущества, для чего (а также в зачет долгов) в Уфе было распродано имущество, включавшее даже библиотеку Кагинского завода¹⁷⁰. Вдова переселилась в Симбирск и прожила там до своей смерти в 1848 г. По составленному в 1835 г. завещанию она поручила брату Ф. С. Дмитриеву построить каменную церковь в имении родителей селе Дмитриевка под Уфой. На это должны были пойти деньги, причитавшиеся на ее седьмую часть в Кагинских заводах¹⁷¹.

В семье, по-видимому, не нашлось никого способного взять на себя бремя управления заводами. Наследники иногда только просили у властей ссуды под обеспечение своих частей имущества. Правда, в 1828 г. коллежский советник Дмитрий Петрович Демидов, который являлся действительным членом Военно-ученого комитета при Главном штабе, просил царя “часть его в Кагинских заводах взять в непосредственное его заведывание и распоряжение” и выдать 20 тыс. руб. из доходов, следующих ему за несколько лет с тех заводов. Но, как оказалось, эти деньги были ему нужны вовсе не на развитие заводов, а “в пособие на строение изобретенных им транспортных судов [имелись в виду коноводные суда]”. Получив отказ, на следующий год он вторично обратился с той же просьбой, “описывая крайне стесненное свое положение, которое... грозит, что изобретение его, в пользу и действительности которого нет более сомнения... останется тщетным, а он сам подвергнется нужде”. Комитет министров разрешил выдать Демидову 3 тыс. руб. “без

залога” для того, “чтобы он мог нынешним еще летом в Петербурге доказать на самом деле, что предлагаемая им система перевоза всякого рода грузов сохранит казне несколько миллионов рублей в год и сверх того доставит государству быструю и дешевую передачу огромных коммерческих масс и прочее”¹⁷². Новых просьб передать в управление заводы от Дмитрия Петровича не последовало.

Наконец, в январе 1830 г., по истечении срока добровольного раздела Пермское Горное правление предписало суду “означенное наследство разделить, определив каждому из наследников надлежащие в заводах части и долги”. Однако и этот раздел был отсрочен в связи с предпринятой рядом совладельцев продажей своих частей в Кагинских заводах. 12 февраля этого года Аммос Евдокимович (вскоре, 13 июня, умерший), его племянники Дмитрий и Владимир Петровичи и Екатерина Михайловна Хомутова продали свои доли генерал-майору и егермейстеру Андрею Ивановичу Пашкову, уже владевшему на Урале наследственными Белорецкими заводами. Инициатором продажи, по-видимому, явился Дмитрий Петрович Демидов, который “от себя и по доверенности прочих наследников” отдал свою часть “с причитающимися на оную из доходов умерших Григория и Никиты взысканием” за 65 тыс., часть Аммоса – за 100 тыс., Владимира – за 25 тыс. и Хомутовой – за 50 тыс. руб. 8 мая 1830 г. были совершены еще две “записи на продажу” Пашкову заводских частей Николая и Петра Петровичей Демидовых (включая и дом в Уфе) по 25 тыс. руб. “с правом немедленного вступления в наследство”. Таким образом, Пашков получил половину от Кагинских заводов за 290 тыс. руб., выплатив задаток в 40 тыс. руб.

Тогда же Пашков просил Сенат “учинить постановление об уступке ему и остальных частей... или же о продаже оных с публичного торга” и о залоге приобретенной им части на покрытие долгов бывших владельцев. Сенат уже склонялся принять такое решение, в результате которого Кагинские заводы сосредоточились бы в одних руках, когда неожиданно поступили жалобы от Хомутовой и Владимира Демидова. Первая утверждала, что Дмитрий Петрович продал ее долю “без ее ведома и согласия”, а второй был недоволен полученной за свою часть суммой и просил “не оставлять заводы в постороннем владении, а удержать в фамилии Демидовых... и допустить его к выкупу прочих частей”.

Тяжба, в которой приняли участие муж Екатерины Михайловны генерал от кавалерии и наказной атаман Войска Донского М. Г. Хомутов и мать действительная статская советница Чихачева (урожденная Бестужева-Рюмина), вне очереди была рассмотрена в Сенате. 27 июня 1834 г. последовало решение отменить продажу (и уже совершенный Пашковым в 1832 г. залог заводов опеке над дворянами Неваховичами за 250 тыс. руб.) с возвращением ему выплаченных бывшим владельцам денег (что было сделано только Хомутовой), а над Кагинскими заводами немедленно учредить казенное управление. От наследников Сенат потребовал “отобрать решительные отзывы, не пожелает ли кто из них приобрести те заводы в единственное владение”, а если этого не произойдет, то “обратить оные в публичную продажу без раздробления”¹⁷³.

В августе 1834 г. Уральское Горное правление открыло казенное управление Кагинскими заводами “по примеру заводов Кнауфа”. Но А. И. Пашков не смог смириться с фактически безвозмездной утратой своей собственности. Он просил императора “не уничтожать совершенных крепостных актов на проданные части и на залог их”, дать еще два года на выкуп Демидовыми его частей, а до тех пор предоставить управление самим владельцам “при участии чиновника со стороны Горного правления”. В результате 24 февраля 1836 г. Сенат пересмотрел свое прежнее решение, утвердил Пашкова в

правах владения и вместо казенного управления учредил на Кагинских заводах казенный присмотр. Передача заводов в частное управление должна была состояться 1 мая 1837 г., “когда явятся все участники или их поверенные”¹⁷⁴.

В декабре 1836 г. состоялось еще одно решение Сената, по которому явившиеся на заводы доверенные лица Пашкова были допущены до управления восстановленными в его собственности $\frac{3}{7}$ частями заводов, а остальными $\frac{4}{7}$ частями ($\frac{1}{7}$ – А. С. Демидовой, перешедшей после ее смерти всем сонаследникам, $\frac{3}{14}$ – наследников Г. Е. Демидова, $\frac{3}{28}$ – наследников Н. В. Демидова и $\frac{3}{28}$ – Е. М. Хомутовой) должен был управлять горный чиновник Свиридов “до прибытия прочих владельцев”. Пашкова не устроил этот вариант, и он “вошел в конфликт” с Горным правлением. “Оно, – жаловался генерал, – не допускает меня владеть и распоряжаться по праву владельца и тем предоставляет Свиридову власть и право якобы опекуна надо мною, то есть меня притеснять”. В свою очередь Уральское Горное правление считало, что Пашков “оскорбляет достоинство сего места”, и в доказательство его предвзятости напоминало об “открытых в недавнее время... злоупотреблениях по управлению им Белорецким заводом” (имелось в виду принятое как раз в это время решение о взятии этих заводов в казенный присмотр за банковскую недоимку)¹⁷⁵.

Тем не менее в сентябре 1837 г. министр финансов распорядился “по истечению срока явки владельцев к 1 мая сего года... считать общее управление открытым... и состоящим из горного чиновника и Пашкова, допуская к управлению и прочих соучастников, по мере их явки на заводы”. После этого конфликт Пашкова с Горным правлением только разгорелся. Особенно раздражало генерала предписание Свиридову “не допускать раздела заводских доходов между владельцами впредь до решения дел о претензиях на них”. Это, считал Пашков, касается лишь частей наследников Григория и Никиты Демидовых и Хомутовой, а не его. “Я есть хозяин полный моих частей, настоящий, утвержденный высшим правительством, то я волен по своему усмотрению делать из них, что хочу”, – писал он доверенным приказчикам из Петербурга. “Конечно, – добавлял генерал, – по случаю, что прочие части принадлежат не мне, и потому только то, что касается до общего хода дел, должно быть предлагаемо на общее постановление... Никто не может желать более меня устроить заводы, а потому все предпринятые мною меры должны исполняемы быть”¹⁷⁶.

Уральское Горное правление в такой ситуации обратилось к министру финансов за разъяснениями. “Заводы – суть имение нераздробимое, следовательно, владеемых Пашковым частей в отдельное его управление и распоряжение предоставить нельзя, – последовал ответ Е. Ф. Канкрин в октябре 1837 г. – За неявившихся же участников голос и полномочия предоставляются Свиридову, который и заменяет собою участников и их в заводах тех права одною частию против Пашкова, и... без согласия его, действительно, никакие распоряжения по заводам тем места иметь не могут”. Министр выразил пожелание, чтобы доверенные Пашкова и Свиридов “действовали по управлению с общего согласия, наблюдая общую пользу заводов, и сколько можно уклонялись от споров и взаимных пререканий, могущих расстроить заводы и тем самым причинить невозвратный вред как Пашкову, так и прочим участникам”. Видимо, благие пожелания министра таковыми и остались, поскольку уже на следующий год Горное правление жаловалось, что Пашков денег на действие заводов вовсе не присылает. В такой ситуации 26 апреля 1839 г. Сенат указал до окончания расчета по долгам Кагинских заводов все доходы отсылать “в кредитные установления для приращения процентами”¹⁷⁷.

В результате того, что Пашков фактически устранился от управления, а Демидовы и Хомутова не собирались входить в него или выкупать части Пашкова, положение Кагинских заводов оказалось крайне неопределенным. Следствием этого явился указ Сената от 22 января 1841 г. “Все отсрочки и все меры снисхождения и пособия со стороны правительства, — утверждалось в нем, — не могли доселе побудить наследников Демидова ни явиться для управления заводами, ни прислать для сего доверенных от себя лиц, а при таковой беспечности их о собственной пользе не представляется оснований ни ожидать прекращения этого в будущем, ни правительству продолжать заботливость свою об их интересах. Между тем заводы остаются без всякого управления... и пришли в совершенное расстройство, горное ведомство обременяется управлением чужой собственности, а казна с каждым годом напрасно издерживает значительные на поддержание заводов суммы, которые возрастая ежегодно, увеличивают лишь суммы долгов, по всей вероятности, неоплатных”. Принимая также во внимание, что сохранение такого положения пойдет во вред и казне, и владельцам, и кредиторам, “а вместе и в разорение принадлежащих к тем заводам людей, которые теперь не знают ни прямых своих обязанностей, ни настоящего владельца”, Сенат, вследствие решения Государственного Совета, определил Кагинские заводы “нынче же продать с публичных торгов и вырученные деньги обратить на уплату казенных и частных долгов”¹⁷⁸.

На основании этого указа началась опись заводов, которая проходила без участия поверенных от владельцев. В результате оценка заводов горными чиновниками в 203 359 руб. сер. вызвала, как и следовало ожидать, протест Пашкова. Продажа задержалась и вследствие возникших проблем с землями Кагинских заводов по истечению срока коротама их у башкир. Горное начальство предложило либо наделить заводы казенными землями по количеству населения, что значительно бы сократило лесные площади, либо выкупить Пашкову башкирские земли в полную собственность. У генерала появился шанс выйти из той двусмысленной ситуации, в которую он не по своей вине попал после установления казенного управления над заводами.

Посетовав на то, что он связан решением о продаже заводов и ныне подвергается из-за неявившихся к управлению наследников Демидова “лишению своей собственности”, он решительно отказался от первого предложения Горного правления. “Предполагаемое ныне уменьшение земель, — писал заводчик в октябре 1849 г., — никак не может обеспечить вековое существование заводов, ибо народонаселение умножается, а заводы устраиваются не на 20 лет”. “Упрочить вековое существование сих заводов”, по мнению владельца, могло бы сохранение за ними всего прежнего количества земель. Он предлагал выплатить башкирам 100 тыс. руб. сер. за 37 лет с процентами с тем, чтобы “землю сию отдать в собственность заводчику”. Пашков также предусматривал переселить на казенные заводы неперенных работников, которые в небольшом количестве (461 рев. д. по 9-й ревизии) находились на Кагинских заводах. В результате этих операций Кагинские заводы могли быть перечислены из разряда посессионных во владельческие. В отношении своих совладельцев, которых Пашков не без оснований считал главными виновниками всех бед, он высказался категорично: оценить число крестьян, причитающихся на их часть, без земли и эту сумму “внести туда, куда назначено будет”. “На этом основании, — заключал он, — я готов вступить в сие важное предприятие”¹⁷⁹.

Но предполагая, что совладельцы не согласятся на такое, унижительное для них, предложение, генерал выдвинул другой проект. Суть его заключалась в том, что Пашков вовсе отказывался от Кагинских заводов в пользу наследников Демидова. Он предлагал причитающихся на его часть людей перевести на Белорецкие заводы, которыми он владел вместе с братьями. Хотя между братьями существовали разногласия, но Пашков надеялся все-таки с ними найти согласие, чего уже никак не ожидал от Демидовых. Белорецкие заводы от Кагинских находились столь близко, писал он, что “я могу перевезти каждый дом крестьянский”. В результате, по мнению Пашкова, “усилится действие Белорецкого завода настолько, насколько уменьшится в Кагинском, а правительство ничего не потеряет от того”. Оставшихся людей он предлагал либо оставить в собственности Демидовых, либо, “если будет согласие правительства”, переселить (за исключением неприменных работников), “дабы Белорецкий завод еще больше усилить”¹⁸⁰.

Ни одному из этих, вряд ли реальных, проектов не суждено было осуществиться. В 1850 г. генерал-майор Андрей Иванович Пашков умер, оставив свои имения со всеми их проблемами двум несовершеннолетним дочерям Евдокии и Александре. Назначенные Санкт-Петербургской опекой попечителями князь В. Ф. Долгоруков и барон М. А. Корф посчитали преждевременным входить в управление наследством “впредь до приведения в положительную известность имения и долгов Пашкова”. Они просили Горное правление поступить с его частью так же, как и с частью наследников Демидова. Исполняющий обязанности главного начальника полковник Ахматов 23 ноября 1850 г. распорядился взять часть Пашковых в Кагинских заводах в казенный присмотр, который было поручено осуществлять управлявшему от казны частями Демидовых чиновнику Солонину¹⁸¹.

Между тем положение заводов ухудшалось, и Государственный Совет при таком отношении владельцев вновь решил выставить их на публичную продажу. Официально причиной продажи были долги Демидовых и Пашкова, простиравшиеся до 300 тыс. руб. сер. Однако цена заводам была установлена всего в 64 797 руб., что даже “с присовокуплением всего количества открывшихся в кредитных установлениях доходов” составляло лишь третью часть огромной долговой суммы. Дело в том, что вопрос об арендованных землях так и не был решен к этому времени. Торги были назначены на август 1853 г., но они не состоялись “по неявке желающих торговаться”. Покупать заводы без земли никто не решался¹⁸².

В такой ситуации в борьбу за заводы вступили еще находившиеся под попечительством дочери А. И. Пашкова – Е. А. Рихтер и фрейлина императрицы А. А. Пашкова, пытаясь закрепить “бесхозные” Кагинские заводы в полную свою собственность. В это время по раздельному акту с дядьями они как раз утратили части наследства отца в Белорецких заводах. В прошении министру финансов П. Ф. Броку сестры писали, что “по расстроенному состоянию Кагинского и Узянского заводов и по неимению при них собственных земель и лесов, нельзя ожидать и на будущее время успеха в продаже сих заводов с публичных торгов”. Упомянув о том, что вблизи заводов они владеют Инзерской лесной дачей площадью 125 тыс. дес., которая могла бы “упрочить положение оных”, наследницы предлагали “оставить заводы за ними в оценочной сумме”. В. А. Глинка, от которого министр потребовал мнения, отозвался, что с условиями просительниц можно согласиться лишь в том случае, “если на то изъявят согласие участвующие во владении заводами наследники Демидова, а также кредиторы”¹⁸³. Но связь с Демидовыми была уже давно потеряна, а кредиторы не объявляли о желании оставить заводы за собой.

В итоге было решено назначить новые торги с тем условием, что “если снова они не состоятся... то заводы будут отданы за оценочную сумму дочерям генерал-майора Пашкова с тем, чтобы все претензии, касающиеся заводов, отнесены были не к имению, а к капиталу, который будет внесен за заводы”.

Но на объявленных 3 октября 1855 г. повторных торгах покупатель все-таки нашелся: за 64 850 руб. Кагинские заводы пожелал купить петербургский купец 2-й гильдии М. Ф. Гротен. Несмотря на вмешательство попечителей наследниц А. И. Пашкова, Сенат утвердил продажу, правда, “с отнесением на Гротена обязанности уплатить долги, собственно на заводах лежащие, а равно и казенные недоимки”. Несмотря на новые условия, Гротен “изъявил желание оставить заводы за собой на вышеизложенных условиях”¹⁸⁴. Тем и завершилось владение Демидовыми и Пашковыми Кагинскими заводами на Урале.

2. Наследники С. Я. Яковлева

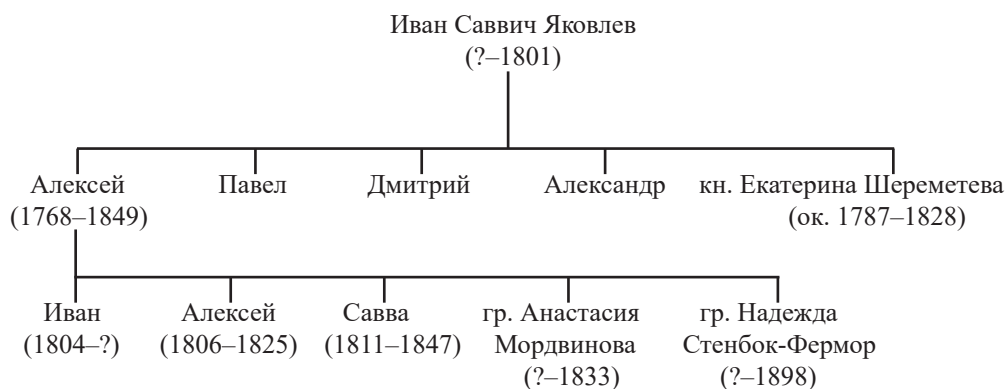

После смерти в 1784 г. основателя династии уральских заводчиков бывшего ошастовского крестьянина, ставшего коллежским ассессором, Саввы Яковлевича Яковлева его завещание по требованию части наследников было пересмотрено. Вопреки воле отца все огромное промышленное хозяйство (включавшее 22 металлургических завода на Урале, Ярославскую полотняную мануфактуру с тремя ткацкими фабриками, Великосельскую бумажную фабрику, 37 суконных, холщовых, овощных, галантерейных лавок в петербургском Гостином дворе, дома в Петербурге, Москве, Казани, Коломне и Лаишеве, два села с деревнями в Ярославском наместничестве и земельные участки, всего с 13 757 рев. д. крепостных), оцененное в 3 147 135 руб., и движимый капитал в 1 627 296 руб. были поделены между его вдовой Марьей Ивановной, тремя сыновьями (поручиком Таганрогского драгунского полка Иваном, генерал-аудитор-лейтенантом штаба Г. А. Потемкина Петром, армейским подполковником Сергеем), а также шестью внуками (петербургским именитым гражданином Николаем, Иваном, Михаилом, Сергеем, Григорием и Саввою) и двумя внучками (девицей Марией и малолетней и состоящей под опекой Анной) – детьми умершего в 1781 г. старшего сына Саввы Яковлевича титулярного советника Михаила. Сын Гаврила умер бездетным в Ярославле еще до раздела. Дочь Анна Саввична была замужем за А. И. Баташевым и, как получившая в свое время приданое, устранялась от наследства. После смерти мужа и сына она предала железные заводы Баташевых в Туле своему брату Сергею. Имущество овдовевшей сестры С. Я. Яковлева Стефании Яковлевны после ее смерти досталось Петру Саввичу¹⁸⁵.

По именному указу Екатерины II от 15 мая 1785 г. для совершения раздела были назначены “высокопочтенные посредники” – обер-гофмейстер и сенатор И. П. Елагин, действительные тайные советники и сенаторы граф А. С. Строганов и граф А. Р. Воронцов. Им вменялось в обязанность произвести раздел, “наблюдая в точности... как государственные узаконения о нераздроблении фабрик и заводов, так и удобство, чтобы каждая часть к одному месту назначаемая была”. Раздельный акт был совершен в Санкт-Петербурге 26 марта 1787 г. Вдове была выделена следующая по закону седьмая часть, названная “шуралинской”, а остальное недвижимое имущество поделено на четыре части, из которых по жребию Ивану досталась “верх-исетская”, Петру – “невьянская”, Сергею – “алапаевская” и внукам “Михайловичам” – “ярославская”¹⁸⁶.

Споры между наследниками, приведшие к разделу, не закончились и после его осуществления. Сергей и Петр, Петр и Иван еще несколько лет делили причисленные к их заводам деревни; племянники “Михайловичи” жаловались “об утайке, якобы, дядьями их Петром и Иваном от раздела многих миллионов денег”. Самым серьезным и, можно сказать, судьбоносным для “шуралинской”, “невьянской” и “верх-исетской” частей наследства оказался конфликт между Петром и Иваном по поводу приобретения ими у матери “вдовой” части. Дело дошло до того, что в 1804 г. Александр I запретил принимать от Яковлевых жалобы и повелел “раздел окончить в непродолжительное время”¹⁸⁷.

2.1. Яковлевы (верх-исетские)

Формирование самой крупной – “верх-исетской” части наследства С. Я. Яковлева фактически началось с обмана. Видимо, еще во время раздела Петр и Иван заключили между собой и матерью устную договоренность о том, что купят у нее и разделят пополам “шуралинскую” часть. Но подписанная в 1788 г. купчая была составлена на одного Ивана Саввича¹⁸⁸. Обманутый Петр Саввич обратился в Пермскую гражданскую палату, утверждая, что “брат имел полную доверенность покупать имение на общее со мной имя, а тот, получа от меня... половинное число пошлин, совершил купчую на одно свое имя”. В 1790 г. на половину спорной части, на которую претендовал Петр, было наложено запрещение, а апелляционное дело передано для рассмотрения в Сенат. Но братья по вызову Сената “через газеты” в назначенный срок “не сделали отзыва”, в результате чего их дело было сдано в архив, а запрещение снято. Возможно, Петр Саввич надеялся

мирно, по-семейному договориться с братом, не доводя дела до суда высшей инстанции. Однако это не удалось. Иван Саввич вовсе не собирался с ним делиться. Мало того, он объединил управление купленных у матери (Шуралинский, Верхнетагильский, Вогульский, Верх-Нейвинский, Шайтанский, Сылвенский и Уткинский) и собственных своих заводов (Верх-Исетский, Режевский, Холуницкий, Климковский и Боровской) и построил в 1795 г. вспомогательный к Сылвенскому Саргинский завод.

Видимо, для Петра Саввича приобретение отдельных заводов “шуралинской” части являлось не только “делом чести”, но и было вызвано необходимостью восстановления разрушенных при ее выделе производственных связей доставшихся ему Невьянского и Быньговского заводов. 23 марта 1798 г. он подал Павлу I прошение о разборе спорного дела в третейском суде. “Я во уважение к единокровию и братиной привязанности и той горячей дружбе, на которую я полагаюсь, – писал он, – ...желал решаться с ним, братом моим Иваном Яковлевым, чрез суд совестный... коего образ удобен возбудить в сердце друга и брата раскаяние и готовность удовлетворить оскорбленную доверенность возвращением по собственным чувствованиям всего принадлежащего и который для кровных приличнее всякого производства”. Иван “не отрекался” от третейского суда, но просил провести его не в Петербурге, а в Москве, где он тогда находился. Однако разрешенный императором суд не состоялся из-за того, что, “будучи одержим долгое время тяжкою и мучительною болезнью”, 27 ноября 1801 г. Иван Саввич скончался¹⁸⁹. По приказанию его наследников – вдовы Настасьи Борисовны и сыновей Алексея, Павла, Дмитрия и Александра – в заводских церквях были совершены сорокоусты и панихиды, а “бедного состояния людям” выдано 4721 руб. милостыни. Кроме того, прихожане церкви Успения в Верх-Исетском заводе “возымели желание” на гробницу заводчика, похороненного, видимо, в Москве, “устроить плащаницу”¹⁹⁰.

Еще до кончины больного отца (а после по доверенности от матери и малолетних братьев) общее управление всем объединенным хозяйством взял на себя отставной лейб-гвардии корнет Алексей Иванович Яковлев. Ему и пришлось заниматься спорным делом с родным дядей, поскольку тот 16 мая 1802 г. подал прошение о назначении нового суда с наследниками умершего брата и наложении запрещения теперь уже на все купленное имение. “Принадлежаще мне из него половиною, – считал Петр Саввич, – брат владел столько, что теперь иск мой превосходит не только половину, мне принадлежащую, но и все имение, им полученное от матери нашей”. Однако Сенат решил, что для запрещения не было оснований¹⁹¹. Вскоре отпала необходимость и в назначении нового третейского суда в связи с кончиной 29 июля 1802 г. (по другим данным в 1809 г.) самого Петра Саввича¹⁹². Поскольку он умер бездетным, в 1804 г. спорное дело (при наличии законной купчей) было прекращено. Мало того, по той же причине племянники, с которыми Петр Саввич хотел судиться, получили по наследству треть его собственной “невьянской” части. В результате этой запутанной и не очень красивой истории в состав Верх-Исетского округа влилась “шуралинская” часть, что превратило его в крупнейшее хозяйство, сконцентрированное в руках одной группы наследников С. Я. Яковлева, а Невьянский округ оказался самым “слабым звеном”, с нарушенными производственными связями и довольно ограниченными природными ресурсами.

Однако вскоре пришлось несколько “сократиться” и объединенным частям наследников И. С. Яковлева. Видимо, живший тогда вместе с семьей на Верх-Исетском заводе Алексей Иванович скупил части других наследников за исключением доли брата Алек-

сандра. 29 октября 1806 г. в Московском надворном суде между ними был произведен формальный раздел. Старший брат сохранил за собой расширенную отцом “верх-исетскую” часть, а младшему досталась “холуницкая” часть в составе Холуницкого, Климковского и Боровского заводов, располагавшихся в Вятском наместничестве и представлявших собой самостоятельное горнозаводское хозяйство. Алексей Иванович Яковлев стал единоличным владельцем Верх-Исетского округа и трети “невьянской” части наследства его деда¹⁹³.

В период его более чем 40-летнего владения Верх-Исетский округ действовал довольно стабильно, производя в год до 400 тыс. пуд. лучшего, по оценке Уральского Горного правления, железа известной далеко за пределами России марки “А. Я. Сибирь” и клейма “Старый Соболь”. При нем завершилось формирование этого сложного окружного хозяйства, были построены в 1803 г. Нижний Верх-Нейвинский, в 1810 г. Нейвинско-Рудянский и в 1816 г. Нижнесылвинский заводы. С 1820-х гг. здесь началась добыча россыпного золота. К заслугам владельца можно отнести также то, что Верх-Исетский округ в течение всей первой половины XIX в. не был заложен и действовал за счет собственных ресурсов.

Алексей Иванович имел, видимо, спокойный и покладистый характер; ему было приуще и чувство ответственности за свои заводы. Проживая в Петербурге, владелец был в курсе всех заводских дел, периодически получая от заводууправления подробные отчеты. “Крайне удивляюсь и не понимаю побудившей к сему причины, – отчитал он однажды приказчиков за сокращение рапортов, – как это Правление без испрошения предварительного моего позволения и согласия осмелилось на таковое не приятное для меня в счетах изменение... Решительно подтверждаю, чтоб в производстве дел от учрежденного порядка не отступать”. Требуя “вести учет всякой вещи верный и аккуратный”, он и сам старался всегда вовремя отвечать на запрос заводууправления или давать “повеление”. Но при этом вовсе не стремился загружать управляющих “пустячными требованиями” и, бывало, даже извинялся за “излишний вопрос”, в который “был вовлечен ошибкою”. Он внимательно следил за всеми заводскими расходами, хвалил приказчиков, когда они успевали вовремя и дешево заготовить “нужную пропорцию провианта”, требовал “положительных” объяснений в случае каких-либо “излишних трат”¹⁹⁴.

Столь же пристально он следил за заводским производством и качеством металлов. “Сожалею, – писал однажды Алексей Иванович, – что верх-исетская домна... сделала некоторое, хотя впрочем и не очень значительное понижение. Неужели сия красавица, – в шутовском тоне задавал он вопрос, – и в нынешнюю задымку, на самое кратчайшее время гуськами нас повеселила?” “Хвала и хвала отличным подвигам верх-исетской домны”, – радовался он успешному ходу плавки в другой раз. Приказчикам хозяин часто напоминал: “Надобно, дабы при выработке металлических изделий не только сохраняема была достигнутая наружная изящность и внутренняя доброта железа... но всемерно стараться доводить и то и другое до высшей степени совершенства. Стыдно и обидно будет, если славящиеся до днесь добротою и отделкою заводов моих изделия, приведены будут в охулу и посрамление!”¹⁹⁵

Во главе Верх-Исетского заводууправления при нем находились такие известные на Урале горные деятели, как Г. Ф. Зотов, вместе с семьей получивший вольную от владельца в 1825 г., Е. А. Китаев и И. Е. Полузадов. “Слава Богу, что при заводах моих все обстоит благополучно, желаю и впредь о том получать добрые известия”, – этими словами

начиналось большинство предписаний Яковлева своим управляющим. В тех случаях, когда он затруднялся ответить на какой-либо сложный (особенно технический) вопрос, то полагался на опыт управляющих и их “хозяйственное усмотрение”. Высоко оценивая своих служащих, сам заводчик старался не доставлять им излишних трудностей задержкой посылаемых на заводы из Петербургской конторы капиталов. Дело доходило до того, что осенью, когда, по его словам, “по причине морозов с появом на Неве льда обыкновенно разводится мост и сообщение с твердою стороною бывает затруднительно” (он жил на Васильевском острове, где находилась и главная контора), предусмотрительный владелец заблаговременно отсылал деньги на заводское действие, “дабы не допустить ныне текущую неделю без посылки”¹⁹⁶.

Понимал он и значение заботы о горнозаводском населении и особенно внимательно следил за сведениями о больных. “Подтверждаю посредством господина Ламони [нанятого врача] и опытных лекарских учеников предпринять деятельные меры к излечению страждущих людей”, – такой припиской сопровождал он в 1825 г. ежегодную посылку медикаментов на заводы на сумму более 5 тыс. руб. “Кто и с каким прилежанием из учащихся Верх-Исетского училища продолжили объясненные науки?” – нередко спрашивал он у заводууправления. “Урок”, который Алексей Иванович получил в 1812 г. во время волнения приписных крестьян и непременных работников его заводов, не прошел бесследно. Он старался поддерживать достойный уровень жизни крепостного и казенного населения своих заводов и уверенно утверждал, что “платы производятся за все мастерства достаточные, сообразные с другими заводами... при возвышении цен на муку и овес и недостаточной заготовке сена по неурожаю трав, поставщикам угля и строителям судов делаются единовременные награждения, лишающимся скота и по каким-либо другим особым случаям также производятся пособия, а выдаваемые в одолжение под заработки, по неотработке их, к концу оборота по рассмотрению обстоятельств слагаются и записываются в расход”. Случалось, хозяин даже получал благодарности от рабочих “за удовлетворительное их положение”¹⁹⁷.

Владелец 12 заводов крупнейшего Верх-Исетского округа и совладелец трех заводов старейшего Невьянского округа Алексей Иванович Яковлев умер в 1849 г. в 80-летнем возрасте, пережив семерых из девяти своих детей (четверо умерло в младенчестве). Наследниками после него остались сын титулярный советник Иван Алексеевич Яковлев и дочь Надежда Алексеевна, бывшая замужем за потомком двух известных шведских родов графом А. И. Стенбок-Фермор (скончавшимся в 1850 г.)¹⁹⁸. Об основном наследнике И. А. Яковлеве известно, что в 1820-е гг. он был партнером А. С. Пушкина по карточной игре и кутежам, а с 1829 по 1836 г. жил в Париже¹⁹⁹. По определению Санкт-Петербургской гражданской палаты от 20 февраля 1852 г. наследственное недвижимое имение, включавшее означенные заводы с Трекинской пристанью (по 9-й ревизии 16 671 рев. д. крепостных, казенных мастеровых и непременных работников), каменный дом в Перми и деревянный в Лаишеве, а также два каменных дома в Петербурге в Васильевской части (по табели 1846 г. № 207 и 208), было утверждено за ними “в законных частях” (по закону дочь при живых сыновьях получала $\frac{1}{14}$ часть недвижимого имущества), но оставалось в нераздельной собственности. Движимое имущество и денежные капиталы брат с сестрой “разделили между собой навсегда... и по сему предмету один к другому никакого требования более не имели”²⁰⁰.

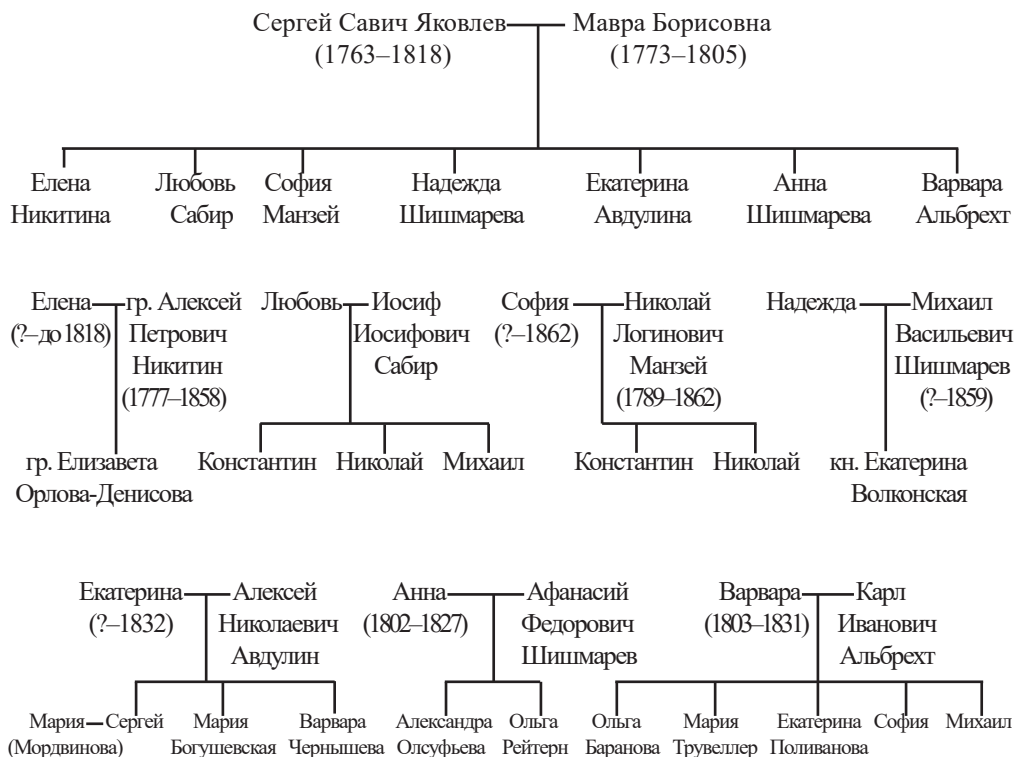
Однако вскоре, 26 июля 1852 г., между совладельцами была заключена “запись”, по которой Надежда Алексеевна уступала свою часть имения “в пожизненное полное владение и распоряжение” брату, который взамен обязывался выплачивать ей или ее потомкам “в неперменный доход” по 50 тыс. руб. сер. в год. Графиня давала обещание “кроме сей денежной выдачи... никакого более выдела под каким бы то ни было предлогом не требовать и ни о чем по сему предмету не просить”, а Иван Алексеевич брал на себя ответственность за все взыскания по заводам. Цену передаваемой части владельцы “по совести” определили в 700 тыс. руб. сер. Документ был утвержден 1 августа 1852 г. в Петербургской гражданской палате в присутствии действительных статских советников графа А. П. Голенищева-Кутузова и А. И. Холанского и коллежского секретаря В. Е. Стремоухова²⁰¹.

В это время, по классификации Уральского Горного правления, Верх-Исетские заводы занимали одно из первых мест среди других округов по количеству (до 400 тыс. пуд.) и качеству изготовлявшегося железа и темпам технического прогресса, а рабочие содержались там “в полном довольствии”. В 10-летнее управление И. А. Яковлева сохранилась специализация округа на производстве кричного железа, из которого выделялись высококачественные сорта (в основном листовое и шинное железо), идущие на экспорт. Однако ставка на устаревшие технологии не могла обеспечить подъем производства и грозила грядущим отставанием. В противовес этому в округе стали активно развиваться новые отрасли хозяйства. В 1855 г. была начата выплавка меди из руды открытого Ключевского рудника, а добыча золота доведена до самого высокого уровня среди посессионных заводов Урала. В 1858 г. здесь было получено около 40 пуд. этого драгоценного металла²⁰².

Вскоре после крестьянской реформы, сопровождавшейся волнениями мастеровых, бездетный владелец (у него была воспитанница, вышедшая замуж за князя Д. П. Салтыкова)²⁰³, ставший к тому времени статским советником и камергером, решил отказаться от условий прежнего договора с сестрой. В начале 1862 г. между ними в Петербурге был заключен новый акт. В прошении министру финансов от лица брата, находившегося в то время в Париже, Н. А. Стенбок-Фермор удостоверяла, что по общему соглашению он, “не желая пользоваться предоставленным мною ему правом владения... отказался от права этого навсегда и потому предоставил ту часть обратно в полную мою собственность”. Прежняя “запись” 1852 г. была уничтожена, и вместо нее владельцы совершили раздел общего имения, оцененного ими в 10 млн руб. сер. Надежда Алексеевна получила Верх-Исетские заводы с пристанью (при которых по 10-й ревизии числилось 15 741 рев. д.) и дома в Перми и Лаишеве, а Иван Алексеевич – два дома в Петербурге и третью часть в Невьянских заводах с 2 977 рев. д. Горный департамент не нашел препятствий к совершению сделки, и раздел собственности между наследниками А. И. Яковлева состоялся²⁰⁴. Графиня Н. А. Стенбок-Фермор успешно владела Верх-Исетским округом, по-прежнему занимавшим “первостепенное положение в уральском горном хозяйстве”, до своей кончины в 1898 г. Ей же досталась после смерти не оставившего прямых наследников брата и часть Невьянских заводов²⁰⁵.

2.2. Яковлевы (алапаевские и уинские)

Более сложной оказалась история владения в первой половине XIX в. “алапаевской” частью Сергея Саввича Яковлева. Он оставался единоличным собственником доставшихся ему по разделу девяти заводов (Нижнеалапаевский, Верхнеалапаевский, Верхнесинячихинский, Нижнесинячихинский, Верхнесусанский, Нижнесусанский, Ирбитский, Шермяитский и Уинский) до своей смерти в 1818 г. Наследниками его стали шесть дочерей – Любовь (замужем за генерал-майором Иосифом Иосифовичем Сабиром), София (за генерал-майором Николаем Логиновичем Манзеем, сыном директора Вышневолоцкого канала), Надежда (за гвардии штаб-ротмистром Михаилом Васильевичем Шишмаревым), Екатерина (за генерал-майором Алексеем Николаевичем Авдулиным), Анна (за штабс-капитаном Афанасием Федоровичем Шишмаревым) и Варвара (за генерал-майором Корпуса инженеров путей сообщений Карлом Ивановичем Альбрехтом), а также внучка Елизавета (дочь уже умершей старшей дочери Елены), за которую отвечал отец и опекун, в будущем генерал от кавалерии граф Алексей Петрович Никитин²⁰⁶.

Наследницы решительно взялись за настоящую перестройку своего заводского хозяйства, начатую еще при жизни отца. В 1824 и 1825 гг. они просили разрешения на устройство нового доменного завода на реке Нейве вместо двух Алапаевских, двух Синячихинских и двух Сусанских заводов. Как сообщало Горное правление, в 1825 г. им было “разрешено значительно уменьшить заводское действие не по недостатку лесов

или по другим причинам, делающим ущерб казенным доходам, но по малоимению при старых плотинах воды”. В 1826 и 1827 гг. были введены в строй Нейво-Алапаевский и Нейво-Шайтанский заводы. На первом построили плотину и при ней две доменные и две медеплавильные печи, а при Шайтанской плотине, устроенной еще в 1816 г., восстановили четыре молота и другие устройства. К началу 1850-х гг. сложилась новая комбинация предприятий Алапаевского округа, в котором вместо прежних семи действовали два новых, а также не закрывавшийся Ирбитский и восстановленный в 1850 г. Верхнесинячихинский заводы. В результате перестройки существенно обновленный Алапаевский округ вошел в число ведущих горнозаводских хозяйств Урала, где в конце 1850-х гг. производилось около 1 млн пуд. чугуна и 770 тыс. пуд. железа²⁰⁷.

Правда, интенсивная перестройка хозяйства была сопряжена с ухудшением материального положения казенных и крепостных работников. Неоднократные их жалобы “на недостаточное и притеснительное содержание” нашли подтверждение в ходе нескольких ревизий. В 1843 г. по предложению горного советника Деханова, проверявшего Алапаевские заводы, было рекомендовано ввести там штаты Екатеринбургских казенных заводов. Это, считал советник, не только возможно сделать “по их сходству”, но и необходимо, поскольку рабочие в округе состояли в основном из казенных мастеровых (2665 рев. д. по 8-й ревизии) и непременных работников (2806), а крепостных имелось всего 758 рев. д. Пока это предложение обсуждалось “в инстанциях”, владелицы сами с 1 мая 1844 г. ввели на своих заводах штаты Екатеринбургских, а с 9 августа 1855 г. – Гороблагодатских казенных заводов²⁰⁸.

Серьезные дополнительные проблемы доставляли владельцам составлявшие отдельное хозяйство Уинский и Шермяитский медеплавильные заводы, расположенные в Осинском уезде Пермской губернии в 450 верстах от Алапаевска. Владельцы смотрели на эти заводы как на второстепенные, исполнявшие вспомогательную роль в их обширном хозяйстве. “В течение прошедших 15 лет управления оными, – рапортовала алапаевская заводская контора в 1834 г., – весьма редко приготавливалось и отправлялось в караваны меди и такое количество, которое едва покрывать могло употребленную на содержание их сумму, а, напротив того, почти всегда действие их бывало в убыток”. Главными причинами такого состояния Уинских заводов, по мнению конторы, являлись “выработка рудовместилищ, где редко находимы бывают толстые слои и обширные гнезда руды”, и затруднения в заготовке провианта для “безденежной” выдачи растущему горнозаводскому населению (по 6-й ревизии 585, по 8-й – 765 рев. д.). Контора жаловалась также на “вольных крестьян”, нанимавшихся “в горные, заводские и куренные работы”, которые, получая от заводов задатки, уходили “в другие места, оставляя условия свои без выполнения и заданные им деньги в долгу”²⁰⁹.

Хотя Уинские заводы не приносили большого дохода, владельцы мирились с этим фактом, поскольку платили с них “одинакую” горную подать вследствие того, что заводы эти (в отличие от Алапаевских) считались владельческими. Однако в начале XIX в. появились основания для пересмотра статуса Уинского завода, построенного на кортомленных у татар землях. По указу от 17 июля 1807 г. (подтвержденному в 1822 г.) татары и черемисы вместо ясака облагались оброком и сравнивались с казенными крестьянами. Земли, прежде считавшиеся их собственностью “по силе данных им грамот”, перечислялись во владение казны. Следствием этого мог стать перевод завода из владельческих в посессионные. “Если земли поступят в казну и нужно будет платить полуторную по-

дать, – предупреждали владельцы, – то это заставит прекратить действие заводов во избежание большего убытка”. Правда, до начала 1840-х гг. никаких последствий это дело не имело, хотя вопрос о статусе Уинских заводов был поднят в ходе “разбора прав” частных заводчиков, начатого в 1830 г. 12 октября 1835 г. Горное правление предоставило на усмотрение Горного департамента свое заключение о том, что Уинский завод должен считаться имеющим пособие от казны²¹⁰.

Пока решение еще не было утверждено, владельцы попытались воспользоваться в своих интересах “правом полной собственности” и предпринять меры к увеличению рентабельности убыточных заводов. “Сообразив выгоды заводов с выгодами земли”, в 1834 г. (когда заводы принесли убытка 16 тыс. руб.) они “почли удобным содержать мастеровых... на земледельческом положении”, то есть перевести их на заводскую барщину. По предложенному ими проекту, “всякий человек мужского и женского пола” должен был работать три дня в неделю на заводе, а остальное время “на себя”, или же одну неделю “на себя”, а другую на заводе. Заработная плата и выдача провианта отменялись, сохранялась только выплата всех податей и повинностей “от заводов”. “Содержание” крепостные должны были получать “от приобретений своих в течение половины года”. Владельцы убеждали Горное правление, что “введение на заводах хлебопашества” является единственным способом сохранить их действие, а значит, и доходы казны, и в то же время уменьшит убытки. Они писали, что “в грани Уинских заводов земля весьма способна к хлебопашеству, все заводские люди довольно содержат скота, почти все имеют лошадей и многие из них с давнего уже времени занимаются обработкой земли и посевом хлеба... а женский пол остается там без всяких занятий”.

В том, в чем были уверены владельцы, выразил сомнение министр финансов Е. Ф. Канкрин, на утверждение которого был отправлен представленный проект. “Нахожу, – писал он, – что... лишение заводских людей жалования и провианта взамен предоставленного им свободного от заводских работ времени, тогда только может иметь место, когда не оставалось бы никакого сомнения, что в сие время действительно люди трудами своими приобретут достаточное для себя и семейств своих пропитание”. У властей возникли сомнения и в правовых основаниях такого преобразования. Считая Уинские заводы посессионными, чиновники Горного правления утверждали тогда, что “введение хлебопашества на заводах должно зависеть не от произвола владельцев, а от правительства”, и лучше вовсе закрыть их, а людей перевести на другие заводы Яковлевых. В спор вступила и Пермская казенная палата, предлагавшая переселить на огромные и, как она считала, “пустопорожние” земли этих заводов казенных крестьян, “нуждающихся в земледельческих угодьях”. Однако министр государственных имуществ П. Д. Киселев решил в 1839 г., что земли, которыми пользовались Уинские заводы, не могут быть окончательно признаны ни заводскими, ни казенными, “ибо о них производится еще дело, не получившее окончания”²¹¹.

Наконец в 1840 и 1842 гг. Сенат постановил зачислить леса Уинского завода в казенное ведомство. С 1843 г. за рубку леса для действия завода владельцы стали платить “попенные и посаженные деньги”, а Пермская казенная палата получила санкцию переселять крестьян на бывшие заводские территории. В последующие годы было принято решение об отводе этому заводу казенных лесов, в результате чего 28 января 1853 г. Горное правление перечислило его в разряд посессионных “за уничтожением вотчинных прав продавателей [татар] на земли, леса и рудники и приграничением к нему лесов казен-

ных”. Однако, когда в 1855 г. владельцы потребовали отменить уплату попенных денег за пользование якобы отведенными заводу лесами, то получили отказ. “Отвод казенных лесов, – последовал уклончивый ответ из Министерства государственных имуществ, – не есть действительное приграничение, а только отграничение заводу такого пространства, которое, будучи нужно на безотлагательное его действие, должно оставаться свободным от заселения государственных крестьян, но не выходит из владения казенного впредь до апелляционного дела в Правительствующем Сенате”²¹².

Не менее сложным и запутанным оказался вопрос о судьбе Шермяитского завода, дача которого, “как уступленная башкирцами”, была в 1853 г. “присуждена во владение помещице”. Но оказалось, что она была не разделена с землями государственных крестьян, почему в 1859 г. казенная палата приступила “к отграничению земель Шермяитского завода в казенное управление”. Мало того, выяснилось, что еще при строительстве завода А. И. Глебовым в XVIII в. туда были отправлены 80 казенных “ремесленников”, судьба которых оказалась неизвестной горному начальству²¹³.

Возникшие проблемы подтолкнули владельцев к осуществлению давно созревшего желания закрыть Уинские заводы, а крепостных перевести в Алапаевский округ, испытывавший недостаток в рабочих руках. Если до 1853–1854 гг. выплавка меди в округе колебалась в пределах 3 тыс. пуд., то с 1855 г. она сокращается почти втрое. Владельцы пытались объяснить это исключительно последствиями посессионных ограничений, что лишь отчасти соответствовало действительности. На самом деле сокращение производства было вызвано предписанием Главной Алапаевской конторы “мокрые и малогнездные рудники разработкой остановить и вынимать руду только из сухих рудников и самых лучших”. Тем самым, сообщали возмущенные мастеровые в 1856 г., заводы “приготавлиются к уничтожению”, а люди – к переводу в Алапаевские заводы. “Под предлогом временной командировки” в 1852/53 г. туда уже были переселены 50 чел., из которых, по свидетельству рабочих, “около половины или более отданы за алапаевских людей в рекруты и впоследствии оставлены постоянно там на жительство”. Предполагаемый в 1856 г. новый перевод 100 чел. “с лошадьми и экипажами без семейств”, санкционированный находившимся на заводах “участником в оных” Н. Н. Манзеем, стал поводом к волнению. В его ходе мастеровые однозначно негативно оценили намерения и поступки своих владельцев.

“Рудовместилища Уинских заводов, – сообщали рабочие главному начальнику, – не истощены до того, чтоб стоило их погасить, а содержание руд ничуть не беднее других, соседственных заводов. Выплавка меди с превосходством соответствует употребляемому капиталу и числу рабочих”. Если владельцы, считали мастеровые, “остаются по многочисленности участников недовольны пользою, какую приносят эти заводы”, то это еще не дает им права “для поддержания действия Алапаевских заводов... нарушать... нашего (хотя покуда незавидного) спокойствия с неизбежным разорением от переселения с родной на другую почву земли единственно только из личных их интересов”²¹⁴. Эти жалобы были признаны “несправедливыми” проводившими следствие чиновниками, которые, по мнению рабочих, “завистны были богатству и знатности господ владельцев”. Тем не менее волнение подтолкнуло наследников С. С. Яковлева не к опасному по своим последствиям закрытию, а к продаже “с общего согласия” “беспокойных” Уинских заводов.

Решиться на этот шаг пришлось уже в основном наследникам дочерей С. С. Яковлева. Из них долее всех владела своими паями С. С. Манзей, умершая в 1862 г. После Н. С. Шишмаревой, умершей в конце 1850-х гг., ее доля перешла мужу и дочери – Екатерине Михайловне, жене генерал-майора князя Петра Григорьевича Волконского. После А. С. Шишмаревой, умершей в 1827 г., – двум ее дочерям – Александре Афанасьевне (замужем за свитским генерал-майором Федором Сергеевичем Чернышевым, потом за Дурасовым) и Ольге Афанасьевне (замужем за полковником Александром Матвеевичем Олсуфьевым). После В. С. Альбрехт, умершей в 1831 г., – мужу, сыну штаб-ротмистру Михаилу Карловичу и четырем дочерям – Ольге Карловне (замужем за генерал-лейтенантом фон Рейтерн), Марии Карловне (замужем за коллежским советником Николаем Карловичем фон Барановым), Екатерине Карловне (замужем за генерал-майором Трувеллер) и Софье Карловне (замужем за поручиком Поливановым). После Л. С. Сабир – мужу и трем сыновьям – Константину, Николаю и Михаилу Иосифовичам Сабиром. После Е. С. Авдулиной, умершей в 1832 г., – сыну коллежскому асессору Сергею Алексеевичу и двум дочерям – Марии Алексеевне (замужем за ротмистром Дмитрием Васильевичем Богушевским) и Варваре Алексеевне.

После смерти С. А. Авдулина часть его долей перешла вдове Марии Алексеевне (вторично вышедшей замуж за надворного советника Семена Александровича Мордвинова) и сестрам, которые продали их графу А. П. Никитину, мужу умершей еще до раздела 1818 г. Е. С. Яковлевой. По воспоминаниям Алексей Петрович Никитин был не только “отличным артиллерийским офицером”, который в Отечественную войну 1812 г. “славился как отменной храбростью, так и умением распоряжаться артиллерией на поле сражения”. Он проявил себя и как хороший начальник южных военных поселений и военный инспектор²¹⁵. Приобретением паев своих родственников по жене в уральских заводах он занялся уже будучи в отставке в 1850-е гг. Кроме части Авдулина ему перешли доли С. К. Поливановой и полковника М. И. Сабира. После смерти Никитина в 1858 г. эти пай прибавились к доле его дочери Елизаветы Алексеевны, которая была замужем за генерал-адъютантом, походным атаманом казачьих войск графом Федором Васильевичем Орловым-Денисовым. В 1851 г. М. К. Альбрехт, а в 1853 г. К. И. Альбрехт продали свои части всем совладельцам²¹⁶.

В итоге начавшихся внутрисемейных переделов к 1861 г. владельцами Алапаевских заводов значились 14 потомков С. С. Яковлева, распределивших между собой 1176 долей всего имения (помимо заводов в него входили с. Великое в Ярославской губернии и дома в Петербурге, Перми и Лаишеве). Наиболее крупный пай ($327 \frac{8}{15}$), доставшийся от матери и предприимчивого отца, принадлежал графине Е. А. Орловой-Денисовой. По $182 \frac{14}{15}$ долей владели С. С. Манзей и княгиня Е. М. Волконская, по $91 \frac{7}{15}$ – А. А. Чернышева и О. А. Олсуфьева, по $44 \frac{4}{15}$ – М. А. Богушевская и В. А. Авдулина. И. И. Сабир владел $26 \frac{2}{15}$ долями, а его сыновья К. И. и Н. И. Сабиры – по $52 \frac{4}{15}$. Сестрам О. К. фон Рейтерн, Е. К. Трувеллер и М. К. фон Барановой принадлежали по $19 \frac{9}{15}$ и, наконец, М. А. Мордвиновой – $22 \frac{4}{15}$ долей. Тогда владельцы в основном проживали в Петербурге и Царском Селе, а Е. М. Волконская – в Париже. В Петербурге на Васильевском острове (на углу Среднего проспекта по набережной Малой Невы в собственном доме № 2, 4, 8) находилось и Общее правление имениями наследников С. С. Яковлева²¹⁷.

До 1857 г. это правление состояло из владельцев и их поверенных и основывалось на “полюбовном между ними акте”. Такой порядок, по мнению владельцев, “был удобен, пока их число было незначительным и представляло семь родовых наследственных частей, равных между собою”. Но по причине дробления и продаж, “равенство” частей было нарушено. 10 июня того года совладельцы отправили министру юстиции прошение, в котором сообщали, что “испытывая неудобство существующим ныне порядком управления имением и предвидя, что впоследствии с увеличением числа владельцев увеличится и затруднение распоряжения оным”, они решились “по взаимному соглашению” на изменение этого порядка. Основываясь на мнении Государственного Совета от 5 июля 1855 г., владельцы предложили на рассмотрение министру проект Положения нового управления.

В соответствии с ним главным органом управления становилось Общее собрание владельцев, деливших 1176 долей имения. Владелец трех долей получал право одного голоса, 60 и более – двух, 168 – трех голосов. Владевший менее трех долей мог лишь присутствовать на собрании, но “без участия в решениях оно”. Из числа владельцев или из посторонних лиц, “имевших право на владение населенными имениями”, избиралось на пять лет Главное правление. Оно состояло из пяти членов и трех кандидатов “для временного замещения члена в случае его отлучки”²¹⁸.

Граф В. Н. Панин и его преемник в кресле министра юстиции Д. Н. Замятнин высказали целый ряд замечаний (о правах опеки, которые должны были иметь голос в Общем собрании; о правах мелких владельцев, которым было предложено объединяться в голосующие группы; о повышении ответственности членов правления в случае растраты денег; о правомочности Общего собрания лишь в случае, если присутствовавшие составляли не менее $\frac{2}{3}$ голосов, и о том, что дела решаются простым большинством голосов), которые были учтены в дважды переработанном проекте. На согласования ушло больше года, пока, наконец, в сентябре 1858 г. “по рассмотрению в подробности... проекта оказалось, что он составлен во всем согласно со сделанными министром юстиции замечаниями... и по содержанию своему достигает достаточно той цели, которая была в виду Министерства при рассмотрении первоначального проекта – ограждения прав малолетних совладельцев, равно и имеющих малые доли”. В октябре Положение было внесено в Комитет министров, одобрено там и утверждено императором 8 ноября 1858 г.²¹⁹

Не дожидаясь утверждения проекта Положения, владельцы заранее привели его в исполнение “в виде опыта” и даже избрали членов нового Главного правления. Ими стали граф Ф. В. Орлов-Денисов, Ф. С. Чернышев, М. В. Шишмарев, генерал-майор А. А. Одинцов (поверенный О. К. фон Рейтерн и М. А. Мордвиновой) и коллежский советник М. К. Линденбаум (поверенный Сабиров). В апреле 1859 г. уже на законных основаниях Общее собрание вместо отказавшегося от должности и, видимо, вскоре умершего М. В. Шишмарева выбрало в члены правления С. А. Мордвинова. Кандидатами были избраны Н. К. фон Баранов, К. Н. Манзей (сын С. С. Манзей) и Д. В. Богушевский. Одним из первых важнейших решений нового управления стала продажа “с общего согласия” в январе 1859 г. Уинского и Шермяитского медеплавильных заводов графине О. Н. Рошефор²²⁰.

2.3. Яковлевы (невьянские)

Наиболее сложной оказалась в первой половине XIX в. история “невьянской” части, доставшейся по разделу 1787 г. коллежскому советнику Петру Саввичу Яковлеву. Он завершил формирование окружной системы, прибавив к полученным по наследству Невьянскому и Быньговскому передельный Петрокаменский завод. Но, когда он умер в 1802(9) г., прямых наследников не осталось. Поэтому заводы перешли его родственникам – владельцам остальных трех частей наследства С. Я. Яковлева. В результате Невьянский округ оказался в общем владении брата Сергея Саввича (владельца “алапаевской” части), племянника Алексея Ивановича (владельца “верх-исетской” и “шуралинской” частей) и племянников же Николая, Ивана, Михаила, Григория и Саввы Михайловичей (владельцев “ярославской” части). Все имение было условно поделено на три равные части и представляло собой семейно-паевое товарищество с общим правлением в Петербурге (“у Обухова дома в собственном доме”). В 1857 г. министр финансов сообщал, что из всех горнозаводских имений Урала Невьянские заводы имеют наибольшее число владельцев. Одна их группа тогда была представлена 24, другая – двумя и третья – 16 “участниками”²²¹.

В такой сложной комбинации владельцев общее управление заводами должно было учитывать интересы всех их. Хотя в Общее правление Невьянских заводов в Петербурге входили всего по одному представителю от каждой группы владельцев (так, в 1848 г. наследников С. С. Яковлева представлял генерал-майор К. И. Альбрехт, наследников М. С. Яковлева генерал-майор Аничков, от своего имени выступал А. И. Яковлев)²²², согласованности порой было сложно добиться. В особенности это касалось окружной администрации, куда была перенесена та же “трехчленная” структура управления, замененная “двухчленной” после того, как в 1850 г. владельцы “верх-исетской” и “алапаевской” частей договорились назначать одного общего управляющего.

Коллективное владение имело тот недостаток, что порой трудности одного участника или группы участников создавали проблемы для всех. В первую очередь это касалось наследников Михаила Саввича Яковлева, помимо части Невьянских заводов владевших Ярославской полотняной мануфактурой (кроме наследников М. М. Яковлева). Во многом критическая для этой группы владельцев ситуация сложилась в 1845 г., когда Петербургский уездный суд предписал продать за долги недвижимое имущество одной из них – вдовы статского советника Ивана Михайловича Яковлева Капитолины Ивановны. Еще в 1843 г. на нее был подан первый иск на 10 тыс. руб. асс. от надворного советника Булгакова. Через два года претензии уже нескольких кредиторов возросли до 129 755 руб. сер., из которых около 67 тыс. руб. были уплачены за счет продажи имевшихся у должника небольших вотчинных имений. Но, как сообщало Петербургское губернское правление, “кредиторы в достальной сумме 62 777 руб. сер. остались неудовлетворенными за недостатком денег”, между тем как у Капитолины Ивановны имелось еще в собственности четыре души крестьян в Нижегородской губернии, участие в Невьянских заводах ($\frac{1}{35}$ часть) и Ярославской мануфактуре ($\frac{1}{28}$ часть), оценивавшиеся в 85 932 руб. сер.²²³

По закону доли совладельцев, подвергшихся взысканиям за долги, следовало брать в опеку и, “секвеструя с них доходы, уплачивать долги, доколе будут все очищены”. Однако такой порядок взыскания показался властям бесперспективным. Дело в том, что средний годовой доход К. И. Яковлевой на ее заводскую часть составлял всего 1183 руб., тогда как одних процентов на задолженную сумму набегало за это же время в 3,5 раза больше. Ярославская мануфактура, как сообщил председатель Общего правления, находилась в упадке и доходов вовсе не приносила. В такой ситуации и было решено, опираясь на другие статьи гражданских законов, не относящиеся, правда, к горным заводам, подвергнуть части вдовы публичной продаже. В июне 1845 г. Петербургская управа благочиния наложила арест на причитающуюся Капитолине Ивановне часть железа, а в мае 1846 г. Уральское Горное правление распорядилось сделать опись Невьянских заводов. При этом было предписано продажу всего железа осуществлять лишь с разрешения Горного правления.

По всей видимости, родственники Яковлевой были вовсе не против продажи ее доли, тем более что по закону они имели право первыми приобрести ее. Но их крайне обеспокоили решения властей, касавшиеся общей собственности. Они подали “куда следует” жалобы, утверждая, что неправильно налагать арест на железо, принадлежащее всем совладельцам, по долговой претензии на одну из них, да еще, как оказалось, имевшей в заводах “малое участие”. Капитолина Ивановна, сообщали они, имеет в Невьянских заводах вовсе не $\frac{1}{35}$, а $\frac{1}{105}$ часть. Оказывается, на 105 паев делилось тогда все заводское имение, а каждая из ветвей рода Яковлевых владела третью из них. Вдове действительно принадлежал один пай из 35, но лишь в части наследников М. С. Яковлева, а значит, в общем владении Невьянскими заводами – один пай из 105. Хотя эту ошибку быстро исправили, опись заводов не была остановлена. Назначенным для ее проведения чиновникам, чтобы выделить всего лишь $\frac{1}{105}$ часть, назначенную к продаже, пришлось описывать все имущество обширного горнозаводского хозяйства. В результате опись на 817 листах была закончена не за четыре месяца, как первоначально предполагалось, а только к июлю 1847 г.²²⁴

Однако этот труд оказался бессмысленным. Отсылая опись в столицу, Уральское Горное правление уведомляло, что часть К. И. Яковлевой в Невьянских заводах не может быть продана за долги владелицы, поскольку заводы “находятся не в упадке, а в полном действии”. В таком случае можно было лишь учредить опеку над этой частью, а не продать ее. Вскоре изменилась и позиция Сената, ранее неоднократно настаивавшего на продаже. 23 декабря 1848 г. вышел его указ об учреждении опеки над имением Яковлевой. В лице коллежского асессора Серова таковая была учреждена в январе следующего года в Екатеринбурге. В итоге часть вдовы в Невьянских заводах была сохранена за ней, а совладельцы отделались лишь небольшим испугом. Проданы были только принадлежавшие ей четыре нижегородских крестьянина, а вырученные за них 472 руб. сер. отосланы “на удовлетворение кредиторов”. Им же опека стала перечислять чистый доход вдовы от продажи железа и золота Невьянских заводов, который в 1848 г. составил 808 руб. сер. Такое положение сохранялось и после смерти Капитолины Ивановны в 1852 г., поскольку наследники ее имени не принимали его, “покуда не будут опекунским управлением уплачены долги”. В результате даже в 1861 г. умершая уже девять лет назад заводчица все еще числилась в составе совладельцев Невьянского округа²²⁵.

Другим “неприятным для заводоуправления случаем” оказалась организация продажи железа теми же наследниками М. С. Яковлева. В отличие от двух других групп совладельцев (“алапаевской” и “верх-исетской”), продажей металлов которых занимались их уральские окружные правления, “Михайловичи”, не имевшие здесь других заводов, кроме Невьянских, “по обоюдному между собой согласию” объединились в три группы, каждая из которых самостоятельно продавала металлы. Одной “распоряжался” генерал-майор Григорий Михайлович Яковлев, другой – надворный советник Михаил Савич Яковлев; в третью входили наследники статского советника Ивана и надворного советника Григория Михайловичей Яковлевых. “Разделение одной трети еще на три части не ведет к общей цели благосостояния и порядка в заводах, – считал опекун Серов. – Каждая часть старается о собственных прибытках, не заботясь, что невысылкою в свое время денег, как сами они, так и другие первых двух частей сонаследники в заготовлении материалов и прочих припасов несут значительный убыток, рабочие люди по невыдаче задельных плат в продовольствии терпят нужду”²²⁶. Тем не менее положение не менялось.

Еще одной проблемой этой группы “невьянских” владельцев являлись их долги по Ярославской мануфактуре, выплата которых увязывалась властью с прибылями от уральских заводов. Дело дошло до того, что указом Сената от 16 июля 1846 г. Общее правление наследников М. С. Яковлева в Петербурге было закрыто и вместо него учреждено Особое опекунское управление по делам Ярославской мануфактуры “под наблюдением начальника Ярославской губернии”. Опека должна была “из прибыльного заводского капитала уплачивать преимущественно долги, состоящие собственно на мануфактуре, обращая остальные доходы, какие будут следовать к выдаче владельцам, на пополнение предъявленных им частных исков”²²⁷. Таким образом, Невьянским заводам приходилось расплачиваться по долгам одной части своих владельцев за их неуральские владения.

Но это решение не могло исправить положения вследствие невысоких прибылей клонившихся к упадку Невьянских заводов, тем более что эти прибыли приходилось делить с двумя другими группами совладельцев. Усугубляла общую ситуацию так до конца и не решенная проблема с нехваткой лесов на действие этих старейших уральских заво-

дов. По жалобе владельцев еще в 1838 г. Сенат распорядился приграничить к территории округа свободные Мурзинские площади (8717 дес.), но “поелику таковое вспоможение не обеспечивало Невьянские заводы навсегда в продовольствии лесными материалами”, то заводовладельцам вменялось в обязанность ограничить действие заводов. В 1849 г. после проведения сложных расчетов и с согласия владельцев производительность заводов была установлена на уровне 240 тыс. пуд. железа в год, что оказалось более чем на треть меньше прежней. В 1853 г. Сенат уточнил, что в эту норму не входило бракованное железо, которое не поступало на продажу, а использовалось только “на заводские надобности”²²⁸. Естественно, такое сокращение производства не могло не сказаться на уровне доходов владельцев.

О порядках на Невьянских заводах откровенно высказался назначенный в 1850 г. управляющим от “верх-исетской” и “алапаевской” частей общего владения отставной инженер-полковник Г. Г. Москвин. Прибыв на заводы, он обнаружил, что хотя “плавка чугуна шла хорошо и железо выковывалось также хорошо и успешно”, но некоторые устройства были уже “довольно ветхи”, заготовка угля происходила без контроля заводоуправления, а потому “кто где хотел, там и рубил и жег уголь”. “В самом жалком положении”, по его мнению, находилась добыча золота: прииски вырабатывались, новых разведок не проводилось, широко распространенные старательские работы велись в полном беспорядке, “противном всякому доброму хозяйству”. По свидетельству посетившего округ в 1851 г. поверенного от владельцев гвардии штаб-ротмистра Н. Н. Манзея, новый управляющий начал исправлять недостатки, стараясь все сделать “экономически”. “Много хорошего и основательного” заметил проверяющий и в переменах по заводоуправлению, где прежде дела велись “с такою неопределенностью”, что Москвин поначалу не мог даже “получить ясное понятие о заводском оборотном капитале”. “По отчетам, – писал Манзей, – деньги переводились из года в год так, что неизвестно было, какую действительно требовать впредь сумму на действие заводское, а собрать и привести в ясность прежние отчеты стоило много трудов”²²⁹.

Виновниками запутанного финансового положения Невьянских заводов были объявлены владельцы “ярославской” части. “По известной недосылке господами наследниками М. С. Яковлева постоянно из году в год” в заводской кассе всегда ощущался недостаток в капиталах, что, естественно, не могло не сказаться на общем состоянии дел. К 1850 г. их “недоимки с недосылкою каждогодно денег” составили 122 896 руб. сер. 25 октября 1850 г. Сенат предписал “все суммы на действие Невьянских заводов с части наследников М. С. Яковлева вполне обеспечить засеквестрованием металлов и, когда будут удовлетворены все заводские надобности, тогда распорядиться о наложении ареста на следующую выделку металлов этих владельцев для удовлетворения состоящих на них долгов по Ярославской мануфактуре”. Поскольку и это решение не исправило положение, в 1852 г. заводы в третьей части, принадлежавшей наследникам М. С. Яковлева, были взяты в казенный присмотр “с изъятием” состоявших под опекой частей Капитолины Ивановны и отставного штаб-ротмистра Петра Григорьевича (его $\frac{6}{105}$ долей были взяты в опеку за личные долги в 1851 г.). Утрата заводских доходов, которые шли на погашение долгов, привела к тому, что, по словам того же П. Г. Яковлева, “поставлен он совершенно в страдательное положение в отношении содержания себя по жительству притом в Санкт-Петербурге”²³⁰.

Следствиями установления казенного присмотра, а возможно, и корыстного расчета наследников М. С. Яковлева, решивших воспользоваться сложившейся ситуацией в своих интересах, стали перемены в окружном управлении. Вопреки порядку “двойственного” управления, для усиления своей роли Уральское Горное правление “заставило” признать голос назначенного от наследников М. С. Яковлева управляющего К. К. Пескова равным голосу полковника Москвина, выступавшего от лица двух из трех частей владения. В результате тот лишился решающего влияния на ход заводских дел, что не могло не отразиться на темпах задуманной им модернизации. Песков же, по оценке Н. Н. Манзей, оказался “не только совершенно лишним в управлении заводами, но даже неблагоприятным и вредным вследствие нетрезвого поведения”. Тем не менее он продолжал управлять заводами, хотя владельцы 11 с половиной из 35 паев “ярославской” части “признали его человеком вредным, действующим к разорению их частей и противозаконному распоряжению их капиталом”. Положение еще более запуталось, когда в январе 1857 г. эти владельцы назначили от себя еще одного управляющего А. М. Рышковского, которому также был предоставлен равный голос с управляющими от других частей. В результате наследники М. С. Яковлева, владевшие третьей Невьянских заводов, оказались в большинстве в окружном управлении. Рассчитывая, видимо, извлечь из этого прямые выгоды, они тогда “решительно” пообещали властям уплатить долги и добились отмены Особого управления над Ярославской мануфактурой и казенного присмотра за Невьянскими заводами.

Но реализовать полученный перевес голосов им не удалось. Общее правление в Петербурге, где решающий голос оставался за наследниками И. С. и С. С. Яковлевых, предприняло ряд предупредительных мер. Вместо Москвина третьим управляющим был назначен один из “участников в заводах” полковник Николай Николаевич Манзей. Как уже упоминалось, он прежде инспектировал заводы и был в курсе их дел. В Петербурге полагали, что значение третьего управляющего резко возрастет с назначением на это место одного из владельцев. Но, прибыв на заводы и вступив 12 ноября 1857 г. в управление, Манзей столкнулся с тем, что далеко не все его указания выполнялись приказчиками, а Песков и Рышковский по-прежнему оценивали свои права равными правам третьего управляющего. “Не лишним считаю заметить, – рапортовал он в Петербург, – что участие в управлении заводами Рышковского и Пескова нахожу совершенно лишним и прошу правление... сократить эти личности и позволить соединить управление Невьянскими заводами [сам Н. Н. Манзей должен был вернуться в Петербург] в лице избранных мною...” коллежского асессора Киреева и выпрошенного им в Горном департаменте “для усовершенствования чугуноплавильного, железоделательного и золотопромывательного производства” Невьянских и Алапаевских заводов инженер-капитана К. Д. Шугаева.

Поступить так, как просил управляющий, в Петербурге, конечно, не могли, поскольку Рышковский и Песков представляли интересы владельцев третьей части заводов. Но в августе 1859 г. там было принято решение, восстановившее прежнее “равновесие” в окружном управлении. В противовес двум голосам от наследников М. С. Яковлева управляющий от наследников И. С. и С. С. Яковлевых наделялся четырьмя голосами. Общее правление тогда же представило на рассмотрение правительства проект Положения об управлении Невьянскими заводами, составленное по образцу недавно введенного Положения по Алапаевским заводам. “Убеждены, что по утверждению сего Положения возможно будет устроить управление заводами на твердом основании”, – писали члены

правления Ф. В. Орлов-Денисов, А. А. Одинцов, М. К. Линденбаум и И. А. Яковлев. Однако по опыту им было известно, что такие дела быстро не решаются. Еще в 1860 г. окружное правление в Невьянске по-прежнему состояло из А. М. Рышковского (представлявшего 15 паев), К. К. Пескова (20) и уполномоченного Н. Н. Манзея отставного инженер-подполковника К. Д. Шугаева (70)²³¹.

В составе Петербургского Общего правления не случайно тогда не оказалось ни одного представителя от наследников М. С. Яковлева. В 1857 г. они из-за долгов (которые достигали 318 576 руб. сер.) вынуждены были продать свою полотняную мануфактуру вместе с лавками в Петербурге и Москве, но рассчитаться по долгам так и не смогли. 24 марта 1861 г. Сенат определил все их имение “впредь до окончания дела о долгах некоторых из них” взять в опекуное управление, на что вновь часть “незапятанных” совладельцев подало жалобу. Повторялась ситуация 15-летней давности, а Невьянские заводы вновь “пострадали” от одной части своих незадачливых владельцев²³².

К тому времени владение этими заводами делилось уже не на 105, а на 1050 долей, так, что каждой из трех групп владельцев принадлежало по 350. К группе наследников статского советника Михаила Саввича Яковлева принадлежали 16 человек. Правда, двое из них – Александра Ивановна Казибек (владевшая пятью частями, доставшимися ей после смерти Дарьи Семеновны, происходившей из грузинского княжеского рода Баратовых, жены надворного советника Николая Михайловича Яковлева) и Капитолина Ивановна Яковлева (10) – уже умерли, но их части еще не были разделены между наследниками. Наиболее крупными паями владели дочь Н. М. Яковлева вдова генерал-майора Мария Николаевна Бистром (65 долей, доставшихся ей частью от родителей, частью от умершего брата коллежского асессора Павла), которая “по болезни” находилась под опекой, сын надворного советника Михаила Михайловича Яковлева генерал-майор Григорий Михайлович (60), сын надворного советника Григория Михайловича Яковлева гвардии штаб-ротмистр Петр Григорьевич (60 долей, половина которых досталась ему по наследству от отца и половина – от умершего брата коллежского секретаря Александра) и сын статского советника Ивана Михайловича Яковлева коллежский асессор Михаил Иванович (50). По пять долей имели незамужние дочери И. М. Яковлева – Степанида Ивановна и Александра Ивановна, дочери М. М. Яковлева – вдова статская советница Мария Михайловна Янжул-Михайловская и Анна Михайловна Яковлева, дочь Г. М. Яковлева действительная статская советница Елизавета Григорьевна Петрова и его внучка коллежская советница Анна Николаевна Тимофеева.

После смерти надворного советника Саввы Михайловича Яковлева осталось 11 сыновей, каждому из которых предназначалось по $6 \frac{4}{11}$ доли. К 1861 г. из них остались в живых только двое – надворный советник Михаил и коллежский секретарь Андрей. После умерших корнета Алексея и полковников Павла и Александра небольшие части получили их вдовы – Надежда Алексеевна с малолетним сыном Саввой ($1 \frac{1}{11}$), Ольга Алексеевна ($1 \frac{2}{11}$) и Серафима Васильевна ($1 \frac{3}{11}$). Доли умерших холостыми поручика Владимира, коллежского регистратора Ивана и корнета Валериана, а также оставшаяся за вычетом доли вдовы часть корнета Алексея, в сумме составляющие $24 \frac{5}{11}$ долей, еще не были распределены между Михаилом и Андреем, поскольку находились под арестом за долги бывших владельцев. Но Михаил и Андрей уже вошли во владение долями (по 21) надворного советника Константина, поручиков Дмитрия и Саввы, а также оставшимися частями полковников Павла и Александра Яковлевых.

Вторая группа владельцев Невьянских заводов была представлена всего двумя лицами – наследниками гвардии корнета Алексея Ивановича Яковлева, владельцами Верх-Исетского округа. Это были статский советник и камергер Иван Алексеевич Яковлев и его сестра графиня Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор. В нераздельном их владении состояли все 350 долей этой части имения, до 1862 г. находившиеся в управлении И. А. Яковлева.

Третью группу владельцев составляли 14 наследников действительного статского советника Сергея Саввича Яковлева, владельцы Алапаевского округа. Крупнейшим пайщиком в Невьянских заводах среди них была графиня Е. А. Орлова-Денисова ($91 \frac{1}{14}$). По 50 долей владели С. С. Манзей и княгиня Е. М. Волконская, по 25 – О. А. Олсуфьева и А. А. Чернышева. Генерал-майору И. И. Сабиру принадлежало $7 \frac{1}{7}$, а его сыновьям – Николаю и Константину – по $14 \frac{2}{7}$ доли. О. К. фон Рейтерн, Е. К. Трувеллер и М. К. фон Баранова владели по $5 \frac{5}{14}$, а М. А. Мордвинова – $6 \frac{6}{49}$ долей. По $7 \frac{32}{49}$ долей значились за В. А. Авдулиной и М. А. Богушевской, которые собирались продать их богатому московскому купцу и потомственному почетному гражданину Василию Никитичу Рукавишникову, который уже считался владельцем $35 \frac{5}{7}$ долей Невьянских заводов, но имел разрешение на покупку 96²³³.

2.4. А. И. Яковлев (холуницкий)

Еще одним самостоятельным осколком раздробившейся “железной империи” С. Я. Яковлева в первой половине XIX в. являлся Холуницкий горнозаводский округ. Его история оказалась самой драматичной из всех владений рода. Как уже упоминалось, в 1806 г. по разделу с братом Холуницкий, Климковский и Боровской заводы, расположенные в Вятской губернии, перешли к Александру Ивановичу Яковлеву²³⁴. Он с энтузиазмом взялся за дело и уже в начале 1808 г. просил у Пермского Горного правления разрешения на постройку резной, плющильной и гвоздильной “фабрик”.

По этому поводу в Горном правлении был даже проведен “диспут”. Причиной разногласий членов правления послужило отсутствие точных сведений о лесах Холуницких заводов, лишь незадолго до этого, в сентябре 1807 г., перечисленных из ведомства Московского Горного правления в Пермское. Советники Ушаков и Комаров высказались против разрешения на постройку новых производств до получения сведений о лесах, а берг-инспектор и советники Походяшин и Аносов склонялись к удовлетворению просьбы Яковлева. Большинством голосов разрешение было дано. При этом советники учли, что владелец намеревался изготавливать такие предметы, которые “употребляются в общезжитии – прутья, шины и гвоздья”²³⁵.

Воодушевленный положительным решением, в октябре того же года Александр Иванович просил уже о постройке двух новых заводов. Еще его дед купил в 1769 г. у А. И. Глебова Холуницкий и Климковский заводы с местом на постройку третьего на реке Черная Холуница. Но начавшееся в 1784 г. строительство плотины, двух доменных печей и шести кричных молотов из-за смерти С. Я. Яковлева не было окончено. “Теперь, – писал новый владелец, – входя в подробное сие заводов по личной моей там бытности обозрение, нашел необходимым... Чернохолуницкий завод возобновить собственным моим капиталом и при Холуницком заводе... завести нижнюю плотину для действия шести кричных молотов”. 3 февраля 1809 г. разрешение было получено, и к 1810 г. уже

завершено строительство чугуноплавильного и железоделательного Чернохолуницкого, к 1814 г. – вспомогательного к Холуницкому Богородского и к 1815 г. – железоделательного Нижнетроицкого заводов. Обновленный округ производил до 435 тыс. пуд. чугуна и 178 тыс. пуд. железа и выдвинулся в ряд крупнейших горнозаводских хозяйств Урала²³⁶.

Но не природные ресурсы, как полагали горные советники в 1807 г. (Холуницким заводам принадлежали более 372 тыс. дес. земли, 150 железных рудников, в руде которых содержалось от 30 до 37 % железа), а проблема рабочих кадров оказалась главной причиной серьезных трудностей в развитии округа. Дело в том, что по нормам 1752 г. шести Холуницким заводам полагалось иметь 4720 рев. д., а имелось всего 903, в том числе только 278 “годных” работников. Планируя расширение производства, Александр Иванович предполагал “умножать крепостных людей покупкой”. Опираясь на разрешение 1807 г. покупать и переводить крепостных крестьян вместо непременных работников, в 1808 г. он купил и перевел на заводы 166 рев. д. из Нижегородской и в 1810 г. – 145 рев. д. из Калужской губерний. Но купленные им в 1811 г. у бригадирши Щербининой крестьяне Новгородской и Вологодской губерний оказали активное сопротивление переселению. Хотя Пермское Горное правление считало, что Яковлев был вправе переселить купленных крестьян, Комитет министров 23 января 1814 г. постановил отказать Яковлеву в переводе их на том основании, что он не выполнил условий, которые предусматривались законом о “переведенцах”: 87 человек из них он хотел отдать вместо своих заводских крестьян “в ратники”, а переселенных “разорил и подал тем причину к возмущению”²³⁷.

На следующий год министр финансов дал свое согласие на новую покупку и перевод Яковлевым крестьян из Вятской губернии, полагая, что прежнее положение Комитета министров касалось конкретного случая и “отнюдь не отменяло общих законов”. Но переселенные крестьяне вновь подняли волнение. По “Высочайшему” повелению от 15 мая 1817 г. флигель-адъютанту полковнику Панкратьеву было поручено отправиться на Холуницкие заводы и узнать “истинное состояние переселенных крестьян”. В своем рапорте тот сообщал, что они “размещены до сих пор довольно тесно, так, что в одной избе живут по два и три семейства, и хотя строение для них уже готово, но контора боится разместить их вдали от старожилов, опасаясь побегов”. Тем не менее проверяющий определил, что переведенцы “находились на том же положении, как и прочие крестьяне, и за работы получали такую же плату и провиант”, хотя деньги им конторой не выдавались из-за того же опасения. “Нельзя сказать, чтобы заводчик старался сделать переселенным крестьянам какие-либо притеснения, – делал заключение впечатлительный царский адъютант, видимо, впервые столкнувшийся с условиями труда заводского населения, – но входя в истинное положение переселенцев, а не в одни формальные наружности, нахожу, что они по сравнению с прежним их положением находятся в самом бедственном состоянии, что работы так же трудны, что и на Нерчинских заводах”. Он сравнил жизнь заводских рабочих с “участью негров в американских плантациях” и “осмелился возбудить внимание правительства вообще на систему насильственного правления на заводах”.

Более искушенные в делах министры согласились, что “заводские работы действительно трудны”, но решили, что “тягость оных есть общая и одинаковая на всех как казенных, так и частных заводах, а Яковлев ничего излишнего на переселенных крестьян не только не возлагает, но плату всем им производит наравне с вольными и даже превосходительную против той, какая определена законом для мастеровых и непременных работников казенных заводов, а припасы и провиант отпускает по покупным ценам”.

14 августа 1817 г. Комитет постановил оставить крестьян на заводах, а Государственному Совету было поручено “без дальнейшего промедления” составить общее положение о переводах крестьян. Александр I утвердил эти предложения, добавив от себя, чтобы Государственный Совет с Министерством финансов занялись также “улучшением состояния крестьян и ныне находившихся на всех горных заводах... полагая, что в его мнении никакие препятствия не могут и не должны существовать, если идет дело о страждущем человечестве”²³⁸.

Пока “высшее правительство” размышляло о составлении общих рабочих штатов для всех частных заводов, “приземленная” заводская контора А. И. Яковлева, обвиняя переведенных крестьян в пьянстве и туеядстве, подсчитывала понесенные убытки. Мало того, что покупки и переводы с обустройством людей потребовали значительных капиталов, приехавший на свои заводы владелец, желая расположить к себе рабочих, устроил в день тезоименитства императора “обеденный стол” на 3 тыс. человек. Там он объявил о прощении накопившихся до 1813 г. долгов крепостных на 79 280 руб. и “вольнопроживающих на заводах и приходящих из окрестных мест государственных крестьян” на 166 597 руб. Заводский исправник Юрьев, находясь “в восхищении от вышеупомянутого подвига бескорыстия”, свидетельствовал, что Яковлев прощал долги государственным крестьянам уже во второй раз и тем “споспешествовал правительству в изыскании казенной недоимки”. “Видя таковое великодушие господина заводсодержателя”, исправник просил берг-инспектора “донести сие обстоятельство до сведения Государя Императора, всегда желающего видеть добрые дела своих верноподданных”.

Прощение долгов разрядило ситуацию на заводах, но “монаршее благоволение”, широкая огласка которого прежде способствовала повышению авторитета (и видимости платежеспособности) Яковлева в глазах его многочисленных частных кредиторов, не выполнило на этот раз своего предназначения. Александр Иванович более не решился на покупки и переводы крепостных крестьян и оставил кадровую проблему в прежнем подвешенном состоянии. По свидетельству заводской конторы, “за малоимением заводских людей” все “валовые работы” и перевозки производились вольнонаемными государственными крестьянами, проживавшими в окрестных волостях. Использование такого “ненадежного” источника рабочей силы приводило к тому, что почти ежегодно “нанятые крестьяне не исполняли в надлежащие сроки своих обязанностей за взятые ими вперед деньги”, отчего “заводское действие в производстве своем имело большие затруднения”. Так, только в 1813 г. эти временные работники не поставили более полумиллиона пудов руды. С 1819 г. Яковлев был даже вынужден “на свой кошт” содержать по одному “особому члену” в Вятском, Слободском и Нолинском уездных судах для контроля “за высылкой” на его заводы государственных крестьян²³⁹.

Тем не менее заводы часто простаивали, доходы сокращались, что в свою очередь приводило к накоплению долгов вольнонаемным крестьянам со стороны заводов. К 1824 г. долг им превысил 148 тыс. руб., из-за чего крестьяне вновь не смогли вовремя внести казенные подати. Вятское губернское правление предписало исправнику взыскать деньги, а в случае неплатежа секвестровать металлы. Приказчики Яковлева “изыскивали одни только предлоги” и уклонялись от платежа заработанных крестьянами денег. Между исправником и заводоуправлением возник спор по поводу суммы долга. Он был разрешен с помощью особой комиссии, созданной в сентябре 1824 г. ревизовавшими Вятскую губернию сенаторами А. Долгоруковым и Е. Дурасовым с целью “открыть за-

тмевающуюся в деле сем истину и постановить правила к прекращению запутанности на будущее время”. В комиссию вошли губернский контролер, губернский стряпчий и советник Пермского Горного правления. “Настоящие занятия” комиссии начались после ее утверждения 12 февраля 1825 г. министром финансов. В течение 10 месяцев Вятская комиссия проверяла счета заводов. Поначалу у ее членов возникли подозрения “в подлоге” конторой сведений о якобы уже произведенных расчетах с крестьянами, но позже они убедились в их правильности. Вследствие этого Горный департамент предписал до составления новых правил “образ законтрактования государственных крестьян в работы и поставки для Холуницких заводов... оставить на прежнем основании”²⁴⁰.

Несмотря на в целом благоприятно закончившуюся ревизию заводов, финансовое положение их не поправлялось. Не помог, видимо, и заем, взятый в Коммерческом банке. В 1827 г. был остановлен Нижнетроицкий завод. Александр Иванович залез в новые казенные и частные долги, которые горному начальству показались “неоплатными”. Вследствие этого 19 марта 1829 г. император утвердил положение Комитета министров о продаже Холуницких заводов с публичных торгов “за состоящую на них горную недоимку, долг Государственному Коммерческому банку и частным кредиторам”. До продажи заводы брались в казенное управление. Однако уже в августе Яковлев расплатился по казенным долгам, как он писал, “из денег, вырученных на Нижегородской ярмарке за заводские металлы”. Тем самым он пытался доказать, что заводы “находятся в полном действии и содержатся собственным его капиталом без всякого от казны пособия”. По действующим законам это давало право сохранить заводы за владельцем, а кредиторов удовлетворить за счет средств, вырученных от продажи металлов²⁴¹.

Рассмотрев просьбу Яковлева “избавить заводы от продажи” и обещание расплатиться со всеми долгами за пять лет, в июле 1830 г. Комитет министров отказал ему на том основании, что “Яковлев должен не только казне, но и Коммерческому банку”. Пермское Горное правление не поддержало тогда прошение владельца, поскольку, по мнению чиновников, доходов Холуницких заводов не хватало не только на уплату долгов, но даже и на заводское действие. В результате казенное управление было сохранено, и началась опись заводского имущества, оцененного в 2 631 971 руб. Яковлев посчитал оценку заниженной и проведенной с нарушением установленных правил. Владелец жаловался, что оценщики приступили к делу без его поверенных, что они состоят в родстве с его кредиторами и, наконец, что оценку проводили зимой, “когда фабрики покрылись льдом и занесены снегом”²⁴².

Далее в дело вмешались частные, московские и петербургские, кредиторы Яковлева, имевшие, как утверждалось в их прошении министру финансов, “претензий более миллиона рублей”. Они просили продажу заводов приостановить и “оставить заводы за последнюю цену, какая за оные состоит, в собственности их с разделением долга на акции”. Тогда Е. Ф. Канкрин не решился создать акционерную компанию, но 29 декабря 1831 г. состоялось “Высочайшее” повеление об отмене казенного управления и учреждении “особой Комиссии в столичном городе Москве по управлению заводами надворного советника Яковлева”.

Комиссия была составлена из трех членов, ежегодно избираемых из числа кредиторов, и одного депутата от Коммерческого банка. В соответствии с правилами, выработанными самими кредиторами и подписанными министром, Комиссия “принимала на себя в отношении к заводам Яковлева все права и власть того заводовладельца, кроме продажи

или заклада оных”. Она могла распоряжаться через Главную Холуницкую контору всем производством, наблюдать за “умеренностью расходов, улучшением механизмов и продажей заводских произведений”. Главная обязанность Комиссии заключалась “в обращении годовой прибыли преимущественно на уплату горных податей и долга Коммерческому банку до совершенной оного выплаты с процентами, после чего – в разделении заводской прибыли между прочими кредиторами”. В свое распоряжение Комиссия получала 5 % чистой прибыли и столько же ежегодно выделяла “на содержание должнику Яковлеву”. Ему предоставлялось право иметь при заводах своего поверенного, который, однако, не должен был вмешиваться “ни в какие распоряжения, а только доводить до сведения правительства такие распоряжения местного начальства и Комиссии, которые расстраивают заводы или замедляют уплату долгов”. Если в течение двух лет деятельность Комиссии оказывалась безрезультатной, заводы вновь должны были поступить в продажу; в случае же успешной выплаты долгов – возвращены Яковлеву. 21 июня 1832 г. избранная Комиссия провела первое заседание и командировала на заводы своего члена губернского секретаря Кушковского “для приема заводов на законном основании по описям”²⁴³.

Яковлев вовсе не остался равнодушен к принимаемым правительством мерам. Он до последнего пытался сохранить свою власть на заводах. Еще до учреждения Комиссии Александр Иванович приехал на заводы и, по его словам, “пытался достать до 300 тыс. руб., необходимых для действия Холуницких заводов, у родного брата своего [владельца Верх-Исетского округа Алексея Ивановича Яковлева]”. Но, жаловался отстраненный от управления владелец, со времени объявленного в 1830 г. в Петербурге Конкурса по его долгам (Конкурс тогда же был отменен Сенатом) он “доселе остается почти под надзором и арестом” и не может выехать с заводов. Кушковский тоже настаивал на выезде Яковлева с заводов, но по иным мотивам. Он считал, что владелец вмешивается в дела управления и мешает работе Комиссии. Действительно, обращаясь к императору, Яковлев в это время предложил провести на заводах ряд перемен, от которых, по его утверждению, “должно последовать значительное сбережение дров, усиление заводского действия и лучшие выгоды”. Поскольку это было прямым нарушением установленных для Холуницких заводов правил, владельцу посоветовали обратиться в Комиссию²⁴⁴.

Отказ в ссуде денег последовал и от брата. Александр Иванович сообщал, что “конкурс кредиторов, описывая семейные бумаги, составляющие семейный секрет, привел его в расстройство с братом и, раздражив оного, заставил прервать самые близкие кровные связи, могущие не только служить к отвращению всех его бедствий, а кредиторам разорения, но совершенно прекратить оные и дать возможность к удовлетворению их”. Тем не менее он по-прежнему считал возможным при допущении его к управлению расплатиться с долгом банку за три года, а с частными кредиторами в течение десяти лет. Основанием для такой уверенности явилось, по всей видимости, поддержанное им предложение нескольких “доверенных” кредиторов взять заводы в аренду “в уплату долга по 350 тыс. руб. в год”. По плану заводчика Комиссия в этом случае могла лишь оставить при заводах своего уполномоченного для надзора²⁴⁵.

Члены Комиссии не согласились с этими предложениями и, вероятно, вскоре пожалели об этом. Первые же действия Кушковского в августе – сентябре 1833 г. по сокращению количества конторских служащих навредили его авторитету при том, что на заводах не оказалось достаточно средств для заготовки припасов и покупки провианта. Уполномоченный просил у Комиссии 50 тыс. руб., но получил всего 15 тыс. и покинул заводы.

Приказчики тем временем сообщали, что не могут занять денег “даже у тех лиц, которые до сего делали доверие”. По их словам, “угрожающая опасность нарушить спокойствие в заводских людях поставила их в обязанность довести о сем до сведения Яковлева, а он... тотчас сделал приглашение к себе тем лицам... и занял у них денег до первой присылки от Комиссии”. Хотя эти действия владельца нарушали правила кредиторского управления заводами, но на этот раз Комиссия не протестовала, поскольку сама не знала, где взять денег. В поисках средств члены Комиссии продали железо, по мнению Яковлева, “преждевременно и с убытком”. Владелец нажаловался в Министерство финансов, которое, однако, ограничилось тем, что только “побуждало Комиссию к высылке денег”.

Тем временем состав Комиссии изменился. Новые ее члены нашли средства на поддержание Холуницких заводов, но жаловались министру на “чинимые противодействия со стороны разных партий кредиторов Яковлева и самого должника сего” и вновь потребовали высылки Александра Ивановича в Москву. Тем более что как раз в это время Московский уездный суд вынес решение о его явке “для отобрания сведений о долгах”.

Заводчик отговорился болезнью, получив свидетельство специально посланной к нему медицинской комиссии. Оказалось, что он не только не мог “отправиться в дальний путь, но даже и по комнате с трудом передвигался”. Поверенному от суда пришлось в феврале 1834 г. самому отправиться в Холуницу. Он подсчитал, что общий долг Яковлева казне и 175 частным кредиторам достигал 3 726 029 руб. (из которых заводчик не признал 475 106 руб.). Ожидать уплаты такого громадного долга в скором времени не представлялось возможным, поэтому в Министерстве финансов было принято решение возобновить продажу Холуницких заводов²⁴⁶.

Сразу же возник вопрос о полномочиях Комиссии кредиторов. Учитывая то, что новое учреждение казенного управления будет затруднено, министр, вопреки правилам, разрешил Комиссии продолжить управление до продажи заводов. Сенат указом от 21 июля 1836 г. предписал Московскому губернскому правлению “учинить без малейшего промедления времени зависящие с его стороны распоряжения о вызове желающих к покупке тех заводов”. Пять заводов Холуницкого округа с населением 1544 рев. д. были оценены в 1 563 973 руб., а “по местным выгодам” в 5 млн руб. Но продажная цена была объявлена, как полагалось по закону, из расчета 10-летней сложности чистой прибыли всего в 961 461 руб.²⁴⁷

Первый торг назначили на 26 апреля 1837 г., но “к покупке никого желающих не явилось”. Новый торг состоялся 10 января 1838 г. Тогда от единственного покупателя надворного советника Д. Д. Пономарева поступило предложение купить заводы за 700 тыс. руб., что было значительно ниже заявленной цены. Через четыре дня состоялась “переторжка”. На этот раз объявили о желании купить Холуницкие заводы надворный советник Иосиф Гило (давал 950 тыс. руб.), купцы Антип Шелапутин, Михаил и Иван Сарычевы (995 тыс. руб.) и тот же Пономарев, который “заявил” самую большую сумму – 997 тыс. руб. 22 марта 1838 г. Московское губернское правление выдало ему купчую на Холуницкие заводы²⁴⁸.

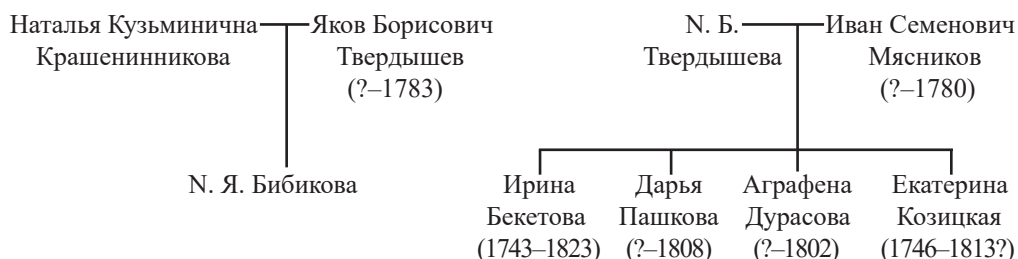
Но вскоре в Сенат обратились кредиторы Яковлева, которые осознали, что долги прежнего владельца не будут выплачены им полностью. Ко времени продажи на нем “висел” долг Коммерческому банку (476 478 руб.), заводской конторе (463 04 руб.) и час-

тным лицам (2 989 102 руб.). Так что за счет вырученных денег можно было рассчитаться лишь с небольшим числом кредиторов. Поэтому продажа объявлялась ими “неправильной”, а в Сенат подана просьба пересмотреть ее условия.

Александр Иванович попытался воспользоваться сложившейся ситуацией. С частью близких ему кредиторов он возобновил вопрос о передаче заводов в аренду, настаивая при этом на ревизии деятельности Комиссии, приведшей, по его словам, “заводы мои в расстройство”. В июле 1838 г. Сенат решил Комиссию закрыть и провести ревизию ее дел. На заводы для этого был командирован горный чиновник Волков, который “объединился с Яковлевым и стал распускать слухи о том, что заводы от Пономарева отойдут”. Однако не бездействовал и новый владелец. Его обращение в Сенат привело к тому, что 14 декабря 1839 г. решение Московского губернского правления о передаче ему заводов было оставлено в силе²⁴⁹. Только тогда Холуницкий округ обрел нового владельца и окончательно вышел из собственности рода крупнейших уральских заводчиков Яковлевых.

3. Наследники И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова

Крупное промышленное хозяйство, основанное симбирскими купцами Иваном Борисовичем Твердышевым и Иваном Семеновичем Мясниковым, по свидетельству их потомков, распалось после разделов 1780-х гг. Первый состоялся 25 апреля 1782 г. между четырьмя дочерьми умершего Мясникова и их дядей по матери Я. Б. Твердышевым, еще раньше унаследовавшим заводы после смерти брата Ивана. При посредничестве князя М. М. Щербатова и М. Е. Ласунского и “под надзором” московского главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа З. Г. Чернышева сестрам в общее владение достались четыре железных, а дяде – пять медных заводов. После смерти Я. Б. Твердышева 22 июля 1783 г., его наследниками оказались вдова Наталья Кузьминична (урожденная Крашенинникова) и те же племянницы. До “законного” раздела вдова продала свою “указную часть” генерал-майору Г. И. Бибикову (мужу своей единственной и уже умершей дочери), который в том же году, 8 декабря, перепродал ее брату бывшей владелицы оренбургскому купцу Д. К. Крашенинникову.

Обеспокоенные этой “преждевременной” сделкой, племянницы, видимо, уговорили тетку и ее брата “расчесться полюбовно”. 9 сентября 1783 г. они “разочлись” с Натальей Кузьминичной по состоявшему еще в споре движимому имуществу (в том числе девяти заводских служителях), а 29 апреля 1784 г. совершили второй раздельный акт на медные заводы. В соответствии с ним Д. К. Крашенинникову достался “на указную часть сестры

его” один Преображенский завод, “особо от других отстоящий”. Остальные четыре завода перешли тогда в общее владение сестер. Наконец, 10 марта 1785 г. они заключили раздельный акт между собой²⁵⁰.

3.1. Бекетовы и Балашевы

Старшей сестре Ирине Ивановне, вышедшей замуж за полковника Петра Афанасьевича Бекетова, достались Симский и Миньярский (основанный за год до раздела) железные и Богоявленский медный заводы. В первые два десятилетия XIX в. оба горнозаводские хозяйства действовали достаточно стабильно, производя в год 150–200 тыс. пуд. чугуна, 100–150 тыс. пуд. железа и до 10 тыс. пуд. меди²⁵¹. По свидетельству заводского исправника Андропова, “при содержании Богоявленского завода полковницей Бекетовой... крестьяне ее, при всех домашних избытках, не чувствовали никаких изнурений, заводское действие не подвергалось упадку в количестве выплавляемой меди и руды добываемой, не только не уменьшалось, но время от времени выработкою увеличивалось”²⁵².

Проблемы возникли после смерти владелицы, скончавшейся 31 октября 1823 г. без письменного завещания. В семье Бекетовых было два сына – Иван и Петр – и две дочери – Екатерина и Елена (от первого брака с Репьевой у П. А. Бекетова были еще сын Платон и дочь Александра)²⁵³. Екатерина Петровна вышла замуж за тайного советника Сергея Сергеевича Кушника и имела дочерей Елизавету и Софью и сына Николая. Елена Петровна умерла незадолго до матери, оставив своими наследниками мужа генерала от инфантерии, экс-министра полиции Александра Дмитриевича Балашева и трех сыновей – Петра, Александра и Ивана.

По закону, который вступал в силу в случае отсутствия завещания, наследуемое имение должно было оставаться “в роду первого приобретателя”. В результате заводы, расположенные в Оренбургской губернии, с 4450 рев. д., а также деревни в нескольких губерниях с 2120 рев. д. крепостных переходили в общее владение статского советника

Ивана Петровича, служившего при Московском архиве Коллегии иностранных дел, и камергера Петра Петровича Бекетовых. Однако между наследниками возникли некоторые недоразумения.

В январе 1824 г. Иван Петрович подал в Московский словесный суд прошение, в котором утверждал, что перед смертью мать словесно наказала ему выделить из общего имения по 500 душ каждому из членов семей ее дочерей или вместо крепостных выплатить денежный эквивалент. Иван, по его словам, “представил брату мнение о способах выполнения последней воли родительницы, но получил от него в ответ совершенное отречение”. По этой причине он и просил словесный суд “призвать Петра и убедить, дабы не противился он воле матери”. На вызов суда лично Петр Петрович не явился “по болезни своей”, но написал, что после матери осталось только собственноручное ее письмо, а “более ничего от нее он не слыхал”. В упомянутом письме, датированном 1 апреля 1823 г., Ирина Ивановна распорядилась дочерям своим отдать лишь различные холсты, пряжу и нитки, хранящиеся у ней в комодах и сундуках. В прошении к царю Петр Петрович упрекал брата “в противоположаемом им препятствии законному между ними разделу”. Он утверждал, что перед смертью мать “не пользовалась уже ни здравым рассудком, ни совершенным умом и памятью”. По его мнению, это доказывалось как раз тем, что “имея благоприобретенного имения только 1914 душ, она определила отдать в чужие роды дочери, зятям и шестерым внучатам 4500 душ”. Иван Петрович, в свою очередь, под присягой утверждал, что брат слышал наказ матери, и хотел даже представить в суд свидетелей, правда, из числа заинтересованных в деле родственников²⁵⁴.

Конфликту не позволили разгореться. Государственный Совет признал словесные завещания “не только совершенно бесполезными, но даже и вредными в своих последствиях”. Бекетовы согласились “разобрать через посредников их спор и с тем вместе предоставили им право учинить раздел имения”. “Медиаторами” были избраны московский генерал-губернатор князь Д. В. Голицын, московский губернский предводитель дворянства П. Х. Оболянинов, генерал от инфантерии и сенатор Н. Ф. Ртищев и тайный советник и сенатор князь А. А. Долгорукий. После обсуждения представленных на их суд дел посредники первым делом признали “не подлежащим исполнению” объявленное Иваном Петровичем устное приказание матери. Другим своим решением они предоставили старшему брату право составить два “участка” из движимого и недвижимого имения, “равные в качестве, удобности и прочих выгодах”, а младшему выбрать один из них по собственному желанию.

12 июня 1824 г. раздел состоялся. Петр Петрович выбрал себе ту часть, в состав которой входили Богоявленский медеплавильный завод с 1201 рев. д., деревни в Нижегородской, Владимирской, Московской и Рязанской губерниях с 1434 рев. д., 80 тыс. руб. наличными и заемные письма на 247 414 руб. Ивану Петровичу достались Симские заводы с 3236 рев. д., деревни в Московской и Симбирской губернии с 633 рев. д., каменный дом в Москве “со всеми в нем находящимися мебелью, исключая шесть живописных портретов на стенах висящих”, деревянные дома в Уфе, Лаишеве и Симбирске, “как нужные для железных заводов по причине отправления караванов к продажам железа”, и заемные письма на 248 254 руб.²⁵⁵

Новоявленные заводовладельцы недолго оставались в этой роли. Иван Петрович, судя по его действиям, вовсе не стремившийся в заводчики, начал свое управление с того, что уже в декабре 1825 г. попросил заложить Симские заводы в Заемном банке за 277 540 руб. на 24 года, на что и получил разрешение в 1828 г.²⁵⁶ Но уже 22 сентября 1830 г. он продал их своему зятю А. Д. Балашеву.

Как сообщает биограф, по совету врачей в 1835 г. экс-министр совершил поездку на Урал. Но, скорее всего, не только лечебные цели ставил перед собой заводчик и известный знаток статистики, не преминувший, вероятно, в этом путешествии посетить свое уральское имение и поближе познакомиться с положением горнозаводского населения. После его смерти в 1837 г. “по завещанию и раздельному акту” заводы унаследовали сыновья генерала от брака с Е. П. Бекетовой – штабс-капитаны Петр и Иван и капитан Александр. После гибели на Кавказе в 1841 г. бездетного Ивана его третья часть в заводах перешла в общее владение братьев. В 1845 г. между Петром и Александром состоялся раздел, по которому Симские заводы отошли на часть камергера Петра Александровича Балашева. Он скончался в том же году, оставив заводы двум своим малолетним сыновьям (от брака с графиней А. И. Паскевич-Эриванской) Николаю и Ивану, долгое время состоявшим под опекой действительного тайного советника князя А. Ф. Голицына, дяди коллежского асессора А. А. Балашева и сменившего его генерал-майора Корпуса горных инженеров В. Е. Самарского-Быховца²⁵⁷. Несмотря на столь частые перемены в составе владельцев, Симские заводы в 1830–1850-е гг. динамично развивались, подняв свою производительность до 335 тыс. пуд. чугуна и до 200 тыс. пуд. железа “в немногих сортах, но лучшего качества”, и, по оценке Уральского Горного правления, входили в первый разряд горнозаводских округов Урала. О том же свидетельствовал в конце 1860-х гг. В. П. Безобразов, считая, что благодаря “бережливости владельцев” Симские заводы относились “к самым благоустроенным в хозяйственном отношении горнозаводским имениям Урала”²⁵⁸.

Богоявленский завод находился во владении Петра Петровича Бекетова немногим дольше, чем Симские заводы у брата Ивана. Он организовал “домашнюю контору” в своем доме на Тверской и поначалу занялся “усовершенствованием” заводского хозяйства. “Я недавно сделался хозяином Богоявленского медеплавильного завода, – писал он в Пермское Горное правление в апреле 1826 г., – и не известны мне еще все постановления в сходствии законов. По сему случаю отношусь, дабы мне чего не сделать неудобного”. В частности, “рассчитывая удобность воспользоваться временем”, он просил совета по поводу задуманного им опыта добывать руду в Каргалинских рудниках, отстоящих от завода в 200 верстах, только в зимнее время, а летом занять людей на пашне. Чиновники Горного правления, удивленные таким поведением владельца, посоветовали ему изучить Проект Горного положения, которым он и мог руководствоваться. “Что же принадлежит до употребления заводских людей в работы и в свободное время к хлебопашеству и сенокосению, – ответили ему, – то в том случае он может поступать по собственному своему хозяйственному распоряжению”²⁵⁹.

По словам исправника Андропова, неопытный владелец, “забыв удовлетворять требования конторы... не имел попечения в потребностях завода, а вместе с оным того менее разумел и о нуждах крестьян, исправлявших свои работы беспрекословно, но без платы, накопил долгов [перед работниками] до 122 тыс. руб. и от сей самой причины невольным образом завод почувствовал ощутительную расстройку, а крестьяне от неполучения платы подвергнулись истощению”. В итоге в ноябре 1827 г., через три с половиной года пос-

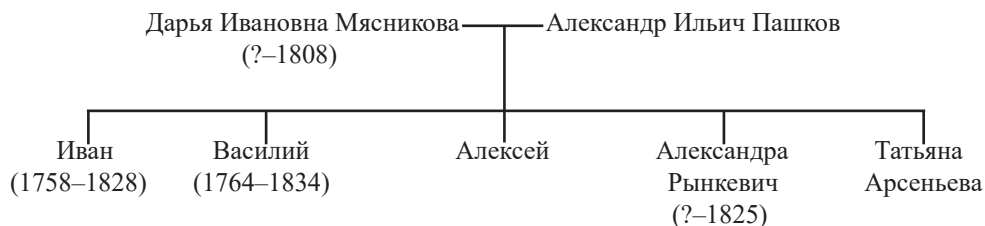
ле вступление в права владения, по “Высочайшему” повелению Московское губернское правление учредило “в ведении своем” опекунство над всем имением действительного камергера П. П. Бекетова²⁶⁰.

Назначенные опекунами Волкенштейн и Телепнев в 1828 г. вступили в управление заводом. По сообщению того же исправника, они видели из донесений конторы “недостатки многих заготовлений”, но “неизвестно почему в полной мере не удовлетворяли таковым требованиям, хотя высылали некоторую часть денег, но и то несвоевременно, а потому контору расстраивали в хозяйственной расчетливости, стесняли ее распоряжения по управлению и, так сказать, готовили весь круг действия завода к несомненному упадку”. Крестьяне, считал он, “роптавшие на сие, не теряли терпения только потому, что избыток имели в собственном посеве хлеба, но при неимении такового нельзя было сомневаться и в волнении их”. Наконец в 1829 г. опекуны прислали деньги, расплатились по долгам с рабочими и “вошли во все нужные заводские потребности”. Но “выработка руд” к тому времени упала “до невероятной истощенности” (прежде использовали руду с содержанием меди до 4 %, а теперь – только 2–2,5 %), а выплавка меди сократилась с 12,5 тыс. в 1823 г. до 9,7 тыс. пуд. в 1829 г. Исправник жаловался на приказчика, которому “самая непрерывная пьянственная жизнь не позволяла иметь надзор за штейгерами и нарядчиками, которые, шатаясь праздно по степным местам, день за день от самых разведок уклонялись и не добились успехов”. Поскольку опекуны “не обращали на то никакого внимания”, Андронов полагал, что в 1830 г. выплавка меди не достигнет и 8 тыс. пуд.²⁶¹

Опираясь на выводы исправника и требования Горного правления, Московская дворянская опека отстранила опекунов от управления и даже обвинила их в растрате заводского капитала. Новыми опекунами были назначены влиятельные зятья владельца члены Государственного Совета С. С. Кушников и А. Д. Балашев. За два года их управления состояние завода улучшилось настолько, что Комитет министров 7 марта 1832 г. предписал прекратить опеку и передать завод владельцу “в непродолжительное время”. Правда, чтобы подстраховаться, горное начальство предписало П. П. Бекетову руководствоваться особыми правилами, в частности, “работы располагать и взыскивать, равно платы и провиант производить сообразно штатам для Пермских казенных заводов”²⁶².

Видимо, по настоянию и с помощью родственников, действительный камергер и командор решил основательнее заняться своим заводом. По свидетельству нового исправника Земляницына, владелец сам составил “подробный штат о всех заводских должностях и работах”, увеличил плату “еще с большим против прежнего превосходством”, уменьшил отпускные цены за провиант, освободил крестьян от платежа податей, приказал построить богадельню для неимущих, нанял “привилегированного медика”²⁶³. Положение стало поправляться, но, видимо, личные долги не позволили Петру Петровичу удерживать Богоявленский завод за своей линией рода. 29 ноября 1834 г. он продал его (вместе с 1812 рев. д.) статс-даме Е. А. Пашковой, вдове его двоюродного брата В. А. Пашкова. Покупщица заплатила 2,5 млн руб., которых, вероятно, хватило камергеру для расплаты по своим многочисленным долгам²⁶⁴.

3.2. Пашковы и Е. В. Дашкова

Дарье Ивановне Мясниковой, вышедшей замуж за коллежского асессора Александра Ильича Пашкова, по разделу 1785 г. достались Белорецкий железный и Воскресенский медный заводы. Владелица проживала в своей вотчине селе Ветошкине Нижегородского наместничества или в своих московских домах, управляя заводами вместе с мужем. Пашковы значительно расширили заводское хозяйство. Они завершили формирование Белорецкого горнозаводского округа, построив по разрешительному указу Берг-коллегии от 14 марта 1801 г. железоделательный Тирлянский завод, и увеличили свои земельные владения, прикупив близлежащие земли (в том числе Инзерскую дачу площадью 125 тыс. дес.). 18 мая 1803 г. между Дарьей Ивановной и ее племянником Н. А. Дурасовым была заключена купчая на Верхоторский завод, расположенный поблизости от Воскресенского. Покупая довольно эффективное хозяйство за 500 тыс. руб., Пашкова давала обязательство содержать его “в таком же полном действии, в каком он ныне находится, и постараться... чрез преумножение при нем выплавки меди в лучшее привести его состояние”²⁶⁵.

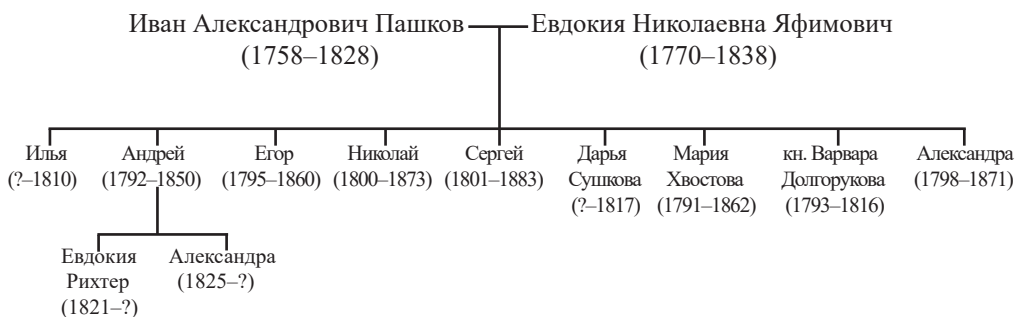
Уже не молодая владелица, по-видимому, предполагала, что этим займется не столько она сама или муж, сколько их сыновья – наследники. В том же 1803 году, 11 сентября, Дарья Ивановна и Александр Ильич, “сближаясь к древности лет и чувствуя слабость здоровья своего, но будучи в здравом уме и совершенной памяти, рассуждая, что любовь и попечительность родителей к детям непосредственно обязывает не только в малолетстве воспитать и обучить, но и по смерти своей предуготовить надежный путь к спокойной их с потомством жизни”, совершили предварительный раздел всего имения. У них было две дочери и три сына. Дочери уже состояли в браке: старшая, Александра, с 1799 г. за полковником Е. Е. Рынкевичем, а младшая, Татьяна, с 1800 г. за генерал-майором А. Д. Арсеньевым. При выходе замуж им было выдано “довольное награждение”, а потому дочери в разделе не участвовали. За собой родители оставили четыре московских дома, вотчины в Московской, Орловской, Тамбовской и частью Тульской губерниях, по их словам, “для уплаты долгов немалой суммы, накопившейся после выдачи замуж дочерей и покупки Верхоторского завода”. Остальное имение было разделено на три части между сыновьями, чтобы, как считали предусмотрительные родители, “они удалены были по смерти нашей от вражды и тяжбы, каковые между многими происходят так, что иногда и один недобронравный навлекает всем другим беспокойства и истинные убытки”.

По жребию старшему сыну подполковнику Ивану Александровичу достались Белорецкий и Тирлянский заводы и имения в Симбирской и Тульской губерниях всего с 3292 рев. д. крепостных. Средний сын генерал-майор и член генерал-аудиториата Василий Александрович получил Воскресенский и Верхоторский заводы и деревни в Сим-

бирской, Тульской и Нижегородской губерниях с 4055 рев. д. Младший сын бригадир Алексей Александрович стал владельцем вотчин в Тамбовской, Симбирской и Тульской губерниях с 3817 рев. д. “В уравнение” его “незаводской” части старшие братья должны были выплатить ему в течение пяти лет 350 тыс. руб.²⁶⁶

По-видимому, еще служившие сыновья уговорили отца, “пока есть силы”, управлять имением, что он и делал до смерти Дарьи Ивановны 8 октября 1808 г. В январе следующего года Александр Ильич, “находясь уже в древности лет и чувствуя слабость здоровья, изъявил сыновьям волю свою”. “Дабы они не отягощали меня далее управлением заводской экономии, равно как и прочим недвижимым имением в Тамбовской, Московской и Тульской губерниях состоящем, – писал он, – а приняли бы оные... в действительное и хозяйственное их владение с 1 марта 1809 г. что кому из них по 1803 г. раздельному прошению следует, а что я оставил прежде за собой, разделили на три части”. 18 января 1809 г. был совершен дополнительный “полюбовный” акт, по которому помимо вотчин братья поделили и дома в Москве. Ивану Александровичу достались два приобретенные матерью дома в Мясницкой и Мещанской частях, Василию Александровичу – дом на Моховой улице, который Д. И. Пашкова купила с аукциона у Медицинской коллегии в 1792 г., а знаменитый дом-дворец архитектора В. Баженова близ Боровицкого моста, перешедший к А. И. Пашкову по завещанию от внучатого племянника П. Е. Пашкова в 1795 г., достался Алексею Александровичу Пашкову. Подтвердительным актом 6 июля 1809 г. Иван и Василий окончательно разделились во владении предоставленными им родителями заводами, несколько изменив условия передачи крепостных крестьян²⁶⁷.

Во время владения Белорецкими заводами И. А. Пашковым произошло событие, получившее резонанс даже за пределами Урала. “Притеснительное” для рабочих управление назначенных владельцем управителей вызвало целый ряд волнений, продолжавшихся с 1813 по 1816 г. Две следственные комиссии пришли к выводу, что произвольные уроки работ, беспорядок в расчетах с рабочими, замена провианта хлебопашеством, то есть отсутствие фиксированных “правил содержания рабочих”, явились главными причинами их недовольства. Особенно настойчиво рабочие противились тому, что приехавший владелец в качестве “первого доказательства” их повиновения потребовал возобновления хлебопашества. Вместо затруднявшей их обработки полей для собственного пропитания они “желали получать провиант от заводосодержателя и притом без вычета из задельной платы”.

В Горном правлении по этому поводу было принято решение составить правила для управления Белорецкими заводами, а также собрать сведения о содержании рабочих на всех частных заводах. Правда, эти сведения оказались настолько различными, что от идеи создать общее положение, как предполагалось прежде, пришлось отказаться. Правила же для заводов И. А. Пашкова были составлены в 1817 г. и введены в действие. Другим заводчикам власти рекомендовали ориентироваться на них при составлении рабочих штатов на своих заводах²⁶⁸.

Вероятно, введение нового штатного положения потребовало вложения дополнительных капиталов, которые владелец решил получить путем залога имений. 22 декабря 1824 г. за 254 400 руб. в Заемном банке был заложен Белорецкий завод с 848 рев. д. Новый залог состоялся 21 августа 1825 г. Тогда за две деревни, принадлежавшие Белорецкому заводу, с 1967 рев. д. было получено из банка 590 100 руб. на 24 года. В пользу Пашкова в 1826 г. были решены и давние земельные споры с башкирами (о Кубовской даче), в результате чего территория округа увеличилась до 220 930 дес.²⁶⁹

После смерти подполковника Ивана Александровича в 1828 г. его наследниками остались вдова Евдокия Николаевна (урожденная Яфимович), четыре взрослых сына – Андрей, Егор, Николай, Сергей – и незамужняя дочь Александра. Еще при жизни отца и по его назначению, с декабря 1826 г., заводами управлял вышедший в том году в отставку генерал-майор Андрей Иванович Пашков. Его управление (но не единоличное владение) было сохранено “раздельным фамильным актом” 1827 г.²⁷⁰ и продолжалось 22 года несмотря на то, что при дележе наследства он затеял с совладельцами спор, “в котором обе стороны вели себя одинаково запальчиво”. Мать и младшие братья подали даже жалобу царю, но раздел так и не состоялся, а отношения между совладельцами “достигли крайних пределов”²⁷¹.

При всем желании стать “эффективным собственником”, достичь этого Андрею Ивановичу не удалось. Существовали к тому как субъективные, так и объективные причины. К последним можно отнести действия горных властей, с давнего времени не выпускавших Белорецкие заводы из своего особого внимания. Во время управления А. И. Пашкова произошел еще один случай, не уступавший по своей значимости введению штатов 1817 г. 4 августа 1830 г. Сенат принял решение о перечислении Белорецких заводов из владельческих в посессионные. Только активные действия владельца и его высокопоставленных родственников предотвратили этот перевод: через три года, 16 апреля 1834 г., Сенат признал Белорецкие заводы “не подлежащими платежу полуторной подати”²⁷².

Еще более серьезные проблемы проистекали из ненадежного финансового положения заводов, не имевших запасного капитала. Любая случайность с задержкой оборотных средств грозила полным банкротством заводов. Случай не заставил себя ждать. Засушливой весной 1833 г. на реке Белой “обмелел” следующий на Нижегородскую ярмарку караван Белорецких заводов с 83 тыс. пуд. железа. “Для отвращения могущих случиться неприятностей для заводов и заводских людей”, генералу ничего не оставалось делать, как просить помощи у правительства. Власть была поставлена в затруднительное положение, поскольку заводы Пашковых уже состояли в залоге и предоставить им новую ссуду означало еще более увеличить общую задолженность. Но Комитет министров, рассматривавший просьбу владельца в июле – августе 1833 г., нашел возможным дать ему “некоторое вспоможение для отвращения серьезных последствий”. Правда, вместо просимых 400 тыс. руб. Пашкову выдали из Коммерческого банка только 200 тыс., что примерно равнялось “цен-

ности обмелевшего каравана”. Ссуда была дана под залог содержащихся в том караване металлов и до их продажи, то есть всего на один год. Кроме того, 5 декабря 1833 г. Андрею Ивановичу был разрешен перезалог Белорецких заводов на новый 37-летний срок.

Но вовремя расплатиться по краткосрочной ссуде Пашков не смог. 12 июня 1834 г. по его прошению выплата была отложена “до Нижегородской ярмарки 1835 г. с удержанием процентов”. Через год последовала новая отсрочка. Так и не выплаченный долг Коммерческому банку (уплачены были только проценты по нему) по положению Комитета министров был рассрочен еще на 10 лет с тем, “чтобы Белорецкие заводы служили дополнительным обеспечением означенного долга... и чтобы из приготовленных материалов соразмерная часть находилась в казенном присмотре до продажи оной самим Пашковым для обращения вырученной суммы в уплату долга”. “Впрочем, – говорилось в положении, – от Пашкова будет зависеть благовременным платежом освободиться от сей меры осторожности. Если же последует невнесение платежей Коммерческому банку, то назначить заводы в продажу”. Такая угроза не могла не подействовать, и до 1836 г. Пашков своевременно расплачивался с банком²⁷³.

В то же время у него возникли проблемы с правами на купленную в 1830 г. у наследников И. Е. Демидова половину Кагинских заводов, расположенных вблизи Белорецких. Видимо, чтобы расплатиться с продавцами, он вскоре заложил перешедшие ему части опеке над наследниками Неваховича за 250 тыс. руб. Но покупка эта, вопреки ожиданиям, оказалась невыгодной из-за споров между Демидовыми. 27 июня 1834 г. Сенат отменил продажу вместе с залогом и установил над Кагинскими заводами казенное управление. Но из шести бывших владельцев, в 1830 г. заключивших с Пашковым сделки, вернула ему деньги только одна Е. М. Хомутова. Андрей Иванович, лишенный своей собственности фактически без всякой компенсации, потребовал пересмотра сенатского решения. Хотя это произошло в 1837 г., но не принесло ощутимых результатов, поскольку оставалось в силе запрещение раздела заводских доходов до окончания дела по долгам Демидовых. Не найдя общего языка с управляющим, назначенным казной от лица неявившихся совладельцев, и не имея возможности получать доходы с этих заводов (хотя обязан был снабжать их капиталами), Пашков в 1838 г. фактически отказался от управления ими.

Вероятно, расходы по Кагинским заводам окончательно подорвали финансовые возможности владельца. Одновременно на Белорецких заводах стала накапливаться банковская недоимка, и в 1836 г. Уральское Горное правление в первый раз предписало взять их в казенный присмотр. Однако тогда долг был уплачен и присмотр снят. На следующий год повторилась та же ситуация. По всем долгам (Заемному и Коммерческому банкам, горной, подушной и земской недоимкам) заводы должны были выплатить крупную сумму в 163 тыс. руб. Значительная часть этих денег не была возвращена в срок и, как полагалось, Заемный банк уведомил об этом Горное правление. 17 сентября 1837 г. вновь был учрежден казенный присмотр, которому поручили не только наблюдать за правильностью расходов, но и “участвовать во всех частях управления” и составить опись и оценку заводам для предполагавшейся их продажи. В таком варианте присмотр фактически сравнивался с казенным управлением, которое вводилось лишь с санкции царя. На следующий год Горное правление назначило бергешворена Лихачева управляющим

Белорецкими заводами. Он сразу же вступил в конфликт с проживавшим там родственником владельца отставным штаб-ротмистром Герасимовым, назначенным Пашковым “директором по заведыванию отдельными частями управления”.

Лихачев жаловался, что, несмотря на формальное устранение Герасимова от “всякого распоряжения по конторе и влияния на рабочих людей”, заводские приказчики “всякий день бывают в его квартире с конторскими бумагами и получают от него разные приказы, относящиеся во вред здешнему заводууправлению”. Чиновник даже решился поставить караул вокруг квартиры Герасимова с целью не допустить к нему служителей, от чего, как утверждал он, “водворилось здесь спокойствие и порядок”. Герасимов, в свою очередь, требовал от бергешворена предъявить “распоряжение правительства на счет изменения прежде существующего порядка”, а “дотоле, – писал он Лихачеву, – власть вашу надо мною я не признаю”. Обвинив казенного управляющего в карьеризме, он патетически заявил: “И горе тому, кто посягнет на честь мою, измышленную клеветою, упрочивая будущее свое на развалинах невинного!”²⁷⁴

Дело не ограничилось лишь взаимной перепалкой управляющего и директора. В конфликт втянулись владелец и Уральское Горное правление, в результате чего управление заводами оказалось фактически парализованным. Причем позиции обеих сторон не являлись безупречными с точки зрения права: казенное управление было учреждено Горным правлением без указа царя, а Герасимов не имел доверенности от Пашкова на управление заводами. В такой ситуации Андрей Иванович, естественно, поддержал своего директора, тем более что примерно в то же время подобные события разворачивались и на Кагинских заводах, где казна тоже пыталась ограничить его управление. “Пребывание Герасимова в заводе, – писал он конторе, – заменяет до некоторой степени мое присутствие, о чем и объявить приказчикам и всем крестьянам на сходке”. Горное правление считало, что Пашков сознательно оставляет заводы без “уполномоченного управляющего”. Не желая отступать, оно рекомендовало даже “учредить постоянный закон, которым бы повелевалось брать в казенное управление те заводы, на которых не будет уполномоченного управляющего”²⁷⁵.

При этом горные чиновники не только защищали корпоративные интересы; у них имелись веские основания для негативного отношения к заводчику и методам его управления. Во время казенного пристрастного расследования выяснилось, что заводская контора задолжала рабочим около 94 тыс. руб. и вместо денег выдавала железо, чугунные вещи или “рожь в зерне” в продолжении уже восьми или десяти лет. Вдовы, сироты и увечные, не получая провианта, должны были нищенствовать, а больные из-за ветхого состояния госпиталя лечились дома. Все это никак не соответствовало правилам содержания рабочих 1817 г. и, по мнению Горного правления, “могло быть устранено только при удалении Пашкова от влияния на заводы, хотя бы до платежа всех долгов”. В этом власти нашли поддержку у мастеровых, которые в июле 1838 г. жаловались на заводское управление и, наоборот, были “чрезвычайно благодарны попечительному правительству” за выделение 25 тыс. руб., которые привез и раздал рабочим Лихачев²⁷⁶.

Но Андрей Иванович не сдавался. Он не только писал жалобы на Горное правление и Лихачева, обвиняя последнего, в частности, в том, что он занял господский дом, арестовывал приказчиков и спровоцировал рабочих на беспорядки. Еще в 1837 г. Пашков заключил контракт с купцами Сарычевыми на продажу им железа Белорецких заводов по 150 тыс. пуд. в течение пяти лет. Это фактически была арендная сделка, поскольку Са-

рычевы взяли на себя обязательство “во все время контракта вносить исправно деньги на действие заводов с тем, чтобы железо было им без задержки предоставлено”. Они-то на время и спасли Белорецкие заводы от учреждения казенного управления, предоставив в июне 1838 г. в Горный департамент на уплату долгов Коммерческому и Заемному банкам и на взнос горных и земских податей билеты Опекунского совета на 160 тыс. руб. Против казенного управления сначала высказался и министр финансов Е. Ф. Канкрин на том основании, что оно “сопряжено с большими затруднениями и даже пожертвованиями со стороны казны... с трудом впоследствии возвращаемыми”²⁷⁷.

В результате всего через год после учреждения, 10 октября 1838 г., казенный присмотр над Белорецкими заводами был снят и управление передано А. И. Пашкову. Но в дело вмешался главный начальник уральских заводов В. А. Глинка, который командировал на заводы берг-инспектора. Несмотря на то что тот нашел положение крепостных “не бедным”, опрошенные им 700 человек подтвердили все прежние обвинения частному заводууправлению. Кроме того, инспектор обнаружил, что заводские механизмы не улучшались в продолжении 20 лет, плотина в Белорецком заводе до того была повреждена, что сквозь нее проходила вода, а чугун выплавлялся “сырой”. В то же время при заводе содержались до 600 “мериносовых овец”, значительная часть которых болела, конный завод и псовая охота, требовавшие значительных расходов. “Недостаточное содержание людей и худое устройство заводов, — делал заключение берг-инспектор, — конечно, зависят от степени попечительности самого Пашкова... и являются следствием беспорядочного его управления”.

Рассмотрев эти “удостоверения”, министр изменил свое прежнее мнение. “В том соображении, что снисхождение Пашкову от правительства было уже оказано, — решил он, — исходатайствовать в пример другим заводчикам Высочайшую волю, чтобы на то время, пока не улучшится содержание людей, заводы его взяты были в полное казенное управление”. Однако царь 13 января 1839 г. (сенатский указ от 23 декабря 1840 г.) утвердил “мнение” Государственного Совета об учреждении над Белорецкими заводами не казенного, а опекунского управления “впредь до окончания производящегося между Пашковыми о разделе дела”²⁷⁸.

Во время управления опекуном Соколовым, а с 1845 г. Евдокимовым заводы окончательно пришли в упадок. Ежегодные выплаты по банковским ссудам подорвали и без того тяжелое финансовое положение заводов, все доходы с которых шли на погашение долгов (в 1845 г. была наконец выплачена 200-тысячная ссуда Коммерческому банку, с процентами увеличившаяся почти до 300 тыс. руб. асс.). Уже в 1840 г. опекунское управление получило новую ссуду от Уральского Горного правления в 35 тыс. руб. для “предупреждения продажи Белорецких заводов с публичных торгов”²⁷⁹.

По свидетельству заводского исправника, “в это время все фабрики и устройства в них не были ни возобновляемы, ни достаточно поддерживаемы”. Кроме того, на Пашкова и опеку поступили иски от частных кредиторов и претендующих на часть доходов родственников — зятя, действительного статского советника П. В. Сушкова (мужа умершей в 1817 г. сестры Дарьи Ивановны), оказавшегося в то время в “затруднительном положении”, и братьев Сергея и Николая. 15 марта 1843 г. Сенат объявил им, чтобы “с домогательствами своими они обращались в Оренбургскую дворянскую опеку”. Там в октябре 1843 г. было возобновлено дело о разделе имения И. А. Пашкова между наследниками. Но генерал-майоры Андрей и Егор, коллежский советник Николай, гвардии рот-

мистр Сергей и фрейлина Александра тогда вновь не пришли к мирному соглашению²⁸⁰. Скорее всего, главной причиной затянувшегося спора оставалась непоколебимая позиция Андрея Ивановича, считавшего, что наследственные заводы должны принадлежать именно ему. Об этом свидетельствуют фразы из переписки генерала с горными властями в 1840-е гг. (Белорецкий завод, “родителем моим мне отданный”, “о принадлежности Белорецких заводов мне” и т. п.). Не случайным, по видимому, оказалось и то, что раздел состоялся только после его смерти в 1850 г.

К тому времени Кагинские заводы находились в казенном присмотре, а Белорецкие – в опекуном управлении. В отношении последних было возобновлено дело о перечислении их в разряд посессионных. О своем положении А. И. Пашков писал, что “получает весьма недостаточное число денег на свое и детей своих содержание”. Вероятно, уже и не вспоминали о получении каких-либо доходов с заводов его родственники – совладельцы. Лишь 25 августа 1848 г. Сенат назначил каждому из наследников И. А. Пашкова по 6 тыс. руб. в год на содержание из заводских доходов²⁸¹. Таковы были неутешительные результаты владения и управления генерала двумя горнозаводскими округами на Урале. После его смерти сохранявшиеся за ним $\frac{3}{7}$ части Кагинских заводов перешли дочерям Евдокии (вышедшей замуж за действительного статского советника А. Б. Рихтера) и фрейлине Александре и в 1855 г. были проданы с публичных торгов. Белорецкий округ по разделному акту 1853 г. достался в общее владение братьев А. И. Пашкова Николая и Сергея. После официального утверждения раздела, в 1854 г. опека с заводов была снята²⁸².

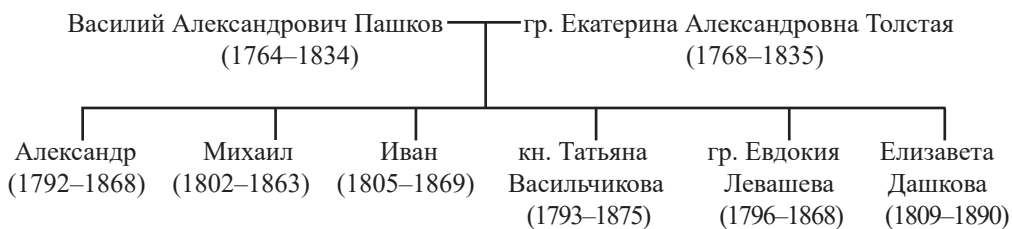
С этого времени дела оставшихся во владении старшей ветви рода Пашковых двух Белорецких заводов стали понемногу поправляться. По свидетельству исправника, к 1861 г. были построены 12 кричных горнов и молотов и начата “фундаментальная перестройка” Тирлянского завода. Владельцы стремились разными способами “успокоить” заводское население, разочарованное прежним управлением. Когда в 1855 г. с соседних Авзяно-Петровских заводов на Белорецкий были временно переведены несколько зачинщиков происшедшего там волнения, Николай Иванович Пашков моментально обратился к В. А. Глинке с просьбой удалить их. “Наблюдая за тишиной, послушанием и порядком при нашем заводе, – писал он 16 февраля из Москвы, – теперь зная у нас чужих буйных людей, ежечасно буду опасаться влияния их на наших крестьян”. В апреле совладелец даже лично приехал на заводы²⁸³.

Но все принятые меры оказались недостаточными: “в запасы рудой и углем войти не успели и оборотный капитал не приобрели”. Поэтому реформа 1861 г. застала Белорецкие заводы, по свидетельству исправника, “совершенно не приготовленными свободно вынести всю тягость ее”. Многие рабочие “уклонились от работ на старых устройствах, находя труд здесь для себя изнурительным и невыгодным”, от чего снизилась производительность заводов. “К вящему затруднению заводских дел, без того сильно расстроенных неурожаями предшествующих годов, дороговизною провианта и всех заготовительных припасов, – сообщал исправник, – караван, отправленный с выработанным металлом в 1861 г., обмелел вблизи заводов”. Кроме этих причин исправник осторожно намекнул и на “обстоятельства, относящиеся до самих владельцев”, по которым их заводы оказались в долгах и на грани остановки. Но по “Высочайшему” повелению Пашковы получили казенную ссуду, благодаря которой заводы смогли пережить трудное время. Средства были направлены на завершение модернизации производства, хотя платить долги оказалось нечем.

В итоге к 1863 г. на Белорецких заводах числилось в долгах Петербургской сохранный казне 524 004 руб., рассроченных банковских и казенных ссуд на 73 тыс. руб. и частных долгов владельцев на 447 272 руб. сер. 25 апреля 1863 г. Сенат издал указ об описи имений Пашковых и установлении над заводами казенного присмотра. 25 августа того же года последовало распоряжение Сената подвергнуть часть Николая Ивановича в заводах опеке, поскольку большая часть долга (650 тыс. руб.) приходилась именно на него. Из-за того, что Горное правление и опека затруднялись одновременно управлять частями нераздельного имения, было принято решение о распространении опеки и на часть Сергея Ивановича²⁸⁴.

Однако такое решение устроило далеко не всех кредиторов Пашковых. В 1864 г. один из них – коллежский советник Кони – обратился с прошением в Горный департамент о скорейшем составлении описи заводов и назначении их в публичную продажу. Но император 5 февраля 1865 г. повелел не подвергать пока Белорецкие заводы продаже, а рассрочить долг сохранный казне на 37 лет “с тем, чтобы, если и за сим последует малейшая неисправность в своевременном взыскании следующих казне платежей, то рассрочка будет считаться отмененной и заводы подвергнуты немедленной продаже”. 14 марта 1866 г. было учреждено конкурсное управление, которому опека передала заводы в 1872 г. Это управление 2 декабря 1874 г. продало Белорецкие заводы акционерному обществу за 999 238 руб. сер., из которых были наконец выплачены все долги прежних владельцев²⁸⁵.

Доставшиеся по раздельным актам 1803 и 1809 гг. генерал-майору (впоследствии обер-егермейстеру и председателю Департамента экономии Государственного Совета) Василию Александровичу Пашкову Воскресенский и Верхоторский медеплавильные заводы находились в его собственности четверть века. В эти годы производство обоих заводов увеличилось почти вдвое. В середине 1830-х гг. вместе они выплавляли почти 40 тыс. пуд. металла и считались одними из крупнейших на Урале. Правда, не обошлось и без финансовых трудностей, преодолевавшихся путем банковского залога (за 153 тыс. руб. на 26 лет)²⁸⁶.

После смерти владельца 2 января 1834 г., заводы перешли его вдове Екатерине Александровне (урожденной графине Толстой) и сыновьям, но оставались под управлением вдовы²⁸⁷. По свидетельству современников, благодаря близости ко Двору и родственным связям, Пашкова «пользовалась большим весом в обществе... и отличалась собственной энергией»²⁸⁸. В течение своего недолгого (продолжавшегося всего около двух лет) управления статс-дама императрицы успела значительно расширить доставшееся от мужа заводское хозяйство, купив 29 ноября 1834 г. у своего деверя П. П. Бекетова Богоявленский завод с 1812 рев. д. и почти 60 тыс. дес. земли за 2,5 млн руб. асс.²⁸⁹ Возможно, одной из целей этой дорогостоящей покупки было облегчение раздела наследства между тремя

сыновьями Пашковых. 66-летняя владелица не могла не понимать, что поделить между ними два завода будет сложнее, чем три. Однако при жизни Екатерина Александровна не успела провести этого раздела.

Поэтому после ее смерти 24 декабря 1835 г. все три завода с 4993 рев. д. крепостных крестьян и 141 тыс. дес. земли перешли в общее владение сыновей – отставного генерал-майора Александра, флигель-адъютанта гвардии ротмистра (впоследствии генерал-лейтенанта и управляющего Департаментом внешней торговли) Михаила и отставного гвардии штаб-ротмистра Ивана²⁹⁰. Но уже 10 марта 1836 г. Е. Ф. Канкрин получил от Пашковых прошение о разделе наследства. “Ныне имеем надобность приступить к разделу между нами всех трех заводов”, – писали братья, полагая “для уравнивания в людях, землях и рудниках” сделать переводы крепостных и передел земель. Министр согласился, рассудив, что раздел “обещает особенную пользу без вреда заводам” и 24 марта 1836 г. император разрешил Пашковым осуществить задуманный ими план²⁹¹. Видимо, по предварительному соглашению Верхоторский завод должен был поступить Ивану, Воскресенский – Михаилу и Богоявленский – Александру. Но по какой-то причине раздел не был осуществлен, и все три завода остались в общем владении братьев²⁹².

Три родные сестры Пашковых ко времени смерти отца и матери были уже замужем и не участвовали в дележе наследства. Татьяна Васильевна в 1816 г. была выдана за генерал-лейтенанта (впоследствии князя, генерала от кавалерии и председателя Государственного Совета) Иллариона Васильевича Васильчикова, Евдокия Васильевна – за генерал-майора (впоследствии графа, генерала от кавалерии и председателя Государственного Совета) Василия Васильевича Левашова и Елизавета Васильевна – за статс-секретаря и тайного советника (впоследствии министра юстиции, председателя Департамента законов и главноуправляющего II Отделением императорской канцелярии) Дмитрия Васильевича Дашкова.

Из них младшая, Елизавета Васильевна, не захотела отставать от братьев. Еще при жизни матери 20 июля 1835 г. она купила у А. П. Полторацкой Благовещенский завод с 1441 рев. д., 22 287 дес. земли и 153 рудниками за 576 400 руб. асс. В сумму продажи вошли 267 520 руб., которые прежняя владелица оставалась должной Государственному Заемному банку по ссуде 1825 г.²⁹³ Таким образом, во владение наследников И. С. Мясникова был возвращен еще один завод, основанный этой предпринимательской фамилией (симбирским купцом М. С. Мясниковым, братом И. С. Мясникова), но утраченный в конце XVIII в.

Видимо, первоначально общее руководство заводом осуществлял широкообразованный муж владелицы. Известно, что после его смерти в 1839 г. Елизавета Васильевна с детьми подолгу жила за границей (в частности в Италии, Франции, Польше, заведя там родственные связи с графами Ржевусскими, а через них с Бальзаком, жена которого Э. Ганская была урожденной Ржевуской)²⁹⁴, но не забывала о своем уральском заводе. В конце 1830-х гг. она приобрела до 150 рудников закрытого Вознесенского завода, а в 1844 г. купила у наследников А. А. Вражского еще одно имение в Оренбургской губернии площадью 9214 дес. с тремя деревнями, 238 рев. д. и несколькими медными рудниками. В 1847 г. на это имение владелицей была получена в том же банке ссуда в 108 070 руб. на 37 лет. Все эти и другие меры владелицы позволили заводу достаточно эффективно действовать, наращивая свою производительность вплоть до начала 1860-х гг., когда здесь было выплавлено 13 880 пуд. меди²⁹⁵.

Из братьев Пашковых предпринимательские способности более всего проявились у Михаила Васильевича, еще в 1834 г. от имени матери совершившего сделку с Бекетовым. В 1838 г. он вернул во владение семьи еще один основанный предками Преображенский медеплавильный завод. По купчим и разделам 1780-х гг. этот завод сначала перешел Д. К. Крашенинникову, затем был им продан московскому именитому гражданину П. М. Гусятникову, у наследников которого его и купил Пашков. Купчая была совершена 7 марта 1838 г. в Петербургской гражданской палате в присутствии высокопоставленных и знатных лиц из окружения нового владельца – графа И. В. Васильчикова, князя А. Г. Щербатова, графа А. Н. Толстого, Н. А. Лунина и графа А. П. Голенищева-Кутузова. За завод с тремя деревнями и 1659 рев. д. крестьян, земель, лесами, господским домом, санными покосами, пашнями, плотиной, медными рудниками и золотыми россыпями Пашков заплатил 2 млн руб. асс. Из этой суммы были исключены казенные и банковские (по залогу в 1832 и 1834 гг. 1370 рев. д. на 335 400 руб.) долги Гусятниковых, которые Михаил Васильевич “переводил вполне на себя”. “Право принадлежности” ему Преображенского завода устанавливалось с 1 декабря 1837 г.²⁹⁶

Вскоре после покупки, 22 июня 1839 г., завод с 1657 рев. д. был вновь заложен в Заемном банке на сумму 118 480 руб. сер. на 26 лет. Вероятно, часть этих средств пошла на модернизацию производства. По свидетельству самого владельца, на заводе были построены “плавильная каменная фабрика с металлургическим механизмом, две главные заводские плотины и вообще все устройство приведено в надлежащее состояние”, что позволило в 1850 г. поднять производительность до 15,4 тыс. пуд. меди. Были, по-видимому, прикуплены и крестьяне, поселенные в новой деревне Михайловке.

Однако банковская ссуда не всегда вовремя выплачивалась владельцем, в результате чего на его имение в 1848 г. было наложено запрещение. В 1851 г. свитский генерал-майор Михаил Васильевич Пашков решился на частный залог завода. О нем он договорился со своей дальней родственницей княгиней Еленой Павловной Кочубей, которая обещала выдать 300 тыс. руб. сер. на восемь лет “за указные 6 % годовых” из капитала находившейся под ее опекой дочери княжны Ольги Эсперовны Белосельской-Белозерской. Попечитель граф А. А. Закревский согласился на этот залог, полагая, что прирост капитала может существенно “усилить доходы” его подопечной. Но, несмотря на ходатайство опекуни и попечителя к самому императору, дело о предоставлении ссуды затянулось в связи с опасениями Петербургской дворянской опеки, может ли Преображенский завод быть надежным залогом по ссуде. Пашков доказывал, что только 2271 рев. д. крестьян и 101 019 дес. земли (в том числе 81 538 дес. леса), принадлежащих его заводу, исключая ценность самих строений, могут быть оценены в 434 799 руб. сер., что значительно превышало сумму залога. Он подсчитал также, что ежегодный доход составлял более 20 % на занимаемый капитал и позволял ему в срок расплатиться с заемщиком. В результате 31 июля 1852 г. закладная под завод на договорную сумму все-таки была подписана, но только на три года. Позже срок залога был, видимо, продлен до 1867 г., и расплачиваться по нему пришлось уже наследникам Пашкова. Тем не менее за счет этого частного залога Михаил Васильевич уже в августе выплатил весь долг Заемному банку и освободил имение от запрещения²⁹⁷.

Не без проблем развивались события и на заводах совместного владения Пашковых. Их управлению пришлось неоднократно вступать в конфликты с региональным горным начальством. Впервые такая ситуация сложилась в 1839 г., когда заводский исправник донес, что рабочие Воскресенского завода “не удовлетворены платами за четыре месяца

и даже за год и более”. Хотя жалоб по этому поводу от мастеровых не поступало, Горное правление “отнеслось” к владельцам “о принятии мер к отвращению подобных неприятностей” и потребовало от конторы предоставлять ежемесячные сведения о выдаче плат. От лица братьев М. В. Пашков усомнился в правомерности такого требования, по его мнению, несовместимого со статусом владельческого завода, и описал порядок выплат мастеровым. “Контора имеет счет с каждым крестьянином, – сообщал он, – куда вписываются плата за работы, выдача из конторы денег за заработку или впредь под нее, тут же включается провиант, рукавицы, лапти и всякие вещи, выдаваемые из господских магазинов под счет их”. Многие рабочие входят в долги конторам, которые в сумме простираются до 50–60 тыс. руб. Поэтому случается, что отдельным рабочим не выдаются на руки заработанные деньги или удерживается часть их за отпускаемые из магазинов хлеб и другие припасы. Кроме того, объяснял владелец, большинство крестьян заняты работами вне завода и подолгу находятся в куренях или на рудниках, отчего невозможно “делая с ними расчет” ежемесячно. По всем этим причинам он уклонился от предоставления требуемых ведомостей.

Хотя министр финансов согласился с Пашковым, предписав Горному правлению “поступать так только в случае жалоб от рабочих людей”, оно тем не менее, “имея в сообщении, что требованием сведений об удовлетворении людей платами ни конторы, ни заводчики не стесняются в хозяйственных распоряжениях, внушило заводской конторе не уклоняться от исполнения требования начальства”. Но контора, очевидно, с санкции владельцев, в 1841 г. решительно отказалась от выполнения очередного запроса исправника. Вновь разгорающийся конфликт притушил министр, разъяснив Горному правлению, что собирать сведения о платах оно может лишь с посессионных заводов. Но в 1855 г. все вновь повторилось. Правда, на этот раз сам исправник отказался выполнить предписание горного начальства, за что получил строгое замечание “за неосновательный рапорт”. Михаилу Васильевичу вновь пришлось жаловаться министру и объясняться с главным начальником. “Поскольку заводская контора, – писал он В. А. Глинке, – состоит из крепостных людей, потому вмешательство исправников в хозяйственные мои распоряжения, сделавшись известны всем крестьянам, может быть поводом к нарушению ныне существующего порядка и спокойствия”. Этот новый довод, по-видимому, убедил главного начальника, который распорядился “в переписку входить и выправки из книг делать” только в случае жалоб, и заодно снял наказание с безвинно пострадавшего исправника. Заводчик в данном случае выиграл “сражение” с региональными горными властями²⁹⁸. Авторитет генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Пашкова среди “оренбургских владельцев” был настолько весомым, что в 1859 г. они избрали его председателем Комитета заводовладельцев Оренбургской губернии для составления проекта крестьянской реформы²⁹⁹.

3.3. Дурасовы

Юрюзань-Ивановский железный и Верхоторский медный заводы по разделу 1785 г. достались третьей дочери И. С. Мясникова Аграфене Ивановне, вышедшей замуж за майора Алексея Николаевича Дурасова. При ней с основанием в 1799 г. железоделательного Минского завода завершилось формирование нового Юрюзанского горнозаводского округа, а Верхоторский завод превратился в одно из лучших медеплавильных предприятий России, производившее в год до 8,5 тыс. пуд. металла³⁰⁰.

В 1802 г. после смерти владелицы Юрюзанские и Верхоторский заводы достались ее сыну бригадиру Николаю Алексеевичу Дурасову. С. Т. Аксаков вспоминал, что тогда Дурасов жил в своем богатом симбирском имении Никольское, где был возведен каменный двухэтажный дом “новейшей архитектуры” с роскошной внутренней отделкой, со сквозной колоннадой, круглыми башнями, старым садом и прудом, напоминавший будущему автору “Детских годов Багрова-внука” рыцарский замок или загородный дворец английских лордов. В теплицах и оранжереях росли диковинные цветы и плоды, в особом домике содержались “две чудовищные свиньи, каждая величиною с небольшую корову”. Славившийся хлебосольством хозяин за обедом “угощал” своих гостей не только отменными блюдами, но и музыкой рогового оркестра и пением крепостных девушек, выучившихся в Москве. Среди местного дворянства Дурасов был известен и как страстный карточный игрок³⁰¹. Возможно, именно для покрытия своих громадных проигрышей он уже на следующий год после получения наследства расстался с Верхоторским заводом, несмотря на то, что тот достаточно эффективно действовал.

18 мая 1803 г. при большом количестве свидетелей (в том числе тайных советниках графе А. Д. Моркове, князе К. А. Багратионе, генерале от инфантерии И. П. Архарове, статском советнике И. И. Демидове) поверенный владельца бригадир С. Г. Мельгунов заключил в Московском надворном суде купчую с родной теткой Дурасова Дарьей Ивановной Пашковой. Завод с деревней Ромодановкой был продан ей за 500 тыс. руб.³⁰²

Юрюзанские заводы оставались в собственности Н. А. Дурасова до 1815 г., когда он пожелал расстаться с ними, видимо, таким путем решив восстановить разоренное во время войны свое московское имение. Тогда он заключил сделку с московским купцом 1-й гильдии Никифором Логиновичем Старковым (иногда встречается написание Стариков). В мае того года Горный департамент, а в июне и Пермское Горное правление выразили согласие на продажу, и 29 сентября на Юрюзань-Ивановский и Минский заводы с 2537 рев. д. крепостных крестьян в Московской гражданской палате была заключена купчая крепость. По ее условиям Старков должен был заплатить Дурасову 1,3 млн руб., из которых 500 тыс. руб. отдавал наличными, а на 630 тыс. руб. еще 8 апреля подписал заемные письма. В своей собственности бригадир оставил лишь вотчину в Симбирской губернии (с. Никольское или Черемшан с деревнями)³⁰³.

Уже с апреля 1815 г. вместо прежнего хозяина купец начал снабжать заводы (во владение которыми еще не был введен) “всеми нужными потребностями” и потратил собственного капитала до 400 тыс. руб. Но неожиданно в октябре Горное правление

получило прошение двоюродной сестры Дурасова княгини Анны Григорьевны Белосельской-Белозерской, которая сообщала, что, “не желая упустить родовое наследственное имение”, в том же сентябре “внесла следующие деньги за заемные письма” и просила отдать ей заводы на выкуп, а за Старковым их “не числить”.

Раздосадованный купец, конечно, не мог безучастно наблюдать, как “отбирают его собственность”. Он, в свою очередь, подал прошение министру финансов графу Д. А. Гурьеву, утверждая, что выкуп заводов приведет “к большим упущениям и расстройству”. Тем не менее имение у него было “отобрано и отдано на выкуп княгине”. Это определение было утверждено в той же Московской гражданской палате 12 октября 1815 г. Старков пытался сыграть на различиях в посессионном и владельческом статусе заводов, доказывая, что купил только землю без крестьян, которые, “по неимению у него дворянства” должны принадлежать казне. Следовательно, считал он, “казна в моем заводе со дня совершения купчей крепости непосредственное участие имеет, за что получит лишнего дохода до 10 тыс. руб. ежегодно”. “Прошу, – просил он министра, – возратить казне и мне принадлежащие заводы”. Но даже эти посулы не склонили власти на сторону несостоявшегося заводчика. Право влиятельной и знатной дамы на выкуп было признано Сенатом 31 января 1817 г., а купцу отказано в просьбе³⁰⁴. В течение еще пяти лет новая владелица, наследники вскоре умершего Н. А. Дурасова и Н. Л. Старков не могли расцелиться между собой “по материалам и припасам, находящимся при заводах”³⁰⁵. Но это не помешало княгине Белосельской-Белозерской окончательно укрепить за собой родовые Юрюзанские заводы.

3.4. Е. И. Козицкая и наследники

Последняя часть наследства И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова (Катав-Ивановский и Усть-Катавский железные и Архангельский медный заводы) досталась младшей дочери Мясникова Екатерине Ивановне, бывшей замужем за коллежским советником Григорием Васильевичем Козицким (статс-секретарем Екатерины II, заколовшимся еще в 1775 г.). Вдова, воспитавшая двух дочерей, довольно успешно управляла своими заводами, в начале XIX в. выплавлявшими от 170 до 200 тыс. пуд. чугуна, 150 тыс. пуд. железа и 10 тыс. пуд. меди в год³⁰⁶.

1 апреля 1810 г. престарелая владелица совершила “раздельную запись”, по которой старшей дочери графине Александре Григорьевне Лаваль переходил Архангельский завод, а младшей – княгине Анне Григорьевне Белосельской-Белозерской – Катавский округ. “Отказная книга” наследниками была подписана в сентябре 1813 г., когда они окончательно вошли во владение родовыми заводами³⁰⁷.

Хозяйка известного петербургского салона (в некогда роскошном доме Лавалей на Английской набережной находился собранный хозяевами “музея” античных шедевров) и завсегдатай аристократического предместья Парижа Сен-Жермен, приятельница Ж. де Сталь А. Г. Лаваль, по отзыву князя П. В. Долгорукова, “унаследовала от матери, женщины совсем простой и необразованной, природный ум, здравый смысл, твердый характер и такт”³⁰⁸. Она владела стабильно действующим Архангельским заводом в течение 40 лет. Правда, финансирование ею завода неоднократно вызывало нарекания высшего начальства. Еще с начала 1820-х гг. на заводской конторе стал накапливаться долг “вольным вощикам” за доставку руды, с которыми зачастую расплачивались не деньгами, а “ярлыками”. Это приводило к тому, что земские исправники “затруднялись во взыскании с крестьян государственных податей”. В 1828 г. по донесению заводского исправника Виноградова об отсутствии наличных денег в заводской конторе и “во избежание ропота заводских людей” Горное правление даже выделило в ссуду Архангельскому заводу 10 тыс. руб. Но управляющий отставной артиллерии штабс-капитан Краевский возвратил деньги обратно³⁰⁹.

Тогда между владелицей, министром финансов Е. Ф. Канкриным и директором Горного департамента Е. В. Карнеевым завязалась долгая “дружеская” переписка. “Не понимая ничего из приложенных копий с бумаг, присланных из Департамента, – недоумевала графиня, – каким образом могло быть недостаточно денег на медеплавильном моем заводе, когда от меня высылаются оные всегда достаточно и вовремя”. “Когда столько охотников было возить ко мне на завод руду вольных вощиков, то наверно они не имели сомнения получить плату за провоз?” – задавала она риторический вопрос Карнееву и просила “освободить ее от клеветников” и позволить самой выбрать заводского исправника. Но и новый исправник Поступальский вновь сообщал об отсутствии денег на заводе и потребовал “понудить” владелицу к скорейшей их высылке³¹⁰.

В январе 1830 г. после нескольких безрезультатных просьб главный начальник уральских заводов отправил на Архангельский завод шихтмейстера Андропова с “секретным поручением”. Тот выяснил, что при действительно “малой высылке денег завододержательницей”, завод довольно успешно действует только благодаря “хитрости” приказчиков. “В то же самое время, – сообщал “секретный агент” начальству, – всех поселян, производивших ежегодно перевозку руд, проживавших в Оренбургском и Стерлитамакском уездах, известия через посланного о присылке денег, [приказчик] приглашает к перевозке руды с уверением, что деньги всем и каждому выданы будут сполна. И так они,

хотя не совершенно уверившись, но обратятся во множестве к принятию и нагрузке на возы руды, потом разъедутся с оного первоначально по домам в ожидании достоверного известия от товарищей своих, повезущих первый транспорт руды в завод, что точно контора имеет деньги и удовлетворит сполна. Но приказчик, зная их предположение и дабы подкрепить уверение свое, по сдаче руды первого, второго и третьего транспортов, вощиков удовлетворит платою точно наличными и сполна. Вот уже сии самые, возвратясь в дома, доставят верное сведение многих селений товарищам своим, что они плату получили сполна, то и сии последние, уверенные на сем, обратятся к доставке в завод полученные уже ими руды в верной надежде получить также наличные, при том мечтают удовлетворить необходимые домашние нужды и даже самые взнести государственные подати, различными средствами у них по взносу вымогаемые. Но к крайнему прискорбию напротив того встретят отказ в выдаче наличных по неимению в конторе денег, и вместо которых получают одни конторские расписки, возвратятся в дома в горестном положении так, что на обратный свой проезд до жительства, состоящего в 200 верстах и более, не имея на пропитание себя, ни на прокормление лошадей денег, передают расписки состоятельным людям с уступкой 20 и даже 30 коп. от рубля”. “Сии самые средства, – полагал Андронов, – доставляют успех приказчикам каждогодно наработанную руду перевозить в завод и способ поддерживать до сего времени в одной пропорции выплавку меди, но доказывают при том ясно столь предосудительные меры и причину накопившихся на конторе долгов рудничным вощикам до 57 тыс. руб.”³¹¹.

Хотя заводу управление неоднократно извещало графиню о долгах рабочим, она делала вид, что “никак не может понять, каким образом не производится плата вощикам” и тем самым только подталкивала приказчиков к очередному обману. “О состоянии крестьян, – оправдывалась она перед министром в феврале 1830 г., – я часто спрашивала у всех известных мне проезжающих через Архангельский завод и всегда слышала большие похвалы о их содержании. Со своей стороны известно мне, что никогда на моем заводе не было никакого беспокойства и крестьяне всегда наблюдали повиновение и порядок и даже в отсутствие мое в разное время в чужие края, оной порядок и спокойствие никогда не были нарушаемы тогда и до сего времени”. Однако в письме Карнееву, сообщая об отстранении приказчика Краевского от управления, она проговорила, решив, что им “уже заплачены все суммы, должные по ярлыкам”. Уличил графиню и сам министр. “Из бумаг, присланных Вами, – вежливо разьяснял он, – видно, что на действие завода капитал в 120 тыс. руб. требуется, а Ваше Сиятельство пишет, что в три года выслано 306 тыс., следовательно 54 тыс. не дослано”. “Примите поспешнейшие меры, – просил Канкрин, – которые, кажется, только и состоят в высылке туда достаточного количества денег”³¹².

Бурную реакцию вызвало у Александры Григорьевны предписание Пермского Горного правления от 16 апреля 1830 г. ввести на ее заводе штаты Пермских казенных заводов и построить госпиталь и богадельню. Не имея серьезных аргументов в свое оправдание и вооружившись одним красноречием, графиня напоминала министру, что “заводы наши заведены были на самых вышних правилах человеколюбия и до сего дня имя деда нашего произносится с уважением во всех краях Оренбургской губернии”. Действительно, заявляла она, на заводе нет госпиталя, но “известно... как трудно наших крестьян разлучать с их семействами во время болезни, а как они имеют каждый по две и по три избы, то до сих пор сами не только не желали, но даже боялись госпиталя”. По той же причине, уверяла она, нет надобности и в богадельне. “Чтобы не могло последовать злоупотребле-

ний, – торжественно обещала графиня министру, – я за долг считаю предупредить Ваше Сиятельство, что я с охотой пожертвую своим доходом... но в замену одного порядок совершенно будет восстановлен и не только прежние долги, но и сей год будут очищены, не оставя одной копейки долгу”³¹³.

Тем не менее на следующий год заводский исправник уведомил Горное правление, что казенные штаты и не думали вводить, долг по-прежнему полностью не уплачен, а крестьяне и даже заводские рабочие “объявили решительно, что, не получая плат и выдачи провианта... не имеют никакой более возможности пропитывать себя с семействами и собираются идти в Оренбург к губернатору”. В последующие годы ситуация с финансированием Архангельского завода нисколько не улучшилась. Высылаемых владелицей денег не хватало не только на уплату долгов, но даже и на само заводское действие. Министр в 1833 и 1834 гг. вновь просил А. Г. Лаваль выслать денег “с предупреждением, что если и затем еще просьба сия останется без надлежащего успеха, то он вынужден будет обстоятельство сие донести до сведения Государя Императора”. Но даже это не убедило владелицу, вместо присылки денег отправившейся за границу. Между тем ситуация на заводе накалилась до того, что в январе 1834 г. рабочие подали жалобу исправнику “на невыдачу провианта и неудовлетворение задельной платой”. Тогда лопнуло терпение и у министра. В первый день нового 1835 г. он “поздравил” графиню очередным “побуждением”. “Уведомляю Вас, милостивая государыня, – писал рассерженный министр, – что делаю сие в последний раз, и если за сим не поспешите удовлетворить как сего, так и прежних моих... отношений... то вынужденным найдусь принять предписанные законом на подобный случай меры”. От графини не замедлило прийти очередное “объяснение-опровержение”, но изменившийся тон министра, видимо, возымел действие³¹⁴. Финансирование стало более стабильным, завод избежал учреждения казенного или опекунского управления и оставался во владении Александры Григорьевны Лаваль до ее смерти в 1850 г.

От брака с французским эмигрантом, ставшим российским действительным тайным советником, графом Иваном Степановичем (Жан-Франсуа) Лавалем она имела сына Владимира (погибшего холостым в 1825 г.) и четырех дочерей – знаменитую княгиню Екатерину Трубецкую, последовавшую за мужем-декабристом в Сибирь, графиню Зинаиду Лебцельтерн, блестящую пианистку, жену австрийского посланника, графиню Софию Борх, муж которой был директором Товарищества Суксунских заводов, и графиню Александру Коссаковскую, жену сенатора и председателя Герольдии Царства Польского. По разделу между сестрами, состоявшемуся в 1850 или 1851 г., уральский завод достался на часть младшей из них и находился в ее владении до смерти в 1886 г.³¹⁵ Коссаковские проживали большей частью в литовском имении Вайткушес и были хорошо известны в культурных кругах России и Польши. Граф Станислав Осипович занимался литературой и живописью; графиня Александра Ивановна признавалась одной из самых образованных женщин своего времени, в 1848–1858 гг. она вела дружескую переписку с выдающимся французским поэтом Альфредом де Виньи. Сын Коссаковских Казимир-Август стал известным польским герольдиком³¹⁶.

Катав-Ивановские заводы в 1810 г. достались вдове дипломата, писателя, музыканта и коллекционера (“московского Аполлона”, как называли его современники)³¹⁷ князя А. М. Белосельского-Белозерского Анне Григорьевне. По признанию современников, она принадлежала к “ultra-fashionables” – самому высшему петербургскому обществу, но, не унаследовав от матери “ни ума ее, ни умения держать себя в свете, не была любима в

обществе, где ее находили скучной и чванной”. Тем не менее княгиня довольно хорошо умела вести свои хозяйственные дела и даже состояла почетным членом Вольного экономического общества³¹⁸. После ее смерти в 1846 г. заводы перешли по наследству сыну генерал-майору, начальнику полицейского управления Николаевской железной дороги князю Эсперу Александровичу, который, по всей видимости, уже в 1830–1840-е гг. управлял имениями матери³¹⁹. Но всего через несколько месяцев после получения наследства он умер. Заводы оказались в общем владении его вдовы Елены Павловны (урожденной Бибиковой, по второму браку княгини Кочубей), малолетнего сына Константина и двух незамужних дочерей Елизаветы и Ольги. Над $\frac{6}{7}$ частями общего владения, следующих по закону детям князя Эспера, 14 декабря 1847 г. было “Высочайше” учреждено попечительство в лице матери и графа А. А. Закревского (женатого на троюродной сестре Э. А. Белосельского-Белозерского графине А. Ф. Толстой), а позже – графа Э. К. Сиверса³²⁰.

К совершеннолетию князя Константина мать и сестры – княгиня Елизавета Трубецкая (была замужем за надворным советником князем Петром Никитичем Трубецким) и графиня Ольга Шувалова (замужем за флигель-адъютантом полковником графом Павлом Андреевичем Шуваловым) сделали ему “подарок”. 7 ноября 1861 г. они, “желая оставить имение в роде князей Белосельских-Белозерских”, передали заводы с 200 тыс. дес. земли во владение Константина Эсперовича, получив взамен следующих им по закону указных частей “выдел деньгами”. 18 декабря того же года “раздельная запись” была утверждена Санкт-Петербургской палатой гражданского суда³²¹.

Юрюзанские заводы, перешедшие А. Г. Белосельской-Белозерской в 1815 г. (утверждено Сенатом в 1817 г.) от двоюродного брата Н. А. Дурасова по выкупу у купца Н. Л. Старкова, состояли в ее владении до 1830 г. Скорее всего в “преждевременном расставании” владелицы с этими заводами сыграли свою роль происшедшие накануне события. Хотя сама Анна Григорьевна считала, что ее заводы “устроены предками весьма благоразумно”, и на этом основании продолжала руководствоваться “теми же правилами... без всяких перемен”, в 1828–1830 гг. здесь произошли массовые волнения крепостных, жаловавшихся на “несносные человечеству наказания и разные притеснения” со стороны заводоуправления. Проведенное Пермским Горным правлением следствие показало, что жалобы рабочих оказались “большей частью справедливыми”. Мало того, было установлено, что контора “во взыскании с людей работ, в выдаче им плат... руководствовалась предписаниями госпожи заводосодержательницы”. Главный начальник А. А. Богуславский рекомендовал ввести на Юрюзанских заводах штаты казенного Камско-Воткинского завода³²².

Анна Григорьевна в свою очередь сочла это решение за “притеснение” со стороны Горного правления в нарушение “права Дворянской грамоты”, проговорившись между тем, что “с исполнением этого предложения, содержание заводов далеко превзошло бы доходы, с оных выручаемые”. В “оправдательном” письме министру Е. Ф. Канкрину она сообщала, что “постоянно пеклась о хорошем их [Юрюзанских заводов] положении”, хотя и приобрела заводы “в менее устроенном положении”, чем наследственные Катавские. Так, владелица дважды “прошала” долги рабочим, в 1821 г. увеличила платы “некоторые почти вдвое, а некоторые половиною больше прежних”, а в 1825 г. “установила главноуправляющих заводами из людей, которые образованием своим, правилами и прежней службою государству заслуживали полную доверенность” (именно на них и жаловались рабочие). Вместо того, чтобы принять “хозяйственные меры к безбедному

содержанию людей” и погасить их недовольство, как того требовало горное начальство, княгиня предпочла “сразиться” с правлением, апеллируя к тому, что министр, по ее словам, “не дозволит стеснять меня в управлении моей собственностью”³²³.

Однако министр поддержал мнение главного начальника и доложил обо всем царю, который распорядился помимо “мер военной дисциплины”, провести новое следствие и в случае “справедливости жалоб крестьян” составить “положение об управлении”, подобное штатам Белорецких заводов 1817 г. Несмотря на то что, проявив заботу о репутации статс-дамы, Николай I разрешил привести новое “положение” в действие “буде не встретится особого затруднения” и “именем владелицы”, Анна Григорьевна до конца отстаивала свою “естественную власть помещицы”, сетуя не столько о “горестном происшествии” на ее заводах, сколько о том, что у царя может “возбудиться в мыслях” мнение “о недостаточности, будто бы крестьян, мною управляемых”³²⁴. Видимо, не сумев вынести такого удара самолюбию и верноподданному чувству, в 1830 г. она и решила отказаться не только от управления, но и владения “беспокойными” Юрюзанскими заводами, тем более что для этого “подвернулся” удобный повод.

12 сентября того года Анна Григорьевна подала прошение в Пермское Горное правление об отдаче этих заводов “в надел” своей дочери Екатерине, бывшей замужем за умевшим наводить военный порядок генерал-адъютантом и генерал-лейтенантом Иваном Онуфриевичем Сухозанетом. Правление не нашло препятствий для выдела Юрюзанских заводов, составлявших отдельный горнозаводский округ, но потребовало “оригинальных документов” на право владения ими. У княгини не оказалось указов на строительство дошедших ей от Дурасова заводов, дом которого в Москве вместе со всем имуществом и бумагами был разграблен и сожжен во время наполеоновского нашествия. Подключившийся по просьбе княгини Е. Ф. Канкрин на этот раз помог урегулировать вопрос, в результате чего Юрюзанские заводы перешли новой владелице “без всякой отмены всех тех в отношении к казне обязанностей, какие лежали на прежних владельцах”³²⁵.

15 декабря 1830 г. орденов Святого Константина Иерусалимского большого креста и Святой Екатерины меньшего креста кавалерственная дама Анна Григорьевна, ее сын лейб-гвардии гусарского полка ротмистр Эспер Александрович и дочь ордена Святой Екатерины меньшего креста кавалерственная дама Екатерина Александровна “с общего между собой согласия” учинили “отдельную запись”. Вместо следующей Е. А. Сухозанет указной части наследства покойного родителя действительного тайного советника и обер-шенка князя А. М. Белосельского-Белозерского мать отдавала ей Юрюзань-Ивановский и Минский заводы с Кубовской и Картавлинской дачами и 2540 рев. д. крепостных, а брат уступал псковское имение с 354 рев. д., доставшееся ему по наследству от тетки баронессы Н. М. Строгановой (урожденной княжны Белосельской-Белозерской). Сверх того Екатерина Александровна получила 1 млн руб. “наличным капиталом, билетами и государственными ассигнациями” при том, что в приданое ей уже было дано “бриллиантов и жемчугу на 111 тыс. руб., серебра и фарфору на 30 тыс. руб.”. Все перешедшее Сухозанет недвижимое имение было оценено “по совести” в 1 568 500 руб., а с движимостью и капиталами в 2 709 500 руб. “Будучи оным выделом довольною”, Екатерина Александровна в свою очередь отказывалась за себя и своих наследников “от всякого притязания после смерти матери на получение какого-либо наследства”. “Запись на выдел” была утверждена Петербургской гражданской палатой 23 февраля 1831 г.³²⁶

В соответствии с ней, уже с 1 октября 1830 г. Е. А. Сухозанет вступала во владение уральскими заводами, которыми с того времени и до своей смерти управлял ее муж И. О. Сухозанет, в 1854 г. получивший звание полного генерала. Он был известным в России крупным военным деятелем, героем Наполеоновских войн, участником Польской кампании 1830 г., во время которой потерял ногу. После этого генерал назначался управляющим пажеского и всех сухопутных корпусов и Военной академии. Он пользовался уважением Николая I (звание генерал-адъютанта получил за решительные действия гвардейской артиллерии при подавлении восстания 14 декабря 1825 г.) и Александра II, возлагавших на него ряд ответственных миссий, в том числе связанных с уральскими заводами. Так, в 1837 г. ему был поручен осмотр Златоустовской фабрики, а в 1856 г. – всех оружейных и железных заводов Урала с целью “приискания способов к улучшению выделки ствольного железа”. В 1843 г. генерал возглавлял Общество русских горнозаводовладельцев по устройству Санкт-Петербургско-Московской железной дороги. По ходатайству министра финансов Е. Ф. Канкрин в 1842 г. он принимал участие в редактировании Горного устава³²⁷. Младший брат Ивана Онуфриевича генерал-адъютант и генерал от кавалерии Н. О. Сухозанет с 1856 по 1861 г. был российским военным министром.

Как сообщалось в составленном заводоуправлением в 1860 г. “Кратком обзоре Юрюзанских заводов”³²⁸, в течение 28-летнего управления Сухозанетом “спокойствие и порядок в юрюзанском населении ни единожды не были нарушаемы, хотя, – утверждали составители, – население это не всегда прежде отличалось мирным направлением. Не говоря о временах Пугачева, о котором остались в Юрюзани многие воспоминания, еще в 1828 г. дух общего неповиновения обнаружился до того, что для усмирения крестьян, подстрекаемых грамотеями конторскими, приведен был батальон пехоты и полк конницы, остававшиеся на экзекуции в Юрюзани в течение почти целого года... Но с 1830 г. после перехода заводов во владение Екатерины Александровны Сухозанет восстановление и удержание в Юрюзани порядка были достигнуты не мерами стеснительной строгости в управлении, которое, впрочем, не допускало гибельных поправок, но только неуспешно, истинно благотворной заботливостью достигнуто устройство в хозяйственном быту и благоденствие населения с огромными пожертвованиями владелицы для сей цели”.

Генерал Сухозанет, сообщалось в “обзоре”, “с самого начала употребил все усилия для практического усовершенствования заводского дела”, для чего “ежегодно обзирал заводы Пруссии, Саксонии, Бельгии, Англии и Франции, изучал дела на местах производства и все полезнейшее, способствующее в особенности к облегчению рабочего труда механическое усовершенствование применял к местности и понятиям юрюзанцев и, вводя все постепенно, достигал больших результатов в образовании народонаселения, в учреждении порядка и в увеличении доходов владельческих”. Окружное управление горным и гражданским начальством признавалось “образцовым” и даже “распространявшим цивилизацию окрест сих заводов и между башкирскими племенами”. По классификации Уральского Горного правления в середине XIX в. Юрюзань-Ивановские заводы входили в высший разряд, выделявая в год до 300 тыс. пуд. железа разных сортов, на рынке ценившегося выше катавского и симского. Правда, округ не избежал залога в Заемном банке за взятые в 1848 г. 242 690 руб. сер. на 37 лет³²⁹.

Составители “обзора” свидетельствовали, что “для упрочения быта крестьянско-го” на заводах распространялись “полезные ремесла” и особенно хлебопашество. Для этого было увеличено число деревень с 4 до 12, передано в распоряжение крестьян

до 30 тыс. дес. сенокосов и разрешено “распахивать столько земли, сколько трудолюбие каждого осилит”. За счет владелицы производились опыты обработки и удобрения полей, была заведена конюшня “для улучшения местной породы лошадей”, при каждой деревне построены мукомольные мельницы. “Владелица, – сообщалось в “обзоре”, – устроив на свой счет и раздав крестьянам множество кирпичных домов, возбудила этою щедростью соревнование к постройке таких домов, число которых постепенно размножается, а деревянные дома строятся не иначе, как на каменном фундаменте и многие покрываются глиняною черепицею”. “Для рабочего класса попечительность владельческая” выразилась в учреждении кредитного капитала в 200 тыс. руб., который без начисления процентов и с “умеренным вычетом из заработной платы” переходил “от одного к другому, обедневшим и нуждающимся в подмоге”. Провиант из заводских магазинов продавался рабочим по пониженной цене, им выдавались награды “за трудолюбие и честность” и даже выплачивались деньги вперед “под работы”.

Значительным облегчением признавалась также уплата всех податей за крепостных. На заводах действовала “господская застольная”, был устроен госпиталь, который, по признанию составителей “обзора”, “не отличался великолепием, но чистотою, хорошей пищею и потребными в достаточном количестве медикаментами”. При госпитале постоянно находилось несколько фельдшеров, а доктор посещал его не менее двух раз в месяц. Была построена и богадельня, но старики предпочли “проживать в своих семействах”. Заводовладельцы основали несколько начальных школ, в которых обучение было направлено “к практическому заводскому образованию и улучшению вообще нравственности крестьян”. С той же целью ими поддерживались заводские церкви и содержался хор певчих. Генералу приписывалось и составление особого наставления под названием “Нравственной юрюзанской записки”, представлявшего собой, по выражению историка, “смесь избитых истин и призывов к смирению в бедности”³³⁰. В печатном виде “записка” распространялась среди заводского населения и использовалась на уроках в местных школах. Помимо “нравственного исправления” не исключались и телесные наказания, которые порой назначал сам генерал за побеги и кражи.

Все эти меры владельцев вполне укладывались в контекст распространенного тогда в России дворянского патернализма. Так же, как Сухозанеты, понимали свою “отеческую миссию” по отношению к крепостным рабочим многие другие заводовладельцы. Полностью соответствовали этим убеждениям и мысли, высказанные Иваном Онуфриевичем в личной записке Е. Ф. Канкрину о необходимости предельно ограничить вмешательство властей во внутреннюю жизнь частных (особенно владельческих) горнозаводских округов. Государство, считал генерал, достаточно воспитывает дворян “в подчиненности к Законам” во время “службы Государевой”; они же должны “брать меры и направлять к строгой подчиненности массы необразованных” крестьян, особенно в отдаленном Оренбургском крае³³¹.

Жестокий урок владельцам преподали тяжелые для уральских заводов предреформенные годы, доказавшие, насколько шатким был на самом деле тот “социальный мир”, который они культивировали на своих заводах. В 1858 г. с резкой критикой заслуженного генерала и его управления Юрюзанским округом выступил оренбургский гражданский губернатор Е. И. Барановский³³². В своих “бумагах”, как сообщало Петербургское правление Сухозанетов, тот “осмелился дерзостно представить его ненасытным корыстолюбцем, клеветующим на крестьян для обмана Правительства и сокрытия своих корыстных

видов”. Губернатор назвал методы управления Сухозанета “системою мучительного угнетения, должнствующего привести крестьян к бунту”, предложил отстранить его от управления заводами и отдать их в опеку. Поводом к столь нелицеприятной критике послужил случай ухода с Юрюзанского завода 80 человек в 1859 г. Барановскому как раз в это время в преддверии крестьянской реформы было поручено бдительно наблюдать за расположенными в губернии заводами и пресекать случаи возможного обострения отношений между заводчиками и заводским населением, тем более что поводов к тому отдельные владельцы предоставляли достаточно. Губернатор взялся за дело не на шутку, и под его горячую руку попал не один Сухозанет. История получила огласку в “Колоколе” А. И. Герцена, которому И. С. Аксаков отослал документы, переданные Барановским³³³.

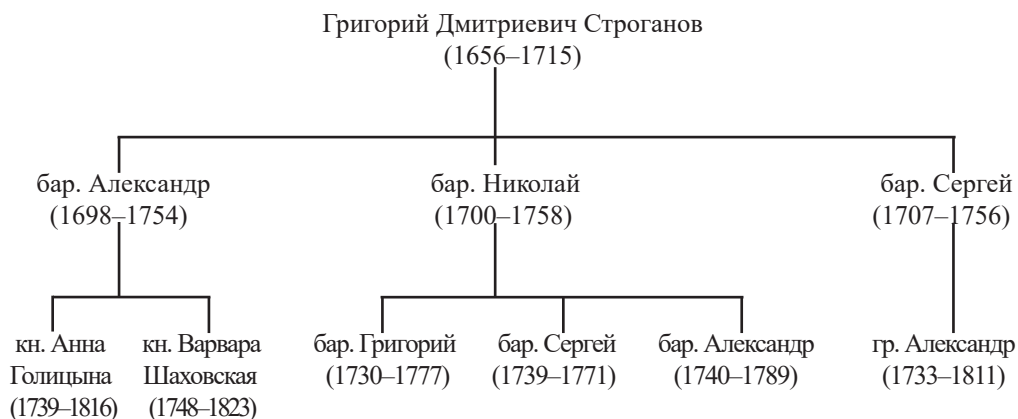
В ходе начавшегося следствия выяснилось, что крестьяне вовсе не сбегали, а ушли в соседний уезд на заработки по окончании сенокоса, для которого они были освобождены от заводских работ. Сначала генерал рассердился и даже попросил власти “сделать распоряжения в том смысле, как Его Императорское Величество соизволил объявить в Главном комитете по крестьянским делам 18 октября 1858 г., чтобы сильная власть ни на минуту не колебалась на месте, от чего ни на минуту же и общественный порядок не нарушался”. Когда все разъяснилось, он сам обратился к Барановскому с просьбой о прекращении начатого следствия. Но бюрократическая машина находилась уже на полном ходу. Следствие выяснило, что, несмотря на все заверения Сухозанета и заводоуправления, положение юрюзанских рабочих действительно было хуже, чем на соседних Катавских и Симских заводах.

Сухозанет, по-видимому, глубоко переживал случившееся. Он-то совершенно искренне был убежден в обратном. Заслуженного 72-летнего генерала больно задела обвинения и действия губернатора, трех следователей и даже местного епископа, которые, как он считал, “повели его законную власть к крайнему унижению в глазах крестьян, потрясли повиновение и возбудили общее неудовольствие”, следствием которого стал убыток в 310 тыс. руб. асс. “от неуспешного действия заводов”. Тогда и был составлен “краткий обзор” его управления с целью оправдать Сухозанета перед властями. Тогда же он лично обратился к министру финансов А. М. Княжевичу, описав уже принятые им меры по повышению заработной платы рабочим и закупке провианта. В то же время Иван Онуфриевич полагал, что “домогательства крестьян в увеличении заработных плат не будут иметь конца, ежели Правительство будет поддаваться на всякие их требования”. “В доказательство имею честь объявить, – писал генерал, – что, получив в начале сентября сего [1860] года последнюю денежную прибавку, теперь с последнею полученною почтой домогаются уже опять новых прибавок; чего же ожидать должно?”³³⁴.

Министр поручил главному начальнику Ф. И. Фелькнеру лично разобраться в деле, задевавшим честь “столь важной персоны”. Побывав на Юрюзанских заводах, тот удостоверился, что следователи в главном оказались правыми: положение здешних рабочих было далеко не идеальным. Правда, Фелькнер был не столь категоричен в своих выводах, как Барановский. Он высоко оценил уже сделанные Сухозанетами “многие пожертвования”, которые достигли за два года 262 тыс. руб. асс. Но в то же время посчитал их недостаточными в связи с резким удорожанием хлеба. “Эти меры владельцы, – писал он министру, – удовлетворили бы заводских людей, если бы цены на хлеб были поумеренней”, и предложил еще увеличить платы и снизить заводскую цену провианта. В письме генералу он подробно объяснил свои предложения.

Но вскоре главный начальник получил известие о кончине Ивана Онуфриевича “от нервного удара” и о болезни его жены, находившейся на лечении за границей. “Возбужденный начальником Оренбургской губернии вопрос об устранении генерал-адъютанта Сухозанета от управления и о взятии Юрюзанских заводов в опеку, – писал он министру в марте 1861 г., – должно считать, я полагаю, прекращенным... Что же касается до успокоения юрюзанских крестьян посредством улучшения их быта, то цель эта отчасти уже достигнута... а то, что осталось еще сделать в этом отношении, будет, вероятно, исполнено самой владелицей”³³⁵. Однако вслед за мужем скончалась и Екатерина Александровна. Юрюзанские заводы перешли по наследству их сыну отставному поручику Александру и дочери Анне, бывшей замужем за действительным статским советником Н. А. Безобразовым. 31 июля 1861 г. между ними в Петербурге была совершена “раздельная запись”, по которой Юрюзанские заводы поступали в полное владение А. И. Сухозанета³³⁶.

4. Строгановы

Знаменитый род “соляных баронов” Строгановых подключился к горнозаводскому предпринимательству в 1720-е гг., выступая первоначально под флагом единой семейной “фирмы”. 20 мая 1747 г. и 14 декабря 1749 г. бароны Александр, Николай и Сергей – сыновья последнего “именитого человека” Григория Дмитриевича и первые титулованные дворяне в роду Строгановых – осуществили разделы своих обширных “вотчинных” и “промысловых” владений на Урале³³⁷. Дальнейшее развитие обособившихся друг от друга (при сохранении части земель, поселений, промыслов и даже заводов в общем владении) трех частей строгановских владений пошло разными путями.

“Чусовские” (по классификации раздела 1747 г.) вотчины старшего из братьев А. Г. Строганова после его смерти были разделены наследниками на три части, одна из которых (“хохловская”) была продана И. Л. Лазареву, а две других (“нытвенская” и “югокамская”) перешли по женской линии в роды князей Голицыных и Шаховских. Значительно сократились “орловские” владения среднего брата Н. Г. Строганова, из которых “пожевская” часть была продана его наследниками В. А. Всеволожскому, а “чермозская” И. Л. Лазареву. Во владении младшего сына барона А. Н. Строганова осталась лишь

одна “таманско-кыновская” часть. Полностью сохранилась во владении наследников “обвинская” вотчина младшего из братьев С. Г. Строганова, за исключением проданного И. Л. Лугинину Саткинского завода, основанного на купленных башкирских землях³³⁸. Таким образом, из трех ветвей династии Строгановых к началу XIX в. в составе заводо-владельцев остались представители двух: средней (потомки барона Николая Григорьевича) и младшей (потомки барона Сергея Григорьевича).

4.1. Строгановы (кыновские)

Представителем средней (“баронской”) ветви рода был Григорий Александрович Строганов, в 1789 г. получивший по наследству от отца Кыновский и строившиеся вместе закрытого Таманского Екатерино-Сюзвенский и Елизавето-Нердвинский заводы. В то время 19-летний владелец вместе с двоюродным братом графом Павлом Строгановым и его воспитателем Жильбером Роммом совершал заграничное путешествие с целью совершенствования образования. Сравнивая кузенов, Ромм писал: “Один [Павел] советуется, выслушает и послушается; другой [Григорий] более горд и независим – он советуется и выслушивает, когда ему захочется, сам обсуживает и разбирает поданный ему совет, без всякого уважения к советнику и без доверия к его здоровым доводам, он принимает или отвергает советы, как ему вздумается”³³⁹. Характеристика, данная молодому Г. А. Строганову будущим членом революционного Конвента, свидетельствует о рано сформировавшейся самостоятельности мышления наследника строгановских богатств, что ярко проявится впоследствии в его государственной деятельности. Не пройдет бесследно для него и влияние самого воспитателя, а также брата Павла, с которым он всю жизнь сохранял дружеские отношения. Самому барону Григорию Строганову не пришлось принять участие в событиях Французской революции. Его путешествие завершилось в предреволюционном Париже, откуда он вынужден был спешно вернуться в Россию на похороны скоропостижно скончавшегося отца.

Доставшиеся ему (видимо, мать Елизавета Александровна Загрязская передала сыну свою долю наследства) заводы представляли собой далекое от совершенства хозяйство со многими организационно-техническими (заводы располагались на большом расстоянии друг от друга) и сырьевыми проблемами. Выплавка чугуна на Кыновском заводе была фактически остановлена из-за нехватки топлива. Но только что построенные взамен кыновских доменные печи Екатерино-Сюзвенского завода не имели собственной рудной базы и пользовались рудой, привозимой сухим и водным путями за 300–360 верст. По этому поводу конторы сообщали, что действие новых доменных печей происходило “с крайнею неудобностью, ибо в отысканных рудниках руды совсем пресеклись”, а с Кыновского завода “поставлять водою по рекам Чусовой и Каме судами крайне неспособно, потому что каждогодно суда от вешней быстрины Чусовой реки о камни разбиваются и руда тонет”³⁴⁰.

Важной задачей нового владельца и его вотчинного управления стало возобновление действия Кыновского завода, для чего необходимо было добиться от казны отвода к нему лесов, ранее отобранных у Строгановых под строительство казенных и частных заводов. В Берг-коллегию были поданы прошения, и, видимо, в надежде на благоприятный результат в 1796 г. Григорий Александрович приказал уничтожить одну из домен Екатерино-Сюзвенского завода и восстановить вместо нее домну на Кыновском заводе. Однако это не дало нужного эффекта. Заводское хозяйство Г. А. Строганова производило тогда всего 60–80 тыс. пуд. железа и не приносило большой прибыли³⁴¹.

Состоявший в 1790-е гг. на придворной службе камергер Григорий Александрович не смог даже сразу рассчитаться с младшей сестрой Елизаветой, после смерти отца претендовавшей на полагавшуюся ей $\frac{1}{14}$ часть наследства (старшая сестра Екатерина еще при жизни отца в 1787 г. вышла замуж за действительного камергера И. А. Нарышкина и получила свою долю в качестве приданого). Брак Елизаветы Александровны с камер-юнкером Н. Н. Демидовым, владельцем Нижнетагильских заводов, состоялся в 1794 г., но лишь в 1797 г. она получила от брата около 133 тыс. руб. (столько же, сколько в свое время получила от отца Екатерина Александровна), но не наличными деньгами, а недвижимостью (каменный дом в Петербурге, принадлежавший к тому же жене барона Анне Сергеевне, урожденной княжне Трубецкой), драгоценностями и вещами³⁴².

Недостаток средств заставил барона заложить Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзвенский заводы в 25-летнюю экспедицию Вспомогательного банка за 501 тыс. руб. Для получения займа в 1798 г. он застраховал их (первый на сумму 46 658, второй – 34 627 руб.) в Англии и потому помимо банковских платежей должен был вносить ежегодные страховые взносы. Все это, видимо, оказалось ему не по силам. К тому же в 1804 г. барон поступил на дипломатическую службу и собирался надолго покинуть Россию, для чего потребовались дополнительные средства³⁴³. Тогда и было принято решение о передаче заводов с 3037 рев. д. в аренду московскому купцу и именитому гражданину А. А. Кнауфу, в котором барон “был уверен с самой лучшей стороны”.

В соответствии с заключенным 16 сентября 1804 г. контрактом он разрешил купцу “владеть заводами, управлять людьми, употреблять их в работы так, как бы то была его истинная собственность, надеясь твердо, что он, получая от всего того надлежащие и справедливые прибыли, не забудет, – по словам барона, – ни моих выгод, ни людей, приписанных к заводам”. В качестве арендной платы Кнауф обязывался нести все расходы по содержанию заводов, исполнять повинности и вносить страховые и банковские пла-

тежи (с общей суммы 571 229 руб.) в течение всего 13-летнего срока аренды (с 1 ноября 1804 г. по 1 ноября 1817 г.). Он также предоставлял Строганову беспроцентную ссуду в 252 тыс. руб., которую тот возвращал ему частями с 1810 по 1816 г., причем, выплаты за последние два года (около 105 тыс. руб.) засчитывались в счет уплаты долга Вспомогательному банку. В качестве залога барон поставил принадлежавшие ему соляные варницы³⁴⁴.

Получив заводы в свое распоряжение, Кнауф начал менять сложные производственные связи между ними, сосредоточив доменное производство на расположенном вблизи рудников Кыновском заводе, а железоделательное сохранив на двух других. Тем более что в это время наметились некоторые подвижки в застопорившемся было деле о наделении лесами Кыновского завода. 31 мая 1805 г. Сенат предписал Берг-коллегии отвести к нему земли, “откуда заблагорассудится”. Пермское Горное правление “отсудило” их из дач Серебрянского казенного завода, имевшего “излишество в лесах”. Но дело вновь приостановилось, поскольку министр финансов отменил это решение на основании указа от 19 августа 1799 г., согласно которому отчуждать казенные земли не разрешалось “без представления Правительствующему Сенату”. В результате только через 13 лет по царскому указу от 23 октября 1818 г. было разрешено причислить к Кыновскому заводу 57 636 дес. земли³⁴⁵ (по другим данным, перечисление от Серебрянского к Кыновскому заводу 113 977 дес. произошло в 1830 г.)³⁴⁶. Но к тому времени аренда была уже прекращена.

Для двух строгановских заводов она завершилась полной катастрофой. Успешно начав свое предпринимательство на Урале, А. А. Кнауф вскоре разорился и не сумел финансировать не только строгановские, но и свои собственные Юговские заводы. Начатая перестройка в Кыновском округе не была завершена, и заводы оказались фактически заброшенными. Сделанные при их возвращении владельцу в 1817–1818 гг. описания рисуют картину настоящего запустения. Так, доменное производство Екатерино-Сюзвенского завода было полностью уничтожено, меховой корпус перестроенной в 1810 г. кричной “фабрики” сгнил, а сами горны требовали поправки. Корпус расширенной в 1806 г. на два горна первой кричной “фабрики” Елизавето-Нердвинского завода повалился на одну сторону и “был близок к падению”, а вторая была уничтожена “до основания”. На Кыновском заводе вместо сгоревшей в 1806 г. доменной “фабрики” была сооружена новая, но к 1818 г. “в корпусе железные связи перегорели и порвались, стены потеряли отвесное положение” и хотя поддерживались в 23 местах деревянными упорами, здание готово было вот-вот рухнуть. Перестроенная кричная “фабрика”, хотя и “пришла в ветхость”, но действовать еще могла. Скорейшей поправки требовали сгнившие плотины всех трех заводов, не говоря уже о многих вспомогательных производствах – кузнечных, лесопильных, рудобойных и прочих. Пострадали также Усть-Сюзвенская и Бабенская заводские пристани, рудники и леса около Елизавето-Нердвинского и Екатерино-Сюзвенского заводов. По подсчетам заводской конторы на восстановление всех предприятий требовалось затратить около 190 тыс. руб.³⁴⁷

Видимо, сам Григорий Александрович был отчасти осведомлен о состоянии дел на уральских заводах, поскольку уже в 1814 г. приостановил выплаты Кнауфу “по причине неплатежа им в банк за заводы долгу”. Но, находясь вдали от родины, он не мог адекватно оценить степень ущерба, а главноуправляющий всеми его имениями действительный статский советник Дружинин не решался вмешиваться в дела аренды, срок которой еще не истек. Он проявил активность лишь когда при передаче заводов возникли споры “по

взаимным обязательствам владельца и арендатора”. Несмотря на жалобы обеих сторон, в Горном департаменте решили не вмешиваться в запутанные финансовые отношения Строганова и Кнауфа. Поскольку первый настаивал, а второй соглашался на прекращение аренды, то Пермскому Горному правлению было предписано “сделать со своей стороны надлежащие распоряжения”, а по взаимным спорам предоставить им разбираться там, “где следует по закону”. В 1819 г. Новоусольское вотчинное правление потребовало от уплаты Кнауфом податей за уничтоженные во время его аренды две доменные печи, но поскольку в то время собственные кнауфские заводы уже состояли в аренде, оброчные подати все-таки пришлось заплатить самому Строганову. Так и не получив никаких компенсаций от обанкротившегося арендатора, барон вынужден был в 1818 г. закрыть Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзенский заводы. Лишь через 20 лет на первом было возобновлено производство якорей для судов, перевозивших соль с расположенных поблизости строгановских соликамских промыслов. Производительность единственного оставшегося у барона Кыновского завода восстановилась до прежнего уровня только в 1830-е гг., и то благодаря банковскому займу, взятому тогда под залог имения³⁴⁸.

Все эти годы действительный тайный советник Григорий Александрович Строганов выполнял обязанности российского посланника в Испании, Швеции и Турции. На каждом из этих постов он проявил незаурядные дипломатические способности, энергично и далеко не всегда в согласии с официальной линией отстаивая интересы своей родины. Зачастую взгляды и поведение посла признавались даже “с обязанностями службы не совместными”. Так, в 1808 г., вопреки предписанию канцлера Н. П. Румянцева, он отказался признать испанским королем Жозефа Бонапарта и, сочувствуя антинаполеоновскому движению, демонстративно покинул Мадрид при приближении к Испании союзных тогда России наполеоновских войск. Твердо защищая свою точку зрения, Строганов сумел убедить императора в целесообразности такого поступка. После победы над Наполеоном в 1813 г. он был назначен послом в Стокгольме, где много способствовал упрочению русско-шведского союза.

Наибольшей известности Григорий Александрович достиг, находясь с 1816 г. на посту посланника в Османской империи. По оценке специалистов, вместе с дипломатическим талантом здесь в полной степени раскрылись его патриотические чувства и умеренно-либеральные убеждения. Вместе с И. Каподистрией он занял твердую позицию в отношении обострившихся в это время сербского и греческого вопросов, добиваясь от российского правительства решительного содействия национально-освободительному движению христианских народов Турции. Посланник настойчиво добивался предоставления Сербии статуса самоуправляющейся провинции Османской империи, что предусматривалось Бухарестским договором 1812 г. Лавируя между интересами России, Порты и амбициями вождя сербов Милоша Обреновича, он принял участие во всех сербско-турецких переговорах и в 1820 г. выработал программу автономного устройства будущего сербского государства. Когда же в 1821 г. началось греческое восстание, Григорий Александрович вошел в “партию” сторонников войны России с Турцией в поддержку греков. Признав продолжение начатых переговоров с Портой бессмысленными, он заявил о разрыве дипломатических отношений и вместе с российской миссией покинул Константинополь. Но этот рискованный демарш посланника не имел серьезных последствий. Александр I и канцлер К. В. Нессельроде, вопреки общественному настроению, предпочли сохранить верность принципам Священного союза и не поддержали гречес-

кое восстание. Следствием этого явилась отставка Г. А. Строганова вместе с другими его единомышленниками. Тем не менее по свидетельству современников, он до конца жизни был уважаем при Дворе и пользовался беспрекословным авторитетом в высшем свете. Во время коронации Николая I в 1826 г. Григорий Александрович получил графский титул, а позже был назначен членом Государственного Совета³⁴⁹.

Хорошо известны его близкие отношения с А. С. Пушкиным, жене которого граф приходился двоюродным дядей. Их часто можно было видеть мирно беседующими на даче графа. “Фигура его [Строганова] с седыми вьющимися волосами, в бархатном длинномполном сюртуке, с добродушной улыбкою [к тому времени граф ослеп], невольно оставляла внимание гулявших в саду. Особенно когда вместе с ним был и поэт”, – вспоминал современник. Григорий Александрович оплатил похороны Пушкина и в дальнейшем возглавлял опеку над его детьми и имуществом³⁵⁰.

В одном из посланий М. Обреновичу Строганов писал: “Должно прежде всего устроить дела общественные, а потом уже ласкаться успехом своих собственных; без этого последуют одни неудачи и позднее раскаяние”³⁵¹. Возвращаясь к “уральским делам” барона, можно предположить, что долгое “отстраненное” (в прямом и переносном смысле) отношение к своим собственным заводам, несмотря на высказанное мнение, стало-таки причиной расстройств и, вероятно, “позднего раскаяния” владельца. Но он вовсе не сложил руки, а предпринял меры по преодолению сложившейся критической ситуации. В условиях, когда разоренное арендой металлургическое производство требовало длительного восстановления, Григорий Александрович принял решение усилить другую, успешно развивающуюся отрасль хозяйства – солепромышленность.

Вовсе не случайной в этой связи выглядит его крупная покупка у соседа по пермским владениям В. А. Всеволожского принадлежавших тому соляных промыслов. Предварительно между владельцами был заключен “мировой акт” и урегулированы давние земельные споры. Сама же купчая была подписана 13 августа 1819 г. при участии крупного чиновника Министерства финансов (впоследствии министра) Ф. П. Вронченко и других высокопоставленных лиц. В соответствии с этим документом, за 1,6 млн руб. асс. (скорее всего выплачивавшихся в рассрочку) Строганову переходили Новоусольские и Ленвенские промыслы, а также Огурдинский лесопильный завод вместе с несколькими селами и деревнями в Соликамском и Чердынском уездах (561 рев. д.) и землями по реке Яйве с рудниками и приисками, за исключением отведенных к Александровскому и Вильвенскому заводам Всеволожского. Продавец также отдавал третью часть дома в Нижнем Новгороде и третью же часть той суммы, которая, как тогда предполагалось, могла быть “присуждена к удовлетворению или платежу за завладение из Чусовских дач казною и заводчиками Турчаниновым и Демидовым”³⁵². В результате этой покупки Григорий Александрович стал крупнейшим солепромышленником Приуралья и в благоприятных для развития отрасли экономических условиях первой половины XIX в. мог получать высокие прибыли.

Не забывал он в годы своей интенсивной государственной деятельности и о своих взрослеющих детях. От первого брака (с княжной А. С. Трубецкой) у барона остались пятеро сыновей и дочь. В 1820 г. он составил завещание в их пользу. Возможно, еще не старый отец (ему исполнилось всего 50 лет), находясь в Турции, опасался в то время за свою жизнь, либо составить завещание его заставили некоторые обстоятельства семейной жизни. Разрыв с женой произошел, видимо, еще когда Григорий Александрович

служил в Испании. Там он сошелся с португальской графиней Юлией Петровной (как называли ее в России) да Ега, дочерью графа д'Ойенгаузен и известной поэтессы Леоноры д'Альмейда. Уже после смерти Анны Сергеевны, в 1826 г. они обвенчаются. До брака у Строганова родилась дочь Идалия Григорьевна Обортей (в замужестве Полетика). Правда, ни о ней, ни о первой жене в завещании не упоминалось. Видимо, содержание внебрачной дочери было назначено другим актом.

В самом завещании 1820 г. мотивом его составления определялось желание отца “сохранить навсегда в добром порядке и в хозяйственном устройстве” его родовые и благоприобретенные имения, состоявшие в Пермской и Нижегородской губерниях (11 566 рев. д. по 7-й ревизии). Их он предоставлял “по кончине дней” своих в нераздельное владение сыновей Сергея, Николая, Александра, Алексея и Валентина, которые до этого времени получали от отца определенную сумму на содержание. Так, Сергей Григорьевич позже писал о 24 тыс. руб. асс., назначенных ему “от батюшки на годовой доход”³⁵³. “Любезной” дочери Елене “в награду за следующую ей законную часть” отец завещал 500 тыс. руб. асс., которые сыновья должны были выплатить в течение пяти лет после его смерти и вместо процентов еще по 20 тыс. руб. ежегодно. “Сие постановление и завещание мое, основанное на любви и попечении о благе детей моих... – писал Григорий Александрович, – обязаны [сыновья] исполнить беспрекословно, чего я от них и ожидаю; равно и дочь моя должна быть довольной сим назначением и другого выдела не требовать”³⁵⁴.

Но случилось так, что отец пережил и свою законную дочь, и двух своих сыновей. Тем не менее все последующие годы жизни он соблюдал данное дочери обещание, перешедшее на ее потомков. До выхода замуж Елена Григорьевна получала по 500, 750 и 2 тыс. руб. в месяц. Когда в 1826 г. состоялась ее свадьба с членом Московского Опекунского совета шталмейстером И. Д. Чертковым, отец увеличил содержание дочери до 30 тыс. руб. в год. После ее кончины в 1832 г. проценты с выделенной по завещанию суммы получал ее овдовевший супруг. В 1848 г. он обратился к тестю с просьбой “обратить” капитал в 500 тыс. руб. в пользу старшей своей дочери (внучки Григория Александровича) Александры Ивановны, собиравшейся тогда замуж за барона М. Л. Боде. В 1850 г. тайный советник И. Д. Чертков составил “полюбовный” раздельный акт, которым закрепил это свое решение, одобренное Строгановым. По акту от 29 мая 1851 г. дед заверил свою “внуку” баронессу Александру Боде, что если сам не успеет выдать назначенную ее матери сумму с процентами, то это сделают его сыновья³⁵⁵. Так и случилось: последние выплаты “капитальной суммы” были сделаны в 1858 г., уже после смерти Г. А. Строганова, скончавшегося на 86-м году жизни 7 января 1857 г.

К тому времени ему принадлежали Кыновский чугуноплавильный и железодельный завод, расположенный в Кунгурском уезде (117 713 дес. земли; 1992 рев. д.), Огурдинский лесопильный завод с селами и деревнями в Соликамском уезде (322 825 дес.; 10 331 рев. д.), Баранчинские рудники в Верхотурском уезде (52 дес.), Волимский лесопильный завод (230 дес.; 26 рев. д.) в Чердынском уезде с деревнями (1125 дес.; 96 рев. д.) и село Григорьевское с деревнями (33 600 дес.; 2020 рев. д.) в Оханском уезде Пермской губернии (всего – 475 546 дес.; 14 465 рев. д.). Граф владел также каменным домом в Петербурге (в Литейной части) и таким же с деревянными магазинами в Ниж-

нем Новгороде, канатной фабрикой с деревней (1482 дес.; 219 рев. д.) в Балахнинском уезде Нижегородской губернии и “пустопорожними” землями (57 дес.) в Тотемском уезде Вологодской губернии.

Кроме того, обширные владения принадлежали Строганову в общем имении с другими владельцами пермских земель. В течение всей первой половины XIX в. между ними “производились разного рода тяжбы по дачам, по отводам, по спорам во всех присутственных местах, начиная с низших до высших инстанций”. “Иные процессы, – оценивал положение дел сосед по Пермскому имению Строгановых Х. Е. Лазарев, – значительны, справедливы, другие неправильны, ничтожны, иные по актам и отводам ясны, положительные, но большая часть из оных темны, неопределительны, двусмысленны и превратны”. Неоднократно совладельцы пытались мирно урегулировать споры, назначали своих поверенных для обсуждения дел и составления проекта окончательного раздела. Но удалось это сделать лишь в 1855–1858 гг.³⁵⁶ В результате в общем владении Г. А. Строганова (вместе с Н. П. Строгановой, В. П. Бутеро-Родали, Голицыными, Всеволожскими и Лазаревыми) оказались в Пермской губернии часть Новоусольских и Ленвенских соляных промыслов с селами и деревнями в Соликамском уезде (69 668 дес.; 2370 рев. д.), населенные дачи в Чердынском (69 668 дес.; 37 рев. д.) и Пермском (10 997 дес.; 386 рев. д.) уездах, а также 2650 дес. земли в Слободском уезде Вятской губернии. Все недвижимое имущество составляло 630 075 дес. земли и 17 477 рев. д. в четырех губерниях России и Санкт-Петербурге, оцененное самим владельцем в 2,1 млн руб. сер.³⁵⁷

Все это недвижимое имение по завещанию 1820 г. унаследовали три сына графа Григория Александровича Сергей, Александр и Алексей (Николай и Валентин уже умерли). Старший сын Сергей Григорьевич, хотя и имел высшие военные звания и чины (генерал-адъютанта и генерала от кавалерии), был известен в первую очередь как видный деятель русского просвещения, один из авторов устава средних и низших училищ 1828 г. и университетского устава 1835 г. (позже примет участие в составлении уставов 1863 и 1870 гг.). С 1835 по 1847 г. он исполнял обязанности попечителя Московского учебного округа, по оценке современников, идеально подходя для этой должности. Время его управления стало эпохой процветания старейшего русского университета. Вследствие разлада с министром С. С. Уваровым граф вышел в отставку, был назначен членом Государственного Совета и сенатором, жил в Москве, занимаясь любимыми занятиями – археологией, нумизматикой, историей архитектуры и иконописи и коллекционированием произведений искусства. Долгие годы (с 1837 по 1874) он являлся председателем Общества истории и древностей Российских, им была основана Императорская Археологическая комиссия, изданы “Древности Российского государства”. В 1825 г. на собственные средства Сергей Григорьевич основал в Москве первую в России рисовальную школу (с 1860 г. – Строгановское училище технического рисования), щедро снабжал ее всем необходимым. Высшим признанием его заслуг станет приглашение графа в 1860 г. воспитателем наследника престола Николая Александровича (он исполнял эти обязанности до смерти царевича в 1865 г.)³⁵⁸.

В 1818 г. Сергей Григорьевич женился на своей дальней родственнице графине Н. П. Строгановой, наследнице другого крупнейшего имения рода на Урале – строгановского майората. Получив образование в Институте Корпуса инженеров путей сообще-

ний, Сергей Григорьевич с 1845 г. (когда его жена стала владелицей майората) управлял Билимбаевскими заводами и соляными промыслами жены, неоднократно посещал их, заезжая, вероятно, и в отцовские владения³⁵⁹.

Граф Александр Григорьевич Строганов сделал не менее успешную карьеру в другой сфере государственной деятельности. Так же как и старший брат, он участвовал в наполеоновских войнах, в 1856 г. получил звание генерала от инфантерии. В царствование Николая I и Александра II назначался председателем и членом множества комитетов (в частности, Мануфактур-совета Министерства финансов в 1829 г., Правительственного комитета внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского 1832 г., Комитета попечительства детских приютов, Комитета об устройстве Закавказского края и Секретного комитета по крестьянскому делу 1839 г., Центрального комитета для принятия мер против холеры 1847 г., Особого комитета для рассмотрения действий цензуры 1848 г., Комитета о раненых 1853 г. и др.). С 1839 по 1841 г. Александр Сергеевич управлял Министерством внутренних дел, с 1849 г. был назначен членом Государственного Совета, а в 1855–1862 гг. – новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. За вклад в культурное развитие Одессы (он, в частности, содействовал преобразованию Ришельевского лицея в Новороссийский университет, а с 1856 по 1877 г. возглавлял Одесское общество истории и древностей) уже после отставки граф А. Г. Строганов был избран первым почетным гражданином города, где и провел последние годы жизни.

Вероятно, его блестящей (но, по свидетельству С. М. Соловьева, вовсе не заслуженной) карьере способствовало родство с министром внутренних дел, председателем Государственного Совета и канцлером князем В. П. Кочубеем, на дочери которого он был женат. Его старший сын Григорий Александрович, став в 1856 г. мужем великой княжны Марии Николаевны (дочери Николая I и вдовы герцога М. Лейхтенбергского), связал род Строгановых с Домом Романовых³⁶⁰. Известно, что в 1826 г. граф А. Г. Строганов был командирован с особым поручением императора в Пермскую и Оренбургскую губернии. Его инспекция касалась в основном выяснения настроений уральской общественности после вступления на престол Николая I и наделала здесь много шума. Скорее всего, тогда он посетил пермские владения своего отца, вероятно, единственный раз в жизни.

Совладельцем двум своим братьям ненадолго стал тайный советник граф Алексей Григорьевич Строганов, пошедший в своей профессиональной деятельности по стопам отца. Известно, что он был российским посланником в Португалии, а ко времени получения наследства находился в Париже. Именно там в 1859 г. была засвидетельствована доверенность, которую он прислал старшему брату на управление имениями и для совершения раздельного акта. Из Одессы была прислана такая же доверенность от Александра Григорьевича. Вдова отца, графиня Юлия Петровна, так же как и его сыновья, могла рассчитывать по закону на часть наследства, но она сразу после смерти мужа добровольно “отреклась от всякого в оном участия”, предоставив владеть всеми имениями трем своим пасынкам “в равных частях”³⁶¹.

Поступившее в 1857 г. в управление С. Г. Строганова имение отца находилось, по его оценке, “в весьма плачевном состоянии”. Оно было обременено казенными (770 497 руб., в том числе более 570 тыс. руб. сохранной казне по залогу 1830 г.) и частными (371 988 руб.) долгами (в том числе по выплатам завещанной суммы племяннице А. И. Боду), не имело оборотного капитала и “достаточных запасов, необходимых для промысловых и заводских предметов”, а “крестьяне были обременены и истощены ра-

ботами”. Кыновский завод, производя в год всего до 70 тыс. пуд. “самых низких сортов железа”, не “приносил существенного никакого дохода и мог поддерживаться только при крепостном труде”. После отмены в 1852 г. обязательных поставок соли в казну распалась существовавшая прежде “компания” владельцев пермских промыслов, резко упали цены и сократились доходы от “вольной” продажи соли³⁶².

Мало того, видимо, по инициативе младшего брата через два года был осуществлен выдел его части из общего имения. “По неудобству раздела в натуре, – записано в акте от 20 мая 1859 г., – граф Алексей Григорьевич желает получить от братьев своих вместо следовавшей ему по закону третьей части... деньгами 700 тыс. руб. сер. и довольствоваться этим вознаграждением”. Сумму выдела Алексей Григорьевич получал “не вдруг, а по частям”: 1 января 1860 г. – 100 тыс., 1 января 1865 г. – 200 тыс., 1 января 1870 г. – 200 тыс. и 1 января 1875 г. – последние 200 тыс. руб. с начислением 4 % “с каждого рубля невыплаченного капитала”. Соглашаясь на предложенные условия, братья уславливались “этой записью довольствоваться навсегда и о переделе нигде, никогда и ни под каким предлогом не просить и тяжб об этом никаких не заводить”. Раздельный акт был подписан по доверенности от братьев графом Сергеем Григорьевичем Строгановым³⁶³.

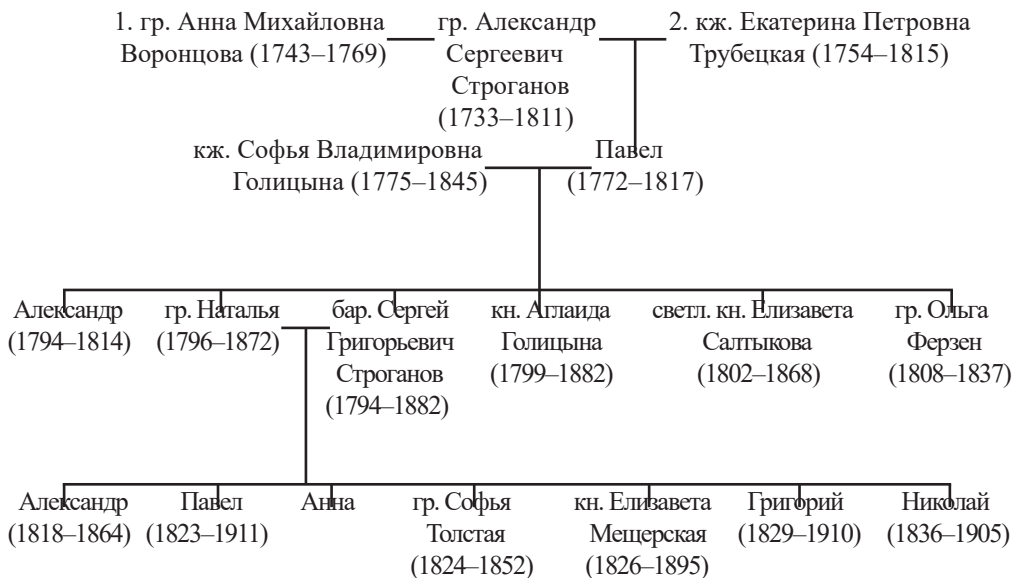
По его оценке, хотя и рассроченный на 16 лет выдел части Алексея Григорьевича “обременил” и без того сложное финансовое положение имения, особенно в условиях начавшейся в стране крестьянской реформы. “Если бы они, оба брата графа, знали столь быстрый переход быта и состава недвижимых имений, – сообщал близко общавшийся в то время с С. Г. Строгановым Х. Е. Лазарев, – тогда не предложили бы третьему брату 700 тыс. руб. за третью часть... и тогда меньше бы оценили в капитале ее покупку”³⁶⁴. Видимо, в результате переговоров вскоре общая сумма выдела была уменьшена на 100 тыс. руб., но установленный порядок выдачи ее сохранился. Поэтому, чтобы расплачиваться по долгам и развивать заводское производство, Сергей Григорьевич был вынужден “обращаться к помощи майората”, которым управлял по доверенности жены. До 1861 г. он “значительно облегчил” крестьян в повинностях, которыми они были обременены “преимущественно вследствие нерасчетливых распоряжений местных управляющих” (имелся в виду уход с работ по заготовке угля для Кыновского завода 408 крестьян в 1859 г., виновником которого Сергей Григорьевич признал местного лесничего, уволенного им от должности)³⁶⁵, уплатил часть неотложных долгов, пополнил “необходимые запасы” и даже начал техническую перестройку Кыновского завода на производство дорогого кровельного железа.

В 1863 г. случился разрушительный прорыв заводской плотины, потребовавший вложения новых капиталов на ее восстановление, а в 1865 г. подошел второй срок выплаты Алексею Григорьевичу. Получив от братьев уже 300 тыс. руб., в виду мрачной перспективы финансового банкротства заводов, в 1868 г. он “нашел справедливым отказаться от остальных 300 тыс. руб. с тем, чтобы получать пожизненную ренту в 18 тыс. руб.”. Таким образом, в соответствии с росписью расходов за 1872 г. Сергей Григорьевич ежегодно выплачивал из доходов имения условленную сумму младшему брату Алексею, 10 тыс. руб. – своему совладельцу брату Александру и 4 тыс. руб. – сродной сестре Идалии Полетике³⁶⁶. Сам он, видимо, ограничивался доходами со строгановского майората, который в 1872 г. после смерти Н. П. Строгановой перешел в его пожизненное владение. В том же году Сергей Григорьевич выкупил принадлежавшую брату половину родового

имения и присоединил Кыновский завод, Усольский и Нердвинский вотчинные округа к строгановскому майорату, объединив таким образом оба сохранившихся владения рода Строгановых на Урале.

4.2. Строгановы (билимбаевские)

Крупнейшими землевладельцами Урала и владельцами большей части строгановских богатств являлись в первой половине XIX в. представители младшей (“графской”) ветви рода, потомки барона Сергея Григорьевича Строганова. Они не дробили и не продавали родовые имения на Урале (хотя более 128 тыс. дес. земли было уступлено казне и другим владельцам), а потому сохранили их почти в том же составе, в каком получил родоначальник по разделам 1747 и 1749 гг. В середине XIX в. пермские владения, находившиеся в собственности этой ветви рода Строгановых, составляли по разным подсчетам от 1 368 511 до 1 446 160 дес.³⁶⁷

На этих землях в Пермском, Соликамском, Оханском, Кунгурском и Екатеринбургском уездах располагались в начале века Билимбаевский, Добрянский и Очерский заводы, соляные промыслы, села и деревни с многотысячным крепостным населением. Все это огромное имение принадлежало известному екатерининскому вельможе графу Александру Сергеевичу Строганову. Будучи единственным сыном и наследником отца, он получил блестящее домашнее и заграничное образование, вступил в придворную и гражданскую службу, на которой достиг высших чинов обер-камергера, действительного тайного советника, должностей сенатора и члена Государственного Совета и первым в роду был удостоен титулов графа Священной Римской (1761 г.) и Российской (1798 г.) империй. Благодаря своему независимому характеру, глубоким знаниям и остроумию граф Строганов пользовался дружбой Екатерины II, был уважаем Павлом I и Александром I, а также петербургским дворянством, девять раз избиравшим его своим губернским

предводителем. С юношеских лет серьезным увлечением Александра Сергеевича стало изобразительное искусство и коллекционирование. Его собрания европейской живописи, эстампов, скульптуры, медалей, монет, книг признавались современниками “не имеющими себе равных в России”. Дворец графа в Петербурге, возведенный знаменитым Растрелли, по оценке специалистов, был “средоточием истинного вкуса” и посещался почти всеми выдающимися художниками и писателями, многим из которых Строганов оказывал материальную поддержку. “В виду исключительной страсти к произведениям искусства, тонкого понимания в его разнообразных областях и широкой популярности среди художников”, в 1800 г. Александр Сергеевич был назначен президентом Российской Академии художеств, которая при нем пережила период “пышного расцвета”. Много полезного он сделал и будучи директором Императорской публичной библиотеки. Великолепный Казанский собор в Санкт-Петербурге, построенный под руководством графа его бывшим крепостным архитектором А. Н. Ворониным, стал не только памятником русской воинской славы, но и своего рода овеществленным напоминанием о “выдающемся русском меценате в широком и лучшем значении этого слова”³⁶⁸.

Интенсивная светская и интеллектуальная жизнь, длительные отлучки из России не оставляли достаточно времени для личного управления обширными имениями на Урале. Не было, видимо, у графа и особой склонности к “родовому делу”. Лишь в первые годы своей деятельности в качестве заводчика он предпринял не во всем удачное строительство Очерского и Саткинского заводов. Первый был пущен в 1761 г. как вспомогательный к чугуноплавильному Билимбаевскому заводу, что в свою очередь потребовало возведения там новой доменной печи. Строительство второго завода было задумано еще С. Г. Строгановым, незадолго до своей смерти купившим у башкир богатые рудами земли в Уфимской провинции. Фактически предполагалось возвести там, в отдалении от пермских вотчин, новый самостоятельный заводский комплекс. Начав осуществление этого крупномасштабного проекта, Александр Сергеевич столкнулся с массой проблем и, не сумев с ними справиться, в 1760 г. предложил купить недавно пущенный Троице-Саткинский завод в казну. Но эта сделка не состоялась, поскольку казна оценила завод “меньше третьей части” уже израсходованных Строгановым средств. Тем не менее острая нужда в деньгах заставила его сначала заложить завод М. С. Яковлеву, а в 1769 г. и вовсе продать его тульскому купцу И. Л. Лугинину.

Видимо, все эти события охладили предпринимательский запал молодого владельца. В 1771 г. он пошел на беспрецедентный по тем временам шаг. Оставшиеся в его собственности родовые имения вместе с тремя заводами и соляными промыслами были сданы в 6-летнюю аренду И. Л. Лазареву, который тогда пробовал свои силы в горно-заводском предпринимательстве. Таким путем Строганов пытался погасить казенные и частные долги (только Медному банку граф задолжал 100 тыс. руб.), но, по собственным его словам, более всего в аренде он видел средство приведения “в лучшее состояние соляных моих промыслов, медных и железных заводов, кои за дальним моим расстоянием самому осмотреть и в надлежащий порядок привести времени не имею”³⁶⁹.

Вероятно, и в дальнейшем у графа не оставалось времени на такое же серьезное отношение к заводам, как к своей общественной деятельности и государственной службе. Его участие в делах управления ограничивалось, как и у многих заводовладельцев того времени, просмотром отчетов и перепиской с вотчинной конторой. В этой переписке граф неоднократно напоминал главному управляющему о человеколюбивом отношении к

крепостным, которым он желал быть “больше отцом, чем господином”. Такое представление о собственной роли вполне укладывалось в характерные для конца XVIII – первой половины XIX в. патерналистские настроения среди просвещенной части российского дворянства. Но в 1790-е гг. ему все-таки пришлось совершить ряд поступков в отношении своих пермских вотчин, которые имели серьезные последствия.

Первый касался земель, отторгнутых от жалованных строгановских вотчин в течение более чем двухсот предыдущих лет. Сами Строгановы считали, что именно на их землях “устроены города по сю сторону Уральских гор: Пермь, Кунгур, Оханск, а по ту сторону, сверх пяти уездных городов в Пермской губернии: Верхотурья, Ирбита, Екатеринбург, Камышлова и Шадринска, две обширные Сибирские губернии Тобольская и Томская с губернскими и уездными городами и многими селениями”. Подсчитав понесенный “ущерб”, они утверждали, что “из всего количества пожалованных земель казна заняла уже не менее двух третей, что составляет свыше 10 млн дес. Жертва сия, принесенная Строгановыми Отечеству... составляет слишком 100 млн руб.”³⁷⁰.

По более точным подсчетам контор, проведенным в 1830-е гг., только в XVIII столетии от строгановских земель “без всякого согласия владельцев” были отмежеваны более 2,7 млн дес. под дачи уездного города Оханска, Пыскорской, Дедюхинской и Саранской экономических волостей, многих сел казенных и удельных крестьян в Оханском, Соликамском, Кунгурском, Осинском и Екатеринбургском уездах, а также (полностью или частично) Аннинского монетного двора, Мотовилихинского, Ягошихинского и Серебрянского казенных заводов и частных Суксунского, Юговского, Уинского, Шайтанского, Нижнетагильского, Ревдинского и Сысертского округов, расположенных по рекам Сылве и Чусовой³⁷¹.

Правда, причисление к жалованным землям территорий, расположенных выше притока Чусовой реки Межевой Утки (где стояли многие из названных частных заводов), являлось спорным. Чиновники Берг-коллегии утверждали, что “до вершины” Чусовой Иван Грозный не мог отвести Строгановым земли, поскольку они “по непокорению под Российскую державу Сибири не были еще известны”. К тому же, когда “по учреждению города Верхотурья... выше Межевой Утки по реке Чусовой населились россияне, то от предков Строгановых никакого прекословия не было”. По мнению властей, отсюда следовало, “что претензия об обращении в их вотчинное право всей Чусовой реки от устья и до вершины есть неправильное”³⁷².

В 1785 г. Александр Сергеевич вместе со своими двоюродными братом Александром Николаевичем Строгановым и сестрами Анной Александровной Голицыной и Варварой Александровной Шаховской “общее объявили, чтоб по реке Чусовой выше Утки и по Сылве выше остяцких улусов места до окончательного в Правительствующем Сенате решения остаются за ними неопределенными, и прочие места, кои состоят под казенными заводами и принадлежностями и под поселениями и действительным владением государственных крестьян, башкирцев и других иноверцев, оставляют [они] навсегда за теми заводами, государственными крестьянами и иноверцами”. Наконец, в 1790 (по другим данным в 1791 г.) г. граф Александр Сергеевич в прошении о межевании жалованных его роду земель, отказался “решительно как за себя, так и за всех прочих в том участников от всех земель и лесов, кои из жалованных им дач заняты были казенными заводами и селениями, не требуя за то никакого вознаграждения”³⁷³.

Вскоре, однако, графу пришлось пожалеть об этом своем “благородном поступке”. Когда по указу 1794 г. все заводы были разделены на посессионные и владельческие, неожиданно для Строганова его Билимбаевский завод оказался в первом “отделении”, поскольку располагался выше Межевой Утки. В соответствии с им же принятым решением, чиновники Горной экспедиции настаивали на том, что леса и земли этого завода должны считаться казенными, а сам завод “имеющим пособие от казны”. Мало того, в 1801 г. от дачи Билимбаевского завода был отмежеван участок леса в пользу соседнего Ревдинского завода Демидова³⁷⁴. Перенести такие “оскорбления” Александр Сергеевич не мог и тут же подал жалобы в Сенат. Но решение по этому запутанному делу затянулось и было принято уже при его наследниках.

Александр Сергеевич был женат дважды и оба раза в браке его постигло разочарование. С первой женой – дочерью канцлера графа М. И. Воронцова Анной Михайловной разрыв произошел по политическим мотивам после убийства Петра III и воцарения Екатерины II. Вторая жена – княжна Екатерина Петровна Трубецкая после восьми лет совместной жизни ушла от мужа, увлекшись бывшим фаворитом императрицы И. Н. Корсаковым. Получается, что оба раза Екатерина II стала случайной виновницей семейных драм одного из видных своих приближенных. Тем не менее во втором браке у Строганова родились сын Павел и рано умершая дочь Софья. Поэтому, когда 27 сентября 1811 г., простудившись на освещении Казанского собора, Александр Сергеевич умер, вопросов с выбором наследника не оказалось³⁷⁵.

Граф Павел Александрович Строганов был личностью не менее известной и выдающейся, чем его отец. Напитавшись либеральными идеями в революционном Париже (где под именем графа Очера состоял библиотекарем основанного его воспитателем Ж. Роммом клуба “Друзей закона” и членом Якобинского клуба), он после вынужденного (по требованию императрицы и отца) возвращения на родину и недолгой ссылки сблизился с наследником престола великим князем Александром Павловичем и вошел в круг его ближайших друзей. С воцарением Александра I Строганов выступил инициатором создания Негласного комитета, где в узком кругу единомышленников обсуждались проекты реформ “безобразного здания государственной администрации” и вырабатывались законы, определившие неповторимый облик той эпохи. После учреждения министерств он получил чин тайного советника и должность товарища министра внутренних дел. Как утверждают биографы графа, разочарование в возможности глубоких перемен заставило его перейти сначала на дипломатическую, а в 1807 г. на военную службу. Он принял участие в войнах с Францией, Швецией, Турцией, в Отечественной войне и заграничных походах русской армии, дослужившись до звания генерал-лейтенанта и должности командующего корпусом³⁷⁶.

Не оставались без его участия и вотчинные дела. За короткое (всего около шести лет) время владения Пермским имением Павел Александрович успел получить крупный заем в Государственном банке, “чем восстановил нормальное положение обширного имущества”, составить в 1812 г. “Положение по управлению имением”, основать в 1816 г. вспомогательный к Очерскому Павловский прокатный завод и продвинуть начатое отцом дело о признании владельческим Билимбаевского завода. По его просьбе в московском архиве были проведены поиски важной для установления принадлежности верхне-чуловских земель “деловой” грамоты 1584 г., утвердившей раздел земель между М. Я. и С. А. Строгановыми. В августе 1816 г. он писал в Москву своему троюродному брату

А. М. Голицыну, что, обнаружив эту грамоту, “могли бы мы надеяться... быть гораздо в лучшем положении, поелику утверждение реки Чусовой в роде нашем доставило бы нам много пользы и выгод”. В результате в том же году Сенат признал его право полной собственности на Билимбаевский завод, но это решение было приостановлено “до окончания в Государственном Совете общего дела о землях Строгановых”³⁷⁷.

Главным поступком, определившим всю дальнейшую судьбу уральских владений Строгановых, стало составление Павлом Александровичем акта о майорате. Решение о предоставлении Пермскому имению статуса заповедного (нераздельного) явилось следствием сложившегося положения в семье владельца.

В отличие от своего отца Павел Александрович был счастлив в супружеской жизни, имея от брака с княжной Софьей Владимировной Голицыной сына и четырех дочерей. Однако ему пришлось пережить страшную трагедию, когда единственный сын и основной наследник строгановских богатств Александр, привлеченный отцом на военную службу, был убит в 1814 г. в сражении под Краоном. Ситуация с наследниками складывалась таким образом, что в перспективе строгановские владения должны были раздробиться между четырьмя дочерьми графа и выйти из владений рода. Решение первой проблемы граф увидел в учреждении майората над Пермским имением, а второй – в передаче своей фамилии и титула будущему мужу унаследовавшей майорат дочери. Быстро развивавшаяся чахотка не позволила Павлу Александровичу самому осуществить этот замысел. Он скончался 10 июня 1817 г. через три дня после своего 45-летия. Главой дома стала его вдова графиня Софья Владимировна Строганова, которая, по-видимому, принимала участие в составлении проекта майоратного акта и вместе с мужем незадолго до его кончины подписала прошение на “Высочайшее имя”. Ей и пришлось реализовать утвержденный царем майоратный акт.

“Уважая отличное к Отечеству усердие графа Строганова, особенную к нам его преданность, ревность и услуги, оказанные им и предками его Российскому Престолу, и, находя, что главное сие имение, производящее немаловажную выварку соли и обеспечивающее тем значительную часть народного продовольствия Империи Российской, долженствует для лучшего и удобнейшего управления и для принесения вящей общественной пользы сохраниться неприкосновенно и нераздельно во владении одного лица, Мы за благо рассудили просьбу графа и графини Строгановых утвердить”, – записано в именном указе от 11 августа 1817 г. В соответствии с ним “главная часть” родового имения признавалась “неприкосновенной и нераздельной во владении одного лица из потомства графа Строганова”. Заповедное имение запрещалось “все вообще или по частям” закладывать, продавать или обременять долгами, “полагая все такие сделки ничтожными... где бы и кем они совершены не были”.

В состав майората были включены недвижимые имения в Пермском, Оханском, Соликамском, Кунгурском и Екатеринбургском уездах Пермской губернии “в разных селах, деревнях и прочих селениях... со всеми землями, лесами, санными покосами и прочими угодьями, с соляными промыслами, чугуноплавильными и железоделательными заводами” и 45 875 рев. д. крепостных, а также вспомогательное имение в Балахнинском уезде Нижегородской губернии (119 рев. д.) “со всеми в Нижнем Новгороде заведениями, устроенными для приходящих с Пермских промыслов ежегодно соляных караванов”. Кроме того, к майорату были причислены два петербургских дома Строгановых (включая дво-

рец на Невском проспекте у Полицейского моста) и дача Мандурова под Петербургом. Вотчины в Московской, Новгородской и Тверской губерниях не вошли в состав майората и были отданы в полное распоряжение вдовы графа.

Майоратный акт устанавливал и порядок наследования. “По воле покойного генерал-лейтенанта графа Строганова” нераздельное имение оставалось “в непосредственном управлении и владении его супруги графини Софьи Владимировны по смерти ее”. Сделано это было, судя по документу, для того, чтобы под ее “особым попечением... очистить имение от немаловажных казенных и частных долгов, которых неослабная уплата... являлась единственным средством к совершенному обеспечению целости и неприкосновенности Пермского имения”. В этой связи, “не в пример будущим владельцам”, Софье Владимировне позволялось в случае “внезапного требования частных долгов” или “при несчастном каком-либо по соляным промыслам и другим заводам приключении, угрожающем истощением самых источников дохода”, закладывать часть майората “в казенные места на соразмерные сим нуждам суммы”. Ее же обязанностью было “устроить участь” четырех незамужних дочерей Натальи, Аглаиды, Елизаветы и Ольги. Старшая дочь после матери наследовала Пермское нераздельное имение, а остальные – получали по 2 млн руб. асс., выплачиваемых с начислением 6 % в течение 15 лет после замужества. В дальнейшем майорат переходил по линии Натальи Павловны одному ее старшему наследнику, а остальные получали в равный раздел между собой четвертую часть оценочной стоимости майората в течение 15 лет “от принятия имения” с начислением процентов. В случае, если линия старшей дочери полностью пресекалась, то владельцами майората становились последовательно другие дочери Павла Александровича и их наследники. Если же и их линии пресекались, тогда нераздельное имение переходило “в род ближайшего по мужскому колену наследника тайного советника Григория Строганова”, то есть в среднюю (“баронскую”) ветвь рода³⁷⁸.

На удивление, имение этот гипотетический вариант отчасти реализовался, но вовсе не потому, что пресеклись все ветви “графского” рода Строгановых. Софья Владимировна до конца осуществила замысел мужа, выдав дочь Наталью Павловну за барона Сергея Григорьевича (к которому, по семейным преданиям, Павел Александрович был очень привязан), сына Г. А. Строганова. В этом браке, состоявшемся в 1818 г., две ветви рода соединились. Пермское нераздельное имение, таким образом, не уходило из рода Строгановых, а Сергей Григорьевич поменял лишь только титул, из барона превратившись в графа, на восемь лет опередив в этом своего отца.

Во время долгого, почти 28-летнего владения и управления Пермским заповедным имением графиня Софья Владимировна проявила себя вполне умелой, заботливой и расчетливой хозяйкой. Дочь известной в свете княгини Н. П. Голицыной – прототипа пушкинской “Пиковой дамы”, подруга императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I, она получила разностороннее европейское образование и “по своей простоте, необыкновенным качествам ума и сердца”, а также “верному пониманию блага отечества” являлась, по общему мнению, идеалом чисто русской женщины³⁷⁹. По свидетельству Д. Д. Смышляева, графиня Строганова “ставила выше всего благосостояние своих крепостных людей, являя в то же время в высшей степени замечательные административные и хозяйственные способности”³⁸⁰. Возможно, под влиянием умеренно-либеральных идей мужа и самообразования (в архиве сохранились ее конспекты книг об английской революции и конституции, по политической экономии и европейской истории)³⁸¹, а ско-

рее всего хорошо понимая, что ее собственное благосостояние и будущее наследников напрямую зависит от положения многотысячного крепостного населения, графиня в своей “социальной политике” действительно показала, пожалуй, наиболее яркий для Урала пример практического патернализма.

Софья Владимировна сама подвела итог своего управления, 15 мая 1841 г. составив официальное предписание (“завещание”) будущим наследникам. “Я твердо убеждена, – раскрывала она свои представления о роли владельца, – и... потомки мои на опытах удостоверятся в свое время, что для исполнения Владельцем обязанностей в отношении вверенных ему Богом людей, особенно в пространных имениях и отдаленных от места его пребывания, совершенно необходимо, чтобы управление ими основано было на положительных правилах, в коих, с одной стороны, управляющие имели бы всегда твердые основания для своих действий во всех распоряжениях по делам Владельца, а с другой, вверенные их местному управлению и попечению люди имели бы свободное прибежище и верную для себя защиту во всех случаях, в коих доверенные от Владельца лица захотели бы не оказать им должной справедливости и безопасности”. Размышляя о “страстях человеческих”, графиня приходила к выводу, что “долг человеколюбия, правосудия, благожелательства и собственная польза Владельца делают необходимыми в помещичьих имениях мои учреждения”, важнейшими из которых она считала “Положение для третейского суда” (изданное в 1819 г.), “Положение для заводских судов, называемых заводскими расправами” (1821 г.), “Устав комиссии, учрежденной при Санкт-Петербургской главной конторе для решения разных дел” (1832 г.) и “Положение об управлении Пермским нераздельным имением” (1827 и 1837 гг.). Этими постановлениями владелица не только четко определила функции и компетенцию своей крепостной администрации, разделив имение на шесть (позже их число менялось) управленческих округов (Ильинский, Усольский, Инвенский, Добрянский, Очерский и Билимбаевский) и учредив съезд окружных управляющих, но и отделила от исполнительной власть судебную, что было в русле передовых веяний того времени. “Деление имения на округа, а дел на судебные и хозяйственные”, как впоследствии писал зять Софьи Владимировны С. Г. Строганов, и являлись “существенными началами” установленного владелицей порядка управления³⁸².

“Наблюдая со всею бдительностью в продолжение 22 лет за исполнением сих постановлений... – заявляла владелица, – я удостоверилась, что благословением Всевышнего цель моя достигается, что, с одной стороны, подвластные мне люди постигнули мои намерения и тщатся поступки свои сообразовать с означенными положениями, что, с другой стороны, власти судебная и управленческая оказывают им справедливость и беспристрастие; что случаи, в коих люди сии подверглись притеснениям, становятся уже редки... что всякий страшится только неисполнения своих обязанностей, влекущего за собою неизбежное, но умеренное наказание; что дела тяжёбые, быв приведены в надлежащий порядок, имеют должный ход и действие; что жалобы крестьян не оставляются на долгое время без удовлетворения... и что суды мои, охраняя ненарушимость прав владеемых мною людей, дают во всех их делах и тяжбах решение довольно скорое и беспристрастное...” Находя, что уже “положено прочное основание счастью всех подвластных мне людей, которое совершенно необходимо для благополучия собственной моей жизни”, Софья Владимировна объявила в акте 1841 г. свое желание, чтобы установленный ею порядок существовал и после ее смерти, “доколе по сему предмету не последует от Правительства таковых распоряжений, кои сделают более не нужными оставленные

мною уставы” (возможно, имелось в виду будущее освобождение крестьян). Вместе с тем она предоставила наследникам “право и полную свободу улучшать и совершенствовать сии постановления в том духе, в каком оные мною составлены”³⁸³.

Кроме отмеченных самой владелицей “человеколюбивых постановлений”, она учредила в майорате “ссудную сумму” в 50 тыс. руб. “для поддержания состояния крестьян” (1821 г.), создала “Страховую комиссию для облегчения участи погорельцев” (1822 г.), утвердила “Правила о положении пенсий служащим и мастеровым с их семействами” (1841 и 1844 гг.), “Положение о застраховании в имении от градобития полей” (1841 г.) и “Устав о застраховании скота” (1842 г.). К действующей в центре вотчины селе Ильинском приходской школе она учредила еще четыре – в Очерском (1820 г.), Билимбаевском (1820 г.), Добрянском (1833 г.) заводах и селе Кудымкорском (1833 г.). В 1823–1825 гг. в Петербурге была открыта школа горнозаводских, земледельческих и сельскохозяйственных наук, имевшая практическое отделение в селе Марьино Новгородской губернии (Практическая школа земледелия и ремесел). Для учеников этой школы Софья Владимировна лично составила “Краткие правила о нравственности”. Ежегодно в школьные и окружные библиотеки из Петербурга поступали периодические издания (“Библиотека коммерческих знаний”, “Лесной журнал”, “Горный журнал”, “Памятники искусства”, “Земледельческая газета”), учебные пособия (“Пробирное искусство”, “Маркшейдерское искусство”, “Арифметика”, “Беседы сельские”) и художественная литература (так, в 1843 г. графиня выслала книги, выигранные по лотерее Смирдина, в числе которых были сочинения Греча, Державина, Пушкина и Грибоедова). На укрепление складывавшегося в результате всех этих действий “культа владельцев” были направлены также присылка 40 экземпляров книги Н. Г. Устрялова “Именитые люди Строгановы”, написанной по заказу Софьи Владимировны, и 15 портретов умерших мужа и сына для окружных правлений³⁸⁴.

Частично сохранившаяся переписка Софьи Владимировны с созданным ею Общим присутствием окружных управляющих свидетельствует, что она активно вмешивалась и в производственные дела, давая указания об устройстве новых заводов (в 1825 г. основан вспомогательный к Добрянскому Софийский железоделательный завод)³⁸⁵, повышении качества листового железа (которое требовала делать “такого вида, как у господина Яковлева”), а также утверждала сметы расходов, напоминая управляющим о необходимости экономии. “Рассмотрев сметы и расходы по Пермскому имению на текущий год, – писала владелица 29 августа 1844 г., – я вполне оные утверждаю с тем, однако ж, чтобы окружные правления и конторы ни под каким предлогом не осмеливались превышать ни по одной статье назначенные... суммы... В противном случае каждая издержка неупустительно будет взыскана со всех членов правления и заводских приказчиков”³⁸⁶.

В период ее владения майоратом завершились давние судебные дела по поводу границ строгановских владений на Чусовой и статуса Билимбаевского завода. Первое дело графиня проиграла. Амбиции ее простирались до того, что в 1821 г. она (вместе с В. А. Шаховской) потребовала все земли, жалованные Строгановым, но отведенные “без уступки владельцев” под частные заводы Демидовых, Яковлевых и Кнауфа, а “равно и... разные казенные волости с принадлежащими к оным деревнями... на урочищах, текущих в реку Чусовую... считать ей принадлежащими и именовать ее участницею”³⁸⁷. Но вышло по-иному. 17 мая 1828 г. Николай I утвердил принятое наконец Сенатом решение, согласно которому границы строгановских владений по Чусовой устанавливались только

от ее устья до реки Межевой Утки. Надежды на компенсацию отмежеванных земель, таким образом, были утрачены. Но в то же время царь повелел министру финансов “во уважение заслуг в древние времена фамилии Строгановых, равно и в память того, что последний в роде графов Строгановых [Александр Павлович] положил живот на поле чести”, наделить их заводы, нуждавшиеся в землях и лесах, “из казенных пустопорожных и казне не нужных, и сим дело о землях Строгановых по Чусовой считать навсегда поконченным”³⁸⁸.

Но самой графине не удалось воспользоваться этим царским “благоволением”. Отводов казенных земель с большими затруднениями добились ее родственники граф Г. А. Строганов (получил отвод к Кыновскому заводу в Курганском уезде из лесов, приграничных к Серебрянскому заводу), князь С. М. Голицын (к Нытвенскому заводу Оханского уезда из лесов, приграничных к уничтоженному Аннинскому монетному двору) и княгиня В. П. Бутеро-Родали (к Лысьвенскому и Юго-Камскому заводам из лесов, приграничных к Серебрянскому заводу по реке Чусовой в Пермском уезде и из лесов ведомства Пермской палаты государственных имуществ по реке Кельтме в Чердынском уезде)³⁸⁹.

В отличие от верхнечусовских земель владельческий статус Билимбаевского завода Софье Владимировне удалось отстоять. По именному указу от 29 марта 1830 г. завод был исключен из числа посессионных. В 1832 г. генеральный землемер обмежевал заводскую дачу “в помещичье владение графини Строгановой”. В 1838 г. она попыталась использовать дарованное ей право и увеличить дачу Билимбаевского завода за счет казенных земель, но министр тогда отозвался, что “без предварительного указания возможных мест... приступить к наделу не может”. Отступив в этом деле, графиня добилась успеха в споре об участке, переданном в 1801 г. Ревдинскому заводу. По царскому повелению эта лесная площадь в 1843 г. была возвращена Билимбаевскому заводу³⁹⁰.

Учреждение майората сыграло положительную роль в развитии экономики крупнейшей строгановской вотчины. Разделение на округа, специализировавшиеся на том или ином виде производства (металлургии, добыче соли, хлебопашестве), упорядочило внутреннюю организацию имения. В то же время сохранение его в руках одного хозяина (осуществлявшего свои верховные полномочия через Санкт-Петербургскую главную контору и Совет управляющих) позволяло гибко координировать развитие всех отраслей сложного хозяйства и оперативно реагировать на возникающие трудности. Способствовала тому и единая система финансирования. В начале управления графини доходная часть бюджета нераздельного имения складывалась из четырех основных источников: от продажи железа (в 1819 г. было получено 894 850 руб. асс.), соли (827 250 руб.), денежного и натурального оброка с 38 331 рев. д. вотчинных крестьян (504 139 руб.), а также от действия мукомольных мельниц, продажи заводских изделий, содержания почтовой гоньбы и прочих “мелочных статей” (98 тыс. руб.). Общий доход (2 324 239 руб.) превышал расходы (1 123 745 руб., включая казенные и мирские подати) на 1 483 541 руб., которые поступали в распоряжение владелицы и главной конторы. Доходы еще более возросли, когда в Билимбаевском округе были открыты золотые россыпи и в 1830 г. стал действовать Верхнебилимбаевский завод, промывавший в среднем в год до 2,3 пуд. золота (в 1841 г. этот завод был переоборудован в металлургический)³⁹¹.

Крупные прибыли тем не менее не исключали займов, которые Софья Владимировна брала в Государственном Заемном банке. Впервые она попыталась получить банковский заем под залог части Пермского имения уже в 1821 г., но тогда у властей возникли сомнения в его возможности, обоснованные условиями майоратного акта. Следствием поданной царю жалобы стал указ от 5 сентября 1822 г. о том, что “нельзя возбранять Ее Сиятельству графине Строгановой под залог нераздельного имения делать из казенных мест заем денежных сумм”. Получив царское разрешение, в 1825 г. Софья Владимировна заложила более 36 тыс. вотчинных крестьян за 7 283 200 руб. асс. В 1829 г. банк выдал еще 789 600 руб. с рассрочкой выплаты на 37 лет³⁹². Видимо, столь крупные капиталы необходимы были для уплаты многочисленных казенных и частных долгов прежних владельцев (Александра Сергеевича и Павла Александровича), а также для выдела трем дочерям Софьи Владимировны.

По условиям акта 11 августа 1817 г. “ненаследовавшие” майорат графини Аглаида, Елизавета и Ольга в качестве приданого должны были получить от матери по 2 млн руб. асс., рассроченных на 15 лет. С учетом накопившихся процентов каждая из них в итоге получала по 2840 тыс., а все вместе – 8520 тыс. руб. Аглаида Павловна в 1821 г. вышла замуж за князя В. С. Голицына, который с этого времени управлял делами Петербургской конторы своей тещи и в 1823 г. инспектировал Пермское имение. Елизавета Павловна в 1823 г. вышла замуж за светлейшего князя И. Д. Салтыкова, а Ольга Павловна – в 1825 г. за графа К. П. Ферзена. Таким образом, выплаты огромной суммы выдела дочерей должны были начаться в 1821-м и закончиться в 1839 г.³⁹³

С княгиней Голицыной Софья Владимировна рассчиталась уже к 1830 г., выплатив ей часть денег и передав во владение учрежденный тогда второй строгановский майорат из новгородского (с. Марьино с деревнями и 317 рев. д.) и московского (с. Давыдово, Болкашино, Неданово, Суровцево с 550 рев. д.) имений, а также двух домов в Петербурге (по Невскому проспекту № 18, купленного в 1821 г. у комиссионера Рудометова, и в 5-м квартале Васильевской части под № 629, купленного в 1828 г. у О. В. Миллер). Правда, так называемый “малый дом” на Невском проспекте (в “большом доме” у Полицейского моста жила сама графиня) был позже причислен к Пермскому майорату, и Аглаида Павловна получила за него 85 814 руб. сер., последняя выдача которых состоялась в ноябре 1843 г. В отношении выплат по выделу двум другим дочерям Софья Владимировна не уложились в положенные сроки. Графиня Ферзен умерла в 1837 г., оставив своим детям, находившимся под опекой, право получить предназначенные ей капиталы. Княгиня Салтыкова продолжала получать выплаты еще после смерти матери³⁹⁴.

Все эти и другие финансовые обязательства серьезно обременяли нераздельное имение и, видимо, послужили одной из причин “затруднений в денежных оборотах”, которые стала испытывать владелица в 1840-е гг. Тогда расходы по имению (1807 тыс. руб. в 1844 г.) оказались значительно выше доходов (1205 тыс. руб.). Пришлось даже закрыть петербургскую школу и распродать ее имущество. “Предваряю, – писала она управляющим в феврале 1845 г. всего за несколько дней до смерти, – что до сентября месяца я никаких наличных переводов отсюда [из Петербурга] сделать не могу, а потому [вы] должны оборачиваться своими средствами”³⁹⁵.

Последним и во многих смыслах знаковым действием, видимо, предчувствовавшей свою скорую кончину 69-летней владелицы стала посылка для приходских училищ и сельских школ Пермского имения книг, в числе которых были 10 экземпляров “Указания

пути в царствие небесное”. 20 марта 1845 г. в Ильинском было получено предписание уже от графа С. Г. Строганова, в котором он извещал о смерти “незабвенной матушки нашей графини Софьи Владимировны Строгановой, урожденной княжны Голицыной, последовавшей в 5-й день сего месяца в Санкт-Петербурге”. “По всегдашнему благочестивому обыкновению своему, – описывал он подробности ее ухода, – исполнивши на первой неделе Великого поста Христианские обязанности говенья и сподобившись 3-го числа приобщиться Святых Тайн, после легкой болезни, усилившейся в исходе следующего дня, матушка преставилась в жилище вечного упокоя”. Сергей Григорьевич полагал, что “подданные” скончавшейся графини “с глубокой благодарностью оценили ее попечение и не престанут благословлять ее в своей памяти”. Он сообщал также, что на основании акта 1817 г. имение переходит к старшей дочери Софьи Владимировны графине Наталье Павловне Строгановой³⁹⁶.

Еще 16 марта новая владелица составила “верющее письмо”, в котором просила “любезнейшего супруга” Сергея Григорьевича “принять на себя труд управления имением на правах полного хозяина”. Доверив мужу делать “все хозяйственные распоряжения, какие признает полезными для меня и для приведения имения того в лучшее устройство”, Наталья Павловна уполномочила его “для умножения... доходов и улучшения быта крестьян... употреблять исправительные меры, законом дозволенные”, чтобы “не могло встретиться препятствий от нерадения, лености и других причин, свойственных простолюдинам”³⁹⁷. Именно в этом видела новая владелица главные причины унаследованных ею финансовых проблем имения.

Свое управление имением жены Сергей Григорьевич, бывший тогда попечителем Московского учебного округа, как это ни парадоксально, начал с отказа в устройстве “ветеринарных классов” в Ильинском, учрежденных тещей для борьбы с чумой домашнего скота. Поводом к такому решению стал “существующий в имении недостаток в деньгах”. На преодоление этого недостатка и были направлены действия Строганова в годы его “управления и попечения”. Приехав в Петербург, он первым делом ознакомился с состоянием дел Главной конторы и нашел, что “все настоящее управление означенным имением основано на печатных положениях и других инструкциях, начертанных по благодетельной воле незабвенной матушки нашей во время 28-летнего ее материнского управления своими подданными”. Видимо, такая детальная регламентация несколько удивила графа, но он знал о “завещании” 1841 г. и, верный “сыновнему долгу”, решил тогда “оставить все уставы и наставления в их силе и действии на будущее время, доколе при ближайшем исследовании... всех подробностей существующего... порядка, не откроется необходимости приступить к изменениям и переменам, как время и новые обстоятельства стали бы требовать”³⁹⁸.

“Ближайшее исследование” произошло уже в июле – сентябре 1846 г., когда граф посетил Пермский майорат и увидел результаты последних лет “материнского управления”. После приезда князя В. С. Голицына в 1823 г. из владельцев сюда, видимо, никто не приезжал, а потому у населения накопилось масса вопросов к графу. Во всех округах его буквально “завалили” прошениями (так, в Билимбаевском округе он “собрал” 70, в Очерском – 92). В основном они содержали просьбы о пособии. Не будучи в состоянии лично рассмотреть их все, Сергей Григорьевич предписал “нарядить” особую комиссию для разбора как индивидуальных прошений, так и “от мирских обществ о разных нуждах”. Общества, в частности, просили сохранить поземельное, а не подушное взыскание

налогов, снять “с девок наряды на дороги и для подборку хлама, а исправлять их мужчинами”, простить недоимки, накопившиеся “с давних лет”, вернуть заложенные покосы. Они просили даже закрыть Вознесенское училище, содержание которого стоило обществу 500 руб. асс., а вместо него “назначить крестьянским мальчикам преподавать через местного священника изустно один Закон Божий”. Вотчинные крестьяне жаловались на возросший оброк. “Покойный князь Василий Сергеевич Голицын, – писали они, – во время посещения Пермского нераздельного имения определил взыскивать... оброк по 16 руб., таковой и производился в течение двух лет по отбытию князя”. Но “местное начальство” стало увеличивать повинность, “особенно в последнее время, когда усилились в селениях общественные постройки, как-то церквей, земских амбаров и прочих”. Поднявшийся до 20–22 руб. оброк крестьяне считали для себя “отяготительным и несоответственным со средствами нашими для выполнения его и вводящим нас в разорение”.

Строганову пришлось вникать во все эти и многие другие накопившиеся проблемы сложного хозяйства. Он распорядился помочь особо бедствующим “переведенцам” из вотчин на Билимбаевский завод, учредил “правильный учет и прием угля” и увеличил “зательную плату”, “обратил внимание” на хранение хлеба в магазинах, отменил “возведение излишних строений” и соразмерно уменьшил оброк с крестьян. Посетив золотые прииски, Сергей Григорьевич распорядился для усиления упавшей в последнее время золотодобычи кроме “господских разработок” развивать старательство. “Познакомившись на деле с разными частями управления, – излагал он еще одно свое важное наблюдение, – я получил убеждение, что при явном усердии многих служащих, вообще господствует во многих частях совершенно излишняя формалистика, которая отвлекает всех от прямых своих обязанностей, тягостна крестьянам и бесполезна Владельцу”. “Правление решительно потонуло в письмоводстве, надобно его вывести из этого ложного положения”, – таков был вердикт графа в отношении действующих в майорате “уставов”³⁹⁹.

Управляющему Инвенского округа Я. А. Невзорову он предписал “озаботиться составлением проекта для упрощения всего делопроизводства... уменьшив впредь лишние должности”. Составленные вскоре новые “правила и постановления” привели к упрощению штатов сокращенных окружных и мирских управлений и третейского суда. В имении были закрыты заводские расправы и преобразовано судопроизводство, введено “Положение о учении грамоте крестьянских детей” (1847 г.), учреждены сберегательная касса и “коммерческий капитал” (1856 г.) и даже приняты меры “к предупреждению распутства”. Ход преобразований Сергей Григорьевич внимательно контролировал по переписке с главной конторой и окружными управлениями, а последствия мог воочию наблюдать во время своих последующих приездов в майорат в 1850 и 1858 гг.⁴⁰⁰

Более динамично (особенно в 1850-е гг.) стало развиваться при его управлении металлургическое производство на шести заводах, из которых Билимбаевский чугуноплавильный превратился в одно из крупнейших предприятий Урала своего профиля. Находка нового железорудного месторождения, “могущего дать из 100 пудов 34 % чугуна”, стимулировало дальнейшее развитие доменного и железного производства. В 1854 г. началось строительство нового Кувинского чугуноплавильного завода, вступившего в строй в 1856 г. Извещая об этом Уральское Горное правление, главноуправляющий Пермским нераздельным имением В. А. Волегов “испрашивал 10-летнюю льготу на том основании, что... выплавка чугуна при Кувинском заводе, без уменьшения выплавки при Билимбаевском заводе, обязывает усилить выделку железа на сварочно-катальном про-

извозстве, устроенном при Добрянском заводе, от действия паровой машины, куда будет доставляться кувинский чугуны для переделки в железо”. В результате общая производительность строгановских заводов к 1860 г. по сравнению с началом 1840-х гг. выросла почти вдвое, достигнув 669 тыс. пуд. чугуна и 443 тыс. пуд. железа⁴⁰¹.

Для развития отрасли и преодоления негативных последствий отмены казенной поставки соли (для чего пришлось в 1853–1854 гг. перейти на ее свободную и, по-видимому, менее доходную продажу) Сергей Григорьевич, вопреки условиям майоратного акта, предпринял новый залог в Заемном банке на 300 тыс. руб. в 1853 г. и на 146,4 тыс. руб. в 1854 г., переложив в последствии в Санкт-Петербургскую сохранную казну. Старые казенные долги в 1861 г. были соединены и пересчитаны на новый 37-летний срок под залог Инвентского округа⁴⁰². Все это, конечно, обременяло имение, но возросшие доходы позволяли вовремя расплачиваться с банковскими долгами и избегать установления казенного присмотра или предусмотренного майоратным актом опекуна над Пермским нераздельным имением.

Найдя в муже умелого помощника, фактически полностью заменившего ее в обременительном деле управления громадной уральской вотчиной, графиня Наталья Павловна между тем занялась решением наследственных проблем майората. Она предприняла несколько важных шагов, определивших дальнейшую судьбу владения на многие годы. В соответствии с майоратным актом, после нее владельцем Пермского имения становился старший сын. Остальным детям в течение 15 лет выплачивалась четвертая часть, а мужу – за 10 лет седьмая часть от стоимости майората. У Натальи Павловны и Сергея Григорьевича было четыре сына и три дочери (одна из них, Анна, умерла в девичестве). Таким образом, старший сын Александр должен был в свое время унаследовать имение от матери, а остальные наследники получить причитающуюся денежную компенсацию и разделить ее между собой поровну. Но графиня распорядилась по-иному.

Еще вступая во владение имением, она потребовала собрать сведения о выделах сестрам. В случае, если они еще не полностью получили деньги, “я почту священной обязанностью, – клялась графиня, – ...приступить к немедленному исполнению в этом отношении воли и родителей моих и благодетельствовавшего им, а следовательно и нам, почивающего в Бозе Государя Императора Александра I”⁴⁰³. Обещание ответственной владелицы было выполнено, но выплаты сестре Елизавете Салтыковой и племянникам (детям умершей сестры Ольги Ферзен), надо полагать, серьезно обременили имение.

Вероятно, предчувствие новых сложностей подтолкнуло ее к решению избежать хотя бы части денежных выплат своим собственным наследникам, хотя эти выплаты должны были начаться только после ее кончины новым владельцем. Возможно, это решение было принято не без влияния матери, которая незадолго до своей смерти “часто задумывалась о будущих владельцах, желая, – по ее выражению, – проникнуть в эту будущность”. Тогда Софья Владимировна полагала, что неясность в способе оценки имения может “впоследствии произвести между родственниками неприятный и для имения вредный процесс”. После совета с главным поверенным Л. И. Ослоповским она ограничилась признанием того, что лучшим способом, который “не произведет решительного расстройства имению”, будет его оценка по числу ревизских душ⁴⁰⁴. Наталья Павловна предпочла сделать более серьезные поступки, ради достижения поставленной цели пойдя даже на известное нарушение майоратного акта. Без сомнения, для этого она заручилась поддержкой мужа и согласием детей.

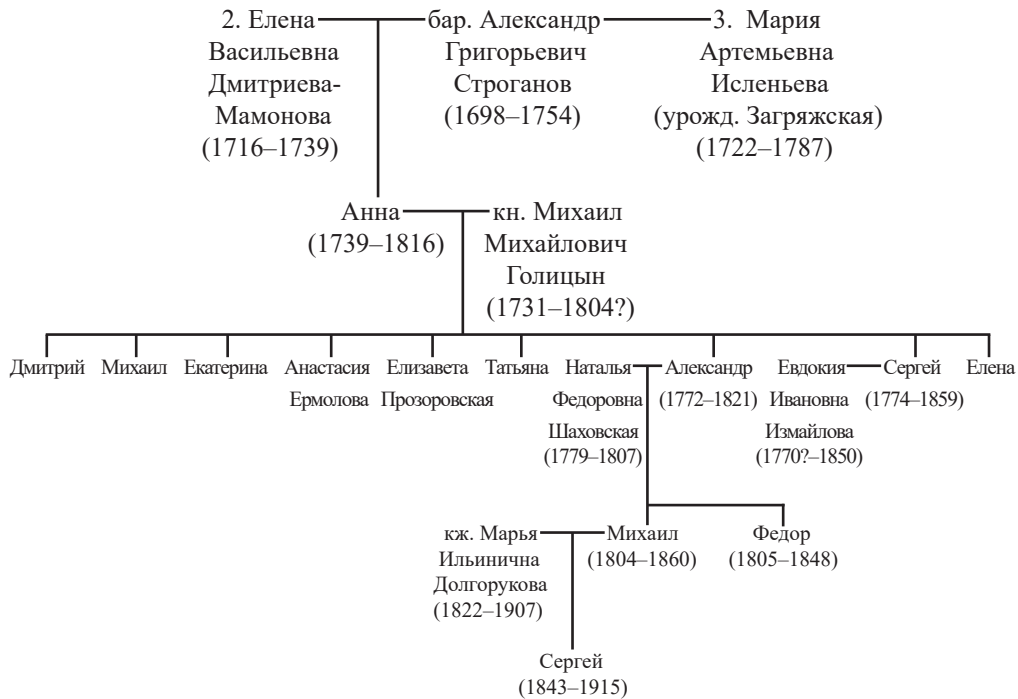
Уже в 1847 г. графиня подала “Всеподданнейшее” прошение, в котором просила, “чтобы по смерти ее майорат поступил в пожизненное владение ее супруга графа Сергея Григорьевича Строганова со всеми правами и обязанностями... но с устранением его, согласно его желанию, от права на указную часть... и с подчинением его в распоряжениях, выходящих из круга обыкновенных действий по управлению имением [имелись в виду в первую очередь залоги имения “в казенных местах”], Правительствующему Сенату”. 3 апреля царь подписал разрешительный указ, изданный Сенатом 22 апреля 1847 г.⁴⁰⁵

Следующим шагом стал выдел “ненаследовавших” детей, который явился не только досрочным, но и “имущественным”, а не денежным. В первую очередь это коснулось дочерей. В декабре 1851 г. мать и отец решили выделить старшей дочери графине Софье Сергеевне Толстой вместо “наследственного участка” “михайловский дом” в Петербурге (Невский проспект, 43, “по одну сторону – дом господина Сабира, по другую – Армянской церкви”), приобретенный Н. П. Строгановой у наследников дочери С. Я. Яковлева Анны Баташевой еще в 1826 г. Сергей Григорьевич тогда писал, что “мать дает дочери в 1851 г. то, на что она может иметь право только после ее и моей смерти; дает до уплаты лежащего на майоратстве долгу; дает сполна, когда сонаследник дочери будет иметь по закону право разложить платеж на 15 лет; дает в два с половиной раза более, чем следует ей по закону”. “При таком выделе, – полагал отец, – нет места к виду на насилие и принуждение, а потому всякое дальнейшее сомнение неосновательно”. Но, поскольку дом находился в залоге, сделка тогда не состоялась, и графиня Толстая “сохранила свое прежнее содержание” в 30 тыс. руб. асс., которое получала до своей скорой кончины в феврале следующего года⁴⁰⁶.

Освобожденный из-под залога дом чуть позже родители все-таки сумели “пристроить”. “Озабочиваясь о благосостоянии и желая упрочить оное”, 19 ноября 1853 г. они передали его своей младшей дочери княгине Елизавете Сергеевне Мещерской. Княгиня “оставалась довольною и принимала дом, как превышающий ценностью своею ту часть имения, какая бы мне после родителей моих следовала” (дом был оценен в 250 тыс. руб. сер.), признавая себя “совершенно благодетельствованною... и окончательно из имений наших выделенною”⁴⁰⁷. Возможно, недвижимыми имениями расплатились родители и с “ненаследовавшими” сыновьями.

Графиня Наталья Павловна Строганова оставалась единоличной владелицей майората до своей кончины 7 октября 1872 г. По свидетельству В. П. Безобразова, ее заводы “в хозяйственном отношении” стояли тогда “впереди всех частных заводов на Урале”, уступая лишь Нижнетагильским “в техническом отношении”⁴⁰⁸. После нее еще десять лет пожизненным владельцем являлся граф Сергей Григорьевич Строганов, объединивший с майоратом доставшееся ему по разделу с братом Александром другое имение, принадлежавшее “баронской” ветви строгановского рода в Приуралье. Поскольку старший сын Натальи Павловны и Сергея Григорьевича граф Александр Сергеевич умер еще в 1864 г., то деду в 1882 г. наследовал старший внук граф Сергей Александрович Строганов, ставший последним владельцем Пермского нераздельного имения⁴⁰⁹.

5. Голицыны

Представители четвертой ветви (“Михайловичей”) одного из самых знатных и древних родов российского дворянства князей Голицыных оказались в составе уральских заводчиков после того, как жена Михаила Михайловича Голицына Анна Александровна получила по наследству от отца барона Александра Григорьевича Строганова и по разделам 1757 и 1763 гг. с мачехой и младшей сестрой Нытвенский и $\frac{3}{7}$ части Кусье-Александровского завода, а также участие в Усольских, Ленвенских и Чусовских соляных промыслах с 9923 рев. д. В 1786 г. к действующим прибавился вновь построенный Архангело-Пашийский завод, завершивший формирование самостоятельного Нытвенского горнозаводского округа. В начале XIX в. здесь производилось до 230 тыс. пуд. чугуна и 207 тыс. пуд. железа⁴¹⁰.

Кавалерственная дама княгиня Анна Александровна в управлении своим Пермским имением опиралась на мужа – генерал-лейтенанта и действительного камергера Михаила Михайловича Голицына. В начале XIX в. рапорты заводоуправления адресовались, как правило, на имя обоих супругов и начинались характерной и во многом отражавшей истинное положение дел формулировкой: “Как в течение прошедшей седмицы после за-рапортования, так равно и нынешней, при здешних Нытвенских заводах... за сохранением Божьим все обстоит благополучно”⁴¹¹. Поэтому, когда муж умер или незадолго до

этого, 65-летняя заводчица в ноябре 1804 г. выдала доверенности на управление двум своим сыновьям – Александру и Сергею (всего у Голицыных было пять сыновей, двое из которых к тому времени умерли, и пять дочерей)⁴¹².

Князь Александр Михайлович сделал придворную карьеру, достигнув чинов гофмейстера и действительного камергера⁴¹³. Выполняя поручение матери, в 1806 г. он совершил поездку в Пермское имение, осуществлял некоторые финансовые операции по имениям. Но придворная служба (состоя при императрице, он часто сопровождал ее в поездках) не давала возможности Александру Михайловичу основательно заниматься хозяйственными делами. Поэтому в 1807 г. он доверил их ведение своему младшему брату⁴¹⁴.

Князь Сергей Михайлович оказался, видимо, самым способным из детей А. А. Голицыной для роли владельца заводов. Присущие ему высокая религиозность (являлся членом Библейского общества), ответственность и педантичность превратили его в хорошего администратора. По свидетельству современников, благодаря своей доброте и отзывчивости он пользовался всеобщим уважением и помимо придворной службы (был действительным камергером) занимал высшие должности в многочисленных благотворительных учреждениях: с 1807 г. состоял почетным опекуном в Московском Опекунском совете, членом совета при Екатерининском и Александровском училищах, главным директором Голицынской больницы, построенной в Москве по завещанию двоюродного дяди Д. М. Голицына⁴¹⁵.

К родительским богатствам в 1806–1807 гг. дети А. А. Голицыной получили значительное прибавление после смерти двух дядей – бывшего вице-канцлера действительно-го тайного советника Александра Михайловича и тайного советника Сергея Михайловича Голицыных. В 1813–1814 гг. Анна Александровна, видимо предчувствуя скорую свою кончину, осуществила раздел наследства между своими многочисленными детьми. По ее завещанию Пермское имение полностью переходило в нераздельное владение двух младших семейных сыновей Александра и Сергея, а дочери и бездетный старший сын, видимо, получили выдел незаводскими имениями или деньгами⁴¹⁶. Скорее всего именно с этой целью тогда она совершила два залога Пермского имения в Петербургском Опекунском совете (7882 рев. д. на 551 740 руб.) и два залога в Московском Опекунском совете (6,3 тыс. рев. д. на 441 тыс. руб.)⁴¹⁷. В результате после ее кончины, случившейся 22 апреля 1816 г., сыновья получили в наследство заложенное имение, включавшее три завода и соляные промыслы в Пермском, Оханском, Осинском, Соликамском, Кунгурском и Чердынском уездах Пермской губернии с 15 441 рев. д. Им же достались родовые имения в Тульской, Симбирской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Петербургской и Московской губерниях. Огромные масштабы хозяйства и стабильно функционирующие предприятия (выплавлявшие в год более 200 тыс. пуд. железа) позволили к 1830 г. уже расплатиться с долгами и вывести заводы из-под залога⁴¹⁸.

В первую очередь это была заслуга князя Сергея Михайловича. Старший брат и совладелец Александр Михайлович, уезжая “в чужие края”, в сентябре 1816 г. вновь оставил ему доверенность на управление Пермским имением⁴¹⁹. Там, в Париже, 19 июля 1821 г. Александр Михайлович умер. Его половина общего имения перешла по наследству двум сыновьям – 17-летнему Михаилу и 16-летнему Федору. В сентябре 1822 г. осиротевшие (их мать урожденная княжна Н. Ф. Шаховская умерла еще в 1807 г.) актуариусы Коллегии иностранных дел просили “милостивого государя-дядюшку принять недвижимое имение в собственное распоряжение и управление” до их совершеннолетия. По указу

царя и решению Московской дворянской опеки от 1 сентября того года князь С. М. Голицын был утвержден попечителем своих племянников, делавших тогда первые шаги на дипломатической службе⁴²⁰.

Когда оба молодых совладельца достигли 21-летнего возраста и попечительство дяди было отменено, 25 июня 1826 г. в Париже они выдали ему новую доверенность. “Ныне мы, хотя и пришли в указное совершеннолетие, разрешающее нам личное право полного и безотчетного владения и управления имениями, – писали уже ставшие титулярными советниками племянники, – но, будучи преисполнены искреннего почтения и преданности к Вам, милостивый государь-дядюшка, и столько же уверены в Вашей родственной любви к нам, покорнейше просим Ваше Сиятельство все означенное недвижимое имение, принадлежащее нам обще с вами, как с горными заводами и соляными промыслами, так... и с крепостными людьми и всеми получаемыми от него доходами, как в отсутствие наше в чужие края, так и во время пребывания нашего в России, принять и ныне в собственное Ваше распоряжение и управление, как будет требовать Дома нашего польза”⁴²¹. Полное доверие Сергей Михайлович Голицын вызывал не только у своих совладельцев. В 1810–1830-е гг. он состоял попечителем наследников князя Разумовского, вел хозяйственно-имущественные дела княгини Екатерины Меншиковой, управлял наследственными имениями графинь Воронцовых, был посредником при нескольких крупных вотчинных разделах⁴²².

В 1830–1850-е гг. князь умело сочетал успешное управление собственными имениями (через доверенных лиц, в частности титулярного советника П. К. Иванова, а также неоднократно приезжая на Урал)⁴²³ со своими многочисленными обязанностями президента Московского попечительского комитета Императорского Человеколюбивого общества (с 1818 г.), вице-президента Московского попечительского комитета о тюрьмах (с 1828 г.), председательствующего в Московском Опекунском совете (с 1830 г.), попечителя Московского учебного округа (1830–1835 гг.) и члена Государственного Совета (с 1837 г.). Половиной доходов с имений он делился с племянниками, переводя деньги за границу (где они служили) через посредничество банкира Л. И. Штиглица, с которым состоял в деловой и дружеской переписке⁴²⁴. Лишь однажды, в 1832 г., отправляясь “с Высочайшего дозволения” на минеральные воды “для поправления расстроенного здоровья”, он оставил доверенность на управление имениями своей незамужней сестре княжне Анастасии Михайловне⁴²⁵.

В 1833 г., вернувшись из-за границы, Сергей Михайлович добился разрешения на учреждение майората (с. Влахернское), но пермские вотчины и заводы по-прежнему остались в общей его с племянниками собственности. В 1836 г. он вновь получил доверенности на управление заводами. Как и в 1826 г., камер-юнкеры Михаил и Федор Голицыны выразили полное доверие дяде, к которому, без сомнения, относились с большим уважением и почтением⁴²⁶. По-видимому, и он любил и не “обижал” племянников, видя в них не только совладельцев, но и единственных своих наследников. Семейная жизнь самого Сергея Михайловича не сложилась. С 1799 г. князь состоял в браке с Евдокией Ивановной Измайловой, известной в свете под именем “*Princesse Nocturne*” (“Ночная княгиня” – в ее литературно-философский салон в Петербурге гости собирались поздно вечером). Этот брак был заключен по воле императора Павла. После его гибели супруги разъехались. Через несколько лет жена попросила развода, чтобы выйти замуж за М. П. Долгорукого, но муж категорически отказал. Своего рода отмщением за этот его

поступок стал отказ Евдокии Ивановны в разводе, когда в 1829 г. князь посватался к “милой из милых, умной из умных, прелестной из прелестных” (В. А. Жуковский) фрейлине А. О. Россет⁴²⁷. Потому у Сергея Михайловича не было детей и законными наследниками становились сыновья умершего брата Александра (братья Дмитрий, Михаил и сестры Екатерина, Анастасия и Елена не имели детей; дети сестер Елизаветы Ермоловой и Татьяны Прозоровской являлись наследниками не “первой очереди”)⁴²⁸.

Вероятно, приближенный к императорской семье дядя способствовал дипломатической карьере племянников, но долгая жизнь в Европе (братья состояли при российских миссиях во Флоренции и Риме) наложила отпечаток на их религиозные взгляды и отношение к родине. Оба перешли в католичество, и только отставка в 1836 г. “по слабости здоровья” Михаила Александровича и возвращение в Москву сохранили за ним право владения родовыми имениями. Федор Александрович окончательно порвал с родиной, стал членом Ордена иезуитов и записался в папскую армию. 14 сентября 1845 г., после неоднократных и безрезультатных вызовов князя в Россию, Государственный Совет лишил его всех прав состояния и заочно приговорил к каторге. Правда, к тому времени он уже не являлся владельцем родовых имений. 25 февраля 1842 г. был совершен раздельный акт, в соответствии с которым князь Федор “уступил” свое участие в общем имении ($\frac{1}{4}$ часть) брату Михаилу, а тот 27 марта вновь “уполномочил” дядю Сергея Михайловича “всею тем общим имением распоряжаться и управлять по его благоусмотрению”⁴²⁹.

В том же году Михаил Александрович женился на княжне Марье Ильиничне Долгоруковой и вскоре вновь выехал за границу, откуда вернулся только в начале 1850-х гг. В Париже в 1843 г. у Голицыных родился единственный сын Сергей. За границей князь занимался литературной и издательской деятельностью, коллекционировал произведения искусства и составил обширную и ценнейшую библиотеку редких иностранных книг, позже выкупленную казной у его сына для Императорской Публичной библиотеки и Эрмитажа. “Неправильное воспитание, – замечал о М. А. Голицыне в своем дневнике В. А. Муханов, – сообщило ему направление, не вполне соответствовавшее его положению; преувеличенная склонность к чужеземному и по несчастью отчуждение от своей собственной страны... воспрепятствовали ему принести отечеству ту пользу, которую он бы мог... Просвещенный ум, доброе сердце, большая обходительность, старинная любезность сообщили большую прелесть отношениям с князем Голицыным... У князя были благородные вкусы; он любил картины, статуи, старинную мебель, но особенной страстью у него была любовь к старинным книгам”⁴³⁰.

После кончины “первого московского вельможи” или “московского царька” (как называли его современники)⁴³¹ камергера и действительного тайного советника 1-го класса князя С. М. Голицына, случившейся 7 февраля 1859 г., Михаил Александрович оказался единственным владельцем родового Пермского имения. В то время Нытвенские заводы находились на подъеме, производя до 373 тыс. пуд. чугуна и 336 тыс. пуд. кричного и пудлингового железа⁴³².

Видя в племяннике законного своего наследника, в последние годы жизни Сергей Михайлович пытался привлечь его к хозяйственным делам. Так, в 1852 г. он доверил ему присутствие в Совещательном комитете владельцев Пермских соляных промыслов, составленном для обсуждения новых правительственных мер по казенным поставкам уральской соли⁴³³. Но, видимо, серьезного участия в управлении имениями Михаил Александрович так и не сумел принять. В 1856 г. он вернулся на государственную

службу, получил звание церемониймейстера и камергера, чин действительного статского советника и был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Дворе королевы Испанской. 17 марта 1860 г., всего через год после вступления во владение наследством умершего дяди, он скончался во французском городе Монпелье, где проходил лечение.

18 октября 1860 г. Московская палата гражданского суда утвердила законными наследниками князя М. А. Голицына его единственного сына Сергея (он получал $\frac{6}{7}$ частей всего недвижимого и $\frac{3}{4}$ движимого имения) и вдову княгиню Марью Ильиничну ($\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{4}$ части соответственно). Поскольку основному наследнику исполнилось всего 17 лет, над ним было учреждено попечительство в лице сенатора и тайного советника Николая Алексеевича Муханова⁴³⁴.

Вскоре владельцами было принято решение провести раздел доставшихся им вотчин. Крупнейшей из них было Пермское имение, площадью более 570 тыс. дес. земли. В его состав входили Архангело-Пашийский и Кузье-Александровский заводы в Пермском и Нытвенский завод в Оханском уездах, Сергиевские золотые прииски, соляные промыслы и села в Соликамском, Оханском, Осинском, Чердынском и Кунгурском уездах Пермской губернии с населением 22 214 рев. д. В центральной России Голицыным принадлежали вотчины в Московской (с. Влахернское, или Кузьминки, Пересветово; 1399 рев. д.), Нижегородской (д. Костырева и Княжиха; 360 рев. д.), Симбирской (с. Рождественское; 904 рев. д.), Тульской (с. Покровское-Голунь и Михайловское; 1432 рев. д.), Владимирской (с. Позняково; 969 рев. д.), Ярославской (с. Сулоть, Никольское, Кирилицыно, Пужболы, Ивакино и дер. Векшина и Коломина; 1266 рев. д.), Костромской (с. Здезино и дер. Бердникова; 437 рев. д.) и лесные дачи в Самарской, Вологодской и Вятской губерниях. Они также владели двумя домами в Москве (каменным № 48 в 1-м квартале Тверской части и деревянным № 49 в 1-м квартале Пречистенской части), огородными землями с постройками в Петербурге и Выборге (купленными крестьянами на имя владельцев), двумя домами в Нижнем Новгороде, пристанями в Орловской и Выборгской губерниях⁴³⁵.

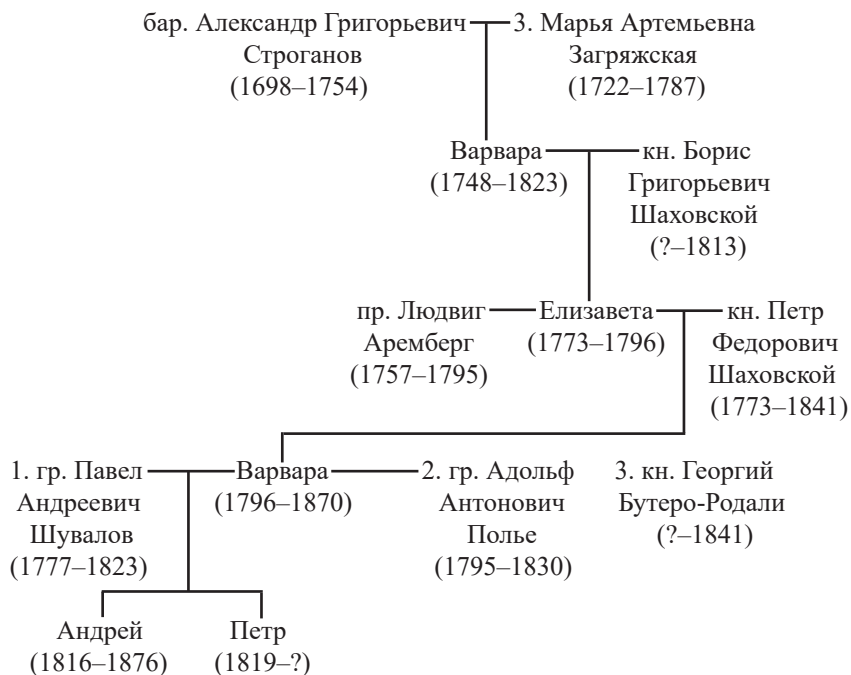
К движимому имуществу наследников М. А. Голицына были отнесены ценные бумаги Московской сохранный казны, Государственного Коммерческого банка и Государственного казначейства на общую сумму 228 250 руб. сер., 250 тыс. руб. “в заграничных капиталах” и заготовленные металлы на 840 тыс. руб. Заводы, промыслы и сельскохозяйственные вотчины с населением 28 981 рев. д. приносили 327 509 руб. годового дохода. На них к тому времени состоял долг Московской сохранный казне в 460 052 руб.⁴³⁶ Еще в 1830 г. С. М. Голицын просил свидетельства на залог имений в Заемном банке и в 1835 г. получил таковое от Уральского Горного правления на Архангело-Пашийский завод⁴³⁷. Видимо, предполагаемый банковый залог не состоялся, но получить заем он сумел в Московском Опекунском совете, будучи его почетным членом и председательствующим.

Для заключения отдельного акта были уполномочены Н. А. Муханов (от лица С. М. Голицына) и генерал-адъютант и генерал от кавалерии князь В. А. Долгоруков (от лица своей племянницы М. И. Голицыной), которые 17 марта 1861 г. и совершили его в Санкт-Петербургской гражданской палате. В этом документе говорилось, что, “желая владеть каждый отдельно своей частью имения”, мать и сын “полюбовно” разделили его между собой. Марье Ильиничне на ее долю достались имения в Симбирской, Владимирской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях (3906 рев. д.) с общим го-

довым доходом в 31 252 руб. К этому сын обязывался ежегодно приплачивать 15 535 руб. “из доходов горных заводов в течение 10 лет со дня совершеннолетия”. Ему переходили все владения в Пермской губернии, включая металлургические заводы и соляные промыслы, а также имения в Московской и Тульской губерниях с крепостным населением в 24 624 рев. д.

Из движимого имущества (оцененного в 1 319 503 руб. сер.) были вычтены 113 100 руб., назначенные А. М. Голицыным “в раздачу”, а также “предположенные к обращению в запасной или оборотный капитал по горным заводам и соляным промыслам” 350 тыс. руб. В результате княгине (в 1862 г. вступившей во второй брак с графом Н. Д. Остен-Сакен) досталось 214 100 и князю 642 302 руб. Пропорционально был разделен также и долг сохранной казне⁴³⁸. Горный департамент и Уральское Горное правление не возражали против передачи заводов несовершеннолетнему Сергею Михайловичу, который с 17 марта 1861 г. становился единоличным владельцем всего Пермского имения князей Голицыных.

6. В. А. Шаховская – В. П. Бутеро-Родали

Еще одно из строгановских владений во второй половине XVIII в. выделилось в самостоятельное хозяйство, перешедшее по женской линии в древний род князей Шаховских. По актам 1757 и 1763 гг. Юго-Камский и $\frac{3}{7}$ Кузье-Александровского завода (еще $\frac{1}{7}$ часть этого завода перешла в 1784 г. от матери М. А. Строгановой) вместе с участием в Усольских, Ленвенских и Чусовских соляных промыслах с 9923 рев. д. по разделу между

наследниками барона Александра Григорьевича Строганова достались его младшей дочери Варваре, вышедшей замуж за князя Бориса Григорьевича Шаховского. Во владении В. А. Шаховской из полученных по наследству и двух вновь построенных заводов (Лысьвенского в 1787 г. и Бисерского в 1788 г.) сложился самостоятельный горнозаводский округ, в начале XIX в. производивший до 226 тыс. пуд. чугуна и 193 тыс. пуд. железа⁴³⁹.

В конце XVIII в. по семейным обстоятельствам он фактически оказался на грани изъятия из владеющей ветви рода. Маловероятно, что княгиня, давно уже отдельно от мужа жившая в Париже, прониклась идеями Французской революции, но единственную свою дочь и наследницу Пермского имения княжну Елизавету Борисовну она выдала замуж за принца Л.-М. д'Аремберга, участника революционных событий во Франции и Брабанте. Рассерженная императрица 24 марта 1792 г. приказала "пограничным начальникам" не впускать в Россию князя, "который участвовал в двух бунтах против законной власти, воздвигнутых наглостью и своевољством, одним французском, а другом нидерландском". Общим же княгиням, которые находились в то время на пути в Россию, не запрещалось возвращение "в отечество". Чтобы имения Шаховских не перешли по наследству в род мужа княжны, Екатерина II повелела "поручить их дворянским опекам под главным управлением надежного опекуна, Сенатом избираемого". Опеке предписывалось не допускать княгиню до продажи или залога имения и осуществлять контроль за доходами, которыми, "за остатком части на уплату долгов и на порядочное содержание заводов и прочего хозяйства", владелица могла пользоваться только пожизненно. После смерти Варвары Александровны в случае, если Елизавета Борисовна не возвращалась в Россию, не только она, но и ее дети от брака с Арембергом отстранялись от наследства. Если же дочь возвращалась, то могла пользоваться доходами "на том же основании, как матери ее сказано". Дети молодой княгини могли сохранить право на наследство лишь в том случае, "ежели они прежде пятилетнего возраста в Россию привезены и в православном восстановлены... законе нашем, а не в иной вере воспитаны будут". "В противном случае, – пригрозила императрица, – имение сие да будет обращено в род, кому по законам следует"⁴⁴⁰.

Уже 3 апреля Сенат издал указ об опеке, но избрание опекуна оказалось делом далеко не простым. Вначале таковым был назначен генерал-поручик князь М. М. Голицын. Но он подал прошение об "отрешении" от этой обязанности в связи с тем, что был мужем родной сестры Варвары Александровны Анны, с которой у Шаховской возникали нередко земельные споры по смежным владениям. "По силе этих обстоятельств, – писал Голицын, – невозможно мне избежать непрестанного нареkania". Сенат признал справедливыми доводы князя, отрешил его от опекунства и назначил вместо него сенатора тайного советника М. В. Дмитриева-Мамонова. Тот, однако, тоже отказался из-за отсутствия времени "по многочисленным своим обязанностям". "Имение княгини Шаховской, – писал он, – находится в Пермском наместничестве и обременено многими короне и партикулярным людям разными долгами и требует свободного человека". Наконец 20 декабря 1792 г. кандидатура опекуна была найдена в лице генерал-майора Б. А. Загряжского, тоже родственника княгини по матери, но "незаинтересованного". Именно он и осуществлял общее управление всеми имениями Шаховской (включавшими, кроме Пермского, вотчины в Вологодском, Нижегородском, Екатеринославском и Тверском наместничествах, а также дом в Москве на Тверской улице) в течение всего времени дворянской опеки. Первоначально управление на местах предполагалось поручить губернским опекам, но

29 августа 1793 г. Борис Александрович “испросил единственного [без участия исправников и опеки] управления Пермским имением, дабы мог [сам] к производству работ беспрепятственно распоряжаться людьми”. 15 декабря Сенат разрешил ему “распоряжаться всеми имениями беспрепятственно... а отчет давать той опеке [первоначально их было три], коей по близости за удобное признает”⁴⁴¹.

От мужа княгини Бориса Григорьевича Шаховского, прежде управлявшего имением, Загряжский получил реестр ее долгов, по которому оказалось, что имения состояли в залоге в Московском Опекунском совете за 223 тыс. руб., а “партикулярные” долги достигали 302 785 руб. Годовые выплаты процентов по этим долгам равнялись 28,5 тыс. руб. Кроме того, 55 тыс. руб. ежегодно передавались семье владелицы (княгиня получала 30 тыс., ее муж – 10 тыс. и дочь – 15 тыс. руб.) и 5350 руб. – нескольким родственникам и “пенсионерам” Шаховских. Доход же с имения достигал тогда 120–130 тыс. руб. На уплату долгов, таким образом, оставалось от 30 до 40 тыс. руб. Уведомленный опекуном об этом расчете, Сенат приказал сохранить все выплаты, за исключением доли Елизаветы Борисовны. “Сумму дочери, доколе пребывание ее за границей продолжится, получать не должно”, – было указано 7 апреля 1793 г.⁴⁴²

Видимо, предпринятые властями меры вынудили Шаховских “одуматься”. В 1794 г. новый указ императрицы предписал Синоду расторгнуть брак Елизаветы Борисовны, “только ее обременяющий и... вступить в новый, роду и состоянию ее приличный”. После возвращения в Россию княжна влюбилась в своего дальнего родственника действительного статского советника и действительного камергера князя Петра Федоровича Шаховского и в 1795 г. против воли матери вышла за него замуж. Но и этот ее брак оказался недолгим: в 1796 г. Елизавета Борисовна скончалась, предположительно “отравив себя ядом”⁴⁴³. Вернулась на родину и Варвара Александровна. Поскольку инцидент, приведший к установлению опеки, был исчерпан, 25 апреля 1797 г. Павел I повелел опеку снять и “то имение отдать ей, княгине Шаховской, в полное по прежнему владение и распоряжение”. Через месяц “довольная” княгиня информировала Сенат о том, что “все имение в управление мое от Загряжского отдано весьма в избыточном состоянии с верным и совершенно исправным отчетом в собранных по управлению его тем имением доходах”⁴⁴⁴.

С этого времени и до своей кончины княгиня В. А. Шаховская более не испытывала судьбу и сохраняла свои владельческие права на родовое имение. Она поселилась в Москве в собственном доме на Малой Никитской, откуда руководила своими обширными владениями. Княгиня основательно занялась заводами, издав в 1805 г. подробные “правила по управлению”, состоявшие из более сотни параграфов. По сведениям за 1821 г., к этому времени значительно выросли доходы имения, достигшие 1464 тыс. руб. асс. (в том числе от продажи 900 тыс. пуд. соли поступило 594 тыс., от проданных купцу Шемякину по 150 тыс. пуд. железа за 1819–1821 гг. – 620 тыс., “вотчинные доходы” – оброк с крестьян – составили 250 тыс. руб.). За вычетом расходов на действие заводов и промыслов (664 тыс. руб.) княгиня предполагала получить до 800 тыс. руб. прибыли. Правда, за это же время значительно выросли и долги владелицы. Новые залогов в Опекунском совете увеличили “старый” долг до 474 321 руб. Были также взяты два кредита в Заемном банке на 152 615 руб. До 1 898 270 руб. возросли частные долги (35 русским и иностранным кредиторам), наиболее крупным из которых (1,5 млн руб.) являлся частный залог трети

крепостных у родственников Голицыных. Кроме того, до 400 тыс. руб. “висело” на Пермском вотчинном правлении. Общая сумма всех долговых обязательств достигала 2,9 млн руб., одни процентные выплаты по которым составляли в год около 220 тыс. руб.⁴⁴⁵

Однако при предполагаемой прибыли в 800 тыс. руб. эти выплаты не казались княгине столь уж обременительными. В своем завещании, составленном 5 июня 1821 г., 72-летняя заводчица писала, что оставляет наследнице свое имение “не обремененным излишними долгами и не расстроеным, но приведенным в возможное благоустройство”. “Доказательством тому, – считала Варвара Александровна, – могут служить прежние и нынешние доходы мои: прежний, до 1817 г. бывший, составлял... от 400 до 500 тыс. руб., а ныне простирается до 800 тыс. и при том крестьяне противу прежнего облегчены”. В этой связи в своем завещании княгиня решила отблагодарить “находившихся при ней в разных должностях крепостных и свободных людей”. По свидетельству князя И. М. Долгорукова, она была чрезвычайно доброй женщиной, “одаренной превосходными качествами сердца, умевшей добро творить прямо по Евангельскому слову без чванства, укоризны и провозглашения”⁴⁴⁶. Как бы в доказательство этих слов в завещании Шаховская писала, что крепостные “имеют полное право на мою признательность, изъявление которой должно состоять ни в одной словесной похвале или благодарности, но и воздаянии таком, которое было бы сопряжено с их выгодами”. В результате 50 служащих “при Санкт-Петербургском доме и загородной даче” получали каждый от 360 до 6 тыс. руб. единовременных пособий на общую сумму 77 310 руб. Многие из них получили еще и вольную. 13 630 руб. были назначены “в ежегодный пенсион” беднейшим из них и пяти пансионеркам Екатерининского института. Управляющий Петербургской конторой коллежский советник Киреев награждался купленным княгиней “местом” в городе “со всеми строениями”. По завещанию и дополнению к нему значительные денежные вознаграждения получили духовник княгини протоиерей П. В. Криницкий, доктор К. Симпсон и дети “покойной докторши” Терезии Парис “в память одолжения и дружбы”. В их же пользу обращался 135-тысячный долг графа Д. А. Зубова. Были также частично прощены долги племянниц княгини С. И. де Местр и Е. И. Загряжской (250 тыс. руб.). Варвара Александровна просила похоронить ее “со всевозможною простотой, без всякой пышности” на Охтенском кладбище “возле покойной дочери моей и госпожи Парис”⁴⁴⁷.

Главное же свое достояние – имения и, в первую очередь, Лысьвенские заводы и Пермские соляные промыслы – В. А. Шаховская передавала своей основной наследнице – “милой” внучке княжне Варваре Петровне (единственной дочери Е. Б. и П. Ф. Шаховских). Ко времени получения наследства та уже была замужем (с 1816 г.) за генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом графом Павлом Андреевичем Шуваловым и имела двух малолетних сыновей Андрея и Петра.

29 октября 1823 г. кавалерственная дама княгиня В. А. Шаховская скончалась. Через месяц Петербургский уездный суд слушал прошение Варвары Петровны Шуваловой о передаче ей, как единственной наследнице, имений умершей бабки. Кроме четырех Лысьвенских заводов, соляных промыслов и 15 сел “со многими слободами, деревнями и починками” в Пермском, Кунгурском, Оханском и Соликамском уездах Пермской губернии в состав наследства входили вотчины в Нижегородской губернии (с. Гордеевка и деревни Ратманиха и Митина), деревянный дом в Нижнем Новгороде и каменный в Петербурге (№ 201 в 4-м квартале Адмиралтейской части). Как следует из определения суда, графиня “считала необходимо нужным войти без отлагательства времени во

владение... дабы... течение всех вообще дел по горной и соляной части, а равно и по всему хозяйству ее не остановилось и чрез то не могло последовать ни казне, ни ей какого-либо убытка". Она представила свидетельства 11 "знатнейших особ" (среди которых были князя П. В. Лопухин и Н. Л. Шаховской, графы М. А. Милорадович, Ю. П. Литта, И. В. Чернышев и М. М. Сперанский) о ее происхождении. Удостоверение влиятельных родственников и покровителей графини было признано "достаточным доказательством" и 26 ноября 1823 г. суд утвердил ее в правах владения наследством В. А. Шаховской⁴⁴⁸.

Еще 31 октября в вотчинное правление ушло первое предписание Варвары Петровны, "чтоб обо всем, касающемся до... имения и хозяйства в оном относиться ко мне на том же основании, как то было при жизни покойной княгини". "В заключении сего, – писала новая владелица, – обязанностью считаю уверить всех и каждого, в имении моем находящегося, что предположив следовать в точности добродетельным ее правилам, я буду иметь одно и то же желание, чтобы подвластные мне наслаждались возможным благодеянием, оставаясь в полной надежде, что члены сего Правления не оставят содействовать мне в том всеми силами и всеми зависящими от них способами. Труды их и попечение в сем похвальном и богоугодном деле будут в особенном моем внимании и никогда без воздаяния не останутся". Чувствуется, что намерения графини были самые серьезные. Воспитанную в доме бабушки княгини Варвары Александровны, ее с детских лет приучали к аккуратности и бережливости. В архиве сохранился "Журнал расходов Вареньки", датированный 1800 г., с детскими записями 5-летней княжны⁴⁴⁹. Позже, уже взрослой, она по-прежнему вела тщательный учет расходов и требовала того же от приказчиков. Именно поэтому первоочередной своей обязанностью графиня считала воспитание преданного управленческого аппарата.

Так, в ноябре она отчитала приказчиков за уменьшение хлебного оброка с вотчинных крестьян, предписанного еще бывшей владелицей. "Оно не может быть принято в уважение, – решила Варвара Петровна, – потому что выковка железа нисколько противу штата не уменьшена, а следовательно повинности подзаводских крестьян остались одни и те же". Тем не менее, она согласилась "оставить сделанное распоряжение в силе", но предупредила правление "впредь в подобных случаях не иначе распоряжаться, как с утверждения моего". Тогда же, внимательно просмотрев заводскую отчетность, она обнаружила значительно большую выковку "несходного" железа на Бисерском заводе по сравнению с другими предприятиями округа. "Желаю знать, – потребовала владелица, – истинные причины столь значительной несоразмерности в количестве несходного железа" и повелела доставить ей "обстоятельные о том сведения"⁴⁵⁰. Так, несколько демонстративно, но бойко и уверенно, начала свое управление Пермским имением 27-летняя графиня В. П. Шувалова, урожденная княжна Шаховская.

Но семейное счастье, видимо, не было ей предначертано. 1 декабря неожиданно скончался "любимый супруг" Павел Андреевич. Овдовевшая графиня оказалось в сложной ситуации. Теперь на нее ложилось бремя ответственности за имения не только свои, но и покойного мужа (включавшие, помимо вотчин, винокуренные заводы), основными владельцами которых становились ее малолетние сыновья. Варвара Петровна обратилась к императору с просьбой учредить попечительство над всеми унаследованными имениями, "отрекаясь со своей стороны от права продажи и залога". 12 декабря 1823 г. Александр I повелел "во внимание к отличному усердию и заслугам покойного генерал-адъютанта графа Шувалова и по прошению оставшейся после него вдовы... дабы

охранить и упрочить достояние малолетних детей их, для совокупного управления имениями, как оставшимися после покойного, так и дошедшими по наследству его супруге, учредить особое Попечительство с утверждением особых для этого правил”.

Тем же указом попечителями были назначены, помимо самой Варвары Петровны, высокопоставленные государственные деятели тайные советники М. М. Сперанский и А. З. Хитрово, а также полковник Кулеваев, “находившийся при графе Шувалове”, и управляющий имениями графа коллежский ассессор Василевский. 2 сентября 1824 г. были утверждены правила для Попечительства. В соответствии с ними главной обязанностью попечителей становилась “окончательная ревизия местных отчетов контор по управлению имениями”. Ежегодные отчеты “по употреблению доходов и платежу долгов” предоставлялись попечителями на утверждение Правительствующему Сенату. Долги, которые лежали на имениях Шуваловых, предполагалось уплачивать как “поставками из собственных [шуваловских] заведений производимых”, так и путем займов в казенных местах и у частных лиц с залогом и без залога имущества⁴⁵¹.

Решив таким образом свои хозяйственные дела, вдова отправилась за границу. В основном она проживала в Швейцарии, где имела виллу на берегу Женевского озера. По свидетельству Д. Н. Свербеева, встречавшегося там с графиней, “милая эта женщина, чрезвычайно робкая и застенчивая, вменяла себе в общественную обязанность быть для всех гостеприимной, хотя видимо тяготилась приемами у себя два раза в неделю, на обед и на вечер, всего русского общества, а иногда и французов”⁴⁵². Возможно, на одном из таких приемов она познакомилась со швейцарцем графом Адольфом Антоновичем Полье, за которого в 1826 г. “по страстной любви” вышла замуж. Памятуя историю первого супружества матери, Варвара Петровна из Пизы предварительно попросила согласия на брак у императора. В своем письме она передала также просьбу своего жениха принять российское подданство и поступить “в распоряжение императора”. Николай I оказался более сговорчив, чем его бабка Екатерина. Он любезно пожелал графине “найти в новой связи все счастье, которое она надеялась получить”, а графу Полье обещал “с удовольствием” согласиться на его личное прошение о царской службе. “Идя таким образом навстречу вашим желаниям, – писал император, бывший в курсе дел с имениями графини, – ...вы несомненно оцените мотивы, которые должны быть в равной степени священны для нас... Обстоятельства, в которых вы сейчас находитесь, не привели пока ни к каким изменениям в вашей материнской заботе о счастье ваших детей, которую вы внушали и которая была формально одобрена по вашей просьбе покойным Императором”⁴⁵³.

Благосклонность царя и его намеки на желательные перемены в “заботе о счастье детей” были приняты и поняты графом и графиней Полье. Супруги вернулись в Россию, где Адольф Антонович принял подданство и был пожалован в камергеры, а затем церемониймейстеры. Варвара Петровна тогда же решила “отрешиться” в пользу сыновей Андрея и Петра от своей $\frac{1}{3}$ доли наследства первого мужа и сосредоточиться на управлении собственными имениями. “По возвращении из чужих краев, – сообщалось в царском указе от 28 ноября 1827 г., – она нашла дела свои в совершенном порядке, отнеса сие особенным трудам попечителей”. Заводы действовали довольно стабильно, производя в год до 250 тыс. пуд. чугуна и 160 тыс. пуд. железа. В 1825 г. в даче Бисерского завода начали действовать Крестовоздвиженские золотые промыслы.

По прошению графини Попечительство над ее имениями было отменено и они предоставлены “в непосредственное ее распоряжение”. Над имением детей учреждалось новое Попечительство, составленное из матери и двух членов, одним из которых по тому же указу был вновь назначен М. М. Сперанский. Помимо прежних обязанностей, установленных правилами 1824 г., это Попечительство должно было выделять в распоряжение Варвары Петровны по 50 тыс. руб. ежегодно “на содержание детей”. 20 декабря Сперанский уведомил Горный департамент о прекращении действий прежнего Попечительства. “Прошу, – писал он, – чтобы о всех делах, какие будут касаться до графини Полье, относиться непосредственно к ней”⁴⁵⁴.

Возобновление “хозяйственного управления” Лысьвенскими заводами сопровождалось активным поиском новых займов под залог населенных имений. Варвара Петровна пыталась получить их в Заемном банке, в Министерстве финансов и у своих родственников князей Голицыных, у которых тогда в залоге за ссуду в 1,2 млн руб. находились 4914 рев. д. ее пермских вотчин. В 1829 г. энергичная заводчица сумела получить министерский кредит в 370 тыс. руб. и перезаложила крестьян у Голицыных еще на четыре года⁴⁵⁵. Другим “направлением” деятельности владелицы стало упорядочение вотчинного управления и сокращение расходов по нему. В этом важном, но, вероятно, сложном для светской дамы деле она нашла заинтересованного и ответственного помощника в лице своего мужа.

Именно к нему после ликвидации Попечительства адресовались донесения из Правления Пермского имения, располагавшегося в селе Верхне-Мулинском; он вел деловую переписку с вотчинами и Горным департаментом и даже приезжал на Урал летом 1829 г., сопровождая на заводах жены А. Гумбольдта. В мае того года графиня известила управляющих, что Адольф Антонович “при проезде своем по частям имения моего займется установлением порядка, где такового нет”. Главным образом “наведение порядка” коснулось тогда заводской и промысловой отчетности, изрядно устаревшей с 1805 г. и запущенной во время Попечительства. Ее состоянием графиня была очень недовольна. “Следовало бы более соединить подробность с краткостью” в отчетах, желала она, и уж, конечно, вовремя доставлять их в Петербург. Не получая своевременно сведений о производительности заводов, Варвара Петровна отчитывала приказчиков за то, что должна была “по небрежению моих служителей подвергаться понесению неисправной плательщицы [горных податей] противу казны, с коей имею немаловажный, по соляным промыслам моим, оборот”⁴⁵⁶.

Полностью с женой был согласен и сам граф. “Благий порядок во всех делах, ревностное исполнение приказов моих или согласие интересу доходов... суть те надежды, коими я лишьщу в отношении служителей и супруге моей подвластных людей, – писал он накануне своей поездки. – Отдаленное наше местопребывание от Пермских и Нижегородских имений тем наиболее должно поощрять служащих не токмо похвальными своими действиями заслуживать наше одобрение, но равномерно в том представлять доказательства, отвращающие всякое сомнение, дабы нам узнать достойных внимательности нашей. Неотлагательная и исправнейшая подача отчетов по всем частям одного имения есть лучшее для того средство, почему мною и предписаны формы счетоводству и накладным по караванному действию”⁴⁵⁷.

На Урале прагматичный граф составил инструкции главному управляющему, заводским и промысловым приказчикам и их помощникам, приказал привести в порядок архив, “чтобы все дела были под номерами и по описи разделены, подобраны и подшиты в стопки”. Он фактически отменил заготовку и выдачу “одежных и харчевых припасов на счет графини”. “Служащие и ремесленники, – считал граф, – должны удовлетворяться наличными деньгами, следующими по службе и зарботке”, и все те припасы заготавливать сами “от вольных покупателей”. Желанию сократить расходы были подчинены и его решения “не производить никому в переход выдачи денег”, а также раздать желающим господские пашни и мукомольные мельницы “для оброчного содержания”. Особое внимание Адольф Антонович уделил новой и весьма доходной золотоплатиновой отрасли, пригласив в качестве управляющего приисков опытного специалиста – горного инженера Ф. Ф. Шмидта. На Крестовоздвиженские промыслы им были переведены вотчинные крестьяне и даже мастеровые с Бисерского и Кусье-Александровского заводов. Граф приказал выдавать переселенцам по 25 руб. на семейство и в течение 3–5 месяцев – по 30 коп. в сутки “сверх зарботки”. В том же году при промывке песков на Адольфовском прииске мальчик Павел Назаров сын Попов нашел “небольшой камышек” (алмаз), который, по словам графини, “по открытию в Российской Империи должен считаться первым”. Владелица послала ему отпускную и 50 руб.⁴⁵⁸

В ту поездку граф Полье проинспектировал также Нижегородское имение жены и пытался упорядочить сложную транспортную отчетность. Но, вернувшись в Петербург, Адольф Антонович серьезно заболел. В ноябре 1829 г. контора сообщала, что “граф нездоров, а графиня бумаг не рассматривает”⁴⁵⁹. В марте 1830 г. она надела траур по второму мужу. “Неутешная вдова” (именно так характеризуют очевидцы ее состояние после похорон) уединилась в обширном шуваловском имении Парголово под Петербургом. А. С. Пушкин сообщал тогда своей невесте Н. Н. Гончаровой: “...графиня Полье почти сумасшедшая; она спит до шести часов вечера и никого не принимает”⁴⁶⁰. Вскоре вместе с детьми она выехала за границу, где имела собственные виллы в Париже и Оливуцце. На управление вотчинами и заводами графиня оставила доверенность бывшему начальнику Гороблагодатских заводов обер-бергмейстеру А. Ф. Мейеру.

Видимо, в 1834 г. Варвара Петровна вновь стала невестой, а через два года в третий раз вышла замуж за англичанина Георгия (Джорджио) Вильдинга, унаследовавшего от первой умершей жены сицилийский титул князя ди Бутера-Радоли (di Butera-Radoli). С 1835 г. он исполнял обязанности чрезвычайного посланника Королевства Обеих Сицилий в России. Намереваясь жениться, князь обещал “оставить жену в православной вере”⁴⁶¹. Княгиня (в России ее новая фамилия чаще всего писалась как Бутеро-Родали) вновь жила в Петербурге на Английской набережной. Главное управление ее имениями находилось по соседству – в доме Шуваловых на Галерной улице. Поскольку по долговым и окладным книгам Уральского Горного правления Лысьвенские заводы не имели в то время недоимок, в декабре 1837 г. царь разрешил владелице совершить залог имения в Государственном Заемной банке на 37-летний срок. Целью залога являлась выплата все тех же долгов, лежащих на имениях княгини. Да и великосветская жизнь в Петербурге в новой роли жены посланника требовала больших затрат. К тому времени при четырех заводах и золотых промыслах Бутеро числилось 6818 рев. д. крепостных и 548 265 дес. земли. 20 августа 1838 г. они ушли в залог за 1 193 900 руб. асс. В тот же день 9696 из 10 298 рев. д. вотчинных крестьян пяти уездов Пермской губернии были заложены за 1 939 200 руб. Владелица брала на себя

обязательства не переселять крестьян, не отчислять их земли, а в случае “неисправного платежа” банковского долга соглашалась на продажу заводов “на общих правилах с представлением только льготного времени для уплаты долга”⁴⁶².

От продажи заводы удалось уберечь, но в 1839–1840 гг. владелице довелось пережить неприятные события, когда в ее Пермском имении произошли “неповиновения” крепостных. Главными их участниками стали вотчинные крестьяне, временно (три раза в году) посылавшиеся на Крестовоздвиженские золотые промыслы (расположенные в 300 верстах от центра вотчины) для выполнения вспомогательных работ. Условия их труда, как выяснилось в ходе следствия, действительно оказались тяжелыми, хотя на промыслах были построены казармы, заготовлены достаточные запасы провианта в хлебных магазинах, госпиталь находился “в отличном порядке”. Главным виновником волнения был признан наемный управляющий Граубе, который “не понимал быта русского крестьянина”, был груб с рабочими и мало заботился об их нуждах. Техническое устройство промыслов оказалось запущенным и, по свидетельству пермского берг-инспектора полковника П. И. Порозова, “весьма не соответствующим ни пользе производства, ни удобству рабочих”⁴⁶³.

Хотя работы на приисках оставила только часть крестьян княгини, недовольство, по-видимому, было общим. Когда 700 взбунтовавшихся крестьян пришли в Пермь, то в случае, если бы вице-губернатор не поверил их жалобам, они хотели кричать, что “все 17 тыс. душ нашей княгини будут жаловаться Государю”. В том же духе высказался и проводивший следствие жандармский подполковник Коссинский. “Из всех помещичьих имений в Пермской губернии, – рапортовал он А. Х. Бенкендорфу, – крестьяне княгини Бутеро беднейшие и более других обложены работами при недостаточном содержании, как напротив с ними смежные крестьяне князей Голицыных и господ Лазаревых пользуются изобилием”. Только с улучшением содержания крестьян, считал он, можно было надеяться, “что своеволие их совершенно прекратится”. Это и произошло, когда главноуправляющим Мейером были повышены платы рабочим в дополнение к репрессивным мерам пермского губернатора⁴⁶⁴.

Сообщенные княгине вышеприведенные оценки состояния крепостных, естественно, ее не порадовали и, возможно, послужили одной из причин разочарования и отхода от детального участия в управлении. Муж-посланник не оказался таким же деятельным помощником жены, как граф Полье, хотя некоторое участие в заводских делах он все-таки принимал. Так, в 1841 г. князь Бутеро прислал Мейеру 34 чертежа, “изображающих приборы, в которых нагревается воздух для действия доменных печей, вагранок, кричных, слесарных, кузнечных и колотушечных горнов”. Эти “приборы” уже применялись на многих европейских заводах, а потому, считал князь, чертежи могли помочь в освоении передового опыта на Урале. Копии чертежей Мейер предложил распространить по казенным и частным заводам “для ознакомления с этим полезным открытием”. С их помощью, в частности, производились опыты по сбережению топлива на Юговских заводах (в то время находившихся в казенном управлении), а также на самих заводах княгини⁴⁶⁵.

В тот же 1841 г. ее вновь настигли семейные беды: умерли отец князь П. Ф. Шаховской и муж князь Бутеро-Родали. По наследству Варваре Петровне достались имения отца в Смоленской, Нижегородской, Саратовской и Московской губерниях (всего 4573 рев. д.) и, видимо, перешедшие ему в свое время имения жены и тещи в Смоленской, Минской, Нижегородской и Таврической губерниях (всего 1194 рев. д.), а также каменный дом в

Петербурге и дача на Аптекарском острове. Но все это богатство не могло утешить осиротевшую вдову, поскольку находилось под залогом в Опекунском совете. Мало того, доходы от имений (107 тыс. руб.) не покрывали даже ежегодных выплат процентов по залога и частным долгам отца (172 тыс.), так что 65 тыс. руб. наследница должна была выплачивать из собственных доходов по заводам и промыслам⁴⁶⁶.

Потеряв третьего мужа, Варвара Петровна летом 1846 г. вновь (и, по-видимому, навсегда) покинула Россию. Она путешествовала по Европе, жила во Франции, Италии, Швейцарии, Германии и, по свидетельству современников, вновь везде собирала вокруг себя соотечественников, помогала нуждающимся. Долгие годы ее компаньонкой была больная сестра декабриста В. К. Кюхельбекера Юлия. Обязанности “уполномоченных доверенных” княгини в России выполняли Ф. А. Дружинин, В. М. Харьковцев и действительный статский советник А. Ф. Веймарн, прежде арендовавший Омутнинские заводы Г. И. Осокина. Лысьвенские заводы в то время действовали довольно стабильно, выделявая в год до 200 тыс. пуд. кричного и пудлингового железа, и, по оценке Горного правления, входили в разряд лучших на Урале⁴⁶⁷.

В конце 1850-х гг. княгиня стала привлекать своих повзрослевших сыновей к делам по имениям. Следя за событиями на родине, в июне 1858 г. из Баден-Бадена мать поручила старшему сыну флигель-адъютанту графу Андрею Павловичу Шувалову вместо нее участвовать в деятельности губернских комитетов по крестьянским делам, “соблюдая пользы мои в мере, допускаемой законом и обстоятельствами”. В апреле и декабре 1859 г. уже из Парижа Варвара Петровна доверила ему же “в случае надобности давать крепостным людям моим Пермской губернии от имени моего освобождение вечно на волю”. Примерно тогда же младший сын камер-юнкер граф Петр Павлович Шувалов получил от матери доверенность на управление ее российскими вотчинами “в случае смерти Веймарна”. “Находясь за границею, – писала “любящая мать”, – я нужным сочла просить Вас... заступить по делам и имениям моим его место” и обещала принятым сыном или его доверенным лицом решениям “ни в чем не прекословить”⁴⁶⁸.

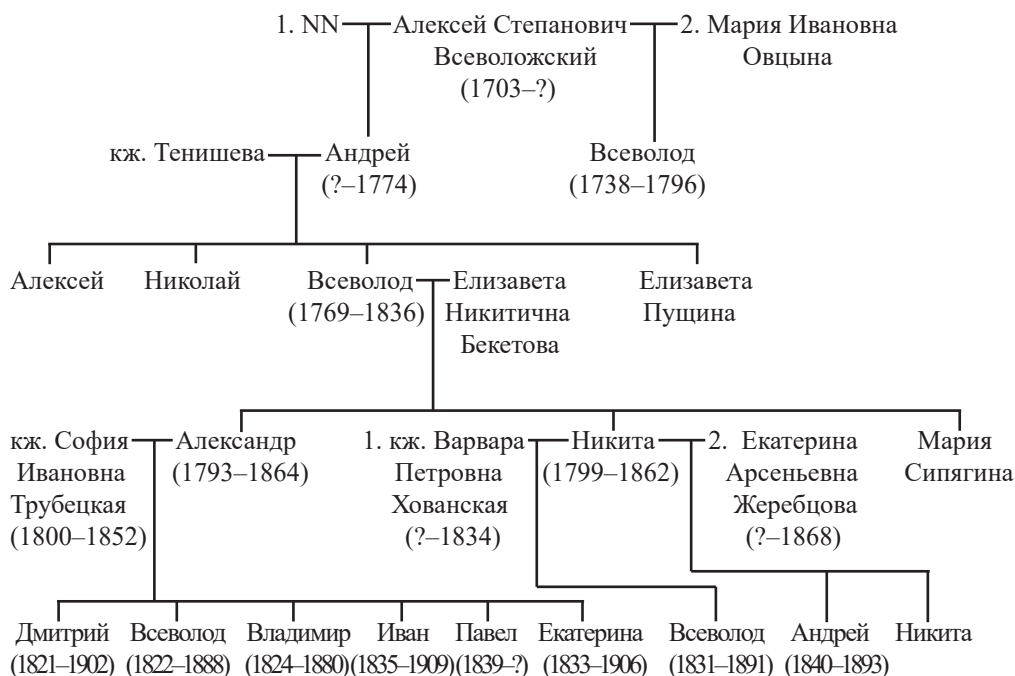
Вполне закономерным “заключительным аккордом” более чем 40-летней и все более “отстраненной” истории владения В. П. Бутеро-Родали уральскими заводами и промыслами стали “предварительный домашний акт” 1864 г. и завещание, составленное 1 июня 1865 г. в Париже. Первым документом она передавала “в дар” сыновьям Пермское родовое имение “в полное и вечнопотомственное владение”. В соответствии с составленным 26 апреля 1864 г. “раздельным актом” А. П. и П. П. Шуваловы поделили его на две части. В первую, доставшуюся Андрею Павловичу, вошли Юго-Камский завод и Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы с земельными “дачами” площадью 440 400 дес. (включая “земли единственного и общего владения” и исключая наделенные земли временнообязанных крестьян). Во вторую часть Петра Павловича вошли Лысьвенский, Бисерский и часть Кусье-Александровского завода, а также Крестовоздвиженские золотые и платиновые прииски и 496 156 дес. земли. За собой княгиня оставила только выкупные ссуды бывших крепостных крестьян.

В завещании Варвара Петровна еще раз подтвердила условия “домашнего акта”, передав сыновьям и все свое движимое имущество, заключавшееся в наличных деньгах, российских и заграничных “государственных бумагах”, “билетах” разных банков и банковских домов и долгах от разных лиц. В “равный раздел” сыновей был также отдан дом княгини в Париже (в предместье Сент-Оноре, 45; дома в Петербурге были переданы

А. П. Шувалову еще раньше); невесткам она завещала свои драгоценности и кружева, а внукам – “французские 3 % ренты”. Ценные бумаги, крупные суммы денег и пенсии были назначены к выплате нескольким близким людям (включая У. К. Кюхельбекер) через маркиза Спедалотто в Палермо и банкирский дом барона Ротшильда в Париже⁴⁶⁹.

Распорядившись таким образом своим немалым достоянием, Варвара Петровна доживала последние годы за границей. Она скончалась 24 декабря 1870 г. в небольшом швейцарском городе Вебе и была похоронена на русском кладбище в Висбадене. “Варвара Петровна прожила долгую и наполненную удивительными событиями жизнь. Трижды она выходила замуж и трижды становилась вдовой, была несметно богата, известна в свете, пользовалась особым расположением царской семьи. Тем же, кто знал ее, запомнилась как чрезвычайно робкая и застенчивая, добрая, радушная и гостеприимная милая женщина”, – пишет об уральской заводовладелице петербургский историк М. В. Вершевская⁴⁷⁰. Добавим от себя, что Варвара Петровна Бутеро, как и ее бабка Варвара Александровна Шаховская, относились к очень немногим женщинам высшего света, не чувравшимся “испачкать руки” управлением собственными, да к тому же промышленными, вотчинами. Правда, получалось это у них со всеми присущими такому “женскому” типу администрирования достоинствами и недостатками.

7. Всеволожские

Древний русский дворянский род Всеволожских, по преданию, происходивший от смоленских князей, вошел в состав уральских заводчиков, когда сенатор Всеволод Алексеевич Всеволожский в 1773 г. купил у наследников барона С. Н. Строганова часть пермских вотчин вместе с Пожевским заводом и соляными промыслами. По завещанию владельца, умершего холостым в 1796 г. (завещание было “явлено и утверждено” 5 ноября 1796 г.)⁴⁷¹, все его состояние перешло во владение племянника ротмистра лейб-гвардии конного полка Всеволода Андреевича Всеволожского. Полученное наследство, видимо, не вызвало особого восторга у нового владельца: имение было обременено “немалыми казенными и партикулярными долгами” (по некоторым данным, достигавшими 1372 тыс. руб.), да и сам переход власти сопровождался волнением вотчинных крестьян, не желавших признавать нового господина⁴⁷².

Все это предопределило учреждение с 26 января 1797 г. над имением Всеволожского опекунского управления. Сам же Всеволод Андреевич стал просить власти купить “железный завод и соляные варницы с крестьянами” в казну. Как сообщал опекун А. В. Алябьев, по царскому повелению Берг-коллегии и Главной соляной конторе было предписано “собрать справки о состоянии того имения”. Но, видимо, не исключался и другой вариант: залог имения во Вспомогательном банке. Он и осуществился. Из банка было получено “вспоможение на уплату объявленных долгов”. В сенатском указе от 10 июня 1799 г. сообщалось, что в этой связи опекун “просил помянутое имение в казну не покупать, а оставить оное во владении Всеволожского”, что и было сделано⁴⁷³.

В Пермском имении сразу же начались серьезные перемены. Его центр переместился из Нового Усолья в Пожевский завод, что свидетельствует о желании владельца и опекунов усилить роль металлургического комплекса в многоотраслевом вотчинном хозяйстве. Одновременно происходило его расширение и обновление. Освидетельствованный в 1798 г., Пожевский завод оказался “ветхого деревянного строения и... требовал разных поправок”. Осматривавший его в 1815 г. советник Горного правления Веселков обнаружил совсем иную картину. Прежние ветхие корпуса были заменены большей частью на каменные, вновь построены “печи и машины”, плотина “приведена в надлежащее и прочное укрепление”. В 1798 г. было завершено начатое еще прежним владельцем строительство железоделательного Елизавето-Пожевского завода. На следующий год Всеволод Андреевич просил Берг-коллегию разрешить ему строить новый чугуноплавильный и железоделательный завод на реке Лытве “по изобретению профессора технологии Страссбургской и Безансонской Академии Франца Гаттенбергера”. Хотя решение о строительстве Александровского завода затянулось в связи с протестами “соседственных владельцев” Лазаревых, Строгановых, Шаховской и Голицыных, настойчивость Всеволожского свидетельствовала о серьезности его намерений⁴⁷⁴.

Видимо, это и послужило основанием для отмены опекунского управления. В 1802 г. Всеволод Андреевич в прошении на имя Александра I благодарил своих опекунов – тайных советников князя Степана Борисовича Куракина и Александра Васильевича Алябьева – и высказывал желание освободиться от опеки. “По благодетельному их расположению, – писал он, – по опытной деятельности, справедливо сходственной премудрым узаконениям, привели все оное в лучшее состояние и благоустройство, после чего уже не нахожу надобности обременять сих почтенных благодетелей управлением, и будучи преисполнен

благодарностью и найдя все счета и документы в лучшем устройстве, желаю вступить во управление сим... имением". Царским указом от 13 марта 1802 г. опека отменялась, и В. А. Всеволожский становился полноправным владельцем своих вотчин⁴⁷⁵.

В последующие годы он возвел еще четыре новых завода – Марьинский (1804 г.), вскоре слившийся с расположенным в двух верстах Пожевским, комбинированный Александровский (в 1806 г. были пущены две лесопильные рамы, а в 1808 г. построены доменные печи) и железоделательный Никитинский (1811 г.). В 1800 г. была построена пристань на реке Вильве с пильной мельницей, гвоздарной и якорной “фабриками”, которые в 1818 г. вошли в состав железоделательного Всеволодо-Вильвенского завода. Была улучшена разработка Кизеловского железного, четырех медных, нескольких свинцовых и серебряных рудников (некоторые из них находились в общей собственности с другими “пермскими владельцами”), проводились “испытания” на Луньевских каменноугольных копях. К заводам было отмежевано 279 376 дес. земли и лесов, а для “внутренних” работ задействовано 3135 рев. д. крепостных, в помощь которым “для исправления зимних перевозок” наряжались вотчинные крестьяне “с переменою”. На все устройство заводов и рудников, по подсчетам Веселкова, Всеволод Андреевич затратил 1 804 571 руб. Обновленное хозяйство приносило в год до 667 тыс. руб. дохода⁴⁷⁶.

Высоко оценивалось и техническое оснащение заводов Всеволожского. В том же 1815 г. берг-инспектор П. Е. Томилов сообщал министру финансов, что “устройство... деревянных и каменных фабрик, духовых цилиндрических прессовых и разных машин с различными при них частями расположено в наилучшем порядке и... выплавка металлов, выделка стали, железа, в особенности листового и лакированного, и разных изделий с особенною чистотою по стараниям его, Всеволожского, улучшены и доведены до превосходной степени совершенства”. Никитинский завод и “фабрики” при Вильвенской пристани удостоились особого внимания, поскольку были возведены “вовсе на сухих местах” и действие их происходило посредством “сделанных каналов, чрез кои с помощью изобретенных шлюзов пущена вода из рек довольно больших и судоходных в нарочито сделанные лари”. “Таковое устройство... изобретенное... управляющим заводами Василием Воеводиным... – отзывался берг-инспектор, – во всех заводах Хребта Уральского есть первое и воды на действие столько изобильно, что ни в каком случае недостатка быть не может”. Он даже предлагал рассматривать заводы Всеволожского как пример “к поощрению других заводчиков, если они пожелают на своих заводах иметь таковые же устройства и машины, облегчающие человеческие силы”⁴⁷⁷.

Для реорганизации заводов Всеволод Андреевич привлекал не только своих талантливых крепостных, но и специалистов в разных областях, в том числе и иностранцев. “Я много у себя имею в службе разных наций наемников”, – сообщал он Горному правлению в 1817 г. Он и сам подолгу жил на заводах (в 1812 г. уехал с семьей в Казань, а затем в Пожву, где жил до осени 1817 г.)⁴⁷⁸ и принимал личное участие в их управлении и технической модернизации. “Всем известно, – продолжал он, – что я непосредственно тружусь для улучшения своих заводов... и сделал... новые преобразования, которые как ныне, так и в будущее время при многих опытах, сопряженных с большими издержками капиталов, были и будут мною производимы”. На заводах Всеволожского была собрана техническая библиотека, которой пользовался и сам заводчик, и приезжие специалисты⁴⁷⁹.

Среди новшеств, которыми увлекался владелец, было, в частности, изготовление стали. В 1814 г. его брат лейб-гвардии капитан-поручик Николай Андреевич Всеволожский извещал Горный департамент, что Всеволод Андреевич, “соображая сведения, почерпнутые им из новейшей теории химии с существующим до сих дней производством обрабатывания железа и стали, старался во все приезды свои на Пермские свои заводы делать для сего разные испытания и, наконец, принужденный ныне удалиться в те заводы по причине истребления домов его в Москве, занимаясь сим делом беспрестанно, после множества трудов и опытов, не малого иждивения ему стоящих, в сем деле совершенно новым достиг желаемого успеха”. По словам самого заводчика, он тогда “достиг изыскания новейшего средства делать катальное листовое железо из чугуна, не переделывая оный в полосы кричными горнами, без водяных машин и угля сжигаемого... так же гвозди и всякого рода изделия, каковые делаются из обыкновенного полосового железа, равномерно из обыкновенного же чугуна лить ножицы и всякого рода инструменты”. “Средство сие, – утверждал он, – не только в России, но даже в тех местах, где искусство делания железа и вещей прежде России возымело свое начало, как, например, в Англии, Швеции и в других землях, и там совсем неизвестно”. Представив в департамент образцы своих изделий, Всеволод Андреевич просил дать ему свидетельство, “дабы кто-либо другой, могущий через рабочих людей, как сие нередко бывает, узнавши оное [изобретение], не мог себе присвоить”, и 10-летнюю “привилегию” на применение нового способа получения железа.

В Горном департаменте серьезно отнеслись к сообщению Всеволожских, поскольку способ “превращения чугуна прямо в сталь посредством цементации” позволял “не только уменьшить великие издержки дров на жжение угля... и вместе с тем вырубку лесов, но избавить даже несколько тысяч рук на железных заводах, употребляемых в кричных фабриках при ковке железа”. Специалистам были известны подобные опыты, проводившиеся во Франции Реомюром и в Петербурге “женевцем” Адемаром в 1808 г. Но поскольку, сообщали они, Адемар отказался ехать на уральские заводы для завершения своих опытов, то “способ превращения чугуна непосредственно в сталь и сортовое железо оставался поныне без усовершенствования”. Стальные куски с заводов Всеволожского в 1815 г. были отправлены на Петербургский монетный двор к Карлу Берду для экспертизы. Оказалось, что сталь “в доброту не только не превосходит аглицкой, но даже не равняется со сталью, делаемой Нижегородской губернии мужиками из железа заводов Н. Н. Демидова”. После такого ответа Всеволожский более не настаивал на предоставлении ему привилегий, которые, по мнению директора департамента Е. В. Карнеева, “едва ли ему следовали”⁴⁸⁰.

Неудача со сталью тем не менее не оттолкнула Всеволода Андреевича от технических экспериментов. Еще одним его увлечением стали паровые машины и строительство первого парохода на Каме и Волге. За его постройку взялся приехавший в 1815 г. на Пожевский завод по приглашению Н. А. Всеволожского инженер П. Г. Соболевский, но отношения с ним у заводчика вскоре испортились. “Два года, – сообщал Всеволод Андреевич в 1817 г., – занимался он стимботами, строя их, перестраивая, перетаскивая с судна на судно паровые машины, котлы... употребляя всех моих мастеровых, уверениями своими обольстя меня, что в Макарьевскую ярмарку, бывшую прошедшего года, все смогут видеть пароход мой, заставил публиковать о том в газетах... но одно только пособие корабельного мастера, выписанного мною из Санкт-Петербурга, собственные мои труды

при переделывании машин, могли позволить хоть не к Нижегородской уже ярмарке, а в Москву ехать мне ныне на пароходе. Выстроенное же Соболевским судно, которое я ему давал для сплития со своим семейством до Перми, хотя крепко и благонадежно, но он не хотел употреблять в избежание стыда по случаю его безобразности”.

Всеволожский очень гордился пароходами, построенными на его заводах и с его участием. В августе 1817 г. он торжественно сообщал о своем “проплывании на двух паровых ботах мимо города Перми”, где специально остановился “на короткое время для удовлетворения любопытных видеть действие паровых машин, мною устроенных, дающих ход судам против течения реки, в первый еще раз в здешних краях показывавшихся”. Правда, судьба этих пароходов оказалась столь же незавидной, что и “стимботов” Соболевского: на обратном пути они попали в ледостав, примерзли ко дну и весной были залиты водой⁴⁸¹.

Строительство заводов, перечисленные и другие “затеи” Всеволода Андреевича привели к накоплению новых значительных долгов. Часть вотчинного имения была заложена в Государственном Заемном банке и Опекунских советах; на Всеволожском, как на поручителе, висел большой долг родственника статского советника И. Огарева, и до 657 тыс. руб. он задолжал княжне М. Голицыной, действительному статскому советнику Г. Розенкампу, коллежскому советнику фон Фоку, барону А. Будбергу, М. Перекусихиной, генерал-майорше Н. Офросимовой, статскому советнику В. Куломзину, купцу Я. Черникову и прочим частным лицам. Кроме того 108 920 руб. состояли с 1815 г. в казенной недоимке по Пожевским заводам. Общая сумма долгов в 1816 г. достигла 1784 тыс. руб. асс.⁴⁸²

“Неоднократные жалобы, приносимые от кредиторов, на медленность в удовлетворении их” привели к тому, что еще в 1809 г. на имение было наложено запрещение, что, как писал заводчик, “остановило чрез то все обороты и расстроило кредит”. Усугубила и без того сложную финансовую ситуацию трагедия в семье брата Алексея Андреевича Всеволожского, которому изменила жена. По оценке Всеволода Андреевича, затянувшееся следствие по этому получившему огласку делу “довершило совершенное фамилии нашей порицание” и расстроило его здоровье⁴⁸³.

Пытаясь выпутаться из долгов, Всеволожский неоднократно обращался к властям с просьбой снять секвестр и “дать ему средство залогом имения в Государственном банке выплатить частные претензии”. Однако различные губернские правления, куда поступали жалобы кредиторов, “чинили в этом препятствия”. Так, Санкт-Петербургское правление, – жаловался Всеволод Андреевич, – “не соблюдая законом положенной осторожности спросить меня, подлинно ли я должен предъявителю претензии... отнеслось в Императорский Опекунский совет и остановило выдачу под залог имения весьма значительной суммы в 300 тыс. руб., ассигнованной для удовлетворения кредиторов в Петербурге”, а Пермское правление “вопреки законов по одному иску накладывает запрещение на сумму гораздо превосходную оной... опечатывает на значительную сумму чугуны и полосовое железо и тем не допускает передела в сорта высших цен”. “Где только сделается известным капитал, мне принадлежащий, – сокрушался заводчик, – выгоду мою останавливают и, подрывая кредит и препятствуя течению дел, лишают меня способа удовлетворить кредиторов”. Учтя эти жалобы, в январе 1817 г. и в марте 1818 г. Сенат отменил запрещения, сделанные губернскими правлениями на недвижимые имения Всеволожского, за исключением тех, которые обеспечивали оставшиеся займы и залогов⁴⁸⁴.

Воспользовавшись этим, Всеволод Андреевич совершил важную сделку с бароном Г. А. Строгановым, владельцем части Новоусольских и Ленвенских соляных промыслов. 13 августа 1819 г. Всеволожский продал ему свою часть промыслов вместе с Огурдинским лесопильным заводом и селами Новое Усолье, Веретинское, Орел-городок в Соликамском и деревней Лекмортовой в Чердынском уезде (561 рев. д.), а также землями по рекам Яйве, Весляны и Лологе. “А взял я, Всеволожский, у него, Строганова, – записано в купчей, – за все вышеписанное имение государственными ассигнациями 1,6 млн руб.”⁴⁸⁵.

Продажа соляных промыслов помогла Всеволоду Андреевичу расплатиться со многими долгами. Более 817 тыс. руб. было возвращено частным кредиторам наличными, другие иски обеспечены имением в Тульской губернии и восстановленным после пожара московским домом, оцененным в 298 тыс. руб. Тем не менее на заводчике оставалось еще около 200 тыс. руб. частных долгов и казенная недоимка, которые были обеспечены секвестрованными металлами. Предполагая совершить новый заем, Всеволожский сам просил берг-инспектора П. Е. Томилова освидетельствовать его заводы и удостоверить, что он может платить долги. Горное правление удовлетворилось тогда состоянием дел и отменило решение губернского правления об учреждении опеки над Пожевскими заводами. Тем не менее получить свидетельство для залога в Государственном Заемном банке он сумел лишь в 1824 г., а сам залог совершить в ноябре 1827 г. Тогда за шесть Пожевских заводов с находящимися при них 8530 рев. д. и 457 рев. д. Сивенской суконной фабрики, Всеволожский получил 2 937 600 руб. асс. с рассрочкой выплаты на 37 лет⁴⁸⁶.

В эти же годы Всеволод Андреевич попытался заняться новой доходной отраслью хозяйства – золотодобычей. В 1825 г. он основал Всеволодоблагодатские прииски в Заозерской даче, расположенной в северной части Верхотурского уезда. Дача эта, купленная его дядей у М. М. Походяшина, в то время находилась в споре с казной и графиней В. П. Шуваловой. Еще в 1817 г. начальник Богословских заводов, граничивших с дачей, объявил спор на эти богатые ресурсами земли, несмотря на то, что уже около 50 лет они принадлежали Всеволожским “на основании законных актов”. Иск поддержал министр финансов Д. А. Гурьев, в результате чего Всеволожский “лишился доходов и многие годы по несообразному ходу правосудия с ним заставлен был томиться в тяжбе”. Только в 1829 г. царь поставил точку на этом затянувшемся деле, когда за владельца заступился влиятельный Н. С. Мордвинов. Адмирал и председатель Департамента гражданских и духовных дел писал в своем “мнении”, что этот, довольно типичный, случай был следствием управления Гурьева, который “взял на себя право быть совокупно управляющим и судьей по всем казенным тяжбыным делам, от какового смещения двух совершенно различных обязанностей потерпело правосудие законный свой ход, а право частной собственности свою непоколебимость”. Оказалось, что сначала министр “являл собой защитника казенного достоинства”, а потом “ходатайствовал за госпожу Шувалову”. “В первом случае, – утверждал Мордвинов, – государственному правителю не надлежало принимать доноса, не подтвержденного никакими законными доводами... а в последнем и того менее – предлагать правильным повод к защите графини Шуваловой, когда законы и обстоятельства дела со всякою разительною ясностью преградили всякое право на иск”. “По всем таковым основаниям, – резюмировал свои соображения адмирал, – я полагаю, что незаконно сделанное к собственности Всеволожского притязание не должно быть продолжаемо судопроизводством; но надлежит оное немедленно оставить и уничтожить,

а Всеволожскому предоставить беспрепятственное добывание золота на праве собственности”. 13 сентября 1829 г. царь утвердил мнение Н. С. Мордвинова, и Всеволод Андреевич смог наконец приступить к разработке приисков⁴⁸⁷.

Однако расстроенное здоровье не позволило ему столь же активно заниматься хозяйственными делами, как прежде. В 1833 г. он фактически удалился от управления, передав его “Высочайше” утвержденному Попечительству по его имениям и делам, которое иногда в документах проходило под именем фирмы “Торговый дом Всеволода Всеволожского”⁴⁸⁸. Через три года камергер Всеволод Андреевич, прозванный в свете “русским Крезом”, умер, оставив все свое состояние, заключавшееся в заводах, рудниках, золотых приисках, соляных промыслах и сельскохозяйственных вотчинах в Пермской губернии, рыбных ловлях в Астраханской губернии и Кавказской области (полученных в качестве приданого жены Елизаветы Никитичны – воспитанницы бездетного Н. А. Бекетова, деверя И. И. Бекетовой, владелицы Симских и Богоявленского заводов), имении в Петербургской губернии и домах в Москве, Нижнем Новгороде, Астрахани и Верхотурье, в общем владении двух своих сыновей – церемониймейстера Александра и егермейстера Никиты.

Братья Всеволожские были известными представителями петербургской культурной “богемы”, любителями литературы, музыки, театра. Александр Всеволодович с детства был дружен с А. С. Грибоедовым. Пушкин называл Никиту Всеволодовича “лучшим из минутных друзей моей минутной молодости”, посвятил ему несколько своих произведений и даже хотел написать роман о роде Всеволожских “Русский Пелам”. В 1819 г. братья основали литературно-театральное общество “Зеленая лампа”, некоторые участники которого являлись членами “Союза благоденствия”. До кончины отца Александр служил в армии, Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел и Почтовом департаменте. Никита после окончания университета служил в Коллегии иностранных дел, при Тифлисском и Виленском военных губернаторах и Главном штабе. В 1836–1837 гг. оба Всеволожских перешли на придворную службу⁴⁸⁹.

После утверждения их наследниками отца Попечительство было сохранено, но действовало с участием владельцев. Однако его деятельность была не настолько эффективной, чтобы и снабжать заводы необходимыми средствами, и выплачивать банковскую ссуду. Наиболее привлекательным способом финансирования заводов по-прежнему казались новые займы. В марте 1838 г. Попечительство получило заем в 592 400 руб. асс. на тот же 37-летний срок под залог 2962 рев. д. вотчинных крестьян Оханского уезда Пермской губернии. Но уже вскоре положение дел потребовало новых, можно сказать, “революционных”, мер в финансовой организации хозяйства. В 1840 г. было принято решение заменить хождение в имении государственных ассигнаций частными бонами. “Наличных денег по мелочам раздавать каждый раз невозможно и не нужно, – сообщалось обескураженным рабочим в приказе владельцев по имению, – но взамен того получать будете за нашей подписью ярлыки, в которых будет обозначено, сколько рублей вы заработали”. За эти ярлыки в заводских магазинах можно было получить “все нужное для себя”, правда, по ценам на 30–50 % выше рыночных. От этого нововведения растерялись не только рабочие, но и сам главный начальник уральских заводов, который в секретном рапорте спрашивал у министра, как ему реагировать на столь необычные действия владельцев и

попечителей. Е. Ф. Канкрин, лучше генерала В. А. Глинка разбиравшийся в финансах, в феврале 1842 г. запретил выдачу ярлыков (хотя под разными названиями они ходили на заводах и приисках еще три года)⁴⁹⁰.

Неудача с бонами не поколебала решимости управляющих найти “внутренние” резервы для увеличения доходов. Тем более что денег перестало хватать не только на расчеты по долгам, но и на выплату горной подати. Поскольку самые крупные казенные займы давались под залог крепостных, причисленных к заводам, было решено изменить “порядок исчисления относительно наименования крестьян”.

Вначале Попечительство решило все 14 317 рев. д., принадлежавших Всеволожским в Пермской губернии, перевести на заводские работы и получить свидетельства на них “для предоставления в кредитные учреждения”. Однако этому воспротивилось Уральское Горное правление, которое посчитало, что в таком случае на заводах окажется недопустимо большое количество “сверхштатных” рабочих. Тогда Попечительство в лице поверенного Г. Ф. Гельма попросило перезаложить заводы на новый 37-летний срок, а за “прибылых” после залогов 1827 и 1838 гг. получить новый заем. Хотя это предложение противоречило нормам Устава кредитных учреждений, царь по рекомендации министра финансов в мае 1842 г. разрешил совершить новую банковскую операцию. “При значительности накопившейся недоимки, не представляется иного средства к пополнению оной, как приступить к продаже заводов, – размышлял Е. Ф. Канкрин. – Но нельзя ожидать, чтобы на столь огромное и притом весьма расстроенное имение сыскалось много покупателей и, следовательно, могла быть предложена за оное соразмерная цена. При том же взятие заводов в казенный присмотр впредь до продажи сопряжено почти всегда с расстройством оных и с новым одолжением денег, то полагаю единственным способом к приведению в исправное положение займов Всеволожских допустить просимый Попечительством перезалог вотчинного имения в Пермской губернии с нового срока по 37-летним правилам с дополнительной ссудой по 10 руб. сер. за душу”⁴⁹¹.

Однако предполагаемый перезалог не потребовался. Личное обращение Н. В. Всеволожского к Николаю I в корне изменило ситуацию. 30 мая 1843 г. сенатским указом по особому “Высочайшему” распоряжению и “в высшем против установленного размере” Всеволожским была выдана баснословная ссуда в 3,5 млн руб. сер. из сохранный казны Санкт-Петербургского Опекунского совета. Ссуда выдавалась на льготных условиях: первые “капитальные” возвратные выплаты начинались только через шесть лет. В ее обеспечение принимались “в совокупный залог” все недвижимые имения Всеволожских, состоявшие в Петербургской, Московской, Пермской, Астраханской и Ставропольской губерниях. Видимо, одним из условий получения ссуды было полное отстранение владельцев от участия в управлении. Во главе его по-прежнему оставалось Попечительство, в состав которого “для ближайшего наблюдения” включался представитель Опекунского совета⁴⁹².

Но формально отстраненные от управления, Александр и Никита Всеволожские, как и прежде, негласно принимали участие в решении важных хозяйственных проблем своего обширного имения. В их ближнем круге было предложено раздробить его на самостоятельные части, которые можно было бы отдавать в аренду. “Силы отдельных капиталистов, – считали попечители, – могут привести обороты и производство в соразмерность с богатством источников и огромностью столь значительного владения, а по миновании срока аренды передать нам с увеличением дохода, чего Попечительство сейчас, при неимении свободных капиталов, никак достигнуть не может”. Куда “уплыли”, за

исключением выплаты долгов по банковским займам, огромные средства, полученные от Опекунского совета, попечители не объяснили (по свидетельству В. И. Немировича-Данченко, отличавшиеся своей расточительностью братья спустили их в Баден-Бадене)⁴⁹³.

Высказанное предположение, по-видимому, привело к мысли о разделе имения между братьями. Во-первых, разделенное имение легче было сдать в аренду; во-вторых, раздел казался целесообразным для предупреждения возможных в будущем споров между наследниками, в числе которых в то время было уже семеро сыновей владельцев.

Осенью 1844 г. для выяснения, каким способом можно осуществить раздел, на Урал приехали Н. В. Всеволожский и инспектор от Попечительства инженер-майор Николаев. Последствия этого приезда оказались весьма существенными. Помимо составления предварительного проекта раздела имения, по словам Никиты Всеволодовича, он сумел тогда воочию убедиться в “зловредных действиях” управляющих и их тесной связи с заводским исправником и Уральским Горным правлением в лице главного начальника В. А. Глинка. Последний, по мнению заводчика, питал к нему “непримиримую вражду” и являлся главным виновником всех бед Пожевских заводов⁴⁹⁴.

Еще в 1843 г. Всеволожский подал А. Х. Бенкендорфу жалобу на Глинку, обвинив его ни много ни мало в подстрекательстве крепостных “к неповиновению”⁴⁹⁵. В августе 1845 г. он изложил историю конфликта в письме министру финансов Ф. П. Вронченко, который, как показалось Никите Всеволодовичу, переменял свое прежнее к ним доброе отношение (по просьбе братьев тот дал согласие быть посредником в “полюбовном разделе”) и “лишил своего благорасположения”.

“Вот уже четыре года, – излагал Всеволожский свое видение событий, – как он [В. А. Глинка] постоянно нам вредит и нет способа, который он бы не испытал при прежнем министре [Е. Ф. Канкрине], чтобы нас при каждом случае чернить! Он с помощью своих подчиненных старался произвести беспорядки на наших заводах, в трудное время дел наших он не щадил нас неправильными даже взысканиями, и, если предоставлялась в чем-либо возможность нас стеснить, он, конечно, пользовался и доводил нас до отчаяния. Действия его превысили меру терпения и несмотря на силу защиты его Вашего предместника, решился я открыть все Государю Императору... Он приказал секретно исследовать по моей жалобе, и следовательно раскрыл нить всех против нас озлобленных действий. Из числа многих и частых оскорблений, нам наносимых, он не пощадил ни звания, ни имения нашего, решился в своих изветах навести сомнение даже [на] то обстоятельство, что будто бы выдаваемые ярлыки на заводах были государственные асигнации. После сего, кажется, нечего более распространяться... Постоянная цель была взять в казенный присмотр наши заводы; чтобы достичь до сего, они, с одной стороны, усиливали взыскания, а с другой, старались всеми способами поселить в мастеровых к нам недоверие и даже ропот... Когда добродетельный наш Монарх, – продолжал Никита Всеволодович свою “душевную исповедь” министру, – сжалился над нами и состоялась ссуда из Опекунского совета, нас на несколько времени оставили спокойными, ибо враги мои были внезапно поражены таковым переворотом по делам нашим, а я с братом, чтобы не сделать завистников, согласился даже с полным самоотвержением удалиться от участия в наших делах”. Ныне же, после отстранения прежних управляющих, исправник и Горное правление, по словам Всеволожского, “открыто стали действовать против меня, стараясь, в свою очередь, меня удалить из имения”⁴⁹⁶.

По-видимому, не только протесты горных властей против вмешательства отстраненного от управления владельца в хозяйственные дела обеспокоили в то время Всеволожского. Их позиция могла помешать реализации задуманного Попечительством и владельцами плана аренды наиболее доходных (а, значит, и привлекательных для инвесторов) Всеволодоблагодатских золотых промыслов. Находясь в 200 верстах от заводов, золотые прииски являлись относительно самостоятельной частью хозяйства Всеволожских, имея с ним лишь общий бюджет. Но эта финансовая связь промыслов и заводов прежде мешала более динамично развиваться новой высокодоходной отрасли. Поэтому именно с ее отделения и началась административная реорганизация всего хозяйства.

Проект контракта Попечительства с Товариществом на разработку Всеволодоблагодатских золотых промыслов (или Заозерской золотопромышленной компанией) вызвал серьезные замечания местного горного начальства. По условиям контракта компании передавались в аренду на девять лет все 26 золотых приисков с правом поиска новых за свой счет на территории Заозерской дачи. Владельцы в лице Попечительства предоставляли в пользование компании все оборудование, обеспечивали промыслы провиантом на 35 тыс. руб. сер. и переводили на оброк своих промысловых крестьян “для повольной заработной платы у Товарищества”. За это им отчислялась третья часть из будущих доходов “за исключением следующей в казну доли”. Остальные участники сразу вкладывали 35 тыс. руб. и еще 30 тыс., “когда надобность укажет”, и получали соответствовавшее их вкладу количество паев. Для общего управления выбиралось Правление компании⁴⁹⁷.

Уральское Горное правление усмотрело в условиях контракта и в составе участников Товарищества несколько серьезных нарушений прежних указов правительства. “Компанию составляют те самые лица господа Всеволожские, которые Высочайше устранены от личных распоряжений именными с предоставлением оных ведению Попечительства, – решили на заседании правления, – тогда как по составленным ныне условиям они приобретают половину паев [по 25 паев каждому из 100] всей компании и один из них [Александр Всеволодович] сделался директором компании или распорядителем всего управления”. Кроме того оказалось, что компания была составлена из лиц, “принадлежащих или к составу самого Попечительства или имеющих от одного уполномочия на управление теми же именными, которые ими взяты в аренду”. Так, пайщиками Заозерской компании являлись члены Попечительства действительный статский советник Лерхе и коллежский советник Аксенов, а также инженер-майор Николаев, назначенный Попечительством инспектором по всем именным Всеволожских. Получалось, что контракт был заключен Попечительством с самим собой и со Всеволожскими, которым было запрещено “распоряжаться по именным”.

Горное правление признало нарушением и устранение от управления представителя от Опекунского совета, поскольку Всеволодоблагодатские золотые промыслы также служили обеспечением залога 1843 г., как заводы и другие именья Всеволожских. Наконец, горные чиновники опасались, что отсутствие ограничений “в отношении хозяйственной разработки промыслов” и контроля со стороны горной полиции приведет к понижению ценности имения. “Компания, – не без оснований полагали они, – для получения наибольших выгод в продолжении арендного срока может выработать благонадежные или более богатые прииски, отчего впоследствии, при неимении других богатых россыпей, не встретилось бы затруднения в возвращении ссуды Опекунскому совету”⁴⁹⁸. Такая позиция горного начальства, конечно, не могла не беспокоить владельцев.

Мало того, Горное правление и заводский исправник выступили против другого грандиозного плана Всеволожских, созревшего во время все той же поездки 1844 г. Он касался уже не модернизации управления, а реорганизации транспортных связей между заводами и рудниками, которые действительно были очень сложны и дорогостоящи. Дело в том, что отдельные части многоотраслевого уральского хозяйства Всеволожских были рассредоточены на огромном пространстве и не составляли территориально единого комплекса. Поэтому, например, руду для Пожевского завода приходилось доставлять от Кизеловского рудника 130-верстным водным путем по рекам Вильве и Яйве, который “поднимал транспорты” только в весеннее половодье. При малейшем замедлении при нагрузке судов они не доплывали до пункта назначения. Сам Никита Всеволодович в 1844 г. стал очевидцем того, как 22 судна “рудного каравана” не дошли до завода и “остались раскиданными в речных поворотах”. Те же проблемы возникали и при доставке древесного топлива. “Дрова и уголь, – сообщалось Попечительством, – препровождаются к заводам огромными массами посредством конной перевозки из 13 куреней, которые по среднесложному исчислению имеют расстояние от заводов в один конец до 250, а с оборотом до 500 верст. Путешествование по необходимости проложено большей частью чрез места неровные, топкие, чрез чащобы от бывших лесов, от чего происходят остановки, часто недопускающие заводы до выполнения нарядов”⁴⁹⁹.

Еще в конце 1830-х гг. был выдвинут проект соединения разделенных большими расстояниями заводов Александровского и Пожевского “краев” посредством железной дороги. Тогда, по утверждению Никиты Всеволодовича, он представил путешествующему по Уралу цесаревичу план и нивелировку трассы, и было даже “приступлено к началу оной” между заводами Александровским и Всеволодовильвенским. Для этого в 1839 г. на Пожевском заводе английским механиком Э. Тетом был построен третий в России паровоз. Но устроить столь протяженную железнодорожную линию с паровой тягой оказалось Всеволожским не по силам. Тогда в 1844 г. было решено строить дорогу с конной тягой по образцу уже действующей на золотых приисках. По расчетам Николаева, с ее помощью можно было увеличить производительность заводов до 500 тыс. пуд. железа всего за полгода. Длина дороги, соединявшей заводы между собой, с Кизеловским рудником и куренями, составила бы 210 верст, что вдвое сокращало путь и время перевозок руды и топлива, а использование конной тяги “давало девятикратное преимущество против прежней организации гужевых перевозок”. Попечительство рассчитывало, что на сооружение дороги потребуется около 118 тыс. руб. и еще 252 тыс. руб. будут стоить железные рельсы. Все эти затраты могли окупиться всего за восемь лет⁵⁰⁰.

По замыслу Никиты Всеволодовича, начатые осенью 1844 г. работы, на которых было задействовано до тысячи вотчинных крестьян, должны были завершиться к весне 1845 г. Затем предполагалось построить такую же дорогу длиной 180 верст до Всеволодоблагодатских промыслов. Однако совершению этого “важного подвига”, по словам заводчика, стали активно мешать заводский исправник Матвеев, который потребовал от водоуправления остановить вырубку лесов под трассу, В. А. Глинка, который усомнился в расчетах стоимости дороги (его поддержал и член Ученого комитета Корпуса горных инженеров Е. Адам), а также (чего, видимо, никак не ожидали Всеволожские) другие “пермские владельцы”, земли которых на протяжении 50 верст пересекала дорога.

Против “непримиримого” В. А. Глинка Всеволожский предпринял уже ряд описанных демаршей. Но тот, видимо, затягивал следствие, отговариваясь, что по жалобе заводчика составляется в Горном правлении справка, требующая длительной подготовки и представляющая собой “огромный механический труд, не говоря уже о необходимости дать всему этому делу общую и удобопонятную систему”. Пытаясь склонить на свою сторону министра, егермейстер Всеволожский писал Ф. П. Вронченко: “За 30 лет беспорочной службы достиг я до такого звания, в коем осчастливился быть лично знаем Его Императорским Величеством. Неужели Владимир Андреевич Глинка может запятнать мое честное имя и неужели я не найду в Вас защитника! С совестью дворянина объявляю Вам, что я прав”. Он просил не допустить Глинку “быть судьей по моим делам, ибо он ответчик в деле, где хотел меня лишить чести, достоинства и гражданской жизни”. Министр уклончиво ответил, что не может сделать такое распоряжение, так как главный начальник “занял свой пост по особому Высочайшему назначению и в прямой его обязанности состоит наблюдать за всеми горнозаводскими имениям Уральской горной области”, в том числе и подавать свое мнение насчет железнодорожного проекта Всеволожских⁵⁰¹.

Несмотря на уверения, что дорога пройдет по незаселенной земле и не будет препятствовать передвижению гужевого транспорта, не удалось договориться и с соседними владельцами. Голицыны и Строгановы прямо не отказали, но выдвинули неприемлемые условия. “Можно ли рисковать с нашей стороны капиталом в 370 тыс. руб. сер, – вопрошал Никита Всеволодович, – при таковых разнovidных соглашениях наших соседних владельцев без особого правительственного разрешения, чтобы дорогу сию упрочить на дальнейшее время?” Однако Ученый совет Корпуса горных инженеров, рассматривавший прошение Всеволожского, уклонился от официального разрешения, сославшись на недостаток сведений. “Если господа Всеволожские пожелают приступить к устройству предполагаемой ими железной дороги без предоставления нужных для соображения дополнительных сведений, – сообщалось в решении Совета от 27 февраля 1846 г., – то... не входя уже ни в какое в этом частном предприятии со стороны горного начальства участие, предоставляем самим заводчикам устранить встреченные ими со стороны соседних владельцев препятствия”⁵⁰².

Если с железной дорогой Всеволожских постигла очередная неудача, то аренда и раздел имения нашли все-таки положительный отклик в правительстве. 30 сентября 1846 г. Сенат издал указ, которым разрешалась как уже состоявшаяся аренда золотых промыслов, так и предполагаемая аренда заводов. В указе упоминалось о том, что Всеволожские обратились с прошением к царю и “предоставили разные обстоятельства, по коим они признали для себя выгодным разделить заложенное в Санкт-Петербургском Опекунском совете имение их для отдачи каждым из них своей части в аренду... не нарушая при том ответственности, на целом имении состоящей, и не изъемя оно из управления Высочайше утвержденного Попечительства”.

К этому времени Попечительство нашло двух кандидатов – надворного советника Корнильева и почетного гражданина Кокушкина, которые соглашались на три года взять в аренду по половине всего имения с платежом ежегодно по 167 857 руб. сер. Попечители считали, что “при исправной аренде взносом за каждые полгода вперед ежегодно более 335 тыс. руб. сер. обеспечивалось бы правильное поступление сумм как для покрытия долга Опекунскому совету, так и на содержание владельцев и другие расходы, независимо от дохода с золотых россыпей”. Совет через своего члена С. С. Ланского уведомил

Сенат о согласии на аренду и раздел имения. Что касается раздела, то его посчитали необходимым “как для отдачи заложенного имения в аренду, так и для определения уже ныне тех частей, каждому из них [братьев Всеволожских] или их наследникам принадлежать должных, к предупреждению тем споров и тяжб, столь часто при разделах обширного и многосложного наследства возникающих”. Срок аренды назначался с 1 июля 1846 г., и она утверждалась по предварительному разделу, проект которого прилагался к сенатскому указу⁵⁰³.

Параллельно этому готовился окончательный вариант раздельного акта, который был завершен только к июню 1848 г. В соответствии с ним в раздел между братьями, как единственными наследниками Всеволода Андреевича и Елизаветы Никитичны Всеволожских, поступали расположенные в Пермской губернии Новоусольские и Чусовские соляные промыслы с Нижними и Верхними Чусовскими городками в Пермском уезде (286 рев. д. и 12 876 дес.), Расвинская пристань в Чердынском уезде на реке Вишере (43 602 дес.), Зукайская, Кизвенская, Рождественская сельскохозяйственные вотчины (с конным заводом, овчарным двором, пильной и мукомольной мельницами) в Оханском и Соликамском уездах (6592 рев. д. и 281 946 дес.), шесть металлургических заводов с железными рудниками, селами и деревнями в Соликамском уезде (5929 рев. д. и 521 808 дес.) и Всеволодовильвенские золотые промыслы в Верхотурском уезде (429 рев. д. и 237 747 дес.). Рыбные промыслы Всеволожских находились в Астраханской губернии (485 рев. д. и 712 802 дес. земли и воды) и в Кизлярской округе Ставропольской губернии (469 рев. д. и 1 493 756 дес.). Им же принадлежали мыза Рябово под Шлиссельбургом (473 рев. д. и 9523 дес. земли) и дома в Санкт-Петербурге и Петергофе, Москве, Нижнем Новгороде, Астрахани с виноградным садом и в Верхотурье. Всего Всеволожские владели 14 663 рев. д. и 3 315 795 дес. земли, включая и 2 027 368 дес. акватории Каспийского моря. По оценке самих владельцев стоимость всего имения достигала без малого 45 млн руб. Более 80 % этой суммы составляли пермские владения.

При составлении проекта раздела наиболее сложным оказался дележ заводского комплекса. Главным стремлением было поделить заводы так, чтобы каждая часть приносила примерно равный доход от продажи металлов. Это сделать удалось, но производственные связи отделявшихся друг от друга новых промышленных комплексов оказались еще более сложными, чем прежде, особенно в части Александра Всеволодовича. Ему достались Пожевский завод, расположенный в семи верстах от Камы (с фактически слившимся с ним Марьинским), и находившийся рядом Елизавето-Пожевский завод. Здесь выплавлялся чугун и осуществлялась первоначальная обработка его в куски и отчасти в полосы. Листовое железо выделялось в Пожевском заводе только весной, в течение одного или двух месяцев. К этим двум заводам присоединили Всеволодо-Вильвенский завод, расположенный от них в 80 верстах на восток. Он предназначался для выделки резного и передела в сорта приготовленного в Пожевском заводе железа. Всего в этой группе заводов выплавлялось до 480 тыс. пуд. чугуна, из которого изготавливалось 37,8 тыс. пуд. листового и 318 420 пуд. полосового и сортового железа на 395 тыс. руб. сер.

Никите Всеволодовичу переходил Александровский завод (расположенный рядом со Всеволодо-Вильвенским), на котором выплавлялось свыше 300 тыс. пуд. чугуна и в летнее время осуществлялся передел чугуна в куски и полосовое железо. К нему присоединялся Никитинский завод, расположенный вблизи Камы и Пожевского завода. На нем из чугуна, перевозимого за 100 верст из Александровского завода, выделявали до

197,6 тыс. пуд. листового железа на те же 395 тыс. руб. Кизеловский и Губахинский рудники (которыми Всеволожские владели вместе с Лазаревыми) были поделены “в равной части”. Также поровну делились Всеволодоблагодатские золотые промыслы: южная их часть досталась Александру, а северная – Никите. Пополам были разделены и рыбные промыслы на Каспии.

В отдельное владение Александра отошла мыза в Петербургской губернии, стоимостью более 575 тыс. руб., а Никите достались каменные дома в Москве в Пречистенской части, в Петербурге на Английской набережной и в Петергофе. В результате раздела старшему брату переходило собственности на 22 664 520, а младшему – на 22 310 115 руб. Разница компенсировалась “акциями, вещами и паями в разных предприятиях”. Долги и ссуды братья соглашались делить пополам; на общий счет они должны были финансировать школу и при ней литографию в Петербурге.

Раздельный акт был совершен в Санкт-Петербургской палате гражданского суда 20 июля 1848 г. При его подписании кроме Всеволожских присутствовали обер-егермейстер действительный тайный советник Д. В. Васильчиков, обер-церемониймейстер действительный тайный советник граф И. И. Воронцов-Дашков и шталмейстер и камергер действительный статский советник И. М. Толстой. Указами от 29 мая и 13 июня 1849 г. император и Сенат утвердили раздел имений Всеволожских, возложив на них “совокупное обеспечение произведенной под залог одного ссуды со взаимной ответственностью одной части за другую”. По просьбе владельцев им были возвращены “гражданские права” (то есть возможность управлять имениями), а Попечительство, ведавшее их делами 16 лет, несмотря на прежнее намерение, упразднено⁵⁰⁴. Вероятно, и в этом заключался скрытый смысл раздела. Отныне каждый из братьев Всеволожских был совершенно свободен в распоряжении своим имуществом.

Уже с июля 1849 г. прежде общее управление разделилось на два. Раздел заводского хозяйства осуществлялся под руководством двух управляющих от владельцев и специально приехавшего на Урал А. В. Всеволожского. Некоторые “недоумения” возникли по поводу раздела крепостных. Дополнительным актом Всеволожские договорились обойтись без предполагавшегося прежде переселения людей из одного завода на другой. Окончательно раздел заводов был произведен к октябрю – ноябрю 1851 г., а золотых промыслов – в декабре 1852 г. Уральское Горное правление на этот раз “не нашло препятствий на засвидетельствование раздельного акта”⁵⁰⁵.

Но еще до подписания вводных листов у Всеволожских возникли проблемы с выплатами по ссудам Опекунскому совету. По указу от 22 мая 1849 г., они обязывались с 1 октября ежегодно выплачивать 210 тыс. руб. сер. за ссуду в 3,5 млн руб. и с 31 декабря по 60 305 руб. за набежавшие с 1843 г. проценты в сумме 415 897 руб. Уже в первый срок выплаты к 1 октября 1850 г. не поступили деньги от Александра Всеволодовича. По жалобе совета министр финансов 28 октября предписал взять его заводы и золотые промыслы в казенный присмотр. Но 9 ноября долг был уплачен, и через месяц министр распорядился присмотр снять. Через год повторилось то же самое, правда, на этот раз виновником оказался Никита Всеволодович. Он сумел выплатить взносы по процентам, но не расплатился по “капитальной” сумме, в результате чего в ноябре 1852 г. его заводы были взяты в казенный присмотр особого чиновника от Уральского Горного правления⁵⁰⁶.

Прибыв на Никитинские заводы, этот чиновник понял, что без помощи казны “заводы не будут в состоянии уплатить долг Опекунскому совету ни в какой мере”. “Если, – не без оснований считал он, – не удовлетворить мастеровых жалованием за декабрь или на праздник Рождества Христова, то можно навлечь беспорядки или ропот между ними как бы на казну”. Заводоуправлению было отпущено из средств Горного правления 100 тыс. руб. и разрешено продавать железо на месте, но, когда и это не помогло и вновь взносы оказались просроченными, в марте 1853 г. имение Н. В. Всеволожского было предложено описать для продажи, а сельскохозяйственные вотчины были взяты в опеку. В том же году с петербургского дома началась распродажа его имущества.

Никита Всеволодович вынужден был снимать квартиру в Петербурге (в 1-й части 4-го квартала в доме Шишмарева) и жаловался на Опекунский совет, который совершил эту продажу “за бесценок с убытком более 60 тыс. руб.”. Он просил отменить продажу домов в Петергофе и Москве, а для погашения недоимки продать доставшиеся ему при разделе Северные золотые промыслы. Согласившись с этим, Министерство финансов назначило торги на 8–10 марта 1855 г. Однако в этот срок они не состоялись. Разными способами самому владельцу и его заводу удавалось получать займы от частных лиц, Екатеринбургской конторы Коммерческого банка, продавать металлы в долг, получать деньги за золото, добыча которого достигала 15 пуд. в год. Расходы увеличились в связи со строительством Усть-Пожевского завода, необходимость в котором возникла после раздела, и внедрением пудлингования, которое начало действовать здесь на каменном угле Луньевского месторождения. В 1856 г. все вырученные от продажи металлов деньги ушли на поправку Никитинского завода, пострадавшего от весеннего наводнения и бури. К этому времени только частных долгов на заводах и промыслах Н. В. Всеволожского накопилось до 143 тыс. руб. при том, что Опекунский совет почти не получал выплат по ссуде и постоянно жаловался министру. П. Ф. Брок под давлением совета распорядился все доходы заводов направлять на погашение ссуды, а частным кредиторам было предложено “искать удовлетворение установленным в законе порядком”⁵⁰⁷.

Главный начальник В. А. Глинка, судебное дело Всеволожского с которым в 1847 и 1850 гг. завершилось без особых последствий для обеих сторон, причину упадка заводов объяснял “нехозяйственностью управления”, которая, по его мнению, происходила “от влияния на управление самого владельца и доверенных от него лиц”. “Принимая во внимание, – писал он министру, – что заводы во время казенного присмотра, управляясь доверенными от владельца лицами, не доставляли столько доходов, сколько предполагалось получить... полагалось бы взять их в опекунское управление с назначением управляющего по хозяйственной части от Опекунского совета и с командированием горных офицеров для заведования технической частью”. Он даже соглашался на предложенную еще в 1854 г. Комитетом министров продажу Никитинских заводов (оцененных в 5 856 843 руб. сер.) “с раздроблением на участки” ради привлечения большего числа покупателей. Хотя это запрещалось законодательством, в Горном правлении посчитали, что “продажа заводов может быть допущена беспрепятственно и по частям по желанию самих покупателей, от предприимчивости которых вполне будет зависеть дальнейшее действие каждого из заводов”⁵⁰⁸.

Никита Всеволодович, в свою очередь, обвинил Горное правление, руководимое Глинкой, в упадке его заводов, произошедшем, по его мнению, из-за частой смены чиновников, осуществлявших присмотр со стороны казны. “Безошибочность этого заклю-

чения, – доказывал он министру в январе 1856 г., – подтверждается сравнением заводов с золотыми промыслами: в первых находится уже четвертый чиновник, а в последних – один и тот же исправник; доходы первых совсем почти уничтожились, напротив, доходы последних даже несколько увеличились, хотя в последнее время, по невыдаче ссуд под добытое золото, промысловое дело встречает крайнее затруднение”. Он жаловался и на саму “систему заведывания” казенными чиновниками, которая, по его мнению, “переходит в последнее время уже не в казенный надзор, а казенное управление”. “Ныне назначенный штабс-капитан Банников, – сообщал владделец, – превзошел всех своих предшественников в увеличении законом не предоставленной ему власти. Он кроме прямой своей обязанности наблюдать... присвоил себе право делать управляющему моему Механошину, а следовательно, и мне, выговоры по таким статьям, которые до него вовсе не относятся”. В частности, Банников отказался утвердить распоряжение управляющего о найме вольных возчиков для перевозки руды и угля и тем “решиительно затруднил заводское производство”.

Министр приказал разобраться и наказать чиновника. Банникову было “поставлено на вид, чтобы в распоряжениях своих по надзору... не вмешивался в те части управления, которые до него не относятся”. Вместе с тем В. А. Глинка в этом же своем постановлении “сделал Банникову благодарственную надпись, а управляющему – угрозу о предании суду”⁵⁰⁹. Не забывшие прежних обид враги в очередной раз “обменялись любезностями”. Скорее всего, они оказались последними, поскольку 26 октября 1856 г. генерал от артиллерии В. А. Глинка был уволен в отставку.

Не лучше обстояли дела и в заводском хозяйстве А. В. Всеволожского. Здесь также происходили существенные изменения с целью рационализации производственных связей. Еще в 1852 г. на Всеволодо-Вильвенском заводе, находившемся вблизи рудников, была построена доменная печь, а Пожевский завод стал специализироваться на выделке железа. Однако финансовое положение заводов только ухудшилось. В итоге, если на младшем брате накопилось недоимки на 286 647 руб., то сам Александр Всеволодович задолжал 269 628 руб. сер. В июне 1855 г. и его заводы поступили в казенный присмотр. Поскольку в 1856 г. предполагалось с Никитинских заводов и промыслов получить чистого дохода 111 917 руб., а с Пожевских заводов (золотые промыслы тогда состояли в аренде купца Юхнева) всего 4225 руб. (чего не хватило бы даже на выплаты Опекунскому совету, не говоря уже о частных долгах), Горное правление посчитало казенный присмотр недостаточным и рекомендовало учредить опеку, как это было уже сделано с вотчинными имениями А. В. Всеволожского, взятыми в заведывание Соликамской дворянской опеки 9 августа 1855 г. Но Опекунский совет настоял на продаже заводов обоих Всеволожских. По решению министра финансов, на 14–21 февраля 1857 г. был назначен публичный торг уже описанных заводов, рудников и золотых промыслов Н. В. Всеволожского, а по заводам А. В. Всеволожского составлялись описи для продажи⁵¹⁰.

Проведенная Горным правлением оценка имения не могла не возмутить Александра Всеволодовича. Оказалось, что его золотые рудники с лесами и людьми, общей стоимостью 12 с четвертью млн руб. сер., были оценены “по правилам 10-летней сложности дохода” всего в 610 640 руб., а заводы, заложенные в Опекунском совете по стоимости 9 379 971 руб., оценивались в 243 253 руб. “Этим, – писал он главному начальнику, – на-

носится мне огромный убыток ничтожною оценкой имения”. Однако оценка была признана законной, а потому правильной⁵¹¹. С таким же неприятным сюрпризом столкнулся и Никита Всеволодович.

По-видимому, угроза потери за бесценок богатейшего имения подхлестнула владельцев к решительным действиям с целью предотвращения продажи. В 1857 г. Н. В. Всеволожский заключил выгодный контракт с Главным управлением путей сообщений на поставку рельсов. Тогда же братья добились уступки казне их астраханских и ставропольских рыбных промыслов за 1870 тыс. руб. “в число долга по займу из Санкт-Петербургской сохранной казны”. Продажа заводов с публичных торгов, таким образом, была предотвращена, предполагалось снять и казенный присмотр⁵¹².

Однако к концу 1858 г. этого не произошло, а недоимка по долгу Всеволожских достигла 1 279 055 руб. сер. Назначенный вместо В. А. Глиники главным начальником уральских заводов Ф. И. Фелькнер, как и его предшественник, считал, что “казенный присмотр не дает Горному правлению достаточной власти сделать какие-либо существенные в заводском хозяйстве изменения, так как распоряжение имением остается в руках владельцев и избранных ими управляющих, а деятельность надзора должна ограничиваться пределами, предоставленными ему контрольным только, так сказать, наблюдением за действиями заводоуправлений”. “В таком положении обстоятельств, – предлагал он министру в августе 1859 г., – сохранение и впредь казенного... присмотра не может привести к удовлетворительному результату... и необходимо... подвергнуть заводы и промыслы Всеволожских публичной продаже... или взять их в полное казенное управление с устранением владельцев от всяких распоряжений”⁵¹³.

Но и этому намерению горного начальства не суждено было осуществиться. Н. В. Всеволожский вновь предпринял неожиданный маневр. Он установил контакты с представителями Дармштадского банка для выработки условий акционирования своего хозяйства. В банке серьезно отнеслись к этому предложению, составив экспертный отчет, опубликованный в “Горном журнале” в 1860 г. Причиной упадка Никитинского округа (помимо общих причин, характерных для всех горнозаводских хозяйств Урала) в нем была названа бесхозяйственность заводчика, “проживавшего в столицах капиталы” и не спешившего “применить у себя готовых усовершенствований”. Тем не менее округ, оцененный от 6,2 до 7 млн руб., был признан экспертами перспективным для дальнейшего развития. Но, видимо, из-за неблагоприятного финансового состояния, требующего немедленной уплаты недоимок и не вполне ясного будущего имения в свете предстоящей крестьянской реформы, Дармштадский банк отказался от заключения контракта⁵¹⁴.

Поиски новых контрагентов привели к заключению соглашения с французским банкиром Ж. Пиком и созданию в августе 1861 г. в Париже Общества камско-каменноугольного и железодельного производства Никиты Всеволожского. Общество заключило со Всеволожским соглашение о сдаче в аренду округа на 37 лет⁵¹⁵. В январе 1862 г. он обратился к царю с ходатайством об утверждении сделки с парижской компанией. Направленное вместе с уставом общества (составленным Всеволожским и Пиком) в Министерство финансов, оно было рассмотрено действительным статским советником Роденбаденом. Ознакомившись с уставом, эксперт пришел к выводу, что в нем допущены “важные недомолвки” и, главное, он “не обеспечивал ни казенных, ни частных долгов”. Компанией предполагалось выпустить 24 или 25 тыс. акций, из которых только 3 или 4 тыс. предоставлялись “сторонним капиталистам”. В результате вносимые ими деньги

составляли “складочный капитал” всего в 300 или 400 тыс. руб. Этой суммы, по мнению Роденбадена, хватило бы лишь на возмещение текущих недоимок сохранный казне и уплату “новейших” ссуд, выданных для поддержания заводов. Остальные 21 тыс. акций предоставлялись по уставу Всеволожскому с правом передачи.

Эксперту удалось выяснить, что помимо казенных долгов, в Уральское Горное правление на Н. В. Всеволожского было предъявлено к тому времени 30 исков на сумму более 840 тыс. руб., да в Санкт-Петербургском надворном суде на нем состояло в долгу 998 268 руб., 85 наполеондоров, 16 тыс. франков и 1340 полуимпериалов. “В стеснительном своем положении, – не без основания считал Роденбаден, – Всеволожский не преминет воспользоваться правом передачи своих паев ко вреду казны и частных кредиторов”. Последние в таком случае будут вынуждены принять вместо наличных денег “свидетельства”, погашаемые в течение 37 лет, “что в случае неблагоприятного хода дел компании возбудило бы со стороны кредиторов справедливый ропот”. Это мнение эксперта было учтено управляющим Министерством финансов М. Х. Рейтерном, который отклонил ходатайство Н. В. Всеволожского.

Но тот через короткое вновь возобновил его, обратившись на этот раз прямо к императору. “Высочайше” утвержденная Особая комиссия вновь рассмотрела устав компании и пришла к тому же выводу. “Условия в существенных своих частях не могут быть приняты... – говорилось в ее заключении, – а безденежное получение акций, предложенное для самого Никиты Всеволожского и его семейства, несоразмерно велико с положением его заводов и долгов”. К тому же членам комиссии показалось важным и отсутствие согласия А. В. Всеволожского на предложенный братом проект акционирования Никитинского округа, хотя ему не принадлежащего, но который в равной степени с Пожевским округом отвечал за долг Опекунскому совету⁵¹⁶.

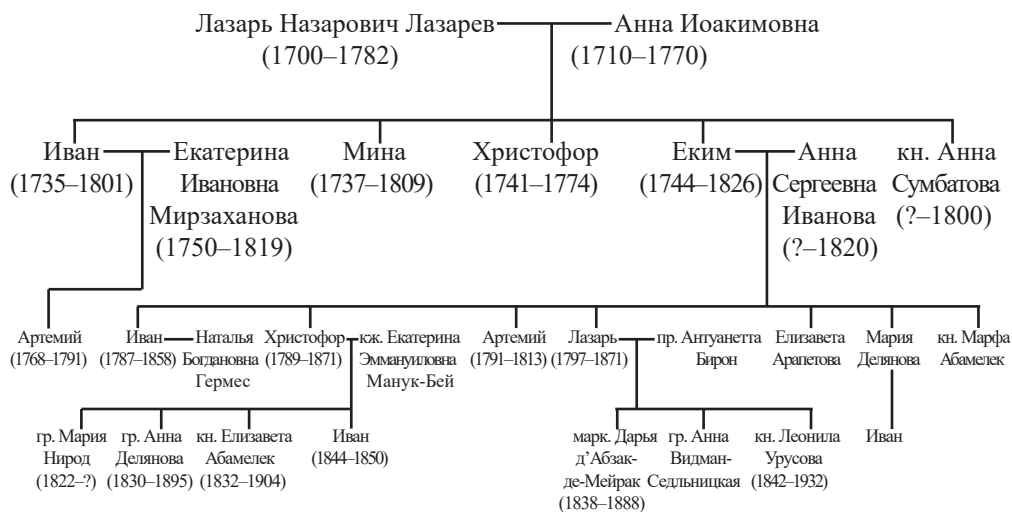
Отклоненное очередной раз ходатайство стало, по всей видимости, последним актом в жизни егермейстера и действительного статского советника Никиты Всеволодовича Всеволожского, скончавшегося в Бонне 28 июля 1862 г. Его наследники – вдова Екатерина Арсеньевна (урожденная Жеребцова) и сыновья Всеволод, Андрей и Никита, а также парижские компаньоны в 1865 г. все-таки добились утверждения устава общества, но не смогли выполнить его условий. Разоренные заводы в 1866 г. были переданы в опекуновское управление⁵¹⁷.

Через два года после кончины брата умер и действительный статский советник Александр Всеволодович Всеволожский, оставив Пожевские заводы пятерым своим сыновьям коллежским асессорам Дмитрию и Ивану, отставному поручику Всеволоду, коллежскому секретарю Владимиру, действительному студенту Павлу и дочери Екатерине. Наследники сразу же договорились передать заводы “в полное хозяйственное управление” младшему брату Павлу Александровичу. Из его прошения, поданного в марте 1865 г. министру финансов, становится понятным положение поступивших в его управление заводов. “При всем желании своем улучшить горнозаводское производство, – писал П. А. Всеволожский, – ...лишены мы всякой возможности действовать с выгодой для себя, так как большая часть денег, выручаемых через продажу металлов, должна идти на уплату казенного долга, чрез что заводы остаются почти постоянно без оборотного капитала, а мы по необходимости вынуждены прибегать к частному займу, по всей очевидности, невыгодному для заводского хозяйства”⁵¹⁸.

Чтобы выбраться из этого положения, владельцы предложили разные способы: произвести обязательный выкуп наделов временно-обязанных крестьян в некоторых своих имениях (в этом им было отказано на основании правил о выкупе наделов Пермской губернии от 15 июня 1865 г.) или продать “свободную” землю отдельными участками “в посторонние руки” (в частности, пермскому купцу 1-й гильдии Е. В. Поносову) в соответствии с разрешением (данным еще их отцу 27 декабря 1863 г.) отчуждать заложенные в банке земли для погашения казенного долга (и в этом им было отказано). Наконец, они полагали уступить правительству в счет долга Зюкайскую и Кизвенскую земельные дачи (113 тыс. дес.) в Оханском уезде по примеру осуществленной в 1857 г. уступки ставропольских и астраханских рыбных промыслов. Но в этом их опередили родственники – наследники Н. В. Всеволожского, уже осуществившие такую операцию. Принадлежавшая им Майкорская лесная дача на тех же основаниях уже перешла к Пермским казенным заводам для обеспечения их “горючим материалом”. Посчитав, что предложенные к передаче земли “отстояли на дальнем расстоянии от сталепушечного завода”, Горное правление отказало наследникам А. В. Всеволожского и в этой просьбе. 17 августа 1868 г. последовал указ о взятии их имений в опекунское управление⁵¹⁹.

Безуспешно опробовав “широкий арсенал средств поддержания собственности”, наследники Никиты Всеволодовича продали в 1883 г. свой округ П. П. Демидову, а Александра Всеволодовича – в 1900 г. С. Е. Львову, и выбыли из состава уральских заводчиков⁵²⁰. Этот результат был совершенно закономерным следствием той ситуации с владением, которая благодаря самим заводчикам сложилась в первой половине XIX в.

8. Лазаревы

В 1778 г. богатый “придворный ювелир” Иван Лазаревич Лазарев (с его именем связано появление в сокровищнице российских императоров знаменитого алмаза “Орлов”) купил с аукциона у наследников барона Г. Н. Строганова Чермозский завод и часть Усоль-

ских, Ленвенских и Чусовских соляных промыслов с 504 тыс. дес. земли и 7142 рев. д. крепостных крестьян. Так в составе уральских заводчиков появился и надолго обосновался старинный армянский род Лазаревых. Еще одна покупка другой части огромных строгановских вотчин в Приуралье состоялась в 1784 г. Тогда у баронессы М. А. Строгановой Лазарев приобрел Хохловской медеплавильный завод и соляные промыслы с 273 тыс. дес. земли и 2643 рев. д. Позже им еще были куплены земли в Пермской губернии, что в итоге превратило его владение в одно из крупнейших горнозаводских хозяйств Урала. До декабря 1799 г. производился “отказ” имения, в ходе которого в основном были урегулированы земельные споры с ближайшими соседями Строгановыми. С другими “пермскими владельцами” (Всеволожскими, Голицыными, Шаховскими) тяжбы о границах тянулись в течение всей первой половины XIX в.⁵²¹

Иван Лазаревич репрофилировал приобретенные заводы на производство железа и значительно расширил его, основав Кизеловский чугуноплавильный и Полазнинский железоделательный заводы. При нем началась разработка богатого Кизеловского железного рудника (Лазаревы делили его со Всеволожскими), снабжавшего заводы высококачественным сырьем. Тогда Главное правление Пермским имением обосновалось в Чермошском заводе, ставшем центром одноименного округа, куда были осуществлены переводы крепостных из вотчин. Кроме уральских заводов, Лазарев владел Фряновской шелковой фабрикой в Богородском уезде, приобретенной еще его отцом в 1758 г., бумажной фабрикой в купленном в 1784 г. имении Ропша и другими небольшими предприятиями в Центральной России⁵²².

Предпринимательский талант И. Л. Лазарева был высоко оценен российским и иностранными Дворами. Он назначался советником Государственного банка и членом правления Заемного банка, в 1776 г. был возведен в потомственное дворянство, в 1799 г. получил чин действительного статского советника, в 1768 г. стал бароном, в 1788 г. графом Священной Римской империи. Иван Лазаревич пользовался большим авторитетом среди армянского народа, был одним из организаторов переселений армян в Россию, много и щедро помогал им в устройстве на новой родине. Но в его семейной жизни случилось несчастье: единственный сын и наследник Артемий, премьер-майор и генеральс-адъютант светлейшего князя Г. А. Потемкина, погиб в 1791 г. во время русско-турецкой войны⁵²³.

Поэтому в завещании, составленном 5 июня 1800 г. и хранившемся в Санкт-Петербургском Опекунском совете до его смерти, Иван Лазаревич определил своим основным наследником младшего брата Екима. “По неимению у меня детей, – писал он, – назначаю наследником моим брата Екима Лазаревича, а по нем сыновей его, поелику он один из рода моего имеет сыновей”. Брату переходило все имение за исключением вотчины в Петербургской губернии с 2 тыс. рев. д. и дома в столице, “на церковной земле построенном... с бриллиантами, серебром и мебелью... экипажами с приборами и прочим”, которые Иван Лазаревич завещал жене Екатерине Ивановне (урожденной Мирзахановой) “по смерти ее”. Кроме того, жене отдавалась мыза Ропша и Кипень “с деревнями, заводом и фабрикой”, которую, как писал завещатель, “если Высочайше учреждено будет купить, то назначить цену и вырученную сумму отдать в банк до 25-летнего возраста в пользу того из племянников, кого признает достойнейшим” (Ропша, где был убит Петр III, была выкуплена Павлом I еще при жизни Ивана Лазаревича). Тому же “достойнейшему” племяннику переходили после смерти Екатерины Ивановны и находившиеся в петербургском доме картины и фамильные портреты. Взамен “вдовьей” части из уральских

владений жене назначались 50 тыс. руб. в год из доходов имения. Такую же сумму получал средний бездетный брат надворный советник Мина Лазаревич вместе с заложенной им старшему брату вотчиной в Алексинском уезде (с. Першино с деревнями). Не были обойдены вниманием и другие родственники Лазарева, каждый из которых получал от него либо единовременное пособие, либо пожизненную пенсию.

Себе на погребение Иван Лазаревич назначил 10 тыс. руб. и просил провести его “без пышности”. 20 тыс. руб. следовало тогда раздать в Иерусалиме, в Араратском патриаршестве, Эчмиадзине и Джульфе в разные церкви и монастыри “на утварь и на поминовение” и по 10 тыс. руб. в российских городах Астрахани, Нахичевани и Григориополе “на полезные заведения или строения, из коих доходы были бы ежегодно употреблены на помощь бедным, сиротам и вдовам”. Еким Лазаревичу было поручено заложить в банке или ломбарде 200 тыс. руб. на четыре года с тем, чтобы проценты “употребить на заведение училища для армянской нации, а основной капитал оставить навсегда... и из процентов содержать оное училище”. В качестве свидетелей при составлении завещания присутствовали генерал от инфантерии И. И. Арбеньев, адмирал И. М. Дерибас, тайный советник и сенатор А. В. Алябьев и генерал-майор Н. И. Ахвердов⁵²⁴.

7 ноября 1801 г. после кончины Ивана Лазаревича, случившейся 24 октября того года, в полном собрании Опекунского совета с участием вдовы и двух братьев завещание было распечатано и прочитано. Еким Лазаревич узнал, что сможет вступить в управление наследуемым имением только через год, в течение которого все дела должны были оставаться “на таком основании, как они прежде производились” под управлением надворного советника Ф. Н. Кандалинцева. Полученные в этот год доходы (за исключением 50 тыс. руб. на содержание вдовы) поступали в уплату долгов Ивана Лазаревича для того, чтобы имение перешло наследнику свободным от каких-либо обязательств. Заботясь о будущем созданного им огромного состояния, старший брат просил Екима Лазаревича назначить попечителей, которые могли бы управлять имением в случае его смерти до достижения сыновьями 25-летнего возраста. Предосторожность эта становится понятной, если учесть, что старшему сыну Екима Лазаревича Ивану исполнилось на момент составления завещания 14, средним Христофору и Артемию – 11 и 9, а младшему Лазарю – всего три года.

Таким образом, через год после смерти брата Е. Л. Лазарев вступил во владение Пермским имением в составе соляных промыслов, дававших до миллиона пуд. соли, и четырех заводов Чермозского горнозаводского округа, выплавлявших до 200 тыс. пуд. железа. Он проявил себя не столь способным, хотя поначалу довольно энергичным заводчиком. Несколько раз Еким Лазаревич посещал свои пермские владения, ближе ознакомился с их состоянием, составил “правила для управления”. При нем в 1807 г. был перестроен Полазнинский завод, рядом с которым в 1809 г. начала действовать Мариинская резная фабрика. “По числу умножившегося заводского действия” Лазарев предпринял масштабные (до 2663 рев. д. к 1807 г.) переводы крепостных на заводы из вотчин той же Пермской губернии⁵²⁵.

По отношению к мастеровым и вотчинным крестьянам Еким Лазаревич стремился быть “заботливым отцом и попечителем”. Он оперативно среагировал на действия властей, в середине 1810-х гг. пытавшихся ввести общие штатные положения для частных заводов. Опираясь на расчеты Пермского Горного правления “относительно содержания и плат заводских людей”, он в 1815 г. лично составил штаты для своих заводов, предо-

ставив крепостным ряд дополнительных льгот. Так, все мастеровые освобождались от платежа подушной и других податей, им было разрешено пользоваться рощистями и сенокосами, ловить рыбу в заводских прудах и реках. На всех заводах были открыты госпитали, в которых больные содержались бесплатно; в господских магазинах можно было приобрести все нужные для жизни вещи и продукты “по покупным ценам” и в кредит; престарелые, увечные и сироты “получали от господина хлеб и приличную одежду”. В Чермозе открылось начальное училище для детей служащих и мастеровых, на которое ежегодно выделялось до 3 тыс. руб.

Еще большие льготы предоставлялись вотчинным крестьянам, выполнявшим вспомогательные работы для заводов и соляных промыслов. Эти работы, по особо сделанным расчетам, занимали у крестьян от 136 до 144 дней в году и оплачивались так, чтобы полученных денег хватило “на уплату государственных податей, земских повинностей, на удовлетворение расходов при отдаче рекрут, по покупке соли для семейства и на приобретение земледельческих орудий”. В результате доходы от своего сельского хозяйства, ремесел или от “повольных работ” крестьяне “употребляли уже только в домашнюю свою пользу”. “Внимание и попечение господина об их благосостоянии” включало и назначение с 1802 г. особой “вспомогательной суммы”, достигавшей в 1818 г. 26 тыс. руб. (предполагалось за последующие 10 лет увеличить ее до 50 тыс. руб.), из которой крестьяне могли брать беспроцентные пятилетние кредиты на покупку лошадей, получали “безвозвратную помощь” в случае пожара или другого несчастного случая. “Раскладом” работ в имении ведало не Главное правление, а мирские общества в соответствии “с силами и состоянием каждого крестьянина”. “Уверстание сие, – писали приказчики в 1818 г., – производится со всякой справедливостью, тем более что каждый из крестьян на мировом совете имеет свой голос и потому при всяком несправедливом раскладе повинностей может объявить от себя пререkanie и требовать от мирового совета себе назначения работ уравнительно против своих собратьев. Сим правилом, – констатировали приказчики, – господин Лазарев отдалил всякое неуравнение в повинностях крестьян своих”. Так же, как и мастеровые, вотчинные крестьяне бесплатно лечились в “господских больницах”, а на содержание престарелых, увечных и сирот отчислялись в год от 5 до 6 тыс. руб.⁵²⁶

Патерналистская политика, конечно, не давала полной гарантии от насилия и злоупотреблений местной частной администрации и не исключала каких-либо ответных действий со стороны крепостных, но при всем том вокруг заводчика она создавала ореол попечителя и защитника. Так, в мае 1823 г. 20 мастеровых Чермозского завода подали коллективную жалобу на приказчика Шардина за “разные притеснения”. Но, когда они узнали о скором приезде владельца, то “оставили жалобу свою” и согласились ждать его “справедливого решения”⁵²⁷.

Возможно, составление Екимом Лазаревичем выше цитированного “штатного положения” было вызвано не только кампанией, проводившейся горными властями (далеко не все заводчики отреагировали на нее), но и его намерением как раз в то время отойти от непосредственного управления своими вотчинами. В такой ситуации штаты являлись своего рода гарантией населению со стороны владельца на будущее время и ориентиром для преемника. Они были составлены довольно своевременно, поскольку примерно с середины 1810-х гг. производительность заводов Е. Л. Лазарева стала снижаться, а на имении накапливаться долги. К 1821 г. они достигли огромной суммы в 2 754 082 руб.

асс. Большую часть долгов (1 931 060 руб.) составляла ссуда, взятая под залог имений в Московском и Петербургском Опекунских советах; 822 482 руб. накопились “по обязательствам частным лицам”.

Вероятно, долги были следствием не только личных трат многочисленного семейства и обширной благотворительной деятельности Екима Лазаревича, но и его неподготовленности к решению сложнейших проблем еще находившегося в стадии формирования окружного хозяйства. Понимая это, Еким Лазаревич переключается на свои попечительские обязанности по основанному им в 1815 г. в Москве армянскому училищу (с 1828 г. Лазаревский институт восточных языков) и отходит от управления заводами. Он передает его среднему сыну Христофору (окончившему Евангелическое училище и Главный педагогический институт в Петербурге), который уже с 1815 г. вел деловую переписку с уральскими вотчинами⁵²⁸.

Очевидно, серьезные размышлений потребовало и решение вопроса о судьбе родового имения в руках трех сыновей – наследников (штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка Артемий погиб в 1813 г. под Лейпцигом, не оставив потомства). Еким Лазаревич попытался было решить вопрос о наследстве обычным путем, распорядившись в 1818 г. подготовить проект “фактуального” раздела Пермского имения. Но оказалось, что поделить заводский комплекс можно было только на две части, поскольку в его составе было всего два чугуноплавильных предприятия. Предполагалось в одной из них оставить Чермозский и половину Кизеловского завода с Усольскими соляными промыслами, а в другой – Полазнинский, Хохловской и половину Кизеловского завода с Ленвенскими промыслами. Хотя при таком раскладе в каждой части оказалось по равному числу ревизских душ (по 4295), но основательно нарушались налаженные производственные связи между основными и вспомогательными заводами, что могло привести к общему упадку хозяйства. Проект был признан “неудобным и стеснительным” и отвергнут вместе с самой идеей подобного раздела⁵²⁹. В такой ситуации Еким Лазаревич остановился на другом варианте раздела, сопряженного с “выделом” (денежным или натуральным) одного или нескольких наследников. Но, поскольку по закону родовое имение не подлежало завещанию, необходимо было осуществить раздел предварительно и, конечно, с согласия всех наследников. Этого ему удалось добиться.

19 января 1821 г. в Московской гражданской палате слушалось дело по прошениям Е. Л. Лазарева и его сыновей коллежского советника Ивана, надворного советника Христофора и штаб-ротмистра лейб-гвардии гусарского полка Лазаря о разделе имения. “Быв движимы взаимным желанием сохранить навсегда между собой братскую любовь и предупредить всякого рода неудовольствия, – писали сыновья, – ...просили его [отца], чтобы он в жизнь свою из недвижимого его родового и благоприобретенного имения назначил каждому из нас часть”. Как сообщалось в раздельном акте, Еким Лазаревич, “приняв с признательностью таковое желание его сыновей”, предоставил им все сведения о имении и долгах и “поручил им самим по взаимному согласию назначить себе части способом, какой признают возможным и совершенно уравнительным”.

По этим сведениям тогда в “родовое от брата” имение Лазарева входили Чермозский и Кизеловский заводы в Соликамском, Полазнинский в Пермском и Хохловской в Оханском уездах Пермской губернии, да в Соликамском уезде Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы. К ним были приписаны 3959 рев. д. крепостных крестьян. Кроме того в многочисленных селах и деревнях той же Пермской губернии (с. Дмитриевское,

Рождественское, Юринское, Кыласовское, Орел-городок, Верхние и Нижние Чусовские городки и др.) ему принадлежали 10 060 рев. д. В Московской губернии находилась Фряновская фабрика с 587 рев. д. и два дома (каменный и деревянный) в Москве. Благоприобретенное имение Е. Л. Лазарева состояло из тульского села Лапотково-Покровское с 968 рев. д., купленного “у разных лиц”, и каменного дома в Петербурге (“по Садовой улице напротив Михайловского дворца”), перешедшего ему после смерти вдовы старшего брата Е. И. Лазаревой в 1819 г. Все имение оценивалось владельцем в 9 млн руб.

К упомянутым выше долгам “по собственному распоряжению” отец добавил еще значительную сумму для “разных выдач”. К ним относилось пожертвование 300 тыс. руб. дополнительно к 200 тыс., уже выделенных по завещанию Ивана Лазаревича на постройку армянского училища в Москве. От 40 до 50 тыс. руб. предполагалось перечислить на достройку Армянской исповедальной церкви Воскресения в Нижнем Новгороде в память умершей жены Анны Сергеевны (урожденной Ивановой) и погибшего сына Артемия. Крупные суммы отец оставлял трем дочерям в дополнение к уже выделенным вотчинам и приданому. Так, старшей дочери Елизавете Арапетовой назначалось 200 тыс., средней Марии Деляновой в дополнение к имению в Калужской губернии (с. Утешево с 552 рев. д.) 100 тыс. и младшей княгине Марфе Абамелек помимо уже выданных 100 тыс. еще 200 тыс. руб. В итоге общая сумма долгов и выдач Е. Л. Лазарева достигала 3954 тыс. руб. Претензии самого Екима Лазаревича разным лицам составляли 1320 тыс. руб.⁵³⁰

С такими “подробностями” о состоянии имения и были ознакомлены сыновья. Как позже писал Х. Е. Лазарев, “найдя, с одной стороны, уменьшение доходов с этих имений по упадку торговых цен на продукцию, а с другой то, что лежащие на имении казенные и частные долги... при всех усилиях и стараниях родителя еще не выплачены и имение из под залога не освобождено”, сыновья составили “положение” о его разделе, с которым, как “основанным на справедливости и для каждого из сыновей его равно полезным”, согласился и их отец.

В соответствии с третьим пунктом этого “положения”, имение оставалось нераздельным после смерти отца еще шесть лет “для платежа долгов”. В эти годы “всем вообще производством, внутренними и внешними оборотами” должен был управлять средний сын Христофор. Иван и Лазарь “ни сами лично, ни посторонним образом” не могли входить в дела, за исключением того, что по истечении каждого года получали от Христофора счет “с подробным и точным означением всего производства по всему имению”. Во время нераздельного владения сыновьям выделялось “на содержание свое” по 30 тыс. руб. Христофор получал дополнительно 20 тыс. руб. “по уважению того, что на прожиток его потребуется более издержек”. Из заводских доходов он должен был “вносить деньги на постановленные сроки в Опекунские советы... и уплачивать частные долги”, для чего отец разрешал продать Фряновскую шелковую фабрику (ее продали в 1826 г. московским купцам Рогожиным).

После истечения шестилетнего срока все Пермское имение, “а равно и в Нижнем Новгороде каменный дом и прочие домовые строения и места и канатная фабрика”, поступали “в вечную и потомственную собственность” Ивана и Христофора. Лазарь получал благоприобретенное недвижимое имение отца и “в уравнивание ценности определенной каждому части” 2 млн руб. асс. с рассрочкой выплаты на 10 лет из пяти годовых процентов. Он также освобождался от ответственности по долгам, которые полностью переходили на старших братьев. За нарушение раздела предусматривалась неустойка в

полмиллиона руб. В качестве свидетелей раздельного акта выступили председатель Департамента законов Государственного Совета князь Я. И. Лобанов-Ростовский, генерал-поручик и действительный камергер граф В. Г. Орлов и действительные тайные советники Н. Е. Мясоедов и А. В. Алябьев⁵³¹.

Итак, Еким Лазаревич вроде бы мог быть спокоен за будущее своего наследства, хотя, вероятно, понимал, что выдел деньгами младшему сыну вновь серьезно обременит имение после вывода его из-под залога. Ведь освободившись от одного долга, оно попадало под другой, еще больший. Но, как позже свидетельствовал управляющий, тогда отец “имел в виду, что старшие сыновья не потеряют ни одной десятины земли из заводских дач, что они будут поставлять в казну более 1200 тыс. пуд. соли и получать 1100 тыс. руб., получают за Фряновскую фабрику до 400 тыс. руб., что расходы по Пермскому имению не будут превышать 650 тыс. руб., что выделка металлов с каждым годом будет увеличиваться”⁵³².

Тем не менее не лучше ли было в той сложной ситуации с долгами сохранить имение в общем владении всех трех сыновей и делить доходы? Видимо, за этим, принятым якобы “по общему согласию”, решением скрывалось желание старших братьев отделиться от младшего и удалить его от родового имения. Оказывается, уже тогда между наследниками возникли серьезные, но тщательно скрываемые противоречия, в дальнейшем переросшие в острый семейный конфликт.

Подтверждения этому содержатся в более поздних документах. “Два брата получили заводы, – объяснит Христофор Екимович, – ибо соединены были между собою и первый доверял второму, как брату и другу. По этой связи согласия и братолюбия, один управлял, а другой изъявлял свое утверждение, по сим причинам производилось все с возможным успехом. Хотя были и есть некоторые упущения и ущербы, но где их нет”. Лазарь Екимович, в свою очередь, будет утверждать, что “никогда не желал раздела”, но по настоянию Христофора и уговорами “нежного родителя”, который обещал, что не даст ему “ни булавки менее братьев”, согласился на выдел⁵³³.

Отец, видимо, остро переживал случившееся и, наблюдая не утихающий конфликт, вскоре решился на изменение условий раздела. Уже на следующий год, 20 июня 1822 г., “по просьбе и с согласия детей”, он утвердил дополнения к раздельному акту. “Желая в преклонности лет моих видеть при себе исполнение раздела между сынами моими и сблизить срок вступления их во владение определенным каждому участком, – писал он в Московскую гражданскую палату, – прошу... с 1 июля 1822 г. считать имение находящимся под руководством моим в нераздельном шестилетнем владении, по истечении которого с 1 июля 1828 г. сыновья получают в собственность свои части”. С Лазарем, считал отец, должно быть составлено другое соглашение, “какое рассудит и обстоятельства позволят”.

В мае 1823 г. это прошение было подтверждено “домашним актом”, в соответствии с которым платеж Лазарю начинался с 1 июля 1828 г. по 200 тыс. руб. в год уже под 6 %. Но, если представится возможность, то выдел можно было ускорить и завершить раньше 10-летнего срока. Ему предложили “в число оной уплаты” принять недавно купленное имение в Московской губернии (дер. Аксенова и Курева) или принадлежащее старшему брату село Липовицы в Ярославской губернии. Предполагалось, что, если Лазарь до 1828 г. женится, то получит вместо 30 тыс. по 60 тыс. руб. в год “на проживание” и 25 тыс. на свадьбу. Ему же в 1824 г. было обещано выдать единовременно 475 тыс. руб.

“на расплату” за какие-то сделанные покупки. Таким образом, ускорение срока выдела младшего брата обошлось или должно было обойтись (он женился только в 1834 г.) Лазаревым в еще более значительную сумму. Последним юридическим актом владельца стало составленное им незадолго до кончины завещание на движимое имущество, “в разных принадлежностях и вещах состоящее”. При таком положении дел с наследством 24 января 1826 г. Еким Лазаревич скончался⁵³⁴.

Но уже 8 ноября того года братья изменили условия дополненного раздельного акта. Инициативу подали Христофор и Иван, которые рассчитали, что у них нет “никакой возможности и средств” начать выплаты Лазарю в установленный срок, поскольку к тому времени имение не будет еще “очищено” от долгов. Лазарь Екимович позже вспоминал, что “приглашен был в Москву [тогда он жил в Петербурге в доме Армянской церкви или в тульском имении] и не советуясь ни с кем и не входя ни в какое рассмотрение дел, по неограниченной доверенности к братьям, согласился на просьбу их к отсрочке приходящего к исполнению акта 1822 г. еще на 10 лет... получив от них письменное уверение, что они не воспользуются таковою его снисходительностью и жертвою и приведут в исполнение акт и прежде сего срока по уплате главного долга, на имении лежащего”.

Московская гражданская палата утвердила новое постановление Лазаревых о сохранении общего владения и переносе срока платежа 2 млн руб. до 1 января 1838 г. Однако, как и прежде, эта уступка Лазаря Екимовича вовсе не была бескорыстной. С 1 июля 1828 г. его содержание было удвоено и ему ранее срока передавались “для владения и получения доходов” “садовый дом” в Петербурге (московский дом был уже продан за 55 тыс. руб.) и имение Лапотково. Кроме того, братья заплатили 100-тысячный долг Лазаря и выдали ему еще 100 тыс. руб. “на транспорт” для поездки за границу⁵³⁵. Выйдя в отставку в чине генерал-майора (он участвовал в русско-иранской и русско-турецкой войнах), семь лет, до июля 1839 г., младший брат не появлялся в России. За границей он женился на принцессе Курляндской Антуанетте Бирон; там же родились две из трех его дочерей.

По документам за это время он не только пользовался доходами от общих и личных имений, но и “перебрал” около 183 тыс. руб., за что получал упреки от братьев. Сам же Лазарь Екимович утверждал, что “не только не мог угощать кого-либо, но даже едва сводил концы с концами, и все покупки, кои в продолжении семь лет там [за границей] сделал, не простирались до 100 тыс. руб.”. “Житие же братьев в продолжении нескольких лет, – утверждал он, – было самое пышное, за исключением сделанных еще приобретений подмосковных, постройки дачи, обновления дома и прочего, не упоминая значительного капитала Н. Б. [видимо, имелся в виду капитал, выплаченный Наталье Борисовне Гермес, жене Ивана Екимовича, при их разводе] и 40 тыс. руб. за Лексикон! [видимо, имелись в виду деньги, выделенные на открытую при Лазаревском институте типографию и ее деятельность]”⁵³⁶. Можно также добавить, что значительный капитал пошел на развитие заводского хозяйства, где в 1829 г. был построен вспомогательный Екатерининский завод, получили распространение паровые машины, пудлингование и горячее дутье, началась подземная добыча руды и разработка серебряных приисков.

Вероятно, Лазаря огорчили не только возросшие расходы старших братьев, но и то, что после завершения в 1834 г. расчетов по “большим” долгам, Иван и Христофор не открыли платежей по выделу, а ждали его возвращения в Россию и готовили не очень приятный сюрприз. Братья объявили, что с учетом уже сделанных выплат ему полагается не 2 млн, а 1639 тыс. руб. “Теперь предлагаете вы мне в 1840 г. менее того, что следовало

в 1828 г.!” – возмутился Лазарь. “Я поступил легкомысленно, в угодность вам подписав акт, но я был холост... Исполнение же оного в 1828 г. составило бы семейству моему значительный доселе капитал. Следовательно, касаться капитала, следовавшего мне еще в 1828 г., суть величайшая несправедливость”, – писал он братьям. – ...Предлагаю вам или уничтожить акт и делить доходы, или же с того времени, как уплачены долги, сделать основательный расчет всех доходов с имения по 1840 г., сравнить поступившие на прожитие и прочее по днесь суммы как вам, так и мне, и затем, что следовать будет кому из нас получить или добавить”⁵³⁷.

Оба предложения были совершенно неприемлемы для Христофора и Ивана, желавших, наоборот, поскорее отделаться от младшего брата. Тогда отношения между ними окончательно испортились. Христофор Екимович в своей “Записке о мерах осторожности в отношении выплаты капитала на основании раздельного акта” жаловался, что “в продолжении 18 лет третий брат, возбуждаемый неограниченными желаниями и неуместными советами своих мнимых приятелей, причинял без причины разные огорчения двум своим братьям... Дабы мирно кончить и не срамить себя, оба брата многократно удовлетворяли прихоти в платежах его значительных долгов, равно и в других его желаниях. Но все средства сии ни к чему не послужили; возникают новые претензии при всякой встрече... ежеминутно в нем рождаются сомнения, подозрения, когда нет пределов его требованиям, когда он неприлично, незаконно и неделикатно простирает свои мнимые права на то, чтобы отчитывать и ревизовать своих двух старших братьев... когда он, нарушая семейное спокойствие и согласие, мечтает поколебать и уничтожить раздельный акт”⁵³⁸.

Все свои действия и переписку Лазаревы держали в секрете, не желая публичной огласки семейных дел. Христофор Екимович даже предписал конторе присылать ему бумаги на имя жены, “дабы не перехватили и не распечатали”. Это не было обычной перестраховкой. Лазарь, по его собственному признанию, “чрез подкупленных людей и шпионов” получал сведения из имений и контор о положении дел. Христофор также приказал составить для младшего брата записку о состоянии Пермского имения, прочитав которую тот бы отказался от своих притязаний. Доходы от Пермского имения, утверждалось в ней, “всегда и внезапно изменяются, постоянного нет... чем больше хозяйство в многосложных устройствах, в делах, в процессах, в работах, тем больше потерь и убытков от разнообразных случаев. Чем далее по расстоянию имение, тем менее посещается и обозревается господами, тем более упущений, кои по многосложности частей и предметов трудно отвратить, особенно по слабостям людей и по стеснительному положению обстоятельств, зависящих от разных случаев”. К записке были приложены сложные расчеты, в которых Лазарь Екимович не смог разобраться, несмотря на то, что в свое время закончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения. “Доводы в обиду мне, в конторе нашей составленные, и, следовательно, гласные, основаны только на одних цифрах, для меня непонятных”, – укорял он братьев. “Торговаться нам не прилично, а просить милости мне не следует... Зачем вы хотите, чтобы я получал вдвое менее вашего дохода? ... Я вижу, что дела наши не могут решаться без посредника”, – заявил наконец он⁵³⁹.

Решительный настрой Лазаря подтолкнул старших братьев к очередным уступкам. “Истожили мы оба здесь все средства, каким образом приличнее и вернее платить по акту, советовались и сносились с законоведами”, – сообщали они, придя к заключению, что целесообразнее заплатить Лазарю всю сумму сразу. Но сделать это можно было толь-

ко путем нового залога имения. “Если оный [Московский Опекунский] совет выдаст под залог Пермского имения капитал и если можно будет еще заимствовать другие недостающие суммы от некоторых частных лиц, тогда оба брата, – полагал Христофор, – хотя со стеснением для себя, готовы для выгод третьего брата выплатить ему капитал и вместо постепенной, продолжительной, годовой, срочной по акту заплаты, он вдруг получит или значительную часть, или весь капитал, что доставит ему удобное средство хозяйственно приобрести недвижимое выгодное большое имение с аукционных торгов... в Московском или Петербургском Опекунских советах, в Заемном банке или в губернских правлениях”. Разузнав о возможности залога, с этим предложением они и обратились к брату.

29 мая 1840 г. “по взаимному согласию три брата лично объяснились”. Старшие согласились “платить с превосходством долг, дабы приобрести мир и душевное спокойствие”. В Петербурге, где состоялась знаменательная встреча, в присутствии статс-секретаря Новосильцева и управляющего III Отделением Л. В. Дубельта 31 мая был подписан дополнительный раздельный акт. “Убежденные любовью” Иван и Христофор предложили брату 2150 тыс. руб. (более того, что полагалось по их расчетам, на 450 тыс. руб.); тот, в свою очередь, отказывался от каких-либо претензий к ним. Лазарь формально выходил из состава владельцев Пермского имения, хотя платеж денег ему начинался “как скоро совершат они предполагаемый заем в Московском Опекунском совете под залог Пермского имения в нынешнем или будущем году”. Добившись своей цели, Христофор Екимович отправился со старшей дочерью Марией в Старую Рузу. “Все еще не здоров, – сообщал он, – ...слаб, страдаю желудочной болью... и расстроены нервы”⁵⁴⁰.

Выдел младшего брата дорого обходился не только участникам, но и заводам. По предварительным расчетам, на Пермском имении Лазаревых должен был вновь повиснуть огромный долг, выплаты по которому с процентами и премией могли достигнуть 4 427 520 руб. асс. Вместе с еще не выплаченными суммами приданого сестрам Елизавете и Марии, которые согласились отложить их до тех пор, пока не будут урегулированы споры братьев, он составил 4 632 520 руб. Это означало, что ежегодные выплаты по этим долгам в последующие 37 лет равнялись бы 125 тыс. руб. “Срок весьма продолжительный и тягостный”, – констатировал Х. Е. Лазарев. В связи с новым долгом предполагалось даже сократить инвестиции “на обеспечение” Института восточных языков с миллиона до 500 тыс. руб.⁵⁴¹

Но не все получилось так, как задумали владельцы. Не удалось получить разовый крупный заем, а потому выдел младшего брата затянулся. Первый залог в Московском Опекунском совете был совершен лишь 20 сентября 1843 г. Тогда за 2771 рев. д. “общего владения” была выдана ссуда в 207 825 руб. сер. на 37 лет. Она составляла всего третью часть выкупа. Христофор Екимович позже вспоминал, что “недоразумения, распри и разные огорчения” преследовали братьев еще в 1846 и 1847 гг. После чего были сделаны сразу несколько займов. 28 октября 1853 г. в том же Опекунском совете заложили села Усть-Косьвинское с 892 рев. д. и Кыласовское с 1527 рев. д. на 181 425 руб. 13 января 1855 г. в Петербургской сохранный казне в залог было принято село Рождественское с 1990 рев. д. за 149 250 руб., а 2 мая 1857 г. и 13 января 1858 г. совершены перезалоги нескольких сел с 77 502 дес. земли. Наконец, 29 октября 1857 г. в казну была отдана лесная дача в Чердынском уезде по реке Лолог. В итоге только к 1858 г. эти кредитные операции позволили рассчитаться с Лазарем Екимовичем⁵⁴². Теперь вроде бы братья могли успокоиться. Но новые обстоятельства вновь обострили семейный конфликт.

6 февраля 1858 г. действительный статский советник и камергер, почетный попечитель Лазаревского института Иван Екимович Лазарев скончался. Он был женат на дочери пермского губернатора Наталье Богдановне Гермес, но этот брак оказался недолгим и бездетным. Еще при жизни, раздумывая над тем, кому оставить свое наследство, Иван, видимо, первоначально склонялся к мысли передать его Христофору, у которого после долгого ожидания родился наконец наследник – сын. После ранней смерти последнего кандидатом на наследство оказался “возлюбленный” племянник Иван Давыдович Делянов, сын сестры Марии Екимовны и муж племянницы Анны Христофоровны, будущий министр народного просвещения. Но и здесь дядю, все ухудшавшееся здоровье которого предвещало скорый конец, ждало разочарование: Делянов “по высоким душевным качествам” от наследства отказался. Тогда Иван Екимович решил все-таки передать его своему “другу и брату” Христофору, исходя из соображений о будущем Пермского имения. Получалось так, что в случае оставления наследства обоим братьям после их смерти нераздельное имение переходило трем дочерям Христофора – графине Марии Нирод, графине Анне Деляновой и княгине Елизавете Абамелек (которые получали по $\frac{1}{4}$ части) и трем дочерям Лазаря – маркизе Дарье д’Абзак-де-Мейрак, графине Анне Видман-Седльницкой и княгине Леониле Урусовой (по $\frac{1}{12}$ части). “Для Пермского имения, составленного из разнородных частей: железных заводов, соляных промыслов и вотчинных сел, – размышлял Иван Екимович, – необходимо согласное, единодушное управление, от которого требуются быстрота, совокупность и последовательность в распоряжении... Но могло ли быть единодушие и согласие у шести наследниц, владеющих разномерными участками, разъединенных пространством и подчиненных разнородному влиянию? Ответ ясен: при подобных условиях нельзя будет достигнуть ни единства в управлении, ни совокупности и строгой последовательности в распоряжениях, а за отсутствием того и другого имение неизбежно подвергнется расстройству, доходы значительно уменьшатся и... наследницы... неминуемо впадут в бедность и совершенное разорение”⁵⁴³.

В такой ситуации Иван Екимович счел за лучшее передать свою половину Пермского имения одному Христофору, а Лазарю оставить “от 350 до 400 тыс. руб. с платежом в срок”. Как позже свидетельствовал Христофор Екимович, такое завещание было составлено “для хранения в Московском Опекуном совете”. Но он сам, находясь “в расстроенном состоянии”, “ошибочно и вредно по излишней неуместной доброте” посоветовал Ивану забрать завещание. По словам Христофора, такое его настроение было следствием разыгравшейся в семье драмы, подобной той, которая в свое время произошла в семье дяди Ивана Лазаревича. Долгожданный сын Иван, родившийся в 1844 г., когда отцу исполнилось уже 55 лет, умер в шестилетнем возрасте. В документах, составленных в Петербургской конторе Лазаревых, говорится, что “пораженный похищением обожаемого своего преемника – сына, несчастный отец находился в нервическом расстройстве и душевной болезни, происходившей не от корыстолюбия, не от алчности, не от зависти, но от убийственного удара своего злополучия”. Тогда он решил, что “при старости, при непрестанных огорчениях должно уже пора трем братьям успокоиться, отвратить, предупредить и удалить от позора, взаимно предосудительного и грустного во всех отношениях”, и написал, что если умрет раньше старшего бездетного брата, то Иван составит “другую духовную, назначив наследником, кого пожелает”⁵⁴⁴.

В 1857 г. Христофор Екимович выехал за границу для лечения. “Во время моего отсутствия, – сообщал он, – по обоюдному желанию брат Иван взял обратно свое завещание на недвижимые имения в мою собственность и составил другое завещание на все движимое имущество в мою пользу”. О мотивации этого поступка действующие лица высказывались по-разному. В документах, исходящих от Главного управления Пермского имения, говорилось, что Иван Екимович изменил завещание не только “по доброте редкого сердца и еще потому, что Христофор Екимович сего желал”, но и “по насилиям и убеждениям Лазаря Екимовича”. Однако последний позже называл новую духовную “предумышленной, наглой, грабительской и бессовестной, которую... заставил Христофор брата старшего подписать и которая помрачает память усопшего с той целью, чтобы вынудить меня продать ему мою 4-ю часть в заводах”⁵⁴⁵.

Скорее всего, так и было, за исключением некоторых немаловажных нюансов. Видимо, завещание о недвижимости в пользу Христофора являлось своего рода “испытанием” Лазаря. Если бы тот на него не прореагировал, оно осталось бы в силе. Но Лазарь Екимович, узнав о содержании духовной, потребовал ее уничтожить на основании закона, по которому завещанию могли подлежать только благоприобретенные, но не родовые владения, каковым являлось Пермское имение Лазаревых. Осознавая серьезность этого аргумента, старшие братья (вероятнее всего, автором нового плана был наиболее заинтересованный Христофор Екимович и его многоопытные адвокаты) тогда решили иным способом лишить младшего причитавшейся ему по закону половины наследства Ивана Екимовича. Они воспользовались тем, что закон исключал из завещания только родовое недвижимое имение. В данном случае это были заводы, промыслы и селения с крепостными крестьянами, четвертая часть которых и поступала во владение Лазаря. Но если лишить его движимого имущества, чего закон не запрещал (а это металлы, соль и главное – оборотные капиталы), то Лазарь будет не в состоянии управлять перешедшей в его собственность частью, и ему ничего не останется, как тут же продать ее основному владельцу Христофору, которому доставалось все движимое имущество заводов и промыслов. Расчет строился на том, что, по мнению Христофора Екимовича, младший брат был непрактичным и “неуверенным в своих действиях” человеком и из полученных им за прежние годы сумм по выделу и доходов с имений сумел сохранить только 236 тыс. руб. в 16 билетах Коммерческого банка, имея в наличности всего 1387 руб. сер. Требовалось же сразу внести на заводское действие 154 тыс. руб.⁵⁴⁶

Новое завещание было составлено 27 июня 1857 г. в соответствии с придуманным планом. В нем Иван Екимович писал: “Желая по смерти моей, с одной стороны, устранить споры и недоразумения о правах наследства моим благоприобретенным имением... с другой же, оставить знак признательности брату моему, Христофору Екимовичу, за постоянные его ко мне в продолжении жизни любовь и привязанность и за труды по управлению общим нашим имением и домом и доставлением мне чрез то спокойствия, я отдаю в полную и исключительную собственность означенного брата все движимое мое имущество, заключающееся в наличных деньгах, билетах кредитных установлений, вазах, статуях, картинах, мебели, серебряных, золотых и бриллиантовых вещах, экипажах, железных и соляных припасах... и недвижимое имение Ярославской губернии Даниловского уезда деревню Липовицы, доставшуюся по купчей от 23 марта 1811 г. с 25 рев. д.”. Все эти капиталы и имущество были оценены в 221 256 руб. сер.

Кроме того, Иван Екимович распорядился 38,8 тыс. руб. по особой росписи передать своим многочисленным племянникам и знакомым, 50 тыс. руб. положить “на вечное хранение” в сохранную казну Московского Опекунского совета для Института восточных языков и одну тыс. руб. в пользу московских армянских церквей. 1,7 тыс. руб. он просил раздать “бедным людям и сиротам из армян”, 3 тыс. – служащим “при конторах и домах” и 500 руб. передать в пользу приходской церкви Чермозского завода. “Прошу сохранить, – писал завещатель, – по-прежнему за собой Христофору управление именьями нашими, а Лазарю – содействовать ему в доказанных многолетним опытом добрых его намерениях и по мере сил успокаивать его”⁵⁴⁷.

Но младший брат вовсе не торопился после обнародования завещания поступить так, как ему советовал Иван и как планировал Христофор. Он почел за лучшее отлагиваться и затягивать дело, не вступая официально во владение доставшейся ему четвертой частью Пермского имения, оценивавшейся в 1 160 886 руб. сер. Срочно вернувшийся из-за границы старший брат был неприятно удивлен поведением Лазаря, и ему пришлось вновь начать долгую и тяжелую борьбу с ним.

В марте 1858 г. Христофор Екимович написал письмо, в котором сообщал брату, что желает мира и согласен “на справедливое и соразмерное предложение [о выкупе части, доставшейся Лазарю]”, но не получил “удовлетворительного ответа”. Не желая лично встречаться с братом, он решил действовать через посредников, каковыми стали со стороны Христофора И. А. Баратынский, позже – И. И. Давыдов, а Лазаря – А. В. Веневиных⁵⁴⁸.

В апреле Христофор Екимович вновь обратился к брату, убеждая его поскорее согласиться на выдел. В течение 37 лет после заключения первого раздельного акта, сообщал он, в имении произошли следующие “перемены”: из спорных земель отсужено в казну или частным владельцам до 400 тыс. дес., Кизеловский и другие рудники истощены, леса истреблены пожарами и порубками и “удалились” от заводов в среднем до 29 верст (вчетверо далее, чем в 1821 г.), в заводах “по умалению воды в заводских прудах” введены вместо гидравлических дорогостоящие “и по постройке и по содержанию” паровые машины, на треть сократилась выварка соли, на четверть упали цены на железо, в то время как платы служащим и рабочим возросли более чем наполовину и с 1832 г. за крепостных платится подушная подать. “Показываю вам не все, – уверял старший брат, – а только главные перемены... и даю вам судить, может ли имение оцениваться, как и раньше, в 2 млн руб. сер.”. По его расчетам, в 1858/59 году необходимо будет истратить на заводское действие 450 тыс. руб. сер. Доход же от продажи 230 тыс. пуд. железа (на 345 тыс. руб.) и 782 тыс. пуд. соли (на 162 492 руб.) составит, исключая расходы, 57,5 тыс. руб. Если сейчас платы рабочим в составе расходов равнялись 193,5 тыс., то “при новом порядке” (имелся в виду переход на наемный труд после крестьянской реформы) они увеличатся до 391 тыс. руб. Убыток, таким образом, составит 137,5 тыс. руб. “При понесении такого убытка заводы должны будут немедленно закрыться и, если найдутся покупатели, проданы”, – пугал Христофор Екимович брата. По совету управляющего Московской конторы Г. Лабутина, он назначил максимальную цену в 400 тыс. руб., которую мог заплатить брату в течение восьми лет за четвертую часть имения. “Когда он [Лазарь] будет заводчиком, – писал старший брат в заключение, – тогда он будет должником, а когда продаст свое наследство, тогда будет капиталистом. Быть тем или другим совершенно зависит от него”⁵⁴⁹.

Наконец от Лазаря Екимовича пришел ответ, в котором он выражал готовность “кончить дело по закону совести миролюбно”, но в то же время обвинял брата в составлении завещания, которое ставило его “в совершенную зависимость” и оскорбило его “братские чувства”. Намереваясь тянуть время, Лазарь выдвинул формальный предлог. “Мне кажется, для раздела наследства прежде всего нужно знать, что делить, – писал он Христофору. – Следовательно, до приведения в известность родового состояния брата [Ивана] нельзя делать никаких предположений ни об уступке тебе в собственность моей наследственной части, ни приступить к какому-либо безобидному дележу... По истечении нескольких лет, когда определится по доходу стоимость следующей мне части, которую я тогда без затруднений могу согласиться принять по оценке капиталом на таких условиях, которые для тебя самого будут всего удобнее, ибо, скажу пред Богом, я никогда не притязал на лишнее, мне по совести не принадлежащее”⁵⁵⁰.

Христофор Екимович в штыки принял предложение брата, решив, что тот желает вместе с ним вступить во владение и управление имением. “Вместе и совокупно ни владеть, ни управлять, ни по доверенности, ни по чему иному невозможно со зловредным сонаследником, мелочным, подозрительным, обидчиком, скупым, вздорным, строптивым, даже необузданным в строптивости, в бестолковщине, в притязаниях, в раздорах, в распрях, изветах и в других постыдных поступках, по коим он известен”. Такую характеристику выдал старший брат младшему в записке, предназначенной для высшей власти. “В продолжении 80 лет, – сообщал он, – Пермское наше имение мирно управлялось благоразумием, заботами, усердием, благотворениями и пожертвованиями незабвенного нашего приобретателя – добродетельного нашего дяди, который был благодетель общий. Потом смиренный попечительный наш родитель и после его кончины мы два брата – добродетельный Иван Екимович и я – совокупно стремились всегда к упрочению благосостояния людей и имения. Все, что зависело, – по христиански, по совести, по долгу сердца, – исполняли мы всегда все законное, все правосудное, все действия наши основаны были на человеколюбии в исполнении... Теперь должно отвращать и предупреждать бедствия... Три креста на меня возложены, – продолжал он свои “горькие размышления”. – Первый убийственный крест есть смертельная утрата обожаемого единого моего сына Ивана Христофоровича. Второй жестокий крест есть утрата и кончина нежного брата Ивана Екимовича, то есть похищение добродетельного и оставление только порочного. Третий позорный, тяжкий крест состоит в том, что хитрый притязатель от юности до старости враждует от злобы, мщенья и зависти и причиняет все смуты, волнения, огорчения и еще оскорбления для чести семейства как нашего родительского, так и своего”. “Если кто из людей во всю жизнь, достигнув до старости, до 60 лет, ничем не занимался, ничем не управлял, напротив, все расстраивал, всех волновал, даже себя... кто здраво не умеет рассуждать, ни законов, ни обстоятельств не знает... тот будет разрушать согласие, гармонию и порядок”, – считал старший брат⁵⁵¹.

Ради устранения конкурента он не остановился даже перед опасением широкой огласки семейного конфликта. В письмах 1858 г. к посредникам Лазарев раскрыл некоторые тайны своего рода. Оказывается, “неприятности, ссоры и раздоры от вредного Лазаря Екимовича” начались еще 43 года назад, что и привело в конце концов к составлению раздельного акта 1821 г. Следовательно, начало конфликта относилось к 1815 г., то есть ко времени, когда Христофор Екимович “под руководством родителя” был введен в управление Пермским имением. Очевидно, это и вызвало возражения 18-летнего

младшего брата. С того времени “все его предосудительные побуждения составляли его пищу, забаву и промысел... Недостаточно было того, – писал Христофор Екимович, – что он порицал, клеветал, поносил, ругал двух братьев и всех родных на словах и в письмах в России [“Ивана называл сумасшедшим и вредным, Христофора – грабителем и ругал своего отца в обмане”], но даже присылал за границу пасквили, проклятия, предрекания и желания свои, чтоб все несчастья разразились над братьями и родными... отчего морально и физически страдали два семейства: родительское и еще его собственное – достойная добрая жена и три невинные, несчастные дочери”. Даже “добрейший” Иван Екимович называл Лазаря “семейным врагом”⁵⁵².

Опыт и знания подсказывали Христофору Екимовичу, что “оставить сложное заводско-промышленное имение в общем и нераздельном владении и управлении” будет чревато серьезными последствиями для “участников”. Он почти дословно повторил те аргументы, которыми еще при жизни Ивана Екимовича обосновывалось содержание первого завещания: “Жена и три дочери, еще три зятя француза [?], хотя может быть добрые люди и хотя они лучше нравом, нежели их отец, но как не знающие ни языка, ни местных обстоятельств, тогда тот же хаос будет продолжаться... тогда явный упадок и разорение”.

Совсем нереальным казался Христофору Екимовичу и раздел имения, хотя он знал о таком случае с соседями Лазаревых братьями Всеволожскими, поделившими в 1849 г. свои уральские владения на две части. Он припомнил о составленном много лет назад Л. Н. Ослоповским проекте такого раздела лазаревского имения. Но резолюция Христофора на извлеченном из архива давнем деле не оставляла никакой надежды на его осуществление и ныне: “Неудобно, безвыгодно, стеснительно, противозаконно”. “Если бы... решено было выделить четвертую часть, – писал он, – то разделенное имение потеряло бы настоящую его ценность”⁵⁵³.

Очень убедительным мог быть Христофор Екимович, но столь же упорным был и Лазарь, уверенный, что братья обманывали и обделяли его. Он не мог простить того, что Христофор, “вопреки всех обещаний”, тайно от него составил, по его словам, четвертое завещание Ивана Екимовича, воспользовавшись тем состоянием, в котором находился умерший брат “в последнее время жизни своей”. “Ты, видно, добрый брат, – писал он Христофору, – придерживаешься наставления Сперанского, как ты сам мне говорил: “Обещать, но не держать”... Ты увидел, что Тайный Духовный [не допустил] к лишению меня... части заводов... не послужил к пользе ни сыну, ни Делянову, который по честности отказался, ни тебе самому”. В письме к посреднику И. И. Давыдову Лазарь Екимович раскрыл свои намерения. “Брат Христофор, не довольствуясь в продолжении более 30 лет пользоваться всем имением, успел устроить участь трех своих дочерей из общей кассы... – писал он, забыв о сделанных ему более чем двухмиллионных выплатах. – Теперь же хочет вредить устроить моих детей, отказываясь быть со мною вместе”. Он сообщил, что не может продать свою часть менее чем за 800 тыс. руб., и до согласия брата вместо оборотного капитала давал ему “полную доверенность” на управление общим имением⁵⁵⁴.

Получив этот “ультиматум”, огорченный Христофор Екимович даже обратился к властям с просьбой “через правительство понудить притязателя к продаже” за предложенную им сумму, угрожая в противном случае отказаться от управления четвертой частью имения и сократить все производство. Он блефовал в надежде на помощь государства, прекрасно понимая, что в нераздельном имении невозможно отказаться от управления какой-либо частью, а сокращение производства ничего не изменит в правах владения.

На 3 мая 1858 г. была назначена его встреча с министром финансов А. М. Княжевичем, где, вероятно, Христофор Екимович не упустил упомянуть и о возможных проблемах с платежами по судам Опекунских советов. Но добился лишь того, что по его просьбе 9 мая 1858 г. министр командировал на Чермоозские заводы чиновника Уральского Горного правления Я. С. Стахиева “для присмотра” за четвертой частью имения. Тогда же Христофор Екимович распорядился заводоуправлению “для отклонения малейших даже неприятностей” обривизовать все дела и составить подробные ведомости на выплавленное железо, а Главной Петербургской конторе “не впускать Лазаря на жительство в дома и квартиры, не выдавать ни денег и каких вещей, ни лошадей, ни экипажей, словом прервать с ним... все сношения, а все ругательные его письма возвращать”⁵⁵⁵.

Вступившему во владение половиной наследства умершего брата Христофору Екимовичу ничего не оставалось делать как “принять на себя исполнение завещания”. По свидетельству поверенного, он своевременно выдал все “благотворительные капиталы, бедных наградил и сверх того прилагал по-прежнему заботы о людях, принадлежащих уже другому брату” при том, что “для приобретения спокойствия лишил сам себя полноправного распоряжения своею собственностью”. Лазарь же Екимович “не только не позаботился исполнить волю завещателя, но и не утвердил себя законным порядком в правах наследства... и даже не полюбостраствовал, какими средствами пропитываются доставшиеся ему люди и имеют ли они что-нибудь для удовлетворения своих нужд, а доходы желал получать без употребления своих трудов и капиталов, необходимых на покрытие издержек по заводам и по продовольствию людей”. Не помогло даже личное обращение Христофора Екимовича к жене брата Антониде Петровне, как называл он принцессу Бирон. Мало того, даже горные власти не смогли вручить Лазарю свои “напоминания” о необходимости высылать деньги. Оказалось, что в августе 1858 г. он выехал за границу⁵⁵⁶.

В бесплодном ожидании прошел год, когда, “истощив терпение”, Христофор Екимович вновь предложил брату мирно договориться о сумме выкупа. На этот раз он согласился при оценке имения “совершенно удалить себя, чтобы не навести сомнения” и сделать ее через посредника. Такую роль по его просьбе принял на себя “знаток и соседственный владетель” граф С. Г. Строганов, в семье которого незадолго до этого был осуществлен подобный же выдел младшего брата из общего владения их Пермского имения. По доставленным к нему сведениям, Строганов оценил часть Лазаря в 600 тыс. руб. “По мнению моему, – писал он Христофору Екимовичу, – сумма сия самая справедливая. Если Вы согласитесь уплатить 425 тыс. руб. хотя в три года... и примите на себя уплату 175 тыс. руб. долгов и обязательств по духовному завещанию... Ваш брат Лазарь Екимович должен остаться совершенно доволен”. Хотя Христофор посчитал эту оценку “по нынешним временам” завышенной, он согласился даже увеличить выплаты до 500 тыс. руб. наличными с принятием на себя всех казенных и частных долгов⁵⁵⁷.

Вернувшийся из-за границы в начале 1860 г. Лазарь Екимович наконец известил брата о своем желании встретиться и “привести к окончанию дело по определению прав на родовое имение”. Видимо, не получая никаких доходов с имения, он решил поторговаться, но все-таки заключить сделку. Однако, как и прежде, Христофор Екимович отказался лично встречаться с братом. Он писал, что находится “в тяжком болезненном состоянии” и не может принять участия в “совещании”. Он доверил провести переговоры Строганову, который “по обязательности своей изъявил готовность взять на себя этот труд”.

Но, когда граф сделал предложение Лазарю, тот, как сообщается в записке поверенного Христофора, “по врожденной склонности и непостоянству от окончания дела под разными изворотами уклонился”. Во время переговоров Лазарь вновь намекал, “что сам пойдет управлять доставшейся ему частью или пошлет доверенное лицо”. Не действовали ни убеждения Сергея Григорьевича, ни его “прямое бескорыстное объяснение с приведением примеров”. “Действовавший беспристрастно”, воспитатель детей Александра II (такую должность занимал тогда Строганов) “увертками сонаследника обиделся, и дело о соглашении Лазаря Екимовича по выделу продолжать не пожелал”. Он даже посоветовал Христофору Екимовичу “лучше вести процесс о разделе по закону, чем быть в общем владении с врагом общественных начал”⁵⁵⁸.

Именно так и решил в конце концов поступить Христофор, “подчинившись влекущей силе обстоятельств” и найдя “сочувствие к правому делу от своих окружающих”. Правда, участвовать в судебной тяжбе с братом, которая, естественно, бросала тень на безупречную репутацию рода Лазаревых, он не захотел, и в мае 1860 г. выехал “по болезни” за границу. Отъезд брата, решительный отказ С. Г. Строганова от посредничества и, возможно, опасение публичной огласки дела действовали на Лазаря сильнее словесных убеждений. Он понял, что выторговать более предложенных “отходных” не удастся, и “стал упрашивать графа через его супругу принять участие в разделе”. На этот раз Строганов потребовал от Лазаря “формальную доверенность на совершение раздельной записи в сумме по его усмотрению и чтоб он в дальнейшем в переговоры о разделе сам не входил, а все предоставил графу”. 9 июня 1860 г. Лазарь Екимович согласился с требованием графа и тот, пригласив к себе уполномоченных отсутствовавшего Христофора, 16 июня подписал акт о разделе, утвержденный Петербургской гражданской палатой.

В соответствии с этим документом, положившим конец затянувшейся семейной распре, Лазарь Екимович передавал брату доставшуюся ему часть родового имения в вечное и потомственное владение со всеми казенными и частными долгами. Взамен Христофор Екимович предоставлял ему 530 тыс. руб., причем сразу уплачивал только 130 тыс., а остальные в течение 10 лет с процентами и “правом рассчитаться прежде срока во всякое время”. Так и произошло. “Чтобы сполна заплатить, кончить и рассчитаться”, Христофор занял часть денег у родственников Деляновых и уже к декабрю 1862 г. завершил выплаты брату. В его домашней конторе посчитали, что за два отказа от владения Пермским имением Лазарь Екимович получил тульское имение со 1,2 тыс. рев. д., два каменных дома в Москве и Петербурге и 1 464 281 руб. сер. наличными деньгами. “Никто его не ограбил и не разорил, – констатировал Христофор Екимович. – Он остался при недвижимом имении, при домах, при наличном капитале до миллиона руб. сер. и еще при богатом музее дорогих вещей. Если будет расточать, то сам виновен. Я же остаюсь при заводах, при стесненных оборотах с ущербами и еще при значительных казенных и частных долгах, которые с трудом долго будут выплачиваться”⁵⁵⁹. Но “горечь победы” сглаживалась тем, что отныне Христофор Екимович становился единственным владельцем богатейшего Пермского имения Лазаревых с Чермозскими заводами, Ленвенскими и Усольскими промыслами, селами и деревнями и 20 139 бывших крепостных душ. Правда, на имении действительно висели огромные казенные и частные долги, достигавшие более миллиона рублей, и оно находилось в залоге. Но частные долги являлись преимущественно внутрисемейными (Е. Э. Лаза-

ревой, жене Христофора Екимовича, Деляновым, Абамелекам), что предполагало их возможную отсрочку в случае необходимости, и включали выплаты Лазаревскому институту и родственникам по завещаниям владельцев⁵⁶⁰.

6 декабря того же 1862 г., удалившись от дел, серьезно болевший владелец передал управление имением своему зятю генерал-майору в отставке князю Семену Давыдовичу Абамелеку. Позже тот вспоминал, что приняв на себя управление заводами, просил у тестя “неограниченной власти и полного доверия”, в чем не было ему отказано. Успешное управление князя, вероятно, предопределило решение Христофора Екимовича сохранить прежнее положение и после своей смерти. В составленном 18 ноября 1871 г. завещании заводчик выражал “искреннее желание”, чтобы Пермским имением управлял “любимый и достойный зять и друг” как “вполне ознакомленный уже с делами имения в течение 10-летнего его трудолюбивого управления”. Своих наследниц – “нежных супругу и дочерей” – он убедительно просил “никак не подвергать разделу Пермское имение и ни под каким видом не допускать выдела из него каких-либо частей в отдельное их пользование, но оставить его в общем владении навсегда и делить по закону между собой справедливо только доходы”. Во взгляде на этот вопрос Христофор Екимович остался верен себе до конца. Все движимое имущество – “картины, вазы, статуи, бриллиантовые, золотые, серебряные, бронзовые, фарфоровые, хрустальные и другие вещи, равно столовое, чайное серебро, белье, мебель, экипажи и все прочее” передавалось Екатерине Эммануиловне. 57 150 руб. раздавались родственникам и близким знакомым, 14 950 руб. – служащим, по 500 руб. получали Императорская Публичная библиотека, Санкт-Петербургское Главное попечительское общество и Комитет о тюрьмах, членом которых состоял Христофор Екимович. 10 тыс. руб. получало Управление армяно-грегорианских церквей, 2,5 тыс. руб. – армянские церкви России и 500 руб. – церковь Чермозского завода. Лазаревскому институту досталось 6 тыс. руб. “для присоединения к неприкосновенному его капиталу”, ему же предназначались 200 тыс. руб. из ожидавшихся выкупных платежей⁵⁶¹.

Всего через несколько дней, 9 декабря 1871 г., достигший 82-летнего возраста действительный тайный советник и камергер Христофор Екимович Лазарев скончался. После того как наследницы – Е. Э. Лазарева, М. Х. Нирод, А. Х. Делянова и Е. Х. Абамелек – вступили во владение родовым имением, 11 ноября 1872 г. они составили “раздельную запись”. Возможно, принять такое решение, которое противоречило завещанию, их подтолкнула записка, представленная в начале года князем Семеном Давыдовичем “для ознакомления владельцев с трудностями по заводским делам”. Главной проблемой дальнейшего развития заводов он считал отсутствие запасного капитала. “Если бы владельцы, – писал князь Абамелек, – откладывали ежегодно, начиная хотя бы с 1840 г., когда все прежние частные долги были уплачены, по 50 тыс. руб., то к 1861-му критическому году, запасной капитал у них простирался бы слишком за миллион рублей”. Но, поскольку этого не произошло в основном из-за выплат по выделу Лазаря Екимовича, с того времени доходы уменьшились, между тем как расходы на заводское действие возросли. Видя это, еще Христофор Екимович в последние годы жизни “ограничил собственные свои расходы и благодаря этой благоразумной мере удержал свои дела в балансе и успел произвести платежи по некоторым долговым обязательствам”. Главный распорядитель по делам Пермского имения (как официально именовался князь Абамелек) полагал, что и ему удастся “поддержать кредит Лазарев-

ского дома”, но рассчитывал главным образом на выкупные платежи более 20 тыс. временнообязанных крестьян, которые, правда, вовсе не торопились с выкупом земли. “При нынешнем вольном и, можно сказать, беспорядочном и недобросовестном труде никакие энергичные попытки не могут предотвратить неустойчивость и недоработки”, – делал заключение распорядитель и просил у владелиц “морального доверия”, которое одно только и могло, по его словам, дать ему “необходимую энергию” и дальше руководить имением⁵⁶². Видимо, эта необычная просьба и общий тон записки князя Абамелека испугали большинство владелиц, решивших вовсе отказаться от имения в столь опасной для них ситуации, сложить с себя всякую ответственность и ограничиться получением небольших, но гарантированных доходов.

В соответствии с “раздельной записью” все недвижимое имение поступало в единственную собственность жены князя Елизаветы Христофоровны Абамелек с переводом на нее еще полностью не выплаченного долга Санкт-Петербургскому и Московскому Опекунским советам (241 448 руб. сер.) и других долгов (институту – 200 тыс., частным лицам – 275 153 и выдач по завещанию – 65,3 тыс. руб.). “Взамен отданного имущества” матери выделялся капитал в 362 784, сестрам – по 568 435 руб., которые исчислялись из общей оценки имения (2850 тыс. руб.) за вычетом долгов. С Екатериной Эммануиловной, видимо, расчет производился сразу, а сестрам Елизавета Христофоровна должна была выплачивать деньги по 7 % (всего по 79 580 руб.) в течение 26 лет до 1898 г. В итоге выделенные наследницы должны были получить из доходов имения 2 431 864 руб. сер., то есть почти полную стоимость имения⁵⁶³. Как и прежде лазаревское хозяйство вновь обременялось огромными долгами, но взамен приобретало единственного владельца. В глазах заводчиков это, видимо, вполне уравнивало негативные последствия раздела.

Во владении Елизаветы Христофоровны (она умерла в 1904 г.) под управлением мужа Семена Давыдовича (до его смерти в 1885 г.) и единственного сына Семена Семеновича Абамелек-Лазаревых Чермоозские заводы показали один из немногих примеров успешного и динамичного развития крупного промышленного хозяйства в “постфеодальном рынке”⁵⁶⁴.

9. Мосоловы

Мосоловы – один из трех родов заводчиков тульского происхождения (вместе с Демидовыми и Красильниковыми), обосновавшихся на Урале в XVIII в. Здесь семейной фирмой было куплено два и построено восемь металлургических заводов (в том числе такие, как Златоустовский и Уфалейский). После распада фирмы и раздела заводов между четырьмя братьями в 1760 г., раздела 1768 г. между сыновьями М. П. Мосолова Василием и Антипой, выделов 1778 и 1786 гг. сына последнего Ивана, а также продаж в 1762 г. И. П. Мосоловым (Большим) Нязе-Петровского завода М. С. Мясникову и Я. С. Петрову, в 1768 г. В. М. Мосоловым Златоустовского завода Л. И. Лугинину, в 1792 г. С. И. и И. И. Мосоловыми Уфалейского и Суховязского заводов М. П. Губину к началу XIX в. на Урале осталось шесть предприятий, состоявших на посессионном праве во владении двух ветвей рода.

9.1. Мосоловы (шурминские)

Пять заводов составляли Шурминский горнозаводский округ, принадлежащий потомкам Максима Перфильевича Мосолова – сыну Антипе Максимовичу (ему принадлежал Залазнинский завод) и внуку Ивану Антиповичу (ему отец передал в управление Буйский и два Шурминских завода и сам Иван построил Шурманикольский завод). В 1790 г. на основе сфальсифицированной родословной потомки тульского оружейника превратились в потомственных дворян⁵⁶⁵.

Объединение Шурминских заводов в руках отставного поручика Ивана Антиповича Мосолова произошло после смерти его отца в 1808 г. Тогда Шурминские заводы, расположенные в Уржумском и Глазовском уездах Вятской губернии, вырабатывали в год до 105 тыс. пуд. чугуна и 37,5 тыс. пуд. железа⁵⁶⁶. 20 мая того же года, по-видимому, тяжело болевший заводовладелец составил “запись”, по которой все свое движимое и недвижимое имение “в домах, деревнях и горных заводах” (пять заводов с 1183 рев. д. крепостных находились в Уржумском и Глазовском уездах Вятской губернии, а деревни с 319 рев. д. в Вятской, Казанской и Костромской губернии) он передавал своей жене Марье Ивановне и единственному сыну Николаю. Три замужние дочери – коллежская советница Олимпиада Мосолова (видимо, была замужем за представителем другой ветви рода), статские советницы Александра Загорская и Анна Овцына (по второму браку

контр-адмиральша Карцева) – добровольно соглашались при жизни родителей, брата и его наследников на все наследство отца “не иметь никаких претензий и просьб никогда, ни в какое время и ни под каким предлогом не вчинять”⁵⁶⁷.

Однако судьба распорядилась по-иному. Уже после смерти отца, в 1811 г. губернский секретарь Николай Иванович Мосолов женился на Надежде Тимофеевне Аксаковой, старшей и любимой сестре С. Т. Аксакова, родовые имения которых находились на Южном Урале. В повести “Наташа”, основанной на воспоминаниях сестры, писатель упоминал о Мосолове как о “хвором и невнимательном вертопрахе”. Сама Надежда Тимофеевна отзывалась о нем как о человеке не злом, но легкомысленном и избалованном. 12 января 1815 г., “при каких-то странных обстоятельствах”, Николай Иванович неожиданно скончался, не оставив прямых наследников. Имение оказалось в руках его матери Марьи Ивановны и вдовы Надежды Тимофеевны, которая в 1817 г. вышла замуж за бывшего воспитателя брата, профессора Казанского университета Г. И. Карташевского (впоследствии ставшего сенатором и попечителем Виленского университета). Позже Н. Т. Карташевская вспоминала, что вокруг наследства развернулась “дикая борьба родственников, сопровождаемая обманом, воровством и вымогательством”⁵⁶⁸.

Действительно, ранее отказавшиеся от наследства сестры Н. И. Мосолова “объявили спор в присутственных местах и в горном начальстве”. В семье назревал конфликт. Как свидетельствовали его участники, А. И. Карцева и Н. Т. Карташевская сумели войти в доверие к М. И. Мосоловой, которая по “записи” 1808 г. управляла заводами и делилась с ними доходами. О. И. Мосолова и малолетние дочери умершей в 1812 г. А. И. Загорской оказались в опале и были, по словам отца и опекуна последних статского советника Василия Андреевича Загорского, “утесняемы поручицей Мосоловой”.

Тяжба о наследстве еще не была окончена, когда в 1820 г. М. И. Мосолова “приступила уже сама собой к выделу части невестки своей Карташевской” и купила у ней за 140 тыс. руб. “законную ее часть в заводах” с условием выдачи этой суммы по 10 тыс. руб. в год из заводских доходов. Загорский подал прошение в Сенат, доказывая, что вдова не имела права до решения суда предпринимать какие-либо действия со спорным наследством, и просил взять имение в опеку. 21 июля 1821 г., основываясь на “записи” 1808 г., Сенат отклонил его просьбу, но наложил запрещение на продажу и заклад всего имения Мосоловых, в том числе и на уже заключенную сделку. Пермскому Горному правлению предписывалось “иметь за заводами Мосоловых надлежащий присмотр и наблюдение”⁵⁶⁹.

Без малого через год, 25 мая 1822 г., Сенат принял наконец решение и по делу о наследстве И. А. Мосолова. Было решено отдать все “родовое имение” (Шурминский, Буйский и Шурманикольский заводы) законным наследникам – вдове “в указной части” и трем дочерям, а “за смертью одной из них, Загорской, детям ее”. Невестке Карташевской выделялась “указная часть из всего имения, которое следовало умершему мужу ее Николаю Мосолову”. На “благоприобретенное имение” (Нижнешурминский и Залазинский заводы) накладывалось запрещение, и оно оставалось в пожизненном владении Марьи Ивановны согласно “записи” 1808 г. Этим же указом сделка, заключенная между свекровью и невесткой, признавалась в силе, “как ни мало не нарушающая прав прочих сонаследниц”. В результате Шурминские заводы оказались в общем владении семи лиц,

трое из которых (дочери А. И. Загорской) по малолетству состояли под опекой отца. Всем совладельцам было предложено либо составить общее управление из доверенных лиц, либо, “если пожелают”, провести “полюбовно” фактический раздел имения⁵⁷⁰.

В августе 1822 г. казенный присмотр был снят и управление заводами передано законным владельцам, которые решили до раздела учредить общее управление. Казалось, семейный конфликт был исчерпан, тем более что приехавшие в начале июля в Уржум, где проживала М. И. Мосолова, прежде ею “обиженные” родственники были приняты “с расположением”. “Тронутая несчастным их состоянием... – сообщал Загорский, – она обещала им впредь вечный мир и материнскую любовь свою”. Вдова предложила В. А. Загорскому и О. И. Мосоловой принять принадлежавшие ей части в родовом имении взамен доходов, которые они не получали “в продолжении тяжбы с нею 8 лет”, и немедленно вступить в распоряжение заводами. От первого предложения они отказались “до прибытия Карцевой”, а на распоряжение заводами “по слабости здоровья” Мосоловой согласились, “тем более, что и поверенный Карцевой тут уже находился”. 25 июля Марья Ивановна объявила, что управление родовым и благоприобретенным имением переходит Главной Шурманикольской конторе, “которая не должна никому из участников выдавать денег без согласия на то прочих сонаследников”. “Этим, – писал Загорский, – положено было начало общему заводоуправлению и продолжалось по март месяц [1823 г.], доставляя хорошее течение делам”. Им, по-видимому, распоряжался сам Загорский, получивший 9 февраля 1823 г. от “слабой здоровьем” Олимпиады Мосоловой доверенность на управление ее частью общего имения⁵⁷¹.

В январе 1823 г. в Казань, где проживали ранее прибывшие наследники, приехала Анна Ивановна Карцева с мужем. Она осталась довольна без нее принятыми решениями и уверила сестру и зятя “в непоколебимом согласии дружбы и благодарности”. Карцевы съездили в Уржум к матери и в конце февраля вернулись в Казань “для совещания о предположенном полюбовном разделе имения”. Однако вместо этого, по словам Загорского, “они стали требовать согласия на выдачу 20 тыс. руб. и подписки об отречении его и Олимпиады Мосоловой от искательства за прошлые 8 лет, грозя отдалить раздел на многие годы”. В это время было получено известие об ухудшении здоровья Марьи Ивановны, которая вызывала всех детей “для окончательного уже положения принадлежности каждому”.

Карцева выехала в Уржум на две недели раньше других наследников. Не добившись уступок с их стороны, она, по-видимому, решила действовать иными средствами. Ссылаясь на то, что Загорский еще в декабре удалил от должности ее поверенного (уличенного “в нарушении общего согласия”), а в Буйском заводе из-за разногласий между приказчиками произошли “беспорядки и неурядицы, сопряженные с распоряжениями по заводскому производству”, она обвинила родственников в “самовластных действиях” и предприняла меры к устранению их от управления⁵⁷².

Когда ничего не подозревавшие Олимпиада Мосолова и Загорский с детьми в середине марта прибыли в Уржум, то неожиданно для себя “нашли ворота дома запертыми замком и в округе дома партикулярный караул из 10 человек”, которым приказано было их в дом не пускать. “Не постигая причины таковой странности, – вспоминал позже Загорский, – решили мы в Уржуме остановиться и по разведывании о том узнали, что в то самое время, как спешили мы к ней, Мосоловой, прибытием, болезнь ее с великим ослаблением памяти усугубилась и к прискорбию нашему отняла силы управлять собою по надлежащему, а

контр-адмиральша Карцева несчастный случай сей употребила в свою пользу и... составила дарственную от имени Мосоловой, которой та якобы отдает ей все движимое свое имение и право на следующие ей в горных заводах и деревнях в родовом и даже благоприобретенном имении части". Сонаследники усомнились в подлинности дарственной, поскольку знали, что Марья Ивановна после случившегося с ней еще в октябре 1822 г. удара не владела правой рукой и бумаг не подписывала. "Присовокупив сие обстоятельство" с недопущением их к Мосоловой, а также вспомнив, что на имение еще в 1820 г. было наложено запрещение, сонаследники обратились в Горное правление и Сенат с просьбой взять заводы до раздела в казенный присмотр, а дарственную уничтожить.

Не бездействовала и А. И. Карцева. Она подала в Горный департамент прошение, в котором, ссылаясь на дарственную запись, уже утвержденную Вятской гражданской палатой 28 марта, просила передать ей заводы в управление, а сонаследникам "избрать поверенных, кои бы смотрели за действием заводов, дабы не было на них упущений в их пользу". Для ускорения дела Карцева решила выехать в Петербург. По свидетельству Загорского, она "самовольно захватила акты и прочие заводские документы и сверх чаяния нашего, не дождавшись ни раздела, ни обще согласного какого-либо заводоуправления, спешит отъехать в Санкт-Петербург и усиливает увезти с собой находящуюся в совершенном расслаблении мать свою". Действуя через городничего, Загорский окружил солдатами инвалидной команды дом Мосоловой, где жила Карцева, и добился запрещения на выезд ее из города. Та в свою очередь ночью в отсутствии матери приказала дворовым вынести из ее комнат сундуки, в которых хранились деньги и разные дорогие вещи. По свидетельству Загорского, "при таковых действиях произошел у крепостных ее людей с полицейскими служителями, надзиравшими около дома, бунт"⁵⁷³.

Вмешательство гражданской власти и происшедший инцидент, видимо, повлияли на позицию адмиральши. К тому же Горное правление направило на Шурминские заводы чиновника Маклода для расследования. При его участии враждующие стороны пришли к согласию, которым, по его словам, те "остались довольны и мне благодарны". 12 июня 1823 г. в Казани было засвидетельствовано "за подписом разных благородных людей" "миролюбивое соглашение" о прекращении всех тяжбных дел наследников И. А. Мосолова друг против друга. Карцева и Мосолова согласились уничтожить дарственную запись, а Марья Ивановна отказалась от участия в управлении, покупки части Н. Т. Карташевской и передала свои владельческие права дочерям и зятю. За это они пообещали ей предоставлять ежегодно 15 тыс. руб. "на содержание". Олимпиада Мосолова, Анна Карцева и Василий Загорский договорились доходы, оставшиеся после выплат установленной суммы матери и $\frac{1}{7}$ части невестки, делить поровну между собой. Они брали обязательства только с общего согласия определять управляющего и приказчиков и заключать какие-либо крепостные акты. За нарушение условий договора назначалась неустойка в 100 тыс. руб. По словам Загорского, Карцева согласилась на все условия "сколько по искательству ее самой, более же по воле матери" и отбыла из Казани в Петербург⁵⁷⁴.

Однако по дороге домой она подала в Нижегородскую гражданскую палату "явочное прошение", в котором объявила, что "мирные условия на раздел имения... исторгнуты от нее и матери ее сестрой и зятем насильственным образом", а прибыв в Петербург, предприняла "тонкий маневр" в борьбе за заводы. 23 августа она подала в Горный департамент прошение, в котором сообщала, что, не имея возможности принять участие в управлении заводами по причине удаленности проживания и из-за "многих неприят-

ностей”, которые претерпела от сонаследников в бытность свою в Уржуме, “признала за полезное всю без изъятия следующую ей часть имения продать мужу своему”. Не полагаясь более на свои собственные силы в борьбе с родственниками, Карцева решила выставить против них “тяжелую артиллерию” в лице своего мужа – адмирала. Когда эта сделка не удалась, супруги предприняли другой шаг. Иван Петрович получил право опеки над детьми Анны Ивановны от первого брака с Овцыным и тем самым сравнялся по статусу с В. А. Загорским – главным соперником Карцевых.

Закаленный в сражениях контр-адмирал тут же потребовал “миролюбивое соглашение” уничтожить, а дарственную запись подтвердить. Он просил Сенат “отдать имение в управление дворянской опеки с тем, чтобы право опекунства его над детьми жены от первого брака оставшимися и обязанности его родительские в отношении к своим с нею прижитым, распространены были на имение и доходы с оного по дарственной записи”. В декабре 1823 г. Сенат приказал взять тот “участок имения”, который принадлежал малолетним детям А. И. Карцевой, в ведение Вятской дворянской опеки и определить в помощь Карцеву еще одного опекуна⁵⁷⁵. Вроде бы действия развивались по сценарию Карцевых.

В это же время, узнав о содержании заключенного “миролюбивого соглашения”, против него выступил от имени своей жены коллежский советник Г. И. Карташевский, в то время служивший в Комиссии по составлению законов в Петербурге. В прошении царю он напоминал, что сделка, заключенная между М. И. Мосоловой и ее невесткой в 1820 г., утверждена Сенатом и отменить ее без согласия самой Н. Т. Карташевской сонаследники не имели законного права. Он сообщал также, что Мосолова лишь дважды, в 1820 и 1821 гг., выдала невестке договоренную сумму в 10 тыс. руб., “а далее не платила, в чем Надежда делала ей снисхождение тем более, что имела известие о тяжелой ее болезни”, и потребовал от совладельцев выплатить своей жене за два года 20 тыс. руб. с процентами⁵⁷⁶.

В. А. Загорскому и О. И. Мосоловой пришлось “держать удар” сразу с двух сторон. В этой борьбе они привлекли на свою сторону “главную владелицу” М. И. Мосолову, взяв на себя заботу о ее здоровье. Желая скорейшего окончания ссоры между детьми, Марья Ивановна расценила действия младшей дочери и невестки как личный выпад против нее. 9 января 1824 г. она выдала Загорскому доверенность ходатайствовать за нее против Карцевой и Карташевской. “После опыта, который вы оказали во время жестокой болезни моей, – записано в этом документе, – ясно вижу чистейшее ваше ко мне усердие и надеюсь, что вы к защите меня употребите все, что только зависеть от вас будет. Впрочем, вы стараться должны и собственно для себя, поелику все, что только еще имею духовным завещанием и дополнением к нему, учиненном в декабре минувшего года, благоволила я вам с детьми вашими и старшей дочери моей Олимпиаде Мосоловой”. Престарелая вдова, и до этого бывшая игрушкой в руках своих родственников, вновь была использована ими в борьбе за власть на заводах.

По иску Карташевской объединившимся совладельцам пришлось пойти на уступки, поскольку Вятской гражданской палатой было принято решение “привести в непременное исполнение” условия сделки ее с Мосоловой. Было решено следующие невестке суммы выплачивать из тех 15 тыс. руб., которые по договору получала Марья Ивановна на свое содержание⁵⁷⁷. Таким образом один “удар” был отбит без серьезного ущерба. Однако от контр-адмирала, лично прибывшего в Уржум 20 января 1824 г. с доверенностью на управление заводами, так же легко отделаться было трудно. Из донесений исправника

Юдина Горному правлению следует, что между Карцевым и Загорским сразу “возникли новые споры и по управлению заводов несогласие”. “Заводские люди, а особенно служащие при конторах, – сообщал он, – разделились на партии, и каждая защищается своими владельцами. В главную контору посланы от них предписания, одно другому противоречащие, наполненные притом обидными и даже чести касающимися выражениями”.

Оба героя разворачивающейся трагикомедии одновременно подали друг на друга жалобы властям. Загорский доносил, что адмирал против воли Мосоловой вселился в ее дом и “делал ей разные грубости”. Когда же та решила уехать в Казань, он прибегнул к испытанному средству: “вытребовал от командира инвалидной команды 12 человек с ружьями и, поставив оных у окон спальни больной тещи его, прислал объявить, что он ее не только из города, но и из дома не выпустит”. “Подобные оскорбления, – свидетельствовал Загорский, – нанес он также мне, Олимпиаде Мосоловой и уржумскому городничему”. “Тридцать три года служил я Государю и отечеству честно и усердно, – напоминал властям свои заслуги статский советник, – имею к утешению моему от всех мест, где служил, лестные аттестации, в особенности же о службе моей в лейб-гвардии Семеновском полку, которую имел счастье продолжать около четырех лет под личным Высочайшим начальством Государя Императора и удостоился получить засвидетельствование за собственноручным Его Величества подписанием”. В том же роде высказался и адмирал. Он жаловался, что Загорский во время их проживания в Уржуме “дерзостью своею наделал ему нестерпимые обиды и оскорбления, не уважая ни 40-летней службы его, ни звания его, и неоднократно покушался даже дерзнуть его рукою, от чего принужден был он ограждать себя находившимся при нем караулом”. Марья же Мосолова, по его словам, “будучи поработчена Загорским и Олимпиадой Мосоловой, от страха и боязни все переносит”⁵⁷⁸.

Провести следствие по взаимным жалобам заводовладельцев было поручено тому же исправнику Юдину. На его глазах и с его участием на заводах произошли события, подобные которым вряд ли можно найти в истории уральской промышленности: один из владельцев лично инициировал “беспорядки” на заводах. 15 апреля, на Пасху, Карцев прибыл в Шурминский завод в сопровождении титулярного советника Полякова, который, по словам исправника, “себя показывал с ума шедшим”. Сначала этот Поляков “при личности самого Карцева, ходивши по балкону и вокруг господского дома, кривляясь, кричал диким голосом с произношением странных и ругательных слов, касающихся одних только наследников Загорского, Олимпиады Мосоловой и вдовы Марьи Мосоловой”. Когда Юдин попросил Карцева унять Полякова, тот “с неудовольствием” ответил ему, что Поляков “есть сумасшедший и что ж с ним делать, он и меня ругает”.

В это время в дом внесли два бочонка вина, и Карцев, приказав войти собравшимся “во многом числе” заводским людям, христосовался и угощал их, “которые по случаю праздника и без того были довольно в подгулке”. При этом адмирал говорил, что “он им есть отец, а они ему дети, с ними всегда будет жить... что провиант выдается гнилой и обвешивают, что управляющий налагает тягостные работы. На что крестьяне, будучи обласканы и угощены, с чрезвычайным криком говорили: правда, Ваше Превосходительство! Он же, обратясь к людям, говорил: потерпите, любезные друзья, я вас от угнетения исправника и управляющего скоро избавлю, оставлю вам по желанию вашему начальником одного Усачева, а чрез неделю приеду, дам вам по рублю и всем будете довольны”. На увещания Юдина Карцев отвечал “с видом неудовольствия, что не твое дело, я хозя-

ин, что хочу, то и делаю, и ты мне указывать ни в чем не можешь”. Затем адмирал сел в повозку и, прихватив вино, уехал в Верхний завод, отстоящий от Шурминского в двух верстах, где, по свидетельству Юдина, также поил рабочих.

Предусмотрительный исправник, “опасаясь дурных каких-либо последствий”, остался в заводе, о чем тут же горько пожалел. “Между тем, – сообщал он, – жена приказчика Усачева Дарья Владимировна, из крепостных заводских, будучи пьяная, прибежав к заводской конторе и с крыльца оной с азартностью ругала меня всякими скверными словами, сказала мне кукиши и в вящее оскорбление касалась даже и срамного своего места при том же собравшемся народе”. Досталось и ни в чем не повинной жене исправника, наблюдавшей с крыльца своей квартиры: и ее Усачева “всяческими... словами ругала”. Юдин приказал арестовать буянившую женщину, но никто не пошевелился, а “крестьяне во все горло хохотали”.

Совсем растерявшийся исправник решил нажаловаться Карцеву, который вскоре вернулся, но тот снова обругал его, сказав, что “вы чужие... а они мои, и с ними я останусь навсегда”. Некоторое время адмирал действительно еще оставался с народом, вновь говорил мастеровым, что “он всем защитник, чтоб заводского исправника и управляющего Антропова ни в чем не слушались”. При этом приказчик Усачев “махал палкою и кричал народу: слышите ли, ребята!” Все закончилось тем, что заводские люди упали на колени перед Карцевым и кричали: “Мы все Вашим Превосходительством довольны”. “С сим восклицанием” Карцев уехал из завода. Больше его имя не всплывало в этой истории. Видимо, за подобное поведение у контр-адмирала отобрали доверенность и лишили права опекунов. Вслед за ним уехал и Юдин, сообщив в Горное правление, что “водворить порядок, тишину и спокойствие в заводских людях” он уже никак не может. По его оценке, Карцев “вознамерился породить как между управляющими, так и между заводскими людьми раздор и несогласие” и с помощью Усачева “удобно может склонить к несправедливым жалобам и даже к описанному мятежу”⁵⁷⁹.

Пермское Горное правление, узнав от исправника о происшедших на Шурминских заводах событиях, пригрозило Карцеву и Загорскому “взять заводы в казну”, если они не прекратят ссоры и с общего согласия не выберут к управлению заводами доверенных людей. Но ситуация только обострилась, особенно после того, как 28 ноября 1824 г. умерла Марья Ивановна Мосолова. Споры о наследстве разгорелись с новой силой. В. А. Загорский и О. И. Мосолова считали, что по “миролюбивому акту” наследство умершей принадлежит всем совладельцам; Карцева – что по дарственной записи только ей, и, по словам Загорского, “отвергала те истинные основания, на каковых мы желаем с нею заключить новый и твердый мир”. Они сосчитали все “обиды”, нанесенные им неговорчивой сонаследницей, включив в общую сумму претензий 280 тыс. руб., которые они не получили, в отличие от Карцевой, за время управления заводами М. И. Мосоловой, 300 тыс. руб., которые якобы адмиральша “вынула непозволительным образом из сундуков матери ее”. Во 100 тыс. руб. было оценено разное имущество, которое Карцевы “взяли и увезли с заводов”. Кроме того, Загорский и Мосолова потребовали от Карцевой уплаты 100-тысячной неустойки, предусмотренной за нарушение условий “миролюбивого соглашения”. Поскольку иск к адмиральше достигал 780 тыс. руб., а имущество ее оценивалось всего в 220 тыс., то сестра и зять потребовали остановить выдачу Карцевой доходов и наложить запрещение “в письме всяких крепостных актов, чтоб не обременяла заводы неоплатными долгами или не запрдала, как это было в 1823 г., мужу своему”⁵⁸⁰.

Появившийся в это время новый персонаж запутанной истории, чиновник 9-го класса Е. М. Овощников, называвший себя уполномоченным Карцевой, опекуном и попечителем ее имения и малолетних детей, со своей стороны обвинил Загорского и Мосолову в “заборе из заводской кассы” 101 тыс. руб. и вывозе “непозволительным образом” разного имущества на 40 тыс. руб. Он также жаловался, что, вопреки законам, “удален от участия в расчетах” и не может воспрепятствовать “столь великой обиде доверительницы его и малолетних детей”. Однако выяснилось, что Овощников не имел ни паспорта, ни каких-либо документов о службе и запятнал себя, “ухищенным образом захватив вырученные от продажи металла на Нижегородской ярмарке 56 тыс. руб.”. Будучи пойман, он, по свидетельству очевидцев, “вынул 10 тыс. руб. из бокового кармана и 40 тыс., спрятанных в лубяном коробе, где хранятся вина”. Остальные 6 тыс. руб. при нем не были найдены. Эти факты, по мнению чиновников Горного правления, ясно показывали, “что он намерен был скрыться с той суммой”, хотя сам Овощников говорил, что вез их Карцевой в Петербург, избегая “захвата” денег Загорским⁵⁸¹.

Пермское Горное правление, “не находя уже более никаких средств восстановить между наследниками согласие, а вместе с тем водворить в их заводах надлежащий порядок по управлению”, в январе 1825 г. определило взять Шурминские заводы в заведывание Уржумского уездного суда, “дабы за сим по управлению в тех заводах полицией не могло последовать каких-нибудь упущений”, и провести следствие по взаимным обвинениям владельцев.

Прибывшие для ведения следствия заводский исправник Бельков, назначенный вместо пострадавшего Юдина, и дворянский заседатель Бехтерев неожиданно столкнулись со скрытым сопротивлением со стороны находившихся в заводах Загорского и Мосоловой. Так, владельцы разрешили присылать им для допроса людей только после работы в 8-м часу вечера партиями по 30 чел., “отчего они должны были вести следствие по ночам, а у людей возникал ропот”. А однажды исправнику вновь досталось от сердитого владельца, правда, уже не Карцева, а Загорского. Последний “по непонятной причине” уклонился от присылки требуемой к опросу дворовой девки Дарьи Тимофеевой. “В приход мой по сему случаю в покои, Загорским занимаемые, – вспоминал Бельков, – тот, встретясь со мной в зале, в азартном виде при каких-то чиновниках и прочих людях, мне неизвестных, начал на меня кричать, как я смел требовать к спросу девку Тимофееву и еще через казака, а не сам к нему пришел, поелику де он статский советник, может меня к тому принудить, и что поставит к квартире нашей караул”. История повторялась, правда, в более мягком варианте: Загорский ограничился лишь одним “внушением”.

В Буйском заводе, где произошел описанный инцидент, следователи подверглись и другим, “многозначительным”, по их мнению, неприятностям. Однажды, в начале февраля, во флигеле господского дома, где они квартировали, случился пожар. В следующий приезд, уже в начале мая, в комнату, где следователи и Овощников обедали, вбежал сторож и сообщил, что они заперты. Перепуганные чиновники выскочили через окно на улицу, но в ходе осмотра дома ничего опасного не обнаружили. Управляющий заводом Шилов, бывший свидетелем этой сцены, сходил в дом Загорского и, по словам Белькова, “возвратясь к нам, над сим случаем только смеялся”. Опасаясь дальнейших неприятностей, следователи поспешили выехать из завода⁵⁸².

В итоге уездный суд под предлогом обремененности множеством дел предпочел отказаться от дальнейшего расследования, и в октябре 1825 г. Горное правление приказало взять заводы в казенное управление “на том основании, на каком находились под таковым управлением заводы наследников Зеленцова”. Однако министр не утвердил это решение. По закону горные заводы тогда только могли быть взяты в казенное управление, когда приходили в расстройство, а заводчики – в неоплатные долги. По сведениям же Горного департамента заводы наследников И. А. Мосолова находились “в цветущем состоянии”, со времени поступления в 1822 г. в управление всех наследников действовали “лучше прежнего, имели довольное число запасов, горные подати платили исправно, никому не были должны и давали чистого дохода в год от 80 до 86 тыс. руб.”.

31 декабря 1825 г. было вынесено решение Шурминские заводы “впредь до усмотрения” оставить в управлении владельцев, “преподав им только, по случаю разногласий, некоторые на то правила”. Эти правила, утвержденные Сенатом 13 мая 1826 г., включали требование управлять заводами посредством главной конторы, составленной из доверенных лиц от каждого “участника” и опекуна части детей Карцевой. Всякое распоряжение, сделанное помимо конторы, следовало оставлять без исполнения, а дела вести с общего согласия и решения принимать большинством голосов. Кроме этого, Горный департамент назначил особую комиссию “на кошт заводов” для контроля доходов и распределения их. Выдачу наследникам дохода “впредь до раздела” было приказано производить “не иначе, как с разрешения Горного правления”⁵⁸³.

Комиссия в составе советника Герасимова и гиттенфервальтера Чернышева прибыла на Шурминские заводы 27 июля 1826 г., но столкнулась с открытым противодействием ей и Главной конторе со стороны Овощникова, который вовсе не собирался подчиняться требованию об его удалении с заводов. Мало того, он захватил ключи от сундука, где хранились деньги, и препятствовал их выдаче на заводские нужды. “Овощников входит в контору, – сообщали ее члены, – с военными служителями, исполняющими его приказания, вмешивается в дела, ему запрещенные, в особенности касательно денег, и стремится при пособии солдат, так сказать через содержание членов конторы, в том числе и дворянского заседателя, под военным караулом, принудить их допустить его касаться денег, с коими он, нельзя сомневаться, чтоб не поступил так же, как в Нижнем Новгороде”. Он, приходили к заключению управляющие, “на заводы имеет наезды единственно только с целью захватить заводские деньги”.

Следственная комиссия предписала сбить замок и печать Овощникова с сундука, но члены конторы не осмелились сделать этого “во избежание нарушения правил по управлению... зная свойства Овощникова, который не упустит отнести сие к цели какой-либо неблагонамеренной и поставить перед правительством с выдуманными его заключениями”. В результате почти полгода была фактически парализована финансовая деятельность заводов, а рабочим не выдавалась заработная плата⁵⁸⁴.

В. А. Загорский и О. И. Мосолова в это время находились в Казани. Не будучи в состоянии что-либо предпринять против поверенного А. И. Карцевой, они возложили ответственность за все возможные результаты “непотребных и чрез меру наглых его поступков... могущих впоследствии причинить заводам невозвратный вред”, на его доверительницу и обратились с прошениями в Министерство финансов. Лишь 30 декабря 1826 г. Пермское Горное правление своим указом отстранило от управления и Овощникова, и заводского исправника Березина, находившегося с ним “в неудобопомянутой свя-

зи”. Не остался в долгу и бывший уполномоченный. Вместо себя он определил в Главную контору служителя Арефьева, который, по мнению других членов, вовсе не подходил для этой должности. Были случаи, сообщали они, что в пьяном виде Арефьев душил кушаком мастерового, украл на рынке сазана, “которым и был бит”, “обращался по домам с непотребными женщинами” и даже ругал контору “скверноматерными словами”. Дело дошло до того, что более 50 жителей Верхнешурминского завода, где проживал новый член Главной конторы, потребовали удалить его оттуда. “Можно ли верить ему заводоуправление?” – задавали риторический вопрос управляющие и удивлялись, что Карцева, “имея проживание в столичном городе Петербурге, не могла и не может найти другого благородного и качествами и поведением человека”. Новый конфликт погасил Загорский, распорядившись не допускать Арефьева до заводских дел⁵⁸⁵.

В это время к полному его удовлетворению завершилась деятельность следственной комиссии. Проверив все расчеты с 1822 г., комиссия признала действия Загорского и заводоуправления “благоразумными и общепользовными во всех распоряжениях... и заслуживающими справедливую признательность”. 20 апреля 1827 г. заключение комиссии было одобрено Горным правлением. Предчувствуя это, еще в январе из Казани в Петербург отбыла О. И. Мосолова, все эти годы остававшаяся верной союзницей В. А. Загорского. Она оставила ему вторую доверенность, в которой “сверх прежнего” уполномочивала зятя погасить спорные дела с другими сонаследниками “новым прочным мировым положением” и получать доходы, на ее часть следующие, для отправления в столицу⁵⁸⁶.

Потерпев окончательное поражение и запутавшись в долгах, А. И. Карцева решила на новое “примирение”. В поданном вместе с другими совладельцами 7 ноября 1827 г. прошении Горному правлению она, по словам сенатского указа, “сознавалась, наконец, сама в ничтожности дарственной записи и несправедливости ее с мужем иска и опровержения на мировую сделку 1823 г.”. Между наследниками в Петербурге был заключен новый “мир”, которым восстанавливалось в полной силе прежнее их “миролюбивое положение”. Карцева обязалась уплатить неустойку в 100 тыс. руб. “без всякого прекословия заплата из заводской части ее доходов в продолжении пяти лет”. Остальные претензии совладельцев на нее были сняты. Все согласились оставить имение в общем владении, не доводя заводы до раздела. Утверждая это соглашение, Сенат указом от 28 декабря 1828 г. повелел обе седьмые части (М. И. Мосоловой и Н. Т. Карташевской), фигурирующие в дарственной, обратить на платеж невестке тех 140 тыс. руб., за которые она еще в 1820 г. продала свою долю свекрови. В 1832 г. Сенат распорядился “окончить сей платеж решительно”, в результате чего к 1834 г. все выплаты уже именуемой тайной советницей Карташевской (17 марта 1831 г. Г. И. Карташевский был пожалован в дворянское достоинство)⁵⁸⁷ были закончены и она вышла из состава совладельцев Шурминских заводов⁵⁸⁸.

Другим следствием соглашения 1827 г. явилось значительное расширение прав В. А. Загорского. 31 октября, вслед за старшей сестрой, “раскаившаяся” А. И. Карцева в признательность зятю “за благоустройство заводов наших, возведенных единственно трудами и попечением вашим в цветущее состояние”, просила его принять на себя главное управление всем совместным имением. Статский советник оправдал надежды своих доверительниц. С их согласия в 1828 г. он унифицировал структуру Главного Шурманского управления, во главе заводских контор поставил знающих людей, организовал регулярную связь заводов со всеми владельцами, попытался (правда, безуспешно из-за отказа горных властей) упростить производственные связи между заводами округа, ре-

шил проблему наделения заводов казенными лесами, преобразовал казанскую лавку по продаже металлов в торговую контору, деятельность которой мог лично контролировать, поскольку располагалась она при его доме. “В течение года, – оценивали 10-летнее управление Загорским поверенные, – предложений его получается более 200 и каждое... заключая в себе или правило, или напоминание, или разрешение недоуменного случая, или одобрение – и всегда к общей пользе заводов и владельцев... Следствием сего... было то, что в прошлые и немногие годы и Карташевской заплачено от заводов 140 тыс. руб. с многими процентами... и сверх того доходов владельцам получасмо было до 24 тыс. руб. в год без истощения заводского капитала и при всем исправном платеже казенных податей и повинностей”. Мало того, Загорский оказал содействие Карцевой в уплате ее долгов на сумму 167 тыс. руб. Получая ежегодные отчеты, Мосолова и Карцева неоднократно благодарили “любезного братца Василия Андреевича... за попечение общим нашим имением, а особливо же за благоустройство наших заводов, возведенных вами в настоящее их цветущее состояние”⁵⁸⁹.

В отличие от “братца” Карцева не сдержала слово, данное при заключении соглашения 1827 г., не делать больше новых долгов. К 1831 г. она вновь задолжала кредиторам более 300 тыс. руб. и “была доведена даже до невозможности содержать себя”. По указу Сената все доходы, следующие на ее часть, должны были высылаться в Петербургский надворный суд для погашения долгов. Но, несмотря на это, в 1833 г. адмиральша решилась на сдачу в аренду своей части в заводах титулярному советнику Ивану Петровичу Рубо-де-Понтевесу, которому задолжала около 98 тыс. руб. Этот новый персонаж вроде бы благополучно закончившейся истории с дележом наследства И. А. Мосолова на некоторое время опять внес диссонанс в отношения между совладельцами.

Основываясь на том, что Карцева предоставила в его распоряжение все свое недвижимое имение со всеми доходами до декабря 1842 г., он потребовал от Загорского своей “доли участия” в управлении заводами, вновь поднял вопрос о дарственной, которая так и не была уничтожена в связи с сохранением опеки, и потребовал ревизии счетов. В октябре 1833 г. Рубо прибыл на заводы и, как свидетельствовали члены конторы, “почти не входя в дела заводов, для него новые, в том же октябре уехал в Казань”. Там он “уклонился от свидания с Загорским”, вернулся в Петербург и, “сколько не было к нему от конторы представлений, ни на единое ничего не отвечал”. В. А. Загорский, видимо, уже не чувствуя в себе сил вновь вступить в борьбу, писал в 1836 г., что “после многолетних по заводам попечений ныне почитает то себе за бремя и готов к своему спокойствию давать согласие на все, что и как ни разрешат прочие сонаследники”. Но вряд ли эта пассивная позиция объяснялась одной лишь усталостью или болезнями. Вероятно, многоопытный “боец” понимал, что сделка Карцевой с Рубо незаконна, поскольку противоречит указу Сената 1831 г. К тому же 17 июля 1837 г. Сенат поставил точку и на деле о злополучной дарственной: она была истребована уездным судом у Карцевой и уничтожена, а опека снята. Через полгода закончилась и история с Рубо. В феврале 1838 г. он за какие-то преступления оказался под следствием в петербургской градской тюрьме⁵⁹⁰.

Правда, Василий Андреевич Загорский, по-видимому, не узнал окончания этой истории, поскольку жалобу по делу о дарственной в январе 1837 г. подписали уже его дочери, девицы Варвара, Екатерина и Александра Загорские, вместе со своей теткой статской

советницей Олимпиадой Ивановной Мосоловой, уполномоченным которой еще с начала 1830-х гг. выступал сын гвардии штабс-капитан Николай Иванович Мосолов⁵⁹¹. Именно он вскоре окажется единственным владельцем Шурминских заводов.

Первым актом, приведшим к такому результату, стал раздел, заключенный совладельцами 19 июля 1841 г. в Казанской палате гражданского суда. К этому времени О. И. Мосолова, видимо, умерла или передала свою “третью часть” общего владения сыну Николаю (проживавшему в собственном доме № 76 в 5-м квартале Литейной части Петербурга). Из владевших другой третью нераздельного имения дочерей Загорского, Варвара Васильевна вышла замуж за коллежского советника Любимова, а Александра Васильевна – за гвардии поручика Леонтьева. В “девицах” оставалась их совершеннолетняя сестра и сонаследница Екатерина Васильевна Загорская. Последней “третьей частью” по-прежнему владела Анна Ивановна Карцева, проживавшая в Царском Селе и выдавшая доверенность Мосолову.

Хотя, объясняли владельцы свое решение, “теперь все части управляются посредством Главной Шурманикольской конторы, в коей присутствует от каждой владельческой стороны доверенный член, но сколько бы ни были для сего управления благонадежны правила, за всем тем, однако же, нередко встречаются несогласия, которые на предбудущее время могут возродить между нами неудовольствие, усилить и произвести тяжбы, для нас разорительные, а для имения, и особенно заводского, пагубные”. Для “отвращения столь вредных последствий и в сохранение доброй дружбы” совладельцы, по их словам, и предприняли раздел общего имения, состоявшего тогда из Шурминских заводов (1927 рев. д.) и имений (395 рев. д.) в Костромской, Казанской и Вятской губерниях, двух земельных участков около города Уржума и в Шурминской волости (373 дес.), а также каменных и деревянных домов в заводах, некоторых деревнях и городах Казани и Уржуме⁵⁹².

Раздел 1841 г. касался части трех сестер Загорских, которые предоставили ее “в вечное и потомственное владение” своего кузена Николая за компенсацию в 387 500 руб. асс. Из этой суммы по 135 тыс. руб. предназначались В. В. Любимовой и А. В. Леонтьевой и 117 500 руб. – Е. В. Загорской. Сестры “предавали забвению” все прежние расчеты с родственниками и разрешали Мосолову заложить заводы “для удобства выплаты за уступленную ему часть в заводах”. Вскоре Николай Иванович так и поступил. 22 сентября 1842 г. Заемный банк выдал ему под залог Шурминских заводов ссуду в 115 620 руб. сер. на 37 лет. Из этой суммы, сообщал Мосолов, “удерживается банком для наследниц Загорской следовавшая им сумма... а я получаю из этого только то количество, которое сверх ее мне определяется”⁵⁹³.

Незадолго до этого, 27 июля 1842 г., в Горный департамент поступило прошение, которое можно считать завершающим актом передачи общего имения в единоличное владение Н. И. Мосолова. В нем сообщалось, что 17 апреля Мосолов окончил длившийся уже 11 лет расчет с Карцевой по ее “многотысячным” частным долгам. Видимо, ежегодные переводы денег с Шурминских заводов в Петербургский надворный суд значительно превышали долю доходов Карцевой и по договоренности с ней зачислялись в качестве своего рода выкупа за ее часть имения. Перечисление последних 29 184 руб. означало утрату Анной Ивановной своей части, о чем она и сделала в тот день “надлежащие надписи на подлинных актах”. “Я, – уведомляла адмиральша, – объявляя о получении полного по оным [долгам] удовлетворения, отстраняю себя от всякого участия по имению и прошу о

зачислении Шурминских заводов за одним из нас”. Приняв утвердительное решение по этому прошению, министр финансов поставил точку в очередной перемене среди владельцев Шурминских заводов. 20 июля 1843 г. Заемный банк перевел долг, возложенный прежде на всех пятерых совладельцев, на ставшего единоличным собственником Николая Ивановича Мосолова⁵⁹⁴.

В его лице Шурминско-Залазнинские заводы нашли довольно предприимчивого хозяина. Вступив в управление, он предпринял попытку модернизации сложного по своей внутренней организации заводского хозяйства. Идея более рационального устройства производственных связей между заводами округа была выдвинута еще в конце XVIII в. его прадедом по матери А. В. Мосоловым, который планировал устроить при Залазнинском доменном новый железодельный завод. Но по какой-то причине тогдашний владелец не воспользовался данным Берг-коллегией разрешением, и чугуна Залазнинского завода по-прежнему возили для передела почти за 200 верст на Шурминский и Буйский заводы его сына И. А. Мосолова. В 1830 г. уже при управлении В. А. Загорского был вновь поднят этот вопрос, но Горный департамент тогда не разрешил построить новый завод из-за недостатка отводных лесов⁵⁹⁵. Удалось осуществить давний проект в 1840–1850-е гг. уже новому владельцу. Правда, для этого ему пришлось преодолевать многочисленные бюрократические препоны.

Уже в июле 1841 г. Мосолов решился на постройку нового комбинированного завода на речке Кульме. Причинами тому был недостаток выплавки чугуна на Верхнешурминском и Залазнинском заводах, в результате чего передельные заводы не могли действовать на полную мощность, а также истребление лесов в окрестностях Шурминских заводов поселившимися там государственными крестьянами. Место для нового завода находилось вблизи (в 30 верстах) Шурманикольского завода в глухом, незаселенном и богатом лесами крае; недалеко были обнаружены и уже отведены рудники. Мосолов просил поставить там плотину, доменную печь и кричную “фабрику” с шестью молотами. “Это, – считал он, – не только обеспечит чугуном мои заводы, но и предоставит казне возможность получить новый доход”.

Уральское Горное правление тогда же назначило чиновника Подкорытова “сделать обзор заводам Мосолова и удостовериться лично, точно ли заводы претерпевают неудобства и стеснение”. Одновременно в Вятскую палату государственных имуществ был отправлен запрос о возможности отвода того места для завода. В феврале 1842 г. Горное правление получило ответы на интересующие его вопросы. Подкорытов поддержал просьбу Мосолова и нашел удачным выбор места для завода, а палата отказала в отводе, сославшись на то, что устройство завода нанесет вред произрастающим там “корабельным рощам”. В такой ситуации Горное правление предпочло передать решение вопроса на усмотрение Горного департамента. Два года потребовалось только для того, чтобы уведомить Горное правление о необходимости точнее определить выгоды казны от строительства завода. После этого уже и Горное правление не торопилось с делом. Лишь в марте 1845 г. главный начальник распорядился выяснить, откуда Мосолов полагает набирать рабочих для нового завода и “на сколько лет достанет рудников вблизи его”. В августе 1849 г. исправник Шурминских заводов донес, что 349 рев. д. будут переселены Мосоловым из его костромских и вятских деревень, а обнаруженных 23 рудников “со значительным содержанием чугуна” должно вполне хватить для действия нового завода. Однако В. А. Глинке этого показалось недостаточно. В апреле 1850 г. он писал, что из-за

отсутствия точных расчетов о выгоде казне невозможно представить “высшему начальству дело сие в таком виде и необходимо дополнить его необходимыми сведениями”. На сомнения главного начальника навела палата государственных имуществ, которая вновь неодобрительно высказалась насчет предложения Мосолова. “Хотя это место не приносит казне никаких доходов, — сообщалось в ее предписании, — но уступка его под завод весьма невыгодна для казны... так как при увеличении народонаселения увеличится и злоупотребление казне со стороны заводских людей, чему служат доказательством жители Шурминских заводов, которые помимо отведенных им лесов делают порубки в казенных дачах и... к тому же в той лесной даче проводятся опыты правильного лесоустройства”⁵⁹⁶.

Точку в этом явно затянувшемся деле поставил сам заводчик. В октябре 1850 г. Николай Иванович подал прошение. “Мысль о постройке Кульмского завода, — говорилось в нем в изложении чиновников Горного правления, — возбуждена была вследствие претерпевавшихся Шурминскими заводами стеснений в их действии и она могла быть полезна при надежде господина Мосолова устроить это дело скоро и тем скорую подать помощь Шурминским заводам. Но когда ныне одна переписка... потребовала девять лет времени, то он уже убежден, что предположение это не достигает своей цели, ибо до того времени, к коему он мог надеяться получить разрешение на устройство завода и покуда будут отведены к нему земли, Шурминские заводы, если господин Мосолов не примет других мер к их поддержанию, могут упасть в их действии совершенно, почему он вынужденным находит отказаться от желания устроить новый завод и просит всю переписку по сему делу окончить”. 24 октября правление определило “за отзывом господина Мосолова от постройки нового завода считать дело решенным”⁵⁹⁷.

К этому времени заводчик нашел уже другие способы “подать помощь” свои заводам. Еще в 1842 г. Николай Иванович построил рядом с Залазнымским железодобывательный Залазнымско-Никольский, а в 1856 г. доменный и железодобывательный Залазнымско-Белорецкий заводы. В результате прежде единое, но нерационально устроенное хозяйство фактически разделилось на два округа – Шурминский с доменным Шурманьковским и двумя передельными Шурминскими и Буйским заводом и Залазнымский в составе трех вышеуказанных заводов. Но главное управление по-прежнему осталось единым.

Столь крупная модернизация потребовала значительных расходов. В результате к 1861 г. владелец задолжал только по горным и земским податям почти 31 тыс. руб. В мае того года исправник доносил, что рабочие заводов майора Мосолова уже несколько месяцев не получают заработной платы, а запасов, как заводских, так и продовольственных, почти вовсе не осталось. На поужение Горного правления и вятского губернатора проживающий в Буйском заводе владелец ответил, “что совершенно не может продолжать хозяйственное управление без содействия правительства, что заводоуправление потеряло все моральное влияние на народ, расстроилось во всех расчетах и не имеет средств к составлению сумм, потребных для заводского производства”.

По его мнению, причиной такого положения являлись “стеснительные для него действия” исправника и Горного правления, предпринявших секвестр металлов его заводов за неуплату казенных податей. Кроме того, заводчик возложил ответственность на то же правление за “настоятельные распоряжения об уплате рабочим заработанных ими денег”. “Рабочие, — писал он в свое оправдание, — и в прежнее время никогда своевременно не получали задельных плат и, оставаясь неудовлетворенными в продолжение пяти

и даже восьми месяцев, подчинялись безропотно такому издавна принятому порядку”. Своим же вмешательством, по мнению владельца, чиновники “нарушали законные отношения помещика к своим крестьянам”. На такое “изобличительное для самого Мосолова оправдание” из горного ведомства ответили, что как раз их действиями и был поддержан порядок, а нарушение его “происходит вследствие неисполнения Мосоловым собственных обязанностей к своим крестьянам”. К тому же вовсе не “безропотно” прореагировали на задержки сами рабочие, которые подали жалобы на своего заводчика⁵⁹⁸.

Допустить до волнений в то время, когда по требованию Министерства внутренних дел не позже 1 января 1862 г. на заводах следовало ввести уставные грамоты, Горное правление не могло и поэтому без промедления выделило 14 тыс. руб. сер. на оплату рабочим и закупку провианта и рекомендовало учредить на заводах опекуновское управление. Однако император одобрил мнение Вятского губернского по крестьянским делам присутствия и 29 сентября 1861 г. повелел взять заводы Мосолова в казенное управление, а в феврале 1862 г. распорядился выделить на поддержание заводов из сумм Государственного казначейства 100 тыс. руб. (через год еще 65 тыс. руб.)⁵⁹⁹.

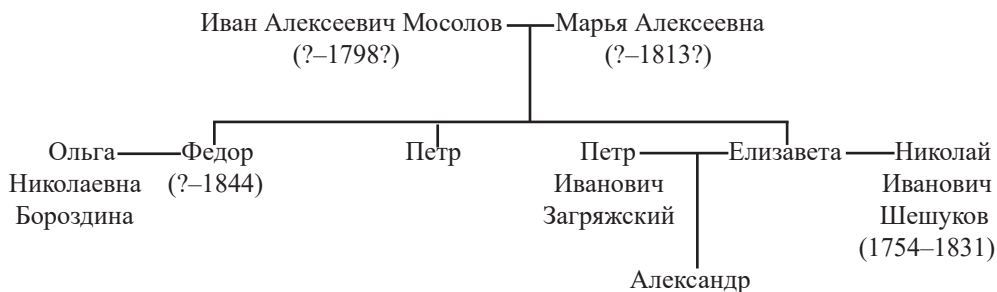
Однако воспользоваться “Высочайшей” помощью сам Н. И. Мосолов уже не смог: он умер, по-видимому, в октябре 1861 г. Наследниками находившегося в состоянии финансового кризиса хозяйства остались его вдова Антонина Митрофановна и дети, от имени которых в качестве опекуна и попечителя выступал зять владелицы коллежский асессор Ф. Н. Домелунксен. Заводами в это время управлял от казны подполковник Романовский. Позже он объяснял, что повел дело “открыто, прямо и честно”, чем “вооружил против себя всех: и владельцев, и служащих, и других разных местных лиц, более или менее влиявших на заводские дела”. “На мою долю, – писал он, – выпала участь стать преградой грабежу заводов и своеволию полуграмотников... полному отсутствию всякой отчетности и правильного ведения счетоводства... так, что... два – три года управления мною этими заводами унесли много годов моей жизни”⁶⁰⁰.

Дела заводов под казенным управлением не поправлялись, выделка железа только на Шурминских заводах упала почти в пять раз по сравнению с 1860 г. (с 48 195 до 10 353 пуд.). В результате 1 февраля 1863 г. по императорскому указу заводы Мосоловых были назначены в публичную продажу “на пополнение числящихся на них недоимок и выданных в ссуду 165 тыс. руб.”. Владельцы организовали целую кампанию с целью не допустить продажи и возложили всю ответственность на казенного управляющего, потребовав его замены. А. М. Мосолова “по праву владелицы, опекуны и матери наследников” просила, в частности, разрешить иметь на заводах доверенное лицо и передать управление подполковнику Малахову. В январе 1865 г. он и был назначен новым управляющим.

Вначале дела пошли более успешно: в 1865 г. те же заводы произвели 36,8 тыс. пуд. железа, что дало повод наследникам и опекунам в октябре того года просить министра ходатайствовать об отмене назначенной продажи и рассрочке долгов при сохранении на заводах казенного управления “впредь до приискания нами средств к принятию оных в свое распоряжение”. 30 октября 1865 г. Сенат с разрешения царя отменил продажу и санкционировал рассрочку долгов Мосоловых на 37 лет. Однако надежды не оправдались, с 1867 г. производительность Шурминско-Залазнинских заводов вновь стала снижаться, и в мае 1870 г. за неуплату долгов заводы вновь были назначены к продаже. По-видимому, желающих купить разоренные заводы тогда не нашлось, а новый управляющий от казны в 1874 г. сообщал, что без кредитной продажи железа из-за недостатка денежных средств

заводы “будут поставлены совершенно в безвыходное положение”⁶⁰¹. В 1875–1878 гг. Шурминские заводы были закрыты, а Залазинские в 1886 г. проданы А. Ф. Поклевскому-Козелл⁶⁰².

9.2. Мосоловы (каноникольские)

Другая ветвь рода Мосоловых в первой половине XIX в. была представлена владельцами Каноникольского завода, расположенного в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии. С 1760-х гг. этим медеплавильным заводом владел капитан Иван Алексеевич Мосолов (его брат и совладелец Григорий Алексеевич не упоминается в документах уже с конца 1760-х гг.), с именем которого исследователи связывают расцвет предприятия. Он выкупил заводскую дачу у башкир, занимался поиском новых рудников (которых в конце XVIII в. было 216), переводил крепостных крестьян, обновлял оборудование и доводил производительность завода в отдельные годы до 8,5 тыс. пуд.⁶⁰³

В 1798(?) г. после смерти И. А. Мосолова завод перешел его вдове Марье Алексеевне и сыновьям, а управление оказалось в руках вдовы. К тому времени из-за недостатка людей и рудников производительность сократилась примерно до 1 тыс. пуд. меди в год. Заводчица пыталась решать эти проблемы путем покупок новых рудников и крепостных крестьян, но поправить положение завода не сумела⁶⁰⁴.

После ее смерти (видимо, в 1813 г.) Каноникольский завод перешел в общее владение сыновей – генерал-майора Федора Ивановича и лейб-гвардии прапорщика Петра Ивановича Мосоловых. К тому времени его производительность резко упала. Так, в 1811 г. было выплавлено 410 пуд. меди, в 1812 – 72, а в 1813 и 1814 гг. “по неприсылке заводо-держателями для действия заводов денег” выплавка вообще остановилась. В 1815 г. она поднялась до 593, но на следующий год вновь упала до 78 пуд. В феврале 1817 г. заводский исправник Патрушев забил тревогу, проинформировав Пермское Горное правление, что на Каноникольском заводе провиант на исходе, а денег в кассе нисколько нет. 2 мая в Верхнеуральский земский суд явился крестьянин Каноникольского завода Аким Ермолов и от имени всего “заводского общества” подал “объявление” о том, что “крестьяне по неудовлетворению их хлебом все заводские работы остановили”.

Суду было немедленно приказано отправиться на завод, а в Москву, где проживал П. И. Мосолов, по доверенности от брата управлявший заводом, было дано предписание немедленно снабдить контору необходимой суммой денег. Прапорщик ответил, что уже выслал 4 тыс. руб., которых должно было хватить “на продовольствие людей”. “Многие из крестьян моих своевольствуют и должных работ не исправляют, – жаловался в свою

очередь владелец, — я же по слабости здоровья моего там быть не могу и не имею... сведений о причинах, вовлекших завод мой в расстройство”. Причины эти легко определил земский суд, сообщив в Горное правление, что вместо необходимых на годовое содержание завода 40 тыс. руб. за прошедший год от владельцев поступило всего 19 862 руб. “Введя крестьян в работу”, суд в то же время пошел им навстречу и разрешил от каждого семейства по одному или два человека отлучаться с завода “для собственного пропитания”⁶⁰⁵.

От Мосолова было получено донесение, в котором он сообщал, что в июле прошлого года за тысячу рублей нанял управляющим завода великоустюжского гражданина Н. И. Попова. Но, отослав в контору до 15 тыс. руб. и предоставив Попову доверенность на заем 10 тыс. руб., он “во все время управления тем заводом сказанного Попова не только в число должного дохода, но даже и в оборот пересланных денег ни на один рубль меди не получал, да и заводские крестьяне расстроились и взошли в просьбу”. Владелец не верил, что они голодали, “поелику, — полагал он, — все они находятся в довольном имуществе лошадей, коров, овец, птиц и прочего имения”. Вероятно, считал он, произошло это “по неизвестным мне управляющего Попова причинам или по неправильным внушениям неблагонадежных людей”. В Пермском Горном правлении справедливо рассудили, что “недеятельность избранного им управляющего Попова должна относиться и относится собственной его, Мосолова, беспечности”, и потребовали от владельца либо назначить нового управляющего, либо немедленно отправиться на завод самому.

Не остался в стороне от разразившейся полемики и управляющий, на которого владелец возложил ответственность за беды своего завода. Попов подал в Горное правление рапорт, в котором описал потрясшее его при вступлении в должность состояние завода Мосоловых. “Рудничные крестьяне, — писал он, — утопали в разврате и предавались праздности и всяким своевольствам... пропитание имели от имеющегося у них при рудниках хлебопашества, а заводские таковое пропитание имели от сбивания бересты и снятия дегтя в дачах Каноникольского завода несколько лет... Фабрики совсем сгнили и уже обрушением своим угрожали, в коих не подвергая жизнь опасности задавления, нельзя было производить плавильного дела и прочих работ... В заготовлении ничего не имелось, ни вырубленного лесу, ни тесу, ни угля, ни песку, ни кирпича, ни железа, без переделки к употреблению годного, ни снастей, ни жизненных потребностей... В кассе было денег только 3605 руб., рудники запущены, а о новых приисках с давних лет никто помышлять не хотел”. “Приласкав себе крестьян, — объяснял управляющий свои действия, — я ввел между ними порядок и благоустройство... обратил все внимание на выстройку развалившихся зданий, заготовил лесу, брусьев, тесу и прочих тяжестей, возобновил в продолжение минувшей зимы фабрики... и выплавил 171 пуд. меди; в то же время запасал уголь, песок и все нужное к выплавке меди”. Но Попову не хватило имевшихся в кассе и присланных Мосоловым денег, которые он вынужден был дополнительно занимать под залог металла. По той же причине был разорван контракт с оренбургским мещанином Мясниковым на поставку провианта, следствием чего и стало волнение крестьян. “Если бы господин Мосолов ассигновал достаточную на все заводские надобности сумму, — жаловался оказавшийся в сложной ситуации управляющий, — ...много больше успехов можно было бы сделать”. “Не находя ныне возможности согласить действия доверителя мо-

его по сему заводу ни с его пользою, ни с пользою казны, в предупреждение какой-либо в том ответственности”, он просил Горное правление “войти в рассмотрение описанных обстоятельств” и отстранить его от управления⁶⁰⁶.

Эти объяснения в совокупности с мнением уездного суда и исправника, видимо, послужили веским основанием для принятия властями более решительных мер. 18 августа 1817 г. Горный департамент “по совершенному недостатку на Каноникольском господ Мосоловых заводе в деньгах и по совершенному нерадению заводчиков о благоустройстве того завода” приказал взять его в частичное казенное управление и выдать из сумм Горного правления 5 тыс. руб. “Хотя, – говорилось в указе, – просьбы от заводчиков не поступало... но присылку денег нельзя отлагать долее во избежание неприятных последствий, начало коих уже обнаружилось”. Горное правление назначило управляющими от казны исправника Патрушева и члена земского суда дворянского заседателя Федорова, которым и выделило условленную сумму⁶⁰⁷.

На это тут же поступила жалоба Петра Ивановича, в которой он доказывал, что денег в заводе по его расчетам вполне достаточно и что вовсе не было необходимости Горному правлению давать ссуду и тем более брать завод “в непосредственный присмотр”. Мосолов вновь объявлял, что не может по болезни лично приехать на Урал, а брат его генерал-майор Федор Иванович “служит в пограничной армии”. Свое требование он подкрепил квитанцией, удостоверяющей, что уже перечислил Горному правлению предоставленные его заводу 5 тыс. руб. с набежавшими за два месяца процентами. Хотя долг был возвращен, но Патрушеву и Федорову было приказано передать управление Попову только в том случае, “если действительно... завод снабжен достаточной суммой денег и хлебом”⁶⁰⁸.

В сентябре из Москвы от Мосолова прибыл с доверенностью губернский секретарь Киселев, но, по сообщению казенных управляющих, “на содержание завода денег несколько не привез”. Поэтому полномочия Патрушева и Федорова сохранялись до конца 1817 г. За это время они возобновили действие одной из шести заводских печей, заготовили около 2 тыс. пуд. руды, привезенной крестьянами за 200 верст с дальних рудников, и хлеб. Однако 96 выплавленных пудов меди управляющие никак не могли продать, хотя “учиняли в разные места публикации”. Горное правление решило, если Мосолов так и не пришлет денег, передать завод в опеку. В конце октября Петр Иванович наконец прислал 10 тыс. руб., из которых были заплачены долги и заготовлены припасы. 18 декабря было принято решение по случаю того, что “завод обеспечивается содержателем”, передать его “в полную волю завододержателя и его доверенного”⁶⁰⁹. Судя по динамике производства, владельцам удалось несколько поправить положение и поддерживать производительность завода на уровне 2 тыс. пуд.⁶¹⁰ Но после смерти Петра Ивановича, когда завод перешел в единоличную собственность никогда не занимавшегося заводскими делами его брата – генерала, сложилась ситуация, подобная прежней, временно преодоленной.

21 августа 1841 г. по “Высочайшему” повелению Каноникольский завод был взят в опекуное управление. Поводом к такому решению послужило “беззаботное” управление владельца, при котором завод несколько лет бездействовал и на нем накопились “значительные” казенные недоимки (составлявшие 7787 руб. асс.), а рабочие долгое время не получали заработной платы. Оренбургской дворянской опекой для управления были назначены надворный советник Соколов и коллежский ассессор Плотников. Явившимся

на завод опекунам вновь, как в 1816 г. управляющему Попову, предстала неутешительная картина: из-за отсутствия денег (в заводской кассе оставалось всего 10 руб. 38 коп.) “рабочие люди... платы и провианта не получали, являлись на работы из принуждения, а другие и вовсе уклонялись”. По сообщению опекунов, они закупили провиант и стали платить рабочим, которые оттого “сделались послушны”, но для этого вынуждены были занять в Горном правлении 7 тыс. руб. сер. Для присмотра за расходованием полученной ссуды 12 апреля 1842 г. правление назначило гиттенфервальтера Иванова⁶¹¹.

Мир длился примерно год. В мае 1843 г. Иванов донес, что к нему поступили жалобы рабочих на опекуна Плотникова. При откомандировании их на горные работы (рудники находились за 200 верст от завода) рабочие попросили опекуна уравнивать их платы с платами заводских рабочих. Но опекун, “не входя в разбирательство”, поставил к квартире своей полицейских служителей и запретил допускать к себе просителей. Тогда они обратились к казенному чиновнику. Он “сделал по делам конторы справку” и обнаружил допущенные опекуном нарушения при расчетах с рабочими. “Во избежание ропота крестьян” Иванов предложил принять к руководству штаты Пермских казенных заводов. Плотников, в свою очередь, обвинил Иванова в том, “что он говорил заводским людям против распоряжений местного управления... от чего крестьяне выходят из всякого повиновения... а Каноникольский завод, несмотря на значительное усиление медеплавильного производства, отстаёт от соседних заводов”⁶¹².

С этого и начались, по определению Горного правления, “взаимные претензии чиновника на опекуна и опекуна на чиновника”. Иванов стал доказывать, что “при хозяйственном распоряжении” завод может выплавлять не менее 7 тыс. пуд. меди в год на 210 тыс. руб., которых вполне бы хватило на все заводские потребности, а оставшиеся 120 тыс. руб. пошли бы на уплату долгов. Плотников же уверял, что завод никак не может выплавлять более 4 тыс. пуд. и указывал несколько причин этого. Главной из них являлась, по его мнению, нехватка рабочих для заготовки медной руды. Из 905 рев. д., считал он, 294 числятся при селе Федоровском и занимаются хлебопашеством, а на заводских работах используются только четыре месяца в году; треть людей при заводе пешие, а из остальных – половина одноконные, да и полных работников из них всего 411 человек. Таким образом, приходил он к заключению, “собственными средствами” никак нельзя достичь предлагаемого Ивановым уровня производства. Нельзя, уверял он, рассчитывать и на “вольнонаемных промышленников”. Здесь это могли быть только башкиры, “за исключением которых возкою руд никто больше не занимается”. Но “этот народ, – по мнению Плотникова, – весьма ограниченно обеспечивает продовольствием лошадей своих в зиму и от того не может возить руды в продолжении всего зимнего времени, ограничивая это одною, много двумя, поездками, после которых лошади по усталости пускаются на подножный корм до весны; летом же башкирцев нельзя убедить к работе никакими средствами”. “Притом бездействие завода в течение нескольких прошедших лет и огромные долги, которые имеются на нем по ярлыкам башкирцам за возку руды, – добавлял он, – поселили в этих вольных крестьянах недоверчивость к заводууправлению”.

Другая немаловажная причина ограниченных возможностей Каноникольского завода состояла, по мнению опекуна, в “слабом действии заводских машин, издавна не выдавших капитала на поправку, беспрестанные поломки фабричных механизмов, починки печей, не переложенных, кажется, с самого основания завода, и понижение при засухе воды в пруде,

половину которой постоянно отнимают устроенные на нем же мельница и лесопильня”. В результате завод мог действовать всего шесть месяцев в году и выплавка 4 тыс. пуд. могла быть произведена “при одних только благоприятных обстоятельствах”⁶¹³.

В полемику опекуна и чиновника включился сам Ф. И. Мосолов, который в декабре 1843 г. жаловался министру финансов, что во время опеки “состояние крестьян стало так дурно, как никогда не было при его управлении”. Он обвинил опекунов в перестройке господского дома без его согласия, в расчистке лугов огнем, от чего случились большие пожары, в истреблении коренного леса и, наконец, в том, что, “имея возможность оборотиться капиталом завода, опекуны домогаются о залоге завода в кредитных установлениях за 30 тыс. руб.”. “Если допустить сих опекунов далее распоряжаться заводом, – утверждал владелец, – то они доведут его, крестьян и меня самого до самого бедственного положения” и ему ничего не останется, как продать завод.

В результате в августе 1844 г. Горный департамент поручил провести следствие по всем жалобам заводскому исправнику Версикову, который, просмотрев отчеты, пришел к выводу, что возникшие споры были только следствием “затруднительного положения завода по неимению денег”. “Сейчас, – сообщал следователь, – все есть и рабочие находятся в должном повиновении”. Жалобы Мосолова, за исключением нескольких “мало-значущих”, не подтвердились, и их “оставили без уважения”. Но опекунов вскоре все-таки пришлось сменить, поскольку Соколов умер, а Плотников, “одержимый болезнью”, сам отказался от должности⁶¹⁴.

До окончания следствия не дожил и Федор Иванович Мосолов. В 1843 г. он выехал из Москвы в Петербург и там умер 23 июня 1844 г. 16 марта следующего года Петербургская гражданская палата признала его наследницами родную сестру Елизавету Ивановну Шешукову (вдову сенатора и вице-адмирала, бывшего командира Рижского порта Н. И. Шешукова) и “в законной части” вдову Ольгу Николаевну (урожденную Бороздину). Помимо Каноникольского завода с деревней Федоровой (905 рев. д.) им достались также Непложский завод (407 рев. д.) с деревнями в Рязанской губернии (475 рев. д.) и имения в Нижегородской (32 рев. д.) и Витебской (235 рев. д.) губерниях⁶¹⁵.

Сразу после утверждения в праве владения адмиральша, проживавшая в Петербурге, просила министра финансов снять опеку с завода. Но поскольку еще не были ясны результаты следствия, решение по этому вопросу отложили. В августе новое прошение Ф. П. Вронченко направил единственный сын Шешуковой (от первого брака с генерал-майором П. И. Загряжским) камер-юнкер Императорского Двора, коллежский советник Александр Петрович Загряжский, которому мать сразу же выдала доверенность на управление заводом⁶¹⁶. В нем он вновь утверждал, что опекунское управление “доселе не представило выгодных результатов ни для владельца, ни для казны”. “Каноникольский завод, – писал он, – изобилует пространными землями и лесными угодьями (более 114 тыс. дес.) и при неослабном надзоре мог бы по крайней мере погасить лежащие на нем казенные взыскания, но и того не достигнуто, а собственные дела Мосолова пришли еще в вящее расстройство”. Загряжский просил снять опеку и допустить его мать и тетку “к владельческому хозяйственному заводскому управлению” с обязательством начать безотлагательно уплату взносов в казну⁶¹⁷.

Однако действия новых владельцев показывают, что расплатиться с долгами они собирались именно тем способом, за который в свое время обвиняли своих опекунов – залогом завода в банке. Уже 10 августа 1845 г. им было “Высочайше” разрешено получить

ссуду из Государственного Заемного банка. Содействие в этом оказали владельцам очень влиятельные при Дворе лица. Сначала на это намекнул В. А. Глинка (с санкции которого давалось необходимое для получения ссуды свидетельство об отсутствии на заводе недоимок) статский советник Македонский из Уфимской палаты гражданского суда. В своем письме он просил главного начальника “не отказать в скорой доставке сведений, имея в виду принимаемое в упомянутом деле участие графа Леонтия Васильевича Орлова и просьбу камер-юнкера Загряжского”.

Глинка не сразу среагировал на эту просьбу, вероятно, потому, что на заводе числилась еще небольшая недоимка в 2301 руб. (или был в отъезде; его обязанности выполнял тогда полковник Злобин). Но в ноябре, как раз тогда, когда было получено письмо Македонского, пришло известие от нового опекуна подполковника Тимашева о полной остановке действия Каноникольского завода из-за отсутствия запасов руды. “Рудников, – писал тот, – после отчуждения их по судебному решению в собственность г-на Пашкова осталось очень мало и самого бедного содержания металла”. Кроме того, было крайне невыгодно по требованию дворянской опеки отправлять медь в Оренбург дорогостоящим сухим путем и продавать там “по мелочам и низким ценам”. Опекун сообщал, что денег на заводе осталось очень мало и их не хватит не только на оплату срочных долгов, но и на закупку провианта и выдачу плат рабочим, и просил дать ссуду в 8,5 тыс. руб. сер. Горное правление тогда отказало, предложив принять необходимые меры самой опеке. Оно справедливо посчитало, что при отсутствии “достаточного оборотного капитала и запаса в главных материалах” выделение такой ссуды не решит всех проблем. Однако горные чиновники признавали возможным снять опеку и предоставить завод в управление наследниц “с тем обязательством, чтобы они при самом приеме завода уплатили долг Горному правлению и приняли верные меры для поддержания заводского действия”. Такая противоречивая позиция власти не способствовала быстрому решению дела о банковской ссуде.

Тогда 20 февраля 1846 г. В. А. Глинка получил письмо от самого графа А. Ф. Орлова. “Покорнейше прошу Ваше Превосходительство, – писал шеф жандармов и начальник III Отделения, – не соизволите ли оказать зависящее от Вас содействие касательно поспешнейшего доставления в Оренбургскую гражданскую палату требуемого ею отзыва”. “В деле принимают участие лица, имеющие право на уважение к ним”, – надавил Глинка на берг-инспектора, который давал разрешение. На этот раз необходимый документ был выдан при условии, что из суммы залога вычтут казенный долг с процентами, что в марте того же года санкционировал министр Ф. П. Вронченко⁶¹⁸.

Из полученной “не в пример другим” ссуды в 120 тыс. руб. сер. под залог Каноникольского завода был вычтен долг Горному правлению, и опека с завода снята. Он поступил в управление О. Н. Мосоловой и Е. И. Шешуковой, в совместном владении которых находился немногим более двух лет. 8 декабря 1848 г. две вдовы-совладелицы “учинили записку”, по которому, “поговоря между собою, полюбовно согласились” разделить доставшееся им наследство. К тому времени заложенным в банке оказалось имение не только в Оренбургской, но и в Рязанской губернии, а витебские деревни в 1847 г. были проданы с аукциона за долги бывшего владельца. В распоряжении совладельцев оставались имения с 1819 рев. д. в трех губерниях, оцененные ими в 600 тыс. руб. сер., а также заемные письма на 1,5 тыс. руб. и “разной движимости в Москве и Санкт-Петербурге” на более чем 50 тыс. руб. сер.

Желая “отстранить” от себя и своих наследников всякие казенные и частные долги покойного мужа, Ольга Николаевна Мосолова согласилась взять за следующие ей “законные” $\frac{1}{7}$ часть недвижимого и $\frac{1}{4}$ часть движимого имущества 69 617 руб. сер., которые уже и получила 5 апреля того года из взятой под залог Каноникольского завода банковской ссуды. Елизавета Ивановна Шешукова “вполне соглашалась” на эти условия и принимала имение покойного брата “в единственное и потомственное свое владение в полном его составе вместе с долгами имеющимися и открыться могущими”⁶¹⁹. Каноникольский завод находился в собственности одной Шешуковой до ее смерти в 1863 или 1864 г. По доверенности матери все это время заводом управлял ее единственный сын и наследник Александр Петрович Загряжский.

По собственному свидетельству Загряжского, от опеки он принял завод “в самом бедственном положении”. “Для руководства” он ввел штаты Кнауфских заводов, бывших в казенном управлении, и организовал поиски новых рудников, когда в 1855 г. частным предпринимателям было разрешено разрабатывать руды в Малой Киргизской Орде, находившейся в ведомстве Оренбургского генерал-губернаторства. Испытывавший недостаток в рудах Каноникольский завод откортомил участок земли в Зауральской степи и начал добычу там медной руды силами собственных крепостных. Но это необходимое для завода мероприятие стало причиной серьезных осложнений с рабочими. В 1858 г. они подали жалобу на тяжелые условия труда и жизни в удаленных на 210 верст от завода рудниках. Дело получило широкую огласку после публикации в “Колоколе” документов начавшегося следствия⁶²⁰.

В октябре генерал-губернатор уведомил Загряжского, который в это время проживал в Москве (на Петровке в доме графини Татищевой), чтобы он незамедлительно выехал на Урал и принял действенные меры, иначе завод и рудники могли вновь поступить в опеку. Вскоре уполномоченный (так официально назывался Загряжский) прибыл на “место действия” и обнаружил, по его словам, что “беспорядки очень ничтожные произошли единственно от новости места разработки”. Однако, судя по принятым им мерам, такая оценка положения людей на рудниках далеко не соответствовала действительности и была сделана Загряжским лишь для отвода глаз местного начальства. Чтобы обезопасить себя от учреждения опеки, Александру Петровичу пришлось пойти на значительные “жертвы”, потратив, по его словам, на восстановление порядка более 56 тыс. руб. сер. Ему “пришлось” выдать заработную плату и провиант рабочим за восемь месяцев, приступить к постройке отсутствующих на рудниках казарм (прежде рабочие по полгода и более жили в землянках), магазина и бань, закупить провиант, мясо и другие продукты, зимнюю одежду, рукавицы и лапти для рабочих, а также “простить” им до 6 тыс. “прогульных дней”. Кроме того, Загряжский составил Правила по управлению рудниками, которые, по его словам, “хотя частью и существовали, но облечены ныне в форму и переданы генерал-губернатору на утверждение, чем он совершенно остался доволен”⁶²¹.

Тем не менее военное, гражданское и подключившееся к следствию горное начальство единодушно решили, что главной причиной “беспорядков” является отсутствие надежного управления как со стороны самого уполномоченного, так и назначенных им приказчиков. “По управлению заводом Загряжского существуют давно известные беспорядки, бывшие и прежде причинами неустройства, известного уже начальству”, – сообщалось в предписании министра внутренних дел главному начальнику уральских заводов Ф. И. Фелькнеру. Загряжский оправдывался тем, что уже два года не был на заводе и

рудниках и ничего не знал о их положении. По требованию Горного правления ему пришлось уволить допустившего “жестокости” приказчика и назначить на эту должность Плотникова, прежде 12 лет управлявшего Каноникольским заводом и пользовавшегося “совершенным доверием крестьян, убежденных в его правоте и добросовестности”⁶²².

Однако Плотников, на которого горное начальство возлагало большие надежды, вскоре рассорился с владельцем и попросил отставки “по преклонным летам и слабости здоровья”. В апреле 1859 г. вернувшийся в столицу Загряжский писал Фелькнеру: “Все мои перемены послужили еще более к послаблению. Управляющий Плотников оказался самый неблагонамеренный человек, он потворствами и исполнением беспрестанных неправильных требований крестьян довел их до того, что они решительно не исполняют вполне своих уроков, на посылаемые работы не ходят, на рудники идти отказываются, так что заводское начальство решительно не знает, что делать”. Потраченные средства, жаловался заводчик, не принесли желаемого результата: волнение не прекратилось, а выплавка меди за прошедший год составила всего 750 пуд. на продажу и 470 пуд. податей. “Если бы мой завод был на том же положении, как и прочие, – продолжал он, – тогда бы я выдавал провиант работающим крестьянам под заработку и плата им приходилась бы за их труд; самые нерадивые и ленивые по необходимости стали бы работать. А теперь я плачу подати за них, содержу лекаря, госпиталь, местного священника, исправника, заводскую и горную конторы, до 80 человек на жаловании, оплачиваю проценты по займу Государственного банка, покупаю провиант на все народонаселение без всякого вознаграждения – и худо ли, хорошо работают, заработок им идет, а доходу никакого не получаю”. Чтобы прекратить конфликт с рабочими, он предлагал “лучше употребить в начале хотя малую строгость, какая будет полезнее, чем довести уже до сильных мер”⁶²³.

Получив это послание, красноречиво свидетельствовавшее о том, что заводчик не в состоянии справиться с разгорающимся конфликтом и не вполне представляет себе нынешний порядок владения заводами, а также понимая, что ни “малая строгость”, ни “сильные меры” в данной ситуации не помогут, прежде колебавшийся Фелькнер окончательно утвердился во мнении о необходимости установления опеки над Каноникольским заводом. “Загряжский... – писал он в Горный департамент, – сам в заводе не живет, а доверяет администрацию местным служителям, людям неодобрительной нравственности, которые не входят в нужды заводских людей, не удовлетворяют их своевременно платой и вообще дурно обращаются с ними”.

Однако министр А. М. Княжевич, который и от Загряжского (возможно, пользовавшегося еще “высоким покровительством”) получил несколько прошений, “на первый раз” решил ограничиться установлением над заводом не опекунского управления, а надзора местного горного начальства. В июне 1859 г. он распорядился командировать от Уральского Горного правления на Каноникольский завод чиновника, который, “не вмешиваясь в хозяйственное распоряжение заводом, должен был строго следить, чтобы в отношении содержания заводских людей... соблюдались установленные законом правила”⁶²⁴.

Прибывший в ноябре на завод надворный советник Алтухов не нашел в кассе денег, зато в амбаре обнаружил гнилую муку, от употребления которой начался уже падеж скота, а у людей “головокружение, рвота и понос”. Осмотрев вместе с уездным врачом заводскую больницу, он увидел, что она “действительно не удовлетворяет всем условиям благоустроенных больниц”. “Хотя комнаты для больных довольно чисты, – извещал он начальство, – но белье очень дурно; как врача, так и медикаментов, за исключением

самых незначительных, нет; пищу больные получают самую плохую, то есть кашу из несвежей и нечистой крупы и худой черный хлеб, почему больные пользуются пищей из домов своих, что противно правилам больниц”. “До настоящего времени, – резюмировал свои наблюдения Алтухов, – продолжают те же неустройства и те же беспорядки и стеснения крестьян, какие и в минувшем году возбуждали заботы и опасения горного и гражданского начальств”. Он подтвердил также и основную причину не улучшавшегося положения завода, где отсутствовало надежное управление. Всего за полгода, по его подсчетам, здесь сменилось четверо управляющих, причем последним оказался ранее отстраненный за жестокость по отношению к рабочим заводский служащий Гусев. Так, вопреки мнению властей, Загряжский осуществлял свою политику “малой строгости”. “От частых перемен, – считал надзирающий чиновник, – управляющие заводом остаются без должной заботливости к благосостоянию людей, и оттого как бы удерживается постоянный недостаток хлеба и денег в заводе”⁶²⁵.

Подобные наблюдения не могли не обратить на хозяйственную деятельность Загряжского более пристального внимания местных властей, тем более усиленного в связи с требованием верховной власти в преддверии крестьянской реформы выявлять и по возможности устранять очаги “социальной напряженности” в стране. К тому же в августе 1859 г. император лично повелел оренбургскому генерал-губернатору “самым тщательным образом удостовериться в нынешнем положении горнозаводских крестьян Загряжского” и в случае подтверждения обнаруженных ранее беспорядков “безотлагательно распорядиться о взятии завода и рудников в опекуное управление”. Министр финансов потребовал “принять теперь же надлежащие меры для обеспечения продовольствием заводских людей и вообще по устройству их быта”. Оренбургскому гражданскому губернатору Барановскому было поручено заняться основательной проверкой положения населения подведомственного ему края. Не остались в стороне и горные власти: сам главный начальник отправился на южно-уральские заводы с инспекторской проверкой⁶²⁶.

Узнав об этом, Загряжский, находившийся в то время в Петербурге, отправил Фелькнеру письмо не только от своего имени. “Известившись, – писал он, – что министр финансов возложил на Ваше Превосходительство поручение объехать оренбургские заводы и на месте лично удостовериться в возводимых гражданским начальством на владельцев тех заводов обвинений, мы, все заводчики того края, а в особенности я, на которого преимущественно обрушиваются нападки и притязания местных гражданских властей, не можем не сознать всей важности в отношении нас таковой меры”. Не став, однако, утруждать внимание начальника “исчислением действий г-на Барановского в отношении других заводчиков”, Загряжский назвал беспорядки на своем заводе “несущественными” и, вопреки здравому смыслу, обвинил губернатора в “желании поставить нас, владельцев, в неприязненное положение к рабочему классу и, вследствие того, изыскании всех возможных средств к возбуждению неудовольствия рабочего населения”. Он просил у Ф. И. Фелькнера, как “местного главного попечителя горного дела”, защитить заводовладельцев “от несправедливых притязаний” и вновь, как и прежде, потребовал “оградить интересы наши, весьма страждущие от незаконного потворства рабочим”⁶²⁷.

Однако посетившие владения Загряжского во второй половине 1860 г. надворный советник Тимашев, горный инженер Васильев и, наконец, сам Фелькнер единодушно констатировали, что “беспорядки на заводе не устранены и поныне, положение крестьян не улучшено... и для положения конца беспорядкам необходимо учредить над Канони-

кольским заводом опеку с устранением Загряжского от участия в управлении”. А назначенный вместо Алтухова (отстраненного, по-видимому, по настоянию Загряжского, считавшего, что назначенный наблюдать за его управлением чиновник “не расположен к нему лично”) губернский секретарь Романовский доносил, что “запасы провианта в сентябре были самые незначительные, новая закупка муки идет очень медленно, хотя на заготовку ее заводууправлению выделено из сумм Уральского Горного правления до 3 тыс. руб. и что наличных денег в заводе имеется очень мало”⁶²⁸.

Тем не менее Загряжский не сдавался. Он ненадолго прибыл в Оренбург, где лично встретился с генерал-губернатором. Тот, по уверению уполномоченного, советовал ему обратиться к министру финансов об отсрочке опеки “на том основании, что крестьянский вопрос должен в самом скором времени окончиться и, следовательно, тогда отношения владельца будут к крестьянам уже не обязательными”. Загряжский писал Ф. И. Фелькнеру, что “наложение опеки на завод приведет его в самое гибельное положение”. “Средства и содержание оно, – предрекал он, – с отстранением меня затруднятся во всех отношениях; крестьяне, которые и без того вышли совершенно из всякого повиновения, видя от Правительства столь явное потворство их самовольству, лишат всякой возможности опекуна к прекращению сих беспорядков. Следовательно, завод останется без денежных средств и еще с сильнейшим разгаром неповиновения, гибельным в теперешнее время и для прочих заводов”. Действительно, вряд ли опека являлась панацеей от всех заводских бед, но, указывая на это, Загряжский умалчивал о хорошо известном властям факте собственной финансовой несостоятельности. В своем ответе уполномоченному главный начальник сообщил, что уже распорядился об учреждении опеки и выразил сожаление, что обстоятельства заставили его “обратиться к этой, конечно, не приятной для владельца крайности”. “Но что же было делать, – открыто намекал он Загряжскому, – когда лица, которым вверено Вами управление заводом, вовсе не заботились об удовлетворении нужд крестьян”⁶²⁹.

Последним аргументом в пользу устранения владельца от управления явилось известие Романовского об изъятии Загряжским во время последнего приезда на завод 6,5 тыс. руб. из и без того опустошенной заводской кассы. Этот факт чиновник расценил не только как свидетельство лицемерия владельца, уверявшего, что он принял “все надлежащие меры”, но и отсутствия у него капитала, необходимого на поддержание заводского действия. В результате 27 декабря генерал-губернатор дал распоряжение Барановскому, который 4 января 1861 г. издал указ об учреждении над Каноникольским заводом дворянской опеки с унижительной для Загряжского формулировкой “за допущенные в оном беспорядки со стороны владельца и умышленный захват им денег”. 30 января опекун коллежский советник Соболев “вступил в отправление возложенной на него обязанности”. Немного раньше, 5 декабря 1860 г., для облегчения участи завода царь санкционировал отсрочку невыплаченной еще суммы банковского займа 1846 г. (составлявшей 114 250 руб.) еще на 37 лет⁶³⁰.

Однако всего через месяц, 9 февраля, А. М. Княжевич, явно благоволивший к Загряжскому, уже запрашивал мнение главного начальника насчет снятия опеки. “Для улучшения быта крестьян Каноникольского завода, – ответил министру Ф. И. Фелькнер, – необходимо составить особое, сообразованное с местными обстоятельствами, штатное положение. А как по точному смыслу Высочайше утвержденного 5 июня 1845 г. мнения Государственного Совета подобные штатные положения составляются правительствен-

ной властью не прежде, как по взятии завода в опеку, то я полагаю, что до тех пор, пока оно не будет составлено, рассмотрено, утверждено и приведено в действие, не должно снимать учрежденную над тем заводом опеку”⁶³¹.

По тону этого ответа явно чувствуется раздражение главного начальника. Действительно, в то время, когда местное начальство с трудом изыскивало средства для закупки продовольствия рабочим (были взяты в ссуду 10,5 тыс. руб. из средств губернской комиссии народного продовольствия), “верхи” поддавались на интриги обанкротившегося владельца. Мало того, Загряжский, по-видимому, испугавшись возможных последствий только что объявленной реформы, 23 февраля 1861 г. ходатайствовал перед министром вообще о закрытии завода. Он писал, что в продолжение трех последних лет понес огромные убытки, а в настоящее время, “когда цена на труд еще более возвысится”, вовсе “не имеет возможности продолжать производство завода”. Он утверждал, что “теперь же наделит крестьян землей по Положению” и те сами найдут средства для жизни вольным наймом или сельскохозяйственными занятиями.

На запрос министра поручили ответить предводителю уездного дворянства Циолковскому, хорошо знакомому с местными обстоятельствами. Он утверждал, что в вотчинных землях адмиральши Шешуковой нет удобной для хлебопашества земли, что Каноникольский завод “лежит в стране глухой и малонаселенной, вдали от всех значительных рынков”, а потому его жители не смогут найти поблизости “способа заработать средства для пропитания”. Сомневаясь, что рабочие смогут устроиться на другие заводы, как предполагал Загряжский, предводитель не без подтекста писал, что “везде почти, благодаря современному состоянию науки, умные и дельные владельцы стараются вводить разные улучшения в производство горнозаводского дела, так что механизмы все более и более начинают вытеснять живые рабочие силы”. “Если, как говорит Загряжский, он понес огромные убытки, что впрочем еще довольно сомнительно, – размышлял Циолковский, – то в этом он сам виноват, ибо едва ли на каком-либо, даже очень посредственно устроенном заводе, можно встретить такое негодное устройство, беспорядок и запущение по всем частям горного дела и общего в имении хозяйства”. Каноникольский завод мог бы, по его мнению, “при хорошем управлении” приносить доход казне от 6 до 10 тыс. руб. “И, наконец, – заключал проницательный уездный предводитель, – если вникнуть поглубже в намерение Загряжского... нельзя не заметить в этом задней мысли его, скрывавшей желание устранить от своего имения опеку, а потом, посредством прекращения заводского дела, снова забрать в свои руки разоренное им имение”⁶³².

Непродолжительное время между двумя центральными ведомствами – Министерством финансов и внутренних дел – даже разгорелась полемика по поводу предложения Загряжского. Ссылаясь на то, что “по закону заводчику, владеющему заводом в полной собственности, предоставлено право приостанавливать действие завода”, А. М. Княжевич вновь заступался за уполномоченного и “не встречал препятствий” к закрытию Каноникольского завода. П. А. Валуев, принимая во внимание, что с закрытием завода крестьяне “лишились бы последнего средства к существованию”, считал “неудобным до окончательного решения вопроса об устройстве крестьян и составления уставной грамоты прекращать заводское действие”. 4 июля 1862 г. император утвердил компромиссное

положение Комитета министров о снятии опеки с Каноникольского завода “со времени введения в действие уставной грамоты”. Комитет принял такое решение ввиду прекращения к тому времени действия завода под управлением опеки, так и не сумевшей обеспечить стабильного поступления денежных средств⁶³³.

Однако с прекращением обанкротившейся опеки возникли некоторые затруднения. Уставная грамота, по свидетельству Оренбургского по крестьянским делам присутствия, была составлена без участия мастеровых. Когда же они ознакомились с ней, то отказались принять за оброк в 1080 руб. предлагаемые им 180 дес. под усадями, так как “не имея ни хлебопашества, ни заработков, были не в состоянии приобрести деньги для уплаты казенных и помещичьих повинностей и на пропитание своих семейств”. Вопреки своему прежнему намерению, заводчик не сумел наделить крестьян пашенной землей, поскольку из принадлежавших заводу 114 549 дес. 108 003 находилось под лесом⁶³⁴.

Сложилась по сути безвыходная ситуация, когда завод, находясь под управлением опеки, бездействовал, но опека не могла быть снята до введения уставной грамоты. Ее же не подписывали рабочие, опасавшиеся, что при отсутствии пахотных наделов и недействующем заводе они не найдут “иных способов прокормить свои семейства”. В таких условиях единственный выход заключался в скорейшем возобновлении заводского действия, но капитала для этого не было ни у опеки, ни у владелицы. Тогда Загряжский обратился к властям с просьбой о выделении из казны 30 тыс. руб. на два года для возобновления заводского действия.

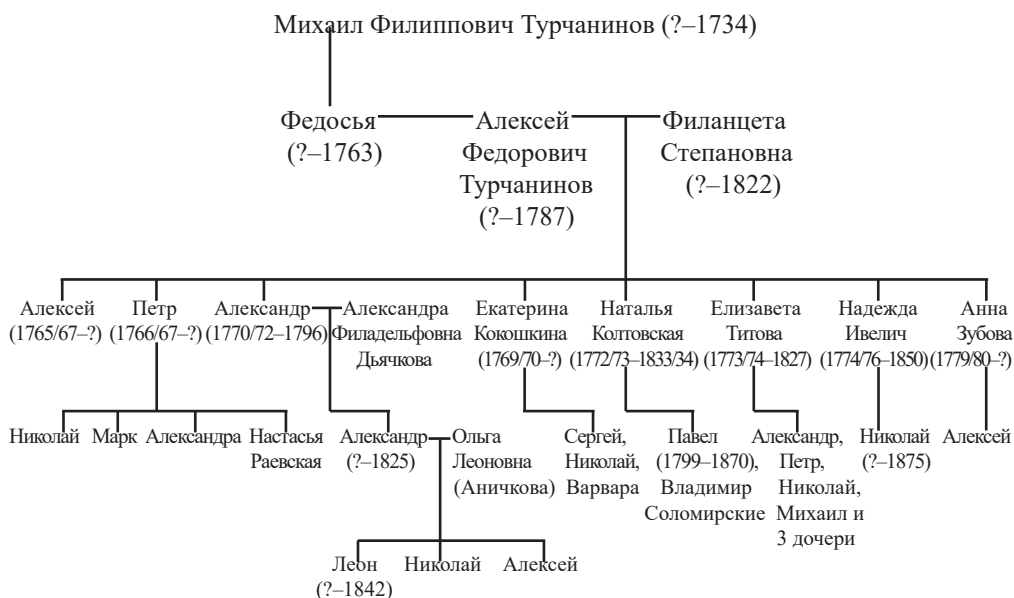
Оренбургский генерал-губернатор рекомендовал оказать пособие, поскольку остановка завода, по его мнению, привела бы к тому, что “без средств к заработке останется не только многочисленное население завода, но и смежные с ним башкирские селения”. В Уральском Горном правлении также нашли просьбу уполномоченного “заслуживающей уважения”. Там подсчитали, что требуемая сумма может легко выручиться и за более короткий срок в случае, если завод возобновит действие даже в прежнем масштабе около 5 тыс. пуд. меди в год. Однако новый министр финансов М. Х. Рейтерн более точно рассчитал возможности завода и его владелицы. По его сведениям выходило, что на них числилось в долгу по банковскому займу 122 915 руб., Горному правлению – 7376 руб., 2085 руб. “ссудной недоимки за перевод из Рязанского имения Шешуковой 300 крестьян” и 1351 руб. казенных недоимок; всего около 134 тыс. руб. сер. Оказалось также, что за неплатеж нескольким частным лицам по заемным письмам 1845, 1846 и 1848 гг. на сумму 9 тыс. руб. на имение Е. И. Шешуковой было наложено запрещение. “Сообразив вышеприведенное и имея в виду, что Высочайшим указом 1 сентября 1859 г. производство ссуд из кредитных установлений под залог недвижимого имущества окончательно прекращено, а из Государственного казначейства ссуды производятся только в крайних случаях по уважению потерь от пожаров, наводнений и тому подобных бедствий”, министр признал невозможным удовлетворить просьбу Загряжского⁶³⁵.

Но каким-то образом ему удалось найти средства на возобновление заводского действия и тем самым урегулировать отношения с мастерами и снять опеку. Возможно, он получил наследство после скончавшейся в это время матери. Тем не менее справиться

со всеми обременяющими его долгами владелец не сумел. В июле 1864 г. Петербургская сохранный казна просила министра финансов взять Каноникольский завод в казенный присмотр “за накопление банковской недоимки 12 077 руб.”.

Уже 4 июля Горное правление распорядилось учредить присмотр и осуществлять его назначило исправника Вандышева. Однако Загряжский, проживавший тогда на заводе, пообещал через год уплатить в число долга 5 тыс. руб. из заводских доходов, а остальную сумму – за счет выкупных платежей бывших крепостных его рязанского имения. В установленный срок Загряжский выплатил только 4 тыс. руб., но по распоряжению министра взыскание с него недоимки было отсрочено еще на год. В этой связи 1 июня 1865 г. Горное правление сняло свой присмотр. Но уже через четыре года завод пришлось остановить, а в 1871 г. он был и вовсе закрыт⁶³⁶.

10. Наследники А. Ф. Турчанинова

История частного владения основанных казной Сысерских заводов началась 1 января 1759 г., когда в соответствии с сенатским указом от 20 июля 1756 г. и именным указом Елизаветы Петровны от 29 июля 1758 г. титулярный советник Алексей Федорович Турчанинов вступил во владение ими⁶³⁷. К тому времени он уже имел удачный опыт управления доставшимся ему от умершей первой жены Федосьи Михайловны Троицким медеплавильным заводом, соляными промыслами около Соликамска и открытой им “фабрикой” медной посуды. По утверждению специалистов, 30-летнее единоличное владение и управление Турчаниновым Сысертскими заводами стало временем их дина-

мичного развития и расцвета⁶³⁸. Проблемы, которые сопутствовали дальнейшей истории этого округа, начались сразу после того, как 21 марта 1787 г. Алексей Федорович (13 ноября 1783 г. получивший дворянский диплом)⁶³⁹ скончался в своем петербургском доме.

К этому времени он являлся владельцем Сысертского, Полевского, Северского и Троицкого заводов, соляных промыслов у Соликамска, домов в разных городах, а также имений в Пермском, Владимирском, Костромском, Нижегородском, Пензенском, Тамбовском и Уфимском наместничествах (“села и деревни с помещичьими домами”). Как сообщала вдова Филанцеты Степановна (его вторая жена), Алексей Федорович не оставил завещания “как о детях, так и о имении своем”. В такой ситуации раздел наследства должен был осуществиться в законном порядке между всеми его наследниками. Кроме вдовы ими были признаны три сына – коллежский ассессор Алексей (тогда ему исполнился 21 год), старший адъютант штаба генерал-поручика П. С. Потемкина Петр (20 лет), корнет лейб-гвардии конного полка Александр (16) и пять дочерей – Екатерина (17), Наталья (14), Елизавета (13), Надежда (12) и Анна (7)⁶⁴⁰.

“Большие дети” (то есть Алексей и Петр), по свидетельству Филанцеты Степановны, изъявили желание получить “принадлежащие им по законам части в собственное их управление и распоряжение”. К тому же мать “сговорила” старшую дочь Екатерину “по ее желанию в замужество с награждением принадлежащей ей... части”. В связи с этим в сентябре 1787 г. она просила императрицу разрешить “учинить полюбовный раздел” с назначением ее и коллежского советника А. И. Шнезе (которого вдова называла “покойного мужа моего благодетелем”) опекунами над пятерыми несовершеннолетними детьми. Петр Алексеевич по делам службы в это время отправился “в Кавказский корпус”, а потому доверил участие в разделе двум попечителям, “сведущим дела дома нашего”, надворному советнику А. П. Корнееву и “свойственнику” секунд-майору А. А. Кондратову. Екатерина Алексеевна уполномочила вместо себя мужа адъютанта лейб-гвардии Семеновского полка Александра Федоровича Кокошкина, за которого недавно вышла замуж⁶⁴¹.

Прошение было удовлетворено, и вскоре упомянутыми лицами произведен раздел имения. Оно делилось на 14 частей, 2 из которых, как полагалось по закону, получила мать, по $2\frac{1}{3}$ части достались каждому из сыновей и по 1 – дочерям. В каждую из частей входили и вотчинные имения, и заводы. Но, если первые действительно были разделены между наследниками по количеству крепостных душ, то заводы, как “нераздробимое владение”, оставались в совместной собственности всех соучастников, каждый из которых считался владельцем отошедшей ему доли.

Уже на следующий год была предпринята первая попытка передела собственности. Инициатором выступила Ф. С. Турчанинова, просившая петербургскую опеку позволить ей скупить у своих малолетних детей части в заводах на том основании, что “они содержать и управлять оные не в состоянии”. Видимо, таким путем она пыталась преодолеть дальнейшее дробление собственности и выход части имения (через дочерей) из владения рода. Правда, как выяснилось, деньги на покупку мать собиралась “занять из принадлежащих тем же малолетним дочерям капитала”. В результате опека, “предосудя самое намерение Турчаниновой, что она, забыв матернюю к детям любовь и обязанность опекунши пещись о пользе малолетних, хочет купить у них знатное имение на их же деньги”, отказало ей в просьбе⁶⁴².

Вероятно, уже тогда вызревал будущий семейный конфликт, разгоравшийся по мере освобождения детей из-под опеки матери. Постепенно сложились две враждующие между собой партии: одна группировалась вокруг Филанцеты Степановны, другая – Натальи Алексеевны, в 1789 г. вышедшей замуж за обер-бергмейстера Николая Тимофеевича Колтовского. По доверенности жены Колтовский управлял ее имением до 1794 г., когда, по-видимому, умер или получил развод. В 1796 г. попечителем был выбран бригадир Русаков, а позже энергичной заводовладелице, ставшей фавориткой императора Павла, покровительствовал президент Коммерц-коллегии и первый министр юстиции знаменитый поэт Г. Р. Державин⁶⁴³.

Тем не менее мать на первых порах действовала успешнее дочери. Она перекупила часть Петра Алексеевича, а Алексей Алексеевич доверил матери управлять его долей наследства. Так же, как старший брат, поступили дослужившийся до звания полковника Александр Алексеевич (а после его смерти в 1796 г. его наследники – вдова Александра Филадельфовна, дочь крепостного приказчика Сысертских заводов Дьячкова, с малолетним сыном Александром) и Анна Алексеевна (вышедшая замуж за генерал-майора, позже генерал-лейтенанта Николая Зубова), удвоившая свою долю участия, купив часть сестры Е. А. Кокошкиной.

Колтовская сумела перекупить лишь долю сестры Елизаветы Алексеевны, мужем которой стал полковой секретарь лейб-гвардии конного полка Алексей Николаевич Титов. Надежда Алексеевна, вышедшая замуж за генерал-майора, шефа мушкетерского полка, а позже сенатора графа Марка Константиновича Ивелича (предположительно, черногорца по происхождению), занимала двойственную позицию, склоняясь то на сторону матери, то старшей сестры Натальи. В 1795 г. она получила от Александра Алексеевича закладную “на все его имение без изъятия”. Просроченную закладную после внезапной смерти брата Ивеличи попытались превратить в купчую. Однако затянувшаяся тяжба была решена в конце концов в пользу наследников Турчанинова⁶⁴⁴.

Таким образом, в результате первого раздела собственности, завершившегося в начале XIX в., Филанцета Степановна сосредоточила в своих руках наибольший индивидуальный пай в $4\frac{1}{3}$ частей общего владения. Это (вместе с переданными в ее распоряжение $6\frac{2}{3}$ частями сыновей Алексея и Александра и дочери Анны Зубовой) давало ей все основания сохранить за собой управление заводами. В отличие от своих оппонентов, она проживала в Сысерти или Екатеринбурге и, несмотря на безграмотность, через доверенных приказчиков (Ф. Дьячкова, И. Сукина, А. Шипова) осуществляла общее руководство имением.

Добиваясь удаления объединивших тогда свои усилия дочерей Колтовской и Ивелич от участия в управлении заводами, она еще в 1797 г. жаловалась, что они “не взносят следующих на действие оных капиталов”. Тогда Берг-коллегия предписала, что пока эти капиталы не будут присланы совладельцами, “не давать им ни денег, ни металлов”, а по улучшению заводского действия, которое начало приходить в упадок, сама бы Турчанинова приняла действенные меры. Однако это решение только обострило ситуацию. Колтовская и Ивелич, в свою очередь, стали жаловаться на управление матери, во время которого, по их словам, был затоплен Гумешевский рудник, все заводское действие приведено в упадок, а достигшие совершеннолетия наследники не получали никаких доходов. В то же время они были убеждены, что А. Ф. Турчаниновой и А. А. Зубовой мать выделяла часть заводских доходов “для поддержания на своей стороне”. Чтобы уре-

гулировать ситуацию, 14 марта 1799 г. Берг-коллегия строго предписала всем наследникам “расчесться в срок полгода”. Но назначенный Державиным для выполнения этого задания чиновник Веселков сумел выполнить его лишь к 1808 г.

Колтовская и Ивелич считали, что причиной такой задержки являлись действия матери и назначенных ею управляющих, которые “не давали Веселкову бумаг и людей”. Расчет был сделан, писали они, только под угрозой “бывшего екатеринбургского начальника Ярцова прислать на заводы роту солдат горной команды”. Чтобы доказать матери, что “контора ее обманывает, пользуясь ее безграмотностью”, Колтовская вместе с сестрами в 1804 г. приезжала из Петербурга на заводы. Вторая ее поездка состоялась в 1808 г. по поводу уже составленных расчетов, по которым она оказалась еще должной заводам более 60 тыс. руб.⁶⁴⁵

Наталья Алексеевна, конечно, протестовала, но Сенат утвердил представленные расчеты. Мало того, Веселков пришел к заключению, что Ф. С. Турчанинова, “несмотря на все преткновения, не только не сделала ни малейшего упущения, но еще приумножила выгоды наследников и чрез то принесла казне доходу более миллиона рублей”. В результате “за 17-летнее попечение над заводами и в пример другим заводчикам” она была “вознаграждена особенною от начальства похвалою”. Приехавшую на заводы Колтовскую, по ее словам, управляющие, “пользуясь доверием матери”, не допустили “ни войти в рассмотрение дел и расчетов, ни в благоустройство заводское, сказав, что дело кончено, нечего смотреть и Сенатом опробовано”. Они же доносили, что Колтовская “не рассматривала действие заводов и не подавала на устройство их никаких советов, а нанесла одно неудовольствие матери своей, коей право на управление предоставлено Берг-коллегией”. Эту точку зрения разделяли и официальные власти⁶⁴⁶.

Тем не менее Наталья Алексеевна упорно добивалась своего участия в управлении, надеясь таким путем добраться до заводских доходов, которые мать ей не выплачивала. Правда, как свидетельствовали горные власти, и сама Филанцета Степановна “ими не пользовалась, а все суммы употребляла на деятельность заводов”. В 1810 г. дочь вновь подала очередное прошение “о введении ее в общее с матерью управление” и даже потребовала от пермского губернатора выслать 5 тыс. руб. из заводских денег “на проезд до Сибири”, так как считала, что “за 2300 верст невозможно доказать злоупотребления”. “Не получая доходов, — писала Колтовская, — я не только не могу поехать, но и содержать себя. Вместо денег контора присылает мне и другим участникам только краткие месячные ведомости читать оные, дабы участники в заводах видели обманы и денежное разорение и молчали во всех убытках и непорядках, в собственном имении деланных”. Губернатор, конечно, отказал ей в присылке денег и сделал выговор за “несправедливые и затейные жалобы, наполненные колкими выражениями и обременяющие вышнее начальство”⁶⁴⁷. Насчет же допуска Колтовской к управлению он собрал отзывы других совладельцев.

Полковница А. Ф. Турчанинова “отозвалась, что она управление, положась на благоразумие матери мужа ее, оставляет за нею”. Генеральша А. А. Зубова написала, что “единство управления считает она не только нужным, но и полезным, потому что разнообразие распоряжений... могут послужить более к расстройству заводов”. Даже граф М. К. Ивелич, который побывал на заводах, “остался всем доволен, а потому полагал, что вдова Турчанинова, имея в заводах собственности без малого целую половину и будучи при том уполномочена доверием от других участников, при управлении заводами обще с Колтовской может встречать разногласия и препятствия, а от того и от упущения вре-

мени последует не один невозвратный убыток, но и в Правительстве от разбирательств беспрестанные споры”. Общее мнение совладельцев было оставить управление одной Турчаниновой “под ответом за упущения своим достоянием”, а Колтовской и другим участникам “иметь одно только надзирание”. В итоге в 1811 г. Сенат вновь оставил Сысертские заводы в управлении одной Филанцеты Степановны. Поскольку перед детьми она отвечала “собственным своим имуществом”, то на него было наложено запрещение в продажах и залогах⁶⁴⁸.

Видимо, Колтовская расценила это как заговор против нее и решила действовать не только, как прежде, забрасывая правительство жалобами (к чему склонила и сестру Н. А. Ивелич), но и другим, более действенным способом. Предприимчивая наследница попыталась увеличить свою долю в общем владении и преуспела в этом. Каким-то образом ей удалось “отсудить” переданные в управление матери $2\frac{1}{3}$ части брата Алексея, о котором позже отзывалась как о крупном должнике. В 1816 г. она к тому же перекупила у брата и доставшийся ему по разделу первый турчаниновский Троицкий медеплавильный завод с “металлической фабрикой для дела посуды и вещей” под Соликамском⁶⁴⁹.

Завод этот был остановлен еще в 1773-м, а фабрика – в 1796 г. По указу Берг-коллегии от 18 октября 1806 г. все “казенные люди, отданные к Троицкому заводу” (многие из которых уже переселились на Сысертские заводы), были “отобраны в ведомство казны” и переведены частью на Пермские, частью на Екатеринбургские заводы. Уже тогда Колтовская пыталась заполучить эту долю отцовского наследства, утверждая, что “при Троицком заводе действия нет не от пресечения руд, а по причине залившейся в Пашковский рудник воды”. Она рассчитывала, что горные власти разрешат ей восстановить завод и укрепить его за нею. Но министр финансов граф Д. А. Гурьев отказал, ссылаясь на заключение Берг-коллегии о невозможности “приобрести успех в том ее намерении”⁶⁵⁰. Тем не менее закрытый завод продолжал считаться владением наследников А. Ф. Турчанинова и приобретение его (вероятно, за бесценок) вместе с другими владениями Алексея Алексеевича увеличило долю Колтовской в нераздельном имении. В ее руках оказалась равная с матерью часть наследства ($4\frac{1}{3}$).

Возможно, именно поэтому в 1814 г. по требованию Колтовской Государственный Совет признал расчеты Веселкова “неполными и недостаточными”, распорядился “учинить” новый расчет и допустил Наталью Алексеевну к управлению заводами “обще с матерью своей”. Но прибывший на заводы ее поверенный титулярный советник Сенчинский жаловался, что заводские приказчики “старались вооружить” вдову Турчанинову против него, советовали ей много с ним не говорить, потому что он якобы будет “прицепляться к каждому ее слову”. “Не безызвестно, – писал поверенный, – что вдова по безграмотству, старости и слабости не только сочинять... бумаги... не может, но и едва ли может и понимать оные. Все бумаги сочиняют приказчики, защищая худые дела свои”. Дело дошло до того, что он “страшился происков их как насчет расстройства заводского действия, так и на счет самой жизни своей”⁶⁵¹.

Следствием новых жалоб явился сенатский указ от 16 ноября 1816 г. “предать всех окружающих Турчанинову приказчиков уголовному суду”, а поверенных Колтовской и Ивелич допустить к управлению и составлению новых расчетов совместно с Турчаниновой. Однако сторонники Натальи Алексеевны на заводах сообщали, что “составление расчетов не подвигалось, ибо не только понудить Турчанинову составить их, но даже для сочинения перевести в Екатеринбург заводские книги, все настояния правительства

оставались тщетны”⁶⁵². Сторонники Филанцеты Степановны, в свою очередь, жаловались, что “вместо предписанного с обеих сторон по управлению заводов согласования поверенные Колтовской действовали и распоряжались одни... а приказчики со стороны Турчаниновой хотя и были, но только смотрели за одними самовластными действиями поверенных”. В результате, считали они, Колтовская “начала выбирать из общественных заводских капиталов многотысячные суммы... от чего заводы в 1820 и 1821 гг. снова были приведены в упадок”⁶⁵³.

Сама Ф. С. Турчанинова обвинила дочь в захвате 270 тыс. руб. – суммы, равной годовому обороту заводов, и жаловалась, что в кассе почти не осталось денег. Горное правление сумело выделить Сысертским заводам в 1821 г. 85 тыс. руб. под залог металлов, хотя уже “в неоплатной ссуде” состояло на них 180 тыс. руб. Горный исправник, под присмотром которого находились задолжавшие заводы, опасался, что там “возможен не только ропот, но и само возмущение от горести и голода страждущих людей, довольно уже изнуренных от несвоевременной выдачи жалованья и плат за работы”⁶⁵⁴.

Колтовская не признала обвинений матери и опрометчиво обвинила Пермское Горное правление, чиновники которого будто бы продавали заложенные металлы “в ущерб заводским интересам”. В мае 1821 г. она уведомила министра финансов, что в такой ситуации “входить в какое-либо распоряжение по продажам считает для себя невозможным”, и уничтожила все прежние доверенности на управление заводами. В Горном департаменте ее аргументы сочли несостоятельными и предложили либо прислать новую доверенность, либо “самолично” явиться на заводы. В противном случае, говорилось в министерском предписании, “она во всем будет главною виновницею и подвергнется неминуемой ответственности”⁶⁵⁵.

Чтобы отвести от себя обвинения, в ноябре Наталья Алексеевна написала очередное свое “объяснение”, в котором откровенно высказалась о причинах упадка заводов. “Я почитаю главными виновницами всем неустройствам заводов дочь приказчика Филадельфа Дьячкова и сестру свою Зубову, – писала она. – ...Согласившись с приказчиками действовать против меня, Зубова действует против самое себя, поелику польза всех сестер зависит от одного предмета, от которого Зубова удаляется, предполагая найти награду в единственном наследстве, которое ей обещают приказчики и жертвует себя, мать и сестер приказчикам и дочери Филадельфа Дьячкова, променяв известное на неизвестное; а филадельфова дочь действует главною пружиной потому, что ее отец был главным приказчиком заводов еще при жизни родителя моего и после оной, и умер без отчета и приобрел ей значительное имение; она, боясь по отчетам оного лишиться пользы, с прочими приказчиками состоит в том, чтобы удалить отчеты... и стараться меня запереть в тюрьму! (как в ссылку ныне сослать не достигли) дабы никто ей уже препятствовать не мог исполнить ее цель! А Зубова, как уже несколько лет в отсутствии разума находившаяся, и забрала с приказчиками деньги, кои конечно показаны на производство дел матери моей противу меня”. “Я ни в какое распоряжение входить не буду до разрешения Государственного Совета”, – настаивала Колтовская⁶⁵⁶.

Поняв, что миром дело не решить, Д. А. Гурьев представил в Сенат докладную записку, в которой “объяснил причины, неминуемо требующие: а) взять заводы наследников Турчанинова в казенное управление, в) принудить их окончательно в них разделиться и с) предоставить требовать за прежнее управление заводских отчетов”⁶⁵⁷.

Пока неторопливый Сенат раздумывал над предложениями министра, в отношениях между владельцами обозначился новый виток конфронтации, поводом к которому послужила смерть 6 февраля 1822 г. Ф. С. Турчаниновой. К этому времени части совладельцев Сысертских заводов распределялись следующим образом: за умершей вдовой и Н. А. Колтовской числилось по $4\frac{1}{3}$ части, А. Ф. Турчанинова с сыном Александром имели $2\frac{1}{3}$, А. А. Зубова – 2 и Н. А. Ивелич – 1 часть⁶⁵⁸. Через 10 дней после кончины вдовы проживавший вместе с ней внук Марк (сын умершего к этому времени обер-кригс-комиссара, члена-корреспондента Казанского университета Петра Алексеевича Турчанинова) объявил “духовное завещание” Филанцеты Степановны, уже известное Горному правлению из поданного прошения в день составления 27 декабря 1821 г.

“По старости лет моих и по слабости здоровья, – записано от лица заводчицы в этом документе, – соображая о смерти, могущей случиться иногда нечаянно, и о делах дочерью моею Натальей Колтовской несправедливо и единственно разорению ближних затеянных... по которым недвижимое мое... имение подвергнуто в письме купчих крепостей и прочих крепостных актов запрещению, – но я по чистоте моей совести, не признавая себя расточительницей чьего-либо мне вверенного, но и собственного своего имения, а всегда пекущуюся о благосостоянии всех родных моих и доставлению каждому из них по закону принадлежащего, помогая всегда всем им в нуждах по возможности из собственности моей, возлагаю всю надежду на истинную справедливость Бога, святость гражданских законов и правосудие”⁶⁵⁹.

В соответствии с завещанием, “благоприобретенные” вдовой от сына Петра $2\frac{1}{3}$ части (стоимостью 76 969 руб.) переходили внуку Марку, Куяшская вотчина в Екатеринбургском уезде утверждалась за дочерью Анной и ее наследниками, а доставшиеся ей по наследству от мужа 2 доли “родового” имения (“в селах и деревнях Нижегородской и Владимирской губерний, горных заводах в Пермской губернии и домах в Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми и Екатеринбурге”, кроме соляных промыслов в Соликамске, проданных с аукциона в 1818 г.)⁶⁶⁰, делились на три равные части и передавались наследникам по мужской линии: сыну Алексею Алексеевичу, внукам Николаю и Марку Петровичам и внуку же Александру Александровичу Турчаниновым. Колтовская ничего не получала от матери, которая, как объяснял Марк Петрович, “имела на дочь Наталью претензии о развлечении ею общественного заводского капитала и о расстройстве заводов”⁶⁶¹.

Возмущенная такой “несправедливостью”, Наталья Алексеевна “объявила спор” на завещание и предприняла шаги к устранению конкурентов. На том основании, что мать в последние годы “потеряла уже память... и не узнавала людей”, Колтовская заключила, что завещание фальшивое. Она считала себя “главной наследницей” и подала в Государственный Совет просьбу о скупке остальных частей общего имения⁶⁶².

При таком “замешательстве” управление заводами фактически приостановилось, прекратилось и снабжение их капиталами “со стороны содержателей”. Горное правление доносило, что “если вскорости те заводы деньги не получают, то придется остановить их действие и распустить принадлежащих к ним людей в повольные работы”. Поскольку в первую очередь эта угроза относилась к Колтовской, как соуправительнице заводов, то она и попыталась оправдаться. “Прошу, – писала она императору, – не почитать меня в числе нерадивых и беспечных заводчиков, ибо я все меры предпринимаю к спасению заводов отца моего, не взирая на все препятствия, кои я повсечастно встречаю от тех участников, кои действовали и действуют ко вреду заводов, предполагая сим нанести

мне разорение, не рассуждая, что с моим разорением вовлекли заводы в сие гибельное положение”⁶⁶³. Оказавшись в сложной ситуации, не имея поддержки от совладельцев и средств на заводское действие, она даже предложила взять Сысертские заводы в казенный присмотр, “обращая доходы на их поддержание”. Одновременно с Колтовской в Государственный Совет подали прошение Зубова, Ивелич и Турчанинова, которые не соглашались с ее предложением, поверенного Колтовской обвиняли в захвате и расхищении заводского имущества, а ее саму “в клеветах, которыми она беспрестанно чернит всех перед Правительством”⁶⁶⁴.

В течение двух с половиной лет в Государственном Совете и Комитете министров рассматривалось дело о Сысертских заводах. При этом сложилась парадоксальная ситуация, когда эти высшие государственные органы, принимая разные решения, утверждаемые императором, вольно или невольно действовали в интересах той или иной группы совладельцев.

Так, в ходе разбирательства, состоявшегося в Департаменте экономии Государственного Совета под председательством адмирала Н. С. Мордвинова, было “обращено все внимание на существо дел, до сих заводов относящихся, открыты все причины настоящего положения и обнаружены даже многие неурядки присутственных мест, послуживших к умножению запутанностей”. В соответствии с “мнением” Совета от 30 марта 1823 г., каждая из враждующих сторон должна была определить по одному поверенному (ими мог быть и кто-либо из совладельцев) и в течение трех месяцев избрать “с общего согласия” третьего, в обязанности которого входило “разрешать могущие встретиться в управлении несогласия”. В случае просрочки (как и произошло) над заводами устанавливалась опека и третий поверенный определялся от нее. Вырученные от продажи железа и меди деньги предполагалось направлять, во-первых, “на содержание заводов”, во-вторых, на уплату казенных податей, а “остальные деньги предоставлять Пермскому Горному правлению делить от времени до времени между соучастниками по мере их частей”. Доходы, причитавшиеся на долю покойной Ф. С. Турчаниновой, было решено “впредь до разрешения, кому части сии принадлежать должны”, отправлять в Государственный Заемный банк “для приращения процентами”⁶⁶⁵.

“Мнение” Совета находилось уже в исполнении, когда на следующий год Комитет министров сделал новое заключение, определив, что “вражда между наследниками столь велика, что ничто не может их понудить к согласительному какому-нибудь положению”. К тому же, утверждалось в этом заключении, “справедливые или мнимые недоразумения местного начальства” основательно запутали все дела, а заводы, между тем, “пришли в совершенное расстройство”. На основании такой оценки сложившейся ситуации предлагалось всех наследников полностью устранить от участия в управлении и учредить попечительство “из лиц, собственно ими самими избранными, с предоставлением им числа голосов в соответствии с участием каждого в наследстве”. Первой задачей попечительства должно было стать составление расчетов по заводам, а также “определение без нужного содержания каждому наследнику по мере участия в заводах и по возможности оных”. Поскольку в кассе не оказалось денег даже на заготовку припасов, было принято решение о выделении ссуды. По мнению Н. С. Мордвинова, присоединившегося тогда к решению Комитета, произведенные попечительством расчеты “откроют возможность Колтовской приобрести заводы по праву главной в наследстве участницы, к чему она те-

перь не имеет никаких средств, кроме претензий”. “Сим скуплением, – полагал он, – все наследственные распри окончатся, и заводы войдут в единственную и целостную зависимость от одного владельца”⁶⁶⁶.

2 сентября 1824 г. решение о попечительстве было утверждено, а 8 сентября Н. А. Колтовская уже прибыла на заводы. Лично приехать Наталью Алексеевну побудило несколько причин. Ее беспокоило поведение племянника Марка Петровича, который не допустил заводского исправника “запечатать имущество и архив матери”, что требовалось сделать по закону с не разделенным еще имуществом. “Сей малолетний человек, – писала она, – есть не что иное как невинная жертва турчаниновского приказчика Шипова, который его споил и приучил пить простое вино и держать на охоте в лесу по большей части времени. А выпускает его действовать, когда ему что нужно... и тот, не имея никакого участия в заводах, ходит и убеждает людей быть на его стороне!” При подобных обстоятельствах, считала она, неизбежно начнется расхищение имения, и в подтверждение этого ссылалась на то, что Марк уже “захватил 150 сундуков, серебро, якобы ему надаренное, часы и телескоп”. Ей также стало известно о приезде на заводы другого племянника – отставного штаб-ротмистра Алексея Николаевича Зубова, который “неизвестно по какому праву вывез с заводов кабинет шуфов, стоящий около 25 тыс. руб. и серебра в разных вещах около трех пудов... и заложил оный кабинет в Екатеринбурге”⁶⁶⁷.

Кроме того, она подозревала приказчиков Ф. С. Турчаниновой в убийстве своей племянницы (видимо, Александры), сестры Марка, которая, по словам Колтовской, “вместо матери моей бумаги подписывала” и знала обо всех “преступных действиях” приказчиков. “Поехав в город здоровой, – писала Колтовская, – та привезена была мертвою в завод... и тело предано земле без надлежащего освидетельствования”. Она протестовала также против передачи части наследства брату Алексею, который, по ее утверждению, “меня преследовал во всю жизнь мою, лишил меня собственности и, промотав все свое имение, не умел оную поддержать, сделал с казной подряды, не выполнил и даже подачей не платил, а потому все его имение взято в казенный присмотр, одного казенного долга до 200 тыс. руб., мнит теперь заводы получить по наследству от матери моей... когда письменно двумя формальными прошениями своими по смерти отца моего сознался, что управлять заводами по неспособности своей и за неимением капиталов не в состоянии, и посему заводами управляла покойная мать наша”. “Могу ли я вверить ему мое благосостояние, – вопрошала возмущенная сестра по поводу не принадлежавшего ей имущества, – если он своею собственностью управлять не умел!”⁶⁶⁸

Наталья Алексеевна прибыла на заводы не с пустыми руками. Она представила перекупленные ею три “обязательных письма” А. А. Зубовой на занятые той в 1818–1822 гг. у генеральши К. И. Оде де Сион более 52 тыс. руб., которые Колтовская считала возможным “зачесть ей заплаченными за долю участия сестры в заводах”. Она также заключила “запись” с племянником Николаем Петровичем Турчаниновым, “как со старшим сыном покойного ее брата, по коей он передал ей наследство, какое ему очистится по окончанию расчетов от покойной бабки его”⁶⁶⁹. Считая, что уже владеет двумя третями общего имения, Колтовская предприняла ряд решительных мер для захвата власти на заводах. Она, по словам Марка Турчанинова, “поставила к занимаемому мною дому в караул трех человек из мастеровых с тем, чтобы я из дома никуда не мог отлучиться”, перенесла документы во флигель главного дома и даже “вынула печные вьюшки в доме, где должны были происходить расчеты”, наконец, в отсутствие других владельцев пот-

ребовала “разбора бумаг” и “причиняла разные обиды” приставленному чиновнику. Растерявшийся племянник просил у Горного правления “вытребовать на заводы законных сонаследников”. Генеральша Зубова, графиня Ивелич и полковница Турчанинова жили тогда в Петербурге, Алексей Алексеевич Турчанинов в своем имении селе Сергиевском Пензенской губернии, а Александр Александрович Турчанинов в городе Горбатове Нижегородской губернии, и вовсе не спешили на заводы⁶⁷⁰.

Но с очередным “переделом собственности” у Колтовской возникли затруднения. Оказывается, за векселя Зубовой она сама задолжала Оде де Сион 75,2 тыс. руб., дело о которых рассматривалось в Петербургском надворном суде одновременно с ее иском к сестре Анне, за которую “по слабости здоровья” отвечал сын коллежский асессор А. Н. Зубов⁶⁷¹. О зачислении же в пользу Колтовской частей Н. П. Турчанинова до раздела наследства Филанцеты Степановны не могло быть и речи. Наталья Алексеевна по-прежнему считалась собственницей лишь третьей части общего имения. В начале 1825 г. поверенный Колтовской штаб-ротмистр лейб-гвардии гусарского полка П. Д. Соломирский (ее сын от гражданского брака с Д. П. Татищевым)⁶⁷² подал прошение императору о том, что большинство голосов в учрежденном попечительстве (9 $\frac{2}{3}$ из 14) “всегда будет не на их стороне” и сонаследники “тем более будут угнетать свою соперницу, что на сие попечительство не велено принимать никакой жалобы”. Поверенный просил остановить исполнение положения Комитета министров о попечительстве и оставить в силе “мнение” Государственного Совета об уже учрежденной опеке.

Хотя прошение Соломирского было внесено в Комитет министров самим А. А. Аракчеевым, там было принято решение “оставить просьбу без уважения”. Министр финансов Е. Ф. Канкрин высказал даже пожелание поспешить с учреждением попечительства, ибо считал, что “в сем состоит единственный способ прекратить несогласия наследников и довести их до раздела”. Однако против такого решения выступил на этот раз Н. С. Мордвинов. Он предложил вместо поверенных от сонаследников избрать одного опекуна, поскольку справедливо полагал, что попечительство “повлечет за собой подобную же ссору между их поверенными”. Император при рассмотрении дела утвердил мнение Мордвинова и 24 ноября 1825 г. вышел указ Сената “об уничтожении попечительства над имением наследников А. Ф. Турчанинова и возобновлении ранее учрежденной опеки”⁶⁷³.

Решение императора оказалось на руку Колтовской, поскольку выбранный от Екатеринбургской опеки титулярный советник Попов был, видимо, ее креатурой. Сонаследники пытались отстранить его от управления еще в 1824 г., заявляя, что “он не дворянин, крестьян не имеет и поручиться ему нечем”. Они также жаловались, что он “заморозил и обсушил половину из американских, африканских и других чужестранных и заморских деревьев и растений из Сысертского в Сибирском краю первейшего сада, много десятков лет исправно существовавшего и стоящего важного капитала”. В Сенат и Министерство финансов были направлены “доносы” о том, что Колтовская управляет заводами “одно-сторонне”, “перевела все общественные капиталы в одно свое распоряжение и, удержав из них в пользу свою немаловажные суммы, действовала против правительственных мер и лиц, делала беспорядки как в составлении расчетов, так и в управлении заводами”. Поступило прошение даже от Алексея Алексеевича Турчанинова, в котором тот писал, что сестра “одна препятствует своими законопротивными умыслами к сохранению семейного согласия”⁶⁷⁴.

Вследствие этого в Горном департаменте, как позже писали преемники Колтовской, было принято “секретное решение” отстранить ее от управления. Для этого 31 августа 1826 г. министр финансов “нарядил” особую Комиссию, которая, прибыв на Сысертские заводы, 1 мая 1827 г. “совершенно удалила Колтовскую” и, несмотря на ее протесты, вступила в управление заводами. Официальной целью Комиссии, которую возглавил коллежский советник Пальмов, провозглашалось содействие скорейшему окончанию расчетов для прекращения споров между совладельцами. По управлению Сысертскими заводами Комиссия должна была руководствоваться “мнением” Государственного Совета от 30 марта 1823 г., действуя вместе с поверенными от двух групп совладельцев и дворянской опеки. Но, огорченная неудачей, Н. А. Колтовская в качестве протеста отозвала от управления своего поверенного, как это уже случалось прежде⁶⁷⁵.

То, что не устраивало Колтовскую, вполне устраивало ее родственников-совладельцев. В отличие от нее, они назначили своим поверенным в заводских делах подканцеляриста Гребнева; поверенным от опеки был определен обер-гиттенфервальтер Волков. Пальмов жаловался, что присутствие только двух (вместо трех) управляющих не вполне соответствует “мнению” Совета и впоследствии может дать основание Колтовской опротестовать деятельность Комиссии. Он полагал также при составлении расчетов учесть и время ее “единоличного” управления заводами (с сентября 1824 по апрель 1827 г.), поскольку обнаружил, что тогда по предписаниям Колтовской “некоторые весьма значительные суммы были выписаны в расход дважды, а некоторые употреблены не на заводские надобности”, что при ней не составлялось никаких “удовлетворительных” отчетов и вместе с уплатой якобы 200 тыс. руб. долга казне вновь накопилось на 193 233 руб. казенных и до 60 тыс. руб. частных долгов. Уклонение Колтовской “от присутствия на заводах”, а также ее непрекращающиеся “несправедливые и обидные изветы”, которые, по мнению председателя, только отвлекали Комиссию и препятствовали “довержению возложенного на нее поручения”, могли быть устранены лишь “взятием заводских частей Колтовской в опеку и пресечением ей всех способов вмешательства в дела заводов”⁶⁷⁶.

Вместе с тем Пальмова не устраивали и назначенные управляющие. Гребнев, по его мнению, был “человеком кротким и усердным к пользам своих доверителей, но с несчастной слабостью, от которой или в нетрезвом виде, или болен, и к тому же крайне медлителен и оплошен”. Волков же “обнаружил явное свое расположение действовать к усугублению недельностей... домогаясь... сам собою ввести Колтовскую в управление, когда знал об уклонности ее от воли Правительства... как будто бы желая внушить подозрение на Комиссию и на Контору, в которой сам заседает”. “Таковые управляющие, – считал Пальмов, – один с недостатками, другой с неблагонамеренностью, не могут не озабочивать Комиссию и терпимы только по нужде”⁶⁷⁷.

Несмотря на эти затруднения, в сентябре 1828 г. Горный Совет при Министерстве финансов констатировал, что Сысертские заводы “уже извлечены из расстроенного положения и находятся в хорошем состоянии”. Взяв взаймы из сумм Екатеринбургских заводов около 154 тыс. руб., Комиссия за полтора года своей деятельности к декабрю 1828 г. сумела выплатить все казенные (около 700 тыс. руб.) и частные (более 60 тыс. руб.) долги, заводские люди были “совершенно удовлетворены за прошедшее время всем следовавшим” и сделан “запас всех потребностей на безостановочное действие заводов”⁶⁷⁸. Впрочем, такие очевидные и быстрые успехи были достигнуты не столько за счет улучшения металлургического производства, сколько благодаря начавшейся в окру-

ге разработке богатых золотых россыпей. Только в 1828 г. доход от этой новой отрасли заводского хозяйства достиг 1146 тыс. руб., в то время как от продажи меди поступило 210 тыс., а железа – лишь 120 тыс. руб. Тогда было даже решено впервые выплатить владельцам дивиденды на сумму 400 тыс. руб. в соответствии с их долями в имении⁶⁷⁹.

Казалось, развязка крайне запутанного дела близилась к концу. Но неожиданно возникли новые осложнения, связанные с наследством Ф. С. Турчаниновой, дело о котором уже шесть лет лежало в Сенате. К тому времени спор на завещание умершей вдовы, кроме Н. А. Колтовской, объявили Н. А. Ивелич, Н. П. Турчанинов и Алексей Алексеевич Турчанинов, которому не хватало средств расплатиться с многочисленными долгами. “Неизъемлемой” наследницей объявила себя и Настасья Петровна (сестра Марка и Николая), бывшая замужем за отставным штаб-ротмистром лейб-гвардии уланского полка Г. А. Раевским. Она считала возможным претендовать на часть наследства бабки, поскольку, как утверждала, “при выходе в замужество никакого приданого не получила”. Просила о разделе имущества и опекуна над малолетними детьми умершего, видимо, в 1825 г. подпоручика Александра Александровича Турчанинова его вдова Ольга Леоновна (по второму браку подполковница Аничкова). Наконец, в 1827 г. предъявили свои претензии на наследство дети двух уже умерших дочерей Филанцеты Степановны – лейб-гвардии Преображенского полка капитан Александр, гвардии капитан Петр, поручик Николай, прапорщик Михаил и три их сестры Титовы⁶⁸⁰, а также флигель-адъютант полковник Сергей, камергер и надворный советник Николай Кокошкины и сестра их генерал-майорша Варвара Александровна Клейнмихель (первая жена ближайшего сотрудника А. А. Аракчеева, главноуправляющего Департамента военных поселений П. А. Клейнмихеля)⁶⁸¹.

Еще в 1824 г. Нижегородская палата гражданского суда начала раздел не заводских владений Ф. С. Турчаниновой в Нижегородской и Владимирской губерниях (около 1,2 тыс. рев. д.), опираясь при этом не на спорное завещание, а на законодательство. Наследниками были признаны только сыновья вдовы и их потомство. Считалось, что дочери, получившие приданое, утратили право наследовать матери. 17 октября 1828 г. в соответствии с этими принципами Сенат утвердил в качестве наследников Филанцеты Турчаниновой сына Алексея Алексеевича, внуков Николая и Марка Петровичей и находившихся под опекой бабки Александры Филадельфовны Турчаниновой и матери Ольги Леоновны Аничковой малолетних правнуков Леоны, Николая и Алексея Александровичей Турчаниновых. Они “полюбовно” разделили вотчины между собой на три равные части⁶⁸².

Комиссия и поддержавшее ее Горное правление предложили по этой же схеме поделить и 2 (из 14) части в заводах, принадлежавшие собственно Филанцете Степановне, вывести их из управления опеки, но оставить под запрещением. Доходы от $2\frac{1}{3}$ частей, купленных ею у сына Петра Алексеевича, предполагалось отправлять в Заемный банк “для приращения процентами”, как то предписывалось Государственным Советом в 1823 г. Таким образом Горным правлением и был произведен раздел заводских доходов. Колтовская вновь возражала, называя раздел “рановременным”, заключенным до решения дела о завещании. Оспаривая предложение горных властей, она не оставляла надежду скупить заводские части и стать единственной владелицей. Остальные “заинтересованные” наследники выразили несогласие с решением не выдавать им доходы до снятия запрещения и отдавать часть денег в банк. Марк Петрович писал, что он и без того

“претерпевает нужду и стеснение лишением права пользоваться своей собственностью”, а Алексей Алексеевич в очередной раз сокрушался, что “по несчастным случаям впал в долг и имел единую надежду полученными с заводов деньгами уплатить оный”⁶⁸³.

31 августа 1829 г. появился сенатский указ, которым произведенный горными властями раздел доходов был признан “рановременным и потому законам противным”. Сенат решил остановить выдачу доходов, а имение умершей вдовы изъять из ведения горного начальства и возратить Екатеринбургской дворянской опеке до решения дела о завещании. Однако оказалось, что около 48 тыс. руб. были уже “изъяты” наследниками из заводских сумм. Тоже случилось и с деньгами других совладельцев: 152 тыс. руб. были “преждевременно” (то есть до распоряжения Горного правления) выданы А. А. Зубовой, Н. А. Ивелич, А. Ф. Турчаниновой и О. Л. Аничковой. На часть Ивелич предъявил претензию опекун “девицы графини Елизаветы” (видимо, дочери Н. А. Ивелич)⁶⁸⁴ по ее заемным письмам на сумму более 53 тыс. руб. Зубова по решению суда должна была выплатить Колтовской 105 тыс. руб.; к этой сумме были причислены около 6 тыс. руб. долгов ее сына А. Н. Зубова. На умершем Александре Александровиче Турчанинове “открылось” до 137 тыс. руб. долгов, которые кредиторы требовали от наследников изъять из заводских доходов. Н. А. Колтовскую суд обязал выплатить из ее части 75,2 тыс. руб. по заемным письмам Оде де Сион. Она же пыталась вернуть их из доли задолжавшей ей Зубовой⁶⁸⁵. Все эти сложные комбинации и взаимные претензии еще более запутали расчеты и, естественно, не привели к примирению враждующих сторон.

Мало того, произведенные в 1828 г. выплаты владельцам отчасти подорвали бюджет заводов. Этому же способствовали и выплаты 1829 г. наследникам Ф. С. Турчаниновой, дело о завещании которой было тогда наконец завершено признанием его недействительным и утверждением наследниками потомков по мужской линии. Уже в 1830 г. заводоуправление оказалось “в крайне стеснительном положении” и даже прибегло к новому казенному займу в 50 тыс., а в 1832 г. – в 80 тыс. руб. В это же время опекунша Аничкова, получившая в 1828 и 1829 гг. 67,5 тыс. руб. из заводских доходов, вопрошала Комиссию, почему ей ничего не выдают за 1826, 1827 и 1830 гг.? На запрос Комиссии, можно ли вновь выделить суммы наследникам, заводоуправление, составленное с 1829 г. уже из трех поверенных (В. Порецкий, И. Волегов и А. Шмаков), ответило, что “ныне без навлечения в заводском производстве подрыву к назначению наследникам в раздел денег приступить невозможно”. “Да и когда будет сей выдел заводских доходов, – “оптимистично” заявляли управляющие, – покрыто неизвестностью”⁶⁸⁶.

Не случайно, видимо, именно в это время Колтовская приняла трудное после стольких лет борьбы решение лично устраниться от дел. 29 апреля 1832 г. в Петербургской гражданской палате была совершена купчая на ее $4\frac{1}{3}$ части в Сысертских заводах. Вероятнее всего, купчая явилась лишь формальным актом. Наталья Алексеевна решила сохранить с таким трудом доставшиеся ей части отцовского наследства за своей линией рода. Но поскольку она имела только внебрачных детей, которые по закону не могли претендовать на наследство, то и вынуждена была пойти на этот шаг. “Покупателем” стал ее сын ротмистр Павел Дмитриевич Соломирский. Тогда же принадлежавшее ей имение во Владимирской губернии с 1,1 тыс. рев. д. крестьян перешло другому сыну камер-юнкера Владимиру Дмитриевичу Соломирскому, которому брат доверил управление приобретенными заводами⁶⁸⁷.

Графиня Ивелич, генеральша Зубова, Алексей Турчанинов и опекунша Аничкова подали, было, прошения в Сенат, оспаривая новое изменение в составе владельцев, но вскоре “прекратили сей спор миром с покупщиком Соломирским”. В прекращении споров сыграла свою роль позиция Павла Дмитриевича, которая в корне отличалась от прежних намерений его матери. Он остановил сложные расчеты между наследниками и попытался мирно договориться с ними. Как сообщало Горное правление, Соломирский “не желает продолжать споры, как она, Колтовская, искала, и обременять начальство в бесплодном для его заводов учете, а единственно клонит прекратить все распри между наследниками”. Усилия Павла Дмитриевича увенчались успехом. В 1833 г. Зубова продала (купчая совершена 17 июня) ему две свои части в заводах, а графиня Ивелич и М. П. Турчанинов (за себя и брата Николая, видимо, из-за болезни находившегося под его опекой) предоставили В. Д. Соломирскому право управлять их частями: первая в течение 10 лет (по “записи” от 23 мая), а второй – до утверждения “миролюбивых сделок” (по доверенности от 1 октября). В 1834 г. Алексей Алексеевич Турчанинов отказался от своих претензий и вскоре также “запродал” свою долю участия в заводах (1 ⁴/₉) П. Д. Соломирскому, до заключения купчей доверив управление его брату⁶⁸⁸.

В это же время инженер-подполковник Александр Андрианович Аничков (муж О. Л. Турчаниновой-Аничковой) от имени опекунов над малолетними детьми умершего Александра Александровича Турчанинова “полюбовно” прекратил все тяжбы с Соломирскими. Своему поверенному на заводах екатеринбургскому купцу 2-й гильдии В. А. Пальгуюеву он писал, что по затянувшемуся делу о расчетах “ничего нельзя сказать достоверного... и прекратить расчеты выгоднее теперь, нежели через пять лет”. “По сим уважительным причинам, – сообщал Аничков, – мировую записью уничтожены все расчеты, а с тем вместе распри и несогласия”. Доверенность Пальгуюеву была отозвана⁶⁸⁹.

В результате сложилась новая комбинация во владении и управлении Сысертскими заводами. Прежнее, созданное на основании “мнения” Государственного Совета 1823 г., тройственное управление теряло свой смысл. При новом раскладе сил управление должно было сосредоточиться в руках поверенного Соломирских коллежского регистратора И. Волегова, действовавшего теперь от имени всех совладельцев. Отпадала надобность и в третьем поверенном маркшейдере Штейфельде, ибо, по утверждению заводской конторы, “споров, кои возникали прежде между двумя другими поверенными и в разрешении коих состояла его обязанность, теперь существовать не может”. В результате 27 марта 1834 г. по инициативе В. Д. Соломирского тройственное управление было прекращено⁶⁹⁰.

Однако тотчас же это решение опротестовала Екатеринбургская опека, нашедшая его “рановременным и неправильным”. Необходимо, посчитали там, прежде получить санкции от всех опеков, Горного правления и здравствующей полковницы А. Ф. Турчаниновой, имевшей свою небольшую долю в наследстве давно скончавшегося мужа. Александра Филаськова, проживавшая в Горбатове, одна упорствовала в передаче Соломирским власти на заводах. Она считала, что наследники ненавидимой ей Колтовской стремятся “воспользоваться несправедливо частями покойной Филанцеты Турчаниновой и отнять таким образом части, следующие нам с малолетними детьми”. Вдова подозревала, что отстранение от управления преданного ей Пальгуюева приведет “к захвату заводских доходов” Соломирскими. В апреле 1834 г. Турчанинова писала своему поверенному: “Доверенность вам посылаю и прошу не оставьте своим пособием похлопотать, чтобы

денешки получить, за что останусь вам благодарная”. Она желала также знать “как на заводах дела идут, улучшаются ли они”, и требовала от Пальгуева присылать ей “годовые, третные, месячные и недельные отчеты и рапортчики”⁶⁹¹.

Возмущенный несговорчивостью престарелой вдовы, которая владела всего третью из одной части имения, а претендовала на собственного управляющего, В. Д. Соломирский предложил Горному правлению вообще “не допускать мелких владельцев до хозяйственных распоряжений”, предоставив им право “быть только свидетелями всего практического действия”. В отношении же Пальгуева он писал, что в случае, если тот останется на заводах, он не сможет ручаться за их “благосостояние и целостность”. Е. Ф. Канкрин, на рассмотрение которого были направлены предложения Соломирского и согласившегося с ним Горного правления, напомнил, что “частная собственность, как бы мала ни была, всегда есть собственность, и отчуждать от нее владельцев по малости ее никакой закон не позволяет”. К тому же, добавлял он, “устранение владельцев малых частей от участия в управлении заводами могло бы подать повод к непрерывным со стороны их пререканиям и жалобам в обременение самого Правительства”⁶⁹². Так удачно начатое предприятие Соломирских давало сбой.

Но вскоре из заводов пришло известие от самого купца Пальгуева. “Не желая продолжения службы моей в Сысертских заводах по причине собственных моих соображений, – писал управляющий, – я от исполнения заводских обязанностей отказываюсь”. Обрадованный В. Д. Соломирский 19 июня 1834 г. сообщал, что уже принял дела от Пальгуева на свою ответственность “потому более, что часть полковницы Турчаниновой ни после умертвления мужа ее, ни после смерти ее сына выделена не была”. Однако в августе он вдруг резко изменил свое решение. “По личному моему обзору означенных заводов и испытанию всех частей заводского хозяйства, для улучшения оного и для приведения всего практического производства в надлежащее устройство и порядок, – писал камер-юнкер купцу, которого всего полгода назад выставлял “вредным” для заводов, – признав необходимость иметь товарища к управляющему... Волегову, я по изъявлении Вами согласия определяю Вас в сию должность и доверяю иметь общее с управляющим Волеговым правление”⁶⁹³.

Причины этого финта Соломирского вытекали из обстоятельств заводской жизни. Во-первых, ему так и не удалось удержать власть исключительно в своих руках. Еще в апреле Горное правление предписало восстановить отмененное им тройственное управление и, в частности, предписало Штейнфельду оставаться на заводах с прежними полномочиями. В июле Марк Турчанинов аннулировал данную ранее Соломирскому доверенность из-за того, что тот так и не заключил с ним “миролюбивых сделок”, и уполномочил для управления заводами бывшего крепостного крестьянина Куяшской вотчины М. П. Юрлова⁶⁹⁴. В результате сложилось новое тройственное управление с иным представительством заводовладельцев. В таком “раскладе сил” назначение Пальгуева в помощники к Волегову прибавляло Соломирскому голос А. Ф. Турчаниновой.

Во-вторых, возвращение бывшего управляющего с его деловыми и родственными связями (В. А. Пальгуев был женат на родной сестре влиятельного Г. Ф. Зотова) могло несколько поправить шаткое положение Сысертских заводов. Его красочно описал управляющий Юрлов в прошении в Горное правление. Прибыв на заводы, он обнаружил в кассе всего 2967 руб. и в магазинах 674 пуд. муки, в то время как в месяц требовалось последней до 14 тыс. пуд. С мая рабочие Полевского и Северского, а с июля – Сысертского заводов

не получали жалования. “За неимением угля, – сообщал он, – при Сысертском заводе с 12 июля, Северском с 20 апреля ковка железа не производится, а при Полевском заводе за неимением одного же медеплавильные печи с 14 августа действием остановлены. При Гумешевском медном руднике по неимению овса машинные лошади пришли в совершенное бессилие, от чего конно-действующие машины были остановлены и рудник затоплен на 13 сажень водою”. По наблюдениям нового управляющего, на восстановление заводов и рудника, а также уплату более 400 тыс. руб. казенных и частных долгов “свободного металла на продажу нисколько не имелось”. Сумм же, получаемых из Екатеринбургского монетного двора за шлиховое золото, было достаточно лишь на заготовление одной месячной “пропорции” провианта и выдачу жалования рабочим. И при этом, писал возмущенный такой бесхозяйственностью бывший крепостной, управляющим и приказчикам назначаются огромные оклады и они бесплатно пользуются заводскими квартирами с отоплением, освещением и прислугой. Назначение Пальгуева, по его мнению, еще более увеличило расходы и усложнило и без того громоздкое управление⁶⁹⁵.

Однако Соломирский принял в расчет, что пребывание купца на заводах может послужить им на пользу. По свидетельству Пальгуева, после того как он решился вернуться на заводы, Г. Ф. Зотов снабдил Соломирского на поездку до Петербурга 4 тыс. руб. и “на разные покупки и жене его наличными 875 руб.”. Кроме того, заводской конторе по ходатайству того же Зотова были ссужены 10 тыс. руб. на покупку провианта и одолжены 10 тыс. пуд. муки и 3 тыс. пуд. овса из екатеринбургских казенных магазинов. “Оставя заводы в самом расстроенном положении и будучи уверен, что ни в каком случае не будут иметь недостатков и не будут Григорием Зотовым оставлены, Соломирский уехал в Петербург, – сообщал купец, – но доехал только до Казани, изменил предположения и уверения, учинил новое распоряжение, прислал доверенность медицинскому чиновнику Орлову, а сей, представя оную, Соломирским данную мне уничтожил”⁶⁹⁶.

Действительно, 13 октября 1834 г. Владимир Дмитриевич внезапно отменил все прежние свои назначения по управлению и передал его проживавшему в Сысерти доктору надворному советнику В. И. Орлову. Несколько оправдывает этот шаг брата владельца распоряжение Уральского Горного правления, последовавшее за прошением Юрлова 17 сентября, то есть еще до отъезда Соломирского. “Хотя подобный распорядок и составляет хозяйственный расчет владельца, – заключил управляющий II отделением правления, – но как Сысертские заводы большей частью содержатся различными пособиями от казны, а именно ссудой денег, отсрочкой десятинной подати и даже ссудой провианта... то предписать конторе, чтобы выдача жалования управляющим была остановлена до того времени, пока заводоуправление не обеспечит содержание рабочим жалованием и провиантом, равно и лошадей фуражом и отвратит совершенное затопление рудника... Мера сия необходима и употребительна, ибо и в казенных заводах в прошедших годах случалось, что при недостатке денег удовлетворялись только мастеровые, а чиновники оставались без одного по полугоду и более”. Пальгуева разрешалось оставить товарищем Волегова, но “безгласным”, а управление заводами осуществлять “обще” Волегову, Юрлову и Штейнфельду⁶⁹⁷.

Пальгуеву от этого, однако, не стало легче. “Заманив меня для спасения заводов на один с половиной месяц, – писал он, – ...Соломирский... старается ныне под разными предложениями выгнать из квартиры, мною занимаемой”. “Обманутый” купец жаловался, что новый поверенный Орлов “в отлучность мою через полицейских служителей силил-

ся высылать неоднократно мое семейство, в случае невыезда угрожал выставить окончины, опахавать дом перед целым народозрением и... не думает выдавать мне жалования 13 445 руб.”. “Не получив оное, – угрожал Пальгуев, – ни под каким видом не выеду, претерпевать от переездов разорение в теперешнюю распутицу не буду”. Однако по требованию Горного правления бывшему управляющему пришлось все-таки покинуть заводы, а об обещанном жаловании “требовать разбора в начальственных местах”⁶⁹⁸.

Сам же Владимир Дмитриевич, по официальным данным, выехал в Петербург “для личного ходатайства у министра финансов о вспоможении заводам”, но там “сделался болен”. Вместо него в начале 1835 г. на заводы отправился “впредь до выздоровления” брата полковник лейб-гвардии гусарского полка Павел Дмитриевич Соломирский, получив доверенность на управление от своих совладельцев Алексея Алексеевича Турчанинова, Надежды Алексеевны Ивелич и опекунов малолетних Николая, Александра и Леона Александровичей Турчаниновых (действительного статского советника Крюкова и матери О. Л. Аничковой; А. Ф. Турчанинова в их числе уже не упоминалась), совокупная доля которых в Сысертских заводах составляла $13 \frac{2}{3}$ из 14 частей⁶⁹⁹. Судя по сохранившейся переписке Соломирских с московским почт-директором А. Я. Булгаковым (отцом жены Павла Дмитриевича Екатерины Александровны)⁷⁰⁰, с этого времени семья основного владельца переехала в Сысерть на постоянное жительство. Причиной тому, видимо, были долги полковника, не позволившие ему по-прежнему жить в столице.

В мае того же года пристав Литейной части Санкт-Петербурга сообщал, что камер-юнкер Соломирский уже выбыл на заводы в Пермской губернии и потому не мог получить указ Сената, решивший еще одно давнее спорное дело, заведенное его матерью против племянника коллежского асессора (“что ныне надворный советник”) А. Н. Зубова. Дело о вывозе им еще в 1824 г. “вещей и малахитов”, якобы принадлежавших Н. А. Колтовской, было прекращено не только потому, что Екатеринбургский уездный суд и восемь свидетелей опровергли обвинение. К этому времени его тетка обер-берг-мейстерша, проживавшая последние годы в Царском Селе, уже умерла (завещание было “засвидетельствовано по смерти” 15 января 1834 г.), а “преемники прав ее” Соломирские “учинили с матерью Зубова примирение” и просили Сенат закрыть дело. 17 мая 1835 г. иск Колтовской был прекращен, и Зубова, “как неизобличенного”, освободили от ответственности. Сысертские заводы в очередной раз расплатились за судебные тяжбы своих владельцев, выделив 377 руб. за производство этого дела⁷⁰¹.

Однако данное решение оказалось не последним в веренице бесконечных споров наследников А. Ф. Турчанинова. Они неожиданно возобновились после того, как в 1841–1842 гг. закончилась опека и корнеты гусарского наследного гресс-герцога Саксен-Веймарского полка Николай и Алексей Александровичи Турчаниновы (их брат Леон умер в 1842 г.) вступили во владение своим имением ($3 \frac{1}{7}$ частей). В 1843 г. они подали прошение о новом перерасчете бюджета с 1823 г. Сенат, не желая, видимо, возобновления приглушенных споров совладельцев (лишь в этом году здесь было прекращено дело о расчетах между ними и утверждены купчие на части Н. А. Колтовской), ответил уклончиво, предоставив все недоразумения при составлении расчетов решать в уездном суде. Турчаниновы, однако, не унимались, доказывая, что в предшествующие годы “происходили разные выдачи денежных сумм на счет каждого участника не по числу владеемых им частей, а один против другого расходовал более или менее”. “С 1832 г. по настоящее

время, – писали они, – производятся платежи за преемника Колтовской статского советника Соломирского из общественных заводских капиталов огромными суммами, которые относятся долгом на счет Соломирского впредь до расчета между владельцами”⁷⁰².

Эти претензии имели веские основания. Дела Сысертских заводов вовсе не выглядели блестящими, а на “основном владельце” действительно накопились огромные частные долги. В результате 17 февраля 1839 г. именным указом было учреждено Попечительство над имением и делами 38-летнего П. Д. Соломирского, владевшего уже большей частью паев (к прежним $6\frac{1}{3}$ прибавились утвержденные за ним $1\frac{4}{9}$ частей, по-видимому, уже умершего Алексея Алексеевича Турчанинова⁷⁰³, в результате чего за Соломирским числилось $7\frac{7}{9}$ частей из 14). Попечительство (в середине 1840-х гг. оно состояло из гофмейстера князя С. Гагарина и действительного статского советника М. Корниолин-Пинского), взяв на себя управление частями Соломирского, должно было “обратить прежде всего внимание на устройство заводов и... принять меры к скорейшей уплате его личных долгов”. На заводах установилось новое тройственное управление: один управляющий был назначен от Попечительства (отставной инженер-подполковник Ф. А. Хвощинский, которому доверила свою долю и графиня Ивелич), второй (А. М. Шипов) – от шихтмейстера Марка Петровича Турчанинова (Николай Петрович, видимо, уже умер или передал ему свою часть) и третий (М. П. Юрлов) – со стороны “бунтовавших” наследников Александра Александровича Турчанинова⁷⁰⁴.

Естественно, тон в новом управлении задавал член от Попечительства. Опытный в горном деле Хвощинский добился того, что уже на следующий год заводы “не только имели достаточно капитала для своего действия, но даже из доходов с оных было отчислено 70 тыс. руб. для раздела между владельцами”. Тогда же владельцы поделили и малахит, которым издавна славился Гумешевский рудник. С 1853 г. управляющим был определен инженер-капитан К. И. Кокшаров. Под руководством этих специалистов в 1840–1850-е гг. в округе была осуществлена серьезная модернизация производства, основаны два железоделательных завода (Верх-Сысертский в 1849 г. и Ильинский в 1854 г.), усовершенствовано и значительно увеличено производство меди и железа. При этом, однако, Кокшаров не уделял “должной заботы” о рабочих (что вызвало жалобы с их стороны) и, по свидетельству Горного правления, “вошел в несоразмерные со средствами заводов предприятия, делал на счет заводов долги, маскировал настоящее положение заводов и выдавал владельцам значительные дивиденды”. Так, с 1850 по 1860 гг. владельцы получили 2 225 048 руб., в то время как долг на заводах возрос с 130 593 до 1 471 981 руб.⁷⁰⁵ Оборотные средства приобретались в эти годы в основном за счет залогов металлов в Екатеринбургской конторе Коммерческого банка, открытой в 1847 г. для оказания финансовой помощи заводчикам. Это были краткосрочные ссуды, которые должны были выплачиваться сразу после продажи металлов на ярмарке⁷⁰⁶.

Совладельцы Соломирского считали, что во всем было виновато Попечительство. Того же мнения придерживался и главный начальник уральских заводов генерал-лейтенант Ф. И. Фелькнер. “25-летняя деятельность Попечительства, – писал он в 1861 г., – ознаменовалась результатом диаметрально противоположным цели его назначения: заводы, удрученные бременем накопленных в этот период громадных казенных и частных долгов, дошли, наконец, до невозможности продолжать свою деятельность, а между тем масса

личных долгов Соломирского уменьшилась весьма незначительно”. Правда, долю ответственности Фелькнер возложил и на совладельцев, которые, по его словам, “находили, быть может, свой расчет в том, чтобы не разоблачать шаткое положение заводов”⁷⁰⁷.

К этому времени общее имение для облегчения расчетов было поделено на 126 паев, из которых камергер и генерал-майор в отставке Павел Дмитриевич Соломирский владел 70, штаб-ротмистр Алексей Александрович Турчанинов (Николай Александрович в числе владельцев уже не значился) – 34, отставной шихтмейстер Марк Петрович Турчанинов – 13 и отставной гвардии полковник граф Николай Маркович Ивелич (сын и наследник Н. А. Ивелич; 15 августа 1859 г. он получил право официально пользоваться в России графским титулом)⁷⁰⁸ – девятью паями. За имением числилось 509 030 руб. казенных и 1 235 505 руб. частных долгов, особенно резко увеличившихся в 1859–1861 гг. в связи с трехкратным увеличением хлебных цен и снижением цен на металлы. “Для Сысертских заводов, – доносил Ф. И. Фелькнер, – этот общий кризис был еще труднее, чем для других, потому что они затратили ранее большие суммы на разные устройства для расширения и усовершенствования заводского действия и, лишившись через то оборотного капитала, вынуждены были в последние дорогие годы делать заготовления в кредит на весьма тягостных для них условиях”⁷⁰⁹.

В 1861 г. заводоуправление не смогло вовремя расплатиться с банковской конторой за взятую под залог металлов ссуду в 288 363 руб. По просьбе Попечительства и поверенных император разрешил зачислить эту ссуду в качестве долга Государственному казначейству и рассрочить его на четыре года с обязательством владельцев более не просить “ни о дальнейшей рассрочке долга, ни о сложении оного”. Тем не менее к концу года в заводской кассе оставалось всего 24 коп. наличных денег. Видя безнадежность предпринятых “облегчительных” мер, главный начальник предложил единственное, на его взгляд, средство “для отвращения угрожающих гибельных последствий” – продать Сысертские заводы с публичных торгов. “С поступлением во владение лица, обладающего достаточным капиталом, – писал Ф. И. Фелькнер министру, – заводы эти, при хорошем хозяйстве, могли бы действовать не без успеха”. Но поскольку соблюдение всех формальностей “заняло бы не менее года”, он просил “исходатайствовать Высочайшего разрешения на безотлагательное взятие заводов впредь до продажи их в казенное управление с ассигнованием от казны необходимой для их действия денежной суммы”⁷¹⁰.

Не терпящее задержки дело оперативно решалось посредством нового вида связи. 23 декабря 1861 г. министр финансов А. М. Княжевич телеграфировал о решении взять Сысертские заводы, “как пришедшие в упадок”, в казенное управление. Назначенный управляющим от казны инженер-подполковник Планер оценил в 3 480 740 руб. стоимость недвижимого имущества округа, в который входили тогда Сысертский, Верх-Сысертский, Ильинский, Северский железные и Полевской медный заводы (в самый удачный 1859 г. давшие 23 тыс. пуд. меди, более 914 тыс. пуд. чугуна и 457 тыс. пуд. железа на 1340 тыс. руб.) с земельной дачей в 251 348 дес., включая 220 тыс. дес. леса, богатым Гумешевским медным рудником, Уткинской пристанью на Чусовой и 11 777 рев. д. (в том числе 6624 рев. д. казенных мастеровых, 4886 рев. д. непременных работников, 62 рев. д. заводских и 205 рев. д. владельческих крепостных крестьян)⁷¹¹.

Н. М. Ивелич и А. А. Турчанинов подали министру и главному начальнику несколько жалостливых просьб об отсрочке продажи заводов, обязуясь прислать деньги, которые они собирались изыскать, заложив заводы в банке. “Умоляю Вас не откажите помочь мне, – писал Ивелич Фелькнеру. – От Вашего ответа министру зависит все мое состояние”. Не устранилось от участия в решении судьбы заводов и Попечительство, которое в лице тайного советника Корниолин-Пинского и генерал-адъютанта графа Ламберта также просило отменить продажу заводов, отложить выплату казенных податей до 1863 г. и даже назначить содержание обанкротившимся владельцам из заводских сумм. Правда, выход из ситуации они видели не в новом займе денег, а в передаче заводов в аренду частному лицу. Такие “лица” тут же обнаружились: в 20-летнюю аренду предлагали взять Сысертские заводы титулярный советник Пермикин и екатеринбургский купец 2-й гильдии Е. П. Трофимов. Они брали обязательства за время аренды уплатить все казенные и частные долги владельцев, а в качестве обеспечения предоставляли два дома Пермикина в Петербурге стоимостью 330 тыс. руб. Все совладельцы согласились с этим предложением, но Фелькнер, а позже и император отказали⁷¹².

В мае 1862 г. по инициативе главного начальника в Екатеринбурге был создан Особый совет, составленный из специалистов, кредиторов и владельцев Сысертских заводов. Из последних на нем присутствовал П. Д. Соломирский, а вместо Марка Петровича, отказавшегося выехать из Сысерти, прибыл его младший сын подпоручик Петр Турчанинов. Вызвать графа Ивелича из Петербурга (жил в доме № 5 на Невском проспекте) и А. А. Турчанинова из Нижнего Новгорода “не было никакой возможности”. Как сообщал Ф. И. Фелькнер, в ходе обсуждения присутствующие владельцы “хотели в ложном свете выставить административные мои действия, приписывая им характер неблагонамеренных, но у них не достало решимости принять на себя ответственность, которой закон подвергает виновных в клевете”. Прежнее правительственное решение сохранилось в полной силе⁷¹³.

За два с половиной года казенного управления на восстановление Сысертских заводов государство потратило 507 тыс. руб., но, по мнению Корниолин-Пинского, положение их не улучшилось. Были обнаружены растраты казенных денег; производство железа сокращено до 350 тыс. пуд. Продать крупный округ в то время оказалось проблематично, а продолжать казенное управление – дорогостояще и малоэффективно. В итоге 9 июня 1864 г. император согласился на освобождение заводов от казенного управления и передачу их в распоряжение владельцев с отсрочкой долга на 26 лет с ежегодным взносом $\frac{1}{26}$ его части с процентами. 8 сентября 1864 г. Планер передал управление заводами уполномоченным от владельцев⁷¹⁴. Новое “собственное управление” (которое возглавил, видимо, П. М. Турчанинов) сумело уже к концу 1860-х гг. вывести Сысертский округ из числа “самых расстроженных на Урале”. На этом примере, писал В. П. Безобразов, “можно убедиться, какими блистательными результатами сопровождаются энергические и добросовестные усилия в горнозаводском деле, когда оно производится хозяйскими руками и под глазом самого владельца”⁷¹⁵. Добавим, что на примере этих же заводов можно убедиться и в обратном.

11. Губины

Род заводчиков Губиных обосновался на Урале с конца 1780-х гг., когда его основатель московский купец и городской голова Михаил Павлович Губин начал приобретать здесь металлургические заводы у разорившихся владельцев. В 1789 г. он купил у И. Н. Демидова два Сергинских завода, в 1792 г. у Мосоловых Уфалейский и Суховязский и в 1796 г. у В. Е. Демидова два Авзяно-Петровских завода. Новоявленный заводчик предпринимал немалые усилия к развитию и совершенствованию производства в своих владениях и сумел завершить формирование двух горнозаводских округов. В Сергинском он построил Атигский (1790 г.), Козинский (1801 г.) и Михайловский (1808 г.) железоделательные заводы, в Уфалейском – Нижнеуфалейский (1818 г.) чугуноплавильный и железоделательный завод⁷¹⁶. В 1799 г. Губин подал прошение о постройке нового предприятия в Оренбургской губернии поблизости от Авзяно-Петровских заводов и даже арендовал с этой целью у башкир землю на 30 лет. Берг-коллегия 9 сентября 1800 г. дала разрешение на строительство Тарского завода с двумя домнами и 18 кричными молотами. Но этот проект энергичного купца не осуществился из-за спора о рудниках и лесах с братом бывшего владельца И. Е. Демидовым⁷¹⁷. Помимо металлургии, М. П. Губин вкладывал капиталы в текстильную промышленность, владея Успенской бумажной фабрикой в Богородском уезде Московской губернии и Спасской миткалевой фабрикой в Малоярославецком уезде Калужской губернии. В селе Успенском действовал его же пороховой завод, а в Московском гостином дворе купцу принадлежали несколько лавок и амбаров⁷¹⁸.

Во время своего управления уральскими заводами Михаил Павлович столкнулся не только с проблемой развития и завершения формирования принадлежавших ему горнозаводских хозяйств. Ему пришлось начать борьбу и за статус Уфалейских заводов, расположенных на купленных и кортомленных у башкир землях, но зачисленных в разряд посессионных “по наличию вечноотданных людей”. В 1802 г. он добился предварительного сенатского указа, по которому было разрешено не платить за Уфалейский завод полуторную подать “впредь до окончания разбирательства”⁷¹⁹. Хотя это “разбирательство” затянется на полвека, главная цель была достигнута: вместо увеличенной подати со всех его заводов Губин платил ее только с чугуна, выплавленного на Сергинских заводах, объединенных им в единый хозяйственный комплекс с Уфалейскими. Доходы и заработанный авторитет позволили ему записаться в первогильдейское московское купечество (1801 г.), получить звание именитого гражданина (с 1790 г.) и коммерции советника (с 1801 г.).

Михаил Павлович умер 19 сентября 1818 г. Его сыновья Павел и Константин по своему желанию первоначально оставили все наследство отца, включая Сергинско-Уфалейские и Авзяно-Петровские заводы, в нераздельном владении, но это не пошло им на пользу. В 1822 г. на заводах Губиных побывал пермский берг-инспектор, который обнаружил “крайний недостаток в деньгах” и предложил даже ввести там казенные штаты. Москов-

кий губернатор по месту жительства братьев сделал им “понуждение к снабжению заводов капиталами на продовольствие людей”. Однако Губины самоуверенно ответили, что они заводы свои снабжают деньгами “в такой мере, в какой дозволяют настоящие по торговле и заводам обстоятельства”, а рабочие содержатся “на положении, сделанном еще покойным их отцом и коим мастеровые остаются довольны”. Пермское Горное правление не удовлетворилось этим объяснением, резонно заметив, что поскольку “металлы продаются ныне по гораздо повышенным ценам, нежели какие при составлении отцом их заводского положения существовали, должны они по всей справедливости уделить часть прибыли на безбедное прокормление тех, через кого прибыль сия ими приобретается”⁷²⁰.

По-видимому, Губины не вняли предостережениям горных властей. По более позднему свидетельству, начиная с 1818 г. мастеровые “неоднократно жаловались на недостаток плат, отягощение работами и другие притеснительные действия местного заводского начальства”. В 1823 г. на Сергинских заводах произошло волнение, подавленное с помощью военной команды. Через пять лет все повторилось, и в 1830 г. пришлось вновь вызывать войска. Жалобы поступали от работников в 1833 и 1838 гг.⁷²¹ Возможно, хроническое недофинансирование заводов было связано с какими-то разногласиями между Губинами, которые после 20-летнего совместного владения двумя заводскими хозяйствами на Урале решились на раздел имущества.

18 апреля 1838 г. они подписали раздельный акт. “Ныне, — сообщали братья в этом документе, — положили мы между собой единожды и навсегда... учинить миролюбивый раздел”. В соответствии с ним старшему брату Павлу Михайловичу достались два Авзяно-Петровских завода с 1604 рев. д. в Оренбургской губернии, Успенская бумажная (650 рев. д. в Московской губернии) и Спасская миткалевая (1191 рев. д. в Калужской губернии) фабрики, каменный дом (в 5-м квартале Тверской части № 462) и лавки в Москве, а также две земельные дачи в Московской губернии. Константин Михайлович получал восемь Сергинско-Уфалейских заводов с 7387 рев. д. в Пермской губернии. Все долги общего имущества брал на себя Павел, а Константин получал свои заводы “чистыми и не подлежащими никаким казенным или частным денежным взысканиям”. Капиталы “в общих долговых денежных документах”, непроданные металлы и миткаль, а также долг племянникам Рахмановым в 80 тыс. руб. братья делили пополам. За нарушение условий раздела предусматривалась полумиллионная неустойка. Документ был утвержден в Московской палате гражданского суда 20 июля того же 1838 года⁷²². С этого времени начинается раздельное существование двух хозяйств во владении двух ветвей рода Губиных.

11.1. Губины (сергинско-уфалейские)

Во владении Константина Михайловича Губина Сергинско-Уфалейские заводы начали быстро клониться к упадку и “вместо пользы приносили значительный убыток”. Проведенное в 1839 г. особой комиссией следствие выяснило, что главной причиной тому явились “неисполнение штатов, расточительная жизнь Губина и беспорядочное управление его своим имением”. Несмотря на то, что владелец прибегнул “к весьма важным займам у частных лиц и ссуде от Горного правления более 150 тыс. руб. сер.”, заводы по-прежнему испытывали “крайнюю нужду в деньгах, недостаток в провианте и несвоевременно удовлетворяли рабочих задельными платами”. В июне 1841 г. на Нижнесергинском заводе вновь произошло волнение мастеровых с требованием выплаты заработанных денег⁷²³.

Это подтолкнуло власти к более решительным действиям. 25 августа 1841 г. “за неисправную выдачу заводским людям содержания, жалования и задельной платы, за неимение узаконенной пропорции хлеба, за неплатеж разного рода податей и, наконец, в обеспечение отпущенных на сей предмет и на заводское производство Уральским Горным правлением денежных сумм” Сергинско-Уфалейские заводы были взяты в полный казенный присмотр. Это означало, что устанавливался контроль особого горного чиновника за продажей заводских металлов, доходы от которых поступали не владельцу, а Горному правлению, и направлялись исключительно на заводское действие и уплату долгов.

Между тем Константин Михайлович предпринял в 1842 г. залог на 26 лет пяти Сергинских заводов с 5163 рев. д. в Государственном Заемном банке за ссуду в 309 780 руб. сер., а в ноябре 1843 г. просил “во избежание упадка заводов” заложить в банке и два Уфалейских завода. Однако на заводы Губиным была прислана только половина одолженной суммы, которой, по подсчетам Горного правления, оказалось недостаточно даже на “полугодовой оборот”. Несмотря на то, что около 170 тыс. руб. было предоставлено самим горным начальством, к концу первого года казенного присмотра заводы все еще находились в настолько “стеснительном положении, что рабочие не могли получать платы своевременно и нередко оставались по три и четыре месяца без удовлетворения”. Заводоуправление в такой ситуации “постоянно прибегало или к частным займам, или к забору провианта и других припасов в долг по дорогим ценам с платежом больших штрафов в случае неустойки”⁷²⁴.

Никак не поправлявшаяся ситуация заставила обратить внимание на Сергинские заводы высшую власть в лице самого А. Х. Бенкендорфа, до сведения которого дошло, что Губин “по ограниченности ума своего, ведя жизнь рассеянную, привел в совершенный упадок” свои заводы. Взять их в казенное управление у властей не было оснований, поскольку заводы “находились не в упадке, а в полном действии”. Взамен этого главный начальник В. А. Глинка реализовал здесь свое намерение распространить на частные заводы казенные штаты. В апреле 1843 г. министр финансов утвердил положение о введении на Сергинских заводах по содержанию мастеровых штатов Екатеринбургских, а по содержанию непременных работников – штатов Гороблагодатских казенных заводов⁷²⁵.

При “расточительном и слабоумном” (как утверждалось властями) муже в борьбу за заводы вступила жена владельца Анастасия Иосифовна (урожденная Кони), поверенным в делах которой выступали ее родственники – “художник” С. И. Кони и коллежский асессор Ф. А. Кони (отец знаменитого в будущем юриста А. Ф. Кони). По видимому, было решено для отмены казенного присмотра попытаться учредить над владельцем и его заводами опеку во главе с женой. Для этого она подала в Сенат жалобу, в которой по

причине невменяемости мужа и во избежание полного разорения просила учредить над ним опеку. Таковая и была учреждена Московским губернским правлением. Назначенные опекуны тут же потребовали заводы в свое управление и объявили вмешательством в их дела продажу металлов Горным правлением. Оно, в свою очередь, обратилось к министру финансов, а тот в Сенат для разрешения конфликтной ситуации. 19 января 1844 г. Сенат признал целесообразным учреждение опеки “для предупреждения дальнейшей растраты Губиным наследственного его достояния”. “Тем более, – говорилось в указе, – что он и сам сознался в неспособности своей к управлению оным”.

Вместе с тем сенаторы (ссылаясь на мнение Уральского Горного правления и министра финансов) посчитали “неуместным и бесполезным” подчинить власти опеки сами заводы, поскольку “с одной стороны, цель оградить заводы от расстройства, неизбежного при личном управлении оными владельца, уже сама собою достигнута казенным надзором, а, с другой, потому что распоряжения опекунов, вместо ожидаемой пользы, стесняют только горное начальство в его действиях, основанных на ближайших соображениях местных обстоятельств заводов и на правилах, собственно для горного ведомства изданных”. В итоге было принято решение ограничить опеку “одним личным над Губиным надзором для пресечения ему способов обременять имение новыми долгами”. Эту обязанность предлагалось возложить на жену, “если она изъявит к тому желание”, при участии “посторонних опекунов из лиц, принадлежащих к соответствующему званию Губина классу и вполне известных своею благонадежностью”. Казенный присмотр над заводами сохранялся до окончательной уплаты долгов и накопления “узаконенных запасов хлеба и оборотного капитала”⁷²⁶.

Такое решение, естественно, не устроило Анастасию Иосифовну, и она предприняла попытку получить заводы в свое управление иным способом. 8 марта 1844 г. между ней и мужем в Московской палате гражданского суда было заключено соглашение, по которому тот передавал ей в полное распоряжение все свои имения, включая и уральские заводы. Губина обязывалась “частью погасить долги мужа своего [достигавшие по разным данным от 250 тыс. до 600 тыс. руб. сер.], употребив собственный свой капитал, частью рассрочив платежи их на продолжительные сроки”, освободить заводы от казенного присмотра и взять их в свое управление. Из вырученных от продажи металлов денег она должна была не только “удовлетворять срочные обязательства и отчислять потребное количество денег [до 300 тыс. руб.] на производство заводов”, но и “содержать дом и семейство, дать сыну Анатолию и другим могущим родиться детям приличное воспитание и в течение жизни мужа выдавать ему ежемесячно по 300 руб. сер.”. Соглашение заключалось на 12 лет до 1 марта 1856 г. и могло быть возобновлено еще на 12 лет на тех же “кондициях”. Сенат по просьбе К. М. Губина утвердил это соглашение и отменил над ним опеку⁷²⁷. Первый шаг к установлению своего контроля над заводами А. И. Губиной был сделан.

Уже в апреле 1844 г. заводчица просила царя разрешить ей заложить Уфалейские заводы, состоявшие (в отличие от Сергинских) на владельческом праве, с принадлежавшими им землями и 2223 рев. д. в Государственном Заемном банке. Однако прибывший на заводы уполномоченный Губиной С. И. Кони вначале нашел излишним новый залог заводов. Он исходатайствовал у В. А. Глинки разрешение продавать “заводские изделия” на Нижегородской ярмарке без всякого участия горного чиновника. “Он, – писал поверенный, – появляясь в балагане, невольно своим присутствием обнаруживает перед по-

купателями то стеснительное положение заводов, до которого они доведены во время управления Губина, и подает им повод употреблять неблагоприятное состояние дел в свою пользу при покупке железа, и при том поездка и его проживание в ярмарке сопряжены с довольно значительным расходом”. Несколько позже, уведомляя главного начальника о первых успехах своего управления (тогда были вовремя уплачены подати и отосланы деньги в счет ссуд Горному правлению и Заемному банку, увеличилась выработка металлов и “даже преступлено к улучшению механической и искусственной части заводов наймом известного механика”), Кони посчитал, что заводы еще не могут обойтись без “некоторого пособия и снисхождения” со стороны казны, и вновь просил о залоге Уфалейских заводов и рассрочке долга Горному правлению⁷²⁸.

Там склонялись согласиться с этими предложениями нового заводууправления. В. А. Глинка сообщал министру финансов, что Сергинские заводы дают ныне чистого дохода до 420 тыс. руб. и введение штатов Екатеринбургских заводов улучшило их деятельность, но значительная часть этих капиталов заключалась в векселях, которыми невозможно было расплатиться ни с рабочими, ни с казной. Единственным способом к скорейшему взысканию долга Горному правлению главный начальник считал получение его из банковской ссуды. Однако министр не согласился с этим предложением ввиду “наличия на заводах значительных остатков”. К тому же Заемный банк в июле 1845 г. отказал Ф. А. Кони в получении просимой им ссуды в 138 780 руб. асс. под залог Уфалейских заводов. Правление банка сообщило, что не может принять в залог имущество, которое не является собственностью его доверительницы А. И. Губиной, а принадлежит ей только по “временной записи”. Пришлось навсегда расстаться с мыслью об этом залоге и выходить из положения за счет собственных средств, что удалось сделать⁷²⁹.

За первые два года, по подсчетам заводууправления, Губина сумела выплатить весь долг Уральскому Горному правлению (около 192 тыс. руб. сер.), внесла более 66 тыс. руб. в банк и 35,5 тыс. горных податей, расплатилась с частными кредиторами (более 128 тыс. руб.) и употребила около 125 тыс. руб. на поправку плотин, строений и заводского оборудования. По-видимому, она настояла, чтобы эти расходы были учтены в качестве ее личного вклада в развитие заводов. Прежний договор был уничтожен, и вместо него составлен и утвержден Сенатом 23 октября 1846 г. новый акт на 12 лет, по которому К. М. Губин, “утвердив снова все свое имение за женою в полное и безотчетное управление, признал при том, что ею в продолжении слишком двухлетнего управления было употреблено из собственных капиталов... более 550 тыс. руб. сер.”⁷³⁰.

Заключение этого акта стало последним шагом Константина Михайловича Губина как владельца Сергинско-Уфалейских заводов: 13 августа 1848 г. он умер⁷³¹. По завещанию, “в главных пунктах” составленному еще в 1841 г., наследниками всего имения назначались жена и уже четверо детей: сыновья – 7-летний Анатолий и годовалый Евгений, а также дочери – 4-летняя Александра и 3-летняя Зинаида. Вследствие малолетства детей была учреждена опека, в составе которой оказались мать и дядя – почетный гражданин С. И. Кони. После того как вскоре Анастасия Иосифовна вышла замуж за полковника Павла Петровича Ушакова, он был определен попечителем над ее старшим сыном Анатолием. В том же году по предписанию министра финансов казенный присмотр над заводами был снят, и до истечения срока договора (23 октября 1858 г.) они оставались в полном владении почетной гражданки Анастасии Иосифовны Губиной, после второго замужества ставшей дворянкой Ушаковой⁷³².

Из записки управления Сергинско-Уфалейских заводов следует, что владелица “быстро приступила к приведению заводов в лучшее положение”. Она не только расплатилась почти со всеми долгами мужа, но и простила долги рабочим (около 245 тыс. руб. сер.), чем завоевала их расположение и предупредила новые волнения. К 1856 г. Ушакова “вошла в большие запасы всех заводских потребностей, расширила во всех отношениях производительность заводов [возросшую вдвое и достигшую 900 тыс. пуд. чугуна и 600–700 тыс. пуд. железа; добыча золота составляла 2 пуд. в год], приобрела посредством кортома у башкир, не взирая на 225-верстное отдаление, добротные руды, доставившие железу при обработке его конгуазским способом высокое качество и лестную известность в торговле [прежде заводы пользовались некачественными рудами и производили “ломкое” железо, которое имело “дурную репутацию и раскупалось неохотно”], обстроила заводы, возвела приличные каменные фабрики и вместе с этим поставила заводы как в хозяйственном, так и в техническом отношении, в уровень с лучшими уральскими заводами”. Только в том году были построены паровой молот и машина для приготовления крупных сортов кубового и котельного железа, строился “паровой завод” на теряющемся жаре при машинах в 120 сил с восемью паровыми котлами, 16 пудлинговыми и сварочными печами и двумя паровыми молотами, дополнительно устраивались две газо-пудлинговые печи. В результате, если в 1842 г. заводы приносили дохода 310 702, в 1846 г. – 468 250, то в 1856 г. – уже 803 277 руб. сер. Еще одним успехом управления стало освобождение Сергинских заводов в 1854 г. от земских повинностей за “штатных людей”. Отныне они платили эти сборы только за 127 чел., не занимающихся заводскими работами⁷³³.

Правда, В. А. Глинка приписывал эти успехи не столько владелице, сколько опекуну С. И. Кони. “Мне известны ревностные усилия Кони к восстановлению бывших в упадке Сергинско-Уфалейских заводов и успехи, коими увенчались труды его”, – писал он министру в 1853 г. в защиту Кони, которого “несправедливо оклеветали” на прошедшей в том году выставке мануфактурных произведений в Москве. Представляя там изделия Сергинско-Уфалейских заводов, Кони “показал в приложенной к изделиям фактуре те цены, во что железо обошлось заводам, без означения цен продажных”. Вследствие чего один из экспертов, “не вытребовав даже объяснений”, объявил организаторам выставки, что “цены железу с заводов Губина показаны фальшивые”. В итоге заводы не получили “заслуженной награды”, а Кони “потерпел невинно публичное оскорбление”. По этой причине он просил главного начальника “довести до сведения Правительства о заслугах его на поприще горнозаводской промышленности”. По мнению В. А. Глинки, вступившегося за опекуна, он “оказал весьма важные услуги отечественной горной промышленности, как восстановлением почти совершенно упавших заводов и усовершенствованием их устройства, так и содействием благосостоянию всего заводского и близлежащего к оным заводам населения”. По протекции главного начальника Горный департамент рекомендовал тогда “удостоить заслуги Кони поощрением от Правительства”⁷³⁴.

Возможно, именно этот случай привел к тому, что отношения между заводчицей и опекуном надолго испортились. Позже А. И. Ушакова упоминала еще и о том, что С. И. Кони “обнаружил крайнюю неблагонадежность по управлению заводами утайкою слишком 45 тыс. руб. вексельных документов”, за что даже состоял “под уголовным следствием”. Так или иначе, Сергинско-Уфалейские заводы с середины 1840-х гг. действительно достигли блестящих успехов, хотя и не сумели “войти в оборотный капитал”, достигавший уже 575 тыс. руб. По этой причине, сообщало заводоуправление в 1856 г.,

Ушакова “бывает принуждена ежегодно заимствовать в конторе Коммерческого банка и у частных лиц часть сумм, необходимых для оборота”⁷³⁵. Хотя эти текущие долги своевременно выплачивались после продажи металлов, “ценность которых всегда достаточно покрывала займы”, такое положение с финансированием заводов было довольно опасным и в случае каких-либо задержек грозило их банкротством.

Но вовсе не эти проблемы волновали Анастасию Иосифовну по мере истечения срока ее единоличного управления, который не мог быть продлен вследствие смерти Губина и несовершеннолетия наследников. В 1857 г. она озаботилась вопросом об устройстве будущего управления заводами, которые были главной и фактически единственной (кроме заводов Губиным принадлежали в Москве каменный дом в Зарядье и деревянная “ветхая” дача в Сокольниках, отдававшиеся внаем) частью имения этой ветви рода Губиных. Через год заводы должны были перейти в совместное владение всех наследников, в котором вдове по закону могла принадлежать лишь $\frac{1}{7}$ часть. Сыновья получали по $\frac{5}{14}$, а дочери – по $\frac{1}{14}$ части, которые поступали в опекуновское управление. Небезосновательно опасаясь “бедственных последствий, нередко бывших от несогласного, с участием опеки, управления многовладельческими горнозаводскими имениями, по свойству своему нераздельными”, Ушакова заблаговременно обратилась в Министерство финансов с просьбой учредить вместо опекуновского “особый порядок управления” на Сергинско-Уфалейских заводах. Только он, считала заводчица, “может обеспечить ее и детей ее будущность и послужить утешительным примером для других горнозаводских имений, принадлежащих многим лицам”. Опекуновское же управление, по ее мнению, “при существующих для него ограничениях и формальностях, не представляет достаточно ручательства, как это видно по многим примерам”⁷³⁶.

Ссылаясь на “мнение” Государственного Совета от 11 июля 1855 г., А. И. Ушакова представила в Министерство финансов свой вариант устройства общего управления. Для уравнивания ценности частей владения она предлагала соединить три меньшие части (свою и дочерей) в одну ($\frac{2}{7}$) и ввести в общее правление не пять (по числу наследников), а трех членов (по числу частей). Мать (или ее уполномоченный) становилась членом правления от соединенной части; старший сын, который в 1858 г. достигал совершеннолетия, входил в правление вместе с попечителем; от лица младшего сына выбор члена делался матерью и старшим сыном совместно с попечителем. Каждому из трех членов правления предоставлялся один голос, и все дела решались бы по большинству голосов. Уральскому Горному правлению Ушакова обещала ежегодно предоставлять отчеты о деятельности. По достижению наследниками совершеннолетия, считала мать, “от них будет зависеть просить или об оставлении сего порядка на будущее время, или об изменении оного, сообразно тогдашнему положению имения”. Она предложила и порядок распределения чистого дохода, что было особенно важно при наличии нескольких владельцев: сначала выделялся определенный законами капитал (5 %) опекунам и попечителям, далее производился причитающийся платеж Заемному банку и ей за внесенный личный капитал; оставшаяся сумма распределялась на части наследников, из нее же по усмотрению общего правления отчислялась часть для образования оборотного капитала⁷³⁷.

Пока прошение рассматривалось во многих правительственных инстанциях, возникло непредвиденное обстоятельство. В январе 1858 г. в Екатеринбургский сиротский суд, который ведал делами по опеке над наследниками К. М. Губина, поступило прошение Семена Ивановича Кони об отдаче ему в аренду Сергинских заводов после окончания,

как он писал, “аренды” Ушаковой на 10 лет с платежом наследникам 70 тыс. руб. сер. в год. “Опекуны по недостатку средств и капиталов для правильного ведения заводов, – считал проситель, – не могут принести для наследников такой пользы, какую дает им арендатор”.

Анастасия Иосифовна решительно протестовала. “Предложение Семена Кони, – писала она в Горное правление, – несообразно с правами наследников, несвоевременно по неразрешению высшим начальством порядка управления заводами... и невыгодно по причине неизбежного разорения заводов арендатором”. Кроме того, в это время Анатолий Губин уже “объявил свое решительное намерение вступить в управление своей собственностью”. “Не понимаю, – заключала заводчица, – кто дал господину Кони право таким правительственным тоном решать судьбу имения, ему не принадлежащего и от него не зависящего”⁷³⁸.

Все ее аргументы были признаны уважительными, и Кони получил отказ. Однако ко времени окончания срока договора 1846 г. вопрос об учреждении особого управления так и не был решен. Поэтому по “Высочайшему” повелению в ноябре – декабре 1858 г. было учреждено опекунское управление Сергинско-Уфалейскими заводами. Опекунами и попечителями были определены полковница Анастасия Иосифовна Ушакова, подполковник Петр Федорович Зарембо и действительный статский советник Василий Алексеевич Лонгинов. Они вместе с Анатолием Константиновичем Губиным образовали Общее Правление, которое 22 января 1859 г. открыло свою работу в Петербурге в доме Ушаковой на Московской улице, 31. В феврале Правление дало доверенности на управление заводами отставному артиллерийскому поручику Ф. Е. Петрову и “уполномоченному наблюдателю” полковнику П. П. Ушакову (мужу владелицы).

“Не имея возможности лично распоряжаться на месте всеми делами по заводам, – писали члены Правления в доверенности Петрову, – просим Вас принять на себя звание главноуправляющего... со всей распорядительной и исполнительной заводской властью”. Ему рекомендовалось “соблюдать во всем правила доброго хозяйства и экономии так, чтобы заводское имение не упало, а улучшалось, и доходы с него увеличивались без истощения средств и без нарушения горных постановлений”. Ушакову, “как близкому родственнику наследников Губина и приобретшему уже опытность в ходе заводских дел” (он и прежде выполнял роль уполномоченного владелицы), было предоставлено право “ближайшего наблюдения за ходом всех дел по заводам с целью иметь через посредство такого доверенного лица тесную связь между центральным и местным заводским управлением”⁷³⁹.

В октябре 1859 г. Правление возобновило просьбу ставшей уже генерал-майоршей Ушаковой об учреждении особого управления. “Хотя по управлению имением согласие ныне существует, – писали опекуны, – но оно ничем не обеспечивается на будущее время, как потому, что завися совершенно от личного любовного соглашения, весьма легко может нарушиться с первой переменой участвующих в управлении лиц... так особенно потому, что с возрастом наследников и увеличением семейства имение должно... раздробиться на меньшие доли и число участников в управлении увеличиться”. “Желая упрочить на твердых основаниях и определительных правах управление имением... и тем предотвратить бедственные последствия несогласий и раздоров, бывших не раз уже

причиной расстройств весьма значительных горнозаводских имений”, члены Общего Правления просили распространить только что введенное Положение об управлении имениями Яковлевых и на Сергинско-Уфалейские заводы.

Ф. И. Фелькнер в декабре того же года поддержал эту просьбу перед министром финансов, но в отличие от плана Ушаковой, предложил предоставить право голоса в общем собрании и “незначительным” владельцам. Если части впоследствии раздробятся на более мелкие доли, то главный начальник рекомендовал их владельцам “избирать от себя столько представителей, сколько из сложения долей составит $\frac{1}{14}$ частей всего имения”. Не более двух голосов могло даваться владеющим 10 из 14 частей. Общее собрание владельцев избирало Главное правление, состоящее из не менее трех и не более пяти членов. Поскольку все наследники, кроме Ушаковой, принадлежали к сословию почетных граждан, Главному управлению полагалось брать ежегодно гильдейские свидетельства для того, чтобы иметь право производить торговые и кредитные операции⁷⁴⁰.

Видимо, этот вариант не устроил владелицу, и дело об учреждении особого управления окончательно расстроилось. Между тем вышедшие из-под опеки наследники, проживая в Петербурге и ведя светский образ жизни, не сумели найти согласия. Значительных расходов потребовала выдача замуж двух дочерей. Потомственные почетные гражданки были удачно “пристроены”. Мужем Зинаиды Константиновны стал отставной подпоручик Павел Нарышкин, а Александры Константиновны – камер-юнкер Алексей Толстой. Изымая значительные заводские капиталы, владельцы лишили хозяйство оборотных средств и вошли в огромные долги. Так, только своим новым родственникам Нарышкиным они оказались должными 290 тыс. руб. Возможно, в качестве компенсации часть доли Александры Константиновны приобрел Павел Нарышкин. Значительные средства изымала и Ушакова в счет прежде вложенных ею в производство собственных капиталов.

В начале 1861 г. возникли проблемы с уплатой краткосрочной ссуды Екатеринбургской конторы Коммерческого банка в размере 325 650 руб. сер., выданной под залог железа. Как и некоторым другим заводчикам, не сумевшим в положенные сроки расплатиться по этим ссудам, 27 января царь повелел рассрочить их на три года в качестве долга Государственному казначейству. В августе 1861 г. была взята ссуда в 7,5 тыс. руб. в Уральском Горном правлении, но новый управляющий заводами инженер-подполковник И. П. Котляревский даже ее просил отсрочить до ярмарки 1862 г. 13 сентября 1862 г. по просьбе опекунов и наследников еще на 37 лет был осуществлен перезалог Сергинских заводов на 144 750 руб. сер. 13 декабря 1863 г. на тех же 37-летних банковских правилах были рассрочены выплаты казначейству по займу 1861 г.⁷⁴¹

Однако все эти льготы не поправили все ухудшавшееся финансовое положение заводов. В 1862 г. владельцы и опекуны предприняли единственное, на их взгляд, средство для спасения заводов, отправив туда “уполномоченное лицо, которое, зная все местные условия, самостоятельной и быстрой деятельностью могло бы... установить заводское хозяйство на новых основаниях”. Таковым “лицом” оказался П. П. Ушаков. В докладной записке министру финансов М. Х. Рейтерну главноуполномоченный сообщал, что сделанные государством “облегчения” не достигли цели, поскольку из-за повышения цен на “главные заводские потребности” с начала 1860-го по конец 1863 г. владельцы израсходовали на действие заводов на 829 тыс. руб. больше прежнего”. Эти-то “излишние траты, не вознаграждаемые сбытом металлов”, и составили, по мнению Ушакова, “истощение,

устранение которого и восстановление нормального состояния заводов может совершиться только постепенно в продолжении немалого времени и при самой рациональной хозяйственной системе”⁷⁴².

В основу этой системы был положен краткосрочный залог металла в Екатеринбургской банковской конторе, что само по себе являлось для того времени обычным и широко практикуемым многими уральскими заводчиками явлением. Но, как выяснилось в ходе следствия, П. П. Ушаков вместе с управляющим И. П. Котляревским, “своекоштным” заводским исправником П. П. Владимировым и членами заводской конторы “усовершенствовал” эту практику. Оказывается, заложенный металл поступал в продажу не только до уплаты банковского долга; в залог отдавалось железо, которое даже не было еще выделано. Так, следователи установили, что с мая 1863 по июль 1864 г. Сергинско-Уфалейскими заводами было заложено 805 994 пуд. металла, в то время как “годного к залогу” оказалось только 420 059 пуд. В итоге заводам было переплачено под несуществующий залог более 500 тыс. руб.⁷⁴³

Уведомленные в 1865 г. об этих нарушениях министр и горное начальство посчитали, что первое из них “само по себе не составляет преступления уголовного, подлежащего судебному преследованию”, и наказывается наложением установленного штрафа; второе же “подвергает обвиняемых уголовному суду”. Однако у всех виновных нашлись “веские” оправдания. Служащие отговаривались приказанием Ушакова, а 45-летний генерал в отставке, прежде состоявший “по особым поручениям” при генерал-фельдцейхмейстере и имевший “знак беспорочной службы за 15 лет”, орден Святой Анны 3-й степени и медаль за участие в Крымской войне, показывал на допросе, что “в непосредственном управлении” заводами никогда не находился и лично “не поверял количества закладываемых металлов”. Обвинения служащих он квалифицировал как “бездоказательную ложь”, считая, что для опровержения ее может служить ручательством его “беспорочная, более 20 лет продолжавшаяся служба Государю Императору”. Судя по материалам следствия, обвинения бывшему управляющему Котляревскому вообще не предъявлялись, поскольку тогда он уже служил начальником отделения Горного департамента⁷⁴⁴.

В 1869 г. военный суд признал виновным по этому делу бывшего “своекоштного” заводского исправника Владимирова за то, что тот выдал свидетельство, не перевесив все количество представленного к залогу металла. Правда, у следователей на этот счет сформировалось особое мнение. Оплачиваемый заводчиком исправник, справедливо считали следователи, “поступает в совершенную от него зависимость в материальном отношении и лишен возможности добросовестно наблюдать за заводским действием. Горное правление знает это зло и не только не принимает мер к искоренению его, напротив, содействует ему... в случае подобного злоупотребления имея причину упереться и взвалить всю вину на заводского исправника”. В том же духе высказался и бывший помощник управляющего купец Д. Тезяков. “Не понимаю, – говорил он на допросе, – почему Горное правление... не остановило своего подчиненного и блюстителя порядка заводского исправника выдавать неправильные свидетельства отчаянным владельцам”⁷⁴⁵. По свидетельству Д. Н. Мамина-Сибиряка, интересовавшегося в свое время историей разорения Сергинско-Уфалейских заводов, пострадал и “уполномоченный наблюдатель” П. П. Ушаков, который в 1874 г. был лишен прав и состояния и подлежал ссылке в Сибирь. Убытки, нанесенные им казне, оценивались в 930 тыс. руб.⁷⁴⁶

Все эти события явно не способствовали престижу Сергинско-Уфалейских заводов и их владельцев. К 1 декабря 1864 г. на них числилось 2 283 778 руб. долгов, в том числе 1 629 835 руб. казне. В такой ситуации в ноябре 1864 г. Сенат принял решение о взятии заводов во временное казенное управление до продажи с публичных торгов. Не вдаваясь в подробности, в указе отмечалось, что сделано это было “по обстоятельствам заводо-владельцев”. Во главе окружного управления был поставлен инженер-капитан Иосса, а помощником к нему назначен коллежский ассессор Трубников⁷⁴⁷.

Поскольку владельцы были фактически устранены от управления и лишены возможности распоряжаться заводскими доходами, в январе 1866 г. они обратились со “Всеподданнейшим” прошением об отмене продажи заводов и возвращении их в частное управление, обещая уплатить казенные долги в течение 37 лет. К этому времени “отчаянные” владельцы, по-видимому, склонились к давним домогательствам С. И. Кони арендовать их заводы. Вместе с ними он брал на себя обязательство в случае неуплаты в срок долгов не только немедленно передать заводы в опекуновское управление для продажи, но и “подвергнуть себя личной ответственности”.

Министр финансов М. Х. Рейтерн рассудил, что это будет несомненно выгоднее, чем бесконечно продолжать казенное управление, за год существования которого было потрачено на действие Сергинско-Уфалейских заводов до 720 тыс. руб. из государственного бюджета. Если далее сохранять управление казны, полагал он, необходимо будет оказать еще пособие, которое увеличит и без того огромную сумму казенного долга, что в итоге доведет заводы “до совершенной неоплатности”. В этом случае сама продажа их “по недостатку капиталистов для приобретения столь ценного имущества” едва ли сможет состояться. Министр рекомендовал отменить продажу и передать управление владельцам под казенным присмотром. По указу императора от 31 января 1866 г. это мнение было утверждено. На заводах сохранялся лишь контроль горного ведомства “для наблюдения за исполнением принятой на себя как владельцами, так и почетным гражданином Кони ответственности”. В это время А. К. Толстая приняла решение о продаже своей части братьям, в результате чего вышла из состава владельцев⁷⁴⁸.

1 мая заводы перешли под управление Кони и принесли к концу заводского года до миллиона руб. дохода. По данным Горного правления, помимо казенных долгов и податей, из этой суммы было удержано 10 тыс. руб. в пользу управляющего, 24 250 руб. распределено между владельцами “на их содержание” и уплачено около 296 тыс. руб. частных долгов. Уверовавший в собственные силы Семен Иванович писал, что его “программа” заключалась в том, чтобы “выполнить принятые обязательства перед правительством по уплате долгов и привести заводы в нормальное положение, возвышая по возможности производительную их деятельность... в недалеком будущем до 550 тыс. пуд.”. “Но для этого нужно, – самоуверенно рассуждал он, намекая на установленный над ним казенный присмотр, – чтобы в мои хозяйственные распоряжения не вмешивались посторонние наблюдатели от нечего делать; они, исключая вреда, пользы принести никогда не могут”.

Однако в сентябре 1867 г. Екатеринбургская банковская контора уведомили Горное правление и министра финансов, что Кони не сделал в срок положенных выплат по долгу. 29 сентября М. Х. Рейтерн распорядился “отобрать” заводы у наследников и назначить в публичную продажу. По именному указу от 24 октября 1867 г. Красноуфимская дворянская опека учредила свое управление над Сергинско-Уфалейскими заводами и назначила опекуном отставного коллежского секретаря Н. Ф. Петрова. От Уральского Гор-

ного правления в опеку был введен коллежский советник Иосса. Имущество бежавшего за границу с 270 тыс. руб. и пойманного С. И. Кони было арестовано, а 25 апреля 1868 г. открытое конкурсное управление объявило его “несостоятельным должником”⁷⁴⁹.

От этого напугавшего банкротства пострадали не одни губинские заводы. До 445 тыс. руб. были безвозвратно потеряны имевшим с Кони дела князем С. Д. Абамелеком, который в то время управлял Чермозскими заводами своего тестя Х. Е. Лазарева. Главной причиной банкротства купца князь считал действия банка, который “вместо того, чтобы рассрочить Кони его долг, начал его преследовать и тем лишил сам себя надежды на получение с него долга, подорвал его кредит и подверг других той же потере”⁷⁵⁰.

Находившиеся в залоге Сергинские заводы вместе с 236 107 дес. земли и 47 рудниками впервые были назначены в продажу в январе 1870 г., но тогда никто не выразил желания купить их. На следующий год для привлечения покупателей вместе с Сергинскими на торги были выставлены и свободные от залога Уфалейские заводы (к которым принадлежали 184 375 дес. земли, 19 рудников и восемь золотых приисков), но и эта продажа не состоялась “за неявкой желающих торговаться”. С тем же результатом завершились торги 1876 г.⁷⁵¹ В этом году, по свидетельству Д. Н. Мамина-Сибирика, бывший опекун Турчанинов, при котором дела заводов стали поправляться, в результате интриг был смещен. На его место назначен поверенный конкурсного управления, учрежденного в это время над старшим владельцем А. К. Губиным (как и отец, по своему слабому объявившим себя несостоятельным), отставной штаб-ротмистр В. В. Иловайский. При нем доходы резко упали и окончательно разорившееся, но вполне дееспособное горнозаводское хозяйство в 1881 г. было приобретено Товариществом Сергинско-Уфалейских горных заводов, учрежденным торговым домом Мейера и фирмой Гинцбургов. Драматичная история Сергинско-Уфалейских заводов и их владельцев была запечатлена Д. Н. Маминым-Сибириком в его первом романе “Приваловские миллионы”⁷⁵².

11.2. П. М. Губин (авзяно-петровский) (и Н. Е. Тимашев)

У надворного советника Павла Михайловича Губина, которому по раздельному акту 1838 г. достались Авзяно-Петровские заводы, проблемы возникли с 1842 г. после утверждения новых правил корота башкирских земель. У этих заводов не было собственных или отводных лесов, и с основания они пользовались лесами, арендованными у башкир. 9 марта 1842 г. Государственный Совет постановил, что “никакая часть земель башкирских... не может быть отобрана от них безвозмездно”, а условия корота должны определяться не по грабительским договорам между заводами и башкирами, а по усмотрению правительства.

В 1845 г. в Совете рассматривалось дело об отдаче башкирских земель в кортом Авзяно-Петровским заводам. Тогда решили “согласить обоюдные права и интересы башкир и заводчика, чтобы первые получили справедливое и достаточное удовлетворение, а последний огражден был от таких притязаний, которые могли бы потрясти существование заводов”. Было предусмотрено обратить все занятые заводами башкирские земли в заводскую собственность, а Губину платить процент по оценочной стоимости и сверх того вносить ежегодно известную сумму “в кредитные установления” для составления капитала, равного оценочной стоимости. Однако, как сообщало Уральское Горное правление, “несмотря на очевидную выгоду такой меры, заводчик не изъявил своего согласия”. Тогда

Государственный Совет решил дело на общих основаниях. 6 января 1847 г. было утверждено мнение Совета, по которому Авзяно-Петровским заводам предоставлялось право купить в заводскую собственность из числа занятых ими башкирских земель из расчета 15 десятин земли на каждую ревизскую душу по 2 руб. 20 коп. и сверх того откортомить для действия заводов леса с арендной платой по 10 коп. сер. в год за десятину. В случае уклонения Губина от платежей заводы предписывалось сначала подвергнуть опекунскому управлению, “а при безуспешности оного” – продаже с публичных торгов⁷⁵³.

Вслед за этим от Павла Михайловича в Горное правление поступило прошение, в котором он сообщал, что “заводы своими средствами не могут уплачивать ежегодно назначенные деньги”. По его подсчетам, если общий заводский доход достигал 200 тыс. руб. асс., то за вычетом податей и необходимых расходов чистый доход составлял всего около 5 тыс. руб., которых явно не хватило бы на покупку земли и кортом леса. Кроме того, писал владелец, “за 90 лет действия заводов в их окрестностях леса большей частью истреблены, а остальная одна бесплодная по твердому каменистому грунту земля, ни к чему не удобная, с кремнистыми горами, вековыми болотами, мелкою порослью леса и скудным сенокосом... никакой пользы для заводских крестьян и самих заводов не принесет, а повлечет за собой совершенный их упадок с невозвратными потерями заводовладельца”. “Если бы правительство, – полагал он, – отвело и хорошие земли, но в дальнем от заводов расстоянии, то и в таком случае доставка материалов должна возрасти вдвое против прежнего, что заводы при настоящих средствах выполнить не в состоянии”. Учитывая все эти обстоятельства, владелец просил принять его заводы в казенное управление и продать “не упуская времени с аукциона с выдачей ему вырученной суммы для уплаты долга башкирцам”. Если же в течение года заводы не будут проданы, Губин предлагал выдавать ему “указные проценты”, а его самого “от всех хозяйственных распоряжений, ответственности и самих взысканий, открыться могущих, отстранить”⁷⁵⁴.

Горное правление поначалу растерялось от добровольного предложения владельца отдать свои заводы в казенное управление. 21 октября 1847 г., вопреки “мнению” Государственного Совета и до требуемого разрешения министра финансов, оно распорядилось взять Авзяно-Петровские заводы П. М. Губина в казенное управление и предписало назначенному чиновнику Рыжковскому доходы отсылать “в кредитные установления для обращения впоследствии на уплату за земли долга башкирцам”. Но Рыжковский сразу же стал требовать денег на заводское действие, поскольку в кассе их не оказалось. “Губин, – писал он, – от высылки денег совершенно отказался, чем поставил заводы в критическое положение: прекращена закупка провианта, выдача заработных плат, в заводских магазинах нет ни одного пуда ржаной муки”. Лекарь Брюс вынужден был из-за отсутствия провизии в госпитале распустить больных по домам. Губин, в свою очередь, отозвался, что поскольку заводы взяты в казенное управление, то и все их содержание должно зависеть от казны. “Я же, – отвечал владелец, – уже более денежных капиталов на заводские потребности выслать не могу”. В результате закупку припасов было решено делать в кредит, а Екатеринбургская контора Коммерческого банка выделила до сентября 1848 г. ссуду в 27 151 руб. сер. под залог металлов⁷⁵⁵.

Между тем из Сената (22 декабря 1847 г.) и Министерства финансов (3 января 1848 г.) поступили указы об отмене распоряжения Горного правления и о немедленной отдаче заводов до продажи с публичных торгов в опекунское управление. Однако лишь в октябре 1848 г. это решение было исполнено Уфимской дворянской опекой, которая

назначила надворного советника Жуковского для принятия Авзяно-Петровских заводов в управление и составления их описи и оценки. Рыжковский был оставлен при заводах для наблюдения от казны, а Губин уполномочил от себя приказчика екатеринбургского купца Берсенева. Когда не без споров со стороны поверенного оценка была завершена, Санкт-Петербургское губернское правление назначило продажу заводов на 31 января с переторжкой 4 февраля 1849 г. В опубликованных “объявлениях” можно было прочесть, что продаются два завода с 10 рудниками и 2292 рев. д. крепостных и 403 рев. д. неприменных работников (в продажу не входящих). Земли за заводами числилось всего 168 дес. под селениями, а долг перед башкирами достигал 37 415 руб. Весь округ был оценен в 209 090 руб. сер., там выделялось “из 10-летней сложности” 55 458 пуд. железа и на содержание расходовалось в год 182 810 руб. асс.⁷⁵⁶

В марте 1849 г. Горное правление получило известие, что продажа заводов не состоялась, поскольку на торги желающих не явилось. Новые торги были назначены на ноябрь с добавлением, что “продажа сия будет решительная”. Но “покупщиков” опять не оказалось. Анализируя сложившуюся ситуацию, Уральское Горное правление пришло ко вполне очевидному заключению, что главной причиной провала торгов было отсутствие у заводов земли и лесов. Хорошо понимал это и сам Павел Михайлович, который еще в октябре 1849 г. просил министра финансов Ф. П. Вронченко “в ограждение от дальнейшего разорения принять его заводы в казенное ведомство по самой умеренной оценке в 209 090 руб. сер.”⁷⁵⁷.

Вместо этого в июне 1851 г. было наконец принято решение о немедленном отводе земель и в кортом лесов к Авзяно-Петровским заводам по изложенным в “мнении” Государственного Совета 1847 г. основаниям. Губину вновь предлагалось “принять те и другие и вступить в управление заводами, а в случае отказа возложить сие при участии Горного правления на опекуновское управление”. Если и опека откажется, то предполагалось вновь выставить заводы на продажу, но уже с землей, долг за которую возложить на покупателя. В своем отзыве Горному правлению Губин писал, что за три с половиной года опекуновского управления он не получал “ни одной копейки дохода” с имения и ничего о нем не знает, а потому и не имеет средств на покупку земли и кортом леса. “По сим обстоятельствам, а более всего по преклонным моим годам и расстроенному здоровью, – жаловался владелец, – ...вступить вновь в управление моими заводами и принимать земли и леса... не могу”⁷⁵⁸.

В результате в октябре 1851 г. Горное правление постановило оставить заводы в опекуновском управлении, которому и поручило принять отвод земель с участием своего представителя. Между тем, хотя производство увеличивалось, финансовое положение заводов ухудшалось. Новый опекун Васильев сообщал в 1852 г., что “выковка железа доведена до того, что по весеннему каравану будет заключать в себе до 100 тыс. пуд., чего не было ни в одном году с самого заведения заводов”. Но не имея наличного капитала “на необходимые нужды”, он вынужден был “по примеру прошлых лет” продавать железо загодя по пониженным ценам (в частности, вдове родного брата владельца А. И. Ушаковой, которая таким образом участвовала в этих выгодных для себя операциях)⁷⁵⁹. Опекун предлагал также перевести с заводов неприменных работников, содержание которых требовало значительных расходов, тогда как, по его мнению, они вовсе не были нужны, поскольку “все заводские работы без малейшего упущения своевременно исправлялись одними крепостными заводскими крестьянами”. Хотя Горное

правление сначала считало неудобным “по случаю продажи заводов допустить столь значительное изменение”, но в 1853 г. все-таки перевело авзяно-петровских непременных работников на Гороблагодатские заводы (где они были поселены в новых заводских селениях Туринском, Глинском, Сухом и Журавлике). Это, кстати, вызвало полемику между горным и гражданским начальством по поводу статуса заводов Губина. Первое по-прежнему считало их посессионными, а второе – владельческими. Горное правление признавало, что с переводом непременных работников у заводов не оставалось “вещественных пособий от казны”, но оно не решалось на “перечисление” в связи с тем, что заводы с 1811 г. были во владении недворян. Так и остался Авзяно-Петровский округ в разряде посессионных до 1862 г., когда получил наконец статус владельческого⁷⁶⁰. Но к тому времени у него были уже другие владельцы.

В 1854 г. и Уральскому Горному правлению, и Оренбургской гражданской палате, в чьем ведении находилась Уфимская дворянская опека, стало очевидно, что дальнейшее сохранение опекунского управления заводами Губина совершенно безнадежно. Тем более, что к этому времени от владельца поступило новое предложение. Еще по сенатскому указу от 9 января 1853 г. ему было разрешено самому отыскивать покупателей имения. Вскоре Павел Михайлович просил министра финансов разрешить ему продать заводы отставному гвардии штабс-капитану Николаю Егоровичу Тимашеву. 13 ноября 1853 г. на это последовало “Высочайшее” разрешение, “не ожидая назначения продажи с торгов”. Но по каким-то причинам Губин и Тимашев не торопились заключить сделку. Возможно, они ждали окончания наделения заводов землями или урегулирования споров между Горным правлением и опекой⁷⁶¹.

В это трудное для Павла Михайловича время он умудрился-таки найти средства на благотворительную деятельность, к которой прибегал и прежде для достижения заветной цели – получения дворянства. Жертвовать в пользу московского Елизаветинского училища, в котором занимал пост казначея, он начал еще в 1828 г. Выбирался Губин и директором Пермского попечительского общества о тюрьмах. В 1832 г. он был пожалован орденом Святой Анны 2-й степени, через три года стал надворным, а еще через 12 лет – коллежским советником. Наконец, в 1854 г. “за особое усердие на пользу Московского Елизаветинского училища” ему был пожалован чин статского советника, дававший потомственное дворянство. Соответствующее прошение Губина дважды отклонялось Сенатом, прежде чем в том же году цель была достигнута⁷⁶².

Первый шаг к продаже своих заводов был сделан новоявленным дворянином после того, как на опекуна Васильева поступила жалоба заводских рабочих на уменьшение их содержания. По ходатайству Губина в 1855 г. управление опекой принял на себя предполагаемый покупатель Тимашев. Около года провел он на заводах и добился того, что рабочие потребовали его удаления. В своем прошении они жаловались, что хотя пшеница продавалась на местном рынке по 25 коп., Тимашев, не выдавая им своевременно заработную плату, принудил получать заготовленный им провиант по 40 коп. за пуд. Когда они обратились к нему за разъяснениями, опекун счел это за бунт и арестовал зачинщика И. Горбатова. По окончании работ в тот день рабочие окружили опекуна на заводской площади и “с криком объявили, что посылать в Бело-рецкий завод [к квартировавшему там заводскому исправнику] одного Горбатова не дозволит, а пускай посылает их всех”. Тимашев отправил гонца за помощью.

Прибывший в Авзян исправник В. Чупин сразу арестовал шестерых зачинщиков и провел расследование. Он не обнаружил никаких серьезных нарушений со стороны опекуна. “Причин... к неудовлетворению рабочих нет, – сообщал исправник главному начальнику В. А. Глинке в январе 1855 г., – хлеба заготовлено совершенно достаточно на продовольствие рабочих людей, платами люди удовлетворяются, даже недоданные в прежнее время понемногу уплачиваются и опекун Тимашев, задолжающий на заготовку провианта и на платы свои собственные деньги, для улучшения положения крестьян заготовил в заводских магазинах значительное количество пшеницы и крупы”. Чупин посчитал требования рабочих отпускать им провиант “неосновательными и дерзкими”, поскольку по заводским правилам выдавать пшеницу и крупу не полагалось, а “предоставлялось на их волю брать или не брать”. Он также предостерегал от “потакания” авзянопетровским рабочим, которые говорили: “Вот мы опекуна Васильева сменили, сменим и другого”. Исправник уведомлял, что Тимашев, “намеревающийся сделаться владельцем Авзяно-Петровских заводов”, просил его “для уничтожения на будущее время беспокойного духа, вкоренившегося в крестьян от ненаказанности в прежнее время подобных случаев” удалить шесть человек, “замеченных давно в возбуждении волнений”, на Богословские заводы на три года. Это, считал опекун, “есть лучшая мера восстановить спокойствие в заводах и приучить рабочих точному выполнению своих обязанностей”⁷⁶³.

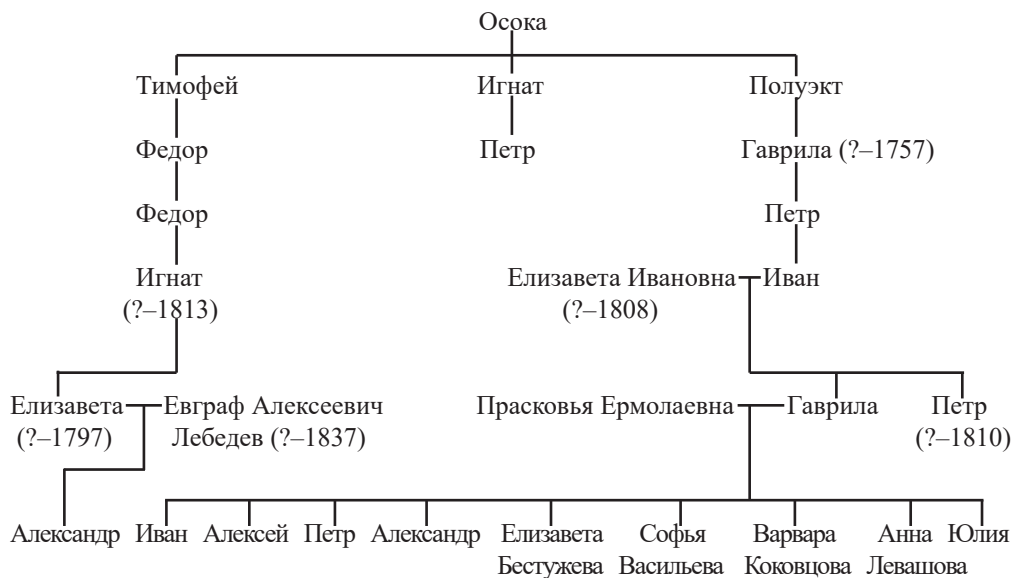
Добившись своего, опекун решился на покупку заводов. 28 июня 1857 г. статский советник Павел Михайлович Губин и потомственный дворянин коллежский асессор Николай Егорович Тимашев заключили “запродажную запись” (утверждена в Московской палате гражданского суда 3 июля). За 185 тыс. руб. сер. Губин уступал свои заводы “с переводом на Тимашева всех обязательств, какие могут открыться по заводскому и опекунскому управлению”. Бывший владелец сразу получал 30 тыс. руб., а остальные принимал заемными письмами за поручительством брата покупателя свитского генерал-майора и управляющего III Отделением императорской канцелярии А. Е. Тимашева с рассрочкой на пять лет. Причем предполагалось немедленно заложить заводы в Заемном банке или другом кредитном учреждении для обеспечения покупной суммы. Срок заключения купчей назначался на 1 декабря 1858 г.

16 июня 1858 г. Сенат разрешил П. М. Губину и Н. Е. Тимашеву приступить к совершению купчей крепости на Авзяно-Петровские заводы. Платеж за земли приказано было начать со времени окончания отвода, а плату за кортом удержать без начисления процентов. 21 ноября Стерлитамакским уездным судом опека была снята и Тимашев введен в управление заводами. 9 декабря 1858 г. такое же распоряжение последовало от Уральского Горного правления⁷⁶⁴.

Тимашевы были крупными помещиками Оренбургской губернии, имение которых граничило с дачей Авзяно-Петровских заводов. Отец новоявленного заводчика генерал-майор Е. Н. Тимашев служил наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, выбирался предводителем губернского дворянства. Через своего брата Александра, женой которого была фрейлина Е. А. Пашкова (дочь совладельца Богоявленского, Воскресенского и Верхоторского заводов А. В. Пашкова), Тимашев состоял в родстве с этой известной фамилией уральских заводчиков⁷⁶⁵. Для него заключенная с Губиным сделка являлась, по-видимому, всего лишь крупной аферой. Прошел год, и у Авзяно-Петровских заводов появился новый владелец. Н. Е. Тимашев продал их отставному

поручику и крупному винному откупщику Д. Е. Бенардаки, в то время активно скупавшему многие уральские заводы. Сделка была оценена в 275 тыс. руб., что на 90 тыс. превышало сумму, которую Тимашев заплатил бывшему владельцу. Предприимчивый брат управляющего III Отделением, видимо, в накладе не остался⁷⁶⁶.

12. Осокины и Лебедевы (и Коровины и Пастуховы)

Род разбогатевших на хлебных подрядах крестьян балахнинских вотчин Троице-Сергиевой лавры Осокиных в начале XIX в. был представлен в составе уральских заводчиков двумя ветвями. Наиболее известная из них, идущая от Гаврилы Полуэктовича Осокина, была представлена его внуком коллежским советником Иваном Петровичем Осокиным. К Юговскому, Курашимскому и Троицкому заводам, доставшимся ему по наследству, он построил Нижнетроицкий и Усень-Ивановский. В 1769 г. купил у двоюродного деда П. И. Осокина Бизярский, Иргинский и Саранинский заводы, в 1774 г. – у Келарева и Ляпина Пудемский и Мешинский заводы и в 1775 г. построил Омутнинский завод. В итоге в собственности И. П. Осокина оказалось 11 металлургических предприятий, помимо которых он владел еще большой суконной фабрикой в Казани, мельницами и поташными заводами. В 1779 г. Иван Петрович был записан в казанское дворянство.

Однако столь сложное хозяйство не приносило больших доходов. Запутавшийся в долгах Осокин был вынужден просить Вспомогательный банк принять в залог все его заводы и суконную фабрику. Банк согласился выдать ссуду только на заводы, расположенные в Пермской губернии (Юговский, Курашимский, Бизярский, Иргинский и Саранинский), что не позволяло расплатиться со всеми кредиторами. Тем не менее зало-

жив пять заводов за 730 500 руб., он 4 апреля 1804 г. их же продал московскому купцу А. А. Кнауфу за 1315 тыс. руб. Кнауф брал на себя погашение долга Вспомогательному банку, а остальные деньги вручал продавцу наличными⁷⁶⁷.

Когда 30 июня 1808 г. Иван Петрович умер в Петербурге, законными наследниками остались его вдова Елизавета Ивановна и два сына – гвардии прапорщик Гаврила и коллежский асессор Петр. Через год мать уведомила Горное правление о передаче своей “указной” $\frac{1}{7}$ части, “не вступаясь в оную”, в распоряжение сыновей, а Г. И. Осокин дал доверенность брату на управление заводами. Петр Иванович еще при жизни отца управлял по доверенности всем недвижимым имением, но 29 марта 1810 г. “по приключившейся болезни” он неожиданно умер. Вышедший в отставку Гаврила Иванович, “один оставшийся наследником”, вступил в управление хозяйством, которое включало Казанскую суконную фабрику с двумя деревнями, Мешинский медеплавильный завод в Казанской губернии, Верхнетроицкий, Нижнетроицкий и Усень-Ивановский медеплавильные заводы в Оренбургской губернии и Омутнинский и Пудемский железные заводы в Вятской губернии. Наследство включало также два каменных дома в Казани, пять мукомольных мельниц, поташный завод и 3441 рев. д.

Казанское дворянство свидетельствовало, что Г. И. Осокин действительно являлся наследником своего отца и брата, проживал в своем доме в Казани вместе с престарелой матерью⁷⁶⁸. Ничего вроде бы не предвещало каких-либо сложностей, как вдруг 23 декабря 1812 г. на имя казанского губернатора Б. А. Мансурова поступило прошение от Осокина. “К крайнему и чувствительному моему прискорбию, – сообщал заводчик, – родная мать моя... невзирая на древность лет ее, коих имеет более 60, невзирая на слабое здоровье и болезни, кои так сильны, что с большою нуждою может сама собой пройти по комнате, объявила мне свое намерение вступить в брак со здешним губернским землемером надворным советником князем Багратионом”.

Возможно, родство с представителем знатной грузинской фамилии и не вызвало бы возражений у потомка купцов и крестьян, если бы новоявленная невеста не потребовала от сына на содержание по 15 тыс. руб. в год и выдачи ей заемных писем на 120 и 30 тыс. руб., “говоря при этом, что она седьмую часть имения... передаст в другие руки прежде, нежели оно будет разделено”. Свое намерение выйти замуж мать объявила сыну еще в октябре, но тогда он ей не поверил. Вскоре, однако, выяснилось, что Елизавета Ивановна выдала своему “жениху” четыре заемных письма на якобы полученные от него 160 тыс. руб., которые тот уже предъявил к оплате казанскому нотариусу. Тут сын и призвал губернатора “в посредство” между ними.

“Сохраняя всегда глубокое уважение, сыновью покорность и любовь к ней, – писал он о матери, – я не смею и не позволю себе разыскивать настоящую причину сей решимости ее, но могу удостоверить Ваше Превосходительство, что она последовала не от семейного несогласия, ибо я и жена моя никогда не нарушали должного к ней почтения, но всегда и все требования ее исполняли с той готовностью и с тем непритворным добродушием, каким обязаны дети матери по закону и совести”. Не желая “выносить сор из избы”, Осокин все-таки предположил (явно намекая на Багратиона), что скорее всего “тут наиболее действует постороннее корыстолюбие, слабости ее возбуждающее”⁷⁶⁹.

Губернатор занял ответственную позицию в этом скандальном деле, решительно встав на сторону сына. В своем донесении министру финансов он сообщал, что “очень коротко” знаком и с состоянием дел Осокина, который должен казне “немалотысячную

сумму”, и с “образом жизни самой госпожи Осокиной”. В случае каких-либо перемен во владении имением, считал он, могут возникнуть серьезные трудности с возвратом долгов. Губернатор приказал провести расследование по поводу заемных писем Багратиона. Правда, губернский предводитель дворянства Киселев и советник губернского правления Москательников допросили только Осокиных. Елизавета Ивановна не представила следователям якобы занятых ею сумм, “осталась непреклонною на все убеждения и от-реклась от всякого отчета в употреблении написанных в заемных письмах сумм”. Гаврила Иванович показал, что мать всегда получала от него деньги на поездки в Петербург, на покупки и “благотворение” и потому не имела “никаких побудительных причин к займу столь важной суммы”. В итоге следствие пришло к заключению, что “обязанности Осокиной князю Багратиону, во-первых, превышают ее состояние, на седьмую часть не более 120 тыс. руб., что ни с истиной, ни со здравомыслием не согласуется, во-вторых, пожертвовав мнимому одолжителю всем, что имеет, она не усомнилась требовать от сына своего на счет той же седьмой части... особого себе дома, услуги и достаточной на содержание себе суммы. Такие требования ее, – решили следователи, – служат неоспоримым доказательством, что она одолжение князя Багратиона и сама не считает действительным, хотя в том и не сознается”⁷⁷⁰.

Обнадеженный благоприятным для него ходом дела, Гаврила Иванович в марте 1813 г. отправился на свои Троицкие заводы, где его застала весть о смерти матери. Она скоропостижно скончалась 5 мая, как удостоверил казанский врач Лангель, “не от злодеяния какого-либо, а... от грудной водяной болезни”. Вернувшись, сын предположил, что Багратион, бывавший “почти каждодневно” у матери, мог получить от нее не только бумаги, но и вещи, и попросил губернатора “сделать изыскание”. После “освидетельствования” имущества умершей в доме оказались в наличии всего 877 руб., которые были отданы сыну. Полицмейстер выяснил, что помимо известных заемных писем Осокина передала Багратиону вещи, список которых многое мог поведать о родственнике знаменитого героя Бородина (на что, по-видимому, и рассчитывал Осокин). Он получил “табакерку золотую с эмалью, перстень с одним бриллиантовым камнем, мех куний из-под салопы, полдюжины полотняных рубах, дюжину манишек, дюжину же батистовых новых платков, дюжину платков бумажных, черное женское саржевое платье, два аршина канифасу, три жилета разных материй, кольцо с пятью или шестью бриллиантами, перстень с яхонтовым камнем, готовальню золотую, серебряный стакан старинный с крышкой, внутри вызолоченный, столовую серебряную ложку и фарфоровую полоскательную чашку”.

Несмотря на то, что, по словам самого Гаврилы Ивановича, некоторые из этих вещей “дошли от покойного отца и потому для него драгоценны”, он не стал требовать их обратно. По-видимому, его гордость была удовлетворена самим фактом огласки списка подарков. Осокин лишь просил губернатора еще раз засвидетельствовать небольшое количество обнаруженных у матери денег в доказательство того, что она “действительно не получала от Багратиона известных 160 тыс. руб., ибо, если бы оные были получены, то конечно, осталась бы значительная сумма или в наличных деньгах, или же в вещах, которые могли быть куплены во время бытности ее в Казани с употреблением большой на оные суммы”⁷⁷¹.

С такими “приключениями” вступал Г. И. Осокин во владение своими заводами. Однако не они, а казенные и частные долги, уже в 1813 г. достигшие 740 600 руб., сыграли главную роль в окончательном развале всего родового хозяйства. Первым опасным сигналом явился залог в Государственном Заемном банке Мешинского завода с 327 рев. д. за 98,1 тыс. руб., состоявшийся 18 ноября 1824 г., а также Омутнинского и Пудемского заводов с 491 рев. д. на 122 700 руб., произведенный 22 декабря того же года. Из этих ссуд были удержаны казенные недоимки по всем заводам Осокина. На следующий год, 14 мая, на тех же условиях (на 24 года) были получены 367 200 руб. под залог трех Троицких заводов с 1227 рев. д.⁷⁷²

В 1820-е гг. владелец не только заложил все свои заводы, но и стал сдавать их в аренду. Первыми этой участи подверглись Омутнинский и Пудемский железные заводы, которые были отданы в содержание Александру Федоровичу Веймарну. В 1842 г. действительный статский советник сообщал, что более 20 лет назад поступили они к нему “в совершенном упадке и расстройстве”, но “личными распоряжениями в продолжении осьмилетнего моего пребывания на них и употреблением мною значительных капиталов заводы эти увеличены и усовершенствованы в действии до возможной степени”. Однако у арендатора возникли серьезные затруднения с правом на рудники, которых при этих заводах числилось более 200. Обнаружив по отчетам, что большинство из них бездействует и лежит в дачах других заводов, Уральское Горное правление в 1841 г. признало их “тунележащими”, то есть фактически отчислило от Омутнинских заводов. Е. Ф. Канкрин вошел в положение пожаловавшегося ему арендатора и предложил Горному правлению, вопреки букве закона, оставить рудники, на которые не претендовали ни другие заводчики, ни государство “впредь до времени в том самом положении, в каком они были до объявления их тунележащими”⁷⁷³. Тем не менее до середины 1840-х гг. Веймарн так и не сумел наладить стабильную выплату десятинной подати и банковского долга. Поэтому после завершения аренды владельцу пришлось перезаложить Омутнинские заводы с 826 рев. д. за 41 300 руб. сер. на 26 лет. Произошло это 8 октября 1846 г. Тогда же на 28 020 руб. сер. был перезаложён и Мешинский завод. В 1839 г. Осокин сдал в аренду свою суконную фабрику надворному советнику Алексею Ивановичу Лобачевскому, который еще с 1820-х гг. был управляющим этой фабрики и Мешинского завода⁷⁷⁴.

В октябре 1836 г. Гаврила Иванович решился на еще более серьезный шаг: продать Троицкие медеплавильные заводы. Они оставались единственными владельческими заводами Осокина, несмотря на то, что горные власти покушались на этот их статус. Так, по решению Министерства финансов от 17 августа 1820 г. было предписано не позволять Осокину распоряжаться приписанными к ним землями “на праве дворянском, оставя их в собственности заводской”. В результате этого решения Троицкие заводы (а также и Мешинский) фактически переводились в разряд посессионных. Но Осокин добился отмены этого решения, пойдя на то, чтобы возратить государству действительно имевшиеся у заводов наряду с купленными казенные земли. По определению Сената от 23 сентября 1830 г. было предписано отмежевать 119 398 дес. земли и леса в дворянскую собственность заводчика. Хотя к 1836 г. размежевание еще не было завершено, на имение нашелся покупатель – поручик Д. Е. Бенардаки.

Об этом известил Горный департамент поверенный Осокина А. И. Лобачевский, приехавший тогда в столицу из Казани. Департамент выразил согласие на сделку, предложив при ее заключении либо вычесть из суммы продажи весь оставшийся банковский долг

(262 878 руб.), либо принять Бенардаки его на себя с подпиской об уплате. 26 января 1837 г. Осокин и Бенардаки известили Симбирскую палату гражданского суда о совершенной между ними купчей, по которой три завода с землями и 1626 рев. д. крестьян переходили Бенардаки за 1,7 млн руб. асс. Банковский долг Дмитрий Егорович полностью принимал на себя. За его вычетом Гаврила Иванович получал сразу на руки 937 122 руб., а выплата остальных 500 тыс. руб. откладывалась на год. Утверждение купчей произошло в 1838 г.⁷⁷⁵

В 1847 г. Гаврила Иванович, видимо, уже не чувствуя в себе сил управлять хозяйством и для предотвращения возможных имущественных споров между многочисленными наследниками, решился на раздел своего и уже умершей жены Прасковьи Ермолаевны “родового и благоприобретенного имения”. После жены остались имения в Нижегородской, Оренбургской и Ярославской губерниях с 659 рев. д. крестьян. Причем ярославское имение было заложено в Санкт-Петербургском Опекунском совете за 35 620 руб. сер. Сам же заводчик к тому времени по-прежнему владел отцовскими суконной фабрикой (1345 рев. д.), двумя каменными домами в Казани, в одном из которых был устроен красивый двор, Мешинским медеплавильным заводом (463 рев. д.) и Омутнинским округом с двумя железными заводами (826 рев. д.). Ему также принадлежали купленные и доставшиеся по наследству от умершего брата имения и земли в Казанской, Оренбургской и Симбирской губерниях (535 рев. д.). Все это разнородное и достаточно обширное хозяйство (всего 3828 рев. д.) сам владелец оценил в 638 967 руб. сер., включив в эту сумму и 104 940 руб. банковских долгов.

Гаврила Иванович не случайно заранее побеспокоился о разделе, поскольку его наследниками были четверо сыновей и пятеро дочерей. Правда, четыре дочери – гвардии поручица Елизавета Бестужева, ротмистрша Софья Васильева, полковница Варвара Кокковцова и артиллерии подпоручица Анна Левашева – получили уже денежные суммы “при выдаче в замужество” и “от всякого дальнейшего участия в наследстве прошениями отказались”. Но оставались еще отставной поручик Иван, коллежский секретарь Алексей, отставной гвардии подпоручик Петр, отставной губернский секретарь Александр и “совершеннолетняя девица” Юлия, поручителем которой выступал знаменитый математик, бывший ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский, с семьей которого у Осокиных, видимо, были не только деловые, но и близкие личные отношения.

17 июня 1847 г. раздельный акт был составлен и подписан (утвержден царем 19 февраля 1848 г.). Незамужняя дочь Юлия взамен указной части получила денежную компенсацию почти в 40 тыс. руб., которую Н. И. Лобачевский принял за нее “с благодарностью”. Движимое имущество “по неудобности разделения на равные части” братья поделили между собой “по желанию родителя и по взаимному соглашению”. Иван и Алексей ограничились сельскими вотчинами, Петру досталась суконная фабрика. Самая ценная часть наследства – Омутнинский и Пудемский заводы – отошла Александру Гавриловичу Осокину. Поскольку его доля “всех прочих превосходила”, то по условиям раздельного акта он должен был выплачивать братьям Ивану и Алексею часть заводских доходов. Кроме того, сыновья брали на себя ответственность “в равной части” за долги отца, которые достигали к тому времени 100 тыс. руб. сер. Гаврила Иванович не устранился совсем от имения. Во-первых, сыновья отказались принимать на свою долю Мешинский завод, и он остался в распоряжении отца, и, во-вторых, Александр Гаврилович должен был в течение первого пятилетия предоставлять отцу “подробный и полный отчет в своих оборотах”. По условиям договора отец мог даже отстранить сына “от всякого

по заводам распоряжения на то время, какое родитель найдет нужным... и назначить, кому из братьев должен он сдать главное управление заводами, уполномочив его от себя надлежащей доверенностью". В случае смерти отца его место занимал кто-либо из сыновей по их общему выбору с правом контроля за заводами до 1853 г.⁷⁷⁶

Однако семейным планам не суждено было осуществиться. Уже на следующий 1848 год все металлургические заводы Осокиных были ими проданы: Мешинский – казанскому купцу 2-й гильдии Акиму Ивановичу Коровину (после его смерти в 1854 г. завод перешел его сыну почетному гражданину и казанскому купцу 2-й гильдии Андрею Акимовичу Коровину), а Омутнинский и Пудемский – потомственному почетному гражданину и ярославскому купцу 1-й гильдии, коммерции советнику и кавалеру Александру Матвеевичу и его “не отдельным” племянникам Николаю и Павлу Петровичам Пастуховым, благодаря “коммерческим рукам и денежной состоятельности” которых заводы стали развиваться более успешно⁷⁷⁷. Известная в деловом мире фамилия Осокиных, таким образом, продержавшись в перечне владельцев уральских металлургических заводов более века, выбыла из их числа, сохранив за собой лишь несколько не заводских имений в Оренбургской губернии⁷⁷⁸.

Но здесь оставался родственный Осокиным род дворян Лебедевых (они состояли в родстве и с Шириевыми), владельцев расположенного в Елабужском уезде Вятской губернии Бемышевского медеплавильного завода. После длительных споров о праве владения этим предприятием в 1777 г. завод был утвержден за внучкой одного из основателей Ф. Ф. Осокина Елизаветой Игнатьевной, вышедшей замуж за казанского помещика секунд-майора Евграфа Алексеевича Лебедева⁷⁷⁹.

Владелица скончалась 30 августа 1797 г., оставив наследниками мужа и малолетних детей. Было решено учредить опеку, но этому неожиданно воспротивился майор. Он считал, что сам может позаботиться о заводах, в которых весь капитал “есть его собственный, ибо он за жену свою заплатил долгу 30 тыс. руб.”. Елабужская дворянская опека 4 января 1798 г. уведомляла, что “за отбытием Лебедева с заводов к сдаче оного опекунам приступить не может”. Евграф Алексеевич поступил на горную службу и получил чин бергауптмана 6-го класса. Однако это не помогло ему поднять производительность завода, выплавка меди на котором колебалась во время его управления в среднем от 650 до 950 пуд.⁷⁸⁰ В 1828 г. на владельца поступили жалобы рабочих на несвоевременную выдачу заработной платы и провианта.

Финансовые проблемы сохранились и еще более обострились, когда в 1837 г. по наследству от отца Бемышевский завод перешел сыну – майору Александру Евграфовичу Лебедеву. Из-за “убогости руд” завод приносил одни убытки, составлявшие до 14 тыс. руб. в год. Новый владелец вынужден был сократить производство и просить горное начальство перевести треть населения на его “крепостные земли”. Волнения мастеровых в 1845–1848 гг. подтолкнули власти принять в 1851 г. решение, позволявшее заводчикам-посессионерам передавать крепостных другим владельцам или в казну по 36 руб. сер. за рев. д. Воспользовавшись этим, в 1852–1857 гг. Лебедев перевел около 400 рев. д. на Гороблагодатские заводы⁷⁸¹. В эти же годы было обновлено заводское оборудование и производство увеличено до 1,7–2 тыс. пуд. Серьезные проблемы возникли у Бемышевского завода уже после реформы 1861 г. Ввиду финансовой несостоятельности владельца и его наследника производство неоднократно прекращалось и восстанавливалось до тех пор, пока в 1882 г. завод не сторел⁷⁸².

13. Иноземцевы

Таишевский и Иштерьяковский медеплавильные заводы в конце XVIII в. находились в собственности казанского и малмыжского купца Асафа Семеновича Иноземцева. Заводы достались ему еще в младенческом возрасте по наследству от основавшего их отца⁷⁸³. Они представляли собой самостоятельные хозяйства со своими рудниками и землями (Таишевский завод пользовался лесом из казенных дач за попенную подать; Иштерьяковский имел покупные у башкир леса) и располагались в 220 верстах друг от друга: первый – в Мамадышском уезде Казанской губернии, второй – в Мензелинском уезде Оренбургской губернии. Однако между заводами сохранялись тесные производственные связи. Черновая медь, выплавлявшаяся в количестве 500–800 пуд. на Иштерьяковском заводе, перевозилась для очистки в Таишевский, производительность которого колебалась от 2 до 3,5 тыс. пуд. В 1796 г. владелец умер, оставив заводы в наследство своему многочисленному семейству – вдове Пелагее Ивановне, сыновьям Ивану, Дмитрию, Петру, Семену, Алексею, Михаилу и дочери Надежде⁷⁸⁴.

Еще при жизни Асафа Семеновича заводы стали приходить в упадок, как уверяли позже его наследники, “по неимению тогда в известности благонадежных и хорошего содержания рудников и малоимению в пруде воды”, а также “по встретившимся несчастным случаям”. На рубеже веков, по сведениям Пермского Горного правления, “расстроенным состоянием дел, неимением капитала к поддержанию заводов в надлежащем действии” наследники довели Таишевский завод до полной остановки, а Иштерьяковский “до неисправности в поставке на Монетный двор меди”. Помимо казенной недоимки из-за “немалых убытков” на Иноземцевых с 1794 г. накопились и “немаловажные” частные долги, достигавшие 33 с лишним тыс. руб. По требованию кредиторов Казанская палата гражданского суда в 1800 г. определила в обеспечение долгов продать принадлежавшие Иноземцевым три каменные амбара в Казани и Таишевский завод.

Владельцы “не изъявили на таковую продажу желания” и вступили в борьбу с гражданскими властями, полагаясь на помощь Берг-коллегии. Управлявший заводом Семен Асафович дважды, в 1800 и 1801 гг., просил горное ведомство разрешить ему принять компаньона, чтобы с его помощью восстановить заводское действие и полученными доходами расплатиться с казной и кредиторами. 6 марта 1801 г. Берг-коллегия утвердила в качестве такового малмыжского купца 1-й гильдии “из татар” Абдул Абсалимовича Утямышева. По договору “в полное его распоряжение и волю” передавался Таишевский завод, и он вступал в его управление “без всякого со стороны Иноземцевых препятствия”. Компаньон сразу вносил 20 тыс. руб. на “возобновление” завода и “затем столько,

сколько понадобится”. Иноземцевы же “ничего не вносили”, а только делили доходы пополам с компаньоном. Срок договора сначала был установлен в четыре года с рассрочкой до семи лет, но после продлен до десяти с возможностью рассрочки еще на пять лет “без всякой перемены в кондициях”⁷⁸⁵.

1 июня 1801 г. Утямышев “вступил в содержание” Таишевского завода и, по свидетельству С. А. Иноземцева, “употребил на поправление разных при том заводе заведений, на приготовление припасов, на платеж за дрова в лесной доход попенные деньги и на разработку рудников до 20 тыс. руб.” и с января 1802 г. возобновил действие предприятия. По сведениям Горного правления, он довел выплавку меди до “немалозначащего количества” (от 2198 пуд. в 1802 до 2625 пуд. в 1809 г.) и выплатил казне “как доход, ей принадлежащий, так и недоимку прежних лет”. Не уменьшилась (хотя сильно колебалась из года в год) и производительность оставшегося в руках Иноземцевых Иштерьяковского завода, составлявшая в среднем около 436 пуд. меди⁷⁸⁶.

Очевидные успехи хозяйствования компаньонов уже в 1805 г. дали повод Берг-коллегии ходатайствовать перед Сенатом об отмене принятого им в ноябре 1804 г. решения о продаже Таишевского и описи Иштерьяковского заводов за возросшие к тому времени до 66 660 руб. частные долги Иноземцевых. “Видно, – говорилось в указе Берг-коллегии от 2 марта 1805 г., – что по нахождению заводов в управлении наследников Иноземцева они не пришли в разорение... а такие заводы не только не велено отбирать, но ниже что малое в их потребностях и прибытках какое повреждение чинить”⁷⁸⁷. По-видимому, Сенат не стал настаивать на прежнем решении и отменил продажу.

Между тем, с начала 1806 г. между Утямышевым и Иноземцевыми “возникли ссоры, пошли жалобы одного против других, а сих последних на первого”. Компаньоны жаловались “на нарушение условий в разных предметах, в неделании в свое время расчетов, в самовольном присвоении излишнего и прочем”. Утямышев сообщал, что “хозяева (кроме Ивана, Дмитрия и Петра) чинят в противность условиям... по заводу разные усильства и дебоширства, а заводским крестьянам некоторым притеснения в разных расстройках, по коим и крестьяне многие, ослушась управляющих, не дорабатывают налагаемых на них уроков, не зарабатывают всех назначенных урочных дней и уходят с работ самовольно по своим прихотям”. Иноземцевы, добавлял он, “к числу прежде забранного ими капитала и находящихся у них на отчете рабочих людей, дабы не было уже в виду начальства... утаивают их и от стороны компаньоновой в совершенную фальшу, приказывая писарю писать, что находятся будто бы те люди в работах заводских”. Тем не менее тогда компаньон вовсе не отказывался от управления Таишевским заводом, что косвенно доказывает выгодность заключенной сделки. Мало того, в 1809 г., когда подходил к концу 10-летний срок контракта, Абдул Абсалямович просил продлить его еще на пять лет, поскольку, по его словам, “имел ревностное желание и охоту... к заводопроизводству для пользы общественной и в приращение казне доходу”⁷⁸⁸.

Но Иноземцевы воспротивились этому и обвинили Утямышева в нарушении условий договора. “Мы, – сознавались они, – не занимаемся никакой купеческой торговлей и не имеем ныне чем содержать себя кроме денег, получаемых от завода и мельниц, взятых у посторонних людей в срочное содержание”. Утямышев же, по их словам, вопреки контракту, не давал им никаких денег “по неделании счета”. Но вместо того, чтобы требо-

вать у компаньона отчетов, Иноземцевы “брали у него на прожиток [деньги] за векселя и записки”, ему же заложили “часы золотые карманные и несколько ниток жемчуга и серебро на 400 руб.” и в итоге оказались должными компаньону 27 020 руб.⁷⁸⁹

Следствием финансовой несостоятельности владельцев стало учреждение в 1806 г. Конкурса по их долгам в Казани. Однако управлять Конкурсу оказалось фактически нечем, поскольку, кроме заводов, имущества за Иноземцевыми значилось “на самую малейшую сумму так, что и десятой части кредитных сумм выручить нельзя”. Доходы же от заводов шли на заводское производство и “частью издерживались ими на собственное их с семейством своим содержание”. Взятые в долг у Утямышева деньги Иноземцевы, по сведениям Конкурса, также “издержали на свое продовольствие, не заботясь об уплате кредиторам долгов”. В 1808 г. оказавшийся совершенно бессильным Конкурс распространил заявление о том, что Иноземцевым нельзя верить в долг⁷⁹⁰. Ничего хорошего не предвещали и возникшие ссоры в семье владельцев.

Еще в 1802 г. старший из братьев Иван безуспешно требовал выдела принадлежавшей ему по закону части отцовского наследства. Будучи, по-видимому, устранен братьями от управления Иштерьяковским заводом, с 1806 г. он “входил в Горное правление бумагами”, уверяя, будто бы братья не исполняют казенных повинностей, “пускают медь в вольную продажу, а деньги оставляют в собственную свою пользу... и на содержание поташного завода, заведенного в Иштерьяковских дачах”. Он требовал отдать завод в его единственное распоряжение, “яко старшему из наследников”⁷⁹¹.

Действительно, с 1806 г. на оставшемся в ведении Иноземцевых заводе накопилась недоимка по горной подати, а в 1808 г. его производительность резко упала. Но, как объясняли проживавшие на заводе Пелагея Ивановна с сыновьями казанскими купцами Петром, Семеном, Алексеем и малмыжским купцом Михаилом (подпоручик Дмитрий находился на военной службе), произошло это “от прорыва плотины и повреждения вешнячих прорезов”. Тогда же они просили Горное правление рассрочить платеж горной подати, а две трети выплавленной меди пустить “в вольную продажу” или оказать им помощь в размере 10 тыс. руб. под залог завода. Владельцы наконец задумали перестройку завода, ибо перевозка черной меди в Таишевский завод осуществлялась “с немалыми убытками и затруднениями”. Насчет поведения Ивана они дружно высказались, что он “по наклонности к стороне компаньоновой за одолжение его немалотысячною суммой... чинит разные несправедливые оклеветания и помешательство в заводском производстве” и, со своей стороны, обвинили его в “удержании у себя денег”. В этой связи Горное правление предписало Ивану Асафовичу “войти в сношение с братьями и добровольным выбором избрать на управление одного, а впредь Правительство напрасными просьбами не обременять”. Но “зная его непечность и по неупражнению в заводском производстве”, родственники отказались передать Ивану управление заводом⁷⁹².

Мало того, за неуплату казенных податей и частные долги владельцев 26 мая 1809 г. Сенат распорядился до продажи Иштерьяковского завода поручить его “под хозяйственный надзор” Уфимской дворянской опеки и в управление казанского Конкурса. Таишевский завод было решено оставить Утямышеву на пять лет, а причитающиеся на часть Иноземцевых доходы отправлять в Елабужскую опеку для уплаты казенных и частных долгов. Опеки сначала хотели отказаться от свалившейся на них обременительной обязанности, резонно заявляя, что Иноземцевы уже не малолетние и не дворяне, а купцы, для “призрения” которых существуют сиротские суды. Но под давлением Сената и Гор-

ного правления они вынуждены были взять заводы под свой надзор вместе с конкурсным управлением. Однако опеки затянули осуществление этого решения до 1811 г., когда наконец назначенный на Иштерьяковский завод опекуном прапорщик Енков и секретарь Филиппович “в присутствии двух благородных свидетелей” приступили к обязательной для продажи описи завода⁷⁹³.

Преследуя свои цели, власти поставили оба назначенные управлять заводами общественные института в сложное положение, поскольку ни небогатые уездные опеки, ни Конкурс не имели в своем распоряжении необходимых капиталов на поддержание производства и обеспечение заводского населения. Горное правление в лице своего советника рекомендовало передать оба завода в полное управление и распоряжение казанского Конкурса, “яко главного над ними попечителя”. Но Конкурс вовсе не стремился управлять заводами, а желал только скорейшей их продажи, на чем настаивал даже после издания сенатского указа. “Конкурс достаточной суммы за производственными издержками не имеет, – сообщали его представители в Горное правление, – а посему и во управление заводом войти средств не находит, да и само препоручение обоих заводов Иноземцевых в управление дворянских опеки почитает не соответствующим законам”. Вначале, по-видимому, его представители побывали на Иштерьяковском заводе, но, как сообщал поверенный устраненных от власти владельцев в июле 1811 г., “не только не искали никаких средств к удовлетворению долгов Иноземцевых, но и предоставленные от них средства оставили без уважения”⁷⁹⁴.

Но более всего недовольны правительственным решением оказались сами владельцы (за исключением Ивана Асафовича), отстранение которых от заводских доходов привело даже к формальному понижению их социального статуса. В 1811 г. прошения подписывали уже не казанские купцы, а казанские мещане Алексей, Петр и Семен Иноземцевы. Прежнее положение малмыжского купца сохранил только их брат Михаил. Владельцы настаивали на допущении их к управлению и вместо Иштерьяковского завода предлагали продать принадлежавшие им каменные амбары и другое имущество, а недостающую сумму выплачивать кредиторам с доходов от выплавки меди. Они не соглашались и с оставлением Таишевского завода в ведении Утямышева. Вопреки своим прежним уверениям, Иноземцевы заявили, что вместо положенных по договору 20 тыс. руб. он истратил своего капитала только 10 676 руб., “но оную сумму перебрал обратно... уже через 11 месяцев и после завод довольствовался... единственно только из... прибыльного капитала”. “Купец сей, – уверяли они министра финансов, – хозяин временный... и, следовательно, не имеет нужды прочить оный [завод] на будущее время к лучшему его существованию. Занимаясь обширною своею купеческою коммерцией, он в заводе никакого проживания не имеет и определенные со стороны его один после другого управители не знают производства по искусственной заводской части, а паче по горным и куренным работам и самой проплавки чрез плавильные печи руды по лабораторическому действию устава, который во всем непременно требует наблюдения”.

Подробные объяснения были даны владельцами по поводу обвинения их в растрате забранных у компаньона “немалотысячных” сумм. Иноземцевы уверяли, что лишь часть их потратили “на содержание немалого их семейства”, а “главнейше – на восстановление Иштерьяковского завода, который пришел было совсем в упадок”. Они сообщали, что “по употреблению со стороны нашей всевозможных стараний по отысканию рудников и через покупку оных во владельческих дачах, для умножения воды подняв плотину, исправив водоспускной

ларь, который крайне был ветх, переделав водяные колеса в большей пропорции и меходействующую машину способнейшим против прежнего способом и сами медеплавильные печи расположив по новым правилам, довели через сие оный завод до степени такой, что вместо 56 пуд. меди, выплавленной в 1801 г., оной уже делается более 800 пуд.”⁷⁹⁵.

Однако Горное правление не вняло ни просьбам Иноземцевых, ни требованиям Конкурса, также настаивавшего на удалении Утямышева. “Без такового его Утямышева сотоварищества в заводах, – резонно посчитали там, – никакой пользы казне получить было бы невозможно, да и завод содержать... ибо исправное того завода содержание продолжается и донныне... и все подати в казну заплачены”. Кроме того, по сведениям горного начальства, хотя производительность Иштеряковского завода сначала действительно возросла, но к 1811 г. вновь упала до 293 пуд. В результате уверения Иноземцевых об исправном содержании завода в Горном правлении посчитали “опровергнутыми” и вновь подтвердили прежнее решение о его продаже.

Когда же в июле – августе 1811 г. Пермское Горное правление по требованию опеки попыталось вызвать владельцев для описи Иштеряковского завода, они просто саботировали это решение. По свидетельству заводской конторы, Дмитрий и Петр Иноземцевы в это время отправились на дальние рудники, а Семен Асафович, хотя и проживал на заводе, но “находился в болезни”. О местонахождении других наследников конторе ничего не было известно. Позже выяснилось, что Иван, Дмитрий, Алексей, Надежда и Пелагея Ивановна Иноземцевы проживали в Таишевском заводе, но ехать за 200 верст вовсе не собирались. Тем не менее опись была опекунами составлена. В числе недвижимого имущества Иноземцевых, кроме медеплавильного, значились еще поташный завод, мукомольная мельница и господский дом. Последний представлял собой деревянный “соснового леса, крытый лубьями и драньем” дом из пяти комнат, четырех сеней и двух чуланов в одной связи, с чердаком в центре и горницей под ним⁷⁹⁶. Документы к продаже были подготовлены, но начавшаяся Отечественная война задержала ее.

Военное положение отразилось и на судьбе Таишевского завода. Так окончательно и не утвержденный в правах на завод А. А. Утямышев, очевидно, перестал обращать на него серьезное внимание. В 1812 г. за ним уже числилась горная недоимка в 9846 и земская в 12 249 руб. По свидетельству исправника, завод был доведен “до совершенного расстройства”, а заводским людям по приказу содержателя выданы “билеты для свободного проживания в разных городах Казанской и Вятской губерний”. В апреле 1813 г., когда завод уже не действовал, Абдул Абсалямович подал прошение царю, в котором сообщал, что поскольку министр финансов все еще не утвердил его “в правах управления на пять лет... а Иноземцевы позволяют себе разные своевольства... то по сему, а равно по затруднительной ныне по военным обстоятельствам распродаже заводских изделий, дабы могущие от того последовать убытки не могли Иноземцевы отнести собственно на него”, просил снять с него “компаньонство” по Таишевскому заводу⁷⁹⁷.

Такое намерение арендатора вызвало недовольство властей. В Горном правлении посчитали, что Иноземцевы “едва ли будут в состоянии внести накопившиеся недоимки”, а потому приказали секвестровать оставшийся на заводе металл и дом Утямышева в Казани стоимостью более 12 тыс. руб., в котором проживал его сын Ахметша и “для нужных отправок товара на ярмарки и города запечатать две кладовые с товаром”. Платеж податей отсрочили до 1814 г., а сам завод 29 мая было предписано взять в управление казанского Конкурса под главным надзором Елабужской дворянской опеки. Однако Кон-

курс, который едва мог платить жалование своему бухгалтеру и нести издержки по письмоводству, от возложенной на него обязанности вновь “отозвался”, а Вятское губернское правление “устранило” опеку от надзора за заводом. Иноземцевы неоднократно просили передать им в управление Таишевский завод после того, как Утямышев восстановит его действие, но Горное правление считало, что это зависит от учрежденного над ними Конкурса, и не решалось или не хотело пойти им навстречу⁷⁹⁸.

Между тем завод стоял, а “рабочие люди по неимению капитала лишались своего пропитания”. Горному правлению, чтобы преодолеть безвыходную ситуацию, 23 декабря 1814 г. пришлось передать оба завода в заведывание исправников, то есть фактически взять в казенный присмотр. 12 февраля 1815 г. Сенат наконец указал продать оба завода Иноземцевых и сделать им оценку “по правилам 10-летней сложности доходов”. Обиженные таким решением владельцы и на этот раз решили затянуть, а то и вовсе сорвать оценку. На требование исправника доставить сведения о заводских доходах с 1805 г. иштерьяковская контора отапортовала, что “по незнанию бухгалтерского порядка документы были ведены неосновательно и неясно и много утрачено во время бывшего в марте 1810 г. пожара”. Проживавший на Таишевском заводе Алексей Иноземцев на такое же предложение отозвался, что продажей меди занимался не он, а братья Иван, Дмитрий и Семен, “не ведая на сей предмет основательных расчетов”. Он сообщил также, что Ивана и Дмитрия уже нет в живых, а Семен находится на Иштерьяковском заводе⁷⁹⁹.

Обратившись туда в июле 1816 г., исправник узнал, что Семен Иноземцев выехал с завода. Срочно вдогонку был послан казак, который настиг его у села Бережные Челны и вручил “конверт”. По словам казака, заводчик велел передать, “что де я писать к господину исправнику по слабости моего здоровья не могу и еду для пользования от болезни, а куды не проговаривал”. Вскоре исправник получил от Семена Асафовича письмо, отправленное еще до его отъезда из завода 19 июля. “От нас нещастия, как воздух, неотлучны, – сокрушался владелец. – В прошедшее воскресенье от неосторожности матушкиной горничной девчонки дом наш почти со всем имуществом сгорел. Вы знаете мое или вообще наше положение и можете себе представить, сколько для меня было чувствительно; я же от известной Вам продолжительной моей болезни плохо еще оправился, а таковой удар еще увеличил слабость моего здоровья и примечаю я в себе знаки могущих быть худых последствий от такового телесного и душевного расслабления, что и побудило меня ехать в Казань и искать помощи искусных врачей и завтра поутру непременно выеду с братом и матушкою. Но мудрено для меня, кажется, добраться до Казани”. Заводчик попросился со знакомым ему исправником и даже попросил у него прощения⁸⁰⁰.

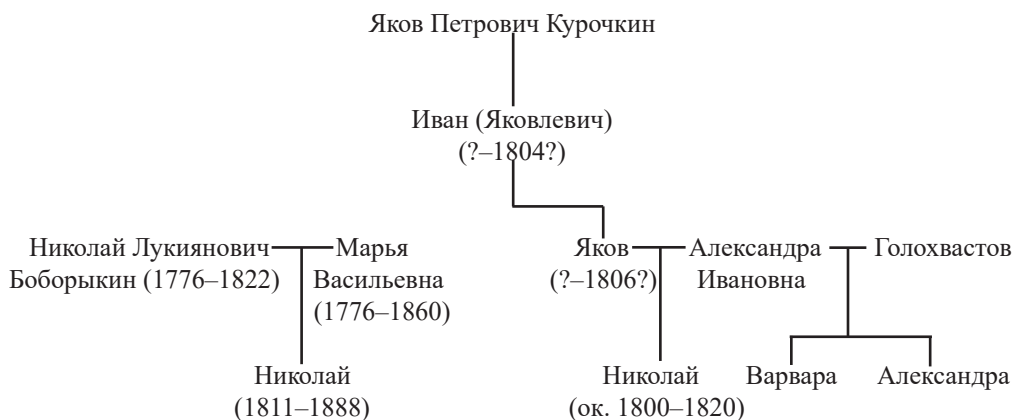
Однако, несмотря на все эти несчастья, даже после сенатского решения братья Иноземцевы не оставляли надежды вернуть свои заводы. Они еще несколько раз “усердно” просили власти отменить продажу заводов и даже выражали готовность вновь принять компаньонов, которых, по их словам, “по открытию действующих рудников вызывается желающих довольно”. “По вступлении кого-либо из них, – уверяли они, – состоящие на нас по Конкурсу партикулярные долги заплачены могут быть не далее, как в два года. А по оценке из 10-летней сложности заводы будут проданы по низкой цене, и мы должны будем навек лишиться столь важного имени”. Тем не менее наученное горьким опытом Пермское Горное правление твердо стояло на своем решении. Для оценки заводов оно назначило уфимского купца А. М. Подъячева, не так давно ставшего владельцем Шильвинского медеплавильного завода, и его сыновей Илью и Николая. Правда, из них

только Николай Алексеевич присутствовал при составлении описи Таишевского завода. Она была завершена к июлю 1817 г. при участии заводского исправника Ворожцова и бергешворена Гилля⁸⁰¹.

Таишевский завод вместе с состоящими при нем 899 рев. д. крепостных был оценен в 345 126, а Иштерьяковский с 241 рев. д. – в 124 048 руб. Цена продажи первого была определена исходя из среднегодового дохода в 66 462 руб., а второго вообще не была вычислена, поскольку из-за пожара 1810 г. не были известны сведения о доходах. Вероятно, из-за этого было принято решение о продаже заводов по более высокой оценочной стоимости, что предопределило безрезультатный исход двух торгов, организованных Горным правлением в Перми. Правда, “в последний срок”, назначенный на 8 мая 1818 г., поверенный все того же Утямышева предложил за один Иштерьяковский завод 30 тыс. руб. Но когда от него потребовали задатка, равного всего 10-й части предложенной суммы, он “отозвался неимением наличных денег” и просил принять в залог свидетельство на каменный дом Утямышева в Казани. Горное правление отказало поверенному в этой просьбе, тем более что и цена, предложенная за завод, “оказалась противу объявленной менее даже четвертой части”⁸⁰².

Неудача заставила Горное правление просить министра финансов перенести торги в столицу, где было больше “промышленных и капиталистских людей”. 19 мая 1819 г. Сенат разрешил провести торги при Петербургском губернском правлении. Там были сделаны “публикации”, назначены сроки, но надежды на быструю продажу не оправдались, даже при том условии, что заводы “продавались оба вместе и каждый отдельно”. Бездействующие с 1815 г. Таишевский и с 1818 г. Иштерьяковский заводы, первый из которых к тому же не имел отводных лесов, долго не могли привлечь внимание “капиталистских людей”. Вероятно, лишь значительное понижение цены и облегчение условий в конце концов привело к продаже, состоявшейся через семь лет после объявления торгов. 26 ноября 1826 г. была выдана “данная” на Таишевский и Иштерьяковский заводы И. М. Ярцову, уже владевшему на Урале Шайтанскими заводами. “Последняя цена” составила 152 тыс. руб. асс., из которых покупатель сразу внес только 52 тыс., а остальные 100 тыс. руб. были рассрочены на 10 лет под залог приобретенных заводов⁸⁰³. С этой продажей казанский купеческий род Иноземцевых выбыл из состава уральских заводчиков, где продержался около 90 лет.

14. Курочкины и наследники. Грибановы

Вятские и вологодские Кирсинский, Песковский, Кажимский и Нючпасский железные заводы в начале XIX в. оказались в руках потомков богатого великоустюжского купца Я. П. Курочкина, который вместе со своими сыновьями подключился к промышленному предпринимательству на Урале еще в конце 1730-х гг. На рубеже XVIII–XIX вв. всеми четырьмя заводами, выплавлявшими свыше 150 тыс. пуд. чугуна и более 100 тыс. пуд. железа владел купец Иван (Яковлевич?) Курочкин⁸⁰⁴.

В 1804 г. заводы оказались во владении поручика Якова Курочкина (вероятно, получившего дворянство сына купца), но уже через два года числились за поручицей Александрой Ивановной Курочкиной⁸⁰⁵. По-видимому, ей и несовершеннолетнему сыну Николаю, находившемуся под опекой матери, после смерти мужа перешли родовые заводы. В 1811–1812 гг. поручица Курочкина вышла замуж и превратилась в капитаншу Голохвастову. Вместе с мужем гвардии штабс-капитаном Голохвастовым Александра Ивановна управляла имением. Во время опеки были устроены две новые плотины и пристани, а 18 июня 1812 г. “с большими выгодами” куплен Нювчимский чугуноплавильный и железоделательный завод.

До этого времени им владели петербургские купцы братья Гаврила (по должности директора Засного банка имел чин коллежского советника и ко времени продажи завода уже умер) и Архип Михайловичи Грибановы. С 1805/06 г. завод бездействовал из-за того, что владельцы “впали на немалотысячную сумму в казенные и партикулярные долги”. В 1809 г. было принято решение продать завод с аукциона, где его и приобрела за 41 550 руб. А. И. Голохвастова. Завод, видимо, хорошо вписался в горнозаводское хозяйство Курочкиных, поскольку находился вблизи Нючпасского и Кажимского заводов, имел 78 отводных рудников и леса. По сообщению новой владелицы, “она нашла его в самом расстроенном положении”, но обещала “стараться о приведении в надлежащее устройство и пущение в действие”⁸⁰⁶.

Когда в 1817 г. Николай Курочкин достиг совершеннолетия, с разрешения определенного к нему попечителя был заключен раздельный акт. По добровольному согласию сыну оставались заводы, а мать получала 500 тыс. руб., хотя эта сумма значительно превышала причитающуюся ей по закону указную часть. Тем самым сын, по словам отца Голохвастова, выразил признательность матери за ее “старания” во время опекунства над ним. Сам Николай Яковлевич, видимо, в то время учился, а позже поступил в Коллегию иностранных дел переводчиком. В управлении заводами ему, как и прежде, “главнейше содействовал” отчим⁸⁰⁷. Но и сам владелец иногда посещал заводы. В один из таких приездов случилось несчастье.

В 1820 г. заводский исправник сообщил, что “в ночь на 13 апреля сделался Кирсинского завода в господском доме пожар и вместе с превращением оного в пепел сгорел и спавший в нем заводосодержатель... титулярный советник Курочкин”. Горное правление предписало исправнику, чтоб он до явки наследников или учреждения опеки “принял законные меры к соблюдению всего заводского имущества в целости”, а для управления заводами предложило назначить особого чиновника. “Горные заводы, – считали там, – суть такое имение, которое без личного надзора и управления оными, особенно без капиталов в самое кратчайшее время может прийти не только в расстройство, но даже в остановку и совершенное бездействие, тем более, что заводы Курочкина по недостатку собственных людей изворачиваются как во внутреннем, так и во внешнем производстве единственно вольнонаемными людьми, кои без наличных платежей могут удалиться от

заводов в другие места к невозвратным для казны и наследников убыткам”. В Горном правлении было известно, что заводы Курочкина уже задолжали податей за этих людей на 26 тыс., да еще должны казне за ссуду 25 тыс. руб., получение которых отдалялось в связи с гибелью владельца⁸⁰⁸.

Дело осложнилось еще и тем, что Кирсинский и Песковский заводы находились в Вятской губернии и состояли под ведомством Пермского горного правления, а Кажимский, Нючпасский и Нювчимский – в Вологодской и оставались в ведомстве Московского горного правления⁸⁰⁹. 13 октября 1820 г. Сенат передал все заводы Курочкина Пермскому правлению и учредил в Москве опеку над ними. Однако министр финансов Д. А. Гурьев опротестовал решение об опеке. Он посчитал, что опека в Москве “будет существовать только по имени и ее учреждение должно терпеть медленность”. В результате 27 декабря 1820 г. была учреждена опека “особо для вятских и особо для вологодских заводов”, но управление, как и при Курочкине, было решено осуществлять через Главную Кажимскую контору. В помощь опекунам назначался казенный чиновник, а Пермскому Горному правлению разрешалось отпускать суммы на заводское производство. В начале 1821 г. управляющим заводами был определен бергешворен Гилль и уже выделено от казны 80 455 руб.⁸¹⁰

К этому времени определились и претенденты на наследство. Еще в мае 1820 г. в Московское Горное правление подал прошение штабс-капитан Голохвастов. Он представил две данные ему пасынком доверенности и просил об отдаче ему заводов в управление, “дабы не пришли они в расстройство”. Он же, как опекун своих малолетних дочерей, “единоутробных по матери сестер Курочкина”, претендовал и на часть наследства. Права на заводы предъявил также инженер-капитан Николай Лукиянович Боборыкин (встречаются написание Бабарыкин, Бобарыкин), который по документам проходил как “внучатный племянник” Н. Я. Курочкина. (Хотя трудно представить, что Курочкин, будучи на четверть века младше Боборыкина, принадлежал к поколению “дедов” последнего. Скорее можно предположить, что, наоборот, Курочкин приходился внучатым племянником Боборыкину).

Более двух лет потребовалось Сенату для решения дела о наследстве погибшего заводчика. Рассмотрев поколенную роспись Курочкиных, род которых пресекался со смертью бездетного Николая Яковлевича, Сенат решил утвердить в правах наследства его ближайших родственников – “внучатного племянника” Н. Л. Боборыкина и сродных сестер Варвару и Александру Голохвастовых. Первый претендовал на родовое, вторые – на благоприобретенное имение⁸¹¹.

Каждому из наследников хотелось “урвать” как можно больше из неожиданно свалившегося на них богатства. Особенно старался отец и опекун малолетних сестер, которым должен был достаться единственный Нювчимский завод. Он доказывал, что к этому заводу надо добавить еще более 700 тыс. руб., которые “присовокуплены в пользу имения Курочкина при опекунстве матери его”. Величина этой претензии объяснялась суммой долгов самого Голохвастова, его жены и пасынка (725 385 руб.), которую он хотел перевести на имение. Боборыкин, в свою очередь, пытался оспорить раздел 1817 г., в соответствии с которым еще производились выплаты Александре Ивановне, бездоказательно утверждая, что Курочкин учинил его, будучи несовершеннолетним. Отвергнув все необоснованные претензии наследников, 17 сентября 1823 г. Сенат постановил родовое имение (Кажимский, Кирсинский, Песковский и Нючпасский заводы со 101 рев. д. крепостных и имения, доставшиеся Курочкину от тетки коллежской советницы Же-

ребцовою) утвердить за Николаем Лукияновичем Боборыкиным, а Нювчимский завод (51 рев. д.), как благоприобретенное имение, отдать девицам Голохвастовым при попечительстве отца. Полагающиеся матери бывшего владельца по раздельному акту 500 тыс. руб. (из которых к тому времени было выплачено только 200 тыс.) взыскивались со всех наследников “по количеству полученного ими имения”⁸¹².

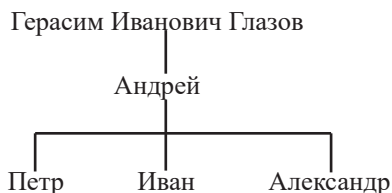
Однако инженер-капитану не пришлось побывать в роли заводовладельца: незадолго до сенатского решения, 10 ноября 1822 г., Н. Л. Боборыкин скончался. В декабре 1823 г. для принятия заводов в управление прибыл поверенный его вдовы Марьи Васильевны и сына Николая, которые были признаны совладельцами четырех Кирсинско-Кажимских заводов. В соответствии с составленными в 1824 г. ведомостями “о наличности в денежных суммах, металлах, материалах и припасах” Боборыкиным досталось имущества на сумму более 660 тыс. руб., а Голохвастовым всего на 57 тыс. руб.⁸¹³

Последние недолго владели Нювчимским заводом. 12 июля 1827 г. Сенатом было утверждено “миролюбивое положение”, по которому этот завод переходил Боборыкиным. По-видимому, штабс-капитан Голохвастов к этому времени умер и купчую от имени его дочерей подписала Александра Ивановна, которая и выступила инициатором продажи⁸¹⁴.

Во владении капитанши Марьи Васильевны и коллежского регистратора Николая Николаевича Боборыкиных Кирсинско-Кажимские заводы находились 19 лет. По утверждению чиновников Горного правления, у владельцев не оказалось “свободного на действие заводов капитала”, в результате чего “от неполных выдач за работы” стали накапливаться долги государственным крестьянам, составлявшим основной контингент рабочей силы этих заводов. Еще в описях 1821 г. указывалось, что заводские работы исправляются здесь помимо небольшого числа крепостных “государственными разных селений крестьянами, с давних лет поселившимися и приспособившими себя к мастерствам заводским, к коим по крайней необходимости для распространения и умножения заводского действия первоначально обучаемы они были заводским коштом”. Для их привлечения все “обывательские” дома в заводских поселках строились “с помощью заводсодержателей”, за их же счет заготавливался хлебный провиант и другие продукты питания. Соотношение крепостных и государственных крестьян равнялось здесь 1:7,⁸¹⁵ Расходы на рабочую силу, вследствие этого, на Кирсинско-Кажимских заводах были довольно высокими. Накапливающиеся долги и отсутствие оборотного капитала стали главными проблемами развития заводов и в конце концов вынудили Боборыкиных продать их. К тому же Николай Николаевич, как основной владелец, видимо, не проявил особого интереса к заводскому делу. Его пристрастия были связаны с литературой. Он писал стихи, работал помощником библиотекаря в Московском публичном и Румянцевском музеях, был цензором английских книг и русских драм при Главном управлении по делам печати⁸¹⁶.

23 февраля 1842 г. в Московской палате гражданского суда была совершена купчая, по которой все заводы Боборыкиных переходили тульскому купцу А. И. Маликову. При этом были удержаны долги бывших владельцев Уральскому Горному правлению и частным лицам на сумму 116 410 руб. сер.⁸¹⁷ Более 100 лет входившие в состав уральских горнозаводчиков купцы и дворяне Курочкины и их родственники расстались, таким образом, со своими заводами.

15. Глазовы

На рубеже XVIII–XIX вв. сын симбирского купца Г. И. Глазова корнет Андрей Герасимович владел в Бугульминском уезде Оренбургской губернии небольшим Богословским медеплавильным заводом, среднегодовая выплавка которого составляла всего 319 пуд. В 1802 г. он составил завещание, по которому передал завод трем своим сыновьям: отставному коллежскому асессору Петру, капитану Ивану и нигде не служившему Александру. Как медеплавильный Богословский завод действовал до 1821 г., когда выплавил последние 93 пуда и, по сведениям Горного правления, “пришел в бездействие по неблагонадежности рудных месторождений”. Вместо медного Петром Андреевичем Глазовым (он, по-видимому, управлял заводом от имени всех братьев) было заведено в заводских дачах химическое производство⁸¹⁸.

Еще дед владельцев занимался селитроварением (имел близ Астрахани на Охтубе селитренный завод, а также в Симбирской губернии “лосинную фабрику” и винокуренный завод). Сам П. А. Глазов открыл целебные Сергиевские серные источники, по народной молве вылечивавшие все болезни, и стал “радушным хозяином и ревностным распространителем их славы”. После остановки медного производства, в 1820 г. он построил на заводских землях Покровский купоросный, а в 1830 г. Воздвиженский поташный заводы. Первый находился в трех, а второй – в 27 верстах от Богословского завода. В 1827 и 1828 гг. на месте последнего были также пущены квасцово-купоросное и селитренное “заведения”⁸¹⁹.

Для устройства нового производства Глазову потребовались значительные капиталы, которые он попытался получить за счет займов. В 1823 г. заводчик обратился с этой просьбой в Пермское Горное правление, но получил отказ “по неимению в оном просимого количества денег”. Тогда он решил занять деньги под залог 263 рев. д. заводских крепостных в Санкт-Петербургском Опекунском совете. Но директор Якубовский отказал Глазову на том основании, что Опекунским советам тогда было запрещено принимать в залог крепостных, “принадлежащих фабрикам и заводам”. В январе 1825 г. Глазов обратился с прошением к царю о предоставлении ему ссуды уже из Государственного Заемного банка. По “Высочайше” утвержденной 12 августа 1825 г. записке министра финансов Глазову была предоставлена ссуда в размере 52,6 тыс. руб. на 24 года под залог крестьян Богословского завода и одноименной деревни. Эти деньги и пошли на перепроектирование производства⁸²⁰.

Однако вскоре после пуска были остановлены Покровский завод и купоросное производство на Богословском заводе, где сохранялось только селитренное “о четырех горнах и четырех котлах”, дающее в год до 216 пуд. этого важного компонента пороха. Остановка произошла, как сообщал сам владелец, “по чинимым только со стороны заводских мастеровых в работах препятствиям”. С 1821 г. заводские крестьяне Глазова подали на

владельца несколько жалоб, обвиняя его в том, что он подвергает их “страданиям выше сил человеческих”, не выдает денег и провианта, отдает к посторонним людям в работы, что “коштный заводский исправник Молчанов и фаворитка Глазова вольноотпущенная девка Пустобаева жестоко истязают крестьян и их дочерей”. Мастеровые считали, что Глазов “начал устраивать новые заведения” лишь для того, чтобы после остановки медного производства удержать заводских крепостных за собой, поскольку в противном случае “по недействию завода... они должны принадлежать короне”⁸²¹.

Петр Андреевич опровергал обвинения в свой адрес. Еще до истощения медных рудников, писал он, “я... заблаговременно открыл неизвестный доселе в Оренбургской губернии, но тем не менее полезный источник для удовлетворения важной казенной потребности: выделывание селитры и купороса. Намерение мое при сем предприятии было то, чтоб сделать для выгод казны значительное понижение в цене доставляемой на Казанский пороховой завод селитры, которая, по отдаленности провоза из Малороссии, обходится ей крайне дорого, и купно с сохранением собственного моего благосостояния доставить крепостным заводским людям безбедное содержание”. Но когда уже были заготовлены значительные запасы руд и устроены “все здания с принадлежностями”, “к величайшему моему прискорбию, – сокрушался владелец, – заводские крестьяне вышли из всякого повиновения”. Они не вырабатывали уроков, умышленно заваливали землей руды и даже “покушались на жизнь” хозяина.

Вовсе “не тягость работ или хотя б малейшее в чем-либо с моей стороны стеснение, – считал он, – к каковому я и по моим чувствам и по образу мыслей моих совершенно не способен”, явилось причиной волнения, а намерение мастеровых, возбуждаемое отдельными чиновниками, “чтоб неуспешность в заводских действиях, доведя меня до конечного разорения, подала им легчайшее средство к мнимой свободе”. “Более пяти лет, – писал отчаявшийся заводчик в 1826 г., – просил я об исследовании всех сих происшествий... шесть горных чиновников были командированы для следствия, и едва не все оставляли оное без окончания”⁸²².

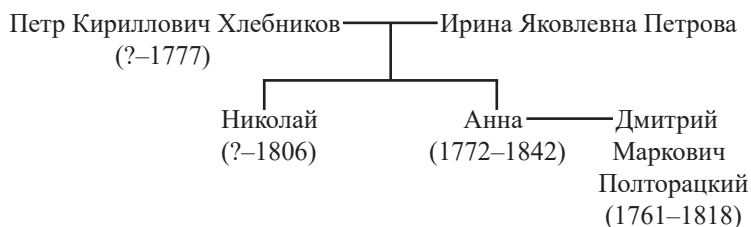
Дело, по-видимому, стопорилось не только из-за бюрократической несогласованности, но и проблем, связанных со статусом завода. В Пермском Горном правлении считали Богословский завод “не имеющим от казны пособия”. Таковым он был записан еще в “рописи” 1797 г. Однако сомнения на этот счет были, по-видимому, даже у владельцев, по свидетельству крепостных, еще в 1809 г. перечисливших 234 души “в дворянское их имение” деревню Андреевку (Кирлигач). В соответствии с таким представлением Горное правление и считало, что Глазов “имел право сам собою уменьшить деятельность завода в одном роде и увеличить оное или ввести совсем новое в другом роде заводских произведений”, а намерение крестьян являлось противозаконным.

Горный совет Министерства финансов, рассматривавший дело в 1830 г., разъяснил, что Глазова нельзя считать полным собственником, поскольку дед его, устраивая завод, был купцом и мог покупать крестьян только в качестве пособия от казны. Поэтому в случае уменьшения или прекращения заводского действия Глазову действительно грозило отнятие в казну “покупных крестьян”, что было установлено указом от 16 марта 1798 г. Но “приняв в уважение, что Глазов... не требует на устройство нового производства от казны пособия и при том надеялся через новые заведения доставить казне выгоды, могущие превзойти получаемые от Богословского медеплавильного завода”, Горный совет счел возможным разрешить ему вместо медеплавильного устроить “минеральные заве-

дения”, но предписал считать их “имеющими от казны пособие”. 21 сентября 1831 г. Сенат утвердил это мнение совета⁸²³. Таким образом, П. А. Глазов вышел победителем в длившейся целое десятилетие борьбе за право владения заводами и крестьянами, хотя расплатился за это изменением юридического статуса своих предприятий, из владельческих переведенных в посессионные.

Но время, по-видимому, было упущено, и восстановить хозяйство он оказался уже не в силах. Как впоследствии писали его преемники, “смута, которая возбуждена была между крестьянами Богословского завода... разорила его заведения и вынудила его к продаже всего имения”. Произошло это 13 сентября 1834 г. По заключенной тогда купчей коллежский асессор Петр Андреевич Глазов (по-видимому, к этому времени он остался единственным владельцем) продал бывший Богословский медеплавильный завод и при нем заводы селитренный, Покровский купоросный и Воздвиженский поташный с деревнями Богословской и Киригач с 263 рев. д. заводских и 162 рев. д. помещичьих крестьян камергеру П. И. Шелашникову. За все имение было заплачено 300 тыс. руб. и 20 тыс. руб. за приготовленные припасы. Долг Заемному банку Шелашников принимал на себя⁸²⁴. Тем и завершилось 75-летнее владение тремя поколениями рода купцов и дворян Глазовых Богословским медеплавильным и селитренным заводом на Урале.

16. Хлебниковы – А. П. Полторацкая

Благовещенский медеплавильный и Нязе-Петровский чугуноплавильный и железоделательный заводы в начале XIX в. находились во владении дворянского рода Хлебниковых. Первый завод располагался в Уфимском уезде Оренбургской губернии и принадлежал коллежскому асессору Николаю Петровичу (дворянский диплом выдан 7 июля 1805 г.), получившему его по наследству от отца генерал-аудитор-лейтенанта Петра Кирилловича Хлебникова в 1777 г. Второй, находившийся в Красноуфимском уезде Пермской губернии, достался его матери Ирине Яковлевне в 1787 г. после смерти ее отца сызранского (позже петербургского) купца Я. С. Петрова. 30 декабря 1792 г. она получила “отказную книгу” на это имение как “на дворянскую собственность”⁸²⁵.

25 апреля 1806 г. Н. П. Хлебников неожиданно скончался, не будучи женатым. Наследниками его остались мать и родная сестра Анна Петровна, бывшая замужем за статским советником Дмитрием Марковичем Полторацким, приходившимся дядей известной А. П. Керн⁸²⁶. Помимо Благовещенского завода со слободой Николаевской, наследуемое имение включало три дома в Москве, Истинско-Залипьяжский железный завод и две игольные фабрики с деревнями в Рязанской, бумажную фабрику в Петербургской, села и деревни в Саратовской и Пензенской губерниях. Однако из-за расстроенных финансовых

дел умершего владельца (который незадолго до своей смерти хотел заложить Благовещенский завод) неуральская часть имения состояла в закладе во Вспомогательном банке и Московском Опекунском совете. “По причине болезни” Ирина Яковлевна решила отказаться от своей доли наследства сына и 8 августа 1806 г. подала прошение в Московскую гражданскую палату, которым отписала ее “во всегдашнее владение дочери”. По именному указу от 18 ноября 1807 г. А. П. Полторацкая была признана законной и единственной наследницей своего брата и владелицей всего его имения⁸²⁷.

Вскоре И. Я. Хлебникова лишилась и своего Нязе-Петровского завода. 12 февраля 1808 г. она заключила условие на его продажу с вольским купцом Л. И. Расторгуевым. Тогда покупатель передал владелице 200 тыс. руб. “за наличные материалы и долги крестьян”. Получив разрешение Горного департамента, 15 октября 1809 г. в Москве зять Хлебниковой Д. М. Полторацкий совершил с купцом купчую крепость, по которой Нязе-Петровский завод был продан вместе с 456 рев. д. мастеровых и 564 рев. д. крепостных крестьян, уступленных матери дочерью Анной и переведенных на завод из принадлежавшей той в Уфимском уезде Николаевской слободы. Покупка обошлась Расторгуеву еще в 450 тыс. руб., которые он должен был заплатить частями до 1811 г. При заключении сделки в качестве свидетелей присутствовали князь В. П. Долгорукий, С. В. Толстой, А. А. Чесменский, Ф. И. Левашев и другие знатные и высокопоставленные лица из окружения бывшей купеческой дочки⁸²⁸.

Формальным препятствием к утверждению купчей оказались полученные из Пермского Горного правления сведения об учиненном якобы на имения Хлебниковой запрещении по нескольким “требованиям”. Однако вскоре выяснилось, что горная недоимка за 1802 г. (8534 руб.) уже выплачена, так же, как и 100-тысячная ссуда под залог Нязе-Петровского завода, взятая в 1806 г. из Екатеринбургского монетного двора с переводом платежа в Санкт-Петербургское казначейство. По предъявленному в 1801 г. к оплате векселю на 37,1 тыс. руб., как стало известно, Хлебникова представила в залог имение в Рязанской губернии с двумя игольными фабриками и деревней Городецкой. Поскольку на имение не было наложено запрещения на продажу, а долги погашены, сделка между И. Я. Хлебниковой и Л. И. Расторгуевым была утверждена в июле 1810 г.⁸²⁹

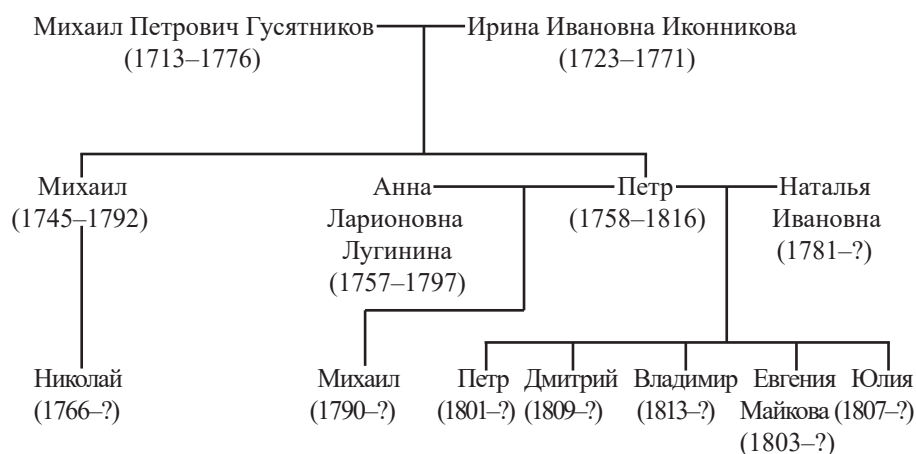
Благовещенский завод оставался во владении дочери Хлебниковых Анны Петровны Полторацкой 29 лет. Общее управление до своей смерти в 1818 г. осуществлял ее муж через поверенного купца Старикова и приказчиков. Производительность завода год от года резко колебалась, сократившись с 8385 пуд. в 1808 г. до 2240 пуд. в 1835 г. в основном из-за трудностей с заготовкой руды, добываемой в отдаленных на 120–300 верст рудниках. В 1813 г. завод и вовсе был временно остановлен, что привело к волнению рабочих, лишенных пропитания от этого и от того, что по указанию управляющего были распаханы выгоны и сенокосные места. Дополнительная выдача провианта и репрессии властей сняли социальное напряжение, но не улучшили положение завода⁸³⁰.

Когда в начале 1820-х гг. выплавка меди стала особенно низкой (886 пуд. в 1825 г.), владелица решила часть крестьян перевести на хлебопашество. В 1823 г. Горный совет Министерства финансов принял постановление, по которому Полторацкая могла это сделать с условием платить подати “не менее как с 2 тыс. пуд. меди, доколе действительная выплавка оной не будет превышать сего количества, когда же превысит оное, то в сем случае платила бы с того, что будет действительно выплавлено”. Хотя эти условия были приняты владелицей, быстро восстановить производительность до установленной нор-

мы не удалось. В 1824 г. Анна Петровна уже просила разрешения заложить завод с 1020 рев. д. крепостных в Государственном Заемном банке. 28 мая 1825 г. залог состоялся. Владелица получила ссуду в размере 306 тыс. руб. асс. с рассрочкой на 37 лет. Видимо, это помогло поднять производство, до середины 1830-х гг. не опускавшегося ниже 2 тыс. пуд. В те же годы некоторые затруднения, связанные с определением статуса завода, основанного купцом, возникли по делу о “разборе прав” частных заводчиков⁸³¹.

В 1835 г., будучи уже в пожилом возрасте (63 лет), Анна Петровна решила продать доставлявший ей много хлопот уральский завод. 20 июля ее поверенный генерал-майор Л. О. Гурко с согласия Горного департамента и Заемного банка заключил в Петербургской гражданской палате сделку с женой экс-министра юстиции Е. В. Дашковой. Благовещенский завод с 1441 рев. д., 22 237 дес. земли и 153 рудниками был оценен в 576 400 руб. асс., включая и обязательства Полторацкой по займу 1825 г. К тому времени сумма банковского долга составляла 267 520 руб.⁸³² На следующий год мужу новой владелицы Д. В. Дашкову была продана и принадлежавшая Полторацкой Николаевская слобода, крестьяне которой издавна использовались “в пособие заводу”. На заводское производство шел также лес, растущий на слободской земле (30 508 дес.)⁸³³. После заключения этих сделок род Хлебниковых–Полторацких выбыл из состава уральских заводоладельцев, в котором состоял с 1772 г.

17. Гусятниковы

К роду богатейших московских купцов и именитых граждан принадлежал владелец Преображенского медеплавильного завода Петр Михайлович Гусятников. По купчей, заключенной 19 июня 1789 г., он приобрел этот южно-уральский завод с 615 рев. д. у оренбургского именитого гражданина Д. К. Крашенинникова за 200 тыс. руб.⁸³⁴ Склонность к предпринимательству он унаследовал от своих отца и деда, занимавшихся вместе с С. Я. Яковлевым питейными откупами, торговлей, владевшими шляпной и текстильными мануфактурами, частью Большого суконного двора в Замоскворечье, многочисленными лавками и домами. Сам Петр Михайлович, кроме завода, владел еще доставшейся ему по наследству половиной Клишинской ревендуковой и полотняной мануфактуры в

Зарайской округе Рязанской губернии (другая половина принадлежала его брату Сергею), девятью торговыми лавками и двумя домами в Москве⁸³⁵. Однако банкротство западноевропейских торговых фирм после Великой Французской революции, в операциях которых активное участие принимал П. М. Гусятников, едва не привело его к полному разорению. Общая сумма долгов именитого гражданина иностранным и российским кредиторам достигала в 1796 г. огромной суммы в 1 509 801 руб.⁸³⁶

Из переписки Коммерц- и Берг-коллегий за 1797 г. следует, что Гусятников “многими в обширной его торговле несчастными случаями приведен был в то прискорбное положение, что не мог заимодавцам своим заплатить деньги в назначенное время”. После прекращения своих торговых операций он мог рассчитывать только на доходы от Преображенского завода и Клишинской мануфактуры. Но Гусятников “не был столько щастлив, чтоб достигнуть своего намерения и сим образом удовольствовать своих заимодавцев”, поскольку не сумел “собрать нужных сумм для содержания и поправки медеплавильного завода”. Тогда “генеральный королевско-шведский агент” Конрад Адриан де Гассельгреен (в документах встречается также написание Гассельгроссен) от имени “главных заимодавцев” Гусятникова амстердамского торгового дома Яна и Карла Гассельгреенов и лондонского торгового дома Шнейдеров и К^о (которым купец задолжал 182 349 руб.) “вызвался ссудить его под довольное споручательство нужными суммами для заводского действия с условием возвращения их из будущей прибыли”. По контракту на время сделки владелец отстранялся от управления заводом. Третейский суд, составленный из представителей Коммерц- и Берг-коллегий, признал контракт полезным, а Гусятников отказался от личного распоряжения предприятиями “по крайней мере с 1 июня 1796 г. по 2 августа 1800 г.”. Иностранные банкиры пошли на это соглашение, полагая, видимо, что предоставленное в их распоряжение имение является достаточным залогом, поскольку по балансам вместе с землей и крепостными оно оценивалось в 2 070 528 руб.⁸³⁷

В феврале 1796 г. контракт был подписан и 29 мая 1797 г. утвержден Сенатом. Управление Преображенским заводом перешло “неограниченно” племяннику владельца Николаю Михайловичу Гусятникову “как выбранному с его стороны комиссионеру” и “Доути, Кнауф и К^о” как поверенным Гассельгреенов и Шнейдеров. По условиям договора, выплавленная на заводе медь продавалась “обще через означенных комиссионеров”, за что Доути и Кнауф получали 2 %, а Н. М. Гусятников добровольно отказался “от всякой для себя комиссии”. Как свидетельствуют документы, Доути и Кнауф взяли на себя эту обязанность “единственно из угождения благодетелям своим де Гассельгроссен и Шнейдер”, отчитывались только перед своими “препоручителями”, а те, в свою очередь, “обещали за них отвечать и везде защищать их деяния”.

Николай Михайлович Гусятников позже утверждал, что был “избран и упрошен дядею его для охранения со стороны его интересов без всякого за сие награждения” и, вероятно, просто для отвода глаз. Известно, что он первым среди Гусятниковых сумел приобрести дворянское звание, служил в гусарском полку, получил университетское образование, был одним из учредителей Московского общества сельского хозяйства и к тому времени уже отошел от предпринимательской деятельности⁸³⁸. Сам он признавался позже, что проживал не в столице, где находилось главное управление имениями дяди, а в селе Елдигине Дмитровской округи Московской губернии и “поручил вместо себя наблюдение иметь ему, дяде его, как человеку безсездно живущему в Москве и наиболее всех других обязанному пешись о платеже долгов своих”. Получалось так, что, вопре-

ки условиям контракта, фактическое управление предприятиями отчасти оставалось в руках Петра Михайловича. Он, сообщал племянник, ежедневно, “кроме праздничных дней”, приезжал в контору и рассматривал присылаемые заводские рапорты. Сам же “комиссионер”, бывая в Москве “по несколько раз в году”, получал от него сведения о течении дел и имел “единственно только поверхностный надзор”.

По условиям контракта, прибыль от продажи металла должна была распределяться между иностранными покровителями владельца за снабжение ими завода капиталами, а остаток шел “на платеж прочим заимодавцам”. Но в 1801 г. московскому губернатору были поданы прошения “иностранных фабрикантов” Вильденштейна, Каллера, братьев Фабрициус и Пастор, которые сообщали, что получаемая с 1798 г. “весьма великая” прибыль с завода не поступает на расчет по долгам Гусятникова, задолжавшего им 11 736 “флоринов и крейцеров голландской монеты”. Кредиторы просили “освидетельствовать имение должника для продажи его в удовлетворение их долгов”.

Вскоре подобные прошения поступили и от российских кредиторов (которым Гусятников задолжал 178 737 руб.) купцов Пищальникова, Находина, Коробова, Иванова, Плотникова, почетного гражданина Кирьякова, коммерции советников Жигарева и Уварова, титулярной советницы Долговой и даже действительного тайного советника Петрово-Соловово, опекуна малолетних воспитанников графа Федора Орлова. “Комиссионеры, владея заводами пять лет, – утверждали они, – не платили нам долгов”. В то же время кредиторы узнали, что при заключении контракта были скрыты торговые лавки и два дома Гусятникова в Москве (стоимостью до 200 тыс. руб.), немалые доходы от которых шли только владельцу и комиссионеру Кнауфу “без всякого на то кредиторов согласия и по одному своевольту”. На эти обвинения “комиссионеры” отвечали, что истратили немалую сумму “на приведение завода в исправность и на покупку нужных надобностей”, а также вынуждены были уплатить в казну недоимки прежних лет в размере 105 тыс. руб. Они обещали начать отчисления кредиторам, предлагая в год выдавать по 5 % на рубль. Рассчитав, что такими темпами займы будут выплачены “ровно через 100 лет, а о процентах и помянуть уже нет надежды”, кредиторы первоначально отказались от предложенных условий⁸³⁹.

Но после того как срок контракта истек (2 августа 1800 г.), а его главное условие (расчет с кредиторами) оказалось невыполненным, никаких существенных перемен не произошло. Как позже сообщал Н. М. Гусятников, “по 12 пункту постановления осталось заводское правление по-прежнему, а кредиторы не только никого на место Кнауфа другого комиссионера не избрали, но и на продолжение их управления заводом были согласны, что доказывается их молчанием в течение 10 лет”. Возможно, на изменение позиции кредиторов повлияло получение А. А. Кнауфом в бессрочную аренду казенных Златоустовских и покупка Юговских заводов на Урале. Главное же, утратившим всякую надежду кредиторам начали наконец поступать выплаты по ссудам. Завод в то время действовал достаточно эффективно, выплачив с 1801 по 1810 г. 136 тыс. пуд. меди⁸⁴⁰. В 1811 г. Николай Михайлович свидетельствовал, что “капитальная сумма долга от конторы Кнауф и К° почти вся, а по некоторым [долгам] лично дядей его, заплачена” и если бы Кнауф “по собственным своим делам не пришел в упадок” и не был вынужден “более уже года” отлучиться в Петербург, то и все остальные долги были бы уже выплачены.

Вновь, как и прежде, положение купца Кнауфа отразилось на его участии в управлении Преображенским заводом. Но на этот раз отразилось негативно. Торгующие медью купцы жаловались, что Кнауф вместе со своим “наследником” московским купцом Антоном Стольме заключил с ними контракты на поставку 10 тыс. пуд. меди и получил 300 тыс. руб., но “выдал только 3 тыс. пуд., а от остальных 7 тыс. отказался”. Они требовали, чтобы купец поставил им металл вместо Преображенского с его Златоустовских заводов, но он не мог этого сделать, поскольку как раз в 1811 г. эти заводы были отобраны у Кнауфа в казну, а он и купец Доути “объявили сами о себе в платеже долговых на них претензий до 7 млн руб. неисправными”.

Хотя тогда Н. М. Гусятников и А. А. Кнауф объявили властям, что, несмотря на трудности, согласны управлять заводом до выплаты всех долгов с процентами, купцы требовали от магистрата наложить запрещение на имение Гусятникова. Их также возмутил тот факт, что Кнауф, Стольме и Конрад де Гассельгреен были “выпущены из Москвы и с имением их не поступлено по силе Банкротского устава” (то есть оно не описано и не продано), а П. М. Гусятников выбран московским купеческим обществом на должность заседателя в совместном суде, “когда, – возмущались обманутые торговцы, – он не оплатил еще всех на нем состоящих долгов и имение его состоит в управлении кредиторов”. Купцы настаивали, что в таком случае контракт с ними должен исполнить второй комиссионер Н. М. Гусятников. В ответ тот попросил горное начальство уволить его от должности. “Я вошел в управление заводом по просьбе дяди своего без всяких интересов, – напоминал Николай Михайлович, – а потом за небытием в Москве поручал [управление] ему же; теперь же по стечению собственных дел и болезненного состояния нахожусь себя в невозможности участвовать в сем деле”.

Рассмотрение поступившего в Сенат дела в связи с войной растянулось на несколько лет. Лишь 9 февраля 1814 г. последовал указ, предписавший Н. М. Гусятникову оставаться на своей должности до решения дела о непоставленной меди и просить отставки у тех, кто его назначил. Петру Михайловичу было указано выбрать нового комиссионера, если он не хочет отказаться от завода и половины его парусинной фабрики⁸⁴¹. Он так и поступил, официально назначив управляющим своего сына от первого брака (с А. Л. Лугининой) коллежского секретаря Михаила Петровича Гусятникова, который с 1809 г. по делам службы проживал в Оренбурге (где был записан в дворянскую книгу) и уже с того времени фактически управлял заводом⁸⁴².

В 1816 г. московский купец 1-й (по другим данным – 2-й) гильдии Петр Михайлович Гусятников умер, оставив уральский завод своим многочисленным наследникам – вдове Наталье Ивановне (его второй жене), взрослому сыну от первого брака Михаилу и малолетним сыновьям и дочерям от второго брака Петру, Дмитрию, Владимиру, Евгении и Юлии. Московским сиротским судом над детьми была учреждена опека в лице матери, старшего единокровного брата и надворного советника В. В. Берга⁸⁴³.

По-видимому, между опекунами уже тогда возникли разногласия по управлению наследственным имением. Во главе заводской конторы были поставлены служители В. Клокотин (от М. П. Гусятникова, которому тот приходился свояком) и Ф. Валявин (от вдовы и Берга). Но фактически управление оставалось за Михаилом Петровичем, по-прежнему проживавшем в Оренбурге. Вследствие этого, жаловались опекуны, “все по заводской и рудничной конторам распоряжения зависели от одной его воли и основывались на изустных его приказаниях и предписаниях и приводились в исполнение

Клокотиным... без участия в том Валявина, бывшего всегда от завода по поручениям его в отлучке”. Они же утверждали, что Гусятников и Клокотин “допускали злоупотребления... а завод постепенно расстраивался и накапливал на себе долги”. Когда в декабре 1820 г. В. В. Берг посетил завод, то нашел его “без хлеба, без денег, без руд и без доверия”. “В прикрытии таковых своих действий, – жаловались опекуны, – Гусятников хоть и соглашался на выдел, прося на часть себе 250 тыс. руб. в домах, состоящих в Москве, но после много раз переменя свои требования и увеличивая сумму, поставил себе правилом не только не принимать никакого участия в делах опеки, но даже препятствовал действию прочих опекунов”. Мало того, в мае 1821 г. вместе с Клокотиным Михаил Петрович уехал в Петербург, “оставя завод в расстроенном положении и без денег”. А летом того года случился в Оренбуржье неурожай хлеба. Осенью и зимой к заводскому исправнику неоднократно “являлись” рабочие, утверждавшие, что “немалое уж назад тому время” они не получают ни жалования, ни достаточного количества провианта, отчего “претерпевают в содержании своем крайность и даже самый голод”⁸⁴⁴. Это было очень серьезное обвинение, по поводу которого завязалась интенсивная переписка.

Пермское Горное правление обратилось к опекунам с требованием выслать денег “на производство завода и заготовление хлеба”. Михаил Петрович, получивший недавно чин титулярного советника, под предлогом того, что опекуны не предоставляют ни ему, но сиротскому суду никаких сведений и отчетов, снял с себя всякую ответственность за последствия своего же собственного управления. Наталья Ивановна и Берг, со своей стороны обвинив в случившемся Михаила Петровича, сообщали, что выслать деньги не могут, “ибо и малолетние дети Гусятникова содержатся в долг и терпят во всем нужду”. Тем не менее они не устранились совершенно от решения финансовых проблем и в одностороннем порядке разрешили продавать “наличную” медь непосредственно на заводе, а вырученные деньги тратить на заготовку провианта рабочим людям. Но поскольку этих денег оказалось недостаточно, они подали несколько просьб в Горное правление и Горный департамент о выдаче в пособие 10 тыс. руб. или залоге Преображенского завода с 1373 рев. д. за 100 тыс. руб. С санкции Сената они попытались также заложить московский дом, но получили отказ от сиротского суда по причине того, что М. П. Гусятников не подписал ходатайство⁸⁴⁵.

Рассмотрев это дело, 6 марта 1822 г. Горный департамент постановил “удалить Михаила Гусятникова от опеки с тем, чтобы прочим опекунам доставить возможность действовать в пользу завода беспрепятственно и изыскивать средства к скорейшему разделу или по крайней мере к выделу его, так как он сделал уже на сие вызов”. Кроме того, под залог завода была выделена ссуда в 25 тыс. руб. “в счет сумм непременных работников Богословских заводов”. Управляющим был назначен коллежский советник Г. И. Корелин, а после его смерти в 1824 г. сын – губернский секретарь И. Г. Корелин. Последний утверждал, что и дед его прежде исполнял ту же должность (И. А. Корелин был также поверенным А. А. Кнауфа).

С этого времени дела Преображенского завода действительно стали понемногу поправляться. В 1826 г. Корелин сообщал, что завод “приведен в прежнее цветущее положение и уже служит примером и образцом для прочих оковых частных заводов”. Выплавка меди тогда увеличилась более чем вдвое, достигнув 12 718 пуд., рабочие своевременно снабжались “всем необходимо нужным” и даже начались выплаты казенных недоимок. Параллельно Корелину пришлось отбиваться от обвинений заводских исправников Ус-

тинова и Поступальского и комиссии Оренбургского земского суда, направленной летом 1825 г. для следствия по делу о голоде 1821 г. и жалобе двух заводских крестьян, поданной Александру I во время его посещения Оренбурга в 1824 г. Комиссия признала-таки недостаток денежных плат на Преображенском заводе, но к тому времени у владельцев уже появилась возможность реально поправить состояние своих крепостных. Хотя они не были согласны с выводами комиссии, поскольку считали, что у мастеровых есть “значительное хлебопашество и скотоводство” и “разные к платам льготы и пособия”, в 1827 г. определили “в прибавку к платам трудолюбцам уделить тысячу из выплавленных почти 13 тыс. пуд. меди”⁸⁴⁶.

В январе того года Наталья Ивановна от себя и старшего сына “коллежского переводчика” Петра Петровича писала своему управляющему: “Я Вам уже давно сообщала, чтобы делали сие мнение [“о содержании людей”] по Христиански, как Вы этого сами желаете и как я хочу непременно, чтобы люди, под нашим покровительством находящиеся, всегда содержимы были; я теперь еще повторяю, ради Бога сделайте так, чтобы все состояния заводских людей наших не имели резону тяготиться жизнью, тогда и нам будет веселее и они прибавят еще усердия”. Кроме увеличения почти вдвое заработных плат, мастеровым были прощены долги, достигавшие 135 тыс. руб., образована “экстраординарная сумма” в 3 тыс. руб. на помощь пострадавшим от падежа скота, пожара или неурожая, определены пенсии отставным служащим и их вдовам, установлены сроки увольнения людей от заводских работ для отдыха и сельскохозяйственных занятий от 45 (у “фабричных”) до 86 (у “урочников”) дней. Учитывая все эти меры, 17 февраля 1827 г. Горный департамент указал остановить следствие по жалобам крепостных Преображенского завода, предписав, “дабы плата за работы и содержание мастеровых... были по крайней мере производимы не в меньшем количестве, как на заводах казенных, и были бы в полной мере достаточны”⁸⁴⁷.

Через три года состоялся и долгожданный раздел имения. 19 июня 1830 г. между совладельцами в Московской палате гражданского суда был совершен раздельный акт, по которому надворный советник Михаил Петрович Гусятников отказывался от участия во владении заводом, оставив его мачехе и трем сродным братьям – титулярному советнику Петру, Дмитрию и все еще находившемуся под попечительством матери Владимиру. Дочери к этому времени уже были выданы замуж и не претендовали на наследство. В то время при заводе и трех деревнях числилось по 7-й ревизии 1373 рев. д., ему принадлежали 101 119 дес. земли, 176 рудников и выплавлялось (из 5-летней сложности) по 10 537 пуд. меди в год⁸⁴⁸.

В руках четырех владельцев завод находился восемь лет. О вновь наступившем финансовом неблагополучии завода в эти годы говорят факты залога и накопления новых частных долгов. Так, 10 мая 1832 г. Преображенский завод с 1360 рев. д. был заложен в Государственном Заемном банке за 314,3 тыс. руб. и дополнительно 24 июля 1834 г. еще на 21,1 тыс. руб. Из полученных средств был вычтен долг майорше Скрыбиной в 137 тыс. руб., что косвенно свидетельствует о причине залога. В том же 1832 году была взята и не возвращена ссуда в 25 тыс. руб. из Уральского Горного правления. В 1833 г. на Гусятниковых были поданы иски по двум невыполненным контрактам с московским купцом А. Я. Савельевым на поставку меди.

В то же время в 1835 и 1836 гг. владельцы “с компаньонами” заключили два контракта с башкирами Бурзянской и Тургоряжской волостей на право добычи в их землях “благородных металлов, цветных и драгоценных камней и всяких других ископаемых произведений”. В коротоме у Гусятниковых также оказались земли Телевской волости, где у них с башкирами были какие-то “дела”. Все эти факты свидетельствуют об отходе от заводского дела наследников П. М. Гусятникова. Они предпочли статскую службу купеческим занятиям. Известно, что не только Михаил, но и остальные сыновья П. М. Гусятникова были “уволены” из купечества, получили университетское образование и дослужились до чинов, дававших право на дворянство. Тем не менее по делу “о правах заводчиков” Уральское Горное правление в 1836 г. пришло к выводу о необходимости перевода Преображенского завода из состава владельческих в посессионные на том основании, что ни Гусятниковы, ни прежние его владельцы не имели дворянского звания⁸⁴⁹. В итоге все это вылилось в продажу завода.

7 марта 1838 г. по доверенности от 1-й гильдии московской купеческой жены Натальи Ивановны и ее сыновей коллежского асессора Петра, канцеляриста Владимира и состоявшего на службе в канцелярии Орловского военного губернатора Дмитрия Петровичей Гусятниковых майор Н. А. Майков (академик живописи и муж Евгении Петровны Гусятниковой) совершил в Петербургской гражданской палате купчую крепость. Преображенский завод с 1659 рев. д., деревнями Петровской, Аннинской и Александровкой, землями, рудниками и золотыми приисками был продан флигель-адъютанту М. В. Пашкову за 2 млн руб. асс. В сумму продажи вошли 8262 руб. неуплаченной казенной подати за 1837 г. и 82 387 руб. долгов “разным заводским и посторонним людям”. На покупателя переводился также банковский долг за залоги 1832 и 1834 гг. и долг Горному правлению. Он же брал на себя обязанность рассчитаться по контрактам с купцом Савельевым⁸⁵⁰. Так завершилось владение московских купцов Гусятниковых Преображенским медеплавильным заводом, вследствие чего их род вышел из состава уральских заводчиков.

18. Ширяевы и К. С. Мордвинова

Купцы города Гороховца Ефим и Сергей Алексеевичи Ширяевы превратились из потомственных винокуров в уральских заводчиков, купив в 1767 г. Нижний и Верхний Шайтанские заводы у Н. Н. Демидова, который был женат на их родной сестре Софье. После гибели Ефима в 1771 г. заводы находились в собственности брата Сергея и его племянников до 1786 г., когда по сделке между ними оказались в единоличном владении С. А. Ширяева. По свидетельству Н. И. Павленко, он умер в 1803 г., оставив заводы, выделявшие до 53 тыс. пуд. железа, сыну Александру Сергеевичу Ширяеву⁸⁵¹.

В 1798 г. отставной майор проживал в Екатеринбурге или принадлежавшем ему селе Тюбук, ведя разгульную жизнь и, по выражению знавшего его протоиерея Ф. Л. Карпинского, “шалил много”⁸⁵². Он недолго владел заводами. В начале 1808 г. Ширяев подал царю прошение, в котором “изъявлял невозможность свою продолжать без казенного пособия действие двух Шайтанских заводов”. Владелец предлагал взять их “в управление горного начальства с тем, дабы с них же получить и выданные ему из Екатеринбургского казначейства... 25 тыс. руб. с узаконенными процентами”. Заинтересованность в таком решении проявил министр финансов Ф. А. Голубцов, и в итоге Александр I удовлетворил просьбу несостоятельного заводчика. 25 января последовал именной указ о взятии Шайтанских заводов “в казенное ведомство” с назначением туда для управления чиновника⁸⁵³.

В Пермском Горном правлении первоначально решили, что Шайтанские заводы переходят в собственность казны, и передали их в ведение горного начальника Екатеринбургских заводов. Однако вскоре из столицы пришло разъяснение, что “надзор за партикулярными заводами должно иметь Горное правление, а горные начальники управляют казенными заводами, каковыми Шайтанские... почесть нельзя”. Это означало, что заводы Ширяева изымались не из собственности владельца, а лишь из его управления и должны были финансироваться государством. 1 марта 1808 г. для приема заводов в казенное управление был назначен берг-советник Походяшин, а при приеме заводского имущества – гиттенфервальтер Циммерман. Прибыв на заводы, они должны были объявить служащим, мастеровым и рабочим людям царский указ, привести их к присяге на верность императору и “отобрать казну, наличные металлы, припасы и все вообще имущество”.

“Все имущество” оказалось довольно большим, оцененным Походяшиным на сумму в 266 557 руб. Но “отобрать казну” не удалось из-за отсутствия таковой в конторе, да и припасов на заводское действие и содержание населения оказалось “по крайне малому числу, а дров на выжиг угля в куренях и вовсе нисколько”. Казенные управляющие сразу запросили 20 тыс. руб. на “самонужнейшие расходы” и рассчитали, что всего за год потребуется истратить более 75,5 тыс. руб. Мало того, в это же самое время поступили прошения с исками на 19 334 руб. от частных кредиторов Ширяева, которым пришлось отказать, “объявив, что приступить к удовлетворению их нельзя до тех пор, пока не выручится казенный долг”⁸⁵⁴. У горного начальства явно намечались проблемы со взятыми в управление частными заводами.

Но события стали развиваться по иному сценарию. 17 августа 1808 г. в Петербурге скончался Александр Сергеевич Ширяев, не оставив наследников по прямой линии. Горные власти решили, что теперь Шайтанские заводы перейдут в полную их собственность и даже пообещали частным кредиторам умершего владельца удовлетворить их “из будущей выручки за железо”. Однако в августе 1809 г. в Горный департамент поступило письмо от статского советника Николая Назаровича Муравьева, в котором он уведомлял, что наследницей майора Ширяева является его родная сестра Катерина Сергеевна, по мужу полковница Мордвинова (упоминания о ней и ее муже Николае Михайловиче Мордвинове встречаются в воспоминаниях Н. Н. Муравьева-Карского, который приходился им племянником)⁸⁵⁵, которая, “будучи по слабости своего здоровья не в силах распоряжаться оным имуществом”, доверила ему ведение своих дел. К письму было приложено свидетельство о ее родстве с Ширяевым, заверенное поручителями с громкими именами

из окружения дочери гороховского купца, породнившейся с кланами Мордвиновых и Муравьевых, – обер-шенка графа М. П. Румянцева, генерала от артиллерии А. И. Кирсанова и действительного статского советника М. И. Полетики⁸⁵⁶.

29 декабря 1809 г. царь повелел отдать Мордвиновой два Шайтанских завода “с тем, чтобы она все деньги казенные, для поддержания действия сих заводов употребленные, заплатила сполна”. Муж и генерал Кирсанов “вызвались ответственать за нее собственным их именем”. К тому времени казна уже вложила в переданные Екатерине Сергеевне заводы 124 798 руб., но к 17 апреля 1810 г., когда флотский капитан-лейтенант А. Я. Привалов по доверенности от владелицы принял от казны управление заводами, в долгу оставалось уже только 47 519 руб., хотя, по свидетельству Горного правления, заводы и при казенном управлении работали в убыток. Так, в 1809 г. за проданные 40 017 пуд. железа на Макарьевской ярмарке и в Таганрогском порту было выручено всего 53 699 руб., чего не хватало даже на содержание завода⁸⁵⁷.

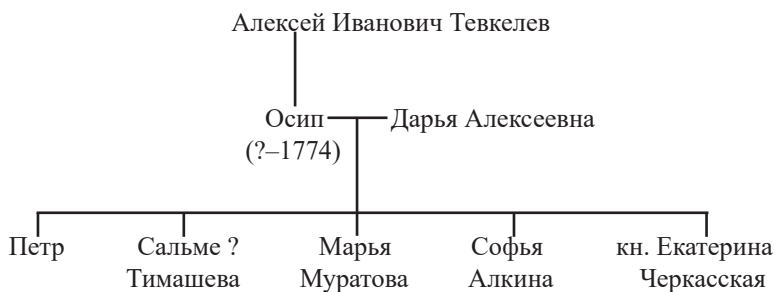
Понятно, почему новая владелица не захотела надолго оставлять в собственности убыточное имение, тем более, что уже нашелся на него покупатель. Оказывается, еще до передачи Мордвиновой наследства брата она уже заключила предварительный договор о продаже заводов, суливший некоторую прибыль. 1 ноября ее поверенный Муравьев совершил в Петербурге сделку с московским купцом М. Ф. Ярцовым, от лица которого выступал его сын Иван. Вместе с двумя заводами и 622 рев. д. в продажу поступали расположенное в том же Екатеринбургском уезде село Богословское (Тюбук) с 80 рев. д. и господские дома в этом селе и Екатеринбурге. По договору, золотые и серебряные вещи, а также книги и гардероб брата Катерина Сергеевна оставляла себе. Ей же предстояло расплачиваться по казенным и частным долгам бывшего владельца. За заводы Ярцов обязался заплатить 230 тыс. и за село 70 тыс. руб., из которых 20 тыс. руб. давалось в задаток, 180 тыс. руб. выплачивалось при совершении купчей через четыре месяца, а 100 тыс. руб. стороны договорились отсрочить на семь лет “с приложением каждый год на рубль по 5 %”⁸⁵⁸.

Но прошло полгода, прежде чем была совершена купчая. Задержка произошла из-за осложнений, возникших при продаже села Богословского. Предусмотрительный купец решил на его покупку вместе с заводами, поскольку понимал, что не сможет приобрести это населенное вотчинное имение отдельно от них. Майор Ширяев еще в 1793 г. купил его у коллежской советницы А. Е. Карамышевой, которой село досталось от отца надворного советника Е. Я. Яковлева, а тому – по наследству от брата бергешворена П. Я. Яковлева. 10 тыс. дес. земли, причисленные к селу, были приобретены Яковлевыми еще в 1754 г. у известного на Урале коллежского советника Никифора Клеопина⁸⁵⁹.

Горный совет департамента, на экспертизу которого было передано это дело, согласился вначале лишь на продажу заводов, а решение вопроса о селе Богословском отправил на усмотрение Пермского Горного правления. Однако освидетельствование села было отложено, поскольку “некого было послать”, и потому 2 мая 1810 г. К. С. Мордвинова и М. Ф. Ярцов заключили купчую только на Шайтанские заводы. Хотя из суммы сделки были вычтены казенные и частные долги заводов и их бывшего владельца, Катерина Сергеевна в накладе не осталась. Почти через пять лет, 11 февраля 1815 г., была наконец совершена разрешенная сделка и на село Богословское, которая принесла ей еще 70 тыс. руб. При подписании купчей присутствовал не только муж владелицы, но и его родственник бывший морской министр и председатель Департамента экономии Госу-

дарственного Совета знаменитый адмирал Н. С. Мордвинов⁸⁶⁰. Так в 1815 г. окончательно завершилась история заводского предпринимательства купцов и дворян Ширяевых и их наследницы.

19. Тевкелевы

Небольшой Варзино-Алексеевский медеплавильный завод, расположенный в Елабужском уезде Вятской губернии, в начале XIX в. принадлежал потомкам основателя — генерал-майора А. И. Тевкелева (по рождению представителя знатного татарского рода). По свидетельству С. Т. Аксакова, изложившего в “Семейной хронике” романтическое предание (события которого он отнес к началу 1790-х гг.) о побеге “прекрасной татарки” Сальме Тевкелевой с русским офицером и богатым уфимским помещиком И. И. Тимашевым, семейство Тевкелевых “уже приняло тогда некоторую внешнюю образованность в образе жизни и говорило хорошо по-русски, но строго соблюдало во всей чистоте мусульманскую веру”⁸⁶¹.

Описывая историю владения заводом, внук генерала вице-вахмистр гвардейского конного полка П. О. Тевкелев в 1795 г. сообщал, что дед его Алексей Иванович “препроводил всю жизнь свою на службе Ее Величества по Иностранной коллегии на Оренбургской линии и в других заграничных и секретных комиссиях, равно отец секунд-майор Осип Тевкелев служил Отечеству во время бывшего в 1774 г. в Оренбургском краю замешательства, отряжен будучи от начальников для увещевания возмущившихся, убит на той службе ими”. На руках вдовы тогда остались полугодовалый сын Петр и четыре дочери, из которых старшей не исполнилось еще и 10 лет. Имения, в том числе и Варзино-Алексеевский завод, были разорены и разграблены. Майорша Дарья Алексеевна, бросив все имущество, бежала вместе с детьми. Сначала она жила в Казани и “в прочих безопасных местах”, а потом оказалась в Москве, где через графиню М. А. Румянцеву “удостоилась представленною быть с малолетними дочерьми пред Освященнейшей Ее Величества особой”.

Императрица не осталась безучастной к судьбе осиротевшей семьи погибшего офицера. Петр Осипович сообщал, что он и сестры получили хорошее воспитание и образование, а сестры впоследствии были удачно выданы замуж. Дарья Алексеевна смогла поправить положение в своих крепостных вотчинах, расположенных в Елабужской (469 рев. д.) округе Вятской, Белебеевской (411) и Мензелинской (25) округах Оренбургской и Касимовской (39) округе Рязанской губерний⁸⁶².

Но на заводе дела шли не лучшим образом. Видимо, вдова понадеялась на компаньона армянина Степана Даниловича Фитонова, с которым еще ее муж в 1770 г. заключил контракт на 20 лет по управлению заводом “из половинной части”. После смерти мужа Дарья Алексеевна заключила новые условия с Фитоновым. Но он, по словам П. О. Тевкелева, воспользовавшись “малолетством детей”, над которыми не была учреждена опека (“по неимению в Елабужской округе дворянства”) “употребил сие время в свою пользу, накопил как в меди, так равно... в податях... недоимку в 3814 руб. с копейками”. В 1781 г. Тевкелева “стараясь по всей возможности удовлетворить казне, все те деньги внесла сполна, но еще по незнанию своему, поелику все заводские дела были в руках Фитонова, переплатила 835 руб.”. Видя, что “недоимка по заводу взыскана с самой заводосодержательницы”, Фитонов “и наиболее стал нерадеть о заводе”, в результате чего к концу срока контракта вновь накопил недоимку в 1053 пуд. меди. Около 19 тыс. руб. он оказался должен казне и по шелковой мануфактуре в Москве, “содержателем” которой состоял вместе с купцами Шелковниковыми.

Поскольку ни Тевкелева, ни Фитонов не смогли сполна заплатить долги, а сократившаяся до 58 пуд. выплавка меди вовсе не гарантировала уплату недоимки “из заводской производительности”, в 1789–1790 гг. Варзино-Алексеевский завод был выставлен на продажу с публичных торгов. Для “содержания его во всегдашнем действии” через “пропечатывание в публичных ведомостях обеих столиц” трижды были вызваны желающие, но “никто не явился”. Тогда было арестовано имущество Фитонова, а сам он, несмотря на то, что просился отбыть “к Его Светлости грузинскому царю”, оставлен на заводе “за присмотром одного елабужской штатной команды солдата”. Его дом на заводе и личное имущество, включавшее иконы и книги “армянской печати” (русской грамоты он не знал), серебряные карманные часы, оправленный медью магнит, немецкое зеркало и подсвечник, шандал “из журавлиной ноги”, трубку и мраморную курильницу, пару пистолетов и портрет Павла I, были оценены всего в 417 руб. Вятская вотчина Тевкелевой также была секвестрована. Власти вынесли решение, что вместо несостоятельной помещицы должны были расплатиться с казной ее крестьяне, внося ежегодно по 3 руб. с каждой души⁸⁶³.

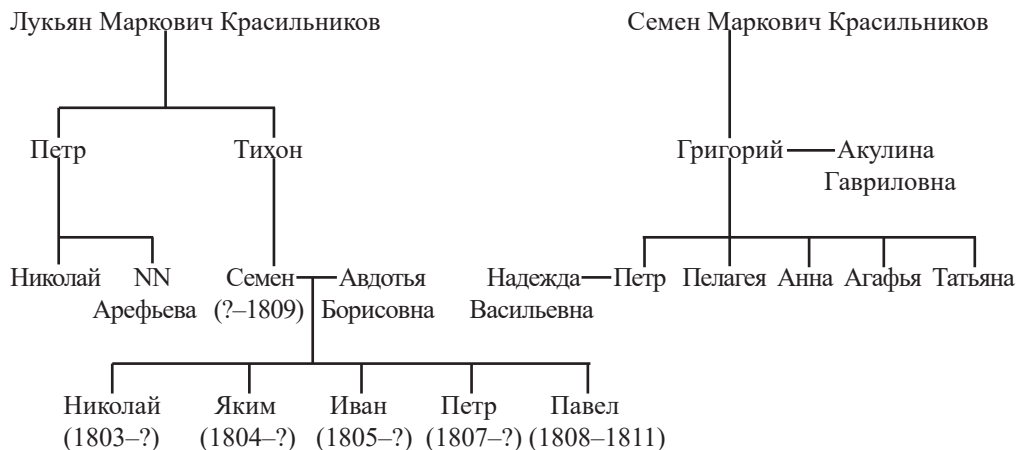
В 1793 г. Дарья Алексеевна произвела “полюбовный” раздел всего родового имения. За выделом вотчин дочерям (одна из которых, возможно “легендарная” Сальме?, уже умерла) – коллежской советнице Марье Муратовой, титулярной советнице Софье Алкиной и секунд-майорше княгине Екатерине Черкасской, Варзино-Алексеевский завод она оставила в совместной своей с сыном Петром собственности. По свидетельству последнего, раздробление всего имения не позволило ему расплатиться с казной “без крайнего своего разорения”. Получив в 1796 г. звание корнета Оренбургского драгунского полка, он вскоре отправился на службу. По его прошению Сенат провел “разбор дела” и 1 декабря 1796 г. сложил значительную часть числившейся на Тевкелевых недоимки, а уплату оставшихся долгом меди и денег (в том числе и относящихся на часть несостоятельного компаньона) рассрочил на восемь лет. В марте 1797 г. были отменены взыскания с крестьян, но имение осталось под запрещением. В отношении должника Фитонова в октябре того же года было принято решение о переводе его в Сарапул под присмотр городничего. Через год он просил отправить его с семейством обратно на завод, поскольку, как сам писал, “в содержании себя нахожу крайний недостаток, да и без призрения моего строение мое там опустошится”⁸⁶⁴.

Следующий год принес владельцам Варзино-Алексеевского завода (производительность которого в это время не превышала 300 пуд.) очередную беду. Приказчик Ф. Ертаев сообщал, что 2 января “по приходе полуночи например в часу третьем состоящая при сем заводе медеплавильная фабрика... загоревшись с обеих поперек сторон и со всеми имевшимися в ней, яко то вододействующими колесами, валами, мехами... до основания сгорела, так что едва собравшиеся при сем несчастном случае заводские и окольные люди могли вытащить прочие разные мелочные вещи и медь”. “От чего подлинно такое несчастное приключение последовало, – недоумевал приказчик, – теперь узнать не можно, а потому ныне и нет ни малейшего способу производить плавку меди”. Узнав о случившемся, Берг-коллегия 30 июля 1798 г. предписала владельцам восстановить завод “в самоскорейшее время”. Но Дарья Алексеевна отозвалась, что “находит себя несостоятельною” для этого. Она просила казну выделить в ссуду на шесть лет 3 тыс. руб., обязуясь через три года пустить две (вместо четырех) медеплавильные печи “за малоимением в реке Варзе воды”. Хотя в августе 1801 г. на завод были командированы горные чиновники “для освидетельствования”, решение о ссуде затянулось⁸⁶⁵.

В это же время Тевкелевой пришлось отбиваться от претензий бывшего компаньона, который требовал от нее расчета за все время совместного управления заводом. Он, жаловалась вдова в марте 1802 г., “изъявил себя к платежу недоимки, якобы, несостоятельным, а потом, почитая мнимую им на мне по заводу претензию... не устыдился... уже сделанным расчетом, и все понуждает меня к новому”. Но случайно “в объяснении с ней” Фитонов проговорился о наличии у него двух векселей от князя Мещерского на 20 тыс. руб. Дарья Алексеевна потребовала сложить с нее обязанность расплачиваться по его долгам. Но только в 1805 г. Берг-коллегия пришла к заключению, что недоимку с Варзино-Алексеевского завода не следует взыскивать с одной Тевкелевой. Тогда же было рекомендовано выдать ей из Екатеринбургского монетного двора переплаченные за Фитонова 3368 руб. на восстановление завода. Окончательное решение осталось за министром А. И. Васильевым.

В сентябре 1806 г. престарелая вдова, проживавшая в своем имении Калимово Уфимского уезда, на запрос горных властей об уплате горных податей сообщала, что завод “состоит непостроенным... поелику Монаршая милость поднесь во всей полноте не воспользована, ожидаю окончательной решимости в твердой на имение по решению надежды”⁸⁶⁶. Видимо, “окончательной решимости” не хватило ни властям, ни владельцам. По данным Пермского Горного правления за 1811 г., Варзино-Алексеевский завод “пришел в совершенное разрушение”. Дарья Алексеевна, скорее всего, уже умерла, а “наследник Тевкелевой от возобновления отказался”. Петр Осипович, как видно, уже давно утратил интерес к бездействовавшему заводу. В сентябре 1810 г. на утверждение министру финансов было отправлено заключение Горного правления о передаче “в просмотр” смежных Камских заводов отводных казенных лесов бывшего Варзино-Алексеевского завода. Крепостные крестьяне в количестве 52 рев. д. “из татар” числились при заводе до 1823 г., когда он был исключен Горным правлением из списка подчиненных ему предприятий⁸⁶⁷.

20. Красильниковы

Род заводчиков тульского происхождения Красильниковых в конце XVIII в. владел на Южном Урале тремя медеплавильными заводами – Коринским, Шильвинским и Архангельским (Шаранским). Первые два находились во владении ветви Лукьяна Марковича Красильникова, а последний – потомков его брата Семена. Производительность всех заводов была крайне низкой. Первым в 1795 г. был остановлен Архангельский завод, выплавивший в том году всего 63 пуд. меди. Причиной остановки исследователи называют отдаленность рудников, недостаток рабочих рук и неспособность владельцев. В то время завод принадлежал наследникам прапорщика Петра Григорьевича Красильникова, в числе которых оказались одни женщины – его вдова Надежда Васильевна (по второму браку надворная советница Березовская), мачеха Акулина Гавриловна и сестры Пелагея, Анна, Агафья (Асташкина) и Татьяна (Иконникова). При общей стоимости завода в 22 740 руб. долги владельцев, накопившиеся еще при жизни П. Г. Красильникова, составляли 25 тыс. руб.⁸⁶⁸

Именно за эти долги в 1809 г. действующий завод был назначен к продаже с публичных торгов. В 1811 г. 287 рев. д. заводских крепостных были переданы для продажи в Оренбургское губернское правление. Коротомленные бывшим владельцем на 50 лет башкирские земли и леса также назначались “в вольную продажу”, а вырученные деньги поступали на уплату казенных и частных долгов Красильникова. В 1833 г. эта продажа была остановлена по истечению срока коротома. К тому времени в лесах Архангельского завода тульским купцом Ф. Я. Сазыкиным и местными башкирами было основано поташное производство⁸⁶⁹.

Сенат, рассматривавший в 1836 г. дело так и не проданного Архангельского завода, признал, что за 40 лет, прошедших после его остановки, “заводские здания и устройства без поддержки пришли в упадок и негодность” и бессмысленно было ожидать, “чтобы могли явиться желающие к покупке оного с принятием обязанности восстановить заводское действие”. По указу от 10 августа 1836 г. завод признавался уничтоженным. “Строения и заведения” разрешалось продать с публичного торга “под своз”, а заводских крестьян на праве посессионном предложить купить другим заводчикам “на своз с земли, ими ныне занимаемой”, которая возвращалась башкирам. 26 января 1839 г. Со-

вет Корпуса горных инженеров разрешил исключить из оброка четыре числившиеся при этом заводе медеплавильные печи⁸⁷⁰. Наследники прапорщика Красильникова окончательно утратили свою заводскую собственность.

Не лучшей, но более сложной оказалась судьба Шильвинского и Коринского заводов. Владелец первого тульский купец Николай Петрович Красильников продал свой завод уфимскому купцу Алексею Матвеевичу Подъячеву. Купчая была совершена 28 августа 1797 г. По ее условиям завод с 208 рев. д. крепостных Подъячев покупал за 32 тыс. руб. Однако с этой покупкой у нового владельца возникли серьезные проблемы, поскольку родственник Красильникова его двоюродный брат коллежский комиссар Семен Тихонович, владелец Коринского завода, опротестовал купчую. По его словам, брат “от излишнего употребления им горячительных напитков лишился совершенно здравого рассудка и управлять заводом был не в состоянии”, а потому письменно известил его о желании отдать завод ему “во владение”. “Дабы кто-либо не употребил сего случая к своим выгодам и не возмог воспользоваться, минуя меня, покупкою от него показанного завода”, еще в марте 1797 г. С. Т. Красильников подал в Уфимскую гражданскую палату прошение “об учинении по прописанным обстоятельствам на Шильвинский завод купчих, закладных и других укреплений запрещения”. Тем не менее завод оказался проданным.

Комиссар уверял, что, произошло это “ухищрительным образом”. В его изложении, “узнав о несовершеннотии” брата, городничий Мензелинска И. И. Микунов неоднократно приезжал на завод и насильно увозил того в город, где, “употребя свое коварство, поил пьяным и при удобном таком случае подложил ему уже изготовленное якобы на продажу Шильвинского завода купцу Подъячеву верующее письмо”. Поскольку брат был пьян, “то городничий, водя его руку с пером, и подписал”. “Денег же, – сообщал С. Т. Красильников, – братом моим ни от кого нисколько взято не было”⁸⁷¹.

Но проведенное по горячим следам следствие решило дело в пользу покупателя, не смутившись даже тем обстоятельством, что вскоре после заключения сделки 13 сентября 1797 г. Николай Петрович Красильников внезапно умер, вроде бы “от запоя”, и в тот же день был похоронен А. М. Подъячевым в отсутствие родственников. Допрошенный Микунов обвинил самого комиссара в пристрастности. Он, считал городничий, “злоствует, что завод продан в посторонние руки” и достался не ему. “Хотя Красильников не был совершенно здоровым, – уверял Микунов, – но и безумным он отнюдь не бывал”. В итоге обвинения С. Т. Красильникова признали “ложными и затейными”, а ему самому было “рекомендовано впредь удерживаться от подобных жалоб”. 8 октября 1798 г. последовал указ Канцелярии Главного заводов правления “числить Шильвинский завод за Подъячевым”. Однако споры о праве владения Шильвинским заводом с переменным успехом продолжались еще до 1811 г. Только тогда он окончательно был утвержден за новым владельцем⁸⁷².

Еще более сложной оказалась в первой половине XIX в. судьба Коринского завода самого коллежского комиссара и елабужского мещанина Семена Тихоновича Красильникова. 1801 год стал последним удачным годом для этого небольшого завода. Тогда здесь был выплавлен 841 пуд меди. По свидетельству Пермского Горного правления, завод “имел достаточный капитал и отличный за собою присмотр хозяина своего”. “Сей завод, – утверждали там, – и после был бы в начальном его добром состоянии, но набожность... его хозяина обратила весь заводский капитал на добровольное усердное построе-

ние в селе Саралай [где располагался завод] собственным коштом каменной церкви”. Это “умалило” действие завода так, что уже в 1802 г. на нем было выплавлено всего 255 пуд. меди, а с 1803 г. стала накапливаться недоимка по горным податям.

В 1804 г. производство упало до 47 пуд. “за неимением при заводе... вольных работников к добыче... руд”. Дело в том, что заготовка сырья была серьезной проблемой для Коринского завода. Ахметьевский рудник, расположенный в 80 верстах, разрабатывался при помощи наемных работников, поскольку заводских крепостных у Красильникова было всего 33 рев. д. Поэтому проблемы с наймом обернулись резким падением производства. Кроме того, в это же время от завода в пользу казны была “отписана” и без того небольшая лесная дача в 136 дес., которую, как оказалось, Красильников “присвоил от государственных крестьян”. Несчастья преследовали владельца и позже. В 1805 г. случилось сильное наводнение, “когда от великого стечения вешней воды... водяной спуск поломало, фабричные строения подмыло и все прочее повредило”. Плавки меди в том году вовсе не было, а владелец истратил на восстановление завода все свои наличные средства и даже вынужден был продать медь, предназначенную для уплаты горной подати за прошлые годы. Мало того, Семен Тихонович сильно заболел и хотя пытался поправить положение завода, но “за неимением денег и главным образом из-за расстроенного здоровья” не сумел этого сделать. 1 марта 1809 г. он умер⁸⁷³.

По свидетельству вдовы Авдотьи Борисовны, “за весьма вдруг труднслучившейся его болезнью”, муж “никого по себе единственным наследником оставить не успел и завещательной [записи] его никакой не имеется”. Вопрос о наследниках, заданный вдове прибывшим на завод представителем Елабужского нижнего земского суда, был далеко не праздным. У Красильниковой осталось на руках пять малолетних сыновей (6-летний Николай, 5-летний Яким, 4-летний Иван, 2-летний Петр и 6-месячный Павел), управлять заводом было некому; не было и денег и какого-либо другого имения на покрытие казенных недоимок. Вдова призналась, что муж еще остался должен 1165 руб. на достройку саралинской церкви, 350 руб. Спасскому собору в Елабуге и 1290 руб. городничему Мензелинска Быкову, купцам Зубкову и Зачумелову и отставному губернскому секретарю Петрову.

Член суда констатировал, что Коринский завод с марта 1809 г. бездействует, а припасов заготовлено только на 10 дней. Тем не менее неграмотная Авдотья Борисовна храбро заявила ему, что “поддерживать и навсегда продолжать действие и из выплавленной меди выплачивать по частям накопившиеся недоимки” (135 пуд. меди) она обязуется. Неизвестно, на что рассчитывала вдова, поскольку никакой другой собственности, кроме завода и дома в Елабуге, у Красильниковых не было и доходов ждать было неоткуда. Тем более, что все имущество оказалось описанным и продать его она не могла⁸⁷⁴.

Судя по составленной описи, семья коллежского комиссара проживала в деревянном доме на каменном фундаменте, с мезонином и балконом. Обстановка была характерной для зажиточной семьи, с претензией на роскошь. В зале и гостиной с “узорчатыми” печами стояли крашенные деревянные столы, вятские стулья с кожаными подушками “под кресло” и даже обитый черной кожей “канапей”. В простенке висели часы, на стенах – зеркала, иконы и множество картин, “писанных на холсте и на бумаге”. Среди последних преобладали портреты российских императоров, императриц и великих князей. Кроме них имелись портреты французского короля Людовика XVI, Никиты Демидова “в кругу” и множество “на бумаге разных лиц”. Висели также несколько сюжетных картин: “Четыре земные стихии”, “Ной спящий, на колено облокотившись” и “на одном холсте 24 герба

знатнейших областей, как-то империй, королевств, герцогств”. Родительскую спальню украшали не только “портреты и картины” (в том числе Суворова!), но и бронзовые подсвечники “с вензелею”. В двух кладовых стояли сундуки с одеждой, среди которой были вицмундир, старинная треуголка “с черным пухом” и темно-зеленая фуражка, видимо, принадлежавшие умершему хозяину. Там же находились погребцы с бронзовой, фарфоровой и серебряной посудой. Хозяйство состояло из трех лошадей, четырех коров, быка, 25 овец и пяти коз.

Необычным было то, что в доме мещанина оказалась довольно большая и разнообразная по составу библиотека. Она состояла из 260 экземпляров книг, брошюр и журналов. Несмотря на упоминавшуюся набожность владельца, большинство книг было светского содержания. Среди них в описи упоминаются несколько исторических сочинений (в том числе “Деяния Петра Великого” в 18 томах, “История Российская с древнейших времен”, “Описание Эллады”, “Жизнь и деятельность первых царей Римских”, “Падение Падуи” и др.), книги по географии, экономике, математике и фортификации, несколько книг по горному делу (“Обстоятельное наставление рудному делу”, “Обстоятельное описание рудного и плавильного дела”), сочинения М. В. Ломоносова, “Древняя российская виблиофика”, издания законов, уставов (в том числе военных) и межевых инструкций. Перечень книг свидетельствует о широких научных интересах хозяина или хозяев библиотеки, среди которых, возможно, были и другие представители рода Красильниковых. Находились в ней и книги для “легкого чтения”, детская литература, различные лечебники (в частности, по глазным болезням). Периодические издания были представлены несколькими номерами “Политического журнала”, “Вестника Европы”, “Новостями русской литературы” за 1802 г. Вместе с книгами хранились два глобуса, морской масштаб и счеты⁸⁷⁵.

Состав имущества Семена Тихоновича Красильникова отразил не только имущественное положение, но и его двойственный сословный статус. Как писал горный член Герман, умерший заводчик “занимал два различных состояния – как чиновник он был в 14-м классе, а как мещанин записан в подушной оклад”. В этой связи довольно сложно было определить, откуда требовать “знающего и надежного управляющего”: от дворянской опеки или от сиротского суда.

12 июля 1809 г. Вятское губернское правление все-таки предписало Елабужской дворянской опеке взять Коринский завод в свое управление. Но “по неимению в тамошней округе дворян и бездолжностных чиновников” опекунами были определены мать малолетних наследников А. Б. Красильникова и дворянский заседатель Ф. Яковлев. Заводское имущество описали и оценили в 8361 руб. Опекуны признали казенные долги, составлявшие 1197 руб., а частные кредиторы (были признаны только 1630 руб.) исков не предъявили и “обещали продолжать обождание свое”. В итоге получалось, что за исключением долгов (2827 руб.), оставалось еще имущества более чем на 5 тыс. руб., в счет которого опекуны и попросили у Горного правления ссуду в 3 тыс. руб. на восстановление заводского действия⁸⁷⁶.

Однако ответа не последовало даже после того, как Красильникова обратилась с прошением к царю. К 1812 г. завод все еще бездействовал, поскольку опекуны так и не нашли денег на “наем лесов и работников”. К этому времени самый младший из наследников Павел, “будучи в чрезвычайно одержимой болезни”, умер, а опекун Яковлев, обвиненный в пропаже енотовой шубы, был заменен дворянским заседателем Ф. Сорокиным. В Горном правлении вместо предоставления ссуды было решено продать завод с пуб-

личных торгов, как это полагалось по указу от 31 мая 1809 г. Но “вызовы покупателей” оказались безуспешными и, по мнению Горного департамента, нельзя было надеяться, чтоб в скором времени нашелся желающий приобрести завод⁸⁷⁷.

Безысходность ситуации подтолкнула опекунов к более решительным действиям. 28 февраля 1813 г. они предоставили на утверждение горных властей контракт с титулярной советницей А. И. Миловановой на аренду Коринского завода. Дело рассматривалось в Горном совете, члены которого пришли к выводу, что “аренда может привести к приведению завода в лучшее состояние и к скорому возвращению состоящей на нем недоимки, ежели только не будет упущена со стороны начальства нужная предосторожность”. В итоге 31 августа 1813 г. аренда была разрешена с условием, что Милованова уплатит казенный долг “к маю 1814 и не далее мая 1815 г.”.

В соответствии с подписанным контрактом, Коринский завод поступал дворянской вдове Анне Ивановне Миловановой “в 10-летнее содержание и полное хозяйственное распоряжение”. Предполагалось, что из доходов восстановленного за ее счет завода две части достанутся ей, а одна поступит владельцам, из которой и будут выплачиваться казенные недоимки прошлых лет. Из числа крепостных людей трое мужчин и две женщины оставались “в услужении по дому” у наследников Красильникова, сам же дом делился пополам с Миловановой⁸⁷⁸.

Правда, вместо “компаньонши” (так называли Милованову в документах) в доме Красильниковых наездами жил титулярный советник А. В. Борисов, которому та сразу же доверила управление арендованным заводом. Видимо, между Миловановой и Борисовым были не только деловые отношения, поскольку проживали они вместе на Берсудском поташном заводе в Оренбургской губернии (где Борисов был компаньоном владельца Маленкова), а позже вместе же перебрались на жительство в Стерлитамакский уезд Оренбургской губернии. Борисов имел небольшое имение в 50 рев. д. в Тамбовской губернии, а у Миловановой был деревянный дом в городе Ишиме Тобольской губернии. Как сообщалось в одном документе, тот и другая “по делам их часто бывали в отлучке в столичных городах Москве и Петербурге”⁸⁷⁹.

Борисов в том же году пустил в действие две из четырех печей Коринского завода и до 1816 г. выплавил 384 пуд. меди. Но, как сообщало Горное правление, он “не давал никакого отчета, а в казну ни меди, ни денег нисколько не вносил”, хотя клятвенно уверял, “что на другой же день непременно всю недоимку заплатит, но всегда обманывал”. Обманывал Борисов не только казну, но и владельцев. Красильникова и новый попечитель Пироговский неоднократно жаловались, что тот редко бывает на заводе, который “остаётся время от времени без пользы и поправления... недоимки в казну пополняются, а малолетние не имеют от него ни малейшего дохода, впадают почти так сказать в нищету и терпят в содержании себя крайний недостаток”⁸⁸⁰.

Милованова, против которой в первую очередь были направлены эти обвинения, сначала писала раздраженные записки заводскому исправнику Ворожцову, уверяя, что завод действует, а опекуны напрасно обременяют ее и начальство своими “несправедливыми предписаниями”. Но когда в 1817 г. производство остановилось из-за прорыва плотины и исправник попытался вызвать Борисова на завод через суд, а от Миловановой потребовал уплаты казенных податей, она, видимо, испугалась. 25 июля 1817 г. Анна Ивановна прислала исправнику объяснение, в котором откровенно рассказала об афере с арендой Коринского завода. “Как я прежде собственных своих денег на содержание Коринского

завода, требующего большого капитала, не имела, так и ныне не имею, ибо числюсь одной будто бы компаньоншей помянутого завода, а титулярный советник Борисов управляющим, — писала она. — Но все сие несправедливо, потому что изъятый Борисов неизвестно с каким предложением уговорил меня при совершении контракта о содержании того завода показать начальству, что якобы я во оный завод вхожу как компаньонша, и принять сие название. Но все сие несправедливо, а он Борисов сам есть компаньон того завода, а не управляющий, и обещался употребить всю свою сумму денег, почему объявлением о сем... прошу покорно требовать недоимки и сведения от него... и к защищению меня от такового обмана прошу дать законное распоряжение”⁸⁸¹.

Вскоре Милованова, вновь “неизвестно с каким предложением” уговоренная Борисовым, забыла о своем признании. Но это не помешало Елабужскому суду, расценившему его как доказательство совершенного обмана, 30 июля 1818 г. наложить запрещение на имущества обоих аферистов и секвестровать имеющуюся на заводе медь. Оказалось, что Милованова вовсе не бедная и обманутая вдова, а компаньонша и в Берсудском поташном заводе, купившая в том же 1818 г. небольшое именье — селцо Белорецкое в Уфимском уезде с 22 рев. д. за немалую сумму в 28 тыс. руб. Предчувствуя нависшую над ней угрозу лишиться всей своей собственности, 9 декабря 1818 г. компаньонша “отозвалась” от содержания Коринского завода⁸⁸².

Авдотья Борисовна Красильникова не была против уничтожения неисполнявшегося контракта, тем более, что к тому времени она добилась сложения с ее завода недоимок прошлых лет. Но она считала, что Милованова должна расплатиться с новыми недоимками, накопившимися за время аренды (до 2 тыс. руб.), и просила взыскать с нее “немаловажную сумму на восстановление разрушенного и опустошенного завода”. Однако ни бывшая компаньонша, ни ее “управляющий” не торопились на завод, чтобы передать его опеке. По подсчету исправника, они проигнорировали 14 указов властей. В 1819 г. Борисов “отозвался”, что ни он, ни Милованова не могут явиться, поскольку находятся “под реверсом о невыезде” по другому судебному делу в Уфе. Когда уже в 1823 г. суд предписал их “сыскать и заключить под стражу”, оказалось, что оба находятся “в тяжелой болезни”. К ним приставили караул из башкир с тем, чтобы “иметь за ними наблюдение и если получат от болезней своих хотя малейшее облегчение, то прислать в суд”. Позднее А. И. Милованова была даже “освидетельствована” врачом в Уфе, который признал, что она “имеет каждодневную перемежающуюся лихорадку, сопряженную со слабостью всего тела”. Тем не менее на Коринском заводе она все-таки побывала и сдала дела владельцам, но произошло это только в марте 1828 г., когда по амнистии 1826 г. она и Борисов были уже освобождены от суда и следствия, а дело по аренде прекращено по причине сложения прежних недоимок⁸⁸³.

После отказа Миловановой завод уже более не возобновлял свою деятельность. Владелица Красильникова, оставшаяся после смерти Пироговского в 1819 г. единственной опекуншей своих детей, не могла оплатить даже накопившихся недоимок, которые сначала были переведены на нее. Как сообщал Ворожцов, она и “едва пропитывать себя была в состоянии”. Не захотела помочь заводчице и Елабужская дворянская опека, которая в декабре 1819 г. вовсе отказалась считать Красильниковых своими подопечными. Там вдруг вспомнили, что покойный комиссар не был дворянином, и потребовали передать его имение в ведомство Елабужского сиротского суда.

Горное правление 4 февраля 1820 г. санкционировало передачу имения Красильниковых сиротскому суду, предписав ему “насчет восстановления действия Коринского завода употребить все зависящие от него меры и средства”. В виду бедности судов, это было совершенно безнадежное пожелание. Суд тут же отговорился от принятия на себя столь ответственной обязанности, уведомив Горное правление о дворянском происхождении Авдотьи Борисовны. В такой ситуации Правление нашло выход в том, чтобы отдать имение и суду и опеке, так как “оное есть дворянское, а вкупе и мещанское”, хотя в елабужской опеке не оказалось никаких документов, подтверждающих дворянское происхождение вдовы⁸⁸⁴.

Опека сохранилась, но продолжалась недолго. В июне 1822 г. Авдотья Борисовна сама попросила “из ведения опеки их исключить и принадлежащее им имение выдать под собственное распоряжение”. К этому времени старшие сыновья Николай и Яким достигли совершеннолетия, а Иван “приходил в таковой же возраст” (Петр, видимо, умер). Мать полагала, что наследники “разделят полюбовно или оставят имение в общем владении”. Хотя делить фактически было уже нечего. По свидетельству исправника, действующий завод “пришел ныне в настоящее разрушение, строение все... от ветхости упало и сгнило, печки обе также упали от ветру и кирпич размылся весь дождем и некоторый унесло внешнею водою, и теперь едва признать можно, где стояла прежняя фабрика”.

“Самого беднейшего состояния”, по свидетельству Ворожцова, оказались и крепостные крестьяне Коринского завода. Тем не менее, когда была признана несостоятельность владельцев, именно их в 1820 г. Горное правление обязало платить подати и недоимки за своих господ. Крестьяне подали прошение царю, в котором жаловались на свое и без того тяжелое положение. Получая во время аренды в день по 10 коп., сообщали бывшие мастеровые, “мы приведены были в большое разорение так, что семейства наши с малолетними и престарелыми только могли иметь пропитание чрез подавание... Мы ею [Красильниковой] и компаньоншею ее разорены и приведены в самое бедственное положение”. “Содержатель Красильников, — писали они, — за нас оплачивал все государственные подати и словом сказать не доводил нас до разорения, а ныне содержательница наша назад тому третий год объявила нам, что она содержать и поправлять завод в несостоянии, между тем мы должны оставаться на своем пропитании и едва только можем по имению у нас земли и лесов иметь оное работою своею”. Но все же именно им пришлось платить не только подушную, но и оброчную подать с уже фактически несуществующих медеплавильных печей⁸⁸⁵.

В 1825 г. появилась надежда, что завод вместе с крестьянами купит владелец Бемышевского завода Лебедев. На эту покупку почти уговорила его А. Б. Красильникова “по партикулярному к нему письму”. Но Лебедев по какой-то причине отказался⁸⁸⁶. Ускорил окончание истории с Коринским заводом сенатский указ от 27 июня 1823 г., который ограничил право владения горными заводами для мещан. Красильниковы должны были либо записаться во 2-ю купеческую гильдию, что было совершенно нереально, либо продать завод. Понимая, что скоро расстанутся со своей собственностью, наследники стали тайно распродавать имущество, в число которого входили еще остававшиеся на заводе уголь и руда, а также две мельницы, построенные их отцом и дедом. Но они не успели этого сделать, поскольку началась опись имущества, и в 1827 г. выехали с завода в Бирскую округу. Исправнику пришлось самому заняться описью и оценкой завода для предполагаемой его продажи с публичных торгов. Естественно, он не сумел провести оценку

“по 10-летней сложности”, поскольку завод уже 10 лет как не действовал. Поэтому продать завод, по отсутствию такового, оказалось невозможно. Пермское Горное правление предложило считать его уничтоженным, а на торгах продать сохранившееся имущество, которое вместе с 81 рев. д. заводских крестьян было оценено в 6633 руб.⁸⁸⁷

Но дело затянулось. Лишь в 1831 г. министр финансов представил в Правительствующий Сенат решение Горного совета “вместо продажи почтить Коринский завод уничтоженным, земли передать в ведомство Вятской казенной палаты, а дома и строения, принадлежащие завододержателям, а равно и две мельницы, предоставить сим последним с тем, чтобы они дома и строения снесли, а с земли, под мельницами состоящей, платили в казну подать”. Заводских людей предлагалось перевести на казенные Златоустовские заводы. 28 марта 1832 г. Сенат утвердил это представление и предписал привести его в исполнение. “Упадок Коринского завода, – утверждалось в указе, – последовал по пресечению в некоторых рудниках руд и за неотысканием к добыче оных вольных работников, а главнейше от того, что бывший завододержатель оного, равно как и нынешние его наследники, не имели денег, нужных для оборотов заводских”⁸⁸⁸. Этим завершилась история ликвидации Коринского медеплавильного завода, а вместе с ним и в целом история владения металлургическими заводами на Урале потомками тульских оружейников Красильниковых.

21. Кобелевы

Небольшой Пыжманский медеплавильный завод, расположенный в Елабужском уезде Вятской губернии, на рубеже XVIII–XIX вв. принадлежал на посессионном праве сыновьям основателя казанского купца Ивана Петровича Кобелева Ивану и Афанасию. Еще в 1797 г. владельцам было предъявлено вексельных претензий на 4 тыс. руб., и Казанский городской магистрат просил у Берг-коллегии разрешения продать завод с аукциона⁸⁸⁹.

Иван Иванович, лично управлявший заводом, подал прошение об отсрочке платежа тех долгов на два или три года, объяснив их появление несколькими “непредвиденными обстоятельствами”. Поскольку при заводе числилось всего три души крепостных крестьян, описывал он, работы производились вольнонаемными людьми разных округ, “живущими домами при заводе”. Но в 1794 г. земский исправник Золотухин “согнал” их с завода, в результате чего производство остановилось, а владельцы “потеряли немалую сумму денег, забранную рабочими в задаток; оставшееся же малое количество живущих при заводе работных людей... пришли в непослушание”. После этого сгорели мукомольная и пильная мельницы, а в 1796 и 1797 гг. дважды прорвало плотину. В до-

вершение всех “несчастий” Паишинский рудник, из которого добывалась руда для Пыжманского завода, был передан Мешинскому заводу Осокина. В результате выплавка меди с 500–600 сократилась до 40–50 пуд., что и привело к появлению партикулярных долгов.

Берг-коллегия сочла аргументы Кобелева “достойными уважения” и 27 сентября 1798 г. разрешила просимую отсрочку с тем условием, чтобы владелец немедленно исправил плотину и пустил завод “в надлежащее действие”. В соответствии с Берг-регламентом, посчитали там, долги заводов следует изымать не путем их продажи, а из получаемой прибыли. Поэтому после истечения срока отсрочки Кобелев должен был одну часть выплавленной меди отдавать в счет казенной недоимки, а две – “употреблять в продажу” и из вырученных денег половину оставлять на заводское производство, а другую “доставлять в Казанское губернское правление на уплату долгов”⁸⁹⁰.

Однако поднять производство и выполнить условия Берг-коллегии владелец не сумел. В 1801 г. было выплавлено всего 94 пуда меди, из которых следовало отдать в качестве горной подати 54 пуда. В 1805 г. завод был полностью остановлен и упадок его, как объявлялось в предписании Горного департамента, “сколько судить можно из выплавленной меди в предшествующее тому десятилетие [965 пуд. с 1796 г.], последовал за несколько лет до этой остановки”. Пытаясь оправдаться, владельцы приводили прежние аргументы и в 1807 г. даже просили Сенат взыскать с исправника “состоящее на бежавших рабочих людях задолжение более 20 тыс. руб.”. В 1807–1808 гг. по требованию Казанского губернского правления “за неудовлетворение состоящих на Кобелеве разным кредиторам долгов” было описано и изъято имущество, “в состав завода не входящее”, на 266 руб. и продан с аукциона каменный дом Кобелевых в Казани за 1,4 тыс. руб. Вырученные деньги позже были зачислены в счет частных долгов и казенной недоимки. В 1812 г. в соответствии с указом Сената от 31 мая 1809 г. Пермское Горное правление распорядилось для продажи завода с аукционного торга описать и оценить его имущество, но этого не было сделано из-за неявки кредиторов “для бытия при том”⁸⁹¹.

К этому времени произошли изменения в составе владельцев: умер Афанасий Иванович, оставив наследником сына Ивана, который стал совладельцем своего дяди Ивана Ивановича Кобелева. Последний умер около 1808 г. (у него был сын Павел, но его имя встречается лишь в документах начала века)⁸⁹²; в 1815 г. умер и Иван Афанасьевич. Единственным владельцем уже 10 лет не действовавшего завода стал сын Ивана Афанасьевича Николай, на долю которого и выпала окончательная ликвидация завода. Ко времени вступления его во владение на заводе числились долги казне по горной и подушной недоимкам (379 пуд. меди, 360 руб. и 18 руб. за одну рев. д.) и частным кредиторам (8247 руб.)⁸⁹³.

Новые тяжбы об уплате долгов привели к тому, что в 1819 г. Горное правление вновь предписало продать или отдать завод в частное содержание, но “по сделанным о сем публикациям желающих в обоих случаях не оказалось”. Никто не хотел покупать разоренный завод. По справке за 1821 г., он “находился в самом худом положении, ибо плотина и фабричные устройства от долговременного недействия пришли в совершенную ветхость, рудники, находящиеся в дальнем расстоянии, обвалились, собственных людей при заводе нисколько не имелось”. Осознав безнадежность продажи завода, Горное правление обратилось тогда к самому Николаю Ивановичу, “не пожелает ли он возобновить завод собственным своим капиталом или посредством принятия для содержания оного из желающих компаньонов”. Но Кобелев “за неимением собственного своего капитала от возобновления того завода отказался, да и не надеялся, что кто-либо из знающих заводское производство

и устройство людей согласится вступить в компаньонство”. Само Горное правление также “не нашло никаких средств”, посчитало Пыжманский завод “не заслуживающим возобновления” и высказалось за полную его ликвидацию и продажу оставшегося заводского имущества в зачет казенной недоимки. Было признано, что Н. И. Кобелев не виновен в упадке завода, произошедшего задолго до его вступления в наследство, и по силе Манифеста 30 августа 1814 г. (отменявшего взыскание казенных недоимок с умерших, падающих на их наследников) он освобождался от ответственности⁸⁹⁴.

Хотя Сенат 27 июля 1822 г. утвердил это решение, против него выступило Казанское губернское правление. Оно напомнило, что на Кобелеве “висят” еще и частные долги, и вновь потребовало продажи завода. Горное правление взяло продажу на себя по причине перечисления Пыжманского завода в другой (Малмыжский) уезд, но памятуя опыт прошлых лет, не стало организовывать аукцион, а сразу направило представление в Горный департамент. Он и решил судьбу завода. На основании министерского постановления 1823 г. Сенат издал указ о ликвидации завода, передаче его рудников в ведение Пермского Горного правления, а земель – в Департамент государственных имуществ, и продаже имеющихся при нем металлов и припасов в счет казенных недоимок. О частных долгах в указе не упоминалось.

В составленную тогда опись завода вошли земляная плотина (оцененная в 10 тыс. руб.), деревянная “фабрика” (5 тыс.), мукомольная мельница (2,5 тыс.), пильная мельница (500 руб.), заводская контора (75), два амбара (50), господский дом со службами (500), 29 домов и 20 ветхих (1752), кузница (100), голландские весы (10), “баба для бития чугунных свай” (30) и прочее имущество и припасы на общую сумму 21 750 руб. 55 коп. Это имущество и выставили на продажу, но до конца 1823 г. было продано приказчику соседнего Мешинского завода только 680 пуд. глины за 97 руб., а “к покупке прочего за непригодностью никто из явившихся желания не изъявил”. Одну же ревизскую душу, числившуюся при заводе (ею оказался незаконнорожденный мальчик Леонтий, который находился при Кобелеве), было решено перевести на Воткинский казенный завод. Однако мать Леонтия Варвара Фомина решила, по-видимому, воспользоваться сложившейся ситуацией и подала в Екатеринбургский суд прошение об “отыскании свободы”. Заведенное по этому поводу дело вместе с так и не завершенными делами по казенным и частным долгам затянули реализацию сенатского указа 1823 г.⁸⁹⁵

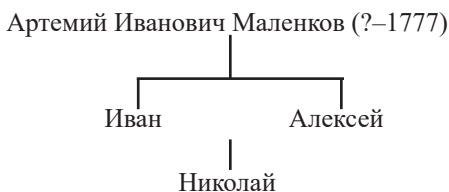
Прошло пять лет. По какой-то причине недоимки так и не были сложены, а заводское имущество не продано и, по свидетельству заводского исправника, “пришло в гнилость” и нуждалось в переоценке. В октябре 1828 г. исправник с оценщиками прибыли на Пыжманский завод, но не смогли сделать переоценку, поскольку владелец находился в это время в Казани вместе с ключами от амбаров. К тому же, сообщал исправник, “тяжеловесные вещи” оказались завалены глубоким снегом и перевеску их сделать было некому, “ибо людей, принадлежащих к заводу никого нет, а проживают в оном одни коронные поселяне”. По приказу Горного и губернского правлений, Кобелев должен был срочно выехать на завод, но он благоразумно сделал это только весной 1829 г. Тогда Николай Иванович отправил письмо в Малмыжский земский суд, из которого стало очевидным печальное состояние недействовавшего уже почти 15 лет предприятия. “Вещи... завалены упавшими фабрикой и печами, – писал владелец, – ...из припасов же угля и руды, показанные при заводе, хотя и остаются, но из коих первый весь оброс мхом и даже

лесом и от топтания скота обратился в мусор, руда размыта вся дождями и растоптана... Не только фабрики, но все строения заводские и дома пришли в совершенную гнилость и негодность, а большая часть оных разрушилась”⁸⁹⁶.

Он, по-видимому, махнул рукой на доставшееся ему имение и, не задумываясь, подписал проведенную в апреле 1829 г. уездным судом новую оценку имущества. Она составила всего 76 руб. 5 коп. (позже была снижена до 49 руб. 65 коп), причем “фабричное строение” было оценено лишь в 2 руб. Через год неожиданно нашелся покупатель – купеческий сын Н. Матросов, который приобрел сразу все заводское имущество. При этом “по убеждению присутствующих” к назначенной сумме он надбавил для ровного счета 35 коп. и все, что осталось от бывшего завода, ушло, таким образом, за 50 руб. Из вырученных денег не сумели даже оплатить расходы на оценку имущества, вопрос о которых пришлось решать на уровне Министерства финансов. Кобелев, естественно, ничего не получил, а предприимчивый покупатель Матросов приобретенным имуществом распорядился по-хозяйски и внакладе не остался. Под развалинами медеплавильных печей он нашел медь и продал ее, сбил с валов железные обручи и все железо и чугунные вещи также распродал, сдал внаем двум крестьянам мукомольную мельницу, которую те восстановили и пустили в действие.

С удивлением наблюдая все это, бывший владелец в феврале 1831 г. подал жалобу и на суд, и на Матросова, предлагая “выкупить родовое имение за превосходную цену 100 руб.”. Однако проведенное судом расследование показало “одну затейливость Кобелева и напрасное обременение присутственных мест перепискою”. Горное правление вовсе не пожелало возвратиться к этому делу, сообщив в феврале 1835 г., что имения, проданные с публичных торгов, выкупу не подлежат. Незадолго до этого, в мае 1834 г., было завершено и дело “об одной ревизской душе, отыскивающей свободы”. За время его разбирательства мальчик Леонтий вырос и по решению суда был зачислен в мастеровые Воткинского завода. Назначенные за него 300 руб. зачли в счет казенной недоимки, а оставшиеся долги были сложены. 14 июля 1834 г. Горное правление сообщило, что на Пыжманском заводе никаких долгов уже не считается. Расплатился ли Кобелев с частными кредиторами, осталось неизвестным⁸⁹⁷.

22. Маленковы

Небольшой Берсудский медеплавильный завод, расположенный в Белебеевском уезде Оренбургской губернии, в конце XVIII в. состоял во владении сыновей основателя – симбирского купца Артемия Ивановича Маленкова Ивана и Алексея. Не имея средств единолично содержать завод, Маленковы принимали компаньонов (в начале XIX в. ими были Огаревы)⁸⁹⁸, но, как правило, заканчивалось это безрезультатно. 1806 г. стал последним,

когда на Берсудском заводе была выплавлена медь⁸⁹⁹. Но завод не был закрыт, а, по-видимому, перепрофилирован в поташный. Владельцами завода по ведомостям 1801 и 1808 гг. значились ставшие уже симбирскими мещанами Маленковы⁹⁰⁰.

С 1811 или 1813 г. им владел мамадышский мещанин Николай Маленков (по-видимому, сын Ивана или Алексея Артемьевичей) в компании с титулярным советником А. В. Борисовым и титулярной же советницей А. И. Миловановой. По свидетельству последней, завод вырабатывал в год до 8 тыс. пуд. поташа и приносил прибыли до 30 тыс. руб. Но вследствие неуплаты податей во время аренды компаньонами Коринского медеплавильного завода Красильниковых, Берсудский поташный завод в 1818 г. попал под запрещение и секвестр. Тогда Маленков, видимо, разорвал контракт с компаньонами и принял завод в управление с недоимкой в 2140 руб., но содержать его самостоятельно не смог. В 1823 г. он предлагал даже взять завод в казну⁹⁰¹.

После введения в 1823 г. запрещения мещанам владеть металлургическими предприятиями Берсудский завод, который все еще считался таковым, был описан для предстоящей продажи с публичных торгов. Видимо, владелец не нашел возможности и средств записаться в купечество. Горное правление в августе 1826 г. просило департамент провести продажу завода через Петербургское губернское правление “по уважению того, что в здешнем крае капиталистских людей нет”. Но поскольку к тому времени завод как медеплавильный уже давно не действовал, было решено его “почесть уничтоженным”, а имущество распродать⁹⁰². Так бесславно закончилась еще одна история владения уральским заводом. Фамилия симбирских купцов Маленковых, превратившихся в мамадышских мещан, вышла из состава уральских заводчиков.

Глава IV. Практики владения: “новые” заводчики

Движение заводской собственности в ходе продаж привело к появлению в составе владельцев первой половины XIX в. группы “новых” заводчиков.

23. Подъячевы

Уфимский купец 3-й гильдии Алексей Матвеевич Подъячев вошел в состав уральских заводчиков, приобретя по разрешительному указу Берг-коллегии от 3 июля 1797 г. Шильвинский медеплавильный завод, расположенный в Мензелинской округе Оренбургской губернии в 600 верстах от Екатеринбурга. Купчая между ним и тульским купцом Н. П. Красильниковым была совершена 28 августа 1797 г. По ее условиям завод с 208 рев. д. крепостных Подъячев покупал за 32 тыс. руб.¹

История владения этим небольшим и вроде бы не заслуживающим большого внимания заводом тремя поколениями рода Подъячевых насыщена таким количеством разнообразных событий, как, пожалуй, никакая другая. Уже обстоятельства заключения сделки купли-продажи сразу получили криминальную окраску. Во всяком случае, как незаконную воспринял ее двоюродный брат бывшего владельца коллежский комиссар С. Т. Красильников, содержатель Коринского завода. Он утверждал, что брат именно ему обещал “передать во владение завод”, поскольку сам был не в состоянии управлять им по причине “употребления горячительных напитков”.

Комиссар уверял, что продажа завода произошла “ухищрительным образом” с помощью городничего Мензелинска И. И. Микунова. На допросе последний обвинил самого комиссара в пристрастности, считая, что тот “злобствует, что завод продан в посторонние руки... и не достался ему”. Подъячев, в свою очередь, неоднократно просил защитить его от обвинений Красильникова, доказывая, что пока завод “все еще числится не за ним”, убытки несет не только он, но и казна. В итоге 8 октября 1798 г. последовал указ Канцелярии Главного заводов правления “числить Шильвинский завод за Подъячевым”².

Возможно, на такое решение повлияло положение Алексея Матвеевича, бывшего не только крупным уфимским предпринимателем, но и известным общественным деятелем. Он представлял интересы местного купечества в Уложенной комиссии, а ко времени покупки был избран уфимским городским головой. В прошении, отправленном царю в феврале 1799 г., Подъячев объяснял, что “поведение его довольно знает города Уфы гражданское общество”, доверием которого он пользуется “девятый год в доходе”. “Хотя, – сознавался заводчик, – я претерпевал в купеческой моей коммерции подрыв, но чувствительно перенося оный, во удовольствие общества поныне опраляю сколько есть моих сил и возможностей”.

Упоминанием о “подрыве” Подъячев хотел доказать свое усердие, но, с тем же успехом, это дает повод сомневаться в финансовых возможностях купца, решившегося в такой сложной ситуации на покупку завода. С другой стороны, в этой связи становится понятным стремление начать новое дело, воспользовавшись подвернувшимся случаем. Любопытна и формулировка причины покупки. “Неизведанной судьбой всевышнего творца, – с оттенком мистики писал недавно обвиненный в обмане заводчик, – приобрел я посредственный своему состоянию капитал и купил... Шильвинский завод”. “Вступая в распоряжение оного”, Подъячев посчитал тогда невозможным для себя занимать выборную должность и, на основании петровского указа 1721 г., разрешавшего заводчикам из купцов освобождаться от службы, просил об отставке. “Предоставляя ему оную свободу употребить на распространение металлургического его промысла, сопряженного с немалой казенной, частной и общественной пользой”, 24 августа 1799 г. царь дал согласие на отставку³. С этого времени А. М. Подъячев мог полностью переключиться на свои новые обязанности.

Позже новый владелец вспоминал, что застал приобретенный завод “без всякого действия и весь в расстройке”. На нем не оказалось ни запасов угля, ни руды, ни хлеба, плотина находилась “в худом и беспрочном положении, а фабрика и прочие строения от гнилости крыш в крайней обветшалости”. Обнаружилось также, что в заводской конторе, “по бывшему в том краю народному замешательству” (имелось в виду пугачевское восстание), отсутствуют документы на отводы рудников и лесов, сделанных Берг-коллегией, якобы, еще в 1772 г.

“Хотя и посылал я партии людей, – жаловался заводчик, – найти руд несколько не мог”, а потому, извещал он, “доныне руду добываю по условиям с купцом Кобелевым из его Зайшешминских рудников с заплотой денег с пуда чистой меди по 2 руб. 50 коп., от чего и несу немалые невозвратные убытки”. В 1799 г. Подъячев просил Берг-коллегию найти в архивах нужные документы на отвод лесов и рудников и прислать их копии к нему. Однако ни в Канцелярии Главного заводов правления, ни в Оренбургской Горной экспедиции ничего обнаружить не удалось. Мало того, из этих учреждений сообщили, что никаких отводов к Шильвинскому заводу по планам и генеральной карте вовсе не значится и хотя завод пользуется лесами, принадлежащими казне, но когда те леса и в каком количестве были отведены, “того не видно”⁴.

Пришлось новоявленному заводчику выкручиваться самостоятельно. Он стал добывать руду из арендованных “с платежом немалого оброка” у заводчиков Маликовых рудников, которые затем “взял себе с заплотой 3 тыс. руб.”. Лес пришлось покупать “за попенные деньги” у местного гражданского начальства. Кроме того, Подъячев поправил плотину и обветшалые строения, вновь отстроил “фабрику” с медеплавильными печами,

мельницу, господский дом, кладовые, амбары и службы. На восстановление завода, по словам владельца, он истратил “все свои и взятые займы у братьев деньги”⁵. Однако время готовило ему новые испытания. Не уgomонились в своих претензиях на Шильвинский завод родственники прежнего владельца.

После “строгoго” первого расследования, в ходе которого обвинения С. Т. Красильникова признали “ложными и затейными”, а ему самому было “рекомендовано впредь удерживаться от подобных жалоб”, комиссар, по выражению Подъячева, “выдумал к тому иной канал”. Он “настроил” своих родственников “к приисканию мнимо подлежащего им завода самыми таковыми же доводами”. Содержание новых жалоб действительно не изменилось, но поменялись действующие лица. Поданные в начале XIX в. в Оренбургское губернское правление, а оттуда в октябре 1805 г. поступившие в Сенат прошения были подписаны тверским купцом Иваном Арефьевым, по-видимому, зятем Н. П. Красильникова.

В заключении Оренбургской палаты гражданского суда о деле почти 10-летней давности акценты и обвинения поменялись на прямо противоположные. “Не только единое подозрение навлечь или вероятие обнаружить о неправильном и ухищренном присвоении Подъячевым чужого имущества по лишению оногo законных наследников, – говорилось там, – но даже при всей напряженной запутанности производства дела и увертливостям ответчика почти достоверность о неправости его представляется”. Такой оборот дела основывался на том, что Подъячев не мог передать в суд “самого важнeйшего документа” – “верующего письма”, которое только и могло доказать подлинность или поддельность подписи Красильникова. Вместе с тем в деле оказались письмо Микунова, где он просил Красильникова приехать к нему одному, и его же “обязательства о взятии с покупателя 5 тыс. руб.”. Эти факты показались особенно подозрительными в свете открывшихся “лихоимств” городничего, который “уже судился по другим делам” и был “отрешен от должности”. Суд обратил также внимание и на необъяснимую быстроту погребения Красильникова в день кончины “без всякого свидетельства и объявления родственникам, хотя они находились в 25 верстах”, и на то, что после его смерти денег, которые якобы уплатил Подъячев, “не отыскалось”⁶.

Поскольку “темное” дело о покупке Шильвинского завода не было еще приведено “в полную ясность”, 22 декабря 1809 г. Сенат приказал “обратить его к доследованию”, а именование взять в казенный присмотр, “дабы завод каким-либо образом не приведен был в расстройку или разорение”. Но заводский исправник, которому был поручен присмотр, отказался от этой обременительной обязанности, мотивируя свой поступок тем, “что в его ведении были и другие заводы”. В такой ситуации Пермское Горное правление долго раздумывало, то ли передать управление заводом Арефьеву, “если согласие даст”, то ли Подъячеву, просившему до окончания следствия оставить завод за ним при участии поверенного со стороны Арефьева. Решение было принято лишь 20 мая 1810 г. после вмешательства пермского и вятского генерал-губернатора К. Ф. Модераха. Купец Арефьев “как ближайший родственник бывшего владельца Красильникова” был допущен к управлению заводом с условием, “чтобы и купец Подъячев имел всегда в виду обороты заводские и... за действиями Арефьева наблюдение”⁷.

Правда, указ Горного правления несколько запоздал: при отсутствии “хозяйского глаза” с середины февраля завод уже бездействовал. Прибывший для присмотра шихтмейстер Кузнецов не нашел в кассе денег, но обнаружил разрушенную наводнением

плотину и “ослушных конторе крестьян”. Лишь в октябре – ноябре 1810 г. он добился приезда в качестве поверенных сыновей “совладельцев” Осипа Ивановича Арефьева и Ильи Алексеевича Подъячева, которые уже в декабре всю оспаривали друг у друга право на власть. В итоге, хотя действие завода возобновилось и выплавка меди достигла 388 пуд., денег так и не хватало, заработная плата рабочим задерживалась, а припасы приготавливались “не в свое время и не с теми уже выгодами”. Советы, которые давал Кузнецов неопытному Арефьеву, тот “не уважил”, и, по словам шихтмейстера, “довел завод даже до такой степени, что и хранящуюся в заводском магазине, запасенную заводчиком Подъячевым, ржаную и пшеничную муку и ржаной хлеб безостатно распродал и вырученные за оные деньги мастеровым за работы выдал”. А. М. Подъячев жаловался, что все это он предвидел, еще год назад объявив Горному правлению, что Арефьев не имеет опыта и капитала для оборота, а потому неизбежно приведет завод в расстройство⁸. Сам же он в это время оказался под новым следствием.

Еще в феврале 1810 г. Арефьевы обвинили “неправильного присвоителя” (так они называли Подъячева) в “сокрытии” 250 пуд. меди, якобы тайно, уже после издания указа о казенном присмотре, вывезенной им с завода в Казань. Подъячев “в таковом отправлении меди в присутствии Мензелинского земского суда не отказался словесно”, объявив, что действительно отправил на продажу выплавленную за первые полтора месяца 1810 г. медь, но не 250, а 154 пуд., и сделал это “с записью в конторской тетради”, то есть законно. Однако он вовсе не торопился возвращать вырученные за медь деньги, полагая, что после его удаления от управления снабжением заводов деньгами должны заниматься Арефьевы⁹.

Ситуация обострилась в связи с неожиданной смертью в марте 1811 г. в Мензелинске Осипа Арефьева. Его отцу было предписано самому вступить в управление заводом или прислать нового поверенного, но он “не сделал ни в чем содействия и довольно оказывал свою беззаботливость”. К тому же, по свидетельству Кузнецова, Осип “сам вел всю документацию и книги держал у себя на квартире в комодѣ”, а без них вести заводские дела чиновник не мог. Новыми обстоятельствами не преминул воспользоваться Подъячев. Дело об утайке меди как раз в это время приостановилось вследствие того, что участвовавшие в следствии бургомистр Подъячев и ратман Тарпанов оказались родными племянниками заводчика. Воспользовавшись возникшей паузой, Алексей Матвеевич “за необходимое почел быть на заводе”, где “нашел в недостатке” 2781 руб. Он потребовал, чтобы Арефьев “ответствовал своим имением за взятые долги” и просил допустить его к управлению заводом. Хотя все эти жалобы были признаны недействительными, Горное правление решило удовлетворить его просьбу. Шихтмейстеру Кузнецову было приказано иметь за Подъячевым “бдительное наблюдение”¹⁰.

В июле 1811 г. А. М. Подъячев “вошел в хозяйственное распоряжение” Шильвинским заводом при сохранении за ним казенного присмотра. Но вскоре между владельцем и наблюдающим чиновником возникла ссора. “В бытность свою при заводе, – жаловался Кузнецов, – Подъячев из заводского капитала разными расходами собственно для себя взял большие денежные суммы и привел завод в остановку так, что завод оставался по неимению денег в бездействии”, а его самого не допускал “к свидетельству денежной казны”. Шихтмейстер сообщал, что Подъячев с семейством проживал в Уфе и на завод приезжал “всегда один и то редко и на малое время”. Владелец, в свою очередь, обвинял шихтмейстера в том, что он отвлекал заводских людей от работ и использовал их

для ремонта своей квартиры, а уезжая на полгода по заводам “для понуждения отливать ядра”, взял за это время плату из заводского капитала. “Не стараясь о выгодах заводских, – резюмировал Подъячев, – он желает только приобретать собственную свою пользу из достояния заводского, а меня довести до неминуемого разорения”. По просьбе заводчика берг-инспектор П. Е. Томилов в 1813 г. передал местному заводскому исправнику казенный присмотр, который, по-видимому, вскоре был снят. Заведенное же по поводу этого конфликта дело было закрыто лишь в 1821 г., уже после смерти Алексея Матвеевича Подъячева¹¹.

В 1813 г. успешно для заводчика завершилось и тянувшееся уже четвертый год дело об утайке меди. Уфимский магистрат, припомнив прежние заслуги Подъячева в бытность его городским головой, “по обстоятельствам и паче по хорошему его, Подъячева, поведению” снял обвинение. Что же касалось возвращения денег, то в магистрате не осмелились наложить взыскание потому, как сообщалось в указе от 4 декабря, что “помянутая медь из завода в Казань была увезена до прибытия земского суда ради описи оного и взятия в казенный присмотр недели за две”. Однако и в этом деле не все выглядело убедительным. “Горный член” Соколов, участвовавший в следствии, подал отдельное мнение, утверждая, что Подъячев “по разноречным своим показаниям... совершенно в утайке меди себя обнаружил”. Он припомнил также некоторые обстоятельства биографии 67-летнего купца, по его мнению, проливавшие свет на характер и поведение заводчика. Оказывается, в 1809 г. Алексей Матвеевич уже был под судом за наказание палками и батогами двух крестьян, уличенных в краже хлеба. Тогда он отделался 5-рублевым штрафом за нанесенные увечья. Орлов вспомнил так и не оконченное дело о покупке Подъячевым Шильвинского завода и пришел к заключению, что он “как по сему, так и по другим делам оказывается затейным и беспокойным человеком”. Однако суд не принял во внимание это мнение и оправдал заводчика¹².

После этого Алексей Матвеевич управлял своим заводом всего четыре года. 30 сентября 1817 г. он умер. За месяц до смерти он составил завещание, по которому все благоприобретенное имение оставлял “в полное и пожизненное распоряжение” своей второй жены Пелагеи Дмитриевны из дворянского рода Рудневых. От первого брака у Подъячева осталось два сына – Николай и Илья, последний из которых умер в 1816 г.; от второго брака – больная дочь Анна. Она поступала на содержание матери и “награждалась... из числа скота двумя лошадьми из старых и двумя молодых кобылиц”. Николая отец “благословлял” молодым жеребцом и двумя коровами. Его несовершеннолетним дочерям, а своим внукам, Алексей Матвеевич завещал каждой по 1 тыс. руб. “тогда, когда будет прибыль от завода”. Семье Николая после смерти мачехи переходило и все фамильное серебро. Пелагея Дмитриевна должна была также “питать и одевать” “меньшую сноху из дворян” Капитолину Григорьевну (вдову Ильи Алексеевича), а в случае выхода ее замуж дать “из сожаления к ней вспомоществование”¹³.

И без того невеликое наследство Подъячева незадолго до его смерти в мае 1816 г. существенно пострадало от пожара в уфимском доме, ущерб от которого составил 22 тыс. руб. В этой связи особенно возрастала ценность оставшегося завода, который так же, как и сохранившееся движимое имущество, по завещанию переходил в полное распоряжение жены. Но управлять заводом отец назначал сына с условием, чтобы тот “все деньги употреблял не иначе как с позволения Пелагеи Дмитриевны”. Из доходов Николаю Алексеевичу причиталось по 500 руб. в год с того времени, когда состоящие на отце долги

будут выплачены сполна. Последние, по подсчетам Уфимского уездного суда, составляли 26 860, а по мнению вдовы А. М. Подъячева – 20 700 руб. Поскольку заплатить их наследники были не в состоянии, по требованию кредиторов Мензелинский уездный суд сразу после смерти Алексея Матвеевича назначил завод к продаже и направил чиновника для его описи и оценки¹⁴. С такими незавидными итогами завершилось владение Шильвинским заводом первым представителем уфимского купеческого рода Подъячевых.

Новая владелица сразу же столкнулась со множеством проблем. Главная из них заключалась в недопущении продажи завода за частные долги мужа. Вначале Пелагея Дмитриевна пыталась мирно договориться с кредиторами об отсрочке или предлагала выплачивать им в год по 2 тыс. руб. Когда кредиторы не согласились, она обратилась за помощью в Пермское Горное правление, которое на основании сенатского указа от 29 мая 1809 г., запрещавшего продавать частные заводы, не имевшие казенных недоимок, в феврале 1818 г. отменило решение уездного суда и утвердило в силе предложение владелицы о выплате долгов кредиторам.

Другая, не менее острая, проблема касалась внутрисемейных дел. Подъячева писала тогда в Горное правление: “Пасынок мой Николай вместо исполнения воли родителя пустился вести рассеянную жизнь и едва успел схоронить отца, как начал без просыпа пьянствовать и пренебрег вовсе возложенное на него управление заводом, и в сем том беспрестанно пьяном образе наделал мне буйством своим и дебожами множество чувствительнейших огорчений”. В числе последних она упоминала его отъезд еще в ноябре прошлого года “тайным образом” в Уфу. “Видно негодуя на то, что я беспрестанно докучала ему своими советами, – наивно размышляла вдова, – ...он оставил в заводе беременную жену и малолетних детей на произвол случая без всякого призрения... а в Уфе... отобрал против воли же моей множество... моих вещей на знатную сумму, кои все продал в разные руки за дешевую цену и деньги... употребил на удовлетворение своих развратов” и даже “принял намерение” продать Шильвинский завод¹⁵.

Так началась настоящая война между мачехой и пасынком за наследство. В марте – мае 1818 г. Подъячева подала еще несколько прошений, где доказывала, что Николай “начал по настройке неблагонадежных людей искать через Оренбургское губернское правление способов отклонить ее от владения и распоряжения заводом и сделаться самому полным оного владельцем”. Пелагея Дмитриевна утверждала, что еще в 1807 г. Алексей Матвеевич подавал в Уфимский городской магистрат “объяснение” о болезни сына, “лишенного в 1803 г. вовсе ума и по оному растраты капиталу его тысяч на 8 руб.”. Назначение же его управлять заводом, как она полагала, было сделано отцом в надежде, “не поправится ли под моим смотрением и наблюдением в уме своем”. “Но к несчастью не сбылось сие покойного чаяние, – сокрушалась вдова, – ...до такой степени, что кровные родственники его им гнушаться начали”. Вопреки завещанию мужа, она отстранила Николая от управления заводом и доверила его племяннику уфимскому мещанину Василию Алексеичу Подъячеву.

Все эти обстоятельства не могли не обратить на себя внимание горных властей. В марте 1818 г. началось “изыскание”, до окончания которого Н. А. Подъячев был выслан в Мензелинский земский суд, а на завод наложено запрещение. Отстраненный от управления и лишенный доходов, наследник сумел оправдаться перед судом. Он представил свидетельство купеческого и мещанского общества Уфы, в котором удостоверялось, что с 1812 г. он занимал должность ратмана в городском магистрате, “оказал по

службе всякую действительность и... может занимать и на будущее время подобные и другие должности". Получив, таким образом, опровержение обвинения в "скудоумии", Подъячев в то же время не скрывал, что действительно прежде был "одержим лихорадочною болезнью". Но даже тогда он "по воле родителя занимался торговлей, от которой приобрел пользы более 40 тыс. руб.". Обвиненный мачехой в побеге, он гордо заявил, что уходить от нее "тайным образом" не имел причин, поскольку "под караулом ее не был и в подобной дворовым ее людям зависимости не состоял". По словам Николая Алексеевича, уехал он вовсе "не во избежание от управления заводом", а для подачи "свидетельства" на Пелагею Дмитриевну в "захвате" имения отца по завещанию, в справедливости которого он "имел сомнение". Сама мачеха дала повод к этому, по какой-то причине не предъявив завещание на утверждение в Оренбургскую гражданскую палату в положенный 2-месячный срок. Подъячев также объяснял, что действительно продал место под сгоревшим домом и некоторые сохранившиеся вещи, а также занял 4510 руб. у студента Казанского университета Н. Я. Волегова, но употребил деньги вовсе не "для развратов", а "на приличное содержание семейства с женой и пятью малолетними детьми с прислугой в 11 человек... и для воспитания в науках детей".

В борьбе за наследство он обвинил не только мачеху в захвате завода, но и своего двоюродного брата В. А. Подъячева в неспособности к управлению. "Мещанин Василий Подъячев, – доказывал он, – до смерти родителя моего не только в управлении какого-либо завода, но на оных совсем никогда не бывал и в производствах горных совершенно никакого понятия не имеет, да и иметь не может, потому что он обращался в Мензелинске при питейных домах в качестве служительских должностей или в Уфе при содержании трактиров, или же более был праздным". Хотя Василий Алексеевич предоставил в суд "лист от общества Уфы", в котором говорилось о его заслугах в должностях словесного судьи и ратмана, но, видимо, предвидя исход борьбы, заявил о своей серьезной болезни и благоразумно отказался от управления Шильвинским заводом¹⁶. "Нет ничего подлее и бесчестнее, – писала тогда отчаявшаяся вдова, – как восставать сыну против воли своего родителя. Пасынок мой служит сему разительным примером, ибо он потерял нежные чувства почтения к праху своего отца, с тем вместе потерял и благодарность за воспитание, лишившись благородного чувства честности". Но подобные аргументы не принимались во внимание судом. Более важными для него стали показания 185 опрошенных заводских жителей, засвидетельствовавших, что Николай Подъячев "в пьянстве и во всяких законопротивных поступках не обращался и не обращается, жизнь ведет трезвую со здравым рассудком".

В итоге 26 февраля 1819 г. Пермское Горное правление заключило, "поелику по проведению в Мензелинском уездном суде исследованию ничего того, что Подъячева насчет пасынка своего писала, не открылось", невозможно отстранить его как "прямого наследственного лица" от управления заводом. Но поскольку и вдова по закону являлась наследницей умершего мужа, то она, по мнению горных властей, могла находиться при заводе лично или определить поверенного. Завещание А. М. Подъячева как неутвержденное уже не принималось во внимание. 18 июля Н. А. Подъячев вступил в управление Шильвинским заводом под наблюдением проживавшей там мачехи, а через год, 6 июля 1820 г., Пелагея Дмитриевна "по старости лет и слабости здоровья" вовсе "отозвалась" от общего управления заводом с условием "для пропитания ее с семейством выдавать хлеб и следующую часть денег". Однако конфликт между совладельцами не прекратился, пе-

рейдя на уровень “мелочных обид”. Так, вдова жаловалась на то, что пасынок “захватил усиленно собственные ее рессорные дрожки”, а также не дает ей “с семейством всего необходимо нужного, а особенно съестных припасов”. Она, в свою очередь, по мнению Николая Алексеевича, утаивала от него деньги и “разного имущества в скоте, платье, посуде серебряной и прочем немалое количество”, не выделяя “положенной части”¹⁷.

Конфликт между тем разворачивался на фоне упадка производства (в 1820 г. было выплавлено всего 118 пуд.) и все ухудшавшегося положения заводских рабочих, которые тогда уже, по свидетельству Уфимского магистрата, “делали грубости, неповиновения и возмущения... в недаче им провианта и свободных от работы дней”. Ситуация осложнялась тем, что еще в сентябре 1819 г. истекло время уплаты частных долгов А. М. Подъячева, и Горное правление предписало описать и взять в казенный присмотр неза заводское имущество Подъячевых, а доходы от продажи меди направлять на погашение долгов. Только в “узаконенном” (то есть по суду) разделе имущества видел выход из создавшегося положения Николай Алексеевич, считавший, что мачеха не пойдет на добровольный раздел. “Сам же я, – сознавался он, – будучи беден, не только уплатить по 2 тыс. руб. в год долгов не могу, но и действие завода без заимствований от других продолжить мне будет очень трудно”. В безвыходной ситуации он распорядился отпускать рабочих на три дня каждую неделю “без всякой от него заработной платы” или работать им “помесячно”. Но рабочие отказались от такого “снисхождения”, по словам исправника, “не надеясь содержать себя с семейством целый месяц по своей бедности” и вновь “вышли из послушания”. В феврале 1822 г. исправник уведомлял Горное правление, что на Шильвинском заводе совсем нет ни денег, ни хлеба, от чего “тамошние мастеровые, не получая нисколько для прокормления... провианта, от исправления заводских работ отказались”. Поскольку от заводсодержателя никакой помощи не ожидалось, он просил “указать Подъячеву о немедленном приискании компаньона” или рекомендовал удалить его от управления, поскольку считал, что “причина упадка завода есть не что иное, как неопытность владельца в горном и заводском производстве”¹⁸.

Пока этого не произошло, завод на какое-то время был даже остановлен, а рабочие распущены “на вольные заработки”. Тогда помощь Подъячеву решили оказать его родственники со стороны жены Федосьи Васильевны елабужские купцы 3-й гильдии Шишкины. Шурин Подъячева купеческий сын Иван Васильевич Шишкин так описывал происшедшие события: “...как они [Подъячевы] имеют большое семейство малолетних и пришли по остановке завода в бедное положение, почему убеждаясь сколько на просьбу ее [Федосьи Васильевны], а не меньше того сжалась и над бедным их положением, с поводу приказания родителя моего должен был сделать им вспомошествование с таковым предположением, чтобы Шильвинский завод взять себе в арендное содержание на 10 лет на поставленных между мною с Подъячевым кондициях, а до утверждения контракта горным начальством в то же время приступить по доверенности от Подъячева к управлению заводом и заводских крестьян продовольствию своим капиталом сколько будет потребно”. Но Шишкины руководствовались не только альтруистическими соображениями. В случае остановки завода они теряли один из источников своего дохода, поскольку уже несколько лет занимались продажей выплавленной там меди.

По словам И. В. Шишкина, он, “вступая в управление завода, для оного все нужное доставил своим счетом”, истратив 4 тыс. руб. “отцовских денег”. Кроме того, по просьбе Подъячева в феврале 1823 г. Горное правление выделило ссуду в 10 тыс. руб. на год под

залог завода. В результате Шильвинский завод был восстановлен. По свидетельству исправника, Шишкин привел его “в должное устройство и через посредство его старания сделано выплавки меди... такое количество, что прежде на оном заводе почти никогда не выплавлялось [до 400 пуд.]”. Из полученных доходов была возвращена казенная ссуда. Но оказалось, что затея с арендой была всего лишь махинацией Подъячева. “Под разными предложениями” он уклонился от подписания контракта, а “напоследок и вовсе от того отказался”. В марте 1824 г. Шишкин жаловался царю: “Подъячев завод нам уже не отдает и притом сказал, что вы теперь и без того не останете, потому что употребили деньги и их будет оставить вам жаль”. Он вновь, как в свое время мачеха и заводский исправник, обвинял Николая Алексеевича в “слабости” по управлению и “частовременном обращении в невоздержанность”. Обманутый арендатор требовал от Подъячева “удовлетворения”, полагая, что иначе “должен будет сугубое иметь по торговле расстройство и подрыв”. Со своей стороны, Подъячев обвинил Шишкина “в одном только поползновении к пользе своей” и не только не подписал контракта, но и уничтожил доверенность на управление возрожденным заводом. В 1825 г. он начал все-таки расчет со своими родственниками, но оспаривал многие “статьи” претензий, выдвинутых Шишкиным¹⁹.

В том же 1824 году Николай Алексеевич уже фактически устранился от управления, передав его по доверенности сыну Николаю. Однако из-за отсутствия оборотного капитала тот был не в состоянии самостоятельно вести заводские дела и потому сразу стал просить у Пермского Горного правления свидетельство на залог завода. Поскольку завод еще с 1818 г. находился “под запрещением”, Подъячеву отказали, но Горное правление по его просьбам ежегодно стало выдавать ссуды от 7 до 10 тыс. руб. из своих средств под секвестр металла. С помощью казенных денег, которых с 1823 по 1830 г. было выделено около 60 тыс. руб., Н. Н. Подъячев уже с 1825 г. сумел поднять производительность до 800–1000 пуд. меди и тогда же записаться вместе с отцом во вторую купеческую гильдию по городу Елабуге. Тем самым Шильвинский завод был сохранен во владении Подъячевых после издания сенатского указа от 27 июня 1823 г.²⁰

Николай Николаевич оказался ничуть не менее прагматичным и беззастенчивым хозяином, чем его отец и дед. Ему пришлось столкнуться с давней проблемой семейных долгов, возросших до 50 тыс. руб., а также урегулировать отношения с родственниками-совладельцами. В 1829 г. в Уфе был объявлен Конкурс по 10 присланным заемным письмам и векселям, в том числе и от губернского секретаря Волегова на 4510 руб., занятых Н. А. Подъячевым на содержание семейства в бедственное для него время ссоры с мачехой. Но по этому поводу Николай Алексеевич заявил, что никогда такой суммы не получал. Отец и сын не считали себя обязанными платить и по долгам А. М. Подъячева, накопившимся якобы “от двукратных пожаров и убыточного его содержания Шильвинского завода”. Конкурс, конечно, не мог принять подобных объяснений и решил треть выплачивавшейся на заводе Подъячевых меди оставлять для уплаты долгов, а в случае недостатка описать все их имущество. Николай Николаевич направил прошения в Горное правление и министру финансов, вновь обязуясь платить кредиторам по 2 тыс. руб. в год. Тем не менее Горное правление в июне 1830 г. приказало имение Подъячевых описать и оценить²¹.

Неопределенными остались и отношения с совладельцами, которыми являлись престарелая вдова А. М. Подъячева Пелагея Дмитриевна и вдова И. А. Подъячева Капитолина Григорьевна. Последняя еще в 1822 г. впервые пожаловалась на своего шурина, который при передаче завода в управление И. В. Шишкина, конечно же, забыл упомянуть об обязан-

ности отчислять часть доходов снохе и свекрови. “Но и после того, как ему было предписано содержать меня, – повторно жаловалась она в 1826 г., – он кроме выдачи ежемесячно двух пудов ржаной и пуда пшеничной муки ничего не доставляет, чрез что и приводит меня в крайнюю и совершенную невозможность не только содержать себя пристойно воспитанию благородной дочери, но даже и пропитывать”. Неприхотливая дворянка просила, чтобы Н. А. Подъячев ежегодно выделял ей по 200 руб., “каковая сумма [по ее мнению] ни мало для него не будет отяготительна, а для меня на год достаточная”.

За отца не преминул вступить сын. “Просьбу вдовы Ильи Подъячева, – отвечал он, – исполнить не могу, потому что она должна быть довольна содержанием одной хлебной провизией, ибо дед мой Алексей Подъячев при смерти своей наградил ее достаточно [по-видимому, имелось в виду предписание тестя “питать и одевать” сноху], чем она, будучи бездетна, может довольствоваться”. Посчитав “корыстным” желание тетки получать законные 200 руб., племянник решил, что она должна довольствоваться тем, что “со дня смерти мужа своего живет во всяком довольстве, имея покойный дом, освещение и самое даже отопление”. Попутно досталось и мачехе отца, которая, по его словам, “достигла до глубокой старости и сродными с оной болезненными припадками ослабевает в рассудке”. Она, как полагал Николай Николаевич, вознамерилась имущество, доставшееся ей от мужа “на значительную сумму”, передать после смерти не его отцу, а живущей вместе с ней тетке Капитолине Григорьевне. Запомняв то, что завещание деда по тяжбе самого Н. А. Подъячева было уничтожено, он просил движимое имущество и дворовых вдовы, которыми теперь она вправе была распоряжаться по своему усмотрению, взять в секвестр. Вслед за первой, в августе 1826 г., Н. Н. Подъячев отправил новую жалобу на Пелагею Дмитриевну, по-видимому, нелюбезно высказавшуюся в адрес пасынка и достойного его сына. Уязвленный купец сообщал, что она “от родителя моего пропитанием не только не благодарна, но даже делает с насмешкою нашему небогатству порицание”. В отместку вдова не выдала “внуку” “крепости и прочие документы”, а принадлежавшим ей 20 крепостным, которых, по мнению Подъячева, следовало продать “на удовлетворение дедовских долгов”, дала отпускную²².

В 1820-е и в последующие годы, помимо семейных, обострились и производственные проблемы, которые существенно влияли на доходность предприятия Подъячевых. Как уже отмечалось, эти проблемы заключались в сложностях с заготовкой топлива и руды для завода. По-видимому, пытаясь освободиться от обременительных расходов на покупку лесных материалов, Подъячевы “приворовывали” лес, о чем в 1824 г. было заведено особое дело. По сведениям Конкурса, претензии в их адрес простирались до 160 166 руб. Идя навстречу владельцам, в 1830 г. Горное правление сняло ранее наложенный секвестр на расход леса “по неокончанию еще судебного дела”.

Подъячевым удалось освободиться от обвинений в самовольном истреблении казенных лесов, но не решить проблему с ограничением лесов к заводу. Несмотря на то что указами от 1840, 1846, 1856, 1857, 1858 и 1859 гг. Уральское Горное правление и Сенат предписывали органам Министерства государственных имуществ наделить Шильвинский завод лесами, этого так и не произошло. Поэтому за право вырубki как минимум тысячи сажен куренных дров они платили 2,8 тыс. руб. попенных сборов ежегодно. В 1859 г. главный начальник Ф. И. Фелькнер уведомлял министерство, что Шильвинский завод мог бы значительно увеличить свою производительность и при благоприятных обстоятельствах выплавлять ежегодно до 2 тыс. пуд. меди, но этому мешало “крайне

бедственное положение заводчика и затруднения, какими... всегда сопровождается отпуск лесных материалов из дач ведомства государственных имуществ”. Выделяемые же для вырубki дров участки, по объяснению Н. Н. Подъячева, находились то далеко от завода, то содержали один осиновый лес, то назначались только “в зимнюю рубку” (с 21 октября по 1 марта)²³.

Пришлось Подъячеву за свой счет приобретать и руду. Так, по-видимому, к нему перешли старинные Зайшешминские рудники. Но они были расположены далеко от завода и состояли из “весьма тонких пластов окисленных медных руд, содержащих не более 2 % меди”. Кроме того, периодически возникали проблемы и со снабжением Шильвинского завода водой. Владея только землей под заводом, Подъячевы попадали в зависимость от соседей – государственных крестьян, которые выше завода на реке Шильне поставили несколько мельниц и ограничили поступление воды в заводский пруд. В феврале 1847 г. Н. Н. Подъячев не в первый уже раз жаловался, что пущенная в действие печь смогла проработать всего 10 дней и была остановлена “на всем ходу от стекшей начисто из пруда воды от того, что содержатели Малошильнинской и Ильбухтинской мельниц, скопляя воду в свои пруда, пресекали течение речки Шильны... и теперь не только продолжить далее начатое действие совершенно стало нельзя, но даже и нет возможности размалывать провиант заводским мастеровым”. Горное правление было не в состоянии помочь пострадавшему заводчику и уничтожить, как он просил, мельницы, поскольку те являлись собственностью крестьян и находились на их земле. “Для отвращения вреда, – рекомендовало правление, – Подъячев должен прибегнуть к полюбовной сделке с владельцами тех мельниц”²⁴.

Недостаток всех основных природных ресурсов (леса, руды, воды), естественно, серьезно затруднял функционирование завода. Поэтому он работал нестабильно, его медь по общепринятой классификации качества находилась на самом последнем месте и продажа ее не приносила значительного дохода²⁵. После вступления в управление Николай Николаевич, по-видимому, пытался найти дополнительные источники дохода в побочных занятиях. Так, в начале 1830-х гг. он недолго содержал два небольших поташных завода, в 1840-е гг. состоял в компании с купцом Черновым по разработке золотых промыслов в Верхнеуральском уезде. Возобновились и контакты Подъячева с купцом Шишкиным, с которым, в частности, была заключена “торговая запись” на доставку хлеба. Однако эти предприятия являлись эпизодическими и не имели большого успеха.

Тогда владелец попытался осуществить серьезную реорганизацию своего заводского хозяйства. В 1850-е гг. он арендовал несколько десятин земли у чиновницы Курбатовой и возвел на них “временную” Александровскую “фабрику” в 25 верстах от Зайшешминских и 10 верстах от принадлежавшего ему же Нератовского рудников. Вблизи нового завода располагались и отведенные Подъячеву для рубки дров лесные участки. На Александровской “фабрике” Николай Николаевич сосредоточил саму плавку руд, а на Шильвинском заводе, удобно расположенном в четырех верстах от Камы, оставил лишь очистку черновой меди и разлив ее в штыки. Все это позволило временно увеличить ежегодную производительность заводов до 1,5–2 тыс. пуд. Однако поскольку новое предприятие было построено без разрешения Горного правления и взамен уничтоженных в Шильвинском заводе медеплавильных печей, то Подъячев не получил права на 10-летнюю льготу от платежа горных податей²⁶.

Оборотной стороной попыток преодолеть так и не решенные проблемы обеспечения завода сырьем и топливом стало чрезмерное усиление притеснений и эксплуатации крепостного заводского населения. Первые признаки этого появились еще в конце 1830-х гг. Так, в 1837–1838 гг. расследовалось дело по обвинению Н. Н. Подъячева “в несправедливой отдаче крестьян в рекруты и в рабское услужение здешним чиновникам”. Оно возникло по жалобе крестьянки Шильвинского завода Балдиной, сына которой, несмотря на то, что у него было пятеро детей, заводчик сдал в рекруты “за дурное поведение”. Правда, оказалось, что сделал он это с соблюдением всех правил (с засвидетельствованием заводского исправника и с разрешения Горного правления). Отданные же “в приданство” сестрам Подъячева (как утверждала Балдина) девять крепостных с семьями проживали у зятьев Подъячева бугульминского казначея П. Сипайлова и депутата Оренбургской уездной конторы А. Иванова, как выяснило следствие, якобы “для закупки и принятия провианта для Шешминских рудников и Шильвинского завода”. Предъявив письменные “условия”, Подъячев сумел доказать, что он не только не использовал заводских крепостных на “посторонние работы”, но даже из-за недостатка их нанимал на вырубку куренных дров “вольных крестьян”. Растерявшейся крестьянке ничего не оставалось делать, как признаться, что она, “будучи 70 лет, слепая и находясь в горести при отдаче сына, не помнила себя”, когда подавала жалобу²⁷.

В 1840-е гг. Н. Н. Подъячев столкнулся с более серьезными угрозами. В 1847 г. на Шильвинском заводе произошло волнение, следствие по которому обнаружило, что уроки по рудничным и куренным работам почти вдвое превышали нормы, установленные штатами Пермских казенных заводов. Советник Земляничин докладывал в Горное правление, что большая часть крестьян работала на отдаленных рудниках почти круглый год и, “отлучаясь от своих семейств”, получала взамен только хлеб и крупу, а заводским рабочим выдавался один только провиант и им приходилось работать в праздники “без всякого вознаграждения”. “Женщин и девок” Подъячев заставлял зимой прясть, летом ткать холсты, ухаживать за его огородами, собирать грибы и ягоды “без их согласия и без платы”, а также принуждал “против воли” выходить замуж. Следователем были отмечены и случаи “жестокости обращения” владельца с крепостными. Так, скорый на руку хозяин одному крестьянину “ударом перчаткой за грубость” вышиб зуб, других наказал розгами, а одну крестьянку избил за недоставку ягод. Открылись также махинации Подъячева по подделке документов “о производимых на него казенных взысканиях”. Повинившейся в этом перед властями крепостной управляющий К. Комиссаров считал, что владелец нарочно доводил крепостных рабочих “до крайности” с целью получения казенных ссуд. Невысокого мнения о владельце был и заводский исправник. “Покуда Подъячев будет хозяином завода при настоящем его положении дел, – сообщал он в Горное правление, – в заводе не сотворится не только достаток заводских крестьян, но и самое их спокойствие. Правительство всегда будет обременено лишнею перепискою (без которой Подъячев существовать не может)”. Но доказать эти обвинения следствие тогда не смогло.

При личной беседе Земляничин сообщил Подъячеву, что “содержание крестьян только тогда признается удовлетворительным, когда он будет давать им известные пайки хлеба и денежные платы, не менее определенных казенными штатами”. В свое оправдание заводчик пожаловался, что “и без того при недоработках крестьян и при покупке леса ему тягостна выдача пайков... что крестьяне работают теперь по своему произволу, сколько хотят, и не вознаграждают даже половины того, что стоит хлеб”. По его подсче-

там, каждый короб угля обходился от 4 руб. 20 коп. до 5 руб. 70 коп. асс., что “отнимало у него возможность производить платы заводским людям”. В конце концов следователь вынужден был признать, что главная причина “ропота” заключается “в неимении в Шильвинском заводе лесов на заводское производство”. Он рекомендовал срочно наделить завод лесами, а пока Подъячев не изыщет средств “доставлять крестьянам пропитание”, разрешить им заниматься “повольными работами”. С такими предписаниями и был издан министерский указ от 25 сентября 1847 г.²⁸

Но в январе следующего года главный начальник уральских заводов распорядился не распускать крестьян, “если Подъячев еще некоторое время доставлять может им пропитание”. По официальной версии причиной этого явились трудности в отыскании крестьянами зимой “повольных заработков”, а также предположение, что “распускание их после оказанного неповиновения заводовладельцу может послужить вредным для других заводов примером”. На деле же изменение решения в пользу заводчика объяснялось тем, что в случае остановки Шильвинского завода казна лишалась последней надежды на возвращение долгов. В. А. Глинка уже тогда предлагал наказать Подъячева розгами и отдать “в арестантские роты”, а завод взять в казенный присмотр. Но в присутствии чиновника Горного правления и заводского исправника Подъячев клятвенно пообещал исправить “упущения” и содержать рабочих в соответствии с предоставленными ему “казенными положениями” Пермских заводов²⁹.

Но с этой задачей Николай Николаевич справиться не сумел даже с помощью принятой им перестройки заводского хозяйства. Наоборот, она, очевидно, потребовала вложения значительных капиталов, которые поступали за счет единственного источника доходов Подъячева – работы заводского населения. В начале 1859 г. на его заводах вновь вспыхнуло волнение. Но на этот раз власти (в первую очередь губернские) безоговорочно встали на сторону рабочих.

По донесению решительно настроенного искоренить злоупотребления заводчиков оренбургского губернатора Барановского “об открытых им по управлению рабочими Шильвинского завода беспорядков” (оказавшегося в распоряжении А. И. Герцена и опубликованного в приложении к “Колоколу” “Под суд!” от 15 декабря 1859 г.)³⁰, по “Высочайшему” повелению было открыто “формальное расследование”, которое проводил командированный министром финансов инженер-полковник Л. А. Соколовский. Своего рода “обвинительным приговором” Подъячеву явилось его донесение А. М. Княжевичу. “Обременяя крестьян работами, не выдавая вполне следующего им жалования и провианта, отдавая из личных своих расчетов в услуги посторонним людям... – писал следователь, – владеец нисколько не заботился об участии своих людей, не имел и не имеет до сих пор... заводской школы... не имеет ни малейшего попечения о призрении больных и увечных, так что рабочие нередко умирали в землянках без всякого медицинского пособия... В обращении с рабочими при исполнении заводских работ владеец делает им беспрестанные притеснения, обиды и побои; примеру его следуют все приставники и надзирающие за работами нарядчики”.

Подъячев, как и прежде, пытался отговориться “неимением лесных и сенокосных угодий”, но, по мнению следователя, это обстоятельство нисколько не оправдывало его в открытых злоупотреблениях. Мало того, Соколовский обвинил заводчика и его “приставников” в отсутствии “малейшего понятия о горном и заводском деле”. Эти знания, считал он, требуют “долговременного навыка, и, по крайней мере, практических познаний, и

потому не могут облегчить труда применением общеупотребительных и всем известных правил, давно принятых на всех благоустроенных заводах и рудниках”. Главная причина всех злоупотреблений и беспорядков, резюмировал следователь свои наблюдения, кроется в самом владельце, “который по своей недобросовестности и изворотливости всегда найдет средства притеснять крестьян... Вообще можно сказать, что с его беспокойным характером и наклонностью к ябедничеству он не только не может и не должен управлять судьбою подчиненных ему людей, но и сам должен быть подвергнут строгому и постоянному наблюдению со стороны установленных законом властей и общества”. До завершения следствия Соколовский вместе с уральским берг-инспектором полковником Строльманом рекомендовали в качестве временной меры назначить горного исправника в Александровский завод “для наблюдения за действиями владельца и его крестьян”³¹.

В ответ Подъячев предъявил казне претензии на значительную сумму, уплаченную на покупку леса с 1822 г. и вновь потребовал наделения заводов землей. В противном случае он просил Сенат принять Шильвинский завод в казну. Министр государственных имуществ отказался выплачивать деньги “за пропуском 10-летней давности”, а министр финансов отверг предложение о передаче завода на том основании, что условия, предложенные Подъячевым, оказались для казны невыгодными³².

В то же время результаты следствия были представлены А. М. Князевичу, который 13 августа 1859 г. решил, что “злоупотребления заводчика по содержанию рабочих достигли крайнего предела”, и распорядился взять Шильвинский завод в опекуновское управление. Мензелинская дворянская опека назначила опекуном местного помещика есаула Белоновского, который вступил в управление заводом 6 октября того же года. Но отстранение от управления оказалось еще далеко не всем, что предстояло пережить несостоятельному заводчику. 10 ноября того же года Комитет министров по ходатайству оренбургского генерал-губернатора признал “дальнейшее пребывание Подъячева в Оренбургском крае вредным и опасным для общественного спокойствия”. В результате было принято беспрецедентное постановление о высылке Н. Н. Подъячева в город Пинега Архангельской губернии с учреждением за ним строгого полицейского надзора. Хотя в литературе утверждается, что Подъячев сумел скрыться, но, по словам самого заводчика, он явился в Пинегу “без сопровождения”³³.

Между тем под управлением неопытного опекуна Белоновского Шильвинский завод все больше клонился к упадку, несмотря на то, что царь повелел отсрочить взыскание казенных податей с завода на 10 лет, “начиная с того времени, когда начнется постоянный отпуск леса”. К 1860 г. накопилась податная недоимка в 1181 пуд и 275 руб. Горное правление тогда предложило даже продать Шильвинский завод с публичных торгов³⁴. Ко всем прежним прибавилась еще проблема наделения горнозаводского населения землей в соответствии с Дополнительными правилами 1861 г. После настоятельных прошений рабочих 16 мая 1861 г. Сенат принял решение о нарезке им земли и леса из принадлежавших казне участков. Но 15 июля по “Высочайшему” повелению оно было приостановлено “впредь до рассмотрения дела в Государственном Совете”. Все эти обстоятельства вызвали поток прошений от разных лиц о пересмотре прежних правительственных решений о заводе и его владельце.

Первыми подали свой голос кредиторы Подъячева елабужские купцы Д. И. Стахеев и И. В. Шишкин, которым тот задолжал 29 750 руб. Впервые в апреле 1860 г. они просили об отдаче завода в управление кредиторов по образцу Кнауфской компании. Пока завод

находился “под управлением не знающего заводских дел опекуна и под распоряжением неблагонадежных заводских крестьян”, они не видели другой возможности вернуть свои деньги. Но Сенат, “приняв во внимание неимение в законах разрешения на отдачу частных горных заводов в управление кредиторов для уплаты долгов”, отказал им в просьбе. Все ухудшавшееся положение Шильвинского завода подтолкнуло купцов повторно обратиться к министру финансов в феврале 1862 г. “В продолжение сего времени, – свидетельствовали они, – завод приходит не только в расстройство, но и совершенно клонится к уничтожению”. Опекун Белоновский растратил все запасы и увеличил долг на 2 тыс. руб., за что был удален от управления и даже состоял под следствием. “Но от сего какая польза заводу?” – вопрошали они. Новый опекун Юферев тоже оказался незнаком с заводским делом и довел завод “до совершенного расстройства”. “Провианту нисколько не имеется, жалование крестьянам за несколько месяцев не заплачено, все казенные подати и повинности тоже не заплачены и сверх этого [опекун] задолжал частным людям до 3 тыс. руб., казенные же долги и на них проценты и штрафы значительно умножаются на заводе. Вот плоды опекунского управления!” – подводили итог кредиторы. Главной ценностью, по их мнению, являлись отведенные к заводу рудники, которые “без всякого правильного их ведения, наблюдения и смотра до того могут быть доведены, что совершенно обрушатся и стоимость их значительно изменится. Кроме их завод никакой ценности не имеет, строения ни к чему не пригодные, крестьяне получают свободу и делаются необязательными, земель никаких нет, лесов тоже”. Продажа такого завода, предупреждали купцы, не покроет не только частых долгов, но и казенных. По-видимому, предложение кредиторов поддержал сам Н. Н. Подъячев, но как им, так и ему вновь было отказано. Вместо того 18 мая 1861 г. департамент предписал ввести в опекунское управление горного чиновника³⁵.

Николай Николаевич из Пинеги неоднократно обращался в разные инстанции и даже к царю с просьбой “возвратить его бедному семейству, повергнутому горести и несчастью”, но жалобы его оставались без внимания. Отчаявшись, он просил отправить его в Соловецкий монастырь “для поклонения святым мощам”, а оттуда все-таки в столицу, “дабы, – по его словам, – по делу моему сделать рукоприкладство... в разрешение тех предметов, которые я не мог обнаружить следователям, видя их прямое направление в мое стеснение”. Но даже это интригующее обещание не поколебало правительство и царя. Тогда по какой-то причине за Подъячева вступился статс-секретарь князь А. Ф. Голицын, которого заводчик называл “другом истины”. В ноябре 1861 г. князь просил перевести Подъячева “на жительство по званию его в город Елабугу”, но министр решительно отказал, сославшись на то, что пребывание там Подъячева будет иметь “весьма дурное влияние” как на опеку, так и на население расположенного поблизости Шильвинского завода. На другое письмо Голицына сменивший Княжевича М. Х. Рейтерн отреагировал более благосклонно. “Я не встречаю препятствий, – ответил он в феврале 1862 г., – к разрешению ему [Подъячеву] временной отлучки в Москву, если только Вы изволите признать возможным испросить Высочайшее на то соизволение”³⁶.

Но не эти прошения и протекции, а происходившие в стране перемены привели к желаемому для Подъячева результату. В августе 1862 г. Сенат признал, что “в связи с прекращением обязательных отношений заводских людей к владельцам устраняется сама

возможность подобных злоупотреблений”, и на основании указа от 25 июня 1862 г. об отмене опеки, учрежденных “за злоупотребления помещицьею властью”, нашел возможным снять опеку с Шильвинского завода³⁷.

Видимо, к этому времени на заводе были уже составлены уставные грамоты, поскольку еще 26 апреля 1862 г. Государственный Совет постановил “передать требующиеся как для заводского действия, так и для наделения рабочих леса и угодья в количестве 10 тыс. дес.”³⁸. Опека была вскоре снята, а на запрос Сената оренбургский генерал-губернатор ответил, что и “возвращение в настоящее время Подъячева... не только не может уже иметь вредные для мастеровых завода последствия, но напротив должно служить к восстановлению правильного действия завода и тем самым подать надежду к уплате состоящих на заводе долгов”. В апреле 1863 г. сам воспрянувший духом Николай Николаевич и его сыновья Михаил и Николай просили Сенат о возвращении его из ссылки. В мае М. Х. Рейтерн получил от М. Н. Подъячева прошение, в котором тот описывал “незаконные действия бывшего опекунского управления и понесенные через то владельцами убытки”, вновь просил о скорейшем возвращении отца и передаче в его управление завода³⁹.

4 апреля 1863 г. император освободил Подъячева от полицейского надзора и позволил вернуться в Оренбургскую губернию⁴⁰. Однако самому Николаю Николаевичу, видимо, не разрешили вступить в управление заводом. С 26 ноября 1862 г. “по воле начальства” эту обязанность по доверенности принял на себя его сын Михаил, который из-за отсутствия средств так же, как и опекунское управление, был обречен на неудачу. Уже в 1865 г. он просил наполовину сократить величину казенной подати по примеру Верхотурского завода Пашкова. “Так как по стесненному положению Шильвинского завода... – писал он, – мастеровым предоставлено льготное пользование казенными лугами и избавление от податей и повинностей, то владелец завода тем более нуждается в облегчении положения одного в отношении податей”. Однако в Совете Корпуса горных инженеров рассудили, что, в отличие от Пашкова, который наделил рабочих “безвозмездно” из собственных земель, Подъячев не мог воспользоваться этой льготой. Шильвинский завод так и не получил от казны ни лесов, ни льгот, и вскоре был закрыт⁴¹.

24. А. А. Кнауф и акционеры Компании Кнауфских заводов

Появление иностранца (немца, по происхождению) Кнауфа в составе уральских заводчиков было связано с решением правительства Павла I об отдаче ему в бессрочную аренду Златоустовских заводов. 30 сентября 1800 г. появился именной указ директору Берг-коллегии М. Ф. Соймонову, в котором сообщалось, что на основании подтвержденного 19 мая “мнения” Императорского Совета “об отдаче лугининских и походяшинских рудокопных заводов в вечное и наследственное содержание партикулярным людям, всемилоостивейше соизволили, дабы лугининские заводы, выключая медеплавильный Миасский, отданы были московскому купцу Кнауфу”⁴².

Это решение власти имело свою предысторию. Андрей Андреевич Кнауф появился на Урале, видимо, незадолго до этого события. Скорее всего, произошло это в 1796 г., когда в компании с купцом Доути он был определен “комиссионером” от голландского торгового дома Яна и Карла Гассельгреенов и английского торгового дома Шнейдеров для управления Преображенским медеплавильным заводом, принадлежавшим обанкро-

тившемуся московскому купцу П. М. Гусятникову⁴³. Тогда, вероятно, и возник у Кнауфа и его иностранных покровителей план основательнее закрепиться в уральской горнозаводской промышленности путем покупки у капитана Ивана Максимовича Лугинина Златоустовского округа (доставшегося последнему по разделу с младшим братом Николаем 12 января 1797 г.⁴⁴). Лугинины приходились племянниками П. М. Гусятникову (первой женой которого была их родная тетка А. Л. Лугинина)⁴⁵, который, вероятно, и поспособствовал сделке “комиссионера” его завода Кнауфа с находившимся под попечительством капитаном. Для этого Кнауф принял “вечное” российское подданство и записался в первогильдейское московское купечество.

Как сообщалось в справке Уральского Горного правления, в 1798 г. им были куплены пять заводов Златоустовского округа. Поверенный купца коммерции советник И. А. Корелин произвел оценку сделки в июле 1798 г., и по ней уже было выплачено владельцу 400 тыс. руб., когда 20 мая 1799 г. по “Высочайшему” повелению Златоустовские заводы неожиданно поступили в собственность Государственного Ассигнационного банка. “В возмездие понесенных убытков и употребленных на устройство заводов издержек” Кнауфу из казны тогда же вернули 100 тыс. руб., а выплата 300 тыс. руб. была рассрочена на несколько лет с процентами. Но вскоре казенное управление по какой-то причине “оказалось невыгодным” (известно, что назначенный командиром заводов И. Ф. Фелькнер был ложно обвинен в различных злоупотреблениях), за чем и последовал указ от 30 сентября 1800 г.⁴⁶

В соответствии с “кондициями”, приложенными к этому царскому указу, Кнауфу отдавались четыре из пяти Златоустовских заводов (Златоустовский, Кусинский, Саткинский и Артинский с 5244 рев. д.) за исключением медеплавильного Миасского завода, где была недавно оборудована золотопромывательная “фабрика” (добыча золота в России до 1812 г. являлась привилегией государства). Купцу полагалось ежегодно платить казне по 6 % с оценочной стоимости заводов, составлявшей 1 780 100 руб., то есть примерно 100 тыс. руб., и нести все общие повинности. Кнауф также уступал казне “претендуемые им 300 тыс. руб. убытков, потерпевших при запродаже ему заводов от перевода и займа капиталов”, и обязывался вернуть уже выданные 100 тыс. руб. Аренда признавалась не только бессрочной, но и потомственной. Кнауф мог передать заводы “из наследников тому, кому по уважению способностей пожелает, разумея под сим российского подданного, а не инодержавного” (неизвестно, были ли у Андрея Андреевича дети; в документах “наследником” Кнауфа называли московского купца Антона Стольме), продать арендные права с ведома Берг-коллегии или вернуть заводы в казну. Вместо залога ему предоставлялось право застраховать заводы “в надежной страховой конторе”⁴⁷.

Почти через год условия аренды были скорректированы. 3 июля 1801 г. “Высочайшим” указом Кнауфу разрешили арендную подать выплачивать “голландскими облигациями”, выпущенными в счет долга России, и во избежание излишних издержек на пересылку вносить их в Амстердаме к банкирам де Смет. В Министерство финансов он должен был предоставлять только расписки о приеме облигаций к 30 сентября каждого года⁴⁸. Очевидно, такой способ расплаты за аренду был удобен не только российскому правительству, но и Кнауфу, сохранившему свои заграничные связи.

6 октября 1801 г. был заключен контракт на указанных условиях. Дополнительно в нем устанавливалось, что в случае трехкратной неуплаты в срок оговоренных сумм казна могла поступить с Кнауфом “как с неисправным и нерадивым содержателем по силе законов”. В качестве залога вместо предполагаемого страхования заводов купцу позволялось ку-

пить тысячу крепостных душ. В контракте Кнауф упоминал, раскрывая круг своих связей, что уже сговорился с князем А. Н. Голицыным на покупку его калужского имения (в 1802 г. это имение, заложенное Кнауфом, будет отдано им “в казенное ведомство” в обеспечение отпущенного железа)⁴⁹. Но пока купчая не была совершена, предоставлял в залог данную ему уверенность от княгини Л. Н. Гагариной на тысячу ее крепостных “с женами и детьми и со всеми землями” в трех губерниях. Кроме того Кнауф предоставил в Берг-коллегию “свидетельства от бывшей в Варшаве комиссии” на 16 752 руб., доставшиеся ему “по банковской надписи от негоцианта Бергина и компании”⁵⁰.

То, что Андрей Андреевич был не только хорошо знаком с влиятельными и знатными лицами, но и пользовался их доверием, свидетельствует другой контракт, заключенный им через три года, 16 сентября 1804 г., в Петербурге с бароном Г. А. Строгановым на аренду трех его Кыновских заводов. “Будучи уверен с самой лучшей стороны о Кнауфе по примеру нынешнего его управления заводами”, барон разрешил тогда купцу “владеть своими заводами, управлять людьми, употреблять их в работы так, как бы то была его истинная собственность, надеясь твердо, что он, получая от всего того надлежащие и справедливые прибыли, не забудет ни моих выгод, ни людей, приписанных к заводам”.

Условия долгосрочной аренды (заводы отдавались Кнауфу на 13 лет с 1 ноября 1804 по 1 ноября 1817 г.) были довольно необычны. В качестве арендной платы купец обязывался нести все расходы по содержанию заводов, исполнять повинности и вносить банковские платежи и страховые взносы (с общей суммы 571 229 руб.) за заложенные во Вспомогательном банке и застрахованные в Англии Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзвенский заводы. Следовательно, вся возможная прибыль шла Кнауфу, и ею он не делился с владельцем, как это обычно происходило при аренде. Но по условиям контракта после его заключения купец предоставлял Строганову беспроцентную ссуду в 252 тыс. руб., которую барон обязался возвращать по частям с 1810 по 1816 г.⁵¹

Можно предположить, что нуждавшийся тогда в деньгах барон согласился на аренду именно для того, чтобы получить этот заем. В результате у него сразу появлялись четверть миллиона рублей и он освобождался от ежегодных платежей по залогам. Кроме того, будучи назначен посланником в Испанию, Строганов собирался тогда надолго покинуть Россию и, по-видимому, рассчитывал отдать свои заводы в руки не просто наемному управляющему, а заинтересованному в развитии производства и, как он считал, надежному арендатору.

Кнауф в то время располагал большими капиталами и, арендуя строгановские заводы на столь длительный срок (по договору он мог быть продлен на год за каждую просрочку Строгановым взноса по займу), предполагал, видимо, рационализировать сложные производственные связи Кыновских заводов и поднять их довольно низкую производительность. Арендатор обещал “ничего не запускать до разрушения” и даже получал право с согласия владельца строить новые заводы и приискивать рудники на землях Строганова, “не требуя в прибавку крестьян и заводских людей”, а также “обучать людей на свой счет ремеслам, художествам и наукам, каким и где хочет”. После истечения срока аренды он должен был передать владельцу “все новые заводы, фабрики, махины и все им сделанные заведения и открытые рудники... безденежно”⁵².

Вероятно, доверие Г. А. Строганова к А. А. Кнауфу как надежному и обеспеченному партнеру укрепилось известием о том, что незадолго до составления между ними контракта купец приобрел в собственность у разорившегося И. П. Осокина медеплавильные

Юговский, Курашимский, Бизярский и железные Нижний и Верхний Иргинские и Саранинский заводы. По купчей, заключенной 4 апреля 1804 г., Кнауф брал на себя погашение долга Осокина Вспомогательному банку в размере 730 500 руб., а 584 500 руб. вручал продавцу наличными. Кроме того, в 1802 г. Кнауф сделал еще одну покупку, приобретая у графа С. П. Ягужинского за 40 тыс. руб. недействующий Курганский медеплавильный завод с рудниками и лесами (правда, возобновлять действие завода он не стал)⁵³. Таким образом, в течение всего пяти лет Андрей Андреевич стал владельцем семи и арендатором (срочным и бессрочным) семи же заводов Урала, оставаясь еще и “комиссионером” Преображенского завода. Было чему восхищаться представителям российского горнозаводского дела, по-видимому, с завистью смотревшим на ворочавшего миллионами ново-явленного московского купца и именитого гражданина.

Однако всего через несколько лет все предприятия Кнауфа оказались в полном провале. Особенно серьезно пострадали заводы, арендованные у Г. А. Строганова. Из-за банкротства Кнауф не сумел завершить начатую там перестройку, запустил заводы и прекратил платежи податей и банковского долга. По свидетельству принимавшего в 1818 г. заводы главноуправляющего имениями барона действительного статского советника Дружинина, за время аренды производство металлов на Кыновских заводах сократилось в три раза, заводские строения обветшали и требовали больших затрат на поправку, близкие к заводам леса оказались вырублены, а речки “обсушены”, богатые рудники “зава-лены” и горные укрепления разрушены, припасы не заготовлены, заводские люди “до-ведены до крайности разными необыкновенными поборами и налогами, собираемыми будто бы в замену заводских работ”. В результате тогда пришлось полностью остановить Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзвенский заводы.

Скорее всего, из-за подобных “успехов” арендного управления Кнауф поспешил возратить заводы владельцу в установленные контрактом сроки, хотя, как сообщал его управляющий челябинский купец В. Кураев, это было “противно его желанию”. Кураев утверждал, что Кнауф принял заводы в такое время, когда от понижения цен на железо “терпел от оных большие убытки” и, кроме того, не только “не получал никогда от барона исправного по срокам платежа данного ему капитала... но и доньше он сполна платеж Кнауфу не окончил”. По контракту в таком случае купец имел право продлить аренду, тем более в такое время, когда из-за повышения цен “мог бы не только возратить понесенные им в минувшие годы убытки, но и получить сверх того немаловажные пользы”. Но Кнауф якобы “единственно из уважения” к барону и его главноуправляющему согласился на возвращение заводов “с такою, однакож, надеждою, что оставшийся на бароне Строганове капитал выплачен будет Кнауфу без промедления, равно и за понесенные им убытки не останется без удовлетворения”.

Ответом на это “дерзкое” заявление стало письмо, направленное Дружининым в Горный департамент в феврале 1818 г. Строганов, сообщал он, сам давно имел право разорвать контракт “по просрочкам Кнауфом взноса в банк долгу, на заводах лежащего”. Выплаты же Кнауфу занятых у него 252 тыс. руб. производились вовремя до 1814 г., когда они были остановлены “по причине неплатежа в банк за заводы долгу”. По поводу убытков Кнауфа из-за изменения цен на металлы управляющий резонно возразил, что барону Строганову “в том никакого дела нет”, поскольку контракт заключался “по доброй воле с обеих сторон”. “По таковым обстоятельствам видно, – делал вывод Дружинин, – что Кураев... имел целью отбыть от ответственности за совершенное почти

разрушение заводов барона Строганова и избавить доверителя своего и даже подвести аренду сию под общую статью по несостоятельности Кнауфа в пользу его кредиторов”. Сам же арендатор, по уверению главноуправляющего, “по истечении срока аренды на обратный прием от него заводов сам здесь [в Петербурге] лично и охотно согласился”. Департамент предписал Пермскому Горному правлению “сделать со своей стороны надлежащие распоряжения” по передаче заводов от арендатора владельцу, а по взаимным спорам предоставить им право разбираться там, “где следует по закону”⁵⁴.

Более успешно поначалу шли дела на Златоустовских и собственных Кнауфских заводах (так стали официально называться Юговские заводы). Купец энергично взялся за дело. По свидетельству чиновников Горного департамента, Кнауф “выписал из-за границы известного учредителя Златоустовской оружейной фабрики Эверсмана и других искусных людей... положив таким образом начало нахождению при тех заводах иностранных мастеров, приобрел разные машины для учреждения новых полезных заводских устройств” и наладил там выпуск военной продукции (что, возможно, было негласным условием аренды), потребность в которой в то время быстро росла. На Златоустовских заводах началось литье орудий, артиллерийских снарядов, бомб и брандкугелей. По сведениям за 1806–1808 гг., на Верхнеиргинском заводе, где новый владелец пытался организовать производство холодного оружия, работали англичане механик Джон Вильсон, мастера “при ножевой фабрике” Эдвард Шерпин и Джеймс Вудланд, а также саксонец гравер Иван Кесаль. Здесь же по заключенному с Кнауфом контракту “производил строение разных паровых и других машин, еще стройкою не оконченных и в действие не приведенных” коллежский ассессор Осип Яковлевич Меджер, “уроженец английский”. В одном из рапортов он был назван “содержателем Верхнеиргинской мануфактуры под фирмой Меджера и К^о”⁵⁵. В 1817 г. было даже начато строительство Верхнесаранинского железоделательного завода для передела чугуна Нижнеиргинского завода.

При освидетельствовании Кнауфских заводов казной в 1809 г., выяснилось, что после покупки их у Мосолова в 1804 г. там было выплавлено 88 918 пуд. меди (в среднем по 17,8 пуд. в год), 318 320 пуд. железа (по 63,7 тыс. пуд.) и получена прибыль в 1 486 502 руб. (около 300 тыс. руб.), что было совсем неплохо. Но проблемы, возникшие, как отмечается во многих документах, по заграничным торговым операциям Кнауфа и, вероятно, связанные с присоединением России к континентальной блокаде, в том году привели к “частовременному недостатку в суммах, необходимо нужных для большой и вероятной выгоды во всех заводских оборотах”. В результате производство меди сразу упало на треть, снизилась и выделка железа⁵⁶.

В 1808 и 1809 гг. Кнауф “пропустил” два срока на взнос облигаций по аренде Златоустовских заводов и предъявил их “частью на третий срок и частью на четвертый”. В 1811 г. министр финансов Д. А. Гурьев представил в Государственный Совет расчет о состоявшихся тогда на Кнауфе казенных долгах, достигавших 450 тыс. руб. (так, в том же году только из Пермского Горного правления было отпущено на содержание Златоустовских заводов 189 832 руб.). В результате 3 октября 1811 г. императором было утверждено “мнение” Совета “об отобрании” у Кнауфа Златоустовских заводов “по уважению расстройства, в которое пришли дела Кнауфа по торговле и по той причине, что невзносом в положенные сроки платежной суммы нарушен со стороны Кнауфа контракт”. В то же

время министр свидетельствовал, что “многие из заведений устроены были на сих заводах Кнауфом с немалым пожертвованием капитала, обещавшим как ему, так и правительству важные выгоды”.

Из документов Министерства следует, что в 1812 г. бывший арендатор подал жалобу “на неправильное отобраение от него заводов”, но “по каким-то соображениям она была оставлена без производства”. Более 10 лет Кнауф просьбы своей не возобновлял, что означало истечение срока давности. В 1828 г. при составлении нового расчета по долгам Кнауфа вопрос о правильности изъятия у него Златоустовских заводов был вновь обсужден в Горном совете Министерства финансов. Хотя один из трех членов совета, директор Департамента Государственного казначейства, считал, что Кнауфа нельзя было “почесть неисправным”, поскольку он только дважды (а не три раза, как оговаривалось в контракте) пропустил срок платежа, министр Е. Ф. Канкрин, не вдаваясь в подробности, постановил “вопрос об отобраении от Кнауфа Златоустовских заводов считать совершенно конченным, ибо во всяком случае следовало отобрать от него заводы”⁵⁷. Последняя оговорка и явное желание властей замять это дело позволяют предположить, что у правительства в 1811 г. имелись свои резоны вернуть в казенную собственность заводы с налаженным военным производством.

Это подтверждают также спешка и секретность, в условиях которых осуществлялась передача заводов казне. Обер-гиттенфервальтеру Клейнеру, назначенному главноуправляющим, в Министерстве финансов была дана секретная инструкция, которой предписывалось, “чтоб ни одно из мастерств, заведенных Кнауфом, не останавливалось ни в ходу, ни в устройствах, ни в улучшении”, а начатое литье орудий следовало “не только поддерживать, но и употребить все меры к распространению и усовершенствованию оного в самоскорейшем времени”. Управляющий особо должен был позаботиться об иностранцах, “дабы их удержать при заводе собственными их выгодами и пользою заводов”. Министр требовал отправить Клейнера на Урал “со всевозможной поспешностью, дабы поверенные и кредиторы Кнауфа, узнав об отобраении от него заводов, не могли что-либо захватить в свою пользу к расстройству заводов и ко вреду казны”. Пермскому берг-инспектору П. Е. Томилову, которому было приказано наблюдать за приемкой заводов, пришлось даже оправдываться за то, что на дорогу до Златоуста он потратил целых четыре дня, проезжая проселочными дорогами, где “на станциях по неимению почтовых и ямских лошадей в требовании обывательских настояли большие затруднения и остановки”⁵⁸.

Описанные обстоятельства возвращения Златоустовских заводов в казну, впрочем, как отчасти и условия передачи их в свое время Кнауфу, не позволяют объяснить все скрытые пружины этого “темного” дела. Видимо, российское правительство не без оснований опасалось, что если не поторопится расторгнуть аренду, то идущие к упадку заводы, производящие оружие, в преддверии грядущей войны в Европе могут попасть в руки иностранных компаньонов Кнауфа. Мало того, отобрав заводы, власти потребовали еще и возвращения невыплаченных арендных платежей, составлявших без малого 450 тыс. руб. Правда, никто их не платил до 1818 г., когда неожиданно выплату долга приняли на себя два крупных кредитора купца – бывший придворный банкир барон Александр Ралль и бывший компаньон Кнауфа по управлению Преображенским заводом британский негодант Доуги.

К тому времени долг с начисленными процентами возрос уже до 687 052 (по другим данным, до 644 465) руб. Ралль и Доути заключили с Кнауфом “условия”, утвержденные сенатским указом от 2 апреля 1818 г., в соответствии с которыми они принимали на себя управление его заводами с обязательством заплатить долг казне в 12 лет “по равным частям”, начиная с 1819 г. Кроме этого обязательства “арендаторы” должны были уплатить переведенный Заемному банку долг, принятый на себя Кнауфом при покупке у Осокина Юговских заводов, который к тому времени составлял в “капитальной сумме” 687 974 руб., а с процентами достигал 785 тыс. руб. асс. Возлагая на себя такие серьезные обязательства, коммерсанты, видимо, рассчитывали не на свои собственные капиталы, а на крупный иностранный заем. Однако А. Ф. Ралль к этому времени уже утратил свое прежнее влияние, его дела приходили в упадок и с займом произошла задержка⁵⁹.

Ралль и Доути не смогли выполнить взятых обязательств по выплате долгов, а с 1820 г. перестали платить и горные подати. В этой связи 16 октября 1823 г. Комитет министров был вынужден разрешить доходы от продажи металлов Кнауфских заводов употреблять только на заводское производство и содержание людей. Взыскание с Ралля и Доути долгов Кнауфа и горных недоимок временно прекращалось, но из-за сохранявшейся еще надежды на иностранный заем управление не изымалось из их рук. Тогда же на заводы был отправлен коллежский регистратор Алемазов “для наблюдения за приходе-расходом денег, металлов, материалов и припасов” (попутно по просьбе управляющего заводами Кураева ему поручалось устройство пробирной лаборатории). Фактически над Кнауфскими заводами устанавливался казенный присмотр при сохранении кредиторского управления. Воспользовавшись своими прежними связями, Ралль, видимо, получил несколько казенных ссуд и тем отсрочил на некоторое время банкротство заводов⁶⁰.

Но финансовые проблемы не замедлили сказаться на их производительности. Уже в 1819–1820 гг. до 8,5 тыс. пуд. сокращается выплавка меди и до 39,8 тыс. пуд. выделка железа. “Умаление” производства, по анализу ситуации Горным департаментом, произошло “не от чего иного, как от недостатка оборотного капитала”. Обещанный Раллем и Доути иностранный заем на 3 млн руб., санкционированный министром финансов в августе 1824 г., видимо, так и не был получен⁶¹. В такой ситуации, утратив надежду на возможности одних, власть сделала ставку на других частных кредиторов Кнауфа, среди которых к тому времени оказались не только одни иностранцы.

В том же 1824 году им было разрешено “составить одну компанию для приведения в известность его [Кнауфа] частных долгов и учредить в течение четырех лет другую компанию на акциях для устройства дел его”. Первая компания под названием “Комиссия по делам и имениям купца Кнауфа” была учреждена и утверждена императором 3 октября того же года. От лица “большинства кредиторов” в нее вошли коллежский советник Сальватори, надворный советник Лерхе, купцы Плацман и Вальтер и титулярный советник Гусятников (вероятно, один из членов семьи Гусятниковых, владельцев Преображенского завода, бывшего до начала 1810-х гг. в управлении Кнауфа и Доути). Комиссия была ликвидирована только в 1856 г. (хотя просила об этом еще в 1833 г.), когда, кроме Лерхе, в нее входили надворный советник В. Михайлов и титулярный советник М. Москалев.

Подсчитав все частные претензии на Кнауфа, Комиссия определила общую сумму долгов купца – она достигала баснословной цифры в 14,1 млн руб. асс. Из них были признаны “подлежащими преимущественному удовлетворению” иски на 832 125 руб., подлежащими “уравнительному удовлетворению” – на 11,5 млн руб. и “не подлежащими

удовлетворению” – на 1 779 413 руб. В числе прочих были предъявлены претензии от двух дочерей умершего к тому времени Доути, несмотря на то, что за время его и Ралля управления Кнауфскими заводами компаньоны сами остались должными казне почти 720 тыс. руб. Вся эта сумма была записана в качестве “долга барона Ралля”. В феврале 1826 г. и позже по решению Комиссии уплата этих денег была отложена до составления акционерного капитала предполагаемой компании⁶².

По оценке Горного департамента, “10-летнее управление Ралля и Доути не только не очистило заводы от долгов, но еще и увеличило оные по разным статьям”. В результате 6 августа 1828 г. императором было принято решение о поступлении Кнауфских заводов в казенное управление. Для составления оборотного капитала выделялось до 300 тыс. руб. Все казенные долги объединялись в две суммы, с которых выплачивались одни “узаконенные” проценты. Первая составила 1 254 387 руб. (в суммах есть разночтения в источниках) и выплачивалась Государственному Заемному банку по 80 903 руб., вторая – 963 019 руб. – включала долги еще по Златоустовским заводам и выплачивалась Государственному казначейству по 57 781 руб. в год. Хотя акционерная компания в назначенный срок не сложилась, тем же указом кредиторам было “вновь оказано снисхождение для приискания способа устроить дело сие в ящую их пользу”. Правительство заверило их, что “коль скоро капиталом, приобретенным на акции или другим образом, заплачен будет банковый долг с оборотным капиталом, казенный и барона Ралля долг, то заводы немедленно утвердятся в собственности кредиторов”. В течение следующих четырех лет они должны были привести план организации компании “в окончание и в совершенное исполнение”. В противном случае власть пообещала “без малейшей новой отсрочки” приступить к продаже заводов⁶³.

Обер-гиттенфервальтер Вечеслов был назначен к приему и управлению Кнауфских заводов, а прежний управляющий Кураев определен депутатом от Комиссии, составленной из кредиторов обанкротившегося купца. 28 мая 1828 г. Вечеслов вступил в управление заводами. “Там, где само правительство заступает место хозяина, – ответил министр на запрос, следует ли ожидать уполномоченного от Кнауфа, – там в сведениях о воле заводчика надобность не состоит”⁶⁴.

За шесть лет своего управления Вечеслов не смог поправить дела заводов. В 1831 г. здесь побывал с проверкой советник Горного правления обер-бергмейстер Любарский. Он нашел “действие заводов вообще ограниченным или стеснительным, особенно по части искусственной, которая остается почти в том положении, как была прежде до казенного управления”. Причинами этого, по его мнению, являлись ветхость “фабрик” и заводских механизмов, недостаток оборотного капитала, “каковому заводы сии давно уже подвержены”, а также “убогое содержание руд, истощение рудников, недостаток в рабочих людях и оскудение в лесах”, что было и при частной администрации. По его расчетам выходило, что самостоятельно заводы никогда не смогут выбраться из долгов, поскольку в среднем производили продукции на 373 758 руб. в год, а тратили на действие 425 521, то есть на 51 763 руб. больше. “Все сие ясно доказывает, – заключал Любарский, – что заводы Кнауфа и при частной, и при казенной администрации работали в убыток”. Обременительные выплаты казенных долгов еще более усугубляли положение заводов, которым не могла помочь и новая ссуда денег. Так, с 1828 г. было получено для составления оборотного капитала от правительства 274 475 руб. и в то же время изъято по долгам 373 199 руб.

Главный начальник уральских заводов А. А. Богуславский согласился с мнением советника о том, что Кнауфские заводы “никакой пользы для казны, ниже для кредиторов Кнауфа доставить не могут”, и рекомендовал высшему начальству продать заводы с публичных торгов для уплаты хотя бы некоторой части долгов или же “взять совершенно в казну, присоединив их к горной округе Пермских казенных заводов”. Несколько позже берг-инспектор подполковник Д. С. Меньшенин высказался в том же духе. Проведя в 1833 г. ревизию заводов, он заметил, что “по географическому и геологическому положению, по разнородности своего производства и по весьма значительному расстоянию медных заводов от железных” они “не должны составлять одного округа”. Он предложил, “при взятии в казну”, Юговский, Бизярский и Курашимский медеплавильные заводы причислить к Пермскому казенному округу, а железные Иргинские и Саранинские объединить с казенным Артинским заводом и образовать “отдельный округ второклассных заводов со штатами Пермских или Воткинских заводов”. Однако Е. Ф. Канкрин отверг эти довольно разумные предложения. Он все еще опрометчиво надеялся на то, что вытащить заводы из долговой ямы смогут многочисленные и, видимо, далеко не бедные кредиторы Кнауфа. Четырехлетний срок, предоставленный им для составления компании, к тому времени еще не истек, и министр рассчитывал на положительный результат. Поэтому он отказал в казенных кредитах и не дал санкцию на “новые постройки и улучшения по искусственной части” ввиду, как он полагал, уже скорого истечения срока казенного управления⁶⁵.

Но случилось так, что государству пришлось содержать Кнауфские заводы еще 20 лет. Это был единственный в первой половине XIX в. случай столь длительного казенного управления частным горнозаводским округом. Хотя, по признанию горного начальства, оно было связано “с немаловажными затруднениями и ответственностью” для казны, другого выхода не предвиделось, поскольку продать заводы с огромными долгами оказалось безнадежным, кредиторы до поры до времени отмалчивались, а сам А. А. Кнауф или выехал за границу, или отошел от дел (в 1818 г. Кнауф находился еще в Петербурге)⁶⁶. Наиболее приемлемым способом вернуть долги в такой ситуации власти посчитали не ограниченное временем казенное управление, фактически сравнявшееся с казенным владением, несмотря на все попытки казны освободиться от этой обременительной обязанности. Но это решение далось государству не легко и не быстро.

Когда в 1832 г. истек данный кредиторам срок для устройства акционерной компании, но “со стороны их к уплате казенных и банковских долгов ничего не было предпринято”, 16 февраля царь повелел подвергнуть заводы публичной продаже, а до тех пор делать им необходимые денежные пособия из сумм Горного правления. Как это часто практиковалось, в типографии Московского университета были напечатаны объявления о продаже. Но, по свидетельству Горного департамента, ни один из назначенных торгов не состоялся. Вследствие этого 6 октября 1836 г. Комитет министров постановил, “не обращая заводы Кнауфа решительно в казенное ведомство, оставить оные впредь до дальнейшего усмотрения в настоящем казенном управлении”. Частные кредиторы были “наказаны” устранением их депутата от наблюдения за заводами. Долги Заемному банку, Государственному казначейству и горному ведомству было определено числить в капитальной сумме с наросшими процентами с тем, чтобы по долгу казначейству и горному ведомству “дальнейший счет текущих процентов прекратить”, а по долгу банку “отнести на резервный капитал безвозвратно в виде банковского убытка”. После пересчета долг казначейству составил 1 582 063 руб. асс.,

или 452 078 руб. сер., долг банку – 2 343 549 руб. асс., или 669 515 руб. сер. Предполагалось, что в результате всех этих послаблений ситуация улучшится и через год или два заводы вновь будут назначены в продажу “при правлении Заемного банка”. Но 15 февраля 1844 г. Комитет вновь постановил не назначать заводы в продажу и оставить их по-прежнему в казенном управлении “впредь до дальнейшего усмотрения”⁶⁷.

Возможно, на позицию властей повлияло то, что заводы начали наконец приносить прибыль. В 1834 г. место Вечеслова, которого обвинили в разных упущениях и беспорядках, вызвавших жалобы мастеровых, занял переведенный с Сысертских заводов инженер-майор Н. С. Меньшенин. Заводы были приняты им без оборотного капитала, с ежегодным убытком в 35,7 тыс. руб. сер. и большими долгами. Хотя мастеровые продолжали жаловаться на недостаток плат, по подсчетам самого управляющего, в течение его 5-летней деятельности “вместо убытка заводы стали приносить доход более 86 тыс. руб. и доставили чистой прибыли до 400 тыс. руб.”. Заслуги Меньшенина были по достоинству оценены: его произвели в подполковники, наградили орденами Святой Анны 3-й степени, Святого Владимира 4-й степени и 10 тыс. руб. Но, по словам управляющего, “достижение сего результата совершенно расстроило его здоровье” и “по болезни” он вышел в отставку “с мундиром и пенсионом в 571 руб. сер. за 25-летнюю по горной части службу”. Кнауфские заводы были им сданы преемнику “с наличным капиталом в 245 900 руб. и двухгодичным запасом провианта”⁶⁸.

К 1851 г. под управлением инженер-капитана Б. И. Кенига выплавка меди вновь поднялась до первоначального уровня и составила 16 170 пуд., а выковка железа достигла 138 тыс. пуд. Оборотный капитал равнялся 200 тыс. руб., а прибыль с 1841 по 1851 г. колебалась от 40 до 94,7 тыс. руб. в год и в среднем составляла 61 тыс. руб. сер. За время казенного управления более 900 тыс. руб. было возвращено в казну, так что к 1852 г. капитальный долг Заемному банку, за который и было учреждено казенное управление, оказался полностью погашенным, а долг казначейству и горному ведомству за аренду Златоустовских заводов сокращен до 206 857 руб. Без оплаты оставался долг барона Ралля, который Комиссия кредиторов еще в 1826 г. отнесла на счет будущей компании⁶⁹.

В начале 1852 г. частные кредиторы Кнауфа, которые терпеливо ждали своего часа, обратились наконец в Комитет министров с просьбой об учреждении акционерной компании. Они просили также сложить оставшиеся казенные долги с заводов или выдать под залог ссуду для полного их погашения. “Банк и казначейство по долгам Кнауфа, – посчитали они, – не только не понесли никакого существенного ущерба, но напротив получили весьма значительные интересы от получения банком вместо первоначального долга Осокина (730 500 руб. асс.), перешедшего на Кнауфа, капитала простирающегося более 3 млн руб. асс., то есть более чем вчетверо; от перевода долга Ралля с процентами до 700 тыс. руб. асс., который был почти безнадежен к получению от самого барона; от поступления в казну Златоустовских заводов, приведенных Кнауфом в устроенное состояние и чрез то приносящих казне значительные выгоды; от неуплаты Кнауфу следовавших ему от казны за убытки при уступке Златоустовских заводов 300 тыс. руб. асс. и, наконец, от начисления в пользу казны значительных процентов и штрафных на такие суммы, кои не были действительно выдаваемы, а только следовали к поступлению на содержание Златоустовских заводов, между тем как подобного рода зачеты и взыскания, за силою неоднократных Всемилошвейших манифестов, подлежали сложению”. В то же время они, частные кредиторы, полностью устраненные “от участия в интересах, извле-

каемых с имения должника их Кнауфа”, понесли “уже невознаградимые потери так, что некоторые, пожертвовав единственным своим достоянием Кнауфу, пришли от невозврата своей собственности в крайнее разорение”.

Напомнив кредиторам, что им дважды предлагалось составить акционерную компанию и взять Кнауфские заводы в свое управление, но они сами этим правом не воспользовались, в Уральском Горном правлении тем не менее решили, что в настоящее время, когда заводы приведены “в столь устроенное состояние”, что вполне могут самостоятельно платить по долгам и исправлять подати, казенное управление ими “делается уже излишним”. Кредиторы, посчитали там, предлагают “благонадежный способ” к уплате оставшихся долгов, и согласились с передачей управления компании. Директор Горного департамента И. А. Фуллон поддержал решение регионального горного начальства, “присовокупив, что учреждение компании было бы едва не самой лучшей мерой к сохранению столь значительного горнозаводского имения в устроенном состоянии” и тем самым “был бы положен конец тем затруднениям, кои столько лет обременяли начальство по делам кнауфским”⁷⁰.

30 декабря 1852 г. и 13 января 1853 г. дело рассматривалось в Комитете министров. К этому времени кредиторам был подготовлен проект устава будущей компании. Поскольку его составили по образцу уставов уже действовавших в России Общества Царевской мануфактуры (1836 г.), Товарищества Суксунских горных заводов (1848 г.) и Санкт-Петербургской компании для обогащения извести (1852 г.), утверждение прошло без особых проблем. В “Санкт-Петербургских ведомостях” было опубликовано распоряжение правительства от 21 января 1853 г.: “По прошению кредиторов купца Кнауфа, владеющих более трех четвертей претензий на Кнауфа, признанных и составляющих около 3,5 млн руб. сер., предоставляется им в полное владение и распоряжение находящиеся ныне в казенном управлении горные заводы Кнауфа в Пермской губернии и дозволяется для управления заводами учредить Горную Компанию на акциях с выдачей под залог сих заводов из Государственного Заемного банка ссуды для уплаты казенных долгов”⁷¹.

13 января император утвердил Устав Компании и положение Комитета министров. 26 февраля “для пополнения долгов” из банка под залог семи заводов с 7346 рев. д., 279 215 дес. земли (в том числе 189 472 дес. леса), оцененных еще в 1824 г. в 4 985 977 руб. асс. (1 424 565 руб. сер.), была выдана новая ссуда в 341 600 руб. сер. на 37 лет⁷². Такая операция давала формальный повод для освобождения заводов от казенного управления. Учредители Компании составили “реверс” в том, что они не будут предъявлять никакого иска к казне ни по долговым расчетам, ни по казенному управлению заводами.

Это обещание подписали 30 акционеров Компании, новых владельцев заводов уже умершего к тому времени московского купца А. А. Кнауфа. В их состав входили тайный советник и сенатор Евграф Петрович Ковалевский, действительные статские советники Густав Васильевич Лерхе и Трейтер, статские советники Карл Гиппиус и Реслер, коллежский советник Федор Тевес, титулярный советник Михаил Москалев и коллежский асессор Василий Михайлов; свояки полковник Дмитрий Иванович Николаев и подполковник Павел Васильевич Берг (их жены из рода купцов Ярцовых владели Шайтанскими заводами); почетные граждане Явсалов, Евграф Корякин, Карл Нотбек и Андрей Матиссен; купцы 1-й гильдии Антон Антонович Гитасов и Август Ермолаевич Кноп; петербургские иностранные гости Иван Сегель и Густав Стерки с сыном, коммерции советник Франц Брондебург, секретарь М. Филиппи, два брата Крамер, ревельский биргер Андрей Из-

раиль и даже дамы: капитанша Эмилия Липранди, действительная статская советница Лабенская, коллежские советники Юлия Крамер и Елизавета Губарева. Среди первых акционеров значился и крупнейший петербургский банкирский дом “Барон Штиглиц и К^о”. Из перечисленных участников Ковалевский, Лерхе и Гитасов (последние два входили и в состав директоров Товарищества Суксунских заводов) составили Правление Компании (разместившееся в Петербурге во 2-й Адмиралтейской части в доме Еврейнова) и открыли его деятельность 25 января 1853 г.⁷³

Правление поспешило заручиться поддержкой и “начальническим покровительством” В. А. Глинки. На это главный начальник выразил свою готовность и искренне пожелал, “чтобы заводы, снабженные теперь всем нужным для выгодного их действия, достигли при новом управлении до самых удовлетворительных результатов”. Он пообещал также, что до передачи заводов их управление сохранится “на прежнем положении”, но порекомендовал не очень затягивать это “переходное состояние”. Правление выбрало новым управляющим Кнауфских заводов отставного инженер-полковника Б. И. Кенига, ранее уже занимавшего эту должность. 30 июля 1853 г. он принял управление у подполковника П. А. Мейера вместе с наличной суммой в заводской кассе, заготовленными припасами и выплавленными металлами на 235 тыс. руб. После “разбора прав” на земли Саранинских заводов (которые, в отличие от остальных пяти заводов, оказались купленными, а не отведенными от казны) эти два завода были признаны владельческими и свободными от платежа полуторной горной подати⁷⁴.

Таким образом, кредиторы получили возможность на льготных условиях вернуть хотя бы часть так неудачно инвестированных капиталов. Согласно § 3 Устава Компании, всего выпускалось 2437 акций номиналом в 500 руб., что составляло 1 218 500 руб. сер. Количество акций было определено по ценности заводов, из которой были исключены суммы, равные казенному долгу по залогу 1853 г. 310 акций “обращались на удовлетворение капитальным рублем кредиторов, имеющих преимущественное право”, 2 тыс. акций разделялись между прочими кредиторами “по соразмерности их претензий” взамен выданных Комиссией кредиторов в 1824 г. свидетельств на те претензии. Оставшиеся 127 акций предназначались “на непредвиденные надобности или же на усиление оборотного капитала”. В соответствии с составом кредиторов, владеть акциями Кнауфских заводов было разрешено дворянам, лицам свободного состояния и иностранцам (§ 4).

Правление составлялось из трех директоров, избираемых на три года из числа акционеров, владеющих не менее 40 акциями, и трех контролеров “для проверки отчетности и заступления места директора” (§ 11, 31). Ежегодно в марте на Общее собрание они представляли баланс и годовой отчет, а один из директоров переизбирался (§ 28). Каждый акционер мог присутствовать на Общем собрании, но правом голоса обладал только тот, кто имел не менее 10 акций. Владельцу 40 акций предоставлялось два, 100 – три, 150 – четыре, 200 – пять и 250 и более – шесть голосов (§ 20). Ежегодный доход шел первоначально на погашение банковского долга, податей, расходов на заводское производство и по делам Компании, а остаток делился между акционерами (§ 10). Срок деятельности Компании был не ограниченным и зависел от желания самих участников “продолжить, приостановить или ликвидировать дела Компании” с согласия министра финансов (§ 42)⁷⁵.

Как и в случае с первой на Урале Суксунской компанией, акционеры, состоявшие в основном из кредиторов Кнауфа, не принесли с собой новых капиталов. По документам Правления за 1859/60 заводский год, всего только 199 акций, принадлежавших “необъ-

явившимся кредиторам”, были проданы (согласно § 5 Устава) на бирже. Вероятно, доход от них (составивший 49 750 руб., поскольку по рыночной цене акции продавались всего за 250 руб.) и стал единственным денежным приобретением Компании. Ее главной ценностью оставались переданные казной заводское имущество и оборотный капитал. По компетентному мнению Ю. А. Буранова, судьба компании была предрешена в момент ее появления, поскольку целью акционеров было не обновление и расширение производства, а получение ранее вложенных средств⁷⁶.

Тем не менее, судя по значительно возросшему (с 30 в 1853 г. до 91 в 1864 г.) составу участников, акции Кнауфской компании все-таки пользовались спросом на бирже, продавались (из первоначального состава выбыли восемь фамилий) и покупались (появилось 45 новых фамилий). Но интерес к ним был вызван вовсе не высокими котировками или дивидендами, а характерным для 1850-х гг. ажиотажным спросом на новый вид ценных бумаг, появившихся тогда на российской бирже⁷⁷.

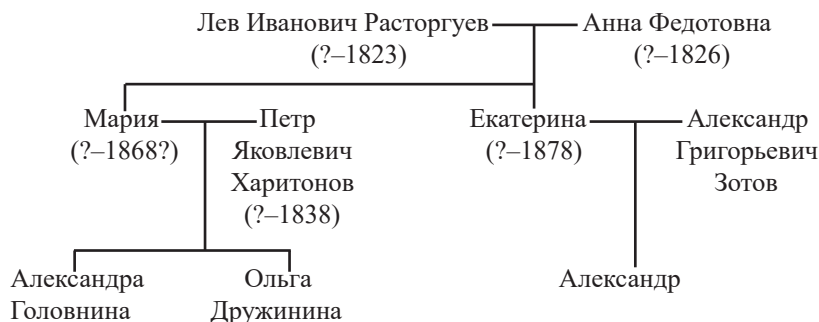
В первый год деятельности было получено 112 344 руб. прибыли, но за исключением пошлины, уплаченной при составлении “владельческого акта”, издержек “на обустройство” и печатание акций, первой выплаты по банковской ссуде и платы директорам (5 % с прибыли), доход на одну акцию составил 12,5 руб. Во второй год у Компании уже возникли проблемы. По свидетельству дирекции, “от чрезмерного утонения пластов медной руды” ее добыча значительно уменьшилась вместе с выплавкой металла, в результате чего дивиденд составил всего 3 руб. Последний дивиденд по 5 руб. на акцию был выдан в 1858/59 г. В 1854/55 и 1855/56 гг. для восполнения уже ставшего убыточным баланса “уничтожили” 34 из числа отложенных на непредвиденные расходы 127 акций. В 1859/60 г. та же судьба постигла еще 11 акций. В том году на Кнауфских заводах был выплавлен всего 8001 пуд меди и выковано 117 225 пуд. железа, что свидетельствовало о явном упадке производства. В результате прибыль составила всего 19 112 руб. За вычетом расходов Правления (5859 руб.) и выплаты за седьмой год по банковской ссуде (18 788), убыток составил 5535 руб. Ни о каких дивидендах уже не могло быть и речи. Директора Е. П. Ковалевский, Г. В. Лерхе, А. А. Гитасов, контроллеры А. А. Перетц, Г. Г. Лерхе, К. К. Нотбек и бухгалтер Э. Кнорре расписались тем самым в полном банкротстве Компании⁷⁸.

Последними своими административными решениями Правление закрыло Курашимский и Бизярский заводы с санкции министра от 26 января 1863 г. Следующим, вполне закономерным шагом стало ходатайство директоров о восстановлении казенного управления “за неимением в распоряжении Компании никаких средств продолжать заводское действие”. 31 августа 1864 г. последовало “Высочайшее” распоряжение вновь взять Кнауфские заводы в казенное управление с назначением их в публичную продажу на удовлетворение так и не выплаченного полностью казенного долга. Нечего и говорить, что вписанные в реестр того года 91 акционер окончательно утратили надежду на возвращение своих денег. Вместе они владели 2223 акциями Компании, более половины которых (1143, или 51,4 %) находились в руках всего шести участников (петербургской почетной гражданки С. К. Гитасовой принадлежало 428, действительным статским советникам Г. Г. Лерхе – 222 и Ю. Ф. Фрицше – 140, подполковнику М. Г. Лерхе – 125, генерал-майору А. А. Перетцу – 120 и банкирскому дому “Штиглиц и К^о” – 105). Несколько больше половины акционеров (53 %) были владельцами “неголосующих” пакетов (до девяти акций). Но ни крупным, ни мелким акционерам нечего было надеяться на возможную продажу заводов, которая, по мнению директоров, вряд ли была в состоянии покрыть

хотя бы казенный долг. Они просили министра финансов М. Х. Рейтерна после закрытия Компании передать ее дела на хранение “в надлежащее место” на случай “могущих потребоваться справок”⁷⁹.

В сентябре Правление Компании предписало управляющему заводами инженер-полковнику Дорошину сдать их со всем имуществом. Новое казенное управление оказалось не столь эффективным, как прежнее. Из-за отсутствия покупателей и бесперспективности продолжения управления в связи с истощением природных ресурсов в 1860–1880-е гг. все Кнауфские заводы были закрыты⁸⁰. Но память об уральском заводчике Андрее Андреевиче Кнауфе, которому явно не удалась эта роль, тем не менее осталась в истории. Его имя получили заводы и одна из первых на Урале акционерная компания, с его именем ассоциируется начало производства высококачественной стали в Златоусте, его именем подписаны несколько научных статей, опубликованных в авторитетном “Горном журнале”. Личность купца А. А. Кнауфа, на наш взгляд, остается одной из самых интригующих (и еще до конца не разгаданных) в истории уральской горнозаводской промышленности первой половины XIX в.

25. Л. И. Расторгуев и наследники

Вольский купец 1-й гильдии и видный екатеринбургский старообрядец Лев Иванович Расторгуев, разбогатевший на винных откупках, вошел в состав уральских заводчиков в самом начале XIX в., заключив две сделки купли-продажи. Первая была совершена 12 февраля 1808 г. с генерал-аудитор-лейтенантшей И. Я. Хлебниковой (дочерью петербургского купца Я. С. Петрова) на покупку у ней чугуноплавильного и железоделательного Нязе-Петровского завода, расположенного в Красноуфимском уезде Пермской губернии. Расторгуев обязывался заплатить Хлебниковой 650 тыс. руб. (450 тыс. – за завод и 200 тыс. – за “наличные материалы”), из которых первоначально выплачивал 110 тыс. руб., а остальные – в рассрочку до 1811 г. По условиям сделки к заводу причислялись 564 рев. д. крестьян Николаевской слободы Уфимского уезда, уступленных дочерью Хлебниковой статской советницей А. П. Полторацкой, владелицей Благовещенского завода. Окончание сделки затянулось из-за проводившегося Пермским Горным правлением следствия по долгам Хлебниковой. Когда оно завершилось в июле 1810 г., сделка между И. Я. Хлебниковой и Л. И. Расторгуевым была утверждена⁸¹.

В январе того же года новоявленный заводчик вступил во владение Верхним и Нижним Кыштымскими и Каслинским заводами, приобретенными им у П. Г. Демидова. По купчей, совершенной 2 сентября 1809 г., Кыштымские заводы с селами Рождественским

и Воскресенским, населением 3608 рев. д. (в том числе 1091 рев. д. вечноотданных и 2517 рев. д. купленных крепостных по 5-й ревизии), Сорокинской пристанью на реке Уфе и двумя дворами в Екатеринбурге и Лаишеве переходили Расторгуеву за 700 тыс. руб. “За состоящие при заводах налицо всякие припасы и за всю прочую недвижимость, – было записано в документе, – я, Демидов, от него, Расторгуева, удовлетворен особо наперед же сей купчей”.

На другой день, 3 сентября, теми же лицами была подписана закладная, по которой Расторгуев занимал у Демидова 1 251 500 руб. на 7 лет 10 мес. и 22 дня под залог только что купленных им заводов. Новый владелец брал на себя обязательство расплатиться с Демидовым до 25 июля 1817 г. ежегодными взносами по 150 тыс. руб. В случае невыплаты в срок Демидов имел право “сию закладную где следует заявить и удовлетворение получить, как законы повелевают”. Поскольку Кыштымские заводы не были “ни заложены, ни у кого и ни в чем не укреплены и ни за что не отписаны”, Горный департамент в августе 1809 г. санкционировал обе сделки. Расторгуеву предписывалось владеть заводами “на том положении, на каком оные были при Демидове”, до 1812 г. освободить от работ 10 791 рев. д. приписных крестьян без замены их неперменными работниками, от которых уже отказался бывший владелец, подати платить “бездоимочно”, а “в рассуждение увеличения или уменьшения действия заводов поступать на основании законов”⁸².

Одновременная покупка двух горнозаводских хозяйств, по-видимому, была предпринята Расторгуевым не случайно. У каждого из них были свои проблемы, которые могли отчасти решиться объединением хозяйств в одних руках. Кыштымские заводы, испытывавшие недостаток в топливе, могли пользоваться лесами, принадлежавшими Нязе-Петровскому заводу, который, в свою очередь, мог воспользоваться кыштымскими рудниками. Вместе с тем, Расторгуев не разрушил прежние производственные связи между заводами, которые развивались как два относительно самостоятельных комплекса под общим управлением. Он вдвое поднял производительность Нязе-Петровского завода, к которому в 1814 г. пристроил вспомогательный Шемахинский. На Кыштымских (особенно Каслинском) заводах общее производство чугуна и железа сократилось, но здесь была осуществлена специализация на сортовое железо и чугунное литье. Как сообщали приказчики Главной Каслинской конторы в 1823 г., Расторгуев, “соблюдая все основания бывшего за Демидовым управления... ввел отливку посуды... и обратил железо в сорта, общую потребность удовлетворяющие полезнее полосного”. При нем началась разработка богатейших Соймоновских золотых приисков. Все это позволило купцу расплатиться с Хлебниковой и Демидовым и стать полновластным хозяином заводов. По-видимому, в первые годы после покупки имения он жил на заводах и непосредственно управлял ими. Торговые операции вел его брат Яков Иванович Расторгуев, позже ставший поверенным своих племянниц – наследниц Льва Ивановича.

По сведениям той же конторы, Расторгуев “мог ничего не менять” и в отношении мастеровых, но он “против плат, какие были при Демидове, учредил почти вдвое по всем цехам заводским... в сравнении с соседственными частными заводами... превосходнее”. “Заводским людям... за работы не только не должны конторы, – продолжали хвалить своего хозяина приказчики, – но многие из них состоят в одолжении, работы несут столь облегчительные, что не отыщется примера. Владелец, платя с заводов и людей все установленные государственные повинности в срок и бездоимочно, не взыскивал с их и доказывал тем исправность не хуже других”. На заводах Расторгуева, утверждали они,

и климат не такой, как везде. Благодаря “беспримерному и единственному против всех других заводов местоположению”, здесь развивалось “земледелие для всех произрастений, скотоводство, обилие сенных покосов и беспримерному сонму озерных вод обилие рыбы, при воздухе, дающем полную вишню, не нужно упоминать о возможности иметь и нежное огородное овощение, которого другие заводы не имеют и что тем довольствуется и самый Екатеринбург”.

Все эти комплименты хозяину приказчики расточали, стараясь отвести от него и от себя вполне резонные обвинения властей “в непринятии мер к отвращению нужды мастеровых” и в доведении их до волнения, произошедшего на Кыштымских заводах в 1822–1823 гг. Мог ли позволить себе заводчик, вопрошали они, “из всех обязанностей самую близкую к целости имения, а, следовательно, и к сердцу – расстраивать состояние людей, иначе разорять их, и какое деление можно положить между выгодами заводских людей и выгодами владельца. Ослабляя силы их, он бы ослаблял себя, разоряя их, также разорил бы себя, чуждый и малейшей жестокости, милосердия исполненный, справедливое заметить может в ослаблении законной своей власти, чем в излишних взысканиях...”⁸³. Скорее всего, сам Лев Иванович, проживавший тогда в городе Вольске Саратовской губернии, где состоял в должности городского головы, был непричастен к жестокостям приказчиков⁸⁴. Вина его заключалась в том, что следуя условиям купчей крепости “содержать заводы на том же основании, что и при Демидове”, он не отреагировал своевременно на произошедшее в начале 1820-х гг. резкое повышение цен на хлеб, считая, что мастеровые его заводов имеют значительные личные хозяйства и не нуждаются в провианте.

Приехав в марте 1822 г. на заводы, он сделал вид, что не понимает причин “неудовольствия” рабочих, поскольку платил им жалование и выдавал провиант “как прежде владельцем Демидовым установлено”. Не желая, видимо, потакать рабочим, он не только не распорядился выдать провиант или поднять заработную плату, но приказал описать у задолжавших мастеровых “дома, скот и птицу”, чем только спровоцировал новый виток конфронтации. Несколько успокоил его сначала и разговор с прибывшим на заводы пермским берг-инспектором А. Т. Булгаковым, в ходе которого последний восхищался красивым местоположением заводов, представлявшим “для всякого любителя природы и творческих дел ее многообразные картинные виды”. Расторгуев не совсем правильно воспринял слова важного горного чиновника, решив, что тому понравилось и положение людей на Кыштымских заводах. Поэтому владельца крайне удивило “строжайшее” предписание Булгакова, последовавшее 28 июля, которым тот обязывал его содержать своих рабочих по примеру Гороблагодатских казенных заводов⁸⁵.

Лев Иванович не мог смириться со столь “грубым” вмешательством властей в его дела. Он подал жалобу на берг-инспектора, необоснованно обвинив его в том, что после приезда чиновника “неудовольствие мастеровых и рабочих людей только возвеличилось”. Сам же он, приехав на заводы, якобы удостоверился “о благоденствии кыштымских мастеровых”. Это, отзывался Булгаков, “вовсе не соответствует бедственному положению их... кои терпели важные недостатки и нужды в прокормлении себя и семейств своих хлебом, за получением коего ходили толпами к магазину и возвращались от одного с пустыми мешками и к нему, берг-инспектору, с жалобами”. Обидевшийся на заводчика берг-инспектор писал начальству, что “неудовольствие людей... произошло единственно от того, что он, Расторгуев, ни во время пребывания своего в Вольске градским головой, ни по возвращению

оттуда на заводы не принял никаких мер ни к предупреждению, ни к прекращению того неудовольствия, которое, как известно, главнейше произошло от неимения на заводах денег и неудовлетворения их заработными платами и хлебом, которого при всех заводах его запасено не было”. Это, утверждал он, “должно отнести к беспечности и нерадению самого Расторгуева, в чем никак не может оправдать его занятие должности градского головы, потому более, что о сем ему туда много раз было писано”⁸⁶.

В главном берг-инспектор был прав: купец Расторгуев действительно оказался не слишком умелым и дальновидным владельцем крепостных душ. Но он был далеко не таким наивным промышленником, каким в данной ситуации хотел выглядеть. Выступив против предписанных мер Булакова, он, тем не менее, ввел казенные штаты на двух Кыштымских заводах. Но в его распоряжении не оказалось достаточно свободных капиталов, чтобы быстро установить эти штаты и на остальных своих уральских заводах. “Таковое новое в содержании людей положение требует и новых больших изворотов и заготовлений, – извещал Расторгуев, – то сколько по сему и по чрезмерной дороговизне хлеба требуется больше капиталу, сколько и по упадку цены на выделанные при заводах металлы, встречается на сей раз особенное затруднение в денежных оборотах”. Мало того, в это же самое время выплавленные на Кыштымских заводах металлы были секвестрованы за недоимку в 141 тыс. руб. по неуральским “делам” Расторгуева с его компаньоном и покровителем Злобиным. Уже в августе он просил Горное правление ссудить ему “сколь возможно без промедления” 300 тыс. руб. если не под залог железа, то самих заводов или хотя бы одного из них, Нязе-Петровского⁸⁷.

В запасе Горного правления тогда оказалось всего 9 руб. 86 коп., да и Горный департамент сумел в сентябре “наскрести” лишь 25 тыс. руб. Тем временем в “беспорядки” оказались вовлеченными до 7 тыс. рев. д. всех заводов и деревень округа, что привело к полной остановке заводского производства. Берг-инспектор настаивал на вводе войск. Но царь, посвященный в “кыштымскую историю”, повелел арестовать и выслать на Богословские заводы 98 зачинщиков волнения с семьями, надеясь таким образом “образумить” своих подданных. Поначалу и Лев Иванович надеялся, что может потушить недовольство. Горному начальству он сообщал, что согласен исполнить требования мастеровых и даже готов “пожертвовать казенным заводам... возмутителей... единственно для избежания наносимых от оных неприятностей”. Правда, позже заводчик спохватился, что таким образом может лишиться значительного количества рабочих рук. В октябре 1822 г. его поверенный Наседкин просил не переселять на Богословские заводы вместе с родителями детей “свыше 12 лет, поступивших уже в работу”; тех же, кому еще не исполнилось двенадцати, предлагалось “зачесть заводам Расторгуева за рекрут”. В противном случае, уверял поверенный, “это приведет к большому недостатку в рабочих людях и уменьшит действие заводов в убыток завододержателю и в ущерб казенных доходов”⁸⁸. Такое намерение не могло не обострить ситуацию.

Много обещая, Расторгуев мало что исполнял, и тем самым лишился доверия рабочих. По сообщению исправника, они говорили, что послушают своего хозяина только если он выйдет к ним “со священником и крестом”. Но на это Лев Иванович, по-видимому, не решился. Не действовали и уговоры приехавших на заводы по воле императора князя Урусова и статского советника Федоровского. После чтения “указа о повиновении” мастеровые объявили, что “указ сей непечатный, бумага не обрезана и не видно золотых литер”. “Хотя, – сообщали чиновники, – теперь мастеровые и крестьяне тихи, никаких

своевольств и буйств не оказывают, исключая, что не идут на работы и не допускают исполнить над обвиненными Высочайшей воли, каковое неповиновение пресечь могут единственно воинские команды”. К февралю 1823 г. войска “навели порядок” на заводах Л. И. Расторгуева. Но сам он, по-видимому, остро переживая случившееся, 10 (12) февраля скончался⁸⁹.

Итоги владения Львом Ивановичем Расторгуевым Кыштымскими заводами подвел особый правительственный комитет. “Вникнув во все обстоятельства и подробности... возмущения мастеровых”, в феврале – марте 1823 г. он решил, что “неустройства и беспорядки были следствием, с одной стороны, худого оными управления и крайне несоразмерных с настоящею дороговизною заработных плат, которых притом мастеровые часто не получали, а с другой стороны – небрежения заводчика о благовременном и достаточном заготовлении для продовольствия заводских людей необходимо нужных жизненных потребностей”⁹⁰.

Наследницами умершего купца остались вдова Анна Федотовна и две дочери Мария и Екатерина, которым и перешли Кыштымские заводы “в законных частях” (матери – $\frac{1}{7}$, дочерям – по $\frac{3}{7}$). После смерти матери в 1825(6) г. заводы остались в нераздельном владении дочерей, выданных замуж еще при жизни отца за представителей двух известных в Екатеринбурге старообрядческих родов. Мужем Марии Львовны стал екатеринбургский купец 1-й гильдии Петр Яковлевич Харитонов, а Екатерины Львовны – казанский купец 1-й гильдии Александр Григорьевич Зотов, сын бывшего крепостного управляющего Верх-Исетским округом Г. Ф. Зотова. Последний после увольнения с заводов Яковлева управлял хозяйством своего свата. Возможно, выбор жениха для младшей дочери заводчика был даже “в какой-то мере predetermined плачевным состоянием предприятий, нуждавшихся в толковом управлении”⁹¹.

Наследницы вступили во владение в то время, когда было решено взять их заводы в казенное управление и составить особое “штатное положение” по образцу казенных заводов. Такое “положение” было представлено в Горное правление в 1825 г. бергауптманом Тетюевым. Но при его сравнении со штатами Белорецкого завода Пашкова (составленными горными властями еще в 1817 г. в качестве образца для частных заводов) и казенных Гороблагодатских заводов оказалось, что существующие платы на расторгуевских заводах “не менее, а некоторые еще и превосходнее, тем более, что провиант покупается против других заводов гораздо дешевле”. Тогда горное начальство предписало оставить прежние платы без изменений и ограничиться строгим присмотром заводского исправника⁹².

Новое обострение ситуации произошло в 1826 г. и было связано с результатами инспекции уральских заводов флигель-адъютантом графом А. Г. Строгановым (будущим управляющим Министерством внутренних дел и совладельцем Кыновских заводов). По мнению исследователей, негласной целью посланца Николая I (возобновившего борьбу против раскольников) была компрометация уральских староверов. Кыштымские заводы, управляемые видными деятелями этого движения, являлись идеальным объектом для решения поставленной задачи⁹³. В своем рапорте министру финансов граф писал о продолжавшихся “жестокостях и тиранствах” на заводах и золотых приисках наследниц Расторгуева, о недостатке плат рабочим, об отсутствии больниц и аптек. “Нет следов христианского попечения о людях, которых можно сравнить с каторжными и неграми”, – докладывал инспектор⁹⁴.

Памятуя о недавнем волнении, министр финансов в июле 1827 г. приказал “искоренить всякие жестокости, восстановить умеренность уроков, особенно для малолетних, учредить больницу и иметь лекаря”. Все это предписывалось Горному правлению осуществлять “без излишней огласки так, чтобы оное не могло подать повода злонамеренным людям возбуждать вновь беспокойствие между крестьянами расторгувских заводов”. Григорий Федотович Зотов и его племянник таганрогский купец Тит Поликарпович Зотов, обвиненные Строгановым в жестоком обращении с мастеровыми и даже убийстве одного из них, были отстранены от управления и находились “под судом”. Горный чиновник Слатвинский отправился на заводы с целью произвести “опыты” и вновь составить ведомости по всем работам для сравнения их с казенными штатами⁹⁵. Была в его миссии и неофициальная часть, касавшаяся выяснения обстоятельств управления заводами.

Официально считалось, что ими по доверенности от жен и тещи с 1823 г. управляют А. Г. Зотов и П. Я. Харитонов. Однако в секретном донесении от 21 апреля 1829 г. Слатвинский писал: “Нет сомнения, что Тит Зотов управлял и управляет заводами, ибо всем приказчикам отдавал он личные приказания... и каждый знал и признавал его управляющим в виде хозяина... Со слов Зотова аккредитованные Харитонов и Александр Зотов ни в какие внутренние заводские распоряжения не входят потому, что не знают оных и что, если бы не было дяди его Григория Федотовича Зотова и его, то заводы их не имели бы таких доходов ныне... А как аккредитованные точно таковые, – продолжал агент, – почему и заключить должно, что Тит Зотов в заводе получает от него приказания через Харитонova, а бывая в Екатеринбурге лично от самого Григория Зотова, в чем нет сомнения. Это подтверждается тем, что знаяши я слог писем Григория Зотова, мог заметить некоторые бумаги от имени аккредитованных, писанные ко мне, его сочинения. Из разговоров Харитонova видно также, что Григорий Зотов есть глава заводов, без согласия коего аккредитованные, или владельцы, ни во что не входят и ничего не изменяют”. Слатвинский обвинил Зотовых и в том, что “жестокость и притеснительные поступки... стали столь обыкновенны, что оные почитаются и поныне отличительным поступком и преданностью каждого, имеющего надзор за рабочими”. Он делал заключение, что при таком положении “нельзя ожидать каких-либо изменений в содержании людей без особых мер правительства”⁹⁶.

Позиция чиновника не могла не повлиять на отношение к нему и его деятельности на заводах управляющих и владельцев. Последние заявили о его “нерасположенности” к ним, обвинили в предвзятости, а Т. П. Зотов опротестовал результаты проведенных Слатвинским опытов “по задельным и поденным платам”. На заводы был отправлен другой горный чиновник Гилль, к появлению которого там, видимо, основательно подготовились. По его, тоже секретным, донесениям, присланным главному начальнику в 1831 г., вырисовывалась совсем иная картина состояния Кыштымских заводов. Владельцы, писал он, “как полномочные хозяева располагают и делают распоряжения по действию заводов, золотым промыслам и по обращающимся в работах людям... Вольноотпущенный Григорий Зотов проживает в Екатеринбурге у сына своего Александра Зотова и находится при доме его под особым от правительства присмотром и не видно, что участвует в управлении. Двоюродный брат Александра таганрогский 2-й гильдии купец Тит Зотов, хотя проживает на заводах, однакож на управление ими доверенности не имеет, а занимается по особому доверию наследниц устройством в заводах и на золотых промыслах фабричных строений, усовершенствует в них механизмы и тому подобное”.

Чиновник отмечал, что при заводах устраиваются больницы “в довольно хорошем виде”, а в Кыштыме оканчивается отделкой каменный госпиталь “отличной архитектуры и весьма обширный”. На приисках понижены “уроки” и “никто не разоряется, чему служит доказательством избыток у заводских жителей разного рогатого скота и лошадей, а также постройка новых домов, коих с 1826 г. отстроено и поправлено до 1051”. Гилль подсчитал, что за восемь лет управления “уполномоченных наследниками мужьями” заводским людям сделано различных пособий на 402 361 руб., в числе которых были прощенные долги, пособия на постройку домов и поправку печей, средства, выделенные “нязепетровским жителям на покупку коров во время случившегося падежа”, содержание вдовам и сиротам, различные ссуды и прочее. “Вообще, – заключал чиновник, – мужчины и женщины употребляются в свойственные силам и способностям каждой работы, без особенных отяготительных или несоразмерных уроков, жестоких телесных наказаний никому не делается, кроме обыкновенных легких полицейских с запискою в особую заведенную книгу, закованных же в кандалы никого из рабочих людей я не видел”⁹⁷.

Насчет представленных в Горное правление результатов “опытов” его предшественника Гилль отозвался критически. Сомнения в их правильности высказал и советник Любарский. “Все штаты казенных заводов [которые были введены в 1827–1829 гг.], – писал он, – основаны на самых аккуратных опытах и пятилетней сложности действия заводского с применением всех местных удобств. Напротив того, положение для Расторгуевых не основано на подобных опытах и неизвестно, соответствует ли местным обстоятельствам”. Однако, рассмотрев это “положение”, учрежденный при Горном департаменте Комитет об устройстве казенных горных заводов нашел, что оно “составлено на основаниях, вполне удовлетворяющих требованиям Правительства, пользе заводсодержателей и благосостоянию заводских людей”. Министр финансов также полагал, что “сим положением достаточно отклонены случаи, могущие служить поводом к неудовольствию и жалобам, и что с введением оного водворится в заводах наследниц Расторгуева прочное спокойствие”. “Хотя не установлена безденежная выдача провианта, – считал он, – но назначенная денежная плата с избытком оную заменяет... и превышает платы казенных мастеровых в некоторых случаях целою половиною и только в весьма немногих с оными сравнивается”⁹⁸.

Комитет министров в августе 1832 г. утвердил мнение Е. Ф. Канкрин, тем более, что с введением нового “положения” согласились и владельцы. Правда, было решено “со стороны Правительства одного... гласным не делать” из-за опасения “возможных требований установить их и на других заводах”. Казенный присмотр был снят. В 1833 г. владельцы повторно выдали доверенности на управление заводами своим мужьям, но оно продолжалось недолго. Раскрученное, видимо, не без участия А. Г. Строганова, ставшего к тому времени товарищем министра внутренних дел, “дело Зотова” привело к обвинению вместе с ним “в разных противозаконных действиях” и Петра Яковлевича Харитонов. Ему приписали “участие в жестоком обращении с людьми”, “покушение” на дачу взятки и даже убийство двух крепостных “за намерение подать жалобу”. Судя же по более поздним признаниям властей о том, что Харитонов имел сильное влияние “на единомышленников своих по старообрядчеству”, репрессии на него явились скорее всего продолжением все той же кампании против верхушки уральского раскола, начатой еще в 1826 г. 7 января 1836 г. по “Высочайшему” повелению он был “лишен медалей и доброго имени” и сослан в Кексгольм. Как сообщалось в сенатском указе от 14 декабря 1850 г.,

Харитонов в том же году выехал с заводов, поручив по доверенности управление частью своей жены коллежскому регистратору Ослоньевскому. Доверенность эта сохранялась до самой смерти Харитонova, последовавшей в Финляндии в конце 1838 г.⁹⁹

Со времени ссылки П. Я. Харитонova начинаются трения между совладельцами. Так, М. Л. Харитонova в 1836 г. уполномочила купца Блинова “на управление заводскими оборотами в Санкт-Петербурге без участия Зотова”, хотя в 1837 г. подтвердила прежнюю свою доверенность зятю. По сведениям министра юстиции графа В. Н. Панина, всего с 1823 по 1835 г. владельцы выдали 16, а А. Г. Зотов – еще восемь доверенностей разным лицам “по разным частям заводского управления”¹⁰⁰. Такая чехарда, естественно, не способствовала упрочению Кыштымских заводов. Хотя в 1830-е гг. их производительность увеличивалась и в 1835 г. был даже возведен новый Сак-Элгинский медеплавильный и железодельный завод, к концу десятилетия у владельцев возникли серьезные финансовые проблемы. В первую очередь они отразились на положении мастеровых, которых, по донесению заводского исправника Чупина, вновь перестали вовремя “удовлетворять платами”.

Несмотря на строгое предупреждение, сделанное в мае 1839 г. министром Е. Ф. Канкриным уполномоченному от владелиц А. Г. Зотову, деньги на заводах не появились. Вместо этого в Горный департамент поступила просьба о залоге Нязе-Петровского завода. В поисках капиталов на заводское действие владельцы обратились тогда к этому давно желаемому средству. Еще с лета 1838 г. они искали способа заложить завод “в частные руки или в кредитные установления”. Но пока этого не произошло, финансирование заводов вынуждено было взять на себя Уральское Горное правление.

“Чтобы доставить заводам сим средства исполнить свои обязанности в отношении к рабочему классу людей, – уведомлял министра В. А. Глинка, – правление в июле 1839 г. отпустило заимообразно Кыштымскому заводууправлению 200 тыс. руб. Но и после сего заводские люди не получили в свое время плат, а некоторые из них делали кражи из крайности, не находя средств пропитывать себя и семейства свои”. В сложившейся ситуации главный начальник предлагал вновь дать заводам ссуду и взять их в казенное управление, так как владельцы, считал он, “несмотря на все настояния горного начальства, не заботятся о благоустройстве своих заводов”¹⁰¹.

Угроза подействовала, и Зотов отправил на заводы деньги, вырученные от проданного железа. “Причины некоторых затруднений в оборотах заводских, – оправдывался он, – проистекают от обстоятельств непредвиденных и от власти человеческой независимых: неурожай 1834 г., замешательства в торговых делах в 1836 и 1837 гг. в Северной Америке, куда наиболее вывозится русское железо. Минувший 1838 год был беден водами Урала... от чего выковка железа уменьшилась более нежели 10-й частью и даже сама доставка в Санкт-Петербург... опоздала тремя месяцами. Золотые промыслы истощаются, и Кыштымские заводы по убогости содержания песков едва вознаграждают употребленные труды и расходы”. Он обещал поскорее запродать более 200 тыс. пуд. железа, скопившегося в Петербурге, получить под залог заводов до 1,6 млн руб. и распространить хлебопашество “для продовольствия населения”¹⁰².

Е. Ф. Канкрин очень осторожно относился к предложениям об учреждении казенного управления, которое, по его мнению, было “сопряжено с большими затруднениями и даже пожертвованиями для казны”. Успокоенный обещаниями Зотова, он отклонил предложение главного начальника. Неизвестно, удалось ли владельцам вовремя продать металл, но залог заводов был осуществлен, хотя и не без некоторых сложностей. 29 февраля

1840 г. был получен первый заем в 123 480 руб. сер. на 26 лет под залог Нязе-Петровского завода с 2059 рев. д., а 8 июля того же года – второй в размере 355 990 руб. на 37 лет под залог двух Кыштымских, Каслинского и Сак-Элгинского заводов, на которых числилось 7911 рев. д. Сумма второй ссуды оказалась значительно меньше той, на которую рассчитывали владельцы, поскольку Заемный банк оценил каждую ревизскую душу не по 60, а по 45 руб. Предоставив дополнительную информацию о том, что все крепостные без исключения занимаются заводскими работами, в апреле 1841 г. они добились увеличения ссуды еще на 86,7 тыс. руб. сер.¹⁰³

Однако быстрых ощутимых результатов это не принесло. К декабрю 1842 г. помимо банковского на заводах висел долг в 1 337 198 руб. асс., в числе которого состояла огромная подушная недоимка и долги по ссудам Горному правлению. Частные долги простирались до 530 тыс. руб. Исправник доносил, что рабочие Кыштымских и Каслинского заводов не получали платы за девять, а Нязе-Петровского и Шемахинского – за шесть месяцев, что “вообще сии заводы находятся в бедственном положении” и извлечь их из него может только помощь казны. В. А. Глинка в очередной раз просил министра взять заводы в казенное управление, “доколе они не войдут в состояние доставлять рабочим своим содержание, законом определенное”.

Именно в такой сложной ситуации владельцы решились на раздел имения. В конце 1840 г. они составили по месту жительства в Петербурге “раздельную запись”, по которой заводы переходили во владение “жены почетного гражданина” Е. Л. Зотовой, а “недвижимые имения в разных местах” и 700 тыс. руб. сер. “деньгами, металлами и векселями” – шлиссельбургской 1-й гильдии купчихе М. Л. Харитоновой, несмотря на ссылку мужа сумевшей восстановить свой прежний статус, правда, уже не в составе екатеринбургского купечества. Хотя Заемный банк не возражал против раздела, но осторожный министр финансов в виду возможного учреждения казенного управления отложил окончательное решение “до времени, когда удовлетворятся заводские люди и будут на заводах наличные деньги”. Так “раздельная запись”, по словам министра юстиции В. Н. Панина, и “осталась несовершенною формальным порядком”.

Харитонова вновь вступила во владение заводами, в июле 1841 г. доверив управление не зятю Зотову, а “купцу Расторгуеву”. С этого времени, сообщается в сенатском указе, началось “отдельное управление частями сестер”, согласия в котором уже не было. Кроме того владельцы подали в суд “финансовые претензии” друг на друга. В сентябре 1841 г. в Санкт-Петербургском коммерческом суде был принят к производству иск Зотовой “о побуждении Харитоновой к учинению с нею расчета в получении мужем ее во время управления общими заводами капитала”. В январе 1842 г. Харитонова, в свою очередь, обвинила зятя Зотова в том, что он с 1836 по 1839 г. переплатил своей жене из заводских доходов на 419 484 руб. асс. более, нежели ей, и потребовала предоставить ясный отчет о 206 802 руб. асс., якобы употребленных им “на неопределенные расходы”. Через несколько дней в надворный суд поступил иск Зотовой “о побуждении Харитоновой к возвращению 394 924 руб. асс., полученными ею вследствие несостоявшейся раздельной записи”¹⁰⁴.

Затянувшиеся споры владельцев о дележе доходов привели к тому, что они фактически прекратили финансирование заводов, поставив их на грань банкротства. Главный начальник В. А. Глинка неоднократно “относился” к Е. Л. Зотовой и М. Л. Харитоновой, убеждая выслать на заводы деньги, но получал лишь очередную просьбу о новой ссуде.

Министр Е. Ф. Канкрин, вновь рассмотревший дело о Кыштымских заводах в январе 1843 г., нашел, что Зотова и Харитонова “не показывают никакой наклонности действовать в пользу заводов общим... согласием”. “Единственной причиной упадка заводов, — заключал он, — является раздор между владельцами”.

Убедительными показались и расчеты Уральского Горного правления. В соответствии с ними, в 1843 г. Кыштымские заводы могли получить дохода 475 тыс. руб. асс., из которых на уплату долга Заемному банку и “в страховое общество” отчислялось 132 тыс. Остатка не только не хватало на уплату других долгов, но и на содержание самих заводов, требовавших в год до 360 тыс. руб. “При отсутствии кроме оборотного еще и запасного капитала, — уведомляли горные чиновники, — действие заводов было бы затруднительным и они вошли бы в необходимость делать по-прежнему заготовления в долг, от чего доход год от года неминуемо уменьшался бы, и самая уплата долгов была бы мнимая”¹⁰⁵.

В результате 2 января 1843 г. Кыштымские заводы наследниц Л. И. Расторгуева были вновь взяты в казенный присмотр. По примеру заводов Губина, предписывалось все металлы продавать с ведома Горного правления, а вырученные деньги отдавать “не продавцу, а Горному правлению” и обращать полностью на продолжение заводского действия и на уплату казенных долгов. Было разрешено только 80 руб. сер. отчислять на содержание роскошного екатеринбургского дома, принадлежавшего заводовладелицам, “тем более, что дом этот назначался для знатных проезжающих особ”¹⁰⁶.

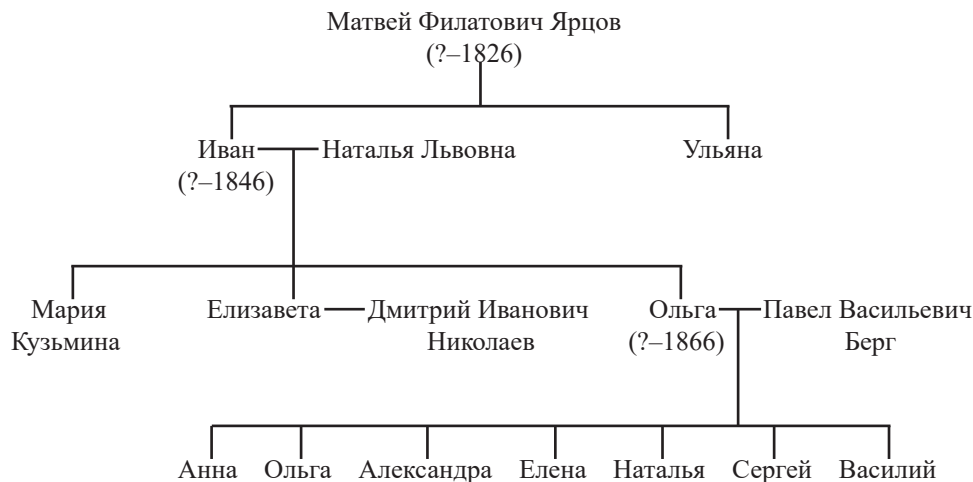
В условиях такого полного казенного присмотра, фактически устранившего владельцев от важнейшей функции — распоряжения финансами, дела Кыштымских заводов стали быстро поправляться. Видимо, способствовало этому и назначение управляющим опытного специалиста отставного поручика Ф. Е. Петрова, прежде служившего управляющим заводами А. Г. Белосельской-Белозерской. Уже в 1847 г. Попечительство над Суксунскими заводами просило взять их в присмотр по образцу Кыштымских заводов, которые “при попечении Главного горного начальства в непродолжительное время пришли в цветущее состояние”. Скорее всего, это утверждение относилось к финансовому положению округа, возобновившего выплаты по казенным долгам. В результате в 1852 г. казенный присмотр был снят. Тем не менее, еще в 1851 г. Уральское Горное правление констатировало, что на заводах наследниц Расторгуева “от недостатка оборотного капитала платы людям не выдаются своевременно и от несогласия владельцев технических усовершенствований не делается”. Хотя это утверждение не совсем верно отражало положение на заводах, где в то время выплавлялось до 300 тыс. пуд. железа “порядочного качества” (и получило распространение знаменитое каслинское художественное литье) и которые, по оценке того же Горного правления, входили в группу лучших заводов Урала. В одном горное начальство было совершенно право: “несогласия” владельцев продолжались и по-прежнему негативно отражались на работе предприятий. Так, после увольнения Ф. Е. Петрова в 1850 г. каждой из владельцев был назначен собственный управляющий, что “порой приводило к полной дезорганизации управления округом”¹⁰⁷.

По делу об их взаимных претензиях начались долгие судебные прения, по которым суды то обвиняли Харитонову в уклонении от прямых ответов по иску сестры, то представляли Зотовой право требовать отчетов по общему управлению не от Харитоновой, а, “буде пожелает, от мужа своего”. По сенатскому указу от 11 июля 1844 г. “дела и документы”, хранившиеся в наследственном доме рассорившихся сестер, были описаны

и опечатаны Екатеринбургской градской полицией при участии доверенных от владельцев лиц. Затянувшиеся споры заставили, наконец, министра юстиции объединить все иски в одно производство и сосредоточить его не в третейском, как желали заводчицы, а в Петербургском коммерческом суде. Это решение было утверждено указом Сената от 14 декабря 1850 г., по которому Зотова и Харитоновы должны были избрать “от себя” по доверенному лицу и поручить им при посредстве Кыштымского заводууправления “произвести по актам и конторским книгам счет о металлах, а равно и капиталах” за время их совместного владения с 1823 г. по июль 1841 г. Потребовалось еще несколько указов (от 21 сентября и 23 октября 1853 г.), чтобы в столицу были доставлены из арестованного домашнего архива владельцев необходимые документы для составления счета. В январе 1854 г. “медленность в производстве дела” была замечена самим императором. Но к этому времени Уральское Горное правление уже отослало в коммерческий суд обнаруженные в архиве дела¹⁰⁸.

Как свидетельствует Ю. А. Буранов, между владельцами было, наконец, достигнуто временное согласие по управлению и финансированию Кыштымских заводов. Еще в 1850 г. М. Л. Харитоновы уполномочила вести дела мужа своей старшей дочери Александры Я. Г. Головнина, после смерти которого в 1853 г. выдала доверенность на “безотчетное заведование и управление” своей частью заводов мужу младшей дочери Ольги Г. В. Дружинину. Выйдя в отставку в чине генерал-майора в 1856 г., он более 30 лет добросовестно “служил делу наследниц Расторгуева”. Со стороны Е. Л. Зотовой в качестве уполномоченного выступал сын А. А. Зотов. К началу 1860-х гг. Кыштымский округ по-прежнему находился под “двойственным управлением” и входил в десятку ведущих горнозаводских хозяйств Урала. Разлад вновь наступил после реформы 1861 г. и продолжался позже уже между многочисленными наследниками дочерей Л. И. Расторгуева¹⁰⁹.

26. М. Ф. Ярцов и наследники

Первостатейный московский купец Матвей Филатович Ярцов вошел в число уральских заводчиков в 1810 г., когда приобрел у К. С. Мордвиновой доставшиеся ей по наследству от брата А. С. Ширяева Верхний и Нижний Шайтанские заводы. По-видимому, он записался в столичное купечество лишь в начале XIX в., ведя довольно успешную торговлю и имея лавки в Тверской, Пятницкой и Городской частях, позже оценивавшиеся в 150 тыс. руб. сер. Условия покупки Шайтанских заводов указывают на некоторое знакомство его с горнозаводским производством.

Еще в 1808 г. прежний владелец отказался от управления этими заводами и добровольно передал их в казенное управление. Тогда заводы выделяли в год до 46,5 тыс. пуд. железа, руду добывали в основном из Вязовского и Синарского рудников и пользовались отводными лесами, а единственная домна находилась в действии всего восемь месяцев в году, поскольку семь кричных молотов не могли переделать в железо больше чугуна из-за недостатка воды в прудах. По 5-й ревизии при обоих заводах числилось всего 622 рев. д. крепостных и вечноотданных, что было на 378 душ меньше нормы. Заводы фактически не имели оборотного капитала и состояли в долгу у горного ведомства.

Продажа заводов освобождала наследницу обанкротившегося владельца полковницу Мордвинову от обременительного имения, а Ярцов приобретал за сходную сумму в 230 тыс. руб. довольно перспективное горнозаводское хозяйство. Причем часть денег (100 тыс. руб.) была рассрочена на семь лет с поручительством голландского банкира Гассельгреена, с которым у купца, по-видимому, сложились вполне доверительные отношения.

Вместе с заводами за 70 тыс. руб. покупалось вотчинное село Богословское (Тюбук) со 126 рев. д. и 10 тыс. дес. земли. В прошении, поданном Ярцовым и Мордвиновой министру финансов, они доказывали, что крестьяне села Богословского “хлебопашеством своим всегда споспешествовали действию Шайтанских заводов”, а потому связаны с ними не только общим владением, но и хозяйственными отношениями. К этому Ярцов “присовокупил”, раскрывая свои планы развития заводов, что “как село изобилует водою, а при Шайтанских заводах оной на полное годовое действие не достает, при том, что употребление живущих в том селе крестьян для завода по причине отстояния его в 120 верстах затруднительно, то он, не делая сего, устроит при самом том селе плющильные и резные станы, а при заводах число оных убавит, чтоб сберечь воду для доменного действия”¹¹⁰.

Горный совет Министерства согласился вначале лишь на продажу заводов, которая и была совершена 2 мая 1810 г.¹¹¹ Дело же о селе было передано на усмотрение Пермского Горного правления. Там оно надолго застопорилось, сначала из-за того, что не нашлось чиновника для “освидетельствования” села на месте, а позже – из-за новых непредвиденных осложнений. В феврале 1812 г. прошение о запрещении его продажи подал владелец Кыштымских заводов Л. И. Расторгуев. Он полагал, что постройка Ярцовым “заводских махин” приведет к “непременной рубке лесов, отчего причинится ему важный убыток и помешательство в заводском действии”. Оказывается, Богословское находилось в 18 верстах от его Каслинского завода, который страдал от недостатка лесов. “Имею я необходимость, – раскрывал свои карты Расторгуев, – заняться сам для заводского производства срубкою тех лесов, которые в окружности села состоят”. Чтобы избежать затягивающих дело споров, Ярцов купил у башкир поблизости тех мест 500 дес., которые, как он пояснял, и будут использоваться для заготовки топлива. В октябре 1814 г. совет наконец санкционировал покупку. Купчая на село Богословское (Тюбук) была совершена 11 февраля 1815 г.¹¹² Так М. Ф. Ярцов стал владельцем всего вожденного имения.

Однако его план развития производства Шайтанских заводов за счет строительства нового предприятия в селе Богословском фактически провалился. 26 октября 1820 г. там были пущены в действие катальная и колотушечная “фабрики”, ларь и два водоналивных колеса. Но, по словам самого Ярцова, “практическое оных испытание доказало, что бедное течение тамошней речки не может довольствоваться водой того действия более трех месяцев в году”. К тому же заводской работой удалось занять всего пятую часть населения. Обескураженный владелец просил “остающийся за действием тех станов... женский пол в свободное время от полевых работ... употребить вместо вольнонаемных людей... на добывание руды из Вязовского рудника (расположенного в 30 верстах от Богословского)... а мужской весь пол – на перевозке той руды в завод по удобному зимнему пути”. Летом, считал заводчик, эти же крестьяне будут заниматься “с давних лет заведенным там хлебопашеством, как для собственного их продовольствия, так частью и для Шайтанских заводов по неудобности тамошнего леса к хлебопашеству и весьма недостаточному числу по мере тамошних действий заводских людей”¹¹³.

Горное правление санкционировало эту просьбу и вместе с заводчиком столкнулось с целым рядом неприятностей. В 1822–1823 гг. крестьяне подали горным властям жалобы на обременение их работами. Заводский исправник, проводивший следствие, подтвердил основательность их возмущения. “Женщины и девочки, проработав на руднике восемь дней, не имея на пропитание ни денег, ни хлеба, – сообщал он, – просили приказчика Машарова в выдаче им за сработанные дни муки, – он просьбе их отказал и счел требование сие за прихоть и всех просительниц наказал в конторе палками: каждую клал на пол, держали по четыре человека руки и ноги, а двое стегали несмотря на то, что среди них были малолетние; и будучи наполнен по зверскому его характеру злобою ко всем жителям, показывая себя одного над ними начальником, никому не подвластным, тиранил их побоями если не в квартире палками или розгами, то из своих рук нарочито имеющейся у него жимолостной толстой тростью, которой всем приносящим делал удовлетворение и довел людей до такой степени, что ни один человек не мог уже ходить к нему ни с какой просьбой”¹¹⁴.

М. Ф. Ярцов, проживавший в столице и доверивший управление заводами московскому купцу М. С. Рожкову, лично прибыл на заводы. Вопреки своему прежнему мнению, что назначенные им для крестьян работы являются “самыми легкими и неотяготительными”, он увидел, “сколь тягостно кажется им обращение в тех работах, к которым они не сделали привычки”. По словам управляющего, Ярцов “из сердцелюбия и сожаления к человечеству... вопрошал их всех, кто из них желает остаться на прежних правах при хлебопашестве, и кто согласен отправлять заводские работы натурой”. Все, как один, крестьяне “убеждали” его оставить их на прежнем положении и обещали вместо заводских работ “платить в магазейны на продовольствие шайтанских мастеровых провиантом из посевного хлеба десятый пуд”. Владельцу пришлось согласиться с этим желанием крестьян и расстаться со своим намерением поднять заводское производство и удешевить его, заменив вольнонаемный труд крепостным на вспомогательных операциях. Пермское Горное правление своим указом от 29 мая 1824 г. с согласия владельца оставило богословских крестьян “на хлебопашестве” с условием уплаты за них всех податей. Из-за этого в 1824 г. сыну владельца Ивану Матвеевичу пришлось даже заключить контракт на подряд 200 работников из Белоруссии сроком на два года “с платежом за каждого человека по 130 руб. асс. ежегодно”¹¹⁵.

При таких накладных расходах о подъеме производства можно было и не мечтать. Некоторые надежды были обретены в связи с открытием в 1823 г. в Шайтанском округе месторождения медной руды и золотосодержащих песков, добыча которых была начата “по желанию” Ярцова¹¹⁶. Вероятно, им же была задумана покупка продававшихся с аукционных торгов медеплавильных Таишевского и Иштерьяковского заводов Иноземцевых. Но реализовать это намерение 26 ноября 1826 г. довелось уже его сыну Ивану, ставшему незадолго до этого единственным наследником умершего отца (его сестра Ульяна, видимо, отказалась от наследства в пользу брата)¹¹⁷. Еще до получения наследства, 17 февраля 1824 г., Иван Матвеевич был награжден орденом Святой Анны 3-й степени “за пожертвования на общественные заведения”, что давало основание для записи в дворянское сословие. Уже при покупке Таишевского и Иштерьяковского завода московский купец 1-й гильдии именовал себя дворянином, хотя диплом на потомственное дворянство будет ему выдан лишь 31 января 1841 г.¹¹⁸

За время своего 20-летнего управления И. М. Ярцов значительно расширил свои владения. Кроме двух Шайтанских заводов, расположенных в Пермской губернии, он купил два Таишевских медеплавильных завода в Казанской и Оренбургской губерниях, Рябковский чугуноплавильный завод в Пензенской губернии, расширил свою торговлю в Москве. Медеплавильное производство ему так и не удалось сделать рентабельным. Хотя производительность Таишевских заводов поднялась до 2–3 тыс. пуд. меди в год, они содержались отчасти за счет Шайтанских заводов. Не помогало даже то, что эти заводы считались владельческими и потому платили уменьшенную горную подать. По этому поводу в середине 1830-х гг. у владельца возникли некоторые проблемы в связи с проводившимся тогда “разбором прав” частных заводчиков. Основанные купцами, посчитали в Горном департаменте, эти заводы не могли быть владельческими. Лишь последовавшее в начале 1850-х гг. закрытие Таишевского и Иштерьяковского заводов предотвратило их перевод в разряд посессионных. Правда, наличие этого имения все-таки принесло некоторую пользу сложному хозяйству Ярцова. С его помощью удалось решить кадровую проблему главных Шайтанских заводов, куда в 1831–1833 гг. были переведены до 500 душ с Таишевского завода¹¹⁹.

Главные Шайтанские заводы во время владения ими И. М. Ярцовым развивались более успешно. В результате обновления заводских устройств значительно (с 59 тыс. в 1822 г. до 134 тыс. пуд. в 1837 г.) увеличилась выплавка чугуна и производство перепрофилировано на дорогое кровельное железо. Однако посетивший Урал в 1845 г. герцог М. Лейхтенбергский заметил уже “ветхое состояние” единственной домны Нижнешайтанского завода. Сам владелец занимался сбытом металлов, сделки по которым, благодаря его широким связям, как правило, заключались в Москве еще до выработки металлов. Заводоуправление лишь отправляло железные и медные караваны до Лаишева, а там передавало их покупателям¹²⁰.

И. М. Ярцов умер 13 июня 1846 г. и по своему желанию был похоронен в Покровском монастыре. Наследницами оказались три дочери Ивана Матвеевича и его уже умершей жены Натальи Львовны. Старшая Мария (в замужестве генерал-майорша Кузьмина) к тому времени овдовела, оставшись с четырьмя малолетними детьми на руках; средняя дочь Елизавета и младшая Ольга вскоре после смерти отца вышли замуж: первая за полковника Дмитрия Ивановича Николаева, вторая – за капитана Павла Васильевича Берга. Накануне своей кончины Иван Матвеевич составил в пользу их завещание, в которое

вошли родовые Шайтанские заводы с 1826 рев. д. (оцененные в 162 340 руб. сер.) и село Тюбук с 203 рев. д. (18 270 руб.), “благоприобретенные” Таишевский (445 рев. д., 53 400 руб.), Иштериковский (329 рев. д., 39 480 руб.) и Рябкинский (542 рев. д., 65 040 руб.) заводы, подмосковная дача Мальцебродово (9 тыс. руб.), доставшаяся в приданое от жены Натальи Львовны, пять домов и торговые лавки в Москве (222 тыс. руб.), а также движимое имущество, состоявшее в драгоценностях, разных товарах, векселях и наличных деньгах на сумму более 200 тыс. руб. Все наследство тянуло на круглую цифру в 770 тыс. руб. сер., причем в эту оценку не вошли упомянутые в завещании дома в Москве и Екатеринбурге и четыре золотых прииска в Енисейской округе¹²¹.

По числу дочерей Иван Матвеевич разделил все свое имущество на три части. Марии Ивановне, которой при вступлении в брак уже были даны в приданое “лавки и палатки” в Тверской части Москвы, а также “бриллиантовые вещи, одежда и экипажи” на 75 тыс. руб., отец завещал три купленные им завода, каменный дом в Яузской части и одну часть из наличных денег и долговых обязательств. Елизавета Ивановна получала самый ценный “куш” в виде Шайтанских заводов и села Тюбук, домов с лавками в Пятницкой и Рогожской частях Москвы, трех частей денег, трех же частей “бриллиантовых и золотых вещей” и всю зимнюю одежду отца и матери. Ольга Ивановна по желанию отца становилась владелицей дома с лавками на Варварке Городской части, родового дома в Яузской части “с благоприобретенными мебелью, бронзовыми, фарфоровыми и хрустальными вещами”, одной части денег и двух частей драгоценностей. Лошади и экипажи предоставлялись в общую равную собственность Елизаветы и Ольги. Подмосковную дачу и сибирские прииски все наследницы делили поровну. Дом в Мясницкой части Ярцов назначил “для благотворительного предмета”. Кроме того, заводчик внес 6 тыс. руб. в Московский Опекунский совет до 25-летия внука Алексея Алексеевича Кузьмина и наказал дочерям пожизненно выдавать своей сестре Ульяне Матвеевне по 15 руб. сер. в месяц.

Распорядившись таким образом своим немалым имуществом с благой целью “предупредить споры и тяжбы, могущие возникнуть между дочерьми”, Иван Матвеевич невольно заложил в завещание и основание для будущего спора. В 7-й статье оговаривалось, что в случае неутверждения завещания должно произойти “изменение всех прежних распоряжений”. Тогда все родовое имение делилось на равные части между всеми дочерьми, а благоприобретенное – между Елизаветой и Ольгой в пропорции 3:2¹²².

Вопреки надеждам отца так и случилось. Всего через месяц после его смерти спор на завещание объявила М. И. Кузьмина. В поданных царю и Горному правлению нескольких прошениях она объясняла, что родовое имение отец разделил так, что части его оказались “неуравнительными”. Хотя, оправдывалась наследница, она и подписалась под завещанием, но сделала это “сколько потому, что 7-й пункт его не противоречит законам, сколько и по уважению к моему родителю, дабы не нарушить того душевного мира, который я из любви к нему и почтения желала сохранить ему в последние дни его жизни”. Подпись же Ольги сестра считала недействительной, поскольку та не была еще совершеннолетней и не имела попечителя. До “законного” раздела Кузьмина просила учредить над имением опеку в Москве “по состоянию в оной родовых домов и лавок и по всегдашнему жительству в сей столице нас всех троих наследниц”, а Николаеву во владение Шайтанскими заводами не вводить. В начале 1847 г. спор на завещание объявила и О. И. Берг¹²³.

В то же время Е. И. Николаева в декабре 1846 г. просила Горный департамент ввести ее во владение доставшимися по духовной отца заводами и даже пыталась назначить туда управляющим своего доверенного Н. Машарова, чем вызвала новые протесты сестер. Департамент не находил препятствий к передаче ей заводов, но в то же время не мог этого сделать до решения суда о спорном завещании. Между тем, по свидетельству Кузьминой, “незаконно” вступившая в управление заводами Николаева вырученные от продажи металлов деньги за 1846 г. “удержала у себя, оставив заводы без оборотного капитала” и прибегла к займу у Горного правления более 40 тыс. руб. под залог металлов, “очевидно, без существенной в том надобности, а единственно из желания воспользоваться одной всеми доходами”. Хотя почти все деньги были вскоре выплачены из доходов за золото, на Шайтанских заводах стала накапливаться горная недоимка. В такой ситуации до учреждения “общего и согласного” управления от наследниц Горное правление 29 июля 1847 г. приказало взять Шайтанские заводы под свой присмотр “как для обеспечения долгов и недоимок, так и для охраны заводов во время споров наследниц”. На заводы был отправлен коллежский ассессор Победоносцев, который в соответствии с указом Горного правления от 13 августа должен был следить за продажей металлов, а прибыль отсылать в кредитные учреждения¹²⁴.

Все эти действия местного горного начальства вызвали резкое недовольство владелиц и, в первую очередь, вдовы с малолетними детьми. В сентябре Кузьмина уведомляла Горное правление, что московский суд по ее настоянию уже постановил учредить опеку над всеми именными наследниц, а потому управление заводами должны исправлять выбранные ею (статский советник Иван Максимович Ираклионов) и сестрами (те определили в опеку своих мужей) опекуны. “Доходы, – раскрывала владелица свои карты, – должны принадлежать всем соучастникам по соразмерности частей... а чистые прибыли от заводов, как необходимые на проживание, должны быть предоставлены в собственное распоряжение наследниц, тем более, что они по совершеннолетию не могут подлежать ограничению пользоваться этим правом”¹²⁵.

В другом прошении она уже открытым текстом писала, что учреждением присмотра стесняется ее свобода по владению собственностью и она “лишается последних средств... на прожитие и содержание четырех малолетних детей”. Кузьмина утверждала также, что распоряжение доходами казной затруднит опеку “в распределении оборотного капитала на действие и поддержание других заводов и в уплате оказавшихся на Ярцове частных долгов”. “Горное правление, – утверждала она, видимо, посоветовавшись со знающими людьми, – не рассудило взять в казенный присмотр Таишевский и Иштерьяковский заводы, между тем... как они по неустройству и другим местным причинам... никогда не приносили столько дохода, которого бы достаточно было на собственное их производство, и потому поддерживались Ярцовым единственно из доходов Шайтанских заводов. Теперь же опекуны не могут в свое время доставить сим заводам надлежащее пособие, без чего оные в необходимости найдутся или уменьшить, или вовсе прекратить свое действие в ущерб даже и казенного интереса”. Наконец, решение о продаже выплавленных на заводах металлов через местное Горное правление, по мнению владелицы, приведет к “отступлению от прежнего порядка торговли и повлечет к неудачным распоряжениям и затруднениям в сбыте металлов с немаловажным от того убытком”¹²⁶.

Уральское Горное правление вступило было в полемику с владелицей, настаивая на том, что казенный присмотр не только может заменить опеку, но и лучше ее, поскольку в состав заводской администрации включались опытные горные чиновники. И, действительно, в феврале 1848 г. назначило обер-гиттенфервальтера Ф. С. Солонинина. Прибыв на заводы, он обнаружил недостаток в деньгах, из-за которого уже два месяца рабочие не получали заработную плату. Но вскоре, 30 апреля, появился указ Сената об отмене казенного присмотра и передаче Шайтанских заводов опеке. В правительстве решили, опираясь на Свод законов, что спорные имения подвергаются именно такой форме управления. 29 мая Горное правление сняло свой присмотр с заводов, но предписало учредить опеку в Екатеринбурге и не передавать управление уже открытой московской опеке, “как не могущей простираť власть свою на заводы, состоящие в Пермской губернии”. Причем опекуном был назначен все тот же Солонинин, который вместе с поверенным от наследниц Ф. Машаровым должен был сделать опись имения и принять его в управление¹²⁷.

Кузьмина в очередной раз выступила с протестом против нового решения горных властей, не желавших, видимо, совсем отказываться от высоких процентов за взятые заводами в долг казенные деньги. Но Сенат вновь встал на сторону владелицы и 5 сентября 1849 г. предписал отменить отдельную опеку над Шайтанскими заводами в Екатеринбурге, считая, что “раздробление управления означенных заводов посредством нескольких дворянских опе́к легко может произвести различные затруднения по общему балансу заводских капиталов”¹²⁸.

Месяцем раньше, 3 августа, появилось еще одно важное постановление Московской палаты гражданского суда по спорному делу о завещании И. М. Ярцова. Значительно облегчило принятие решения по этому делу данное 8 марта 1849 г. согласие Е. И. Николаевой произвести раздел по той самой 7-й статье завещания, делавшей всех сестер равными совладелицами родового имения. Завещание почти во всех главных пунктах было уничтожено, а сестрам-наследницам рекомендовалось или оставить имение в общем владении, или “полюбовно разделиться” в двухгодичных срок. Опека должна была исключить из заведования все части родового имения и передать их в общее распоряжение всех наследниц, а благоприобретенное – Николаевой и Берг¹²⁹.

Казалось, близится конец длившимся уже три года спорам, которые не единожды ставили Шайтанские заводы в сложное положение. В феврале 1849 г. пришлось даже прибегнуть к займу из Екатеринбургской конторы Государственного банка под залог добытого золота. Но М. И. Кузьмина вновь оказалась недовольной. Она “совершенно отказалась” принять от опекунов в общее владение с сестрами имение отца “по неопределенности частей родовой и благоприобретенной” и выразила желание продолжить опекунство или “учинить посредническое разбирательство”. 30 июня 1850 г. Московская палата постановила принять наследницам бесспорное родовое и благоприобретенное имение, а спорное оставить в общем владении и решать его судьбу в суде. Наконец в декабре этого же года полковница Е. И. Николаева и подполковница О. И. Берг разделили поровну между собой бесспорное благоприобретенное имение отца, оцененное ими примерно в 130 тыс. руб. сер. Николаева получила три дома в Москве, а Берг – Рябкинский, Тайшевский и Иштеряковский заводы. Летом 1851 г. раздел был утвержден и до сентября О. И. Берг была введена во владение доставшимися ей на Урале медеплавильными заводами, а вместе с М. И. Кузьминой и Е. И. Николаевой – в общее управление Шайтанскими заводами. В связи с этим опека прекращалась¹³⁰.

В том же году был составлен и проект раздела оставшегося в общем владении имения, но по каким-то причинам его реализация была отложена. Владелицы занялись решением более насущных финансовых проблем. Поскольку обеспечить оборотным капиталом Шайтанские заводы они сами были не в состоянии, то единственным способом выйти из сложного положения оставался залог имения. С такой просьбой владелицы обратились к руководству Заемного банка в августе 1853 г. Однако удовлетворена она была не сразу. Банк засомневался, могут ли казенные земли поступить в продажу вместе с посессионными заводами в случае неисправной уплаты долга. Горный департамент утвердительно ответил на поставленный вопрос и лишь тогда, 23 мая 1855 г., банк произвел под залог 2617 рев. д. двух Шайтанских заводов ссуду в 156 780 руб. сер. на 37 лет¹³¹.

Решая одну проблему, владелицы параллельно занялись другой – рационализацией своего обширного хозяйства, в частности, ликвидацией обременяющих общий бюджет медеплавильных предприятий. Еще до утверждения раздела Николаева и Берг в марте 1851 г. просили у Уральского Горного правления разрешения закрыть Таишевский завод, хотя тот ежегодно выплавлял до 2 тыс. пуд. меди. “Войдя в хозяйственное соображение способов поддержания сего завода, – писали они, – мы удостоверились, что это заводское имение чуждо всякой возможности не только к полезному для нас, но и к самобытному, без особых ему денежных пособий, существованию по неимению лесов и по убогому содержанию добываемых руд, залегающих гнездами так, что добыча их с содержанием завода обходится дороже цены выплавленной меди”. Желание заводщиц “оградить себя от неминуемого разорения” нашло поддержку в Горном правлении, и в мае они решились на закрытие не только Таишевского, но и Иштерьяковского завода. Действие Таишевского завода на запасенной руде продолжалось еще некоторое время, но в начале 1852 г. он также был полностью остановлен. Для того чтобы не платить оброчных податей за медеплавильные печи, в том же году они были разобраны¹³².

Однако без некоторых трудностей закрытие заводов все-таки не обошлось. Владелицам необходимо было позаботиться о населявших заводы крепостных. Поначалу они предлагали население Таишевского завода временно занять на Иштерьяковском, но после разрешения на закрытие этого завода прежний план оказался невыполнимым. Было предложено перевести часть мастеровых на Шайтанские заводы, а желающих оставить на прежнем месте жительства и перевести на оброк. Но в июне владелицы вновь передумали, решив, что одновременно с закрытием заводов лучше вовсе освободиться и от принадлежавших им людей. Николаева и Берг отказывались от “не нужных” им 957 рев. д. и предлагали по образцу Бемышевского завода Лебедева “обратить их на казенные заводы с выдачей от казны по 36 руб. за душу и с отнесением издержек по переселению и водворению их за счет казны”. Этот вариант поддержали рабочие, доказывавшие, что упадок заводов произошел “чрез дурное управление оными поверенным от владелиц”, а потому посчитавшие для себя за лучшее “перечислиться в казенные крестьяне”¹³³.

Но горные власти восприняли столь щедрый “подарок” владелиц без особого энтузиазма. Выяснив, что “дополнять комплект людей на казенных заводах нет никакой надобности”, Горное правление отказалось от него, указав, что “все последствия, какие могут быть от недоставления крестьянам достаточного содержания, остаются на ответственности Николаевой и Берг”. Окончательно решать судьбу крепостных мастеровых пришлось уже одной Ольге Ивановне, по утвержденному раздельному акту введенной в единоличное управление предназначенных к закрытию заводов. В марте 1853 г. она

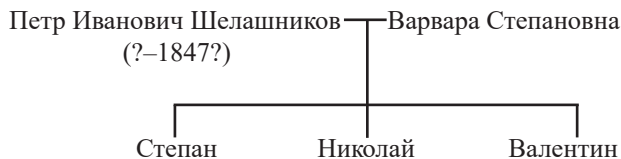
попросила главного начальника В. А. Глинка переписку о переводе людей прекратить, поскольку она уже “устроила их быт, заняв хлебопашеством”, на что не поскупилась и издержала “значительный капитал”¹³⁴.

В октябре того же года П. В. Берг по доверенности от жены заключил в Петербурге купчую крепость на бывшие заводские имения, превратившиеся в села Иштеряково (“Ольгинское тож”) с 426 рев. д. и Таишево (“Кухмарово тож”) с 931 рев. д. крестьян, с тайным советником Иваном Карловичем Рашетом, старшим братом известного горного деятеля, в будущем директора Горного департамента В. К. Рашета. Возможно, у братьев было намерение возобновить медеплавильное производство на купленных землях, но оно не осуществилось. Таишевские заводы навсегда прекратили свое существование. В 1854 г. Рашет продал имение В. А. Хвошинскому, который, видимо, переоборудовал бывший Иштеряковский медеплавильный завод в винокуренный¹³⁵.

Следующий поворот в судьбе ярцовского наследства произошел в 1856 г., когда сестры провели наконец раздел оставшегося в их общем владении родового имущества, оцененного тогда в 707 857 руб. сер. (в том числе Шайтанские заводы с селом Богословским – 457 142 руб.). В июне они уведомляли, что “по взаимному соглашению пожелали учинить выдел части из них Николаевой”. Видимо, Елизавета Ивановна, которой по желанию отца предназначались Шайтанские заводы, решила вовсе отказаться от них и сосредоточиться исключительно на коммерческой деятельности. По разделному акту, утвержденному 14 ноября 1856 г., она “уступила” Кузьминой и Берг свою часть в заводах и получила вместо нее дома в Городской и Пятницкой частях и половину лавок в Тверской части стоимостью более 225 тыс. руб. Мария Ивановна и Ольга Ивановна пополам делили между собой Шайтанские заводы с селом Богословским, дом в Екатеринбурге и принимали на себя всю сумму лежащего на заводах банковского долга. В марте 1857 г. они были введены во владение¹³⁶.

В управлении двух женщин Шайтанские заводы оставались до смерти О. И. Берг 8 мая 1866 г., после чего принадлежавшая ей половина владения перешла по наследству ее мужу подполковнику Павлу Васильевичу Бергу (в $\frac{1}{7}$ части) и малолетним детям, находившимся под опекой отца, – двум сыновьям Сергею и Василию (по $\frac{1}{4}$) и пяти дочерям Анне, Ольге, Александре, Елене и Наталье (по $\frac{1}{14}$). Вводный акт был подписан в Екатеринбурге 27 ноября 1868 г. В августе того же года генеральша Мария Ивановна Кузьмина выразила желание уступить свою половину Шайтанских заводов зятю Бергу. Купчая крепость была совершена 27 июня 1869 г. За свою долю общего владения она получила 81 тыс. руб. сер. “с принятием платежа половинного долга Санкт-Петербургской сохранной казне в количестве 60 615 руб.”¹³⁷. Берги, таким образом, становились единоличными владельцами “самого мелкого”, но находившегося “в цветущем положении” (по оценке В. П. Безобразова)¹³⁸, горнозаводского имения на Урале.

27. Шелашниковы

Род дворян Шелашниковых вошел в состав владельцев уральских заводов в 1834 г. в результате покупки камергером и надворным советником Петром Ивановичем Шелашниковым имения коллежского ассессора П. А. Глазова в Бугульминском уезде Оренбургской губернии. Там находились недействующий уже 12 лет медеплавильный Богословский завод, на базе которого прежними владельцами было заведено производство селитры, а также Покровский купоросный и Воздвиженский поташный заводы¹³⁹.

21 января 1834 г. Горное правление предписало заводскому исправнику ввести нового владельца в управление купленного завода. Камергер императорского Двора решил освободиться от нерентабельно действовавших Покровского и Воздвиженского заводов, оставив одно селитренное производство на Богословском заводе. В 1836 г. в своем новом имении он устроил винокуренный завод (видимо, он и прежде занимался винокурением), а в 1837 г. перевел туда купленных у помещика Никифорова в Пензенской губернии крепостных крестьян. Их поселили в деревнях Воздвиженке (на месте бывшего завода), Софиевке и сельце Варваринском, где и располагалось новое предприятие. Как сообщали позже наследники, Варваринский винокуренный завод был “введен в конкуренцию 210 тыс. ведер” по ходатайству графа Е. Ф. Канкрин за оказанное Шелашниковым “пособие при заподаряде вина на 1836 г.”. Хотя металлургическое производство при Богословском заводе не было восстановлено, он по-прежнему считался в ведении Уральского Горного правления и владелец платил горную подать за производство селитры, которое простиралось до 140 пуд. в год и по доходности не шло ни в какое сравнение с винокуренным заводом¹⁴⁰.

Петр Иванович Шелашников умер в конце 1840-х гг., оставив после себя наследниками жену Варвару Степановну и трех сыновей – надворных советников Степана и Николая и малолетнего Валентина. По заключенному между ними раздельному акту Богословский завод с деревнями достался младшему сыну, но до его совершеннолетия в 1853 г. имение находилось в общем владении всех наследников. Управление им взял на себя Степан Петрович, проживавший поблизости от заводов на “станции” Кичуй; Николай Петрович служил тогда в статс-секретариате Великого княжества Финляндского, а Варвара Степановна проживала в своем имении селе Пехры Московского уезда¹⁴¹. Однако в 1850 г. им пришлось срочно выехать на Урал, где произошел весьма показательный инцидент, характеризующий некоторые стороны управления Шелашниковых заводами и отношения владельцев с исправником.

Еще со времени Глазовых на Богословском заводе был “своекоштный” (то есть находившийся на содержании владельцев) заводский исправник. В 1847 г. по выбору С. П. Шелашникова им стал П. И. Аристов. 18 июля 1850 г., когда 58-летний исправник зашел в контору напомнить о составлении плана завода, он был оскорблен, а затем избит управляющим конторы купеческим сыном М. П. Бородиным в присутствии нескольких свидетелей.

В своем рапорте Аристов подробно и образно воспроизвел случившееся. После его слов, писал он, из соседней комнаты неожиданно выскочил Бородин и “с азартностью и в усубоих выражениях произнес к нему: “Что тебе за дело учить контору, а что написано к тебе, только твоей обязанности [и касается], а не толковать”. “Таковое произнесение слов” исправник посчитал оскорблением, “напомнил” управляющему “о его невежливости” и попросил показать ему доверенность. На это Бородин “в сильном азарте” ответил: “Ты смеешь от меня требовать доверенности, бессмысленный, – я второе лицо [после] помещика, и сочти то, от кого ты получаешь жалованье – от меня, и продовольствие – от меня же... отправляйся из конторы вон в отведенную тебе комнату и знай только ее, а не

распоряжаясь в конторе”. После этого он вызвал сторожа и приказал “вытолкать Аристова из конторы в шею, а сам взял руками за правую руку Аристова выше локтя и так сильно повернул, что сшиб с глаз имевшиеся у него очки на пол”. “Не перенеся такого наглого и беспечного поступка”, исправник оттолкнул Бородина, но, когда наклонился за очками, тот схватил его за волосы и крикнул двум служителям “держите его за руки и тащить”. Несчастного исправника “притащили к дверям и о косяк ударили головою так сильно, что на поверхности головы с обоих висков причинили знаки багрово-синеватые по вершку шириною”¹⁴².

Аристов нажаловался в Горное правление, которое потребовало от Шелашниковых отстранить Бородина и избрать нового управляющего. В середине августа для расследования в Богословский завод прибыл старший чиновник по особым поручениям А. Д. Крапивин, с которым исправник “тайно посоветовался” по поводу обнаруженных им прежде “нарушений”. В это же время в свое имение явились Варвара Степановна, а по ее вызову и Николай Петрович, который находился в отпуске.

Начались допросы участников инцидента, которые, по свидетельству Аристова, проходили в присутствии Н. П. Шелашникова. Это сразу показалось странным исправнику, а позже он узнал, что свидетели были “наущены владельцами с утрашением: если не покажут так, как было им приказано, то будут отданы в солдаты”. В итоге Бородин ни в чем не сознался, наоборот, обвинил Аристова в том, что тот явился в контору в нетрезвом виде и, припомнив, по-видимому, весь набор известных ему ругательств, обозвал управляющего “сукиным сыном, мерзавцем, мужиком, бестолочью и мошенником”. “К удивлению” Крапивина через месяц после инцидента на голове Аристова не оказалось и “боевых знаков”, но тот утверждал, что “они уже зажили и изгладились”. “Вообще, – заявил следователь, – Аристов не представил против Бородина никаких доказательств, а лишь объяснил многоречиво одни собственные свои убеждения, не имеющие законных оснований”. Таким образом, во всем виновным оказался сам избитый исправник, что “более или менее” подтвердили и бывшие очевидцами происшествия служители¹⁴³.

25 августа Крапивин уехал, а 29-го Аристов, по его словам, неожиданно был приглашен камергершей к себе на обед. За столом она спросила исправника (этот диалог изложен Аристовым в письме главному начальнику, отправленному в тот же день): “Довольны ли вы своим следствием или недовольны, а мне кажется недовольны. Этот добрый чиновник в подробности рассказал мне все ваши перевороты, как вы не хотели увернуться, но будьте уверены, не увернулись, ожидайте”. Мне осталось сказать, как по этому его господина Крапивина действию, я не замечал и не заподозревал его ко мне вплоть до 24 числа, [но она], перехватив мое слово, сказала: “Да, я знаю, что сын мой Николай Петрович был вам помехой, что же делать, мне жаль вас, да и желательно бы пособить Бородину. Я советовала и чиновник вам тоже советовал прекратить вашу ссору миром, а вы не хотели, да притом уже вам нечего было говорить на нас чиновнику. Вы не знаю чего насаждали, но все жаль мне вас, что мой родной сын Степан Петрович так любит и всегда писал о вас с хорошей стороны, а не знал в вас настоящего, каковы вы полезны ко вреду нашему, а не к пользе”. Я, желая знать истину, [говорил ей, что] кажется мною еще вам ничего не сделано бесполезного, а напротив этого ко мне вашего возражения делаю к вашей пользе, что могу, беспрекословно. Прерывая мои к ней слова и продолжая, она [сказала] следующее: “Как вам не стыдно. Прошу же вас выслушать меня, что вы еще на это скажите, разве вы не говорили своему следователю горному чиновнику о вашей к

нам измене. Если желаете выслушать, прошу же вас, я повторяю слова ваши, мне переданные чиновником” и рассказала мне все в подробностях, в чем я просил совета у господина Андрея Даниловича Крапивина. “Вы может быть сердитесь, что я старалась примирить вас с управляющим Бородиным. Вам известно, что он нам нужен при постройке винокуренного завода [Варваринский завод в 1850 г. сгорел и владельцы собирались его восстанавливать], а после и при курении в оном вина, а мы за вас как за доброго писали в Горное правление, что вы как нашим Богословским, так равно и купца Подьячева заводом управлять можете. А теперь извините, сам чиновник сказал про вас, что эта ваша ядовитая змея никогда не получит себе Подьячева завода, а лишится и вашего, да как бы и не упрятали куда – горное начальство такого рода чиновников не терпит, уже были примеры не с одним вашим исправником, да сверх сего взыщутся прогоны...”¹⁴⁴.

Вслед за этой беседой “принципиальный” Аристов отказался от должности и вскоре подал несколько “изветов” на Шелашниковых, в которых уже открыто объявил о прежде скрываемых им “нарушениях”. Вновь (впервые в 1831 г. при прежних владельцах) был поднят вопрос о статусе имения и правомерности возведения в нем винокуренного завода. Считая земли Богословского завода отводными от казны, Аристов заявил, что Шелашниковы незаконно основали в них помещичьи деревни и используют казенный лес на строительство и действие Варваринского завода. “Из сего явствует, – писал он, – что Богословский завод и заводские крестьяне удерживаются господами Шелашниковыми для лесных и земельных угодий к их собственной пользе от винокурения”. В своих письмах он “открыл” и причину сделанных ему “неприятностей”: настаивая на том, чтобы просить разрешение у горного начальства на восстановление сгоревшего винокуренного завода в посессионных дачах, он восстановил против себя Н. П. Шелашникова, с “наущения” которого ему и “причинена была Бородиным обида”¹⁴⁵.

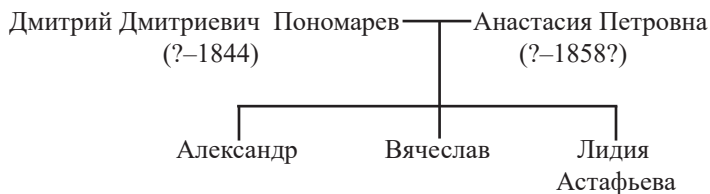
Следствие возобновилось. От назначенного Горным правлением исправника Молленсона требовалось найти “фактуальные сведения” относительно статуса владения Шелашниковых. Исправник выяснил, что Богословский завод всегда считался посессионным и платил полуторную подать, что не оспаривали и владельцы. Но каких-либо документов в конторе о положении крепостных и отводе земель он не нашел, поскольку дела там находились “в самом ужасном беспорядке и большое количество их были истреблены нерадением”. Он высказал лишь мнение, что крестьяне должны считаться заводскими, а не помещичьими, поскольку первый владелец Глазов был купцом и не имел права собственности на крепостных.

Молленсон обратился за разъяснениями к владельцам. Откликнулся Степан Петрович, в марте 1851 г. написавший исправнику, что хотя Шелашниковы являются “столбовыми дворянами”, он “не находит необходимости” оспаривать решение Сената 1831 г., по которому Богословский завод был определен как “имеющий от казны пособие в людях”. Неясным оставался лишь статус крестьян села Андреевского, по которым не было сведений у владельца. Земли же, отведенные к заводу (10 296 дес.), как оказалось, были куплены Г. И. Глазовым у башкир Надыровской волости. Поэтому, восстановление винокуренного завода, приносившего основной доход Шелашниковым, и использование для этого лесов было вполне законным. Тем не менее, чтобы подстраховаться, владельцы решили возобновить на Богословском заводе медеплавильное производство, а селитрен-

ное перенести в соседнюю деревню Богословскую, которую переименовали в Нагорную. 29 марта 1851 г. Горное правление дало свое разрешение. В том же году Богословский медеплавильный завод выплавил 184 пуда меди¹⁴⁶.

Следствие же о крепостных Шелашниковых, поскольку утратило свою актуальность, надолго застопорилось, хотя периодически возобновлялась по нему переписка Горного правления с владельцем. Им с 1853 г. стал, как и полагалось по разделному акту, коллежский советник Валентин Петрович Шелашников. Хотя по роду своей службы он жил в Петербурге (на Итальянской улице в доме княжны Гагариной) и часто выезжал за границу, но, как сам писал, “заведовал лично заводами”. Лишь в 1863 г. производство по делу его крестьян было прекращено, поскольку, как записано в справке Уральского Горного правления, “по Положениям 19 февраля 1861 г. все крестьяне сравнены в правах своих и в отношениях к заводам и владельцам”. За год до этого по причине нерентабельности было окончательно прекращено и производство меди на Богословском заводе, но он еще какое-то время числился в составе посессионных предприятий Урала¹⁴⁷.

28. Пономаревы

Надворный советник Дмитрий Дмитриевич Пономарев, в 1838 г. купивший Холуницкие заводы, был довольно крупным предпринимателем, составившим значительное состояние на винном деле и золотодобыче. Он владел Дмитровским винокурненным заводом в Канском уезде Енисейской губернии, винокурненным же “заведением” в имении своей жены в Пензенской губернии при селце Малый Буртас, каким-то “фабричным деревянным строением с каменным в главном корпусе этажом с машиной, материалами и товарами” в имении жены в Московской губернии при деревне Суровцевой, а также домами в Москве, Сергиевом Посаде, Вятке, Бугуруслане, Раненбурге и “в разных городах и селениях Восточной Сибири”. Кроме того, ему принадлежала половина нескольких золотых приисков в Сибири на реке Бирюсе, которые он разрабатывал вместе с дедюхинским купцом Лапиным¹⁴⁸.

Когда в январе 1838 г. в Москве были объявлены торги на Холуницкие заводы запустевшего в долгах А. И. Яковлева, Дмитрий Дмитриевич решил в них участвовать. Тем более, что перспективный округ с пятью заводами и 1544 рев. д., оценивавшийся в 1564 тыс. руб., продавался чуть ли не за полцены. Тем не менее на торг, состоявшийся 10 января, он предложил всего 700 тыс. руб., что было значительно ниже заявленной цены (961 461 руб.). Поэтому через четыре дня состоялась переторжка. На этот раз в торгах участвовало уже пятеро желающих, но Пономарев существенно поднял ставку (до 997 тыс. руб.) и выиграл конкурс. 22 марта 1838 г. Московским губернским правлением ему была выдана купчая на Холуницкие заводы¹⁴⁹.

Однако новому владельцу пришлось еще полтора года ждать утверждения сделки Сенатом, куда с предложением о пересмотре условий продажи обратились кредиторы Яковлева. Сумма, уплаченная им за заводы, покрывала только шестую часть долгов бывшего владельца. В результате сложилась неопределенная и крайне неприятная для Пономарева ситуация. Он приехал на заводы и уже “снабдил их капиталами на действие и покупку провианта”, но Комиссия кредиторов вовсе не собиралась отдавать ему управление и требовала “до решения в Сенате дела о покупке... отстранить Пономарева и его поверенного от распоряжений”.

Наконец в июле 1838 г. Сенат решил Комиссию закрыть и провести ревизию ее дел, а заводы предоставить Пономареву, временно командировав туда “для наблюдения” горного чиновника. Таким образом, освободившись от одного конкурента, Пономарев обнаружил другого в лице чиновника Волкова. Тот, по словам нового владельца, “прибыв на заводы и соединясь тотчас с бывшим владельцем Яковлевым, распустил слухи, что заводы от Пономарева отойдут”. “Чиновник, – жаловался Пономарев, – должен только утверждать приходы и расходы, а отнюдь не вмешиваться в хозяйственные распоряжения и тем более их останавливать, ибо иначе не было бы и непосредственности распоряжений, делаемых уполномоченными от владельца... а в хозяйственных распоряжениях бывает иногда и час дорог и невозвратим, когда будет пропущен. Я, – продолжал он, – не состою ни под каким взысканием, ни в чем не виноват, деньги за заводы заплатил все сполна, крепостной акт на них получил, во владение ими введен, и на действие заводов и на содержание рабочих людей употребляю собственные свои деньги, а потому и приемлю на себя всю ответственность”.

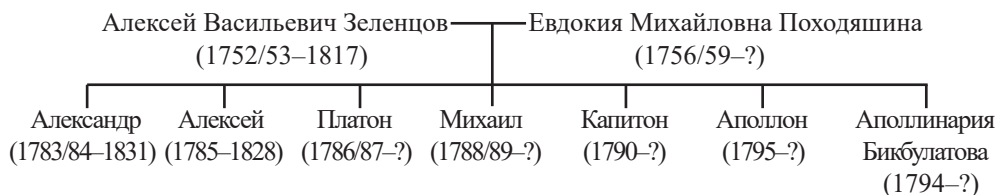
Эмоциональное обращение Пономарева возымело действие. 14 декабря 1839 г. Сенат утвердил Холуницкие заводы за ним, оставив в силе прежнее решение Московского губернского правления. В мае 1841 г. были составлены “передаточные списки”, и заводы окончательно перешли новому владельцу¹⁵⁰.

Полновластным владельцем уральских заводов, к чему Д. Д. Пономарев так долго и настойчиво стремился, он пробыл недолго, скончавшись в 1844 г. В “духовной” Пономарев выразил желание, чтобы Холуницкие заводы “были неразделимы и остались в роде моем”. Потому он завещал их в пожизненное владение своей жене Анастасии Петровне, а по кончине ее в потомственное владение сыновей Александра и Вячеслава. Дочери Лидии (по мужу Астафьевой) “как получившей и получающей особый надел” отец приказал “никакого участия в этих заводах не иметь и не вступаться”. Завещание было объявлено в Московской палате гражданского суда 1 июня 1844 г. Палата признала его подлинность и ввела надворную советницу А. П. Пономареву во владение Холуницкими заводами¹⁵¹.

Анастасия Петровна довольно успешно управляла заводами до своей смерти, видимо, в 1858 г. Холуницкие заводы вырабатывали тогда до 300 тыс. пуд. железа, пользовавшегося, по оценке Горного правления, “по отличному качеству в продаже особой известностью”¹⁵². После они перешли по наследству капитану Александру Дмитриевичу Пономареву (что случилось с Вячеславом, неизвестно). Сын не сумел, однако, исполнить пожелание отца сохранить Холуницкие заводы в своем роду. Он не смог справиться с пореформенными трудностями, в результате чего в 1865 г. заводы были взяты в казен-

ный присмотр, а через три года назначены в публичную продажу. В 1870 г. заводы были проданы англичанину барону В. Вагстафу, который в 1873 г. перепродал их А. Ф. Поклевскому-Козелл¹⁵³.

29. Зеленцовы

Зеленцовы представляли в составе уральских заводчиков известный верхотурский купеческий род. Со слов сибирского историка П. А. Словцова, они выдвинулись благодаря службе у основателей Богословских заводов Походяшиных. Алексей Васильевич Зеленцов – первый в роду горнозаводчик – был женат на Евдокии Михайловне, внучке М. М. Походяшина, и в начале XIX в. имел звание верхотурского именитого гражданина и чин коллежского асессора¹⁵⁴.

До покупки Ревдинского, Бисертского и двух Рождественских заводов он, по-видимому, не занимался предпринимательством в горном деле. В компании с братом верхотурским купцом Степаном Васильевичем Зеленцовым он владел Невьянской полотняной фабрикой в Ирбитском уезде Пермской губернии. Ему принадлежал также Биавашевский винокуренный завод в Оренбургской губернии, купленный в 1802 г. за 10 тыс. руб. у надворного советника Походяшина (но “по особому условию” оставшийся во владении последнего до 1806 г.) и находившийся в управлении его сына коллежского асессора Александра Алексеевича Зеленцова. Ему же принадлежали Курсадские медные рудники в Оренбуржье, торговые лавки в Перми и два дома в Верхотурье.

Но главным занятием новоявленного заводчика, которое приносило ему основные доходы, были “питейные откупа” и поставки провианта в Сибирь. С 1803 г. он значился в числе откупщиков питейных сборов по Томской и Тобольской губерниям, где вместе с братом владел еще двумя винокуренными заводами, домами и магазинами. В эти же годы Зеленцов являлся одним из компанейщиков по поставкам муки по договорам с Провиантской экспедицией Военной коллегии и заключал частные контракты на поставку ржи в Пруссию. По-видимому, эти занятия позволяли ему не только получать приличные доходы, но и завязывать полезные знакомства с влиятельными столичными чиновниками. По словам самого Алексея Васильевича, он более 10 лет находился в Петербурге, а всеми делами в Сибири и на Урале заправляли его родственники¹⁵⁵.

Когда П. Г. Демидов задумал продать свои Ревдинско-Рождественские заводы, Зеленцов решил вложить накопленные капиталы в крупное горнозаводское производство и вызвался приобрести их, польстившись согласием продавца на рассрочку платежей. По свидетельству сына бывшего владельца, Демидов и Зеленцов договорились еще в 1806 г. Алексей Васильевич давал за заводы 1480 тыс. руб., обязуясь выплатить эту немалую

сумму в течение 10 лет. Он тогда же вступил в управление и за два последующих года выплатил Демидову 200 тыс. руб.¹⁵⁶ Но официально купчая крепость была совершена только через два года.

Задержка с оформлением сделки произошла отчасти по вине Берг-коллегии, которая решила, что недворянину, каким являлся Зеленцов, не положено владеть заводами с “излишними” крепостными и вечноотданными людьми. По сведениям чиновников, на Ревдинских заводах состояло 4056 рев. д., что было намного больше положенного “по штатному исчислению”, а приписные крестьяне и вовсе оказались “в излишке”. Но поскольку только 2176 рев. д. из всех заводских крепостных считались “полными” работниками, а также в виду предстоящей реформы приписной деревни, министр финансов граф А. И. Васильев дал свое согласие. 12 октября 1806 г. Правительствующий Сенат санкционировал продажу Ревдинско-Рождественских заводов Зеленцову “с крепостными и вечноотданными, опричь приписных государственных крестьян”¹⁵⁷. Формальные препятствия к заключению сделки, таким образом, были устранены уже к концу 1806 г.

Возможно, причиной дальнейшей задержки оказалась начавшаяся на следующий год реформа или то, что Ревдинские заводы с 12 марта 1798 г. состояли в залоге Вспомогательного банка на 25 лет (продажа заложенного имения требовала особого разрешения банка). Возможно, Демидов хотел “проверить” Зеленцова и, лишь убедившись в его платежеспособности, согласился на сделку. Так или иначе, купчая крепость была совершена в Петербурге 25 июня/10 июля 1808 г. В соответствии с ней заводы переходили в руки Зеленцова за 800 тыс. руб. Долг банку при этом переводился на покупателя, а потому исключался из суммы сделки.

В тот же день и теми же лицами был подписан другой документ – закладная, по которой А. В. Зеленцов занимал у П. Г. Демидова 1280 тыс. руб. сроком на 6 лет и 7 месяцев (до января 1815 г.) с тем, чтобы ежегодно выплачивать тому по 160 тыс. руб. В качестве залога выступили только что приобретенные им четыре завода. “Если в срок деньги не заплачу, – обязывался Зеленцов, – то... волен он [Демидов] сию закладную где следует явить и удовлетворение получить, как законы повелевают”¹⁵⁸. В 1808 г. Зеленцов передал Демидову первый взнос в 160 тыс. руб., который мог осилить, а остальную сумму предполагал выплачивать в течение обусловленного срока уже из заводских доходов. Несмотря на столь сложную форму перехода собственности от Демидова к Зеленцову, с этого времени Алексей Васильевич мог чувствовать себя хозяином обширного горнозаводского хозяйства, включавшего около 256 тыс. дес. земли и производившего до 212 тыс. пуд. железа¹⁵⁹.

Но самостоятельно содержать заводы, на действие которых ежегодно требовалось до 300 тыс. руб., он не сумел, даже несмотря на то, что приобрел их в рассрочку. Видимо, Алексей Васильевич рассчитывал на поддержку властей взамен какого-то его прежнего “пожертвования”, достигавшего 500 тыс. руб. и сделанного им “единственно из сострадания к человечеству”. Действительно, уже на следующий день после совершения купчей по царскому указу из Екатеринбургского монетного двора и разных казенных палат ему было выдано “на вексельный перевод” 400 тыс. руб. медной монетой. Но когда кончился годовой срок “перевода”, Зеленцов не вернул деньги в Государственное казначейство и “за всеми побуждениями” делать этого не собирался.

Нерешительность горных властей по возврату казенных денег позволила ему поначалу успешно вести заводское производство, которое приносило до 100 тыс. руб. прибыли, и расплачиваться с Демидовым по банковскому займу. Но эти долговые обязательства

не позволили накопить оборотный капитал, который поддерживался доходами от других его коммерческих предприятий. Поэтому, когда в 1812 г. у Алексея Васильевича возникли проблемы по откупным и торговым операциям, финансовое положение заводов серьезно расстроилось. Тогда на него поступили иски из Томской казенной экспедиции по содержавшемуся им в 1803–1811 гг. винному откупу и упала ответственность за долги умершего компаньона по провиантским поставкам. Зеленцов перестал выплачивать банковский и демидовский долги и даже государственные подати, недоимка по которым к 1813 г. достигла 127 тыс. руб. В 1812 г. “для поддержания в исправности действия заводов” он добился ссуды в 50 тыс. руб. из сумм непрременных работников Гороблагодатских заводов, но через год, как полагалось, не вернул ее. Тогда же появились и первые частные долги (до 15 тыс. руб.)¹⁶⁰.

По поводу наиболее крупного долга Государственному казначейству в апреле 1813 г. Сенат постановил “осеквестровать и продать узаконненным порядком имение коллежского асессора Зеленцова, где какое свободным окажется”. Горным властям показалась сомнительной продажа Ревдинско-Рождественских заводов по этому указу, поскольку они находились одновременно под банковским и частным залогами (то есть были “не свободными”) и к тому же действовали вполне успешно. По изданному в 1809 г. указу на публичную продажу за долги владельца не могли выставляться заводы, “находившиеся не в упадке, а в полном действии, исключая неисправность в платеже повинности горной, каковая почитаться долженствует к упадку завода”. Хотя на Ревдинских заводах состояла податная недоимка, но, по сведениям Горного правления, “таковая была не только на одном Зеленцове, а на 33 заводчиках”. В такой ситуации было решено продать в счет долгов неза заводское имущество Зеленцова. Но и над заводами в декабре 1813 г. был установлен казенный присмотр исправников, а часть металла “взята в обеспечение взыскания недоимок”¹⁶¹.

Алексей Васильевич подал царю несколько прошений. В одном из них он объяснял, что его неза заводские владения не принадлежат ему полностью и не могут отвечать за его долги. Тем не менее полотняная фабрика с 5,5 тыс. дес. земли, винокуренный завод с 36 тыс. дес. земли и два деревянных дома в Верхотурье были описаны и назначены к продаже с публичных торгов. Но оказалось, что вырученной суммы все равно не хватит на уплату долга казначейству, возросшему к тому времени до 466 тыс. руб. В такой ситуации по “Высочайшему” повелению продажа имений Зеленцова была отложена до рассмотрения в Государственном Совете дела о его казенных долгах. Вероятно, принятию такого благоприятного решения поспособствовали влиятельные поручители Алексея Васильевича – генерал-майор граф Д. А. Зубов (одно время возглавлявший Комиссию о государственных долгах) и крупный откупщик коммерции советник Абрам Перетц.

В другом прошении заводчик жаловался на секвестр металлов и неза заводских имений, “через что, – писал он, – потерял я свой кредит и вовлечен был в чрезвычайные убытки”. Но решение о взятии заводов в казенный присмотр он находил “нужным и необходимым как для благосостояния заводов... а наиболее для скорейшей уплаты всего состоящего на мне казенного долга”. Производя до 250 тыс. пуд. железа, в том числе сталь и другие высококачественные сорта, “которые против ординарного прибыль приносили гораздо большую”, он надеялся выручать в год до 500 тыс. руб. и в скором времени расплатиться со всеми долгами¹⁶².

Горное правление установило присмотр за заводами и, хотя нашло их “в надлежащем хорошем положении и устройстве, усмотрело и недостаток, состоящий в обратном капитале... который, – как считали компетентные чиновники, – мало-помалу расстраивает заводы и может наконец привести их в совершенное изнеможение”. В таких условиях окончательное решение о продаже Ревдинских заводов не было принято. Вместо этого в ноябре 1815 г. Горный департамент постановил взять их в частичное казенное управление, откомандировав туда “надежного чиновника”, а также предоставить заводам ссуду из средств Горного правления. Зеленцов не был полностью устранен от управления: ему позволялось либо самому принять в нем участие, либо прислать своего поверенного¹⁶³.

В том же году Зеленцов прибыл на заводы из Петербурга, чтобы лично участвовать в их управлении вместе с назначенным от казны коллежским советником Викуловым. Однако это “сотрудничество” продолжалось недолго: 3 марта 1817 г., “находясь в тяжелой обременительной болезни”, Алексей Васильевич Зеленцов скончался¹⁶⁴. Составленная в “господском доме” в Ревде опись его личного имущества дает некоторое представление о быте и интересах заводчика в последние годы жизни. Ему принадлежали два фрака и сюртука, кафтан, две шубы на беличьем и енотовом меху, шляпа и шпага с золоченым эфесом (что свидетельствовало о получении дворянства). В комнатах была довольно скромная обстановка: стояла кровать “простого дерева” с пуховой постелью, письменное бюро с чернильницей, печатью, счетами, готовальной и бронзовыми подсвечниками. Была описана также личная библиотека заводчика, состоящая из 75 книг и журналов. По ней можно судить, что Зеленцов интересовался отечественной и зарубежной историей, любил читать художественную литературу, особенно комедии и трагедии. Деловые его интересы отразились в сборнике докладов о снабжении армии сукнами и книге о законодательстве и управлении финансами и коммерцией в России, руководству к осуществлению угодий и книжке о новой винокуренной посуде, указателе дорог, хозяйственном описании Пермской губернии, учебнике по тригонометрии и французском словаре. Имелись несколько экземпляров “Русского вестника” и “Санкт-Петербургского журнала” за 1816 г.¹⁶⁵ Удивляет, что в библиотеке горнозаводчика не было книг по металлургии и горному делу. Это косвенно свидетельствует о его отношении к купленным заводам и объясняет согласие на казенное управление в лице опытного горного специалиста.

Итоги почти 10-летнего владения Алексеем Васильевичем Зеленцовым Ревдинско-Рождественскими заводами выглядели далеко не утешительными. На заводах висели государственные и частные долги “на многотысячную сумму”. Они находились в казенном управлении, а все неза заводское имущество владельца было описано и состояло в присмотре Горного правления до продажи с публичных торгов. Викулов сообщал, что после смерти владельца “заводы собственного капитала не имеют и на уплату долгов ничего не осталось”, хотя за два предыдущих года было отпущено из Горного правления 386 413 руб. Заплатив всего 440 тыс. руб. в первые три года после покупки заводов, Зеленцов не выполнил и условий сделки с П. Г. Демидовым. Поэтому, в соответствии с закладной, бывший владелец имел право “удовлетворение получить, как законы повелевают”.

Так он и сделал, после окончания срока залога предъявив иск ко взысканию оставшихся невыплаченными 840 тыс. руб., переведенных на наследников Алексея Васильевича – вдову Евдокию Михайловну, шестерых сыновей – коллежского асессора Александра, губернского секретаря Алексея, коллежского секретаря Платона, губернского секретаря Михаила, Капитона и Аполлона, а также дочь Аполлинарию Бикбулатову¹⁶⁶. Поскольку

заводы находились теперь уже в полном казенном управлении (никто из взрослых сыновей Алексея Васильевича не вступил в управление, хотя семья осталась жить в Ревде), а остальное имение было взято в опеку, наследники не получали доходов и, естественно, не могли погасить долг Демидову, да, видимо, и не собирались этого делать. В пику Демидову они подали почти равный по сумме иск, утверждая, что тот якобы продал вместе с заводами казенные и спорные земли, ему вовсе не принадлежавшие. Тем не менее по “Высочайше” утвержденному “мнению” Государственного Совета в феврале 1819 г. заводы Зеленцовых были назначены в публичную продажу за казенные и частные долги.

За своих родственников вступился зять Зеленцова полковник Бикбулатов, просивший приостановить продажу заводов. Хотя ему было отказано, Комитет министров, рассматривавший дело, в 1823 г. констатировал, что при казенном управлении “заводы приведены в полное действие, горных долгов и недоимок на них уже не числится и по Министерству финансов не представлялось более причин настаивать на их продаже”. Из полученной с 1815 по 1822 г. прибыли в 1,6 млн руб. были возвращены долги казначейству и Заемному банку. Тогда же заводы были оценены в 4 186 675 руб., а годовой доход по 5-летней сложности исчислялся в 309 183 руб. асс.¹⁶⁷

Очевидные успехи казенного управления послужили причиной того, что 24 января 1824 г. Александр I повелел остановить продажу заводов до решения дела по взаимным претензиям Демидова и Зеленцовых, которое было поручено рассмотреть в Сенате вне очереди. В мае 1824 г. сенаторы признали уничтоженным иск Зеленцовых и рекомендовали, “буде пожелают”, возобновить его в законном судебном порядке, что и было сделано в сентябре 1825 г. “За сим, – сообщалось в сенатском указе, – возникли новые споры о пропусчении срока для начатия подобных исков, и ход дела сего беспрестанно останавливался”¹⁶⁸. Лишь в 1829 г. оно сдвинулось с места.

Тогда жалобу в Сенат подал сын скончавшегося в 1826 г. П. Г. Демидова отставной артиллерийский полковник Алексей Петрович Демидов. Он просил ускорить рассмотрение спора с Зеленцовыми, которые, по его словам, “затяжи свой иск на отца для того единственно, чтобы уклониться от платежа должной ими суммы”, которая достигала с набегавшими процентами уже астрономической величины в 2 млн руб. Император утвердил решение Комитета министров от 18 марта 1829 г., по которому Ревдинско-Рождественские заводы вновь назначались к продаже “с тем, чтобы из вырученных сумм все то, что следует Демидову, уплатить без отлагательства, несмотря ни на какие противоречия со стороны Зеленцовых”. До продажи на основании нового Банкротского устава заводы отдавались во временное владение Демидова¹⁶⁹.

Материальное положение “многочисленного семейства” Зеленцовых (по исповедальной росписи 1812 г., кроме вдовы и шестерых детей Алексея Васильевича с ними в Ревде жили его престарелая теща и еще девять родственников, в том числе из фамилии Барбот де Марни)¹⁷⁰ оказалось в то время крайне тяжелым. При казенном управлении они не получали никаких доходов, “которые обращались единственно на производство заводов и на улучшение их действия”. Старший наследник коллежский советник Александр Алексеевич Зеленцов вынужден был для поддержания семьи еще в 1820 г. продать ему принадлежавшее село Петровское в Челябинском уезде. В июле 1829 г. он просил царя “войти в горестное их положение... и во отвращение отчаяния наследников с престарелой матерью... возобновить отпуск ежемесячно по 1 тыс. руб. на содержание дотеле, пока окончательно совершится продажа заводов”¹⁷¹.

В складывавшейся не в их пользу ситуации Зеленцовы несколько изменили свою тактику. Они теперь не протестовали против допуска Демидова к управлению заводами, но считали, что произойти это может лишь после описи всего имущества, которое оценивалось в 4 млн руб., в то время как долг Демидову достигал лишь половины этой суммы. Главный начальник уральских заводов А. А. Богуславский вынужден был согласиться с их мнением, полагая, что “они могут и не преминуть жаловаться, что все расхищено в заводах... что неминуемо возродит тяжбу и затруднит только Правительство”. Он считал возможным до описи имущества, “дабы решительно знать, что поступит к Демидову”, оставить заводы в казенном управлении при участии поверенных с обеих сторон¹⁷².

После этого Зеленцовы методично предпринимали попытки повлиять на оценку заводов с целью завысить их стоимость. Степан Васильевич, Александр и Платон Алексеевичи доказывали принадлежность им золотых приисков, которые, как они писали, в 1819–1824 гг. были открыты и разрабатывались на их собственный капитал. Они оспаривали величину долга Демидовым, под надуманным предлогом протестовали против выбранного Демидовым поверенного В. Кирсанова как “заводского крепостного человека покойного Николая Никитича Демидова”. По поводу последнего А. П. Демидов объяснил, что выбрал его, поскольку “сам в Перми никого не знал”, а Зеленцовы “опорочивают его... дабы отдалить только передачу заводов”. В ход пошли также требования частных кредиторов Зеленцовых (особенно настойчивы были наследники Е. Л. Лазарева, давшего в 1816 и 1817 гг. А. В. Зеленцову займы около 40 тыс. руб.), которым при управлении Демидова вовсе не гарантировалась быстрая уплата долгов. Сенат постановил отложить удовлетворение их требований до продажи заводов¹⁷³.

Несмотря на постоянно возникавшие препятствия, Горное правление решительно добивалось скорейшей передачи заводов в частные руки, небезосновательно опасаясь дальнейшего их расстройств. В результате в августе 1829 г. А. П. Демидов вступил в управление Ревдинскими, а в декабре – Рождественскими заводами. Это вновь вызвало жалобы Зеленцовых. “Можно ли имение, оцененное в 4 млн руб., передать в неделю?” – вопрошал Александр Алексеевич. – ...Можно ли усомниться в том, что прежде принятая Демидовым система разорить заводы, теперь... должна будет наполниться, чтобы заводы... довести... до таковой же степени расстройств, в каком приняты были при покупке от покойного продавца, чтобы после того завладеть оными за бесценно?”¹⁷⁴

Разумеется, разорять заводы Демидов не собирался, но ему было выгодно занижить их стоимость, точно так же, как Зеленцовым было выгодно завысить ее. Назначенные от казны оценщики сообщали, что действия поверенного Зеленцовых “неволью заставляют думать о желании его чрезмерно дать заводскому имуществу ценность несоразмерную”. На это А. А. Зеленцов отвечал, что оценщики “никакого понятия о заводах не имеют”, а одного из них обвинил в связях с Демидовым, который, по его словам, “одного уже сына [оценщика] Кузнецова определил в Горный корпус на казенное содержание с обещанием туда и другого также поместить”. Демидовские поверенные, в свою очередь, обнаружили родственников Зеленцовых (овер-бергауптманов С. М. Походяшина и Пряничникова) среди старших советников Пермского Горного правления, которые могли им оказывать содействие. К марту 1830 г. по поводу оценки заводов Зеленцовы подали свыше десятка жалоб в разные инстанции, вследствие чего Пермское Горное правление вынуждено было объявить, что “впредь никаких возражений от них приниматься не будет”¹⁷⁵.

Борьба вокруг Ревдинских заводов достигла своей кульминации, когда демидовские управляющие Любимов и Кирсанов (бывшие приказчики Нижнетагильских заводов, владельцы которых были троюродными братьями А. П. Демидова) приказали у проживающих в Ревдинском заводе Зеленцовых “отобрать всех людей, лошадей и квартирные дрова, а жителям ничего не продавать им из жизненных припасов и не ходить в дом Зеленцовых”. “Дерзость поверенных [Демидова] до того даже доходила, — жаловался А. А. Зеленцов в декабре 1829 г., — что наследников... насильственным образом хотели они выгнать из домов, ими занимаемых в заводе с приказанием полицейским служителям полы и печи выломать, если через неделю не очистят дома”. Любимов “как закоренелый старовер” обвинялся им в закрытии школы, основанной Зеленцовыми “для образования как церковных, так и старообрядческих детей”, в отдаче в рекруты тех людей, “которые при Зеленцовых были на счету лучших и благонравных” и даже в “невыдаче из аптеки лекарств”. “Прошу, — писал Александр Алексеевич главному начальнику уральских заводов А. А. Богуславскому, — оградить нас от притеснений, дальнейшим описанием коих скромность запрещает мне обременять Ваше Превосходительство, но которые простираются уже до того, что не только в нашем благоустроенном государстве, но даже и у необразованных народов непозволительно”¹⁷⁶.

Хотя эти обвинения отчасти подтвердились в ходе следствия, Любимов и Кирсанов считали свои действия правомерными. Защищая интересы своего нового хозяина, Кирсанов утверждал, что находиться в заводах Зеленцовым нет необходимости, поскольку они избрали поверенного к оценке имения, а “из собственности Демидова” он ничего им давать не может. “Где видано, — вопрошал он, — чтобы закладчику... можно было... пользоваться от просроченного имения чем-нибудь!” Тем не менее Горное правление потребовало, чтобы никаких притеснений Зеленцовым не оказывалось, а главный начальник просил у министра финансов разрешения выдавать им 2 тыс. руб. “как не составляющих почти никакого расхода, судя по обширности действия заводов”¹⁷⁷.

При подготовке Ревдинско-Рождественских заводов к продаже в 1830 г. Горное правление подсчитало, что за 15 лет казенного управления за Зеленцовых было уплачено 841 345 руб. преимущественно государственных долгов. Но за исключением долга Демидову они еще оставались должными казне и частным лицам до 787 485 руб. Большую часть этих долгов было предписано “удовлетворить” за счет продажи Ревдинско-Рождественских заводов (оцененных, в ущерб Зеленцовым, в 2 669 575 руб.), Биавашевского винокуренного завода (253 588 руб.), Невьянской полотняной фабрики (39 034 руб.), двух домов в Верхотурье (409 руб.) и хлебных магазинов в Туринске. По сведения Горного правления, в 1830 г. дома и торговые лавки были проданы Верхотурскому градскому обществу за 725 руб., а к покупке полотняной фабрики “никто не явился”¹⁷⁸.

Торги по горнозаводскому имению состоялись в 1833 г. К тому времени А. П. Демидов переменял свое прежнее намерение и решил оставить довольно перспективные Ревдинско-Рождественские заводы за собой, выступив на торгах, скорее всего, их единственным покупателем. На основании “Высочайше” утвержденного 26 октября 1833 г. мнения Государственного Совета он и стал полноправным владельцем Ревдинско-Рождественских заводов, тем самым вернув в собственность демидовского рода так опрометчиво проданное отцом четверть века назад горнозаводское имение¹⁷⁹.

В тот же день формально завершилось уже давно ставшее фиктивным владение двумя поколениями рода верхотурских именитых граждан Зеленцовых горным округом на Урале. Для них оно оказалось крайне неудачным предприятием, приведшим, судя по всему, к окончательному разорению рода.

30. А. И. Маликов

По купчей, составленной 23 февраля 1842 г. в Московской гражданской палате, почетный гражданин и тульский 1-й гильдии купец Абрам Иванович Маликов приобрел у Боборыкиных Песковский, Кирсинский, Кажимский, Нючпасский и Нювчимский железные заводы¹⁸⁰. Хотя они располагались в Слободском и Глазовском уездах Вятской и Усть-Сысольском уезде Вологодской губерний на довольно значительном расстоянии друг от друга, но составляли единое хозяйство (с центром в Кажимском заводе), где производилось до 280 тыс. пуд. чугуна и 187 тыс. пуд. железа в год¹⁸¹. Ко времени покупки заводы испытывали серьезные трудности с финансированием. Прежние владельцы не сумели накопить оборотного капитала и постоянно затруднялись в выплате заработной платы наемным государственным крестьянам, которые составляли основной контингент рабочей силы этих заводов. С теми же проблемами столкнулся и новый хозяин.

Первоначально Маликов расплачивался с крестьянами, но необходимый оборотный капитал так и не скопил. По сведениям Уральского Горного правления, заводы “не имели наличных денег” и действовали лишь “для удовлетворения необходимых заводских расходов”. Выделанное на заводах железо “тотчас закладывалось в Екатеринбургской конторе Коммерческого банка и поступало в секвестр за полученные из конторы ссуды”. “Если воспрепятствовать Кажимским заводам такое закладывание металлов, – резонно считали в Горном правлении вопреки мнению министра государственных имуществ, – то они лишатся последнего способа продолжать свое действие и должны будут остановиться”. Граф П. Д. Киселев, в свою очередь, требовал “не выпускать” с заводов Маликова металл, поскольку к началу 1850-х гг. на них вновь накопились значительные долги государственным крестьянам. Хотя министра беспокоило не столько бедственное положение подведомственных ему людей, сколько непоступление в казну податей, он настаивал на принятии каких-либо решительных мер со стороны Горного департамента и Уральского Горного правления¹⁸².

Главный начальник В. А. Глинка в оправдание сообщал, что еще в 1850 г. Кажимскому заводууправлению было рекомендовано заключать с крестьянами письменные условия, а заводскому исправнику наблюдать за платежами. Но при наличии казенных и частных долгов заводууправление “затруднялось в точном и своевременном удовлетворении крестьян тотчас по окончании работ”. Когда же к началу 1856 г. долг достиг 220 тыс. руб. сер., подобные отговорки показались уже неуместными, и Глинка предложил предпринять более решительные меры. “Как многолетние настояния начальства о взыскании с заводов купца Маликова долгов государственным крестьянам остаются безуспешными, – сообщал он, – да и на будущее время по неимению в заводах оборотного капитала и по большому числу долгов нельзя ожидать лучшего в этом отношении успеха, то... представляется одно только средство, а именно взять Кажимские заводы в казенное управление и поставлять с них доходы, за отделением необходимого на заводское дейс-

твие и подати, на уплату долгов”. Министр финансов согласился с этим предложением, добавив, что только такая мера сможет удовлетворить Министерство государственных имуществ, “заботящееся о покрытии податных недоимок”. Если же заводы останутся в управлении заводчика, считал П. Ф. Брок, “то должно ожидать, что о взыскании следующих крестьянам долгов будет долго еще продолжаться столь же бесплодная, как и до сих пор, переписка”¹⁸³.

Однако после более серьезных размышлений главный начальник решил, что “взятие Кажимских заводов в казенное управление не смогло бы исправить положение дел, а только ввело правительство в затруднение, которое для поддержания действия заводов поставлено было бы в необходимость делать им ссуды, возврат которых при существующем огромном долге был бы весьма не верен”. 14 марта 1856 г. “в виде временной меры” В. А. Глинка приказал взять заводы лишь в казенный присмотр, как он писал, “в надежде, что они в состоянии будут действовать в полном объеме и оплачивать долги или же должны причислиться к разряду пришедших в упадок и обремененных неоплатными долгами, а, следовательно, подлежащих продаже с публичных торгов”. Ровно через месяц присмотр был установлен¹⁸⁴.

Но осуществлявший его заводский исправник Вандышев доносил, что заводоуправление “никаких долгов не обеспечивает, кроме горных податей и те не вовремя, противопоставляя всегда залог или продажу металлов на необходимые заводские потребности, и несмотря на это, постоянно задолжается вновь, если находит еще таких людей, которые не зная о несостоятельности заводов, решаются в чем-нибудь верить”. Некоторые ограничительные условия казенного присмотра, при котором, например, полагалось получать разрешение на продажу железа от Горного правления, что при расстоянии от Екатеринбурга в 941 версту сделать было непросто, также, по его мнению, приносили “одни убытки от несвоевременного и в малых количествах заготовления всего необходимо нужного в заводском быту”. После года казенного присмотра стало совершенно ясно, что выбраться из долгов и одновременно накопить оборотный капитал нет никакой возможности: прибыль составляла чуть более 2 тыс. руб. Однако при наличии до 300 тыс. дес. земли, более 200 рудников и общем доходе около 200 тыс. руб. Кирсинско-Кажимские заводы нельзя было признать пришедшими в упадок и назначить на публичные торги. В такой ситуации в августе 1857 г. Уральское Горное правление решило освободиться от обременительного надзора и передать заводы в опеку¹⁸⁵. Однако этому намерению не суждено было осуществиться.

Абрам Иванович Маликов не остался вовсе безучастным к событиям на своих заводах, хотя сам так и не приехал. Он жил в Туле (на Посольской улице в собственном доме), а продажей металлов на Нижегородской ярмарке занимались по доверенности его сыновья Павел и Дмитрий. Так и теперь купец уполномочил их решать вместе с исправником заводские проблемы. Когда же Горное правление спросило владельца, “не может ли он из собственных своих средств, не касаясь заводских, отделять ежегодно на уплату долгов”, Маликов ничего не ответил. Причина его молчания становится понятной из текста доверенности, которую еще в июне 1855 г. Абрам Иванович выдал сыну Дмитрию. “Доверяю, – писал он, – заводы кому-либо перезаложить, а если найдешь выгодным для меня, то и продать за известную тебе мною назначенную цену”. Кстати, еще в 1851 г. Маликов уже заложил свои заводы почетному гражданину Х. Д. Спиридонову за 200 тыс. руб. сер. сроком на три года и не возвратил всего долга. Кроме того, более 88 тыс.

руб. сер. числилось на нем других частных долгов 32 кредиторам, в том числе бывшей владелице М. В. Боборыкиной и ярославским купцам Пастуховым¹⁸⁶. Единственным спасением оставалась продажа заводов. Так и произошло.

16 декабря 1857 г. купеческий сын Дмитрий Абрамович Маликов заключил в Москве “запродажную запись” с поручиком Д. Е. Бенардаки. Сумма, за которую ушли Кирсинско-Кажимские заводы, составила 700 тыс. руб. сер. Из них предполагалось вычесть все личные и казенные (в том числе государственным крестьянам) долги Маликова. Горное правление к этому времени закончило сложные подсчеты этих долгов, которых оказалось на 364 728 руб. сер. (в том числе 270 195 руб. крестьянам). Маликов опротестовал эту сумму, считая ее “слишком преувеличенной”. “Вычет ее, – жаловался он царю, – будет для меня крайне стеснительным и произведет сильный подрыв в моих торговых делах”. Тем не менее, когда 11 июля 1858 г. в Петербурге была совершена купчая крепость, из покупной суммы удержали в пользу государственных крестьян Вологодской и Вятской губерний 245 448 руб., а 24 365 спорных рублей отослали для хранения в Заемный банк¹⁸⁷. Таким образом, тульский купец Абрам Иванович Маликов, не справившись с ответственной ролью заводчика, выбыл из состава владельцев уральских заводов, в котором продержался всего 16 лет.

31. Д. Е. Бенардаки

Грек по национальности, отставной поручик и потомственный дворянин Дмитрий Егорович Бенардаки был крупным винным откупщиком, вследствие чего разбогател и сумел приобрести несколько металлургических заводов на Урале. Первая его покупка состоялась в январе 1837 г., когда у Г. И. Осокина за 1,7 млн руб. асс. он купил расположенные в Белебеевском уезде Оренбургской губернии Верхний и Нижний Троицкие и Усень-Ивановский медеплавильные заводы. Тогда они состояли в залоге Государственного Заемного банка на остаточную сумму в 262 878 руб. Новый владелец обязался уплатить этот долг, который вошел в сумму покупки. По условиям купчей, утвержденной в 1838 г., он сразу выплачивал Осокину 937 122 руб., а остальные 500 тыс. руб. обязывался отдать через год без начисления процентов¹⁸⁸.

Но к 1838 г. Бенардаки сумел полностью выплатить лишь банковый долг. Чтобы выполнить условия сделки с Осокиным, ему пришлось тут же вновь заложить свои заводы. В июле он подал прошение и предоставил свидетельства на залог 1626 рев. д. его Троицких заводов. Владелец рассчитывал получить за них 406 500 руб. асс. “на условиях 37-летних правил”. 5 октября банк выдал в ссуду 325 200 руб. из расчета 200 руб. за рев. душу, а не 250, как рассчитывал заводчик. Свое решение банк объяснил тем, что ни в одном из свидетельств не было указано, “все ли упомянутые души суть горнозаводские или часть их состоит на пашне”. Доказав их принадлежность заводам, 20 октября 1839 г. Бенардаки добился дополнительного начисления к той же ссуде 81 280 руб.¹⁸⁹ Тогда, повидимому, он и сумел расплатиться с Г. И. Осокиным за купленное имение.

По доверенности от владельца управление Троицкими заводами принял отставной инженер-майор Ф. Ф. фон Квален, которому пришлось столкнуться с несколькими сложными проблемами. Одной из них был недостаток рабочих рук. От имени хозяина он подал в губернское правление прошение о покупке 255 рев. д. уничтоженного в 1836 г.

Архангельского завода Красильниковых, “как необходимых для заводских работ”. Однако эта покупка вызвала сомнение у Бенардаки, не изменится ли при этом статус его заводов, поскольку они считались владельческими, а крестьяне Красильниковых – посессионными. Уже в собственном прошении в Сенат он просил разъяснить, “на каком из двух прав” перейдут к нему купленные крестьяне и не приведет ли это к перечислению заводов в разряд посессионных. Е. Ф. Канкрин предположил, что такая покупка “не может изменить основных прав заводов”. “Я полагаю, – отвечал он на запрос Сената в июне 1838 г., – что... крестьяне Архангельского завода в случае покупки их к заводам Бенардаки должны только оставаться неотделяемою принадлежностью сих заводов на праве посессионном, но самые заводы Бенардаки во всех прочих отношениях не теряют через то прежних прав своих”¹⁹⁰. По-видимому, покупка эта была совершена и, как предполагал министр, не привела к изменению статуса заводов.

Другой острой проблемой являлись бедные “песчаные” руды, для плавки которых требовалось большое количество печей. Ко времени покупки действовали 14 печей, выплавлявших до 10–11 тыс. пуд. меди в год. Однако с начала 1840-х гг. руды “совершенно прекратились, а печи сделались лишними”. Бенардаки распорядился остановить четыре из них, расположенные на Нижнетроицком заводе. В декабре 1842 г. Горный совет Министерства финансов утвердил это решение заводчика на том основании, что ему предоставлено законом право распоряжаться своими заводами “во всем пространстве прав полной собственности”. Следствием этого стало уменьшение выплавки в среднем до 8,7 тыс. пуд., которая сохранялась вплоть до конца крепостной эпохи¹⁹¹.

Вероятно, общее понижение конъюнктуры медного рынка в середине XIX в. заставило Дмитрия Егоровича обратить свой взгляд на более доходные промышленные занятия – золотодобычу и производство пудлингового железа. В 1857–1859 гг. он организовал золотопромышленную компанию на Ангаре, в которой участвовали декабрист А. В. Поджио и близкий к кругу декабристов иркутский купец А. В. Белоголовый¹⁹². В 1857 г. Бенардаки вошел в число акционеров Главного общества Российских железных дорог, организованного правительством с целью создания в стране развитой железнодорожной сети¹⁹³. Скорее всего, именно в контексте этого перспективного проекта и следует рассматривать дальнейшие действия Дмитрия Егоровича, связанные с уральской металлургией.

Еще в 1856 г. он уполномочил своего поверенного губернского секретаря Ю. А. Волкова “заняться отысканием рудных и минеральных месторождений в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии... и всем нужным для устройства вновь чугуноплавильных и железоделательных заводов”. Волков снарядил поисковую партию и открыл пять железорудных месторождений на реках Сойве и Бад-ёл. По “приблизительным испытаниям” руды, содержавшей от 40 до 45 % металла, должно было хватить на долгие годы. В голове промышленника возник грандиозный замысел построить там целый комплекс металлургических предприятий с 10 доменными, 50 пудлинговыми и 28 сварочными печами, паровыми молотами и паровыми же цилиндрическими мехами, ориентированный на производство рельсов. Рабочих предполагалось нанимать “из окрестных крестьян”.

11 февраля 1857 г. уполномоченный Бенардаки просил об отводе к будущим заводам земель и лесов “для вечного их действия”, исходя из того, что годовая выплавка железа должна составить миллион пудов “с употреблением растительного горючего материала в виде сырых или прожаренных дров или угля”. Министр финансов и министр государс-

твенных имуществ, обольщенные уверениями о том, что новые заводы будут “полезны казне и благодетельны для окрестного населения, лишенного всякой возможности к заработкам в настоящее время”, разрешили Вологодской палате отвести нужные заводам лесные площади¹⁹⁴.

Видимо, не без участия высокопоставленных соучредителей Главного общества железных дорог (в числе которых был сам император) подготовка фантастического проекта Бенардаки продвигалась быстрыми темпами. Уже 22 февраля Уральское Горное правление затребовало план будущих заводов, а 5 июля Вологодская палата государственных имуществ уведомила, что готова отвести 640 998 дес. земли с 506 250 дес. леса. Наконец 27 августа 1857 г. было получено разрешение строить заводы и пустить их в действие в течение пяти лет. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться. В сентябре 1858 г. Волков извещал, что “предположение Бенардаки не оставлено совершенно... но только предположение о местности, на которой должны быть возведены постройки, изменилось”. Оказывается, более основательные разведки показали “скудное содержание найденных там рудных месторождений”. 1 апреля 1859 г. Бенардаки известил Горный департамент о том, что “предположение его об устройстве в том крае горных заводов не состоялось”¹⁹⁵.

В такой ситуации он обратил внимание на уже действовавшие в перспективном, на его взгляд, северном крае единственные Кирсинско-Кажимские заводы тульского купца А. И. Маликова. Эти предприятия находились тогда в довольно сложной финансовой ситуации по причине накопившихся долгов и состояли в казенном присмотре. Тем не менее Кирсинско-Кажимские заводы выглядели вполне перспективными: к ним было отведено до 300 тыс. дес. земли и более 200 рудников. В свете предстоящей крестьянской реформы вовсе не казалось недостатком и отсутствие большого количества собственных крепостных (по 10-й ревизии их было всего 194 рев. д. при всех пяти заводах). При наличии достаточного капитала можно было поправить положение и поднять упавшую при Маликове до 70 тыс. пуд. годовую производительность заводов.

Не имея средств расплатиться с долгами, Маликов уже давно приискивал покупателя на свои приуральские заводы и нашел его в лице Бенардаки. 16 декабря 1857 г. сын купца Д. А. Маликов заключил в Москве “запродажную запись”. Сумма, которую намеревался заплатить Бенардаки, составляла 700 тыс. руб. сер. 11 июля 1858 г. в Петербурге (где в собственном доме на Невском проспекте проживал отставной поручик) была совершена купчая крепость. К тому времени заводы уже полгода действовали “в усиленном виде на капитал Бенардаки”, а 20 сентября после передачи заводов главный начальник уральских заводов распорядился снять с них казенный присмотр¹⁹⁶.

Через год состоялась еще одна покупка: за 275 тыс. руб. Дмитрий Егорович приобрел у Н. Е. Тимашева два Авзяно-Петровских железных завода в Оренбургской губернии¹⁹⁷. Таким образом, в дополнение к Троицким заводам во владении отставного поручика оказались сразу два горнозаводских округа, один из которых располагался на Северном, другой – на Южном Урале.

Владелец попытался провести модернизацию производства в обоих округах, направленную на замену устаревшего кричного способа выделки железа пудлингованием. Особенно интенсивно техническая перестройка происходила на Авзяно-Петровских заводах; на Кирсинско-Кажимских новую технологию успели внедрить на одном Кирсинском заводе. Но кризис и начавшиеся в стране реформы не позволили Бенардаки осуществить все свои планы. По мнению управляющего Кирсинско-Кажимского округа Н. Е. Могула,

это было связано “с затруднениями, встреченными в найме опытных рабочих и упадком цен на Нижегородской ярмарке на железо, выделанное кричным способом”. Главным же препятствием дальнейшего развития заводов стала отмена винных откупов в 1862 г., в результате чего Бенардаки понес крупные убытки и оказался должен казне “откупную сумму за содержание питейных сборов в Восточной Сибири”¹⁹⁸.

Заводские дела после этого расстроились до такой степени, что по решению владельца 14 октября 1864 г. заводоуправление просило разрешения приостановить на три года действие Кажимского, Нючпасского и Нювчимского заводов. В январе 1865 г. на них была прекращена выплавка чугуна, в октябре – выделка железа. 24 марта того же года Бенардаки предписал закрыть остававшиеся еще в действии Кирсинский и Песковский заводы. Несмотря на то что владелец обещал обеспечить рабочих годовым запасом провианта (как требовалось в таком случае законом), Уральское Горное правление получило ходатайство от крестьян “о продолжении заводского действия”¹⁹⁹. Возможно, поэтому судьба Кирсинских заводов была решена по-иному. 2 июля 1865 г. Комитет министров разрешил передать их казне “в уплату состоявшей на нем недоимки по откупам Восточной Сибири”. 20 мая 1866 г. купчая крепость была совершена и два уже бывших завода Д. Е. Бенардаки за условную сумму в 500 тыс. руб. сер. поступили в ведомство Министерства финансов²⁰⁰.

Незадолго до этого, 20 декабря 1865 г., была совершена купчая крепость на земельные дачи Троицких заводов (111 120 дес.), а также приобретенные Бенардаки в 1858 и 1859 гг. имение Сычевка в Одесском уезде (9481 дес.) и хутор в Анапском уезде (3118 дес.). Они поступили в ведомство Министерства государственных имуществ за 920 582 руб., также зачтенных в счет долга бывшего откупщика. Когда 19 марта 1866 г. казна вступила во владение приобретенными землями и лесами, производство на остававшихся еще в собственности владельца заводах было остановлено. В сентябре 1868 г. на запрос Министерства финансов, будет ли он восстанавливать их работу, Дмитрий Егорович пообещал один из двух еще не разрушенных Троицких заводов (“деревянный”) сломать, а другой (“каменный”) оставить на прежнем месте и находившиеся под ним земли приобрести в собственность. Но этот план он не сумел осуществить²⁰¹.

Действие вологодских заводов Бенардаки также не было возобновлено в положенный срок. В апреле 1868 г. исправник Кажимских заводов доносил, что ни от заводоуправления, ни от владельца “не получал никаких распоряжений о принятии мер к восстановлению заводского действия”. В апреле 1870 г. от Бенардаки все-таки поступило прошение об отсрочке возобновления заводов еще на год²⁰². Но ответа на ходатайство Дмитрий Егорович, скорее всего, не дождался: в том году он скончался, оставив своими наследниками трех сыновей – статского советника в должности церемониймейстера Николая, коллежского асессора Леонида и губернского секретаря Константина. Доставшееся им после отца незавидное наследство (действующие Авзяно-Петровские и недействующие Кажимские и Троицкие заводы), обремененное к тому же так полностью и не выплаченными долгами по винному откупу, в 1875 г. было взято в опекуновское управление и в дальнейшем уничтожено или распродано по частям с публичных торгов²⁰³.

Судя по состоянию заводов ко времени смерти Д. Е. Бенардаки, можно констатировать, что его владение тремя горнозаводскими округами на Урале завершилось почти полным фиаско. Лишившись после отмены откупов в 1862 г. главного своего дохода от продажи вина в Восточной Сибири, он уже не смог содержать все приобретенные им 10 заводов, шесть из которых были закрыты, а два перешли в казну.

32. М. Ф. Гротен. А. В. Татаринов и Ф. П. Никифоров

Купцы М. Ф. Гротен, А. В. Татаринов и Ф. П. Никифоров, последовательно владевшие Кагинскими железными заводами, вошли в состав уральских заводчиков незадолго до крестьянской реформы. Заводы эти из-за спорного совместного владения Демидовых и Пашковых еще в 1850 г. были взяты в казенный присмотр, а в 1853 г. за долги владельцев выставлены на публичную продажу. Продажа состоялась лишь через два года на повторных торгах. 3 октября 1855 г. Кагинские заводы за 64 850 руб. пожелал купить петербургский купец 2-й гильдии Максим Филиппович Гротен. Сенат утвердил продажу “с отнесением на Гротена обязанности уплатить долги, собственно на заводах лежащие, а равно и казенные недоимки”. Несмотря на новые условия, Гротен “изъявил желание оставить заводы за собой на вышеизложенных условиях”²⁰⁴.

Однако новый владелец по каким-то обстоятельствам (в литературе упоминается о его тяжбе с Пашковыми)²⁰⁵ не сумел поправить финансовое положение заводов, хотя и несколько поднял их производительность. В 1860 г. заводский исправник доносил о нехватке запасов провианта и несвоевременном удовлетворении рабочих платами. Опасаясь беспорядков на заводах, 22 сентября 1860 г. Горное правление определило вновь взять их в казенный присмотр²⁰⁶.

Не бездействовал и купец Гротен, записавшийся к этому времени в 1-ю гильдию. 30 сентября в Петербурге была совершена купчая крепость на Кагинские заводы, по которой они переходили компании потомственного почетного гражданина и петербургского купца 1-й гильдии Федора Петровича Никифорова и стерлитамакского купца 2-й гильдии Агафа Васильевича Татаринова, который, будучи “товарищем по делам” Гротена, прежде управлял округом. В купчей заводы были оценены в сумму 175 907 руб., за которую, по-видимому, и были проданы²⁰⁷.

Оба новых владельца в то время проживали в Санкт-Петербурге (Никифоров в 4-м квартале Московской части в собственном доме, а Татаринов – на Нарвской заставе на даче). Прибывший на заводы А. В. Татаринов лично сумел убедиться в их “жалком состоянии”, но, как свидетельствовал исправник, “не имел средств ни к уплате денег рабочим [к этому времени долг по заработной плате составлял три месяца], ни к заготовлению провианта”. Высланных же Никифоровым из Петербурга 15 тыс. руб. оказалось недостаточно. Описывая положение заводов, исправник предостерегал Министерство внутренних дел, что “все вообще заводские крестьяне дурно развиты нравственно, а вследствие недовольства своим управлением и от недостатка средств большего числа их к безбедному существованию, в них заметно давно уже поселился дух своеволия и сильного нерасположения к своему управлению”. По его мнению, этот “дух” “до сих пор не проявился гласно” только потому, что “крестьян сдерживает нетерпеливое ожидание объявления воли, как они говорят, понимая это в смысле безусловного прекращения всякой зави-

симости от владельцев”. “Прекращение могущих возникнуть беспорядков, – заключал исправник, – невозможно будет достичь путем только одних миролюбивых внушений и убеждений, не слишком доступных для понимания заводских крестьян”²⁰⁸.

Напуганное ростом народного движения, правительство в это время шло на рассрочку долгов и выдачу ссуд многим заводчикам и тем самым спасало их от окончательного разорения. Так случилось и с новыми владельцами Кагинских заводов. Из Заемного банка им была дана ссуда в 104 700 руб. и из Государственного казначейства – 58 909 руб. В марте 1862 г. купец Никифоров уже ходатайствовал о снятии с заводов казенного присмотра, “признаваемого им для заводов стеснительным и убыточным”. Сенат дал на это разрешение, и в мае 1862 г. Кагинские заводы перешли в совместное управление новых владельцев²⁰⁹.

Однако сохранялось оно недолго. В августе А. В. Татаринов решился на продажу своей “половинной части” заводов компаньону. “По обоюдному соглашению” с переводом на Ф. П. Никифорова казенного долга и проблем, связанных с осуществлением крестьянской реформы, Кагинские заводы за 99 797 руб. переходили в его единоличную собственность. Горный департамент “не встретил препятствий” к совершению этой сделки, которая и была утверждена в Петербургской гражданской палате 11 октября 1862 г.²¹⁰

В то время из-за прорыва плотины Узянского завода производство остановилось. В 1865 г. оно было восстановлено, но из-за отсутствия средств у владельца в 1868 г. вновь остановлено. Лишь в 1882 г. Кагинские заводы с 22 545 дес. земли были куплены с торгов фирмой “Воган и К^о”, впоследствии передавшей их Белорецкому акционерному обществу²¹¹.

33. А. А. Грамматчиков, Ф. А. Хвощинский и Ильин

Недолго в состав уральских заводчиков вошли инженер-полковник Александр Александрович Грамматчиков, инженер-подполковник Федор Александрович Хвощинский и надворный советник Ильин. Двое из членов компании (о третьем ничего не известно) являлись профессиональными горными инженерами, имевшими за плечами большой опыт управления казенными и частными заводами на Урале. Оба, по-видимому, были выпускниками Горного института, начавшими свою профессиональную карьеру на казенных уральских заводах. Оба в разное время состояли в должности управителей Екатеринбургского монетного двора. Более старший Ф. А. Хвощинский после выхода в отставку служил управляющим Сысертскими заводами; А. А. Грамматчиков в то время, когда началось строительство Святочудовского завода, состоял в должности главного механика уральских заводов²¹².

Медеплавильный завод был основан компаньонами в 1855 г. (согласно положения Совета Корпуса горных инженеров от 19 мая 1854 г., утвержденному министром финансов 23 июля 1855 г.) “в площади” отведенного к нему Святочудовского казенного медного рудника, находившегося в даче Каменского завода Екатеринбургского горного округа. Вероятно, в этом сыграл свою роль немалый авторитет Хвощинского и Грамматчикова, сумевших “протолкнуть” столь необычный проект, а министра подвигло согласиться на предложение горных инженеров важное условие – завод должен был действовать не на древесном топливе, а каменном угле из разрабатываемой казенными заводами Сухолож-

кой копи (в год предполагалось отпускать до 510 тыс. пуд. угля по цене, “какая составит- ся от расходов на добычу с наложением 24 %”). Таким образом, к новому заводу не надо было отводить леса “на вековое действие”, а его успешная работа могла стать примером применения перспективного вида топлива для других частных заводчиков. Штат рабочих предполагалось составить вольным наймом. Единственным пособием от казны был отвод “в вечное владение” рудника и территории вокруг него в одну квадратную версту, где и началось строительство завода²¹³.

Пущенный в действие в 1856 г. Святочудовский завод выплавил в первый год своего существования 510 пуд. меди, сгорел в 1859 г., но был вновь восстановлен, и в 1861 г. выплавил 262 пуда²¹⁴. Однако, как сообщалось в записке Горного правления, “вместе с прекращением в мае 1861 г. разработки Екатеринбургскими заводами каменноугольной копи прекратилось по необходимости и действие Святочудовского завода”. Грамматчиков попытался восстановить утраченные производственные связи и в 1863 г. добился отдачи ему в аренду Сухоложской копи. Но время, видимо, было упущено. Сам же владелец вскоре поступил на службу к Голицыным в качестве управляющего их заводов и промыслов²¹⁵. На запрос Горного правления, сделанного в марте 1868 г. по поводу причин “невозобновления завода”, он отговорился “поздним будто бы утверждением за ним копи”. Видимо, компания к тому времени уже распалась. Когда Горное правление потребовало уплаты оброчной подати с медеплавильных печей, тот же Грамматчиков отозвался, что “действие завода он прекратил и от пользования им на посессионном праве отказался”. Не обнаружив в своих делах “объявления” владельца об этом, Горное правление в октябре 1868 г. еще раз обратилось к нему с вопросом, “намерен ли он восстановить действие Святочудовского завода на тех условиях, на каких разрешена постройка его, и если намерен, то когда именно завод будет пущен в действие?” Но, как следует из записки того же правления за январь 1870 г., решение Грамматчикова оставалось до сих пор необъявленным “по неотысканию за всеми принятыми мерами места его жительства”.

Тогда же Горное правление предложило Святочудовский рудник, как “тунележащий”, зачислить в казенную собственность, а завод подвергнуть публичной продаже “для взыскания недоимки”. Однако Горный департамент 3 марта 1870 г. отозвался, что “по представленным правлением обстоятельствам дело сие пока никаких... распоряжений не требует”²¹⁶. Неизвестно, были ли обнаружены властями бывшие компаньоны, но известно, что Святочудовский завод более уже не возрождался.

34. О. Н. Рошефор

“Русская потомственная дворянка” графиня Ольга Никифоровна Рошефор вошла в состав уральских заводчиков в январе 1859 г., когда за 65 тыс. руб. сер. приобрела у наследников С. С. Яковлева Уинский и Шермяитский медеплавильные заводы с 953 рев. д. крепостных крестьян²¹⁷. До того времени эти заводы входили в состав “алапаевской” части наследства С. С. Яковлева, но составляли отдельное хозяйство, связанное с Алапаевским округом общим бюджетом и управлением. Округ располагался в Осинском уезде Пермской губернии в 450 верстах от Алапаевска. Проблемы со статусом этих заводов, возникшие преимущественно из-за прав на земли, кортомленные у татар и башкир, привели к отграничению в 1840 и 1842 гг. от Уинского завода лесных дач, переселению на

них государственных крестьян и, наконец, переводу завода в 1853 г. в разряд посессионных (Шермяитский завод был оставлен владельческим). Это послужило владельцам поводом к задуманному им постепенному закрытию заводов, выразившемуся в сокращении с 1855 г. выплавки меди с трех до одной тысячи пудов и переводе части крепостных на Алапаевские заводы. Когда в дополнение к прежним проблемами действия владельцев натолкнулись на активное сопротивление мастеровых, они приняли решение о продаже “беспокойных” Уинских заводов.

Новая владелица решительно взялась за возрождение пришедших в упадок предприятий и вступила в борьбу за возвращение им первоначального статуса. По-видимому, заключая в январе 1859 г. купчую, она плохо представляла состояние заводов. Во всей “красе” они предстали перед ней во время посещения уже после покупки. Со слов министра финансов А. М. Княжевича, цитировавшего в своем предписании письмо графини, “она не нашла во всех заводских строениях и плотинах ни одного места не гнилого и не обратившегося в пепел”. “Довольно того, – описал он образно переданную Ольгой Никифоровной сцену, – что, когда графиня подошла к перилам заводской плотины и только тронула их, в ту же минуту и на всем пространстве они рухнули в воду”. Владелица обнаружила также “злоупотребления” казенной палаты в землях, ранее принадлежавших Уинскому заводу, и в своих прошениях нарисовала прямо-таки “апокалиптическую картину” положения завода и заводского населения. “Палата выжгла и вырубилла все, что было около сего завода и потому уже бросается отчаянно на леса, стоящие вблизи Шермяитского завода”, – жаловалась она царю в сентябре 1860 г. В результате бесконтрольных порубок обмелела речка Уя, “которая живила Уинский завод”. “Ныне, – сообщала графиня, – провожу я канаву для усиления речки с помощью другой и имею о заводе деятельное попечение”. По ее мнению, от действий властей “страдал не один интерес владельца и казны, но страдало все помещичье население, претерпевая ежедневно буйства и обиды от самовольного заселения между ними русских и татар, которые вторгнувшись на жительство посреди самого селения, отнимают у них сенокосы и даже скошенное сено... уводят и убивают лошадей... и распахивают даже рудники”. “Словом, – заключала она свои наблюдения, – нет житья и спокойствия этому несчастному народонаселению потому только, что на правах владельца их на эти земли наименование посессионных отяготело”²¹⁸.

Обнаружив, таким образом, “крест, на котором благосостояние сего завода было распято и донныне стеноло беззащитно потому, что не было старания ни от кого, чтобы подать ему, страждущему безвинно, спасительную руку помощи на основании законов”, Рошефор открыто упрекала Горное правление за ошибочное, по ее мнению, причисление Уинского завода в разряд посессионных и делала скрытый упрек бывшим владельцам Яковлевым за пассивное отношение к этой проблеме. Сама же она вовсе не собиралась сдаваться, хотя не могла представить удостоверявшие факт покупки земли у татар документы, по уверению Яковлевых, сгоревшие во времена Пугачевщины. “Что владельцу остается, – вопрошала графиня, – как не самому раскрывать такие истины... о которых частному лицу и знать бы не следовало, если бы он не был заставлен входить во все подробности обстоятельств, по которым Уинский завод... до крайности стеснен и разорен”. Но ее аргументы сводились в основном к эмоциям. “Лишать кого-либо законно принадлежащей собственности есть вещь столь важная и ответственная перед Богом, что

конечно, никто в полном сознании сего не пожелает”, – писала она в Горное правление с надеждой, что чиновники усомнятся и вернут ей собственность на землю. Однако горное начальство упорно не желало менять свое решение²¹⁹.

Ольга Никифоровна между тем, по ее словам, “изменила самую систему хозяйственного управления” округом. “Открылось для меня то, – писала она через год после покупки, – что приказчики заводской конторы... скрывали от владельцев получаемые бумаги, которые поражали заводское действие и препятствовали поиску руд, донося несправедливо, что рудные места бедные, а о правах завода давали путанные сведения”. Как всегда образно описывая свои “благотетельные” меры, в апреле 1861 г. она уведомила министра, что “обращает все средства на возрождение завода и не удивляется, что самая земля изъясняет ей такую чувствительную признательность, что не отказывает даже... в открытии новых руд, которых, благодарение Бога, ...оказалось достаточно, чтобы обеспечить на будущее время обязанный ей новой своей жизнью завод”. Упоная на Божье провидение, владелица решила даже изменить названия заводов, дав им имя Ольгинских “от той речки Ольги, которой сама Уя уступила ныне древнюю славу свою”. “С душевным удовольствием, – писал восхищенный министр, – графиня желает новоименованным заводам ныне быть счастливее во всех отношениях прежнего своего несчастного наименования и существования”²²⁰.

Новую надежду подало начавшееся в 1861 г. межевание дачи Шермяитского завода. Оказалось, что в 50-верстный отвод земель этой “помещичьей” дачи полностью входил и Уинский завод. На этом основании Рошефор потребовала срочного перечисления его в группу владельческих заводов и выдачи ей “несправедливо” переплаченной с 1853 г. (еще Яковлевыми) полуторной горной подати. Однако вскоре межевание приостановилось по причине неясности владельческих прав уже и на “шермяйтскую дачу”. Это было особенно тяжело для графини, поскольку Пермским губернским присутствием до окончания межевания были отсрочены оброки временно-обязанных крестьян, на получение которых помещица очень рассчитывала. В одном из своих последних прошений Рошефор жаловалась, что она тем самым “доведена будет до несостоятельности по ее долгам и придет в совершенное разорение по невозможности извлекать из дачи дохода и уплачивать срочные долги”²²¹.

Тем временем у графини, по-видимому, действительно кончились и деньги, и желание быть заводчицей. Выплавка меди в 1862 г. упала до 293 пуд., и 1 июля того года владелица приказала остановить заводское действие. Ко всем несчастьям добавился пожар на Уинском заводе в 1863 г., в котором сгорела “главная фабрика”. В итоге за долг всего в 500 руб. “из капитала Народного продовольствия” в том же 1863 г. по распоряжению губернского начальства заводы были взяты в опеку и назначены к продаже²²².

Ольга Никифоровна, проживавшая в Петербурге и Москве, удалилась от дел и предоставила их ведение поверенным и мужу графу Ивану Львовичу Рошефору. “По жительству в Париже (на улице Rue Blanche, 84), – сообщалось в министерском предписании, – он вошел в сношение с одним из английских банкирских домов для приобретения капитала и опытных мастеров для улучшения заводов и рудников жены по новым способам, открытым ныне наукой”. Однако, по словам графа, “английские капиталисты”, несмотря на “полное сочувствие предприятию”, потребовали ручательства и покровительства российского правительства. Еще в апреле 1862 г. он обратился за поддержкой к министру внутренних дел в надежде, что “Правительство не откажет... в содействии к

убеждению английских промышленников решиться на участие в этом деле”. П. А. Валуев ответил графу, что тот вполне может рассчитывать “на покровительство законов и благие намерения нашего Правительства без всякого, впрочем, исключения из закона в его пользу”. Тем не менее он связался с министром финансов и попросил дать графу “более положительный ответ”. Однако и М. Х. Рейтерн не решился предоставить “особую гарантию”, поскольку ничего не знал ни об условиях, “на коих граф де Рошефор предполагает осуществить свое предприятие”, ни о “тех сомнениях, которые удерживают английских капиталистов от принятия его предложения”²²³. Не найдя сочувствия у российского правительства и не получив помощи от англичан, граф не сумел возобновить заводское действие, но ему все-таки удалось воспрепятствовать продаже Ольгинских заводов.

По просьбе владелицы 9 марта 1865 г. дело о статусе Уинских заводов из Сената было передано “на зависящее распоряжение” министра финансов. На его запрос Уральское Горное правление ответило, что “по изложенным в деле обстоятельствам не представляется в настоящее время никакого основания к перечислению Уинского или Ольгинского 2-го завода в разряд владельческих и что документы, которые графиня Рошефор представила для доказательства прав этого завода на перечисление, не заключают в себе... данных в подкрепление этих прав”. В то же время главный начальник напомнил министру, что если дело о даче Шермяитского (Ольгинского 1-го) завода будет решено Сенатом в пользу владелицы, то необходимо будет пересмотреть решение о статусе 2-го завода и освободить его от платежа полуторной подати²²⁴.

Бездействующий с 1862 г. Уинский завод вновь обратил на себя внимание горного начальства в 1870 г. Тогда вдруг “обнаружилось”, что уже давно истек разрешенный 3-летний срок его остановки. Но предусмотренная в этом случае продажа завода с публичных торгов вновь была отложена в связи с так и не завершенным к этому времени делом о правах владелицы на земли²²⁵.

В 1873 г., когда опека была снята, Ольга Никифоровна вновь возбудила свое ходатайство о перечислении Уинского завода в разряд владельческих. Но тогда для нее имели значение уже не столько давно остановленные заводы, сколько земельные дачи, окончательное решение о статусе которых все еще не было принято. Горное правление ответило, что графиня не предоставила “никаких новых обстоятельств, которые не имелись бы в виду при рассмотрении многочисленных ее прежних прошений”, и на этом основании отказало в возобновлении спорного дела. В 1875 г. Сенат отозвался, что если Рошефор желает получить в свое владение земли, то может обращаться с иском в судебные учреждения установленным порядком. Однако передать это решение оказалось некому, поскольку в Выборге, где, по сведениям властей, графиня тогда проживала, ее не оказалось²²⁶. Видимо, она уже выехала за границу, махнув рукой на столь опрометчиво купленное заводское хозяйство. Обследование 1887 г. показало, что в округе “из заводских устройств решительно ничего в целости не сохранилось”, а достигшие 250 тыс. руб. казенные долги платить было некому. Только в 1892 г., выделив населению минимальные земельные наделы, Горный департамент вывел Уинские (Ольгинские) заводы из ведения Уральского Горного правления²²⁷.

Глава V. Владельцы: состав и функции

V.1. Состав заводчиков. Движение заводской собственности

Определение персонального состава владельцев уральских заводов при реконструкции практик владения показывает, что за период с 1800 по 1861 г. в этой роли побывали 324 лица (не учтены малолетние дети Е. А. Лебедева и, вероятно, кто-либо из Яковлевых и Маленковых), 60 из которых стали владельцами еще в XVIII в. Они принадлежали к 108 фамилиям, 77 из которых относились к 14 разветвленным родам, включавшим от 2 до 24 фамилий. За вычетом 60 лиц, вступивших в права владения в предыдущем столетии, численность заводчиков первых шести десятилетий XIX в. примерно в 1,4 раза превышала общее число уральских заводчиков всего XVIII в. Это свидетельствует о значительном росте их численности, что при отсутствии возможности образования новых горнозаводских хозяйств на казенных землях явилось следствием двух процессов – “геонеалогической” эволюции родов заводчиков (“естественный прирост”) и движения заводской собственности в ходе продаж округов (“искусственный прирост”).

Рассмотрим, как распределились эти роды и фамилии по группам “старинных” (основанных в XVIII в.) и “новых” (в первой половине XIX в.) заводчиков, подразделяя их на подгруппы “оставшихся” и “выбывших” из состава владельцев в 1800–1861 гг. (табл. 3).

Возглавлял группу “старинных оставшихся” владельцев единственный 6-поколенный род Демидовых. Всего за первую половину XIX в. в роли владельцев уральских заводов побывали 35 представителей этого рода (10,8 % всех заводчиков), что делает его не только старейшим (первый Невьянский завод был передан Н. Д. Антюфееву-Демидову в 1702 г.), но и одним из самых крупных. Наибольшее число представителей рода (20) относилось к 4–6-му поколениям ветви, идущей от младшего сына основателя Никиты Никитича Демидова. Они владели на Южном Урале крупными Кыштымскими и небольшими Кагинскими заводами. Остальные 15 лиц являлись потомками Акинфия Никитича Демидова и принадлежали к 4–6-му коленам старшей ветви рода. На Среднем Урале они владели крупнейшими Нижнетагильскими, Ревдинско-Рождественскими и Суксунскими заводами.

Именно эти Демидовы (особенно “тагильские” и “суксунские”) стали наиболее известны в первой половине XIX в. своим родством с такими знаменитыми российскими дворянскими фамилиями, как Лопухины, Строгановы, Карамзины, Бенкендорфы, благодаря чему вошли в состав российской аристократии. Наиболее богатые и амбициозные “тагильские” Демидовы в лице Анатолия Николаевича сумели получить первые в роду титулы (с 1836 г. – графа, с 1840 г. – князя Сан-Донато) и породниться с Французским и Российским императорскими Домами. Среди заводовладельцев Демидовых четверо имели высшие придворные чины и звания (от действительного камергера до гофмейстера), двое дослужились до чина тайного советника, трое – действительного статского советника, один имел чин генерал-лейтенанта и звание генерал-адъютанта, двое дослужились до генерал-майора. Значительный вклад в развитие российской науки и просвещения внесли своей меценатской деятельностью П. Н. Демидов (учредитель знаменитых Демидовских премий), А. Н. Демидов (организовавший несколько крупных научных экспедиций) и расставшийся со своими заводами еще в XVIII в. П. Г. Демидов (основатель Демидовского юридического лицея в Ярославле).

В отличие от растущего значения рода в составе российского и европейского дворянства, роль его в составе уральских заводчиков за первую половину XIX в. существенно снизилась. Если в начале XIX в. Демидовы были представлены здесь семью лицами, в 1820–1850-е гг. – 28, то к 1861–1862 гг. их число резко сократилось всего до двух человек. В составе владельцев остались только Павел Павлович Демидов (Нижнетагильские заводы) и Петр Алексеевич Демидов (Ревдинско-Рождественские заводы). Первый принадлежал к ветви Никиты Акинфиевича, второй – Григория Акинфиевича. Правда, три представителя демидовского рода (относившихся к той же ветви Григория Акинфиевича) числились в то время еще в составе акционеров вскоре закрытого Товарищества Суксунских заводов (П. Г. Демидов, О. А. Демидова и С. А. Кочубей), но владели там не самыми крупными пакетами акций.

Заметно, таким образом, “вымывание” демидовского рода из состава заводчиков. В первую очередь, оно произошло в результате продажи двух горнозаводских округов (Кыштымского в 1809 г. и Кагинского в 1830 и 1855 гг.), после чего младшая (и самая многочисленная) ветвь рода полностью утратила свою заводскую собственность на Урале. Причем ветвь “кагинских” Демидовых (за исключением Н. В. Демидова) показала пример равнодушного отношения к своей заводской собственности, фактически добровольно отказавшись сначала от управления, а потом и владения ею. Акционирование в 1848 г. Суксунского округа надолго (до 1886 г.) вывело из управления и отчасти владения еще одно родовое имение. С большими проблемами в 1833 г. были возвращены в собственность рода утраченные было в 1808 г. Ревдинско-Рождественские заводы. Ветвь Григория Акинфиевича, таким образом, переживала период кризиса, грозившего полной утратой уральских владений в будущем.

Наибольшие способности к развитию показали “тагильские” Демидовы, потомки Никиты Акинфиевича. Они сумели справиться с возникавшими порой “внутренними” проблемами (попыткой “натурального” раздела 1842 г., “разводом” А. Н. Демидова в 1846 г.) и сохранить крупнейшие на Урале Нижнетагильские заводы в своей собственности. Этому способствовало преодоление ими (путем раздела в 1861–1862 гг.) тенденции к увеличению числа совладельцев, чреватой серьезными последствиями. В результате именно “тагильские” Демидовы оказались наиболее “перспективной” линией демидовского рода в составе уральских заводчиков, сумевшей удержаться в ней до конца имперского периода.

Таким образом, единственный 6-поколенный род заводчиков Демидовых за первую половину XIX в. значительно сократился в своем составе и из пяти горнозаводских округов лишь два сохранил в полной собственности и один – в частичной. Персональный состав заводчиков был представлен исключительно дворянами, в том числе тремя титулованными (А. Н. Демидов, А. К. Шернваль-Демидова-Карамзина и С. А. Бенкендорф-Демидова-Кочубей).

Из 5-поколенной группы наиболее разветвленным и многочисленным оказался род Яковлевых – наследников государственного крестьянина, ставшего дворянином, Саввы Яковлевича Собакина-Яковлева. По, возможно, не совсем полным подсчетам за 1800–1861 гг. в составе владельцев крупнейших Верх-Исетского, Невьянского, Алапаевского с Уинским и Холуницкого округов Среднего и Западного Урала побывали 73 предста-

вителя этого рода (или 22,5 % всех заводчиков), относившихся к четырем его ветвям (Ивана Саввича, Петра Саввича, Сергея Саввича и Михаила Саввича), одна из которых (П. С. Яковлева) пресеклась в самом начале столетия.

Особенностью этого рода заводчиков явилось то, что за редким исключением (разделы 1806 г. и 1852 г., пересмотренного в 1862 г.) в нем не было разделов с “выходом” наследников. Поэтому с течением времени число совладельцев неуклонно возрастало (если в 1800 г. было всего три владельца, то на 1861 г. – уже 32) и заводская собственность приобретала все более “многовладельческий” характер. Последнее в первую очередь относилось к Невьянскому (находившемуся в общей собственности трех ветвей рода) и Алапаевскому округам, ставшими самыми “многовладельческими” из числа всех горнозаводских хозяйств Урала (в 1861 г. первым владели 32, вторым – 14 лиц).

Род Яковлевых оказался не только самым многочисленным, но и самым разветвленным, особенно в его “алапаевской” ветви, где наследование в основном происходило по женской линии. В итоге к 1861 г. немногим более половины (53 %) владельцев носили фамилию основателя, остальные принадлежали к 22 другим дворянским фамилиям. Наиболее высоко “взлетели” наследники С. С. Яковлева (владельцы Алапаевского и части Невьянского округов), в 4–5-м поколениях (от основателя) породнившиеся с такими известными и знатными российскими дворянскими родами, как князья Волконские, графы Орловы-Денисовы и Никитины, а также Мордвиновы, Чернышевы, Олсуфьевы, Барановы и другие. Ветвь И. С. Яковлева (владельцы Верх-Исетского и части Невьянского округов) породнилась с князьями Шереметевыми (через “выделенную” дочь Ивана Саввича Екатерину) и Салтыковыми (через воспитанницу не имевшего детей И. А. Яковлева), а также шведскими графами на русской службе Стенбок-Фермор. В родне «Михайловичей» (владельцев части Невьянских заводов) оказались грузинские князья Баратовы, курляндские дворяне Бистром, Янжул-Михайловские. Среди заводовладельцев один имел звание камергера, один дослужился до чина генерала от кавалерии, два – генерал-майора. Среди 32 женщин было 12 генералыш.

Несмотря на столь сложный состав владельцев, им удавалось (хотя и не без проблем, особенно в “невьянской” части) сохранить в своем владении основную часть наследства, которая в результате внутрисемейных переделов к 1861–1862 гг. сконцентрировалась преимущественно в руках трех лиц – графини Н. А. Стенбок-Фермор, И. А. Яковлева и графини Е. А. Орловой-Денисовой. Исключение составили несколько частей Невьянского округа (проданные в 1850-е гг. купцу В. Н. Рукавишникову) и Холуницкий округ, принадлежавший всего одному владельцу (А. И. Яковлеву), не справившемуся с единоличным владением хозяйством, проданного с публичных торгов в 1839 г. Еще одна продажа в 1859 г. Уинских заводов только укрепила положение “алапаевской” части, для которой эти небольшие медные заводы являлись довольно обременительным, а потому ненужным “придатком”. В итоге род Яковлевых утратил за первую половину XIX в. два горнозаводских округа из пяти. Из трех его ветвей наибольшую “дееспособность” обнаружили наследники Ивана Саввича (на 1861 г. представленные двумя лицами, в том числе одним титулованным) и Сергея Саввича (14 лиц, в том числе двое титулованных). Ветвь Михаила Саввича являлась самой многочисленной (16 лиц), с большими проблемами владевшей третьей Невьянских заводов.

Не таким многочисленным, но не менее разветвленным являлся 5-поколенный род потомков породнившихся симбирских купцов (ставших дворянами) Ивана Семеновича Мясникова и Ивана Борисовича Твердышева, крупнейших промышленников Южного Урала. К нему принадлежали 38 лиц (11,7 % всех заводчиков), ни одно из которых уже не носило фамилии основателей в силу того, что наследование еще в конце XVIII в. пошло по четырем женским линиям. Уже во втором (женском) поколении дочери купца породнились со старинными дворянскими родами Бекетовых, Пашковых и Дурасовых, а также с Козицким, а в 3–5-м поколениях вошли в высший свет России. Бекетовы породнились с князьями Волконскими, Балашевыми, графами Паскевич-Эриванскими; Пашковы – с князьями Долгорукими и Васильчиковыми, графами Толстыми, Левашовыми, Zubovыми, Моден, Адлербергами, Барановыми и Дашковыми; дочери и внуки Е. И. Козицкой породнились с князьями Белосельскими-Белозерскими, Трубецкими, Кочубеями, графами Лаваль, Коссаковскими, Шуваловыми, Борх, Лебцельтерн, а также Бибиковыми, Чернышевыми и Сухозанетами. Подобного “взлета” не знал ни один другой род уральских заводчиков. В результате среди владельцев оказались представители 14 дворянских фамилий, в том числе трех княжеских и трех графских. Шестеро из владельцев имели придворные чины (в том числе три женщины), семеро дослужись до генеральских эполет (в том числе один генерал от инфантерии). Среди владельцев были экс-министр полиции (А. Д. Балашев) и жена министра юстиции (Е. В. Дашкова).

Удачно складывалась и “заводская биография” рода, не только не утратившего в течение первой половины XIX в. ни одного из восьми наследственных горнозаводских хозяйств на Урале, но и преумножившего свое достояние покупкой двух основанных предками заводов (Благовещенского в 1835 г. и Преображенского в 1838 г.). Особенностью развития этого разветвленного рода являлось то, что довольно интенсивно в нем происходил передел собственности. Всего за 60 лет было осуществлено 9 разделов, 5 продаж и 7 покупок заводов. За исключением покупки А. И. Пашковым в 1830 г. и продажи в 1855 г. части демидовских Кагинских заводов, все сделки были заключены внутри рода между его ветвями. Следствиями такого движения собственности между родственниками явились, во-первых, не столь значительный рост числа владельцев, как у Яковлевых (в 1800 г. – 4, в 1861 г. – 11 лиц), и, во-вторых, изменение первоначального состава владений между ветвями рода.

В итоге в составе уральских заводчиков полностью угасла ветвь А. И. Дурасовой, сыновья которой не проявили способностей к управлению заводской собственностью. Ветвь И. И. Бекетовой была представлена родом ее зятя А. Д. Балашева, владельца Симских заводов. Ветвь Д. И. Пашковой по мужской линии разделилась на две линии, одна из которых владела Белорецкими (и временно частью купленных у Демидовых Кагинскими), а другая – Воскресенским, Верхоторским, Богоявленским и Преображенским заводами. От последней по женской линии в состав уральских заводчиков вошел род Дашковых путем покупки Благовещенского завода. Заводы, принадлежавшие ветви Е. И. Козицкой, по женской линии перешли в роды графов Лаваль и князей Белосельских-Белозерских (и временно графов Шуваловых и князей Трубецких и Кочубеев). От первых в составе уральских заводчиков осталась ветвь графов Коссаковских, владельцев Архангельского завода. Вторые сохранили за собой Катавские заводы, а перешедшие от Бекетовых Юрюзанские заводы были переданы по женской линии во владение рода Сухозанетов. В итоге 11 представителей рода, относившихся к семи его ветвям, к 1861 г. владели 10 горноза-

водскими хозяйствами на Урале. За исключением покупки части Кагинских заводов, историю наследства И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова в первой половине XIX в. можно признать вполне удавшейся. Не в последнюю очередь это оказалось возможным благодаря выгодным родственным связям потомков предприимчивых купцов.

16 лиц (или 4,6 % всех заводчиков) представляли в первой половине XIX в. еще один 5-поколенный “старинный” род тульского происхождения Мосоловых. Они принадлежали к двум далеко разошедшимся ветвям, одна из которых (в 3–5-м поколениях) владела небольшими вятскими Шурминско-Залазнинскими заводами, а вторая (во 2–3-м поколениях) – всего одним южно-уральским Каноникольским заводом. Мосоловы еще в конце XVIII в. добились дворянского звания и в первой половине XIX в. укрепили свое положение в составе служилого дворянства. Среди пяти мужчин четверо были военно-служащими (в том числе генерал-майор) и один штатский; среди десяти женщин одна являлась статской советницей, одна – генеральшей и две – адмиральшами. В родне Мосоловых появились тогда дворянские роды Аксаковых, Карцевых, Овцыных, Загорских, Загрязских, Шешуковых, Бороздиных.

Преимущественно женский состав владельцев (с 1815 по 1841 гг. “шурминская” ветвь была представлена семьей, с 1844 по 1861 г. “каноникольская” ветвь – двумя далекими от интересов заводов владелицами) создал благоприятную почву для конфликта (в первом случае) и упадка управления (во втором). В известной степени преодолению этой ситуации способствовали разделы с выделом части владельцев, в результате чего каждое из горнозаводских хозяйств Мосоловых еще в 1840-е гг. оказалось, как и в начале века, во владении одного лица (Шурминско-Залазнинские заводы – Н. И. Мосолова, Каноникольский – Е. И. Шешуковой). Оба хозяйства на рубеже 1850–1860-х гг. переживали серьезные трудности, чреватые скорой утратой собственности.

Закрывают группу 5-поколенных “старинных” родов наследники А. Ф. Турчанинова, владельцы крупных Сысертских заводов на Среднем Урале. В истории их владения в первой половине XIX в. можно обнаружить много сходства с Мосоловыми: 15 лиц, принадлежавших, правда, к шести боковым ветвям, родственные связи в основном с представителями служилого дворянства (Титовыми, Колтовскими, Зубовыми, графами Ивелич, Аничковыми, Кокошкиными, Раевскими, Клейнмихелями), до 1829 г. преимущественно женский состав владельцев, острейший семейный конфликт, с переменной динамикой длившийся весь период и приведший (в ряду других причин) к передаче заводов во временное казенное управление. Из девяти мужчин рода шестеро выбрали военную карьеру (П. Д. Соломирский дослужился до генерал-майора и сенатора), один (М. П. Турчанинов) – горную службу. Среди шестерых владельцев две были генеральшами. Так же, как и у Мосоловых, путем скупки паев число владельцев сократилось с девяти в конце XVIII в. до четырех в 1861 г., причем несколько больше половины заводской собственности принадлежало одному лицу – П. Д. Соломирскому, за долги находившемуся с 1839 г. под попечительством. Как и заводы Мосоловых, Сысертский округ в течение первой половины XIX в. сохранился во владении потомков А. Ф. Турчанинова, но переживал серьезные финансовые трудности.

Четыре поколения своей истории в первой подгруппе насчитывали три рода заводчиков – Строгановы, Голицыны и Лебедевы. Крупнейший предпринимательский род Строгановых был представлен двумя ветвями – старшей (“баронской”), идущей от барона Николая Дмитриевича, и младшей (“графской”), идущей от барона Сергея Дмитриевича.

Благодаря разделам XVIII и первой половины XIX в. каждую из них представляли всего по четыре лица, относившихся ко 2–4-му (а если считать с летописного основателя рода Спиридона, современника Дмитрия Донского, то к 11–13-му) коленам.

Строгановский род еще в XVII–XVIII вв. влился в состав российской аристократии. В первой половине XIX в. он еще более укрепил там свои позиции, породнившись с князьями Урусовыми, Кочубеями, Мещерскими, Салтыковыми, графами Толстыми, Ферзен, Потоцкими, а также Васильчиковыми, Чертковыми и, наконец, в третий раз с Романовыми. Важнейшим событием в эволюции рода и судьбе уральских строгановских вотчин стал брак графини Н. П. Строгановой (представительницы младшей ветви) и барона С. Г. Строганова (представителя старшей ветви), состоявшийся в 1818 г. Слияние двух ветвей рода в дальнейшем приведет к объединению двух Пермских имений Строгановых, сохранившихся на Урале после разделов и продаж XVIII в.

В составе уральских заводоладельцев Строгановы являлись, пожалуй, самыми высокопоставленными лицами. Из шести мужчин двое имели высший гражданский чин действительного тайного советника, двое дослужились до полных генералов. Они оставили заметный след во внутренней и внешней политике России (Г. А. Строганов, П. А. Строганов, А. Г. Строганов), являлись крупнейшими деятелями российской культуры и просвещения (А. С. Строганов, С. Г. Строганов). Среди заводчиков были президент Академии художеств (А. С. Строганов), попечитель Московского учебного округа, основатель знаменитого Строгановского художественного училища и воспитатель цесаревича (С. Г. Строганов), член Негласного комитета (П. А. Строганов), управляющий Министерством внутренних дел (А. Г. Строганов).

В первой половине XIX в. Строгановы не утратили свои позиции и как заводоладельцы. Они значительно укрепили и завершили формирование Билимбаевского округа, принадлежавшего “графской” ветви, и благодаря учреждению в 1817 г. майората не допустили его раздела и выхода из владений рода. Менее успешно в руках “баронской” ветви развивался Кыновский округ, сокрушительный удар по которому нанесла неудачная аренда Кнауфа. В итоге он перестал играть прежнюю важную роль в многоотраслевом хозяйстве “кыновских” Строгановых, переориентировавшихся в основном на солепромышленность.

Самыми знатными в составе уральских заводчиков первой половины XIX в. оставались семь представителей рода князей Голицыных (принадлежавших к ветви “Михайловичей”). Они относились к четырем поколениям (и к 15–18-му коленам от Великого князя Литовского Гедимины) и двум линиям рода. Наибольшую известность из них получил С. М. Голицын, действительный камергер и действительный тайный советник 1-го класса, прославившийся на поприще государственного попечительства (попечитель и главный директор Московской Голицынской больницы, член и председатель Московского Опекунского совета и других благотворительных организаций) и просвещения (попечитель Московского учебного округа). 43 года он довольно успешно сочетал свои государственные и общественные обязанности с ролью совладельца Пермского имения Голицыных, включавшего Нытвенские заводы. Совместное владение (сначала с братом, затем с двумя племянниками) не мешало ему осуществлять, по сути, единоличное управление имением, достигнутое благодаря невмешательству совладельцев в заводские

дела. В результате двух разделов с выделом части владельцев Нытвенские заводы, как и в начале XIX в., к 1861 г. оказались во владении одного представителя рода (С. М. Голицына младшего).

Еще в XVIII в. одна из ветвей известного предпринимательского крестьянского рода Осокиных по женской линии перешла в род дворян Лебедевых, владельцев небольшого вятского Бемышевского завода. Нам известны не все представители четвертого поколения рода (если считать от основателя этой ветви Ф. Ф. Осокина). Известные же два владельца, один из которых (Е. А. Лебедев) принадлежал к третьему, а другой (А. Е. Лебедев) – к четвертому поколениям, дослужились до майорского звания (8-й класс), а в горной службе (Е. А. Лебедев) – до чина бергауптмана 6-го класса. Несмотря на чреватые обострением социальной напряженности попытки преодолеть “ресурсные” и “кадровые” проблемы небольшого хозяйства, Лебедевы сумели сохранить в своей собственности завод, обреченный в будущем на неизбежное закрытие.

Три поколения в составе уральских заводчиков насчитывали роды Шаховских, Всеволожских и Губиных. Правда, древний княжеский род Шаховских был представлен всего двумя лицами, принадлежащими к первому и третьему поколениям: В. А. Шаховская передала свои Лысьвенские заводы, минуя рано умершую дочь, внучке В. П. Шаховской. Последняя трижды в жизни меняла фамилию и связала свой род с родами графов Шуваловых, Полье и князей Бутеро-Родали. В 1792–1797 гг. (после “неудачного” замужества Е. Б. Шаховской) и в первые годы после перехода владения (1823–1827 гг.) Шаховские устранились (казной или по собственному желанию) от управления и попадали под опеку и попечительство. Преодолев эти “кризисы”, владелицы вели свое обширное хозяйство (большей частью проживая за границей) через родственников или наемных доверенных лиц.

Не менее древний род Всеволожских был представлен в составе заводовладельцев тремя лицами, принадлежавшими ко второму и третьему поколениям от “первого приобретателя”. Отец и два сына Всеволожских принадлежали к элите российского дворянства, имели высокие придворные чины и звания (камергера, церемониймейстера, егермейстера), были известны в литературных и общественных кругах. В жизни их отличало желание приобщиться к новому, передовому, что отразилось и в делах по Пермскому имению и Пожевским заводам в частности. Новые методы строительства заводов (построено пять заводов), новые технологии выделки железа, первые пароходы и паровоз, грандиозный железнодорожный проект, “уральские франки” – далеко не все из перечня их дел, многие из которых оказывались, правда, настоящими авантюрами, требовавшими огромных затрат. Это в совокупности с присущей владельцам расточительностью приводило к хроническому недостатку денег на заводах и, как следствие, вмешательству властей в управление ими (попечительство в 1833–1848 гг.). Поэтому столь же постоянными, сколь и бесперспективными, оказывались поиски владельцами (особенно А. В. и Н. В. Всеволожскими) путей сохранения обширнейшего имения в своей собственности (от залога до аренды и раздела 1849 г.). Единственный в своем роде “натуральный” раздел Пожевского округа на две части привел к появлению двух горнозаводских хозяйств во владении двух боковых линий рода Всеволожских. Этот раздел в конечном счете станет одной из причин последующих продаж обоих новых округов.

Не менее “проблематично” протекала в первой половине XIX в. и история московского купеческого рода Губиных, представленного в составе уральских заводчиков восемью лицами. Во втором поколении род разделился на две ветви. В том же втором и

в третьем поколении четверо их представителей приобрели дворянский статус. Единственный представитель “старшей” ветви – П. М. Губин – получил его за “усердную” благотворительность и по чину статского советника; три женщины из “младшей” ветви – в результате замужества. Одна из них, А. И. Губина, (во втором браке) стала генеральшей Ушаковой, а две других (А. К. и З. К. Губины) породнили купеческий род с Нарышкиными и Толстыми.

Но “заводская карьера” рода оказалась куда менее успешной. Дела шли удачно только при первом владельце М. П. Губине, когда со строительством трех заводов завершилось формирование двух крупных горнозаводских округов на Среднем и Южном Урале – Сергинско-Уфалейского и Авзяно-Петровского. Но после перехода заводов двум сыновьям и их раздела в 1838 г., оба округа стали клониться к упадку. В 1848 г. по просьбе самого П. М. Губина Авзяно-Петровские заводы были взяты в опекуное управление, а в 1858 г. проданы. В 1844 г. после учреждения над больным К. М. Губиным опеки Сергинско-Уфалейские заводы перешли в управление его жены, сумевшей временно преодолеть финансовые трудности, но не сумевшей организовать эффективное управление заводами в общей собственности наследников, вынужденных во второй половине XIX в. расстаться со своими уральскими владениями.

Крупнейшим заводовладельцем Урала оставался в первой половине XIX в. армянский род дворян Лазаревых, представленный в своей “уральской” биографии пятью лицами, относившимися к 1–2-му поколениям и двум ветвям владельцев Чермозских заводов в Прикамье. Влияние и богатство рода стали причиной того, что еще в XVIII в. он получил графский титул Священной Римской империи и породнился с влиятельными и титулованными родами “кавказской диаспоры” российского дворянства. В первой половине XIX в. Лазаревы установили родство с российскими родами князей Манук-Бей, Абамелеками, Урусовыми, графами Деляновыми и западноевропейскими родами герцогов Бирон, маркизов д’Абзак-де-Мейрак, графов Видман-Седльницких и Нирод. Трое из владельцев имели придворное звание камергеров, трое – гражданские чины 2 и 4-го классов, один – военный чин генерал-майора. Е. Л. Лазарев стал организатором и первым попечителем Института восточных языков в Москве.

Драматично для этого рода заводовладельцев каждый раз складывалась ситуация с наследованием. Смерть единственного сына первого владельца заводов И. Л. Лазарева обусловила переход Пермского имения в ветвь младшего брата Е. Л. Лазарева. Не утихающий конфликт между сыновьями последнего неоднократно подрывал финансовое состояние заводов. Смерть единственного сына Х. Е. Лазарева привела к пресечению мужской линии рода, следствием чего стал (во второй половине XIX в.) переход наследства по женской линии в род князей Абамелек, принявших наименование Абамелек-Лазаревых.

При владении Лазаревых из двух купленных и четырех построенных заводов в начале XIX в. сложился единый Чермозский горнозаводский округ. Но постоянно возникавшие проблемы с наследованием и владением не могли не сказываться на развитии округа, обремененного массой долговых обязательств его владельцев. Лишь установление в 1860 г. единоличного владения Х. Е. Лазарева позволило преодолеть “пик кризиса” и обеспечило более спокойное и успешное развитие заводов в последующий период. Род Лазаревых замыкает первую подгруппу “старинных” родов заводовладельцев, сохранивших за собой заводскую собственность на Урале к 1861 г.

Ко второй подгруппе “старинных выбывших” относились 11 родов и одна отдельная фамилия заводчиков. Старейшим (5-поколенным) и самым крупным из них являлся род Осокиных, в начале XIX в. владевший четырьмя небольшими горнозаводскими округами на Западном Урале. Поскольку к тому времени все заводы “фирмы” Осокиных сосредоточились в руках одного владельца – первого в роду “жалованного” дворянина Ивана Петровича, то именно его ветвь и сохранилась в составе заводчиков в первой половине XIX в. Она была представлена всего пятью владельцами, относящимися к 3–5-му поколениям рода. В пятом поколении бывшие монастырские крестьяне породнились (по линиям дочерей Г. И. Осокина) с Бестужевыми, Левашевыми, Коковцовыми, что свидетельствовало о росте авторитета рода среди российского дворянства. Но до высоких чинов Осокины не дослужились. Высшими “достижениями” стало получение И. П. Осокиным чина подполковника (7-й класс) в военной, а П. И. Осокина – коллежского асессора (8-й класс) в гражданской службе.

Возникшие проблемы с владением заводами (дело о фальшивых закладных 1812 г.) и наследованием (раздел 1847 г.) успешно предотвращались или преодолевались Осокиными. Но финансовая несостоятельность, обнаружившаяся уже в начале столетия, так и не была преодолена. В совокупности с утратой одворянившимися потомками желания заниматься заводским предпринимательством она в итоге привела к потере всех заводов (продажа Юговских в 1804 г., Троицких – в 1837 г., аренда Омутнинских в 1820 – начале 1840-х гг. и продажа Омутнинских и Мешинского заводов в 1848 г.) и выходу рода Осокиных из состава уральских заводчиков после 118 лет пребывания в нем (хотя здесь, как уже отмечалось, осталась боковая ветвь дворян Лебедевых).

Три рода насчитывали на своем веку четыре поколения заводчиков (Курочкины, Красильниковы, Кобелевы). Курочкины являлись одворянившимися в третьем поколении потомками великоустюжского купца. В начале XIX в. четыре представителя этого рода, относившихся ко 2–4-му поколениям, попеременно владели вологодскими и вятскими Кирсинско-Кажимскими заводами и даже в 1812 г. прикупили к ним еще одно предприятие (Нювчимский завод), завершившее формирование сложного окружного хозяйства. Но в 1820 г. в результате трагического случая (гибель при пожаре Н. Я. Курочкина) род пресекался, и во владение оставшимся наследством в 1823 г. вступили четыре представителя родственных дворянских родов Боборыкиных и Голохвастовых. Однако “случайность” получения ими в собственность заводов не могла не сказаться на дальнейшей судьбе имения. Первыми в 1828 г. из состава заводчиков вышли сестры Голохвастовы, передав свой завод Боборыкиным. Последние продержались здесь несколько дольше – 19 лет, но также предпочли расстаться с обременительным и не очень доходным хозяйством, тем более что основной владелец Н. Н. Боборыкин предпочел литературные занятия роли владельца металлургических заводов. В 1842 г. округ был продан. Из восьми владельцев, относившихся к трем ветвям рода, один принадлежал к купечеству, семеро – к дворянству. Последние, однако, не поднимались выше 10-го класса (инженер-капитан) в горной и 9-го (титулярный советник) – в гражданской службе.

Разветвленный тульский купеческий род Красильниковых клонился к упадку еще в конце XVIII в. Уже тогда он утратил половину своих небольших южно-уральских заводов (Илдианский был закрыт, Шильвинский – продан), да и оставшиеся – Архангельский (Шаранский) и Коринский – уже фактически бездействовали. Из-за полной неспособности шести владельцев Архангельского завода (наследник прапорщика П. Г. Красильникова) к

возрождению остановленного еще в 1795 г. предприятия и невозможности продать разоренное имение в 1836 г. завод был официально признан горными властями уничтоженным. Та же участь постигла Коринский завод во владении вдовы и пятерых малолетних детей елабужского мещанина С. Т. Красильникова. Попытка сдать завод в аренду оказалась последним неудачным испытанием для завода, остановленного в 1817 г. и окончательно выведенного из состава уральских металлургических предприятий к 1832 г.

Столь же драматичной оказалась судьба вятского Пыжманского завода во владении четырех казанских купцов Кобелевых, принадлежавших ко 2–4-му поколениям рода. В 1805 г. он был остановлен, а в 1823 г. из-за бесперспективности продажи с публичных торгов и восстановления признан уничтоженным. В результате Кобелевы выбыли из состава владельцев уральских заводов, продержавшись здесь 60 лет.

К 3-поколенным родам второй подгруппы “старинных” заводчиков относились четыре рода (Тевкелевы, Глазовы, Иноземцевы и Маленковы). Среди них Тевкелевы относились к знатному татарскому дворянскому роду. Двое его представителей после Пугачевского восстания, не менее разорительной аренды и пожара 1798 г. так и не нашли средств для восстановления своего небольшого вятского Варзино-Алексеевского завода. В 1823 г. совершенно разрушенное предприятие было признано уничтоженным.

Тоже татарский, но купеческий род Иноземцевых в составе заводчиков первой половины XIX в. представляли восемь лиц, относившихся ко 2–3-му поколениям от основателя небольших южно-уральских Таишевских заводов. Упадок рода, начавшийся еще в XVIII в., отразился как на статусе владельцев (из казанских купцов переписавшихся в малмыжских купцов и казанских мещан), так и положении заводов. Будучи неспособными из-за личных качеств и отсутствия необходимых капиталов самостоятельно управлять заводами, Иноземцевы сдали один из них в аренду, но перессорившись друг с другом и с арендатором, окончательно разорили заводы и вынуждены были их продать с публичных торгов в 1826 г.

Род одворянившихся потомков симбирского купца Глазова, владельцев небольшого южно-уральского Богословского завода, был представлен четырьмя лицами, имевших военные и гражданские чины 14 (корнет), 9 (капитан) и 8-го (коллежский асессор) классов. Из-за истощения рудников в третьем поколении владельцы перепрофилировали медеплавильный завод в селитренный и построили еще два “минеральных” предприятия, но не смогли их содержать. Волнение крепостных окончательно подорвало положение заводов, которые в 1834 г. были проданы.

По тому же пути превращения медного в “минеральный” (поташный) завод пошли представители симбирского купеческого рода Маленковых. Трое его представителей, относившихся ко 2–3-му поколениям, владели на Южном Урале небольшим Берсудским заводом. Подобная Иноземцевым эволюция рода от симбирских купцов к мамадышским мещанам свидетельствовала об упадке рода и завода, от которого после неудачной аренды владелец сам предпочел освободиться, передав в публичную продажу, а после ее неудачи – к уничтожению в 1826 г.

Двухпоколенные роды Хлебниковых, Ширяевых и Гусятниковых оставили недолгий след в составе уральских заводчиков. Род дворян Хлебниковых еще в XVIII в. соединил в своем владении два горнозаводских имения на Южном Урале – купленный медный Благовещенский и перешедший по женской линии из рода сызранского купца Петрова железный Нязе-Петровский заводы. Из двух его “младших” представителей один (Н. П. Хлеб-

ников) имел чин подполковника и коллежского асессора, а вторая (А. П. Полторацкая) была статской советницей. Пресечение мужской линии рода привело к переходу имени по женской линии в известный дворянский род Полторацких, во владении которого Благовещенский завод находился 28 лет до его продажи в 1835 г. Нязе-Петровский завод был продан еще “старшей” владелицей (И. Я. Хлебниковой) в 1809 г.

Одворянившийся купеческий род Ширяевых в первой половине XIX в. был представлен тремя лицами двух его поколений. Последний в роду мужчина – майор А. С. Ширяев – прославился тем, что добровольно отказался в пользу казны от управления полученными по наследству небольшими зауральскими Шайтанскими заводами. После его смерти заводы перешли по женской линии в знаменитый дворянский род Мордвиновых, но задержались там всего на полгода и были проданы в 1810 г.

Род богатейших московских купцов Гусятниковых представляли в составе уральских заводчиков восемь лиц, двое из которых принадлежали к первому и шестеро – ко второму поколениям. Проблемы с южно-уральским Преображенским заводом возникли еще в конце XVIII в. вскоре после его покупки в связи с банкротством П. М. Гусятникова и расстройством его обширных дел с западноевропейскими компаньонами. Пожалуй, первым в истории уральской металлургии, завод был отдан в управление иностранных кредиторов владельца. После смерти купца его многочисленные наследники не смогли сначала договориться, а после раздела – стабильно финансировать завод. Получив чины, дававшие право на дворянство, они предпочли статскую службу купеческим занятиям и в 1838 г. продали свой уральский завод.

Менее всех из “старинных” родов (одно поколение) продержались в составе уральских заводчиков двое известных петербургских купцов Грибановых, один из которых (Г. М. Грибанов) по должности директора Заемного банка еще в XVIII в. получил чин коллежского советника. Купленный ими вологодский Ньючимский завод из-за “немалотысячных” долгов был выставлен на публичную продажу и после 24 лет владения продан в 1812 г. Грибановы замыкают подгруппу “старинных выбывших” и в целом группу “старинных” родов уральских заводчиков.

Среди семи родов, “заводская” история которых началась в первой половине XIX в. и продолжилась после 1861 г. (“новых оставшихся”) находились всего два 3-поколенных и пять 2-поколенных рода; семь заводчиков были представлены в одном лице.

Уфимский купеческий род Подъячевых оказался в составе уральских заводчиков за четыре года до наступления XIX в., но сумел окончательно утвердиться в правах на небольшой западно-уральский Шильвинский завод (купленный у Н. П. Красильникова) после длительного судебного разбирательства, завершившегося только через 15 лет. И в дальнейшем историю этого рода, насчитывавшего пять представителей трех поколений, постоянно сопровождали различные судебные тяжбы (вплоть до учреждения Конкурса по долгам) и семейные конфликты за право владения и управления заводом. Итогом владения явился беспрецедентный случай, когда Н. Н. Подъячев был не только отстранен от управления, но и взят под полицейский надзор и выслан в Архангельскую губернию. Все это в совокупности с сырьевыми проблемами Шильвинского завода дестабилизировало его действие и предвещало ликвидацию в недалеком будущем.

Не без серьезных проблем разворачивалась 3-поколенная история рода московского первостатейного купца Ярцова, представленного пятью лицами. Покупка двух горнозаводских хозяйств (Шайтанских в 1810 г. у К. С. Мордвиновой и Таишевских заводов

в 1826 г. у Иноземцевых) не только ввела его в состав уральских заводчиков, но и позволила купцам уже во втором поколении за широкую благотворительность приобрести дворянство, а в третьем – “женском” – породниться с дворянскими фамилиями Кузьминых, Бергов и Николаевых. По мужьям одна из владелиц именовалась генеральшей, а две других – полковницей и подполковницей. В третьем же поколении между тремя наследницами возник конфликт за право владения более крупными и перспективными Шайтанскими заводами, который продолжался 10 лет. В результате раздела 1856 г. этот округ перешел по двум женским линиям в роды Бергов и Кузьминых. Нерентабельные Таишевские заводы, перейдя в 1850 г. во владение Бергов, через два года были остановлены и ликвидированы.

Известный купеческий род Расторгуевых обосновался в составе уральских заводчиков благодаря покупке у И. Я. Хлебниковой в 1808 г. Нязе-Петровского и у П. Г. Демидова в 1809 г. Кыштымских заводов. Четыре его представителя, относившиеся к двум поколениям, владели крупнейшим на Южном Урале горнозаводским хозяйством не без серьезных проблем. Начались они еще при жизни основателя – первостатейного вольского купца Л. И. Расторгуева, но в полной мере проявились во владении его дочерей – наследниц, связавших свой род с двумя другими известными старообрядческими родами Харитоновых и Зотовых. Длительный конфликт между владелицами по поводу раздела заводских доходов привел к установлению полного казенного присмотра, что только и помогло поправить финансовое положение заводов и удержать их во владении двух боковых ветвей рода.

В 1834 г. в результате покупки у П. А. Глазова Богословского завода в состав уральских заводчиков вошел род столбовых дворян Шелашниковых, в двух поколениях представленный пятью владельцами. Основатель рода П. И. Шелашников имел звание камергера и чин надворного советника, два его сына имели тот же чин 7-го и один – 6-го (коллежский советник) класса. Во время их владения на заводе временно было восстановлено медеплавильное производство, но сделано это было лишь для того, чтобы обезопасить от закрытия основанный в имении доходный винокуренный завод и сохранить владение крепостными крестьянами. В 1862 г. медное производство было остановлено, и, хотя Богословский завод еще какое-то время считался в составе уральских металлургических предприятий, больше действие свое он не возобновлял.

Дворянский предпринимательский род Пономаревых с 1838 г. владел на Урале купленными у А. И. Яковлева Холуницкими заводами, превращенными новыми владельцами в передовые предприятия. Из трех его представителей, относившихся к двум поколениям, один имел чин надворного советника и один майора. Большую часть времени (с 1844 по 1858 гг.) заводы находились под “женским” управлением А. П. Пономаревой, но позже, уже во владении ее сына, пришли в расстройство, предвещавшее скорую продажу.

Из 2-поколенных родов в состав третьей подгруппы входили также два купеческих рода Пастуховых и Коровиных. Оба они оказались здесь после покупок заводов, распродававшихся Осокиными в 1848 г. Казанский купец А. И. Коровин приобрел тогда Мешинский завод, а ярославский первогильдейский купец А. М. Пастухов с двумя “не отдельными” племянниками – Омутнинский округ. Богатые ярославские купцы успешно владели своими заводами и во второй половине XIX в., превратив их в одно из круп-

нейших горнозаводских хозяйств Вятского края. Мешинский завод недолго оставался во владении двух представителей рода Коровиных и был продан во второй половине XIX в.

Среди “новых оставшихся” владельцев, представленных в одном лице, оказались пять дворян и два купца. В 1837 г. после покупки у Г. И. Осокина Троицких заводов в составе уральских заводчиков появился крупнейший винный откупщик поручик Д. Е. Бенардаки, который в 1858 и 1859 гг. умножил свои уральские владения покупкой у А. И. Маликова Кирсинско-Кажимских и у Н. Е. Тимашева Авзяно-Петровских заводов. Однако отмена винных откупов после крестьянской реформы привела к его разорению и последующей череде остановок и продаж земли и заводов.

“Русская потомственная дворянка” графиня О. Н. Рошефор в 1859 г. стала владелицей Уинских заводов, купленных у “алапаевских” Яковлевых. Но ее неудачная попытка справиться с многочисленными проблемами этого небольшого округа завершилась остановкой заводов в 1862 г. Хотя еще 30 лет потребовалось горным властям, чтобы окончательно вывести эти заводы из числа металлургических предприятий Урала, действие свое они уже не возобновляли.

С именами известных горных инженеров полковника А. А. Грамматчикова и подполковника Ф. А. Хвощинского, а также их компаньона надворного советника Ильина связана недолгая история основания и действия небольшого Святочудовского медеплавильного завода, с 1855 по 1861 г. действовавшего на каменном угле казенных Сухоложских копей. Прекращение их разработки привело к закрытию завода, хотя до 1870 г. он еще числился за бывшими владельцами. Необычен этот случай тем, что в первой половине XIX в. Святочудовский завод оказался единственным предприятием, основанным компанией “новых” владельцев на казенных землях.

Петербургский купец 1-й гильдии Ф. П. Никифоров оказался в составе уральских заводчиков, купив в компании с купцом А. В. Татариновым Кагинские заводы М. Ф. Гротена в 1860 г. Через два года он перекупил у компаньона его часть владения и до начала 1880-х гг. оставался единоличным хозяином заводов. Богатый московский купец В. Н. Рукавишников в конце 1850-х гг. вошел в состав владельцев Невьянского округа (и, вероятно, Алапаевского), скупив несколько частей у наследников С. С. Яковлева. В дальнейшем именно он и его наследник станут крупнейшими пайщиками этих заводов.

В четвертую подгруппу “новых выбывших” вошли шесть лиц и один 2-поколенный род. Этот род верхотурских первогильдейских купцов Зеленцовых (состоявший в родстве с другим знаменитым верхотурским родом Походяшиных) продержался в составе уральских заводчиков с 1808 по 1833 г. Большую часть этого времени девять его представителей, можно сказать, незаконно владели купленными в рассрочку и под залог Ревдинско-Рождественскими заводами. Как и в случае с Д. Е. Бенардаки (только на полвека раньше), отмена винных откупов, бывших главным занятием основателя рода А. В. Зеленцова, фактически привела к разорению рода и в конечном итоге возвращению заводов путем их продажи с публичных торгов прежним владельцам Демидовым. Еще одним следствием 25-летнего владения заводами явилось одворянивание рода, несколько членов второго поколения которого приобрели дававшие на то право гражданские чины, а одна наследница (А. А. Бикбулатова) даже превратилась в генеральшу.

Из “новых выбывших” владельцев, представленных в составе заводчиков одним лицом, наиболее заметный след оставил немец А. А. Кнауф, получивший в конце XVIII в. звание московского купца 1-й гильдии и именитого гражданина. Он появился на Урале в 1796 г. в качестве “комиссионера” (управляющего) Преображенского завода П. М. Гусятникова от двух западноевропейских банкирских домов. Через два года им была предпринята неудачная попытка покупки Златоустовских заводов Лугинина, которые в 1800 г. он получил уже от казны в бессрочную аренду. Еще одна арендная сделка была заключена в 1804 г. на Кыновские заводы Г. А. Строганова. Наконец, в 1802 г. у С. П. Ягужинского Кнауф купил недействующий Курганский и в 1804 г. у И. П. Осокина Юговские (Кнауфские) заводы.

Но этот первый опыт крупного иностранного предпринимательства в горнозаводской промышленности Урала вскоре закончился полным фиаско. Банкротства Кнауфа и его иностранных кредиторов в период наполеоновских войн привели к разорению Кыновских и Юговских заводов. Испытывавшие финансовые трудности Златоустовские заводы с налаженным военным производством в преддверии войны казна поспешила вернуть в свою собственность. С поступлением в 1818 г. Кнауфских заводов в кредиторское управление барона А. Ралля и купца Доути, а с 1828 г. в казенное управление, А. А. Кнауф, видимо, окончательно сошел со сцены, оставаясь лишь номинальным владельцем округа до своей смерти. Более отдаленным и вполне закономерным следствием его владения стало акционирование Кнауфских заводов (1852–1864 гг.), завершившееся столь же закономерным провалом и последующим закрытием заводов.

Временно в группу “новых” владельцев вошли коллежский ассессор Н. Е. Тимашев, купивший в 1858 г. у П. М. Губина Авзяно-Петровские заводы, но на следующий год уже продавший их; тульский купец 1-й гильдии А. И. Маликов, в 1842–1858 гг. владевший Кирсинско-Кажимскими заводами, которые купил у Боборыкиных; петербургский купец 1-й гильдии М. Ф. Гротен, владение которого Кагинскими заводами Демидовых и А. И. Пашкова продолжалось с 1855 по 1860 г., и стерлитамакский купец 2-й гильдии А. В. Татаринов, в компании с Ф. П. Никифоровым владевший теми же Кагинскими заводами в 1860–1862 гг. Все эти владельцы, видимо, “по случаю” купившие уральские заводы, не сумели справиться с финансированием заводов (возможно, что для Тимашева и Гротена покупка являлась не более чем крупной спекуляцией) и сохранить их в своей собственности. По-своему уникальный случай произошел с московским первогильдейским купцом Н. Л. Старковым (Стариковым), в 1815 г. купившим у Н. А. Дурасова Юрюзанский округ. Но ему “перешла дорогу” родственница бывшего владельца княгиня А. Г. Белосельская-Белозерская, выкупившая заемные письма купца и в 1817 г. утвержденная во владении этими родовыми заводами.

Итак, по числу владельцев группа “старинных” родов была представлена 275 лицами (84,9 % всех владельцев), в том числе 238 (86,6 % владельцев в группе) дворянами (в том числе 35 титулованными), 26 (9,4 %) купцами и почетными гражданами и 11 (4,0 %) мещанами (табл. 3). В составе группы было 108 (около 40 %) женщин (99 дворянок, в том числе 19 титулованных, и девять купеческих жен и дочерей). Более других женщины были представлены в родах Яковлевых (33 из 73), Мясниковых (18 из 38) и Мосоловых (10 из 16). Род Шаховских в составе заводчиков был представлен исключительно женщинами. 107 из 108 владелиц получили заводы по наследству от родителей или мужей и

только одна (Е. В. Дашкова) вошла в состав владельцев, купив завод. Еще четыре владелицы (Д. И. Пашкова, Е. А. Пашкова, А. Г. Белосельская-Белозерская и А. И. Голохвастова) увеличили полученное наследство покупкой других заводов.

В 1800 г. группа “старинных” владельцев была представлена 23 родами и одной отдельной фамилией и включала тогда 60 лиц, из которых 38 были дворянами (в том числе пять титулованных), 17 – купцами и именитыми гражданами и 5 – мещанами. К 1861 г. в составе группы остались 12 родов (включавших 40 фамилий), к которым принадлежали 65 лиц, в том числе 63 дворянина (среди них 11 титулованных) и два почетных гражданина (табл. 4, 5).

Таким образом, к 1861 г. группа “утратила” около половины своего “родового” состава. Для трех дворянских (Тевкелевы, Осокины, Глазовы), пяти одворянившихся (Ширяевы, Гусятниковы и частью Красильниковы, Грибановы и Иноземцевы), двух купеческих (Кобелевы и Маленковы) родов это стало закономерным итогом проблем, накопившихся еще в XVIII в. Угасшие дворянский род Хлебниковых и одворянившийся Курочкиных не обнаружили в лице своих преемников из дворян (Полторацкой, Голохвастовых и Боборыкиных) достойных продолжателей дела. Вместе с ними группа лишилась 18 горнозаводских хозяйств (в том числе восемь владельческих и 10 посессионных), из которых пять были ликвидированы (Варзино-Алексеевский, Берсудский, Пыжманский, Архангельский-Шаранский, Коринский заводы) и 13 проданы (Юговские, Троицкие, Омутнинские, Мешинский, Кирсинско-Кажимские, Шайтанские, Таишевские, Шильвинский, Благовещенский, Нязе-Петровский, Преображенский, Богословский, Ньючимский заводы).

Из владения 11 оставшихся дворянских родов (Демидовы, Яковлевы, Мясниковы, Мосоловы, Турчаниновы, Строгановы, Голицыны, Шаховские, Всеволожские, Лазаревы, Лебедевы) и одного одворянившегося рода (Губины) путем продаж полностью вышли пять горнозаводских округов (в том числе три посессионных – Кагинский, Холуницкий, Авзяно-Петровский и два – Кыштымский и Уинский – двойного статуса), один округ (Суксунский) был акционирован (с участием бывших владельцев Демидовых) и один (Невьянский) продан частично. Два хозяйства были приобретены покупкой (Благовещенский и Преображенский владельческие).

В итоге из 48 горнозаводских хозяйств, находившимися во владении этой группы в начале XIX в., к 1861 г. были полностью сохранены 23, в том числе шесть посессионных (Нижнетагильский, Верх-Исетский, Алапаевский, Сысертский, Шурминско-Залазинский, Бемышевский), 15 владельческих (Билимбаевский, Кыновский, Нытвенский, Лысьвенский, Чермозский, Пожевский, Белорецкий, Симский, Юрюзанский, Катавский, Каноникольский, Богоявленский, Воскресенский, Верхоторский, Архангельский) и два (Сергинско-Уфалейский и Ревдинско-Рождественский) – двойного статуса. Два хозяйства были приобретены покупкой (Благовещенский и Преображенский заводы), одно (Никитинский округ) – выделилось в результате раздела и два (Невьянский посессионный и Суксунский двойного статуса) – состояли в частичном владении. Таким образом, к 1861 г. группа “старинных” заводчиков владела (полностью или частично) 28 горнозаводскими округами Урала.

В группу “новых” владельцев входили 49 лиц (15,1 % от всех владельцев), в том числе 26 (53 % владельцев в группе) дворян (в том числе одна титулованная) и 23 купца (47 % владельцев в группе). Они относились к восьми родам и 13 отдельным фамилиям. Среди них было 13 (26,5 %) женщин (восемь дворянок, две потомственные почетные

гражданки и три купеческие жены). Всего одна из них (графиня О. Н. Рошефор) купила заводы; остальным они достались по наследству. К 1861–1862 гг. в этой группе остались 18 лиц, в том числе девять дворян (среди них одна титулованная) и девять купцов, принадлежавших к семи родам (включавшим девять фамилий) и семи отдельным фамилиям (табл. 3, 5). Заметно, что сословный состав этой группы был более “демократичен”, хотя и ограничен теми же двумя сословиями дворян и купцов (14 из 23 имели еще и почетное гражданство), “допущенных” властью до горнозаводского предпринимательства.

К 1861 г. из их состава выбыли один одворянившийся род Зеленцовых, один дворянин (Н. Е. Тимашев) и пять купцов (А. И. Маликов, А. В. Татионов, М. Ф. Гротен, Н. Л. Старков и А. А. Кнауф), владевшие шестью горнозаводскими округами. В группе остались два дворянских рода (Пономаревы и Шелашниковы), один одворянившийся (Ярцовы), четыре купеческих (Подъячевы, Расторгуевы, Пастуховы, Коровины), пять дворян (Д. Е. Бенардаки, графиня О. Н. Рошефор, А. А. Грамматчиков, Ф. А. Хвощинский и Ильин) и два купца (В. Н. Рукавишников и Ф. П. Никифоров). В 1861 г. девять дворян и девять купцов (из них восемь имели еще звание почетных граждан; семь купцов 1-й гильдии и двое – 2-й, записанных в петербургское, московское, ярославское, шлис-сельбургское, казанское и елабужское купечество) владели 10 посессионными округами (Холуницкий, Кирсинско-Кажимский, Авзяно-Петровский, Омутнинский, Кагинский, Шайтанский, Мешинский, Богословский, Шильвинский и Святочудовский), одним посессионным округом частично (Невьянский), одним владельческим округом (Троицким) и двумя (Кыштымским и Уинским) горнозаводскими хозяйствами двойного статуса. Правда, три из этих хозяйств (Уинские, Богословский и Святочудовский заводы) в 1861–1862 гг. уже прекратили выплавку меди, но еще не были исключены из списка уральских металлургических предприятий. Все “новые” владельцы входили в статусную группу посессионеров, хотя некоторые из них (Зеленцовы, Расторгуевы, А. А. Кнауф, Д. Е. Бенардаки и О. Н. Рошефор) имели в составе своих округов заводы на вотчинном праве.

Среди “новых” владельцев оказались также 16 акционеров (данные неполные) Товарищества Суксунских заводов и 91 – Компании Кнауфских заводов. Состав первой компании был более “аристократичным” (15 дворян, в том числе шесть имевших генеральские чины), чем второй (где дворяне составляли около 40 % всех акционеров). В то же время Кнауфская компания отличалась значительным числом иностранных граждан. В нее также входили коллективные участники (“Штиглиц и К^о”, “Д. Гитшов и К^о”, московские Евангелическая школа и Евангелическая Реформаторская церковь). Эти различия вполне объясняются общим принципом создания первых на Урале акционерных компаний. Участниками одной стали кредиторы Петра и Павла Демидовых (среди которых было больше знати), второй – кредиторы А. А. Кнауфа (состав которых был более “демократичен” и включал иностранцев).

Таким образом, как по числу владельцев (85 %), так и владений в уральской горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. доминировали “старинные” роды, обосновавшиеся здесь еще в XVIII столетии. К 1861 г. они владели 26 округами (62 %), в то время как “новые” владельцы – 14 (33 %, включая акционированные Юговские заводы). В совместном владении представителей обеих групп находились два округа (Невьянский и акционированный Суксунский) (табл. 8).

Как уже упоминалось, все заводчики принадлежали к 108 фамилиям, в том числе 84 дворянским, 15 купеческим и девяти, в составе которых были дворяне, купцы и мещане. Из общего числа 324 владельцев 264 были представлены дворянами (81,5 %), 49 – купцами, именитыми и почетными гражданами (15,1 %) и 11 – мещанами (3,4 %). Если в 1800 г. дворяне составляли 63,3 % (в их составе было пять титулованных особ), купцы и именитые граждане – 28,3 % и мещане – 8,3 % владельцев, то к 1861 г. доля дворян увеличилась до 86,7 % (12 титулованных), а доля купцов и почетных граждан (это звание, введенное в 1832 г., имели все купцы 1-й гильдии из состава заводчиков) снизилась до 13,3 % (табл. 4, 5). В этой связи можно констатировать, что межсословная группа уральских заводчиков становилась все более однородной, дворянской, по составу. Объяснить это можно несколькими причинами.

Еще по Жалованной грамоте городам 1785 г. “фабрики и заводы” разрешалось “иметь или заводить” только дворянам и купцам 1 и 2-й гильдий, но это правило в отношении “старинных” заводчиков не соблюдалось 38 лет. О нем власти “случайно” вспомнили только в 1823 г., когда (по прецеденту) было решено навести здесь порядок. В результате сенатским указом от 27 июня того года из состава заводчиков были исключены мещане и купцы 3-й гильдии. На деле это коснулось очень небольшого числа уральских заводчиков и привело к ускорению продажи или ликвидации нескольких маломощных заводов, уже не действовавших или находившихся на грани остановки. Из состава заводчиков тогда окончательного выбыли Кобелевы, Маленковы, Красильниковы и Иноземцевы. Купцы третьей гильдии Подъячевы перешли во 2-ю гильдию и тем самым сохранили за собой Шильвинский завод. Таким образом, этот “ограничительный” указ всего лишь поспособствовал затянувшемуся “уходу” наиболее “слабых” уральских заводчиков и не столько спрогнозировал, сколько отразил уже сложившееся естественным путем положение в их составе, где представители исключенных страт занимали ничтожную долю (около 3 %). Но сам факт того, что владение заводами официально признавалось особым правом ограниченного круга представителей общества (дворян, купцов 1 или 2-й гильдий и почетных граждан) являлся своего рода “рецидивом средневековья”, не имевшем перспективы в условиях развивавшегося капитализма, где “фильтрация” владельцев происходит “естественным” путем продажи заводов. Но в разрешенных сословных границах группа заводчиков по-прежнему оставалась открытой при “входе” и “выходе”.

Усиление удельного веса дворян способствовал также продолжавшийся в первой половине XIX в. процесс нобилитации заводчиков (как механизм характерной для российского общества вертикальной социальной мобильности)*. Хотя “одворянивание” не меняло статуса владений и прав владельцев, вхождение в состав “первого сословия” сохраняло тогда свою привлекательность как своего рода критерий значимости и возросшего авторитета рода. В первой половине XIX в. по этому пути пошли девять купеческих родов (Губины, Ширяевы, Курочкины, Иноземцевы, Гусятниковы, Красильниковы, Ярцовы, Зеленцовы, Грибановы). Происходило это либо благодаря продвижению по службе (Зеленцовы, Д. А.

* По Табели о рангах 1722 г. личное дворянство давал низший (14-й) гражданский чин (коллежский регистратор), потомственное дворянство – низший (14-й) военный чин (корнет, прапорщик) и 8-й гражданский чин (коллежский асессор). В 1845 г. класс, дававший потомственное дворянство в гражданской службе, был повышен с 8 до 5-го (статский советник); 6–9-й классы давали личное дворянство, а 10–14-й – личное почетное гражданство. В военной службе потомственное дворянство стал давать 8-й класс (майор), а низшие – только личное. С 1856 г. право на потомственное дворянство в гражданской службе давал 4-й класс, в военной – 6-й класс (полковник) (Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 1. С. 97).

Иноземцев, М. П. и П. П. Гусятниковы, Г. М. Грибанов, Я. И. Курочкин)* или пожалованию за благотворительность (П. М. Губин, И. М. Ярцов), либо путем установления матримониальных связей (дворянки, вышедшие замуж за купцов – П. А. Подъячева и А. Б. Красильникова**); купеческие жены и дочери, вышедшие замуж за дворян – А. И. Губина-Ушакова, А. К. Губина-Толстая, З. К. Губина-Нарышкина, Е. П. Гусятникова-Майкова, А. А. Зеленцова-Бикбулатова). Однако этот путь не являлся основным, поскольку касался немногих лиц (33 чел. или 12 % дворян), большая часть которых к тому же выбыла из состава владельцев (остались только роды Губиных и Ярцовых). Последнее наблюдение свидетельствует о том, что “одворянивание” в изучаемый период приводило скорее к отходу от заводского предпринимательства (“новые” дворяне отдавали предпочтение государственной службе), чем способствовало его развитию.

Другой путь был связан с ротацией в составе заводчиков дворянских и купеческо-мещанских родов, в ходе которой происходило более активное “вымывание” последних, особенно в группе “старинных” родов. Так, из девяти таких купеческих родов выбыли семь, а из 13 “новых” – шесть, в то время как “старинные” дворяне из 15 родов “потеряли” четыре, а “новые” – из восьми всего одного. Более заметная “подвижность” купцов в данном случае являлась вовсе не следствием преимуществ дворянского статуса (на грани закрытия в 1861 г. находились заводы многих дворян). Она отразила скорее характерное и привычное для дворян “ментальное” желание дольше удержать собственность (особенно наследственную) в своих руках (в том числе и в расчете и на помощь “дворянского” государства), в то время как купцы значительно легче “расставались” с ней.

Основной причиной увеличения доли дворян в составе заводчиков явился естественный рост “старинных” дворянских родов, насчитывавших в своей уральской истории уже несколько поколений заводчиков (преимущественно от трех до пяти). С каждым поколением число владельцев увеличивалось (особенно в третьем и четвертом), что и вело к опережающему росту дворянского “слоя” заводчиков (табл. 3). В составе владельцев эти “старинные” роды были представлены 238 дворянами, составлявшими 73,5 % общего числа заводчиков.

Заслуживает внимания еще одно наблюдение над динамикой численности заводчиков: к 1861 г. их число (83) увеличилось по сравнению с 1800 г. (60) всего в 1,4 раза, причем представителей “старинных” родов оказалось 65 (то есть всего в 1,08 раза больше). Судя по динамике родов, наиболее заметно сокращение числа владельцев происходило на “последних” поколениях. Это было связано не только с тем, что представители этих поколений еще не все вошли “в права владения”, но и в результате предусмотренных законодательством внутрисемейных “переделов” заводской собственности.

По своему содержанию осуществленные заводчиками в первой половине XIX в. разделы заводов можно отнести к четырем типам (табл. 6, 7). Первый предусматривал раздел остававшихся в общей собственности заводов на условные части, закреплявшиеся за каждым из совладельцев по установленным законом нормам. Такие “долевые”

---

* Поскольку не всегда известно, какого чина в итоге достиг претендующий на дворянство кандидат, а также получил ли он дворянский диплом (специальное исследование дипломов О. И. Хоруженко охватывает только XVIII в.), невозможно точно разделить их на личных и потомственных.

** По Жалованной грамоте 1785 г. дворянки, вышедшие замуж за недворян, сохраняли свой статус, но это не вело к одворяниванию рода, поскольку в таком случае женщина не передавала свой статус детям (Мировнов Б. Н. Социальная история России... Т. 1. С. 145).

разделы происходили в том случае, когда во владении нескольких наследников переходило единое заводское хозяйство, “по свойству своему нераздельное”. В результате число владельцев увеличивалось, а собственность приобретала “многовладельческий” характер. Из 78 учтенных разделов “долевыми” являлись 50 (или 64 %), то есть именно они оказались самыми распространенными. “Долевые” разделы значительно (с 50 до 190) увеличили число владельцев в 1800–1830-е гг., когда в большинстве своем были осуществлены. Поскольку такие разделы предполагали дележ доходов, они создавали благоприятную почву для конфликтов, которые, в свою очередь, приводили к новым переделам собственности.

Одним из них мог быть второй тип разделов, сопровождавшийся выходом совладельцев из владения. Этот выдел мог быть денежным (либо за условленную сумму, либо за фиксированный ежегодный платеж) или натуральным (в случае, если в наследство входили вотчины или другое недвижимое имущество, которые и передавались выделявшемуся совладельцу без “участия в заводах”). Такие разделы совершались не только “по убеждению”, но и по желанию кого-либо из совладельцев. Именно они, совершенные преимущественно в 1840 – начале 1860-х гг., приводили к значительному сокращению числа владельцев: в результате 20 учтенных разделов “с выделом” из состава владельцев вышли 34 лица.

Третий тип разделов также мог сократить число владельцев (с 18 до 14), поскольку сопровождался выделом кому-либо из них округов или самостоятельных заводов. Количество подобных разделов (семь) было невелико и затронуло всего четыре “старинных” рода (наследников И. С. Яковлева, наследников И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, Губиных и Осокиных), каждый из которых имел в собственности несколько округов. Два из них к тому же сопровождалось одновременным выделом совладельцев. Наконец, четвертый тип предполагал “натуральный”, раздел горнозаводского округа. Им единственный раз в первой половине XIX в. воспользовались А. В. и Н. В. Всеволожские, когда в 1849 г. поделили на две части Пожевский округ. Кроме этого известны еще два случая предполагавшихся владельцами для урегулирования вопросов наследства, но по причине чрезвычайной сложности не состоявшихся разделов Чермозского округа Лазаревых в 1818 г. и Нижнетагильского округа Демидовых в 1842 г. В безвыходной финансовой ситуации горными чиновниками и акционерами высказывались также предложения разделить Кнауфские и Суксунские заводы в 1840–1860-е гг. Это может свидетельствовать о появлении уже в первой половине XIX в. некоторых предпосылок к ломке сложившихся границ горнозаводских округов.

Кроме “хронологических” (“старинные” и “новые”), “динамических” (“выбывшие”, “оставшиеся”), “поколенных”, “статусных” (вотчинники и посессионеры) и сословных групп в составе уральских заводовладельцев можно выделить “имущественные” группы. Традиционно для российских сословий была характерна трехчленная имущественная стратификация, осуществлявшаяся по определенным критериям¹. Для дореформенного дворянства таким критерием являлось число крепостных душ, для купцов – величина объявленного капитала. Заводовладельцы-купцы сами определили свое имущественное положение, записавшись в первую или вторую купеческие гильдии. Но, так же как и дворяне, они владели заводскими крепостными, следовательно к ним вполне можно применить критерий имущественной стратификации заводовладельцев из дворян (имея в виду, что они владели и распоряжались разными категориями заводского населения).

Оказывается (табл. 9, 10), все уральские заводчики (за исключением владельцев Святочудовского завода, действовавшего вольнонаемным трудом) относились к высшей страте крупнопоместного дворянства (100 и более рев. д.). Это объясняется самим характером заводского производства, которое не могло не быть крупным по количеству обслуживавшего его населения. Причем доминирующее положение в составе заводчиков занимали (по данным 10-й ревизии 1858 г.) душевладельцы тысячи и более крепостных и казенных работников (85 % хозяйств). Крупнейшими из них являлись владельцы семи горнозаводских округов (более 10 тыс. душ): «тагильские» Демидовы (25 586 рев. д.), «билимбаевские» Строгановы (17 336), «кыштымские» Расторгуевы (16 393), «верх-исетские» Яковлевы (15 745), «сергинско-уфалейские» Губины (12 991), «суксунские» Демидовы (12 520) и «сысертские» Турчаниновы (11 575). При этом следует учесть, что здесь учтено только горнозаводское население, помимо которого у заводчиков могли быть еще крепостные вотчин уральских или других губерний России.

Хотя примененный выше критерий вполне показателен, тем не менее он не может считаться определяющим в имущественной стратификации заводчиков, поскольку доходность горнозаводского имения зависела не только от числа крепостных или казенных мастеровых и рабочих людей (которые в отличие от крепостных или государственных крестьян не платили оброка; наоборот, их заводская работа оплачивалась). Специфика изучаемой нами группы заводчиков предполагает, вероятно, и особые критерии стратификации. Ими могут быть размеры землевладения (точнее, лесные площади и рудники) и, конечно, производительность заводов.

По масштабам окружающих хозяйств (свыше 300 тыс. дес.) крупнейшими из вотчинников оставались в середине XIX в. «пермские владельцы» (Строгановы, Лазаревы, Всеволожские, Шаховские, Голицыны), хотя их владения на Урале состояли не только из горнозаводских округов (площади которых указаны в табл. 11), а включали еще и обширные «промысловые» и сельскохозяйственные вотчины. Из посессионеров крупнейшими землевладельцами являлись «верх-исетские» (733 тыс. дес.) и «алапаевские» (578 тыс.) Яковлевы, «тагильские» (636 тыс.) и «суксунские» (466 тыс.) Демидовы, «кыштымские» Расторгуевы (426 тыс.), «сергинско-уфалейские» Губины (426 тыс.) и «кирсинско-кажимские» Курочкины–Маликовы–Бернадаки (314 тыс.). Самые крупные горнозаводские латифундии располагались преимущественно в Пермской губернии. В среднюю группу (от 100 до 300 тыс. дес.) входили «ревдинские» Демидовы, «сысертские» Турчаниновы, акционеры Кнауфских заводов, «невьянские» и «уинские» Яковлевы, «симские» Балашевы, «белорецкие» Пашковы, «юрюзанские» Сухозанеты, «катавские» Белосельские–Белозерские, «медные» Пашковы и «каноникольские» и «шурминско-залазнинские» Мосоловы. В низшую группу входили владельцы Кагинских, Троицких, Авзяно–Петровских, Холуницких, Омутнинских, Шильвинского, Бемышевского, Мешинского и Богословского заводов, которые зачастую вынуждены были арендовать недостающие им лесные площади или покупать древесное топливо.

По главному критерию – объемам производства (табл. 12) в высшую страту заводчиков (на заводах выплавляется более 600 тыс. пуд. чугуна и 20 тыс. пуд. меди на 1860 г.) попадают «тагильские» Демидовы (1760 тыс. пуд. чугуна и 102 тыс. пуд. меди), «сысертские» Турчаниновы (964 тыс. и 29 тыс.), «сергинско-уфалейские» Губины (914 тыс. пуд. чугуна), «кыштымские» Расторгуевы (838 тыс.), «верх-исетские» (727 тыс.) и «алапаевские» (704 тыс.) Яковлевы, «ревдинские» Демидовы (650 тыс.) и «медные» Пашковы (56 тыс.).

пуд. меди). В среднюю группу (от 300 до 600 тыс. пуд. чугуна и 4–20 тыс. пуд. меди) входили “суксунские” Демидовы, “билимбаевские” Строгановы, Голицыны, Бутеро, Белосельские-Белозерские, Пономаревы, “невьянские” Яковлевы, Лазаревы, Сухозанеты, Балашевы, “белорецкие” Пашковы, а также Е. В. Дашкова, А. И. Коссаковская и Д. Е. Бенардаки.

На другом конце имущественной стратификации находились владельцы небольших горнозаводских хозяйств. По масштабам производства и доходам они не шли ни в какое сравнение с вышеперечисленными заводчиками и оставляли своим наследникам вовсе не огромные вотчины, роскошные дворцы и виллы, а, как, например, А. М. Подъячев (кроме обремененного долгами завода) нескольких лошадей и коров. Внук Алексея Матвеевича Николай Николаевич Подъячев по прошествии 40 лет по-прежнему называл себя “ничтожным владельцем при стеснительном положении и убогом заводском действии” в сравнении с другими заводчиками Оренбургской губернии². Кроме Подъячевых к низшей страте заводовладельцев можно отнести “бемышевских” Лебедевых, “мешинских” Коровиных, “богословских” Глазовых и Шелашниковых, “таишевских” Иноземцевых, “святочудовских” А. А. Грамматчикова и К^о, а также владельцев упраздненных заводов (Красильниковых, Кобелевых, Маленковых и Тевкелевых). Но далеко не всегда невысокие заводские доходы оставались единственным источником их существования. Многие из них занимались другими видами предпринимательской деятельности или служили. Заметно, что в эту группу вошли владельцы исключительно медеплавильных заводов, технические возможности которых позволяли наладить и небольшое по масштабу производство. К этой же страте можно, пожалуй, отнести мелких акционеров железных Кнауфских заводов, владевших от одной до девяти акций (53 % акционеров), и некоторых мелких “долевых” владельцев Невьянских заводов.

Показателем престижности заводов и заводчиков по праву считалось высокое качество продукции и, как следствие, высокие котировки металлов как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Лидирующее положение сохранялось здесь за “тагильскими” Демидовыми. Полосное и листовое железо Нижнетагильских заводов марки “CCNAD”, по признанию специалистов и оптовых покупателей, в 1840–1850-е гг. было непревзойденного качества. В 1820–1830-е гг. эти Демидовы становятся фактическими монополистами на рынке платины и малахита; тогда же они захватывают значительную часть рынка золота и особенно меди, по объему производства которой (как и по железу) им не оказалось равных на Урале и в России. Несмотря на трудности сбыта, они оставались и крупнейшими экспортерами железа и меди. Близко за лидерами следовали “верх-исетские” и “алапаевские” Яковлевы и “холуницкие” Пономаревы, высоко державшие марку своего сортового железа, а по меди – Пашковы. Вслед за ними шли “катавские” Белосельские-Белозерские, “симские” Балашевы, “юрюзанские” Сухозанеты, “кыштымские” Расторгуевы, “чермозские” Лазаревы и “билимбаевские” Строгановы, державшие высокие цены на полосное и листовое железо³. По совокупности критериев безусловными лидерами отрасли являлись в первой половине XIX в. Нижнетагильские и Верх-Исетские заводы, а крупнейшими заводчиками Урала – их владельцы Демидовы и Яковлевы.

Подводя общий итог анализа состава уральских заводовладельцев, отметим, что они представляли собой межсословную социо-правовую группу, принадлежность к которой определялась наличием заводов в собственности. Право распоряжения заводской собственностью регулировалось особым горнозаводским законодательством, придававшим заводовладельцам и особые, отличные от других социальных групп, имущественные

права и обязанности. По характеру этих прав и обязанностей заводчики делились на две статусные группы – вотчинников и посессионеров. Причем количественно преобладали посессионеры (примерно $\frac{3}{4}$ общего числа), права распоряжения которых сложной по составу заводской собственностью были ограниченными.

В отличие от правового (который мало менялся) сословный состав заводчиков за первую половину XIX в. претерпел очевидные изменения. В результате естественного роста числа представителей доминировавших в составе заводчиков “старинных” дворянских родов, а также благодаря “вертикальной мобильности” и государственной политике сокращения сословных границ группы заводовладельцев из их состава были удалены низшие слои “городских обывателей” (мещане и купцы 3-й гильдии) и он стал более однородным и “благородным” по статусу (63 % дворян в 1800 г. и 87 % – в 1861 г.).

Заводовладельцы-дворяне принадлежали ко всем учтенным законом группам (дворянство жалованное, военное, по чиnam и орденам, иностранное, титулованное и древнее)⁴ с преобладанием жалованного дворянства, что отразило сложную историю происхождения большинства заводчиков еще в XVIII в. В первой половине XIX в. восходящая сословная мобильность достигалась в основном военной и гражданской службой (за которой часто стояла благотворительная деятельность). Среди небольшой недворянской группы в составе уральских заводчиков преобладали первостатейные столичные купцы и почетные граждане.

Перемены в составе заводчиков происходили также в результате движения заводской собственности путем покупок и продаж. Они в основном касались группы 1–3-поколенных родов. “Старинные” роды уральских заводчиков, представленные в первой половине XIX в. уже 3–6 поколениями, старались сохранить за собой основанные предками заводы (особенно в этом плане преуспели наследники И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова). Следствием движения заводской собственности стало появление в составе заводчиков группы “новых” владельцев, в которой соотношение дворян и купцов было более равномерным (53 и 47 % соответственно). Учитывая то, что за период 1800–1861 гг. (по Европейской России без Польши и Финляндии) гильдейского купечества было примерно в 2–2,5 раза меньше, чем дворянства⁵, можно говорить о большей предпринимательской “подвижности” купцов. Об этом же свидетельствует и динамика “выхода” родов заводчиков-купцов из состава группы (6 из 13), превышающая “выход” дворян (1 из 8). Дворяне проявляли большую осторожность и крепче “держались” за приобретенную собственность.

Преобладающее большинство владельцев уральских горнозаводских округов по масштабам хозяйственной деятельности должны быть отнесены к предпринимательской элите России⁶. Но там они занимали особое место, определявшееся их преимущественно дворянским статусом со всеми вытекающими отсюда последствиями (в частности, “латифундальным” характером владений, особым образом жизни и кругом общения, а зачастую и не личным участием в “деле”).

V.2. Организация управления и функции владельцев

В новый период развития уральской горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. несколько изменилось соотношение и характер базовых функций заводчиков. Первая, “владельческая”, или “юридическая”, заключалась в оформлении и отстаи-

вании своих прав на заводы, земли и заводское население, а также решении проблем наследования собственности. Вторая, “организационно-распорядительная”, или “административная”, включала разнообразные обязанности владельца по управлению заводами и обслуживающим их населением. Кратко (поскольку уже много сказано) рассмотрим, как заводчики исполняли свои владельческие обязанности, и более подробно остановимся на их многоаспектной административной деятельности.

В предыдущее столетие, в эпоху становления уральской промышленности, заводчики лично и непосредственно участвовали в решении наиболее насущной проблемы организации сложного производства и добились на этом пути значительных результатов. Главной их заслугой стало создание окружной организации заводского хозяйства в виде самообеспечивающейся и самодостаточной системы основных и вспомогательных производств, расположенных на определенной “ресурсной” территории и обслуживавшихся трудом преимущественно крепостного горнозаводского населения. Это достижение явилось важнейшим условием подъема уральской металлургии в XVIII в.

Окружная организация создавалась при активной поддержке государства, предоставившего заводчикам право владения и пользования казенными природными, а для кого-то и социальными ресурсами. Однако следствием этого “участия” казны явилась некоторая неопределенность в правах на горнозаводские имения, которую государство и попыталось преодолеть на рубеже XVIII–XIX вв. путем разделения заводов на владельческие и посессионные, отличавшиеся, как мы выяснили ранее, составом прав распоряжения ими.

В этой связи важное место в “юридических” делах владельцев занял вопрос об установлении исторически обоснованного статуса заводов, согласующегося с принципами их основания и отношениями с казной. При этом заводчики стремились, если имелась хоть малейшая возможность, к приобретению более самостоятельного владельческого статуса. Как мы выяснили, на практике это могло быть достигнуто двумя способами: частным переводом отдельных посессионных заводов в группу владельческих (пример “билимбаевских” Строгановых, “сергинско-уфалейских” Губиных, “суксунских” Демидовых, “белорецких” Пашковых) или коллективной борьбой заводчиков за отмену посессионных ограничений (например, в отношении “штатных” нормативов или правил распоряжения заводскими крепостными). Вотчинники также порой объединяли свои усилия, когда власти покушались на их права (например, в 1820 г., когда Горное правление пыталось повсеместно ввести “правила содержания рабочих”, или в ходе кампании “по разбору прав заводчиков” в 1830–1850-е гг.). Когда это не удавалось, они поступали так, как было выгодно, несмотря на законы и контроль заводских исправников, особенно “своекоштных”, зачастую становившихся послушными орудиями заводчиков (пример действий Шелашниковых).

От предыдущего столетия нерешенным остался и вопрос о порядке наследования горнозаводских имений, вовсе не случайно еще в 1762 г. признанных “нераздробимыми”. Отмена принципа единонаследия обострила проблему перехода заводов по наследству и привела к появлению потенциально “опасной” по своим последствиям общей или “многовладельческой” заводской собственности, связанной с “генеалогической” эволюцией преимущественно “старинных” (и отчасти некоторых “новых”) родов уральских заводчиков, подошедших к новому столетию уже во 2–4-м поколениях. Проблемы, возникавшие с владением такими округами, приводили к “измельчанию” собственности

(пример мелких пайщиков Невьянских заводов, получавших мизерный доход), к усложнению управления и финансирования заводов или создавали благоприятную почву для споров по дележу собственности и доходов. Случалось, что разногласия совладельцев выливались в острые и длительные семейные конфликты, негативно влиявшие не только на отношения между родственниками, но и создававшие проблемы для самих заводов. Нам известно о 15 крупных и мелких конфликтах (Турчаниновы в 1788–1861 гг., Яковлевы в 1784–1804 гг., Иноземцевы в 1802–1811 гг., Осокины в 1812–1813 гг., Лазаревы в 1815–1860 гг., “шурминские” Мосоловы в 1815–1827 гг., Гусятниковы в 1816–1822 гг., Боборыкины и Голохвастовы в 1822 г., Подъячевы в 1822–1826 гг., Бекетовы в 1824 г., “белорецкие” Пашковы в конце 1820 – начале 1850-х гг., “кагинские” Демидовы в 1830 г., наследницы Л. И. Расторгуева в 1840–1850-е гг., наследницы И. М. Ярцова в 1846–1856 гг., “невьянские” Яковлевы в 1857–1860 гг.), половина из которых напрямую касалась вопросов заводской собственности.

Предусмотрительные заводчики старались различными способами не допустить или преодолеть ее дробление. На практике это достигалось путем денежного и/или натурального выдела совладельцев (как, например, у Лазаревых в 1840 и 1860 гг., Мосоловых в 1842 и 1848 гг., Осокиных в 1847 г., “белорецких” Пашковых в 1853 г., наследниц И. М. Ярцова в 1856 г., “кыновских” Строгановых в 1859 г.), учреждения майората (как у “билимбаевских” Строгановых в 1817 г.), добровольной передачи владения одному наследнику с правом получением фиксированного дивиденда (как у Белосельских-Белозерских в 1861 г. или “тагильских” Демидовых в 1861–1862 гг.), раздела округов без дробления заводов (как у Пашковых в 1803 г., Бекетовых в 1824 г., Белосельских-Белозерских в 1830 г., Губиных в 1838 г., наследниц И. М. Ярцова в 1851 г.) или с “раздроблением на части” (как у Всеволожских в 1849 г.). Как показывают практики владений, наиболее “безболезненными” для заводов оказывались либо “натуральный выдел” совладельцев, либо раздел округов. Но воспользоваться этими вариантами могли только те заводчики, во владении которых оказывалось несколько окружных хозяйств (как, например, у наследников И. С. Яковлева, И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, И. М. Ярцова, М. П. Губина) или равная по доходам с заводами не заводская собственность (вотчины, дома, лавки и прочее, как, например, у Пашковых, Осокиных, наследниц И. М. Ярцова и А. Г. Лаваль). Различные варианты денежного “выдела” (включая и близкий к нему майорат), как утверждали сами владельцы, “обременяли” заводы значительными долгами и могли негативно влиять на их развитие. “Фактуальный” раздел округа, как показал печальный опыт Всеволожских, привел к банкротству владельцев и потому оказался единственным в первой половине XIX в.

“Административная” функция заводовладельцев в первой половине XIX в. также претерпела серьезные изменения, связанные с изменением роли владельца в структуре управления. Горнозаводское законодательство предусматривало две формы участия владельца в управлении заводами: лично или опосредованно, через доверенных лиц. В соответствии с Проектом Горного положения 1806 г., в случае, если владелец находился при заводах, то имел право “всю сию власть и обязанность перенять на себя”. Если же он “сего сделать не пожелает или не будет сам находиться при заводах”, то обязан был “свою заводскую контору или управляющего ею снабдить надлежащею законною доверенностью”⁷⁷. При обоих вариантах с заводчика не снималась ответственность за все, “что к заводам относится”, но механизмы управления существенно отличались. В первом случае владелец, проживая на заводах, непосредственно и лично руководил ими с помощью административного

аппарата. Во втором – применялась более сложная форма так называемого “дистантного” управления, при которой географически отдаленный владелец осуществлял свой контроль за заводами через систему “посреднических инстанций”.

По нашим данным, в первой половине XIX в. на своих заводах или вблизи них постоянно проживало очень небольшое число владельцев. На рубеже XVIII–XIX вв. рапорты “о получении указов” лично подписывал всего один С. Т. Красильников, владелец Коринского завода. За остальных заводчиков подписи ставили приказчики или управляющие, что, как правило, свидетельствовало об отсутствии владельцев при заводах⁸. По косвенным данным можно судить, что на своем Пыжманском заводе какое-то время могли проживать Кобелевы после продажи их дома в Казани в 1807 г., Н. Маленков – на Берсудском заводе в 1810-е гг. и П. А. Глазов на Богословском заводе в 1800–1820-е гг. Неподалеку от последнего (на станции Кичуй) в 1850-е гг., руководя хозяйством, жил С. П. Шелашников. Известно также, что после смерти А. М. Подъячева в 1817 г. его вдова с сыном и снохой проживали на Шильвинском заводе, а вдова и дети А. С. Иноземцева – на Таишевском и Иштерьяковском заводах в 1800–1810-х гг.

Из владельцев крупных горнозаводских округов можно упомянуть В. А. Всеволожского, спасавшегося на своих уральских заводах от наполеоновского нашествия до 1817 г. или Ф. С. и М. П. Турчаниновых (а также, вероятно, П. А. Турчанинова) постоянно проживавших в Сысерти и Екатеринбурге. Филанцета Степановна непосредственно управляла заводами фактически до своей смерти в 1822 г. Марк Петрович имел горный чин шихтмейстера и, по всей видимости, также не бездействовал на заводах, когда стал их совладельцем в 1829 г. После выхода в отставку в середине 1830-х гг. в живописной Сысерти поселился П. Д. Соломирский, находившийся под попечительством за частные долги. Приобретя в 1808 г. Ревдинско-Рождественские заводы, туда переехала многочисленная семья А. В. Зеленцова (до этого проживавшая, видимо, в Верхотурье и Екатеринбурге), а в 1815 г. и сам владелец. После его смерти в Ревде в 1817 г. вдова и дети оставались там, видимо, до возвращения заводов А. П. Демидову. В Ревде последние годы своей жизни жила и умерла М. Д. Демидова. В начале века на своем Верх-Исетском заводе до отъезда в Петербург (жена уехала в 1807 г.) жил Ал. И. Яковлев. Почти все 1830-е гг. прожил на Холуницких заводах его брат А. И. Яковлев, хотя в то время он был отстранен от управления Комиссией кредиторов. На своих Шурминско-Залазнинских заводах на рубеже 1850–1860-х гг. находился Н. И. Мосолов. Ранее вблизи этих заводов в Уржуме проживала его бабка М. И. Мосолова до своей смерти в 1824 г. В Казани в 1823–1827 гг. жила О. И. Мосолова, а до конца 1830-х гг. вместе с отцом и опекуном В. А. Загорским и ее племянницы – совладелицы. Там же, в Казани, обосновались владельцы Троицких, Омутнинских и Мешинского заводов Осокины и владельцы Бемышевского завода Лебедевы. В своем симбирском имении Никольское (до его уступки за карточный долг Н. В. Обрезкову) подолгу проживал Н. А. Дурасов. В 1809–1821 гг. М. П. Гусятников жил в Оренбурге и принимал личное участие в управлении расположенным поблизости Преображенским заводом.

Остальные заводчики находились еще дальше от своих уральских владений. По данным составленного в 1813 г. “Реестра заводосодержателей”, в Петербурге по месту жительства владельцев находились главные конторы А. А. Голицыной (“в Галерной за Сенатом в собственном доме”), П. А. Строганова (“в собственном доме у Полицейского моста”), Н. Н. Демидова (“на Васильевском острове у Тючкова моста в собственном

доме”), Г. А. Демидова (“у Синего моста в собственном доме”), С. С. Яковлева (“на Невском проспекте в собственном доме”), наследников П. С. Яковлева (в том же доме на Невском проспекте), А. В. Зеленцова (“у Харламова моста в доме статского советника Посникова”), Е. Л. Лазарева (“на Невском проспекте в собственном доме”), А. Г. Белосельской-Белозерской (“у Аничкова моста в собственном доме”), В. А. Пашкова (“в Большой Морской в собственном доме”) и А. Г. Лаваль (“на Английской набережной в собственном доме”). В “первопрестольной” столице располагались центральные правления В. А. Всеволожского, М. П. Губина, М. Ф. Ярцова, П. М. Гусятникова, А. П. Полторацкой, И. А. Пашкова и А. А. Кнауфа. Конторы Ал. И. Яковлева, Л. И. Расторгуева и наследников А. Ф. Турчанинова находились в Екатеринбурге; Е. А. Лебедева – в Казани. Остальные 16 владельцев (в “реестр” не включены Г. А. Строганов и В. А. Шаховская, вероятно, потому, что находились в то время за границей) имели управления на своих заводах, но, как уже упоминалось, лишь единицы из них там же и жили⁹.

Когда через 45 лет, в 1858 г. от заводовладельцев потребовали ответить, согласны ли они на учреждение особых комитетов для улучшения быта заводских людей, из Петербурга прислали свои отзывы С. Г. Строганов, Х. Е. Лазарев, М. В. Пашков, А. И. Ушакова, Е. Л. Зотова, А. П. Пономарева и Д. Е. Бенардаки, недавно вернувшийся из продолжительной поездки “в разные места России”; из Москвы – С. М. Голицын, М. И. Кузьмина и О. И. Берг; из Казани – А. Е. Лебедев и А. А. Коровин; из Ярославля – А. М. Пастухов. За границей в то время находились В. П. Бутеро-Родали, Е. А. Сухозанет, М. А. Голицын (Мадрид), А. Н. Демидов (Вена), И. А. Яковлев (Париж), Е. М. Волконская (Париж), Н. М. Ивелич (Париж), А. К. Карамзина и П. П. Демидов (Париж). Но из них только В. П. Бутеро, А. Н. Демидов и М. А. Голицына можно назвать “настоящими европейцами”, постоянно жившими за границей. Другие заводчики отправлялись туда либо по службе, либо лечиться или путешествовать. Некоторые владельцы прислали свои письма из имений: П. А. Демидов из Сивориц, А. А. Турчанинов из Горбатова Нижегородской губернии. Получив эти отзывы от владельцев, А. М. Княжевич распорядился об учреждении двух комитетов заводчиков (одного по Оренбургской, другого – по Пермской, Вятской, Вологодской, Казанской и Самарской губерниям), но оба должны были заседать в Петербурге. Причиной такого решения стало, по словам министра, “нахождение там значительных заводовладельцев”¹⁰.

То, что преобладающее большинство владельцев в первой половине XIX в. уже не жили на своих заводах, вовсе не являлось случайностью. “Пространственное” отделение владельцев от владений произошло еще во второй половине прошлого столетия и, на наш взгляд, было вполне закономерным следствием действия двух основных факторов. Первый, “объективный”, заключался в постепенном завершении процесса формирования окружной организации заводского хозяйства и, в частности, аппарата его управления. Если на этапе формирования округов роль заводчика в их организации и управлении являлась первостепенной, то по мере завершения этого процесса и совершенствования административного аппарата возникала возможность отхода владельца от непосредственного в нем участия. Можно сказать, что отсутствие владельцев на заводах являлось даже своего рода индикатором степени “продвинутой” процесса формирования горнозаводских округов. Стабилизация окружной системы способствовала также быстрому обогащению заводовладельцев, капиталы которых становились материальной основой переезда и обоснования в столичных центрах. “Новые” владельцы получали вместе с

приобретенными заводами и уже сложившуюся модель их управления. Они могли “подновлять” ее (например, назначить новых приказчиков или управляющих или перенести центральное правление по месту своего жительства), но не меняли прежней модели, а значит, и своей собственной в ней роли.

Действие первого накладывалось на влияние второго, “субъективного”, фактора, связанного с “одворяниванием” заводчиков и происходившими вследствие этого изменениями в их образе жизни и менталитете. Постепенное “насыщение” заводчиков недворянского происхождения дворянской культурой во многих случаях закономерно вело к “перемене приоритетов” в их сознании от нехарактерного для “первого сословия” предпринимательства к гражданской или военной службе, что было несовместимо с постоянным пребыванием на заводах. Лишь выход в отставку мог подтолкнуть владельца к более детальному участию в управлении, а иногда и переезду в имение (пример П. Д. Соломирского). У большинства потомственных дворян владение заводами изначально совмещалось с государственной службой и не меняло привычного образа жизни, за рамками которого оказывалось проживание на заводах¹¹.

Не случайно именно Петербург становится наиболее привлекательным местом жительства уральских заводчиков. В XVIII в. этому способствовала необходимость оперативно решать постоянно возникающие проблемы хозяйствования, что легче было делать в контакте не с еще слабой местной, а с высшей горной властью. Тогда город являлся не только средоточием этой власти, но и крупнейшим центром сбыта металлов в Европу. В первой половине XIX в. большее значение приобрела роль Петербурга как политической, финансовой и культурной столицы империи, где жить было удобно и престижно¹². Резиденциями крупных уральских заводчиков становились великолепные дворцы на центральных аристократических улицах города – Невском проспекте, Большой Морской, Галерной, Миллионной, Дворцовой и Английской набережной. Там же или по соседству располагались и их домовые конторы и центральные правления заводов и вотчин.

Через этих “посредников” в первой половине XIX в. заводчики и осуществляли централизованное дистантное управление своими заводами, ставшее основной формой участия владельцев в управлении. Оно могло быть более или менее сложным (в зависимости от расстояния, на котором находился владелец, структуры и величины хозяйства, наличия связанных с заводами вотчин), но в общих чертах оказывалось у всех заводчиков схожим. Обобщенную характеристику дистантной системы управления позволяют дать имеющиеся в нашем распоряжении материалы по истории Нижнетагильского округа в дополнении с данными по Верх-Исетским, Билимбаевским, Нытвенским, Лысьвенским, Чермозским, Пожевским и некоторым другим заводам.

Они свидетельствуют, что обязательными элементами структуры такого управления являлись центральное и заводское правления, а также конторы по продажам в разных торговых центрах России (а также Западной Европы и Востока, если продукция заводов шла на экспорт). Центральное правление располагалось обыкновенно рядом с резиденцией владельца и находилось под его личным контролем. Поэтому оно являлось более надежным органом управления, обладавшим такой важной функцией, как распределение финансов, концентрировавшихся здесь из разных районов сбыта металлов. Через центральное правление владелец (вместе с наемным управляющим или консультантами) осуществлял общее наблюдение за всеми частями сложного хозяйства; оно же являлось

главным органом исполнения принятых им решений. В случае долгой отлучки владельца (например, отъезд за границу), он “отрывался” от центрального правления, но, чтобы поддержать его авторитет, находил себе “адекватную” замену в лице доверенного и, как правило, высокопоставленного лица (так, в 1801–1803 гг. вместо путешествовавшего Н. Н. Демидова его владениями в России управлял светлейший князь П. В. Лопухин, а в 1820-е гг. – Н. Д. Дурново). Переезд на постоянное жительство в Западную Европу мог привести к усложнению системы дистантного управления за счет “удлинения” почтовой связи и организации при заводчике своего рода “домовой конторы” во главе с секретарем, ведущим переписку владельца. Но случалось, что постоянно пребывающий за границей владелец пытался организовать там подобие центрального правления (пример Высшего совета по Нижнетагильским заводам, созданного А. Н. Демидовым в 1839 г. в Париже).

Особого внимания требовала организация эффективного аппарата многоуровневого заводского управления на далеком Урале. Действуя в условиях большей самостоятельности, оно являлось наиболее “слабым”, но не менее важным звеном в структуре дистантного управления. От него непосредственно зависела деятельность заводов, производивших основную товарную продукцию. Относительную надежность и устойчивость этому правлению придавал созданный самим заводчиком преданный штат обученных крепостных служащих, постепенно принявший вид узкой привилегированной касты, в которой служительские должности могли передаваться по наследству. Привлечение крепостных к управлению зачастую оказывалось более эффективным вариантом по сравнению с наймом управляющих “со стороны” не только потому, что первые находились в личной зависимости от владельца. По своему жизненному опыту они лучше представляли особенности функционирования сложного горнозаводского хозяйства, чем образованные (как правило, в технической области) наемные специалисты.

Проблема заключалась в подборе подготовленных кадров крепостных служащих и организации жесткого контроля за ними с целью добиться беспрекословного подчинения. Для этого заводчиком использовались самые разнообразные средства: составлялись детальные инструкции, велась личная переписка с доверенными приказчиками, осуществлялась ротация кадров высших служащих, которым предоставлялись существенные льготы, назначался постоянно находившийся на заводах “первоприсутствующий” или директор (как правило, принадлежавший к “свободным сословиям”), периодически проводились “ревизии” дел приезжавшими “комиссарами” или “главноуполномоченными” владельца (зачастую в этой роли выступали его родственники, как, например Э. К. Шернваль и А. Н. Карамзин на Нижнетагильских или В. С. Голицын на Билимбаевских заводах). Наконец, “высшей” формой контроля являлся проезд на заводы самого владельца. Посещения владельцев играли очень важную роль в системе дистантного управления, хотя нечасто практиковались ими. К тому же со временем приезды владельцев все больше стали превращаться из деловых инспекций с серьезными последствиями (как, например, проезд Н. Н. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1806 г. или Х. Е. Лазарева на Чермозские заводы в 1848 г.) в ознакомительные путешествия, носившие увеселительный характер (такowymi показаны, например, Д. Н. Маминым-Сибиряком в романе “Горное гнездо” проезд П. П. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1862 г. или в повести “Доброе старое время” проезд П. А. Демидова на Ревдинские заводы).

Оперативность исполнения решений, затрудненная расстоянием, отделявшим владельца и его центральное правление от заводов, достигалась посредством налаженной деловой переписки, за которой бдительно следил сам заводчик. Как правило, от заводоуправления требовалось присылать еженедельные, месячные, “третные” и годовые рапорты о производительности заводов, а также “двуседмичные” финансовые ведомости. Центральное правление подготавливало для владельца общий годовой отчет, затрагивавший все стороны деятельности заводов, “продаж” и вотчин.

В этой сложной системе управления роль заводовладельца сводилась в первую очередь к функции высшего контроля за все разраставшимся в связи с усложнением самого заводского хозяйства административным аппаратом. За владельцем оставалась также функция определения перспектив развития заводов в динамично меняющейся рыночной конъюнктуре и обязанность стабильно финансировать их (в первую очередь оборотным капиталом). После того как в основном завершилось формирование постоянных рабочих кадров для всех отраслей хозяйства, возникла необходимость проведения такой “социальной политики”, которая способствовала бы повышению эффективности крепостного труда и своего рода “гармонизации” отношений заводчика и представлявшей его на заводах администрации с горнозаводским населением. Осуществление ее также напрямую зависело от воли и возможностей заводовладельца.

По всем признакам, дистантная модель являлась продвинутой разновидностью так называемого “предпринимательского” типа управления, сложившегося на Урале еще в XVIII в., но приспособленного к новым задачам и изменившемуся образу жизни владельцев в первой половине XIX столетия. Подтверждается это тем, что все элементы дистантной системы управления были теснейшим образом связаны между собой и, как правило, “зеркально” отражали друг друга: сильному “центру” соответствовало дееспособное заводское правление, и наоборот. Поскольку высшим ее звеном являлся заводчик, то именно от его личных качеств в первую очередь зависела эффективность всей системы управления. Показательным положительным примером этого можно по праву признать управление Н. Н. Демидовым Нижнетагильскими заводами в 1797–1828 гг. Живший в основном во Франции и Италии владелец был в курсе всех заводских дел и активно в них участвовал через хорошо настроенную систему дистантного управления. Одним из самых эффективных признавалось горными властями и его заводское правление. Противоположным примером может служить владение Симскими и Богоявленским заводами И. П. и П. П. Бекетовыми в 1820-е гг. Оба владельца были настолько далеки от доставшихся им по наследству заводов, что воспринимали их как обычные помещичьи имения: один настаивал на выделе огромного числа крепостных сестрам; другой, вступив во владение заводом, хотел занять рудничных рабочих на пашне в летнее время и вообще считал лишним платить им за работы. Учрежденное над П. П. Бекетовым первое опекуновство довело завод почти до полного “расстройства”, во время которого приказчиком оказался горький пьяница. Спасло родовые заводы от полного краха только вмешательство родственников Балашевых, купивших Симские заводы и возглавивших вторую опеку над П. П. Бекетовым, и Пашковых, купивших Богоявленский завод.

Более сложной и зачастую проблематичной оказывалась организация управления при нескольких владельцах. Указом 1762 г. предусматривалось в этом случае выбирать им “из среды себя” одного, который бы и осуществлял общее руководство имением. Роль остальных ограничивалась просмотром отчетной документации, составляемой для них

по итогам заводского года, и получением доходов. Так было организовано управление Турчаниновых в 1790–1810-е гг., “каноникольских” Мосоловых в 1810–1830-е гг., “шурминских” Мосоловых в конце 1820-х – 1830-е гг., Шелашниковых в конце 1840-х – начале 1850-х гг., “белорецких” Пашковых в конце 1820-х гг., Голицыных в 1810–1850-е гг., Лазаревых в 1820–1850-е гг., “кыновских” Строгановых в конце 1850-х гг. При согласованности владельцев в таком случае реализовывался несколько более усложненный вариант дистантного управления.

Особой его разновидностью стали управления, созданные владельцами самых “многовладельческих” Невьянских и Алапаевских заводов, принадлежавших разветвленному роду Яковлевых. Еще в 1800–1810-е гг. они сумели мирно договориться между собой о создании двух семейно-паевых товариществ, руководящими органами которых становились Общие правления в Петербурге. В них входили выбранные “при собрании всех владельцев” представители, которые и вырабатывали коллективные решения для окружных правлений. Но в последующие 40 лет число владельцев неуклонно возрастало, происходило и перераспределение собственности между ними. К тому же в 1840-е гг. возникли проблемы с владельцами третьей части Невьянских заводов, наследниками М. С. Яковлева, которые перестали стабильно финансировать предприятия. Прежний порядок управления стал давать сбой. В этих условиях владельцы обратились к помощи высшей власти.

К ней прибегали также владельцы тех округов, над частями которых учреждались опеки (над малолетними, больными или обанкротившимися совладельцами), затруднявшие, по их мнению, управление заводами. Так, в 1842–1843 гг., рассматривая прошение А. Н. Демидова, Комитет министров “между прочим обратил внимание на неудобства... в управлении частными горными заводами несколькими лицами с участием опеки” и предписал министру финансов “составить о том общее положение”. Министр не очень торопился и представил в Государственный Совет свой проект только 31 октября 1853 г. При его рассмотрении в Департаменте законов “возникли новые мысли и предположения” по поводу того, “как возможно удерживаться от раздробления управления горнозаводскими именными”, ведущему к “расстройству оных”. Было предложено “право голоса предоставлять одним главным частям, а меньшим в том случае, когда они в сложности равняются или достигают величины главной части”. Так, считали в Департаменте законов, “представляется менее дробности в управлении, а вместе с тем удерживается мысль, что степень участия в распоряжении по общему имуществу зависит от преимущества прав на него”¹³.

Однако этот проект не нашел поддержки в Общем собрании Государственного Совета, куда был внесен для обсуждения министром финансов П. Ф. Броком в июле 1855 г. Он предусматривает лишь способы сокращения числа “участников в управлении”, решили там, но не устраняет “неудобства от управления несколькими лицами”. В результате Совет “пришел к убеждению, что постановление общих правил будет весьма затруднительно, а может быть даже невозможно по разнообразию местных обстоятельств и условий каждого завода, по различным причинам несогласия между совладельцами и поводов к ссорам и, наконец, по самому числу участников владения”. 11 июля 1855 г. императором было утверждено “мнение” Совета, “не постановляя в настоящее время никаких общих правил об управлении горными заводами, состоящими в общем владении, предоставить министру финансов в случае изъявленного значительным числом совладельцев желания учредить управление заводами на особых, по указанию правительства, основаниях, или

же в случае жалобы хотя одного из совладельцев на вредное для заводов управление, когда сия жалоба будет подкреплена уважительными доказательствами с удостоверения горного начальства в справедливости оных, входить каждый раз, по предварительному соглашению с министром юстиции, с представлением в Комитет министров об учреждении особого порядка управления заводом, какой соответственно местным обстоятельствам и условиям каждого завода окажется удобнейшим и наиболее полезным”¹⁴.

Владельцы Алапаевских заводов сумели воспользоваться этим разрешением и сами подготовили проект Общего правления, после согласований в 1858 г. утвержденного властями. В нем в усовершенствованном виде нашла отражение предложенная в 1853 г. идея “уравнения” роли владельца в управлении (точнее в получении права голоса в Общем собрании владельцев) с долей участия его в общем владении. Хотя “новый порядок” не устранял все потенциальные недостатки “многочленного” управления, но придавал ему правовую форму, закрепленную в утвержденном высшей властью “положении”. По такому же пути пытались пойти владельцы Сергинско-Уфалейского округа Губины, но не успели согласовать и утвердить предложенный проект Общего правления до учреждения опеки над заводами в 1858 г. В дальнейшем это послужило одной из причин разорения наследников К. М. Губина.

Когда же согласия между совладельцами не было, управление заводами могло быть временно дезорганизовано вследствие того, что центральное правление распадалось и каждая из конфликтующих сторон пыталась захватить власть на заводах. Так, в частности, произошло на Шурминско-Залазнинских заводах наследников И. А. Мосолова в 1823–1826 гг., Сысертских – наследников А. Ф. Турчанинова в 1814–1826 гг. и Шайтанских – наследниц И. М. Ярцова в 1846 г. При этом безответственные владельцы прибегали порой к сознательному ухудшению ситуации (не присылали доверенных лиц или назначали в заводоуправление совершенно непригодных для этого людей, лично приезжали на заводы для захвата власти) с целью дискредитации враждебной стороны, что, как правило, оборачивалось против них же самих (например, действия А. И. Карцевой и ее мужа в 1823 и 1826 гг. или Н. А. Колтовской в 1824–1827 гг.).

“Нет зла, – констатировали чиновники Горного правления, – которого можно было бы избежать от безначалия, в особенности в отдаленных частных заводах”, и предлагали “учредить постоянный закон” для установления на таких заводах казенного управления¹⁵. Хотя Е. Ф. Канкрин тогда не согласился с этим предложением, практика показывала, что развязка конфликта, как правило, наступала лишь после вмешательства властей, не сразу, впрочем, находивших верное средство восстановить управляемость заводов. Так, на Сысертских заводах учрежденная в 1823 г. опека на следующий год была заменена Попечительством и вновь восстановлена в 1825 г., а на Шайтанских заводах в 1848–1849 гг. одновременно действовали казенный присмотр Горного правления и две дворянские опеки (московская и екатеринбургская), что только запутывало управление. Лишь чрезвычайным органам (в частности, министерской комиссии на Сысертских заводах и следственной комиссии на Шурминских заводах) удавалось сформировать новое заводоуправление и какое-то время контролировать его. Точку в конфликте ставили высшие государственные органы (Государственный Совет или Сенат), по постановлениям которых на заводах создавалось так называемое “многочленное” (или “конфликтное”) управление. В этом случае владельцы передавали свои полномочия не одному, а нескольким управляющим, представляющим на заводах интересы каждого владельца. Так, в

1820–1830-е гг. “трехчленное” управление, состоявшее из двух уполномоченных от двух враждующих групп владельцев и одного – от дворянской опеки, действовало в Сысертском округе. В 1837 г. двое уполномоченных (от А. И. Пашкова и казны, представлявших Демидовых) составляли управление Кагинских заводов. Такая же ситуация сложилась в 1840–1860-х гг. на Кыштымских заводах, где каждая из двух враждующих владельцев имела своего управляющего, на Преображенском заводе в 1816–1822 гг. и Шурминских заводах в 1820-е гг. Общего центрального органа управления в таком варианте не предусматривалось, и отчеты с заводов получал каждый из владельцев.

Беспрецедентный случай произошел с “кагинскими” Демидовыми, часть которых, вопреки закону, продала свои “доли участия” в заводах, а часть не только “не явилась для управления, но и не прислала доверенных от себя лиц”. Такое равнодушие владельцев к своей собственности вынудило власти использовать все имевшиеся в его арсенале средства от учреждения опеки (1823–1830 гг.), до казенного присмотра (1836–1853 гг.) и управления (1834–1836 гг.). Но поскольку ничто не заставило Демидовых “одуматься”, Кагинские заводы пришлось продать с публичных торгов.

Как уже упоминалось, кроме организационно-управленческой в первой половине XIX в. заводовладельцы сохраняли за собой важнейшую и непростую административно-финансовую функцию. Финансовая сторона организации заводского хозяйства осложнялась характерной для операции сбыта металлов длительностью оборота капитала, отдаленностью и многочисленностью “продаж”, нестабильностью цен и рынков, необходимостью делать своевременные заготовки разнообразных “припасов” и выдавать заработную плату рабочим и служащим, а также отношением самих владельцев к обязанности стабильно финансировать заводы и целесообразно распределять доходы.

В таких условиях временный или хронический недостаток оборотного и отсутствие запасного капиталов испытывали преобладающее большинство горнозаводских хозяйств Урала. Зачастую это приводило к задержкам в оплате труда рабочим, запрещенной расплате с ними заводской продукцией, “ярлыками” или “бонами” (как, например, в Пожевском округе Всеволожских в 1840-е гг.), к несвоевременной или ограниченной заготовке “заводских припасов”, включая хлебный провиант для населения, временной или полной остановке заводов, срыву договоров о продаже металлов, невыгодной “кредитной” продаже их еще до изготовления и накоплению податных недоимок. Такой компетентный человек, как В. А. Глинка, в 1846 г. констатировал, что “нужду” в оборотных капиталах имели “все заводчики, исключая очень немногих”¹⁶. Среди этих немногих, кто справлялся тогда с финансированием заводов за счет “внутренних” резервов, можно назвать “тагильских” Демидовых, “верх-исетских” Яковлевых, “симских” Балашевых и “катавских” Белосельских-Белозерских. Остальные были вынуждены прибегать к разнообразным способам решения финансовой проблемы в первую очередь за счет “внешних” заимствований.

Наиболее распространенным из них был залог заводов в “кредитных установлениях” и у частных лиц. Лидирующее положение среди кредитных учреждений у уральских заводчиков занимал Государственный Заемный банк. С начала XIX в. и до 1861 г. он выдал им около 9,8 млн руб. сер., что составляло 54,8 % всех учтенных нами ссуд и около трети всех операций банка за время его существования (с 1787 г. они составляли 32,2 млн руб.). Причиной тому оказались более выгодные условия, предоставлявшиеся банком горнозаводчикам по сравнению с Петербургской и Московской сохранными казнами, хотя их

операции в масштабах всей империи по объему более чем в 10 раз превышали операции Заемного банка. Казны давали ссуды на 8, а с 1819 г. – на 12 лет по 200 руб. асс. за душу, в то время как банк – с 1824 г. на 8, 12 и 24 года, а с 1830 г. на 26 и 37 лет по 250 руб. асс. за душу посессионных и по 300 руб. – владельческих заводов под 6, а с 1830 г. – 5 % годовых и 2 % погашения. Кроме того, по указу от 3 июня 1824 г. сохранным казнам запрещалось выдавать ссуды под залог приписанных к заводам населенных имений. В соответствии с Правилами 20 июля 1857 г., с целью “даровать заемщикам в платежах облегчение” Заемный банк и сохранные казны стали выдавать ссуды на 28 лет с платежом 4 % “интереса” и 2 % “погашения” и на 33 года с платежом 4 и 1,5 % соответственно. Но в 1859 г. деятельность всей дореформенной кредитной системы была приостановлена в связи с готовившейся ее реформой¹⁷.

Поскольку основным кредитором уральских заводчиков оказался Государственный Заемный банк, его история в сочетании с кредитной деятельностью сохранных казен, Коммерческого банка и Горного правления и определили динамику их ссудных операций (табл. 14). В 1800-е гг. в связи с войнами операции банка были мизерными (0,5 % всех ссуд, выданных заводчикам в первой половине XIX в.), а с 1812 по 1823 г. вообще прекращены. Поэтому в 1810-е гг. заводчики обратились к ссудам сохранных казен и частным залогам. Когда банк возобновил операции, с 1824 по 1830 гг. заводчики заключили самое большое число залогов (14 из 38 за 60 лет) на сумму, равную 45 % всех ссуд, взятых ими в банке. В 1840–1861 гг. заметно падение роли ссуд Заемного банка (с 19 до 11 %), что скорее всего объясняется возросшим значением операций Екатеринбургской конторы Коммерческого банка, которыми чаще, чем прежде, стали пользоваться заводчики, а также заметно активизировавшейся в эти годы кредитной деятельностью горной администрации (60 % всех ее ссуд).

Судя по статистике залоговых операций (табл. 13), Опекунские советы сохранных казен выдавали ссуды исключительно заводчикам-вотчинникам, Коммерческий банк – в основном заводчикам-посессионерам. Вспомогательный (действовавший в 1798 г.) и Заемный банки, а также горные учреждения не делали различия между статусными группами заводов и заводчиков. Эти же данные свидетельствуют, что наиболее активно пользовались всеми видами ипотечных кредитов владельцы Лысьвенского округа В. А. Шаховская и В. П. Бутеро, получившие из Московской сохранной казны, Заемного банка, Горного департамента и от родственников Голицыных 1 608 474 руб. сер. Крупнейшими заемщиками банка оказались владельцы Билимбаевского округа С. В. и Н. П. Строгановы, по четырем ссудам получившие 2 752 913 руб. под залог многотысячного населения своих уральских вотчин. Чаще других заводчиков пользовались помощью государства “суксунские” Демидовы, по пяти ссудам из Заемного банка получившие 1 552 200 руб., а по ссуде из Государственного казначейства и трем ссудам из Горного правления – еще 462 143 руб. Пять раз пользовались услугами банка Осокины, хотя общая сумма залогов достигала всего 238 325 руб., что было связано с небольшими масштабами их уральских владений. Крупнейшими пользователями ссуд сохранных казен были Лазаревы, по четырем залогам получившие 1 090 230 руб. Но самыми крупными должниками казны оказались Всеволожские, по нескольким ссудам из банка получившие более миллиона рублей и из Петербургского Опекунского совета – самую крупную ссуду, выданную кому-либо из уральских заводчиков в первой половине XIX в., в 3,5 млн руб. сер. Залогом такого

беспрецедентного займа являлась огромная собственность этих самых крупных землевладельцев среди уральских заводчиков (кроме земельных владений им принадлежала еще и значительная часть акватории Каспия с рыбными промыслами).

Залог заводов не всегда являлся свидетельством финансовой несостоятельности владельца, хотя большинство из них предоставлялось именно “на уплату объявленных заводских долгов” или “во избежание упадка заводов”. В то же время Строгановы (в 1825, 1829, 1853 и 1854 гг.) и Лазаревы (в 1843, 1853 и 1855 гг.) брали крупные займы в основном для выплат по “выделам” части наследников. В. П. Бутеро, заложившая свои Лысьвенские заводы в 1838 г., за этот счет отчасти решала проблему личных долгов. Случалось, что выданные на поправление положения заводов ссуды расходовались вовсе не по прямому назначению (пример К. М. Губина, А. В. и Н. В. Всеволожских).

Большинство владельцев старались выплачивать залоговые займы, поскольку в противном случае им грозило наказание в форме казенного присмотра или даже продажи заводов с публичных торгов. Нередко это и происходило. Так, за неуплату долга Государственному казначейству казенный присмотр был учрежден в 1813–1815 гг. на Ревдинско-Рождественских заводах А. В. Зеленцова, за недоимки Заемному банку – в 1836 и 1837–1838 гг. на Белорецких заводах Пашковых, за недоимку Опекунскому совету – в 1850, 1852–1861 гг. на Никитинских и в 1855–1864 гг. на Пожевских заводах Всеволожских. В сочетании с горными недоимками и частными долгами (что свидетельствовало о полной финансовой несостоятельности владельца) неуплата банковских займов могла привести к учреждению временного казенного управления с назначением заводов к публичной продаже. Так случилось в 1815 г. с Ревдинско-Рождественскими заводами А. В. Зеленцова, в 1828 г. с Юговскими заводами А. А. Кнауфа и в 1829 г. с Холуницкими заводами А. И. Яковлева. В первом случае заводы были проданы, во втором – акционированы, в третьем – сначала отданы в кредиторское управление, а позже проданы с публичных торгов.

Обострившиеся в связи с понижением цен на металлы в 1840-х гг. финансовые проблемы привели, как уже упоминалось, к созданию уральского отделения Государственного Коммерческого банка. Предложение о создании казенного заводского банка с целью ускорения денежных расчетов путем залога металлов было высказано заводчиками еще в 1763 г., но реализовалось оно лишь спустя 84 года. 3 ноября 1847 г. открыла свои торги Екатеринбургская контора Коммерческого банка, основанная с целью “поддержания заводчиков пособием от правительства”. Ее деятельность, по мнению В. А. Глинки, должна была “облаготворить тот [уральский] край... восстановить и оживить металлическое производство во всем государстве”. Сами же заводы, считал главный начальник, “быстрее пойдут к своему совершенству и к умножению производства”. Прежде заводчики могли пользоваться услугами Коммерческого банка лишь после доставки металлов в Нижний Новгород или Петербург, где находились его отделения. С появлением Екатеринбургской конторы стало возможным закладывать металлы непосредственно на заводах по мере их изготовления и получать в свое распоряжение капиталы еще до продажи железа.

В соответствии с уставом первого на Урале банка, контора производила прием вкладов для трансферта, обмен государственных кредитных билетов “крупных на мелкие и ветхих на новые” и, главное, давала ссуды под залог сортового железа, меди и золота сроком от трех до 12 месяцев с вычетом 0,5 % суммы залога за каждый месяц. Заодно из ссуд вычитались горные и Заемного банка недоимки, что было на руку государству. Для

совершения залога в контору предоставлялось свидетельство заводского исправника, утвержденное Горным правлением, о количестве заложенного металла. По установленным ценам начислялась и выдавалась ссуда, из которой вычитались проценты и недоимки. Если металл оставался на заводах, то поступал под присмотр того же исправника, если отправлялся “на места продажи”, то брался “под присмотр местного полицейского начальства”. В случае просрочки металл продавался с публичных торгов, а над заводом устанавливался казенный присмотр “до внесения выданной ссуды”¹⁸.

Воспользоваться этой новой возможностью финансирования заводов поспешили многие заводчики. Особенно широко практиковали залогов металлов “ревдинские” Демидовы, “сергинско-уфалейские” и “авзяно-петровские” Губины, “кирсинско-кажимский” А. И. Маликов, владельцы Сысертских заводов, Товарищество Суксунских заводов и некоторые другие. Далеко не всегда им удавалось вовремя вернуть ссуду, что приводило, как правило, к секвестру заложенных металлов и... отсрочке долгов. В 1855 г. министр финансов даже разрешил банковской конторе “производить ссуды под металлы до уплаты денег по прежним займам, когда нет в виду особых препятствий”¹⁹. Случались и залоговые махинации, связанные с тем, что учесть точное количество металла заводским исправникам было затруднительно, а перевешивание его не предусматривалось. Можно было также сначала заложить “черную болванку, затем первый передел из нее и, наконец, окончательно выделанное сортовое железо”²⁰. Разоблачение подобной “замысловатой операции”, проведенной управляющими Сергинско-Уфалейских заводов в 1863/64 г., послужило основанием для громкого судебного дела, установления казенного управления и назначения этих заводов к публичной продаже.

Значительные капиталы заимствовали заводчики в счет частных кредитов, учесть которые можно лишь в том случае, если они оказывались просроченными и кредитор через государственные органы требовал возвращения долга. В той или иной степени этим источником финансирования пользовались все заводчики. Из них крупнейшим должником оказался А. А. Кнауф (более 4 млн руб. сер.), за счет частных (в первую очередь иностранных) кредитов составивший свою уральскую горнозаводскую “империю”, которая стала одной из жертв наполеоновских войн и амбиций владельца. Крупным “неоплатным” должником был владелец Холуницких заводов А. И. Яковлев (около 850 тыс. руб.). Несоизмеримо меньшие суммы задолжали своим кредиторам П. М. Гусятников (52 тыс. руб.), А. С. Иноземцев (около 10 тыс.), А. М. Подъячев и его наследники (до 14 тыс.), но, так же как Кнауф и Яковлев, они не сумели их вовремя вернуть и подверглись наказанию с участием горных властей.

Наличие одних “партикулярных” долгов по закону не считалось свидетельством упадка заводов. Поэтому взыскивать их предписывалось не путем продажи заводов, а из доходов от продажи металлов. Особой, не предусмотренной законодательством, формой контроля становилось в таком случае кредиторское (или конкурсное) управление заводами должника. Поскольку такая мера, инициированная кредиторами, предусматривала устранение владельца от управления и должна была гарантировать уплату горных и других податей, ее учреждение согласовывалось с горными властями.

Подъячевы, благодаря различным махинациям, граничащим с преступлением, сумели в 1810–1820-е гг. уклониться от наказания. Следствием же банкротства Иноземцева, Гусятникова, Кнауфа и Яковлева стало учреждение кредиторских управлений на их заводах, ни одно из которых, впрочем, не справилось со своими задачами. Преображенский

завод П. М. Гусятникова вскоре после развала кредиторского управления (1796–1814? гг.) был продан наследниками вместе с так до конца и не выплаченными долгами. Конкурсное управление Таишевскими заводами (1809–1814 гг.) из-за недостатка капиталов само “отозвалось” от своих обязанностей. Переданные под казенный присмотр, эти заводы были проданы с публичных торгов. Московская Комиссия кредиторов А. И. Яковлева (1831–1838 гг.) и кредиторы А. А. Кнауфа Ралль и Доути (1818–1828 гг.) не только не сумели наладить стабильное финансирование перешедших под их контроль заводов, но и сами задолжали огромные суммы казне, которая вынуждена была вмешаться в дела по управлению. Холуницкие заводы были выставлены на продажу и проданы за сумму, компенсировавшую в основном лишь казенные долги. В результате многие кредиторы Яковлева так и остались неудовлетворенными. Кнауфские заводы, продажа которых не могла покрыть не только многомиллионные частные, но и казенные долги, были взяты во временное казенное управление. Четверть века (1828–1853 гг.) потребовалось государству, чтобы вернуть только свои капиталы. Возвращение частных долгов было предложено самим кредиторам, в акционерную собственность которых передавались Кнауфские заводы.

Нам известны четыре попытки учреждения акционерных компаний по управлению уральскими горнозаводскими округами в первой половине XIX в. Первая была принята 19 московскими кредиторами А. И. Яковлева, предложивших Е. Ф. Канкрину в 1831 г. передать им Холуницкие заводы “с разделением долга на акции”. Вместо этого, как уже упоминалось, заводы были отданы им в кредиторское управление. Вторая попытка, предпринятая попечителями Петра и Павла Демидовых для предотвращения продажи Суксунских заводов с публичных торгов, завершилась учреждением первой на Урале акционерной компании (Товарищества Суксунских заводов) в 1848 г. В 1853 г. была учреждена Компания Кнауфских заводов, хотя разрешение о ее составлении было дано кредиторам еще в 1824 г. Наконец, в 1860 г. Н. В. Всеволожский пытался акционировать принадлежавший ему Никитинский округ с участием немецкого банка. Но тогда его постигла неудача.

Передача управления заводов акционерным компаниям, состоявшим в основном из кредиторов бывших владельцев, была следствием безвыходной финансовой ситуации, сложившейся в этих горнозаводских округах. Но при отсутствии не предусмотренного такой формой акционирования достаточного притока капиталов “со стороны” обе компании не смогли обеспечить полноценного финансирования хозяйств. Одними из первых они не выдержали испытаний рубежа 1850–1860-х гг., привели заводы “в совершенный упадок” и в 1863 и 1864 гг. сами инициировали передачу округов в казенное управление.

Наиболее оптимальным способом избавиться от всех (в том числе и финансовых) проблем заводов являлась продажа их (или долей владения) самими владельцами. Так поступили Н. А. Дурасов в 1803 и 1815 гг., Осокины в 1804, 1837 и 1848 гг., И. Я. Хлебникова в 1808 г., П. Г. Демидов в 1808 и 1809 гг., Е. С. Мордвинова в 1810 г., часть “кагинских” Демидовых и И. П. Бекетов в 1830 г., А. А. Зубова и А. А. Турчанинов в 1833 г., П. А. Глазов и П. П. Бекетов в 1834 г., А. П. Полторацкая в 1835 г., Гусятниковы в 1838 г., Боборыкины в 1842 г., С. К. Поливанова, М. И. Сабир, К. И. и М. К. Альбрехт в 1850-е гг., А. И. Маликов в 1858 г., Н. Е. Тимашев и “алапаевско-уинские” Яковлевы в 1859 г., М. Ф. Гротен в 1860 г. и А. В. Татаринов в 1862 г. Таким образом, добровольно по

различным мотивам в первой половине XIX в. расстались со своей заводской собственностью владельцы или совладельцы 21 горнозаводского округа. Причем Кирсинско-Кажимские заводы были перепроданы дважды, а Кагинские заводы – трижды. Симптоматично, что случаи продаж заводов “в посторонние руки” касались почти исключительно посессионных (или ставших таковыми) заводов. Это косвенно подтверждает преимущества вотчинного права перед посессионным, хотя стоит учесть и то, что владельческие заводы стоили дороже (так как в их рыночную цену входила и цена земли).

В случае нежелания владельца расстаться со своей собственностью при отсутствии какой-либо возможности самому справиться с их финансированием казна организовывала принудительную продажу заводов с публичных торгов. С конца XVIII в. до 1861 г. 17 горнозаводских хозяйств были назначены к продаже, причем шесть – дважды и более раз. Шесть хозяйств были проданы (Нювчимский завод А. М. Грибанова в 1812 г., Таишевские заводы Иноземцевых в 1826 г., Ревдинско-Рождественские – Зеленцовых в 1833 г., Холуницкие – А. И. Яковлева в 1838 г., Кагинские – Демидовых и А. И. Пашкова в 1855 г., Авзяно-Петровские – П. М. Губина в 1858 г.) и пять – ликвидированы с распродажей имущества (Пыжманский завод Кобелевых и Варзино-Алексеевский – Тевкелевых в 1823 г., Берсудский – Н. Маленкова в 1826 г., Коринский и Архангельский-Шаранский – Красильниковых в 1832 и 1836 гг.). Владельцам Суксунских, Юговских, Пожевских, Никитинских, Белорецких и Шильвинского заводов удалось разными способами временно отсрочить назначенные продажи.

Осознающие свою неспособность владельцы пытались порой прибегнуть к такому средству, как отказ от управления и даже владения заводами в пользу казны. Так поступили в 1808 г. А. С. Ширяев, просивший взять Шайтанские заводы “в управление горного начальства”, Н. Маленков, в 1823 г. предлагавший “взять в казну” его уже недействующий Берсудский завод, и “суксунские” Демидовы, в 1832 г. предлагавшие казне купить их заводы, а в 1847 г. – установить полный казенный присмотр. Без содействия казны фактически отказался содержать свои Шурминско-Залазнинские заводы Н. И. Мосолов в 1861 г. Подобные же просьбы поступили в 1847 г. от владельца Авзяно-Петровских заводов П. М. Губина и в 1859 г. от владельца Шильвинского завода Н. Н. Подъячева. Правда, в последних двух случаях принять такое решение заставили владельцев объективные обстоятельства, связанные с не решенной казной проблемой наделения заводов лесами. На все эти предложения казна ответила положительно только однажды, приняв в казенное управление Шайтанские заводы С. А. Ширяева, продолжавшееся всего два года.

Известны три случая, когда “расточительные” владельцы добровольно отказывались от управления заводами с учреждением над ними попечительства. В 1833–1848 гг. Попечительство управляло Пожевскими заводами Всеволожских, в 1835–1847 гг. – Суксунскими заводами Демидовых и в 1839–1861 гг. – частями П. Д. Соломирского в Сысертских заводах (Попечительство над Лысьвенскими заводами В. П. Шуваловой в 1823–1827 гг. было учреждено не столько за долги, сколько из-за сложившейся ситуации с владением и управлением огромным наследством графини после внезапной смерти мужа, а Попечительство над Сысертскими заводами в 1824–1825 гг. оказалось ошибкой властей, вскоре исправленной). Оно учреждалось по личной просьбе владельцев, утверждалось императором и принимало на себя “управление и распоряжение всем без изъятия имением” владельцев “непосредственно и без их участия” за установленную долю дохода в пользу попечителей (5 %), но без права залога и продажи. Управление осуществля-

лось по существующей на заводах дистантной модели, в которой фактически ничего не менялось. Главной особенностью Попечительства являлось то, что по выбору и вместо заводовладельца (которому назначалась некоторая сумма “на содержание”) в его роли временно выступали, как правило, представители высшей столичной бюрократии. Судя по всему, такой выбор был не случаен, а рассчитан на получение с помощью всесильных попечителей различных привилегий и льгот. Так, за время управления Попечительством Суксунскими заводами (куда входили в разное время начальник III Отделения А. Х. Бенкендорф, сенатор и член Государственного Совета П. И. Кутайсов, генерал-адъютант А. Я. Лобанов-Ростовский, член Хозяйственного комитета Сената Д. Н. Замятин, директор Заемного банка Н. Попенполь) были отсрочены выплаты по ссуде Заемному банку, заводы перезаложены на 37-летний срок, выделены две ссуды в 200 тыс. руб. сер. из Горного правления, также рассроченные на длительное время, и получено предварительное согласие императора на новую огромную ссуду в 1,6 млн руб.

Эти льготы принесли временное облегчение и создавали видимость благополучия. Но они не могли продолжаться бесконечно; к тому же новые долги только усугубляли и без того сложную финансовую ситуацию. Видимо, не всегда рационально расходовались и полученные прибыли. “Для восстановления заводов необходимо учредить такую администрацию, которая могла бы направить все средства заводов наилучшим путем к сколь возможно большему извлечению выгод, — замечали члены Уральского Горного правления по поводу сложившейся ситуации во время управления Попечительства Суксунским округом в 1847 г. — А для этого заводам нужны не одно денежное пособие, но советы и указания лица опытного в заводском хозяйстве и достаточно обладающего техническими знаниями”²¹. Этим требованиям более соответствовали попечители П. Д. Соломирского. Они наняли опытных инженеров, сумевших резко поднять производительность Сысертских заводов, но так и не справились с финансовыми проблемами. Предприимчивые попечители Всеволожских, видимо, более заботились о собственном кармане, чем о пользе заводов. В итоге все три Попечительства оказались бессильны противостоять главной причине бед — недостатку оборотного и отсутствию запасного капиталов и были ликвидированы. Находившиеся под их попечением заводы и заводчики оказывались перед выбором между казенным управлением (Сысертский округ), акционированием (Суксунский округ) или разделом, сопряженным с арендой (Пожевский округ).

Последняя считалась еще одним возможным способом поправить шаткое финансовое положение заводов. Горное правление даже нередко советовало находившимся на грани банкротства заводчикам “взять компаньона”. Но в трех хорошо известных нам случаях аренда (А. А. Кнауфа Кыновских заводов Г. А. Строганова в 1804–1817 гг., А. И. Миловановой Коринского завода Красильниковых в 1813–1818 гг. и А. А. Утямышева Таишевского завода Иноземцевых в 1801–1813 гг.) приводила к остановке заводов. С тем же результатом завершилась аренда Огаревых в начале XIX в. и А. В. Борисова и А. И. Миловановой в 1813–1818 гг. Берсудского завода Н. Маленкова. Раздоры между Тевкелевыми и С. Д. Фитоновым, еще в 1770–1790 гг. арендовавшим их Варзино-Алексеевский завод, продолжались до 1805 г., когда предприятие уже семь лет как бездействовало.

Причиной неудач, как правило, становились “разногласия” владельцев с арендаторами, приводившие к расторжению договоров. Вероятно, доля истины заключалась и в уверении Иноземцевых, что арендатор являлся “хозяином временным” и “не имел нужды прочить завод на будущее время к лучшему его существованию”. В трех известных нам случа-

ях арендные сделки оказывались недобросовестными либо со стороны владельца (аренда купцами Шишкиными Шильвинского завода Н. А. Подъячева в 1822–1824 гг.), либо арендаторов (упомянутая аренда Коринского завода), либо того и другого (сделка А. И. Карцевой с И. П. Рубо-де-Понтевесом на часть Шурминских заводов в 1833 г.). Но даже вроде бы “удачные” аренды (Всеволодовильвенских приисков Заозерской золотопромышленной компанией в 1840-е гг. и купцом Юхневым в 1850-е гг., Омутнинских заводов Г. И. Осокина в 1820–1840-х гг. А. Ф. Веймарном, Белорецких заводов Пашковых купцами Сарычевыми в 1837–1841 гг.) приносили лишь временный эффект, исчезавший после восстановления “хозяйственного” управления. Как и попечительство, аренда не приводила к накоплению оборотного капитала, то есть не устраняла главную причину бед.

Проблема финансирования заводов была теснейшим образом связана с функцией владельца заботиться о благополучии своих крепостных, поскольку в первую очередь капиталы расходовались именно на оплату труда и заготовку “хлебного провианта” для рабочих и их семей. Кроме того, необходимо было создавать и поддерживать социальную инфраструктуру округов (содержать церкви, школы, больницы, богадельни, приюты), что требовало дополнительных и значительных средств. По мере увеличения численности населения эти расходы возрастали и занимали все большую долю в заводском бюджете. В 1848/49 г., например, на содержание рабочих, служащих и “попечительские” расходы в Нижнетагильском округе тратилось до 70 и более процентов “общего расхода”²².

Пренебрежение своими “помещичьими” обязанностями в первую очередь было чревато серьезными проблемами во взаимоотношениях владельцев с заводским населением. Судя по статистике рабочего движения (табл. 18), фактически ни один уральский горнозаводский округ в первой половине XIX в. не избежал крупных или мелких, активных или пассивных проявлений недовольства мастеровых и рабочих людей своим положением. По числу волнений лидировали Алапаевские, Сысертские, Лысьвенские, Ревдинско-Рождественские и Сергинско-Уфалейские заводы²³. Социальная нестабильность, естественно, негативно влияла на динамику заводского производства, создавала дополнительные проблемы и неоправданные расходы, сказывалась на авторитете владельцев в глазах как населения, так и властей.

Для профилактики волнений более дальновидные заводчики в первой половине XIX в. обратились к особой социальной политике, которую сами называли “попечительской”. Помимо исполнения установленных законом “помещичьих обязанностей” по содержанию крепостных, они выделяли значительные средства на не предусмотренные законодательством награды и пенсии служащим и мастеровым, в вотчинных имениях освобождали крепостных от подушной и других податей, прощали многотысячные долги, организовывали ссудные кассы, заводили школы, приравненные к уездным училищам, открывали библиотеки, музеи и даже театры.

Благотворительность заводчиков, распространявшаяся на их горнозаводские имения, вытекала как из общепринятых в дворянской среде того времени правил, так и вполне прагматичных представлений о крепостном заводском населении как основном источнике рабочей силы для заводов. Исходя именно из такого взгляда, владелец Нижнетагильских заводов Н. Н. Демидов, например, считал, что “притеснять трудников не надобно, а держаться совершенной справедливости, ибо угнетение их более может послужить во вред мне, нежели им, от чего я теряю более, нежели они”. “Надо сколько можно беречь заводских людей, – убеждал он приказчиков в другом своем предписании, – дабы по

времени не почувствовать в них недостатка, ибо вознаградить сию потерю нельзя”. В то же время, расходуя значительные капиталы на поддержание достойного уровня жизни крепостных и даже повышение их культурных потребностей, Демидов постоянно напоминал конторе о бережливости. В словах: “Скажу конторе, сколько я люблю делать людям пособие, столько же опять не желаю бросать деньги даром и приучать тунеядцев на будущее время быть таковыми”, — он точно выразил свое намерение не просто благотворительствовать, но и посредством этого воспитывать у крепостных мастеровых добросовестное отношение к труду²⁴.

Развитие общественной мысли привело в дальнейшем к появлению особой социальной теории, получившей название “патроната” или “патернализма”. Одним из ее основоположников стал крупнейший французский социолог, профессор Парижской горной школы Фредерик Лепле. Его теория основывалась не только на историческом опыте, но и на проводившихся им исследованиях жизни именно уральских рабочих (в частности, Нижнетагильских заводов, где он побывал в 1844 и 1853 гг. по приглашению А. Н. Демидова). Лепле рассматривал духовную и верховную власти “цементирующими основаниями общества”: духовная власть заботится “о преподнесении своей пастве закона 10 заповедей и религии”, верховная власть олицетворяет “идею родительской власти”. На “обыденном” уровне, считал французский социолог, патронат предполагает “более или менее тесное сплочение известного числа бедных семейств вокруг богатой семьи, которая посредством труда и своего покровительства обеспечивает им насущный хлеб”. По его мнению, патронат проявлялся в самых разнообразных формах (например, германский *mundium*, рекомендация у франков или клиентство у римлян и галлов) и был характерен для обществ, “не могущих обеспечить всем своим членам обладания насущным хлебом”. В этой связи утверждалось, что “феодалность” и характерное для него крепостное состояние есть наиболее зрелое выражение идей патроната. В этой общественной системе складывается взаимная зависимость хозяина и рабочего, основанная на “непрерывном обязательном отношении, в коем происходит взаимный обмен обязанностями и услуг или одолжений”²⁵.

Теория патернализма являлась разновидностью консервативной идеологии. Она получила распространение среди помещиков, увидевших в ней образец отношений с крепостными, базировавшийся на принципе семейственности и удачно наложившийся на православное сознание народа²⁶. В результате восприятия этих идей у некоторых заводладельцев изменился прежний взгляд на заводское население. Примечательны в этой связи слова сына Н. Н. Демидова Анатолия, написанные им в ответ на поздравление с именинами от “нижнетагильских обывателей” в 1848 г. из Брюсселя: “С приятнейшими сердечными ощущениями вспоминаю я всегда о жителях, которых любил мой отец, которых люблю и я, как большую семью, правда, незнакомую мне, но с которою соединяют меня неразрывные наследственные и сердечные узы. Скажите это... жителям Нижнетагильска, скажите им, что хотя отдаленный от них обстоятельствами, я непрерывно нахожусь посреди их мыслию постоянной заботливости о них... что я был и остаюсь для них заботливым отцом”²⁷. Практика патернализма на заводах, в свою очередь, привела к проявлению “зеркального” эффекта — формированию среди заводского населения своего рода “культа” владельцев, который те всячески поддерживали и развивали.

Именно в контексте патернализма, на наш взгляд, следует рассматривать наименование новых объектов социального или промышленного назначения в горнозаводских округах в честь владельцев (например, деревни Акинфиевская, Авроринская, Павлушина, Анатольская или Авроринский завод и приют, Матильдинское медное заведение на Нижнетагильских заводах), торжественное празднование именин и установка памятников владельцам в заводских поселках (например, Н. Н. Демидову в Нижнем Тагиле или С. Я. Яковлеву в Невьянске) и даже устройство семейных склепов владельцев (например, в возведенном с участием К. Тона Никольском храме в Нижнем Тагиле, где были похоронены Н. Н. и П. Н. Демидовы; предположительно, семейный склеп находился в Ревде, принадлежавшей другой ветви демидовского рода)²⁸. Следствием патерналистской политики становилась относительная “гармонизация” социальных отношений, что наряду с другими факторами способствовало увеличению производительности и доходности заводов, от чего в выигрыше оставались и рабочие, и заводовладельцы.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, можно констатировать, что патерналистскую политику проводили или пытались проводить на своих заводах Н. Н., П. Н. и А. Н. Демидовы, А. К. Карамзина, М. Д. Демидова, С. В. Строганова, Е. Л. и Х. Е. Лазаревы, А. А. и С. М. Голицыны, В. А. Шаховская, А. Г. Белосельская-Белозерская, А. Д. и П. А. Балашевы, Е. А. Сухозанет, А. И. Яковлев, Н. И. Гусятникова, А. И. Губина. Особым размахом отличилась политика графини С. В. Строгановой, которая в принадлежавшем ей огромном майорате, пожалуй, впервые на Урале, учредила ссудные кассы для рабочих, страхование от пожаров и падежа скота, “узаконила” выдачу пенсии мастеровым и служащим.

Там же, где владельцы не понимали необходимости перемен в отношениях с крепостными, либо не имели достаточных капиталов на довольно затратную патерналистскую политику, возникали разной интенсивности конфликты, в ходе которых заводское население вовсе не случайно обрушивало свой гнев, как правило, на приказчиков и управляющих. Дистантная модель управления именно их, а не “далекого” владельца, выдвигала в качестве непосредственных объектов социального недовольства. В этом также заключалась “привлекательность” дистантного управления для владельцев. Лишь в редких случаях рабочие признавали виновниками своих бед заводчиков. Так, в 1857 г. мастеровые Уинских заводов наследников С. С. Яковлева жаловались министру финансов на своих владельцев, которые, по их выражению, “находят себе средства к стеснению и разорению заводских людей и уклоняются чрез пресечение способа к жалобам от справедливого преследования законов и ответственности пред правительством за жестокое обращение заводского начальства”²⁹. По жалобам и тем более “волнениям” рабочих горные и гражданские власти обязаны были проводить расследования, нередко (в отличие от заводского населения) признававшие владельцев виновной стороной.

Местное горное начальство, как правило, более резко, чем высшее, реагировало на “неисправные” действия владельцев и их заводууправлений, пытаясь во избежание собственных неприятностей даже выйти за рамки дозволенных законодательством мер. Высшие горные инстанции (Горный департамент, министр финансов) руководствовались “писанным” правилом, по которому вмешаться в “хозяйственное управление” можно было лишь в случае “справедливых жалоб” населения. Тем не менее в качестве профилактической меры и они прибегали к “напоминаниям” владельцам о необходимости вовремя и полностью выплачивать зарплату рабочим и иметь запас провианта на заводах. Вспом-

ним, как “во избежание ропота заводских людей” сам министр финансов Е. Ф. Канкрин в 1828–1835 гг. вел переписку с влиятельной А. Г. Лаваль о финансовой ситуации на ее Архангельском заводе до тех пор, пока владелица наконец “не одумалась”. В 1822 г. Горное правление рекомендовало Губиным поднять расценки за работы; в 1839, 1841 и 1855 гг., когда поступали сведения о задержках плат рабочим, оно же “понуждало” Пашковых предоставлять сведения “об удовлетворении людей платами”.

Как уже упоминалось, по закону “в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание со стороны владельцев”, посессионные заводы следовало брать в казенный присмотр, а владельческие – в опекуновское управление. На практике все выглядело сложнее, поскольку “справедливые жалобы” не являлись, как правило, единственным следствием “беспорядочного управления”, а сочетались с другими “грехами” владельцев: накоплением податных недоимок, залоговых долгов и прочего. Поэтому палитра мер воздействия оказывалась более разнообразной.

Известны пять случаев установления казенного присмотра, среди причин которого указывались жалобы рабочих: в 1825–1832 гг. он был введен на Кыштымских заводах дочерей Л. И. Расторгуева (тогда был арестован Г. Ф. Зотов, а позже арестован и сослан в Финляндию П. Я. Харитонов), в 1837 г. – на Белорецких заводах Пашковых, в 1856–1858 гг. – на Кирсинско-Кажимских А. И. Маликова (за долги государственным крестьянам), в 1859 г. – на Каноникольском Е. И. Шешуковой и в 1860–1862 гг. – на Кагинских заводах Ф. П. Никифорова и А. В. Татаринова. В 1841 г. на Сергинско-Уфалейских заводах К. М. Губина был учрежден “полный казенный присмотр” в том числе “за неисправную выдачу заводским людям содержания”. Следствием жалоб рабочих, остановивших в 1817 г. Каноникольский завод, явилось поступление его в “частичное казенное управление”. Те же жалобы явились одной из причин введения полного казенного управления в Сысертском и Шурминско-Залазнинском округах в 1861 г.

В нескольких случаях властям пришлось прибегнуть к введению на частных (в первую очередь посессионных) заводах казенных штатов или составлению “особых правил содержания людей”. Первый раз это произошло на Белорецких заводах И. А. Пашкова, где “за притеснительное для рабочих управление” в 1817 г. были введены специально составленные “штатные положения”. Подобные же “положения в отношении плат и уроков” были введены на Кыштымских заводах в 1832 г., на Ревдинско-Рождественских – в 1843 г., на Кнауфских – в 1846 г. и на Кагинских – в 1854 г. В 1843 г. на Сергинско-Уфалейских и в 1844 и 1855 гг. на Алапаевских заводах (где в составе населения находились казенные мастерские и непременные работники) поступили проше, вводя там с согласия владельцев штаты Екатеринбургских и Гороблагодатских казенных заводов 1829 г. Штаты тех же Екатеринбургских заводов действовали в 1850-е гг. на Сысертских заводах. Вследствие жалоб заводских людей в 1849 г. Горное правление предписало владельцам Шильвинского и Бемышевского заводов руководствоваться штатами Пермских заводов 1827 г.³⁰

Опекунское управление было установлено после волнения на Пожевских заводах В. А. Всеволожского в 1797–1802 гг. В 1823–1825 гг. тому же “наказанию” подверглись “бесхозные” Кагинские заводы, где “рабочие люди вышли из повиновения и отrekliсь от работ”. В 1827–1832 гг. действовал казенный присмотр на Богоявленском заводе П. П. Бекетова, где “крестьяне от неполучения платы подверглись истощению”, в 1841–1846 гг. – на Каноникольском и в 1848–1857 гг. – Авзяно-Петровских заводах, когда П. М. Губин “отказался от высылки денег” и была прекращена закупка провианта и вы-

дача заработных плат. Ужесточение мер воздействия на нерадивых заводчиков накануне и в ходе крестьянской реформы коснулось того же Каноникольского завода Е. И. Шешуковой, где “за беспорядки в содержании людей” в 1861 г. была учреждена уже вторая по счету опека. Когда в 1859 г. “злоупотребления” владельца Шильвинского завода Н. Н. Подъячева “по содержанию рабочих достигли крайнего предела”, не только завод был взят в опеку, но и сам заводчик отправился в ссылку. В те же годы по инициативе губернских властей чуть не попали под опеку Юрюзанские заводы Е. А. Сухозанет.

Некоторые особенности имело участие женщин во владении и управлении заводами. Оно придавало им особый, так сказать “эмоциональный”, оттенок. В лучшем своем проявлении это выражалось в заинтересованном участии в управлении, как правило, в роли покровительниц крепостного заводского населения, то есть выполнении “социальной” функции. Случалось, что владелицы оказывались в состоянии успешно осуществлять и общее руководство своими заводами (Ф. С. Турчанинова, С. В. Строганова, М. Д. Демидова, А. И. Губина, А. П. Пономарева), основывали (например, дочери С. С. Яковлева, осуществившие коренную перестройку Алапаевского округа) или приобретали новые заводы (Д. И. и Е. А. Пашковы, А. Г. Белосельская-Белозерская, Е. В. Дашкова, О. Н. Рошефор). Известен даже случай, когда жена (А. И. Кони-Губина-Ушакова) взяла управление Сергинско-Уфалейскими заводами в свои руки вместо больного мужа и довольно успешно несколько лет (с 1844 по 1858 гг.) справлялась со взятыми по контракту обязанностями.

Но чаще происходило так, что владелицы оказывались беспомощными перед решением острых проблем заводов (зачастую не ими созданных) и вынуждены были совсем или временно расстаться с ними (Д. А. Тевкелева, А. Б. Красильникова, В. П. Шувалова, О. Н. Рошефор). Поэтому, если была возможность, они предпочитали передоверить управление заводами своим мужьям, взрослым сыновьям или наемным специалистам (В. А. Шаховская, В. П. Полье в 1827–1829 гг., А. А. Голицына, Н. П. Строганова, А. И. Ушакова после 1858 г., Д. И. Пашкова, Е. А. Сухозанет, М. Д. Демидова в 1850-е гг., А. И. Голохвастова, А. П. Полторацкая, О. И. Берг, Е. И. Николаева, М. Л. Харитонова, Е. Л. Зотова, Е. И. Шешукова) и тем самым способствовали становлению “менеджерского” типа управления.

Подверженные “соблазнам” светской жизни в большей степени, чем мужчины, женщины-заводовладелицы зачастую стремились и больше изымать доходов из заводского бюджета. Порой это выливалось в самое печальное проявление “женского участия” во владении, когда они становились инициаторами и главными действующими лицами острых семейных конфликтов по поводу собственности и дележа доходов. Не случайно, видимо, из известных нам 15 мелких и крупных конфликтов между родственниками – совладельцами, в восьми случаях активное участие принимали женщины, в том числе в пяти им принадлежала основная роль (Н. А. Колтовская, А. И. Карцева, М. И. Кузьмина, М. Л. Харитонова и Е. Л. Зотова, Е. И. Осокина).

Итак, факты неопровержимо свидетельствуют, что в первой половине XIX в. очень многие владельцы не справлялись полностью со своими обязанностями по управлению заводами. За это они подвергались чаще всего вполне оправданному административному и даже уголовному преследованию горных и гражданских властей, которым приходилось с большим или меньшим успехом решать за них проблемы не только управления, но зачастую и владения заводами. Сумели избежать этих мер или их угрозы только “тагильские” Демидовы (исключая оставшиеся за рамками изучаемого периода опеку и попечи-

тельство над Н. Н. Демидовым в 1795–1797 гг.), “верх-исетские” Яковлевы, Строгановы, Голицыны, Лазаревы, Белосельские-Белозерские, Балашевы, Лебедевы, А. П. Полторацкая и Е. В. Дашкова, а также Осокины и их преемники Д. Е. Бенардаки, Пастуховы и Коровины. Владельцы 32 горнозаводских хозяйств испытали на себе различные формы казенного и общественного контроля (табл. 15).

Практики владения свидетельствуют, что самым распространенным средством, использовавшимся горными властями при решении фактически всех проблем частных заводов, оказалось в первой половине XIX в. учреждение опекунского управления. С начала XIX в. нам известно 19 опеку (за исключением тех, которые автоматически устанавливались над малолетними владельцами) над 13 горнозаводскими округами (в том числе 8 посессионными и 5 владельческими). Две из них (на Кагинских заводах в 1823–1825 гг. и Кирсинско-Кажимских – в 1820–1823 гг.) были учреждены по “объективной” причине “неутверждения наследников” в правах владения для того, чтобы заводы не находились в это время без “хозяйственного распоряжения”. Виновниками остальных опеку оказались сами владельцы. В пяти случаях (Кагинские заводы наследников И. Е. Демидова в 1827–1830 гг., Сысертские заводы наследников А. Ф. Турчанинова в 1823 и 1825–1839 гг., две опеки Шайтанских заводов наследниц И. М. Ярцова в 1847–1850 гг.) к этому приводили споры владельцев о дележе заводской собственности. Восемь опекунских управлений были учреждены за недостаточное финансирование заводов владельцами или их расточительность (Пожевские – В. А. Всеволожского в 1797–1802 гг., Таишевские – Иноземцевых в 1809–1814 гг., Богоявленский – П. П. Бекетова в 1828–1832 гг., Сергинско-Уфалейские – “расточительного и слабоумного” К. М. Губина в 1844 г., Авзяно-Петровские – П. М. Губина в 1848–1857 гг. и три опеки над частями наследников М. С. Яковлева в Невьянских заводах в 1848–1861 гг.). Еще четыре опеки были учреждены за “беспорядочное управление” и до раздела между Пашковыми Белорецких заводов в 1839–1854 гг., “за беззаботное правление” Ф. И. Мосолова Каноникольским заводом в 1841–1846 гг., “за беспорядочное управление и по жалобам людей” владельцев того же завода Е. И. Шешуковой и ее сына А. П. Загряжского в 1861–1864 гг. и, наконец, “за злоупотребления заводчика” Н. Н. Подъячева, владельца Шильвинского завода, в 1859–1862 гг. Складывается впечатление, что власти прибегали к опеке, когда сами не могли или не хотели заниматься поправлением дел заводов. Опекунское управление, как правило, оказывалось и самым неэффективным.

Проблемой для этого типа “нехозяйственного” управления зачастую становился уже сам выбор ответственной опеки и назначение опекунов. По представлению Горного правления его должны были брать на себя уездные дворянские опеки. Но случалось, что таковых по месту расположения заводов не оказывалось или в их составе не находилось желающих брать на себя ответственность по управлению сложным горнозаводским хозяйством. Так, когда в 1838 г. оренбургской опеке было предписано установить свое управление Белорецкими заводами, оказалось, что командировать для выполнения этого поручения было некого. В опеке состояло только два члена, один из которых был “одержим болезненной лихорадкой”, а другой находился в постоянных разъездах “для производства следствий по трем уездам”³¹. В 1823–1825 гг. четыре опекуна, последовательно назначавшиеся уфимской дворянской опекой на Кагинские заводы, отказались вступить в управление “за болезненными припадками”. В результате в этой роли пришлось вступить заводскому исправнику. Та же уфимская опека три года тянула с установлением

своего управления над Таишевскими заводами Иноземцевых, полагая, что они, как купцы, подлежали надзору сиротского суда. По той же причине в 1819 г. елабужская дворянская опека отказалась принимать в свое управление Коринский завод Красильниковых, в результате чего он оказался в двойном ведении опеки и сиротского суда. В такую парадоксальную ситуацию ставило местные опеки законодательство, установившее брать задолжавшие заводы, кому бы они ни принадлежали, именно в опекуновское управление.

“Отрицательная” позиция местных дворянских опеков вовсе не выглядит безосновательной. Во-первых, в их составе, как правило, действительно не было лиц, способных управлять заводами; во-вторых, маломощные (из-за слабой роли помещичьего землевладения, особенно в Пермской и Вятской губерниях) уральские опеки не обладали большими финансовыми возможностями, необходимыми для подъема разоренного хозяйства. Горные чиновники справедливо рассуждали, что “надобно уметь оным [заводским имением] управлять и, чтобы получать с него доходы, нужно вложить в оное... еще капитал”³². Хотя Горное правление оказывало помощь опекам над заводами, назначая в их состав горных чиновников и выделяя денежное пособие, но происходило это далеко не в каждом случае или не в должном объеме. К тому же усложнение состава опеков зачастую приводило к конфликтной ситуации. Так, “взаимные претензии чиновника на опекуна и опекуна на чиновника” по управлению Каноникольским заводом Ф. И. Мосолова в 1843–1844 гг. потребовали даже проведения особого расследования.

По компетентному свидетельству главного начальника уральских заводов Ф. И. Фелькнера, “для заводов, закрывающих производство свое по невозможности приобретения необходимого на оборудование их весьма значительного капитала, опекуновское управление, которое не в состоянии будет доставить сей же час этот капитал, не только не приведет к цели, но не может даже приступить к спасительным для заводов действиям, требующим необходимо обширных денежных средств, и должно будет на первом своем шагу сознать свое бессилие”³³. Поэтому вполне закономерным результатом такого управления становился дальнейший упадок заводов. Так, из-за невозможности наладить стабильное финансирование безрезультатно закончились опеки над Таишевскими, Кагинскими, Авзяно-Петровскими и Каноникольским (в 1841–1846 гг.) заводами. До упадка довели подопечные заводы некомпетентные опекуны Богоявленского (в 1828–1830 гг.), Белорецкого, Каноникольского (в 1861 г.) и Шильвинского заводов. Над растратившими заводские капиталы опекунами Богоявленского завода было даже заведено уголовное дело.

В такой ситуации влиятельные заводчики добивались открытия опекуновского управления в Петербурге или Москве, где опеки состояли из знатных и влиятельных особ и были способны найти необходимые капиталы. Зачастую в состав учрежденных там управлений назначались близкие родственники заводчиков, что повышало ответственность опекунов. Из учтенных нами таковыми являлись опеки над В. А. Всеволожским в 1797–1802 гг., П. П. Бекетовым в 1830–1832 гг., наследницами И. М. Ярцова в 1847–1850 гг. Все они оказались недолгими, по характеру своей деятельности во многом напоминали попечительства и завершались передачей заводов в “хозяйственное” управление “исправившегося” владельца. Особым случаем являлось опекуновское управление над Сысертскими заводами, в котором опекун играл роль арбитра между двумя управляющими от двух враждовавших групп владельцев. В отдельных случаях опекуны играли вовсе ма-

лозаметную роль, когда только контролировали начисление доходов своим подопечным, владевшим частью заводов (опеки над К. И. и П. Г. Яковлевыми, которым принадлежали всего $\frac{1}{105}$ и $\frac{6}{105}$ частей Невьянских заводов).

Из форм государственного контроля над частными заводами наиболее широко практиковался присмотр за ними горных властей. Нам известны 16 случаев казенного присмотра, которому в первой половине XIX в. подверглись 14 горнозаводских хозяйств (9 посессионных и 5 владельческих), в том числе Кагинский округ – трижды. В большинстве случаев казенный присмотр не достигал своей цели, причины чего крылись в самом его “содержании”. Как правило, “стандартный” присмотр включал наблюдение горного чиновника “за правильностью расходов, необходимых на горнозаводское производство, за выделкой металлов в том смысле, чтобы она против предшествующих годов не уменьшалась и за выгодною продажей сих металлов”. Ему поручалось также “составление сметы заводскому действию на текущий год с предоставлением ее Уральскому Горному правлению, доставление ежемесячных ведомостей о действии заводов и приисков, а по истечению года – отчета по данным для сих формам”. При этом по закону чиновник не мог “входить в дела по хозяйственному распоряжению заводами”, которые оставались в компетенции частного управления.

Осуществлявший присмотр над заводами Всеволожских инженер-капитан Банников в 1855 г. жаловался, что такие условия “с самого начала ставят чиновника в затруднительное и неопределенное положение” относительно как Горного правления, так и местного заводоуправления, требуя от него составления плана и полной отчетности “в то время, как все распоряжения по заводскому действию остаются в руках управляющих, которые поручаются казенному присмотру по одной хозяйственной части без стеснения”. Он предлагал “снять с обязанности чиновника составление годового плана и смет, предоставление ежемесячных ведомостей и отчета по окончании года, равно освободить его от утверждения этой отчетности своим подписом”, поскольку справедливо полагал, что, “не входя в искусственную часть, казенный присмотр не может составлять и не может также ручаться за все выводы заводоуправления; проверить же их затруднительно для одного чиновника”. Иначе, считал опытный чиновник, “невыгодность” казенного просмотра, “будет обнаруживаться и впредь... доколе положение его не подвергнется совершенному преобразованию”³⁴. О том, что казенный присмотр “может приносить пользу лишь как мера обеспечительная, когда идет дело о выручке с заводов небольшой казенной ссуды”, свидетельствовал и Ф. И. Фелькнер. “Там, – считал он, – где нужно изыскать способы для продолжения готового прекратиться заводского действия, водворить правильное хозяйство и восстановить упавший кредит, казенный присмотр при своих ограничительных правилах совершенно неуместен”³⁵.

Поскольку казенный присмотр не давал ничего, что бы могло помочь заводам выбраться из сложной ситуации, а лишь усложнял “хозяйственное распоряжение”, недовольной оказывалась и другая сторона. Тем более, что грань, отделявшая вмешательство от невмешательства горного чиновника в частное управление, была довольно зыбкой. Следствием этого становились разногласия между чиновником и заводоуправлением, порой перераставшие в серьезные конфликты, ставившие под угрозу заводское действие. “При крутом обращении Лихачева, поселяющем неуважение крестьян к присутствующим лицам, – жаловалась контора Белорецких заводов в 1838 г. на осуществлявшего присмотр чиновника, – встречаем особое затруднение в распоряжениях своих, и что Лихачев позволяет себе в

противность указа Горного правления во многом изменять прежде существующий порядок даже по внутренним распоряжениям и по частям, не входящим в состав заводского управления”. “Если не укротит настоящие свои действия, – грозили приказчики, – то контора ни за какие последствия во вред заводовладельца ручаться не может”³⁶. Особенно раздражало владельцев и их торговых агентов присутствие чиновников, наблюдавших за продажей металла на ярмарках. В глазах покупателей такой контроль свидетельствовал об упадке заводов и опасности иметь с ними дело. Поэтому общим для владельцев и горных властей оказывалось желание поскорее освободиться от взаимно обременительного присмотра, который, как правило, не был продолжительным.

Как доказывают примеры Ревдинско-Рождественского (1815–1829 гг.), Кнауфского (1828–1853 гг.), Сергинско-Уфалейского (1841–1848 гг.) и Кыштымского округов (1843–1852 гг.), наиболее эффективными способами восстановления доведенных владельцами до банкротства заводов оказывались казенное управление и близкий к нему полный казенный присмотр (когда финансовая сторона полностью отделялась от частной администрации). Правда, в пяти из 12 известных нам случаев казенное управление устанавливалось скорее по ошибке, чем по действительной необходимости, и вскоре заменялось присмотром, опекой или возвращением владельцу (Кагинские заводы в 1834–1836 гг., Холуницкие – в 1829–1831 гг., Белорецкие – в 1837–1838 гг., Авзяно-Петровские – в 1847 г., Каноникольский – в 1817 г.); однажды (Шайтанские заводы в 1808–1809 гг.) управление было учреждено по просьбе самого владельца; дважды (Сысертские заводы в 1861–1864 гг. и Шурминско-Залазнинские с 1861 г.) казенное управление “вразумляло” владельцев уже за рамками изучаемого периода.

Казенное управление, как правило, устанавливалось до продажи пришедших в упадок заводов с публичных торгов, но в случае затруднений с продажей могло быть сохранено властью на более длительные сроки (от 7 до 25 лет). За это время в лице государства заводы находили более опытного управленца, чем владельцы или их кредиторы, а главное, надежного “спонсора”, имевшего в своем распоряжении такой источник финансирования, как государственный бюджет. “Казенное управление, – констатировал Ф. И. Фелькнер, – имеет огромное преимущество перед опекой в том отношении, что правительство, разрешая эту меру с Высочайшего соизволения, дает обыкновенно средства к продолжению действия заводов”. Поэтому зачастую оказавшиеся в безвыходной ситуации владельцы просили именно о такой помощи государства, хотя она полностью лишала их распорядительных прав. Так, обанкротившиеся суксунские попечители в 1847 г. считали, что только казенное управление “неминуемо восстановит благосостояние заводов, как показывает пример заводов Расторгуевых и Губиных, которые при попечении Главного горного начальства в непродолжительное время пришли в цветущее состояние”³⁷.

Однако к учреждению казенного управления высшее начальство прибегало не часто, справедливо полагая, что эта мера “сопряжена вообще с большими затруднениями и даже пожертвованиями со стороны казны, ибо редко случалось, чтобы в подобном случае она не принуждена была задолжать на безостановочное действие заводов значительных капиталов, с трудом впоследствии возвращаемых, не говоря уже о том, что для такого управления надобно отделять сведущих к оной чиновников, в коих и казенные заводы имеют надобность”³⁸. Поэтому не только известный своей бережливостью Е. Ф. Канкрин, чьи слова приведены выше, но и другие министры зачастую отказывали владельцам или Уральскому Горному правлению в просьбе учредить казенное управление, если

имелся хоть какой-то иной шанс уберечь заводы от полного банкротства и остановки. Не было необходимости у казны и в национализации частных заводов, практиковавшейся в XVIII в., но совершенно прекратившейся в первой половине XIX в. Типичным ответом на подобное предложение становился отказ, обоснованный отсутствием необходимости в увеличении числа казенных заводов, которых уже “имелось достаточное количество для удовлетворения всех надобностей армии и флота”. Поэтому казенные управления заканчивались либо возвращением их владельцам или акционерам, либо, если не выказывалось с их стороны такого желания, продажей заводов с публичных торгов.

Заметно (табл. 19), что наибольшее число “нехозяйственных” управлений касалось посессионных округов. Из 28 таких хозяйств (включая округа, где были заводы обоих статусов) 21 (или 75 %) подверглось с конца XVIII в. по 1861 г. каким-либо формам общественного или казенного контроля, в то время как в группе владельческих округов только 10 из 22 (то есть 45 %). Среди первых особо выделялись Юговские (в общей сложности находившиеся 43 года в “нехозяйственном” управлении), Сысертские (39 лет), Суксунские (27), Кагинские (24), Кыштымские (18), Ревдинско-Рождественские (17), Авзяно-Петровские (11), Холуницкие (10); из вторых – Пожевско-Никитинские (24), Белорецкие (19), Таишевские (18) и Каноникольский (10) заводы.

Посессионные округа абсолютно лидировали и по количеству случаев установления разнообразных форм контроля (42 из 59 или 71 %), в особенности по казенным управлениям (10 из 12) (табл. 16). Среди них своего рода “рекордсменами” оказались Кагинские (три казенных присмотра, одно казенное управление, две опеки и продажа с публичных торгов), Сысертские (казенное управление, опека, два попечительства и управление комиссии), Суксунские (казенный присмотр, попечительство и акционерно-кредиторское управление) и Юговские (кредиторское, казенное и акционерно-кредиторское управления) заводы. Из владельческих округов отличились не случайно, видимо, ликвидированные Таишеские заводы (аренда, казенный присмотр, опека, конкурсное управление, продажа с публичных торгов), а также Пожевско-Никитинские (три казенных присмотра, опека, попечительство) и Каноникольский (казенное управление, казенный присмотр и две опеки) заводы.

Все это свидетельствует о действительно масштабном “участии” государства в управлении частными горнозаводскими (особенно посессионными) округами в первой половине XIX в. Это еще раз подтверждает распространенный в историографии тезис о том, что вмешательство власти в сферу общественно-экономических отношений являлось наиболее характерной чертой российского абсолютизма³⁹. Но, как уже отмечалось, хотя далеко не всегда это участие оказывалось эффективным, фактически всегда оно являлось закономерным следствием сложившейся на заводах ситуации с управлением или владением. За редким исключением (несколько кратковременных казенных управлений, учрежденных без санкции высшего начальства) власти принимали не произвольные меры, а предусмотренные действующим законодательством и получившие одобрение не только регионального Горного правления, но и центрального Горного департамента. С “подачи” этих ведомств окончательное решение принимали высшие правительственные инстанции. Как правило, установление казенного присмотра и назначение заводов к публичной продаже санкционировалось министром финансов, казенное управление – Сенатом, а назначение “гражданских” форм контроля (опекунского управления и попечительства) – самим императором.

Заметно (табл. 17), что интенсивность этого “участия” возрастала с 4–6 случаев в 1800–1810-е до 9–14 – в 1820 – начале 1860-х гг., причем в основном за счет казенных присмотров и опекунских управлений. Это свидетельствует, во-первых, о нарастании с 1820-х гг. негативных тенденций в частном секторе уральской горнозаводской промышленности и все более активном участии государства и общества в решении проблем его развития; во-вторых, о том, что более широко стали использоваться далеко не самые эффективные формы контроля, которые не только не могли поправить положение заводов, но и зачастую ухудшали его.

Наилучшим способом решения проблем владения и управления властью справедливо считали продажу заводов. “С поступлением во владение лица, обладающего достаточным капиталом, заводы... при хорошем хозяйстве, могли бы действовать не без успеха”, – писал Ф. И. Фелькнер. Но как владельцы, так и казна в большинстве случаев затруднялись в скором отыскании нового и эффективного собственника дорогостоящих и сложноорганизованных горнозаводских имений. Ни одни публичные торги, как правило, не увенчались успехом с первого раза, даже несмотря на то, что начальная цена определялась со значительным понижением. Между назначением к продаже и продажей проходило от 3 до 26 лет. Шесть совершенно разоренных хозяйств вместо продажи пришлось даже ликвидировать. Нередко сами заводчики находили покупателя, лишь пообещав ему льготные условия продажи (в рассрочку или под залог). Приобрести горнозаводское имение, особенно крупное, могли тогда в России очень немногие лица, а финансовый рынок не получил еще достаточного развития.

Поставленная перед перспективой окончательного разорения заводов и заводского населения (что было чревато утратой казенных доходов и социальными потрясениями), власть вынуждена была брать на себя часть управленческих и даже владельческих функций. Иногда государство действовало ради самих владельцев (например, входивших в аристократические круги “суксунских” Демидовых или Всеволожских), спасая их от полной утраты собственности. Тем не менее в большинстве случаев вмешательство государства только затягивало уже проявившиеся кризисные явления, катализаторами которых в дальнейшем стали мировой финансовый кризис 1858–1859 гг. и начавшиеся в стране реформы.

Заключение

В исторической динамике уральской горнозаводской промышленности первая половина XIX в. оказалась переходным периодом от становления в XVIII в. до упадка во второй половине XIX – начале XX в. Важнейшим эндогенным фактором ее развития в то время стало завершение формирования горнозаводских округов как единых территориально-хозяйственных и социо-экономических комплексов. Приобретая такую форму организации производства, которая органично сочеталась с особыми природными, экономическими и демографическими условиями Урала, горнозаводская промышленность была готова вступить в полосу стабильного развития, удовлетворяя потребности России в металлах и экспортируя излишки в другие страны.

Одним из следствий этого перехода становилось вполне закономерное изменение роли заводчика, постепенно превращавшегося из “владельца-менеджера” в рентоориентированного “владельца-рантье”, за которым сохранялась в основном лишь функция собственника. В этой тенденции проявилось неизбежное в исторической перспективе разграничение функций владения и управления, ведущее к переходу от “предпринимательского”, сложившегося в предыдущий период, к “менеджерскому” типу управления, более характерному для последующего периода истории уральской промышленности. Специфика почти повсеместно утвердившегося в первой половине XIX в. дистантного управления заводами (относившегося к “предпринимательскому”, но имевшему и отдельные черты “менеджерского” типа), освобождала владельцев от многих прежних организационно-распорядительных обязанностей, позволяла им сочетать владение заводами с государственной службой, меценатством и другими формами общественной деятельности и объективно все дальше “отдаляться” от заводов, что было чревато не только утратой интереса, но и способностей к руководству ими.

В условиях сословного строя России развитию этой тенденции способствовало также получение заводчиками недворянского происхождения престижного дворянского статуса и восприятие характерного для “первого сословия” менталитета и образа жизни. Накопленные богатства служили основанием для укрепления позиций в среде не только российской, но и западноевропейской элиты благодаря установлению аристократических родственных связей и меценатству. Еще одним благоприятствующим отходу от непосредственного управления моментом явилась “генеалогическая” эволюция (особенно “старинных”, но и некоторых “новых”) родов заводчиков, подошедших к новому периоду уже во 2–4-м своих поколениях. Потомки “фундаторов” первых заводов оказались особо подверженными новой тенденции в эволюции образа заводчика в сторону “владельца-рантье”.

Однако развитие горнозаводской промышленности Урала в первой половине XIX в. оказалось далеко не безоблачным. Ему сопутствовали серьезные трудности как эндогенного, так и экзогенного характера. Хорошо известно, что уже в начале столетия Урал столкнулся с жесткой конкуренцией европейских стран, вызвавшей проблемы сбыта уральского металла не только на внешнем, но и внутреннем рынке, и вытекавшую отсюда необходимость снижения себестоимости продукции. Решение этой задачи за счет “феодальных резервов” вызывало ответную реакцию со стороны горнозаводского населения, выразившуюся в росте социальной борьбы. Крепостничество, на основе которого строились производственные отношения в частном секторе уральской промышленнос-

ти, уже нуждалось по меньшей мере в дополнительных стимулах. Это требовало от заводчиков осознания и проведения особого (и очень затратного) патерналистского курса в социальной политике, который в тех условиях являлся единственным эффективным средством поддержки производительного использования труда крепостных. Как никогда актуальной оказалась также задача технической модернизации, без решения которой Уралу и России грозило быстрое отставание от европейских “конкурентов”, переживавших стадию индустриальной революции. Но и эта задача была сопряжена с множеством проблем технико-технологического, организационного и социального характера и, конечно, требовала значительных дополнительных капиталов и административных усилий. Намечившаяся тенденция к формированию управления “менеджерского” типа наталкивалась на неготовность немногочисленных еще наемных специалистов взвалить на себя груз столь разноплановых проблем, а заменявшие их в этой роли крепостные служащие нуждались в неусыпном “хозяйском” контроле. К этим факторам развития можно добавить еще законодательно оформившуюся систему посессионного права, ограничивавшую свободное предпринимательство и распространявшуюся на 58 % горнозаводских хозяйств Урала. К проблеме посессионной собственности прибавилась ставшая общей и сверхактуальной именно в первой половине XIX в. проблема “многовладельческой” собственности, чреватая серьезными осложнениями как в управлении заводами, так и во взаимоотношениях между владельцами.

Перечисленные трудности стадияльного развития требовали определенных административных усилий со стороны заводчиков, сдерживали их окончательное превращение в “пассивных” собственников и вели к частичному сохранению прежней роли “владельца-менеджера”. Конечно, масштабы и характер стоявших перед заводчиками первой половины XIX в. задач были иными по сравнению с теми, с которыми пришлось столкнуться “фундаторам” заводов XVIII в. Их потомкам не надо было создавать инновационный “облик” промышленности. От них требовалось развивать и совершенствовать то, что уже было создано, приспособлявая промышленность к новым “вызовам” времени. Поэтому и образ “идеального” заводчика, адекватного этим задачам, оказывался отличным от прежнего, хотя и не кардинально. Представим его в главных чертах.

В отличие от основателей, заводчик первой половины XIX в. был, как правило, дворянином, получившим хорошее домашнее или университетское образование. Обычно он проживал в столицах (чаще в Петербурге) и даже состоял на военной, штатской или придворной службе, порой достигая высших званий и должностей. Своими заводами он руководил через особую и хорошо отлаженную систему дистантного управления и даже сам иногда посещал уральские имения. Как и его предшественники, он хорошо представлял специфику заводского хозяйства, но не сосредотачивался на решении текущих дел (чем занимался “воспитанный” аппарат потомственных крепостных служащих), а вместе со специалистами (особенно в технической области, в которой он уже слабо разбирался) определял основные направления развития округа. Ресурсной базой этого развития являлись, в первую очередь, внутренние резервы окружного хозяйства – природные, экономические и социальные, которыми заводчик умело маневрировал в зависимости от сложившейся ситуации. В крайнем случае он использовал внешние источники финансирования в виде частных или государственных кредитов и своевременно расплачивался по ссудам, не допуская установления над заводами каких-либо форм казенного или общественного контроля. Он старался вовремя снабжать оборотными средствами

заводскую администрацию (которая своевременно обеспечивала заводы и заводское население всем необходимым) и перечислял часть прибыли в основной и запасной капитал, идущий на модернизацию производства и осуществление патерналистского курса в социальной политике. Владелец предвидел возможные проблемы с наследованием и пытался заблаговременно решать их, не допуская дробления заводской собственности или конфликтов с совладельцами или между наследниками. В результате заводы могли достаточно стабильно функционировать, а их продукция пользовалась рыночным спросом. В сознании владельца сохранялось сформированное предками (у представителей “старинных” родов) или приобретенное (у “новых” заводчиков) отношение ко владению заводами как к важному и престижному делу. В новых условиях в роли такого заводчика вполне могла выступить и женщина, которая, как правило, сосредотачивалась на решении проблем наследования и социальной политике, доверяя ведение хозяйственных дел близким родственникам, крепостным или наемным специалистам.

К сожалению, далеко не о всех 324 заводоладельцах первой половины XIX в. имеется достаточно “персональной” информации, которая позволила бы уверенно судить о них как заводчиках. К тому же очень немногие горнозаводские хозяйства основательно изучены историками. Поэтому попытаемся (опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении данные) определить некоторые объективные критерии оценки характера развития горнозаводских округов, которые могли бы помочь нам оценить и роль их владельцев.

На первый взгляд, при достигнутом уровне развития горнозаводской промышленности главным критерием успеха должна быть динамика заводского производства. Но, если применить только этот показатель (табл. 12), окажется, что из всех заводчиков наиболее успешными являлись владельцы Сысертских заводов наследники А. Ф. Турчанинова (рост объема производства в 8,3 раза), Каноникольского завода Мосоловы (в 11 раз) и Шильвинского – Подъячевы (в 4,4 раза). Но именно эти округа в первой половине XIX в. чаще других находились на грани банкротства, неоднократно подвергались казенному или общественному контролю, их не раз сотрясали волнения крепостных, и виновниками такого “кризисного” развития становились именно владельцы. Реально достижимым, как показывает статистика, являлся в тот, предындустриальный период рост объемов производства в полтора – максимум три раза, да и то лишь в том случае, если достаточными оказывались имевшиеся в округе природные ресурсы. Погоня же за высокими прибылями неизбежно оборачивалась острейшими финансовыми и социальными проблемами и, как правило, завершалась изъятием заводов из “хозяйственного” управления владельцев (не случайно все упомянутые округа к 1861 г. оказались в казенном или опекуновском управлении).

Очевидно, следует при оценке результатов владения и роли владельцев принимать во внимание комплекс “показателей развития” заводов, включая “административные” (находились ли заводы в “хозяйственном” управлении владельцев или попадали под казенный или гражданский контроль, сдавались в аренду, подвергались акционированию, продаже, в том числе с публичных торгов, или ликвидации), “финансовые” (состояли ли заводы в залоге, брали ссуды и не возвращали или опирались на собственные ресурсы), “социальные” (подавались ли жалобы или происходили волнения крепостных, что свидетельствовало о неэффективности “социальной политики” владельцев; случались ли конфликты между совладельцами или проблемы общего владения разрешались мирными средствами и не вредили заводам) характеристики.

Генерализация этих показателей (табл. 18) свидетельствует, что фактически ни один горнозаводский округ не избежал в первой половине XIX в. перечисленных выше проблем в своем развитии. Более удачно складывалась “биография” Нижнетагильских, Верх-Исетских, Нытвенских, Катавских и Воскресенского заводов. В течение всего периода эти заводы оставались во владении потомков основателей и состояли в их “хозяйственном” управлении. Хотя переходы по наследству и здесь сопровождались определенными трудностями, они преодолевались владельцами вполне цивилизованными методами. В основном за счет внутренних резервов и лишь отчасти казенных ссуд (которые вовремя возвращались) происходило довольно устойчивое экономическое развитие этих округов при отсутствии открытой конфронтации с горнозаводским населением.

Близко к этой группе можно поставить заводы, которые испытывали трудности либо по отдельным показателям, либо в течение части своей истории в первой половине XIX в. К ним можно отнести Алапаевские (где владельцы не могли найти общего языка со сложным по составу населением), Билимбаевские (где в связи с проблемами наследования порой складывалась тяжелая финансовая ситуация), Кыновские (которые с трудом преодолевали последствия неудачной аренды), Чермошские (история которых почти весь период протекала на фоне острого конфликта между владельцами), Архангельский (при исключительно “женском правлении” здесь не всегда своевременно решались финансовые проблемы), а также Сергинско-Уфалейские и Авзяно-Петровские – в 1800–1810-е гг., Шайтанские – в 1810–1840-е гг., Верхотурский – в 1810–1850-е гг., Симские и Богоявленский – в 1830–1850-е гг., Холуницкие, Троицкие и Благовещенский – в 1840–1850-е гг. и Омутнинские заводы в 1850-е гг.

К группе заводов, развитие которых фактически весь период сопровождалось комплексом острых и так до конца и не решенных владельцами проблем, относились Суксунские, Ревдинско-Рождественские, Кагинские, Кыштымские (с Нязе-Петровским), Невьянские, Сысертские, Пожевские и Никитинские, Лысьвенские, Белорецкие, Юрюзанские, Шурминско-Залазнинские, Кирсинско-Кажимские (вместе с Ньючимским), Юговские (Кнауфские), Шильвинский, Мешинский, Бемышевский, Преображенский, Каноникольский заводы, а также Симские и Богоявленский – в 1800–1820-е гг., Холуницкие, Омутнинские, Троицкие и Благовещенский – в 1800–1830-е гг., Сергинско-Уфалейские и Авзяно-Петровские – в 1820–1850-е гг. и Шайтанские заводы в 1840–1850-е гг. Из-за низкой рентабельности производства и финансовой несостоятельности владельцев прекратили свое существование Варзино-Алексеевский, Пыжманский, Берсудский, Коринский, Архангельский-Шаранский и Таишевские заводы. На Уинских, Богословском и Святочудовском заводах в 1860–1862 гг. металлургическое производство было свернуто.

Отнесенные к последней группе 40 (из 50, или 80 %) горнозаводских хозяйств в течение первой половины XIX в. попадали под казенный и общественный контроль или вовсе изымались из управления владельцев, назначались к продаже и продавались с публичных торгов или самими владельцами, неоднократно закладывались в кредитных учреждениях, имели податные недоимки, казенные и частные долги. Далеко не спокойно складывались здесь и отношения с горнозаводским населением, а зачастую и между самими владельцами. В результате заводы выживали уже не столько благодаря собственным ресурсам, сколько в основном при поддержке государства или частных кредиторов.

Исчерпав еще в XVIII в. возможности помощи заводчикам путем предоставления различных “вещественных пособий” и индивидуальных привилегий, в новых условиях государство оказывало им весомую финансовую поддержку (через банки, сохранные казны или напрямую из казначейства и органов горного управления), в которой заводчики более всего и нуждались. Только долгосрочные залоговые кредиты им за период 1798–1860 гг. составили более 16 млн руб. сер. (что равнялось примерно половине ссудных операций Государственного Заемного банка за все время его существования). С целью охранения своих фискальных интересов и защиты “общественного порядка” государству (зачастую через посредство общественных институтов) приходилось частично или полностью брать на себя управление и финансирование заводов. За первую половину XIX в. известно 16 случаев установления казенного присмотра, 12 – казенных управлений и полных казенных присмотров, 19 – опекунских управлений и пять – попечительств. Частным лицам было разрешено открыть пять кредиторских управлений заводами, а самим владельцам заключить 11 арендных договоров. Зачастую в безвыходной ситуации казне приходилось вмешиваться и в права владения (продавать заводы с публичных торгов или разрешать их акционирование).

Но лишь в редких случаях все эти меры приносили реальную помощь заводам. Таковыми можно признать всего две центральные опеки, четыре казенных управления и два управления комиссий, то есть только 14 % всех учтенных форм контроля. Остальные оказывались либо малоэффективными, либо вовсе безрезультатными и даже вредными по своим последствиям. Предпринимаемые властями попытки найти новых “эффективных” собственников (в лице отдельных или корпоративных владельцев), как правило, также не удавались. Из 28 назначений к продаже было осуществлено только шесть, из которых (по ближайшим или отдаленным ко второму поколению владельцев последствиям) ни одну нельзя назвать удачной. Полным фиаско закончилась деятельность обеих акционерных компаний, учрежденных на Урале в дореформенный период. Даже из 26 частных продаж заводов только восемь оказались удачными (причем половина из них была осуществлена между “старинными” заводчиками), а в семи случаях последовала новая перепродажа. Возможности “капиталистских” людей в России того времени, ограниченные недостаточным развитием предпринимательской инфраструктуры, отставали от уже сформировавшейся потребности в эффективном перераспределении крупной заводской собственности. Не увенчалась успехом и деятельность двух горнозаводских хозяйств с участием иностранного капитала.

Проведенная группировка горнозаводских округов в совокупности с материалами конкретных практик владения позволяет соотнести их владельцев с предложенным нами абстрактно-логическим типом “идеального” заводчика первой половины XIX в. Оказывается, что близкими к такому типу можно назвать “тагильских” Николая Никитича и его сына Павла Николаевича Демидовых; “кыновских” Григория Александровича и его сына Сергея Григорьевича Строгановых; “билимбаевских” Павла Александровича и его жену Софью Владимировну Строгановых; Сергея Михайловича Голицына (старшего); Христофора Екимовича Лазарева; “верх-исетских” Алексея Ивановича и его сына Ивана

Алексеевича Яковлевых; вероятно, “алапаевских” Михаила Васильевича Шишмарева, Алексея Петровича Никитина и Карла Ивановича Альбрехта; Ирину Ивановну Бекетову; Александра Дмитриевича и его сына Петра Александровича Балашевых; Василия Александровича Пашкова, его жену Екатерину Александровну Толстую, их сына Михаила Васильевича Пашкова и дочь Елизавету Васильевну Дашкову; Михаила Павловича Губина и его сноху Анастасию Иосифовну Кони. Из “новых” владельцев отметим Дмитрия Дмитриевича и его жену Анастасию Петровну Пономаревых; Матвея Филатовича и его сына Ивана Матвеевича Ярцовых и Александра Матвеевича Пастухова.

Вышеназванные личности представляли собой тип “компетентных и ответственных” заводчиков, в целом справлявшихся со своими обязанностями по владению и управлению заводами. Но, судя по числу, они составляли всего около 10 % заводовладельцев первой половины XIX в. Остальные уже не имели способностей, возможностей или желания выступать в сложной роли заводчика и в разной степени приближения – удаления отстояли от идеала. Среди них самую многочисленную группу (примерно до 80 %) составляли владельцы, поддавшиеся влиянию сформировавшейся тенденции в эволюции роли заводчика в сторону “владельца-рантье”, но при этом все-таки не утратившие чувства ответственности если не за заводы, то хотя бы за собственную судьбу, тесно связанную с судьбой заводов. Предвидя или уже чувствуя опасные последствия своего управления и сознавая свою некомпетентность, они предпринимали возможные в сложившейся ситуации действия, связанные с правом владения или распоряжения заводами. Часть таких владельцев (“устранившиеся от владения”) предпочли совсем расстаться с заводами путем продажи (Грибановы, Осокины, П. Г. Демидов, часть “кагинских” Демидовых, часть “алапаевских” Яковлевых, И. П. и П. П. Бекетовы, Н. А. Дурасов, А. П. Полторацкая, К. С. Мордвинова, П. А. Глазов, Гусятниковы, Боборыкины), путем передачи заводов во владение более способным, энергичным или богатым совладельцам за выкуп или ренту (А. Н. Демидов, А. К. Карамзина, Голохвастовы, Загорские, Ал. Ал. Турчанинов, А. А. Зубова, А. Г. и Ал. Г. Строгановы, О. И. Мосолова) или принимали решение закрыть ставшие нерентабельными предприятия (О. И. Берг, Шелашниковы, Ф. А. Хвоцкий и К°). Другая часть (“устранившиеся от управления”) имела возможность передавать управление соглашавшимся взять на себя ответственность совладельцам, родственникам (как правило, мужьям или женам, братьям, зятьям или взрослым сыновьям – наследникам) или наемным специалистам (Голицыны, В. А. Шаховская и В. П. Шувалова–Полье–Бутеро-Родали, Н. П. Строганова, Е. Л. и И. Е. Лазаревы, Н. А. Стенбок-Фермор, большая часть “алапаевских” и “невьянских” Яковлевых, Ал. А. Турчанинов, Н. А. Ивелич, П. Д. Соломирский, наследники И. А. Пашкова, А. Г. Лаваль и А. И. Коссаковская, наследницы Э. А. Белосельского-Белозерского, Е. А. Сухозанет, Ф. И. и О. И. Мосоловы, Е. И. Шешукова, В. С. Шелашникова, А. П. Полторацкая, О. И. Берг и Е. И. Николаева, А. Г. Белосельская-Белозерская в 1830–1840-е гг., М. Л. Харитонова и Е. Л. Зотова в 1820–1830-е гг.). Хотя мотивы и последствия принятых ими решений были различными, этих заводчиков можно условно обозначить как “некомпетентных, но осознающих свою ответственность”.

К этому же типу относились и большинство “новых” заводчиков, которых можно назвать “прожекторами” (А. В. Зеленцов, А. А. Кнауф, Д. Е. Бенардаки, А. И. Маликов, Н. Е. Тимашев, Коровины, М. Ф. Гротен, О. Н. Рошефор, Ф. П. Никифоров и А. В. Татаринов). Как правило, они приобретали заводы “по случаю” (либо с публичных торгов, либо у разорившихся владельцев по пониженной цене или в рассрочку) и, вероятно, не вполне представляли специфику владения и сложности управления горнозаводскими округами. Столкнувшись с реалиями владения или потеряв дополнительные источники финансирования (иностранные кредиты у А. А. Кнауфа или доходы от питейных откупов у А. В. Зеленцова и Д. Е. Бенардаки), эти заводчики вынуждены были либо расстаться с заводами, либо закрыть их (до или вскоре после 1861 г.).

Небольшую группу (около 10 %) составляли владельцы, которых можно отнести к типу “некомпетентных и безответственных” заводчиков. Часть их (“агрессивные” владельцы) крепко цеплялись за фактически доведенные до банкротства заводы, конфликтовали с совладельцами и властями и тем причиняли дополнительный ощутимый вред заводам (Н. А. Колтовская, А. И. Карцева, М. И. Кузьмина, Л. Е. Лазарев и, скорее всего, М. П. Гусятников, А. В. и Н. В. Всеволожские, Ал. И. Пашков, П. М. и К. М. Губины, А. И. Яковлев (“холуницкий”), часть “невьянских” Яковлевых (“Михайловичей”), Подъячевы, Е. Л. Зотова и М. Л. Харитоновна в 1840-е гг., наследники А. С. Иноземцева и А. В. Зеленцова). По последствиям своего бездействия близкими к этому типу можно поставить “индифферентных” владельцев, представленных в основном “кагинскими” Демидовыми, в течение 30 лет так и не сумевших разделить и вступить в управление заводами. Сюда же отнесем и владельцев разоренных и ликвидированных заводов Красильниковых, Маленковых, Кобелевых и Тевкелевых.

При таком представительстве типов (мы вполне сознательно идем на известное обобщение в типологии заводчиков, чтобы не заблудиться в реальном многообразии типов и архетипов и уловить суть явления) получается, что “типичным” (то есть наиболее распространенным) для первой половины XIX в. оказался “некомпетентный, но осознающий свою ответственность” заводчик, преимущественно принадлежавший к “старинным” родам владельцев. Этот тип являлся, на наш взгляд, естественным “продуктом” переходной эпохи развития уральской горнозаводской промышленности, характеризующейся борьбой двух тенденций в эволюции образа и роли заводчика. Через владельцев, отнесенных к этому типу, тенденция к превращению во “владельца-рантье” уже начала активно себя проявлять в конкуренции с сохранявшей свою актуальность, но все более утрачиваемой ролью “владельца-менеджера”. В результате реальный образ “типичного” заводчика первой половины XIX в. в преобладающем большинстве индивидуальных проявлений не совпадал с абстрактно-логическим образом “идеального” заводчика. Однако он вполне укладывается в замеченную специалистами динамику образа уральских заводчиков XVIII – начала XX в.

Поскольку благоприятные условия для предпочтения не соответствующей времени роли “владельца-рантье” создавало эволюционное развитие окружной организации уральской горнозаводской промышленности, можно сказать, что ее позитивный потен-

циал оказался исчерпанным уже в переходный период первой половины XIX в., а распад вовсе не случайно начался с такого наиболее уязвимого и неустойчивого элемента, как заводовладелец. Ускоряла этот процесс и характерная для крепостного времени нобилизация заводчиков. Можно констатировать, что кризис уральских заводов во второй половине этого столетия сопровождался “кризисом владений и владельцев”, обнаружившимся еще в дореформенное время. Его сутью являлось то, что в далеко не простых условиях первой половины XIX в., когда еще сохранялась ведущая (хотя уже и отличающаяся по своему “наполнению” от предшественников) роль заводчиков в истории принадлежавших им заводов, большинство из них с этой ролью самостоятельно уже не справлялись. Более успешно (но не без издержек) заводчикам удавалось решать проблемы наследования и собственности (посессионной – владельческой, “многовладельческой”), то есть выполнять свою “юридическую” функцию. В значительно меньшей степени они справлялись с проблемами управления (организационно-распорядительной или административной функцией), следствием чего и становилось их замещение в этой роли государственными или общественными институтами. Уместный в такой ситуации “менеджерский” тип управления делал еще первые шаги и далеко не всегда оказывался эффективным на практике. Немногочисленные “новые” владельцы, как правило, были не подготовлены к восприятию трудной роли заводчика (тем более “идеального”) и так же не справлялись с ней, как и большинство “старинных” владельцев и наемных специалистов.

Судя по динамике учреждения различных форм “нехозяйственного” управления, симптомы этого “кризиса” проявились уже в 1820-е гг. и особенно усилились в 1840-е – начале 1860-х гг. Причем, некомпетентными чаще обнаруживали себя заводчики-посессионеры (75 % посессионных округов подвергались каким-либо формам “нехозяйственного” управления), но, как показывает практика, зависело это не столько от статуса владения, сколько от более широкого круга причин. В то же время владельческий статус вовсе не являлся гарантией успешного развития заводов и не защищал их от вмешательства властей (45 % владельческих округов подвергались каким-либо формам санкционированного казенного или общественного контроля в условиях их более щедрого государственного кредитования). Это говорит о том, что правовой статус хозяйства не являлся решающим фактором, определявшим характер развития заводов. Доминирующими здесь оказывались объективные, а потому общие для всех заводов экономические (а не правовые) условия развития горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. (связанные с обострившимися противоречиями окружной организации заводского хозяйства и технико-технологическими “вызовами” Запада) и субъективные проявления воли самих заводчиков, зависевшие в первую очередь от личностных качеств владельцев или “ментальных установок” того сословия (дворянства), к которому большинство из них принадлежало. Существенное влияние на развитие заводов оказывал также «пограничный» (объективно-субъективный) фактор, связанный с наследственным характером собственности и вытекающими отсюда проблемами наследования и семейных отношений.

Поэтому негативное влияние посессионного права (и шире – “казенной опеки”) на ход промышленного развития в дореформенный период (на чем настаивало общественное мнение середины XIX в.) было, на наш взгляд, полемически преувеличено. Критика норм этого права в начале 1860-х гг. была направлена не столько в прошлое, сколько в будущее, в котором сохранение “казенной опеки” действительно оказывалось существенной преградой на пути свободного ранне-буржуазного предпринимательства и выглядело неуместным и вредным анахронизмом. Тем не менее укрепление и сохранение посессионного права в горнозаводской промышленности в течение всего XIX в., по всей видимости, определялось не только фискальными интересами государства, но и во многом справедливыми опасениями властей за непредсказуемое “экономическое поведение” заводовладельцев. Основанием для этого вполне могла послужить в целом неудачная практика владения уральских заводчиков в первой половине XIX в.

Другая проблема заключалась в том, что активная финансовая и административная “помощь” заводчикам со стороны государства и общества, как показывают те же практики владения, редко приводила к благоприятным результатам для заводов обоих статусов и скорее всего сдерживала переход к “менеджерскому” типу управления. Это, на наш взгляд, косвенно отразило необходимость серьезных перемен не только в организации горнозаводской промышленности и составе заводовладельцев, но и в промышленной политике государства и в целом в базовых основах российского общества, во многом исчерпавшем к середине XIX в. позитивный потенциал своего стадийного развития. Немногочисленные пока историографические свидетельства подобного же состояния заводов и “старинных” заводчиков других металлургических центров России (в частности, Замосковского района) только подкрепляют этот общий вывод.

Примечания

Введение

- ¹ Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Чубарьян А. О. Современные тенденции социальной истории // Социальная история: Ежегодник. 1997 г. М., 1998; Репина Л. П. “Новая историческая наука” и социальная история. М., 1998; Козьменко В. М. Историческая антропология: сегодня и завтра // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002.
- ² Очерки экономической антропологии. М., 1999; Кузьмичев А. Д. Дух предпринимательства (Несколько слов об антропологическом подходе к истории экономики) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. С. 51–56.
- ³ История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 5; Крупанин А. А. Основы предпринимательства. СПб., 1992; Томилов В. В. Культура предпринимательства: Уч. пособие. СПб., 2000; Предпринимательство: Уч. пособие. М., 2002.
- ⁴ Галаган А. А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997.
- ⁵ Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994; Преображенский А. А., Перхавко В. Б. Купечество Руси. XI–XVII вв. Екатеринбург, 1997; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997; Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998; Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. М., 1999; История предпринимательства в России. Кн. 1, 2. М., 2000; и др.
- ⁶ Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М., 1996; Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX в. Ч. 1, 2. Кострома, 2001; Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998; Кусова И. Г. Рязанское купечество. Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996; Юркин И. Н. Демидовы в Туле. Из истории становления и развития промышленной династии. М., 1998; Ковальчук А. В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII в. М., 1999; и др.
- ⁷ Калинин В. Д. Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских. М., 1993; Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики. Семейные хроники. М., 1993; Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996; Рууд Ч. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1996; и др.
- ⁸ История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 5–11.
- ⁹ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. М., 2000.
- ¹⁰ Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М.; Л., 1935; Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936; Струминин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет. М.; Л., 1935; Виргинский В. С. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М., 1986; Устьянцев С. В. Черная металлургия Урала на путях перехода от мануфактуры к фабрике (техническая сторона процесса): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991; Запарий В. В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.
- ¹¹ Любимиров П. Г. Географическое размещение металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России в XVII, XVIII и начале XIX в. // Очерки по истории русской промышленности. М., 1947; Тихонов Б. В. Каменноугольная промышленность и черная металлургия России во второй половине XIX в. М., 1988.
- ¹² Юхт А. И. Государственная и политическая деятельность В. Н. Татищева в 20 – начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985; Корепанов Н. С. Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: исторический опыт // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 215–229;

- Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. Екатеринбург, 1998; Генерал от металлургии Павел Аносов. Екатеринбург, 1999; Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX вв. Екатеринбург, 1999.
- ¹³ Струмилин С. Г. История черной металлургии СССР. Т. 1. М., 1954; Полянский Ф. Я. Экономический строй мануфактуры в России в XVIII в. М., 1956; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973.
- ¹⁴ Кривоногов В. Я. Наемный труд в горнодобывающей промышленности Урала в дореформенный период (1800–1860) // Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время. Свердловск, 1964; Кулагина Г. А. Рабочие уральских заводов накануне реформы 1861 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Черкасова А. С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985; Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900 гг. (Численность, состав, положение). М., 1985; Павловский Н. Г. Горнозаводские рабочие Урала в первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989; Неклюдов Е. Г. Горнозаводские рабочие Урала в первой половине XIX в.: социо-экономическая характеристика // Уч. записки НТГПИ. Вып. 2. Нижний Тагил, 2001. С. 23–27; Дашкевич Л. А., Бугаева С. Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX в. // Уч. записки СОКМ. Т. 2. Екатеринбург, 1997; Горловский М. А., Пятницкий А. И. Из истории рабочего движения на Урале (1800–1870). Свердловск, 1954; Рутман Р. Е. Рабочее движение перед отменой крепостного права // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962; Вагина П. А. О характере волнений мастерских уральских заводов в последней четверти XVIII в. // История СССР. 1965. № 1; Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979; Черкасова А. С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII в. Пермь, 1980; и др.
- ¹⁵ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (Конец XIX – начало XX в.). М., 1971; Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (Конец XVII–XVIII вв.). Свердловск, 1987; Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996; Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX в.). М., 2000; Голикова С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 2001; Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001; Уральская родословная книга: крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000 и др.
- ¹⁶ Черноухов А. В. История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. Свердловск, 1988; Дмитриев А. В. Акционирование медной промышленности Урала на рубеже XIX–XX вв. // Коммерция и государство в истории России. Екатеринбург, 2001. С. 85–103; Шилов А. В. Золотопродовольственность частных горных округов Урала в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1973; Рукоусев Е. Ю. Золотоплатиновая промышленность Урала и ее рабочие в период капитализма (1861–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992; Сапоговская Л. В. Частная золотопродовольственность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург, 1998; Суровцева Н. Г. Некоторые аспекты развития платиновой промышленности в 40-е гг. XIX в. // Коммерция и государство в истории России. С. 59–63; Харитонов Е. Д. Солеваренная промышленность Прикамья в XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1971; Лушникова Н. М. Лесное хозяйство горных заводов Пермской губернии в дореформенный период (1801–1860 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1975; Сутырин Б. А. “Железные караваны” заводов Урала в XIX в. в отечественной историографии XX в. // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 415–418.
- ¹⁷ Мударисов Р. З. Горнозаводская промышленность Южного Урала в первой половине XIX в. Уфа, 1998; Кулбахтин Н. М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане XVIII в. М., 2000.

- ¹⁸ Козлов А. Г. Казенная горнозаводская промышленность Урала XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории Урала. Вып. 11. Свердловск, 1970; Путилова М. В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. К проблеме промышленного переворота. Красноярск, 1986; Железкин В. Г. Развитие казенной горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период (1861–1900 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992; Ляпин В. А. Военная промышленность Урала в первой половине XIX в. (технично-экономический аспект развития) // Уральский исторический вестник. Вып. 9. Екатеринбург, 2003. С. 90–102; Кулагина Г. А. Частные горные заводы Урала в период кануна реформы и революционной ситуации 1859–1861 гг. // Вопросы истории Урала. Вып. 4. Свердловск, 1963. С. 55–81.
- ¹⁹ История Урала. Пермь, 1963. Т. 1; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989; История Урала в период капитализма. М., 1990; Урал в панораме XX в. Екатеринбург, 2000.
- ²⁰ Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1898; Белов В. Д. Кризис уральских заводов. СПб., 1910; Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 3. С. 484; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
- ²¹ Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. С. 225–256; Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996; Гуськова Т. К. О новых подходах к изучению уральской горнозаводской промышленности // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 231–234; Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова. Екатеринбург, 2004.
- ²² Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949; Сметанин С. И. Разложение сословий и формирование классовой структуры горнозаводского населения России 1800–1861 гг. // Исторические записки. 1978. № 102. С. 159–182; Сметанин С. И. Феодальные и капиталистические резервы горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX в. // История СССР. 1977. № 1. С. 121–134; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982; Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (К характеристике процессов монополизации). Екатеринбург, 1993; Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995; Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв.; Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Указ. соч.
- ²³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 141; Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 67–78.
- ²⁴ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Румянцева М. Ф. Теория истории: Уч. пособие. М., 2002.
- ²⁵ Бессмертный Ю. Л. Многоликая история (Проблема интеграции микро- и макроподходов) // Казус–2000. С. 52–61.
- ²⁶ Очерки советской историко-правовой науки. М., 1975.
- ²⁷ История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований: Сб. статей. М.: Наука, 1977; Калистратова Э. А. Основы науки о родстве. Екатеринбург, 2002. Оговоримся, что в родословные схемы мы включали не всех членов рода, а тех, которые имели отношение к владению заводами и упоминаются в тексте диссертации.
- ²⁸ The Essential Alfred Chandler: Essays Toward a Historical Theory of Big Business / Ed. by Th. K. McCraw. Boston: Harvard Business School Press, 1988; Шпотов Б. М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003. С. 299–302.

Глава I

- ¹ Павленко Н. И. История металлургии в России в XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 24; Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. С. 10–11; Гурьев И. А., Усанов В. И. История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии. Свердловск, 1982.
- ² Спасский Г. И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833. Книга была переиздана в 1877 г.
- ³ В словаре Брокгауза – Ефрона содержится упоминание о безымянной работе “История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии Строгановых”, датированная еще 1761 г. (Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона. Т. 31. СПб., 1901. С. 805).
- ⁴ Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842.
- ⁵ Например: Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков с краткой биографией учредителей института. СПб., 1855; Мсереянц М. Памятник жизни и деяний знаменитых представителей рода Лазаревых. М., 1856; Гартвиг А. Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 г. графом С. Г. Строгановым. Ее возникновение и развитие до 1860 г. М., 1901; Сто лет Голицынской больницы в Москве. М., 1902.
- ⁶ Рябов И. М. Былина и временность Нижнетагильских заводов // Уч. записки Казанского ун-та. 1848. Кн. 2. Казань, 1848.
- ⁷ Описание Лысьвенского завода, составленное учителем Шалаевым // Уч. записки Казанского ун-та. Кн. 4. Казань, 1858.
- ⁸ Материалы по истории Пермского заповедного имения графов Строгановых // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. С. 90–158; Материалы по истории Пермского майоратного имения графов Строгановых // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 82–121.
- ⁹ Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.
- ¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы. Платина. Один из анекдотических людей // Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.
- ¹¹ Митинский А. Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909; Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М., 1910; Рагозин Е. И. Железо и уголь на Урале. СПб., 1903; и др.
- ¹² Белов В. Д. Указ. соч.
- ¹³ Воеводин Л. Е. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910.
- ¹⁴ Коровин В. К. Краткий исторический очерк дома Строгановых // Горный журнал. 1862. Ч. 3. Кн. 7–9; Колмаков Н. М. Дом и фамилия графов Строгановых. 1752–1887 гг. // Русская старина. 1887. Т. 53. Март. С. 575–602; Т. 54. Апрель. С. 71–94.
- ¹⁵ Например: Памяти Павла Павловича Демидова князя Сан-Донато. СПб., 1885; Памяти графа Павла Петровича Шувалова. СПб., 1907; Нижнетагильские и Луньевские заводы наследников П. П. Демидова князя Сан-Донато. Пермь, 1896; и др.
- ¹⁶ Головшиков К. Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881; Головшиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886 гг.). Ярославль, 1887; Пономарев А. М. К. Д. Головшиков – биограф рода Демидовых // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. М., 2001. С. 168–170.
- ¹⁷ Огарков В. В. Демидовы: их жизнь и деятельность. Биографический очерк. СПб., 1891. Книга переиздана в 1990-е гг.
- ¹⁸ Дмитриев А. А. Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия. Пермь, 1883; Дмитриев А. А. Пермские землевладельцы Лазаревы и их преемники князя Абамелек // Исторический вестник. 1893. Май. С. 427–447; Дмитриев А. А. Как жили Всеволожские в “доброе старое время” // Пермские губернские ведомости. 1900. № 74, 75.

- ¹⁹ Новокрещенных Н. Н. Чермозский завод. Его прошлое настоящее и летопись событий. СПб., 1889; Новокрещенных Н. Н. Постройка Кизеловского завода И. Л. Лазарева. Уфа, 1892.
- ²⁰ Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Т. 1. Пермь, 1892; Кокшаров К. И. Сысертские горные заводы. Пермь, 1856; Одинцов А. Кыштымские горные заводы наследниц Расторгуева. СПб., 1870.
- ²¹ Еврейнов М. М. П. А. Демидов // Русский архив. 1873. № 11; Толычев Т. Предания Невьянского завода // Русский архив. 1878. № 2.
- ²² Шишонко В. Н. Пермская летопись. С 1263 по 1881 г. Периоды 1–5. Пермь, 1881–1889.
- ²³ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Русская родословная книга. СПб., 1873. Т. 1; Бобринский А. А., гр. Дворянские роды, внесенные в Гербовник Всероссийской империи. Ч. 1, 2. СПб., 1890; Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886; Ельчанинов И. Н. Материалы по генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1913; Петров П. Н. История родов русского дворянства. Кн. 1. М., 1991; Дворянские роды Российской империи. Т. 1–3. СПб.; М., 1993–1996.
- ²⁴ Всеволожский А. Н. Род Всеволожских. Симферополь, 1886; Экземплярский А. В. Владетельные князья Белозерские. Ярославль, 1888; Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892; Дмитриев А. А. Родословная дома Строгановых // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895; Демидов П. А. Родословная рода Демидовых. Житомир, 1910.
- ²⁵ Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц России. СПб., 1874; Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1874; Русский биографический словарь. Т. Алексинский – Бестужев-Рюмин. М., 1992; Т. Бетанкур – Бякстер. М., 1995; Т. Гоголь – Гюие. М., 1997; Т. Смеловский – Суворина. М., 1999; Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона. Т. 10. СПб., 1893; Т. 31. СПб., 1901; Т. 41. СПб., 1904; Энциклопедический словарь Гранат. Т. 18. М., б. д.
- ²⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I: В 3 т. СПб., 1903.
- ²⁷ См. сноски № 10, 11, 13 введения.
- ²⁸ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. 1. С. 13–14.
- ²⁹ Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957; Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.
- ³⁰ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. 1.
- ³¹ Кафенгауз Б. Б. Война 1812 г. и ее влияние на социально-экономическую жизнь России (По материалам предприятий Н. Демидова) // Вопросы истории. 1962. № 7; Кафенгауз Б. Б. Хозяйство Демидовых в конце первой трети XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963. С. 224–236.
- ³² Курицын И. С. Пермские промышленные предприятия Голицыных в XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1950; Байкова С. М. История горнозаводских рабочих заводов Абамен-Лазаревых в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952; Григорова-Захарова С. П. Торговля железом Голицыных во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Ушаков И. Ф. Белорецкое горное хозяйство дворян Пашковых в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958; Дилоян В. А. Хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в России во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1962; Гуськова Т. К. Рабочие Урала в пореформенный период (в 60–90-е гг. XIX в.) (по материалам Нижнетагильского горного округа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964; Мухин В. В. Уральская горнозаводская вотчина Всеволожских в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1966; Буранов Ю. А. Промышленность и рабочий класс Урала в 1890–1917 гг. (По материалам Богословского горнозаводского округа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967; Чернявская Т. А. Горнозаводское хозяйство Лазаревых в крепостную эпоху (Конец XVIII – первая половина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1968.

- ³³ Мухин В. В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX в. Пермь, 1978.
- ³⁴ Павленко Н. И. Указ. соч.
- ³⁵ Вяткин М. П. Указ. соч.
- ³⁶ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980; Юхт А. И. Указ. соч.
- ³⁷ Сметанин С. И. Указ. соч.
- ³⁸ Яцунский В. К. Капиталы и доходы предприятий черной металлургии в России в 50-х гг. XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. С. 118–149.
- ³⁹ Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.
- ⁴⁰ Гиндин И. Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические записки. Т. 82. М., 1968.
- ⁴¹ Буранов Ю. А. Указ. соч.
- ⁴² Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в.
- ⁴³ Гаврилов Д. В. Указ. соч.
- ⁴⁴ Орлов А. С. Указ. соч.; Черкасова А. С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII в.; и др.
- ⁴⁵ История Урала с древнейших времен до 1861 г.; История Урала в период капитализма.
- ⁴⁶ Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в.
- ⁴⁷ Гуськова Т. К. Роль Демидовых в истории горнометаллургической промышленности России // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. М., 2001. С. 79–84; Гуськова Т. К. Индустриализация по-уральски // Три столетия уральской металлургии. Развитие металлургического производства на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 94–103; Гуськова Т. К. “Демидовская тема” в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. М., 2003. С. 120–127.
- ⁴⁸ Юркин И. Н. Тульский завод Демидовых. 1695–1782: Из истории становления и развития доменной металлургии России. М., 1996; Юркин И. Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии.
- ⁴⁹ Юркин И. Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт научно-ведческой просопографии. М., 2001.
- ⁵⁰ Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000.
- ⁵¹ Мезенин Н. А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л., 1987.
- ⁵² Черкасова А. С., Мосин А. Г. “На благо любезного Отечества” // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург, 1994. С. 246–275; Дашкевич Л. А. Авроринские приюты // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. М., 2003. С. 57–60; Дашкевич Л. А. Демидовский Дом трудолюбия в Санкт-Петербурге: об истоках помощи беднякам // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 69–71; Клат С. А. Демидовы и медицина // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. С. 101–107; Соркин Ю. Э. Демидовы и медицина // Уральская старина: Литературно-краеведческие записки. Вып. 3. Екатеринбург, 1997. С. 183–196; Карпова Е. В. Скульптурные портреты Демидовых // Демидовский временник. Кн. 1. С. 99–146; Руднева Л. Ю. Портреты Демидовых из собрания Государственного исторического музея // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. С. 31–34; Трошина Т. М. О собирательской и меценатской деятельности Демидовых в первой половине XIX в. (По материалам архивов) // Меценаты и коллекционеры дореволюционного Урала. Екатеринбург, 1999. С. 69–80; Маркина Л. А. Портрет Авроры Карловны Демидовой кисти К. П. Брюллова // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. С. 149–154; Адамишина О. Н. Демидовы в Италии: Сан-Донат, Пратолино, Абамелек... // Уральская старина. Вып. 3. С. 99–110; Неверов О. Я. Памятники античной скульптуры из собрания Демидовых в Государственном

- Эрмитаже // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 31–36; Костерина-Азарян А. Б. Театральная старина Урала. Екатеринбург, 1998; Клат С. А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле. Екатеринбург, 2003.
- ⁵³ Демидовы: Родословная роспись / Авт.-сост. Е. И. Краснова. Екатеринбург, 1992; Краснова Е. И. Инспектор первой русской консерватории // Демидовский временник. Кн. 1. С. 163–171; Краснова Е. И. Образцовый хозяин-помещик В. Л. Демидов и его хозяйство // Тульский металл: четыре столетия истории. М.; Тула, 1995. С. 23–25; Краснова Е. И. Павел Павлович Демидов // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 35–45; Краснова Е. И. Поэт-гусар М. А. Демидов // Тагильский край в панораме веков. Вып. 2. Нижний Тагил, 2001. С. 178–184; Краснова Е. И. Петербург и Демидовы // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 7–23; и др.
- ⁵⁴ Демидова Н. Г. Род Демидовых: прошлое и настоящее // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. С. 7–43; Демидова Н. Г. К истории освоения Демидовыми минеральных богатств России // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. С. 84–91; Tissot-Demidoff A.-G. Bonaparte end Demidoff: A Tale of Two Family Dynasties // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 128–136.
- ⁵⁵ Черкасова А. С. Хозяин или творец славы “Старого соболя”? // Металлург. 1993. № 8. С. 53–56; Черкасова А. С. “...Чтоб железо делать самым добрым мастерством”. Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник. Кн. 1. С. 10–29; Черкасова А. С. История одного конфликта. Из переписки В. Н. Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми // Демидовский временник. Кн. 1. С. 174–199; Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина. Вып. 3. С. 10–98; Павловский Н. Г. Внешнеэкономическая деятельность Н. Н. Демидова в 20-е гг. XIX в. // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. С. 11–13; Суровцева Н. Г. Экспорт железа Нижнетагильских заводов Демидовых в 40–50-е гг. XIX в. // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 72–79; Смирнов С. С. Заводовладелец и приказчики (Письма Никиты Никитича Демидова) // Демидовский временник. Кн. 1. С. 204–227; Мельчакова О. А. Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй половине XVIII – начале XIX в. // Проблемы истории России. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 47–62; Мельчакова О. А. Система финансового контроля на Нижнетагильских заводах во второй половине XVIII – начале XIX в. // Историческая наука на рубеже веков. С. 156–163.
- ⁵⁶ Суровцева Н. Г. Некоторые аспекты развития платиновой промышленности в 40-е гг. XIX в. // Коммерция и государство в истории России. С. 59–63; Суровцева Н. Г. Экспорт уральского металла в середине XIX в. Екатеринбург, 2001.
- ⁵⁷ Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов во главе управления Нижнетагильскими заводами // Три столетия уральской металлургии. С. 52–64; Неклюдов Е. Г. Владения “тагильской” ветви рода Демидовых в крепостной период // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 45–57; Неклюдов Е. Г. Суксунские заводы во владении Демидовых в первой половине XIX в. // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 103–115.
- ⁵⁸ Hudson Jr. H. Free Enterprise end the State in Eighteenth-Century Russia: The Demidov Metallurgical Empire // Canadian Slavonic Papers. 1984. Vol. 26. No. 2–3; Hudson Jr. H. The Rise of the Demidov Family end the Russian Iron Industry in the Eighteenth Century. Newtonville (Mass.), 1986.
- ⁵⁹ Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России. С. 64–76.
- ⁶⁰ Aapeli Saaricalo. Aurora Karamzin ja hanen aikansa. Porvoo Helsinki, 1972.
- ⁶¹ Шакинко И. М. Демидовы: Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000; Демидовские гнезда: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001; Мезенин Н. А. Династия Демидовых: Исторические очерки. Нижний Тагил, 2002.
- ⁶² Шилов В. В. Очерки истории династии Строгановых. Березники, 1995; Андреев А. Р. Строгановы. XVI–XX вв.: Энцикл. издание. М., 2000.

- ⁶³ Базиянц А. П. Над архивом Лазаревых. М., 1982; Амирханян А. Т. Тайны дома Лазаревых. Фрагменты истории Московской армянской общины XIV–XX вв. М., 1992; Гассельблат Г. В., Попова Е. Г. Лазаревы на Урале // Сплетались времена, сплетались страны... Вып. 10. СПб., 2002. С. 8–37; Чуприяновы М. Н. и В. И. Чермозские заводовладельцы и землевладельцы. Пермь, 2002; Всеволожская Л. Б. Всеволожи: Исторический очерк. Рязань, 2002.
- ⁶⁴ Меценаты и коллекционеры дореволюционного Урала; Неверов О. Коллекции графа А. С. Строганова // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 47–54; Кудрявцева Е. П. Российский посланник в Константинополе Г. А. Строганов // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 27–46; и др.
- ⁶⁵ Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха; Судьба по имени Лысва / Автор текста В. А. Шкерин. Екатеринбург, 2000; Строгановы и Пермский край. Пермь, 1992; Пермское Прикамье в истории Урала и России. Березники, 2000, 2001; Тагильский край в панораме веков. Екатеринбург, 1999; Река Чусовая: проблемы изучения и сохранения природного и культурного наследия. Нижний Тагил, 2003; и др.
- ⁶⁶ Князья Абамелек и Абамелек-Лазаревы, графы и дворяне Лазаревы: Родословные росписи / Авт.-сост. А. Н. Онучин. Пермь, 1996; Именитые люди, бароны и графы Строгановы: Родословная роспись / Авт.-сост. А. Н. Онучин. Пермь, 1996; Купцов И. В. Родословие “Именитых людей, баронов и графов Строгановых” // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 11. СПб., 2000. С. 89–95; Всеволожские: Родословная роспись / Авт.-сост. А. Н. Нарбут. М., 2000; Князья Голицыны: четвертая ветвь: Родословные росписи / Авт.-сост. А. Н. Нарбут. М., 2002.
- ⁶⁷ Кулбахтин Н. М. Указ. соч.
- ⁶⁸ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских заводов XVIII–XIX вв.: Историко-краеведческие очерки. Ч. 1, 2. Уфа, 1985, 1993; Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах. Кн. 1, 2. М., 2001.
- ⁶⁹ Полевской край. Вып. 1. Екатеринбург, 1998; Сысерть: в краю бажовских сказов / Автор текста В. А. Шкерин. Екатеринбург, 2002; Чуманов А. Н. и др. Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001; Шимонек Е. В. О связях рода Соломировских с А. С. Пушкиным и пушкинским окружением // Историческая наука на рубеже веков. С. 357–360; Агеев С. С., Микитюк В. П. Рязановы – купцы Екатеринбургские. Екатеринбург, 1998; Бессонов М. С. Родословие верхотурского купца и заводчика М. М. Походяшина // Уральский родословед. Вып. 5. Екатеринбург, 2001. С. 3–13; Коновалов Ю. В. Соломировские: происхождение семьи и фамилии // Человек и общество в информационном измерении. Екатеринбург, 2001. С. 176–179; Александров А. А. Из истории Бемышевского медеплавильного завода // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск, 1981; Павлов А. Московский именитый гражданин А. А. Кнауф // Деловой Урал. 1999. 16 июля; Павлов А. “Симские князья” Балашевы // Деловой Урал. 2000. 12 мая; и др.
- ⁷⁰ Свистунов В. М. История Каслинского завода 1745–1900 гг. Челябинск, 1997; Линник О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900 гг.). Снежинск, 2003; Харитоновна Е. Д. Из истории купеческого рода Харитоновых // Уральская старина. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 16–108.
- ⁷¹ Торопов А. Н. Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII – начале XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
- ⁷² Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988; Аксенов А. И. Московские купцы-предприниматели в XVIII в. // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. С. 151–165.
- ⁷³ Сапоговская Л. В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв.
- ⁷⁴ Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Указ. соч.
- ⁷⁵ Черкасова А. Горнозаводская мануфактура и процесс горообразования в России XVIII в. // Исторические записки. № 93. М., 1974. С. 293–308; Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX в. Екатеринбург, 1993; Гуськова Т. К. Особенности горообразова-

- зовательных процессов на Урале в XVIII – первой половине XIX в. // Актуальные проблемы регионального географического, экологического и биологического образования. Екатеринбург, 2000. С. 41–46.
- ⁷⁶ Наиболее глубокому историческому исследованию этот феномен подвергся в книге Т. Ф. Ермоленко “Патернализм в России (Опыт культурно-исторического анализа)” (Ростов н/Д, 1999).
- ⁷⁷ Железкин В. Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. // *Металлургические заводы и крестьянство*. Екатеринбург, 1992. С. 95–101; Голикова С. В. Попечение владельцев о горнозаводских рабочих Урала в сфере здравоохранения (1800–1861 гг.) // *Доклады Вторых Морозовских чтений*. Ногинск, 1996. С. 36–40; Дашкевич Л. А. Уральские горнозаводчики и рабочие XVIII – первой половины XIX в.: опыт социальной политики в промышленности // *Три столетия уральской металлургии*. С. 64–70.
- ⁷⁸ Неклюдов Е. Г. Идеи патернализма в социальной политике уральских заводчиков Демидовых в первой половине XIX в. // *Тульский металл: четыре столетия истории*. М.; Тула, 1995. С. 16–19; Гуськова Т. К., Неклюдов Е. Г. Эволюция отношений заводчиков и горнозаводских рабочих на Урале в XVIII–XIX вв. (На примере Нижнетагильских заводов Демидовых) // *Доклады Вторых Морозовских чтений*. С. 180–181; Неклюдов Е. Г. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX в. // *Урал на пороге третьего тысячелетия*. Екатеринбург, 2000. С. 85–87.
- ⁷⁹ Редин Д. А. Власть, заводовладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере уральской частной металлургии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.
- ⁸⁰ Манин В. А. Проблемы горнозаводского землевладения на Урале и его правовых основ в трудах дореволюционных исследователей // *Урал индустриальный*. Бакунинские чтения. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 93–102; Манин В. А. Формы налогообложения за пользование землей горнозаводскими предприятиями на Урале в XVIII в. // *Уральский исторический вестник*. № 9. С. 64–73.
- ⁸¹ Хеллер К. Отношения собственности в горнодобывающей и металлургической промышленности России, XVIII – начало XX в. // *Собственность в XX столетии*. М., 2001. С. 197–215.
- ⁸² Тороп В. В. Система управления частными горнозаводскими хозяйствами Среднего Урала в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999.
- ⁸³ Шкерин В. А. Князь Голицын и граф Шувалов (Сравнительная характеристика уральских заводчиков рубежа XIX–XX вв.) // *Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт*. Екатеринбург, 2001. С. 332–342.
- ⁸⁴ Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // *Три столетия уральской металлургии*. С. 76–87.
- ⁸⁵ Куприянова Л. В. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е гг. XIX в.). М., 1994; Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки). М., 1986 (автор не рассматривает политику в горнозаводском деле); Проскурякова Н. А. Земельные банки Российской империи. М., 2002; Суворовцева Н. Г. Экспорт уральского металла в середине XIX в. Екатеринбург, 2001 (где рассматривается торговая политика). Новый системный подход к анализу промышленной политики сформулирован в очерке В. В. Алексеева и Л. В. Сапоговской “Исторический опыт промышленной политики в России” (Екатеринбург, 2000), но полноценного исследования на его основе пока не проведено.
- ⁸⁶ Сложные вопросы посессионного права интересовали в основном правоведов и экономистов дореволюционного периода. См. работы А. А. Штофа (Горное право. СПб., 1896; и др.), В. А. Удинцова (Посессионное право. Киев, 1896; и др.), А. Н. Митинского (Посессионное право. СПб., 1907); М. И. Туган-Барановского (Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.; Л., 1934), И. С. Сигова (Народ и посессионные владения на Урале // *Уральский областник*. 1991. Август. С. 48–70).

- ⁸⁷ Демиховский К. К. История Приокского горного округа в крепостную эпоху. М., 1956 (рукопись); Арсентьев Н. М. Баташевы: история расцвета и упадка промышленной династии // Демидовский временник. Кн. 1. С. 278–294; Арсентьев Н. М. Замосковский горный округ: заводо-владельцы и рабочие. Саранск, 1994; Гавлин М. Указ. соч.; Ульянов Г. Н. Мальцовы: двести лет на российском рынке // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. С. 178–200.
- ⁸⁸ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в.; Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели. М., 1999; История предпринимательства в России. Кн. 1; и др. В этих трудах встречаются лишь упоминания о Демидовых, Строгановых, Губиных и Гусятниковых (в основном XVIII в.).
- ⁸⁹ При всей бесспорной значимости энциклопедии “Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв.” (Екатеринбург, 2001) это замечание в первую очередь относится именно к ней и отчасти к “Уральской исторической энциклопедии” (Екатеринбург, 1998).
- ⁹⁰ Рыбаков Ю. Я. Свод законов Российской империи первой половины XIX в. (К источниковедческой характеристике) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 61–68.
- ⁹¹ Нисселович Л. М. История заводско-фабричного законодательства Российской империи. СПб., 1883–1884. Ч. 1, 2; Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки); Поткина И. В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX–XX вв. Современный взгляд. М., 2000. С. 303–322; Лагуткин А. В. История и теория горного права Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997.
- ⁹² Грамматчиков В. А. Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870; Штоф А. А. Горное право: изложение горных законов, действующих в России и в главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896.
- ⁹³ ПСЗ–I. Т. 29. № 22208; СЗ 1832 г. Т. 7. Устав горный; СЗ 1842 г. Т. 7. Устав горный; СЗ 1857 г. Т. 7. Устав горный.
- ⁹⁴ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973.
- ⁹⁵ СЗ 1857 г. Т. 4. Кн. 2. Уставы о повинностях; Т. 9. Ч. 1, 2. Законы о состояниях; Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские; Т. 11. Ч. 1. Учреждения и уставы государственных кредитных установлений.
- ⁹⁶ Например: Мукомолов А. Ф. Указ. соч.
- ⁹⁷ Литвак Б. Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв.: (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. С. 48–55; Шепелев Л. Е. Изучение делопроизводственных документов XIX – начала XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 119–138.
- ⁹⁸ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1981; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. Гл. 7.
- ⁹⁹ Корепанов Н. С. Указ. соч. С. 215–229; Тулисов Е. С. Указ. соч.
- ¹⁰⁰ Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в.: Источниковедческое исследование. М., 1976 (где анализируется главным образом фабрично-заводская статистика); Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии в первой половине XIX в. // Исторический архив. Т. 9. М., 1953. С. 230–321; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 г. СПб., 1863. С. 1–109; Статистический временник Российской империи. Т. 1. СПб., 1866; Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Свердловск, 1956.
- ¹⁰¹ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. М., 1951; Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985.

- ¹⁰² Тартаковский А. Г. 1812 г. и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991; Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997.
- ¹⁰³ Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. Анатолием Демидовым. М., 1853; Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 3; Из рассказов графа С. Г. Строганова // Русская старина. 1896. № 6; Строганов С. Г. О серебряных вещах, найденных во Владимире и Ярославской губернии в 1837 г. // Русский исторический сборник. Т. 4. Кн. 2–3. М., 1840; Строганов С. Г. Дмитровский собор во Владимире-на-Клязьме,строенный с 1194 по 1197 гг. СПб., 1849; Golitzin M. Quelques pensees. Se vend au profit d'une oeuvre de charite. Paris, 1846; Golitzin M. Le commandeuz, roman. Paris, 1850; Golitzin M. Deux xylographies de la biblio theque de feu. М., 1864; Балашев А. Д. Письма генерал-адъютанта Балашева к императору Наполеону // Исторический вестник. 1883. № 5. С. 425–438; Никитин А. П. Краткая записка о войне 1812 г. // Харкевич В. Вильна. 1903. Вып. 2. С. 139–150.
- ¹⁰⁴ Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1966. С. 495–497 (рукопись хранится в ИРЛИ).
- ¹⁰⁵ Переписка хранится в ОР НИИ РГБ (Ф. 41).
- ¹⁰⁶ К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников М., 1952; Суровцева Н. Г. Из переписки двух друзей // Демидовский временник. Кн. 1. С. 228–245.
- ¹⁰⁷ Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986; Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. Т. 1. М., 1988; Герцен А. И. Сочинения: В 9 т. Т. 9. М., 1958; Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч.; Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939; Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991; Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991; Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989; Записки Д. Н. Свербеева (1799–1826). Т. 2. М., 1899; Каменская М. Ф. Воспоминания. М., 1991; Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1987; Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. Кн. 1; Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996; Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989; Янькова Е. П. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М., 1989; Муханов В. А. Дневник // Русский архив. 1897. Кн. 1; Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 гг. М.; Л., 1960; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930; Свинын П. П. Воспоминания о тайном советнике Николае Никитиче Демидове // Отечественные записки. 1829; Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988; Строев В. М. Париж в 1838 и 1839 гг.: Путевые записки и заметки. СПб., 1842; Заметки и дневники Л. В. Дубельта // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 6. М., 1995; Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892; Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955; Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989; Муравьев Н. Н. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989; Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983; Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал (Очерки и впечатления). Ч. 2. СПб., 1904; Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992; Байдин В. И. и др. Дневник священника // Уральский исторический вестник. № 2. Екатеринбург, 1995. С. 114–143.
- ¹⁰⁸ Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959; Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг.: Краткий очерк. М., 1971; Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение. М., 1983.
- ¹⁰⁹ Лепле Ф. О испанской горной промышленности // Горный журнал. 1834. Ч. 4. С. 512–520; и др.; Колюпанов Н. Хронологический перечень заводов европейской России с означением переходов их к разным владельцам // Горный журнал. 1871. № 6. С. 455–475.
- ¹¹⁰ “Колокол”. Факсимильное издание. Вып. 10. М., 1964. С. 25–31; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 409.
- ¹¹¹ См.: Горный журнал. 1862. Ч. 3, 4; Добровольский С. М. О посессионном горном владении в России в виду предстоящей ему реформы. СПб., 1864; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228.

- ¹¹² Боголюбов Е. А. Комментарии к роману “Горное гнездо” // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. Свердловск, 1948; Груздев А., Груздева С. Комментарии к роману “Приваловские миллионы” // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1959; Сапоговская Л. В. Золотопромышленники в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка: литературные персонажи и исторические типы // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире. Нижний Тагил, 2002. С. 99–113; Неклюдов Е. Г. Образы заводовладельцев в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире. С. 95–98; Гуськова Т. К. Д. Н. Мамин-Сибиряк и Тагильский край. Нижний Тагил, 2003.
- ¹¹³ Вересаев В. В. Спутники Пушкина. Т. 1, 2. М., 1937; Черейский Л. А. Современники Пушкина: Документальные очерки. М., 1999.
- ¹¹⁴ Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1, 2; Стендаль Ф. Собр. соч.: В 15 т. М.; Л., 1950. Т. 12; Пруст М. В поисках утраченного времени: В 4 т. М., 1992.
- ¹¹⁵ Крупнейшим является издание великого князя Николая Михайловича “Русские портреты XVIII и XIX столетий” (Т. 1–4. СПб., 1905–1909), а также многочисленные каталоги выставок и художественных собраний (например: Строгановы: меценаты и коллекционеры: Каталог выставки. СПб., 2003).
- ¹¹⁶ Из искусствоведческих работ можно отметить статьи Е. В. Карповой, Л. А. Маркиной, Т. М. Трошиной, Л. Ю. Рудневой, О. Я. Неверова и др.; из исторических – книги И. Б. Чижовой, И. М. Шакинко, Е. П. Пироговой.
- ¹¹⁷ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1605.

Глава II

- ¹ ПСЗ–I. Т. 22. № 16188. § 105, 111; Т. 38. № 29518.
- ² Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. С. 54–79, 86.
- ³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 108. Л. 3.
- ⁴ ПСЗ–I. Т. 5. № 3464.
- ⁵ Там же. Т. 6. № 3711.
- ⁶ Там же. Т. 5. № 3464. § 10.
- ⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 97 об.
- ⁸ Михайлов Н. Историческое и современное значение посессионного права владения горнозаводскими именьями // Горный журнал. 1862. Ч. 4. С. 334–336; Манин В. А. Формы налогообложения за пользование землей горнозаводскими предприятиями на Урале в XVIII в. // Уральский исторический вестник. № 9. С. 64–73; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 125–131.
- ⁹ См., например, обобщающий труд “История Урала с древнейших времен до 1861 г.” (С. 273).
- ¹⁰ Полетика И. О посессионном праве владения русскими горными заводами // Горный журнал. 1862. Ч. 3. С. 552.
- ¹¹ Михайлов Н. Указ. соч. С. 336–337.
- ¹² ПСЗ–I. Т. 21. № 15447, 15518.
- ¹³ Михайлов Н. Указ. соч. С. 337–338.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2574. Л. 859.
- ¹⁵ ПСЗ–I. Т. 25. № 18442.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6998. Л. 78; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 3.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 3. Л. 2–3, 6–9.
- ¹⁸ Там же. Л. 10–11, 61, 122–132, 149.
- ¹⁹ ПСЗ–I. Т. 31. № 24688. § 47, 244.
- ²⁰ Михайлов Н. Указ. соч. С. 340–341.
- ²¹ ПСЗ–I. Т. 24. № 18211.
- ²² Михайлов Н. Указ. соч. С. 341–342.

- ²³ СЗ 1857 г. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. Ст. 432, 513–556.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 1, 22–23, 90; Михайлов Н. Указ. соч. С. 328–366.
- ²⁵ Полетика И. Указ. соч. С. 547–558; Огородзинский Д. А. Записка о значении посессионного права // ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 90–104 об.; Добровольский С. М. Указ. соч.; И. Ч. О посессионном владении горными заводами // Горный журнал. 1862. Ч. 4. С. 492–518; Петров А. Ответ на статью Н. И. Михайлова “О посессионном праве в горной промышленности” // ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 125–131.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 90.
- ²⁷ Там же. Оп. 25. Д. 580. Л. 53.
- ²⁸ ПСЗ–I. Т. 29. № 22208. Ст. 11, 822; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 492.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4133.
- ³⁰ Железкин В. Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. С. 97.
- ³¹ ПСЗ–I. Т. 15. № 11511; Т. 27. № 20439 а.
- ³² Там же. Т. 37. № 28493; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 473.
- ³³ ПСЗ–I. Т. 29. № 22208. Ст. 239, 240.
- ³⁴ Там же. Ст. 241–244, 737.
- ³⁵ Там же. Ст. 187, 201, 217.
- ³⁶ Там же. Ст. 248.
- ³⁷ Там же. Ст. 200, 217.
- ³⁸ Там же. Ст. 877, 911.
- ³⁹ Там же. Ст. 892, 899, 911, 918.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 225. Л. 10–11, 34–35.
- ⁴¹ ПСЗ–I. Т. 24. № 17909; Т. 25. 18442.
- ⁴² Там же. Т. 29. № 22208. Ст. 715.
- ⁴³ Там же. Ст. 769, 771, замечания.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 580. Л. 103–109.
- ⁴⁵ ПСЗ–I. Т. 29. № 22208. Ст. 333, 790.
- ⁴⁶ Там же. Т. 25. № 18442; Т. 26. № 19641; Т. 27. № 20439 а; Т. 29. № 22208. Ст. 769, 790.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6729. Л. 150–151.
- ⁴⁸ ПСЗ–I. Т. 29. № 22208. Ст. 769, 771, замечания.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1760. Л. 41; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–7.
- ⁵⁰ ПСЗ–I. Т. 29. № 22208. Ст. 769.
- ⁵¹ Там же. Ст. 774, 777, 778, 790, 816, 822.
- ⁵² Собственность в России. Средневековье и раннее новое время. М., 2001. С. 21.
- ⁵³ Например, А. Штофа, который в конце XIX в. утверждал, что “посессионные земли не составляют собственности заводчиков, хотя бы и ограниченной, они не перестали принадлежать казне, которая лишь отделила от своего права собственности на них право пользования и, до известной степени, право распоряжения, предоставив эти последние права частному горнозаводчику бессрочно, но под условием соблюдения известных требований закона” (Штоф А. Указ. соч. С. 188–189).
- ⁵⁴ Берсенов В. Л. Государство и экономика в историко-правовом аспекте // Историческая наука на рубеже веков. С. 306–307.
- ⁵⁵ Термин теоретика германского ордолиберализма В. Ойкена (“Основы национальной экономики”. 1939).
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5063. Л. 178–180 об.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 2. Д. 1228. Л. 104.
- ⁵⁸ СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 1486–1491.
- ⁵⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 100 об.–101; Оп. 25. Д. 733. Л. 1, 4, 42, 51–52; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1842. Л. 1–35.
- ⁶⁰ ПСЗ–I. Т. 32. № 25119.

- ⁶¹ Там же. Т. 39. № 30056; ПСЗ–II. Т. 12. № 10055; Т. 15. № 14066.
- ⁶² ПСЗ–I. Т. 39. № 29753.
- ⁶³ ПСЗ–II. Т. 1. № 253; Т. 19. № 19121, 19155. Ст. 116–124; Т. 25. № 23955. Ст. 118–126.
- ⁶⁴ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 132–132 об.; Ф. 24. Оп. 32. Д. 4133.
- ⁶⁵ ПСЗ–II. Т. 11. № 9699; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 475.
- ⁶⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4840. Л. 8–19.
- ⁶⁷ ПСЗ–II. Т. 11. № 9699.
- ⁶⁸ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 117 об.–119, 201–202.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 338. Л. 1.
- ⁷⁰ Неклюдов Е. Г. Численность и состав горнозаводского населения и рабочих Урала в предреформенный период (30–50-е гг. XIX в.) // Демографические процессы на Урале в период капитализма. Свердловск, 1990. С. 80–81.
- ⁷¹ ПСЗ–II. Т. 3. № 1776; Т. 4. № 2825, 2889; Т. 22. № 21203.
- ⁷² ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 101. Л. 17 об.–18.
- ⁷³ Там же. Л. 40–45, 66.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5263. Л. 178.
- ⁷⁵ Неклюдов Е. Г. Численность и состав горнозаводского населения и рабочих Урала. С. 82.
- ⁷⁶ СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 470.
- ⁷⁷ ПСЗ–II. Т. 2. № 1242; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 556.
- ⁷⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1613. Л. 125.
- ⁷⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 498. Л. 95–95 об.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1760. Л. 41–41 об.
- ⁸¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4484. Л. 4.
- ⁸² Там же. Д. 4423. Л. 1–2, 50–51, 73, 95–97, 140, 155, 205.
- ⁸³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 498. Л. 3, 11, 46.
- ⁸⁴ ПСЗ–II. Т. 26. № 25152; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 461–463, 467, 475.
- ⁸⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 900. Л. 25, 33.
- ⁸⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1193. Л. 1, 10–12, 16–18.
- ⁸⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6913. Л. 291–293.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 660. Л. 1–4, 28.
- ⁸⁹ Там же. Оп. 5. Д. 108. Л. 1–17 об., 22–23.
- ⁹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4414. Л. 3 об.
- ⁹¹ Там же. Оп. 23. Д. 7331 а. Л. 724.
- ⁹² ПСЗ–II. Т. 15. № 13993; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 1450, 1503.
- ⁹³ ПСЗ–II. Т. 13. № 11796; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 1459, 1502.
- ⁹⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 61–62.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1760. Л. 22–22 об.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 590. Л. 29, 34.
- ⁹⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 52–53, 56–57, 58.
- ⁹⁸ И. Ч. Указ. соч. С. 492–518.
- ⁹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 101–104.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 1; Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 218–233.
- ¹⁰¹ Грамматчиков В. А. Указ. соч.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. С. 120–132; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 110–115.
- ¹⁰⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1107. Л. 236.
- ¹⁰⁵ ПСЗ–II. Т. 23. № 17225; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6998. Л. 67 об.
- ¹⁰⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2698 а. Л. 9–12 об., 168–175.

- ¹⁰⁷ Там же. Оп. 23. Д. 6998. Л. 26, 67–68 об.; Д. 5056. Л. 2, 429, 762–785.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 6998. Л. 78, 272–284 об.
- ¹⁰⁹ Там же. Оп. 32. Д. 4561. Л. 1 об.–2; Д. 1613. Л. 78.
- ¹¹⁰ Там же. Оп. 23. Д. 7236. Л. 6–7.
- ¹¹¹ Там же. Л. 122–123 об.
- ¹¹² Там же. Л. 147–148.
- ¹¹³ Там же. Л. 2–5, 407, 639–642; Д. 7238. Л. 354, 580.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 7236. Л. 696.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 698–743.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 7238. Л. 1–8.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 153–162, 221–224.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 255, 338.
- ¹¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 590. Л. 17, 19–20 об., 22–24.
- ¹²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 354–356, 360, 575, 727, 737.
- ¹²¹ Там же. Л. 26–29, 260.
- ¹²² Там же. Л. 495–496, 584, 643, 740–746.
- ¹²³ Там же. Л. 754, 865–868, 870–871.
- ¹²⁴ Там же. Л. 873–906 об.
- ¹²⁵ Там же. Оп. 32. Д. 4561. Л. 1 об.–2, 10, 170.
- ¹²⁶ Там же. Оп. 23. Д. 7238. Л. 907–928, 968–970, 984–986, 1003, 1035; Оп. 32. Д. 4081; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 811. Л. 1–6.
- ¹²⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 218–233.
- ¹²⁸ Ведомость уральским частным заводам, имеющих казенные леса и земли // Горный журнал. 1862. Ч. 4. С. 367–379.
- ¹²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 52–56 об.; Оп. 2. Д. 1228. Л. 107 об.
- ¹³⁰ Нисселович Л. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 3.
- ¹³¹ ПСЗ–I. Т. 5. № 3464. § 10.
- ¹³² Манин В. А. Формы налогообложения за пользование землей горнозаводскими предприятиями на Урале в XVIII в. // Уральский исторический вестник. № 9. С. 64–66.
- ¹³³ ПСЗ–I. Т. 10. № 7766; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 94 об.
- ¹³⁴ Реднн Д. А. Экономическая политика Российской империи глазами уральских заводоладельцев... С. 175–178; ПСЗ–I. Т. 16. № 12129; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1228. Л. 94 об.
- ¹³⁵ ПСЗ–I. Т. 23. № 17225; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2574. Л. 859.
- ¹³⁶ ПСЗ–I. Т. 24. № 18179; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 392–393 об.
- ¹³⁷ ПСЗ–I. Т. 25. № 19164.
- ¹³⁸ ПСЗ–II. Т. 14. № 12867; Т. 17. № 15734; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 494, 563.
- ¹³⁹ ПСЗ–I. Т. 29. № 22430; ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 218. Л. 1.
- ¹⁴⁰ ПСЗ–I. Т. 32. № 24992, 25301; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 126. Л. 39–40, 50–50 об., 52; ПСЗ–I. Т. 32. № 25671; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 205. Л. 1, 6–9.
- ¹⁴¹ ПСЗ–I. Т. 22. № 16407; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2563. Л. 98.
- ¹⁴² ПСЗ–I. Т. 24. № 18179; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 392–393 об.
- ¹⁴³ ПСЗ–I. Т. 29. № 22430; ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 218. Л. 1.
- ¹⁴⁴ ПСЗ–I. Т. 32. № 25119; Т. 39. № 29753; ПСЗ–II. Т. 1. № 253; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 494, 563, 2543, 2544.
- ¹⁴⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 609.
- ¹⁴⁶ ПСЗ–II. Т. 18. № 17268.
- ¹⁴⁷ Там же. Т. 19. № 19283. Ст. 640.
- ¹⁴⁸ ПСЗ–I. Т. 23. № 17225.
- ¹⁴⁹ ПСЗ–II. Т. 14. № 12867; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 495.
- ¹⁵⁰ ПСЗ–I. Т. 32. № 25384. Отд. 1. Ст. 1, 2; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 504, 505.

- ¹⁵¹ ПСЗ–I. Т. 29. № 22208. Ст. 166, 167; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 506.
- ¹⁵² ПСЗ–I. Т. 32. № 25384. Ст. 3; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 516.
- ¹⁵³ ПСЗ–I. Т. 29. № 22208. Ст. 175; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. С. 517.
- ¹⁵⁴ ПСЗ–I. Т. 32. № 25119; ПСЗ–II. Т. 1. № 253; Т. 15. № 14266. Ст. 1. Прим. 3; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 520.
- ¹⁵⁵ ПСЗ–I. Т. 19. № 13770.
- ¹⁵⁶ Там же. Т. 22. № 16066; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2905. Л. 28.
- ¹⁵⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2831. Л. 26–32, 59.
- ¹⁵⁸ Там же. Оп. 23. Д. 6637. Л. 11.
- ¹⁵⁹ ПСЗ–I. Т. 32. № 25384. Отд. 3; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 524.
- ¹⁶⁰ ПСЗ–I. Т. 30. № 23662; ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 537.
- ¹⁶¹ ПСЗ–I. Т. 20. № 14392. Ст. 212, 213; Т. 26. № 19881; СЗ 1857 г. Т. 10. Ст. 213, 217–225; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1251. Л. 3; Оп. 23. Д. 5280.
- ¹⁶² СЗ 1857 г. Т. 10. Законы гражданские. Ст. 225–234, 250–256, 284; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5328. Л. 15; Д. 5432. Л. 8.
- ¹⁶³ ПСЗ–II. Т. 11. № 9699; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 530.
- ¹⁶⁴ ПСЗ–II. Т. 11. № 8782; Т. 14. № 13993; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 1503.
- ¹⁶⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611.
- ¹⁶⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 10.
- ¹⁶⁷ ПСЗ–I. Т. 32. № 25384. Ст. 2–9, 13; Т. 40. № 30497; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 546.
- ¹⁶⁸ Проскурякова Н. А. Указ. соч. С. 37–82; СЗ 1857 г. Т. 11. Ч. 1. Учреждения и уставы государственных кредитных установлений. Продолжение. Ст. 330, 331; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5893. Л. 11.
- ¹⁶⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 242. Л. 402.
- ¹⁷⁰ СЗ 1857 г. Т. 11. Ч. 1. Учреждения и уставы государственных кредитных установлений. Продолжение. Ст. 544; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 525.
- ¹⁷¹ ПСЗ–II. Т. 14. № 13993; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 1453.
- ¹⁷² ПСЗ–II. Т. 20. № 19283–19286; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 101. Л. 40–45 об.; Д. 242. Л. 278.
- ¹⁷³ ПСЗ–II. Т. 11. № 9699; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 529; Т. 10. Ст. 3821.
- ¹⁷⁴ ПСЗ–II. Т. 19. № 19283–19286. Ст. 630, 2202.
- ¹⁷⁵ Там же. Т. 11. № 9699; СЗ 1857 г. Т. 7. Горный устав. Ст. 564.
- ¹⁷⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 16.
- ¹⁷⁷ Грамматчиков В. А. Указ. соч. С. 109–110 (цитата из книги английского автора Bainbridge “Low of Mine”).
- ¹⁷⁸ Там же. С. 234.
- ¹⁷⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 218–233.
- ¹⁸⁰ Яцунский В. К. Капиталы и доходы предприятий черной металлургии... С. 188–198; Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. С. 100; Мухин В. В. К вопросу о финансово-экономическом положении горнозаводских вотчин Урала в период кризиса крепостничества // Исследования по истории Урала. Вып. 4. Пермь, 1976. С. 29.
- ¹⁸¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 537. Л. 159; Д. 649. Л. 3; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 22.
- ¹⁸² Грамматчиков В. А. Указ. соч. С. 235.
- ¹⁸³ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 229. Л. 9–11.

Глава III

¹ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 72–116.

² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 263. Л. 35–39 об.

³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 191. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 235. Л. 1; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1511 а. Л. 23–26.

⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 23. Л. 1.

- ⁶ НТГМЗ. ТМ – 21630/117. Предоставлено Т. Г. Мезениной.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 121. Л. 6.; Д. 208. Л. 8 об.
- ⁸ Там же. Д. 145, 146, 147.
- ⁹ Там же. Д. 218. Л. 4–5.
- ¹⁰ Там же. Л. 10–11 об.
- ¹¹ Там же. Д. 191. Л. 9, 28; Оп. 13. Д. 5. Л. 4; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3788.
- ¹² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 305. Л. 19, 26–27, 30, 38, 51, 54, 58–60; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3788. Л. 15–17, 57.
- ¹³ Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов во главе управления Нижнетагильскими заводами. С. 52–64.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 295. Л. 58.
- ¹⁵ Там же. Д. 335. Л. 83; Д. 348. Л. 193 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 335. Л. 28 об., 83.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 64. Л. 81.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 295. Л. 48, 64, 50.
- ¹⁹ Там же. Л. 57.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 65. Л. 24, 34–40.
- ²¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 342. Л. 73–73 об.
- ²² Там же. Д. 348. Л. 39, 63, 157.
- ²³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 338. Л. 44.
- ²⁴ Там же. Д. 65. Л. 37; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 348. Л. 35.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 342. Л. 70; Д. 335. Л. 90 об.
- ²⁶ Там же. Д. 295. Л. 2.
- ²⁷ Там же. Д. 342. Л. 65–66.
- ²⁸ Там же. Д. 334. Л. 14 об.
- ²⁹ Там же. Д. 335. Л. 64; Д. 348. Л. 108.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 484. Л. 1, 3; Д. 673.
- ³¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 518. Л. 113 об.
- ³² Дашкевич Л. А. Михаил Михайлович Данилов // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX – начала XX в. Екатеринбург, 1999. С. 3–11.
- ³³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 13. Д. 5. Л. 6.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 518. Л. 37 об.; Д. 534. Л. 157 об.
- ³⁵ Там же. Д. 518. Л. 46, 49.
- ³⁶ Там же. Л. 25 об., 48 об.; Д. 528. Л. 80 об.; Д. 534. Л. 100.
- ³⁷ Там же. Д. 534. Л. 79.
- ³⁸ Там же. Д. 528. Л. 80 об., 83 об.
- ³⁹ Там же. Д. 534. Л. 80–81.
- ⁴⁰ Там же. Д. 528. Л. 22–22 об.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 428. Л. 42–43.
- ⁴² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 518. Л. 38 об., 57 об.
- ⁴³ Там же. Д. 534. Л. 157 об.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 428. Л. 42.
- ⁴⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 534. Л. 80.
- ⁴⁶ Там же. Д. 518. Л. 39.
- ⁴⁷ Там же. Д. 334. Л. 87; Д. 518. Л. 110, 89.
- ⁴⁸ Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. С. 72.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 10. Д. 148, 402, 414; Оп. 7. Д. 736, 1001, 1315, 1441, 1444, 1837, 1893, 1974, 2068, 2069, 2098, 2140.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 518. Л. 38 об.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 338. Л. 26.

- ⁵² См.: Неклюдов Е. Г. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX в. С. 85–87.
- ⁵³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 518. Л. 37 об.
- ⁵⁴ Там же. Д. 528. Л. 22–22 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 534. Л. 80–81.
- ⁵⁶ Свиньин П. П. Указ соч.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 2269. Л. 8.
- ⁵⁸ Там же. Л. 3–4 об.; ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–30.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 137; ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 182. Л. 38–44 об.
- ⁶⁰ Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении. С. 29.
- ⁶¹ Шакинко И. М. Указ. соч. С. 205–206.
- ⁶² Черкасова А. С., Мосин А. Г. Указ. соч. С. 246–275.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 798, 889.
- ⁶⁴ Там же. Д. 883; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6816. Л. 12; Суровцева Н. Г. Из переписки двух друзей. С. 228–245.
- ⁶⁵ Неклюдов Е. Г. Владения “тагильской” ветви рода Демидовых в крепостной период. С. 45–57.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1695. Л. 53.
- ⁶⁷ Юркин И. Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства. С. 210–211.
- ⁶⁸ Мосин А. Г. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении. С. 71–73.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 703. Л. 8.
- ⁷⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 819. Л. 13.
- ⁷¹ Прожогин Н. П. Анатолий Демидов и семья Бонапартов // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. С. 85–94; Tissot-Demidoff A.-G. Указ. соч. С. 128–136.
- ⁷² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1251. Л. 3–6.
- ⁷³ Tissot-Demidoff A.-G. Указ. соч. С. 135.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1251. Л. 11–15 об.
- ⁷⁵ Там же. Д. 1252. Л. 1–3 об.
- ⁷⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6138. Л. 1–2, 53–53 об.
- ⁷⁷ Клат С. А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле. Екатеринбург, 2003. С. 18–22.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1078. Л. 1–6 об., 7, 10.
- ⁷⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1519. Л. 3–4; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1153. Л. 11, 12; Д. 1331.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1154.
- ⁸¹ Там же. Д. 1214; 1695. Л. 39.
- ⁸² Там же. Л. 4; Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. С. 32–34; Суровцева Н. Г. Экспорт железа Нижнетагильских заводов Демидовых в 40–50-е гг. XIX в. С. 72–80.
- ⁸³ Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. С. 72, 100.
- ⁸⁴ Мондей К. Указ. соч. С. 64–76.
- ⁸⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 960. Л. 3–3 об.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 5. Д. 434.
- ⁸⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 960. Л. 15–16, 28–35, 37–38, 44–44 об.
- ⁸⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Сочинения: В 8 т. Т. 8. С. 245.
- ⁸⁹ Дашкевич Л. А. Авроринские приюты // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. С. 57–60.
- ⁹⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 960. Л. 48.
- ⁹¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1561.
- ⁹² Там же. Д. 1790.
- ⁹³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1061. Л. 22, 34, 41–43.
- ⁹⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 5. Д. 434. Перевод с фр.
- ⁹⁵ Краснова Е. И. Павел Павлович Демидов. С. 35–45.

- ⁹⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 1695. Л. 1.
- ⁹⁷ Там же. Л. 4, 39, 60, 61.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1040. Л. 1–2.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 10. Д. 507–510; Оп. 8. Д. 1011.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 6. Д. 176. Л. 1–7 об.; Д. 177, 186.
- ¹⁰¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1040. Л. 10, 17–18. Перевод с фр.
- ¹⁰² Безобразов В. П. Указ. соч. С. 123.
- ¹⁰³ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 87, 90–92; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 11–15.
- ¹⁰⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 127. Л. 7–9.
- ¹⁰⁵ Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии... С. 300.
- ¹⁰⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 896. Л. 6, 14.
- ¹⁰⁷ Там же. Оп. 2. Д. 351. Л. 1–2, 4–6.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 21, 29–30.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 55–57, 104, 111, 113.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 113.
- ¹¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 432. Л. 1, 5–7 об., 10 об.
- ¹¹² Там же. Л. 16–17 об.
- ¹¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 351. Л. 13–18; Оп. 25. Д. 701. Л. 223.
- ¹¹⁴ Там же. Оп. 25. Д. 896. Л. 121, 146–149, 163.
- ¹¹⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 544. Л. 5–6.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 12, 14.
- ¹¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 11–15.
- ¹¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1201. Л. 3, 9–9 об.
- ¹¹⁹ Там же. 13–14, 28 об.
- ¹²⁰ Там же. Л. 47–49 об.
- ¹²¹ Там же. Л. 36, 46, 67–68, 86, 93, 117, 120–120 об., 125, 141.
- ¹²² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 638. Л. 14–19.
- ¹²³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1909. Л. 1–4, 7–29.
- ¹²⁴ Там же. Л. 61–70, 162.
- ¹²⁵ Там же. Л. 71–76, 180–185.
- ¹²⁶ Там же. Л. 197.
- ¹²⁷ Там же. Л. 188.
- ¹²⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 743. Л. 1, 9–12.
- ¹²⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1909. Л. 303–310, 316–318.
- ¹³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 630. Л. 19–30 об.
- ¹³¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1909. Л. 384–385, 399, 405, 409–410, 423, 441.
- ¹³² Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 64.
- ¹³³ Прибавление к Журналу для акционеров. 1860. 10 сентября. № 191.
- ¹³⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 610. Л. 5, 16, 21–24.
- ¹³⁵ Там же. Оп. 3. Д. 993. Л. 1–11.
- ¹³⁶ Там же. Оп. 5. Д. 610. Л. 30–31; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Д. 184. Л. 2–5.
- ¹³⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 630. Л. 1–7.
- ¹³⁸ Прибавление к Журналу для акционеров.
- ¹³⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 610. Л. 2, 24, 34–40.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 25, 41.
- ¹⁴¹ Там же. Оп. 4. Д. 397. Л. 4–5.
- ¹⁴² Поджио А. В. Указ. соч. С. 338, 542.
- ¹⁴³ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 397. Л. 1–11.
- ¹⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8.
- ¹⁴⁵ Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 64–65.

- ¹⁴⁶ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 90–91; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5802. Л. 2–5.
- ¹⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 158. Л. 1–2.
- ¹⁴⁸ Там же. Оп. 23. Д. 6729. Л. 1–9 об.; Д. 5802. Л. 2–5, 6–7, 15.
- ¹⁴⁹ Там же. Оп. 25. Д. 18. Л. 64–68.
- ¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 142. Л. 3. Сообщено Е. И. Красновой.
- ¹⁵¹ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 433–434; Быков В. Возмутители (Бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 гг.) // Уральская историко-революционная библиотека. Вып. 5. Свердловск, 1925.
- ¹⁵² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6729. Л. 1–9 об., 146.
- ¹⁵³ Там же. Л. 150–151, 181–186, 318 об.; Д. 4608. Л. 44, 567; Д. 7208. Л. 64–65 об.
- ¹⁵⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 702. Л. 1–2, 5–6, 9–12.
- ¹⁵⁵ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 610–636; Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 171–182; ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 84–118.
- ¹⁵⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 702. Л. 9–12; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России. С. 196–198; ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 32–36.
- ¹⁵⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5328. Л. 11–14; Д. 7208. Л. 64–65; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1918. Л. 1–4.
- ¹⁵⁸ Безобразов В. П. Указ. соч. С. 194–203; Костерина-Азарян А. Б. Театральная старина Урала. С. 62–63; Чухланцева Г. Н. Указ. соч. С. 87–98.
- ¹⁵⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 190. Л. 35.
- ¹⁶⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 584. Л. 1–2.
- ¹⁶¹ Там же. Оп. 23. Д. 5328. Л. 11–14.
- ¹⁶² Павленко Н. И. Указ. соч. С. 111–113; Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии... С. 314–315; Металлургические заводы Урала. С. 238–239, 467–468; Гудков Г. Ф. Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 47–48.
- ¹⁶³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5280. Л. 3, 21–22, 32–37, 62–63.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 54, 62, 120–121, 132.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 91–92, 120–121, 137.
- ¹⁶⁶ Там же. Л. 137, 144, 164.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 144, 164, 210 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 239, 407, 571.
- ¹⁶⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1827. № 7. С. 81. Сообщено Е. И. Красновой.
- ¹⁷⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5280. Л. 515, 665.
- ¹⁷¹ Гудков Г. Ф. Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 53.
- ¹⁷² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5280. Л. 511, 582.
- ¹⁷³ Там же. Д. 4840. Л. 8–19.
- ¹⁷⁴ Там же. Л. 280; Гудков Г. Ф. Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 55.
- ¹⁷⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4840. Л. 373, 581–589.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 611, 724–725, 757.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 765; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1440. Л. 3–5.
- ¹⁷⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7271. Л. 1–4, 147–148.
- ¹⁷⁹ Там же. Д. 5063. Л. 178–180 об., 181–186.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 185 об.–186.
- ¹⁸¹ Там же. Оп. 32. Д. 214. Л. 1–5, 8–13, 19.
- ¹⁸² Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1962. Л. 1.
- ¹⁸³ Там же. Д. 1426. Л. 1–2, 5–6.
- ¹⁸⁴ Там же. Д. 1962. Л. 1–4.
- ¹⁸⁵ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 182. Л. 34 об.
- ¹⁸⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3000. Л. 3–33; Ф. 72. Оп. 1. Д. 489; Павленко Н. И. Указ. соч. С. 255–258.
- ¹⁸⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3000. Л. 34–46.
- ¹⁸⁸ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 23. Л. 262.

- ¹⁸⁹ Там же. Д. 350. Л. 3–5.
- ¹⁹⁰ Там же. Д. 373. Л. 1–3, 16.
- ¹⁹¹ Там же. Д. 350. Л. 3–5.
- ¹⁹² Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 356–359; Торопов А. Н. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁹³ Байдин В. И. и др. Дневник священника. С. 138; Торопов А. Н. Указ. соч. С. 101.
- ¹⁹⁴ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1465. Л. 31, 43; Д. 2578. Л. 61, 109.
- ¹⁹⁵ Там же. Д. 1465. Л. 16, 44; Д. 2578. Л. 1 об.
- ¹⁹⁶ Там же. Д. 1465. Л. 12, 16 об., 18 об.–19, 21; Д. 2578. Л. 13, 107.
- ¹⁹⁷ Там же. Д. 1465. Л. 16 об.; Д. 2578. Л. 71.
- ¹⁹⁸ Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 356–359.
- ¹⁹⁹ Вересаев В. В. Указ. соч. Т. 1. С. 162.
- ²⁰⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 832. Л. 2.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Яцунский В. К. Социально-экономическая история России. С. 196–198; Металлургические заводы Урала. С. 102; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1533.
- ²⁰³ Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 356–359.
- ²⁰⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1050. Л. 1–5.
- ²⁰⁵ Безобразов В. П. Указ. соч. С. 187; Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 356–359; Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 129, 135.
- ²⁰⁶ Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 356–359; Торопов А. Н. Указ. соч. С. 103.
- ²⁰⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 733. Л. 8–14; Оп. 32. Д. 1533.
- ²⁰⁸ Там же. Оп. 23. Д. 7284. Л. 6–9, 116–124 об.; Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 84–118; Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 182–188.
- ²⁰⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1291. Л. 1–2.
- ²¹⁰ Там же. Л. 65, 72, 98, 106; Оп. 23. Д. 7236. Л. 414, 698.
- ²¹¹ Там же. Оп. 32. Д. 1291. Л. 1–2, 10, 114.
- ²¹² Там же. Оп. 23. Д. 7238. Л. 873, 928, 984–986.
- ²¹³ Там же. Л. 984–987, 1003, 1095.
- ²¹⁴ Рабочее движение в России. Т. 1. С. 782–797.
- ²¹⁵ Долгоруков П. В. Указ. соч. С. 176–178.
- ²¹⁶ Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 356–359; Бобринский А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 511; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1525. Л. 3–6; Д. 2966. Л. 10–15; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 806, 850, 935.
- ²¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 552. Л. 1, 11.
- ²¹⁸ Там же. Л. 1, 3–10.
- ²¹⁹ Там же. Л. 29–37, 49–54, 78–81.
- ²²⁰ Там же. Л. 106; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2966. Л. 10–15.
- ²²¹ Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 356–359; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1887. Л. 24; Оп. 23. Д. 5432. Л. 248.
- ²²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6617. Л. 212.
- ²²³ Там же. Оп. 32. Д. 77. Л. 5–10.
- ²²⁴ Там же. Л. 48–49, 72, 111, 165.
- ²²⁵ Там же. Л. 95–98; Д. 1525. Л. 3–6; Оп. 23. Д. 5432. Л. 1–3, 63.
- ²²⁶ Там же. Оп. 23. Д. 5432. Л. 131–135.
- ²²⁷ Там же. Оп. 32. Д. 77. Л. 124; Оп. 23. Д. 5432. Л. 596, 745.
- ²²⁸ Там же. Оп. 23. Д. 6617. Л. 1–3, 30–31, 212, 381.
- ²²⁹ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–3.
- ²³⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5432. Л. 131–135, 248, 510, 745.
- ²³¹ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–19.
- ²³² Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 206. Л. 5; Д. 4090. Л. 58 об.
- ²³³ Там же. Д. 77. Л. 50; Д. 1525. Л. 3–6; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 976, 1008.

- ²³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4481. Л. 194.
- ²³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 293. Л. 16, 26
- ²³⁶ Там же. Л. 31; *Металлургические заводы Урала*. С. 484–485.
- ²³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 293. Л. 40–47, 154.
- ²³⁸ Там же. Л. 66–71; Оп. 23. Д. 5741.
- ²³⁹ Там же. Оп. 2. Д. 293. Л. 11–14, 86.
- ²⁴⁰ Там же. Л. 126, 132–148.
- ²⁴¹ Там же. Оп. 23. Д. 5942. Л. 94–97; *Металлургические заводы Урала*. С. 348.
- ²⁴² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5942. Л. 97, 183, 468–483.
- ²⁴³ Там же. Л. 486–488, 610; Д. 2934.
- ²⁴⁴ Там же. Оп. 25. Д. 733. Л. 67–71.
- ²⁴⁵ Там же. Оп. 23. Д. 5942. Л. 712, 730–753.
- ²⁴⁶ Там же. Л. 730–753, 819, 822, 830.
- ²⁴⁷ Там же. Оп. 32. Д. 4481. Л. 1–11.
- ²⁴⁸ Там же. Л. 1–11, 14–15, 373.
- ²⁴⁹ Там же. Л. 211, 316–319, 373.
- ²⁵⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6644. Л. 12; Д. 7185. Л. 1–110; Д. 7236. Л. 161, 232.
- ²⁵¹ *Металлургические заводы Урала*. С. 91–92, 321, 432.
- ²⁵² ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3780. Л. 102–111.
- ²⁵³ Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 133.
- ²⁵⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 580. Л. 1, 8–15.
- ²⁵⁵ Там же. Л. 16–23.
- ²⁵⁶ Яцунский В. К. *Социально-экономическая история России*. С. 198.
- ²⁵⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 54–55; Д. 7236. Л. 212; Д. 7238. Л. 242, 365–367, 379; Оп. 2. Д. 1132. Л. 29–30; Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 84; *Русский биографический словарь*. Т. Алексинский – Бестужев-Рюмин. С. 442–444.
- ²⁵⁸ Яцунский В. К. *Социально-экономическая история России*. С. 196–198; Безобразов В. П. Указ. соч. С. 262.
- ²⁵⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 580. Л. 52–53.
- ²⁶⁰ Там же. Л. 115.
- ²⁶¹ Там же. Оп. 32. Д. 3780. Л. 102–111.
- ²⁶² Там же. Л. 191.
- ²⁶³ Там же. Л. 323–331.
- ²⁶⁴ Там же. Д. 4452. Л. 7–8.
- ²⁶⁵ Там же. Оп. 3. Д. 127. Л. 1–5.
- ²⁶⁶ Там же. Оп. 23. Д. 5876. Л. 31–74.
- ²⁶⁷ Там же. Л. 75, 80–82.
- ²⁶⁸ *Рабочее движение в России в XIX в.* Т. 1. С. 290–303; Арсентьев Н. М. *Замосковский горный округ: заводовладельцы и рабочие*. С. 70–71.
- ²⁶⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 577. Л. 6–13.
- ²⁷⁰ Упоминание о нем имеется в ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1986. Л. 79.
- ²⁷¹ *Русский биографический словарь*. СПб., 1902. С. 438; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 129.
- ²⁷² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 2–5, 407, 639–642; Д. 7238. Л. 354.
- ²⁷³ Там же. Д. 5062. Л. 2–5, 30, 49–50.
- ²⁷⁴ Там же. Д. 5186. Л. 1–2, 3–6, 91, 116–120.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 131–136, 157 об.–158.
- ²⁷⁶ Там же. Л. 116–117, 165–175.
- ²⁷⁷ Там же. Л. 124–128, 211–212.
- ²⁷⁸ Там же. Л. 196, 230–234; Оп. 32. Д. 1986. Л. 1; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 743. Л. 13.

- ²⁷⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5062. Л. 174, 199.
- ²⁸⁰ Там же. Оп. 32. Д. 1986. Л. 1, 51.
- ²⁸¹ Там же. Оп. 23. Д. 7238. Л. 355, 737.
- ²⁸² Там же. Д. 7208. Л. 79 об.–80; Д. 7344. Л. 10–11.
- ²⁸³ Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1927. Л. 2–7.
- ²⁸⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7344. Л. 2 об.–4, 10–11.
- ²⁸⁵ Там же. Л. 28, 32, 71, 121.
- ²⁸⁶ Яцунский В. К. Социально-экономическая история России. С. 198.
- ²⁸⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 84–85 об.
- ²⁸⁸ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 4. № 204.
- ²⁸⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 582. Л. 9 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4452.
- ²⁹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 84–85 об.
- ²⁹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 582. Л. 1, 14, 17.
- ²⁹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 26, 100.
- ²⁹³ Там же. Оп. 32. Д. 1823. Л. 2–5.
- ²⁹⁴ Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. Т. 1. С. 232; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 372, 386.
- ²⁹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2942. Л. 1, 31; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России. С. 198; Металлургические заводы Урала. С. 77.
- ²⁹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 609. Л. 5–11 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 331.
- ²⁹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 811. Л. 1–10, 23, 31–36; Металлургические заводы Урала. С. 392.
- ²⁹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4414. Л. 1–21.
- ²⁹⁹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 125.
- ³⁰⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2912. Л. 1; Металлургические заводы Урала. С. 143, 319.
- ³⁰¹ Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 535–540, 577–578; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 111–112.
- ³⁰² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2912. Л. 385–391; Оп. 3. Д. 127. Л. 1–5.
- ³⁰³ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 204. Л. 1, 3–7.
- ³⁰⁴ Там же. Л. 8–22; Д. 511. Л. 17; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 147–148.
- ³⁰⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 402. Л. 1, 4.
- ³⁰⁶ Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии... С. 314–315; Металлургические заводы Урала. С. 38, 252–264, 478–479.
- ³⁰⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 147–148; Д. 7238. Л. 472–473, 529.
- ³⁰⁸ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 2. № 88.
- ³⁰⁹ Там же. Оп. 32. Д. 3780. Л. 3, 9–10, 15–16.
- ³¹⁰ Там же. Л. 33, 53.
- ³¹¹ Там же. Л. 102, 111–115.
- ³¹² Там же. Л. 118–126.
- ³¹³ Там же. Л. 141, 207–210.
- ³¹⁴ Там же. Л. 358, 366–367, 409, 412.
- ³¹⁵ Там же. Оп. 23. Д. 7208. Л. 56 об.–57.
- ³¹⁶ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 241–242.
- ³¹⁷ Мукомолов А. Ф. Указ. соч. Кн. 2. С. 37–38; Ельчанинов И. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 230; Верещагин В. А. “Московский Аполлон”. Петроград, 1916.
- ³¹⁸ Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 гг. С. 150; Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 4.
- ³¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 660. Л. 2.
- ³²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 368–370; Петров П. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 117; Ельчанинов И. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 230.
- ³²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1039. Л. 1; Мукомолов А. Ф. Указ. соч. Кн. 1. С. 185.

- ³²² Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 470, 480–481; Мукомолов А. Ф. Указ. соч. Кн. 1. С. 194.
- ³²³ Мукомолов А. Ф. Указ. соч. Кн. 2. С. 315.
- ³²⁴ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 489–490; Мукомолов А. Ф. Указ. соч. Кн. 2. С. 335–336.
- ³²⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 511. Л. 3–6, 17, 26.
- ³²⁶ Там же. Л. 9–13 об.
- ³²⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 206. Л. 1–2; РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4506. Л. 97–100; Русский биографический словарь. Т. 19. С. 195–197.
- ³²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7331 а (в деле отсутствует правильная нумерация листов).
- ³²⁹ Яцунский В. К. Социально-экономическая история России. С. 196–198; Металлургические заводы Урала. С. 258–259.
- ³³⁰ Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 203.
- ³³¹ Там же. С. 203–205.
- ³³² Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 862–863.
- ³³³ “Под суд!” Л. 3. 15 декабря 1859 г. // “Колокол”. Вып. 10. С. 27–30; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Ч. 1. С. 199–210; Ч. 2. С. 409.
- ³³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7331 а.
- ³³⁵ Там же. Л. 723–724.
- ³³⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1026. Л. 1–8.
- ³³⁷ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 300. Л. 29–30.
- ³³⁸ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 387–402.
- ³³⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 59–60.
- ³⁴⁰ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 401; Металлургические заводы Урала. С. 194; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2573. Л. 823.
- ³⁴¹ Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии. С. 308–311. Металлургические заводы Урала. С. 194–195, 196, 298–290.
- ³⁴² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 235. Л. 1.
- ³⁴³ Андреев И. Н. Забытые заводы Строгановых // Строгановы и Пермский край. С. 80.
- ³⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 191. Л. 2–11; Оп. 3. Д. 127. Л. 11–25.
- ³⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 337. Л. 7, 12 об.–20.
- ³⁴⁶ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1807. Л. 5–8.
- ³⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 191. Л. 42–266.
- ³⁴⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 248. Л. 1–2, 3–5, 12 об., 13–15; ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 733. Л. 82–87, 129.
- ³⁴⁹ Додолев М. А. Россия и Испания. 1808–1823 гг. М., 1984; Саплин А. И. Российский посол в Испании // Вопросы истории. 1987. № 3; Кудрявцева Е. П. Российский посланник в Константинополе Г. А. Строганов. С. 27–46; Кудрявцева Е. П. Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833 гг.). М., 1992. С. 51–88; Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М., 1998. С. 84–88.
- ³⁵⁰ Вересаев В. В. Указ. соч. Т. 1. С. 472–474.
- ³⁵¹ Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Сб. документов. Сер. 2. Т. 3 (11). М., 1979. С. 192–193.
- ³⁵² РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 1220. Л. 1–4 об.
- ³⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 271. Л. 7–8.
- ³⁵⁴ Там же. Д. 266. Л. 14–15.
- ³⁵⁵ Там же. Л. 19, 21, 24, 60–61, 83–84 об., 132.
- ³⁵⁶ Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1876. Л. 12, 33, 55.
- ³⁵⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1637. Л. 7–13.
- ³⁵⁸ Русский биографический словарь. Т. Смеловский – Суворина. С. 523–530; Шульгина Е. Н., Проппина И. А. История Строгановского училища. М., 2002.
- ³⁵⁹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4614.

- ³⁶⁰ Русский биографический словарь. Т. Смеловский – Суворина. С. 484–485; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 623–626.
- ³⁶¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 274.
- ³⁶² Там же. Оп. 1. Д. 300. Л. 173.
- ³⁶³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1637. Л. 7–13.
- ³⁶⁴ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 74.
- ³⁶⁵ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 856–861.
- ³⁶⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 300. Л. 173–200.
- ³⁶⁷ Там же. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1807. Л. 21; Хозяйственные записки по Пермскому имению графини Софьи Владимировны Строгановой, составленные в начале 1820 г. / Сост. Ф. А. Волегов // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. Т. 2. С. 97–158.
- ³⁶⁸ Русский биографический словарь. Т. Смеловский – Суворина. С. 485–488; Именитые люди, бароны и графы Строгановы: Родословная роспись. С. 30, 32.
- ³⁶⁹ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 395–397; Metallургические заводы Урала. С. 373.
- ³⁷⁰ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2392. Л. 1–4 об.
- ³⁷¹ Там же. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 300. Л. 137–140; Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1876. Л. 21; ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16а.
- ³⁷² ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1251. Л. 1–2.
- ³⁷³ Там же. Д. 337. Л. 6; Д. 1251. Л. 2; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2392. Л. 1–4 об.
- ³⁷⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1251. Л. 1–2; Оп. 23. Д. 6998. Л. 67–68 об.; Д. 5056. Л. 429.
- ³⁷⁵ Русский биографический словарь. Т. Смеловский – Суворина. С. 485–488; Бройтман Л. И. Новые данные о портрете С. А. Строгановой работы Ж. Л. Вуаля // Строгановы и Пермский край. С. 130–135.
- ³⁷⁶ Русский биографический словарь. Т. Смеловский – Суворина. С. 514–522; Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч.; Успенский В. С. Павел Александрович Строганов // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 85–103.
- ³⁷⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1274. Л. 1, 8 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5056. Л. 762–785.
- ³⁷⁸ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 287. Л. 4–7 об.
- ³⁷⁹ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. № 27.
- ³⁸⁰ Материалы к истории Пермского майоратного имения графов Строгановых // Пермский край. Т. 2. С. 91.
- ³⁸¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 468, 470.
- ³⁸² Там же. Оп. 2. Д. 4506. Л. 202.
- ³⁸³ Там же. Оп. 1. Д. 294. Л. 65–70 об.
- ³⁸⁴ Материалы к истории Пермского майоратного имения графов Строгановых. С. 92–96; Векслер А. Ф. Санкт-Петербургская школа земледелия и горнозаводских наук графини С. В. Строгановой // Строгановы и пермский край. С. 107–110; РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 657; Оп. 2. Д. 4506. Л. 14, 35, 51, 81, 105, 147.
- ³⁸⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 72–73 об.
- ³⁸⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4506. Л. 31, 70, 180.
- ³⁸⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 337. Л. 25.
- ³⁸⁸ Там же; Д. 375; Оп. 23. Д. 5056. Л. 429.
- ³⁸⁹ Коровин В. К. Указ. соч. С. 392–400.
- ³⁹⁰ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4506. Л. 147; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6998. Л. 26, 67–68 об.; Д. 5056. Л. 2, 429, 762–785.
- ³⁹¹ Хозяйственные записки по Пермскому имению графини Софьи Владимировны Строгановой. С. 135–137; Metallургические заводы Урала. С. 71; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 67 об.–68.
- ³⁹² РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 433; Д. 294. Л. 27–30; Д. 434, 435, 432.
- ³⁹³ Там же. Д. 265. Л. 17.

- ³⁹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 294. Л. 8–12, 71; Оп. 2. Д. 442. Л. 3–4.
- ³⁹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 4506. Л. 40, 204–205.
- ³⁹⁶ Там же. Л. 215.
- ³⁹⁷ Там же. Л. 215, 224–224 об.
- ³⁹⁸ Там же. Л. 222–223 об.
- ³⁹⁹ Там же. Д. 4614. Л. 1–134.
- ⁴⁰⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1492, 1495, 1571; Оп. 2. Д. 1411, 987, 1059.
- ⁴⁰¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2328. Л. 1–2, 14; Металлургические заводы Урала. С. 71, 184, 206, 280, 373.
- ⁴⁰² РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 445, 446, 452.
- ⁴⁰³ Там же. Д. 4506. Л. 215, 224–224 об.
- ⁴⁰⁴ Там же. Д. 287. Л. 1, 3.
- ⁴⁰⁵ Там же. Оп. 1. Д. 294. Л. 111–114.
- ⁴⁰⁶ Там же. Оп. 2. Д. 271. Л. 1, 16.
- ⁴⁰⁷ Там же. Д. 272. Л. 13–14.
- ⁴⁰⁸ Безобразов В. П. Указ. соч. С. 20–21.
- ⁴⁰⁹ Именитые люди, бароны и графы Строгановы; Купцов И. В. Родословие “Именитых людей, баронов и графов Строгановых”. С. 89–95.
- ⁴¹⁰ Коровин В. К. Указ. соч. С. 392–400; Павленко Н. И. Указ. соч. С. 402–404; Металлургические заводы Урала. С. 37, 361; Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии. С. 307.
- ⁴¹¹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 267. Л. 93, 96.
- ⁴¹² Князья Голицыны. Четвертая ветвь: Родословные росписи. С. 10, 12–13; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2253. Л. 9.
- ⁴¹³ Головина В. Н. Указ. соч. С. 208–209; Русский биографический словарь. Т. Гоголь – Гюне. С. 75–76; Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 166–167.
- ⁴¹⁴ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 17; Д. 2253. Л. 16, 18.
- ⁴¹⁵ Русский биографический словарь. Т. Гоголь – Гюне. С. 194–195.
- ⁴¹⁶ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2253. Л. 25.
- ⁴¹⁷ Там же. Д. 1288. Л. 1–2, 3–5 об., 7–14.
- ⁴¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 6622. Л. 1–2.
- ⁴¹⁹ Там же. Оп. 10. Д. 2253. Л. 21–22.
- ⁴²⁰ Там же. Д. 870. Л. 7–9.
- ⁴²¹ Там же. Л. 10.
- ⁴²² Там же. Д. 2283, 2284, 2286, 2303.
- ⁴²³ Там же. Оп. 1. Д. 6699.
- ⁴²⁴ Там же. Д. 8275. Л. 15, 25–25 об.
- ⁴²⁵ Там же. Оп. 10. Д. 2253. Л. 75.
- ⁴²⁶ Там же. Д. 2301; 2253. Л. 83–87; Д. 870. Л. 12 об.
- ⁴²⁷ Чижова И. Б. “Души волшебное светило...” СПб., 1997. С. 69–70, 308, 316; Русский биографический словарь. Т. Гоголь – Гюне. С. 194–195; Вересаев В. В. Указ. соч. Т. 2. С. 210–213.
- ⁴²⁸ Князья Голицыны: четвертая ветвь: Родословные росписи. С. 12–13.
- ⁴²⁹ Русский биографический словарь. Т. Гоголь – Гюне. С. 200; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2253. Л. 122.
- ⁴³⁰ Русский биографический словарь. Т. Гоголь – Гюне. С. 171–172.
- ⁴³¹ Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б. Н. Чичерина. С. 75; Лебедев К. Н. Москва в последние годы николаевского царствования // Русский архив. 1888. № 3. С. 486.
- ⁴³² Металлургические заводы Урала. С. 37, 361.
- ⁴³³ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2253. Л. 124.
- ⁴³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1972. Л. 4, 9; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1018. Л. 6–7.
- ⁴³⁵ Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 33; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1018. Л. 1–2.
- ⁴³⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1972. Л. 9–11.

- ⁴³⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 6622. Л. 1–2; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 41.
- ⁴³⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1972. Л. 9–11.
- ⁴³⁹ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 392–393; Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии. С. 308–309.
- ⁴⁴⁰ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–1 об.; Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий в России. СПб., 2000. С. 212–214; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 152.
- ⁴⁴¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 43. Л. 3–7.
- ⁴⁴² Там же. Л. 10, 14, 19, 21–22.
- ⁴⁴³ Русские портреты XVIII–XIX столетий. Т. 4. № 87.
- ⁴⁴⁴ Петров П. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 75; РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 43. Л. 34–36.
- ⁴⁴⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4319. Л. 129; Д. 64. Л. 1, 2.
- ⁴⁴⁶ Русские портреты XVIII–XIX столетий. Т. 4. № 86.
- ⁴⁴⁷ Там же. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–3, 4, 6.
- ⁴⁴⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 372. Л. 1–2.
- ⁴⁴⁹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 46.
- ⁴⁵⁰ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4231. Л. 4, 17, 19.
- ⁴⁵¹ Там же. Л. 27–28; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 445. Л. 1–3.
- ⁴⁵² Вересаев В. В. Указ. соч. Т. 1. С. 150–151.
- ⁴⁵³ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1988. Л. 1. Перевод с фр.
- ⁴⁵⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 445. Л. 1–2.
- ⁴⁵⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4319. Л. 70–79, 124, 135, 144.
- ⁴⁵⁶ Там же. Л. 80, 82, 85.
- ⁴⁵⁷ Там же. Л. 54 об.
- ⁴⁵⁸ Там же. Л. 6, 92, 138, 149.
- ⁴⁵⁹ Там же. Л. 153–154.
- ⁴⁶⁰ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 150–151.
- ⁴⁶¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 482, 1873; Судьба по имени Лысьва. С. 16–19.
- ⁴⁶² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 609. Л. 1; РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–2.
- ⁴⁶³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4877. Л. 82.
- ⁴⁶⁴ Там же. Л. 156 об.; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 583, 593.
- ⁴⁶⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1266. Л. 1, 117.
- ⁴⁶⁶ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 138. Л. 1–3.
- ⁴⁶⁷ Там же. Д. 100; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 40–51; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России. С. 196–198.
- ⁴⁶⁸ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 228. Л. 1, 3, 5.
- ⁴⁶⁹ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 696. Л. 1–4 об.; Д. 712. Л. 4–9 об. Предоставлено Т. Г. Мезениной.
- ⁴⁷⁰ Вершевская М. В. Из истории русского храма и кладбища в Висбадене // Невский архив. Вып. 4. СПб., 1999. С. 351–354; Свербеев Д. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 305.
- ⁴⁷¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 1220. Л. 1.
- ⁴⁷² Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха; Мухин В. В. Волнения крестьян Пермской вотчины Всеволожских в 1796–1797 гг. // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. С. 254–258.
- ⁴⁷³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1915. Л. 1–1 об.
- ⁴⁷⁴ Мухин В. В. Материалы архива вотчины Всеволожских как источник по истории горнозаводской промышленности Урала конца XVIII – первой половины XIX в. // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. С. 173–180; ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 33. Л. 1, 4, 14, 15, 27–28, 54.
- ⁴⁷⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1251. Л. 3.
- ⁴⁷⁶ Там же. Д. 1107. Л. 1–8.
- ⁴⁷⁷ Там же. Л. 171–180.

- 478 Всеволожская Л. Б. Всеволожи. С. 5.
- 479 ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1107. Л. 186–188.
- 480 Там же. Л. 161; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 193. Л. 1–2, 7, 43–45, 61, 69.
- 481 ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1107. Л. 182–185, 186–188; Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 148.
- 482 ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1107. Л. 113–122, 162–163; Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 191.
- 483 ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1107. Л. 152–157, 159–160.
- 484 Там же. Л. 113–122; 159–160.
- 485 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 1220. Л. 1–4 об.
- 486 ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1107. Л. 113–122; Оп. 32. Д. 4222. Л. 62, 82–92; Мухин В. В. К вопросу о финансово-экономическом положении. С. 30–31.
- 487 РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1404. Л. 1–3 об.; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4319. Л. 151–152.
- 488 ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2892. Л. 1; Д. 4222. Л. 143.
- 489 Вересаев В. В. Указ. соч. Т. 2. С. 160; Всеволожская Л. Б. Всеволожи. С. 6.
- 490 ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4222. Л. 82–92; Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 196–197.
- 491 ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4222. Л. 82–92, 132, 136–141, 145.
- 492 Там же. Д. 2892. Л. 1–3.
- 493 Там же. Д. 3517. Л. 2–34; Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 116; Мухин В. В. К вопросу о финансово-экономическом положении. С. 34–35; Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 198.
- 494 РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 686. Л. 1–7, 38.
- 495 Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 198–199; Ляпин В. А. Как поссорились Никита Всеволодович с Владимиром Андреевичем // Урал в прошлом и настоящем. С. 277–281.
- 496 РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 686. Л. 1–7.
- 497 ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3517. Л. 2–34.
- 498 Там же. Д. 2892. Л. 7–22.
- 499 РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 686. Л. 38–45 об.
- 500 Там же. Л. 49–50 об., 69–70.
- 501 Там же. Л. 1–7, 46, 98 об.–99 об.
- 502 Там же. Л. 81–85, 100 об.–108 об.
- 503 Там же. Л. 132; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3517. Л. 2–34.
- 504 ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2892. Л. 42–79; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 686. Л. 139–143; Мухин В. В. Складывание уральской горнозаводской вотчины Всеволожских // Из истории края. Пермь, 1964. С. 52.
- 505 ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2892. Л. 127, 131, 138–139.
- 506 Там же. Оп. 23. Д. 5306. Л. 5–6, 10, 17.
- 507 Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 152. Л. 1, 8, 19, 27, 32 а, 32 б, 52 а.
- 508 Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 201; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 152. Л. 75, 159–161.
- 509 РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 129. Л. 1–2 об., 12–16, 20.
- 510 ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 152. Л. 201–206, 211, Ф. 24. Оп. 23. Д. 4737. Л. 328–336, 935.
- 511 Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4082. Л. 328–329, 484–494.
- 512 Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 152. Л. 230–240.
- 513 Там же. Л. 248, 255–257.
- 514 Описание заводов и рудников г. Никиты Всеволожского // Горный журнал. 1862. Ч. 2. С. 329; Мухин В. В. Из истории начального этапа проникновения иностранного капитала в горнозаводскую промышленность Урала // Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1870. С. 125–126.
- 515 Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 66–67.
- 516 РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 157. Л. 1–23.

- ⁵¹⁷ Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 93–95; Ельчанинов И. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 352–353; Мухин В. В. Из истории начального этапа проникновения иностранного капитала. С. 127–133; Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 68.
- ⁵¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 403. Л. 1–8.
- ⁵¹⁹ Там же. Л. 24–25, 32 об., 38.
- ⁵²⁰ Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в пост-феодалном рынке. С. 76.
- ⁵²¹ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 407–410; РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 938. Л. 1.
- ⁵²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1979. Л. 15 об.
- ⁵²³ Гассельблат Г. В., Попова Е. Г. Указ. соч.; Чуприяновы М. Н. и В. И. Указ. соч.; Князя Абамелек и Абамелек-Лазаревы, графы и дворяне Лазаревы: Родословные росписи. С. 7–20.
- ⁵²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 40–51; Оп. 3. Д. 33. Л. 17–22 об.
- ⁵²⁵ Там же. Оп. 23. Д. 4767.
- ⁵²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 312. Л. 56–59.
- ⁵²⁷ Там же. Оп. 32. Д. 1879. Л. 23.
- ⁵²⁸ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 332. Л. 1–12.
- ⁵²⁹ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 23–34.
- ⁵³⁰ Там же. Л. 1–12; Д. 390. Л. 97–104 об., 111–120.
- ⁵³¹ Там же. Д. 332. Л. 1–12.
- ⁵³² РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 23–32.
- ⁵³³ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 390. Л. 144; Д. 452. Л. 102.
- ⁵³⁴ Там же. Д. 390. Л. 20–24.
- ⁵³⁵ Там же. Л. 95, 111–120 об.
- ⁵³⁶ Там же. Л. 95–96.
- ⁵³⁷ Там же. Л. 144–146.
- ⁵³⁸ Там же. Л. 36–39 об.
- ⁵³⁹ Там же. Л. 25–29 об., 51, 146.
- ⁵⁴⁰ Там же. Л. 146, 150, 154, 175.
- ⁵⁴¹ Там же. Л. 20–24.
- ⁵⁴² Там же. Д. 448. Л. 9; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1966. Л. 6.
- ⁵⁴³ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 94–96.
- ⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 452. Л. 108; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 94–96.
- ⁵⁴⁵ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 452. Л. 1–6, 23–30.
- ⁵⁴⁶ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 105; РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 452. Л. 53.
- ⁵⁴⁷ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 448. Л. 1–8, 99; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1900. Л. 71.
- ⁵⁴⁸ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 62.
- ⁵⁴⁹ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 452. Л. 130–135; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1901. Л. 3.
- ⁵⁵⁰ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 123–124.
- ⁵⁵¹ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 452. Л. 7–7 об.
- ⁵⁵² Там же. Л. 23–30.
- ⁵⁵³ Там же. Л. 30, 37, 40–41; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 1–1 об., 23–34.
- ⁵⁵⁴ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 37–39.
- ⁵⁵⁵ Там же. Д. 1900. Л. 3, 17–21; РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 452. Л. 180, 193–195.
- ⁵⁵⁶ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1899. Л. 7–20; Д. 1900. Л. 70.
- ⁵⁵⁷ Там же. Д. 1774. Л. 77 об.–78.
- ⁵⁵⁸ Там же. Л. 55, 57; 1899. Л. 7–20.
- ⁵⁵⁹ Там же. Д. 1899. Л. 7–20.
- ⁵⁶⁰ Там же. Л. 1–6; Д. 1969. Л. 1–18.
- ⁵⁶¹ Там же. Д. 1966. Л. 1–5 об.
- ⁵⁶² Там же. Д. 1969. Л. 1–18.

- ⁵⁶³ Там же. Д. 1966. Л. 6–10, 13, 16.
- ⁵⁶⁴ Сапоговская Л. В. Владельцы уральских горнозаводских округов: тиры хозяйствования в пост-феодалном рынке. С. 85.
- ⁵⁶⁵ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 140–141, 508–510.
- ⁵⁶⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 92–92 об.; Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии. С. 318–319.
- ⁵⁶⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5426. Л. 1–3, 152.
- ⁵⁶⁸ Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 422, 496.
- ⁵⁶⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5426. Л. 1–3, 85, 657.
- ⁵⁷⁰ Там же. Л. 55–59.
- ⁵⁷¹ Там же. Л. 86–91.
- ⁵⁷² Там же. Л. 6–10, 12, 15–16, 32, 86–91.
- ⁵⁷³ Там же. Л. 17, 22, 60–61, 72, 86–91.
- ⁵⁷⁴ Там же. Л. 96–98, 160, 718, 818.
- ⁵⁷⁵ Там же. Л. 246, 300.
- ⁵⁷⁶ Там же. Л. 250–253 об., 279.
- ⁵⁷⁷ Там же. Л. 337–338.
- ⁵⁷⁸ Там же. Л. 308, 339, 344, 496–497.
- ⁵⁷⁹ Там же. Л. 421–430.
- ⁵⁸⁰ Там же. Л. 520, 607, 718–741, 744.
- ⁵⁸¹ Там же. Л. 862–864, 869, 923–925.
- ⁵⁸² Там же. Л. 760–763, 767–768.
- ⁵⁸³ Там же. Л. 650, 986–990 об.
- ⁵⁸⁴ Там же. Оп. 25. Д. 651. Л. 4–7, 10, 20, 34, 43–45, 67, 72.
- ⁵⁸⁵ Там же. Д. 652. Л. 3, 29–31 об., 41.
- ⁵⁸⁶ Там же. Л. 21–23 об., 24–25.
- ⁵⁸⁷ Бобринский А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 642.
- ⁵⁸⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4482. Л. 9–26, 90, 98.
- ⁵⁸⁹ Там же. Л. 40–60, 79–80, 90–91 об.
- ⁵⁹⁰ Там же. Л. 1–2, 40–60, 159.
- ⁵⁹¹ Там же. Л. 98.
- ⁵⁹² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 628. Л. 1–7.
- ⁵⁹³ Там же. Л. 3–7, 9, 23–24.
- ⁵⁹⁴ Там же. Л. 1–2, 8, 23.
- ⁵⁹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 733. Л. 1–4, 42–52.
- ⁵⁹⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1842. Л. 1–29.
- ⁵⁹⁷ Там же. Л. 31, 35.
- ⁵⁹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 333. Л. 25–29.
- ⁵⁹⁹ Там же. Л. 15, 46, 64.
- ⁶⁰⁰ Там же. Л. 40, 99, 113, 117–118.
- ⁶⁰¹ Там же. Л. 86, 119, 146, 176, 263, 321, 344.
- ⁶⁰² Металлургические заводы Урала. С. 200–201, 521.
- ⁶⁰³ Там же. С. 253–254.
- ⁶⁰⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 281–282; Д. 7238. Л. 92–93 об.
- ⁶⁰⁵ Там же. Д. 5457. Л. 1–2, 5, 31, 50–52, 96 об., 105.
- ⁶⁰⁶ Там же. Л. 181, 209–210, 243–244.
- ⁶⁰⁷ Там же. Л. 117, 199–200.
- ⁶⁰⁸ Там же. Л. 184–191, 199–200.
- ⁶⁰⁹ Там же. Л. 258, 268–273.
- ⁶¹⁰ Металлургические заводы Урала. С. 254.

- ⁶¹¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1789. Л. 1, 10–11.
- ⁶¹² Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5230. Л. 12–30.
- ⁶¹³ Там же. Л. 31–48.
- ⁶¹⁴ Там же. Л. 31, 35, 48–50, 62.
- ⁶¹⁵ Там же. Д. 7236. Л. 113; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 743. Л. 31–32.
- ⁶¹⁶ Лобанов-Ростовский А. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 164.
- ⁶¹⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1789. Л. 10–11.
- ⁶¹⁸ Там же. Л. 16, 23–26, 30, 33–35, 37.
- ⁶¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 743. Л. 31–32.
- ⁶²⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 242. Л. 8, 34, 144; “Под суд!” Л. 3. 15 декабря 1859 г. С. 25.
- ⁶²¹ Там же. Л. 10, 20, 21–31.
- ⁶²² Там же. Л. 43, 65, 84.
- ⁶²³ Там же. Л. 125.
- ⁶²⁴ Там же. Л. 130–131, 144.
- ⁶²⁵ Там же. Л. 151, 172, 187–188, 190.
- ⁶²⁶ Там же. Л. 225.
- ⁶²⁷ Там же. Л. 216–220.
- ⁶²⁸ Там же. Л. 229, 233, 254, 259.
- ⁶²⁹ Там же. Л. 223, 263–265.
- ⁶³⁰ Там же. Л. 270–272, 402.
- ⁶³¹ Там же. Л. 273, 278.
- ⁶³² Там же. Л. 297–300.
- ⁶³³ Там же. Л. 308, 338, 350, 370, 378.
- ⁶³⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 4. Д. 31. Л. 2–3.
- ⁶³⁵ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 242. Л. 402–403.
- ⁶³⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4475. Л. 1–2, 8, 27; Metallургические заводы Урала. С. 254.
- ⁶³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 69. Л. 8 об.–9, 42 об.–44; Сысерть: В краю Бажовских сказов. С. 14.
- ⁶³⁸ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 266–269.
- ⁶³⁹ Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 314.
- ⁶⁴⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1451. Л. 18–18 об.; Шимонек Е. К. К родословной рода Турчаниновых // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 278–280.
- ⁶⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1451. Л. 18–20 об.
- ⁶⁴² Там же. Оп. 2. Д. 318. Л. 37–40.
- ⁶⁴³ Там же. Оп. 32. Д. 179. Л. 56–65; Оп. 24. Д. 7734. Л. 44–55, 150.
- ⁶⁴⁴ Там же. Оп. 25. Д. 550. Л. 54.
- ⁶⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 318. Л. 37–40; Оп. 24. Д. 7734. Л. 329–358; Байдин В. И. и др. Дневник священника. С. 132–134.
- ⁶⁴⁶ ГАСО. Оп. 24. Д. 7734. Л. 245, 329–358.
- ⁶⁴⁷ Там же. Л. 329–358.
- ⁶⁴⁸ Там же. Л. 245, 329–358.
- ⁶⁴⁹ Там же. Оп. 32. Д. 4459. Л. 115; Оп. 25. Д. 550. Л. 515.
- ⁶⁵⁰ Там же. Оп. 23. Д. 4825. Л. 30, 42, 208–212.
- ⁶⁵¹ Там же. Оп. 2. Д. 318. Л. 1–14.
- ⁶⁵² Там же. Оп. 32. Д. 179. Л. 40–49.
- ⁶⁵³ Там же. Л. 52–65.
- ⁶⁵⁴ Там же. Оп. 2. Д. 334. Л. 1–2, 15.
- ⁶⁵⁵ Там же. Л. 31–35.
- ⁶⁵⁶ Там же. Л. 43 об.–45.
- ⁶⁵⁷ Там же. Л. 56.
- ⁶⁵⁸ Там же. Оп. 25. Д. 581. Л. 1–2; Д. 550. Л. 662–665; Оп. 32. Д. 4459. Л. 115.

- ⁶⁵⁹ Там же. Оп. 2. Д. 334. Л. 36–38.
- ⁶⁶⁰ Там же. Д. 318. Л. 73–74.
- ⁶⁶¹ Там же. Д. 334. Л. 36–38; Оп. 32. Д. 4459. Л. 115–118.
- ⁶⁶² Там же. Оп. 2. Д. 348. Л. 5–7.
- ⁶⁶³ Там же. Оп. 25. Д. 550. Л. 54–57.
- ⁶⁶⁴ Там же. Л. 195–197; Оп. 2. Д. 348. Л. 32–34.
- ⁶⁶⁵ Там же. Оп. 23. Д. 6138. Л. 78 об.–79; Оп. 32. Д. 4459. Л. 1–5; Оп. 25. Д. 550. Л. 158 об.
- ⁶⁶⁶ Там же. Оп. 25. Д. 581. Л. 3–10.
- ⁶⁶⁷ Там же. Оп. 2. Д. 348. Л. 26; Оп. 25. Д. 550. Л. 116.
- ⁶⁶⁸ Там же. Оп. 2. Д. 348. Л. 25–26 об.
- ⁶⁶⁹ Там же. Л. 5–7.
- ⁶⁷⁰ Там же. Л. 22; Оп. 25. Д. 570. Л. 333.
- ⁶⁷¹ Там же. Оп. 32. Д. 4459. Л. 40–80.
- ⁶⁷² Шимонек Е. В. О связях рода Соломирских с А. С. Пушкиным и пушкинским окружением. С. 359; Коновалов Ю. В. Указ. соч. С. 176–179.
- ⁶⁷³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 581. Л. 71.
- ⁶⁷⁴ Там же. Оп. 2. Д. 348. Л. 28; Оп. 25. Д. 550. Л. 382–383; Оп. 32. Д. 179. Л. 40–49.
- ⁶⁷⁵ Там же. Оп. 32. Д. 179. Л. 40–49.
- ⁶⁷⁶ Там же. Оп. 32. Д. 4459. Л. 6–28 об.; Д. 179. Л. 56–65.
- ⁶⁷⁷ Там же. Д. 4459. Л. 6–28 об.
- ⁶⁷⁸ Там же. Оп. 32. Д. 179. Л. 56–65.
- ⁶⁷⁹ Там же. Д. 4459. Л. 92–94.
- ⁶⁸⁰ По свидетельству Е. П. Пироговой и В. А. Шкерина (Сысерть: В краю Бажовских сказов. С. 33) у Е. А. Титовой (ок. 1773/74–1827) и А. Н. Титова (?–1827) было пятеро сыновей – Федор, Александр, Петр, Николай, Михаил – и три дочери – Фелицата, Екатерина и Анна.
- ⁶⁸¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 550. Л. 625–626; Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 292.
- ⁶⁸² ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 550. Л. 662–665.
- ⁶⁸³ Там же. Оп. 32. Д. 4459. Л. 202–211.
- ⁶⁸⁴ Вероятно, здесь ошибка в источнике. У Н. А. Ивелич (1776–1850) и М. К. Ивелич (1741–1825) было два сына – Константин (1799–1837) и Николай – и две дочери – Екатерина (1795–1838), известная своим знакомством с А. С. Пушкиным, и Александра (Языкова). Старший сын погиб на Кавказе еще до смерти матери, а потому во владении частью Сысертских заводов ей наследовал младший сын Николай.
- ⁶⁸⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4459. Л. 122–398.
- ⁶⁸⁶ Там же. Л. 342, 370.
- ⁶⁸⁷ Там же. Д. 371. Л. 82; Самарина М. А., Тагильцева Н. Н. Последний владелец Сысертских заводов // Полевской край. Вып. 1. С. 126–128; Чуманов А. Н. и др. Указ. соч. С. 100–104; Сысерть: В краю Бажовских сказов. С. 43–46.
- ⁶⁸⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 371. Л. 82–85; Оп. 23. Д. 6315. Л. 4–5, 100.
- ⁶⁸⁹ Там же. Оп. 23. Д. 6315. Л. 4–6.
- ⁶⁹⁰ Там же. Л. 5, 13.
- ⁶⁹¹ Там же. Л. 14, 30.
- ⁶⁹² Там же. Л. 38, 93.
- ⁶⁹³ Там же. Л. 98, 103, 111.
- ⁶⁹⁴ Там же. Л. 23, 100.
- ⁶⁹⁵ Там же. Л. 115–120.
- ⁶⁹⁶ Там же. Л. 137–138.
- ⁶⁹⁷ Там же. Л. 124.
- ⁶⁹⁸ Там же. Л. 138–140.
- ⁶⁹⁹ Там же. Л. 160, 164, 174.

- ⁷⁰⁰ Шимонек Е. В. О связях рода Соломирских с А. С. Пушкиным и пушкинским окружением. С. 357–360.
- ⁷⁰¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5057. Л. 1, 3–4 (в указе А. Н. Зубов ошибочно назван Николаем); Оп. 32. Д. 371. Л. 82.
- ⁷⁰² Там же. Оп. 24. Д. 7734. Л. 323 об.–324; Оп. 32. Д. 179. Л. 27–35, 56–65, 218–223.
- ⁷⁰³ По сведениям А. Н. Кожевникова, покупка части А. А. Турчанинова была осуществлена П. Д. Соломирским лишь 13 июня 1847 г. у двоюродной сестры Филицаты Алексеевны Софоновой (Полевской край. Вып. 1. С. 70).
- ⁷⁰⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 204; Ф. 24. Оп. 32. Д. 179. Л. 137–138; Д. 371. Л. 192–193; Оп. 24. Д. 7734. Л. 375.
- ⁷⁰⁵ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 108, 205; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 831; Чуманов А. Н. и др. Указ. соч. С. 194–195.
- ⁷⁰⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5893. Л. 11–12 об.
- ⁷⁰⁷ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 204.
- ⁷⁰⁸ Бобринский А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 703.
- ⁷⁰⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 12–20, 594.
- ⁷¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 646. Л. 4–5; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 20.
- ⁷¹¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 23, 25, 78, 630–639; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 646. Л. 3.
- ⁷¹² ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 61–62, 101, 108–109, 166, 172, 183.
- ⁷¹³ Там же. Л. 205–213.
- ⁷¹⁴ Там же. Л. 437–438, 446, 470, 479.
- ⁷¹⁵ Безобразов В. П. Указ. соч. С. 190.
- ⁷¹⁶ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 265; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 36–37, 81–82.
- ⁷¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 32. Л. 58, 66 об.–67 об., 81.
- ⁷¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 609. Л. 13; Аксенов А. И. Указ. соч. С. 116–117; История предпринимательства в России. Т. 1. С. 389.
- ⁷¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6998. Л. 78, 272–284 об.
- ⁷²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 609. Л. 13; ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 888. Л. 123–128; Оп. 23. Д. 6127. Л. 685–688.
- ⁷²¹ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 398–403, 494–500; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5964. Л. 32–40.
- ⁷²² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 609. Л. 12, 13–16 об.
- ⁷²³ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 625–626, 633, 915.
- ⁷²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1858. Л. 234–239; Оп. 23. Д. 5964. Л. 32–40.
- ⁷²⁵ Шкерин В. А. Генерал Глинка: личность и эпоха. С. 272–273; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5964. Л. 32–40.
- ⁷²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4576. Л. 185–187; Д. 5964. Л. 5–6.
- ⁷²⁷ Там же. Д. 5964. Л. 7–12.
- ⁷²⁸ Там же. Л. 13, 28–29.
- ⁷²⁹ Там же. Л. 32–40, 48, 52–54.
- ⁷³⁰ Там же. Оп. 32. Д. 1887. Л. 47–49.
- ⁷³¹ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 162.
- ⁷³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1887. Л. 50, 107 об.
- ⁷³³ Там же. Л. 36 об.–37, 44–45, 47–49; Д. 4133. Л. 73.
- ⁷³⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1227. Л. 1–4.
- ⁷³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1887. Л. 47–49; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 635. Л. 4.
- ⁷³⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1887. Л. 1, 50–63.
- ⁷³⁷ Там же. Л. 2–28, 50–63, 69–70.
- ⁷³⁸ Там же. Л. 127, 141, 154 об.
- ⁷³⁹ Там же. Л. 137 об., 176–177, 180–188, 190–194, 195–201.

- ⁷⁴⁰ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 294. Л. 2–5.
- ⁷⁴¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 635. Л. 5–7, 8, 20.
- ⁷⁴² Там же. Л. 9–17.
- ⁷⁴³ Там же. Оп. 79. Д. 122. Л. 1–5, 73–75.
- ⁷⁴⁴ Там же. Л. 90–93, 151–164 об.
- ⁷⁴⁵ Там же. Л. 34–35, 76–78, 184.
- ⁷⁴⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 377–378.
- ⁷⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 218–219, 382.
- ⁷⁴⁸ Там же. Л. 1, 10–11, 28–31; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1187.
- ⁷⁴⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 229, 306, 400.
- ⁷⁵⁰ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1969. Л. 1–18.
- ⁷⁵¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 301, 332, 683–685.
- ⁷⁵² Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 377–378; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. С. 74–75.
- ⁷⁵³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2937. Л. 1–6.
- ⁷⁵⁴ Там же. Оп. 23. Д. 5016. Л. 1–12.
- ⁷⁵⁵ Там же. Л. 49, 57.
- ⁷⁵⁶ Там же. Л. 31, 140, 190–192.
- ⁷⁵⁷ Там же. Л. 305, 330–333, 369–373, 375–377.
- ⁷⁵⁸ Там же. Л. 375–377, 390.
- ⁷⁵⁹ Там же. Л. 423.
- ⁷⁶⁰ Там же. Д. 4565. Т. 2. Л. 212–217; Д. 7238. Л. 907–921; Оп. 32. Д. 67. Л. 38.
- ⁷⁶¹ Там же. Оп. 23. Д. 5016. Л. 684–687, 689, 791, 831–832, 840.
- ⁷⁶² Павленко Н. И. Указ. соч. С. 513–514; Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. С. 118.
- ⁷⁶³ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 799; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1927. Л. 1–2.
- ⁷⁶⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5016. Л. 855–863, 914–925, 947, 961.
- ⁷⁶⁵ Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 648; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 295.
- ⁷⁶⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 416. Л. 89.
- ⁷⁶⁷ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 217–227.
- ⁷⁶⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 102. Л. 1, 4–5, 6, 7, 14.
- ⁷⁶⁹ Там же. Л. 12–13.
- ⁷⁷⁰ Там же. Л. 10–11, 17–18.
- ⁷⁷¹ Там же. Л. 25–26, 28–29.
- ⁷⁷² Там же. Д. 588. Л. 18–18 об., 25.
- ⁷⁷³ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 637. Л. 1–2, 15.
- ⁷⁷⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2522. Л. 11, 13.
- ⁷⁷⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 590. Л. 1–2, 6–8, 19–20 об., 22–24.
- ⁷⁷⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2522. Л. 2–13.
- ⁷⁷⁷ Там же. Оп. 23. Д. 7208. Л. 92 об.–93, 99–99 об.; Безобразов В. П. Указ. соч. С. 16.
- ⁷⁷⁸ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 358.
- ⁷⁷⁹ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 309.
- ⁷⁸⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2682. Л. 1, 5; Metallургические заводы Урала. С. 66.
- ⁷⁸¹ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 722–727; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 900. Л. 25.
- ⁷⁸² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 92 об.; Луппов П. Н. Указ. соч. С. 194–196; Александров А. А. Указ. соч. С. 113–122; Metallургические заводы Урала. С. 66.
- ⁷⁸³ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 285–286.
- ⁷⁸⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 71. Л. 12, 19 об., 133–172.
- ⁷⁸⁵ Там же. Л. 10–11, 81, 133–172.
- ⁷⁸⁶ Там же. Л. 133–172.

- ⁷⁸⁷ Там же. Л. 57.
- ⁷⁸⁸ Там же. Л. 113, 122–124.
- ⁷⁸⁹ Там же. Л. 133–172.
- ⁷⁹⁰ Там же. Л. 125–126, 189, 232–236.
- ⁷⁹¹ Там же. Л. 186.
- ⁷⁹² Там же. Л. 248–252.
- ⁷⁹³ Там же. Л. 189, 204, 213, 272.
- ⁷⁹⁴ Там же. Л. 326–328.
- ⁷⁹⁵ Там же. Л. 248–252.
- ⁷⁹⁶ Там же. Д. 168. Л. 7, 15, 20–23 об.
- ⁷⁹⁷ Там же. Д. 71. Л. 354–355, 381.
- ⁷⁹⁸ Там же. Л. 393–396, 435, 446–449, 456, 986.
- ⁷⁹⁹ Там же. Л. 511–513, 538, 725, 855.
- ⁸⁰⁰ Там же. Д. 168. Л. 128–130, 154–156.
- ⁸⁰¹ Там же. Л. 145, 157–159; Д. 71. Л. 486–489, 878–880, 1007.
- ⁸⁰² Там же. Оп. 23. Д. 7236. Л. 493–500 об.
- ⁸⁰³ Там же. Л. 85–89; Оп. 32. Д. 900. Л. 3–9.
- ⁸⁰⁴ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 281–283; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2965. Л. 175–180.
- ⁸⁰⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 485, 588, 620; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4808; Д. 7176. Л. 8–9.
- ⁸⁰⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4839. Л. 111; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 129. Л. 1–2, 6.
- ⁸⁰⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 315. Л. 4, 45–51.
- ⁸⁰⁸ Там же. Л. 5–6, 8.
- ⁸⁰⁹ Там же. Оп. 32. Д. 2836. Л. 1–2.
- ⁸¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 315. Л. 5–6, 8, 12–30, 32.
- ⁸¹¹ Там же. Л. 13, 45–51.
- ⁸¹² Там же. Л. 45–51.
- ⁸¹³ Там же. Оп. 23. Д. 4839. Л. 388–293.
- ⁸¹⁴ Там же. Л. 357.
- ⁸¹⁵ Там же. Л. 2.
- ⁸¹⁶ Русский биографический словарь. Т. Бетанкур – Бякстер. С. 109; Ельчанинов И. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 31; Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б. Н. Чичерина. С. 241.
- ⁸¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 638. Л. 1–2.
- ⁸¹⁸ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 512; Металлургические заводы Урала. С. 84–85; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4081. Л. 39–40, 97, 208.
- ⁸¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 401; Оп. 32. Д. 4081. Л. 43–48, 88–92; Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 419.
- ⁸²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 588. Л. 1–4, 9, 11, 13–14.
- ⁸²¹ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 366–367.
- ⁸²² Там же. С. 367–370.
- ⁸²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4081. Л. 97–107.
- ⁸²⁴ Там же. Л. 120–123, 168–172.
- ⁸²⁵ Там же. Оп. 23. Д. 7208. Л. 33–34; Д. 7236. Л. 67–68, 174–175; Бобринский А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 517.
- ⁸²⁶ Керн А. П. Указ. соч. С. 440.
- ⁸²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 127. Л. 31–43.
- ⁸²⁸ Там же. Оп. 25. Д. 18. Л. 3–6, 8; Оп. 23. Д. 7236. Л. 176–178.
- ⁸²⁹ Там же. Оп. 25. Д. 18. Л. 75–76.
- ⁸³⁰ Металлургические заводы Урала. С. 77; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 283–290.
- ⁸³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 67–68; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 577. Л. 2–5; Металлургические заводы Урала. С. 77.

- ⁸³² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 577. Л. 2–5; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1823. Л. 2–5.
- ⁸³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 698–743.
- ⁸³⁴ Там же. Д. 6644. Л. 12.
- ⁸³⁵ Звягинцев Е. А. Московский купец-компанейщик Михайло Гусятников и его род // Московский край в его прошлом: Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX вв. М., 1928; Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. С. 100–101; Предпринимательство и предприниматели России... С. 157–159..
- ⁸³⁶ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 312–313.
- ⁸³⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 187. Л. 1–64.
- ⁸³⁸ Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. С. 100; История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 368.
- ⁸³⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 187. Л. 1–64.
- ⁸⁴⁰ Metallургические заводы Урала. С. 392.
- ⁸⁴¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 187. Л. 1–64.
- ⁸⁴² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6644. Л. 129–137.
- ⁸⁴³ Там же. Л. 5–7.
- ⁸⁴⁴ Там же. Л. 26–28, 30, 82.
- ⁸⁴⁵ Там же. Л. 65, 129–137.
- ⁸⁴⁶ Там же. Л. 236–340, 245–249 об., 266–271.
- ⁸⁴⁷ Там же. Л. 298–307 об., 323–328.
- ⁸⁴⁸ Там же. Л. 304, 331.
- ⁸⁴⁹ Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. С. 101; История предпринимательства в России. Кн. 1. С. 419; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7236. Л. 743.
- ⁸⁵⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 609. Л. 5–11.
- ⁸⁵¹ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 308; Metallургические заводы Урала. С. 515; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6936. Л. 186.
- ⁸⁵² Байдин В. И. и др. Дневник священника. С. 116, 122.
- ⁸⁵³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 296. Л. 13–13 об.
- ⁸⁵⁴ Там же. Оп. 23. Д. 6936. Л. 120–128, 221–222, 454, 456.
- ⁸⁵⁵ Муравьев Н. Н. Указ. соч. С. 157.
- ⁸⁵⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6936. Л. 653–658.
- ⁸⁵⁷ Там же. Л. 672, 744, 751, 789, 799–800.
- ⁸⁵⁸ Там же. Оп. 2. Д. 296. Л. 19–25.
- ⁸⁵⁹ Там же. Оп. 23. Д. 6171. Л. 25.
- ⁸⁶⁰ Там же. Л. 10–11, 127.
- ⁸⁶¹ Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 269–272.
- ⁸⁶² ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 9. Л. 30–38.
- ⁸⁶³ Там же. Л. 30, 312; Д. 9а. Л. 6.
- ⁸⁶⁴ Там же. Д. 9. Л. 228; Д. 9б. Л. 77.
- ⁸⁶⁵ Там же. Д. 9. Л. 95, 98, 206–209.
- ⁸⁶⁶ Там же. Д. 9. Л. 265, 272, 290, 312.
- ⁸⁶⁷ Там же. Оп. 23. Д. 7176. Л. 8–9; Metallургические заводы Урала. С. 99.
- ⁸⁶⁸ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 156; Кулбахтин Н. М. Указ. соч. С. 118–119.
- ⁸⁶⁹ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 425.
- ⁸⁷⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 743. Л. 22; Д. 609. Л. 17–19.
- ⁸⁷¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2677. Л. 1–2, 4, 10–13.
- ⁸⁷² Там же. Л. 16–17, 34; Оп. 23. Д. 5201. Л. 1–5, 49, 84 об.–93, 131, 173, 207.
- ⁸⁷³ Там же. Оп. 25. Д. 73. Л. 1, 3, 42 об.–43, 47 об.–51.
- ⁸⁷⁴ Там же. Л. 8, 31–32 об.
- ⁸⁷⁵ Там же. Л. 16 об.–30 об.

- ⁸⁷⁶ Там же. Л. 1, 52, 55–60 об., 81–88 об., 114.
⁸⁷⁷ Там же. Л. 144, 162.
⁸⁷⁸ Там же. Л. 148–151, 162.
⁸⁷⁹ Там же. Л. 169, 207, 225, 237.
⁸⁸⁰ Там же. Л. 181, 237, 245.
⁸⁸¹ Там же. Л. 250, 275.
⁸⁸² Там же. Л. 300, 318, 326, 343–346, 348–357 об.
⁸⁸³ Там же. Л. 337, 382–383, 408, 410–412, 427, 595; Д. 649. Л. 10, 27–28, 35–36, 50.
⁸⁸⁴ Там же. Д. 73. Л. 431, 437–438, 528, 533.
⁸⁸⁵ Там же. Л. 475, 490–491, 514, 588, 606.
⁸⁸⁶ Там же. Л. 611–613.
⁸⁸⁷ Там же. Д. 649. Л. 25, 37, 168–169.
⁸⁸⁸ Там же. Л. 151–156, 168–169.
⁸⁸⁹ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 306–307.
⁸⁹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2831. Л. 7–8.
⁸⁹¹ Там же. Оп. 25. Д. 537. Л. 1, 5 об., 17–19 об., 87; Металлургические заводы Урала. С. 394.
⁸⁹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2965. Л. 28.
⁸⁹³ Там же. Оп. 25. Д. 537. Л. 1, 42, 214.
⁸⁹⁴ Там же. Л. 159, 173–174.
⁸⁹⁵ Там же. Л. 17–19 об., 24.
⁸⁹⁶ Там же. Л. 152, 157, 159, 214.
⁸⁹⁷ Там же. Л. 216–217, 247–247 об., 320–323, 330–331, 357.
⁸⁹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 88. Л. 10 об.
⁸⁹⁹ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 303–306; Металлургические заводы Урала. С. 69.
⁹⁰⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 451; Оп. 1. Д. 2698 а. Л. 168–175.
⁹⁰¹ Там же. Оп. 25. Д. 73. Л. 3–6.
⁹⁰² Там же. Д. 649. Л. 3, 15–22, 169.

Глава IV

- ¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2677. Л. 1–2, 10–13.
² Там же. Л. 4–6; Павленко Н. И. Указ. соч. С. 313–314.
³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2911. Л. 1–2; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 397.
⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3040. Л. 1–18.
⁵ Там же. Оп. 23. Д. 5201. Л. 84 об.–93.
⁶ Там же. Л. 1–5, 49, 89–90.
⁷ Там же. Л. 84 об.–89, 131.
⁸ Там же. Л. 98, 103, 120, 123, 142.
⁹ Там же. Оп. 25. Д. 224. Л. 3–4.
¹⁰ Там же. Оп. 23. Д. 5201. Л. 173, 175, 199, 207.
¹¹ Там же. Л. 666–713.
¹² Там же. Оп. 25. Д. 224. Л. 22 об., 46, 54, 56 об.
¹³ Там же. Оп. 23. Д. 5201. Л. 417–418.
¹⁴ Там же. Л. 418, 422, 603.
¹⁵ Там же. Л. 424, 428.
¹⁶ Там же. Л. 438–443, 455, 458–462, 466–469, 480–483.
¹⁷ Там же. Л. 485, 532–541, 586–590, 629, 648.
¹⁸ Там же. Л. 609–611, 635, 642, 715–720.
¹⁹ Там же. Оп. 25. Д. 560. Л. 96–97, 100, 254.
²⁰ Там же. Д. 560. Л. 14, 272, 280–281, 288, 296, 369, 389–390, 451, 539.

- ²¹ Там же. Д. 560. Л. 12–13, 114–117, 194, 236, 488.
- ²² Там же. Л. 1–2, 309, 353–354, 356, 359–360.
- ²³ Там же. Л. 521–522; Ф. 43. Оп. 1. Д. 225. Л. 21–26, 36.
- ²⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6087. Л. 1–5.
- ²⁵ Суровцева Н. Г. Экспорт уральского металла. С. 54.
- ²⁶ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 840.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4431. Л. 1, 7–8, 48.
- ²⁸ Там же. Оп. 23. Д. 4690. Л. 175–182 об., 516, 621–625; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 401–407.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4690. Л. 634–635 об.; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 407–408.
- ³⁰ “Под суд!” Л. 3. 15 декабря 1859 г. С. 30–31.
- ³¹ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 834–852.
- ³² ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 225. Л. 21–26.
- ³³ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 852; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 647. Л. 3, 28.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 4. Д. 7. Л. 27–42.
- ³⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 639. Л. 9–18.
- ³⁶ Там же. Д. 647. Л. 2, 11–27.
- ³⁷ Там же. Л. 28–32.
- ³⁸ Ведомость уральским частным заводам, имеющих казенные леса и земли // Горный журнал. 1862. Ч. 4. С. 367–379.
- ³⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 647. Л. 33–36.
- ⁴⁰ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 852.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 416. Л. 11–18; Ф. 24. Оп. 4. Д. 31. Л. 1–16; Металлургические заводы Урала. С. 519.
- ⁴² ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 72. Л. 23.
- ⁴³ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 187. Л. 1–64.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6644. Л. 16.
- ⁴⁵ Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. С. 162.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 72. Л. 2, 14; Тулисов Е. С. Указ. соч. С. 270–275.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 72. Л. 23, 24; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 187.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 701. Л. 463–465.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2989.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 72. Л. 14.
- ⁵¹ Там же. Оп. 25. Д. 191. Л. 2–11.
- ⁵² Там же. Оп. 3. Д. 127. Л. 11–25.
- ⁵³ Павленко Н. И. Указ. соч. С. 227, 360; Металлургические заводы Урала. С. 282.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 248. Л. 1–2, 5, 12 об., 13–15.
- ⁵⁵ Там же. Д. 825 б. Л. 1–32; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1863. Л. 27–28.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 33–40.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 701. Л. 460–465; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 22–32.
- ⁵⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2082. Л. 3–9, 10–11, 18.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 25. Д. 701. Л. 466–467; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 1–8; Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Л., 1991. С. 12–14, 21; Лизунов П. В. Штиглицы – “некоронованные короли” российских финансов // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 37–38.
- ⁶⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 701. Л. 26–27.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 33.
- ⁶² Там же. Л. 8, 113, 116, 119 об.; Д. 545. Л. 27.
- ⁶³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 701. Л. 72–74, 466–467.
- ⁶⁴ Там же. Л. 15, 92–95.
- ⁶⁵ Там же. Л. 435–444, 447–449; Оп. 23. Д. 4701. Л. 97 об.–98.

- ⁶⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 187. Л. 1–64.
- ⁶⁷ Там же. Д. 825 б. Л. 1–8, 22–32; Д. 545. Л. 17.
- ⁶⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6947; 7268; Оп. 32. Д. 402. Л. 1–3; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 743. Л. 33–43.
- ⁶⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 22–32; 46–49; ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1923. Л. 1–6; Ф. 24. Оп. 32. Д. 2736. Л. 61.
- ⁷⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 1–8; 20 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 71; Санкт-Петербургские ведомости. № 16. 1853. 24 февраля.
- ⁷² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 72, 46–49; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2736. Л. 16 об., 57–58, 61.
- ⁷³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1923. Л. 6, 7–8.
- ⁷⁴ Там же. Л. 10, 11–12, 14 об., 22, 35; Оп. 1. Д. 416. Л. 55–60.
- ⁷⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 72–105.
- ⁷⁶ Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 65–66.
- ⁷⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1128. Л. 3–4; Лизунов П. В. Указ. соч. С. 42.
- ⁷⁸ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1923. Л. 48–51, 55–56; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 825 б. Л. 125–129.
- ⁷⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1128. Л. 1–4, 12, 16.
- ⁸⁰ Металлургические заводы Урала. С. 69–70, 234–236, 281–282, 412–413, 522–523.
- ⁸¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 33–34; Оп. 25. Д. 18. Л. 3–6, 8, 75–76.
- ⁸² Там же. Оп. 25. Д. 18. Л. 64–68; Д. 101. Л. 1.
- ⁸³ Там же. Д. 888. Л. 119–122.
- ⁸⁴ Там же. Оп. 23. Д. 6127. Л. 88.
- ⁸⁵ Там же. Л. 123–145.
- ⁸⁶ Там же. Л. 298–301.
- ⁸⁷ Там же. Л. 158–166.
- ⁸⁸ Там же. Л. 166, 169–170, 265, 277, 287–290, 411.
- ⁸⁹ Там же. Л. 265, 381, 538, 581, 585, 668, 709.
- ⁹⁰ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 382, 385–386.
- ⁹¹ Агеев С. С., Микитюк В. П. Указ. соч. С. 76.
- ⁹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6913. Л. 230.
- ⁹³ Агеев С. С., Микитюк В. П. Указ. соч. С. 79.
- ⁹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6913. Л. 39–41.
- ⁹⁵ Там же. Л. 41, 218–219, 237–246.
- ⁹⁶ Там же. Л. 67, 85, 88–104.
- ⁹⁷ Там же. Л. 185, 291–293, 297–308.
- ⁹⁸ Там же. Л. 311, 334; Д. 6119.
- ⁹⁹ Агеев С. С., Микитюк В. П. Указ. соч. С. 82–83; Харитонов Е. Д. Из истории купеческого рода Харитоновых. С. 16–108; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3.
- ¹⁰⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3–23.
- ¹⁰¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611. Л. 1, 6 об., 8, 18.
- ¹⁰² Там же. Л. 24–28.
- ¹⁰³ Там же. Л. 29–30, 51–52, 70–77, 104.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 105–106, 111–112; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3–23; Линник О. В. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7279. Л. 110.
- ¹⁰⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611. Л. 150; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1858. Л. 38, 77, 348.
- ¹⁰⁷ ГАСО. 43. 2. 1909. Л. 61–62; Металлургические заводы Урала. С. 258; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России. С. 196–198; Свистунов В. М. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁰⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3–23, 28; Д. 67. Л. 4–7, 58–61.
- ¹⁰⁹ Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 100–102; Свистунов В. М. Указ. соч. С. 64–66; Линник О. В. Указ. соч. С. 38, 69; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4347. Л. 1.
- ¹¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 296. Л. 40–45.
- ¹¹¹ Там же. Л. 19–25.

- ¹¹² Там же. Оп. 23. Д. 6171. Л. 101–11, 15, 76–79, 120–121, 127.
- ¹¹³ Там же. Л. 140–141.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 22; Оп. 2. Д. 296. Л. 37 об.
- ¹¹⁵ Там же. Оп. 32. Д. 1613. Л. 125; Оп. 2. Д. 296. Л. 5, 47–50.
- ¹¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 296. Л. 59, 77.
- ¹¹⁷ Там же. Оп. 23. Д. 7236. Л. 85–89.
- ¹¹⁸ Бобринский А. А. Указ. соч. Ч. 2. С. 639.
- ¹¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4576. Т. 1. Л. 11; Оп. 32. Д. 1613. Л. 125; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 505; Металлургические заводы Урала. С. 455.
- ¹²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4576. Т. 1. Л. 79, 120–121.
- ¹²¹ Там же. Л. 1, 11–14 об.
- ¹²² Там же. Л. 11–14 об.
- ¹²³ Там же. Л. 1–3, 50.
- ¹²⁴ Там же. Л. 74–74 об., 155–176 об.
- ¹²⁵ Там же. Л. 98–99, 100, 101.
- ¹²⁶ Там же. Л. 155–176 об.
- ¹²⁷ Там же. Л. 177–180, 185–187, 195; Оп. 32. Д. 2938. Л. 1–4, 15–17.
- ¹²⁸ Там же. Оп. 23. Д. 4576. Т. 1. Л. 248.
- ¹²⁹ Там же. Т. 2. Л. 366–374, 389.
- ¹³⁰ Там же. Т. 1. Л. 387, 548, 565; Оп. 32. Д. 900. Л. 144 об.
- ¹³¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 91. Л. 1, 6, 10.
- ¹³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 900. Л. 1–1 об., 3–9, 10, 37, 91, 130.
- ¹³³ Там же. Л. 19, 25, 82.
- ¹³⁴ Там же. Л. 218–220, 227–227 об.
- ¹³⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 92. Л. 1–3; Гассельблат Г. В., Рошет С. Н. Горный инженер Владимир Карлович Рашет и его родственное окружение // Сплетались времена, сплетались страны... Вып. 10. С. 56–57; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 447–448.
- ¹³⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3422. Л. 1–4, 20, 37.
- ¹³⁷ Там же. Д. 4177. Л. 2–8, 10–11, 12, 20.
- ¹³⁸ Безобразов В. П. Указ. соч. С. 203.
- ¹³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4081. Л. 168–172.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 39–40; Оп. 4. Д. 7. Л. 27–42.
- ¹⁴¹ Там же. Оп. 32. Д. 4081. Л. 39–40, 43–48, 57.
- ¹⁴² Там же. Л. 1–6.
- ¹⁴³ Там же. Л. 11–19.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 43–48, 64 об–67.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 52–54, 62–69.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 88–92, 93–107; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 660. Л. 2.
- ¹⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4081. Л. 122–123, 239 об., 246–248; Металлургические заводы Урала. С. 85.
- ¹⁴⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2126. Л. 5.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 4481. Т. 1. Л. 1–11.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 316–319, 373, 579.
- ¹⁵¹ Там же. Д. 2126. Л. 5.
- ¹⁵² Яцунский В. К. Социально-экономическая история России. С. 196–198.
- ¹⁵³ Металлургические заводы Урала. С. 486–487.
- ¹⁵⁴ Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998. С. 134; Бессонов М. С. Указ. соч. С. 3–13.
- ¹⁵⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6637. Л. 36, 124, 163 об.–164, 195, 330, 454.
- ¹⁵⁶ Там же. Д. 6729. Л. 1–9 об.

- ¹⁵⁷ Там же. Оп. 3. Д. 127. Л. 44–46.
- ¹⁵⁸ Там же. Оп. 23. Д. 5802. Л. 2–5, 6–7; Д. 6729. Л. 330–333.
- ¹⁵⁹ Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии. С. 298–299.
- ¹⁶⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6637. Л. 5–10, 146–150, 399 об.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 11, 20, 26.
- ¹⁶² Там же. Л. 124, 146–150.
- ¹⁶³ Там же. Л. 247, 442, 459.
- ¹⁶⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 230. Л. 1.
- ¹⁶⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6637. Л. 419–421, 459.
- ¹⁶⁶ Бессонов М. С. Указ. соч. С. 9, 13.
- ¹⁶⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6729. Л. 135; Д. 4608. Л. 559 об.
- ¹⁶⁸ Там же. Д. 4608. Л. 559 об.; Д. 6729. Л. 1–9 об.
- ¹⁶⁹ Там же. Д. 6729. Л. 1–9 об.
- ¹⁷⁰ Бессонов М. С. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁷¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6729. Л. 36, 131–134.
- ¹⁷² Там же. Л. 31–33.
- ¹⁷³ Там же. Л. 64–65, 70; Д. 6168. Л. 25.
- ¹⁷⁴ Там же. Д. 6729. Л. 146, 318 об., 337.
- ¹⁷⁵ Там же. Д. 6168. Л. 74, 175; Д. 4608. Л. 154.
- ¹⁷⁶ Там же. Д. 6729. Л. 452; Д. 4608. Л. 326, 365; Д. 6168. Л. 95–96.
- ¹⁷⁷ Там же. Д. 4608. Л. 401–404.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 454–457, 559; Д. 6168. Л. 25, 45.
- ¹⁷⁹ Там же. Д. 7208. Л. 64–65 об.
- ¹⁸⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 638. Л. 1–2.
- ¹⁸¹ Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии. С. 316–317, 320–321.
- ¹⁸² ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4116. Л. 1–2, 3–7.
- ¹⁸³ Там же. Л. 3–7, 8–16.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 20, 57.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 45–46, 379–400.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 55, 57; Д. 4147 а. Л. 4–7 об., 459–463.
- ¹⁸⁷ Там же. Д. 4147 а. Л. 1–3, 22, 459–463; Д. 4116. Л. 435, 453 об., 484.
- ¹⁸⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 590. Л. 6–8, 22–24.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 26, 36–38, 42–49.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 29–33, 34.
- ¹⁹¹ Металлургические заводы Урала. С. 464; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 638. Л. 6.
- ¹⁹² Поджио А. В. Указ. соч. С. 186, 503, 508.
- ¹⁹³ Соловьева А. М. Железнодорожные “короли” России // Предпринимательство и предприниматели России... С. 267.
- ¹⁹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 3187. Л. 1–4, 11.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 32–37.
- ¹⁹⁶ Там же. Д. 4147 а. Л. 1–2, 4, 11 об.–14, 20, 158, 565–566.
- ¹⁹⁷ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 416. Л. 89.
- ¹⁹⁸ Металлургические заводы Урала. С. 20, 271; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 139. Л. 1.
- ¹⁹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 139. Л. 3–6, 10, 21.
- ²⁰⁰ Там же. Д. 392. Л. 1, 8.
- ²⁰¹ Там же. Оп. 24. Д. 8238. Л. 28; Оп. 32. Д. 4403. Л. 1, 6–7, 8, 14, 20.
- ²⁰² Там же. Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8.
- ²⁰³ Там же. Оп. 24. Д. 8238. Л. 26–28.
- ²⁰⁴ Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1962. Л. 1–4.
- ²⁰⁵ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 69.

- ²⁰⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 331. Л. 1.
- ²⁰⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1635. Л. 1, 3–6; Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 40–51.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 44; Ф. 43. Оп. 1. Д. 331. Л. 19–22.
- ²⁰⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1635. Л. 130; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1066. Л. 7.
- ²¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1066. Л. 1–2, 5, 8.
- ²¹¹ Буранов Ю. А. Указ. соч. С. 71–72; Металлургические заводы Урала. С. 239.
- ²¹² Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1981. С. 30, 156–157.
- ²¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 8230. Л. 3.
- ²¹⁴ Металлургические заводы Урала. С. 417.
- ²¹⁵ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1400.
- ²¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2997. Л. 8, 15.
- ²¹⁷ Там же. Д. 2966. Л. 10–15.
- ²¹⁸ Там же. Д. 2073. Л. 7–15, 73.
- ²¹⁹ Там же. Л. 1, 7–15.
- ²²⁰ Там же. Л. 7–15, 73.
- ²²¹ Там же. Л. 171.
- ²²² Там же. Л. 184, 193–194; Д. 639. Л. 1, 2.
- ²²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 287. Л. 1–7.
- ²²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2073. Л. 250–254.
- ²²⁵ Там же. Д. 2997. Л. 1–8.
- ²²⁶ Там же. Д. 2073. Л. 334, 337.
- ²²⁷ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. С. 23.

Глава V

- ¹ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 86.
- ² ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 86.
- ³ Суровцева Н. Г. Экспорт уральского металла в середине XIX в. С. 43–46, 54.
- ⁴ Рикман В. Ю. Дворянское законодательство Российской империи. М., 1992. С. 17.
- ⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 115, 129.
- ⁶ Боханов А. Н. Деловая элита России. М., 1994; Островский А. В. Элита российского общества XIX – начала XX вв.: некоторые проблемы истории и историографии // Из глубины времен. СПб., 1994. С. 3–20.
- ⁷ ПСЗ–I. № 22208. Ст. 732.
- ⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2904–2925.
- ⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 126. Л. 23–28 об.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 126. Л. 52–95, 106.
- ¹¹ Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия XVII – первой трети XIX в. М., 2002.
- ¹² Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914. М., 2002. Гл. 1–2.
- ¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1887. Л. 2–28, 64–70.
- ¹⁴ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 190. Л. 24–25.
- ¹⁵ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5186. Л. 157 об. – 158.
- ¹⁶ Там же. Д. 5893. Л. 1–2.
- ¹⁷ Проскурнякова Н. А. Указ. соч. С. 55–57, 64–65, 71–72, 74; ПСЗ–I. Т. 39. № 29937.
- ¹⁸ Редин Д. А. Экономическая политика Российской империи глазами уральских заводчиков... С. 183–184; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5893. Л. 11–12 об., 20; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1966. Л. 20–25.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 190. Л. 35.
- ²⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 42.

- ²¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1909. Л. 303–310.
- ²² Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. С. 106–107.
- ²³ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 903–922.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 338. Л. 1, 26, 49 об.
- ²⁵ Лепле Ф. Основная конституция человеческого рода. М., 1897; Мондей К. Указ. соч. С. 64–76.
- ²⁶ Ермоленко Т. Ф. Указ. соч.; Железкин В. Г. Патернализм в государственной горнозаводской промышленности Урала в XIX в. С. 95–101; Неклюдов Е. Г. Идеи патернализма в социальной политике уральских заводчиков Демидовых в первой половине XIX в. С. 16–19; Неклюдов Е. Г. Эволюция крепостничества в горнозаводской промышленности Урала в конце XVIII – первой половине XIX в. С. 297–300.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 960. Л. 3 – 3 об.
- ²⁸ Клат С. А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле; Чухланцева Г. Н. Указ. соч. С. 92–101.
- ²⁹ Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 792.
- ³⁰ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 84–118.
- ³¹ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1986. Л. 10, 75.
- ³² Там же. Оп. 2. Д. 1107. Л. 189.
- ³³ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 12–20.
- ³⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4737. Л. 328–336.
- ³⁵ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 12–20.
- ³⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5186. Л. 123.
- ³⁷ Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1909. Л. 61–62.
- ³⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5186. Л. 211–212.
- ³⁹ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 36–39; Соколова Е. С. Сословия в политической системе российского абсолютизма: постановка ключевых проблем // Историческая наука на рубеже веков. С. 132–142.

В книге использованы иллюстрации из изданий: Русские портреты XVIII и XIX столетий / Издание вел. кн. Николая Михайловича. Т. 1–5. СПб., 1905–1909; Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев. XVII–XIX вв. М., 1997; Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 1. М., 2001; Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 3. М., 2003; Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург, 1994; Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000; Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992; Чуманов А. М. и др. Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001; Чуприяновы М. Н. и В. И. Чермозские заводоладельцы и землевладельцы. Пермь, 2002; Музей горнозаводского дела. Екатеринбург, 1995; Клат С. А. Выйско-Никольская церковь в Нижнем Тагиле. Екатеринбург, 2003; Наше наследие. 1990. № 6; Родина. 1996. № 2; 2000. № 6.

Приложения

Таблица 1

Состав горнозаводских хозяйств Урала по “статусным” группам
(срезы на 1800 и 1861 гг.)*

1800 г.			1861 г.		
владельческие заводы	посессионные заводы	заводы обоих статусов	владельческие заводы	посессионные заводы	заводы обоих статусов
1. Кыновские 2. Нытвенские 3. Лысьвенские 4. Пожевские 5. Чермозские 6. Симские 7. Белорецкие 8. Юрюзанские 9. Катавские 10. Боговяленский 11. Воскресенский 12. Верхоторский 13. Архангельский 14. Благовещенский 15. Преображенский 16. Каноникольский 17. Троицкие 18. Мешинский 19. Богословский 20. Нязе-Петровский 21. Уинские 22. Таишевские 23. Варяно-Александровский	1. Нижне-тагильские 2. Верх-Исетские 3. Невьянские 4. Алапаевские 5. Шайтанские 6. Сысертские 7. Каптинские 8. Авзяно-Петровские 9. Шильвинский 10. Бемшлевский 11. Холунинские 12. Омутнинские 13. Кирсинско-Кажимские 14. Шурминско-Залазинские 15. Ревдинско-Рождественские 16. Кыштымские 17. Юговские 18. Сергинско-Уфалейские 19. Новинский 20. Архангельский-Шаранский 21. Берсудский 22. Коринский 23. Пыжманский	1. Суксунские 2. Билимбаевские	1. Кыновские 2. Нытвенские 3. Лысьвенские 4. Пожевские 5. Чермозские 6. Симские 7. Белорецкие 8. Юрюзанские 9. Катавские 10. Боговяленский 11. Воскресенский 12. Верхоторский 13. Архангельский 14. Благовещенский 15. Преображенский 16. Каноникольский 17. Троицкие 18. Билимбаевские 19. Никитинские	1. Нижнетагильские 2. Верх-Исетские 3. Невьянские 4. Алапаевские 5. Шайтанские 6. Сысертские 7. Каптинские 8. Авзяно-Петровские 9. Шильвинский 10. Бемшлевский 11. Холунинские 12. Омутнинские 13. Кирсинско-Кажимские 14. Шурминско-Залазинские 15. Мешинский 16. Богословский 17. Святохудовский	1. Суксунские 2. Ревдинско-Рождественские 3. Кыштымские 4. Юговские 5. Сергинско-Уфалейские 6. Уинские

* ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2698а. Л. 9–12 об., 160–163 об., 168–175; Оп. 4. Д. 7. Л. 9–26.

Таблица 2

Динамика производительности посессионных и владельческих заводов Урала и горной подати в первой половине XIX в.
(срезы на 1800 и 1861 гг.)*

	1800 г.	1861 г.	рост (%)
Посессионные заводы			
чугун (пуд.)	4 778 117 (67 %)	8 212 610 (65 %)	172
подать (руб. асс.)	573 373 (75 %)	985 507 (74 %)	172
медь (пуд.)	41 828 (38 %)	163 868 (63 %)	392
подать (пуд.)	6 274 (48 %)**	24 580 (72 %)	392
Владельческие заводы			
чугун (пуд.)	2 350 441 (33 %)	4 329 459 (35 %)	184
подать (руб. асс.)	188 035 (25 %)	346 352 (26 %)	184
медь (пуд.)	67 374 (62 %)	94 313 (37 %)	140
подать (пуд.)	6 737 (52 %)	9 431 (28 %)	140
Все заводы			
чугун (пуд.)	7 128 558 (100 %)	12 542 069 (100 %)	176

Группы и роды ¹	Фамилии ²	Владельцы (чел. по поколениям)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
1.1. Мясниковы	Бекетовы °	3	3	–	–	Симские, Богоявленский
	Балашевы*	6	6	–	–	Симские
	Пашковы	14	6	–	–	Белорецкие
			2	–	–	Белорецкие, Кагинские
			1	–	–	Белорецкие, Воскресенский, Верхоторский
			1	–	–	Воскресенский, Верхоторский
			3 (1)	–	–	Воскресенский, Верхоторский, Богоявленский
			1	–	–	Воскресенский, Верхоторский, Богоявленский, Преображенский
	Рихтер* °	1	1	–	–	Белорецкие, Кагинские
	Дашкова*	1	1	–	–	Благовещенский
	Дурасовы °	2	2	–	–	Юрюзанские, Верхоторский
	Козицкая °	1	1	–	–	Катавские, Архангельский
	Лаваль* °	1	1 (1)	–	–	Архангельский
	Коссаковская*	1	1 (1)	–	–	– "
	Белосельские-Белозерские*	3	1 (1)	–	–	Катавские, Юрюзанские
			2 (2)	–	–	Катавские
	Кочубей* °	1	1 (1)	–	–	– "
	Трубецкая* °	1	1 (1)	–	–	– "
	Шувалова* °	1	1 (1)	–	–	– "
	Сухозанет*	2	2	–	–	Юрюзанские
всего:	14	38	38 (9); 2–4, 3–10, 4–17, 5–7	–	–	11
1.1. Мосоловы	Мосоловы	10	6	–	–	Шурминско-Залазнинские
	Загорская* °	1	4	–	–	Каноникольский
	Карташевская* °	1	1	–	–	Шурминско-Залазнинские
	Карцева* °	1	1	–	–	– "
	Любимова* °	1	1	–	–	– "
	Леонтьева* °	1	1	–	–	– "
	Шешукова*	1	1	–	–	Каноникольский
всего:	7	16	16; 2–2, 3–6, 4–4, 5–4	–	–	2
1.1. Турчаниновы	Турчаниновы	9	9	–	–	Сысертские
	Колтовская °	1	1	–	–	– "
	Соломирский*	1	1	–	–	– "
	Зубова °	1	1	–	–	– "
	Ивелич	2	2 (2)	–	–	– "
	Аничкова* °	1	1	–	–	– "
всего:	6	15	15 (2); 2–1, 3–5, 4–6, 5–3	–	–	1
1.1. Строгановы	Строгановы	8	4 (4)	–	–	Кыновские
			4 (4)	–	–	Билимбаевские
всего:	1	8	8 (8); 2–1, 3–3, 4–4	–	–	2
1.1. Голицыны	Голицыны	7	7 (7)	–	–	Нытвенские, Кусье-Александровский
всего:	1	7	7 (7); 1–1, 2–2, 3–3, 4–1	–	–	1
1.1. Шаховские	Шаховская °	1	1 (1)	–	–	Лысьвенские, Кусье-Александровский
	Бутеро-Родали*	1	1 (1)	–	–	– "
всего:	2	2	2 (2); 1–1, 3–1	–	–	1
1.1. Всеволожские	Всеволожские	3	3	–	–	Пожевские, Никитинские
всего:	1	3	3; 2–1, 3–2	–	–	2
1.1. Лазаревы	Лазаревы	5	5	–	–	Чермозские
всего:	1	5	5; 1–2, 2–3	–	–	1

Группы и роды ¹	Фамилии ²	Владельцы (чел. по поколениям)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
1.1. Лебедевы	Лебедевы	2	2	–	–	Бемышевский
всего:	1	2	2; 3–1, 4–1	–	–	1
1.1. Губины	Губины °	5	– 1 –	1 – 3	– – –	Авзяно-Петровские, Сергинско-Уфалейские Авзяно-Петровские Сергинско-Уфалейские
	Ушакова*	1	1	–	–	– " –
	Нарышкина*	1	1	–	–	– " –
	Голстая*	1	1	–	–	– " –
всего:	4	8	4; 2–2, 3–2	4; 1–1, 2–1, 3–2	–	2
Всего в подгруппе: 12	65	212	208 (35); 1–4, 2–20, 3–56, 4–87, 5–30, 6–11	4; 1–1, 2–1, 3–2	–	33
1.2. Ширяевы	Ширяевы °	2	1	1	–	Шайтанские
	Мордвинова*	1	1	–	–	– " –
всего:	2	3	2; 2–2	1; 1–1	–	1
1.2. Курочкины	Курочкины °	3	2	1	–	Кирсинско-Кажимские
	Голохвастовы* °	3	3	–	–	– " –
	Боборыкины* °	2	2	–	–	– " –
всего:	3	8	7; 3–3, 4–4	1; 2–1	–	1
1.2. Иноземцевы	Иноземцевы °	8	1	3	4	Таишевские
всего:	1	8	1; 3–1	3; 2–1, 3–2	4; 3–4	1
1.2. Глазовы	Глазовы °	4	4	–	–	Богословский
всего:	1	4	4; 2–1, 3–3	–	–	1
1.2. Гусятниковы	Гусятниковы °	7	2	5	–	Преображенский
	Майкова* °	1	1	–	–	– " –
всего:	2	8	3; 2–3	5; 1–2, 2–3	–	1
1.2. Красильниковы	Красильниковы °	13	1 1	5 –	– 6	Архангельский-Шаранский Коринский, Шильвинский
всего:	1	13	2; 3–2	5; 2–1, 3–4	6; 3–1, 4–5	3
1.2. Осокины	Осокины °	5	5	–	–	Юговские, Троицкие, Омутнинские, Мещинский
всего:	1	5	5; 3–2, 4–2, 5–1	–	–	4
1.2. Тевкелевы	Тевкелевы °	2	2	–	–	Варзино-Алексеевский
всего:	1	2	2; 2–1, 3–1	–	–	1
1.2. Хлебниковы	Хлебниковы °	2	2	–	–	Нязе-Петровский, Благовещенский
	Полторацкая* °	1	1	–	–	Благовещенский
всего:	2	3	3; 1–1, 2–2	–	–	2
1.2. Кобелевы	Кобелевы °	4	–	4	–	Пыжманский
всего:	1	4	–	4; 2–2, 3–1, 4–1	–	1
1.2. Маленковы	Маленковы °	3	–	2	1	Берсудский
всего:	1	3	–	2; 2–2	1 3–1	1
1.2. Грибановы	Грибановы °	2	1	1	–	Новымский
всего:	1	2	1; [1–1]	1; 1–1	–	1

Группы и роды ¹	Фамилии ²	Владельцы (чел. по поколениям)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
Всего в подгруппе: 11+1	17	63	30; 1-2, 2-9, 3-12, 4-6, 5-1	22; 1-4, 2-10, 3-7, 4-1	11; 3-6, 4-5	19
Всего в группе: 23+1	82	275	238 (35); 1-6, 2-29, 3-68, 4-93, 5-31, 6-11	26; 1-5, 2-11, 3-9, 4-1	11; 3-6, 4-5	50
2.1. Ярцовы	Ярцовы* ^о	2	–	1	–	Шайтанские
	Кузьмина*	1	1	–	–	Шайтанские, Таишевские
	Николаева* ^о	1	1	–	–	– " –
	Берг*	1	1	–	–	– " –
всего:	4	5	4; 2-1, 3-3	1; 1-1	–	2
2.1. Шелашниковы	Шелашниковы*	5	5	–	–	Богословский
всего:	1	5	5; 1-2, 2-3	–	–	1
2.1. Пономаревы	Пономаревы*	3	3	–	–	Холуницкий
всего:	1	3	3; 1-2, 2-1	–	–	1
2.1. Коровины	Коровины*	2	–	2	–	Мешинский
всего:	1	2	–	2; 1-1, 2-1	–	1
2.1. Пастуховы	Пастуховы*	3	–	3	–	Омутнинские
всего:	1	3	–	3; 1-1, 2-2	–	1
2.1. Подъячевы	Подъячевы*	5	1	4	–	Шильвинский
всего:	1	5	1 1-1	4; 1-1, 2-2, 3-1	–	1
2.1. Расторгуевы	Расторгуевы* ^о	2	–	2	–	Нязе-Петровский, Кыштымские
	Зотова*	1	–	1	–	Кыштымские
	Харитонов*	1	–	1	–	– " –
всего:	3	4	–	4; 1-2, 2-2	–	1
2.1.	Бернадаки*	1	1	–	–	Троицкие, Кирсинско-Кажимские, Авзяно-Петровские
всего:	1	1	1; 1-1	–	–	3
2.1.	Рошефор*	1	1 (1)	–	–	Уинские
всего:	1	1	1 (1); 1-1	–	–	1
2.1.	Грамматчиков*	1	1	–	–	Святочудовский
всего:	1	1	1; 1-1	–	–	1
2.1.	Ильин*	1	1	–	–	Святочудовский
всего:	1	1	1; 1-1	–	–	1
2.1.	Хвоцинский*	1	1	–	–	Святочудовский
всего:	1	1	1; 1-1	–	–	1
2.1.	Никифоров*	1	–	1	–	Кагинские
всего:	1	1	–	1; 1-1	–	1
2.1.	Рукавишников*	1	–	1	–	Невянские
всего:	1	1	–	1; 1-1	–	1

Группы и роды ¹	Фамилии ²	Владельцы (чел. по поколениям)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
Всего в подгруппе: 7+7	19	34	18 (1); 1–10, 2–5, 3–3	16; 1–8, 2–7, 3–1	–	16
2.2. Зеленцовы	Зеленцовы* ^о Бикбулатова* ^о	8 1	6 1	2	–	Ревдинско-Рождественские – " –
всего:	2	9	7; 2–7	2; 1–2	–	1
2.2.	Тимашев* ^о	1	1	–	–	Авзяно-Петровские
всего:	1	1	1; 1–1	–	–	1
2.2.	Гротен* ^о	1	–	1	–	Кагинские
всего:	1	1	–	1; 1–1	–	1
2.2.	Кнауф* ^о	1	–	1	–	Юрюзанские
всего:	1	1	–	1; 1–1	–	1
2.2.	Маликов* ^о	1	–	1	–	Кирсинско-Кажимские
всего:	1	1	–	1; 1–1	–	1
2.2.	Старков* ^о	1	–	1	–	Юрюзанские
всего:	1	1	–	1; 1–1	–	1
2.2.	Татаринов* ^о	1	–	1	–	Кагинские
всего:	1	1	–	1; 1–1	–	1
Всего в подгруппе: 1+6	8	15	8; 1–1, 2–7	7; 1–7	–	6
Всего в группе: 8+13	27	49	26 (1); 1–11, 2–12, 3–3	23; 1–15, 2–7, 3–1	–	19
Всего: 31+14	108 ⁴	324	264 (36); 1–17, 2–41, 3–71, 4–93, 5–31, 6–11	49; 1–20, 2–18, 3–10, 4–1	11; 3–6, 4–5	50

¹ Роды делятся на группы "старинных оставшихся" (1.1), "старинных выбывших" (1.2), "новых оставшихся" (2.1) и "новых выбывших" (2.2). Роды, включавшие несколько фамилий, условно названы по фамилии основателей.

² Фамилии, появившиеся в первой половине XIX в., обозначены значком * ; выбывшие к 1861 г. – °.

³ Принадлежность А. И. Казибек к 3-му поколению рода Яковлевых принята условно.

⁴ Фамилия Мордвиновы встречается дважды: в роде Яковлевых и роде Ширяевых.

Таблица 4

Состав заводчиков (срез на 1800 г.)

Группы и роды	Фамилии	Владельцев (чел.)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
Демидовы	Демидовы	5	1 1 1 1 1	– – – – –	– – – – –	Нижнетагильские Кыштымские Суксунские Ревдинско-Рождественские Кагинские
Яковлевы	Яковлевы	3	1 1 1	– – –	– – –	Верх-Исетские и Холунницкие Алапаевские и Уинские Невьянские
Мясниковы	Бекетова Пашкова Дурасоы Козицкая	1 1 1 1	1 1 1 1	– – – –	– – – –	Симские, Богоявленский Белорецкие, Воскресенский, Юрюзанские, Верхоторский Катавский, Архангельский

Группы и роды	Фамилии	Владельцев (чел.)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
Строгановы	Строгановы	2	1 (1) 1(1)	–	–	Билимбаевские Кыновские
Голицыны	Голицына	1	1 (1)	–	–	Нытвенские, Кусье-Александровский
Шаховские	Шаховская	1	1 (1)	–	–	Лысьвенские, Кусье-Александровский
Всеволожские	Всеволожский	1	1	–	–	Пожевские, Никитинские
Лазаревы	Лазарев	1	1	–	–	Чермозские
Турчаниновы	Турчаниновы	4	4	–	–	Сысертские
	Колтовская	1	1	–	–	– " –
	Зубова	1	1	–	–	– " –
	Ивелич	1	1 (1)	–	–	– " –
Мосоловы	Мосоловы	3	3	–	–	Шурминско-Залазнинские, Каноникольский
Лебедевы	Лебедев	1	1	–	–	Бемышевский
Губины	Губин	1	–	1	–	Авзяно-Петровские, Сергинско-Уфалейские
Ширяевы	Ширяев	1	–	1	–	Шайтанские
Курочкины	Курочкин	1	–	1	–	Кирсинско-Кажимские
Иноземцевы	Иноземцевы	8	1	3	4	Таишевские
Глазовы	Глазов	1	1	–	–	Богословский
Гусятниковы	Гусятников	1	–	1	–	Преображенский
Красильниковы	Красильниковы	7	1	5	1	Архангельский-Шаранский, Коринский, Шильвинский
Осокины	Осокин	1	1	–	–	Юговские, Троицкие, Омутнинские, Мешинский
Тевкелевы	Тевкелевы	2	2	–	–	Варзино-Алексеевский
Хлебниковы	Хлебниковы	2	2	–	–	Нязе-Петровский, Благовещенский
Кобелевы	Кобелевы	2	–	2	–	Пыжманский
Маленковы	Маленковы	2	–	2	–	Берсудский
	Грибановы	2	1	1	–	Новчимский
Итого: 23+1	30	60	38	17	5	48

Таблица 5

Состав заводчиков (срез на 1861 г.)

Группы и роды	Фамилии	Владельцев (чел.)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
1.1. Демидовы	Демидовы	2	1 1	– –	– –	Нижнетагильские Ревдинско-Рождественские

Группы и роды	Фамилии	Владелец (чел.)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
1.1. Яковлевы	Яковлевы	13	1	—	—	Верх-Исетские, Невьянские
	Стенбок-Фермор*	1	1 (1)	—	—	Невьянские
	Манзей*	1	1	—	—	Верх-Исетские, Невьянские
	Сабир*	3	3	—	—	Алапаевские, Невьянские
	Авдулина*	1	1	—	—	— " —
	Волконская*	1	1 (1)	—	—	— " —
	Орлова-Денисова*	1	1 (1)	—	—	— " —
	Чернышева*	1	1	—	—	— " —
	Олсуфьева*	1	1	—	—	— " —
	Рейтерн*	1	1	—	—	— " —
	Баранова*	1	1	—	—	— " —
	Трувеллер*	1	1	—	—	— " —
	Богушевская*	1	1	—	—	— " —
	Мордвинова*	1	1	—	—	— " —
	Бинстром*	1	1	—	—	Невьянские
	Петрова*	1	1	—	—	— " —
	Тимофеева*	1	1	—	—	— " —
	Янжул-Михайлов-ская*	1	1	—	—	— " —
1.1. Мясниковы	Балашевы*	2	2	—	—	Симские
	Пашковы	2	2	—	—	Белорецкие
		2	2	—	—	Воскресенский, Верхоторский,
		1	1	—	—	Богоявленский
						Воскресенский, Верхоторский,
						Богоявленский, Преобра-
						женский
	Дашкова*	1	1	—	—	Благовещенский
	Коссаковская*	1	1 (1)	—	—	Архангельский
	Белосельский-Бело-	1	1 (1)	—	—	Катавские
	зерский*	1	1	—	—	Юрюзанские
	Сухожанет*	1	1	—	—	
1.1. Строгановы	Строгановы	3	2 (2)	—	—	Кыновские
			1 (1)	—	—	Билимбаевские
1.1. Голицыны	Голицыны	1	1 (1)	—	—	Нытвенские, Кузье-Александровский
1.1. Шаховские	Бутеро-Родали	1	1 (1)	—	—	Лысьенские, Кузье-Александровский
1.1. Всеволожские	Всеволожские	2	1	—	—	Пожевские
			1	—	—	Никитинские
1.1. Лазаревы	Лазарев	1	1	—	—	Чермозские
1.1. Турчаниновы	Турчаниновы	2	2	—	—	Сысертские
	Соломирский*	1	1	—	—	— " —
	Ивелич	1	1 (1)	—	—	— " —
1.1. Мосоловы	Мосолов	1	1	—	—	Шурминско-Залазнинские
	Шешукова*	1	1	—	—	Каноникольский
1.1. Лебедевы	Лебедев	1	1	—	—	Бемышевский
1.1. Губины	Губины	2	—	2	—	Сергинско-Уфалейские
	Ушакова*	1	1	—	—	— " —
	Нарышкина*	1	1	—	—	— " —
	Толстая*	1	1	—	—	— " —
Всего в подгруппе: 12	40	65	63 (11)	2	—	27 + 1(Суксунский ч.)
2.1. Ярцовы	Кузьмина*	1	1	—	—	Шайтанские
	Берг*	1	1	—	—	— " —
2.1. Шелашниковы	Шелашников*	1	1	—	—	Богословский
2.1. Пономаревы	Пономарев*	1	1	—	—	Холуницкий
2.1. Коровины	Коровин*	1	—	1	—	Мешинский

Группы и роды	Фамилии	Владельцев (чел.)				Заводы
		всего	дворян (титул.)	купцов	мещан	
2.1. Пастуховы	Пастуховы*	3	–	3	–	Омутнинские
2.1. Подъячевы	Подъячев*	1	–	1	–	Шильвинский
2.1. Расторгуевы	Зотова*	1	–	1	–	Кыштымские – " –
	Харитонова*	1	–	1	–	
2.1.	Бенардаки*	1	1	–	–	Троицкие, Кирсинско-Кажимские, Авзяно-Петровские
2.1.	Рошефор*	1	1 (1)	–	–	Уинские
2.1.	Грамматчиков*	1	1	–	–	Святочудовский
2.1.	Ильин*	1	1	–	–	Святочудовский
2.1.	Хвоцинский*	1	1	–	–	Святочудовский
2.1.	Никифоров*	1	–	1	–	Кагинские
2.1.	Рукавишников*	1	–	1	–	Невянские
2.1.	Товарищество Суксунских заводов					Суксунские
2.1.	Компания Кнауфских заводов					Юговские (Кнауфские)
Всего в подгруппе: 7+7	16	18	9 (1)	9	–	14
Всего в группе: 19+7	56	83	72 (12)	11	–	42

Фамилии, появившиеся в первой половине XIX в., обозначены значком *.

Таблица 6

Типы разделов (1800–1861 гг.)

Год раздела	Прежние владельцы	Заводы	Новые владельцы
1-й тип (долевой раздел)			
1828 (1834)	Н. Н. Демидов	Нижнетагильские	П. Н. Демидов, А. Н. Демидов
1840 (1842)	часть П. Н. Демидова	Нижнетагильские	П. П. Демидов, А. К. Демидова-Карамзина
1823	И. Е. Демидов	Кагинские	А. С. Демидова, Г. Е. Демидов, Н. В. Демидов, Д. П. Демидов, Н. П. Демидов, В. П. Демидов, П. П. Демидов, Е. М. Хомутова
1826	часть Г. Е. Демидова	Кагинские	А. Х. Демидова, П. Г. Демидов, А. Г. Демидова
1827	часть Н. В. Демидова	Кагинские	М. П. Демидова, В. Н. Демидов, Т. Н. Демидова, К. Н. Демидова, П. Н. Демидова, Н. Н. Демидов
1850	часть А. И. Пашкова	часть Кагинских и Белорецких	Е. А. Рихтер, А. А. Пашкова

Год раздела	Прежние владельцы	Заводы	Новые владельцы
1801	И. С. Яковлев	Верх-Исетские и Холуницкие	Н. Б. Яковлева, А. И. Яковлев, П. И. Яковлев, Д. И. Яковлев, А. И. Яковлев
1848(1850)	А. И. Яковлев	Верх-Исетские и часть Невьянских	И. А. Яковлев, Н. А. Стенбок-Фермор
1802(9)	П. С. Яковлев	Невьянские	С. С. Яковлев, А. И. Яковлев, Н. М. Яковлев, И. М. Яковлев, М. М. Яковлев, Г. М. Яковлев, С. М. Яковлев
?	часть Н. М. Яковлева	часть Невьянских	Д. С. Яковлева, П. Н. Яковлев, М. Н. Бистром
?	часть Г. М. Яковлева	часть Невьянских	П. Г. Яковлев, А. Г. Яковлев, Е. Г. Петрова, Н. Г. Иванова
?	часть Н. Г. Ивановой	часть Невьянских	Н. Т. Иванов, А. Н. Тимофеева
?	часть М. М. Яковлева	часть Невьянских	Г. М. Яковлев, А. М. Яковлева, М. М. Янжул
?	часть И. М. Яковлева	часть Невьянских	К. И. Яковлева, М. И. Яковлев, С. И. Яковлева, А. И. Яковлева
?	часть С. М. Яковлева	часть Невьянских	А. С. Яковлев, П. С. Яковлев, М. С. Яковлев, К. С. Яковлев, А. С. Яковлев, А. С. Яковлев, Д. С. Яковлев, В. С. Яковлев, И. С. Яковлев, В. С. Яковлев, С. С. Яковлев
?	часть А. С. Яковлева	часть Невьянских	Н. А. Яковлева, С. А. Яковлев
1818	С. С. Яковлев	Алапаевские, Уинские и часть Невьянских	Л. С. Сабир, С. С. Манзей, Н. С. Шишмарева, Е. С. Авдулина, А. С. Шишмарева, В. С. Альбрехт, А. П. Никитин (?), Е. А. Никитина
?	часть Н. С. Шишмаревой	Алапаевские, Уинские и часть Невьянских	М. В. Шишмарев, Е. М. Волконская
1827	часть А. С. Шишмаревой	Алапаевские, Уинские и часть Невьянских	А. Ф. Чернышева, О. А. Олсуфьева
1831	часть В. С. Альбрехт	Алапаевские, Уинские и часть Невьянских	К. И. Альбрехт, М. К. Альбрехт, О. К. Рейтерн, М. К. Баранова, Е. К. Трувеллер, С. К. Поливанова

Год раздела	Прежние владельцы	Заводы	Новые владельцы
?	часть Л. С. Сабир	Алапаевские, Уинские и часть Невьянских	И. И. Сабир, К. И. Сабир, Н. И. Сабир, М. И. Сабир
1832	часть Е. С. Авдулиной	Алапаевские, Уинские и часть Невьянских	С. А. Авдулин, М. А. Богущевская, В. А. Авдулина
1823	И. И. Бекетова	Симские и Богоявленский	И. П. Бекетов, П. П. Бекетов
1828	И. А. Пашков	Белорецкие	Е. Н. Пашкова (?), А. И. Пашков, Е. И. Пашков, Н. И. Пашков, С. И. Пашков, А. И. Пашкова
1834	В. А. Пашков	Воскресенский, Верхоторский	Е. А. Пашкова, А. В. Пашков, М. В. Пашков, И. В. Пашков
1837	А. Д. Балашев	Симские	П. А. Балашев, А. А. Балашев, И. А. Балашев
1845	П. А. Балашев	Симские	Н. П. Балашев, И. П. Балашев
1857	Г. А. Строганов	Кыновские	С. Г. Строганов, А. Г. Строганов, А. Г. Строганов
1826	Е. Л. Лазарев	Чермозские	И. Е. Лазарев, Х. Е. Лазарев, Л. Н. Лазарев
1836	В. А. Всеволожский	Пожевские	А. В. Всеволожский, Н. В. Всеволожский
1816	А. А. Голицына	Нытвенские	А. М. Голицын, С. М. Голицын
1821	часть А. М. Голицына	Нытвенские	М. А. Голицын, Ф. А. Голицын
1860	часть М. А. Голицына	Нытвенские	М. И. Голицына, С. М. Голицын мл.
1846	Э. А. Белосельский	Катавские	К. Э. Белосельский, Е. П. Кочубей, Е. Э. Трубецкая, О. Э. Шувалова
1829	часть Ф. С. Турчаниновой	Сысертские	Ал. Ал. Турчанинов, Н. П. Турчанинов, М. П. Турчанинов, Л. А. Турчанинов, Н. А. Турчанинов, Ал. А. Турчанинов
1808	И. А. Мосолов	Шурминско-Залазинские	Н. И. Мосолов, М. И. Мосолова
1822	часть Н. И. Мосолова	Шурминско-Залазинские	О. И. Мосолова, А. И. Карцева, Н. Т. Карташевская, В. В. Загорская, Е. В. Загорская, А. В. Загорская
1844	Ф. И. Мосолов	Каноникольский	О. Н. Мосолова, Е. И. Шешукова

Год раздела	Прежние владельцы	Заводы	Новые владельцы
1808	И. П. Осокин	Троицкие, Омутнинские, Мешинский	Е. И. Осокина, П. И. Осокин, Г. И. Осокин
1818	М. П. Губин	Сергинско-Уфалейские и Авзяно-Петровские	К. М. Губин, П. М. Губин
1848	К. М. Губин	Сергинско-Уфалейские	А. И. Губина-Ушакова, А. К. Губин, Е. К. Губин, А. К. Толстая, З. К. Нарышкина
1816	П. М. Гусятников	Преображенский	Н. И. Гусятникова М. П. Гусятников Д. П. Гусятников В. П. Гусятников Е. П. Майкова, Ю. П. Гусятникова
1806?	Я. И. Курочкин	Кирсинско-Кажимские	А. И. Курочкина-Голохвастова, Н. Я. Курочкин
1823	Н. Я. Курочкин	Кирсинско-Кажимские	М. В. Боборыкина, Н. Н. Боборыкин, В. Голохвастова, А. Голохвастова
1817	А. М. Подъячев	Шильвинский	П. Д. Подъячева, К. Г. Подъячева, Н. А. Подъячев
1802?	А. Г. Глазов	Богословский	П. А. Глазов, И. А. Глазов, А. А. Глазов
1809	С. Т. Красильников	Коринский	А. Б. Красильникова Н. С. Красильников Я. С. Красильников И. С. Красильников П. С. Красильников П. С. Красильников
1847?	П. И. Шелашников	Богословский	В. С. Шелашникова, С. П. Шелашников, Н. П. Шелашников, В. П. Шелашников
1823	Л. И. Расторгуев	Кыштымские	А. Расторгуева, М. Л. Харитонова, Е. Л. Зотова
1817	А. В. Зеленцов	Ревдинско-Рождественские	Е. М. Зеленцова А. А. Зеленцов А. А. Зеленцов П. А. Зеленцов М. А. Зеленцов К. А. Зеленцов А. А. Зеленцов А. А. Бикбулатова
2-й тип (денежный или натуральный выдел)			
1861	А. Н. Демидов, П. П. Демидов, А. К. Карамзина	Нижнетагильские	П. П. Демидов
1803	П. М. Демидова, Г. А. Демидов	Суксунские	Г. А. Демидов
1827	Е. П. Демидова, А. Г. Демидов, П. Г. Демидов, П. Г. Демидов, А. Г. Демидова	Суксунские	А. Г. Демидов, П. Г. Демидов, П. Г. Демидов

Год раздела	Прежние владельцы	Заводы	Новые владельцы
1833	А. Г. Демидов, П. Г. Демидов, П. Г. Демидов	Суксунские	П. Г. Демидов, П. Г. Демидов
1852	И. А. Яковлев, Е. А. Стенбок-Фермор	Верх-Исетские и часть Невьянских	И. А. Яковлев
1845	П. А. Балашев, А. А. Балашев	Симские	П. А. Балашев
1853	Е. И. Пашков, Н. И. Пашков, С. И. Пашков, А. И. Пашкова, Е. А. Рихтер, А. А. Пашкова	Белорецкие	Н. И. Пашков, С. И. Пашков
1861	К. Э. Белосельский, Е. П. Кочубей, Е. Э. Трубецкая, О. Э. Шувалова	Катавские	К. Э. Белосельский
1859	С. Г. Строганов, А. Г. Строганов, Ал. Г. Строганов	Кыновские	С. Г. Строганов, А. Г. Строганов
1842	С. М. Голицын, М. А. Голицын, Ф. А. Голицын	Нытвенские	С. М. Голицын, М. А. Голицын
1861	М. И. Голицына, С. М. Голицын	Нытвенские	С. М. Голицын
1840	И. Е. Лазарев, Х. Е. Лазарев, Л. Н. Лазарев	Чермозские	И. Е. Лазарев, Х. Е. Лазарев
1860	Х. Е. Лазарев, Л. Е. Лазарев	Чермозские	Х. Е. Лазарев
1842	Н. И. Мосолов, А. И. Карцева, В. В. Любимова, Е. В. Загорская, А. В. Леонтьева	Шурминско-Залазинские	Н. И. Мосолов
1848	О. Н. Мосолова, Е. И. Шешукова	Каноникольский	Е. И. Шешукова
1853	В. С. Шелашникова, С. П. Шелашников, Н. П. Шелашников, В. П. Шелашников	Богословский	В. П. Шелашников
1851	Е. И. Николаева, О. И. Берг	Таишевские	О. И. Берг
1856	М. И. Кузьмина, Е. И. Николаева, О. И. Берг	Шайтанские	М. И. Кузьмина, О. И. Берг
1817	Н. Я. Курочкин, А. И. Голохвастова	Кирсинско-Кажимские	Н. Я. Курочкин
1828	М. В. Боборыкина, Н. Н. Боборыкин, В. Голохвастова, А. Голохвастова	Кирсинско-Кажимские	М. В. Боборыкина, Н. Н. Боборыкин
3-й тип (раздел округов)			
1806	Н. Б. Яковлева (?), А. И. Яковлев, П. И. Яковлев (?), Д. И. Яковлев (?), А. И. Яковлев	Верх-Исетские Холуницкие	А. И. Яковлев А. И. Яковлев

Год раздела	Прежние владельцы	Заводы	Новые владельцы
1824	И. П. Бекетов, П. П. Бекетов	Симские Богоявленский	И. П. Бекетов П. П. Бекетов
1803	Д. И. Пашкова	Белорецкие Воскресенский и Верхоторский	И. А. Пашков В. А. Пашков
1810	Е. И. Козицкая	Катавские Архангельский	А. Г. Белосельская А. Г. Лаваль
1830	А. Г. Белосельская	Катавские Юрюзанские	А. Г. Белосельская Е. А. Сухозанет
1838	К. М. Губин, П. М. Губин	Сергинско-Уфалейские Авзяно-Петровские	К. М. Губин П. М. Губин
1847	Г. И. Осокин И. Г. Осокин, А. Г. Осокин, П. Г. Осокин, Ал. Г. Осокин, Ю. Г. Осокина	Омутнинские Мешинский	Г. И. Осокин А. Г. Осокин
4-й тип (раздел округа)			
1849	А. В. Всеволожский, Н. В. Всеволожский	Пожевские Никитинские	А. В. Всеволожский Н. В. Всеволожский

Таблица 7

Результаты разделов (1800–1861 гг.)

Типы разделов	Число разделов	Число прежних владельцев	Число округов	Число новых владельцев
1	50	50	32	190
2	20	62	16	28
3	7	18	15	14
4	1	2	1	2

Таблица 8

Движение заводской собственности (1800–1861 гг.)*

Округа и заводы	Владельцы
Пермская губерния	
1. Нижнетагильские	Н. Н. Демидов (1787) - П. Н. и А. Н. Демидовы (1828) - А. Н., П. П. Демидовы и А. К. Карамзина (1840) - П. П. Демидов (1862)
2. Суксунские	А. Г. Демидов (1765) - А. Г., Пт. Г. и Пв. Г. Демидовы (1827) - Пт. Г. и Пв. Г. Демидовы (1833) – Акционерная компания (1848)
3. Ревдинско-Рождественские	П. Г. Демидов (1765, 1767) – А. В. Зеленцов (1808) - Е. М., А. А., Ал. А., П. А., М. А., К. А., Ап. А. Зеленцовы и А. А. Бикбулатова (1817) – А. П. Демидов (1833) - М. Д. Демидова (1839) - П. А. Демидов (1855)
4. Кыштымские	Нт. Н. Демидов (1758) - П. Г. Демидов (1804) – Л. И. Расторгуев (1809) - А. Расторгуева, М. А. Харитонова и Е. Л. Зотова (1823) - М. А. Харитонова и Е. Л. Зотова (1826)
5. Нязе-Петровский	И. Я. Хлебникова (1787) – Л. И. Расторгуев (1808) сл. с Кыштымскими
6. Верх-Исетские	И. С. Яковлев (1787) - Н. Б., Ал. И., П. И., Д. И. и А. И. Яковлевы (1801) - Ал. И. Яковлев (1806) - И. А. Яковлев и Н. А. Стенбок-Фермор (1849) - И. А. Яковлев (1852) - Н. А. Стенбок-Фермор (1862)
7. Невьянские	П. С. Яковлев (1787) - С. С. Яковлев, наследники И. С. и М. С. Яковлевых (1802) - наследники С. С., И. С. и М. С. Яковлевых (1818) - наследники С. С., И. С. и М. С. Яковлевых и В. Н. Рукавишников (1859?)
8. Алапаевские	С. С. Яковлев (1787) - наследники С. С. Яковлева (1818)
9. Уинские	С. С. Яковлев (1787) - наследники С. С. Яковлева (1818) – О. Н. Рошефор (1859)
10. Шайтанские	С. А. Ширяев (1767) - А. С. Ширяев (1803) - К. С. Мордвинова (1808) – М. Ф. Ярцов (1810) - И. М. Ярцов (1826) - М. И. Кузьмина, Е. И. Николаева и О. И. Берг (1846) - М. И. Кузьмина и О. И. Берг (1856)

Округа и заводы	Владельцы
11. Сысертские	Ф. С., Ал. Ап., А. Ф., А. А. Турчаниновы, Н. А. Колтовская, А. А. Зубова, Н. А. Ивелич - А. Ф., Л. А., Н. А., Ал. А., Ал. Ал., М. П., Н. П. Турчаниновы, Н. А. Колтовская, А. А. Зубова, Н. А. Ивелич, О. Л. Аничкова (1829) - А. Ф., Л. А., Н. А., Ал. А., Ал. Ал., М. П., Н. П. Турчаниновы, А. А. Зубова, Н. А. Ивелич, О. Л. Аничкова, П. Д. Соломирский (1832) - П. Д. Соломирский, Н. М. Ивелич, Ал. А. и М. П. Турчаниновы (1850?)
12. Кыновские	Г. А. Строганов (1789) - С. Г., А. Г. и Ал. Г. Строгановы (1857) - С. Г. и А. Г. Строгановы (1859)
13. Билимбаевские	А. С. Строганов (1756) - П. А. Строганов (1811) - С. В. Строганова (1817) - Н. П. Строганова (1845)
14. Нытвенские	А. А. Голицына (1763) - А. М. и С. М. Голицыны (1816) - С. М., М. А. и Ф. А. Голицыны (1821) - С. М. и М. А. Голицыны (1842) - М. А. Голицын (1859) - М. И. и С. М. Голицыны (1860) - С. М. Голицын (1861)
15. Лысьвенские	В. А. Шаховская (1763) - В. П. Шувалова-Полье-Бутеро-Родали (1823)
16. Пожевские	В. А. Всеволожский (1796) - А. В. и Н. В. Всеволожские (1836) - А. В. Всеволожский (1849)
17. Никитинские	Н. В. Всеволожский (1849).
18. Чермозские	И. Л. Лазарев (1778) - Е. Л. Лазарев (1801) - И. Е., Х. Н. и Л. Н. Лазаревы (1826) - И. Е. и Х. Е. Лазаревы (1840) - Х. Е. и Л. Е. Лазаревы (1858) - Х. Е. Лазарев (1860)
19. Юговские	И. П. Осокин (1760) - А. А. Кнауф (1804) - Акционерная компания (1853)
20. Сергинско-Уфалейские	М. П. Губин (1789, 1792) - К. М. и П. М. Губины (1818) - К. М. Губин (1838) - А. К., Е. К. Губины, А. И. Ушакова, А. К. Толстая, З. К. Нарышкина (1848)
21. Святочудовский	А. А. Грамматчиков, Ф. А. Хвоцинский и Ильин (1855) н.
всего: 19-20	7 пр., 1 ч., 2 акц., 1 сл., 2 н.
Оренбургская губерния	
1. Симские	И. И. Бекетова (1785) - И. П. и П. П. Бекетовы (1823) - И. П. Бекетов (1824) - А. Д. Балашев (1830) - П. А., А. А. и И. А. Балашевы (1837) - П. А. и А. А. Балашевы (1841) - П. А. Балашев (1845) - Н. П. и И. П. Балашевы (1845)
2. Богоявленский	И. И. Бекетова (1785) - И. П. и П. П. Бекетовы (1823) - П. П. Бекетов (1824) - Е. А. Пашкова (1834) - А. В., М. В. и И. В. Пашковы (1835)
3. Белорецкие	Д. И. Пашкова (1785) - И. А. Пашков (1803) - Е. Н., А. И., Е. И., Н. И., С. И., А. И. Пашковы (1828) - А. И., Е. И., Н. И., С. И., А. И. Пашковы (1838) - Е. И., Н. И., С. И., А. И., А. А. Пашковы и Е. А. Рихтер (1850) - Н. И., С. И. Пашковы (1853)
4. Воскресенский	Д. И. Пашкова (1785) - В. А. Пашков (1803) - Е. А. Пашкова (1834) - А. В., М. В. и И. В. Пашковы (1835)
5. Юрюзанские	А. И. Дурасова (1785) - Н. А. Дурасов (1802) - Н. Л. Старков (1815) - А. Г. Белосельская-Белозерская (1817) - Е. А. Сухозанет (1830) - А. И. Сухозанет (1861)
6. Верхотурский	А. И. Дурасова (1785) - Н. А. Дурасов (1802) - Д. И. Пашкова (1803) - В. А. Пашков (1803) - Е. А. Пашкова (1834) - А. В., М. В. и И. В. Пашковы (1835)
7. Катавские	Е. И. Козицкая (1785) - А. Г. Белосельская-Белозерская (1810) - Э. А. Белосельский-Белозерский (1846) - К. Э. Белосельский-Белозерский, Е. П. Кочубей, Е. Э. Трубецкая и О. Э. Шувалова (1846) - К. Э. Белосельский-Белозерский (1861)
8. Архангельский	Е. И. Козицкая (1785) - А. Г. Лаваль (1810) - А. И. Коссаковская (1851)
9. Благовещенский	И. Я. и Н. П. Хлебниковы - А. П. Полторацкая (1806) - Е. В. Дашкова (1835)
10. Преображенский	П. М. Гусятников (1789) - Н. И., М. П., П. П., Д. П., В. П., Ю. П. Гусятниковы и Е. П. Майкова (1816) - Н. И., П. П., Д. П., В. П. Гусятниковы (1830) - М. В. Пашков (1838)
11. Гагинские	И. Е. Демидов (1782) - А. С., Г. Е., А. Е., Н. В., Д. П., Н. П., В. П., П. П., Демидовы и Е. М. Хомутова (1823) - А. Х., П. Г., А. Г., М. П., В. Н., Т. Н., К. Н., П. Н., Н. Н. Демидовы, Е. М. Хомутова и - А. И. Пашков (1830) - М. Ф. Гротен (1855) - Ф. П. Никифоров и А. В. Татаринов (1860) - Ф. П. Никифоров (1862)
12. Каноникольский	М. А. Мосолова (1798?) - П. И. и Ф. И. Мосоловы (1813?) - Ф. И. Мосолов - О. Н. Мосолова и Е. И. Шешукова (1844) - Е. И. Шешукова (1848)
13. Троицкие	И. П. Осокин (1760) - Е. И., П. И. и Г. И. Осокины (1808) - Е. И. и Г. И. Осокины (1810) - Г. И. Осокин (1813) - Д. Е. Бенардаки (1837)
14. Авзяно-Петровские	М. П. Губин (1796) - К. М. и П. М. Губины (1818) - П. М. Губин (1838) - Н. Е. Тимашев (1858) - Д. Е. Бенардаки (1859)
15. Шильвинский	А. М. Подъячев (1797) - П. Д., К. Г. и Н. А. Подъячевы (1817) - Н. А. Подъячев - Н. Н. Подъячев
16. Архангельский-Шаранский	А. Г., Н. В., П. Г., Ан. Г., Ал. Г., Т. Г. Красильниковы - 1836 л.
17. Берсудский	И. А. и А. А. Маленковы - Н. Маленков (1811?) - 1826 л.

Округа и заводы	Владельцы
18. Богословский	А. Г. Глазов - П. А., И. А. и А. А. Глазовы (1802?) - П. А. Глазов - П. И. Шелашников (1834) - В. С., С. П., Н. П. и В. П. Шелашниковы (1847) - В. П. Шелашников (1853)
всего: 18–16	13 пр., 2 ч., 2 л.
Вятская губерния	
1. Бемышевский	Е. А. Лебедев (1797) - А. Е. Лебедев (1837)
2. Шурминско-Залазнинские	А. М. Мосолов (1767) - И. А. Мосолов (1779, 1786, 1808) - М. И. и Н. И. Мосоловы (1808) - М. И. Мосолова и Н. Т. Карташевская (1815) - М. И. Мосолова (1821) - М. И., О. И. Мосолова, А. И. Карцева, В. В., Е. В. и А. В. Загорские (1822) - О. И. Мосолова, А. И. Карцева, В. В. Любимова, Е. В. Загорская и А. В. Леонтьева (1824) - Н. И. Мосолов (1842)
3. Холуницкие	И. С. Яковлев (1787) - Н. Б., Ал. И., П. И., Д. И. и А. И. Яковлевы (1801) - А. И. Яковлев (1806) - Д. Д. Пономарев (1839) - А. П. Пономарева (1844) - А. Д. Пономарев (1858)
4. Омутнинские	И. П. Осокин (1760) - Е. И., П. И. и Г. И. Осокины (1808) - Е. И. и Г. И. Осокины (1810) - Г. И. Осокин (1813) - А. Г. Осокин (1847) - А. М., Н. П. и П. П. Пастуховы (1848)
5. Пыжманский	И. И. и А. И. Кобелевы - И. И. и И. А. Кобелевы - И. А. Кобелев (1808?) - Н. И. Кобелев (1815) - 1823 л.
6. Коринский	С. Т. Красильников - А. Б., Н. С., Я. С., И. С., Пт. С., Пв. С. Красильниковы (1809) - 1832 л.
7. Варзино-Алексеевский	Д. А. и П. О. Тевкелевы - 1823 л.
всего: 7–4	2 пр., 3 л.
Казанская губерния	
1. Мешинский	И. П. Осокин (1760) - Е. И., П. И. и Г. И. Осокины (1808) - Е. И. и Г. И. Осокины (1810) - Г. И. Осокин (1813) - А. И. Коровин (1848) - А. А. Коровин (1854)
всего: 1–1	1 пр.
Вологодская губерния	
1. Нювчимский	Г. М. и А. М. Грибановы (1788) - А. М. Грибанов - Н. Я. Курочкин и А. И. Голохвастова (1812) сл. с Кирсинско-Кажимскими
всего: 1–1	1 пр.
Вятская и Вологодская губернии	
1. Кирсинско-Кажимские	И. Я. Курочкин - Я. И. Курочкин (1804?) - Н. Я. Курочкин и А. И. Голохвастова (1806?) - Н. Я. Курочкин (1817) - М. В., Н. Н. Боборыкины и В. и А. Голохвастовы (1823) - М. В., Н. Н. Боборыкины (1828) - А. И. Маликов (1842) - Д. Е. Бенардаки (1858)
всего: 1–1	2 пр.
Казанская и Оренбургская губернии	
1. Таишевские	П. И., И. А., П. А., С. А., А. А., Д. А., М. А. и Н. А. Иноземцевы (1796) - И. М. Ярцов (1826) - М. И. Кузьмина, Е. И. Николаева и О. И. Берг (1846) - О. И. Берг (1851) - 1852 л.
всего: 1–0	1 пр., 1 л.
Всего: 50; 48–42	27 пр., 3 ч., 2 акц., 6 л., 2 н.

* Условные обозначения: тире означает продажу заводов, дефис – переход по наследству; пр. – продажа, ч. – продажа частей, акц. – акционирование, н. – новый, л. – ликвидирован, сл. – слившиеся.

Таблица 9

**Численность горнозаводского населения посессионных заводов,
имевших казенных рабочих (по данным 8–10-й ревизий; рев. душ)***

Заводы	8-я ревизия (1834 г.)				9-я ревизия (1850 г.)				10-я ревизия (1858 г.)			
	1**	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Верх-Исетские	2849	1933	6295	11077	3659	2529	7634	13822	4337	2935	8473	15745
Сысертские	3999	3520	14	7533	5681	4295	61	10037	6626	4887	62	11575
Алапаевские	2665	2806	752	6223	3268	3400	980	7648	3777	3767	1093	8637
Сергинско-Уфалейские		475	7391	7866	–	668	10719	11387	–	657	12334	12991
Кагинские		337	1166	1503	–	461	1746	2207	–	563	2097	2660
Авзяно-Петровские		323	1604	1927	–	445	2479	2924	–	–	2917	2917

* ТАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5079, 5083, 5263, 5607, 6155, 6298, 6451; Оп. 31. Д. 762; Оп. 32. Д. 184, 1534, 1537, 1642, 1966, 2265, 3407, 3638, 4398, 4495; Ф. 43. Оп. 1. Д. 280, 320; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1839.

** Цифрами обозначены: 1 – казенные мастеровые; 2 – неперменные работники; 3 – заводские крепостные; 4 – всего.

Таблица 10

**Численность крепостных посессионных и владельческих заводов
(по данным 8–10-й ревизий; рев. душ)***

Заводы	8-я ревизия (1834 г.)	9-я ревизия (1850 г.)	10-я ревизия (1858 г.)
Посессионные заводы			
Нижнетагильские	18 087	22 494	25 586
Кыштымские	9 971	14 016	16 393
Суксунские	9 452	11 519	12 520
Невьянские	7 353	8 549	8 929
Ревдинско-Рождественские	7 207	8 767	9 316
Юговские	6 041	7 357	7 898
Шайтанские	2 029	2 617	2 921
Бемышевский	822	1 051	731
Уинские	765	971	953
Мешинский	463	641	751
Богословский	356	435	505
Шильвинский	335	377	388
Посессионные заводы, где широко использовался наемный труд			
Шурминско-Залазнинские	1 927	3 083	3 673
Холуницкие	1 525	2 224	2 431
Омутнинские	826	1 186	1 496
Кирсинско-Кажимские	227	321	376
Святочудовский	–	–	–
Владельческие заводы			
Катавские	4 225	3 871	6 450
Симские	3 751	5 075	5 717
Белорецкие	3 727	4 622	4 959
Юрюзанские	3 470	4 599	5 038
Воскресенский	2 741	3 313	3 621
Верхоторский	2 268	2 896	3 291

Заводы	8-я ревизия (1834 г.)	9-я ревизия (1850 г.)	10-я ревизия (1858 г.)
Архангельский	1 842	2 193	2 386
Богоявленский	1 821	2 094	2 371
Преображенский	1 680	2 284	2 394
Троицкие	1 626	2 031	2 088
Благовещенский	1 441	1 973	2 623
Таишевские	978	–	–
Каноникольский	927	1 512	1 691
Вотчинные заводы “пермских владельцев”			
Билимбаевские	111 851	15 734	17 336
Пожевские	10 467	4 214	5 019
Никитинские	–	3 976	3 671
Чермозские	7 200	8 391	8 886
Лысьвенские	6 817	8 182	4 281
Нытвенские	2 313	2 948	3 546
Кыновские	1 217	1 752	1 993

* ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 1116; Оп. 23. Д. 5079, 5083, 5263, 5607, 6155, 6298, 6451; Оп. 31. Д. 762; Оп. 32. Д. 184, 1534, 1537, 1642, 1966, 2265, 3407, 3638, 4398, 4495; Ф. 43. Оп. 1. Д. 280, 320; РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1839.

Таблица 11

Горнозаводское землевладение на Урале (1840/1841 г.) (дес.)*

Заводы	Земли всего		В том числе:				
	вотчинной	посессионной	лес	усады и выгоны	пашни	сенокосы	реки, озера, болота, дороги и пр.
Пермская губерния							
Нижнетагильские 9	18 191	618 137	–	–	–	–	–
Суксунские 8	44 968	420 609	356 702	2 110	94 710		12 055
Ревдинско-Рождественские 6	141 363	115 162	188 989	2 179	2 981	24 380	37 996
Кыштымские 6	–	425 604	343 897	не указ.	5 161	34 573	41 973
Верх-Исетские 13	–	733 342	526 576	125 008			81 758
Невьянские 3	–	157 719	71 552	7 760	19 730	46 437	12 240
Алапаевские 3	–	578 281	240 948	201 554			135 779
Уинские 2	–	172 627	140 986	29 519	2 122		
Шайтанские 2	–	35 751					
Сысертские 3	–	238 801	121 313	11 875	5 885	27 277	72 451
Кыновский 1	114 709	–	98 552	392	3 862	7 625	4 278
Билимбаевские 5	199 899	–	103 164	18 115	28 876	9 335	40 409
Нытвенские 2	274 051	–	157 200	65 632	15 046	8 828	27 345
Лысьвенские 4	379 185	–	273 592	39 253	619	1 275	64 446
Кузье-Александровский 1	66 589	–	64 954	57	56	508	1 014
Пожевские и Никитинские 5	215 812	–	197 765	3 070	4 068	3 113	7 796

Заводы	Земли всего		В том числе:				
	вотчинной	посессионной	лес	усады и выгоны	пашни	сенокосы	реки, озера, болота, дороги и пр.
Чермозские 4	602 164	—	540 486	633	26 155	17 410	17 480
Юговские 7	100 280	178 703	185 713	4 481	39 201	45 483	4 105
Сергинско-Уфалей- ские 8	426 413						
Оренбургская губерния							
Симские 3	255 000	—	240 655	347	4 173	3 330	6 495
Богоявленский 1	59 937	—	41 779	1 675	8 430	6 724	1 329
Белорецкие 2	179 041	—	152 020	87	5 450	15 007	6 477
Воскресенский 1	47 153	—	30 044	999	7 310	4 800	4 000
Юрюзанские 3	166 699	—	136 645	5 845	2 732	11 199	10 278
Верхоторский 1	52 089	—	32 836	7 148	6 476	4 703	926
Катавские 3	166 305	—	120 591	2 080	3 100	12 305	28 229
Архангельский 1	57 805	—	47 735	98	3 568	5 280	1 124
Благовещенский 1	31 898	—	24 886	591	2 556	2 329	1 536
Преображенский 1	101 119	—	81 338	547	2 590	4 525	12 119
Кагинские 2	пользуется землей, кортомленной у башкир						
Каноникольский 1	113 301	—	70 039	925	нет	41 151	1 186
Троицкие 3	73 933	—	45 559	312	872	14 938	12 252
Авзяно-Петров- ские 2	—	96 076	28 000	68076			
Шильвинский 1	без пособия, земли и лесов не имеет						
Богословский	16 466	—	10 296	60	2 879	2 866	365
Вятская губерния							
Бемышевский 1	—	15 765	12 693	461	144	1 691	776
Шурминско-Залаз- нинские 4	—	24 602	22 917	69	—	149	1 467
Холуницкие 6	—	5 591	лесами пользуется по отводам Вятской казенной палаты				
Омутнинские 2	—	92 160	90 366	19	115	570	1 090
Казанская губерния							
Мешинский 1	3 667	—	1 837	562	—	1 201	67
Вятская и Вологодская губернии							
Кирсинско-Кажим- ские 5	—	314 178	289 409	202	—	1 728	22 839
Казанская и Оренбургская губернии							
Таишевские 2	9 222	—	8 546	118	365	50	143
Всего: 141	3 490 846	4 787 639	—	—	—	—	—
	8 278 485		—	—	—	—	—

Таблица 12

Динамика производства уральских заводов (срезы на 1801, 1807 и 1860/61 гг.)*

Округа и заводы	1801, 1807 гг.		1860/61 г.		Динамика	
	чугун (пуд.)	медь (пуд.)	чугун (пуд.)	медь (пуд.)	чугун (раз)	медь (раз)
Нижнетагильские	527 004	288	1 760 144	101 879	+3,3	+354
Ревдинско-Рождественские	335 433	–	649 527	251	+1,9	
Суксунские	271 204	13 096	485 318	10 093	+1,8	–1,3
Кыштымские	276 003	–	837 878	–	+3,0	–
Кагинские	95 433	–	95 700	–	+1,0	–
Верх-Исетские	686 202	–	726 953	6 991	+1,1	
Холунинские	222 943	–	396 019	–	+1,8	–
Невьянские	503 418	–	355 272	–	–1,4	–
Алапаевские	361 130	–	703 764	–	+1,9	–
Уинские	–	1 960	–	1 698	–	–1,2
Шайтанские	63 007	–	158 268	–	+2,5	–
Сысертские	116 057	10 645	963 596	29 443	+8,3	+2,8
Юговские	64 592	15 817	153 501	8 449	+2,4	–1,9
Омутнинские	56 057	–	136 962	–	+2,4	–
Сергинско-Уфалейские	261 968	–	914 136	–	+3,5	–
Авзяно-Петровские	74 392	–	115 504	–	+1,6	–
Кирсинско-Кажимские	135 644	–	248 291	–	+1,8	–
Шурминско-Залазинские	105 159	–	190 335	–	+1,8	–
Шильвинский	–	355	–	1 570	–	+4,4
Бемышевский	–	690	–	1 993	–	+2,9
Билимбаевский	320 096	–	463 719	–	+1,5	–
Нытвенские	230 475	–	415 371	–	+1,8	–
Лысьвенские	226 242	–	446 933	–	+2,0	–
Кыновские	64 592	–	143 400	–	+2,2	–
Чермозские	289 640	–	382 397	–	+1,3	–
Пожевские	344 855	–	132 877	–	+1,1	–
Никитинский	–	–	253 290	–	вместе с Пожевскими	–
Катавские	200 457	–	453 270	–	+2,3	–
Архангельский	–	9 415	–	11 421	–	+1,2
Юрюзанские	172 116	–	313 407	–	+1,8	–
Верхоторский	–	8 545	–	11 209	–	+1,3
Симские	205 789	–	335 044	–	+1,6	–
Богоявленский	–	10 438	–	19 000	–	+1,8
Белорецкие	211 223	–	311 194	–	+1,5	–
Благовещенский	–	5 045	–	13 880	–	+2,8
Троицкие	–	5 676	–	8 000	–	+1,4
Воскресенский	–	10 946	–	12 210	–	+1,1
Преображенский	–	11 833	–	13 500	–	+1,1

Округа и заводы	1801, 1807 гг.		1860/61 г.		Динамика	
	чугун (пуд.)	медь (пуд.)	чугун (пуд.)	медь (пуд.)	чугун (раз)	медь (раз)
Каноникольский	–	410	–	4 498	–	+11,0
Нязе-Петровский	73 430	–	вместе с Кыштымс- кими	–	–	–
Мешинский	–	2 630	–	2 090	–	–1,3
Богословский	–	418	–	140 (селитра)	–	–
Таишевские	–	59	–	–	–	–
Коринский	–	841	–	–	–	–
Пыжманский	–	94	–	–	–	–
Варзино-Алексеевский	–	плавки не было	–	–	–	–
Берсудский	–	плавки не было	–	–	–	–
Архангельский-Шаранский	–	плавки не было	–	–	–	–
Все посессионные заводы	4 391 058 67,6 %	41 828 38,3 %	8 212 610 65,5 %	163 869 63,5 %	+1,9	+3,9
Все владельческие заводы	2 103 234 32,4 %	67 374 61,7 %	4 329 459 34,5 %	94 314 36,5 %	+2,1	+1,4
Все заводы Урала	6 494 292 100 %	109 202 100 %	12 542 070 100 %	258 183 100 %	+1,9	+2,4

* Яцунский В. К. Материалы по истории уральской металлургии в первой половине XIX в. // Исторический архив. IX. М., 1953. С. 290–321; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2698а; Оп. 4. Д. 7; Ф. 43. Оп. 1. Д. 320; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1027. Л. 1–11, 20–27. Данные по чугуну приводятся за 1807 г., по меди – за 1801 г.

Таблица 13

Ипотечные и подтоварные залоги заводов (конец XVIII в. – 1861)*

Заводы	Владельцы	Год	Сумма (руб. сер.)
Вспомогательный дворянский банк			
1. Нижнетагильские	Н. Н. Демидов	1798	248 570
2. Юговские	И. П. Осокин	1798	208 715
3. Кыновские	Г. А. Строганов	1798	143 140
4. Ревдинские	П. Г. Демидов	1798	63 000
5. Пожевский	В. А. Всеволожский	1798	?
всего			663 425
Петербургский и Московский Опекунские советы			
1. Чермозские	Е. Л. Лазарев	1810-е	551 730
2. Нытвенские	А. А. Голицына	1810-е	283 649
3. Пожевские	В. А. Всеволожский	1810-е	?
4. Лысьвенские	В. А. Шаховская	1821	135 520
5. Кыновский	Г. А. Строганов	1830	162 860
6. Нытвенские	С. М. Голицын	1835	460 052?
7. Чермозские	И. Е. и Х. Е. Лазаревы	1843	207 825
8. Пожевские	А. В. и Н. В. Всеволожские	1843	3 500 000
9. Чермозские	И. Е. и Х. Е. Лазаревы	1853	181 425

Заводы	Владельцы	Год	Сумма (руб. сер.)
10. Чермозские	И. Е. и Х. Е. Лазаревы	1855	149 250
11. Рождественские	М. Д. Демидова	1853	157 960
всего			5 790 271
Государственный Заемный банк			
1. Суксунские	П. М. и Г. А. Демидовы	1807	52 860
2. Пожевские	В. А. Всеволожский	1810-е	?
3. Лысьвенские	В. А. Шаховская	1824	43 500
4. Мешинский	Г. И. Осокин	1824	29 030
5. Омутнинские	Г. И. Осокин	1824	35 060
6. Суксунские	Г. А. Демидов	1824	107 140
7. Белорецкие	И. А. Пашков	1824–1825	241 290
8. Благовещенский	А. П. Полторацкая	1825	87 430
9. Троицкие	Г. И. Осокин	1825	104 915
10. Богословский	Глазовы	1825	15 030
11. Билимбаевские	С. В. Строганова	1825	2 080 914
12. Суксунские	Г. А. Демидов	1826	395 000
13. Пожевские	В. А. Всеволожский	1827	839 315
14. Симские	И. П. Бекетов	1828	79 300
15. Суксунские	Демидовы	1829	104 200
16. Билимбаевские	С. В. Строганова	1829	225 600
17. Воскресенский	В. А. Пашков	1830-е	153 000
18. Преображенский	Гусятниковы	1832–1834	95 830
19. Ревдинские	А. П. Демидов	1835	425 160
20. Лысьвенские	В. П. Бутеро	1838	895 170
21. Пожевские	А. В. и Н. В. Всеволожские	1838	169 260
22. Троицкие	Д. Е. Бенардаки	1838–1839	116 140
23. Преображенский	М. В. Пашков	1839	118 480
24. Нязе-Петровский	Е. Л. Зотова и М. Л. Харитонова	1840	123 480
25. Кыштымские	Е. Л. Зотова и М. Л. Харитонова	1840	355 990
26. Сергинские	К. М. Губин	1842	309 780
27. Шурминские	Н. И. Мосолов	1842	115 620
28. Каноникольский	О. Н. Мосолова, Е. И. Шешукова	1846	120 000
29. Омутнинские	Г. И. Осокин	1846	41 300
30. Мешинский	Г. И. Осокин	1846	28 020
31. Благовещенский	Е. В. Дашкова	1847	108 070
32. Юрюзанские	Е. А. Сухозанет	1848	242 690
33. Суксунские	Товарищество	1848	893 000
34. Юговские	Компания	1853	341 664
35. Билимбаевские	Н. П. Строганова	1853	300 000
36. Билимбаевские	Н. П. Строганова	1854	146 400
37. Шайтанские	М. И. Кузьмина, Е. И. Николаева, О. И. Берг	1855	156 780
38. Кагинские	Ф. П. Никифоров и А. В. Татаринов	1860	104 700

Заводы	Владельцы	Год	Сумма (руб. сер.)
всего			9 801 118
Коммерческий банк (долги)			
1. Холуницкие	А. И. Яковлев	1827?	136 137
2. Белорецкие	Пашковы	1833	57 143
3. Авзяно-Петровские	П. М. Губин	1848	27 151
4. Сергинско-Уфалейские	Губины	1861	325 650
всего			546 081
Государственное казначейство			
1. Нязе-Петровский	И. Я. Хлебникова	1806	28 570
2. Ревдинско-Рождественские	А. В. Зеленцов	1808	114 285
3. Суксунские	Товарищество	1861	255 000
4. Кагинские	Ф. П. Никифоров и А. В. Татаринов	1861	58 909
всего			456 764
Горный департамент и Горное правление			
1. Шайтанские	С. А. Ширяев	1800-е	7 143
2. Каноникольский	П. И. и Ф. И. Мосоловы	1815	1 430
3. Кирсинско-Кажимские	наследники Н. Я. Курочкина	1820–1821	30 130
4. Сысертские	наследники А. Ф. Турчанинова	1821	75 715
5. Кыштымские	Л. И. Расторгуев	1822	7 143
6. Преображенский	Гусятниковы	1822	7 143
7. Суксунские	Г. А. Демидов	1822	7 143
8. Шильвинский	Н. А. Подъячев	1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1828, 1829, 1830	17 143
9. Архангельский	А. Г. Лаваль	1828	2 860
10. Лысьвенские	В. П. Полье	1829	105 714
11. Преображенский	Гусятниковы	1832	7 143
12. Белорецкие	Пашковы	1838	7 143
13. Кыштымские	Е. Л. Зотова и М. Л. Харитонова	1839	57 143
14. Белорецкие	Пашковы	1840	10 000
15. Каноникольский	Ф. И. Мосолов	1841	7 000
16. Сергинско-Уфалейские	Губин	1842	150 000
17. Суксунские	П. Г. и П. Г. Демидовы	1843	150 000
18. Шайтанские	И. М. Ярцов	1846	40 000
19. Суксунские	П. Г. и П. Г. Демидовы	1846	50 000
20. Никитинский	Н. В. Всеволожский	1852	100 000
21. Каноникольский	Е. И. Шешукова	1859	3 000
22. Сергинско-Уфалейские	наследники К. М. Губина	1861	7 500
всего			850 493
Частные залого			
1. Лысьвенские	В. А. Шаховская	1820	428 570
2. Кагинские	А. И. Пашков	1830	71 430
3. Кирсинско-Кажимские	А. И. Маликов	1851	200 000
4. Преображенский	М. В. Пашков	1852	300 000

Заводы	Владельцы	Год	Сумма (руб. сер.)
всего			1 000 000
Всего			19 108 152

* В таблице учтены только известные нам долги Коммерческому банку. Данные по ссудам горных властей (здесь не учитываются затраты казны при казенных управлениях), казначейства и частным заломам нельзя считать полными. Они лишь примерно отражают практику пользования ими.

Таблица 14

Динамика залоговых операций (1800–1861 гг.) (в %)

Годы	Заемный банк	Опекунские Советы	Горный департамент и горное управление	Государственное казначейство	Частные залогов	Всего
1800–1810	0,5	–	0,8	31,3	–	1,1
1811–1820	не выдавались	14,4	0,2	–	42,9	7,1
1821–1830	44,8	5,2	29,7	–	7,1	28,0
1831–1840	25,0	8,0	9,6	–	–	16,7
1841–1850	19,0	64,0	46,7	–	–	33,3
1851–1861	10,7	8,4	13,0	68,7	50,0	13,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Итого по видам ссуд	54,8	32,4	4,7	2,6	5,4	100,0

Таблица 15

Формы контроля частных округов Урала (1800–1861 гг.)

Округа и заводы	Владельцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Посессионные											
Нижнетагильские	Демидовы										
Суксунские°	Демидовы	1847–1848				1835–1847			1838		1848–1863
Ревдинско-Рождественские°	Демидовы – Зеленцовы (1808) – Демидовы (1829)	1813–1815	1815–1829						1819, 1829	1833	
Кагинские	Демидовы – Демидовы и Пашков (1830) – Гротен (1855) – Никифоров и Татаринов (1860)	1836–1844, 1850–1853, 1860–1862	1834–1836		1823–1825, 1827–1830				1841, 1850	1855	
Кыштымские°	Демидовы – Расторгуевы (1809)	1825–1832	1843–1852	1832							
Верх-Исетские	Яковлевы										
Алапаевские	Яковлевы			1844, 1855							
Уинские°	Яковлевы – Рошефор (1858)										
Холуницкие	Яковлевы – Пономаревы (1838)		1829–1831				1831–1838		1829, 1834	1838	
Невянские	Яковлевы	1852–1857			1848, 1851, 1861						
Сысертские	Турчаниновы		1861–1864		1823, 1825–1839	1824–1825, 1839–1861	1826–1828				

Округа и заводы	Владельцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сергинско-Уфалейские ^о	Губины		1841–1848	1843	1844						
Авзяно-Петровские	Губины – Тимашев (1858) – Бенардаки (1859)		1847		1848–1857				1848	1857	
Шайтанские	Ширяевы -Мордвинова (1809) – Ярцовы (1810)	1847–1848	1808–1809		1847–1850, 1848–1849						
Шурминско-Залазинские	Мосоловы	1821–1822	1861–					1833			
Кирсинско-Кажимские	Курочкины -Боборыкины – Маликов (1842) – Бенардаки (1858)	1856–1858			1820–1823						
Бемышевский	Лебедевы										
Шильвинский	Подъячевы	1809–1813						1822–1824	1817		
Юговские ^о	Осокины – Кнауф (1804)		1828–1853				1818–1828		1832		1853–1864
Омутнинские	Осокины – Пастуховы (1848)							1820–1840-е			
Мешинский	Осокины – Коровины (1848)										
Богословский	Глазовы – Шелашниковы (1847)										
Святочудовский	Хвощинский и К ^о (1858)										
Нювчимский	Грибановы – Курочкины (1812)								1809	1812	
Пыжманский	Кобелевы								1797, 1812, 1819, 1822	1823 л.	
Берсудский	Маленковы							1800-е, 1813–1818	1825	1826 л.	
Архангельский-Шаранский	Красильниковы								1811	1836 л.	
Коринский	Красильниковы							1813–1818	1812, 1827	1832 л.	
Владельческие											
Пожевские	Всеволожские	1855–1864			1797–1802	1833–1848		1846–1848	1857		
Никитинские	Н. В. Всеволожский (1848)	1850–1861						1850-е	1853		
Нытвенские	Голицыны										
Лысьвенские	Шаховская -Бутеро (1823)					1823–1827					
Билимбаевские	Строгановы										
Кыновские	Строгановы							1804–1817			
Чермозские	Лазаревы										
Нязе-Петровский	Хлебниковы – Расторгуевы (1808)										

Округа и заводы	Владельцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Катавские	Козицкая-Белосельские (1810)										
Архангельский	Козицкая-Лаваль (1810)- Коссаковская (1850)										
Симские	Бекетовы – Балашевы (1830)										
Богоявленский	Бекетовы – Пашковы (1834)				1828– 1832						
Белорецкие	Пашковы	1836	1837– 1838	1817	1839– 1854			1837– 1841	1837		
Воскресенский	Пашковы										
Верхоторский	Дурасовы – Пашковы (1803)										
Юрюзанские	Дурасовы – Старков (1815) – Белосельские (1817) – Сухозанет (1830)										
Троицкие	Осокины – Бенардаки (1837)										
Преображенский	Гусятниковы – Пашковы (1838)						1796– 1814				
Благовещенский	Хлебниковы -Полторацкая (1807) – Дашкова (1835)										
Каноникольский	Мосоловы -Шешукова (1844)	1859– 1861	1817		1841– 1846, 1861– 1864						
Таишевские	Иноземцевы – Ярцовы (1826)	1814– 1826			1809– 1814		1809– 1814	1801– 1813	1800, 1804, 1811, 1813, 1815	1826, 1852 л.	
Варзино-Алексеевский	Тевкелевы								1789	1823 л.	

1 – казенный присмотр; 2 – казенное управление или полный казенный присмотр; 3 – введение “правил” или казенных штатов; 4 – опекуновое управление; 5 – попечительство; 6 – кредиторское, конкурсное или комиссий управление; 7 – аренда; 8 – назначение к продаже; 9 – продажа с публичных торгов или ликвидация (л.); 10 – акционирование.

° – округа, в составе которых были заводы обоих статусов.

Таблица 16

Формы контроля посессионных и владельческих округов Урала (1800–1861 гг.)

Заводы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
посессионные: раз %	11 69	10 83	4 80	13 68	3 60	3 60	6 55	19 68	5+4 л. 83+67	2 100
владельческие: раз %	5 31	2 17	1 20	6 32	2 40	2 40	5 45	9 32	1+2 л. 17+33	– –
Итого: раз %	16 100	12 100	5 100	19 100	5 100	5 100	11 100	28 100	6+6л 100+100	2 100

Наименование пронумерованных столбцов такое же, как в табл. 12.

Таблица 17

Динамика форм “нехозяйственных” управлений (конец XVIII в. – 1861 г.)*

Годы	Казенный присмотр	Казенное управление и полный присмотр	Опекунс- кое управ- ление	Попечи- тельство	Конкурсное, комис- сий, кредиторское управления	Акциони- рование	Все формы “участия”
1790-е			1в.		1в.		2в.
1800–1810	1п.	1п.	1в.		1в.		2п., 2в.
1811–1820	1п., 1в.	1п., 1в.	1п.		1п.		4п., 2в.
1821–1830	2п.	2п.	4п., 1в	1п., 1в.	1п.		10п., 2в.
1831–1840	1п., 1в.	1п., 1в.	1в.	2п., 1в.	1п.		5п., 4в.
1841–1850	3п., 1в	3п.	5п., 1в.			1п.	12п., 2в.
1851–1861	3п., 2в.	2п.	3п., 1в.			1п.	9п., 3в.
Всего	11п., 5в.	10п., 2в.	13п., 6в.	3п., 2в.	3п., 2в.	2п.	42п., 17в.

* В таблице фиксируется количество случаев учреждения форм “нехозяйственного” управления по году учреждения. Буквой п. обозначены посессионные, в. – владельческие округа.

Таблица 18

Общая характеристика владений (конец XVIII в. – 1861 г.)

Округа и заводы	Владельцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Посессионные										
Нижнетагильские	Демидовы						1798		1803, 1816	+3,3
Суксунские ^о	Демидовы – Товарищест- во (1848)	1847– 1848	1835– 1847		1848– 1863		1807, 1822, 1824, 1826, 1829, 1843, 1846, 1848, 1861		1839	+1,8
Ревдинско-Рождест- венские ^о	Демидовы – Зеленцовы (1808) – Демидовы (1833)	1813– 1829		1833			1798, 1808, 1835, 1853		1800, 1802, 1824, 1841, 1858	+1,9

Округа и заводы	Владельцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Кагинские	Демидовы – Демидовы и Пашков (1830) – Гротен (1855) – Никифоров и Татаринов (1860)	1834–1844, 1850–1853, 1860–1862	1823–1825, 1827–1830	1855			1830, 1861, 1861	1830	1853	1,0
Кыштымские°	Демидовы – Расторгуевы (1809)	1825–1832, 1843–1852					1822, 1839, 1840	1840–1860-е	1822, 1824	+3,0
Верх-Исетские	Яковлевы								1812	+1,1
Алапаевские	Яковлевы								1824, 1825, 1841, 1845, 1847	+1,9
Уинские°	Яковлевы –Рошефор (1858)								1856	–1,2
Холуницкие	Яковлевы – Пономаревы (1838)	1829–1831	1831–1838	1838			1827		1823–1824	+1,8
Невьянские	Яковлевы	1852–1857 ч.	1848, 1851, 1861 ч.					1857–1860	1812, 1859	–1,4
Сысертские	Турчаниновы	1861–1864	1823–1861				1821	1788–1861	1807, 1808, 1832, 1851, 1854, 1858	+8,3
Сергинско-Уфалейские°	Губины	1841–1848	1844				1842, 1842, 1861, 1861		1800, 1803, 1805, 1823, 1828, 1833, 1841	+3,5
Авзяно-Петровские	Губины – Тимашев (1858) – Бенардаки (1859)	1847	1848–1858	1858			1848		1822, 1855, 1857	+1,6
Шайтанские	Ширяевы - Мордвинова (1808) – Ярцовы (1810)	1808–1809, 1847–1848	1847–1850				1800-е, 1846, 1855	1846–1851	1824	+2,5
Шурминско-Залаз- нские	Мосоловы	1821–1822, 1861				1833	1842	1815–1827	1850	+1,8
Кирсинско-Кажимские	Курочкины - Боборыкины – Маликов (1842) – Бенардаки (1858)	1856–1858	1820–1823				1820, 1851	1822	1850	+1,8
Бемышевский	Лебедевы								1828, 1845–1849	+2,9
Шильвинский	Подъячевы	1809–1813	1859–1862			1822–1824	1823–1830	1822–1826	1847, 1859	+4,4
Юговские°	Осокины – Кнауф (1804) – Компания (1853)	1828–1853	1818–1828		1853–1864		1798, 1853			+2,4
Омутнинские	Осокины – Пастуховы (1848)					1820–1840-е	1824, 1846	1812–1813	1853	+2,4

Округа и заводы	Владельцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Мешинский	Осокины – Коровины (1848)						1824, 1846	1812–1813	1827, 1845	–1,3
Богословский	Глазовы – Шелашниковы (1847)						1825		1822–1826	–
Святочудовский	Хвоцинский и К° (1858)									–
Нювчимский	Грибановы – Курочкины (1812)			1812						вместе с Ка-жимск.
Пыжманский	Кобелевы			1823 л.						–
Берсудский	Маленковы			1826 л.		1800-е, 1813–1818				–
Архангельский-Шаранский	Красильниковы			1836 л.						–
Коринский	Красильниковы			1832 л.		1813–1818				–
Владельческие										
Пожевские	Всеволожские	1855–1864	1797–1802, 1833–1848			1846–1848	1798, 1810-е, 1810-е, 1827, 1838, 1843		1837	+1,1
Никитинские	Н. В. Всеволожский (1848)	1850–1861				1850-е	1852			вместе с Пожев.
Нытвенские	Голицыны						1810-е, 1835		1858	+1,8
Лысьвенские	Шаховская-Бутеро (1823)		1823–1827				1820, 1821, 1824, 1829, 1838		1839, 1840, 1844, 1858, 1859	+2,0
Билимбаевские	Строгановы						1825, 1829, 1853, 1854		1843	+1,5
Кыновские	Строгановы					1804–1817	1798, 1830		1859	+2,2
Чермозские	Лазаревы						1810-е, 1843, 1853, 1855	1815–1860		+1,3
Нязе-Петровский	Хлебниковы – Расторгуевы (1808)						1806, 1849			вместе с Кыштым.
Катавские	Козицкая -Белосельские (1810)								1829	+2,3
Архангельский	Козицкая -Лаваль (1810) -Коссаковская (1850)						1828		1860	+1,2

Округа и заводы	Владельцы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Симские	Бекетовы – Балашевы (1830)						1828	1824	1811	+1,6
Богоявленский	Бекетовы – Пашковы (1834)		1828–1832					1824	1825	+1,8
Белорецкие	Пашковы	1836–1838	1839–1854			1837–1841	1824, 1833, 1838, 1840	1830–е–1853	1813	+1,5
Воскресенский	Пашковы						1830-е			+1,1
Верхоторский	Дурасовы – Пашковы (1803)									+1,3
Юрюзанские	Дурасовы – Старков (1815) – Белосельские (1817) – Сухожанет (1830)						1848		1828, 1859	+1,8
Троицкие	Осокины – Бенардаки (1837)						1825, 1838	1812–1813		+1,4
Преображенский	Гусятниковы – Пашковы (1838)		1796–1814				1822, 1832, 1832, 1839, 1852	1816–1822		+1,1
Благовещенский	Хлебниковы - Полторацкая (1807) – Дашкова (1835)						1825, 1847		1813	+2,8
Каноникольский	Мосоловы - Шешукова (1844)	1817, 1859 – 1861	1841–1846, 1861–1864				1815, 1841, 1846, 1859			+11,0
Таишевские	Иноземцевы – Ярцовы (1826)	1814–1826	1809–1814	1826, 1852 л.		1801–1813		1802–1811		–
Варзино-Алексеевский	Тевкелевы			1823 л.						–

1 – казенный контроль; 2 – общественный контроль (опеки, попечительства, кредиторские, конкурсные, комиссии управления); 3 – продажа с публичных торгов или ликвидация (л.); 4 – акционирование; 5 – аренда; 6 – залоги и ссуды; 7 – семейные конфликты; 8 – волнения и жалобы рабочих; 9 – рост производства (раз).

° – округа, в составе которых были заводы обоих статусов.

Таблица 19

Общая характеристика владений по статусным группам (конец XVIII в. – 1861 г.)

Округа и заводы	Казенный контроль	Общественный контроль	Продажа с публичных торгов или ликвидация	Акционирование	Аренда	Залоги и ссуды	Семейные конфликты	Волнения и жалобы
посессионные: раз %	21 75	19 66	5+4 л. 83+67	2 100	6 55	49 52	9 64	49 74
владельческие: раз %	7 25	10 34	1+2 л. 17+33	– –	5 45	46 48	5 36	17 26
Всего: раз %	28 100	29 100	6+6 л. 100+100	2 100	11 100	95 100	14 100	66 100

Владельцы, акционеры и арендаторы уральских заводов (1800–1861 гг.): именной список

І. Владельцы

1. **Бенардаки** Дмитрий Егорович (1799–1870), поручик – с 1837 г. владелец Троицких, с 1858 г. Кажимских и Кирсинских, с 1859 г. Авзяно-Петровских заводов.

Всеволожские

2. Всеволожский Всеволод Андреевич (1769–1836), действительный камергер – с 1796 г. владелец Пожевских заводов.
3. Всеволожский Александр Всеволодович (1794–1864), церемониймейстер – с 1836 г. совладелец, с 1849 г. владелец Пожевских заводов.
4. Всеволожский Никита Всеволодович (1799–1862), егермейстер – с 1836 г. совладелец Пожевских, с 1849 г. владелец Никитинских заводов.

Глазовы

5. Глазов Андрей Герасимович, корнет – с конца XVIII в. владелец Богословского медеплавильного завода.
6. Глазов Петр Андреевич, коллежский ассессор – с 1802? по 1834 г. совладелец Богословского завода.
7. Глазов Иван Андреевич, капитан – с 1802? г. совладелец Богословского завода.
8. Глазов Александр Андреевич – с 1802? г. совладелец Богословского завода.

Голицыны

9. Голицына Анна Александровна (урожденная баронесса Строганова; 1739–1816) – дочь барона А. Г. Строганова (1698–1754), жена князя М. М. Голицына (1731–1806), с 1763 г. владелица Нытвенских и совладелица Кусье-Александровского заводов.
10. Голицын Александр Михайлович (1772–1821), князь, гофмейстер, камергер – с 1816 г. совладелец Нытвенских и Кусье-Александровского заводов.
11. Голицын Сергей Михайлович (1774–1859), князь, камергер, действительный тайный советник – с 1816 г. совладелец Нытвенских и Кусье-Александровского заводов.
12. Голицын Михаил Александрович (1804–1860), князь, церемониймейстер, камергер, действительный статский советник – с 1821 по 1859 г. совладелец Нытвенских и Кусье-Александровского заводов, с 1859 г. владелец Нытвенских и совладелец Кусье-Александровского заводов.
13. Голицын Федор Александрович (1805–1848), князь – с 1821 по 1842 г. совладелец Нытвенских и Кусье-Александровского заводов.
14. Голицына Мария Ильинична (урожденная княжна Долгорукова), княгиня – вдова М. А. Голицына, в 1860–1861 гг. совладелица Нытвенских и Кусье-Александровского заводов.
15. Голицын Сергей Михайлович (1843–1899), князь – с 1860 г. совладелец Нытвенских и Кусье-Александровского заводов, с 1861 г. владелец Нытвенских и совладелец Кусье-Александровского заводов.

16. **Грамматчиков** Александр Александрович (1820–?) – инженер-полковник, с 1855 г. совладелец Святочудовского завода.

Грибановы

17. Грибанов Гаврила Михайлович, коллежский советник – с 1788 по начало XIX в. совладелец Ньючимского завода.
18. Грибанов Архип Михайлович, петербургский купец 1-й гильдии – с 1788 по 1812 г. совладелец Ньючимского завода.
19. **Гротен** Максим Филиппович, петербургский купец 1-й гильдии – в 1855–1860 гг. владелец Кагинских заводов.

Губины

20. Губин Михаил Павлович (?–1818), московский купец 1-й гильдии, именитый гражданин, коммерции советник – с 1789 г. владелец Сергинских, с 1792 г. Уфалейских, с 1796 г. Авзяно-Петровских заводов.
21. Губин Константин Михайлович (?–1848), почетный гражданин – с 1818 г. совладелец Сергинско-Уфалейских и Авзяно-Петровских, с 1838 г. владелец Сергинско-Уфалейских заводов.
22. Ушакова Анастасия Иосифовна (урожденная Кони) – вдова К. М. Губина, во втором браке жена генерал-майора П. П. Ушакова, с 1848 г. совладелица Сергинско-Уфалейских заводов.
23. Губин Анатолий Константинович (1841–?), почетный гражданин – с 1848 г. совладелец Сергинско-Уфалейских заводов.
24. Губин Евгений Константинович (1847–?), почетный гражданин – с 1848 г. совладелец Сергинско-Уфалейских заводов.
25. Толстая Александра Константиновна (1844–?) – дочь К. М. Губина, с 1848 г. совладелица Сергинско-Уфалейских заводов.
26. Нарышкина Зинаида Константиновна (1845–?) – дочь К. М. Губина, с 1848 г. совладелица Сергинско-Уфалейских заводов.
27. Губин Павел Михайлович, статский советник – с 1818 г. совладелец Сергинско-Уфалейских и Авзяно-Петровских, с 1838 по 1858 г. владелец Авзяно-Петровских заводов.

Гусятниковы

28. Гусятников Петр Михайлович (1758–1816), московский именитый гражданин и купец 1-й гильдии – с 1789 г. владелец Преображенского завода.
29. Гусятникова Наталья Ивановна (1781–?) – вдова П. М. Гусятникова, с 1816 по 1838 г. совладелица Преображенского завода.
30. Гусятников Михаил Петрович (1790–?), надворный советник – с 1816 по 1830 г. совладелец Преображенского завода.
31. Гусятников Петр Петрович (1801–?), коллежский ассессор – с 1816 по 1838 г. совладелец Преображенского завода.
32. Гусятников Дмитрий Петрович (1809–?), канцелярист – с 1816 по 1838 г. совладелец Преображенского завода.

33. Гусятников Владимир Петрович (1813–?), канцелярист – с 1816 по 1838 г. совладелец Преображенского завода.
34. Майкова Евгения Петровна (1803–?) – дочь П. М. Гусятникова, жена академика живописи Н. А. Майкова, с 1816 по 1830 г. совладелица Преображенского завода.
35. Гусятникова Юлия Петровна (1807–?) – с 1816 по 1830 г. совладелица Преображенского завода.

Демидовы

36. Демидов Николай Никитич (1773–1828), подполковник, тайный советник, камергер – с 1787 г. владелец Нижнетагильских заводов.
37. Демидов Павел Николаевич (1798–1840), действительный статский советник, егермейстер, камергер – с 1828 г. совладелец Нижнетагильских заводов.
38. Демидов Анатолий Николаевич (1813–1870), князь Сан-Дonato (1840), надворный советник – с 1828 по 1862 г. совладелец Нижнетагильских заводов.
39. Карамзина Аврора Карловна (урожденная баронесса Шернваль фон Валлен; 1808–1902) – вдова П. Н. Демидова, с 1846 г. замужем за полковником А. Н. Карамзиным, с 1840 по 1862 г. совладелица Нижнетагильских заводов.
40. Демидов Павел Павлович (1839–1885) – с 1840 г. совладелец, с 1862 г. – владелец Нижнетагильских заводов.
41. Демидов Александр Григорьевич (1737–1803), действительный статский советник – с 1765 г. владелец Суксунских заводов.
42. Демидова Прасковья Матвеевна (урожденная Олсуфьева; 1730–1813) – вдова А. Г. Демидова, с 1803 г. совладелица Суксунских заводов.
43. Демидов Григорий Александрович (1765–1827), камергер, гофмаршал, гофмейстер – с 1803 по 1813 г. совладелец, с 1813 г. владелец Суксунских заводов.
44. Демидов Александр Григорьевич (1803–1853), полковник – с 1827 по 1833 г. совладелец Суксунских заводов.
45. Демидов Петр Григорьевич (1807–1862), генерал-лейтенант, генерал-адъютант – с 1827 по 1848 г. совладелец Суксунских заводов.
46. Демидов Павел Григорьевич (1809–1858), действительный статский советник, камергер – с 1827 по 1848 г. совладелец Суксунских заводов.
47. Демидов Петр Григорьевич (1740–1826), тайный советник – с 1765 по 1808 г. владелец Ревдинских, с 1767 по 1808 г. Рождественских и с 1804 по 1809 г. Кыштымских заводов.
48. Демидов Алексей Петрович (1777–1839), полковник – с 1833 г. владелец Ревдинско-Рождественских заводов.
49. Демидова Марья Денисовна (урожденная Мельникова; ?–1855) – вдова А. П. Демидова, с 1839 г. владелица Ревдинско-Рождественских заводов.
50. Демидов Петр Алексеевич, полковник – с 1855 г. владелец Ревдинско-Рождественских заводов.
51. Демидов Никита Никитич (1728–1804) – с 1758 по 1767 г. владелец Шайтанских, с 1758 г. Кыштымских заводов.
52. Демидов Иван Евдокимович (?–1823) – с 1782 г. владелец Кагинских заводов.
53. Демидова Аграфена Семеновна (урожденная Дмитриева) – вдова И. Е. Демидова, с 1823 по 1830? г. совладелица Кагинских заводов.

54. Демидов Григорий Евдокимович (?–1826), генерал-майор – с 1823 г. совладелец Кагинских заводов.
55. Демидова Амалия Хрисановна (урожденная Берг) – вдова Г. Е. Демидова, с 1826 г. совладелица Кагинских заводов.
56. Демидов Петр Григорьевич – с 1826 г. совладелец Кагинских заводов.
57. Демидова Анна Григорьевна – с 1826 г. совладелица Кагинских заводов.
58. Демидов Аммос Евдокимович (?–1830), бригадир – с 1823 г. совладелец Кагинских заводов.
59. Демидов Никита Васильевич (1773–1827), статский советник – с 1823 г. совладелец Кагинских заводов.
60. Демидова Мария Петровна (урожденная Кленке; 1795–1841) – вдова Н. В. Демидова, с 1827 г. совладелица Кагинских заводов.
61. Демидов Виктор Никитич (1823–1904), генерал-майор – с 1827 по 1855 г. совладелец Кагинских заводов.
62. Демидова Татьяна Никитична (1808–1831) – с 1827 г. совладелица Кагинских заводов.
63. Демидова Клавдия Никитична (1810–1849) – с 1827 г. совладелица Кагинских заводов.
64. Демидова Прасковья Никитична (1814–1842) – с 1827 г. совладелица Кагинских заводов.
65. Демидов Никита (Николай?) Никитич (1812–1855) – с 1827 г. совладелец Кагинских заводов.
66. Демидов Дмитрий Петрович, коллежский советник – с 1823 по 1830 г. совладелец Кагинских заводов.
67. Демидов Николай Петрович (?–1851), генерал-майор, действительный статский советник – с 1823 по 1830 г. совладелец Кагинских заводов.
68. Демидов Владимир Петрович, корнет – с 1823 по 1830 г. совладелец Кагинских заводов.
69. Демидов Петр Петрович, поручик – с 1823 по 1830 г. совладелец Кагинских заводов.
70. Хомутова Екатерина Михайловна (?–1887) – дочь М. В. Демидова, жена генерала от кавалерии М. Г. Хомутова, с 1823 по 1855 г. совладелица Кагинских заводов.

Зеленцовы

71. Зеленцов Алексей Васильевич (1752/53–1817), верхотурский именитый гражданин, купец 1-й, с 1815 г. – 2-й гильдии, коллежский ассессор – с 1808 г. владелец Ревдинско-Рождественских заводов.
72. Зеленцова Евдокия Михайловна (урожденная Походяшина; 1756/59–?) – вдова А. В. Зеленцова, с 1817 по 1833 г. совладелица Ревдинско-Рождественских заводов.
73. Зеленцов Александр Алексеевич (1783/84–1831), коллежский ассессор – с 1817 г. совладелец Ревдинско-Рождественских заводов.
74. Зеленцов Алексей Алексеевич (1785–1828), губернский секретарь – с 1817 г. совладелец Ревдинско-Рождественских заводов.
75. Зеленцов Платон Алексеевич (1786/87–?), коллежский секретарь – с 1817 г. совладелец Ревдинско-Рождественских заводов.
76. Зеленцов Михаил Алексеевич (1788/89–?), губернский секретарь – с 1817 по 1833 г. совладелец Ревдинско-Рождественских заводов.
77. Зеленцов Капитон Алексеевич (1790–?) – с 1817 по 1833 г. совладелец Ревдинско-Рождественских заводов.

78. Зеленцов Аполлон Алексеевич (1795–?) – с 1817 по 1833 г. совладелец Ревдинско-Рождественских заводов.
79. Бикбулатова Аполлинария Алексеевна (1794–?) – дочь А. В. Зеленцова, жена генерал-майор Бикбулатова, с 1817 г. совладелица Ревдинско-Рождественских заводов.
80. **Ильин** – надворный советник, с 1855 г. совладелец Святочудовского завода

Иноземцевы

81. Иноземцева Пелагея Ивановна – вдова малмыжского купца Асафа Семеновича Иноземцева, с 1796 г. совладелица Таишевских заводов.
82. Иноземцев Иван Асафович (?–1811), малмыжский купец – с 1796 г. совладелец Таишевских заводов.
83. Иноземцев Петр Асафович, казанский купец и мещанин – с 1796 по 1826? г. совладелец Таишевских заводов.
84. Иноземцев Семен Асафович, казанский купец и мещанин – с 1796 по 1826? г. совладелец Таишевских заводов.
85. Иноземцев Алексей Асафович, казанский купец и мещанин – с 1796 по 1826? г. совладелец Таишевских заводов.
86. Иноземцев Дмитрий Асафович (?–1812), подпоручик – с 1796 г. совладелец Таишевских заводов.
87. Иноземцев Михаил Асафович, казанский купец и мещанин – с 1796 по 1826? г. совладелец Таишевских заводов.
88. Иноземцева Надежда Асафовна, купеческая дочь – с 1796 по 1826? г. совладелица Таишевских заводов.
89. **Кнауф** Андрей Андреевич, московский купец 1-й гильдии, именитый гражданин – с 1804 г. владелец Юговских (Кнауфских) заводов.

Кобелевы

90. Кобелев Иван Иванович (?–1808?), казанский купец – с конца XVIII в. совладелец Пыжманского завода.
91. Кобелев Афанасий Иванович, казанский купец – с конца XVIII в. совладелец Пыжманского завода.
92. Кобелев Иван Афанасьевич (?–1815), казанский купец – в начале XIX в. совладелец, с 1808? г. владелец Пыжманского завода.
93. Кобелев Николай Иванович, казанский купец – с 1815 по 1823 г. владелец Пыжманского завода.

Коровины

94. Коровин Аким (Яким) Иванович (?–1854), казанский купец 2-й гильдии, почетный гражданин – с 1848 г. владелец Мешинского завода.
95. Коровин Андрей Акимович, казанский купец 2-й гильдии, почетный гражданин – с 1854 г. владелец Мешинского завода.

Красильниковы

96. Красильникова Акулина Гавриловна – вдова тульского купца Григория Семеновича Красильникова, с конца XVIII в. совладелица Архангельского (Шаранского) завода.
97. Красильникова Надежда Васильевна – вдова прапорщика Петра Григорьевича Красильникова (во втором браке жена надворного советника И. Л. Березовского), с конца XVIII в. по 1836? г. совладелица Архангельского (Шаранского) завода.
98. Красильникова Пелагея Григорьевна – с конца XVIII в. по 1836? г. совладелица Архангельского (Шаранского) завода.
99. Красильникова Анна Григорьевна – с конца XVIII в. по 1836? г. совладелица Архангельского (Шаранского) завода.
100. Асташкина Агафья Григорьевна, жена штаб-лекаря – с конца XVIII в. по 1836? г. совладелица Архангельского (Шаранского) завода.
101. Иконникова Татьяна Григорьевна, купеческая жена – с конца XVIII в. по 1836? г. совладелица Архангельского (Шаранского) завода.
102. Красильников Семен Тихонович (?–1809), коллежский комиссар, елабужский мещанин – с конца XVIII в. владелец Коринского завода.
103. Красильникова Авдотья Борисовна (из дворян) – вдова С. Т. Красильникова, с 1809 по 1832? г. совладелица Коринского завода.
104. Красильников Николай Семенович (1803–?), мещанин – с 1809 по 1832? г. совладелец Коринского завода.
105. Красильников Яким Семенович (1804–?), мещанин – с 1809 по 1832? г. совладелец Коринского завода.
106. Красильников Иван Семенович (1805–?), мещанин – с 1809 по 1832? г. совладелец Коринского завода.
107. Красильников Петр Семенович (1807–?), мещанин – с 1809 г. совладелец Коринского завода.
108. Красильников Павел Семенович (1808–1811), мещанин – с 1809 г. совладелец Коринского завода.

Курочкины и наследники

109. Курочкин Иван (Яковлевич) (?–1804?), великоустюжский купец – с конца XVIII в. владелец Кирсинско-Кажимских заводов.
110. Курочкин Яков Иванович (?–1806?), поручик – с 1804 г. владелец Кирсинско-Кажимских заводов.
111. Голохвастова Александра Ивановна – вдова? Я. И. Курочкина, во втором браке жена штабс-капитана Голохвастова, с 1806 по 1817 г. совладелица Кирсинско-Кажимских заводов.
112. Курочкин Николай Яковлевич (?–1820), титулярный советник – с 1806 г. совладелец, с 1817 г. владелец Кирсинско-Кажимских заводов.

113. Боборыкина (Бобарыкина, Бабарыкина) Марья Васильевна – вдова инженер-капитана Н. Л. Боборыкина, с 1823 по 1842 г. совладелица Кирсинско-Кажимских заводов.
114. Боборыкин Николай Николаевич, коллежский регистратор – с 1823 по 1842 г. совладелец Кирсинско-Кажимских заводов.
115. Голохвастова Варвара – дочь А. И. Голохвастовой, с 1823 по 1828 г. совладелица Ньючимского завода.
116. Голохвастова Александра – с 1823 по 1828 г. совладелица Ньючимского завода.

Лазаревы

117. Лазарев Иван Лазаревич (1735–1801), действительный статский советник – с 1778 г. владелец Чермозских заводов.
118. Лазарев Еким Лазаревич (1744–1826) – с 1801 г. владелец Чермозских заводов.
119. Лазарев Иван Екимович (1787–1858), действительный статский советник, камергер – с 1826 г. совладелец Чермозских заводов.
120. Лазарев Христофор Екимович (1789–1871), действительный тайный советник, камергер – с 1826 г. совладелец, с 1860 г. владелец Чермозских заводов.
121. Лазарев Лазарь Екимович (1797–1871), генерал-майор, камергер – с 1826 по 1840 г. и с 1858 по 1860 г. совладелец Чермозских заводов.

Лебедевы

122. Лебедев Евграф Алексеевич (?–1837), майор, бергауптман – с 1797 г. совладелец (с малолетними детьми) Бемышевского завода.
123. Лебедев Александр Евграфович, майор – с 1837 г. владелец Бемышевского завода.

Маленковы

124. Маленков Иван Артемьевич, симбирский купец – с конца XVIII в. совладелец Берсудского медеплавильного (поташного) завода.
125. Маленков Алексей Артемьевич, симбирский купец – с конца XVIII в. совладелец Берсудского медеплавильного (поташного) завода.
126. Маленков Николай, мамадышский мещанин – с 1811? по 1826 г. владелец Берсудского медеплавильного (поташного) завода.
127. **Маликов** Абрам Иванович, тульский купец 1-й гильдии, почетный гражданин – с 1842 по 1858 г. владелец Кирсинских и Кажимских заводов.

Мосоловы

128. Мосолов Антип Максимович (?–1808) – с 1768? г. владелец Шурминско-Залазнинских заводов.
129. Мосолов Иван Антипович (?–1810?), поручик – с 1779, 1786 и 1808 гг. владелец Шурминско-Залазнинских заводов.
130. Мосолова Марья Ивановна (?–1824) – вдова И. А. Мосолова, с 1808 г. совладелица Шурминско-Залазнинских заводов.
131. Мосолов Николай Иванович (?–1815), губернский секретарь – с 1808 г. совладелец Шурминско-Залазнинских заводов.

132. Карташевская Надежда Тимофеевна (урожденная Аксакова; 1794–1887) – вдова Н. И. Мосолова, во втором браке жена тайного советника Г. И. Карташевского (1777–1840), с 1815 по 1821 (1834) г. совладелица Шурминско-Залазнинских заводов.
133. Мосолова Олимпиада Ивановна (?–1841?) – дочь И. А. Мосолова, жена статского советника И. Мосолова, с 1822 г. совладелица Шурминско-Залазнинских заводов.
134. Любимова Варвара Васильевна – дочь Александры Ивановны Загорской (?–1815) и статского советника В. А. Загорского, жена коллежского советника Любимова, с 1822 по 1841 г. совладелица Шурминско-Залазнинских заводов.
135. Загорская Екатерина Васильевна – дочь А. И. Загорской, с 1822 по 1841 г. совладелица Шурминско-Залазнинских заводов.
136. Леонтьева Александра Васильевна – дочь А. И. Загорской, жена поручика Леонтьева, с 1822 по 1841 г. совладелица Шурминско-Залазнинских заводов.
137. Карцева Анна Ивановна – дочь И. А. Мосолова, в первом браке жена статского советника Овцына, во втором браке жена контр-адмирала И. П. Карцева, с 1822 по 1842 г. совладелица Шурминско-Залазнинских заводов.
138. Мосолов Николай Иванович (?–1861), майор – с 1841? г. совладелец, с 1842 г. владелец Шурминско-Залазнинских заводов.
139. Мосолова Марья Алексеевна (?–1813?) – вдова капитана Ивана Алексеевича Мосолова, с 1798? г. совладелица Каноникольского завода.
140. Мосолов Петр Иванович, лейб-гвардии прапорщик – с 1798? г. совладелец Каноникольского завода.
141. Мосолов Федор Иванович, генерал-майор (?–1844) – с 1798? г. совладелец и владелец Каноникольского завода.
142. Мосолова Ольга Николаевна (урожденная Бороздина) – вдова Ф. И. Мосолова, с 1844 по 1848 г. совладелица Каноникольского завода.
143. Шешукова Елизавета Ивановна (?–1863?) – дочь И. А. Мосолова, в первом браке жена генерал-майора П. И. Загрязского, во втором браке – вице-адмирала и сенатора Н. И. Шешукова, с 1844 г. совладелица, с 1848 г. владелица Каноникольского завода.

Мясникова И. С. наследники

144. Бекетова Ирина Ивановна (1743–1823) – дочь И. С. Мясникова, жена полковника П. А. Бекетова, с 1785 г. владелица Симских и Богоявленского заводов.
145. Бекетов Иван Петрович, статский советник – с 1823 г. совладелец Симских и Богоявленского заводов, с 1824 по 1830 г. владелец Симских заводов.
146. Бекетов Петр Петрович (1775–1845), камергер – с 1823 г. совладелец Симских и Богоявленского заводов, с 1824 по 1834 г. владелец Богоявленского завода.
147. Балашев Александр Дмитриевич (1770–1837), генерал от инфантерии – муж Елены Петровны Бекетовой (1779–1823), с 1830 г. владелец Симских заводов.
148. Балашев Петр Александрович (1811–1845), камергер – с 1837 г. совладелец, в 1845 г. владелец Симских заводов.
149. Балашев Александр Александрович (1813–1854), коллежский ассессор – с 1837 по 1845 г. совладелец Симских заводов.
150. Балашев Иван Александрович (1815–1841), штабс-капитан – с 1837 г. совладелец Симских заводов.

151. Балашев Николай Петрович – с 1845 г. совладелец Симских заводов.
152. Балашев Иван Петрович – с 1845 г. совладелец Симских заводов.
153. Пашкова Дарья Ивановна (?–1808) – дочь И. С. Мясникова, жена коллежского асессора А. И. Пашкова, с 1785 по 1803 г. владелица Белорецких, Воскресенского и в 1803 г. Верхотурского заводов.
154. Пашков Иван Александрович (1758–1828), подполковник – с 1803 по 1827 г. владелец Белорецких заводов.
155. Пашкова Евдокия Николаевна (урожденная Яфимович; 1770–1838) – вдова И. А. Пашкова, с 1827 г. совладелица (?) Белорецких заводов.
156. Пашков Андрей Иванович (1792–1850), генерал-майор – с 1827 г. совладелец Белорецких, с 1830 г. Кагинских заводов.
157. Пашков Егор Иванович (1795–1860), генерал-майор – с 1827 по 1853 г. совладелец Белорецких заводов.
158. Пашков Николай Иванович (1800–1873), коллежский советник – с 1827 г. совладелец Белорецких заводов.
159. Пашков Сергей Иванович (1801–1883), ротмистр – с 1827 г. совладелец Белорецких заводов.
160. Пашкова Александра Ивановна (1798–1871), фрейлина – с 1827 по 1853 г. совладелица Белорецких заводов.
161. Рихтер Евдокия Андреевна – дочь А. И. Пашкова, жена действительного статского советника Рихтера, с 1850 по 1853 г. совладелица Белорецких, с 1850 по 1855 г. Кагинских заводов.
162. Пашкова Александра Андреевна, фрейлина – с 1850 по 1853 г. совладелица Белорецких, с 1850 по 1855 г. Кагинских заводов.
163. Пашков Василий Александрович (1764–1834), генерал-майор, обер-егермейстер – с 1803 г. владелец Воскресенского и Верхотурского заводов.
164. Пашкова Екатерина Александровна (урожденная графиня Толстая; 1768–1835), статс-дама – вдова В. А. Пашкова, с 1834 г. совладелица Богоявленского, Воскресенского и Верхотурского заводов.
165. Пашков Александр Васильевич (1792–1868), генерал-майор – с 1834 г. совладелец Богоявленского, Воскресенского и Верхотурского заводов.
166. Пашков Михаил Васильевич (1802–1863), генерал-лейтенант – с 1834 г. совладелец Богоявленского, Воскресенского и Верхотурского, с 1838 г. владелец Преображенского заводов.
167. Пашков Иван Васильевич (1805–1869), штаб-ротмистр – с 1834 г. совладелец Богоявленского, Воскресенского и Верхотурского заводов.
168. Дашкова Елизавета Васильевна (1809–1890) – дочь В. А. Пашкова, жена тайного советника Д. В. Дашкова, с 1835 г. владелица Благовещенского завода.
169. Дурасова Аграфена Ивановна (?–1802) – дочь И. С. Мясникова, жена майора А. Н. Дурасова, с 1785 г. владелица Юрюзань-Ивановских и Верхотурского заводов.
170. Дурасов Николай Алексеевич (?–1817), бригадир – с 1802 по 1803 г. владелец Верхотурского, с 1802 по 1815 г. Юрюзанских заводов.
171. Козицкая Екатерина Ивановна (1746–1833?) – дочь И. С. Мясникова, жена статс-секретаря Г. В. Козицкого, с 1785 по 1810 г. владелица Катавских и Архангельского заводов.

172. Лаваль Александра Григорьевна (1772–1850), графиня – дочь Е. И. Козицкой, жена действительного тайного советника графа И. С. Лавалья, с 1810 г. владелица Архангельского завода.
173. Коссаковская Александра Ивановна (1811–1886), графиня – дочь А. Г. Лаваль, жена церемониймейстера графа С. О. Коссаковского, с 1850 г. владелица Архангельского завода.
174. Белосельская-Белозерская Анна Григорьевна (1773–1846), княгиня, статс-дама – дочь Е. И. Козицкой, вторая жена действительного тайного советника князя А. М. Белосельского-Белозерского, с 1810 г. владелица Катавских, с 1817 по 1830 г. владелица Юрюзанских заводов.
175. Белосельский-Белозерский Эспер Александрович (1802–1846), князь, генерал-майор – в 1846 г. владелец Катавских заводов.
176. Кочубей Елена Павловна (урожденная Бибикова), княгиня – вдова князя Э. А. Белосельского-Белозерского, во втором браке жена князя В. В. Кочубея, с 1846 по 1861 г. совладелица Катавских заводов.
177. Белосельский-Белозерский Константин Эсперович, князь – с 1846 г. совладелец, с 1861 г. владелец Катавских заводов.
178. Трубецкая Елизавета Эсперовна, княгиня – дочь князя Э. А. Белосельского-Белозерского, жена князя П. Н. Трубецкого, с 1846 по 1861 г. совладелица Катавских заводов.
179. Шувалова Ольга Эсперовна, графиня – дочь князя Э. А. Белосельского-Белозерского, жена графа П. А. Шувалова, с 1846 по 1861 г. совладелица Катавских заводов.
180. Сухозанет Екатерина Александровна (?–1861) – дочь княгини А. Г. Белосельской-Белозерской, жена генерал-адъютанта и генерала от кавалерии И. О. Сухозанета, с 1830 г. владелица Юрюзанских заводов.
181. Сухозанет Александр Иванович, поручик – с 1861 г. владелец Юрюзанских заводов.
182. **Никифоров** Федор Петрович, почетный гражданин, петербургский купец 1-й гильдии – с 1860 г. совладелец, с 1862 г. владелец Кагинских заводов.

Осокины

183. Осокин Иван Петрович (?–1808), подполковник – с 1760-х по 1804 г. владелец Юговских, до 1808 г. Троицких, Омутнинских и Мешинского заводов.
184. Осокина Елизавета Ивановна (?–1813) – вдова И. П. Осокина, с 1808 г. совладелица Троицких, Омутнинских и Мешинского заводов.
185. Осокин Петр Иванович (?–1810), коллежский ассессор – с 1808 г. совладелец Троицких, Омутнинских и Мешинского заводов.
186. Осокин Гаврила Иванович, прапорщик – с 1808 по 1813 г. совладелец, с 1813 по 1837 г. владелец Троицких, с 1813 по 1847 г. Омутнинских, с 1813 по 1848 г. Мешинского заводов.
187. Осокин Александр Гаврилович, губернский секретарь – в 1847–1848 гг. владелец Омутнинских заводов.

Пастуховы

188. Пастухов Александр Матвеевич, потомственный почетный гражданин, ярославский купец 1-й гильдии, коммерции советник – с 1848 г. совладелец Омутнинских заводов.
189. Пастухов Николай Петрович, потомственный почетный гражданин, ярославский купец 1-й гильдии – племянник А. М. Пастухова, с 1848 г. совладелец Омутнинских заводов.
190. Пастухов Павел Петрович, потомственный почетный гражданин, ярославский купец 1-й гильдии – племянник А. М. Пастухова, с 1848 г. совладелец Омутнинских заводов.

Подъячевы

191. Подъячев Алексей Матвеевич (?–1817), уфимский купец 3-й гильдии – с 1797 г. владелец Шильвинского завода.
192. Подъячева Пелагея Дмитриевна (урожденная дворянка Руднева) – вдова А. М. Подъячева, с 1817 по 1819 г. совладелица Шильвинского завода.
193. Подъячева Капитолина Григорьевна – вдова Ильи Алексеевича Подъячева (?–1816), с 1817 г. совладелица Шильвинского завода.
194. Подъячев Николай Алексеевич, елабужский купец 2-й гильдии – с 1817 г. совладелец, с 1819 г. владелец Шильвинского завода.
195. Подъячев Николай Николаевич (1807?–?), елабужский купец 2-й гильдии – с 1824? г. владелец Шильвинского завода.

Пономаревы

196. Пономарев Дмитрий Дмитриевич (?–1844), надворный советник – с 1838 г. владелец Холуницких заводов.
197. Пономарева Анастасия Петровна (?–1858?) – вдова Д. Д. Пономарева, с 1844 г. владелица Холуницких заводов.
198. Пономарев Александр Дмитриевич, майор – с 1858 г. владелец Холуницких заводов.

Расторгуевы

199. Расторгуев Лев Иванович (?–1823), вольский купец 1-й гильдии, почетный гражданин – с 1808 г. владелец Нязе-Петровского, с 1809 г. Кыштымских заводов.
200. Расторгуева Анна (?–1826) – вдова Л. И. Расторгуева, с 1823 г. совладелица Кыштымских заводов.
201. Харитоновна Марья Львовна, потомственная почетная гражданка, шлиссельбургская купчиха 1-й гильдии – дочь Л. И. Расторгуева, жена екатеринбургского купца 1-й гильдии П. Я. Харитонов, с 1823 г. совладелица Кыштымских заводов.
202. Зотова Екатерина Львовна, потомственная почетная гражданка – дочь Л. И. Расторгуева, жена казанского купца 1-й гильдии А. Г. Зотова, с 1823 г. совладелица Кыштымских заводов.
203. **Рошефор** Ольга Никифоровна, графиня – жена графа И. Л. Рошефор, с 1859 г. владелица Уинских заводов.

204. **Рукавишников** Василий Никитич, потомственный почетный гражданин, московский купец – с 1859(?) г. совладелец Невьянских заводов.

205. **Старков** (Стариков) Никифор Логинович, московский купец 1-й гильдии – в 1815–1817 гг. владелец Юрюзанских заводов.

Строгановы

206. Строганов Григорий Александрович (1770–1857), граф, действительный тайный советник – с 1789 г. владелец Кыновских заводов.

207. Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии – с 1857 г. совладелец Кыновских заводов.

208. Строганов Александр Григорьевич (1795–1879?), граф, генерал-адъютант – с 1857 г. совладелец Кыновских заводов.

209. Строганов Алексей Григорьевич (1797–1861?), граф, действительный статский советник – с 1857 по 1859 г. совладелец Кыновских заводов.

210. Строганов Александр Сергеевич (1733–1811), граф, обер-камергер, действительный тайный советник – с 1756 г. владелец Билимбаевских заводов.

211. Строганов Павел Александрович (1772–1817), граф, генерал-адъютант – с 1811 г. владелец Билимбаевских заводов.

212. Строганова Софья Владимировна (урожденная княжна Голицына; 1775–1845), графиня – вдова П. А. Строганова, с 1817 г. владелица Билимбаевских заводов.

213. Строганова Наталья Павловна (1796–1872), графиня – дочь П. А. и С. В. Строгановых, жена С. Г. Строганова, с 1845 г. владелица Билимбаевских заводов.

214. **Татаринов** Агаф Васильевич, стерлитамакский купец 2-й гильдии – в 1860–1862 гг. совладелец Кагинских заводов.

Тевкелевы

215. Тевкелева Дарья Алексеевна – вдова секунд-майора Осипа Алексеевича Тевкелева (?–1774), с 1774 г. совладелица Варзино-Алексеевского завода.

216. Тевкелев Петр Осипович, корнет – с 1774 по 1823 г. совладелец и владелец Варзино-Алексеевского завода.

217. **Тимашев** Николай Егорович, коллежский ассессор – в 1858–1859 гг. владелец Авзяно-Петровских заводов.

Турчанинова А. Ф. наследники

218. Турчанинова Филанцета Степановна (?–1822) – вдова титулярного советника Алексея Федоровича Турчанинова (?–1787), с 1787 г. совладелица Сысертских заводов.

219. Турчанинов Алексей Алексеевич (1765/66–?) – с 1787 по 1816? г. и с 1829 г. совладелец Сысертских заводов.

220. Колтовская Наталья Алексеевна (1772/73–1833/34) – дочь А. Ф. Турчанинова, жена обер-бергмейстера Н. Т. Колтовского, с 1787 по 1832 г. совладелица Сысертских заводов.

221. Соломирский Павел Дмитриевич (1801–1870), генерал-майор, камергер – внебрачный сын Н. А. Колтовской, с 1832 г. совладелец Сысертских заводов.
222. Зубова Анна Алексеевна (1779/80–?) – дочь А. Ф. Турчанинова, жена генерал-лейтенанта Н. Зубова, с 1787 по 1833 г. совладелица Сысертских заводов.
223. Ивелич Надежда Алексеевна (1774/76–1850), графиня – дочь А. Ф. Турчанинова, жена генерал-майора, сенатора графа М. К. Ивелича, с 1787 г. совладелица Сысертских заводов.
224. Ивелич Николай Маркович, граф, полковник – с 1850 г. совладелец Сысертских заводов.
225. Турчанинова Александра Филadelphовна (урожденная Дьякова) – вдова полковника Александра Алексеевича Турчанинова (1770/72–1796), с 1796 г. совладелица Сысертских заводов.
226. Турчанинов Александр Александрович (?–1825), подпоручик – с 1796 г. совладелец Сысертских заводов.
227. Аничкова Ольга Леоновна – вдова подпоручика А. А. Турчанинова, вторично замужем за инженер-подполковником А. А. Аничковым, с 1825 г. совладелица Сысертских заводов.
228. Турчанинов Леон Александрович (?–1842) – с 1825 г. совладелец Сысертских заводов.
229. Турчанинов Николай Александрович – с 1825 г. совладелец Сысертских заводов.
230. Турчанинов Алексей Александрович, штаб-ротмистр – с 1825 г. совладелец Сысертских заводов.
231. Турчанинов Марк Петрович, шихтмейстер – сын обер-кригс-комиссара Петра Алексеевича Турчанинова (1766/67–?), с 1829 г. совладелец Сысертских заводов.
232. Турчанинов Николай Петрович – с 1829 г. совладелец Сысертских заводов.
233. **Хвошинский** Федор Александрович (1798–?) – инженер-подполковник, с 1855 г. совладелец Святочудовского завода.

Хлебниковы

234. Хлебникова Ирина Яковлевна – дочь петербургского купца Я. С. Петрова, с 1787 по 1808 г. владелица Нязе-Петровского, после смерти мужа генерал-аудитор-лейтенанта П. К. Хлебникова до 1806 г. совладелица Благовещенского заводов.
235. Хлебников Николай Петрович (?–1806), подполковник, коллежский ассессор – с конца XVIII в. совладелец Благовещенского завода.
236. Полторацкая Анна Петровна – дочь П. К. Хлебникова, жена статского советника Д. М. Полторацкого, с 1806 по 1835 г. владелица Благовещенского завода.

Шаховские

237. Шаховская Варвара Александровна (урожденная баронесса Строганова; 1748–1823), княгиня – дочь А. Г. Строганова, жена князя Б. Г. Шаховского (1737–1813), с 1763 г. владелица Лысьвенских и совладелица Кусье-Александровского заводов.

238. Бутеро-Родали Варвара Петровна (урожденная княжна Шаховская; 1796–1870) – внучка В. А. и Б. Г. Шаховских, в первом браке (1816 г.) жена графа П. А. Шувалова, во втором браке (1826 г.) – графа А. А. Полье, в третьем браке (1836 г.) – князя Г. Бутеро-Родали, с 1823 г. владелица Лысьвенских и совладелица Кусье-Александровского заводов.

Шелашниковы

239. Шелашников Петр Иванович (?–1847?), камергер, надворный советник – с 1834 г. владелец Богословского медеплавильного и селитренного завода.
240. Шелашникова Варвара Степановна – вдова камергера П. И. Шелашникова, с 1847? по 1853 г. совладелица Богословского завода.
241. Шелашников Степан Петрович, надворный советник – с 1847? по 1853 г. совладелец Богословского завода.
242. Шелашников Николай Петрович, надворный советник – с 1847? по 1853 г. совладелец Богословского завода.
243. Шелашников Валентин Петрович, коллежский советник – с 1847? г. совладелец, с 1853 г. владелец Богословского завода.

Ширяевы

244. Ширяев Сергей Алексеевич (?–1803), гороховский купец – с 1767 г. владелец Шайтанских заводов.
245. Ширяев Александр Сергеевич (?–1808), майор – с 1803 г. владелец Шайтанских заводов.
246. Мордвинова Катерина Сергеевна – дочь С. А. Ширяева, жена полковника Н. М. Мордвинова, в 1808–1810 гг. владелица Шайтанских заводов.

Яковлева С. Я. наследники

247. Яковлев Сергей Саввич (1763–1818), подполковник, действительный статский советник – с 1787 г. владелец Алапаевских и Уинских, с 1802 г. совладелец Невьянских заводов.
248. Яковлев Петр Саввич (1754–1802(9)), коллежский советник – с 1787 г. владелец Невьянских заводов.
249. Яковлев Иван Саввич (?–1801), поручик – с 1787 г. владелец Верх-Исетских и Холуницких заводов.
250. Яковлева Настасья Борисовна – вдова И. С. Яковлева, с 1801 по 1806 г. совладелица Верх-Исетских и Холуницких заводов.
251. Яковлев Алексей Иванович (1768–1849), гвардии корнет – с 1801 г. совладелец Верх-Исетских и Холуницких заводов, с 1806 по 1849 г. владелец Верх-Исетских заводов, с 1802 г. совладелец Невьянских заводов.
252. Яковлев Павел Иванович – с 1801 по 1806 г. совладелец Верх-Исетских и Холуницких заводов, с 1802 по 1806 г. совладелец Невьянских заводов.
253. Яковлев Дмитрий Иванович – с 1801 по 1806 г. совладелец Верх-Исетских и Холуницких заводов, с 1802 по 1806 г. совладелец Невьянских заводов.

254. Яковлев Александр Иванович – с 1801 по 1806 г. совладелец Верх-Исетских и Холуницких заводов, с 1802 по 1806 г. совладелец Невьянских заводов, с 1806 по 1839 г. владелец Холуницких заводов.
255. Яковлев Иван Алексеевич (1804–?), статский советник, камергер – с 1849 по 1852 г. совладелец Верх-Исетских и Невьянских, с 1852 по 1862 г. владелец Верх-Исетских и совладелец Невьянских, с 1862 г. совладелец Невьянских заводов.
256. Стенбок-Фермор Надежда Алексеевна (?–1898), графиня – дочь А. И. Яковлева, жена графа А. И. Стенбок-Фермор, с 1849 г. совладелица Верх-Исетских и Невьянских, с 1852 г. совладелица Невьянских, с 1862 г. владелица Верх-Исетских заводов.
257. Манзей Софья Сергеевна – дочь С. С. Яковлева, жена генерал-майора Н. Л. Манзея (1789–1862), с 1818 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
258. Шишмарева Надежда Сергеевна – дочь С. С. Яковлева, жена гвардии штаб-ротмистра М. В. Шишмарева, с 1818 г. совладелица Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
259. Шишмарева Анна Сергеевна (1802–1827) – дочь С. С. Яковлева, жена штабс-капитана А. Ф. Шишмарева, с 1818 г. совладелица Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
260. Альбрехт Варвара Сергеевна (1803–1831) – дочь С. С. Яковлева, жена генерал-майора К. И. Альбрехта, с 1818 г. совладелица Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
261. Сабир Любовь Сергеевна – дочь С. С. Яковлева, жена генерал-майора И. И. Сабира, с 1818 г. совладелица Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
262. Авдулина Екатерина Сергеевна (1788–1832) – дочь С. С. Яковлева, жена генерал-майора А. Н. Авдулина, с 1818 г. совладелица Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
263. Шишмарев Михаил Васильевич (?–1859), гвардии штаб-ротмистр – муж Н. С. Яковлевой, совладелец Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
264. Волконская Екатерина Михайловна, княгиня – дочь Н. С. Шишмаревой, жена генерал-майора князя П. Г. Волконского, совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
265. Никитин Алексей Петрович (1777–1858), граф, генерал-от-кавалерии – муж Елены Сергеевны Яковлевой, совладелец Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
266. Орлова-Денисова Елизавета Алексеевна, графиня – дочь Е. С. Никитиной, жена генерал-адъютанта графа Ф. В. Орлова-Денисова, с 1818 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
267. Чернышева Александра Афанасьевна – дочь А. С. Шишмаревой, жена генерал-майора Ф. С. Чернышева, с 1827 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
268. Олсуфьева Ольга Афанасьевна – дочь А. С. Шишмаревой, жена полковника А. М. Олсуфьева, с 1827 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
269. Альбрехт Карл Иванович (1785–1857), генерал-майор – муж В. С. Яковлевой, с 1831 г. совладелец Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.

270. Альбрехт Михаил Карлович, штаб-ротмистр – с 1831 г. совладелец Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
271. Рейтерн Ольга Карловна – дочь В. С. Альбрехт, жена генерал-лейтенанта фон Рейтерн, с 1831 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
272. Баранова Мария Карловна – дочь В. С. Альбрехт, жена статского советника Н. К. фон Баранова, с 1831 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
273. Трувеллер Екатерина Карловна – дочь В. С. Альбрехт, жена генерал-майора Трувеллер, с 1831 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
274. Поливанова Софья Карловна – дочь В. С. Альбрехт, жена поручика Поливанова, с 1831 г. совладелица Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
275. Сабир Иосиф Иосифович, генерал-майор – муж Л. С. Яковлевой, совладелец Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
276. Сабир Константин Иосифович, коллежский регистратор – совладелец Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
277. Сабир Николай Иосифович, губернский секретарь – совладелец Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
278. Сабир Михаил Иосифович, полковник – совладелец Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
279. Авдулин Сергей Алексеевич – с 1832 г. совладелец Алапаевских, Уинских и Невьянских заводов.
280. Богушевская Мария Алексеевна – дочь Е. С. Авдулиной, жена ротмистра Д. В. Богушевского, с 1832 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
281. Авдулина Варвара Алексеевна – с 1832 г. совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
282. Мордвинова Мария Алексеевна – вдова С. А. Авдулина, вторично замужем за надворным советником С. А. Мордвиновым, совладелица Алапаевских, Уинских (до 1859 г.) и Невьянских заводов.
283. Яковлев Иван Михайлович (1763–?), статский советник – с 1802 г. совладелец Невьянских заводов.
284. Яковлев Михаил Михайлович (1764–1838), надворный советник – с 1802 г. совладелец Невьянских заводов.
285. Яковлев Григорий Михайлович – с 1802 г. совладелец Невьянских заводов.
286. Яковлев Савва Михайлович, надворный советник – с 1802 г. совладелец Невьянских заводов.
287. Яковлев Николай Михайлович (1761–1813), надворный советник – с 1802 г. совладелец Невьянских заводов.
288. Яковлева Дарья Семеновна (урожденная княжна Баратова) – вдова Н. М. Яковлева, с 1813 г. совладелица Невьянских заводов.
289. Бистром Мария Николаевна (1796–?), генерал-майорша – дочь Н. М. Яковлева, с 1813 г. совладелица Невьянских заводов.

290. Яковлев Павел Николаевич (1799–1858), коллежский ассессор – с 1813 г. совладелец Невьянских заводов.
291. Яковлев Петр Григорьевич, гвардии штаб-ротмистр – совладелец Невьянских заводов.
292. Яковлев Александр Григорьевич, коллежский секретарь – совладелец Невьянских заводов.
293. Петрова Елизавета Григорьевна, действительная статская советница, генерал-майорша – дочь Г. М. Яковлева, совладелица Невьянских заводов.
294. Иванова Н. Г. – дочь Г. М. Яковлева, жена полковника Н. Т. Иванова, совладелица Невьянских заводов.
295. Иванов Николай Тимофеевич, полковник – муж Н. Г. Яковлевой совладелец Невьянских заводов.
296. Тимофеева Анна Николаевна, коллежская советница – дочь Н. Г. Ивановой совладелица Невьянских заводов.
297. Яковлев Григорий Михайлович, генерал-майор – с 1838 г. совладелец Невьянских заводов.
298. Янжул-Михайловская Мария Михайловна, статская советница – дочь М. М. Яковлева, с 1838 г. совладелица Невьянских заводов.
299. Яковлева Анна Михайловна – с 1838 г. совладелица Невьянских заводов.
300. Яковлева Капитолина Ивановна (?–1852) – вдова И. М. Яковлева, совладелица Невьянских заводов.
301. Яковлев Михаил Иванович, коллежский ассессор – совладелец Невьянских заводов.
302. Яковлева Степанида Ивановна – совладелица Невьянских заводов.
303. Яковлева Александра Ивановна – совладелица Невьянских заводов.
304. Яковлев Александр Саввич, гвардии полковник – совладелец Невьянских заводов.
305. Яковлев Павел Саввич, гвардии полковник – совладелец Невьянских заводов.
306. Яковлев Михаил Саввич, надворный советник – совладелец Невьянских заводов.
307. Яковлев Константин Саввич, надворный советник – совладелец Невьянских заводов.
308. Яковлев Андрей Саввич, коллежский секретарь – совладелец Невьянских заводов.
309. Яковлев Алексей Саввич, корнет – совладелец Невьянских заводов.
310. Яковлев Дмитрий Саввич, поручик – совладелец Невьянских заводов.
311. Яковлев Владимир Саввич, поручик – совладелец Невьянских заводов.
312. Яковлев Иван Саввич, коллежский регистратор – совладелец Невьянских заводов.
313. Яковлев Валериан Саввич, корнет – совладелец Невьянских заводов.
314. Яковлев Савва Саввич, поручик – совладелец Невьянских заводов.
315. Яковлева Надежда Алексеевна – вдова корнета А. С. Яковлева, совладелица Невьянских заводов.
316. Яковлев Савва Алексеевич – совладелец Невьянских заводов.
317. Яковлева Ольга Алексеевна – вдова полковника П. С. Яковлева, совладелица Невьянских заводов.
318. Яковлева Серафима Васильевна – вдова полковника А. С. Яковлева, совладелица Невьянских заводов.

319. Казибек Александра Ивановна – совладелица Невьянских заводов.

Ярцовы

320. Ярцов Матвей Филатович (?–1826), московский купец 1-й гильдии – с 1810 г. владелец Шайтанских заводов.
321. Ярцов Иван Матвеевич (?–1846), дворянин – с 1826 по 1846 г. владелец Шайтанских и Таишевских заводов.
322. Кузьмина Мария Ивановна – дочь И. М. Ярцова, жена генерал-майора Кузьмина, с 1846 по 1851 г. совладелица Шайтанских и Таишевских, с 1851 по 1869 г. совладелица Шайтанских заводов.
323. Николаева Елизавета Ивановна – дочь И. М. Ярцова, жена полковника Д. И. Николаева, с 1846 по 1851 г. совладелица Шайтанских и Таишевских, с 1851 по 1856 г. совладелица Шайтанских заводов.
324. Берг Ольга Ивановна (?–1866) – дочь И. М. Ярцова, жена подполковника П. В. Берга, с 1846 по 1851 г. совладелица Шайтанских и Таишевских, в 1851–1852 гг. владелица Таишевских заводов.

II. Акционеры

Товарищество Суксунских горных заводов

1. Борх Александр Михайлович, граф – акционер и директор в 1848 и 1863 гг.
2. Гитасов Антон Антонович, петербургский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин – акционер и директор в 1848 и 1860 гг.
3. Гютшау А. – саксонский консул – акционер в 1863 г.
4. Демидов Николай Петрович (1836–1910), поручик – сын Петра Г. Демидова, акционер в 1862 г.
5. Демидов Павел Григорьевич (1809–1858), действительный статский советник, камергер – акционер и директор в 1848 г.
6. Демидов Петр Григорьевич (1807–1862), генерал-лейтенант, генерал-адъютант – акционер в 1848 г.
7. Демидова Елизавета Николаевна (урожденная Безобразова) – вдова Петра Г. Демидова, акционер в 1862 г.
8. Демидова Ольга Александровна (урожденная Алединская; 1806–1873), фрейлина – вдова А. Г. Демидова, акционер в 1863 г.
9. Завадовская Елена – акционер в 1863 г.
10. Захаржевская Елена Павловна – акционер в 1863 г.
11. Кочубей Софья Александровна (урожденная графиня Бенкендорф; 1824–1879), княгиня – вдова Павла Г. Демидова, во втором браке жена князя С. В. Кочубея, акционер в 1858 г.
12. Лерхе Густав Васильевич, действительный статский советник – акционер и директор в 1848 и 1860 гг.
13. Менде Карл, тайный советник – акционер в 1863 г.
14. Перетц Александр Абрамович, генерал-майор – акционер и директор в 1860 г.
15. Соколовский Л. – акционер и директор в 1860 г.

16. Фуллон Иван Александрович, генерал-майор, директор Горного департамента – акционер и директор в 1848 г.

Компания Кнауфских горных заводов

1. Авансо О. О., купец – акционер в 1864 г. (6 акций).
2. Александрова, жена генерал-лейтенанта – акционер в 1864 г. (8 акций).
3. Алексеева, мещанка – акционер в 1864 г. (19 акций вместе с Богдановым).
4. Берг Павел Васильевич, подполковник – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 33 акции).
5. Богданов, мещанин – акционер в 1864 г. (19 акций вместе с Алексеевой).
6. Бризак Шарлотта – акционер в 1864 г. (4 акции).
7. Брондебург Франц, коммерции советник – акционер в 1853 г.
8. Бюлард К. В., вдова доктора – акционер в 1864 г. (13 акций).
9. Гассе С., купец – акционер в 1864 г. (4 акции).
10. Гиппиус Карл Ефимович, статский советник – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 63 акции).
11. Гитасов Антон Антонович, петербургский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин – акционер и член правления с 1853 г. (в 1864 г. 53 акции).
12. Гитасова Софья Карловна, потомственная почетная гражданка – акционер в 1864 г. (428 акций).
13. Гитшов А. А., потомственный почетный гражданин – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 29 акций, умер).
14. Гитшов Д. и К^о – акционер в 1864 г. (25 акций).
15. Гревс, вдова – акционер в 1864 г. (4 акции).
16. Губарева Елизавета Н., вдова коллежского советника – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 12 акций).
17. Демонси А. А., московский купец 1-й гильдии – акционер в 1864 г. (42 акции).
18. Дондуков-Корсаков М. А., князь, тайный советник – акционер в 1864 г. (5 акций).
19. Евангелическая школа в Москве – акционер в 1864 г. (2 акции).
20. Евангелическая Реформаторская церковь в Москве – акционер в 1864 г. (2 акции).
21. Израель, почетный гражданин – акционер в 1864 г. (1 акция).
22. Израель Андрей, ревельский бюргер – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 1 акция).
23. Израель В., инженер-технолог – акционер в 1864 г. (1 акция).
24. Кейли, вдова – акционер в 1864 г. (12 акций).
25. Киркора Я. В., коллежский секретарь – акционер в 1864 г. (1 акция).
26. Кноп Август Ермолаевич, вильманстрадский купец 1-й гильдии – акционер в 1853 г.
27. Кноп Е. В., вдова – акционер в 1864 г. (12 акций).
28. Ковалевский Евграф Петрович, действительный тайный советник, сенатор – акционер и член правления с 1853 г. (в 1864 г. 66 акций).
29. Ковригина С. М., статская советница – акционер в 1864 г. (19 акций).
30. Кожевников П. П., мануфактур советник – акционер в 1864 г. (20 акций).
31. Кондрашев Ф. Л., надворный советник – акционер в 1864 г. (10 акций).
32. Корякин Евграф, почетный гражданин – акционер в 1853 г.
33. Крамер А. В., статский советник – акционер в 1853 г.
34. Крамер, братья – акционеры в 1864 г. (9 акций).
35. Крамер Е. В., коллежский советник – акционер в 1864 г. (3 акции).
36. Крамер К. В., почетный гражданин – акционер в 1864 г. (3 акции).

37. Крамер К. С., подполковник – акционер в 1864 г. (3 акции).
38. Крамер М. С., надворный советник – акционер в 1864 г. (4 акции).
39. Крамер Н. С., почетный гражданин – акционер в 1864 г. (4 акции).
40. Крамер Юлия, коллежская советница – акционер в 1853 г.
41. Красноглазов, петербургский почетный гражданин – акционер в 1864 г. (3 акции).
42. Крон Ф. А., почетный гражданин – акционер в 1864 г. (66 акций).
43. Лабенская А. И., действительная статская советница – акционер в 1864 г. (4 акции).
44. Ламке Е., почетный гражданин – акционер в 1864 г. (10 акций).
45. Лерхе Густав Васильевич, действительный статский советник – акционер и член правления с 1853 г. (в 1864 г. 61 акция).
46. Лерхе Герман Густавович – акционер в 1864 г. (225 акций).
47. Лерхе Мориц Густавович, подполковник – акционер в 1864 г. (125 акций).
48. Ливио С. С., купец – акционер в 1864 г. (9 акций).
49. Липранди Эмилия, капитанша – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 2 акции).
50. Матиссен Андрей, почетный гражданин – акционер в 1853 г.
51. Матиссен Е. А., статский советник – акционер в 1864 г. (17 акций).
52. Мерц Ф. Ф., действительный статский советник – акционер в 1864 г. (1 акция).
53. Минкин М., варшавский купец 1-й гильдии – акционер в 1864 г. (20 акций).
54. Михайлов Василий, коллежский асессор – акционер в 1853 г.
55. Мищенко А. А., жена надворного советника – акционер в 1864 г. (9 акций).
56. Москалев Михаил, титулярный советник – акционер в 1853 г.
57. Николаев Дмитрий Иванович, полковник – акционер в 1853 г.
58. Николаева Елизавета Ивановна, вдова полковника – акционер в 1864 г. (50 акций).
59. Нотбек Карл Карлович, потомственный почетный гражданин – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 47 акций).
60. Панке А. Б., потомственный почетный гражданин – акционер в 1864 г. (6 акций).
61. Пастухов Л. М., коммерции советник – акционер в 1864 г. (29 акций).
62. Перетц Александр Абрамович, генерал-майор – акционер и член правления в 1864 г. (120 акций).
63. Резвые, малолетние дети – акционеры в 1864 г. (3 акции).
64. Реслер, статский советник – акционер в 1853 г.
65. Реслер А. И., статская советница – акционер в 1864 г. (1 акция).
66. Реченский Н. Е., учитель – акционер в 1864 г. (13 акций).
67. Ридель, капитан – акционер в 1864 г. (2 акции).
68. Риттер Р. В., потомственный почетный гражданин – акционер в 1864 г. (60 акций).
69. Рюмин Н. Г., действительный статский советник – акционер в 1864 г. (18 акций).
70. Сапожниковы, братья, купцы – акционеры в 1864 г. (5 акций).
71. Сеген Франц (Иван), петербургский иностранный гость – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 8 акций).
72. Селеникова Г. С., купчиха – акционер в 1864 г. (45 акций).
73. Спиридонов Х. О., почетный гражданин – акционер в 1864 г. (22 акции).
74. Стерке Густав, петербургский иностранный гость – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 4 акции).
75. Стерке, сын Г. Стерке, петербургский иностранный гость – акционер с 1853 г. (в 1864 г. 4 акции вместе с отцом).

76. Сухотина В. С. – акционер в 1864 г. (2 акции).
77. Тевес Федор, коллежский советник – акционер в 1853 г.
78. Тизенгаузен, баронесса – акционер в 1864 г. (3 акции).
79. Трейтер, действительный статский советник – акционер в 1853 г.
80. Филиппи М., секретарь – акционер в 1853 г.
81. Фрицше Юрий Федорович, действительный статский советник – акционер в 1864 г. (140 акций).
82. Хржановский И. И., штаб-ротмистр – акционер в 1864 г. (3 акции).
83. Цеймерн М. К., тайный советник – акционер в 1864 г. (2 акции).
84. Шалю Антуанетта Ф., почетная гражданка – акционер в 1864 г. (53 акции).
85. Шобер Катерина – акционер в 1864 г. (1 акция).
86. Штакельберг, баронесса – акционер в 1864 г. (3 акции).
87. Штиглиц и К°, петербургский купец 1-й гильдии – акционер в 1864 г. (105 акций).
88. Шустов, полковник – акционер в 1864 г. (5 акций вместе с женой).
89. Шустова, жена полковника – акционер в 1864 г. (5 акций вместе с мужем).
90. Юркевич Андрей, протоиерей – акционер в 1864 г. (2 акции).
91. Явсалов, почетный гражданин – акционер в 1853 г.

III. Арендаторы

1. Борисов А. В., титулярный советник – в 1813–1818 гг. арендатор Берсудского завода Маленкова.
2. Веймарн Александр Федорович, действительный статский советник – в 1820–1840-е гг. арендатор Омутнинских заводов Г. И. Осокина.
3. Кнауф Андрей Андреевич, именитый гражданин, московский купец 1-й гильдии – с 1801 по 1811 г. арендатор Златоустовских, с 1804 по 1817 г. арендатор Кыновских заводов А. Г. Строганова.
4. Заозерская золотопромышленная компания – в 1840-е гг. арендатор Всеволодоблагодатских промыслов Всеволожских.
5. Милованова Анна Ивановна, титулярная советница – с 1813 по 1818 гг. арендатор Коринского завода Красильниковых и Берсудского завода Н. Маленкова.
6. Огаревы – в начале XIX в. арендаторы Берсудского завода Маленкова.
7. Рубо-де-Понтевес Иван Петрович, титулярный советник – в 1833 г. “незаконный” арендатор части Шурминско-Залазнинских заводов А. И. Карцевой.
8. Сарычевы, купцы – в 1837–1841 гг. арендаторы Белорецких заводов Пашковых.
9. Утямышев Абдул Абсалямович, малмыжский купец 1-й гильдии – с 1801 по 1813 гг. арендатор Таишевского завода Иноземцевых.
10. Шишкины, елабужские купцы 3-й гильдии – с 1822 по 1824 г. «бездоговорные» арендаторы Шильвинского завода Н. А. Подъячева.
11. Юхнев, купец – в середине 1850-х гг. арендатор части Всеволодоблагодатских промыслов А. В. Всеволожского.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Историография и источники	
I.1. Уральские заводчики в трудах исследователей	10
I.2. Источники	32
Глава II. Владения: состав и статус	
II.1. Статус владений и эволюция прав заводчиков	42
II.2. Состав владений. Горные подати и санкции	66
Глава III. Практики владения: “старинные” роды заводчиков	
1. Демидовы:	85
1.1. Демидовы (тагильские)	86
1.2. Демидовы (суксунские)	113
1.3. Демидовы (кыштымские и ревдинские)	126
1.4. Демидовы (кагинские)	131
2. Наследники С. Я. Яковлева:	139
2.1. Яковлевы (верх-исетские)	140
2.2. Яковлевы (алапаевские и уинские)	145
2.3. Яковлевы (невьянские)	151
2.4. А. И. Яковлев (холуницкий)	157
3. Наследники И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова:	163
3.1. Бекетовы и Балашевы	164
3.2. Пашковы и Е. В. Дашкова	168
3.3. Дурасовы	178
3.4. Е. И. Козицкая и наследники	180
4. Строгановы:	189
4.1. Строгановы (кыновские)	190
4.2. Строгановы (билимбаевские)	199
5. Голицыны	213
6. В. А. Шаховская – В. П. Бутеро	218
7. Всеволожские	228
8. Лазаревы	246
9. Мосоловы:	264
9.1. Мосоловы (шурминские)	265
9.2. Мосоловы (каноникольские)	280
10. Наследники А. Ф. Турчанинова	292
11. Губины:	312
11.1. Губины (сергинско-уфалейские)	313
11.2. П. М. Губин (авзяно-петровский) (и Н. Е. Тимашев)	323
12. Осокины и Лебедевы (и Пастуховы и Коровины)	328
13. Иноземцевы	334
14. Курочкины и наследники. Грибановы	340
15. Глазовы	344
16. Хлебниковы – А. П. Полторацкая	346
17. Гусятниковы	348
18. Ширяевы и К. С. Мордвинова	354
19. Тевкелевы	357
20. Красильниковы	360
21. Кобелевы	367
22. Маленковы	370

Глава IV. Практики владения: “новые” заводчики	
23. Подъячевы.....	372
24. А. А. Кнауф и акционеры Компании Кнауфских заводов.....	387
25. Л. И. Расторгуев и наследницы.....	400
26. М. Ф. Ярцов и наследники	410
27. Шелашниковы.....	418
28. Пономаревы.....	422
29. Зеленцовы.....	424
30. А. И. Маликов	431
31. Д. Е. Бенардаки.....	433
32. М. Ф. Гротен. Ф. П. Никифоров и А. В. Татаринов	437
33. А. А. Грамматчиков, Ф. А. Хвощинский и Ильин.....	438
34. О. Н. Рошефор.....	439
Глава V. Владельцы: состав и функции	
V.1. Состав заводчиков. Движение заводской собственности.....	443
V.2. Организация управления и функции владельцев	464
Заключение.....	492
Примечания	501
Приложения	544

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Неклюдов Евгений Георгиевич

**УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЧИКИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
ВЛАДЕЛЬЦЫ И ВЛАДЕНИЯ**

Рекомендовано к изданию
Ученым советом исторического факультета
Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Редакторы Т. А. Кальщикова, Е. С. Шарипова
Корректоры Е. С. Шарипова, Т. А. Кальщикова, Ф. П. Кальщиков
Технический редактор М. П. Кальщиков
Компьютерная верстка М. П. Кальщиков

Подписано в печать 00.00.2004. Формат 70×100 1/16. Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура “Таймс”. Усл. печ. л. 42,2. Уч.-изд. л. 45,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Оригинал-макет изготовлен в РИО НТГСПА.
Отдел издательских и множительных систем НТГСПА.
Адрес: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.
Отпечатано в ЗАО “Репринт”